

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVIII-й.

Я Н В А Р Ъ .

1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Таганрогъ въ 1825 году. (П. К. Шибальдера.)	5—18	↑	X. Записка князя „Русской Старины“: Оригинальный подлинникъ на журналъ. Сообщ. А. Заіончков- ский (стр. 70). — Шлеши Лавдорфа князю Плато- ну Zubovу отъ 8-го марта 1797 г. Сообщ. княз. А. О. Вычкова. (80). — Рус- ская геральдика. Сообщ. Г. К. Ртищевскій (111). — Всеподлинникъ письма графа П. Д. Кисе- лева. (100). — Записка объ участіи Нижегородскій семинари въ подгото- ваніи перваго курса Мо- сковскаго университета въ 1765 г. Сообщ. А. пол. Можаровскій (108). — Орловскіе разбойники въ 1765 году. Сообщ. Ни- колаи Танковъ (101).
II. Княгиня Maria Кантаки- рова. Акад. Л. П. Мая- кова.	49—60		
III. Улучшеніе воста (въ би- графіи князя П. М. Дел- горукова) 1708—1796 гг.	71—79		
IV. Залеска графа А. А. Бон- нигсова о войнѣ съ На- полеономъ 1807 г. (Съ картинъ театръ военныхъ дѣйствій). Гл. IV—V. Сообщ. П. М. Мая- кова.	81—110		
V. Тамбово дѣло Казан- скаго университета. (Наъ посмертныхъ запискахъ). (Окончаніе). П. Д. Ше- стасова.	113—144		
VI. Письма П. Г. Шереметь- евъ къ А. Г. Троицкому. (Сообщ. Г. А. Троицки- нъ).	145—150		
VII. «Разговоръ въ Трианонѣ». Сообщ. А. Кирилчи- кова.	161—167		
VIII. Разказы А. М. Турге- нова объ императрицѣ Екатеринѣ II.	171—176		
IX. Изъ воспоминаній о А. А. Катенинѣ. П. Родина	177—180		
			↓
			XII. Приложение. Журналъ де- путатомъ генералъ-адъют- тантовъ. Царствъ вѣкъ имп. Елизаветы Петровны 1746 и 1747 г. Сообщ. Л. К. Родина и др. 1—32
			XIII. Библиографическ. листокъ (въ оберткѣ)

ПРЕДЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Андреевича Катенина Гравир. К. Адръ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ надъ 1897 г.

Можно получить журналъ за вѣстныя мѣз. см. 4 стр. обертки.

Пріемъ во дѣла въ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч до 3 часовъ полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайши утвржд. Товарищ. «Свѣтлыя Воля»,
Большаго Издательскаго Дѣла

1897.

1-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го января 1897 г.

Исторія гвардейской артиллеріи. Сост. Павелъ Потоцкій, капитанъ 1-й батареи е. и. в. вел. кн. Михаила Павловича 2-го. 1-ой артиллерійской бригады. С.-Петербургъ. 1896 г.

9-го ноября прошлаго 1896 года исполнялось столѣтіе съ того знаменательнаго для гвардейской артиллеріи дня, когда императоръ Павелъ I отдалъ отъ гвардейскихъ полковъ—Преображенскаго и Найавловскаго—ихъ артиллерию и, придавъ къ ней свою Гатчинскую,—образовала совершенно самостоятельную артиллерійскую часть—Гвардейскій артиллерійскій баталіонъ.

Изъ этого юбилейному дню капитанъ Потоцкій выпускаетъ свой интересный трудъ, значение котораго не выискала выше.

Трудъ г. Потоцкаго состоитъ изъ 31 главы, изъ которыхъ первая 19 даютъ полную исторію гвардейской артиллеріи съ 9-го ноября 1796 по 3 февраля 1816 года—до раздѣленія гвардейской пѣшей артиллеріи на двѣ бригады; 20-я глава заключаетъ въ себѣ обзоръ главнѣйшихъ событий въ исторіи этой артиллеріи съ 1817 по 1896 годъ, а въ заключительной, 21-й главѣ, изложена подробная хронологія гвардейской артиллеріи съ 1682 по 1896 годъ.

Въ первой главѣ своего труда авторъ, прежде всего, приводитъ слѣдующій приказъ императора Павла Петровича отъ 9-го ноября 1796 года: „Пушкара всѣхъ трехъ гвардій полковъ и артиллерійская команда подполковника Камнабиха составляютъ артиллерійскій гвардіи баталіонъ, которымъ и возмѣждутъ подполковника Камнабиха“. Далѣе перечисляются части, вошедшія въ составъ этого баталіона, и выисывается значение Гатчинской артиллеріи въ исторіи казѣ гвардейской, такъ и всей вообще русской артиллеріи. „Гатчинская артиллерія,—говоритъ капитанъ Потоцкій,—подобно бомбардирской ротѣ при Петрѣ, была шкваломъ, въ которой Павелъ ознакомился съ всякимъ оружіемъ. Гвардейская артиллерія со времени ея Основателя, Государя Императора Петра Великаго, шла во главѣ всѣхъ усовершенствованій оружія нашего въ Россіи“, и „въ ней (Гатчинской артиллеріи) должно искать начала вышедшаго блестящаго состоянія оружія нашего въ Россіи“.

Во второй главѣ г. Потоцкій прослѣдитъ начало и развитіе Гатчинской артиллеріи.

Въ третьей главѣ авторъ знакомитъ читателя съ организаціей и внутреннимъ бытомъ Гвардейскаго артиллерійскаго баталіона въ царствованіе императора Павла I, съ 9-го ноября 1796 по 4-е января 1799 года. Первымъ командиромъ баталіона, какъ и видно изъ приведеннаго выше приказа,—былъ П. П. Камнабихъ, на чѣмъ слѣдуетъ сослаться на особенныя распоряженія, издаваемыя, пожелательныя приказы, — Камна-

бихъ не уиѣлъ ихъ исполнить. И на это-во было назначено генералъ-лейтенантъ Вашигъ, принимавшій участіе во многихъ сраженіяхъ и особенно отличившійся во-дѣ Кагулохъ. Сказавъ о прошломъ ген.-лейт. Базины, авторъ перечисляетъ его заслуги во время командованія Гвардейскимъ артиллерійскимъ баталіономъ. Столкновеніе Базины съ инспекторомъ артиллеріи, генералъ-лейтенантомъ Челещевымъ, было главною причиною увольненія Базины въ отставку.

Въ слѣдующей главѣ, озаглавленной Гвардейскій артиллерійскій баталіонъ въ царствованіе императоровъ Павла I и Александра I, авторъ выисываетъ причиною перваго увольненія барона ¹⁾ Аракчеева въ отставку 1-го февраля 1798 г. Эта отставка продолжалась мѣсяцъ года: 4-го января 1799 г. Аракчеевъ былъ назначенъ (на это увольненіе въ отставку Базины) командиромъ г.-гв. артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ всей артиллеріи. 1-го октября того же года графъ Аракчеевъ былъ вторично уволенъ отъ службы, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ П. Д. Амбразиевъ. Поводомъ къ этой отставкѣ, по словамъ г. Потоцкаго, послужило слѣдующее обстоятельство: родной братъ Аракчеева, Андрей, командовалъ артиллерійскимъ баталіономъ, отъ котораго стоило караулъ во время по-крайи изъ арсенала золотыхъ нитей и галузы со старинной артиллерійской колесеницы. Въ борьбѣ съ родственными чувствами, описавъ брата, графъ Аракчеевъ рѣшился взять отвѣтственность на себя и не допустить истины о проступкѣ государю; недоброжелатели воспользовались этимъ, и онъ былъ отставленъ отъ службы слѣдующимъ высочайшимъ приказомъ: „Генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ I-й, за ложное доношеніе, и что въ противности устава шараша дѣлующимъ штабъ-офицерамъ изъ другаго баталіона, а во изъ того, который стоить тогда въ караулѣ, отставленъ отъ службы“. П. Д. Амбразиева смѣнилъ генералъ-отъ-артиллеріи А. И. Корсаковъ, а 14-го мая 1803 года графъ Аракчеевъ снова былъ объявленъ званіемъ инспектора всей артиллеріи и командиромъ 4-го артиллерійскаго баталіона. Дѣятельность графа Аракчеева въ этихъ званіяхъ и слѣдствія изъ преобразованія составляютъ содержаніе второй половины этой главы.

Въ 2-й главѣ отведена авторомъ Аустерлицкому сраженію, которое явилось эпохою неслыханнаго шара артиллеріи.

Шестая и седьмая главы описываютъ кампанію 1806—1807 гг. и выисываютъ ее значеніе въ исторіи русской артиллеріи. „Дѣйствія нашей артиллеріи въ кампаніи 1806 и 1807 годовъ записаны нашими офицерами курсъ тактики. Всѣ обстоятельства

¹⁾ Графскій титулъ Аракчеевъ получилъ 5-го мая 1793 года.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1897.

ИМЕНИ ДВОРЕЦЬ ГЛАВНОЕ СТО ВЪ 1753 Г.

ГЕНЕРАЛЪ - АДЪЮТАНТЪ
АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ
КАТИНЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1897.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЬ.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1897.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступающій въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣрнѣ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели найдутъ, личные записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библиографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и рассказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе рассказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностранцы, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивныя документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благожелательномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

*

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1897 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

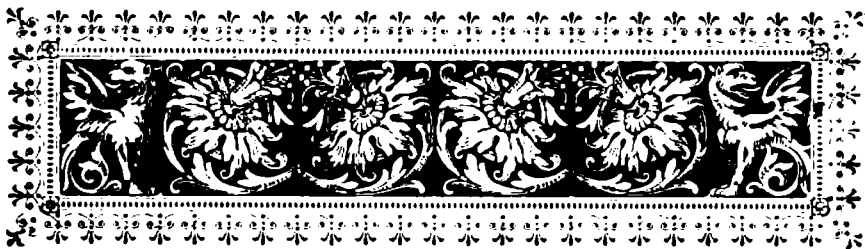
М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

— Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанна, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. —

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

ТАГАНРОГЪ ВЪ 1825 ГОДУ ¹⁾.

I.

Состояніе здоровья императрицы Елисаветы Алексѣевны продолжало внушать опасенія. Доктора Вилліе и Стофрегенъ высказали въ концѣ іюля 1825 года мнѣніе, что императрица не можетъ провести предстоящую зиму въ Петербургъ, и признали пребываніе ея въ южномъ климатѣ безусловно необходимымъ; они указывали на Италію, южную Францію или южную Россію. Выборъ остановился окончательно на Таганрогѣ. «Признаюсь, не понимаю, писалъ князь Волконскій своему другу А. А. Закревскому ²⁾, какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣсть лучше сего нѣтъ». Государь объявилъ, что онъ отправится туда же и возвратится въ Петербургъ къ новому году. Предположенный же осенью смотръ войскамъ второй арміи около Бѣлой церкви былъ, однако, отмененъ, вѣроятно вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ о возрастающемъ распространеніи среди чиновъ этихъ войскъ тайныхъ обществъ.

Императоръ Александръ поручилъ князю Волконскому, только-что возвратившемуся изъ Парижа послѣ коронаціи Карла X, сопровождать императрицу на югъ Россіи и состоять при ней во все время ея тамъ пребыванія. Затѣмъ, въ виду переселенія двора въ Таганрогъ,

¹⁾ Изъ труда Н. К. Шильдера: „Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе“, который будетъ издавъ А. С. Суворинъ въ теченіе настоящаго года.

²⁾ 14-го (26-го) августа 1825 года. „Сборникъ“ И. Р. И. О. томъ 73-й, стр. 93.

Господа, люди Твоя». Войдя въ соборъ, государь остановился предъ ракою святаго Александра Невскаго, и началось молебствіе. Длинный рядъ монаховъ, встрѣтившихъ императора у входа въ лавру, господствовавшая вокругъ темнота и ярко освѣщенная рака угодника Божія, видѣвшаяся вдали въ растворенныя соборныя двери, поразили его воспримчивое воображеніе: Александръ плакалъ во время молебна. Когда наступило время чтенія святаго евангелія, императоръ, приблизившись къ митрополиту, сказалъ: «Положите мнѣ евангеліе на голову», и съ этими словами сталъ на колѣно подъ евангеліе ¹⁾).

По совершеніи молебна, государь положилъ три земныхъ поклона предъ мощами благовѣрнаго князя, приложился къ его образу и раскланялся съ бывшими при молебствіи. Высокій посѣтитель вышелъ изъ собора, провожаемый митрополитомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и всею братіею съ пѣніемъ того же тропаря: «Спаси, Господи, люди Твоя».

Вышедши изъ собора, митрополитъ Серафимъ сказалъ государю:

— Ваше величество, не угодно ли пожаловать ко мнѣ въ келью.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ императоръ, — только не надолго; я уже и такъ полчаса по маршруту промѣшкалъ. Тогда отъ собора всѣ провожавшіе повертели къ дому митрополита и вошли въ залу. Государь съ Серафимомъ удалился въ гостиную. Здѣсь, принявъ снова благословеніе митрополита и поговоривъ съ нимъ нѣсколько стоя, онъ сѣлъ и просилъ преосвященнаго сѣсть подлѣ него.

Митрополитъ, желая склонить разговоръ къ предмету занимательному для высокаго гостя, сказалъ:

— Я знаю, что ваше величество вездѣ жалуете схимниковъ; и въ нашей лаврѣ есть нынѣ схимникъ; не благоволите ли приказать позвать его?

— Хорошо, позовите, — отвѣчалъ государь.

Схимникъ тотчасъ былъ призванъ и представленъ монарху. Государь принялъ благосклонно достопочтеннаго старца Алексѣя, просилъ у него благословенія и разговаривалъ съ нимъ нѣсколько минутъ. Уходя, схимникъ сказалъ умиленнымъ голосомъ: «Государь, сдѣлай милость, удостой и мою келью своимъ посѣщеніемъ». Александръ, узнавъ отъ митрополита, что келья схимника у самаго подъязда, къ которому была подана коляска, изъявилъ согласіе посѣтить старца.

¹⁾ Иностранные историки повѣствуютъ, что императоръ Александръ будто бы служилъ передъ отъѣздомъ пантхиду въ Невской Лаврѣ. Не зная порядковъ и смысла нашего богослуженія, неудивительно, что они перепутали напутственный молебенъ съ пантхидой. Но нельзя не удивляться, что Богданичъ въ своей исторіи императора Александра I нашелъ возможнымъ повторить подобную басню!

Дверь отворилась, и мрачная картина представилась глазамъ государя: полъ и всѣ стѣны до половины обиты были чернымъ сукномъ; съ лѣвой стороны у стѣны видѣлось большое Распятіе съ предстоящими Богоматерью и Евангелистомъ Іоанномъ у другой стѣны келья черная длинная деревянная скамейка; лампада, горѣвшая передъ иконами, тускло освѣщала печальное жилище схимника.

При входѣ императора схимникъ палъ предъ Распятіемъ, читая молитву и въ то же время, обратясь къ своему высокому гостю, сказалъ: «государь, молись!» — Александръ положилъ три земныхъ поклона. Потомъ схимникъ, взявши крестъ, прочелъ отпущекъ и освѣтилъ государя.

По окончаніи чтенія молитвы монархъ сѣлъ съ митрополитомъ на скамейку и приказалъ сдѣлать то же схимнику, который, отказываясь отъ сей высокой чести, наконецъ долженъ былъ повиноваться и занялъ мѣсто поодаль отъ нихъ. Продолжая разговаривать въ полголоса съ митрополитомъ, государь спросилъ его: «все ли здѣсь ямущество схимника; гдѣ онъ спитъ? Я не вижу постели». — «Спитъ онъ, отвѣчалъ митрополитъ, на томъ же полу, предъ симъ самымъ Распятіемъ, предъ которымъ молятся».

Схимникъ, вслушиваясь въ слова эти, всталъ и сказалъ: «Нѣтъ, государь, и у меня есть постель, пойдемъ, я покажу тебѣ ее». Съ этими словами онъ повелъ императора за перегородку въ своей кельи, гдѣ представилось поразительное для государя зрѣлище: на столѣ стоялъ черный гробъ, въ которомъ лежали схима, свѣчи и все принадлежащее къ погребенію. «Смотри,—сказалъ схимникъ,—вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насъ; въ ней всѣ мы, государь, ляжемъ и будемъ спать долго».

Молча, погруженный въ размышленіе, стоялъ монархъ нѣсколько минутъ. Когда государь отошелъ отъ гроба, то схимникъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «государь, я человекъ старый и многое видѣлъ на свѣтѣ; благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе; но послѣ чумы нравы испортились; въ 1812 году наступило время исправленія и набожности; но, по окончаніи войны сей, нравы еще болѣе испортились. Ты—государь нашъ, и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты—сынъ православныя церкви, и долженъ любить и охранять ее. Такъ хочетъ Господь Богъ нашъ».

Вслушавъ эти слова, Александръ обратился къ митрополиту и сказалъ ему: «Многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи слышалъ я, но ни одна такъ мнѣ не понравилась, какъ краткія слова сего старца». — «Жалѣю,—сказалъ онъ потомъ схимнику,—что я давно съ тобою не познакомился», и общался посѣщать его. Затѣмъ, принявъ отъ него благословеніе, вышелъ изъ кельи съ митрополитомъ. Проходя мимо

братія, стоявшей въ два ряда отъ кельи скимника до коляски, государь просилъ молитвъ и еще разъ принялъ благословеніе отъ митрополита. Садясь въ коляску, онъ поднялъ къ небу глаза, наполненные слезами, и, обратясь еще къ митрополиту и братіи, сказалъ: «помолитесь обо мнѣ и о женѣ моей».—Лаврою, до самыхъ воротъ, онъ ѣхалъ съ открытою головою, часто оборачиваясь, кланялся и крестился, смотря на соборъ.

Итакъ мрачная келья, открытый гробъ со всѣми принадлежностями къ похоронамъ были послѣдними впечатлѣніями, вынесенными императоромъ Александромъ при разставаніи со столицею! Передъ выѣздомъ изъ Петербурга государь остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на городъ, какъ бы прощаясь съ нимъ. Было-ли то грустное предчувствіе, навѣянное встрѣчею со скимникомъ, была ли то твердая рѣшимость не возвращаться болѣе императоромъ—кто можетъ рѣшить этотъ загадочный вопросъ! ¹⁾

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Царскаго по Вѣлорусскому тракту, съ котораго, на границѣ Псковской губерніи, повернулъ черезъ Торепецъ на Тульскій трактъ. Во время этого путешествія нигдѣ не было ни военныхъ смотровъ, ни парадовъ, ни маневровъ. На всѣхъ ночлегахъ государь заботливо осматривалъ всѣ удобства помѣщенія въ виду предстоявшаго отъѣзда императрицы въ Таганрогъ по тому же самому пути. Государя сопровождали начальники главнаго штаба генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, Вилліе, Д. К. Тарисовъ и полковникъ А. Д. Саломка. Кромѣ того въ свитѣ находились: директоръ канцеляріи начальника главнаго штаба Ваценко, капитанъ Виламовъ, Н. М. Пѣтуховъ, гофъ-фурьеръ Вабкинъ, фельдъегерскаго корпуса капитанъ Годафруа, метръ-д'отель Ѡ. И. Миллеръ, камердинеры Анисимовъ и Федоровъ, пѣвчій Берлинскій и четыре лакея.

13-го (25-го) сентября Александръ пріѣхалъ въ Таганрогъ, совершивъ этотъ длинный переѣздъ скоро и благополучно. Вилліе въ своемъ

¹⁾ Послѣдніе дни жизни императора Александра I.—Издано Иваномъ Занкинымъ. С.-Петербургъ 1827.

Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I. Traduit du russe par D. Friklonskou. St.-Petersbourg 1834.

Таганрогъ или подробное описаніе болѣзни и кончины императора Александра I.—Составленное Николаемъ Данилевскимъ.—Москва 1828.

Духъ вѣнценосныхъ супруговъ, въ Божѣ почивающихъ императора Александра I и императрицы Елисаветы. Сочиненіе Николая Данилевскаго. Въ трехъ частяхъ.—Москва 1829.

Графъ Блудовъ и его время. (Царствованіе императора Александра I). Къ Ковалевскаго.—С.-Петербургъ 1866.

дневникъ пишетъ, — «Здѣсь кончается первая часть путешествія» (*Nous arrivâmes à Taganrog où finit la première partie du voyage. Temps variable*), и далѣе, подѣ чертой, ставитъ слово: *finis*. Въ то время онъ, конечно, не подозрѣвалъ того пророческаго значенія, которое заключало въ себѣ это слово: первая часть была и послѣднею.

Домъ, избранный для жительства ихъ величествъ въ Таганрогѣ, былъ каменный, одно-этажный, съ подвальнымъ этажемъ для помѣщенія прислуги. Половина императрицы состояла изъ восьми небольшихъ комнатъ, изъ коихъ двѣ предназначались для двухъ фрейлинъ. Въ срединѣ дома былъ расположенъ большой сквозной залъ, служившій столовой и приемной. На половинѣ императрицы, въ особой комнатѣ, помѣщалась походная церковь. Съ другой стороны приемной залы находились двѣ комнаты государя: одна, довольно просторная, предназначавшаяся для кабинета, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и спальней; другая, полукруглая и очень небольшая, въ которой государь одѣвался, — туалетная или уборная, съ окномъ, выходившимъ во дворъ. При этихъ двухъ комнатахъ былъ корридоръ, свѣтъ въ который проходилъ изъ туалетной; онъ предназначался для дежурнаго камердинера; гардеробная же находилась въ подвальномъ этажѣ. При домѣ были обширный дворъ и небольшой садъ съ плодовыми деревьями, нѣсколько запущенный, но къ приѣзду государя приведенный въ возможный порядокъ. Меблировка всего дома была самая простая.

По прибытіи государя въ Таганрогъ его первыя заботы состояли въ томъ, чтобы устроить помѣщенія императрицы какъ можно для нея удобнѣе; онъ не оставилъ ни одного уголка безъ личнаго обозрѣнія, самъ разставлялъ въ комнатахъ мебель, вбивалъ гвозди для картинъ. Въ ожиданіи приѣзда императрицы Александръ также позаботился о приведеніи въ порядокъ городского сада и самъ разбивалъ въ немъ дорожки.

Государь ежедневно гулялъ пѣшкомъ по городу, въ обращеніи онъ былъ необыкновенно доступенъ. Повидимому, Александръ казался покоенъ духомъ и веселъ, но, несмотря на то, его мучили подозрѣнія. Дибичъ рассказывалъ, что государь прислалъ за нимъ однажды утромъ и, показывая сухарь, вынулъ изъ него какой-то камушекъ, приказалъ строго рассмотреть, что это такое, и разобрать, какимъ образомъ могло это случиться, сказавъ, что онъ не хочетъ поручить это дѣло Волконскому, зная, что онъ старая баба и ничего сдѣлать не сумѣетъ. Дибичъ призвалъ Вялліе, который нашелъ, что это простой камушекъ; а хлѣбопекъ извинился, оправдываясь, что камушекъ попалъ въ сухарь по его неосторожности. Насилу Дибичъ могъ этимъ успокоить государя ¹⁾.

¹⁾ Воспоминанія Н. И. Шеняга, «Русскій Архивъ», 1880 года. Книга 3-я стр. 273.

3-го (15-го) сентября императрица Елисавета Алексѣевна выѣхала изъ Петербурга. Ее сопровождали: князь Волконскій, статсъ-секретарь Лонгиновъ, камеръ-фрейлины княжна Варвара Михайловна Волконская и Екатерина Петровна Валуева, двѣ камеръ-юнгферы, лейбъ-медикъ Стофреговъ, доктора Доббертъ и Рейнгольдъ и придворный аптекарь Проттъ. Государыня ѣхала тихо, малыми перегонами, съ частыми отдыхами; она прибыла въ Таганрогъ 23-го сентября (5-го октября).

Для встрѣчи Елисаветы Алексѣевны императоръ выѣхалъ на первую за городомъ станцію и къ семи часамъ вечера, въ одномъ дормезѣ съ государыней, прибылъ въ греческій Александровскій монастырь, построенный купцомъ Варвацемъ, гдѣ ожидали ихъ величества духовенство и почти все населеніе города. Замѣчательно, что императрица, которой слабое здоровье едва позволяло въ Петербургѣ сдѣлать самое малое движеніе вслѣдствіе изнуренія силъ, по прибытіи въ Таганрогъ, довольно бодро сама, безъ помощи, вышла изъ экипажа и вступила въ церковь подъ руку съ императоромъ. По выслушаніи благодарственнаго молебствія, ихъ величества отправились во дворецъ, при коемъ находился почетный караулъ отъ лейбъ-казаковъ, два эскадрона которыхъ, подъ командою полковника Николаева, составляли гарнизонъ города. Комендантомъ императорской квартиры назначенъ былъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка полковникъ Фридрихъ. Вообще же, свидѣтельствуешь очевидецъ, весь таганрогскій дворъ, по скромности и простотѣ своей, представлялъ не божье, какъ благоустроенное хозяйство или усадьбу зажиточнаго провинціального помѣщика.

По пріѣздѣ императрицы, государь окружилъ ее самою нѣжною заботливостію, предупреждалъ ея малѣйшія желанія и старался доставлять ей возможныя развлеченія, стремясь къ одной цѣли, чтобы пребываніе ея въ этомъ городѣ сдѣлать, по мѣрѣ силъ, пріятнѣйшимъ. Таганрогское уединеніе возобновило между ними прежнія узы, ослабленныя на первыхъ порахъ разсѣянною молодостію, а потомъ заботами государственными. Они вели здѣсь жизнь тихую, уединенную, свободную отъ всякаго придворнаго этикета. Елисавета Алексѣевна, подъ вліяніемъ этой нѣжной любви, стала оживать, здоровье ея видимо поправлялось; черезъ нѣсколько дней она окрѣпла и физически и морально. Всѣ святскіе, говоритъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ, радуясь такой семейной жизни государя съ императрицею, называли ихъ между собою молодыми супругами! ¹⁾

Однажды разговоръ коснулся того одиночества, которое наступитъ для императрицы, когда государь долженъ будетъ оставить ее одну въ

¹⁾ „Воспоминанія моей жизни“, записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. „Русская Старина“ 1871 и 1872 годовъ.

Тагаирогъ, при возвращеніи въ Петербургъ. Александръ сказалъ Елисаветѣ: «Мнѣ кажется, что, если бы даже было возможно послать вамъ кого-либо изъ членовъ семьи, за исключеніемъ меня, вы ни въ комъ не нуждаетесь (*Je crois que quand même il serait possible de vous envoyer quelqu'un de la famille hormis moi, vous n'avez besoin de personne*)».

— Конечно нѣтъ,—отвѣтила ему императрица отъ глубины души.

Разсказывая объ этомъ случаѣ впоследствии въ письмѣ къ матери, императрица прибавляетъ: «Мнѣ доставило удовольствіе видѣть его столь убѣжденнымъ, что онъ составляетъ для меня все (*Cela me fit plaisir de le voir si convaincu qu'il m'était tout*)».

Во время загородныхъ прогулокъ императрицѣ особенно понравилось одно мѣстоположеніе на берегу моря, близъ карантина. Государь немедленно повелѣлъ на этомъ мѣстѣ расположить садъ, самъ начерталъ планъ оному и приказалъ князю Волконскому вызвать изъ Ропши садовника Грея.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Тагаирогъ императоръ Александръ писалъ 16-го (28-го) сентября графу Аракчееву:

«Благодаря Бога, я достигъ до моего назначенія, любезный Алексѣй Андреевичъ, весьма благополучно и могу сказать даже весьма пріятно, ибо погода и дороги были весьма хороши. Въ Чугуевѣ я наслаждался успѣхомъ въ построеніяхъ. Объ фронтальной части не могу ничего сказать, ибо окромѣ развода и пѣшаго смотра поселенныхъ и пѣшихъ эскадроновъ и кантонистовъ и ничего не видѣлъ . . . Здѣсь мое помѣщеніе мнѣ довольно нравится. Воздухъ прекрасный, видъ на море, жилье довольно хорошее; впрочемъ, надѣюсь, что самъ увидишь».

Но едва Александръ написалъ эти строки, какъ въ Тагаирогъ получено было 22-го сентября (4-го октября) извѣстіе о трагическомъ происшествіи, совершившемся въ Грузинѣ: 10-го (22-го) сентября дворовые люди убили домоправительницу Аракчеева Настасью Минкину.

12-го (24-го) сентября, на третій день послѣ этого убійства, графъ Аракчеевъ писалъ государю:

«Батюшка ваше величество!

«Случившееся со мною несчастіе, потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье и разумокъ мой такъ разстроило и ослабило, что я одной смерти себѣ желаю и ищущу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу; друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю, куда осиротѣвшую свою голову преклоню; но отсюда уѣду. Вѣрный слуга Г. А.».

Этимъ письмомъ, свидѣтельствующимъ о полной растерянности и безграничномъ отчаяніи, овладѣвшими въ ту пору графомъ Аракчеевымъ, дѣло не ограничилось; въ такое тревожное время, называемое

имъ даже въ перепискѣ съ государемъ «бурнымъ», этотъ «вѣрный слуга» нашелъ для себя возможнымъ, подъ впечатлѣніемъ личнаго гора, самовольно бросить всѣ дѣла, возложенныя на него высочайшимъ довѣріемъ.

Наканунѣ отправки письма къ императору Александру графъ Аракчеевъ отдалъ 11-го (23-го) сентября артиллеріи генераль-маіору Эйлеру слѣдующее предписаніе:

«По случившемся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ мнѣ вѣреннымъ, почему и предписываю вашему превосходительству, до возвращенія начальника штаба, вступить, яко старшему, въ командованіе поселенныхъ войскъ и его штабомъ, о чемъ я донесъ государю императору».

Въ такомъ же духѣ графъ Аракчеевъ поступилъ и относительно гражданскихъ дѣлъ, отправивъ статсъ-секретарю Муравьеву того же числа предписаніе, сходное съ вышеприведеннымъ, даннымъ генералу Эйлеру:

«По случившемся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ мнѣ вѣреннымъ, почему и благоволите ваше превосходительство всѣми дѣлами, бывшими въ моемъ завѣдываніи, какъ по канцеляріи, такъ и по комитету управлять, и получаемые отъ государя императора конверты распечатывать, какъ равномерно и всѣ письма на мое имя, а ко мнѣ ничего не присылать, о чемъ я донесъ и государю императору ¹⁾».

Извѣстіе, сообщенное графомъ Аракчеевымъ, и странныя его распоряженія крайне огорчили и встревожили императора Александра. По разсказу генераль-адъютанта Дабича, «когда въ Таганрогъ пришло извѣстіе объ убіеніи любовницы Аракчеева, государь полагалъ, что ее убили нарочно изъ ненависти не къ ней, но къ графу Аракчееву для того, чтобы его удалить отъ дѣлъ. Тогда же графъ Аракчеевъ отдалъ странный или, лучше сказать, непозволительный приказъ, коимъ онъ, по случаю приключившейся ему болѣзни, назначилъ начальникомъ всѣхъ поселенныхъ войскъ генерала Эйлера, какъ будто можно кому-либо изъ командующихъ частью войскъ передать начальство другому.

¹⁾ Карамзинъ писалъ 24-го сентября 1825 года И. И. Дмитріеву:

„Важный государственный человѣкъ, огорченный ужаснымъ домашнимъ происшествіемъ, отказался отъ всѣхъ дѣлъ, какъ слышно: замѣнить его другимъ не легко. Дѣльныхъ людей на большой сценѣ у васъ не много. Министры стары и дряхлы, кромѣ финансовъ и морскаго. Больше лицъ нежели головъ, а душъ еще менѣе. Впрочемъ, это не новое и не особенное, не чрезвычайное. Смотрю, замѣчаю и не дивлюсь“.

Сей непервозволительный поступокъ хотя и былъ неприятенъ государю, однако же онъ сказалъ мнѣ, что извиняетъ болѣзненнымъ состояніемъ графа Аракчеева. Конечно, прибавилъ Дабичъ, «никому другому таковой поступокъ противузаконный не прошелъ бы безъ замѣчанія. Но этотъ человекъ дѣлаетъ исключеніе изъ общаго правила ¹⁾».

Императоръ Александръ успѣшилъ ободрить и утѣшить графа Аракчеева и писалъ ему 22-го сентября (4-го октября) изъ Тагаирога:

«Любезный другъ! Нѣсколько часовъ какъ я получилъ письмо твое и печальное извѣстіе объ ужасномъ происшествіи, поразившемъ тебя. Сердце мое чувствуетъ все то, что твое должно ощущать. Но, другъ мой, отчаяніе есть грѣхъ передъ Богомъ. Предайся слѣпо Его святой волѣ. Вотъ единая отрада, одно успокоеніе, которое въ подобномъ несчастіи я могу тебѣ указать. Другихъ не существуетъ по моему убѣжденію.

«Искренно раздѣляю я твою печаль, хотя я не зналъ и не видывалъ особы, тобою оплакиваемой, но она была тебѣ искреннимъ и давнишнимъ другомъ,—сего довольно, чтобы потеря ея была для тебя прискорбна. Къ сему присоединяется еще ужасная мысль объ образѣ сей кончины. Я живо воображаю все, что въ тебѣ, любезный другъ, должно было произойти. Твое положеніе, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое здоровье собственное сильно оное почувствовало. Но еще разъ тебѣ повторяю, съ чувствомъ живѣйшей любви къ тебѣ—отчаяніе есть грѣхъ, и сильный грѣхъ. Покорность волѣ Всевышняго есть нашъ общій долгъ, и, чѣмъ грусть сильнѣе, тѣмъ болѣе должны мы преклонить главы наши съ умиленіемъ и повиновеніемъ Его святой волѣ. Покорись ей, и Богъ самъ поддержитъ, тебя подкрѣпитъ.

«Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грувина, но не знаешь куда ѣхать. Приѣжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь здѣсь жить, какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ.

«Но закливаю тебя всѣмъ, что есть святаго, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна и, могу сказать, необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ своихъ, вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія. Я Бога усердно прошу,

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій: „Рукописный журналъ.“ 1829 года.

чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ бы въ тебѣ необходимую твердость съ повиновеніемъ Его святой волѣ.

«Пришли мнѣ подробное описаніе ужаснаго сего происшествія, показанія преступниковъ и твое по всему оному предположеніе.

«Объяви губернатору мою волю, чтобы старался дойти въ всѣмъ мѣрами, не было ли какихъ тайныхъ направленій или подбужженій.

«Любезный другъ, жаль мнѣ выше всякаго изреченія твоего чувствительнаго сердца. Я представляю себѣ, что оно должно чувствовать, и скорблю съ нимъ искренно.

«Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга, вѣрнаго тебѣ друга» ¹⁾).

Но императоръ Александръ не удовольствовался отправкою этого обыкновеннаго письма; онъ вызвалъ къ себѣ въ Тагаврогъ начальника штаба военныхъ поселеній генерала Клейнмихеля, находившагося въ то время въ южныхъ поселеніяхъ, и съ нимъ отправилъ своему другу еще другое успокоительное письмо, помѣченное 3-мъ (15-мъ) октября и столь же милостивое, какъ и первое.

Александръ писалъ:

«Твое здоровье, любезный другъ, душевное и тѣлесное, послѣ таковаго несчастія, крайне меня беспокоитъ. Я нарочно вызвалъ сюда Петра Андреевича Клейнмихеля, человѣка тебѣ преданнаго, дабы съ нимъ посоветоваться насчетъ твоего положенія, и, по довольномъ разсужденіи, положили мы, чтобы ему отложить до другого времени осмотръ войскъ, находящихся подъ начальствомъ графа Витта, дабы могъ онъ возвратиться немедленно къ тебѣ. А я буду имѣть возможность получить подробное свѣдѣніе какъ о твоемъ здоровьи, такъ и о подробностяхъ всего несчастнаго приключенія. Признаюсь тебѣ, мнѣ крайне прискорбно, что Даллеръ на одной строки о тебѣ не пишетъ, когда прежде онъ всякій разъ исправно извѣщалъ о твоемъ здоровьи. Неужели

¹⁾ Приведенное здѣсь письмо императора Александра къ графу Аракчееву являлось въ печати уже не разъ, но въ сокращенномъ и искаженномъ видѣ. Слова государя: „хотя я не зналъ и не видывалъ особы, тобою оплакиваемой, но она была тебѣ искреннимъ и давнишнимъ другомъ,—сего довольно, чтобы потери ея была для тебѣ прискорбна“, вѣроятно, не понравились графу Аракчееву, и потому въ распространенныхъ имъ впоследствии копіяхъ письма государя эти слова отсутствуютъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время повторались рассказы, что императоръ Александръ, посѣщая Грузію, навѣщалъ Настасью Мивкину и не отказывалъ ей въ знакахъ своего вниманія; эти сплетни льстивы безграничному самолюбію графа Аракчеева, и, конечно, отъ него нельзя было ожидать содѣйствія къ искорененію установившейся легенды. Письмо государя въ его полномъ объемѣ опровергаетъ самымъ положительнымъ образомъ эту легенду или, вѣрнѣе сказать, клевету и представляетъ дѣло въ его настоящемъ видѣ, безъ аракеевскихъ прикрасъ.

тебѣ не придетъ на мысль то крайнее безпокойство, въ которомъ я долженъ находиться о тебѣ въ такую важную минуту твоей жизни? Грѣшно тебѣ забыть друга, любящаго тебя столь искренно и такъ давно, и еще грѣшнѣе сомнѣваться въ его участіи въ твоей печали. Убѣдительно тебя прошу, любезный другъ, если самъ не въ силахъ, то прикажи меня подробно извѣщать на свой счетъ. Я въ сильномъ безпокойствѣ. На вѣкъ искренно тебя любящій».

Императоръ не ограничился, однако, и приведенными нами знаками дружескаго вниманія; онъ простеръ свою заботливость до того, что вручилъ 3-го октября генералу Клейнмихелю еще письмо для архимандрита Фотія, слѣдующаго содержанія:

«Отецъ архимандритъ Фотій! По всѣмъ извѣстіямъ, до меня доходящимъ, графъ Алексѣй Андреевичъ послѣ несчастія, его поразившаго, находится въ крайнемъ упадкѣ духа, близкомъ даже отчаянію. Зная искреннее уваженіе его къ духовнымъ добродѣтелямъ вашимъ, я увѣренъ, что вы, съ помощію Всевышняго, много можете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ, ибо служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества. Христіанинъ обязанъ съ покорностію переносить удары, рукою Господнею ему наносимые. Мы всѣ въ волѣ Его.

«Испрашивая благословенія вашего, поручаю себя молитвамъ вашимъ.

«Письмо сіе хранить въ тайнѣ».

Въ отвѣтъ на всѣ эти милости и выраженія дружескихъ чувствъ графъ Аракчеевъ въ своихъ письмахъ лобызалъ заочно колѣна и руки государя, но не послѣдовалъ настоятельному приглашенію вѣрнаго друга пожаловать въ Таганрогъ, ссылаясь на біеніе сердца и на ежедневную лихорадку.

Велико было удивленіе генерала Эйлера, когда онъ неожиданно для себя получилъ вышеприведенное странное предписаніе графа Аракчеева отъ 11-го сентября. Онъ тотчасъ послалъ къ графу записку, прося разрѣшенія явиться къ нему, но не былъ принятъ «по причинѣ сильнаго разстройства».

Въ запискахъ своихъ генералъ Эйлеръ пишетъ: «Поселеніе учреждалось уже девять лѣтъ по собственному предначертанію государя, а графъ Аракчеевъ, имѣя бланки, былъ исполнитель самовластный и именемъ императора разрѣшалъ встрѣчаемыя затрудненія. слѣдовательно, вступать въ его обязанности была должность выше силъ каждаго, особенно, въ отсутствіе государя, которому я донесъ о предписаніи мнѣ графомъ, но въ отвѣтъ получилъ только записку Дибича, что императоръ докладъ мой изволилъ читать въ Таганрогѣ. Въ послѣдней трети каждаго года собирались отъ всѣхъ военныхъ поселеній отчеты о произ-

веденныхъ работахъ и продовольствіи, составлялись общія сметы и доклады для представленія государю, чрезъ комитетъ министровъ, и дѣлались распоряженія по всѣмъ предметамъ къ будущему году; следовательно, время моего вступленія было самое трудное: надо было производить торги и дѣлать покупки на огромныя суммы, а разрѣшеніе испрашивать у самого императора, потому что военное поселеніе не подчинялось не только министру, но и ни одному высшему государственному управленію. Для сего я отправилъ фельдъегеря въ Тагаврогъ къ государю съ докладами, которые безъ всякой резолюціи возвращены мнѣ Дибичемъ при запискѣ, что императоръ изволялъ ихъ читать, что поставило меня въ ужасное положеніе. По общимъ правиламъ, безъ разрѣшенія его величества, я не имѣлъ права ничего приводить въ исполненіе и равнодѣрно не имѣлъ власти объявлять высочайшую волю, а между тѣмъ, не сдѣлавши этого, предвидѣлъ, что отъ сего все устройство военнаго поселенія должно въ предстоящемъ году остановиться. Необходимость заставила меня принять на себя власть, мнѣ не присвоенную, и я подписалъ на всѣхъ докладахъ своеручно: «Государь императоръ изволялъ читать это представленіе въ Тагаврогѣ и одобрить», то-есть, сдѣлалъ то же, что исполнялъ графъ, и передалъ всѣ доклады при предписаніяхъ въ экономическій комитетъ, который по онымъ дѣйствовалъ. Все пошло въ прежнемъ порядкѣ, и управленіе мое кончилось благополучно, безъ малѣйшаго притязанія съ чьей-либо стороны и къ совершенному удовольствію графа; но на это немногіе бы рѣшились такъ смѣло, надо было очень знать дѣла» ¹⁾.

Самовольное отстраненіе графа Аракчеева отъ занимаемыхъ имъ государственныхъ должностей отразилось пагубнымъ образомъ на одномъ дѣлѣ первостепенной важности, лично касавшемся благополучія и безопасности императора Александра. Припомнимъ здѣсь, что унтер-офицеръ 3-го уланскаго Украинскаго полка Шервудъ, представившій государю свой доносъ о тайныхъ обществахъ 17-го (29-го) іюля 1825 г. и отправившійся въ путь для дальнѣйшаго открытія всѣхъ нитей существовавшаго тогда заговора, просилъ, чтобы непременно въ извѣстный часъ 20-го сентября пріѣхалъ на почтовую станцію въ городъ Карачевъ, Орловской губерніи, фельдъегерь, которому онъ могъ бы вручить секретное донесеніе о сдѣланныхъ имъ разслѣдованіяхъ.

Окончивъ съ успѣхомъ свои розыски, Шервудъ пріѣхалъ въ городъ Карачевъ въ назначенные число и часъ, но поджидаемый имъ фельдъегерь не явился. Смотритель станціи спросилъ Шервуда, не прикажетъ ли онъ закладывать лошадей? «Я сказалъ, пишетъ въ своихъ

¹⁾ Записки генерала Эйлера „Русскій Архивъ“ 1860 года. Книга 2-я, стр. 382.

запискахъ Шервудъ, что у меня сильно голова болитъ, и ѣхать далѣе не могу, спросилъ укусу, перевязалъ голову, три дня мимо страдать, потомъ началъ понемногу выздоравливать, и наконецъ, черезъ нѣсколько дней послѣ назначеннаго срока, пріѣхалъ фельдъегеръ; я выслалъ подъ предлогомъ какой-то покупки смотрителя вонъ и разспросилъ фельдъегеря, почему онъ не пріѣхалъ раньше десятию днями, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что зарѣзали въ Грузинѣ Настасью Федоровну, а потому Аракчеевъ былъ какъ помѣшанный. Между тѣмъ, весь городъ сталъ меня подовѣривать; городничій города Карачева, наконецъ, явился для спроса меня, кто я такой и почему живу такъ долго на станціи. Я ему отвѣчалъ, что я унтеръ-офицеръ, остался на станціи, потому что нездоровъ, что нахожусь въ годовомъ отпускѣ, и показалъ ему билетъ за подписью графа Аракчеева и начальника штаба Клейнмихеля. Городничій просто испугался, извинился, что меня обезпокоилъ я ушелъ; но эти десять дней разницы имѣли большія послѣдствія: никогда бы возмущенія гвардіи, 14-го декабря на Исаакіевской площади, не случилось; затѣявшіе бунтъ были бы заблаговременно арестованы. Не знаю, чему приписать, что такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, которому оказано столько благодаренія императоромъ Александромъ I, и которому онъ былъ такъ преданъ, пренебрегъ опасностью, въ которой находилась жизнь государя и спокойствіе государства, для пьяной, толстой, рябой, необразованной, дурнаго поведенія и злой женщины: есть надъ тѣмъ задуматься» ¹⁾.

II.

Между тѣмъ императоръ Александръ, пользуясь своимъ пребываніемъ на югѣ Россіи, предпринялъ путешествіе по близъ лежащимъ областямъ. 11-го (23-го) октября государь на нѣсколько дней отправился въ землю войска Донскаго и посѣтилъ Ростовъ, Нахичевань и Новочеркасскъ.

Дорогою въ Новочеркасскъ государь вручилъ генераль-адъютанту Дибичу письмо Шервуда къ графу Аракчееву, въ которомъ тотъ просилъ послать къ нему въ половинѣ ноября въ Харьковъ надежнаго чиновника. Его величество избралъ для сего назначенія лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, съ тѣмъ, чтобы ни ему,

¹⁾ Исповѣдъ Шервуда-Вѣрнаго: „Историческій Вѣстникъ“ 1896 года (январь).

ни кому другому не объявлять объ этомъ до возвращенія изъ намѣченной уже тогда поѣдки въ Крымъ ¹⁾.

Существовали еще въ ту пору предположенія о болѣе обширномъ путешествіи въ Уральскъ, даже въ Астрахань, но оно не было осуществлено, и 15-го (27-го) октября Александръ возвратился въ Таганрогъ.

Въ это время, съ высочайшаго соизволенія, въ Таганрогъ прибылъ изъ южныхъ поселеній графъ Виттъ. Онъ сообщалъ государю свѣдѣнія относительно замысловъ тайныхъ обществъ и лицъ, руководившихъ этимъ движеніемъ. Открытія, сдѣланныя уже ранѣе унтеръ-офицеромъ Шервудомъ, въ соединеніи съ новыми данными, представленными графомъ Виттомъ, все болѣе разъясняли дѣло и открывали возможность уже вскорѣ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Государь приказалъ графу Витту продолжать пока свои разслѣдованія.

Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ также явился въ Таганрогъ; онъ упросилъ государя посѣтить Крымъ, увѣряя, что можно еще вернуться до наступленія дождей и холода. Александръ, въ виду улучшенія здоровья императрицы, принялъ приглашеніе, говоря, что добрымъ сосѣдямъ слѣдуетъ жить въ согласіи. 20-го октября (1-го ноября) государь выѣхалъ въ Крымъ; маршрутъ былъ рассчитанъ на семнадцать дней. Александра сопровождали генералъ-адъютантъ Давичъ, Вилліе, Тарасовъ и вагенмейстеръ полковникъ Саломка ²⁾.

Наканунѣ отъѣзда произошелъ слѣдующій случай. Государь занимался за своимъ письменнымъ столомъ; вдругъ надъ городомъ пронеслась туча, и водворилась такая темнота, что Александръ позвонилъ и приказалъ камердинеру Анисимову подать свѣчи. Вскорѣ затѣмъ прояснилось, и показалось солнце. Тогда Анисимовъ снова вошелъ и хотѣлъ вынести свѣчи. На вопросъ государя, зачѣмъ, онъ отвѣчалъ, что на Руси худая примѣта — сидѣть при свѣчахъ днемъ: могутъ подумать, что здѣсь лежитъ покойникъ. Государь отвѣчалъ: «Ты правъ, и я такъ думаю — унеси свѣчи». Этотъ случай вѣзался въ память императора Александра, и впоследствии, какъ мы увидимъ ниже, онъ его припомнилъ.

Въ первые дни путешествія все обошлось благополучно, и государь былъ очень веселъ и разговорчивъ. Переночевавъ въ Маріуполѣ, онъ прослѣдовалъ черезъ Меноитскія колоніи, расположенныя на рѣчкѣ

¹⁾ Всенодапявѣйшій докладъ начальника главнаго штаба отъ 4-го декабря 1825 года.

²⁾ Вилліе записалъ въ своемъ дневникѣ. „Dès que l'Empereur s'est mis en calèche pour la Crimée le soleil a reparu“

Молочной. Цвѣтушій видъ и полное благоустройство этихъ поселеній весьма обрадовали императора и вызвали полное его удовольствіе. Вечеромъ 24-го октября (5-го ноября) государь прибылъ въ Симферополь и, переночевавъ тамъ, на другой день отправился верхомъ на татарскихъ лошадяхъ въ Юрауфъ; экипажамъ вѣдно было ожидать императора въ Байдарахъ. Государь въ этотъ день проѣхалъ 35 верстъ верхомъ по чрезвычайно труднымъ дорогамъ и усѣяннымъ камнями тропинкамъ. Посѣтивъ затѣмъ Никитскій садъ, государь осматривалъ Оріанду, пріобрѣтенную имъ у графа Кушелева-Безбородко, гдѣ предполагалъ построить дворецъ. Здѣсь, повидимому, Александръ нашелъ тотъ уголокъ въ Европѣ, о которомъ нѣкогда мечталъ, и гдѣ желалъ бы навсегда поселиться. Вообще, со времени переѣзда въ Таганрогъ, казалось, что государь снова возвратился къ прежнимъ своимъ мечтамъ и помышлялъ о переходѣ въ частную жизнь. «Я скоро переселюсь въ Крымъ;—сказалъ Александръ,—я буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку». Князю Волконскому онъ говаривалъ: «И ты выйдешь въ отставку и будешь у меня библиотекаремъ.»

Государь отобѣдалъ въ Алушкѣ у графа Воронцова, который сопровождалъ его отъ самаго Симферополя, и 27-го октября (8-го ноября), проѣхавъ оттуда болѣе сорока верстъ по дурной гористой дорогѣ, прибылъ въ Байдары, гдѣ ожидали его царскіе экипажи. Здѣсь былъ приготовленъ обѣдъ, но его величество приказалъ Миллеру съ обѣдомъ прямо ѣхать въ Севастополь и ожидать его къ обѣду тамъ. Изъ Байдаръ государь въ коляскѣ съ Давичемъ отправился въ Балаклаву для осмотра находившагося въ этомъ городѣ греческаго баталіона, состоявшаго подъ командою Равальота. Послѣ смотра государь завтракалъ у баталіоннаго командира и кушалъ немного извѣстнаго рода крылатой рыбы, весьма жирной.

Изъ Балаклавы императоръ Александръ прослѣдовалъ въ коляскѣ до того мѣста, гдѣ отходитъ дорога въ Георгіевскій монастырь. Тамъ онъ сѣлъ опять на лошадь, въ мундирѣ безъ шинели, отпустилъ свиту въ Севастополь и, взявъ съ собою фельдъегеря Годафроя, направился въ сопровожденіи только одного татарина въ монастырь. Это было 27-го октября (8-го ноября) въ 6 часовъ пополудни. День былъ теплый и прекрасный; но къ вечеру подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, и настала чувствительный холодъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что императоръ Александръ во время этой неосторожной и несвоевременной поѣздки въ Георгіевскій монастырь простудился, и потому утомительные переѣзды 27-го октября послужили исходной точкой поразившаго его вскорѣ смертельнаго недуга.

Свита, прибывшая въ Севастополь въ квартиру государя, назна-

ченную въ комендантскомъ домѣ, проводила время въ томительномъ ожиданіи. Обѣдъ былъ приготовленъ къ четыремъ часамъ. Наступила темнота, и холодный вѣтеръ усиливался съ порывами; но государь все не возвращался. Всѣ ожидавшіе его мѣстные начальники и свита начали беспокоиться, не зная чему приписать такое замедленіе въ приѣздѣ императора. Адмиралъ Грейгъ приказалъ полиціймейстеру поспѣшить съ факелами навстрѣчу императору, чтобы освѣщать ему дорогу. Наконецъ, ровно въ восемь часовъ, прибылъ государь. Принявъ адмирала Грейга и коменданта въ залѣ, Александръ отправился прямо въ кабинетъ, приказавъ поскорѣе подать ему чаю, отъ обѣда же отказался, и это было тѣмъ необыкновеннѣе, пишетъ Тарасовъ, что прежде никогда въ путешествіи не случалось, и государь въ дорогѣ всегда имѣлъ хорошій аппетитъ и любилъ подчивать другихъ ¹⁾

28-е октября (9-е ноября) государь посвятилъ осмотру укрѣпленій, флота, морскаго госпиталя и казармъ; затѣмъ былъ большой обѣдъ у императора, и въ наружности его не было замѣтно никакой неблагоприятной перемѣны.

На другой день, 29-го октября (10-го ноября), Александръ переправился на сѣверную сторону, осмотрѣлъ здѣсь укрѣпленія и затѣмъ поѣхалъ въ коляскѣ въ Бахчисарай, гдѣ остановился въ ханскомъ дворцѣ, подобно тому какъ и во время путешествія 1818 года.

Здѣсь императоръ, прзвавъ Тарасова въ кабинетъ, приказалъ ему приготовить изъ рису то самое питье, какое онъ пилъ въ 1824 году, въ январѣ, во время горячки съ рожею на ногѣ. Тарасовъ немедленно выполнилъ это повелѣніе и въ то же время счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Вилліе, прасововупивъ, что у государя разстроены желудокъ. «Впрочемъ, прибавляетъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ, онъ ни мнѣ, ни Вилліе не жаловался на какое либо разстрой-

¹⁾ Въ книгѣ: „Последніе дни жизни Александра I“ прѣдъ государя переданъ слѣдующимъ образомъ: „Вечеромъ въ десятомъ часу, при свѣтѣ факеловъ, прибылъ въ Севастополь, посѣтилъ храмъ Божій и при свѣтѣ же факеловъ, дѣлалъ смотръ морскимъ полкамъ. Потомъ спросилъ обѣдать, но ничего не кушалъ, а занялся приказаніями на слѣдующій день“.

Этотъ рассказъ совершенно расходится съ воспоминаніями очевидца Д. К. Тарасова. Вообще здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что трудно согласовать между собою рассказы о послѣднихъ трехъ мѣсяцахъ жизни императора Александра; на каждомъ шагѣ встрѣчаются несообразности, противорѣчія и недомолвки. Будущему историографу Александра I придется сожалѣть, что Михайловскій-Данилевскій пересталъ быть съ 1819 года спутникомъ государя во время его нескончаемыхъ путешествій; если бы онъ находился въ 1825 году въ Таганрогѣ, мы имѣли бы, безъ сомнѣнія, вполне обстоятельный и достовѣрный рассказъ о жизни Александра со времени отъѣзда его на югъ Россіи.

ство въ своемъ здоровьи, однако-жь, кушалъ въ этотъ день одинъ перловый свой супъ и котлету» ¹⁾).

Несмотря на начинавшееся недоровье, государь не далъ себѣ покоя и между прочимъ совершилъ поѣздку верхомъ въ Чуфутъ-Кале и на обратномъ пути посѣтилъ Успенскій монастырь; онъ казался совершенно здоровымъ, былъ весьма веселъ и со всѣми обращался съ обычною своею благосклонностью. 1-го (13-го) ноября Александръ выѣхалъ на ночлегъ въ Евпаторію и посѣтилъ здѣсь церкви, мечети, синагоги, казармы и карантинны. 2-го (14-го) ноября онъ ночевалъ въ Перекопѣ, гдѣ осматривалъ госпиталь.

На другой день рано по утру государь продолжалъ путь, согласно маршруту, и въ селеніи Знаменскомъ осматривалъ квартировавшую тамъ артиллерійскую бригаду, аѣпотомъ лазаретъ, въ коемъ остался особенно доволенъ пищею и преимущественно овсянымъ супомъ, котораго довольно покушалъ. Дибичу приказано было выдать повару 25 рублей ассигнаціями.

Въ этотъ день обѣденный столъ былъ въ большомъ селеніи между Знаменкой и Орѣховымъ.

«Императоръ, пишетъ Тарасовъ,—съ самаго Бахчисарая, гдѣ онъ приказалъ приготовить для себя питье, казался совершенно здоровымъ, и ни мнѣ, ни баронету Вилліе нимало не жаловался на свое здоровье. Здѣсь во время обѣда вдругъ онъ началъ разговоръ о крымскихъ госпиталяхъ и сталъ распространяться о тамошнихъ лихорадкахъ и, въ особенности, о хинной соли, коей дѣйствіе выхвалялъ противъ этихъ болѣзней, но сожалѣлъ, что вкусъ этого лечебнаго средства долженъ быть очень неприятенъ. Баронетъ Вилліе, въ защиту этого лекарства, доложилъ государю, что вкусъ его вовсе не противенъ, но только горекъ. Государь, какъ бы не повѣривши ему, тотчасъ приказалъ мнѣ подать хинную соль изъ дорожной аптеки. Я немедленно представилъ баночку, содержащую эту соль. Государь самъ ее попробовалъ на языкъ и, поморщившись, сдѣлалъ гримасу и сказалъ мнѣ. «Вы съ Яковомъ Васильевичемъ не любите лакомить своихъ пациентовъ вкусными снадобьями». Потомъ, отдавая мнѣ банку, спросилъ: «А какъ вы даете это средство?»—Я отвѣчалъ: «даютъ его больнымъ въ видѣ порошка, пилюль и въ растворѣ».—«Спасибо за угощеніе, извольте положить его въ свое мѣсто», сказалъ мнѣ государь.

Послѣ обѣда, на послѣдней станціи, не доѣзжая Орѣхова, государь встрѣтилъ фельдъегеря Маскова съ депешами изъ Петербурга и Тагапрога. Принявъ депеша, государь приказалъ фельдъегерю слѣдовать

¹⁾ Въ дневникѣ Вилліе 30-го октября (11-го ноября) 1825 года записано: „Empereur légerement indisposé“.

за собою; но при поворотѣ дороги кучеръ погнавъ свою тройку, ударился телѣгою о глинистую кочку съ такою силой, что Маскова очень высоко подбросило вверхъ; онъ упалъ на дорогу тычкомъ головою и остался на мѣстѣ безъ движенія. Государь увидѣлъ случившееся несчастье и тотчасъ послалъ Годафроя съ приказаніемъ къ Тарасову, чтобы онъ немедленно подалъ врачебное пособіе пострадавшему, а по прїѣздѣ въ Орѣховъ лично доложилъ о положеніи Маскова. Оказалось, что несчастный умеръ отъ сильнаго сотрясенія мозга съ переломомъ черепа. Тарасовъ прїѣхалъ въ Орѣховъ около полуночи; его поджидалъ Дебичъ и приказалъ тотчасъ доложить лично о томъ императору, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о Масковѣ.

«По докладѣ камердинеромъ, я вошелъ въ почивальню государя, пишутъ Тарасовъ. Его величество сидѣлъ противъ камина въ шинели въ рукава и читалъ бумаги. Я замѣтилъ, что онъ имѣетъ безпокойный видъ и старался согрѣться у горящаго камина. Онъ тотчасъ, при переступленіи моемъ черезъ порогъ спросилъ меня отрывисто: «Въ какомъ положеніи Масковъ?» — «Онъ при паденіи получилъ смертельный ударъ въ голову, съ сильнымъ сотрясеніемъ мозга и большою трещиною въ самомъ основаніи черепа; я нашелъ его на мѣстѣ уже безъ дыханія, и всякое врачебное пособіе оказалось тщетнымъ». Выслушавъ такое мое донесеніе, государь всталъ съ мѣста и въ слезахъ сказалъ: «Какое несчастье! Очень жаль этого человѣка». — Потомъ, оборотясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ; оно представляло что то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба».

Въ Орѣховѣ государя ожидала еще другая неприятность, которая, при наступившемъ уже болѣзненномъ состояніи его должна была вредно отразиться на немъ. Между екатеринославскимъ гражданскимъ губернаторомъ и архіепископомъ Теофиломъ произошла ссора, дошедшая до личной расправы. Получивъ о семъ донесеніе, государь, желая разобрать это дѣло, вызвалъ обоихъ противниковъ въ Орѣховъ. По свидѣтельству Тарасова, «государь далъ обоимъ отдѣльную аудіенцію и, съ свойственною ему деликатностію, очень строго далъ каждому изъ нихъ почувствовать всю неблаговидность поступка ихъ, какъ главныхъ представителей власти въ Екатеринославской губерніи. Очевидно, что его величество не могъ этого сдѣлать равнодушно, по крайней мѣрѣ, безъ сильнаго внутренняго потрясенія».

Прибывъ на ночь 4-го (16-го) ноября въ семь часовъ вечера въ Маріуполь, государь часу въ десятомъ потребовалъ къ себѣ Вилліе,

который нашелъ его въ полномъ развитіи лихорадочно-го сильнаго пароксизма.

«Вилліе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, пишетъ Тарасовъ,—казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ хрѣпкаго пунша съ ромомъ, уложилъ его въ постель и покрылъ сколько можно теплѣе. Это усилило только безпокойство императора, и онъ немного заснулъ лишь къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Мариуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Мариуполя до Таганрога только 90 верстъ, и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т. е. 5-го ноября. Такъ было назначено по маршруту. 5-го ноября, послѣ сильнаго пароксизма, поутру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ десятомъ утра, въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьей полостью, въ теплой шинели, отправился въ Мариуполя».

Императоръ Александръ прибылъ въ Таганрогъ въ шесть часовъ вечера. Вошедши въ свою уборную, онъ, на вопросъ князя Волконскаго о здоровьи его, отвѣчалъ: «Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватилъ въ Крымѣ, несмотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ восхваляли. Я болѣе чѣмъ когда либо увѣренъ, что, избравъ Таганрогъ мѣстопробываніемъ для моей жены, мы поступили въ высшей степени благоразумно.»

«Когда я спросилъ его величество, пишетъ князь Волконскій въ своемъ журналѣ ¹⁾,—съ какого времени онъ почувствовалъ лихорадку, императоръ отвѣчалъ мнѣ, «что съ Бахчисарая, куда прибылъ вечеромъ и ощутивъ жажду, потребовалъ пить; мой камердинеръ Ѳеодоровъ подалъ мнѣ барбарисоваго сиропа. Такъ какъ во время путешествія въ Крымѣ погода была очень жаркая, я подумалъ, что сиропъ могъ испортиться но мой камердинеръ сказалъ мнѣ, что сиропъ не пострадалъ. Я проглотилъ цѣлый стаканъ и легъ спать. Ночью я почувствовалъ ужасные припадки (*des trances terribles*), но, благодаря моему организму и превосходному желудку, меня сильно прослабило, и все обошлось этимъ. По прїѣздѣ въ Перекопъ я посѣтилъ госпиталь, гдѣ почувствовалъ снова небольшую лихорадку». По этому поводу я осмѣлился замѣтить его величеству, что было неблагоразумно съ его стороны отправиться въ госпиталь, гдѣ онъ могъ лишь усилить свою лихорадку вслѣдствіе нахождения къ немъ большаго числа лицъ, пораженныхъ этою

¹⁾ „Собственноручный журналъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго во время болѣзни въ Боеѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича“. Этому журналъ былъ присланъ княземъ Волконскимъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

болѣзнию, и что императоръ постоянно забываетъ, что, приближаясь къ пятому десятку, не пользуешься уже тѣми силами, какъ въ двадцать лѣтъ.—Онъ отвѣчалъ мнѣ: «О, дорогой другъ, я слишкомъ чувствую это и увѣряю васъ, что я очень часто вспоминаю объ этомъ и надѣюсь, что все обойдется благополучно».—Спросивъ меня затѣмъ о здоровьи императрицы, онъ отправился къ ней, гдѣ ихъ величества и провели вмѣстѣ остальную часть вечера».

Въ этотъ же вечеръ императоръ Александръ въ разговорѣ съ камердинеромъ Анисимовымъ припомнилъ случай, имѣвшій мѣсто до отъѣзда въ Крымъ, и сказалъ ему: «Я очень нездоровъ». Анисимовъ отвѣчалъ: «Надо пользоваться, государь».—«Нѣтъ, братъ,—сказалъ императоръ,—свѣчи, которыя приказалъ я убрать съ стола, у меня изъ головы не выходятъ: это значить мнѣ умереть, и онѣ то и будутъ стоять передо мною».—Камердинеръ возразилъ: «Что вы изволите говорить? Избави насъ Богъ отъ такого несчастія!»—Этимъ разговоръ и кончился¹⁾.

Вилли въ своемъ дневникѣ пишетъ: «Ночь прошла дурно. Отказъ принять лѣкарство. Онъ приводитъ меня въ отчаяніе. Страшусь, что такое упорство не имѣло бы когда-нибудь дурныхъ послѣдствій»²⁾.

Утромъ 6-го (18-го) ноября князь Волконскій пришелъ въ 8 часовъ къ императору и, когда спросилъ его о здоровьи, то получилъ отвѣтъ что ночь провелъ изрядно и лихорадки не чувствуетъ; но, замѣчаетъ князь Волконскій, «взглядъ у государя былъ слабый, и глаза мнѣ показались мутны. Сверхъ того, глухота была примѣтнѣе, и до того, что, докладывая по нѣкоторымъ бумагамъ, его величество, вошедъ въ кабинетъ, сталъ у каминна грѣться, приказавъ мнѣ продолжать докладъ, по окончаніи коего, отпустивъ меня, занялся чтеніемъ бумагъ»³⁾.

Въ этотъ же день государь обѣдалъ въ послѣдній разъ у императрицы, но вынужденъ былъ встать изъ-за стола: появилась сильная испарина. Въ исходѣ третьяго часа камердинеръ Федоровъ позвалъ Вилли; за нимъ послѣдовалъ князь Волконскій. По разсказу князя, пришедши къ государю, они застали его въ кабинетѣ сидящимъ на ди-

¹⁾ Послѣдніе дни жизни Александра I. Стр. 43.

²⁾ „La nuit mauvaise. Refus de médecine. Il me désole. Je crains que cette opiniâtreté n'aie des suites mauvaises un jour ou l'autre“.

³⁾ 6-го ноября государь отдалъ въ послѣдній разъ пароль и собственноручно написалъ на запискѣ генераль-адъютанта Дибича: „П а р о л ь Т а г а н р о г ъ“. Съ этого дня поручено было Дибичу отдавать пароль на будущее время.

Послѣдняя резолюція императора Александра относится къ 7-му ноября. По поводу записки Дибича о томъ, что „генераль-адъютантъ Чернышевъ, прибывшій сего числа изъ Новочеркасска, испрашиваетъ позволеніе, можетъ ли быть завтра къ обѣднѣ во дворцѣ, равно и супруга его, безъ вторичнаго представленія“, государь написалъ: „могутъ“.

ванъ въ скрутокъ; ноги были обернуты байковымъ одѣяломъ. Вилліе предложилъ принять тотчасъ слабительныя пилюли; государь на это согласился, но послѣ сопротивленія (*argès au combat*), какъ пишетъ Вилліе.

Послѣ того государь намѣревался приступить къ чтенію бумагъ, присланныхъ изъ Петербурга, но князю Волконскому и Вилліе удалось отклонить больного отъ этихъ занятій. Вечеромъ лекарство произвело свое дѣйствіе, и государь почувствовалъ облегченіе, повеселѣлъ и благодарилъ Вилліе и Волконскаго за все о немъ попеченіе. Затѣмъ Александръ попросилъ къ себѣ императрицу, которая просидѣла у него до десяти часовъ вечера.

7-го (19-го) ноября Вилліе назначилъ государю микстуру слабительную. День прошелъ безъ лихорадки; государь чувствовалъ себя нѣсколько лучше и слѣдующую ночь спалъ спокойно часа четыре. Судя по дневнику Вилліе, онъ тогда не могъ еще дать себѣ отчетъ, эпидемическая ли это лихорадка, крымская или другая какая.

Тарасовъ замѣчаетъ: «Означенныя пилюли и микстура были главными лекарствами баронета Вилліе, которыми ему неоднократно удавалось помогать своему августѣйшему пациенту, не прибѣгая къ другимъ средствамъ, которыя были не нужны при мужественномъ и сильномъ тѣлосложеніи государя».

Вечеромъ сдѣлался небольшой жаръ отъ того, что государь, противно всѣмъ убѣжденіямъ, не хотѣлъ продолжать микстуру.

8-го (20-го) ноября Вилліе наконецъ опредѣлилъ болѣзнь и пишетъ: «Это лихорадка, очевидно, *febris gastrica biliosa*», затѣмъ онъ присовокупляетъ, что надежда императора всецѣло на Бога, чтобы быть исцѣленнымъ отъ своихъ недуговъ (*sa foi est pleine en Dieu pour être entièremment guéri de ses maux*). Въмѣстѣ съ тѣмъ Вилліе выражаетъ въ своемъ дневникѣ сожалѣніе, что поносъ былъ такъ не кстати (*mal à propos*) остановленъ въ Бахчисарѣ.

Въ этотъ день, 8-го ноября, праздновала тезоименитство великаго князя Михаила Павловича. Государь не могъ присутствовать у обѣдни; отпустивъ князя Волконскаго къ божественной службѣ, онъ сѣлъ на диванъ въ кабинетъ и занялся чтеніемъ Библіи. Послѣ обѣдни, пишетъ князь Волконскій въ собственноручномъ журналѣ, онъ нашелъ императора сидящимъ на диванѣ въ небольшомъ жару. «Государь изволилъ спрашивать, по обыкновенію, хорошо ли отправляется служба, какъ пѣли пѣвчіе, и хорошо ли служилъ вновь вывезенный его величествомъ въ Новочеркаска діаконъ? Давъ на все утвердительный ему отвѣтъ, я спросилъ его о здоровьи; его величество изволилъ отвѣчать, что ему лучше, при семъ изволилъ мнѣ сказать, что не знаетъ, что будетъ ему дѣлать съ бумагами, конхъ много накопляется. На сіе я отвѣчалъ, что теперь не до бумагъ, ибо здоровье его величества всего нужнѣе, а какъ

Богъ дастъ будетъ ему лучше, тогда успѣеть все обдѣлать какъ слѣдуетъ, но и при томъ нужно будетъ ему не вдругъ заниматься безпрестанно бумагами, а понемногу, дабы лихорадка вновь не открылась. Послѣ сего приказалъ позвать къ себѣ императрицу, которая изволила пробывать у его величества до самаго своего обѣда. Государь ничего не изволилъ кушать, кромѣ хлѣбной отварной воды, и жаръ немного уменьшился.

«Государь изволилъ писать въ С.-Петербургъ къ ея императорскому величеству государыни императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, приказалъ слѣдывать отправление 6-мъ числомъ и, запретивъ писать о его болѣзни, изволилъ мнѣ сказать: «Боюсь я экстра-почтъ, чтобы не навлекли хлопотъ извѣстіемъ о моей болѣзни и не встревожила бы тѣмъ матушку». На сіе я сказалъ, что напишутъ то, что ему угодно, но вмѣстѣ съ нимъ полагалъ, что лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвѣчать, чтобы кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ всѣхъ встревожить».

Ночь государь провелъ изрядно, но была сильная испарина.

9-го (21-го) ноября государь разрѣшилъ князю Волконскому написать императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о своей болѣзни. Черезъ нѣсколько дней (11-го ноября), онъ приказалъ о томъ же написать въ Варшаву для извѣщенія цесаревича Константина Павловича.

Императрица Елисавета Алексѣевна, встревоженная болѣзненнымъ состояніемъ государя, прислала своего лейбъ-медика Стофрегена въ консультанты къ Вилліе; но отъ этого леченіе не подвинулось впередъ. Императоръ продолжалъ упорно отклонять совѣты докторовъ.

«Гдѣ же убѣжище въ этой жизни?— писала императрица своей матери.—Когда думаешь, что все устроилось къ лучшему и можешь наслаждаться имъ, является неожиданное испытаніе, лишающее возможности воспользоваться тѣмъ добромъ, которое окружаетъ насъ. Это не ропотъ—Богъ читаетъ въ моемъ сердцѣ—это лишь наблюденіе, тысячу разъ сдѣланное и теперь въ тысячный разъ подтверждаемое событіями».

Краткія замѣтки въ дневникѣ Вилліе, сдѣланныя въ послѣдующіе затѣмъ дни, лучше всего обрисовываютъ таганрогскую обстановку во время печальныхъ ноябрьскихъ дней 1825 года.

10-го (22-го) ноября. «Ему сегодня хуже. (Il est plus mal aujourd'hui)». Въ этотъ день, въ одиннадцатомъ часу утра, государь, вставая съ постели, впалъ въ первый разъ въ сильный обморокъ. Остальную часть дня больной провелъ въ сильномъ жару и весьма ослабѣлъ; вечеромъ появилась сильная испарина и забывчивость, отчего, по свидѣтельству князя Волконскаго, мало уже и почти совсѣмъ не говорилъ.

11-го (23-го) ноября. «Болѣзнь продолжается. Внутренности еще довольно нечисты. Когда я ему говорю о кровопусканіи и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостоиваетъ говорить со мною. (La maladie dure. Les entrailles sont encore bien impures. Quand je lui parle de saignée et purgée il est furieux et daigne pas me parler)». Въ этотъ день обморокъ повторился, но въ менѣ сильной степени.

13-го (25-го) ноября. «Все пойдетъ скверно, потому что онъ не дозволяетъ, не соглашается дѣлать то, что безусловно необходимо. Склонность ко сну ничего хорошаго не предвѣщаетъ. (Tout ira mal, parce qu'il ne permet, n'écoute de faire ce qui est absolument nécessaire Cette tendance à dormir est de bien mauvais augure)».

Вилліе оставилъ намъ объ этомъ времени еще одно драгоценное указаніе. Онъ пишетъ: «Уже съ 8-го ноября я замѣчаю, что его занимаетъ что-то болѣе важное, чѣмъ мысль о выздоровленіи, и смущаетъ умъ. (C'est depuis le 8 que je remarque qu'il y a quelque chose l'occupe plus que sa guérison et que lui tourmente l'esprit)».

«Я отлично знаю, что мнѣ вредно и что полезно,—сказалъ Александръ Вилліе.—Мнѣ нужны только уединеніе и покой. Я уповаю на волю Всевышняго и на свой организмъ (constitution). Я желаю, чтобы вы обратили вниманіе на мои нервы, такъ какъ они чрезвычайно разстроены». Вилліе отвѣчалъ: «Я полагаю, что это случается съ монархами чаще, нежели съ прочими людьми».—«А въ настоящее время я имѣю на это причины болѣе, чѣмъ когда-либо», возразилъ императоръ.

Предположенія Вилліе, что какія-то заботы смущали въ ту пору умъ императора Александра, оказались вполне справедливыми; обстоятельства, какъ на зло, слагались такъ, что больной государь лишень былъ необходимаго ему спокойствія. Дѣйствительно, въ это время въ Таганрогъ прибылъ фельдъегерь, который снова напомнилъ ему о злополучномъ провѣствіи въ Грузинѣ и объ его безутѣшномъ отшельникѣ.

Содержаніе этого письма было слѣдующее:

«Отецъ и благодѣтель, батюшка, ваше величество!»

«Посылаю къ вамъ подробное описаніе бывшаго въ грузинскомъ домѣ злодѣянія, написанное Шумскимъ по моей диктовкѣ для единого вашего свѣдѣнія.

«Здоровье мое, батюшка, плохо, о чемъ изволите узнать изъ Даллера письма; всякій день становится хуже, но я переносу оное терпѣливо и стараюсь всякій день быть на воздухѣ; но біеніе сердца, жаръ и потъ ночной меня весьма расслабляютъ.

«Весьма мнѣ хочется уѣхать изъ Грузина, но по сіе время еще не можно было этого сдѣлать, а теперь хочу переѣхать въ Новгородъ, дабы тамъ пожить въ уединеніи, ближе къ Фотію; если же увижу, что болѣзнь моя будетъ увеличиваться, то уже поѣду въ Петербургъ, кото-

раго житія я, признаюсь, боюсь, батюшка, ибо не дадутъ мнѣ покоя модные наши братья. Ахъ, батюшка, летѣлъ бы я къ вамъ въ Таганрогъ, ибо мнѣ ничего такъ не хочется, какъ видѣть моего благодѣтеля; но боль въ груди такъ велика становится, что боюсь въ сію дурную погоду и въ дорогу пустяться; кажется, я не перенесу онаго.

«Добрый Петръ Андреевичъ Клейнмихель живетъ въ Новгородѣ и занимается слѣдствіемъ дѣла, забравъ отъ меня почти всѣхъ дворовыхъ людей, а именно 22 человекъ ¹⁾».

«Прощай, мой отецъ, вѣрь, что, если буду живъ, то буду тебѣ одному принадлежать, а умру, такъ душа моя будетъ помнить вашего величества обо мнѣ вниманіе».

Получилъ ли въ это время императоръ Александръ еще какия-либо свѣдѣнія о заговорѣ, трудно установить; достоверно лишь то, что 10-го (22-го) ноября государь приказалъ генераль-адъютанту Дибичу отправить полковника Николаева, по прежнему предположенію, въ Харьковъ, какъ для содѣйствія унтеръ-офицеру Шервуду въ дальнѣйшемъ открытіи заговора, такъ и для арестованія сообщниковъ этого дѣла, принимая притомъ въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностью ²⁾.

Всѣ эти заботы по дѣлу, угрожавшему спокойствію Россіи и личной безопасности государя, должны были, безъ сомнѣнія, преисполнить горечи послѣдніе дни жизни Александра, вызвавъ въ его умѣ тяжелыя думы. Приказаніе, отданное генераль-адъютанту Дибичу, было послѣднимъ распоряженіемъ государя; черезъ нѣсколько дней императоръ окончательно слегъ ³⁾.

14-го (26-го) ноября государь, вставъ по утру въ седьмомъ часу, приказалъ подать себѣ бриться, но только-что сѣлъ передъ уборнымъ столомъ, какъ, сдѣлавъ себѣ, вслѣдствіе дрожанія руки, порѣзъ на подбородкѣ, упалъ въ обморокъ. Камердинеръ не успѣлъ его поддержать, и государь упалъ на полъ. Это произвело большую тревогу во дворцѣ. По свѣдѣтельству Тарасова, баронетъ Вилліе советѣмъ потерялся, а Стофрегенъ

¹⁾ Слѣдствіе добраго Клейнмихеля и судъ надъ убійцами любовницы Аракчеева составляютъ поворную страницу въ исторіи неограниченнаго самовластия графа Алексѣя Андреевича, тѣмъ болѣе возмутительную, что она могла имѣть мѣсто въ царствованіе протваго и гуманнаго Александра.

²⁾ Всеподданнѣйшій докладъ начальника главнаго штаба отъ 4-го декабря 1825 года.

³⁾ Въ собственноручномъ предписаніи генераль-адъютанта Дибича унтеръ-офицеру Шервуду, отъ 10-го ноября 1825 года, сказано:

„По письму вашему, отъ 20-го сентября, къ г-цу генераль-отъ-артилеріи графу Аракчееву отправляется по высочайшему повелѣнію въ городъ Харьковъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Николаевъ съ полною высочайшею довѣренностью дѣйствовать по извѣстному вамъ дѣлу“.

началъ государю растирать голову и виски одеколономъ. На эту тревогу пришла императрица, и государя уложили на кровать въ бѣломъ плафрокѣ. Съ этого момента болѣзнь императора приняла окончательно опасное направленіе.

Такъ передаетъ Тарасовъ въ своихъ запискахъ событія 14-го ноября. Князь Волконскій, напротивъ того, утверждаетъ въ журналѣ, писанномъ имъ день за днемъ, что сильный обморокъ случился въ восемь часовъ вечера, когда государь, при императрицѣ, всталъ и спустил ноги съ постели ¹⁾. Кромѣ того, князь Волконскій пишетъ еще слѣдующее: «Около обѣда у государя сдѣлался опять сильный жаръ, и за ушами шея, къ головѣ, приметно покраснѣла, почему г. Вилліе и Стофрегенъ предложили его величеству поставить за уши пивки, но государь и слышать о семъ не хотѣлъ, всячески былъ уговариваемъ и упрашиваемъ докторами, императрицею и мною, но всѣмъ отказалъ, отсылая даже съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы его и безъ того разстроены, которые бы должно стараться успокоивать, а не умножать раздраженіе ихъ пустыми лекарствами».

Вилліе въ этотъ день написалъ слѣдующую замѣтку: «Все очень нехорошо, хотя у него нѣтъ бреда. Я намѣренъ былъ дать *acide sturictique* съ питьемъ, но получилъ отказъ по обыкновенію: «*Stupayite* прочь (*Allez-vous en*)». Я заплакалъ; замѣтивъ это, онъ мнѣ сказалъ: «Подойдите, любезный другъ. Надѣюсь, что вы на меня за это не сердитесь. У меня свои причины такъ дѣйствовать. (*Venez, mon cher ami. J'espère que (vous) ne m'en voulez pas pour cela. J'ai mes raisons*)».

Въ 9 часовъ вечера государь потребовалъ къ себѣ Тарасова. «Надобно замѣтить,—пишетъ Тарасовъ,—что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности зналъ, частью, отъ баронета Вилліе, не желавшаго, какъ казалось, допустить меня въ почивальню императора, а частью отъ

¹⁾ Разсказъ Тарасова и обстановка, при которой все это случилось, относятся, можетъ быть, къ первому обмороку государя, который, какъ выше сказано, былъ 10-го ноября и случился утромъ. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что въ запискахъ Тарасова, написанныхъ много лѣтъ спустя послѣ таганрогскихъ событій, факты хотя и переданы вѣрно, но всѣ числа перепутаны и требуютъ поправки.

14-го ноября государь, дѣйствительно, всталъ въ 7 часовъ утра, умылся безъ посторонней помощи и побрился, но обморока не случилось. Затѣмъ Александръ легъ снова на постель, но находился въ сильно возбужденномъ состояніи; по замѣчанію Вилліе, ему тогда трудно было связать правильно какую-либо мысль. «Другъ мой, какое дѣло, какое ужасное дѣло», сказалъ государь, обратясь къ Вилліе. Такое душевное настроеніе продолжалось около минуты. «При этомъ,—пишетъ Вилліе въ исторіи болѣзни императора,—взглядъ его былъ страшный, и мнѣ показалось, что наступаетъ бредъ».

лейбъ-медика Стоффрегена. Меня нашли тогда у барона Дибича, бывшаго не совсѣмъ здоровымъ. По докладу императору, я тотчасъ былъ позванъ въ кабинетъ. Его величество былъ въ большомъ жару и безпокоенъ. Увидѣвъ меня, сказалъ:

— Вотъ, любезный Тарасовъ, какъ я разболѣлся, остаюсь при мнѣ. Якову Васильевичу одному трудно, онъ устаеетъ и ему по временамъ нужно успокоиться; посмотри мой пульсъ.

«При самомъ моемъ входѣ, взглянувъ на государя, я былъ пораженъ его положеніемъ, и какое-то бессознательное предчувствіе произвело рѣшительный приговоръ въ душѣ моей, что императоръ не выздоровѣетъ, и мы должны его лишиться».

Князь Волконскій говоритъ въ своемъ журналѣ, что, видя упорство государя въ дѣлѣ леченія, онъ при императрицѣ сказалъ докторамъ, что почитаетъ однимъ средствомъ склонить государя къ принатію лекарства и приставленію пѣвковъ—это предложить его величеству причащеніе Св. Тайнъ, «ваставя вмѣстѣ съ тѣмъ духовника, чтобы на духу и послѣ причащенія старался его увѣщевать и согласить на приставленіе пѣвковъ, говоря, что въ Тагаврогѣ сіе средство почитается самымъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать такое предложеніе».

«Въ двѣнадцатомъ часу вечера,—пишетъ Тарасовъ, — императрица вошла къ императору, весьма смущенною, усиливаясь въ виду государя казаться спокойною. Сѣвъ подлѣ больнаго, на томъ же диванѣ, она начала разговоръ убѣжденіемъ, чтобы государь аккуратно принималъ назначенныя ему докторами лекарства. Далѣе она сказала по-французски больному:

— Я намѣрена предложить вамъ свое лекарство, которое всѣмъ приноситъ пользу.

— Хорошо, говорите,—сказалъ государь.

«Императрица продолжала: «Я болѣе всѣхъ знаю, что вы великій христіанинъ и строгій наблюдатель всѣхъ правилъ нашей православной церкви; совѣтую вамъ прибѣгнуть къ врачеванію духовному: оно всѣмъ приноситъ пользу и даетъ благоприятный оборотъ въ тяжкихъ нашихъ недугахъ».

— Кто вамъ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лекарство.

— Вашъ лейбъ-медикъ Вилліе,—отвѣчала императрица.

«Тотчасъ Вилліе былъ позванъ. Императоръ, повелительно спросилъ его: «Вы думаете, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко?»— Вилліе, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявить императору, что онъ не можетъ скрывать того, что

онъ находится въ опасномъ положеніи ¹⁾). Государь, съ совершенно спокойнымъ духомъ сказалъ императрицѣ: «Благодарю васъ, другъ мой, принажите—я готовъ».

Рѣшено было призвать соборнаго протоіерея Алексѣя Ѳедотова, но императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснулъ, что, однако-жь, не было настоящимъ сномъ, но сонливостью (зорог). Въ такомъ положеніи государь оставался до пяти часовъ утра.

«Я всю ночь просидѣлъ подлѣ больнаго, говорить Тарасовъ,—и, наблюдая за положеніемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь по временамъ, читалъ молитвы и псалмы, не открывая глазъ.

«Въ пять съ половиною часовъ утра 15-го (27-го) ноября императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «Здѣсь ли священникъ?»—Я тотчасъ сказалъ о семъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Вилліе, проводившимъ всю ночь въ пріемномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая послѣдила прибытіе къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей.

«Немедленно введенъ былъ протоіерей Ѳедотовъ. Императоръ, поднявшись на лѣвый локоть, пріѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ. «Я хочу исповѣдаться и приобщиться Св. Тайнъ,—прошу исповѣдать меня, не какъ императора, но какъ простаго мірянина; извольте начинать, я готовъ приступить къ св. таинству».

Затѣмъ, прослушавъ молитву къ исповѣди, государь сказалъ императрицѣ: «Мнѣ нужно остаться одному (Il faut me laisser seul)». Императрица и всѣ предстоявшіе удалились. Исповѣдь и св. причащеніе, по свидѣтельству Тарасова, продолжались часъ съ четвертью. По окончаніи исповѣди государь приказалъ позвать императрицу; съ нею вошли князь Волконскій, генераль-адъютантъ Дибичъ, Вилліе, Стофрегенъ, Тарасовъ и камердинеры. Государь приобщился Св. Тайнъ. Императрица поцѣловала его въ лобъ и руку. Александръ, обратясь къ императрицѣ, взявъ ея руку и, поцѣловавъ, сказалъ: «Я никогда не испытывалъ большаго наслажденія и очень благодаренъ вамъ за него (Jamais je n'ai éprouvé un plus grand plaisir et vous en remercie beaucoup)».

Богъ сказался ему и свѣялъ съ души грозную мысль, преслѣдо-

¹⁾ Вилліе пишетъ: „Quel est mon triste ministère de lui annoncer sa dissolution prochaine en présence de S. M. l'Impératrice qui est allé lui proposer un remède certain sacramentum“.

вавшую его всю жизнь, мысль, которая верѣдко среди торжества, какъ привидѣніе, возставала передъ нимъ ¹⁾).

Послѣ совершенія таинства императрица вмѣстѣ съ духовникомъ стала умолять больного не отказываться отъ врачебныхъ средствъ; отецъ Алексѣй сталъ съ крестомъ въ рукахъ на колѣни и, поддерживая настояніи императрицы, сказалъ, что небреженіе здоровья со стороны государя было бы тяжкимъ грѣхомъ, равносильнымъ самоубійству. Тогда Александръ, по свидѣтельству Тарасова, обратился къ врачамъ, сказалъ: «Теперь, господа, ваше дѣло; употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными».

Лихорадочное состояніе постепенно усиливалось, припадки обнаруживали, очевидно, поражение мозга. Тарасовъ немедленно поставилъ за уши и къ затылку тридцать пѣвочекъ, на голову были положены холодныя примочки, и назначены медиками внутреннія средства. Къ вечеру положеніе императора казалось нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ, припадки не ожесточились. Вилліе не увлекся, однако, призрачными надеждами. Онъ пишетъ въ дневникѣ 16-го (28-го) ноября: «Все мнѣ кажется слишкомъ позднимъ. Только вслѣдствіе упадка силъ физическихъ и душевныхъ и уменьшенія чувствительности удалось дать ему нѣкоторые лекарства послѣ святаго причастія и увѣщаній Федотова» ²⁾).

Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе. Жаръ былъ менѣе сильный; поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала.

День 17-го (29-го) ноября начался прекраснымъ утромъ. Солнце свѣтило во всемъ блескѣ, и лучи его падали прямо въ окна государя. Больной приказалъ поднять оконныя шторы и, любясь свѣтомъ солнца, которое всегда очень любилъ, сказалъ: «Comme il fait beau».

Нѣкоторые другіе признаки позволяли думать, что положеніе государя подаетъ слабую надежду на благоприятный оборотъ болѣзни,

¹⁾ Ег. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время, стр. 161.

²⁾ „Tout me paraît trop tard. Ce n'est que le manque de forces physiques et morales et la diminution de sa sensibilité qui sont les causes que lui a employé quelques médications depuis la sainte Coena et l'exhortation de Fedotoff“.

Въ дипломатическихъ воспоминаніяхъ лорда Лофтуса приведенъ рассказъ, слышанный имъ въ Петербургѣ отъ Вилліе. Когда императору Александру, съ его согласія, поставили пѣвочки, онъ спросилъ императрицу и Вилліе: довольны ли они теперь? Они только что успѣли высказать свое удовольствіе, какъ вдругъ государь сорвалъ съ себя пѣвочки, которыя единственно могли спасти его жизнь. Вилліе сказалъ при этомъ Лофтусу, что, повидимому, Александръ искалъ смерти и отказывался отъ всѣхъ средствъ, которыя могли ее отсрочить. (The diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus, 1837—1862. — London. 1892).

достигшей, впрочемъ, по замѣчанію Тарасова, высшей степени своего развитія.

Императрица, ни на шагъ не отходившая отъ смертнаго одра своего супруга, была обрадована слабымъ проблескомъ надежды и послѣшила написать объ этомъ въ Петербургъ вдовствующей государынѣ.

«Дорогая матушка. Я была не въ состояніи написать вамъ со вчерашнею почтою. Сегодня—да будетъ воздано за то тысячу и тысячу благодареній Всевышнему—наступило весьма явное улучшение въ состояніи здоровья государя, этого ангела доброты среди своихъ страданій. Для кого и на комъ явить Господу свое безконечное милосердіе, какъ не на немъ? О Боже мой, какія ужасныя минуты я пережила! Могу себѣ представить и ваше безпокойство, дорогая матушка. Вы получаете билетень. Слѣдовательно, вы могли видѣть, на что мы были обречены вчера и даже сегодняшнюю ночь. Но сегодня самъ Вилліе говорить, что состояніе нашего дорогаго больнаго удовлетворительно. Онъ до чрезвычайности слабъ. Признаюсь вамъ, дорогая матушка, что я сама не своя и болѣе ничего не могу сказать вамъ. Молитесь съ нами, съ пятьюдесятью милліонами людей, чтобы Господь благоволилъ довершить исцѣленіе нашего дорогаго больнаго» ¹⁾.

Но смерть уже витала надъ изголовіемъ бѣднаго страдальца: онъ угасалъ. То, что императрица и нѣкоторые изъ приближенныхъ принимали за перемѣну къ лучшему, было только послѣднею вспышкой жизни, отсрочкой передъ близкимъ отходомъ императора въ вѣчность. Къ вечеру положеніе государя сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки пораженія мозга стали очевидными, и утратилась всякая надежда на благопріятный исходъ болѣзни. «Нѣтъ надежды спасти моего обожаемаго повелителя», восклицаетъ Вилліе въ замѣткѣ, сдѣланной 18-го (30-го) ноября ²⁾.

Тарасовъ пишетъ: «Ночь всю провелъ государь въ забытїи и безпамятствѣ; только по временамъ открывалъ глаза, когда императрица,

¹⁾ Chère Maman, je n'ai pas été en état de vous écrire par la poste d'hier. Aujourd'hui, grâce en soit rendue mille et mille fois à l'Être suprême, il y a du mieux très décidé dans l'état de l'Empereur, de cet ange de bienveillance au milieu de ses maux. Pour qui, sur qui Dieu manifesterait-Il son infime miséricorde, si ce n'était lui. Oh, mon Dieu, quels cruels moments j'ai passé! Et vous, chère Maman, je me figure vos inquiétudes. Vous recevez le bulletin. Vous aurez donc vu à quoi nous avons été réduits hier, cette nuit encore. Mais Wyllie aujourd'hui dit lui-même que l'état de notre cher malade est satisfaisant. Il est faible à l'excès. Chère Maman, je vous avoue, que je n'ai pas ma tête et ne puis vous en dire davantage. Priez avec nous, avec 50 millions d'hommes que Dieu daigne achever la guérison de notre bien aimé malade.

²⁾ «Aucune espérance pour sauver mon adorable maître».

сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на св. Распятіе, крестился и читалъ молитвы. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру государь началъ очевидно слабѣть. Когда я давалъ ему пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и не свободно. Я не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ десять часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулѣ, постоянно своею лѣвою держа его правую руку. По временамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ государя. Питье онъ проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ четвертомъ часу за полночь дыханіе замѣтно стало медленное, но спокойно и безъ страданій ¹⁾.

«Всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

«Наступило 19 е ноября (1-е декабря). Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобы получить вѣсть о положеніи императора.

«Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и св. Распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилятельны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земнаго, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише».

Въ 10 часовъ 50 минутъ великій монархъ отошелъ въ вѣчность.

Императрица, неотлучно свидѣвшая при умирающемъ, встала съ своего мѣста, помолилась на колѣняхъ, потомъ перекрестала императора, поцѣловала его, еще разъ перекрестила, закрыла вѣки глазъ его; за тѣмъ, сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, опять помолилась на колѣняхъ и, низко поклонившись усопшему, удалалась изъ кабинета въ свой покой.

Въ тотъ же день государыня наша въ себѣ довольно силъ написать императрицѣ Маріи Феодоровнѣ слѣдующія строки:

¹⁾ Другой очевидецъ послѣднихъ минутъ жизни императора Александра, придворный врачъ Доббертъ, пишетъ, что онъ имѣлъ мучительный конецъ. Атонія продолжалась почти одиннадцать часовъ (Er hatte einen qualvollen Tod. Beinahe elf Stunden dauerte der Todeskampf). Aus dem Leben Dobberts. S.-Petersburg 1868. p. 54.

«Дорогая матушка! Нашъ ангелъ въ небесахъ, а я осталась на землѣ; о, если бы я, самое несчастное существо изъ всѣхъ оплакивающихъ его, могла скоро соединиться съ нимъ! О, мой Боже, это почти превосходить человѣческія силы, но, если Онъ явспослалъ это, не подлежитъ сомнѣнію, что слѣдуетъ быть въ силахъ перенести это. Я не понимаю самое себя, я не знаю, не въ бреду ли я, не могу ни располагать своимъ существованіемъ, ни понять его. Вотъ его волосы, дорогая матушка! Увы, почему онъ былъ долженъ выстрадать столько! Но теперь его лицо носить лишь выраженіе удовольствія и доброжелательства, присущихъ ему. Кажется, точно онъ одобряетъ все происходящее вокругъ него. О, дорогая матушка, какъ мы всѣ несчастны! Пока онъ будетъ находиться здѣсь, я останусь здѣсь—когда онъ отправится отсюда, если это найдутъ возможнымъ, я тоже отправлюсь. Я поѣду съ нимъ, пока хватитъ силъ. Я не знаю еще, чтѣ будетъ со мною. Дорогая матушка, сохраните мнѣ ваше расположеніе»¹⁾).

Первыя слова этого письма, ставшаго достояніемъ исторіи, послужили какъ бы эпитафіей Александру Благословенному, и были воспроизведены на гравюрахъ, медаляхъ, браслетахъ и такъ называемыхъ траурныхъ перстняхъ.

Въ письмѣ къ Григорію Ивановичу Виладову князь Волконскій сообщалъ ему 21-го ноября 1825 года:

«Императрица Елисавета Алексѣевна, при всей скорби ужаснѣйшаго общаго несчастія, изволила переносить печаль свою съ удивительною твердостью, присутствуя ежедневно два раза при панихидахъ».

Страдая сама неизлечимымъ недугомъ, Елисавета Алексѣевна въ своей безотрадной скорби озарена была только одною надеждою: соединиться въ скоромъ времени съ дорогимъ почившимъ за предѣлами земной жизни.

¹⁾ „Chère Maman! Notre ange est au ciel et moi sur la terre de tous ceux qui le pleurent; la créature la plus malheureuse, puis-je le rejoindre bientôt! O mon Dieu, c'est presque au-delà des forces humaines, mais puisqu' Il l'a envoyé, sans doute il faut pouvoir le supporter. Je ne me comprends pas, je ne sais si je rêve. je ne puis pas combiner, ni comprendre mon existence Voici de ses cheveux, chère Maman! Hélas! Pourquoi a-t-il dû souffrir autant! Mais sa figure maintenant ne porte plus que l'expression de la satisfaction et de la bienveillance qui lui sont naturelles Il semble approuver ce qui se passe autour de lui. Ah! chère Maman, que nous sommes tous malheureux! Tant qu'il sera ici, je reste ici—quand il partira, si on le trouve possible, je partirai aussi J'irai avec lui tant que je pourrai. Je ne sais encore ce que je deviendrai; chère Maman, conservez-moi vos bontés“

Замѣтимъ здѣсь, что до сихъ поръ этотъ историческій документъ передавался въ различныхъ сочиненіяхъ въ совершенно искаженномъ видѣ.

III.

19-го ноября 1825 года совершилось великое для Россіи несчастье: лучшаго изъ государей Европы не стало. Когда онъ скрылся съ политическаго поприща, одно только прекрасное изъ его жизни выступило на первый планъ; все прочее было предано забвенію. Видишь передъ собою, пишеть современникъ ¹⁾, того прекраснаго генія, котораго такъ радостно встрѣчали въ 1801 году; видишь славнаго царя, которому Россія обязана 1813 и 1814 годами; видишь утѣшителя народа послѣ наводненія прошлагодняго; видишь привѣтливаго, доброжелательнаго человѣка, который такъ былъ любезенъ въ сношеніи личномъ, неизмѣнно оставаясь, по выраженію Сперанскаго, сущимъ прельстителемъ (*un vrai charmeur*). Въ душѣ его было много идеально прекраснаго, онъ искренно желалъ добра, онъ любилъ добро и постигалъ его.—Было о чемъ горевать, въ особенности, въ виду неизвѣстнаго будущаго, ожидавшаго Россію, которой, по образному выраженію одного русскаго писателя, со смертью Александра предстояло войти въ холодный, непривѣтливый корридоръ, въ длинный мрачный тунель. Это чувствовалось и сознавалось многими современниками.

Но независимо отъ горя, обрушившагося на всю Россію для лицъ, окружавшихъ смертный одръ почившаго монарха, наступилъ еще особенный, ими одними пережитый, истинно трагическій моментъ. Вдали отъ столицы и всѣхъ членовъ царской семьи, въ уединенномъ городѣ русскаго царства, удаленномъ на 2.000 верстъ отъ центра государственнаго управленія, предъ ними возсталъ грозный вопросъ: кто же будетъ теперь императоромъ, кому слѣдуетъ принести присягу и отъ кого ожидать впредь приказанія?—И эти вопросы къ тому же приходилось задавать себѣ среди развѣтлений обширнаго заговора и повсемѣстнаго броженія!

«Сфинксъ, неразгаданный до гроба», какъ мѣтко называлъ Александра поэтъ, не отерылъ никому своего царственнаго завѣта и даже, въ виду извѣстной ему неминуемой кончины, не считалъ нужнымъ затронуть ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ этотъ животрепещущій для благополучія Россіи вопросъ. Напротивъ того, въ послѣдніе дни своей жизни императоръ Александръ какъ бы сознательно отстранялъ себя отъ всѣхъ земныхъ дѣлъ и умиралъ, какъ частный человѣкъ, покончившій свои расчеты съ міромъ. Поэтому неудивительно, что онъ не указалъ на избраннаго имъ преемника; доволь-

¹⁾ В. А. Жуковскій Александру Ивановичу Тургеневу 28-го ноября (10-го декабря) 1825 года.

ствуясь сдѣланнымъ ранѣе въ тайнѣ распоряженіемъ, онъ какъ бы думалъ—раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ чья Россія.

О существованіи акта, назначавшаго великаго князя Николая Павловича наслѣдникомъ престола, при жизни Александра никто не зналъ, за исключеніемъ трехъ государственныхъ сановниковъ: графа Аракчеева, князя А. Н. Голицына и архіепископа московскаго Филарета ¹⁾. По роковому стеченію обстоятельствъ, ни одинъ изъ нихъ не присутствовалъ при кончинѣ государя въ Таганрогѣ. Изъ находившихся же при императорѣ трехъ довѣренныхъ генералъ-адъютантовъ: князя Волконскаго, барона Дибича и Чернышева—ни одинъ не зналъ, что права старшаго брата въ наслѣдованіи престола перенесены на втораго.

Генералъ-адъютантъ Дибичъ рассказывалъ, впоследствии Михайловскому-Данилевскому:

«Государь, повѣрившій мнѣ многія тайны, не говорилъ мнѣ однако же объ этомъ ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ, и онъ, обращая рѣчь къ великому князю Николаю Павловичу, сказалъ ему: «Тебѣ надобно будетъ это поддерживать». Я ничего другаго изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что, судя по лѣтамъ великаго князя, онъ, переживъ государя и цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ ²⁾».

Вотъ чѣмъ ограничивались свѣдѣнія, которыми располагалъ Дибичъ въ Таганрогѣ по вопросу о престолонаслѣдіи. Князю Волконскому также ничего не было извѣстно по этому дѣлу. Наконецъ, императрица Елисавета Алексѣевна находилась въ подобномъ же положеніи и ничего не знала о совершившемся отреченіи Константина Павловича.

«Когда въ Таганрогѣ болѣзнь Александра не подавала уже никакой надежды къ выздоровленію, рассказывалъ Дибичъ, князь Волконскій совѣтовалъ мнѣ спросить у императрицы: къ кому, въ случаѣ кончины государя, должно будетъ относиться мнѣ, какъ начальнику главнаго штаба его величества, ибо положеніе мое было весьма затруднительно; я оставленъ начальникомъ арміи въ такое время, гдѣ открывалась случай обширнаго заговора. Я не рѣшился лично предложить императрицѣ

¹⁾ О своемъ рѣшеніи императоръ Александръ сообщилъ также прусскому принцу Вильгельму. Затѣмъ оказывается, что государь повѣдалъ эту тайну еще Карамзину и его женѣ. Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 3-го (15-го) января 1826 года Карамзинъ пишетъ:

„Самъ покойный государь еще осенью 1823 года сказывалъ мнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ объ этомъ распоряженіи наслѣдства. Мы не намѣнили тайнѣ“.

Припомнимъ здѣсь, что о своемъ намѣреніи сойти съ престола императоръ Александръ сообщилъ также принцу Оранскому, посѣтившему Петербургъ весною 1825 года.

²⁾ „Рукописный журналъ“ 1829 года Михайловскаго-Данилевскаго.

сего вопроса, не желая нанести ей огорченія, да и хотя и пользовался ея милостями, но однако же не въ такой степени, какъ князь Волконскій, который былъ другомъ императорской фамиліи; потому я настоятельно просилъ его принять на себя объясненіе съ государынею. Онъ не иначе на сіе согласился, какъ съ условіемъ, чтобы и я тутъ же, находился.

«Мы вошли съ нимъ вдвоемъ въ комнату государя, лежавшаго въ забытіи, и князь Волконскій, подойдя къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, сказалъ ей, что я, какъ начальникъ штаба, прошу ее сказать, къ кому, въ случаѣ несчастія, мнѣ должно будетъ относиться?»

— Развѣ государь такъ боленъ, что уже нѣтъ надежды? спросила императрица.

— Богъ одинъ можетъ помочь и спасти государя; однако-же, спокойствіе и безопасность Россіи требуютъ, чтобы на всякій случай были приняты надлежащіе мѣры,—отвѣтилъ князь Волконскій.

— Разумѣется, что въ несчастномъ случаѣ надобно будетъ относиться къ Константину Павловичу,—сказала императрица.

«Сія слова явно доказываютъ невѣдѣніе императрицы о томъ, кто былъ назначенъ наследникомъ престола.

«Мы полагали съ княземъ Волконскимъ, что у покойнаго государя Александра Павловича было завѣщаніе, ибо онъ имѣлъ при себѣ безпрестанно конвертъ съ бумагами, котораго онъ никогда не оставлялъ. Когда мы, по смерти его, вскрыли сіи бумаги, то нашли, что въ нихъ были написаны какія то молитвы».

Императрица Елисавета Алексѣевна сперва хотѣла сохранить эти бумаги у себя, но потомъ велѣла князю Волконскому вложить ихъ въ мундиръ, который надѣли на тѣло почившаго императора, въ тотъ самый карманъ, гдѣ онъ всегда ихъ носилъ¹⁾.

При такомъ положеніи дѣла, генераль-адъютанту Дибичу оставалось только донести о печальномъ событіи въ Варшаву цесаревичу Константину Павловичу, какъ тому явцу, которое было теперь, по закону о престолонаслѣдіи, императоромъ Всероссійскимъ.

Тогда же Дибичъ написалъ письмо императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, въ которомъ въ заключеніи сказано: «Съ покорностію ожидаю повелѣній отъ новаго нашего законнаго государя императора Константина Павловича».

Составленный въ Таганрогѣ актъ о кончинѣ императора Александра приложенъ былъ къ всеподданнѣйшему рапорту барона Дибича на имя императора Константина отъ 19-го ноября 1825 года²⁾.

¹⁾ Эти таинственныя бумаги заключали въ себѣ двѣ молитвы и выписки нѣсколькихъ главъ священнаго писанія. (Письмо князя Волконскаго императрицѣ Маріи Феодоровнѣ отъ 14-го декабря 1825 года).

²⁾ Актъ и всеподданнѣйшій рапортъ напечатаны нами въ статьѣ: „Ме ж“

На другой день послѣ кончины императора Александра, 20-го ноября (4-го декабря), въ семь часовъ вечера произведено было вскрытіе тѣла почившаго императора въ присутствіи генераль-адъютанта Чернышева. Протоколъ подписали девять докторовъ, а именно: Дмитріевского вотчиннаго госпиталя младшій лѣкарь Яковлевъ, лейбъ-гвардіи казачьяго полка штабъ-лѣкарь Васильевъ, Таганрогскаго карантинна главнѣйшій медицинскій чиновникъ докторъ Лакіеръ, придворный врачъ коллежскій асессоръ Доббертъ, медико-хирургъ надворный совѣтникъ Тарасовъ, штабъ-лѣкарь надворный совѣтникъ Александровичъ, докторъ медицины и хирургіи статскій совѣтникъ Рейнгольдъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ лейбъ-медикъ Стофрегенъ, баронетъ Яковъ Вилліе, тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ.

Затѣмъ слѣдуетъ подпись Чернышева: «Видѣлъ описанные медиками признаки и при вскрытіи тѣла его императорскаго величества государя императора Александра Павловича находилъ генераль-адъютантъ Чернышевъ».

Въ заключеніи протокола о вскрытіи тѣла сказано:

«Сіе анатомическое наслѣдованіе очевидно доказываетъ, что августѣйшій нашъ монархъ былъ одержимъ острою болѣзнію, кою первоначально была поражена печень и прочіе къ отдѣленію желчи служащія органы; болѣзнь сія въ продолженіи своемъ постепенно перешла въ жестокую горячку съ приливомъ крови въ мозговые сосуды и послѣдующимъ затѣмъ отдѣленіемъ и накопленіемъ сукровичной влаги въ полостяхъ мозга и была наконецъ причиною самой смерти его императорскаго величества» ¹⁾.

Вилліе занесъ по этому поводу въ дневникъ замѣтку: «Вскрытіе и бальзамированіе подтвердило все то, что я сказалъ а priori. О, если бѣ я имѣлъ его согласіе, если бы онъ былъ сговорчивъ и послушенъ, эта операція не происходила бы здѣсь ²⁾».

Князь Волконскій возложилъ операцію бальзамированія тѣла императора Александра на Д. К. Тарасова, но онъ, какъ говорятъ въ своихъ запискахъ, «изъ сыновняго чувства и благоговѣнія къ императору, не могъ принять на себя такой обязанности». Тогда это дѣло по-

дударствіе въ Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г.⁴. «Русская Старина» 1882 г., т. 35, стр. 158 и 163.

¹⁾ Государственный архивъ. Разрядъ III № 29. Тарасовъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что редакція этого акта составлена имъ, но что онъ его не подписывалъ. Между тѣмъ на подлинномъ актѣ находится и его подпись.

²⁾ „Dissection et embaumement, qui confirmèrent tout ce que j'avais dit а priori. Oh si j'avais eu son consentement, si il aurait traitable et docile, cette opération n'aurait pas eu lieu ici“. Воспроизводимъ здѣсь буквально своеобразную французскую ореографію Вилліе.

ручено было врачамъ Рейнгольду, Добберту, Лакиеру, Васильеву и аптекарю Протту.

Бальзамированіе тѣла, несмотря на всѣ затрудненія въ отысканіи въ столь короткое время всѣхъ потребныхъ къ тому веществъ, произведено было, по мнѣнію Тарасова, вполне удачно. Онъ свидѣтельствуєтъ, что, по прибытіи печальной церемоніи 8 марта 1826 года въ Царское Село, «тѣло императора и форма лица были совершенно сохранены».

Вечеромъ 20-го ноября, послѣ панихиды, императрица Елисавета Алексѣевна переехала въ другой домъ на время бальзамированія тѣла императора Александра и устроенія катафалка въ залѣ. Государыня возвратилась во дворецъ 29-го ноября.

Н. И. Шенингъ, служившій въ то время по квартирмейстерской части, сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ очевидецъ, слѣдующія подробности, относящіяся къ бальзамированію тѣла императора Александра:

«21-го ноября (3-го декабря), поутру въ 9 часовъ, по приказанію Дибича, отправился я, какъ старшій въ чинѣ изъ числа моихъ товарищей, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго государя. Вошедъ въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣтымъ на столѣ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырѣзывая мясистыя части, набивали ихъ какими то разваренными въ спиртѣ травами и забинтовывали широкими тесьмами. Доббертъ и Рейнгольдъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кастрюлкѣ въ каминѣ эти травы. Они провели въ этомъ занятіи всю ночь, съ той поры, какъ Вилліе вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черепъ на головѣ былъ уже приложенъ, а при мнѣ натягивали кожу съ волосами, чѣмъ немного измѣнилось выраженіе чертъ лица. Мозгъ, сердце и внутренности были вложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной большой жестянки съ крышкою, и заперты замкомъ. Кромѣ вышесказанныхъ лицъ и караульнаго казацкаго офицера, никого не только въ комнатѣ, но и во всемъ дворцѣ не было видно. Государыня наканунѣ переехала на нѣсколько дней въ домъ Шихматова. Доктора жаловались, что ночью всѣ разбѣжались, и что они не могутъ даже добиться чистыхъ простынь и полотенецъ. Это меня ужасно раздосадовало. Давно ли всѣ эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ и благодаренія! Я тотчасъ же пошелъ къ Волконскому, который принялъ меня въ постели, рассказать, въ какомъ положеніи находится тѣло государя, и тотъ, вскочивъ, послалъ фельдъегеря за камердинерами. Черезъ четверть часа они явились и принесли бѣлье. Между тѣмъ фельдшера перевертывали тѣло какъ кусокъ дерева, а я съ трепетомъ и любопытствомъ имѣлъ время осмотрѣть его. Я не встрѣчалъ еще такъ хорошо сотвореннаго чело-

вѣка. Руки, ноги, всё части тѣла могли бы служить образомъ для ваятеля; нѣжность кожи необыкновенная.

«По окончаніи бальзамированія, одѣли государя въ общій генеральскій мундиръ, съ звѣздою и орденами въ петлицѣ, на рукахъ перчатки, и положили на желѣзную кровать, на которой онъ скончался, накрывъ все тѣло кисеею. Въ ногахъ поставили наложъ съ евангеліемъ, которое поочередно читали священники, смѣняясь каждые два часа. Мы четверо ¹⁾ и нѣсколько казацкихъ офицеровъ дежурили также по два часа стоя, потому что и стула не было въ комнатѣ, и это дежурство приходилось иногда по три раза въ сутки. На панихидахъ всегда былъ дежурнымъ одинъ изъ насъ четверыхъ. Кромѣ того былъ всегда безотлучно одинъ изъ камердинеровъ и Рейнгольдъ или Доббертъ, которые ежечасно смачивали лицо губкою, напитанною спиртомъ. Жаръ въ комнатѣ доходилъ до 18° и болѣе; всё двери и окна были заперты, и кромѣ того горѣли три большія церковныя свѣчи. Острый запахъ спирта, насыщеннаго какимъ то душистымъ веществомъ, наводилъ дурноту, и мундиры до того имъ провоняли, что недѣли три сохраняли этотъ непріятный запахъ. Доктора признавались, что они не могли хорошо и настоящимъ образомъ произвести бальзамированія, по неимѣнію достаточнаго количества спирта, въ который должно бы было погрузить все тѣло на нѣсколько сутокъ; къ тому же, я думаю, что они были непривычны къ этому дѣлу.

«На второй день, поднявъ кисеею для примочки лица, я далъ замѣтить Добберту, что клочекъ галстука торчитъ изъ-подъ воротника государя. Онъ потянулъ и къ ужасу увидѣлъ, что это кожа. Лицо начало совершенно чернѣть. Теплота и уменьшеніе остроты спирта, стоявшаго въ открытой чашѣ и въ жаркой комнатѣ, вмѣсто сохраненія послужили только къ порчѣ тѣла. Сейчасъ побѣжалъ онъ къ Вилліе, который явился удостовѣриться въ показаніи. Рѣшили заморозить тѣло и тѣмъ только сохранить его. Отворили всё окна, подвинули подъ кровать корыто со льдомъ и повѣсили у постели термометръ, чтобы стужа всегда была не менѣе 10°. Въ это время холодъ и вѣтры начинали дѣлаться весьма сильныя, и каково же было намъ дежурить въ одномъ мундирѣ! Только во время утренней и вечерней панихиды запирали окна, потому что присутствовала государыня.

«23-го числа поставили тронъ, обили всю залу чернымъ сукномъ, надѣли на государя порфиру и положили въ гробъ, надѣвъ на голову золотую корону. Первый гробъ былъ свинцовый, а этотъ уже былъ поставленъ въ деревянный, обитый золотою парчею съ орлами. Окна

¹⁾ Н. И. Шенигъ, П. А. Тучковъ (впослѣдствіи московскій генералъ-губернаторъ), Венцель и Кожевниковъ.

насквозь были отворены, и мы уже дежурили въ шляпахъ и съ обнаженными шпагами. Подъѣхало съ Дону нѣсколько казаковъ всѣхъ чиновъ, и тутъ уже дежурили одинъ генералъ, одинъ штабъ-офицеръ и по два оберъ-офицера; во время панихиды всегда однакожь двое изъ насъ. По окончаніи каждой панихиды входилъ Волконскій, вводилъ вояъ изъ залы всѣхъ часовыхъ и наконецъ уходилъ и самъ; оставались священникъ, читающій евангеліе и насъ двое, которымъ велѣно было стоять у ступеней гроба смиренно и не поднимать глазъ. Несмотря на то, мы очень хорошо могли видѣть, что всякій разъ выходила изъ своихъ комнатъ императрица, совершенно одна, никѣмъ не поддерживаемая, всходила на ступени трона и начинала цѣловать тѣло и молиться. Это всегда продолжалось минутъ десять. Коль скоро она удалялась, Волконскій опять вводилъ часовыхъ, входили дежурные, и мы начинали ходить вольно! Панихиды со дня кончины отправлялъ греческій архимандритъ съ шестью священниками и, не зная по-русски, дѣлалъ возгласы по-гречески. Къ 1-му декабря пріѣхалъ Екатеринославскій архіепископъ и тогда началъ первенствовать на службѣ¹⁾.

По странной случайности это былъ тотъ самый преосвященный Теофиль, которому, какъ выше упомянуто, императоръ Александръ сдѣлалъ строгое замѣчаніе при проѣздѣ черезъ Орѣховъ, на возвратномъ пути изъ Крыма. Онъ былъ вызванъ въ Таганрогъ княземъ Волконскимъ²⁾.

Въ дополненіе къ краткому очерку печальныхъ событій, случившихся въ Таганрогѣ въ 1825 году, приведемъ еще письмо князя Волконскаго къ генералъ-адъютанту Закревскому: въ этомъ письмѣ встрѣчается безпощадная, но справедливая оцѣнка образа дѣйствія проклаятая, омрачившаго собою послѣднія недѣли жизни императора Александра.

«Ужаснѣйшее бѣдствіе, насъ всѣхъ постигшее, любезный другъ Арсеній Андреевичъ, пишетъ князь Волконскій,—отнимаетъ у меня силы къ изъясненію скорби и сокрушенія мною ощущаемыхъ. 19-го ноября по утру, въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ, поражены мы были жестокимъ ударомъ по случаю кончины обожаемаго монарха нашего,

¹⁾ Воспоминанія Николая Игнатьевича Шенга, „Русскій Архивъ“ 1890 года, книга 3-я. Стр. 280—283. До 27-го ноября тѣло императора Александра лежало на постели въ кабинетѣ по недостатку различныхъ вещей, ожидавшихся изъ Москвы для переноса тѣла въ залъ. Затѣмъ 27-го ноября тѣло императора было положено въ гробъ и поставлено на катафалкѣ, устроенномъ въ залѣ таганрогскаго дворца.

²⁾ Со дня пріѣзда преосвященный ежедневно по утрамъ послѣ литургіи отправлялъ соборомъ панихиду у тѣла, а по вечерамъ архимандритъ греческаго монастыря заступалъ мѣсто Теофила.

государя Александра Павловича, послѣ тринадцати дневной желчной и потомъ обратившейся въ нервическую горячку.

«Никому столь не было извѣстно, любовный другъ, какъ вамъ, преданность, привязанность и даже, смѣю сказать, дружество мое съ нимъ; легко можете себѣ представить, въ какомъ положеніи я нахожусь. Увѣренъ, что и вы равномѣрно печаль сію чувствуете въ той же силѣ, бывъ столько ему преданы. Во все время болѣзни государевой я не покидалъ его, ухаживалъ за нимъ, оказывая всѣ пособія, какія только были нужны, и, къ несчастію моему, всѣ мои труды были тщетны. Всевышнему Творцу угодно было. ниспослать на насъ гнѣвъ свой, лишивъ насъ столь драгоценнаго монарха. Однимъ утѣшеніемъ остается мнѣ то, что я еще при концѣ его могъ оказать ему послѣдній долгъ.

«Теперь, бывъ здѣсь совершенно одинъ, въ ужасной горести занимаюсь учрежденіемъ печальной церемоніи. За двѣ тысячи верстъ отъ столицы, въ углу имперіи, безъ малѣйшихъ способовъ и съ большою трудностію доставать самыя необходимыя вещи, по сему случаю нужныя, за всякой бездѣлицею принужденъ посылать во всѣ стороны курьеровъ, распорядитъ всѣмъ и не только толковать, но даже самому рисовать разные планы и фигуры, потребныя для церемоніи, и признаюсь что, ежели бы меня здѣсь не было, не знаю, какъ бы сіе пошло, ибо всѣ прочіе потеряли совершенно голову. Императрица во все время болѣзни также не покидала государя и за нимъ ухаживала, при кончинѣ оказала удивительную твердость. Печаль свою, по слабому ея здоровью, переноситъ благодаря Бога хорошо; не знаю, что будетъ впоследствии. Я такъ ослабѣлъ, бывъ тринадцать дней и ночей безъ пищи и безъ сна, что едва шатаюсь; имѣю сверхъ того на рукахъ императрицу и устройство церемоніи. Съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія императора Константина Павловича, за конемъ послалъ уже нѣсколько курьеровъ, для дальнѣйшихъ распоряженій къ препровожденію тѣла покойнаго въ С.-Петербургъ. Не знаю, чѣмъ все кончится, и какая будетъ моя участь. Отдавъ долгъ прослуженіемъ тремъ царствованіямъ, можно, кажется, и удалиться, дабы, по крайней мѣрѣ, имѣть время завѣяться собственными дѣлами, кои весьма въ худомъ положеніи, ибо никогда не рѣшался и не хотѣлъ утруждать объ оныхъ покойнаго императора, онъ же самъ никогда не обращалъ на сіе вниманія, слѣдовательно, я остался безъ всего. Теперь не знаю еще, на что рѣшится императрица, которую оставить одну въ семъ положеніи нахожу что грѣшно, но быть удалену отъ своего семейства, при столь худыхъ обстоятельствахъ, также весьма затруднительно. Рѣшился положить на Бога, который меня никогда не покидалъ, надѣюсь, и въ семъ несчастномъ положеніи не оставитъ. Я воображаю, въ какомъ уныніи должна быть столица, особенно, государыня императрица Марія Федоровна. Я боюсь за нее, такъ и за императрицу Елисавету Алексѣевну.

которая сколько ни крѣвится, но страдаетъ ужасно отъ удара ея постигшаго. Вотъ, любезный другъ, событіе несчастныхъ предчувствій, кои имѣлъ я предъ отъѣздомъ моимъ сюда, чувствуя и здѣсь ужаснѣйшую тоску и грусть непоимѣрную, кои относились всегда насчетъ скуки и недостатка въ обществѣ, и никогда не входило въ голову, чтобы могло послѣдовать подобное бѣдствіе ¹⁾.

«Проклятый змѣй и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіею и гнуснѣйшимъ поступкомъ; ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ змѣя, и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно, происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду-ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ и государя, который узнаетъ всё его неистовства, но поудно; вотъ предчувствіе мое и сбылось! Можетъ-ли сей извергъ имѣть смѣлость показываться еще на глаза въ свѣтѣ, и неужели совѣсть его не убьетъ, но хотя бы сіе и случилось, не воротитъ уже несчастія, постигшаго Россію и всѣхъ насъ, истинно преданныхъ государю» ²⁾.

Изъ отвѣта генералъ-адъютанта Закревскаго на это письмо можно видѣть, до какой степени онъ сочувствовалъ отзыву, высказанному княземъ Волконскимъ относительно подвиговъ графа Аракчеева.

«Слишкомъ жестоко убѣжденъ я вашимъ предчувствіемъ о пресмыкающемся змѣѣ, который успѣлъ отравить своимъ ядомъ и послѣднія минуты своего благодѣтеля, пишетъ Закревскій.—Припомните и мое о немъ мнѣніе; оно сбылось теперь разительно ³⁾. Не даромъ и я чувствовалъ всегда ужасную къ нему антипатію. Если-бъ вы знали, сколь несносно теперь его существованіе въ глазахъ соотечественниковъ? Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что единогласно почти его ненавидятъ и, какъ чудовища, пугаются. Онъ самъ теперь раскрылъ гнусный свой характеръ тѣмъ, что, когда постыдная исторія съ нимъ случилась, то

¹⁾ 14-го (26-го) августа 1825 года князь Волконскій писалъ А. А. Закревскому передъ отъѣздомъ въ Таганрогъ: „Дай Богъ только, чтобы путешествіе сіе было въ пользу для здоровья ея величества. Признаюсь, не понимаю, какъ доктора могли избрать такое мѣсто, какъ бы въ Россіи другихъ мѣстъ лучше сего нѣтъ“.

²⁾ Сборникъ И. Р. И. О. т. 73-й. Бумаги графа Арсенія Анхревича Закревскаго. Стр. 95: Письмо князя Волконскаго отъ 21-го ноября (7-го декабря) 1825 года.

³⁾ Припомнимъ здѣсь, что А. А. Закревскій еще въ 1819 году утверждалъ, что „графъ Аракчеевъ—вреднѣйшій человекъ въ Россіи“. Къ этой характеристикѣ Закревскій прибавилъ еще пророчество: „Мнѣ кажется, что Клейнмихель со временемъ будетъ еще хуже его“. Сборникъ И. Р. И. О. томъ 78-й. Стр. 214.

онъ, забывъ совѣсть и долгъ отечеству, бросилъ все и удалился въ пору къ своимъ пресмыкающимся тварямъ, а теперь, когда лишился онъ своего благодѣтеля, имѣлъ столько духу, что выползъ изъ западни и принялся по-прежнему за дѣла. Послѣ столь гнуснаго поступка, не трудно угадать, какія нязкія чувства у сего выродка ехидны» ¹⁾.

Приговоръ жестокій, но, нужно признать, справедливый! Дѣйствительно, графъ Аракчеевъ, увѣрявшій императора Александра, что онъ, по тяжкому разстройству] здоровья, никакого соображенія не можетъ сдѣлать по дѣламъ, ему ввѣреннымъ, и думаетъ только объ одномъ — пожить въ уединеніи, ближе къ Фотію!! вдругъ, по принесеніи присяги императору Константину, чудеснымъ образомъ освобождается отъ недуговъ и 30-го ноября (12-го декабря) 1825 года доноситъ новому государю: «Получа облегченіе отъ болѣзни, я вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній» ²⁾.

Несмотря на болѣзненную слабость, императрица Елисавета Алексѣевна среди поразившаго ее безутѣшнаго горя вспомнила о Лагарпѣ и почтила бывшего воспитателя императора Александра слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

«Изъ всѣхъ раздѣлявшихъ со мною глубокую скорбь, воспоминаніе о васъ въ эту жестокую минуту — для меня самое драгоценное. Мнѣ отрадно было бы оплакивать вмѣстѣ съ вами обожаемаго человека, коего прекрасная душа вамъ была извѣстна; вы слѣдили за его развитіемъ, вы способствовали оному, онъ вамъ обязанъ былъ частью тѣхъ превосходныхъ и рѣдкихъ на его мѣстѣ качествъ, которыя дѣлали его предметомъ любви и восхищенія его народа и иностранцевъ; никто потому лучше васъ не можетъ понять всей громадности моей утраты и говорить мнѣ тѣмъ языкомъ, котораго болѣе всего жаждетъ мое сердце. Вы знаете, что онъ любилъ сознавать, чѣмъ онъ вамъ былъ обязанъ, и я нахожу утѣшеніе въ повтореніи вамъ этого. Вы говорите, что остатокъ жизни вашей разстроенъ нашимъ несчастіемъ, и я этому вѣрю; но вспомните о непосредственномъ вліяніи, которое вы имѣли на его молодость, о благѣ, которое вы этимъ принесли ему и всему человѣчеству, и вы еще найдете утѣшеніе въ этомъ воспоминаніи.

«Что сказать вамъ о себѣ? Не имѣю надобности говорить вамъ, что я совершенно несчастлива, что я потеряла все на семъ свѣтѣ, гдѣ его любовь была для меня первѣйшимъ, неопѣненнѣйшимъ изъ благъ. Бывъ

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О. томъ 73-й. Стр. 184: Письмо А. А. Закревскаго отъ 10-го (22-го) декабря 1825 года изъ Гельсингфорса.

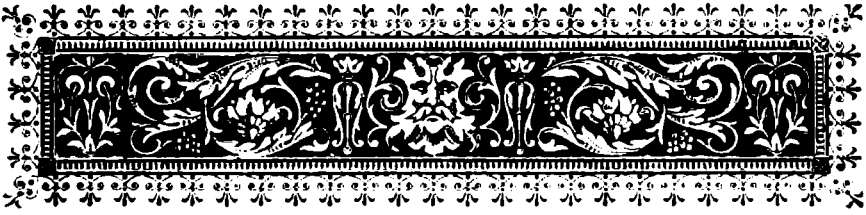
²⁾ Н. И. Шенигъ въ своихъ запискахъ пишетъ: „Смерть дѣвки отняла у Аракчеева способность заниматься государственными дѣлами, а кончина Александра Павловича ему оную возвратила“. Русскій Архивъ 1880 года. Книга 3-я. Стр. 323.

счастлива ѣхать съ нимъ въ тѣ дальнія страны, пребываніе въ коихъ онъ считалъ столь полезнымъ для моего здоровья, могла ли я предвидѣть, что онъ сдѣлается жертвою своей дѣятельности и своего рвенія для своей страны. Быстрые успѣхи южныхъ провинцій привязывали его и занимали; онъ слишкомъ утомился объѣзжая Крымъ, не принялъ надлежащихъ предосторожностей для своего здоровья въ этомъ климатѣ, опасномъ самою красотою своею, и вывезъ первые признаки той жестокой, быстрой болѣзни, которая отняла его у насъ. Онъ не довольно цѣнилъ свою жизнь, это единственный упрекъ, котораго онъ заслуживалъ (*Il ne reconnaissait' pas assez le prix de sa vie, c'est le seul reproche qu'il méritait*). Я считаю своимъ долгомъ сообщить всѣ эти подробности его старѣйшему другу и нахожу утѣшеніе, говоря съ вами о немъ. вмѣстѣ съ вами я сожалею о раздѣляющемъ насъ разстояніи, тогда какъ мы обоюдно желаемъ сообщить другъ другу искреннюю, глубокую скорбь, которая тяготитъ надъ вами и которая не прекратится до конца дней вашихъ¹⁾.

Н. Шильдеръ.

¹⁾ Государственный Архивъ. Разрядъ V. № 190. Письмо это было напечатано въ Сборникѣ И. Р. И. О. Томъ V. Стр. 50.

Княжна Марія Кантемирова ¹⁾.

1.

Въ 1711 году, при самомъ началѣ Прутскаго похода, Молдавскій господарь Димитрій Кантемиръ отдалъ себя подъ верховное главенство Русскаго царя, а когда военныя дѣйствія приняли неблагоприятный для русскихъ оборотъ, онъ принужденъ былъ покинуть свою родину и навсегда поселился въ Россіи.

«Онъ господарь человекъ зѣло разумный и въ совѣтѣхъ способный» — записано о Димитріи Кантемирѣ въ походномъ журналѣ Петра I

¹⁾ Главными источниками при составленіи этой статьи служили намъ слѣдующіе:

1) письма княжны Маріи къ ея брату, князю Антіоху Кантемиру, хранящіеся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи; подлинники этихъ писемъ писаны на новогреческомъ и италіанскомъ языкахъ; мы пользовались русскимъ рукописнымъ ихъ переводомъ, доставленнымъ намъ И. И. Шимкомъ, который на основаніи тѣхъ же писемъ и другихъ документовъ о родѣ Кантемировъ, сохраняемыхъ въ томъ же архивѣ, составилъ весьма любопытную книгу: „Новыя данныя къ біографіи князя А. Д. Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ“ (С.-Петербургъ. 1891);

2) письма князя Димитрія Кантемира къ императрицѣ Екатеринѣ I и нѣкоторые другіе не изданные документы, хранящіеся въ Государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ и сообщенные намъ въ копіяхъ профессоромъ Варшавскаго университета В. Н. Александренкомъ;

3) дневникъ Ивана Юрьевича Ильинскаго, секретаря князя Димитрія Кантемира, за 1721—1725 годы, списанный нами съ подлинника, который хранится въ бібліотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ;

4) Исторія о жизни и дѣяніяхъ Молдавскаго господаря князя Констан-

за 1711 годъ, вскорѣ послѣ первой встрѣчи царя съ княземъ. «Человѣкъ очень ловкій, умный и проницательный», замѣчаетъ о бывшемъ господарѣ французскій посланникъ при русскомъ дворѣ де-Кампредонъ въ 1722 году ¹⁾. Вообще, всѣ свидѣтельства современниковъ говорятъ о блестящихъ природныхъ способностяхъ князя Дмитрія, о проницательности его ума и привлекательности его обращенія; всѣ единогласно называютъ его человѣкомъ въ высокой степени просвѣщеннымъ. Въ пестромъ составѣ Петровскаго двора онъ являлся личностью совершенно особенною, и это зависѣло преимущественно отъ характера его образованія.

Румынъ по происхожденію, но забывавшій своей національности, даже писавшій книги на румынскомъ языкѣ, князь Дмитрій былъ однако грекомъ по образованію; хотя онъ зналъ по латини и по итальянски, однако учился онъ не въ западныхъ школахъ, а въ Константинополѣ, въ существовавшемъ тамъ греческомъ училищѣ, гдѣ еще сохранялись кое-какія школьныя предавія старой Византіи, искусно соединявшія наставленіе въ истинахъ православной вѣры съ изученіемъ классическихъ писателей языческой Греціи. Объ этой школѣ, первомъ источникѣ своего образованія, Кантемиръ хранилъ благодарное воспоминаніе. Въ своей «Исторіи Османскаго государства» онъ рассказываетъ, что въ части Константинополя, называемой Фанарь, «существуетъ академія для обученія юношества, основанная грекомъ Манолаки, который этимъ благороднымъ учрежденіемъ возвысилъ ничтожество своего происхожденія. Въ этой академіи преподаютъ на чистомъ и древнемъ греческомъ языкѣ всѣ отрасли философіи, а также многія другія науки». Кантемиръ поименовываетъ «знаменитыхъ своимъ благочестіемъ и своимъ знаніемъ мужей», состоявшихъ въ его время преподавателями въ Константинопольской школѣ, и въ числѣ ихъ называетъ «отличнаго грамматика Іакова» (Іакова), который былъ его наставникомъ въ философіи. Рассказъ свой Кантемиръ заключаетъ слѣдующими

тина Кантемира, сочиненная профессоромъ Бееромъ, съ русскійскимъ переводомъ и съ приложеніемъ родословія князей Кантемировъ. М. 1783 (переводъ и приложенія—трудъ Н. Н. Баутыша-Каменскаго, изданіе Н. И. Новикова);

5) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи съ 1721 по 1725 годъ. Переводъ И. Амзона. 4 части. М. 1857—1860.

Прочіе источники нами указаны въ подстрочныхъ прикѣчаніяхъ.

Считаемъ долгомъ выразить И. И. Шамку и В. Н. Александренку нашу глубокую признательность за ихъ любопытныя сообщенія.

Въ заглавіи статьи фамилія княжны Маріи означена нами въ томъ видѣ, въ какомъ она сама ее подписывала.

¹⁾ Походный журналъ 1711 года, стр. 49; Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. XLIX, стр. 114.

характерными словами: «Прошу читателя не смотрѣть на новую Грецію, подобно большинству христіанъ, съ видомъ презрѣнія; она далеко не служитъ пріютомъ варварству, и позволительно сказать, что въ сей послѣдній вѣкъ она произвела гениевъ, которыхъ можно сравнить съ мудрецами древнихъ временъ»¹⁾).

Преклоняясь предъ этими представителями греческой образованности и вращаясь въ ихъ средѣ, Кантемиръ усвоилъ себѣ то гордое самосознаніе, которое не покидало грековъ и подъ турецкимъ игомъ. Подобно древнимъ еллинамъ, презиравшимъ варваровъ, новые греки даже въ періодъ своего порабожденія смотрѣли на турокъ свысока, благодаря тому, что успѣли сохранить за собою религіозную самостоятельность, а вѣрность православію, отъ котораго они не отдѣляли своей національности, поддерживала въ нихъ и стремленіе къ независимости политической. Родившійся въ 1663 году, Кантемиръ былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда предпріятія московскаго правительства противъ Турціи и ея данника Крымскаго хана возбудили надежды на лучшую будущность среди христіанъ Балканскаго полуострова. Въ 1687 году Валашскій господарь Сербанъ Кантакузинъ сталъ помышлять объ изгнаніи турокъ изъ Цареграда, и, какъ потомокъ Византійскихъ императоровъ, мечталъ самъ занять ихъ возстановленный престолъ. Женатый на дочери Сербана, Димитрій Кантемиръ не могъ не сочувствовать этимъ стремленіямъ. Но вскорѣ ихъ надежды должны были рушиться. Кантемиръ однако не измѣнилъ этимъ мечтамъ объ освобожденіи, и двадцать-четыре года спустя, когда Петръ объявилъ войну Турціи, Димитрій, въ то время уже бывший господаремъ Молдавіи, не усумнился открыто принять его сторону. Новая неудача—на берегахъ Прута—все-таки не охладила Кантемира, и проживая въ Россіи, онъ продолжалъ заявлять свои чаянія: въ 1714 году, впервые пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сочинилъ привѣтственное слово царю, въ которомъ выражалъ надежду, что при Петровой помощи турецкіе христіане снова воспримутъ прежнюю свободу²⁾. Въ томъ же словѣ Кантемиръ величалъ Петра «благочестивѣйшимъ изъ императоровъ». Позволяя себѣ этотъ намекъ, князь Димитрій какъ бы выражалъ желаніе видѣть въ Русскомъ государѣ дѣйствительнаго преемника византійскихъ самодержцевъ. Но практическій умъ Пе-

¹⁾ Histoire de l'empire Ottoman, par Demetrius Cantemir, prince de Moldavie. Traduite par m. de J o n s q u i è r e s. Paris. MDCCLXIII. T. I, pp. 114 et 115.

²⁾ Слово это было произнесено малолѣтнимъ сыномъ князя Димитрія, Сербавомъ, 14-го марта на греческомъ языкѣ и тогда же напечатано въ переводѣ на русскій и латинскій.

тра трудно было соблазнить подобными мечтаніями: когда, въ 1721 году, сенатъ и синодъ просили царя принять императорскій титулъ, онъ позаботился, въ отвѣтной рѣчи, устранить всякое сопоставленіе юной Россіи съ ветхою «монархіей Греческою» и высказалъ желаніе, чтобы съ первою не случилось того же, что произошло съ послѣднею. Тѣмъ не менѣе, Петръ не измѣнилъ своего расположенія къ тому, кто первый рѣшился указать ему на титулъ императора, какъ на справедливое увѣщаніе его заслугъ передъ отечествомъ, и Димитрій Кантемиръ до самой смерти своей въ 1723 году оставался въ числѣ довѣренныхъ совѣтниковъ и сотрудниковъ преобразователя.

Въ старинной исторіи о родѣ Кантемировъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ извѣстій о частномъ бытѣ бывшего господара: «Князь Димитрій былъ средняго росту, болѣе сухъ, нежели толстъ. Видъ имѣлъ пріятный и рѣчь тихую, ласковую и разумную. Вставалъ онъ обыкновенно въ пять часовъ по утру и, выкуривъ трубку табаку, пилъ кофе по турецкому обыкновенію; напослѣдокъ въ кабинетѣ своемъ упражнялся въ наукахъ до полудни; сіе было часомъ его обѣда. Въ столѣ любимое его кушанье — цыплята, изготовленные съ щавелемъ. Онъ не пилъ никогда дѣльнаго вина съ тѣхъ поръ, какъ случилось ему быть больну двѣ недѣли отъ излишества онаго: сей случай вселилъ въ него омерзѣніе къ питію. Онъ имѣлъ привычку нѣсколько спать послѣ обѣда, потомъ возвращался пакн къ ученію до семи часовъ. Тогда онъ входилъ въ домашнія свои дѣла и надзиралъ надъ своимъ семействомъ. Онъ ужиналъ съ овнымъ въ десять часовъ и ложился въ полночь. Въ послѣдованіи, будучи сдѣлавъ членомъ сената, находилъ себя обязаннымъ перемѣнить образъ жизни...»

Такимъ образомъ, и по складу своего образованія, и по настроенію, и по интересамъ своего ума, и даже по своимъ привычкамъ онъ мало походилъ на своихъ русскихъ современниковъ, среди которыхъ ему пришлось кончать свой вѣкъ. Естественно, что такія особенности его личности должны были отразиться и на его дѣтяхъ, по крайней мѣрѣ на тѣхъ изъ нихъ, которые унаслѣдовали отъ отца его даровитость.

Въ 1711 году, въ то время, когда князь Димитрій оставилъ Молдавію, его семья состояла изъ жены Кассандры, двухъ дочерей Маріи и Смарагды и четырехъ сыновей Матвѣя, Константина, Сергѣя (Сербана) и Аптоха. Дѣти были всѣ малолѣтнія и почти погодки.

Старшая изъ своего поколѣнія, княжна Марія родилась въ Яссахъ 29-го апрѣля 1700 года; еще груднымъ ребенкомъ она была привезена въ Константинополь, гдѣ и оставалась при родителяхъ около десяти лѣтъ, до назначенія отца ея Молдавскимъ господаремъ. Въ концѣ 1710 года Кантемиръ съ семействомъ пріѣхалъ въ Яссы, а 24-го іюня

1711 года княжѣ Маріи пришлось впервые увидѣть Петра и Екатерину, при вѣздѣ ихъ въ молдавскую столицу, когда господарь со своею семьей вышелъ имъ на встрѣчу. Вскорѣ послѣ того военныя дѣйствія побудили князя Дмитрія, изъ предосторожности, отправить жену и дѣтей въ русскіе предѣлы, и съ тѣхъ поръ княжна Марія уже не покидала своего новаго отечества.

На первое время Кантемиръ съ семьей водворился въ Харьковѣ. Въ 1712 году ему пожалованы были большія имѣнія въ Курскомъ, Сѣвскомъ и Московскомъ уѣздахъ и дворъ въ самой Москвѣ. Сюда-то и переселилось все семейство въ 1713 году. Подмосковное село, данное Кантемиру, Черная Грязь, находалось на Петербургской дорогѣ и прежде принадлежало любимцу царевны Софіи князю В. В. Голицину. Здѣсь былъ домъ, очевидно, въ старинномъ русскомъ вкусѣ—деревянный, въ одинъ этажъ, съ отлогими крышами въ два ската, съ переходами вокругъ всего зданія и со многими башенками, со всѣхъ сторонъ открытыми и обтавутыми только парусиной. Комнаты, кромѣ одной, были мелки и низки, съ небольшими окошками; повыше другихъ была спальня князя, помѣщавшаяся въ одной изъ башенъ; домъ былъ пестро раскрашенъ и стоялъ на возвышенности, откуда открывался красивый видъ ¹⁾). Проживая въ Москвѣ, князь Дмитрій любилъ сюда ѣздить не только лѣтомъ, но и зимою.

Среди всѣхъ своихъ приключеній и странствованій Кантемаръ не покидалъ заботы о тщательномъ воспитаніи и образованіи дѣтей, и его жена была ему дѣятельною помощницей въ этомъ дѣлѣ. По извѣстію исторіи о родѣ Кантемировъ, княгиня Кассандра «одарена была всѣми хорошими своего пола качествами. Изящная красота была меньшимъ изъ ея совершенствъ въ сравненіи рѣдкаго ея благоразумія и великаго понятія. Она любила чтеніе, не оставляла старанія о своей фамилии и должнаго воспитанію своихъ дѣтей вниманія». По вліянію матери-гречанки дѣти усвоили себѣ греческій языкъ какъ домашній разговорный, и на томъ же языкѣ велось ихъ обученіе. Еще въ бытность Кантемировъ въ Константинополь, среди тамошнихъ грековъ прискакъ былъ для княженъ и княжичей учитель, который затѣмъ надолго связалъ свою судьбу съ этою семьей.

Анастасій Кондонди былъ священникъ и въ то же время состоялъ тайнымъ агентомъ у русскаго резидента при Портѣ, Петра Андреевича

¹⁾ Это описаніе Кантемирова дома заимствовано изъ дневника Берхгольца, но онъ, очевидно по недоразумѣнію, называетъ его построеннымъ „на китайскій манеръ“.

Толстого. По всѣмъ вѣроятіямъ, при посредствѣ Кондонди завязались первыя сношенія между русскимъ дипломатомъ и Димитріемъ Кантемиромъ еще до назначенія послѣдняго господаремъ въ Молдавію. Въ 1709 году, во время похода Карла XII на Украину, дѣятельность Кондонди въ Цареградѣ возбудила подозрѣнія турецкаго правительства, и онъ принужденъ былъ бѣжать оттуда: его вывели изъ города на поводѣ обвязаннаго какъ товарный тюкъ, «ибо,—разсказывалъ онъ въ послѣдствіи,—султанской о поимкѣ меня жестокой былъ указъ». Затѣмъ Анастасій оказался въ Яссахъ, опять при семьѣ Кантемировъ, и въ 1711 году послѣдовалъ за нею въ Россію. Есть основанія думать, что онъ не отличался безкорыстіемъ; не подлежитъ сомнѣнію, что онъ обладалъ большимъ умомъ и хорошимъ образованіемъ. Онъ учился не только въ національной школѣ, но и въ Италіи: греки того времени, подобно южно-руссамъ, нерѣдко уходили на западъ искать высшихъ наукъ въ католическихъ училищахъ. Кондонди не утратилъ при этомъ чистоты своего православія, по крайней мѣрѣ не былъ въ томъ заподозрѣнъ по возвращеніи на родину. Одинъ врачъ изъ грековъ, знавшій Анастасія въ Россіи въ 1720-хъ годахъ, когда онъ принялъ уже монашество съ именемъ Аванасія, оставилъ пышную характеристику его способностей и познаній. «Не умолчу, — говоритъ этотъ современникъ, — о красѣ нашей Греціи, знаменитѣйшемъ архимандритѣ Аванасіи Кондонди, мужѣ глубоко ученомъ, съ коимъ могутъ быть сравниваемы не многіе еллинисты, и достойнѣйшемъ — пока хоть сколько-нибудь цѣнятся будетъ ученость. Оставляя въ сторонѣ его превосходныя умственныя способности, получившія развитіе въ италійскихъ лицеехъ, замѣчу лишь, что Кондонди, какъ только освободился изъ-подъ школьной ферулы и вышелъ изъ академической жизни, сталъ находить знанія высшимъ благомъ и должность преподаванія священною. Онъ такъ прекрасно исполнялъ апостольскую обязанность наставника и проповѣдника въ сладкой области обѣихъ философій, что еще въ юныхъ лѣтахъ распространилъ въ Греціи славу своего имени. Всюду находилъ онъ себѣ отечество, ибо всюду приносилъ съ собою отеческія доблести; сдѣлался усладою патріарховъ и предстоятелей Восточной церкви; а потому удостоенъ былъ тѣмъ, что господарь Молдавіи Димитрій Кантемиръ (когого возлюбили добрыя музы, почитали мудрые люди и уважали великіе государи) принялъ его къ себѣ на самыхъ выгодныхъ по времени условіяхъ, главнымъ образомъ для воспитанія своихъ дѣтей». Менѣе цвѣтистый отзывъ о Кондонди находимъ мы у другого его современника, члена Петербургской Академіи наукъ Коля, который, какъ нѣмецъ и лютеранинъ, менѣе, чѣмъ первый свидѣтель грекъ, имѣлъ поводовъ къ пристрастію. Коля называетъ Кондонди «своимъ другомъ и покровителемъ, достойнымъ всякаго уваженія и почета по

своей добродѣтели, уму, познаніямъ и обходительности» ¹⁾. Очевидно, выборъ наставника, сдѣланный Кантемиромъ, былъ очень удаченъ.

Само собою разумѣется, что въ основу своего преподаванія Кондонди положилъ обстоятельное ознакомленіе ученицы съ истинами православной вѣры. Кромѣ того, онъ обучалъ княжну Марію языкамъ древне-греческому, латинскому и италіанскому, и она познакомилась съ ними на столько, что могла свободно читать на нихъ, а по италіански даже переписывалась иногда съ братомъ Антиохомъ, жалѣя при томъ, что лишена устной практики въ этомъ языкѣ. Пользу подобныхъ знаній она вполне цѣнила; впоследствии она жалѣла, что не разумѣетъ по французски и по нѣмецки, и уже взрослая, выражала надежду выучиться по англійски. За изученіемъ языковъ естественно слѣдовало преподаваніе словесныхъ наукъ. Кондонди былъ по преимуществу риторъ и красноречивъ; благодаря ему литературныя упражненія и забавы нашли себѣ пріютъ въ домѣ Кантемировъ: княжна съ удовольствіемъ вспоминала, какъ однажды, въ дни ея юности, Кондонди произнесъ похвальное слово надъ околовшею любимю собакою ея отца, а русскій ея учитель перевелъ это слово на русскій языкъ. Искусствомъ письменнаго изложенія княжна Марія овладѣла вполне. Сохранилось много ея писемъ къ брату Антиоху, писанныхъ частью по новогречески, частью по-италіански; они отличаются замѣчательною толковостью и стройностью своего склада; княжна легко умѣла находить мѣткое выраженіе, обстоятельно описать какое-нибудь происшествіе, отчетливо передать чужую рѣчь или слышанный разговоръ, кстати привести текстъ изъ Священнаго Писанія или народную поговорку. Кромѣ словесныхъ наукъ, ей не чужды были знанія математическія; она умѣла рисовать и, какъ можно догадываться, занималась также музыкой.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, кругъ образованія княжны Маріи; онъ пополнялся еще изученіемъ русскаго языка и обширнымъ чтеніемъ.

Въ первые годы своего пребыванія въ Россіи бывшій государь взялъ къ себѣ въ домъ питомца московскихъ славяно-латинскихъ школъ Ивана Ильинскаго. Коренной великоруссъ, ярославскій уроженецъ, онъ былъ въ Законоспасскомъ училищѣ на самомъ лучшемъ счету, такъ что въ 1716 году предполагалось даже отправить его за границу для

¹⁾ Свѣдѣнія о Кондонди см. въ сочиненіи И. А. Чистовича о Теофанѣ Прокоповичѣ, въ письмѣ М. Скенда Фандербера подъ заглавіемъ «Praesens Russiae litterariae status» (въ Acta physico-medica Academiae Caesareae Leopoldino-Carolinae, 1727), и въ V. P. Kohlii, Introductio in historiam literariam Slavorum. Altonaviae. 1729, p. 26.

продолженія образованія, «однакожь князь его не отпустилъ и сказалъ, что царское величество приказалъ ему держать при себѣ». Ильинскій хорошо зналъ по латыни, отчасти по гречески, а въ русской и славянской грамотѣ считался отличнымъ знатокомъ, то-есть, твердо изучилъ грамматику и искусно владѣлъ письменною рѣчью. У князя Дмитрія этотъ человѣкъ, котораго современники называютъ честнымъ, разумнымъ, праводушнымъ и обходительнымъ, пришлось какъ разъ ко двору, выучился по румынски, служилъ князю секретаремъ по его внутреннимъ сношеніямъ, а дѣтей его обучалъ русскому языку ¹⁾. Младшій сынъ господаря, будущій сатирикъ, узналъ отъ него правила русской грамматики, слогъ русской прозы и начала русскаго стихосложенія. Познанія, пріобрѣтенныя отъ Ильинскаго княжною Маріей, едва ли простирались столь далеко, но все же она владѣла русскимъ языкомъ вполне свободно; поговорки, которыя она приводитъ въ письмахъ къ брату, — наши русскія; сохранились очень грамотныя русскія письма ея къ Бирону и другимъ лицамъ.

Чтеніе княжна Марія очень любила и знала въ немъ толкъ; читала она самыя серьезныя книги — отъ Священнаго Писанія, житій святыхъ до сочиненій историческаго и вообще научнаго содержанія, но не пренебрегала также произведеніями изящной словесности древней и новой; чтò недостаточно понимала сразу, то не дѣлилась перечестъ вновь обдумывала прочитанное и даже рѣшалась высказывать о томъ свое мнѣніе. Вообще, отъ своего образованія даровитая и умная княжна взяла все чтò могла въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Воспитанная въ строгой набожности, она сохранила чистоту и горячность своего религіознаго чувства, но никогда не впадала въ ханжество; поддерживая въ себѣ умственные интересы, она не только постоянно расширяла запасъ своихъ знаній, но нашла въ этой умственной пищѣ противовѣсъ свѣтскимъ забавамъ, который далъ ей возможность возвыситься надъ обыденною житейскою суетой и пошлостью. Съ годами, какъ увидимъ далѣе, у княжны Маріи выработалась своего рода практическая философія, служившая ей ободряющимъ руководствомъ на жизненномъ пути.

Княгиня Кассандрѣ не суждено было возродить своихъ дѣтей и довершить ихъ воспитаніе: жизнь вдали отъ родины стала ей въ тягость и разстроила ея здоровье; княгиня умерла въ Москвѣ на 32-мъ году отъ рожденія 11-го мая 1713 года. Съ тѣхъ поръ заботы о семьѣ пали исключительно на отца, и онъ не жалѣлъ на нихъ времени; тѣмъ не

¹⁾ Объ Ильинскомъ см. Певарскаго — Наука и литература при Петрѣ, т. I, стр. 233 и 236; Матеріалы для исторіи Императорской Академіи наукъ (записка Г. - Ф. Миллера), т. VI, стр. 103; Сочиненія Тредьяковскаго, т. I, стр. 777 (изданіе Смирдина).

меньше, обстоятельства мало по малу стали отвлекать его от тѣснаго домашняго круга. Въ концѣ 1717 года прѣхалъ въ Москву царь Петръ съ Екатериной и прожилъ здѣсь два съ половиной мѣсяца. Въ эту пору производились усиленные розыски по дѣлу царевича Алексѣя, и 3-го февраля 1718 года послѣдовало въ Успенскомъ соборѣ отрѣченіе его отъ наслѣдства въ пользу двухлѣтняго царевича Петра Петровича. Единственно къ этому періоду времени, одному изъ самыхъ тяжелыхъ въ жизни царя, когда его чувства отца и государя подвергались самому жестокому испытанію, можетъ быть приурочено одно историческое показаніе, относящееся до Дмитрія Кантемира. Старинный биографъ его свидѣтельствуетъ, что въ бытность царя въ Москвѣ князь Дмитрій «имѣлъ честь часто бывать съ нимъ вмѣстѣ и отъ него получать нерѣдкія посылки» ¹⁾. Чтѣ было предметомъ тогдашнихъ бесѣдъ князя съ царемъ — остается неизвѣстнымъ, но кажется несомнѣннымъ, что онѣ должны были содѣйствовать ихъ сближенію: въ записи брауншвейгскаго резидента Вебера, относящейся къ январю 1719 года, мы уже встрѣчаемъ замѣтку, что «у его царскаго величества бывшій господарь находится въ великомъ почетѣ» ²⁾. По окончаніи тяжкаго семейнаго дѣла Петру, на смѣну прежнихъ сотрудниковъ, частью умершихъ, частью же утратившихъ его довѣріе, понадобились новые помощники для управленія государствомъ. Въ число ихъ царь намѣтилъ Кантемира и сталъ звать его съ семьей въ свой «парадизъ» на берегу Балтійскаго моря.

Князю Дмитрію, повиданному, не улыбалось такое переселеніе; но рѣшительно ослушаться грознаго царя было опасно. Чтобы хоть на нѣкоторое время замедлить свой переѣздъ въ Петербургъ, онъ обратился къ посредничеству Екатерины и письмомъ отъ 19-го марта 1719 года просилъ ее ходатайствовать предъ государемъ о дозволеніи ему остаться въ Москвѣ въ виду тяжелой болѣзни его младшей дочери княжны Смарагды, а также въ виду затрудненія отправить въ Петербургъ хозяйственные запасы по послѣднему зимнему пути; если же царю не угодно будетъ согласиться на эту милость, то Кантемиръ просилъ, чтобы ему было по крайней мѣрѣ позволено прибыть въ Петербургъ одному, оставивъ семейство въ Москвѣ. Рѣшеніе царя послѣдовало въ этомъ именно смыслѣ. Но когда Кантемиръ явился въ Петербургъ, здѣсь случилось про-

¹⁾ Время означенныхъ свиданій Кантемира съ царемъ опредѣляется точнымъ указаніемъ „Исторіи о родѣ Кантемировъ“ на мѣсто, гдѣ они происходили, то-есть, на Москву. По возвращеніи изъ-за границы Петръ впервые отправился туда 15-го декабря 1717 года, а прибылъ обратно въ Петербургъ 23-го марта 1718 года; вѣтъмъ онъ не ѣздилъ въ Москву до конца 1721 года, когда Кантемиръ уже прочно основался въ Петербургѣ.

²⁾ Das veränderte Russland. Frankfurt. 1744. I-er Th., S. 334.

исшествіе, внезапно измѣнившее теченіе его жизни: пятидесятишестилѣтній князь влюбился въ одну изъ первыхъ придворныхъ красавицъ, княжну Анастасію Ивановну Трубецкую. Это была младшая дочь князя Ивана Юрьевича, генерала, взятаго въ плѣнъ подъ Нарвою и прожившаго восемнадцать лѣтъ въ Швеціи. Когда онъ съ семействомъ возвратился изъ плѣна, оказалось, что его дочери, въ дѣтствѣ увезенныя за границу и тамъ получившія воспитаніе, очень выдѣлялись имъ отъ своихъ русскихъ сверстницъ даже изъ высшей знати. Восхищенный красотой и образованіемъ двадцатилѣтней княжны, Кантемиръ рѣшился къ ней посвататься и безъ затрудненія получилъ согласіе на бракъ съ нею какъ со стороны ея родителей, такъ и отъ царя. Въ исходѣ 1719 года князь Димитрій окончательно водворился въ Петербургъ, а 14-го января 1720 года состоялась его свадьба въ присутствіи царя, царицы, царевенъ и множества гостей. Свадебныя торжества продолжались три дня. По всему вѣроятію, княжна Марія въ нихъ не участвовала; по крайней мѣрѣ, лѣтомъ того же года мы видимъ ее еще въ Москвѣ, гдѣ она ухаживала за умирающею младшею сестрой и присутствовала при ея кончинѣ 4-го іюля. Получивъ о томъ извѣстіе, князь также отправился, съ разрѣшенія царя, въ Москву, но черезъ нѣсколько времени, ничѣмъ болѣе не привязанный къ старой столицѣ, возвратился въ Петербургъ; на этотъ разъ вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхала сюда и княжна Марія.

Вторичная женитьба Димитрія Кантемира произвела полный переворотъ въ быту его семейства. Пока оно оставалось въ Москвѣ, оно могло держаться вдали отъ двора и жить въ степенной замкнутости. Окруженное многочисленною челядью преимущественно изъ румыновъ, оно еще сохраняло патріархальныя обычаи своей родины, между тѣмъ какъ образованные домочадцы изъ грековъ, въ родѣ учителя Ковдонди или врача Поликалы, всего же болѣе самъ князь поддерживали въ молодомъ поколѣніи умственные интересы; только благодаря этой строгой, но спокойной обстановкѣ князь Димитрій могъ свободно предаваться учено-литературнымъ трудамъ¹⁾, а княжна Марія успѣла пріобрѣсти рѣдкое по тому времени образованіе. Но послѣ второго брака Кантемира все это измѣнилось. Мы не знаемъ, какъ на первое время дѣти княгини Кассандры отнеслись къ мачихѣ, которая была ровесницей старшей изъ своихъ падчерицъ; но, судя по позднѣйшимъ обстоятельствамъ, близкихъ отношеній между ними не установилось,—по крайней мѣрѣ вполнѣ слѣдствія ихъ не было. Какъ бы то ни было, въ Петербургѣ ради молодой жены князю Димитрію приходилось вести совсѣмъ не тотъ образъ жизни, чѣмъ въ Москвѣ, и разумѣется, къ тѣмъ же порядкамъ

¹⁾ Въ первые именно годы своего пребыванія въ Россіи Димитрій Кантемиръ написалъ самыя крупныя изъ своихъ сочиненій, между прочимъ „Исторію Османскаго государства“

должна была примѣняться жившая при отцѣ княжна Марія. Давая бывшему господарю пріютъ въ Россіи, Петръ не запрещалъ ему носить его національную одежду; когда же Кантемиръ посватался за Трубепкую, нарѣченный тесть просилъ его обрить бороду; князь Дмитрій сдѣлалъ больше—вѣнчался «въ нѣмецкомъ платьѣ»; это такъ понравилось царю, что о томъ было отмѣчено даже въ его походномъ журналѣ при упоминаніи о Кантемировой свадьбѣ; годъ спустя, въ январѣ 1721 года, Петръ проявилъ свое расположеніе къ Кантемиру, назначивъ его сенаторомъ: конечно, онъ не потерялъ бы важнаго должностнаго лица въ какомъ-то особомъ странномъ нарядѣ. Естественно, что съ переездомъ въ Петербургъ и княжна Марія, по примѣру отца, должна была оставить восточную одежду и облечься въ роборонъ и фижмы. Чтобы пріучить своихъ подданныхъ къ увеселеніямъ на иностранный ладъ; Петръ заводилъ ассамблеи, машкерады и буерныя катанія и требовалъ, чтобы всѣ званые неуклонно являлись веселиться по его приказу. Какъ видно изъ современныхъ извѣстій, Кантемиръ съ женой и дочерью постоянно участвовали въ этихъ собраніяхъ, и въ свою очередь нѣрѣдко должны были принимать гостей у себя.

Особенно обильны были всякими празднествами осень и зима 1721—1722 годовъ. 30-го августа въ Ништагѣ былъ подписанъ мирный договоръ, которымъ заканчивалась слишкомъ двадцатилѣтняя борьба между Россіей и Швеціей. Цѣль, поставленная Петромъ при ея началѣ, была вполне достигнута. Россія прочно утвердилась на берегахъ Балтійскаго моря и, получивъ первенствующее значеніе на сѣверѣ, приобрѣла вѣсь въ общеевропейской политикѣ. Внутреннее переустройство государства, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, успѣшно выдержало пробу, и Петръ по праву могъ гордиться результатами своего дѣла. Въ такомъ сознаніи онъ рѣшился дать себѣ нѣсколько недѣль отдыха и ознаменовать ихъ блестящими торжествами. Праздники начались съ 4-го сентября благодарственнымъ молебствіемъ и всенароднымъ объявленіемъ о заключеніи мира. Затѣмъ они приняли тотъ своеобразный характеръ, который царь любилъ давать подобнымъ торжествамъ. 10-го числа открылся потѣшный маскарадъ, продолжавшійся цѣлую недѣлю. Въ этотъ день происходила свадьба князь-папы съ вдовою его предѣстника въ этомъ званіи; князь-папою былъ тогда Петръ Ивановичъ Вутурлигъ, а женили его на Аннѣ Еремѣевнѣ Зотовой; старуха цѣлый годъ не соглашалась на второй бракъ, но теперь должна была повиноваться волѣ царя. «Князь-папу женили со многою церемоніею», записываетъ въ своемъ дневникѣ Кантемировъ секретарь Ильинскій. «Свадьба была курьезная», рассказываетъ въ свою очередь другой очевидецъ, В. А. Нащокинъ;—«въ машварацкомъ были платьѣ. Государь въ томъ машкарадѣ былъ въ черномъ бархатномъ матросскомъ платьѣ и голландская шляпа, а шель съ

барабаномъ, изволилъ битъ бой барабанной. Въ такомъ же уборѣ и съ барабаномъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ шелъ. Во оной свадьбѣ выданы были трое скороходовъ, весьма претолстые люди: Петръ Павловичъ Шафировъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Бутурлинъ, Иванъ Степановъ сынъ Собакинъ, офицеръ Семеновскаго полку. И все убранство было весьма странное: чрезъ рѣку шляпки обвиты были зеленымъ хвощемъ; плоть, сдѣланный изъ бочекъ и обвитой хвощемъ же, былъ буксированъ, на которомъ князь-папа ѣхалъ. А подклѣтъ молодыхъ былъ въ перемѣдѣ, сдѣланной на площади, что сдѣлана была для торжества счастливаго взятія четырехъ фрегатовъ (шведскихъ). На берегъ вышедъ ѣздили поѣзды цугами на медвѣдахъ, на собакахъ, на свиньяхъ, и ѣздили по большымъ улицамъ, чтобъ могъ весь народъ видѣть и веселиться, смотря на курьезные уборы, и что на звѣряхъ и на скотѣ ѣздить, которые такъ обучены были, что весьма послушно въ запряжкѣ ходили». Третій очевидецъ, голштинскій каммеръ-юнкеръ Берхгольцъ, дополняетъ это описаніе еще новыми подробностями: «Погоулявъ, при стеченіи тысячь народа, часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенько другъ друга, всѣ маски въ томъ же порядкѣ отправились въ зданія сената и коллегій, гдѣ за множествомъ приготовленныхъ столовъ князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, лѣтъ шестидесяти, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами, онъ— съ царемъ и гооподами кардиналами (цотѣшной коллегіи), а она— съ дамами. Надъ головою князь-папы висѣлъ серебряный Бахусъ, сидящій верхомъ на бочкѣ съ водкой, которую тотъ цѣдилъ въ свой стаканъ и пилъ. Въ продолженіе всего обѣда человекъ, представлявшій на маскерадѣ Бахуса, сидѣлъ у стола также верхомъ на винной бочкѣ и страшно принуждалъ пить папу и кардиналовъ; онъ вливалъ вино въ какой-то боченокъ, при чемъ они постоянно должны были отвѣчать ему. Послѣ обѣда сначала танцовали; потомъ царь и царица, въ сопровожденіи множества масокъ, отвели молодыхъ къ брачному ложу. Женить въ особенности былъ невообразимо пьянъ. Брачная комната находилась въ широкой и большой деревянной пирамидѣ, стоящей передъ домомъ сената. Внутри ее нарочно освѣтили свѣчами, а ложе молодыхъ обложили хмелемъ и обставили кругомъ бочками, наполненными виномъ, пивомъ и водкой. Въ постели новобрачные, въ присутствіи царя, должны были еще разъ пить водку изъ особенныхъ курьезныхъ и довольно большихъ сосудовъ. Затѣмъ ихъ оставили однихъ....

Въ такомъ же родѣ продолжались увеселенія въ слѣдующіе ближайшіе дни и затѣмъ возобновлялись неоднократно въ теченіе октября мѣсяца. Въ дневникѣ Берхгольца они описаны съ наивною и достойною лучшимъ примѣненіемъ обстоятельностью; но послѣ приведенныхъ образ-

цовъ, нѣтъ уже надобности пересказывать всѣ тѣ сцены дикаго и нерѣдко циническаго разгула, свидѣтелемъ которыхъ, не всегда безучастнымъ, былъ голштинскій камеръ-юнкеръ. Приведемъ только изъ дневника Ильинскаго нѣсколько относящихся къ этому времени замѣтокъ касательно Кантемира и его семейства. По указанію царя группы масокъ посѣщали дома знатныхъ людей, которые должны были угощать ихъ; Кантемиръ еще съ половины сентября сталъ готовиться къ такому наѣзду, но на этотъ разъ посѣщеніе не состоялось, такъ что его секретарь подъ 18-мъ сентября долженъ былъ записать: «Которое кушанье готовлено было про папскую компанію, онымъ кормили драгунъ, гребцовъ и хлопцовъ, а служили имъ сами князья». Послѣ полученія извѣстія о ратификаціи мирнаго договора маскарадная потѣха возобновилась; подъ 26-мъ числомъ въ памятной книжкѣ Ильинскаго сказано: «Царское величество и господа министры и весь машкарадный монастырь у насъ кушали». На сей разъ праздники продолжались до воскресенья 29-го октября; въ этотъ послѣдній день царь происходилъ въ зданіи сената, и разгулъ былъ такъ великъ, что, по словамъ Берхгольца, «очень немногимъ удалось къ утру добраться до дому не въ совершенномъ опьяненіи». Въ этомъ послѣднемъ собраніи маскарада ни княгиня Анастасія Ивановна, ни княжна Марія не участвовали, безъ сомнѣнія, измученныя прежними потѣхами; отъ нихъ тяжело становилось и мужчинамъ; де-Кампредонъ, только что прибывшій въ то время въ Петербургъ, жаловался въ своихъ депешахъ въ Парижъ, что онъ совершенно истомленъ безпрестанными празднествами, на которыхъ ему приходится бывать. Однако Петру, когда онъ самъ былъ въ припадкѣ веселья, не нравилось, если кто-нибудь уклонялся отъ участія въ ассамблеяхъ; замѣтивъ отсутствіе жены и дочери Кантемира на празднествѣ въ сенатѣ, онъ приказалъ прозвѣсти нѣчто въ родѣ судебно-медицинскаго слѣдствія. Подъ 1-мъ ноября въ дневникѣ Ильинскаго записано: «Павелъ Ивановичъ Ягужинскій съ докторомъ Лаврентіемъ Лаврентьевичемъ (Блументростомъ) да съ Татищевымъ (царскимъ денщикомъ) пріѣзжали осматривать княгиню и княжну: въ правды ли немогутъ (нездоровы), понеже въ воскресенье въ сенатѣ не были». По счастью, слѣдователи были люди благорасположенные къ Кантемару, и ихъ осмотръ кончился, по всему вѣроятію, вполне благополучно.

На свѣтки Петръ съ Екатериной, со всѣмъ дворомъ и иностранными министрами отправились въ Москву. Туда же поѣхалъ и князь Дмитрій со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ Москвѣ опять начался рядъ праздниковъ, при чемъ главнѣйшіе изъ нихъ, состоявшіе изъ маскарада и фейерверка, приготовленнаго при участіи самого царя, были приурочены къ концу января и началу февраля. Какъ и въ Петербургѣ, маскарадъ продолжался цѣлую недѣлю; не смотря на стужу и метель, потѣшная

коллегія князь-папы и процессія ряженыхъ разѣзжали по улицамъ на судахъ, поставленныхъ на полозья; царское судно выдѣлывало на сушѣ морскія эволюціи; судно Кантемира представляло собою турецкій каюкъ, и въ немъ, среди многочисленной блестящей свиты, посѣдалъ самъ князь, переодѣвавшійся то муфтіемъ, то визиремъ; какъ человекъ, долго жившій въ Турціи и близко знавшій тамошніе обычаи, онъ, по словамъ Берхгольца, отлично исполнялъ свою роль. И на московскихъ празднествахъ вино лилось полною рѣкою. Въ послѣдній день маскарада московскія дамы вздумали посмѣяться надъ петербургскими за ихъ пристрастіе къ крѣпкимъ напиткамъ, особенно сильно обнаружившееся въ послѣдній день петербургскихъ торжествъ; насмѣшницы были немедленно наказаны: велѣно было посадить ихъ за особый столъ и напоить до нелѣзя. «Петра, — разсказывается въ такъ-называемыхъ запискахъ Бассевича — забавляло общество женщинъ, оживленныхъ виномъ; поэтому Екатерина завела у себя перворазрядную любительницу рюмки, завѣдывавшую у нея угощеніемъ напитками и носившую титулъ оберъ-шенкши. Когда послѣдней удавалось привести дамъ въ веселое расположеніе духа, никто изъ мужчинъ не смѣлъ входить къ нимъ, за исключеніемъ царя, который только изъ особаго благоволенія дозволялъ иногда кому-нибудь сопровождать его»¹⁾).

Какъ ни увлекался Петръ празднованіемъ давно желаннаго мира, однако и въ зиму 1721—1722 годовъ не прерывались его дѣловыя занятія. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ засѣданія севата шли своимъ чередомъ, нерѣдко въ присутствіи самого царя. Ильинскій постоянно отмѣчаетъ въ своей памятной книжкѣ о посѣщеніи этихъ засѣданій княземъ Дмитріемъ. Иногда государь заходилъ и на домъ къ нему для дѣловой бесѣды. Такъ, подъ 6-мъ ноября 1721 года Кантемировымъ секретаремъ записано слѣдующее: «Императорское величество изволялъ ужинать у насъ съ адмираломъ (Θ. М. Апраксинимъ) и съ свѣтлѣйшимъ княземъ Меншиковымъ, а зашли отъ Петра Андреевича» (Толстого). Судя по этой записи, можно бы предположить, что появленіе царя было для Кантемира неожиданностью; но изъ депеши де-Кампредона (отъ 1-го декабря новаго стиля) оказывается, что государь зналъ о томъ заранѣе и даже предупреждалъ посланника о желаніи царя имѣть съ нимъ разговоръ въ его, Кантемировомъ, домѣ. Де-Кампредонъ пріѣхалъ позже государя. Петръ немедленно отвелъ его съ княземъ Дмитріемъ въ особую комнату и сказалъ, что «просить сдѣлать ему удовольствіе, именно написать королю, чтобъ онъ благоволилъ приказать тайно принять на какое-нибудь француз-

¹⁾ Записки о Россіи пр. Петръ Великомъ, извлеченныя изъ бумагъ графа Бассевича. Переводъ И. Амюна. М. 1866. стр. 103 и 104

ское судно Кантемирова брата, находящагося въ Константинополѣ, гдѣ его жестоко мучатъ, хотя онъ ни въ чемъ неповиненъ и не состоитъ плѣнникомъ»; къ этому царь прибавилъ, что князь Дмитрій имѣеть объяснить посланнику подробности братнииа дѣла, которое «желательно сохранить въ глубокой тайнѣ». Захваченный врасплохъ, де-Кампредонъ не рѣшился дать опредѣленный отвѣтъ и попытался было перевести рѣчь на политическія дѣла, но царь отклонилъ продолженіе разговора. Очевидно, вся бесѣда была затѣяна по просьбѣ Кантемира: царь желалъ сдѣлать пріятное человѣку, который пользовался въ то время его полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ ¹⁾).

Труднѣе, чѣмъ съ самимъ царемъ, Кантемиру было сойтись съ его приближенными. Одѣ не могъ, конечно, отрицать ни ума, ни дарованій во многихъ изъ нихъ; но неизменный уровень образованности у большинства этихъ лицъ былъ ему такъ же ясенъ, какъ противна пьяная атмосфера ихъ увеселеній. Съ Меншиковымъ, на примѣръ, онъ подерживалъ довольно короткія отношенія только потому, что свѣтлѣйшій неукъ, впрочемъ способный и дѣловитый, былъ въ большой силѣ у Петра и Екатерины. Тѣснѣе была связь Кантемира съ знаменитымъ помѣщикомъ царевича Алексѣя П. А. Толстымъ: они были знакомы другъ съ другомъ чуть ли не со времени совмѣстнаго пребыванія въ Константинополѣ (до 1710 года). Много тяжкихъ грѣховъ было на совѣсти у «Петра Андреевича», какъ его по-просту звали въ народѣ; но это былъ человѣкъ очень умный и къ тому же отчасти княжнѣй; во время своего долгаго пребыванія за границей, преимущественно на югѣ Европы, Толстой кое-чему научился и ко многому приглядѣлся; онъ хорошо говорилъ по итальянски, отличался пріятностью обращенія и не имѣлъ слабости къ вину. Сношенія съ константинопольскими греками привили ему кое-какія понятія, сходныя съ воззрѣніями Кантемира: будучи русскимъ резидентомъ при Портѣ, онъ требовалъ себѣ мѣста выше французскаго и другихъ посланниковъ на томъ основаніи, что его государь носить титулъ царя, происходящій отъ слова к е с а р ь ²⁾; это напоминаетъ Кантемирову мысль объ усвоеніи Петру императорскаго титула. Слѣдъ близкаго сношеній князя Дмитрія съ Толстымъ встрѣчается и въ дневникѣ Ильинскаго; подъ 27-мъ августа 1721 года тамъ записано: «Нашъ князь съ княгинею и княжною за просто кушали у Петра Андреевича Толстого на здѣшнемъ (петербургскомъ) дворѣ».

Кромѣ русскихъ сановниковъ, Кантемиръ любилъ водить знаком-

¹⁾ Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. XL, стр. 369—371.

²⁾ Mémoire historique sur l'ambassade de France à Constantinople, par le marquis de Bonnac. Publié avec un précis de ses négociations à la Porte Ottomane par Ch. Schefer. Paris. MDCCCXCVI, p. 121.

ство съ иностранными дипломатами, аккредитованными при русскомъ дворѣ: бывалъ, съ женой и дочерью, на обѣдахъ у прусскаго резидента фонъ-Мардефельда, страстнаго любителя музыки, и у цесарскаго интернунція графа Кянскаго, большого любителя танцевъ; всего же болѣе дорожилъ онъ близостью съ французскимъ посланникомъ де Кампредономъ, при помощи котораго, какъ мы видѣли, надѣялся высвободить своего младшаго брата изъ турецкой неволи. Вообще склонность преслѣдовать цѣли своего личнаго интереса или честолюбія довольно ясно проглядываетъ въ дѣйствіяхъ хитраго господаря, особенно съ того момента, когда обстоятельства заставили его расширить кругъ своихъ общественныхъ сношеній.

Въ іюнѣ 1721 года прибылъ въ Петербургъ молодой герцогъ Голштинскій Карлъ-Фридрихъ, въ надеждѣ, что царь Петръ, при заключеніи мира съ Швеціей, поддержать его права на наследство шведскаго престола и отдать ему руку одной изъ своихъ дочерей. Кантемиръ, повидимому, мало придавалъ значенія этому принцу и его притязаніямъ; тѣмъ не менѣе, онъ счелъ нелишнимъ сблизиться какъ съ самимъ герцогомъ, такъ и съ его министромъ, графомъ Бассевичемъ. 1-го іюля 1721 года Карлъ-Фридрихъ былъ у князя Дмитрія съ визитомъ, затѣмъ 17-го числа, по его приглашенію, обѣдалъ у него со своею свитой, а мѣсяцъ спустя, 19-го августа, явился на именины княжны Маріи. Послѣ того, какъ закончились придворныя торжества по случаю мира въ Петербургѣ и Москвѣ, герцогъ снова сталъ посѣщать князя Дмитрія: 14-го февраля 1722 года онъ былъ у него, въ Москвѣ, на большомъ балу, а 27-го на ассамблеѣ; очевидно, герцогъ находилъ особенное удовольствіе ѣздить въ этотъ домъ, гдѣ умѣли принять и занять гостей. Онъ любилъ повеселиться и еще въ Стокгольмѣ знавалъ княгиню Анастасію Ивановну молодую дѣвницей; при первой же встрѣчѣ въ Петербургѣ онъ осыпалъ ее любезностями и потомъ продолжалъ слегка ухаживать за нею; особенно доволенъ онъ былъ, что могъ говорить съ нею по нѣмецки и по шведски, тогда какъ съ мужемъ ея долженъ былъ объясняться только по латыни; вѣроятно, къ этому же языку прибѣгалъ онъ и въ разговорахъ съ княжною Маріей. Впрочемъ, оживленный разговоръ, особенно съ дамами, едва ли составлялъ тогда необходимую принадлежность общественныхъ собраній, гдѣ всего болѣе занимались танцами. Берхгольцъ жалуется, что русскія дамы, мало знающія нѣмецкій языкъ, не отвѣчаютъ ничего, кромѣ «не знаю», а къ тѣмъ, которыя хорошо говорятъ по нѣмецки, нѣтъ на ассамблеяхъ доступа за вельможами и императорскими камеръ-юнкерами. Была, однако, и другая причина, почему русскія дамы уклонялись отъ разговоровъ съ иностранцами: почти инстинктивное верасположеніе къ нимъ. Герцогу Голштинскому, и въ особенности его свитѣ, пришлось испы-

тять это на балу у Кантемира 14-го февраля. «Всѣ дамы», просто-душно признается Берхгольдъ при описаніи этого бала, «въ особенноти же хозяйки дома, которыя много лѣтъ провели за границей и считаютъ себя образованными и умѣющими жить, не были на столько вѣжливы, чтобы пригласить насъ танцовать хоть разъ, тѣмъ болѣе, что мы были имъ уже не незнакомы и постоянно стояли у нихъ передъ глазами. Онѣ охотнѣе выбирали молодыхъ неотѣсанныхъ русскихъ, своихъ родственниковъ, болѣею частью унтеръ-офицеровъ гвардіи, и не стыдились приглашать ихъ и тогда, когда они стояли около и даже позади насъ». Обиженный камеръ-юнкеръ прибавляетъ, что дамы не рѣшились бы вести себя такимъ образомъ, если бы на балу присутствовали императоръ и императрица. Дѣйствительно, ни Петра, ни Екатерины не было въ то время въ Москвѣ: они уѣзжали на Олонецкія минеральныя воды.

Невниманіе русскихъ дамъ къ голштинцамъ легко объяснимо: голштинская партія въ то время обрѣталась не въ авантажѣ. Болѣе полу-года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ-Фридрихъ пріѣхалъ въ Россію, а между тѣмъ его положеніе все еще оставалось не выясненнымъ. По дипломатическому вопросу онъ потерпѣлъ неудачу: шведы согласились въ Ништатѣ на русскія предложенія о мирѣ именно съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ трактатѣ не было оговорки въ пользу правъ герцога Голштинскаго на шведское наслѣдство. Матримоніальныя притязанія его также оставались безъ отвѣта. Правда, Екатерина, озабоченная устройствомъ судьбы своихъ дочерей, сразу стала на сторону герцога, и вѣрный слуга царицы, Меншиковъ, поддерживалъ ея желанія, но самъ Петръ, послѣ кончины царевича Петра Петровича, въ 1719 году, еще не рѣшилъ вопроса о томъ, кому быть его преемникомъ на русскомъ престолѣ. Указомъ, изданнымъ въ началѣ 1722 года, онъ предоставлялъ себѣ право этого выбора и тѣмъ самымъ отнималъ у своего внука, сына царевича Алексѣя, право обязательнаго наслѣдованія. Очевидно, онъ предпочиталъ, чтобъ его наслѣдіе перешло къ его потомству отъ второго брака. Понятна поэтому осторожность, съ какою онъ относился къ избранію супруга для своей дочери, то-есть, отца будущаго императора. Въ виду такого труднаго положенія вещей становились возможными различныя комбинаціи съ цѣлью удовлетворить тревожнымъ заботамъ императора.

Петръ былъ легко доступенъ обаянію женщинъ; въ теченіе своей жизни онъ не разъ испытывалъ сердечныя влеченія, иногда очень сильныя, но болѣею частью непродолжительныя, такъ какъ женщины, ему нравившіяся, не обладали никакими выдающимися достоинствами. Только маріенбургская плѣнница сумѣла прочно привязать его къ себѣ и стала его второю супругой. Рожденіе двухъ дочерей, а затѣмъ при-

вычка многихъ лѣтъ, еще болѣе скрѣпили этотъ союзъ. Но и Екатерина, при всей любви къ ней, Петръ не всегда оставался вѣренъ, такъ что ей волей-неволей приходилось быть снисходительною въ этомъ отношеніи. По словамъ Бассевича, она «смѣялась надъ его частыми любовными приключеніями, какъ Ливія надъ интрижками Августа; за то и онъ, рассказывая ей о нихъ, всегда оканчивалъ словами: «Никто не можетъ сравниться съ тобою» ¹⁾. Государь страстно желалъ имѣть прямого наследника престола въ родномъ сынѣ; на этомъ-то желаніи, въ связи со способностью царя отдаваться внезапнымъ порывамъ сердца, и былъ основанъ расчетъ, занявшій теперь умы вѣкоторыхъ близкихъ къ царю лицъ.

Въ зиму 1721—1722 годовъ, во время празднествъ по случаю Ништатскаго мира, Петръ увлекся новою сильною привязанностью, и на этотъ разъ предметомъ его страсти была личность, совершенно не похожая на женщинъ, нравившихся ему доселѣ. То была дочь Молдавскаго господара ²⁾. Была ли красива княжна Марія—мы не знаемъ: единственный современникъ, оставившій свидѣтельство объ ея наружности, называетъ ее «незавидною»; быть можетъ впрочемъ, Берхгольцу просто не нравился ея типъ полугречанки. Но несомнѣнно, княжна обладала живымъ умомъ, а по образованію, по подъему своей мысли стояла высоко среди русскихъ женщинъ своего времени. Уже однимъ этимъ преимуществомъ она могла привлечь къ себѣ Петра. Преданіе прибавляетъ, что и сама она вполне подчинилась обаянію великаго челоука. Косвенно преданіе подтверждается тѣмъ, что именно въ первые мѣсяцы 1722 года, будучи въ Москвѣ, она, несмотря на согласіе отца, отказала въ своей рукѣ князю Ивану Григорьевичу Долгорукову, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, что сватавшійся «не имѣетъ никакого чина въ службѣ императорскаго величества». Извѣстіе объ этомъ отказѣ сохранилось въ завѣщательномъ письмѣ князя Дмитрія Кантемира, писанномъ въ сентябрѣ 1722 года на имя царицы Екатерины; понятно, почему оно нашло себѣ мѣсто въ этомъ документѣ: отцу хотѣлось дать понять, что для него осталась тайною близость Петра къ его дочери. Но повѣрить такому смыслу этого намека было бы трудно. Есть извѣстіе, что посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ былъ опытный

¹⁾ Записки о Россіи при Петрѣ Великомъ, стр. 104.

²⁾ Современныя извѣстія объ отношеніяхъ Петра къ княжнѣ Маріи Кантемировой находятся въ денешахъ де-Кампредона (Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. XLIX, стр. 114 и 352), и въ запискѣ цесарскаго дипломатическаго агента (Busching's Magazin für die neue Historie und Geographie, 13. XI); подвѣвшія—въ Anecdotes Шерера (Londres. 1792), т. IV, и въ Mémoires du prince Pierre Dolgorouki. Genève. 1867. Ср. также Архивъ князя Куракина, т. I, стр. 93, и Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ, стр. 183.

въ интригахъ П. А. Толстой, старый знакомецъ Кантемира; онъ велъ дѣло, конечно, съ его вѣдома: два хитреца поняли пользу взаимной помощи, и такимъ образомъ, если не явное согласіе, то тайное поущеніе со стороны честолюбиваго князя помогло осуществиться тому, чему онъ долженъ былъ бы воспрепятствовать, какъ отецъ. Бывшій государь могъ ублажать себя надеждой, что страсть Петра къ княжнѣ поведетъ къ расторженію царева брака съ Екатериной, а затѣмъ новое законное супружество соединитъ Русскаго государя съ отраслю византійскихъ кесарей. Весною 1722 года обнаружилось, что княжна беременна; рѣшясь она младенцемъ мужскаго пола, смѣлые виды ея отца, можетъ быть, значительно приблизились бы къ осуществленію: появленіе на свѣтъ сына могло бы побудить Петра сдѣлать тотъ рѣшительный шагъ, отъ котораго удерживало его пока существованіе дочерей, рожденныхъ ему Екатериной. Таковы по крайней мѣрѣ были, по свидѣтельству современниковъ, опасенія самой царицы.

Между тѣмъ Петръ готовился къ войнѣ съ Персіей. Какъ знатоки восточныхъ дѣлъ, Толстой и Кантемиръ были призваны на совѣтъ; первый особенно горячо поддерживалъ предпріятіе; второму поручено было изготovitъ манифесты на турецкомъ и персидскомъ языкахъ, для распространенія среди жителей восточнаго Закавказья. Оба они, вмѣстѣ съ адмираломъ Апраксинымъ, были избраны государемъ, чтобы сопровождать его въ походъ. Въ первыхъ числахъ мая императоръ, вмѣстѣ съ Екатериной, выѣхалъ изъ Москвы; вслѣдъ за ними отправилась вся свита, въ томъ числѣ Кантемиръ со всѣмъ своимъ семействомъ. Весь путь предстояло совершить водою—по Москвѣ-рѣкѣ, Клязьмѣ, Ожѣ и Волгѣ. На это потребовалось два мѣсяца, и только 5-го іюля, по достиженіи Астрахани, невабъжный спутникъ князя Дмитрія Ильинскій могъ записать въ своемъ дневникѣ: «Императорское величество съ адмираломъ и Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и съ прочими у насъ были въ вечеру». Послѣ двухнедѣльнаго отдыха и окончательныхъ сборовъ Петръ, всесопровождаемый Екатериной, вышелъ въ плаваніе по Каспійскому морю; на западномъ его берегу, въ устьѣ рѣки Аграхани, была произведена высадка, и затѣмъ начались военныя дѣйствія, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ было занятіе Дербента. Весь походъ продолжался два съ половиною мѣсяца, въ теченіе которыхъ князь Дмитрій почти неотлучно находился при императорѣ, служа ему, между прочимъ, переводчикомъ въ сношеніяхъ съ мѣстными жителями. Три старшіе Кантемирова сына сопровождали отца въ походъ, а младшій, четырнадцатилѣтній Антіохъ, оставался въ Астрахани съ мачихой и сестрой. Толстой также слѣдовалъ за государемъ.

Пока происходила эта экспедиція, въ Астрахани, на государевомъ рыбномъ дворѣ, гдѣ было отведено помѣщеніе для Кантемирова семей-

*

ства, совершилось надалека подготовленное темное дѣло. Княжна Марія преждевременно разрѣшилась недоношеннымъ младенцемъ. Есть извѣстіе, что эти роды были искусственно ускорены мѣрами, которыя принялъ Поликала, врачъ семьи Кантемировъ, состоявшій также при царьцynomъ дворѣ,—руководилъ же дѣйствіями Поликала не кто иной, какъ пріятель князя Дмитрія П. А. Толстой. Ему не въ-первой было играть двойственную роль: сближая княжну съ Петромъ, онъ въ то же время хотѣлъ быть угоднымъ Екатеринѣ; несчастная княжна оказалась его жертвой, хрупкою игрушкой въ его жесткихъ рукахъ. Теперь супруга Петра могла быть покойна; опасность, которой она боялась, была устранена, и Толстой могъ разчитывать на благодарность Екатерины; но часъ для удовлетворенія его честолюбія наступилъ не сразу.

4-го октября императоръ возвратился въ Астрахань, а 9-го прибылъ туда же князь Дмитрій. Результаты похода не вполнѣ удовлетворили Петра: войско много потеряло отъ жары и недостатка въ провіантѣ, закавказское населеніе не всегда встрѣчало русскихъ дружелюбно, а соглашеніе съ Персіей еще предстояло уладить; еслибъ это не удалось, понадобилась бы новая экспедиція. Вполнѣ доволенъ былъ Петръ только своею супругой: бодростью, съ которою она перенесла всѣ трудности экспедиціи, Екатерина напомнила старѣющему государю свое поведеніе во время несчастнаго Прутскаго похода. Кантемиръ вернулся въ Астрахань больной. Онъ сталъ хворать съ самаго начала 1722 года и еще въ бытность въ Москвѣ не разъ принужденъ былъ отказываться по болѣзни отъ участія не только въ маскарадныхъ сборищахъ, но даже въ засѣданіяхъ сената; во время похода, при слѣдованіи отъ Дербента, онъ совсѣмъ разнемогся, такъ что передъ выступленіемъ экспедиціи въ обратный путь рѣшилъ даже написать завѣщаніе. Въ Астрахани, среди семьи, князя встрѣтили нерадостныя вѣсти: онъ засталъ дочь тяжело больною. Есть основаніе думать, что обстоятельства, сопровождавшія ея болѣзнь, остались для него не выясненными; по крайней мѣрѣ, врачъ Поликала продолжалъ находиться при немъ. Но уже самый исходъ княжиной беременности уничтожалъ всѣ тайные замыслы и надежды князя, и этого было совершенно достаточно, чтобъ окончательно разрушить его здоровье. 11-го октября государь навѣстилъ больного, а 26-го числа, въ день его именинъ, снова посѣтилъ его и «сидѣлъ часа съ три», какъ сказано въ памятной книжкѣ Ильинскаго. Князю, повидимому, стало нѣсколько легче, и 28-го числа его секретарь могъ сдѣлать такую отмѣтку въ своей тетради: «Императорское величество съ господами министрами у князя нашего обѣдать и ужинать извоплъ». Продолжалъ Кантемиръ сохранять близкія сношенія и съ коварнымъ другомъ своимъ Толстымъ: «Петръ Андреевичъ былъ у насъ, и говорили одни межъ собою о нѣкакыхъ частныхъ дѣлахъ», записано у Ильинскаго подъ 3-мъ ноября. Между

тѣмъ дворъ готовился къ отъѣзду изъ Астрахани; подѣ 4-мъ ноября, наканунѣ отбытія императора и его супруги, въ томъ же дневникѣ отмѣчено: «Императорское величество изволилъ съ адмираломъ и Петромъ Андреевичемъ заѣхать къ намъ въ вечеру, сидѣлъ часа съ три и со всѣмъ простился». Петръ умѣлъ цѣнить своихъ способныхъ сотрудниковъ, если только не сомнѣвался въ ихъ преданности; такъ и Кантемиру онъ оказывалъ вниманіе до послѣдней минуты. При прощаніи князь Дмитрій вручилъ государю свое завѣщаніе. Остается неизвѣстнымъ, видѣлъ ли Петръ княжну Марію во время этихъ своихъ пріѣздовъ къ ея больному отцу.

Дни князя Дмитрія были сочтены: онъ страдалъ неизлѣчимою болѣзью — сухоткой (diabetes), отъ которой умерла и его вторая дочь, княжна Смарагда; но пока его крѣпкій организмъ еще продолжалъ бороться съ немощью. Однако, послѣ волнений, испытанныхъ въ послѣдніе дни пребыванія Петра въ Астрахани, Кантемиру стало хуже, такъ что 6-го ноября онъ исповѣдывался у епископа Іоакима, а 7-го причастился; ѣхать же въ Москву Кантемиръ не рѣшался, пока не установится прочная зимняя дорога; къ тому же въ семьѣ, кромѣ него самого, были и еще больныя: хворала княгиня Анастасія Ивановна, а княжна Марія еще не вполне оправилась. Наконецъ, 27-го января 1723 года вся Кантемирова семья двинулась въ путь цѣлымъ караваномъ. Ѣхать отъ Астрахани приходилось по пустынь степямъ, «терпя стужу и всякія безпокойства»; остановки для необходимаго отдыха были возможны лишь въ рѣдкихъ селеніяхъ. Въ половинѣ февраля путешественники достигли только довскаго городка Клецокъ¹⁾; здѣсь князь Дмитрій почувствовалъ такую слабость, что вмѣсто дальнѣйшаго слѣдованія къ Москвѣ рѣшилъ свернуть для отдыха въ свои курскія деревни. Изъ Клецокъ онъ написалъ письмо царицѣ, въ которомъ излагалъ свои затрудненія и просилъ, чтобъ она, какъ прежде, отвела отъ него гнѣвъ государя. 19-го марта Кантемиръ и его семья достигли Дмитровка и здѣсь водворились; поѣздка въ Москву была окончательно отмѣнена. Тихое пребываніе въ любимомъ мѣстѣ дало князю возможность продлить свою жизнь на нѣсколько мѣсяцевъ; онъ велъ дѣятельную переписку съ Петербургомъ и въ то же время занимался хозяйствомъ и сооруженіемъ церкви, но въ августѣ 1723 года снова сильно занемогъ и 21-го числа скончался.

Тѣло бывшаго господара было отвезено въ Москву, для погребенія въ Никольскомъ Греческомъ монастырѣ. Оно совершилось въ присутствіи вдовы, смяовой и дочери 1-го октября, «въ вечеру», какъ сказано въ памятной книжкѣ Ильинскаго. Л. Майковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Нынѣ Клецкая станица, близъ Дона, въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ.

Оригинальный подписчик на журналъ.

Въ бумагахъ покойнаго генераль-лейтенанта П. К. Менькова, бывшаго редакторомъ журнала «Военный Сборникъ», находится слѣдующая оригинальная подписка на журналъ:

«Въ С.-Петербургѣ. Въ Контору Редакціи «Военнаго Сборника».

«Препровождая при семь шесть рублей пятьдесятъ к. сер. на журналъ «Военный Сборникъ», покорию прошу выслать мнѣ это изданіе въ 1868 году въ г. Ельню, Смоленской губерніи.

«Валеріанъ Васильевъ Пассекъ, Генеральнаго штаба отставной генераль-маіоръ.

«Родной братъ падшаго въ 1845 году на Кавказѣ, въ бою подъ Дарго-Діамиды Васильевича Пассека и внукъ Екатерининскаго времени генераль-аншефа, Бѣлорусскаго намѣстника, нынѣ покойнаго Петра Богдановича Пассека.—Монархистъ, а не анархистъ и врагъ лицемеръ, безбожникъ и революціонера Герцена съ К^о и всѣхъ вообще крамольниковъ, безбожниковъ и матеріалистовъ и нечестивыхъ и зловредныхъ писателей и писакъ и поганцевъ послѣдователей и поклонниковъ ихъ».

29 декабря 1867 года г. Ельня Смоленской губ.

Слѣдуетъ замѣтить, что и въ послѣдующіе годы подписка В. В. Пассека на «Военный Сборникъ» всегда сопровождалась подобными же письмами.

Сообщилъ А. Заюнчковскій.

УВЛЕЧЕНИЕ ПОЭТА.

(Къ біографіи князя И. М. Долгорукова).

1793—1796 гг. ¹⁾

Въ 1793 году въ г. Пензу былъ назначенъ вице-губернаторомъ бригадиръ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ. Онъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей и любилъ свое семейство. Но въ тотъ вѣкъ, въ вѣкъ чувствительности и романическихъ приключеній, онъ считалъ необходимымъ влюбляться и въ чужихъ женъ. Въ Пензѣ предметомъ его страсти была супруга пензенскаго предводителя дворянства, коллежскаго ассесора Улыбушева.

«Объ этой дамѣ, — пишетъ М. М. Поповъ ²⁾, — должно сказать то же, что и о князѣ. Она не была вѣтреною, любила мужа и своего ребенка, но увлекалась духомъ времени. Она была еще молода и прекрасна, а онъ (князь И. М. Долгоруковъ) былъ уже въ лѣтахъ и некрасивъ лицомъ: имѣлъ безобразно выдавшуюся нижнюю челюсть и отвислую губу». Но сила ума, таланта и любезное обращеніе увлекли молодую женщину, и она страстно влюбилась въ князя Долгорукова.

Вице-губернаторъ и предводитель дворянства были сначала очень

¹⁾ Среди множества дѣлъ Московскаго архива министерства юстиціи, имѣющихъ юридическое и историческое значеніе, встрѣчаются и такія дѣла, которыя весьма важны въ бытовомъ отношеніи. Они рисуютъ передъ нами общественную жизнь нашихъ предковъ, особенности ихъ характера, привычки и взаимныя отношенія. Къ числу такихъ дѣлъ относится и дѣло за № 298, изъ связки по производству генераль-прокурора, изъ котораго и извлеченъ разсказъ, предлагаемый вниманію читателей. Ред.

²⁾ Въ своихъ замѣткахъ, находящихся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины».

дружны между собою, и князь Долгоруковъ часто посѣщалъ Улыбушева. Вскорѣ послѣднему стали подозрительны отношенія Долгорукова къ его женѣ, и между супругами произошли такіа несогласія, что Улыбушевъ принужденъ былъ оставить жену свою и удалиться изъ деревни, полученной ею въ приданое и въ которой они прожили девять лѣтъ со времени ихъ брака. Долгоруковъ продолжалъ посѣщать Улыбушеву, а во время разлуки влюбленные переписывались между собою:

«Que je souffre, mon coeur, d'être obligé de retourner sur mes pas ¹⁾; писалъ князь Долгоруковъ 12-го апрѣля 1794 г.,—но дороги, воды, словомъ всё стихія, кажется, противятся нашему нынѣ свиданію, которое долженъ я отложить до мая, надѣясь, что тогда дороги будутъ лучше и больше мнѣ возможности будетъ къ вамъ доѣхать. Que je suis obligé, mon incomparable ami, pour toutes les lettres, qui parviennent de toi; comme elles m'ont ravi! ²⁾. Ты должна уже теперь чувствовать, сколь не лестно я тебя люблю и сколько утѣшительна для меня каждая твоя строчка. Только въ одномъ изъ твоихъ писемъ увидѣлъ я, къ истинному моему сожалѣнію, одинъ твой qui pro quo ³⁾ насчетъ моихъ выраженій, то-есть l'amour et la nature ⁴⁾. Ахъ, милая и неоцѣненная моя Лизынька, какъ ты могла одну минуту въ такомъ смыслѣ принять мои слова, въ каковомъ они тебѣ показались! Нѣтъ, не къ тому я рѣчь клонилъ, чтобы привести тебя въ измѣну et pour alarmer votre vertu ⁵⁾. Ахъ нѣтъ, вѣрь, что твоя добродѣтель всегда для меня пребудетъ вещь освященная. Не того роду пламень оживотворяетъ мою душу, который бы позволилъ мнѣ заниматься мыслями, чести твоей предосудительными. Любить тебя страстно, уважать съ подобострастіемъ, слѣпо повиноваться во всемъ, почитать съ трепетомъ и въ видѣ бога моего, тебѣ всечасно служить и поклоняться—вотъ качество моей къ тебѣ страсти, вотъ одна и сладкая чувствъ моихъ пища! А сказалъ я, l'amour et la nature nous unira ⁶⁾ потому, что не свѣчи влекутъ насъ и не связываютъ никакія клятвы Богу, предъ престоломъ брачными возсылаемая отъ супруговъ, но любовь и гласъ природы, то-есть связь и свла чувствъ, природою въ сердца наши возлагаемая, насъ соединяютъ тѣснѣйшими узами, кои никогда не разорвутся. Вотъ что я хотѣлъ сказать, мой другъ, и когда ты сія слова точно въ такой же силѣ поймешь, то ты увидишь, какъ былъ я далекъ отъ другихъ всякихъ помышленій, какъ тѣхъ, кои

¹⁾ Сколько стражду я, сердце мое, что долженъ назадъ возвратиться.

²⁾ Сколько обязанъ я тебѣ, мой несравненный другъ, за всѣ письма, отъ тебя полученныя, сколько они восхищали меня!

³⁾ Одну двусмысленность.

⁴⁾ Любовь и природа.

⁵⁾ Чтобы опечалить твою добродѣтель.

⁶⁾ Что любовь и природа соединитъ насъ.

имѣютъ начало въ благородныхъ расположеніяхъ души, et non dans les simples sensations animales. ¹⁾). Еще я замѣтилъ изъ письма твоего, моя душа, что я сдѣлалъ преступленіе самое невольное. Ахъ, для чего ты прежде мнѣ не открылась, что ты еще довольно сильно любишь своего мужа, чтобы не хотѣть съ нимъ развестись? Для чего ты скрыла отъ меня, что ты его не ненавидишь? Я думалъ, что онъ, своими поступками, проявлялъ совершенную въ тебѣ *aigreur, haine, aversion* ²⁾, и въ этихъ мысляхъ я старался привести и склонить всѣ обстоятельства къ разводу вашему, считая тѣмъ устроить твое же благополучіе. Но когда онъ еще тебѣ милъ, à titre d'eroix, à titre de père d'un enfant, que vous aimez ³⁾, то на что было разводиться? Жаль, что я рагѣ сей тайны не свидѣлъ! Не подумай, чтобы всѣ мои сіи разсужденія вкрадывались отъ ревности. Нѣтъ, я увѣренъ, что ты меня больше его любишь; но все, когда онъ хотя мало былъ тебѣ сносенъ, и когда я вижу въ твоихъ теперешнихъ мрачныхъ мысляхъ, то вижу, что мы все несчастіе тебѣ, тѣмъ разводомъ составили.

«Я на почтѣ ничего вчера къ тебѣ не писалъ, потому что чаялъ самъ съ тобою увидѣться, но вотще такіа надежды меня питали.

«Ты страшнись, мой другъ, моей переменѣ, оттого, что комедію будемъ играть. Нѣтъ, не страшись; отдай мнѣ больше справедливости: не токмо на театрѣ, ниже въ собраніяхъ цѣлаго свѣта, не токмо Мен и а, но ниже какая женщина не въ силахъ будетъ отвлечь мое сердце отъ тебя и скинуть съ меня тѣ легкія и дорогія цѣпи, какія ты одна въ моемъ нынѣшнемъ положеніи могла и умѣла на меня накинуть. Тебѣ дано было судьбою все сердце мое себѣ присвоить, отнявъ его даже у тѣхъ, кои на оное отъ начала міра имѣли право по всѣмъ законамъ. Такъ не страшись ни чьихъ прелестей: никакія красоты Лизыньки моей въ глазахъ моихъ не превзойдутъ. Надобно мнѣ вамъ сказать теперь довольно смѣшную сплетню городскую. У насъ есть золотарь, которому я заказалъ для себя къ празднику три кольца, и изъ нихъ два въ свѣтлый праздникъ была на мнѣ, а третіе я подарилъ женѣ. Что же? Одинъ человѣкъ изъ мужчинъ, пріятель еще мнѣ, вдругъ говорить, что я одно кольцо заказалъ для васъ и къ вамъ будто отправилъ. Какова вамъ покажется эта штука? Я ужасъ какъ тому смѣялся!

«Посылаю вамъ письмо, которое я на сей почтѣ отъ Вельшаева получалъ. Напишите ко мнѣ, Бога ради, какъ мнѣ теперь къ вамъ писать, когда вы будете въ Ивановку, черезъ кого и какимъ образомъ:

¹⁾ А не въ простыхъ чувствованіяхъ, свойственныхъ животнымъ.

²⁾ Неудовольствіе, ненависть и отвращеніе.

³⁾ Въ качествѣ супруга, въ качествѣ отца, имѣющаго дитя, которое вы любите.

ибо я безъ писемъ твоихъ, ангель мой, жить не могу. Чего бы я не далъ, чтобы тебя видѣть и расцѣловать? Ахъ, другъ мой, нельзя любить больше, какъ я тебя люблю! Въ естествѣ нѣтъ сильнѣе моей страсти. Прости, моя душа, будь здорова и, сколько можно, покойна. Не забывай меня, люби много и столько, сколько я тебя люблю. Пиши чаще, пиши, что ты меня любишь, что ты меня обнимаешь. Матушка, жизнь моя, богъ мой; какъ воображу, что я въ твоихъ объятіяхъ, то я вѣѣ себя. Другъ мой, богъ! Чѣмъ мнѣ еще назвать? Голубушка, душа моя! Обнимаю тебя сто разъ, заочно; ноги твои цѣлую, глаза, руки. Словомъ, я не помню самъ себя; вижу тебя всякій день во снѣ; словомъ, нѣтъ той минуты, въ которую бы я не видалъ тебя. Еще тебя цѣлую, сто, сто, сто и миллионъ разъ. Adieu, mon ange, mon tout, mon Dieu ¹⁾ и все, что милаго въ тебѣ. Прощай.

«Богъ одинъ видѣть, что я?—отвѣчала Е. Улыбушева князю Долгорукову 14-го апрѣля 1794 г.—Письмо распечатано; приложено В е л ѣ ш е в о ²⁾; а впрочемъ нѣтъ ни слова. Я теряюсь въ моихъ мысляхъ. Извините, что я не могла удержать стремленія, дабы вамъ ничего не сказать, но волненіе выше моихъ силъ. Ахъ, что я? вѣѣ себя, не знаю, чѣмъ кончить мои смущенныя мысли! Я, вѣрно, презрѣна; вѣрно, забыта! Простите, ахъ, простите несчастной, что она еще такъ дерзка, что васъ обезпокоиваетъ своимъ письмомъ. Приищите къ моему отчаянію, къ отчаянію безпредѣльному. Но почему я заблуждалась? Мнѣ-ль, несчастному творенію, чувствовать какую отраду, не только счастье быть вами... Охъ въ какомъ стѣсненіи находится грудь моя; въ какомъ волненіи, душа моя! Я не знаю, что я и чѣмъ все сіе кончатся? На что мнѣ послѣ онаго жизнь, на что? А вы еще совѣтуете продолжать увѣдомленія о здоровьи. Нѣтъ, не ожидайте, не мучьте меня оными требованіями. Забудьте, что существуетъ несчастная и преданная вамъ. Ахъ! забудьте. Я всѣ силы употреблю сложить бремя отягощающей жизни моей. Да, можетъ, смерть, спокойствіе всѣмъ злополучнымъ, и меня приведетъ къ тихому пристанищу. Я уѣду черезъ пять дней домой; уѣду, погребу себя тамъ и въ маѣ не буду васъ здѣсь видѣть. Обстоятельства претятъ. Да хотя я на рѣжугѣс (предразсудки) очень мало гляжу, но зачѣмъ мнѣ быть, зачѣмъ? Должно стараться преодолѣвать себя. Вотъ что мнѣ осталось дѣлать. Но могу-ль сіе сдѣлать, въ моей ли то волѣ? Ахъ, на что, на что вы дали поводъ открыть мои чувства? Или на то, чтобы гордиться и смѣяться онымъ! Смѣйся жестокий, утѣшайся неблагодарный! Но со всѣмъ тѣмъ знай, что я тебя люблю. Если тебѣ надобно, я всему свѣту сказать оное готова. Угодно-ль

¹⁾ Прощай, мой ангель, прощай все мое, богъ мой.

²⁾ То-есть: письмо Вильяшева.

вамъ оное, я готова. Ахъ, князь, que faites vous (что дѣлаете вы)? Какое вы сердце пронзааете? сердце столь много любящее васъ. Вы ѣхали, но правда-ль оное? Ёхалъ, а ¹⁾ строчки нѣтъ. Avez (vous) reçu mes lettres ²⁾. Меня все въ страхъ и въ трепеть приводить. По крайности, изъ жалости, выведете ли меня изъ сего адскаго положенія; увѣдомте, въ нашихъ ли рукахъ письма мои, qui j'ai eu la hardiesse d'envoyer avec ce même homme? ³⁾ Прощайте, прощайте. Если вы все тѣ же (но нѣтъ, на что мнѣ еще себя льстить, на что? я то предвидѣла изъ послѣдняго письма), то конечно я буду виновата, что это пишу. Тогда, en vous embrassant, je vous prie me pardonner ⁴⁾. Если жъ такъ, какъ я думаю, то свершилась моя совершенно несчастная участь, но знайте, я не умѣю чувствовать et aimer (и любить), какъ всѣ. Доказано то будетъ опытно (опытомъ), сколько страсть моя къ вамъ велика. Можетъ, чувствительность и заставитъ раскаиваться, но то будетъ поздно. И тогда-то увидите, что я, при всѣхъ малыхъ достоинствахъ, имѣла безподобно тебя любящее сердце. Ахъ! а если любишь, quel bonheur pour ta Lise: je pleure, je sanglote ⁵⁾. И такъ я тебя не увижу. Ахъ, что я? я буду употреблять всѣ силы еще дней 8 быть здѣсь. Но на что оное? право, сама не знаю. Но могу-ль, смѣю-ль еще en idée vous embrasser, vous serrer contre mon cœur? Oh, que le mien d'une seule idée palpite ⁶⁾. Думая тебя увидѣть, всю ночь нынче не спала. Вотъ охъ будетъ; chaque petit bruit me faisait tressaillir de joie, c'est lui voilà, c'est lui ⁷⁾! Но, что послѣдовало? И такъ я не уважу бога моего, не увижу души моеѣ, je ne l'embrasserai pas, mes ⁸⁾ yeux ne se rencontreront pas avec les siens ⁹⁾ еще мѣсяцевъ семь! А разлука, разлука какія слѣдствія выведетъ? И послѣднюю жалость искренивъ изъ сердца! Adieu, mon prince, adieu. Puis-je vous nommer encore mon ami, mon intime ami? Adieu, mon prince ¹⁰⁾? Ахъ, что я? я виѣ себя, не знаю, что писать! Voilà le sort de la pauvre Lise ¹¹⁾ плакать и мучиться! Но хотя

¹⁾ Здѣсь вѣроятно пропущено: ни.

²⁾ Получили ли мои письма?

³⁾ Которыя я имѣла смѣлость отослать къ вамъ съ тѣмъ же самымъ человекомъ.

⁴⁾ Тогда нѣлуя васъ, прошу меня простить.

⁵⁾ Какое счастье для твоеѣ Лизы. Я плачу, я рыдаю.

⁶⁾ Еще тебя обнять мысленно и прижать къ своему сердцу... О! мое сердце трепещетъ отъ единой мысли тебя видѣть.

⁷⁾ Малѣйшій шумъ приводитъ меня въ радость—это онъ, вотъ это онъ.

⁸⁾ Въ подлинникѣ вмѣсто mes поставлено maïs.

⁹⁾ Не подѣлюю я его; глаза мои не встрѣтятся съ его глазами.

¹⁰⁾ Прости, мой князь, прости; могу-ли я еще назвать тебя моимъ другомъ, моимъ искреннимъ другомъ.. Прощай, мой князь.

¹¹⁾ Вотъ жребій твоеѣ бѣдной Лизы.

въ послѣдній разъ дай мнѣ свободу сказать, что ты будешь имѣть прекраснѣй, достойнѣй, любезнѣй, нежели Лизынька; но кто бы могъ такъ тебя любить, какъ она, могъ бы столько боготворить вѣрно нѣтъ. Моя любовь безмѣрна и страданіемъ нѣтъ конца! Охъ, другъ мой, за что ты меня такъ мучишь? Жизнь моя! Кланувшись на шею къ тебѣ, прижимая тебя къ груди моей, прошу я: одно слово, одно, что ты меня любишь, сдѣлаетъ меня счастливой. Скажи его, другъ мой, скажи! утѣшь свою подданную, воскреси рабу свою, дай жизнь à votre amante, dites que je vous aime ¹⁾). Или научи какъ вырвать пламя изъ нѣдра сердца моего. Другъ мой, погляди на меня: не стыдно-ль тебѣ, что ты такъ меня растраиваешь? Что вамъ препятствовало прибавить, хотя въ томъ же письмѣ, по-французски, что... О, моя душа; но все тебя цѣлую, все обнимаю, un million de fois je vous embrasse (милліонъ разъ васъ цѣлую). Если бъ я могла надѣяться, что ты въ маѣ ко мнѣ будешь; но нѣтъ; охъ нѣтъ, не будешь. Или бъ въ субботу на будущей недѣлѣ; я бъ бросила все и здѣсь осталась. Но все тебѣ, нельзя. Votre attachement (твоя привязанность) когда и казалась дѣятельною, то все съ разсудкомъ, а въ моей все потеряно. Тебя любить, обожать—вотъ одно разсужденіе, вотъ одна мысль.—Adieu, ingrat ²⁾! Другъ мой, обними меня.—Ахъ, какъ мнѣ горько! поцѣлуй меня».

Оба письма попали въ руки Улыбушева, и онъ, снося терпѣливо разлуку съ женою, не могъ перенести своего безчестія, внушившаго ему мысль о мщеніи. Пріѣхавъ въ Пензу, предводитель дворянства отправился въ домъ князя Долгорукова для объясненій, но тамъ ему сказали, что князь уѣхалъ въ казенную палату. Оскорбленный мужъ сталъ у подъѣзда палаты. По окончаніи присутствія, И. М. Долгоруковъ сходилъ по ступенямъ крыльца, когда Улыбушевъ, упрекая его въ соблазнѣ жены, нанесъ ему нѣсколько ударовъ «толстою натуральною тростью» и общалъ застрѣлить его. Тогда еще продолжались холода, на князѣ была медвѣжья шуба, которая и приняла на себя удары. Но шуба защитила только отъ боли, а не отъ стыда, и весь городъ насмѣшливо заговорилъ о пострадавшемъ любовникѣ. Князь Долгоруковъ жаловался пензенскому генералъ-губернатору Ступишину, но тотъ, имѣя какія-то личности съ вице-губернаторомъ, не принялъ никакихъ мѣръ къ задержанію Улыбушева и даже не далъ подорожной нарочному, котораго Долгоруковъ хотѣлъ отправить съ жалобой о нанесенномъ ему оскорбленіи къ императрицѣ и генералъ-прокурору Александру Николаевичу Самойлову.

Между тѣмъ, вечеромъ 6-го іюля 1794 года, Улыбушевъ пріѣхалъ

¹⁾ Своей возлюбленной скажи: я тебя люблю

²⁾ Прощай, неблагодарный.

въ домъ князя Долгорукова съ двумя верховными служителями, имѣвшими, для большей угрозы, по парѣ незаряженныхъ пистолетовъ, и требовалъ, чтобы его допустили къ князю. Встрѣтивъ сопротивленіе со стороны людей послѣдняго, Улыбушевъ разбранилъ его и, угрожая застрѣлить при случаѣ, уѣхалъ изъ города. Князь Долгоруковъ послалъ къ генералъ-губернатору просить стражу для личной безопасности, и въ домъ его была поставлена команда.

Императрица Екатерина II чрезвычайно разгнѣвалась, узнавъ, «что такой безобразный поступокъ въ губернскомъ городѣ, въ покояхъ присутственныхъ мѣстъ, произошелъ», и приказала Самойлову послать нарочнаго для изслѣдованія происшествія на мѣстѣ. Улыбушева повелѣно было немедленно отыскать, гдѣ бы онъ ни скрывался, и доставить въ Пензу, а по окончаніи слѣдствія въ С.-Петербургъ. Все это приказано было сдѣлать безотлагательно, «ибо,—писалъ Самойловъ Ступишину,—высочайшая воля есть, чтобы сіе обстоятельство, со всевозможною поспѣшностью, въ ясность приведено было».

Для производства слѣдствія былъ отправленъ экзекуторъ 2-го департамента Сената, Казнаковъ. Улыбушевъ сознался съ своихъ поступкахъ, обвиняя князя Долгорукова въ преступной связи съ его женою. Князь, напротивъ, объяснилъ, что никакой связи не было, и что онъ принималъ только одно дружеское участіе въ судьбѣ ея, зная всѣ непріятности и даже побои, которые она терпѣла отъ своего мужа. Въ свое оправданіе Долгоруковъ приводилъ то, что всѣ свиданія съ Е. Улыбушевою происходили или при мужѣ, или же при ея отцѣ, артиллеръ и капитанѣ Мошковѣ. Послѣдній подтвердилъ справедливость показаній князя Долгорукаго и прибавилъ, что дочь свою, ради претерпѣваемыхъ ею отъ мужа побоевъ и расточенія большей части ея имѣнія, бралъ къ себѣ разъ десять; но потомъ возвращалъ по просьбѣ Улыбушева, обѣщавшаго, что впредь онъ съ нею такъ поступать не будетъ. Улыбушевъ былъ преданъ уголовному суду. Производство дѣла шло весьма медленно, и Долгоруковъ нѣсколько разъ обращался съ жалобами, что судъ старается затянуть дѣло.

8-го октября 1795 года онъ писалъ императрицѣ:

«Всемилютейшійшая государыня!

«Годъ слишкомъ уже тому, какъ получилъ я тяжкое и поносное оскорбленіе отъ руки Улыбушева. Я тогда же пролилъ слезы мои и жалобы предъ тобою. Съ высоты своего престола повелѣла ты изслѣдовать мое оскорбленіе; оно изслѣдовано. Повелѣла учинить судъ надъ врагомъ моимъ, но тщетно до нынѣ объ окончаніи онаго я просилъ и жаловался. Гласъ горести и нищеты, кромѣ тебя самой, великой монархини, никому не внятенъ. Подсудимый изъ Петербурга прибылъ въ Пензу послѣ высочайшаго вашего императорскаго величества указа

черезъ четыре мѣсяца. Суды приговоры надъ нимъ учинили: уѣздный отъ дня явки его въ три мѣсяца; верхній земскій—въ два, а уголовная палата еще никакого. Сила приговоровъ нижняго и средняго мѣстъ соотвѣтствуютъ столь благотворительному въ пользу подсудимаго промедленію, между тѣмъ онъ въ полной свободѣ насыщается поношеніемъ монѣмъ, а я страдаю другой годъ подъ игомъ тяжкаго сокрушенія. Годъ, краткій мигъ въ счастіи, есть несносный вѣкъ въ печали, и сія ли одна грызеть мое сердце?

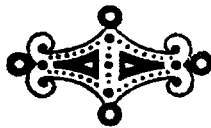
«Со времени столь несчастнаго судьбы на меня насланія, два раза торжествовала Россія: 22 сентября,—день великой и святой, августѣйшей памятникъ Божія о ней благопромышленія; два раза рука твоя, нескудная въ щедротахъ, обогащала сыновъ Россійскихъ знаками ордена, крестившаго нѣкогда надревле предъуготованное тебѣ достояніе. Жаркое мое о сохраненіи, о приращеніи малой части сокровищъ твоихъ, мнѣ вѣреннѣхъ, попеченіе, льстило меня высочайшаго твоего вниманія; но суетна бѣ моя надежда. Начавшіе служить позже меня въ званіи моемъ отличались; а я, Богомъ и тобой забытый, отринуть былъ отъ престола твоего. Гдѣ жъ найду я ранамъ моимъ уврачеваніе? Чье предстательство сильно меня возставить? Отъ кого премилосердая Екатерина отвратила лицо свое, тому—жизнь предверіе ада, а свѣтъ—геена золь.

«Услыши убо нынѣ пакы, премудрѣйшая изъ владыкъ монархія, гласъ моленія моего, и вопль мой къ тебѣ да приидеть. Преклони ухо твое, стenanію напастуемыхъ всегда отверзтое, къ воздыханіямъ моимъ сердечнымъ, сотвори судъ обидѣвшему, даждь правду обидимому. Ты, внушеніемъ Божиимъ различающая заблужденіе съ преступленіемъ, не помяни грѣха моего, ежели токмо ослѣпленіе сердца есть грѣхъ, побѣждающій твое милосердіе. Но въ томъ, что я коварству непрячась, что мерзостныхъ искушеній не позналъ, прими ты днесь, прими какъ Богъ, испытующій сердца и утробы, непорочную мою клятву. Тебѣ повѣдая всѣ правды моя, не утаилъ бы и неправды, аще бы душа моя нѣхъ вмѣщала. Просить ли суда въ чернотахъ обличаемая совѣсть, а я о немъ молитву дѣю; милующая же врага моего медленность въ рѣшеніи дѣла, не сальнѣйшее ли вины его обличеніе? Есть ли же не пришелъ часъ воли твоей отмстить нанесенное мнѣ оскорбленіе, есть ли Всевышній, отнявъ у меня заступленіе твое, всего въ мірѣ меня лишаетъ, то яви послѣднюю со мной щедроту,—предай огню сіи слезныя строки, дабы враги мои, увидя, что я въ чаяніи моемъ посрамленъ, не вознесли кичливыхъ главъ своихъ и не рекли: оставила его Екатерина—принесемъ его въ жертву злобамъ нашимъ».

Въ 1796 году послѣдовало рѣшеніе Пензенской палаты уголовного суда, по которому Улыбушевъ былъ приговоренъ къ лишенію чиновъ,

дворянскаго достоинства и къ ссылке въ Сибирь на вѣчное жительство. Но у него нашелся защитникъ Александръ Салтыковъ, когда-то служившій вмѣстѣ съ генераль-прокуроромъ Самойловымъ. Въ письмѣ своемъ Салтыковъ доказывалъ, что палата приговорила Улыбушева къ наказанію выше вины его, и что, вообще, судьи оказали большое пристрастіе. Имѣло-ли это письмо какое-либо благодѣтельное послѣдствіе, а также, чѣмъ кончилось все это дѣло, и какова была дальнѣйшая судьба Улыбушева, къ сожалѣнію изъ дѣла не видно. Князь же Долгоруковъ въ томъ же 1796 году былъ переведенъ старшимъ членомъ въ московскую соланую контору.

Съ отъездомъ его изъ Пензы дѣло это не замолкло и долго сохранялось въ памяти пензенцевъ. Подлинныя письма были при дѣлѣ и копія съ нихъ переходили изъ рукъ въ руки. Въ исходѣ XVIII и въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка образованность въ губерніяхъ была удѣломъ только небольшого числа людей, преимущественно высшаго дворянства. Поэтому письма князя Долгорукова и Улыбушевой, по слогу своему, были рѣдкимъ явленіемъ въ обществѣ. Осуждая платоническихъ любовниковъ, указывая на письма, какъ на доказательство того, что женщины учить грамотѣ не слѣдуетъ, пензенцы, тѣмъ не менѣе, читали письма съ любопытствомъ и удовольствіемъ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе ста лѣтъ. Князь Долгоруковъ и Улыбушева давно умерли. Исторія ихъ любви сохраняла только значеніе романа, который тѣмъ болѣе интересенъ, что не вымышленъ и составляетъ черту изъ біографіи одного изъ выдающихся тогдашнихъ поэтовъ—князя Ивана Михайловича Долгорукова.

Письмо Ламсдорфа князю Платону Зубову.

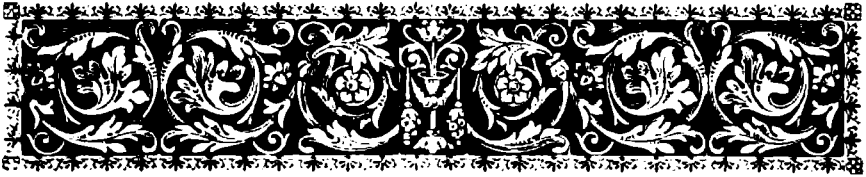
3 марта 1797 г. Митава.

Свѣтлѣйшій князь, Милостивый Государь. Сейчасъ удостоился я получить Всевысочайшее Его Императорскаго Величества явянное повелѣніе отъ 28-го прошедшаго Февраля слѣдующаго словеснаго содержания: «Узнавъ о почестяхъ, сдѣланныхъ князю Зубову въ проѣздъ его чрезъ Ригу, и о принятіи имъ оныхъ, повелѣваемъ вамъ по полученіи сего истребовать отъ него именемъ Нашимъ, съ какимъ намѣреніемъ и по какому поводу посмѣлъ онъ оныя принимать: отвѣтъ въ оригиналъ имѣете немедленно доставить къ Намъ съ сямъ же нарочно посылаемымъ».

По поводу сего я вашу свѣтлость покорнѣйше прошу, согласно съ вышепрписаннымъ всевысочайшимъ повелѣніемъ, отвѣтъ вашъ ко мнѣ вручить подателю сего, господину подполковнику Дикеру, для всеподданнѣйшаго поднесенія онаго въ оригиналъ Его Императорскому Величеству. Съ совершеннѣйшимъ высокопочитаемъ и преданностью имѣю честь пребыть, свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга, Ламсдорфъ.

Сообщ. академикъ А. Ф. Вычковъ

Записки графа Л. Л. Беннигсена

О

ВОЙНЪ СЪ НАПОЛЕОНОМЪ 1807 ГОДА.

IV ¹⁾.

Начало военныхъ дѣйствій.—Боевыя силы обѣихъ сторонь.—Затрудненіе въ продовольствіи русской арміи.—Попытка Наполеона заключить перемиріе съ Пруссією.—Первыя встрѣчи съ непріателемъ.

27 сентября (9 октября н. ст.), находясь въ Меджибожѣ, въ Подоліи, въ ста верстахъ отъ Днѣстра, въ арміи, назначенной для военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, я получилъ чрезъ фельдъегеря рескриптъ императора отъ 24-го сентября (6-го октября), въ которомъ, въ самыхъ милостивыхъ и лестныхъ выраженіяхъ, государь удостоивалъ меня командованія корпусомъ, составленнымъ изъ четырехъ дивизій: второй — подъ командою генерала-лейтенанта Остермана; третьей — подъ командою генерала-лейтенанта Сазена, четвертой — подъ командою генерала-лейтенанта князя Голицина, и шестой — подъ командою генералъ-майора Седморацкаго. Его величество въ то же время предписывалъ мнѣ по возможности ускорить прибытіемъ моимъ въ Гродно. Эти четыре дивизіи состояли всего изъ 60.000 человекъ строевыхъ и нестроевыхъ, съ которыми мнѣ предназначалось идти на помощь прусскому королю противъ Наполеона.

Я отправился на другой день 28 сентября (10 октября) и прибылъ 3 (15) ноября въ Гродно, гдѣ нашелъ уже прусскихъ комиссаровъ гене-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ декабрь 1896 г. При чтеніи этой и слѣдующихъ главъ необходимо пользоваться прилагаемою при семъ картою театра военныхъ дѣйствій.

раль-майора Глѣбовскаго и тайнаго совѣтника Штейна, присланныхъ королемъ для опредѣленія маршрута моея арміи. Я присоединилъ къ нимъ моего начальника штаба генерала Штейнгеля, и они усиленно трудились надъ составленіемъ конвенціи о движеніи русской арміи по прусскимъ владѣніямъ. По этой конвенціи солдаты должны были получать продовольствіе на этапахъ, т. е. отъ хозяевъ квартиръ, а фуражъ долженъ быть выставленъ обывателями вездѣ, гдѣ будутъ проходить наши войска, по опредѣленной на все цѣнѣ. Эта конвенція была представлена обоимъ дворамъ на утвержденіе. Не возможно было въ то время предвидѣть даже необходимость устройства провіантскихъ магазиновъ на правомъ берегу Вислы, потому что я долженъ былъ не останавливаясь двинуться въ Силезію, перейти р. Эльбу и достичь театра военныхъ дѣйствій. Я занятъ былъ пока принятіемъ мѣръ, необходимыхъ для перехода нашихъ войскъ черезъ границу, и получилъ приказаніе по возможности ускорить мое движеніе, не слишкомъ утомляя однако войска, и во всемъ слѣдовать приказаніямъ, которыя его величество король прусскій сочтетъ необходимыми мнѣ дать. Но скоро обстоятельства значительно измѣнились. Вмѣсто продолжительнаго перехода, который я долженъ былъ совершить для достиженія театра войны, пораженія, испытаннаго прусскою арміею подъ Іеною и Ауэрштедтомъ 2-го октября, вызвали не только совершенное измѣненіе предположенныхъ военныхъ дѣйствій, но принятіе съ нашей стороны мѣръ къ возможно быстрому вооруженію для обезпеченія и защиты нашихъ собственныхъ границъ.— Этого всего менѣе конечно ожидали и еще менѣе были къ этому приготовлены. При этомъ случаѣ познакомились однако же, съ средствами Россіи, когда идетъ рѣчь о войнѣ, угрожающей ея границамъ, и обширностью пособій, которыя государь можетъ ожидать, въ видѣ всякаго рода пожертвованій, сдѣланныхъ русскимъ народомъ съ величайшимъ восторгомъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Гродно я получилъ извѣстіе о несчастныхъ сраженіяхъ при Ауэрштедтѣ, Іенѣ и Галле, бывшихъ 2 (14) и 5 (17) октября. Эти печальныя извѣстія не замедлили достичь Петербурга, и мнѣ прислано было приказаніе, по возможности сосредоточивъ мою армію, не переходить Вислы, чтобы не подвергать совершенно бесполезно опасности наши храбрыя войска.

Генералъ Буксгевденъ получилъ въ то же время приказаніе собрать въ Литвѣ четыре остальныхъ дивизіи, именно: 5-ю, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тучкова, 8-ю — подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Дохтурова, 9-ю — подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эссена 3-го, и 14-ю — подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Акрепа; всѣ эти четыре дивизіи составляли до 40.000 человекъ. Генералъ Михельсъ, начавшій уже военныя дѣйствія противъ Турокъ, получилъ прика-

заніе немедленно отрядить отъ своей арміи генерала-лейтенанта Эссена 1-го съ двумя дивизіями, которыя однако составляли не болѣе 17.000 человекъ, такъ какъ онъ долженъ былъ оставить нѣсколько отрядовъ въ тылу. Генералъ Эссенъ 1-й получилъ приказаніе двинуться къ Бресту, чтобы прикрывать наши границы.

Таковы были первыя распоряженія, сдѣланныя Россією. Прежде чѣмъ рассказывать далѣе, мнѣ кажется необходимо сказать нѣсколько словъ о силахъ непріятеля, приближавшагося къ нашимъ границамъ съ цѣлію ихъ занять. По самымъ вѣрнымъ и точнымъ свѣдѣніямъ численность различныхъ корпусовъ французской арміи, перешедшихъ Рейнъ, была слѣдующая: гвардія подъ командою Бессьера—12.000 человекъ, 1-й корпусъ Бернадотта—16.800 человекъ, 3-й корпусъ Даву—34.000 человекъ, 4-й—Сульты—30.600 чел., 5-й—Ланна—23.400 чел., 6-й—Нея—22.200 чел., 7-й—Ожеро—11.400 и 9-й—Лефевра—12.000 чел., всего же 162.400 чел. Кромѣ того резервная кавалерія подъ командою герцога Бергскаго ¹⁾—20.400 и резервъ гвардіи подъ начальствомъ Удино—8.000 чел.; такъ что общее число французскихъ войскъ достигало 190.800 человекъ. Съ такимъ числомъ войскъ французы начали войну съ Пруссією въ 1806 г.

Разсмотримъ теперь безъ преувеличеній потерю, понесенную французскую армію въ дѣйствіяхъ противъ пруссаковъ:

Подъ Йеною и Ауэрштедтомъ убитыхъ 4.500 чел. и раненыхъ—8.000 чел., всего	12.500 чел.
При Заальфельдѣ и въ другихъ стычкахъ до большихъ битвъ, убитыхъ 500 чел., раненыхъ 1.500 человекъ, всего	2.000 чел.
При Галле убитыхъ 300 и раненыхъ 900 ч., всего	1.200 чел.
Въ различныхъ сраженіяхъ: при Нордгаузенѣ, Ванцлебенѣ, Зендрикѣ и Пренцлау, убитыхъ 200 и раненыхъ—500 чел., всего	700 чел.
Въ сраженіяхъ съ генераломъ Блюхеромъ въ Мекленбургѣ и подъ Любекомъ, убитыхъ 1.500 чел. и раненыхъ—2.600 чел., всего	4.100 чел.
Подъ Магдебургомъ убитыхъ и раненыхъ	160 чел.
Всего	20.660 чел.

Къ этому необходимо присоединить еще больныхъ, которыхъ въ разныхъ госпиталяхъ до самой Вислы, во французской арміи, насчитывалось 14.000 чел., всего 34.660 чел., за вычетомъ коихъ изъ общей цифры 190.800 человекъ остается 156.140 чел., къ которымъ послѣ сраженій съ пруссаками

¹⁾ Замѣнившаго Мюрата, впоследствии короля Неаполитанскаго, женаго на сестрѣ Наполеона I.

присоединились еще 16.000 чел. баварскихъ войскъ, что и составитъ 172.140 чел. Изъ этого числа войскъ были оставлены: въ Силезіи— 16.000 (баварцы всѣ); Гессенѣ—2.000 чел., Гамбургѣ—1.500 чел., Гамельнѣ—800 чел., Магдебургѣ—3.000 чел., Берлинѣ—2.000 человекъ, Любекѣ—800 чел., Штеттинѣ и Кюстринѣ—3.000 чел., всего 29.100 человекъ, такъ что дѣйствующую армію составляли 143.040 человекъ. Съ такою арміею французы, перейдя р. Одеръ, начали зимнюю кампанію противъ русскихъ войскъ и остатковъ прусскихъ армій. Русскіе, при приближеніи французовъ къ берегамъ Вислы, имѣли всего 60.000 человекъ и пруссаки—10.000 чел., которые и могли быть противопоставлены французамъ.

22 октября (3 ноября) моя армія начала переходить границу четырьмя колоннами: въ Яловкѣ, Гроднѣ, Оливѣ и Юрбургѣ. Я самъ отправился 27 октября (8 ноября). Прибывъ съ моимъ генераль-квартирмейстеромъ 29 октября (10 ноября) въ Остроленку я всталъ тамъ адъютанта императора Бенкендорфа, посланнаго изъ Петербурга къ прусскому королю и котораго сей послѣдній послалъ ко мнѣ съ депешами изъ Грауденца отъ 25 октября (6 ноября). Въ этихъ депешахъ король прусскій сообщалъ мнѣ о различныхъ несчастныхъ событіяхъ, постигшихъ его армію, а также о потерѣ Штеттина и Кюстрина и наконецъ о томъ, что французы двумя сильными колоннами, форсированнымъ маршемъ, двигаются къ Вислѣ, при чемъ одна колонна идетъ по южной части Пруссіи, а другая—черезъ Померанію и восточную Пруссію. Его величество выражалъ желаніе сосредоточить всѣ русскія и прусскія войска плотною массою между Остероде и Сольдау позади р. Дрвенца, откуда въ благоприятной для насъ позиціи можно было бы противодѣйствовать успѣхамъ непріятеля въ старой Пруссіи или же атаковать его и заставить отступить обратно, если онъ перейдетъ Вислу. Въ то же время его величество король прусскій поручилъ мнѣ вступить въ переписку съ его генераломъ-отъ-кавалеріи Калькрейтомъ, командовавшимъ тогда прусскими войскамъ, для согласованія съ нимъ нашихъ общихъ военныхъ дѣйствій.

Принявъ въ соображеніе однако мѣстонахожденія въ то время нашихъ четырехъ дивизій подъ начальствомъ генерала Буксгевдена, а также и нашихъ войскъ подъ командою генерала Эссена и лишеніе нашихъ границъ всякой защиты, я счелъ долгомъ представить его величеству королю, что если я со всею своею арміею стану между Остероде и Сольдау, то непріятельская колонна, направляющаяся на Варшаву, будетъ имѣть полную возможность исполнѣть безпрепятственно вступать въ предѣлы Россіи. Но какъ я обязанъ оградить наши границы отъ всякаго вторженія непріятелей и въ приказаніяхъ государя импера-

тора предписывалось мнѣ никогда не упускать изъ виду сей обязанности при всѣхъ моихъ военныхъ распоряженіяхъ, то я убѣдительно просилъ короля одобрить мѣры, признаваемые мною необходимыми въ моемъ положеніи и согласно которымъ я уже далъ необходимое направленіе движенію нашихъ колоній. Данныя мною въ этомъ отношеніи приказанія состояли въ слѣдующемъ: одна дивизія подъ командою генерала Седморацкаго, стоящая въ Прагѣ (противъ Варшавы), отправить, подъ начальствомъ полковника Юрковскаго, отрядъ изъ 5 эскадроновъ Александрійскаго гусарскаго полка, одного казачьяго полка, баталіона егерей и двухъ артиллерійскихъ орудій, который, пройдя чрезъ Варшаву, займетъ одну позицію въ Блонья на дорогѣ въ Позенъ, а другую въ Казунѣ, по дорогѣ въ Петроковъ или Бреславль.

Въ Петроковѣ, Позенѣ, а также многихъ другихъ городахъ великой Польши вспыхнуло уже возстаніе, возбуждаемое непріятелемъ. Полковнику Юрковскому приказано было поставить рядъ легкихъ отрядовъ на рѣкѣ Бузурѣ, съ цѣлю наблюденія за движеніями непріятельской колонны, которая направляется къ Варшавѣ. Эти отряды вмѣстѣ съ тѣмъ должны были препятствовать возставшимъ приблизиться къ Варшавѣ ранѣе прибытія французской арміи. Генералъ Седморацкій займетъ отрядомъ правый берегъ Буга, отъ австрійской границы до р. Нарева, и поставитъ линію легкихъ войскъ на правомъ флангѣ вдоль Вислы, на половинѣ дороги до Плоцка.

Генералъ-маіоръ Барклай-де-Толли, начальствуя авангардомъ, отправится самъ въ Плоцкъ, имѣя въ своемъ начальствѣ одинъ полкъ егерей, полкъ пѣхоты, пять эскадроновъ легко-коннаго польскаго полка, два полка казаковъ и батарею конной артиллеріи князя Яшвиля. Главная часть этого отряда займетъ окрестности Плоцка и Цюнска, а казачья цѣпь на лѣвомъ флангѣ будетъ служить продолженіемъ цѣпи генерала Седморацкаго. На правомъ флангѣ, со стороны Торна, она протянется до цѣпи прусскихъ войскъ. Чтобы устроить кордонъ съ этой стороны, онъ непосредственно обратится къ генералу Лестоку. Барклай-де-Толли переведетъ отряды легкихъ войскъ на ту сторону Вислы, чтобы образовать патрули и стараться получать извѣстія о движеніяхъ непріятеля. Генералъ-лейтенантъ Сакенъ съ 3-ю дивизіею займетъ пространство отъ Млавы до Сольдау и Гальгенбурга. Генералъ-лейтенантъ, графъ Остерманъ займетъ второю дивизіею окрестности Цѣханова. Генералъ-лейтенантъ, князь Голицынъ—окрестности Пултуска, гдѣ будетъ моя главная квартира.

Въ этой позиціи я могъ сосредоточить мои четыре дивизіи въ два дня и направиться со всѣми силами туда, куда потребовалось бы это обстоятельствомъ. Объ этихъ распоряженіяхъ, удостоившихся одобреніемъ

короля, я донесъ моему государю. Прусскій отрядъ, подъ командою генерала Калькрейта, находился на тѣсныхъ кантониръ-квартирахъ, между Заальфельдомъ и рѣкою Сольдау, причемъ аванпосты занимали линію Вислы отъ Данцига до окрестностей Плоцка. Генералъ Лестокъ, командовавшій въ то время этими аванпостами, выслалъ ихъ на лѣвый берегъ рѣки Вислы, чтобы имѣть точныя извѣстія о движеніи и приближеніи непріятеля. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, подъ командою маіора Муціуса встрѣтилъ въ маленькомъ городкѣ Бромбергѣ двухъ непріятельскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, посланныхъ съ небольшимъ отрядомъ на рекогносцировку; офицеры были взяты въ плѣнъ, а ихъ отрядъ — разбѣянъ. Два дня спустя приближеніе авангарда корпуса Ланна заставило прусскіе аванпосты перейти обратно за Вислу, а генералъ Лестокъ приказалъ сжечь мостъ, находившійся на этой рѣкѣ близъ Торна, что и было исполнено 4-го (16-го) ноября.

Видѣвъ съ моимъ рапортомъ его величеству, отправленнымъ изъ Остроленки, я писалъ также письмо нашему министру иностранныхъ дѣлъ барону Будбергу, отъ 30-го октября (11-го ноября), въ которомъ сообщалъ ему о дѣлѣ, вполнѣдствіи и почти во все время продолженія кампаніи причинявшемъ мнѣ величайшія затрудненія и препятствовавшемъ предположеннымъ движеніямъ, — это дѣло касалось мѣръ продовольствія арміи. Я могу служить примѣромъ, что главнокомандующему часто не столь опасны непріятельскія арміи, какъ испытываемые имъ недостатки въ средствахъ, требуемыхъ арміею при наступательныхъ ея дѣйствіяхъ. Подобные недостатки заставляютъ безвозвратно терять драгоцѣнное время, и общественное мнѣніе, не зная этихъ обстоятельствъ, принимаетъ всегда печальныя послѣдствія бездѣятельности или ошибокъ главнокомандующаго. Будетъ еще случай убѣдиться въ этой истинѣ, когда я дойду до разсказа объ осадѣ Данцига, при которой недостатокъ продовольствія держалъ меня все время, такъ сказать, прикованнымъ къ той же самой позиціи. Когда я писалъ свое письмо военному министру, была только рѣчь о продовольствіи арміи, но вполнѣдствіи мы увидимъ, что Россія оказалась совсѣмъ неприготовленною къ неожиданной войнѣ не только въ отношеніи продовольствія арміи и устройства провіантскихъ складовъ, но вообще относительно всѣхъ средствъ, которыя должны быть заготовлены заранее и которыя настоятельно необходимы для дѣйствующей арміи съ тою цѣлью, чтобы главнокомандующій не былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ концѣ моего письма я старался обратить вниманіе министра на жалкое положеніе силъ, которыми мы располагали, чтобы противопоставить угрожавшему намъ потоку. Я въ особенности настаивалъ на необходимости во-время принять мѣры, которыя сдѣлали бы насъ способ-

ными къ сильному сопротивленію. Это было тѣмъ болѣе настоятельно, что всѣ извѣстія удостовѣряли насъ въ томъ, что силы французской арміи, быстро подвигавшейся противъ насъ, значительно превосходили не только войска, находившіяся въ моемъ распоряженіи, но даже и тѣ, которыя могли бы быть еще собраны нами въ непродолжительное время. Побуждаемое подобными обстоятельствами, правительство обратилось къ народу, который съ величайшею готовностію и даже воодушевленіемъ содѣйствовалъ образованію ополченія въ 612.000 человекъ, не упоминая о безплатныхъ пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ частными лицами деньгами, лошадьми, хлѣбомъ, оружіемъ и проч. и проч. для защиты дорогаго отечества. Въ манифестѣ, изданномъ въ Петербургѣ, изложенъ порядокъ формировація этого ополченія и распредѣленіе его по разнымъ губерніямъ государства. Впослѣдствіи нашли, что назначенная цифра слишкомъ значительна, и, уволивъ нѣкоторую часть собранныхъ ратниковъ, уменьшили численность ополченія до 215.000 человекъ, дѣйствительно выставленныхъ народомъ. Но отдаленность многихъ губерній нашей обширной имперіи не дала имъ возможности прибыть во время къ арміи.

Прибывъ 31-го октября (12-го ноября) въ Пултускъ съ генералъ-квартирмейстеромъ, я первымъ дѣломъ озабочился изысканіемъ средствъ для продовольствованія арміи. Не найдя ни одного провіантскаго магазина, не имѣя никакой возможности достать какую-либо повозку, принадлежащую войску, для перевозки провіанта, я видѣлъ къ тому же, что дороги къ несчастію дѣлаются непроѣздными, а крестьянскія лошади уже изнурены, слишкомъ малосильны, чтобы быть годными къ перевозкѣ, и даже околѣваютъ не мало. Кромѣ того, я сталъ ежедневно получать донесенія изъ отрядовъ о недостаткѣ продовольствія, которымъ страдаютъ войска, и о необходимости, въ которую поставлены полки, разсылать фуражировъ, чтобы силою забирать по деревнямъ необходимые имъ припасы. Въ этомъ крайнемъ затрудненіи я обратился къ губернатору Варшавы, барону Колеру съ просьбою выдать мнѣ необходимые припасы варшавскихъ или другихъ мѣстныхъ магазиновъ, хотя бы единственно для дивизіи, стоявшей въ Прагѣ и ея окрестностяхъ. Я получилъ отвѣтъ, что онъ не находитъ возможнымъ исполнить мое желаніе; все, что онъ можетъ со своей стороны сдѣлать, заключается въ томъ, что онъ снабдитъ провіантомъ на день или два одну дивизію генерала Седморадскаго. Я послалъ это письмо въ подлинникѣ барону Будбергу въ Петербургъ, описавъ ему крайнее затрудненіе, въ которомъ находится армія; вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его указать мнѣ средства, которыя могли бы вывести армію изъ этого критическаго положенія.

Такимъ образомъ оказалось, что даже мы были лишены пособія въ

отношенія продовольствія въ странѣ нашего союзника, за котораго пришла сражаться. Тотчасъ по прїѣздѣ въ Варшаву я предлагалъ послать сильныя отряды, чтобы до прибытія непріятеля, захватить, на сколько будетъ возможно, значительныя магазины, находившіеся во многихъ мѣстахъ не вдалекѣ отъ Варшавы, на лѣвомъ берегу Вислы. Но предложеніе это было отклонено подъ тѣмъ предлогомъ, что на него нельзя согласиться, не испросивъ положительнаго соизволенія короля, а между тѣмъ время было слишкомъ коротко, чтобы выжидать отвѣта его величества, который, конечно, не былъ бы отрицательнымъ. Послѣдствіемъ этого было то, что всѣ эти магазины попали въ руки французовъ. Худое намѣреніе завѣдывавшихъ этими складами проявилось еще въ большей степени въ Плоцкѣ, гдѣ отъ генерала Барклая-де-Толли скрыли значительное количество хлѣбныхъ запасовъ, дѣйствительно находившееся налицо и притомъ въ такую минуту, когда онъ былъ въ величайшемъ затрудненіи, какъ и чѣмъ продовольствовать свой отрядъ. Только въ ту минуту, когда мы собирались покинуть Вислу, ему открыли этотъ складъ, оказавшійся очень значительнымъ, но недостатокъ времени и перевозочныхъ средствъ не позволилъ вполнѣ перевезти эти запасы. Такимъ образомъ, наше затрудненіе въ продовольствованіи арміи увеличивалось съ каждымъ днемъ, среди страны союзной и изобиловавшей всякаго рода жизненными припасами.

Въ одномъ изъ моихъ разговоровъ въ Тильзитѣ съ княземъ Невшательскимъ, во время мирныхъ переговоровъ, онъ мнѣ сказалъ: «мы имѣли на 50 процентовъ болѣе преимуществъ, чѣмъ вы въ этой войнѣ, которая для насъ являлась войною наступательною и позволяла намъ дѣлать реквизиціи во всѣхъ завоеванныхъ мѣстахъ». Я испытывалъ эту истину во все время продолженія войны.

4-го (16-го) ноября я отправился въ Варшаву, чтобы лично переговорить съ генераль-губернаторомъ этого города, барономъ Колеромъ. Въ то время очень опасались волненій въ Варшавѣ, имѣвшей 60.000 жителей, на которую съ самаго начала надлежало смотрѣть, какъ на очагъ восстанія, коль скоро французы займутъ городъ. Мы согласились въ томъ, что всѣ боевыя припасы, находившіеся еще въ этомъ городѣ, будутъ доставлены на Вислу, откуда направятся по Бугу въ Наревъ для потребностей русской арміи. На торговыхъ судахъ, приходившихъ изъ Данцига, находили еще свинець и дробь, въ довольно большомъ количествѣ; я приказалъ ихъ отобрать и перевезти туда-же. Прусская артиллерія, стоявшая въ Варшавѣ, была расположена частію съ городскими войсками на большихъ площадяхъ города, а остальная—близъ моста на Вислѣ; наконецъ, весь гарнизонъ долженъ былъ соби-

ратся по ночамъ въ разныхъ домахъ, чтобы имѣть возможность въ порядкѣ покинуть городъ по первому сигналу.

Генералу Седморацкому дано было тогда же приказаніе немедленно построить подъ Прагою, на правомъ берегу Вислы, батареи, чтобы сильнѣе защищать переправу черезъ рѣку. Очень благосклонное письмо короля прусскаго къ князю Іосифу Понятовскому, которымъ онъ поручала ему устроить городскую стражу, для охраненія порядка въ городѣ много способствовало сохраненію спокойствія, господствовавшаго въ городѣ въ періодъ времени отъ очищенія Варшавы прусскими войсками до вступленія въ нее французовъ. Князь Понятовскій, племянникъ послѣдняго польскаго короля, счумѣлъ воспользоваться уваженіемъ, которое ему оказывали, и распорядился съ большою осторожностью и умнѣемъ.

5-го (17) ноября авангардъ корпуса Ланна дошелъ до Подгоржа противъ Торна, гдѣ находилась главная квартира генерала Лестока. Командовавшій авангардомъ генералъ послалъ парламентаря съ письмомъ къ магистрату, предлагая городу сдаться и требуя, чтобы онъ немедленно переправилъ ему всё суда, находившіяся въ то время на правомъ берегу Вислы, а также прислалъ бы ему значительное количество хлѣба, говядины и проч. и проч.; при неисполненіи этого требованія городъ долженъ былъ подвергнуться бомбардированію и сожженію. Генералъ Лестокъ отправилъ парламентаря обратно съ отвѣтомъ, что онъ не дозволяетъ городу исполнять какое-либо изъ сихъ требованій французскаго генерала. Парламентарь не успѣлъ еще выйти, какъ уже въ городъ было брошено нѣсколько бомбъ. На другой день весь корпусъ Ланна, состоявшій изъ 18.000 человекъ, подошелъ къ Торну, который былъ бомбардированъ, но безъ успѣха. Были сдѣланы попытки убѣдить генерала Лестока сдать городъ, но онъ съ достоинствомъ и твердостью отвергъ это предложеніе. Лестокъ имѣлъ даже свиданіе съ генераломъ Викторомъ, а потомъ и съ Ланномъ, на небольшомъ островкѣ на Вислѣ; французскіе генералы употребили все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить генерала Лестока вывести свои войска изъ города и съ береговъ Вислы, но онъ оставался при своемъ твердомъ намѣреніи защищать вѣренное ему мѣсто. Генералы разѣхались, и по приказанію Ланна городъ былъ снова бомбардированъ, но безъ особыхъ послѣдствій. Между тѣмъ французы нарубили дѣсу и перевезли суда изъ р. Браге въ Вислу, для сооруженія моста. Генералъ Лестокъ возимѣлъ намѣреніе отнять по возможности эти суда у французовъ. Стрѣлковый баталіонъ Бюлова вспомнилъ это порученіе и истребилъ 26 лодокъ. Непріятель, утомленный сопротивленіемъ Лестока, отказался отъ намѣренія перейти Вислу въ окрестностяхъ Торна и продолжалъ свое движеніе къ Вар-

шавъ, по лѣвому берегу Вислы. Послѣ ухода корпуса Ланна, вскорѣ, по той же самой дорогѣ, прошелъ мимо Торна корпусъ Ожера и также бомбардировалъ, но слабо, этотъ городъ.

Возвратившись въ Пултускъ 6-го (18) ноября, я получилъ вскорѣ письмо прусскаго короля изъ Остероде отъ 11-го (23) ноября, въ которомъ его величество сообщалъ мнѣ, что къ нему призжалъ генералъ Дюрюкъ съ предложеніемъ перемирія отъ имени императора Наполеона, но что предложенныя условія были такого свойства, что его величество не нашелъ возможнымъ на нихъ согласиться. Король прибавлялъ, что вскорѣ самъ лично меня познакомить съ содержаніемъ этихъ предложеній. Генералъ Дюрюкъ долженъ былъ возвратиться на другой день къ своему императору. Король добавлялъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ меня немедленно извѣстить объ этомъ обстоятельстве на тотъ конецъ, чтобы я могъ въ-время принять всѣ мѣры, такъ какъ весьма вѣроятно, что послѣ полученнаго отказа непріятель еще болѣе ускоритъ свое движеніе. Генералъ Дюрюкъ уѣхалъ дѣйствительно 11-го (23) ноября изъ Остероде, а король прибылъ въ мою главную квартиру въ Пултускъ 12-го (24) числа.

Въ Варшавѣ въ то время уже находились: Мюратъ съ частью резервной кавалеріи и корпуса Дау и Ланна, силы которыхъ значительно превосходили мои; къ тому же было извѣстно, что и прочіе корпуса великой арміи приближались уже къ Вислѣ.

По вышеназваннымъ обстоятельствамъ переправа черезъ Вислу на оконечности моего лѣваго фланга находилась уже въ рукахъ непріятеля, и я долженъ былъ опасаться, что онъ пожелаетъ этимъ воспользоваться и нападетъ на отдѣльные мои отряды прежде, нежели я успѣю сосредоточить всю свою армію. Поэтому я не могъ сохранять долѣе мою позицію на Вислѣ и долженъ былъ, не теряя времени, позаботиться о сосредоточеніи моихъ силъ и о прикрытіи нашихъ границъ со стороны Бреста, куда генералъ Эссенъ 1-й еще не прибылъ.

Въ надеждѣ, что французы еще не знаютъ о приближеніи отряда генерала Буксгевдена, и полагая, что они будутъ меня преслѣдовать съ тою горячностью, которую они всегда проявляютъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ, я рѣшился отойти назадъ къ подходившимъ ко мнѣ подкрѣпленіямъ. Съ этою цѣлью, я приказалъ войскамъ выступить изъ мѣстъ ихъ расположенія 20-го ноября (2-го декабря) по направленію на Рожаны и Остроленку (два пункта на рѣкѣ Наревѣ), гдѣ могъ со мною соединиться, по моему предположенію, генералъ Буксгевденъ, по крайней мѣрѣ съ вѣкоторою частію своего корпуса, и куда долженъ былъ также прибыть и прусскій отрядъ подъ командою генерала Лестока. Я надѣялся завлечь непріятеля въ обширныя простирающіяся

туть равнины, но этотъ замыселъ мнѣ не удался. 24-го ноября (6-го декабря), я получилъ донесеніе, что непріятель, не подвигаясь впередъ, удовольствовался укрѣпленіемъ своей позиціи въ Прагѣ разными сооруженіями, причеиъ заставилъ работать множество жителей. Я рѣшился вернуться немедленно опять въ Пултускъ. Я расположилъ теперь свою армію на тѣсныхъ квартирахъ въ двѣ линіи такимъ образомъ, что въ двое сутокъ всѣ отряды могли быть соединены вмѣстѣ подъ Пултускомъ, на правомъ берегу Нарева. Резервъ въ 12 баталіоновъ былъ расположенъ близъ города вдоль этой рѣки.

Генералъ-лейтенантъ графъ Остерманъ, которому я поручилъ начальствованіе лѣвымъ крыломъ арміи, на мѣсто генерала Седморацкаго, занималъ окрестности Сироцка и Чарнова, съ цѣлію защищать переправу чрезъ рѣку Вьру, при впаденіи ея въ Наревъ, и чтобы задержать непріятеля на время, мнѣ необходимое для сосредоточенія всей моей арміи около Пултуска. Генералъ Барклай-де-Толли былъ посланъ въ Ново-Място съ авангардомъ, чтобы занять рѣку Вьру; его аванпосты на лѣвомъ флангѣ прикасались съ таковыми же отрядами генерала графа Остермана, а на правомъ флангѣ—съ отрядами генерала Лестока, котораго я отозвалъ изъ Торня въ Страсбургъ на рѣкѣ Дрвенцѣ; онъ прибылъ съ своимъ штабомъ 24-го ноября (6-го декабря) въ Голубъ, а на другой день въ Страсбургъ. Отказавшись отъ защиты Вислы, я не могъ уже удерживать Торнь; я долженъ былъ бѣжать войска, а оставленныя мною для защиты этого города неизбежно были бы утрачены, потому что это мѣсто не настолько укрѣплено, чтобы гарнизонъ его могъ бы долго держаться.

25-го ноября (7-го декабря) полковникъ гусарскаго Александрійскаго полка Русановъ, съ своимъ эскадрономъ и ротой 4-го Егерскаго полка подъ командою капитана Кулиша былъ посланъ на рекогносцировку отъ Помѣхова на Модинъ къ Сохочину. На возвратномъ пути онъ замѣтилъ, что непріятель перерѣзалъ ему дорогу своею пѣхотою. Онъ рѣшился оружіемъ проложить себѣ путь съвозъ пѣхоту, что ему и удалось безъ значительныхъ потерь. Наша пѣхота была неоднократно окружаема непріятелемъ, полагавшимъ, что она не въ состояніи уйти, но капитанъ Кулишъ въ своемъ критическомъ положеніи не растерялся; онъ опрокинулъ приближавшагося къ нему непріятеля съ фронта, взялъ двѣ небольшія батареи и принудилъ французовъ бѣжать до рѣки Вислы, гдѣ они бросились въ лодки, причеиъ потеряли нѣсколько людей отъ нашихъ выстрѣловъ. Между тѣмъ непріятель занялъ дорогу въ Помѣхово, по которой наша рота егерей должна была проходить обратно. Капитанъ Кулишъ былъ объ этомъ извѣщенъ и этотъ отважный капитанъ, несмотря на то, что дрался съ

утра до трехъ часовъ послѣ полудня и имѣя уже весьма немного патроновъ, рѣшился пробираться лѣсомъ, миновалъ деревню Врону и достигъ благополучно Колозомба, гдѣ перешелъ рѣку Вкру и соединился съ отрядомъ генерала Дохтурова. Въ этомъ дѣлѣ, сдѣлавшемъ большую честь капитану Кулишу, мы потеряли всего 26 человекъ убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ. По докладу моему о подвигѣ Кулиша государь императоръ пожаловалъ капитану орденъ св. Владимира 4-й степени, а король прусскій—орденъ «*roug le merite*». Этому храброму офицеру не удалось однакоже воспользоваться этими почетными наградами, потому что онъ въ скоромъ времени имѣлъ несчастье быть убитымъ въ дѣлѣ подъ Зерновымъ (?), гдѣ также отличился.

Много было мнѣ высказано противъ принятаго мною рѣшенія не защищать переправу черезъ Вислу и притомъ вполнѣ съ военной точки зрѣнія, какъ это и надлежало ожидать отъ знающихъ людей. Оставляю безъ возраженія всѣ появившіяся сужденія объ этомъ; было бы совершенно бесполезно ихъ опровергать. Самоинбіе, рѣшающееся судить очень скоро и безъ знанія дѣла, о которомъ даже и невозможно имѣть яснаго понятія,—явленіе слишкомъ обыденное, чтобы удивляться ложнымъ сужденіямъ, которыя ежеминутно теперь слышатся. Если ихъ произноситъ человекъ военный, то иногда на нихъ опираются; но въ глазахъ просвѣщеннаго человека онъ обнаруживаетъ только свое невѣжество, развѣ что еще иногда къ этому присоединяется и недобросовѣстность. Если же это говоритъ лицо не военное,—то только смѣются; это самое лучшее, что можно сдѣлать. Достаточно припомнить, что едва война окончилась, какъ появилось множество очерковъ, описаній и даже исторій этой войны, которые убѣждаютъ въ томъ, что авторы заботились преимущественно о томъ, чтобы быть первыми писавшими о войнѣ, но не о томъ, чтобы сказать правду или раскрыть обстоятельства, которыя вызвали и обусловили событія. Военное лицо, желающее со вниманіемъ и съ картою въ рукѣ изслѣдовать позиціи обѣихъ армій, найдетъ только одно событіе, которое особья, неотвратимыя причины дѣлали неизбѣжнымъ.

Вся армія, бывшая подъ моимъ начальствомъ, какъ уже мною сказано выше, состояла всего изъ 60.000 человекъ, включая въ то число и нестроевыхъ; прусскій же отрядъ подѣ командою генералъ-лейтенанта Лестока—изъ десяти тысячъ человекъ. Теченіе Вислы, начиная отъ границъ Австріи до Грауденца простирается почти до 45 нѣмецкихъ миль. Не совершилъ ли бы я непростительную ошибку, разбросавъ мою войска для защиты переправъ на этой рѣкѣ, противъ арміи болѣе чѣмъ вдвое сильнѣйшей и притомъ на линіи очень обширной, даже если бы захотѣли принять предположеніе, что крѣпости Грауденцъ и Данцигъ

защищаютъ вполнѣ нижнюю Вислу. Припомнимъ, что тогда еще не прибыли по назначенію ни генералъ Буксгевденъ, ни генералъ Эссенъ 1-ый со своими корпусами.

Французская армія столь многочисленная, встрѣчая благопріятное содѣйствіе мѣстныхъ жителей и значительные отряды которой достигли уже Варшавы, имѣла своею задачею перейти во что бы то ни стало Вислу, одержать побѣду между этою рѣкою и Наревомъ, содѣйствовать восстанію въ областяхъ, принадлежавшихъ прежде Польшѣ, и, наконецъ,—принудить армію генерала Михельсона отступить изъ предѣловъ Турціи.

Присоедините къ этому, что, желая защищать линію Вислы, я долженъ бы былъ занять очень сильно тѣ главнѣйшіе пункты, въ которыхъ непріятель могъ совершить переправу и въ особенности тѣ, на коихъ непріятель дѣлалъ демонстраціи, каковыми были преимущественно Варшава и Торнъ. Но французы въ то же время готовили лѣсные матеріалы, необходимые для постройки моста на Нетцѣ; они могли доставить ихъ въ Вислу и спустить или поднять по рѣкѣ, смотря по тому, гдѣ имъ нуженъ будетъ мостъ. Упорно желая защитить эти два крайніе пункта, отдаленные другъ отъ друга на тридцать миль, я рисковалъ не имѣть возможности воспрепятствовать тому, чтобы французы не устроили себѣ какую-либо переправу между Торномъ и Варшавою. Чтобы это сдѣлать, французамъ требовалось всего три дня; изъ нихъ два—для сооруженія моста и одинъ—для самой переправы. Имъ не потребовалось бы приложить много усилій, чтобы въ продолженіе 48 часовъ скрыть отъ меня движеніе ихъ войскъ или изъ Варшавы, или Торна, или другаго какого-либо мѣста, уже занятаго ими. Продолжая беспокоить меня со стороны Варшавы или Торна, они могли бы выиграть еще одинъ или два дня и успѣть построить не только одинъ мостъ, но совершить одинъ или два перехода безъ того, чтобы я могъ принять мѣры, соотвѣтственныя времени и мѣсту для защиты переправы. Такимъ образомъ, я очевидно подвергался опасности, что армія моя будетъ раздѣлена надвое и потерпѣть рѣшительное пораженіе. Кромѣ того, эта переправа очень легко могла быть форсирована подъ Варшавою, протявъ Праги, подъ покровительствомъ нѣсколькихъ батарей, и я долженъ бы былъ сосредоточить съ этой стороны очень значительныя силы.

Всего сказаннаго, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы побудить меня отказаться отъ обороны рѣки Вислы, помимо еще слѣдующаго соображенія, которое, входя постоянно во всѣ мои расчеты, должно было къ нимъ присоединиться и подкрѣпить ихъ.

Событія, происшедшія подъ Ульмомъ, были слишкомъ еще памяты,

чтобы они могли ускользнуть отъ меня. Лѣвое крыло австрійцевъ, примыкая къ владѣнιάмъ Аншпаху и Байрейта, считалось въ полной безопасности; между тѣмъ, французы, не уважая нисколько нейтралитетъ этихъ земель, прошли по нимъ, обошли австрійцевъ и совершенно ихъ уничтожили. Это породило совершенно неожиданныя послѣдствія. Теперь мое лѣвое крыло упиралось въ Галицію. Не долженъ ли я былъ опасаться, что французы, если бы я слишкомъ растянулъ свой правый флангъ, пройдутъ черезъ Галицію и обойдутъ мой лѣвый флангъ? Не долженъ ли я былъ принять мѣры противъ этого событія, которое, съ самаго начала, могло все испортать? Бросьте взглядъ на карту и посмотрите, какое обширное поле представилось бы свободному дѣйствию французовъ и какія были бы отъ этого послѣдствія? Никакое подкрѣпленіе не могло бы подойти ко мнѣ; всѣ должны были бы спѣшить на защиту собственной страны. Поэтому, если я долженъ былъ беречь мои главныя силы на краю моего лѣваго фланга, то какъ бы я могъ растянуться на моемъ правомъ флангѣ и защищать столь обширное протяженіе, о которомъ уже я выше говорилъ.

Условія перемирія, предложенныя генераломъ Дюрокомъ, состояли въ слѣдующемъ:

Прусскій король долженъ былъ сдать французской арміи всѣ крѣпости, занятыя пока еще его войсками по Одеру и Вислѣ, до заключенія мира, объ условіяхъ котораго не упоминалось даже. Онъ обязывался отказаться отъ союза съ Россією; онъ долженъ былъ запретить всѣ свои порты и гавани для англійскихъ судовъ. Онъ обязывался склонить Россію силою или убѣжденіемъ къ тому, чтобы она закрыла всѣ свои порты для судовъ Великобританіи и ея торговли.

Во время пребыванія своего въ Пултускѣ, король прусскій поручилъ мнѣ главное начальствованіе надъ его войсками, во главѣ которыхъ, на мѣсто генерала-отъ-кавалеріи Калькрейта, стоялъ его генералъ-лейтенантъ Лестоукъ, человекъ величайшихъ достоинствъ, блестящимъ образомъ отличившійся уже своими заслугами въ предшествовавшей войнѣ. Въ настоящей же войнѣ, командуя всегда отдѣльнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ русскихъ и прусскихъ войскъ, онъ окончательно упрочилъ свою прекрасную репутацію. Я долженъ еще присовокупить, что генералъ Лестоукъ, справедливымъ и благороднымъ образомъ дѣйствій, успѣлъ приобрести довѣріе русскихъ войскъ до такой степени, что всѣ бывшіе подъ его начальствомъ гордились этимъ и отзывались о немъ храбромъ генералѣ съ величайшею преданностью и признательностью. Король сообщилъ мнѣ, что онъ послалъ маіора Гольца въ Силезію съ приказаніями сформировать прежде всего отдѣльный корпусъ изъ войскъ, размѣщенныхъ по разнымъ крѣпо-

стамъ, изъ солдатъ, удалившихся въ эту область послѣ различныхъ сраженій, а также изъ рекрутъ, вновь набранныхъ. Этотъ корпусъ, имѣвшій всегда возможность укрыться въ одной изъ крѣпостей, былъ бы довольно значительнаго размѣра и въ состояніи былъ бы, конечно, производить сильныя диверсіи, что принудило бы французовъ отрядить противъ него значительный отрядъ. Не знаю, что воспрепятствовало осуществленію этого, очень умно задуманнаго, плана. Собрали такое незначительное количество войска, что баварскій корпусъ, вступившій въ Силезію, разбилъ его и принудилъ остатки удалиться въ Богемію. Большая часть крѣпостей сдалась одна послѣ другой, и 1-го декабря непріятель начиналъ, хотя и слабо, бомбардировать Глогау, а 2-го числа эта крѣпость также сдалась. Бреславль сдался 8-го января, почти послѣ четырехъ-недѣльной обороны. 10-го января французы подошли къ крѣпости Швейдницъ, которая, продержавшись до 16-го числа, также сдалась. Я въ свое время поговорю о событіяхъ, происходившихъ въ Силезіи.

Король прусскій, переговоривъ со мною о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, уѣхалъ 14-го (26) декабря изъ Пултуска въ Остероде. Прусскія войска оставались пока въ занятыхъ ими позиціяхъ, выше мною упомянутыхъ; они составляли, за исключеніемъ гарнизоновъ въ различныхъ крѣпостяхъ и войскъ, бывшихъ еще въ Варшавѣ, всего шесть стрѣлковыхъ баталіоновъ, восемь линейныхъ пѣхотныхъ полковъ, пятьдесятъ эскадроновъ кавалеріи и девять баталіоновъ, артиллеріи. Въ такомъ положеніи соединенная армія пребыла нѣкоторое время. Генералъ Варлаи-де-Толли приказалъ нѣсколькимъ отрядамъ казаковъ переправиться вплавъ на другую сторону Вислы; они имѣли нѣсколько небольшихъ, довольно удачныхъ, стычекъ съ французами и приводили всякій разъ плѣнныхъ, какъ солдатъ, такъ и офицеровъ, отъ которыхъ мы, и узнали, что принцъ Мюратъ, съ частью резервной кавалеріи, и маршалы Даву и Ланнъ, съ ихъ корпусами, двигаются къ Варшавѣ. Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что главная квартира Даву прибыла 28-го октября (9-го ноября новаго стиля) въ Позенъ, и что онъ 4-го (16-го) числа направился къ Варшавѣ.

Полковникъ Юрковскій прислалъ намъ также нѣсколько плѣнныхъ, взятыхъ имъ въ различныхъ аванпостныхъ перестрѣлкахъ. 12-го (24) числа французы прибыли въ Сохочинъ, и отрядъ, бывшій подъ его начальствомъ, былъ принужденъ отступить до Блонья, гдѣ еще 13-го (25) числа было небольшое аванпостное дѣло, стоившее по десяти человѣкъ съ каждой стороны. Послѣ этого полковникъ Юрковскій отступилъ къ Варшавѣ. Этотъ городъ былъ очищенъ прусскими вой-

сками 14-го (26) ноября въ величайшемъ порядкѣ, а самый мостъ на Вислѣ сожженъ. 15-го (27) числа отрядъ французской кавалеріи вступилъ въ Варшаву. Обыватели держали себя при этомъ очень спокойно, что, какъ я уже замѣтилъ, должно быть приписано благороднымъ распоряженіямъ князя Іосифа Понятовскаго. Генералъ Седморацкій получалъ приказаніе удерживать Прагу и защищать переправу Вислы. Прусскій гарнизонъ, вышедшій изъ Варшавы, имѣлъ еще 14.000 человекъ, но какъ полки его преимущественно состояли изъ поляковъ, то большая часть ихъ бѣжала въ Галицію, по достиженіи имъ Буга, составлявшаго границу между Австрією и Россією съ этой стороны. Этимъ прусскій отрядъ значительно уменьшился.

Я не дѣлалъ сперва никакихъ измѣненій въ расположеніи моихъ войскъ и могъ бы продержаться еще нѣкоторое время, если бы генералъ Седморацкій, которому я довѣрялъ лѣвый флангъ моей позиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ защиту переправы черезъ Вислу въ Прагѣ (противъ самой Варшавы), не покинулъ совершенно внезапно своей позиціи 19-го ноября (1-го декабря), вопреки положительнымъ моимъ приказаніямъ. Онъ отступилъ на основаніи ложныхъ извѣстій, что французы идутъ уже по Галиціи, чтобы обойти его съ тыла. Французы въ Варшавѣ немедленно были увѣдомлены жителями Праги объ отступленіи Седморацкаго, и не замедлили воспользоваться тотчасъ же оплошностью нашего генерала: они перешли Вислу и заняли Прагу. Когда я получилъ въ Пултускѣ рапортъ объ отступленіи Седморацкаго, французы уже такъ сильно заняли Прагу, что я не въ состояніи былъ бы овладѣть ею обратно безъ сильнаго и притомъ бесполезнаго пролитія крови.

V

Назначеніе фельдмаршала графа Каменскаго главнокомандующимъ всѣми арміями.—Сраженія на р. Верѣ и при Пултускѣ.—Ихъ послѣдствія.

Дней восемь спустя послѣ моего возвращенія въ Пултускъ, подошелъ ко мнѣ генералъ Буксгевденъ съ своимъ корпусомъ и расположилъ свою штабъ-квартиру въ окрестностяхъ Высоко-Мазовецка. Я послалъ къ нему генералъ-лейтенанта графа Толстаго, который убѣдилъ его замѣнить часть моихъ войскъ, стоявшихъ на лѣвомъ берегу Нарева, своею дивизію, и такимъ образомъ дать мнѣ возможность собрать всѣ мои четыре дивизіи на правомъ берегу Нарева. Кромѣ того было условлено, что Буксгевденъ придвинетъ остальные три дивизіи

своего корпуса довольно близко къ лѣвому берегу рѣки, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, въ два перехода, соединиться со мною подъ Пултускомъ. Такимъ образомъ мы ставились достаточно сильными, чтобы принять сраженіе, которое непріятель, согласно полученнымъ нами извѣстіямъ, не замедлитъ намъ дать со всѣми своими силами. Генералъ Лестокъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ овладѣть обратно Торномъ, но получивъ извѣстіе, что непріятель уже занялъ этотъ городъ значительными силами, благоразумно отказался отъ своего намѣренія и установилъ линію аванпостовъ отъ Бишофсвердена до Страсбурга. Лѣвый флангъ этой линіи примыкалъ къ правому флангу линіи русскихъ. Въстѣ съ тѣмъ Лестокъ занялъ окрестности между Данцигомъ и Бишофсверденомъ легучимъ отрядомъ. Вскорѣ послѣ этого мы получили извѣстіе, что императоръ Наполеонъ прибылъ въ Позенъ 15-го (27) ноября и что со-дня-на-день должно ожидать пріѣзда его въ Варшаву, который заранѣе можно было считать предвѣстникомъ большихъ военныхъ событій.

Между тѣмъ я получилъ отъ императора рескриптъ, въ которомъ его величество указывалъ, что необходимость побудила его изъ двухъ отдѣльныхъ армій (изъ коихъ одна была вѣрена мнѣ, а другая генералу Буксгевдену), составить одну болѣе значительную и грозную и болѣе способную противопоставить преграду успѣхамъ непріятеля, поставивъ въ главѣ всѣхъ этихъ войскъ, готовыхъ вступить въ бой съ французами, фельд-маршала графа Каменскаго 1-го, который будетъ главнымъ руководителемъ всѣхъ военныхъ дѣйствій, а что намъ предстоитъ сообразоваться съ его распоряженіями. Этотъ выборъ былъ сдѣланъ по желанію и почти единогласному указанію всего общества и народа. Рядъ замѣчательныхъ заслугъ графа Каменскаго, оказанныхъ имъ нашимъ монархамъ и народу, сподвигъ ему это довѣріе, — величайшую и лучшую награду, которою можетъ только пользоваться военно-начальникъ въ концѣ своего поприща. Дѣйствительно, графъ Каменскій служилъ уже полковникомъ въ Семилѣтнюю войну, затѣмъ былъ волонтеромъ во французской арміи въ кампанію 1759 года. Въ войнахъ съ турками, въ царствованіе императрицы Екатерины II, онъ съ отличіемъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ. Къ этой большой опытности въ военномъ дѣлѣ графъ Каменскій присоединялъ еще обладаніе всѣми познаніями и свѣдѣніями, необходимыми хорошему генералу. Въ молодости своей онъ часто исполнялъ обязанности генераль-квартирмейстера и основательно изучилъ относящіяся до этой части науки. Въ предстоявшей великой войнѣ, чрезвычайно важной по своимъ послѣдствіямъ, государство безъ сомнѣнія извлекло бы отъ графа тѣ же большія и важныя услуги, которыя были нѣкогда имъ оказаны, если бы только преклонный возрастъ,

тѣлесныя немощи и физическія страданія не лишили его возможности проявить всю дѣятельность, безусловно необходимую главнокомандующему для того, чтобы собственными глазами видѣть дѣйствія непріятеля и самому направлять свои собственные войска.

Узнавъ изъ сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, что нашъ фельдмаршалъ прибылъ въ Литву, и послалъ ему очень обстоятельный рапортъ о состояніи вѣрвеной мнѣ арміи, приложивъ также военную карту съ точнымъ и подробнымъ обозначеніемъ на ней расположенія всѣхъ моихъ войскъ и французскихъ отрядовъ. Къ этому еще присоединено было изложеніе всѣхъ дошедшихъ до меня извѣстій о намѣреніяхъ непріятеля.

Фельдмаршалъ прибылъ 7-го (19) въ Пултускъ; два дня спустя мы получили извѣстіе, что Наполеонъ прибылъ въ ночь съ 6-го (18) на 7-е (19) въ Варшаву. Генераль-лейтенантъ графъ Остерманъ доносилъ въ то же время, что непріятель значительно усиливаетъ свои войска противъ нашего лѣваго фланга, т. е. противъ него; что онъ готовится нужные матеріалы для постройки моста на Бугѣ; что благодаря небольшому острову, находящемуся при устьѣ р. Вкры, при впаденіи ея въ р. Бугъ, не вдалекѣ отъ деревни Зерново, переправа эта легко можетъ быть совершена непріятелемъ, превосходящимъ насъ въ числѣ. Поэтому намъ слѣдовало ожидать съ минуты на минуту, что нашъ лѣвый флангъ будетъ опрокинутъ, и графъ Остерманъ будетъ принужденъ отступить къ Пултуску, къ позиціи, приготовленной мною для принятія сраженія. Впрочемъ фельдмаршалъ не одобрилъ ни выбранной мною позиціи, ни различныхъ принятыхъ мною мѣръ. На другой день по прибытіи, онъ поставленные мною въ резервъ по Нареву 12 баталіоновъ передвинулъ въ Ново-Място на рѣку Вкру, чтобы соединиться съ авангардомъ, я поручилъ мнѣ отправиться лично, чтобы принять командование имъ. Онъ имѣлъ намѣреніе съ значительнымъ отрядомъ перейти р. Вкру у Ново-Място, принудить непріятеля отступить за Вислу у Плоцка и самому двинуться затѣмъ на освобожденіе отъ осады Грауденца, которому французы уже предъявляли требованія о сдачѣ. 10-го (22) декабря предъ самымъ отъѣздомъ въ Ново-Място я зашелъ къ фельдмаршалу спросить его о дальнѣйшихъ приказаніяхъ, какъ вдругъ полученъ былъ рапортъ графа Остермана, что небольшой островокъ, о которомъ онъ ранѣе упоминалъ, подвергся нападенію французовъ и занятъ съ 7-го (19) числа отрядомъ маршала Даву и притомъ весьма сильно; что непріятель сооружаетъ батареи, подъ огнемъ которыхъ переправа, чрезъ маленькую рѣчку, отдѣляющую насъ отъ него, будетъ по всѣмъ даннымъ совершена въ слѣдующую ночь: что тогда онъ (Остерманъ) не въ состояніи будетъ держаться противъ превосходныхъ силъ противника, собранныхъ противъ него. Графъ

Остерманъ при этомъ сообщалъ, что по единогласному показанію плѣнныхъ самъ Наполеонъ находится при войскахъ и что неоднократно слышались привѣтственные крики «да здравствуетъ императоръ!» Маршалъ Сультъ со своимъ корпусомъ и частью резервной кавалеріи великаго герцога Бергскаго перешелъ Вислу у Вышграда; маршалъ Ланкъ съ своимъ корпусомъ переправился въ Варшавѣ и слѣдовалъ за корпусомъ Даву по дорогѣ къ Пултуску, также съ частию резервной кавалеріи. Корпусы маршаловъ Нея и Бернадотта перешли Вислу у Торна, при чемъ первый находился у Рыпина, а Бернадоттъ на крайнемъ концѣ лѣваго крыла французской арміи.

Генераль-майоръ графъ Паленъ, занимавшій своимъ гусарскимъ полкомъ на нѣкоторомъ протяженіи линію нашихъ аванпостовъ впереди нашего праваго фланга, на рѣчьѣ Вкрѣ, доносилъ, что непріятель наступаетъ передъ нами въ значительныхъ силахъ. Мы получили въ то же время извѣстіе изъ Варшавы, дошедшее къ намъ чрезъ Галицію, что французы сдѣлаютъ на насъ нападеніе 12-го (24) числа на всѣхъ пунктахъ, чтобы форсировать переходъ чрезъ р. Вкру. Фельдмаршалъ, потому ли что не довѣрялъ всѣмъ этимъ донесеніямъ, потому ли что предполагалъ, что непріятель остановится и не будетъ продолжать наступленіе на нашъ правый флангъ, не удержалъ меня въ Пултускѣ. Онъ не только не сдѣлалъ никакихъ измѣненій въ своемъ расположеніи войскъ, но еще усилилъ свой авангардъ нѣкоторыми войсками, стоявшими въ первой линіи, и всею пѣхотою, стоявшею на правомъ флангѣ во второй линіи. На другой день 11-го (23) числа онъ далъ приказаніе генераль-лейтенанту князю Голицину прибыть съ двумя кавалерійскими полками, остававшимися у него въ Ново-Мястѣ. Того же 11-го (23) числа я прибылъ утромъ въ Ново-Място, въ то самое время какъ непріятель дѣлалъ рекогносцировку, бывшею поводомъ довольно сильной перестрѣлки. Вечеромъ того же дня фельдмаршалъ самъ прибылъ въ Ново-Място. Всѣ войска, вышеупомянутыя мною, находились въ движеніи въ намѣръ центрѣ и на правомъ флангѣ, когда Наполеонъ дѣйствительно повелъ атаку въ ночь съ 11-го (23) на 12-е (24) декабря на графа Остермана и при помощи устроеннаго имъ моста форсировалъ переправу черезъ Бугъ. Графъ Остерманъ, при самомъ началѣ дѣла, послалъ къ намъ флигель-адъютанта его величества полковника Уварова съ донесеніемъ, въ которомъ излагалъ невозможность держаться долѣе противъ значительно превосходившихъ его непріятельскихъ силъ. Полковникъ Уваровъ былъ отосланъ обратно съ приказаніями фельдмаршала, но дорогою былъ взятъ въ плѣнъ французами. Графъ Остерманъ уже начиналъ отступать послѣ шестичасоваго сраженія и храброй обороны, заслужившей ему знаки благо-

*

воленія государя и удивленіе всей арміи. Съ разсвѣтомъ дня, фельдмаршалъ поѣхалъ въ небольшой каретѣ въ Чарново, но оно оказалось занятымъ непріятелемъ, и графъ Каменскій черезъ полтора часа вернулся обратно и притомъ верхомъ. Въ то же время мы узнали, что вся наша линія аванпостовъ атакована, а въ слѣдъ за симъ пришло извѣстіе, что нашъ главный постъ, находившійся въ четырехъ верстахъ отъ насъ на рѣкѣ Вярѣ, для прикрытія Ново-Мяста, подвергся нападенію и былъ взятъ, а съ нимъ вмѣстѣ и четыре орудія бывшей тамъ батареи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что непріятель въ значительныхъ силахъ быстро подвигается къ намъ. Фельдмаршалъ рѣшился отправиться на правый флангъ, къ полкамъ, находившимся въ движеніи, и возложилъ на меня командованіе всѣми остальными войсками. Мы имѣли основаніе опасаться, чтобы непріятель не предупредилъ насъ въ Пултускѣ, гдѣ оставался небольшой отрядъ, и не отрѣзалъ бы насъ отъ двухъ дивизій, находившихся на лѣвомъ берегу Нарева. Поэтому я приказалъ всѣмъ войскамъ, составлявшимъ авангардъ, отступить по дорогѣ къ Стрегочину, мѣстечку, которое фельдмаршалъ назначилъ сборнымъ пунктомъ вмѣсто Пултуска. Я самъ отправился за четыре версты къ генералу Титову, находившемуся въ деревнѣ въ четырехъ верстахъ позади Ново-Мяста, съ своею бригадою, съ которою я и двинулся обратно къ Стрегочину. Всѣмъ генераламъ, получившимъ ранѣе приказаніе двигаться къ нашему правому флангу, я передъ отправленіемъ своимъ въ Стрегочинъ предписалъ оставить, не теряя времени, дорогу, на которой они находятся, и направляться къ Пултуску, куда спѣшить въ возможной скорости. Въ 10 часовъ вечера я прибылъ въ Стрегочинъ, гдѣ нашелъ графа Остермана отступившаго сюда съ своимъ корпусомъ и генераль-маіора Ламберта съ отрядомъ кавалеріи. Около часа ночи прибылъ сюда же генералъ Барклай со своимъ авангардомъ изъ Ново-Мяста, а потомъ и генералъ Сакенъ съ войсками праваго крыла первой линіи. Генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ съ двумя полками его кавалеріи и другіе отряды, всего до 12 баталіоновъ, 35 эскадроновъ, почти всѣ казачьи полки и значительное число орудій не могли уже прибыть ни въ Стрегочинъ, ни въ Пултускъ, такъ какъ непріятель отрѣзалъ имъ путь отступленія. Моею первою заботою было всѣ эти войска, прибывшія въ Стрегочинъ, расположить въ боевой порядокъ насколько это позволяла сильная ночная темнота. Давъ войскамъ немного отдохнуть и направилъ ихъ къ Пултуску въ слѣдующемъ порядкѣ. Генералъ графъ Ламбертъ, составляя съ легкими войсками авангардъ, выступилъ въ два часа ночи; графъ Остерманъ съ своими войсками—въ три часа; генералъ Сакенъ долженъ былъ двинуться съ нѣкоторыми полками его дивизіи въ четыре часа, и наконецъ генералъ Барклай, составляв-

шій арьергардъ—въ пять часовъ утра. Генераль Сакенъ не исполнилъ въ той точности, какъ другіе, данное ему приказаніе. Безъ всякой необходимости и вопреки данному ему приказанію онъ пробылъ въ Стрегочинѣ до шести часовъ, что въ свою очередь воспрепятствовало генералу Барклаю выступить до разсвѣта съ своимъ арьергардомъ. Эта потеря времени заставляла насъ по дорогамъ, сдѣлавшимся непроходимыми отъ постоянныхъ дождей, оставить гораздо болѣе орудій, чѣмъ мы потеряли бы безъ этой ошибки генерала Сакена. Различные отряды русской арміи лишились при этомъ движеніи 52 орудій, завязшихъ въ грязи настолько, что не было возможности ихъ вытащить, несмотря на всѣ усилія людей. Непріятель не слѣдовалъ за нами вблизи, и движеніе наше совершалось въ порядкѣ по диспозиціямъ.

Отдавъ всѣ необходимыя приказанія для этого движенія, я поѣхалъ впередъ, чтобы настичь авангардъ, съ которымъ я прибылъ въ Пултускъ въ 9 часовъ утра, гдѣ къ счастью нашелъ генерала Багговута, занявшаго пространство отъ Сироцка до Дембы. Узнавъ объ общемъ отступленіи нашихъ войскъ съ береговъ рѣки Вкры онъ благоразумно направился съ своимъ отрядомъ къ Пултуску, занявъ прилежащія высоты, съ которыхъ защищались дороги, идущія въ Сироцкъ и Насельскъ. Около 11 часовъ Багговутъ донесъ мнѣ, что непріятель наступаетъ на него по дорогѣ отъ Насельска и что его передовые отряды вступили уже въ перестрѣлку. Насъ увѣрили впоследствии, что это былъ генераль Сюше съ одною дивизіею, подходившій или съ цѣлю сдѣлать рекогносцировку, или съ цѣлю занять Пултускъ, если мы еще не успѣли вернуться. Но генераль Багговутъ счумѣлъ такъ хорошо воспользоваться мѣстностью, что непріятель, несмотря на превосходство своихъ силъ, принужденъ былъ отступить, не имѣя съ собою артиллеріи, которая не могла за нимъ слѣдовать по непроходимымъ дорогамъ. Генераль же Багговутъ имѣлъ шесть шестифунтовыхъ орудій, что давало ему превосходство надъ французами. Нашъ легкій Татарскій полкъ, подъ командою подполковника Кнорринга, очень отличился въ этомъ дѣлѣ; онъ опрокинулъ непріятельскій кавалерійскій полкъ и взялъ 17 плѣнныхъ. Французы потеряли нѣсколько человѣкъ, благодаря дѣйствіямъ нашей артиллеріи. Наша потеря состояла изъ двухъ убитыхъ и трехъ раненыхъ. Я не имѣлъ возможности усилить отрядъ генерала Багговута, потому что самъ прибылъ съ небольшимъ отрядомъ, едва достаточнымъ для прикрытія артиллеріи, оставшейся въ окрестностяхъ Пултуска. При томъ же я не имѣлъ свѣдѣній о численности показавшагося непріятеля. По мѣрѣ того какъ войска наши подходили, я разставлялъ ихъ на позицію, за долго уже мною выбранную. Къ счастью для насъ весь этотъ день прошелъ безъ важнаго дѣла.

Вечеромъ въ 10 часовъ фельдмаршалъ вернулся въ Пултускъ; я отправился къ нему немедленно, чтобы представить рапортъ о всемъ происходившемъ со времени отъѣзда его въ Ново-Място. При этомъ я добавилъ, что, по моему мнѣнію, мы должны ожидать появленія непріятеля въ продолженіе дня не столько въ видѣ атаки, сколько въ видѣ рекогносцировки, но что мы должны ожидать нападенія весьма серьезнаго на другой день и притомъ подъ начальствомъ самого Наполеона. Графъ Каменскій согласился принять сраженіе и спросилъ меня, все ли къ тому готово. Я ему доложилъ, что приказалъ занять позицію постепенно подходившими войсками, но что еще многихъ не достаётъ, но я надѣюсь, что они подойдутъ къ намъ ночью. Вслѣдствіе этого фельдмаршалъ при мнѣ приказалъ написать генералу Буксгевдену, стоявшему съ одною дивизіею въ Маковѣ, въ двухъ миляхъ отъ Пултуска, а съ другою, подъ начальствомъ генерала Дохтурова—въ Голымицѣ на правомъ берегу Нарева, а также генералъ Эссену 3-му и Анрепу, находившимся на лѣвомъ берегу Нарева, чтобы всѣ они немедленно выступили къ Пултуску къ намъ на помощь.

Приказанія эти были отправлены, и всѣ войска дѣйствительно могли бы своевременно на слѣдующій день подоспѣть къ началу сраженія. Я спокойно отправился къ себѣ въ квартиру, занятую совсѣмъ вблизи отъ позиціи, на которой наши войска стояли биваками. Къ несчастью ночью фельдмаршалъ сдѣлался настолько боленъ, что предвидѣлъ невозможность сѣсть на лошадь, чтобы лично присутствовать въ сраженіи; это побудило его снова измѣнить диспозицію, сдѣланную наканунѣ. Онъ потребовалъ меня къ себѣ около трехъ часовъ ночи и вручилъ мнѣ письменное приказаніе, въ которомъ мнѣ предписывалось немедленно отступить со всѣми находившимися войсками, за нашу границу. При той разбросанности, въ которой находилась вся наша армія, не трудно было предвидѣть всѣ гибельныя послѣдствія подобнаго быстрого отступленія; они были тѣ же, какія произвело бы проигранное сраженіе. Сражаясь я, по крайней мѣрѣ, нѣсколько задерживалъ непріятеля и тѣмъ доставлялъ время другимъ войскамъ, отъ меня уже отрѣзаннымъ, возможность достигнуть Нарева въ верхнемъ его теченіи. Я поэтому рѣшился пробыть этотъ день еще въ Пултускѣ на позиціи и принять скорѣе сраженіе, чѣмъ подвергать армію и интересы государства исходу отступленія, послѣдствія котораго не могли быть иныя, какъ гибельныя. Я долженъ добавить еще, что мнѣ было рѣшительно неизвѣстно, что къ генераламъ Буксгевдену, Эссену 3-му и Анрепу были посланы также приказанія, которыя отмѣняли распоряженія, сдѣланныя наканунѣ, и предписывали имъ не подходить ко мнѣ на помощь къ Пултуску, а отступить въ свои границы. Эти три дивизіи, какъ

легко усмотрѣть на картѣ, могли прибыть ко мнѣ на помощь во время самаго сраженія, и этотъ день безъ сомнѣнія рѣшилъ бы въ нашу пользу исходъ этой первой кампаніи тѣмъ болѣе, что несмотря на всѣ эти плачевныя обстоятельства, наши войска своею храбростью и мужествомъ сопротивлялись весь день всѣмъ атакамъ, сдѣланнымъ непріателемъ на разныхъ пунктахъ.

Предоставляя себѣ въ слѣдующей главѣ изложить дошедшія тогда ко мнѣ извѣстія изъ разныхъ отрядовъ, отъ меня отрѣзанныхъ и подвергшихся нападеніямъ непріателя въ тотъ же день при ихъ движеніи, а въ настоящее время ограничусь изложеніемъ хода сраженія при Пултускѣ, а впоследствии изложу всѣ великія послѣдствія этого достопамятнаго дня. Легко будетъ придти къ убѣжденію, что хотя это сраженіе и не было столь кровопролитно какъ сраженіе при Прейсишъ-Эйлау, но послѣдствія его были не менѣе важны для Россіи, въ особенности послѣ событій, совершившихся на р. Вкрѣ, о которыхъ я уже упоминалъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы не было сдѣлано измѣненій въ отношеніи данныхъ мною ранѣе распоряженій, то сраженіе при Пултускѣ могло оказаться гораздо болѣе рѣшительнымъ, нежели оно на самомъ дѣлѣ было, потому что непріатель встрѣтилъ бы семь дивизій вмѣсто четырехъ.

Я уже говорилъ, что избралъ позицію при Пултускѣ при самомъ прибытіи моемъ въ армію; она должна была прикрывать большую дорогу, которая ведетъ къ Остроленкѣ, а также мосты, построенные по моему приказанію на Наревѣ, подъ Пултускомъ; въ то же время она должна была обезпечивать мнѣ свободное сообщеніе съ корпусомъ генерала Буксгевдена. Изъ этой позиціи я могъ двинуться на защиту нашихъ границъ, гдѣ бы имъ ни грозило вторженіе непріателя, и могъ легко выдвинуть планъ, составленный мною еще до прибытія фельдмаршала въ армію, а именно, одержавъ рѣшительную побѣду подъ Пултускомъ, направиться съ главными силами на нижнюю Вислу освободить Грауденць отъ осады и обезпечить себѣ сообщеніе съ Данцигомъ. Съ этою цѣлью я уже приказалъ заготовить наскоро нѣсколько провіанта въ Сольдау, Млави, Пржашницѣ и другихъ пунктахъ, которые потомъ попали въ руки непріателя.

Занятая мною мѣстность представляетъ равнину, какъ это видно и на картѣ, не доставляющую какихъ либо существенныхъ преимуществъ той или другой сторонѣ. Храбрость, во всѣхъ случаяхъ отличавшая войска обѣихъ воюющихъ сторонъ въ этой кампаніи, а также движеніе и расположеніе войскъ должны были рѣшить успѣхъ этого сраженія.

Мое лѣвое крыло опиралось на маленький городъ Пултускъ, а правое—на кустарники, прилегавшіе къ деревнѣ Мощице. Для прикрытія рѣки Наревы и большой дороги, ведущей отъ Сироцка въ Пултускъ, я

выдвинулъ впередъ на четыре версты отъ моего лѣваго крыла отрядъ подъ командою генерала Багговута, состоявшій изъ пѣхотныхъ полковъ Староскольскаго и Вилеискаго, трехъ батальоннаго состава каждый, одного баталіона Ревельскаго полка, четвертаго Егерскаго полка, конно-легкаго Татарскаго полка, двухъ эскадроновъ Кіевскаго драгунскаго полка и одного казачьяго полка. Авангардъ подъ командою генерала Барклай-де Толли состоялъ изъ 1-го, 3-го и 23-го егерскихъ полковъ, имѣвшихъ вмѣстѣ девять батальоновъ, Тенгинскаго пѣхотнаго полка изъ 3-хъ баталіоновъ, и пяти эскадроновъ конно-легкаго Польскаго полка. Авангардъ этотъ былъ поставленъ въ кустарникахъ передъ правымъ флангомъ съ шестью артиллерійскими орудіями, чтобы препятствовать непріятелю обойти этотъ флангъ.

14-го (26) декабря около девяти часовъ утра, осматривъ войска, прибывшія ночью на биваки, я получилъ отъ генерала Багговута донесеніе о приближеніи непріятеля. Было извѣстно, что императоръ Наполеонъ находится при арміи, состоявшей изъ корпусовъ маршаловъ Даву и Ланна и частью кавалеріи великаго герцога Бергскаго. Вслѣдствіе этого донесенія я выдвинулъ всю находившуюся у меня кавалерію въ равнину за тысячу шаговъ впереди пѣхоты моей первой линіи, чтобы воспрепятствовать непріятелю обозрѣть мою позицію, прежде нежели онъ подойдетъ со всѣми силами. Маршалъ Даву со своимъ корпусомъ направлялся на наше лѣвое крыло; онъ стремительно атаковалъ передовый отрядъ генерала Багговута, слишкомъ слабый, чтобы оказать ему сопротивленіе; онъ отступилъ понежкогу. Мнѣ было весьма важно не допустить непріятеля овладѣть городомъ; онъ же, производя атаку на наше лѣвое крыло, не могъ имѣть другой цѣли какъ овладѣть имъ, то я приказалъ усилить отрядъ Багговута тремя баталіонами пѣхоты. Но и этого оказалось недостаточнымъ, а потому я присоединилъ къ нему еще генералъ-лейтенанта графа Остермана съ Тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ и гренадерскимъ баталіономъ Павловскаго полка. Кромѣ того я послалъ еще изъ кавалеріи одинъ кирасирскій полкъ, Изюмскій гусарскій полкъ и Каргопольскій драгунскій полкъ. Съ этой минуты дѣло становилось серьезнѣе; долго дрались съ величайшимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Гренадерскій баталіонъ Староскольскаго полка и одинъ баталіонъ четвертаго егерскаго полка атаковали штыками центральную непріятельскую колонну, а въ то же время генералъ Кашинъ съ кирасирскимъ его величества полкомъ и двумя эскадронами Каргопольскаго драгунскаго полка атаковалъ съ успѣхомъ лѣвый флангъ колонны, опрокинулъ пѣхотную колонну въ 2.000 человекъ, большая часть которой была убита и около 300 человекъ взяты въ плѣнъ. Сильная непріятельская колонна пыталась сло-

нить лѣвое крыло корпуса Багговута, пройдя между Наревомъ и возвышенностію на берегу этой рѣки, но она была въ свою очередь атакована двумя баталіонами нашей пѣхоты. Баталіонъ подъ начальствомъ маіора Бреверна, прибывшій изъ дивизіи генерала Анрена на лѣвый берегъ Нарева съ двумя орудіями, открылъ огонь во флангъ неприятельской колоннѣ и скоро принудилъ ее отступить съ потерей. Генераль Дохтуровъ, съ своимъ Изюмскимъ гусарскимъ полкомъ, съ большимъ искусствомъ подвелъ неприятельскую колонну подъ выстрѣлы одной изъ нашихъ батарей. Неприятель сильно пострадалъ отъ дѣйствія этой батареи. Эти атаки были такъ хорошо исполнены, что французы должны были отступить и отказаться на время отъ намѣренія прорвать нашъ лѣвый флангъ.

Впрочемъ они придавали по-прежнему большое значеніе занятію Пултуска. Получивъ новыя подкрѣпленія неприятель возобновилъ свои атаки на всѣхъ пунктахъ, противъ корпуса Багговута, который принужденъ былъ вторично уступить численному превосходству и отступилъ до оврага, находившагося позади его. Но въ это время подоспѣлъ графъ Остерманъ со своимъ отрядомъ, наскоро соорудилъ батареи изъ нѣсколькихъ орудій на холмѣ позади оврага и открылъ огонь, который произвелъ большое дѣйствіе. Весь корпусъ бросился снова на неприятеля, который принужденъ былъ отступить. Генераль Багговутъ сильно его преслѣдовалъ далѣе четырехъ верстъ всею своею кавалеріею, поддержанною егерями и Тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ, подъ командою генерала маіора Сомова. При этихъ атакахъ и преслѣдованіи неприятеля взято въ плѣнъ около 500 французовъ. Одержаннымъ нами успѣхомъ мы преимущественно были обязаны отличными дѣйствіями генерала Багговута и благоразумными распоряженіями генераль-лейтенанта графа Остермана.

Въ то время какъ кипѣлъ упорный бой на лѣвомъ крылѣ, сильная колонна двинулась на нашъ центръ, вслѣдствіе чего я приказалъ своей кавалеріи понемногу отступать, пройти обѣ линіи нашей пѣхоты и стать въ третью, позади моего праваго крыла, въ такомъ разстояніи, однако, чтобы ее можно было вновь вызвать, если бы неприятель дѣйствительно вознамѣрился атаковать нашъ центръ. Впрочемъ послѣ нѣсколькихъ залповъ нашей артиллеріи эта колонна двинулась влѣво и присоединилась къ войскамъ, съ которыми маршалъ Ланнъ направилъ нѣсколько колоннъ на наше правое крыло. Онъ прошелъ по кустарнику и съ большою стремительностію атаковалъ нашъ авангардъ, бывшій подъ командою генерала Барклая и прикрывавшій нашъ правый флангъ. Будучи довольно слабымъ Барклай не могъ противиться превосходными силами неприятеля и принужденъ былъ отсту-

нить. Я приказалъ было устроить въ кустарникахъ маскированную батарею, картечные выстрѣлы которой на время остановили стремительность французовъ, но скоро они обошли эту батарею, и генералъ Барклай принужденъ былъ отступить еще далѣе. Онъ послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ къ генералу Сакену, командовавшему нашимъ правымъ флангомъ, съ просьбою о подкрѣпленіи. Не получивъ такового въ желаемомъ размѣрѣ и послѣ вторичной о семъ просьбы, Барклай послалъ того же самаго адъютанта г. Бартоломея ко мнѣ, съ просьбою, чтобы я лично прибылъ на правый флагъ нашего расположенія.

Хотя мое присутствіе и было еще необходимо на лѣвомъ крылѣ, на которомъ я и находился, тѣмъ не менѣе я созналъ необходимость согласиться на просьбу генерала Барклая. Прибывъ на нашъ центръ, я замѣтилъ, что непріятель одержалъ уже верхъ въ кустарникахъ и доходитъ до одной линіи съ нашимъ правымъ крыломъ. Опасаясь, что скоро буду взятъ во флангъ, я немедленно приказалъ перемѣнить боевую линію правымъ флангомъ назадъ до самаго центра, это и составило вторую мою позицію въ этомъ сраженіи. Въ то же время я подкрѣпилъ генерала Барклая тремя баталіонами Черниговскаго полка, подъ командою князя Долгорукова 3-го, вызваннаго изъ второй линіи. Это распоряженіе имѣло очень большой успѣхъ, потому что всѣ батареи, находившіяся передъ фронтомъ нашего праваго крыла, открыли огонь во флангъ непріятельскихъ колоннъ, бывшихъ въ кустарникахъ. Въ то время, когда я замѣтилъ, что непріятель приостановился, я присоединилъ къ генералу Барклаю еще Литовскій пѣхотный полкъ. Барклай, собравъ всю свою пѣхоту, бросился въ штыки на непріятельскія колонны. Въ то же время я выдвинулъ батарею, поддерживаемую нѣсколькими эскадронами, дѣйствовавшую весьма удачно мѣткими залпами по кустарнику. Затѣмъ я снова вызвалъ остатки кавалеріи передъ центръ моей первой линіи, чтобы удержать непріятельскую кавалерію. Я уже далъ приказаніе генералу графу Остерману выдвинуть всю пѣхоту лѣваго крыла. Всѣ эти стачи удались на всѣхъ пунктахъ; непріятель былъ принужденъ уступить и стойти съ поля сраженія.

Съ 11 часовъ утра до 7 часовъ вечера обѣ стороны дрались съ величайшею храбростью. Ружейный огонь, въ особенности на нашемъ правомъ крылѣ, былъ особенно силенъ въ продолженіе шести часовъ; пѣхота нѣсколько разъ такъ близко сходилась одна съ другою, что, казалось, она перемѣшивалась; видно было, что наша пѣхота рѣшилась въ этотъ день оправдать мнѣніе объ ея храбрости, которымъ она всегда пользовалась въ Европѣ, и которое могли нѣкоторые неудачныя дѣла предшествовавшихъ кампаній поколебать только въ глазахъ лицъ, не знающихъ основательно русскаго солдата.

Французы, привыкшіе подъ начальствомъ ихъ великаго полководца сокрушать находящагося предъ ними непріятеля, уступили съ большимъ трудомъ въ первый разъ подъ Пултускомъ, проявивъ вдвойнѣ величайшія усилія и рѣдко встрѣчаемую храбрость.

Темнота, ненастная погода, градъ, сопровождаемый пронзительнымъ вѣтромъ, воспрепятствовали намъ далеко преслѣдовать непріятеля и воспользоваться нашею побѣдою въ той для насъ мѣрѣ, которая оказалась бы возможною, если бы исходъ сраженія выяснился до наступленія ночи. Я обязанъ отдать здѣсь генералу Барклау-де-Толи должную справедливость, что своимъ замѣчательнымъ образомъ дѣйствій въ этомъ сраженіи онъ еще болѣе укрѣпилъ ту репутацію, которою уже пользовался въ арміи. Я долженъ отдать также справедливость моему начальнику штаба, генералъ-маіору Штейнгелю, который своими дарованіями и дѣятельностію, какъ въ этотъ день, такъ и въ продолженіе всей этой кампаніи мнѣ очень много помогалъ въ исполненіи диспозицій. Полковники генеральнаго штаба Бергъ и Адеркасъ равнымъ образомъ отличились въ этомъ сраженіи. Я бы охотно поименовалъ всѣхъ способствовавшихъ побѣдѣ этого дня, но число ихъ слишкомъ велико; ограничусь выраженіемъ имъ всѣмъ моего удивленія, которымъ я былъ проникнутъ вообще въ отношеніи поведенія и храбрости войскъ, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи подъ моею начальствомъ, мнѣ незачѣмъ говорить о томъ участіи, которое принимала въ этомъ сраженіи наша артиллерія, ни объ образѣ дѣйствій офицеровъ, командовавшихъ ею; объ этомъ пространно сказано въ моемъ донесеніи. Въ первомъ оффиціальномъ моемъ донесеніи мнѣ было невозможно съ точностію опредѣлить нашу потерю, но она простиралась дѣйствительно почти до 7.000, какъ убитыхъ, такъ и раненыхъ. Потерю французовъ, безъ всякаго преувеличенія, можно принять въ 10.000 человекъ, считая въ томъ числѣ и тѣхъ 700 человекъ, которые были взяты нами въ плѣнъ на полѣ сраженія.

Повторяю еще разъ, мнѣ ничего не было извѣстно о приказаніи, данномъ дивизіямъ генерала Буксгевдена, не слѣдовать къ мѣсту моего нахождения въ Пултускъ. Поэтому во все время сраженія и находився въ величайшемъ спокойствіи объ его исходѣ, тѣмъ болѣе, что одинъ баталіонъ дивизіи генерала Аврепа прибылъ послѣ полудня на лѣвый берегъ Нарева около моста подъ Пултускомъ и что въ то же время прибылъ ко мнѣ прусскій егеръ, увѣрявшій, что видѣлъ собственными глазами генерала Буксгевдена съ дивизіею генерала Тучкова, идущихъ по дорогѣ отъ Макова къ Пултуску и что кавалерія его подойдетъ немедленно къ полю сраженія. Я долженъ былъ тѣмъ болѣе ожидать прихода этихъ войскъ, что генералъ-лейтенантъ, графъ Толстой,

дежурный генералъ арміи, поѣхалъ къ генералу Буксгевдену въ то время, когда корпусъ генерала Багговута находился уже въ дѣйствиіи и сраженіе дѣлалось всеобщимъ. Только ночью уже, когда все было окончено, и когда большую часть моихъ войскъ я отвелъ на первоначальныя ихъ позиціи, тогда только узналъ я официально, что всѣ тѣ войска, которыя я ожидалъ, двинулись уже по направленію къ нашимъ границамъ, чтобы перейти ихъ. Спрашиваю, при подобныхъ обстоятельствахъ что же мнѣ оставалось дѣлать? Конечно не что иное, какъ самому исполнить тѣ же самыя приказанія фельдмаршала, потому что иначе чему бы я могъ подвергнуться, оставаясь одинъ на позиціи въ Пултускѣ? Всѣ непріятельскіе корпусы, которые были назначены для нападенія на наши отряды во время ихъ отступленія, не замедлили бы соединиться, возвратиться назадъ и возобновить сраженіе, въ которомъ несоотвѣтствіе силъ было бы слишкомъ значительно, чтобы я имѣлъ возможность успѣшно сопротивляться. Съ большимъ сожалѣніемъ я рѣшился покинуть позицію подъ Пултускомъ, чтобы имѣть возможность легче присоединить къ себѣ генералъ-лейтенанта князя Голицына съ его войсками, отрѣзанными отъ меня, и о которыхъ я не имѣлъ никакихъ извѣстій. Для этой цѣли я приказалъ 15-го (27-го) числа рано утромъ моею тяжелой артиллеріи перейти Наревъ подъ надлежащимъ прикрытіемъ, съ тѣмъ чтобы слѣдовать по лѣвому берегу этой рѣки до Остроленки и ожидать меня тамъ. Дорога по лѣвому берегу песчанная и не столь непроходима, какъ по правому берегу; при томъ же я былъ вполне увѣренъ, что непріятель не будетъ меня преслѣдовать такъ скоро, и что я могу нѣкоторое время обойтись безъ тяжелой артиллеріи. Потомъ, отправивъ еще тѣхъ нашихъ раненыхъ, которые въ состояніи были выдержать перевозку, и приказалъ всѣ войска направить по правому берегу Нарева по дорогѣ въ Рожаны. Послѣдніе отряды аріергарда покинули Пултускъ въ 11 часовъ дня, не видя ни одного непріятельскаго солдата.

Положеніе, въ которомъ я находился въ день сраженія, было для меня безспорно тяжело и затруднительно. Я получилъ положительное приказаніе немедленно отступить въ предѣлы нашихъ границъ, слѣдовательно, я не долженъ былъ вступать въ сраженіе. Какой же я подвергался личной отвѣтственности, если бы имѣлъ несчастье претерпѣть значительную неудачу? Печальныя послѣдствія пораженія были бы поставлены мнѣ въ вину; основательные доводы, которые я могъ бы привести въ оправданіе моего рѣшенія стойко ожидать непріятеля и остановить его хотя бы на одинъ день, чтобы дать время нашимъ войскамъ, разбросаннымъ по правому берегу Нѣмана, достигъ этой рѣки,—не послужили бы оправданіемъ моего неповиновенія, тѣмъ болѣе, что могли мнѣ доказать, что я имѣлъ еще достаточно времени, чтобы перевести

моя войска за Наревъ по мостамъ, мною устроеннымъ на этой рѣкѣ. Но исходъ дѣя былъ въ нашу пользу; меня настолько же одобрили, насколько въ противоположномъ исходѣ меня порицали бы. Мой всемилолюбивѣйшій монархъ, чтобы выразить мнѣ свое благоволеніе, удостоилъ пожаловать мнѣ орденъ св. Георгія 2-й степени, присоединивъ къ этому еще подарокъ и въ 5.000 червонцевъ.

Теперь потрудитесь, раскрывъ карту, рассмотретьъ, какой бы получился результатъ, если бы я поступилъ совершенно иначе, т. е., если бы я рѣшился немедленно отступить. Прежде всего спросимъ, какую дорогу слѣдовало мнѣ избрать для отступления? Я подвергалъ слишкомъ большой опасности тяжелую артиллерію, если бы направлялъ ее по лѣвому берегу Нарева, съ такимъ же небольшимъ прикрытіемъ, какъ это я сдѣлалъ послѣ сраженія, потому что непріятель, находившійся уже совсѣмъ близко къ Пултуску, скоро бы достигъ ее. Если бы я взялъ артиллерію съ собою на правый берегъ, то опять-таки неизбежно потерялъ бы ее, ибо дороги въ это время года были совершенно непроходимы. Непріятель вблизи слѣдовалъ бы за мною, и то, что случилось съ нами при отступленіи нашемъ отъ рѣки Вкры къ Пултуску, повторилось бы опять.

Рассмотримъ теперь каковы бы были послѣдствія моего отступления, если бы я со всѣмъ войскомъ перешелъ Наревъ; это было бы для меня самое легкое исполнить и самое безопасное для войскъ, находившихся при мнѣ, но послѣдствія были бы тѣмъ не менѣе очень плачевны. Припомните, что генералъ Буксгевденъ находился съ двумя дивизіями на пути отступления отъ Макова, и что генералъ князь Голицынъ болѣе чѣмъ съ одною дивизіею былъ отрѣзанъ отъ меня по дорогѣ изъ Голицына къ Остроленкѣ. Наполеонъ самъ съ значительными силами находился также на правомъ берегу Нарева совсѣмъ вблизи Пултуска; онъ безъ сомнѣнія былъ бы немедленно извѣщенъ объ отдѣльныхъ отрядахъ, отправленныхъ мною изъ Пултуска. Никогда не упускавшій случая воспользоваться ошибками своихъ противниковъ, онъ не замедлилъ бы двинуться вдоль Нарева, по той же дорогѣ, по которой я шелъ на Рожаны и Остроленку, и тогда нашимъ войскамъ, движеніе которыхъ было бы затруднено артиллеріею при худыхъ дорогахъ, представилось бы много затрудненій, чтобы избѣжать нападенія такого ловкаго и искуснаго врага и найти возможность переправиться черезъ Наревъ.

Послѣдствія пораженія и потери значительной части войскъ на правомъ берегу Нарева, при обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, были бы неисчислимы; они не ограничились бы только пораженіемъ одного дня, но сдѣлались бы еще гораздо пагубнѣе отъ вступленія непріятеля въ предѣлы нашего государства, въ Литву. Я не по-

лучилъ бы болѣе подкрѣпленій, чтобы имѣть возможность сопротивляться французской арміи, тѣмъ болѣе, что ни одинъ резервъ не находился позади меня въ близкомъ разстояніи, на который я могъ отступить, чтобы подкрѣпиться. Формированіе ополченія въ имперіи едва только что началось. Я не смѣлъ бы отважиться вступить во второе сраженіе, чтобы не подвергать судьбу государства второму и послѣдному удару, и былъ бы принужденъ передать эти смежныя съ нами области во власть непріятели до тѣхъ поръ, пока я сталъ бы располагать силами, достаточными для сопротивленія.

Хотя обыватели русской Польши держали себя хорошо и благоразумно во время этой войны противъ французовъ, но они были бы однако принуждены или увлечены дѣйствовать заодно съ прусскою Польшею противъ насъ. Этотъ духъ возстанія не замедлилъ бы распространяться, какъ огонь, по всѣмъ областямъ, прежде принадлежавшимъ Польшѣ. Вступленіе сильной французской арміи, безъ сомнѣнія, послужило бы къ тому сигналомъ, и нието не станеть оспаривать, что было бы весьма затруднительно снова завоевать эти области, по крайней мѣрѣ, безъ значительнаго кровопролитія.

Такимъ образомъ, очевидно, что успѣхъ, дарованный Прояндініемъ нашему оружію подъ Пултускомъ, предотвратилъ всѣ вышеуказанныя несчастія и далъ намъ время собрать свои силы, чтобы имѣть возможность снова мужественно сопротивляться страшнымъ силамъ непріятели.

Сообщилъ П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Нъ исторіи русской геральдики.

Въ 1850 году и. д. герольдмейстера донесъ министерству юстиціи, что согласно распоряженію министра и по предложенію бывшаго герольдмейстера Д. Н. Замяткина г. Бернарди, вызванный составить геральдическій кодексъ для руководства департамента герольдіи, сообщилъ двѣ первыя части этого сочиненія, о щатѣ, съ принадлежащими къ нему рисунками, обѣщая въ непродолжительномъ времени доставить и остальныя части: о шлемѣ и украшеніяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ и. д. герольдмейстера представлялъ и составленную Бернарди историческую часть сочиненія о Русской геральдикѣ.

Министерство юстиціи, считая нужнымъ имѣть въ виду «отзывъ Академіи Наукъ о трудѣ Бернарди въ ученое отношеніи», препроводило сочиненіе это къ министру народнаго просвѣщенія князю Ширинскому-Шихматову, который 7-го марта 1851 г. отвѣтилъ, что по донесенію Академіи Наукъ, между членами ея нѣтъ достаточно свѣдущихъ въ гербовѣдѣніи, чтобы основательно обсудить геральдическій кодексъ, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ одобренія онаго Академіею, трудъ сей можетъ принять силу закона, и что для обсужденія его нужно было бы содѣйствіе искуснаго практическаго гербовѣдца, хорошо знакомаго съ существующими при нашей герольдіи правилами, обычаями и постановленіями, котораго Академія не имѣетъ въ виду.

Получивъ этотъ отзывъ, министерство юстиціи, или вѣрнѣе, департаментъ его сталъ собирать разныя справки и требовать присылки ему разныхъ книгъ; такъ, наприимѣръ, архивнаго дѣла 1842 г. о покупкѣ геральдическихъ сочиненій и издавнаго въ 1805 г., по Высочайшему повелѣнію, «Начертанія гербовѣдѣнія», составленнаго профессоромъ геральдики Геттингенскаго университета Гаттереромъ, съ переводомъ на русскій языкъ секретаря герольдіи Мальгина, и котораго, какъ сообщилъ герольдмейстеръ И. Д. Булычовъ, никогда въ герольдіи не находилось, а одинъ экземпляръ его оказался собственностію одного изъ чиновниковъ. Такъ дѣло тянулось до іюня 1852 г., когда министръ юстиціи предписалъ герольдмейстеру «оставить къ 1-ому сентября того года окончательное и полное, по возмож-

ности, руководство для употребленія геральдическихъ эмблемъ, а до того времени разсматривать съ крайнею разборчивостію представляемые просителями проекты гербовъ и показанія объ употребленіи предками эмблемъ, не допуская часто встрѣчающагося произвола въ объясненія значенія сихъ послѣднихъ. Какъ и слѣдовало ожидать, предписаніе это не было исполнено: герольдмейстеръ И. Д. Булычовъ 30-го января 1853 года увѣдомилъ департаментъ юстиціи, на запросъ его, что онъ занимается сочиненіемъ «Руководства геральдики», въ составъ коего войдетъ и руководство для употребленія геральдическихъ эмблемъ, «Сочиненіе это, требующее специальныхъ занятій, сбора матеріаловъ. составленія проектовъ, рисунковъ, которые всё требуютъ времени и значительныхъ издержекъ, полагаю выпустить въ свѣтъ въ теченіе настоящаго года, но не могу,—писалъ Булычовъ,—именно опредѣлить мѣсяца, въ которомъ будетъ готовъ приготавливаемый мною специальный трудъ». Предположеніе Булычова однако не оправдалось: въ октябрѣ 1855 г. его «спеціальный трудъ» не былъ изданъ, и, оставивъ должность герольдмейстера, онъ увѣдомилъ В. Д. Философова, занявшаго эту должность, что составленіе означеннаго выше руководства «относится лично до него».

Между тѣмъ, еще въ 1851 г. состоявшій при герольдіи статскій совѣтникъ Ленцъ представилъ составленную имъ статью «О главныхъ правилахъ геральдики въ примѣняемости оныхъ къ дѣламъ департамента герольдіи», въ которой, между прочимъ, указывалъ, что русскіе гербы вообще требуютъ пересмотра и исправленія, но это можетъ быть предметомъ особаго труда, предпринять который безъ порученія высшаго начальства онъ не считаетъ себя въ правѣ. Статья эта до августа 1857 г. пролежала въ департаментѣ, когда 1-е отдѣленіе его, обрадовавшись послѣдовавшему въ іюнѣ мѣсяцѣ того года Высочайшему повелѣнію объ учрежденіи при канцеляріи департамента герольдіи особаго гербоваго отдѣленія, составило докладъ о считаніи оконченною переписку, какъ о рукописи Ленца, такъ и о кодексѣ Бернарди и о руководствѣ употребленія геральдическихъ эмблемъ. Департаментъ препроводилъ статью Ленца къ герольдмейстеру, съ тѣмъ чтобы «въ дальнѣйшемъ ходѣ производящагося о сей рукописи дѣла (?) поступить согласно правиламъ, изъясненнымъ въ положеніи о гербовомъ отдѣленіи».

Что сталося затѣмъ съ рукописями Бернарди и Ленца и проектомъ Булычова, намъ неизвѣстно.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Тяжелые дни Казанскаго Университета.

(Изъ посмертныхъ записокъ).

IV¹⁾.

а въ некоторое время смогли наши внутреннія неурядицы. Громъ войны съ Турціею заглушилъ окончательно всякіе слухи о политической пропагандѣ. Глаза и думы всѣхъ русскихъ были обращены туда, гдѣ лилась дорогая кровь нашихъ героевъ-воиновъ, гдѣ нашъ государь терпѣлъ вмѣстѣ съ ними.

За то годъ окончанія войны, 1878-й, былъ крайне тяжелымъ годомъ и для Россіи вообще, и въ частности для нашихъ университетовъ.

Съ одной стороны, вражда Англіи, грозящая войной, двуличность Австріи, желающей, повидимому, таскать изъ горячей золы каштаны чужими руками, колеблющееся въ отношеніи къ намъ положеніе Турціи, Румыніи и отчасти Греціи; съ другой стороны, непростительныя выходки учащейся молодежи, дающія нашимъ врагамъ оружіе въ руки, дающія основаніе кричать, что въ Россіи неспокойно. Грустное и тяжелое это было время!

Что это за безобразіе творится по дѣлу Засуличъ, стрѣлявшей въ петербургскаго градоначальника Трепова у него въ приемной и нанесшей ему тяжелую рану! Процессъ ея и оправдательный приговоръ провозглашаютъ новою эрою, «Вѣрочку» Засуличъ чуть не канонизируютъ живо, объявляютъ чуть не спасительницей отечества. Мало того, что судъ присяжныхъ оправдалъ ее, что присутствовавшая на судѣ «избранная» публика встрѣтила ее оправдательный приговоръ аплодисментами

¹⁾ См. „Русскую Старину“, декабрь 1896 г.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1897 г., т. LXXXIX январь.

и криками «браво», на улицѣ ее привѣтствовала толпа молодежи крикамъ «ура» и несла ее до кареты. Что же это такое! Къ чему все это поведеть?

По случаю процесса Засуличъ, припоминаются мнѣ слова одного государственнаго дѣятеля, сказанныя мнѣ въ Петербургѣ. Коснувшись извѣстнаго большаго политическаго процесса, онъ высказалъ: «Нечему удивляться, что мнутся студенты, когда при погребеніи Некрасова, священникъ въ облаченіи съ церковной каеодры читалъ стихи его о бѣдственномъ положеніи народа; когда адвокаты на судѣ по политическому процессу произносятъ такіа возмутительныя рѣчи, какихъ не говоритъ ни одинъ изъ тѣхъ, которые пойдуть въ каторгу. Недавно я получилъ отъ одного саратовскаго помѣщика письмо, въ которомъ онъ пишетъ, что 16-ти-лѣтній сынъ его, юноша прекрасныхъ нравственныхъ качествъ, учащійся въ техническомъ училищѣ, прислалъ къ отцу изъ Петербурга письмо такого приблизительно содержанія: «Батюшка, дорогой мой батюшка! Былъ я на политическомъ процессѣ, слушалъ тамъ рѣчи адвокатовъ. О! какой новый свѣтъ онѣ излили на меня, какъ много я узналъ. Да, батюшка, я узналъ такъ много, что съ удовольствіемъ сѣлъ бы на скамью подсудимыхъ, съ наслажденіемъ принялъ бы участіе въ ихъ дѣлѣ».—Какъ же удивляться, что молодежь мнется. Я всегда былъ того мнѣнія, что политическіе процессы вести публично не слѣдуетъ: такими процессами разносятся и пропагандируются разрушительныя идеи, нашедшія себѣ кучку поборниковъ, которые сами по себѣ менѣе принесутъ вреда, чѣмъ рѣзкія, краснорѣчивыя, полныя софизмовъ рѣчи адвокатовъ, произносимыя публично и безнаказанно. На нашей памяти съ восторгомъ повторялись молодежью слова адвоката, публично говорившаго передъ сенаторами и сословными представителями: «Лица, начавшія это дѣло, будутъ прибиты къ позорному столбу», и другого адвоката: «У меня совѣсть спокойна, но не спокойна она у другихъ... Я не разумѣю подъ этимъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ». Какой ядъ вливали подобныя рѣчи въ юныя сердца! Не онѣ ли вложили и въ голову Засуличъ ея кровавый замыселъ.

Въ Казани получены были телеграммы о столкновеніи въ Москвѣ народа со студентами, выражавшими оваціи студентамъ Кіевскаго университета, высылаемымъ за беспорядки въ отдаленныя губерніи. Къ чему спѣшить сообщать подобныя извѣстія, да еще телеграммами? Развѣ съ цѣлюю поджечь молодежь? И кто это извѣстия московскихъ студентовъ о провѣдѣ кіевскихъ такъ поспѣшно и въ-время? И что это за народъ, имѣвшій въ Москвѣ столкновеніе со студентами? Телеграмма эта возбудила и казанскихъ студентовъ. 6-го апрѣля въ университетѣ появилось воззваніе, обращенное къ студентамъ, весьма дерзкаго, возмутительнаго содержанія, порицающее жандармовъ, полицію, министровъ (министры-

то тутъ приче́мъ?) объясняющее, что не народъ де имѣлъ столкнове́ніе съ московскими студентами, а просто переодѣтая полиція. Это безыменное воззваніе, написанное крупными печатными буквами, оканчивалось припискою, обличавшею мальчишество составителя: «Печатано въ вольной типографіи. Разрѣшилъ полиціймейстеръ Мссоловъ». На безыменное объявленіе, 6-го апрѣля появился отвѣтъ, носящій заглавіе: «По поводу подметной телеграммы 6-го апрѣля». Этотъ отвѣтъ идетъ отъ партіи умѣренныхъ либераловъ, которые, разсуждая весьма умно, какъ умѣренные, все же, какъ либералы, увлекаются и приглашаютъ студентовъ подать петицію самому государю о расширеніи свободы слова и печати. Этотъ листокъ напечатанъ вполне въ моей статьѣ «Студенческія волненія 1882 года въ Казани». Конецъ этого листка плохо вяжется съ началомъ; въ концѣ умѣренность, высказанная вначалѣ, уступаетъ мѣсто молодой заносчивости, мнящей себя быть лучшею частію общества, умѣющей всматриваться и понимать общественные недуги и «помогать имъ». Заносчивость такъ естественна со стороны молодежи: молодежь, не утрачивающая своего достоинства—не молодежь, а отжившая старость. И мы были молоды, и мы воображали о себѣ много, хотя, правда, мы не занимались во время нашего студенчества политикою, не думали ворочать судьбами отечества. Желательно, чтобы броженіе между казанскими студентами ограничилось этими заявленіями и не перешло въ шумныя сходы, могущія имѣть печальный исходъ для студентовъ.

Проректоромъ получено извѣстіе, что 22-го апрѣля, въ субботу на Святой недѣлѣ, студенты хотятъ въ числѣ 200 собраться въ Русской Швейцаріи, оттуда массою слѣдовать по городу въ анатомическій театръ, гдѣ устроить сходку и продолжать ее до тѣхъ поръ, пока ихъ не разгонятъ. Извѣстили губернатора и полиціймейстера.

22-го апрѣля и полиціймейстеръ, и губернаторъ ѣздили въ Русскую Швейцарію. Губернаторъ никого тамъ не нашелъ. Полиціймейстеръ, пріѣхавшій нѣсколько раньше губернатора, въ первый разъ тоже не нашелъ никого. Во второй разъ полиціймейстеръ пріѣхалъ, когда полицейскій далъ ему знать, что въ Русской Швейцаріи собралось человѣкъ 50 молодыхъ людей; но и въ этотъ разъ собравшіеся разошлись до его пріѣзда. Нашелъ онъ только двухъ, сидящихъ на лавочкѣ. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ полиціймейстеру. Это былъ студентъ медицинскаго факультета С—скій. Полиціймейстеръ подсѣлъ къ сидящимъ и завязалъ съ ними разговоръ:

— Что это вы задумали гулять въ такой холодъ?—спросилъ онъ ихъ. День дѣйствительно былъ холодный.

— А сами-то вы въ такой день вѣдь заѣхали сюда?

— Да мнѣ не даетъ покоя управа,—мостовъ не чинить, вотъ и пріѣхалъ посмотреть,—отвѣчалъ полиціймейстеръ.

*

Въ это время прошли мимо двѣ молоденькія дѣвушки, которыхъ полиціймейстеръ не зналъ, но съ которыми, какъ онъ видѣлъ, раскланялся частный приставъ, стоявшій дальше. Студенты раскланялись съ полиціймейстеромъ и пошли вмѣстѣ съ дѣвушками. Проходя мимо частнаго пристава, студентъ С—кій съ улыбкою спросилъ его:

— «Вы тоже пришли сюда мосты чинить?

— Нѣтъ, я здѣсь потому, что начальство здѣсь,— отвѣчалъ тотъ.

— Понимаемъ-съ,—сказалъ С—кій.

Дѣвушки, съ которыми пошли студенты, по словамъ частнаго пристава, были: одна—сестра студента С—каго, другая ея подруга, обѣ принадлежали къ числу прогрессистокъ и впоследствии, черезъ полгода, кажется, были арестованы.

Волнуются студенты и по поводу привлеченія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ мировому суду за то будто бы, что они нарушали общественную тишину и оскорбили дѣйствіемъ полицейскаго. Дѣло, какъ слышно, происходило такъ: на Лядской улицѣ, къ губернатору подошли два крестьянина и просили милостыни. Губернаторъ накричалъ на нихъ и велѣлъ полицейскимъ взять нищихъ въ полицію. Когда губернаторъ отѣхалъ, видѣвшіе эту сцену три студента подошли къ крестьянамъ, которыхъ вели полицейскіе, подали имъ, что могли, и просили полицейскихъ отпустить крестьянъ, при чемъ, вѣроятно, сказали чтонибудь рѣзкое. Раздался полицейскій свистокъ, явились еще полицейскіе, студенты были арестованы, составленъ актъ и переданъ мировому судѣ 4-го участка города Казани. Первый разъ разборъ дѣла не состоялся по неявкѣ обвиняющей стороны. Что это дѣло забираетъ студентовъ, видно изъ слѣдующаго безыменнаго объявленія, вывѣшеннаго въ университетѣ:

«Гг. студенты! 26-го числа, въ среду, въ одиннадцать часовъ, въ камерѣ мирового судьи IV участка Кукуринова (улица Верхне-Федоровская) будетъ разбираться дѣло NN студентовъ съ полиціей, которая обвиняетъ ихъ въ нарушеніи общественной тишины и порядка и въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ полицейскому Исаеву, что, конечно, совершенная ложь, если не считать нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія поступокъ, когда люди подали нѣсколько копѣекъ голоднымъ мужикамъ и хотѣли ихъ накормить.

«Господа, убѣдительноѣйше просимъ васъ удѣлить нѣсколько часовъ этому интересному дѣлу и присутствовать при его разбирательствѣ. Присутствовать на немъ тѣмъ болѣе для насъ необходимо, такъ какъ полиція задалась мыслью во что бы то ни стало осудить невинныхъ студентовъ, и тѣмъ самымъ показать студенчеству, что она можетъ дѣлать все, что ей вздумается.

«Дѣло это, какъ вамъ извѣстно, назначено было раньше, но обвини-

тели не явились, убоявшись многочисленности собравшихся студентов. Такое поведение полиціи ясно говоритъ, не въ пользу ея правоты».

Это приглашеніе осталось безъ послѣдствій, потому что разборъ какъ этого дѣла, такъ и другого у мирового судьи Д., гдѣ также судились студенты, былъ отложенъ до 30-го мая, когда иногородніе студенты уже разъѣхались.

24-го апрѣля въ 4 часа предполагалась, по слухамъ, сходка въ анатомическомъ театрѣ; но кромѣ работавшихъ тамъ студентовъ, никого въ этотъ день не было. Студентовъ волнуютъ, по ихъ словамъ, «притѣсненія полиціи»; они обижаются на слухи, пущенные про нихъ въ городѣ, будто они собираются бить стекла въ окнахъ дворянскаго собранія, буйствовать на улицѣ и т. п. Не распространяютъ ли эти слухи съ цѣлю возбудить противъ студентовъ простой народъ и повторить въ Казани московскую исторію? Уже поговариваютъ о томъ, что народъ раздраженъ противъ студентовъ. Недавно на пристани рабочіе приняли въ кулаки пьяненькихъ студентовъ, которыхъ за то, что ихъ поколотили, полиціа привлекла къ суду за нарушеніе общественной тишины. Вотъ это то дѣло и будетъ разбираться у мирового судьи Д. Видимо не безпристрастное отношеніе полиціи къ студентамъ разгорячаетъ послѣднихъ и побуждаетъ ихъ дѣйствовать скопомъ. Говорятъ, изъ студентовъ больше всего волнуются студенты изъ семинаристовъ, и они давно произвели бы волненіе, если бы имъ не мѣшали студенты изъ гимназистовъ.

Бывшій у меня 28-го апрѣля товарищъ прокурора Б. сообщилъ мнѣ, что прокуратура желаетъ возбудить преслѣдованіе противъ полиціи за ея неумѣренныя дѣйствія 22-го апрѣля, могшія возбудить не только студентовъ, но и постороннюю публику.—Полиціа, обложивши улицы, выходящія на Арское поле, не пропускала на поле никого, а нѣкоторыхъ молодыхъ людей даже обыскивала, при чемъ при обыскѣ нашла у одного шедшаго къ сестрѣ въ Родіоновскій институтъ, пирожки и жареныхъ рябчиковъ. Вотъ усердіе не по разуму, дѣйствительно могущее вмѣсто пользы принести вредъ и вызвать волненіе, особенно среди горячей молодежи.

1-го мая помощникъ проректора В.—въ сообщилъ мнѣ, что теперь студенты держатъ себя тихо, занятые экзаменами; но что у нихъ существовали, какъ говорятъ, по домамъ маленькія коммиссія, на которыхъ обсуждался вопросъ или петиція о свободѣ слова и печати, и что въ августѣ и сентябрѣ студенчество всѣхъ университетовъ рѣшило послать въ Петербургъ депутацію для поднесенія государю императору этой петиціи. Говорятъ, что петиція студентами уже составлена, рѣшено послать въ Петербургъ депутацію, только еще не рѣшено: ѣхать ли депутатамъ по отпуску, или предварительно выйти изъ университета.

Въ петиціи участвуетъ большая часть студентовъ медицинскаго факультета, гдѣ семинаристовъ на 4-хъ курсахъ (пятый курсъ, по слухамъ, не участвуетъ) 173 студента, и юристы тоже изъ окончившихъ курсъ въ семинаріи. Я полагаю, что изъ этого ничего не будетъ: студенты—великіе люди, пока они въ большой массѣ (міръ—большой человекъ, какъ говорятъ крестьяне), а какъ только раздробятъ или какъ только останется вѣскольکو человекъ депутатовъ, они ни на что не рѣшатся, и предполагаемая къ подачѣ петиціи останется лишь предполагаемой.

Возвратившійся изъ Харькова профессоръ А. передавалъ мнѣ, что въ Харьковскомъ университетѣ, и особенно въ тамошнемъ ветеринарномъ институтѣ, не спокойно. Тамъ частенько и открыто собираются сходки, на которыя студентовъ приглашаютъ будто бы на улицахъ такъ: «я—членъ революціоннаго общества, предлагаю вамъ тогда-то явиться туда-то на собраніе».

Наконецъ «терпѣніе правительства», по собственнымъ словамъ правительственнаго сообщенія, «исчерпано до конца». Правительство обѣщается съ неуклонной твердостью и строгостью преслѣдовать виновныхъ, призываетъ къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословіи русскаго народа вырвать зло съ корнемъ, и въ заключеніе обращается къ учащейся молодежи съ напоминаніемъ и просьбой зрѣло обдумать и взвѣсить прискорбныя, тяжкія послѣдствія, которымъ она себя подвергаетъ увлекаясь лжеученіями, и совѣтуетъ добросовѣстно и разумно относиться къ наукѣ.

По поводу этого правительственнаго сообщенія и въ виду печатныхъ слуховъ о томъ, будто въ Казанскомъ университетѣ между 1-мъ и 15-мъ числами августа появилась телеграмма политическаго содержанія, и 30-го августа, на актѣ ветеринарнаго института, въ актовомъ залѣ университета, гдѣ собралось громадное число студентовъ, какъ института, такъ и университета, обратился къ публикѣ со слѣдующими словами:

«Мн. гг. 31-го марта, при объявленіи первому выпуску студентовъ Казанскаго ветеринарнаго института результатовъ ихъ окончательныхъ испытаній, я счелъ долгомъ обратиться къ окончившимъ курсъ ветеринарамъ со словами привѣта, вполне заслуженными ими. Я сказалъ имъ между прочимъ: «Мнѣ отраднo было слѣдить за вашимъ пребываніемъ въ институтѣ, которое посвящено было изученію интересныхъ и полезныхъ для народнаго благосостоянія наукъ, которое чуждо было порывистыхъ увлеченій предметами, выходящими изъ круга студенческой дѣятельности». Я понимаю, какъ легко учащейся молодежи увлечься злобою дня, особенно когда найдутся сирены, напѣвающія сладкую пѣсню о томъ, что кому же и играть роль въ жизни, какъ не интеллигентной молодежи, что ея голосъ долженъ имѣть рѣшающее вліяніе на

судьбы отечества. Понятна возможность этих увлеченій несбыточными мечтами, но вмѣстѣ и ясно какъ день, что игра въ политику и занятія наукою не могутъ идти рука объ руку, и что учащаяся молодежь, путившаяся въ политику, измѣняетъ благородному знамени науки.

«Въ заключеніи недавно напечатаннаго правительственнаго сообщенія выражено: «Правительство считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ молодому учащемуся поколѣнію съ напоминаніемъ и просьбою зрѣло обдумать и завѣсить прискорбныя и тяжкія послѣдствія, которымъ она себя подвергаетъ, увлекаясь распространяемыми въ ея средѣ лжеученіями. Добросовѣстное и здравое отношеніе къ наукѣ, соединенное съ трудолюбіемъ, всегда было и будетъ лучшимъ и надежнѣйшимъ охранителемъ отъ вступленія на ложный путь соблазна. Встрѣчавшіяся же до сего времени уклоненія отъ этой непреложной, освященной опытомъ истины, къ величайшему прискорбію, уже сгубили безвременно немало жертвъ въ средѣ молодыхъ людей, по своимъ способностямъ подававшихъ надежды на болѣе свѣтлую и полезную для общаго блага будущность».

«Мм. гг. Только правда и благо не боятся явиться въ наготѣ, да и нагота ихъ, для глазъ, ищущихъ истины, дороже всякихъ блестящихъ украшеній. Но зло и ложь, чувствуя свое внутреннее безобразіе, всегда прикрываются, надѣваютъ змѣяную шкуру, облекаются въ пышныя, блестящія фразы. Вслушайтесь въ рѣчи преступной пропаганды,—чего-чего ни услышите; тутъ являются на сцену и просвѣщеніе, и благосостояніе народныхъ массъ, и общее благо; и свобода, и равенство. Послушаетесь этихъ проповѣдниковъ свободы—вы очутитесь въ рукахъ вожаковъ, которые будутъ требовать отъ васъ безусловнаго повиновенія, полнаго отреченія отъ вашей собственной воли, полнаго рабскаго подчиненія имъ. Не послушаетесь,—на васъ какъ на измѣнниковъ общаго дѣла, посыплются самыя безцеремонныя ругательства, самая безобразная брань, соединенныя съ угрозами. Терроръ—постоянный спутникъ подобныхъ благодѣтелей челоуѣчества, а послѣднимъ звеномъ въ цѣпи ихъ темныхъ дѣлъ, послѣднимъ аргументомъ ихъ кровожадной логики являются револьверъ и кинжалъ. Загляните на страницы исторіи, посмотрите въ тяжелыя событія послѣдняго времени, выкиньте въ содержаніе правительственнаго сообщенія, и вы согласитесь, что я говорю голую правду. Таковы ученія зма и лжи.

«Не такова наука истинная, не приправленная никакими лжеученіями. Она свѣтла, какъ безоблачное небо, лучезарна, какъ солнце. Она спокойна и безпристрастна. Она—дѣйствительная сила, предъ которою распадается въ прахъ всякая тля, подтачивающая нашу жизнь. Она можетъ доставлять и доставляетъ высокое наслажденіе и счастье челоуѣку, занимающемуся ею. Своими открытіями она расширяетъ умствен-

ный кругозоръ челоѣчества, распространяетъ всюду благосостояніе тихо, спокойно, безъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій. Счастливы тотъ, кто съ любовью станетъ подъ ея свѣтлое знамя и останется навсегда вѣрнымъ этому знамени. Онъ будетъ истиннымъ борцомъ за общее благо дѣйствительное, не призрачное.

«Можно ли послѣ этого промѣнять науку на лжеученія пропаганды? А между тѣмъ даже въ прессу прокралось извѣстіе, будто бы преступная пропаганда проникла и въ нашъ университетъ, будто между 1-мъ и 15-мъ числами августа появилась здѣсь телеграмма политическаго содержанія. Правда ли это? На основаніи положительныхъ фактовъ, я публично заявляю, что это рѣшительно не правда, что между 1-мъ и 15-мъ августа никакой телеграммы политическаго содержанія не было. А на основаніи опыта тѣхъ лѣтъ, которыя проведены мною здѣсь, и въ которыя на моихъ глазахъ вышло 15 выпускныхъ курсовъ университетской молодежи и первый выпускъ изъ ветеринарнаго института, я питаю твердое непоколебимое убѣжденіе, что наша учащаяся молодежь будетъ какъ и прежде вѣрна избранному ей знамени науки и подъ этимъ благороднымъ знаменемъ будетъ трудиться на мирномъ, научномъ поприщѣ, тихо, спокойно, безъ всякихъ увлеченій и смуть, не имѣющихъ съ наукою ничего общаго. Сердце этой молодежи, я глубоко убѣжденъ въ томъ, бьется любовью къ родной странѣ, голосъ разума и желаніе блага родинѣ всегда находили и найдутъ въ ней, какъ въ истинно вителигентной молодежи, воплію сочувственный откликъ».

Рѣчь моя была принята съ большимъ сочувствіемъ.

Въ Елабугѣ, гдѣ я былъ на открытіи реальнаго училища, вятскій губернаторъ рассказывалъ мнѣ ужасающіе слухи о русскихъ социалистахъ, которые, по его словамъ, «сыпятъ печатными прокламаціями, похваляются своею силою и убійствомъ Мезенцева, совершеннымъ по приговору ихъ трибунала за казнь социалиста Ковальскаго.

Только что я пріѣхалъ изъ Елабуги въ Казань 12-го сентября, какъ мнѣ донесли о выставленной 11-го сентября въ передней университета возмутительной «телеграммѣ» русскихъ социалистовъ, гдѣ они выражаются между прочимъ такъ: «мы благоговѣемъ передъ убійцей Мезенцева». По словамъ служителя, нашедшаго эту «телеграмму» въ 8^{1/2} часовъ утра, въ передней университета студентовъ еще не было, а приходилъ какой-то пожилой господинъ съ бородкой; онъ то, полагаютъ, и вставилъ въ рамку объявленій эту социалистическую прокламацію.

Вездѣ теперь толки о социалистахъ и социаль-демократахъ, держащихъ какъ бы въ осадномъ положеніи многія страны. Въ германскомъ рейхстагѣ идутъ оживленные дебаты по поводу законопроекта, направленнаго противъ социаль-демократовъ. Депутатъ Бебель, — социалистъ, громитъ Бисмарка; желѣзный канцлеръ въ свою очередь публично обы-

ваетъ социаль-демократовъ бандитамъ. А между тѣмъ этихъ бандитовъ насчитываютъ въ Германіи въ 1878 году до 500 тысячъ. Не могу не выписать здѣсь заключительныхъ словъ рѣчи Бисмарка о социалистахъ: «Да, если намъ суждено жить такимъ образомъ, подъ тираніей шайки бандитовъ, то самая жизнь утратить для насъ всякую цѣну; и я надѣюсь поэтому, что парламентъ, что всѣ мы станемъ на сторонѣ правительства, императора, требующаго защиты для своей особы, для своихъ прусскихъ подданныхъ и германскихъ соотечественниковъ. Весьма легко возможно, что при этомъ падеть, быть можетъ, нѣсколько жертвъ изъ нашей среды; но пусть каждый, кого постигнетъ эта судьба, помнитъ, что онъ палъ на полѣ чести ко благу, къ великому благу своей родины». Прекрасныя, благородныя слова, показывающія и трезвость взгляда, и высоту души говорившаго. Да послужатъ они и намъ урокомъ. Соціалисты въ своихъ прокламаціяхъ употребляютъ выраженіе *Discite moniti*. «Предостереженіе отъ чего?» восклицаетъ Бисмаркъ. «Конечно не отъ чего другого, какъ отъ ножа нигилистовъ и двухстволки Нобилинга».

Пробѣгая въ памяти своей прошлое, давно пережитое время, полное простоты, доходившей до грубости, полное деспотизма, грозившаго за все и про все розгою и не только грозившаго, но и поровнаго цѣлыми пугами длинныхъ, страшно свистѣвшихъ надъ осужденнымъ розогъ, удивляешься, какъ это мы удѣляли въ то время, а отчего у насъ не проявлялось ни особенной грубости и дерзости, ни исканій свободы, во что бы то ни стало, ни самоубійствъ, ни кровожадныхъ инстинктовъ. Все это проявляется теперь, во время цивилизованное, въ годы гуманнаго воспитанія, не прикасающагося пальцемъ къ ученику, въ пору развитія всесторонняго, богатства всевозможныхъ облегчающихъ ученіе методовъ? Отчего это? Думаю оттого, что въ наше время сильна еще была вѣра, крѣпко религиозное чувство. Теперь же охладѣло оно, распространился рационализмъ, отрицающій вѣру,— и вотъ передъ нами племя мелкое, грубое, надменное, ищущее свободы на счетъ порабощенія другихъ, не стыдящееся никакихъ средствъ самыхъ дурныхъ и позорныхъ, не щадящее ни своей жизни, ни жизни другихъ. Припоминаются слова депутата германскаго рейхстага Лѣве по поводу закона о социалистахъ: «Свобода не нужна социаль-демократамъ. Если вы хотите въ этомъ убѣдиться, посмотрите на ихъ организацію. Я спрашиваю: что хуже, присутствіе ли жандарма, который говорить: «этого ты не долженъ дѣлать», или работника въ блузѣ, кричащаго вамъ: «если ты это будешь дѣлать, то я тебѣ кости перелому»».

Всюду кровавыя покушенія! Въ короля испанскаго Альфонса стрѣляли, на италянскаго короля Гумберта тоже было покушеніе. И тамъ, и тутъ преступникъ изъ интернаціоналки, социалистъ. По-

кусившійся на жизнь Гумберта прямо показали: «Я не люблю, чтобы существовали короли». Анархическая язва глубоко въѣлась въ общественное тѣло и проявляется наружу страшными нарывами. А все отъ того, что поколеблены и ослаблены религіозныя основы. Заботятся исключительно о развитіи ума, религія замѣняется рационализмомъ, а рационализмъ расшатываетъ все общественныя основы, не признавая никакихъ авторитетовъ, отвергая право собственности и проповѣдуя полную разнузданность подъ именемъ общаго блага и свободы человечества; разнузданность скорѣе всего ведетъ къ револьверу, книжалу, топору и динамиту. Настоящее время—время самыхъ сильныхъ гоненій живой науки противъ религіи. Въ средніе вѣка неразумные ревнители вѣры гнали науки, нынѣ наука, т. е. не истинная, а жезленная наука преслѣдуетъ религію, и теоріи лжеученыхъ подкапываются подъ основы нравственности. Это болѣзнь вѣка—болѣзнь страшная, развращающая сердца молодежи, подтачивающая общественный организмъ. Противъ этой болѣзни учащимъ и воспитывающимъ слѣдуетъ дѣйствовать постоянно и неослабно словомъ и примѣромъ собственной жизни.

27-го ноября получено оффиціальное извѣщеніе, что студенты Харьковскихъ университета и ветеринарнаго института волнуютъ студентовъ всѣхъ университетовъ. И въ 1878 году повторяется тоже, что было въ время волненій 1861 года въ Московскомъ университетѣ: волнующійся университетъ посылаетъ эмиссаровъ въ другіе университеты. Студенты Харьковского университета всячески стараются заявить свою солидарность съ социалистами. Умеръ одинъ студентъ,—его похоронили и надъ могилою поставили памятникъ съ надписью: «студенту социалисту отъ социалистовъ». Даже и могилы то не оставляютъ въ покоѣ. Какой же онъ тамъ социалистъ?

7-го декабря прочиталъ я въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстіе о томъ, что толпа изъ 600 молодыхъ людей съ шумомъ приблизилась къ Аничкову дворцу, чтобы подать государю наслѣднику кабую то просьбу. Это извѣстіе встревожило меня. Не студенты ли это, подумалъ я. Мое опасеніе, къ сожалѣнію, оказалось вѣрнымъ. Сегодня полиціимейстеръ по порученію губернатора привезъ мнѣ письмо, адресованное на имя Е. П. Д—ой, письмо къ студенту Н. В. Д—у, котораго пишушій «медикъ» проситъ прочесть это «письмо къ студентамъ на нарочно скомплектованной сходкѣ». Воззваніе приглашаетъ казанскихъ студентовъ присоединиться къ петербургскимъ, чтобы вмѣстѣ «возстать противъ тиранства» и т. п. Въ этомъ воззваніи разсказывается, какъ студенты медицинско-хирургической академіи, университета, путейцы, технологи собрались en masse подать петицію наслѣднику относительно харьковскихъ студентовъ, какъ ихъ встрѣтилъ «градоначальникъ и градозломѣй Зуровъ»;

какъ шла ихъ процессія; какъ собрались они на другой день; требовали къ себѣ начальника академіи, отъ котораго желали, чтобы онъ потребо-валъ отъ Зурова, куда онъ дѣлалъ ихъ петицію; какъ къ начальнику академіи пріѣхали Зуровъ и Исаковъ; какъ студенты на морозѣ ждали нѣсколько часовъ окончанія ихъ переговоровъ; какъ между тѣмъ собрались войска и казаки, и какъ ихъ до 150 человекъ силою вдвинули въ библиотечный дворъ и тамъ арестовали.

Онъ времени до времени повторяющіеся беспорядки между учащеюся молодежью возбуждаютъ высшія правительственныя сферы противъ университетовъ. Сильно распространена тамъ мысль о необходимости значительнаго сокращенія контингента университетскихъ слушателей.

— Мы сами, говорило мнѣ одно высокопоставленное лицо, виноваты въ томъ, что въ университетахъ болненія.— Мы наполнили университеты бѣдняками, которыхъ легко совратить всякая пропаганда, сулящая золотыя горы.

Что же? Неужели бѣднякамъ совершенно запереть двери въ высшія учебныя заведенія? Неужели высшее образованіе—прерогатива однихъ богатыхъ? Неужели изъ нисшаго бѣднаго слоя никакое дарованіе не даетъ возможности выбраться въ верхніе слои?

На эти вопросы даетъ намъ отвѣтъ другое высокопоставленное лицо: «Бѣднякамъ не мѣсто въ университетѣ. Въ университетѣ должны учиться только состоятельные. А если государство нуждается въ пополненіи мѣстъ, то пусть сосчитаютъ, сколько по какому министерству нужно ежегодно, и если контингентъ не наполняется состоятельными, то пусть принимаютъ въ университетъ и бѣдныхъ по мѣрѣ нужды; но въ такомъ случаѣ пусть обеспечиваютъ ихъ и содержаніемъ въ университетѣ и мѣстомъ по выходѣ изъ университета. Вонъ у меня внизу сынъ моего лакея тоже учится въ классической гимназіи. Ну что же изъ этого выйдетъ? Чѣмъ больше онъ узнаетъ, тѣмъ чаще у него будетъ подниматься вопросъ, вотъ я сколько знаю, а все живу здѣсь, въ подвалѣ!»

Затѣмъ это высокопоставленное лицо распространилось о необходимости профессиональныхъ школъ, вообще учебныхъ заведеній, въ которыхъ, по его сравненію, какъ въ разныхъ рѣшетахъ просѣивались бы зерна разной величины.

Образованіе отъ самыхъ первыхъ элементовъ до самыхъ высшихъ научныхъ сферъ есть достояніе всѣхъ и cadaго, какъ воздухъ и свѣтъ. Что можетъ быть ярче солнечнаго свѣта, а развѣ солнце освѣщаетъ лишь богатыхъ и знатныхъ? Развѣ основательное образованіе, какое должны давать университеты, способствуетъ къ воспитанію различныхъ утопическихъ, несбыточныхъ мечтаній, дѣлаетъ способнымъ къ воспріятію всяческой пропаганды? Напротивъ, чѣмъ основательнѣе образованіе, тѣмъ

человѣкъ тверже въ своихъ принципахъ, тѣмъ труднѣе его сбить красивыми рѣчами и сладкими мечтами. И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, кто такіе революціонеры наши? Это большею частію недоучившіеся студенты, семинаристы, гимназисты, легкомысленныя, необразованныя или полуобразованныя женщины и вслѣдъ за ними идутъ стремящіеся къ прогрессу, но совершенно чуждыя развитія, незнакомыя съ жизнію дѣвицы воспитанницы институтовъ, а еще чаще учившіеся чему-нибудь, какъ-нибудь и гдѣ-нибудь, и фабричныя, этоть не то городской, не то сельскій элементъ, отъ села отставшій, къ городу не приставшій, людъ малограмотный, или и вовсе безграмотный. При чемъ же тутъ наука и университеты?

Тяжелъ былъ 1878-й годъ для всѣхъ. Что-то принесетъ намъ его преемникъ?

V.

1879-й годъ начался въ Казани отраднымъ извѣстіемъ о томъ, что эмиссары, присланные для возбужденія нашихъ студентовъ, всѣ пойманы и вывезены. Такъ сообщилъ мнѣ полиціймейстеръ. Отъ него же я узналъ, что эмиссары отзывались о казанскихъ студентахъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ, называли ихъ неразвитыми, дураками. Въ безымянномъ письмѣ, адресованномъ на имя одного студента, писалось: «отъ вашего Казанскаго болота ожидать нечего». Эти отзывы очень радуютъ меня. Благо было бы казанскимъ студентамъ и университету, когда бы студенты оставались неразвитыми, а университетъ стоячей водой для людей, чающихъ движенія воды, ищущихъ смуты и волненій.

Опытъ прежнихъ лѣтъ показалъ, что университетскіе беспорядки обыкновенно предшествовали политической смутѣ. Революціонеры передъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ предварительно волновали студентовъ и вводили страхъ на общество угрожающаго свойства возмутительными прокламаціями. 1879-й годъ и первая половина 1880-го была временемъ отдыха для нашихъ университетовъ. Революціонерамъ было не до университетовъ, — они потерпѣли не одинъ чувствительный ударъ: полиція захватила нѣсколько ихъ типографій и арестовала многихъ. На эти аресты они отвѣчали покушеніями. До студентовъ ли имъ было при такихъ обстоятельствахъ, занявшихъ все ихъ вниманіе. Первымъ злодѣйскимъ дѣломъ 1879-го года было убійство изъ-за угла, харьковскаго губернатора князя Крапоткина. Раненый убійцею, чувствуя прибли-

женіе смерти, князь Крапоткинъ говорилъ: «Хорошо умирать на полѣ чести, но умирать отъ руки убійцы—крайне грустно».

23-го февраля въ Казани была получена телеграмма такого содержанія: «Въ Кіевѣ 11-го февраля открыта тайная типографія. Найдены: шрифтъ съ типографскими принадлежностями, фальшивыя печати разныхъ учрежденій, поддѣльные документы, революціонныя брошюры, револьверы, винжалы. Жандармы и полиція встрѣчены выстрѣлами и принуждены были употребить оружіе. Убитъ жандармскій унтеръ-офицеръ, ранены два городовыхъ и одинъ жандармъ, контуженъ жандармскій офицеръ. Арестовано 5 женщинъ и 11 мужчинъ, 4 изъ нихъ тяжело ранены». Ясно, что захвачена одна изъ подпольныхъ типографій, фабрикающая революціонныя брошюры и листки. Что открытіе важное, очевидно изъ того, какъ защищались революціонеры. Теперь нужно ожидать новыхъ арестовъ съ одной стороны, съ другой—новыхъ покушеній. Несомнѣнно, подпольные агитаторы употребятъ всѣ силы, чтобы отомстить за это открытіе, чтобы снова нагнать страхъ на власти. Въ день выноса тѣла князя Крапоткина въ Харьковѣ были разбросаны прокламаціи, объяснявшія, говорятъ, за что преданъ смерти харьковскій губернаторъ. Еще захвачено двѣ типографіи въ Петербургѣ, гдѣ арестовано 60 человекъ, одна въ Житомирцѣ, гдѣ найденъ списокъ пропагандистовъ, по которому сдѣлано много арестовъ.

Подпольная шайка проявила свою месть: Въ С.-Петербургѣ на улицѣ невѣстнымъ злоумышленникомъ сдѣлано два выстрѣла изъ револьвера въ шефа жандармовъ Древетельна. Овъ не раненъ, злоумышленникъ скрылся. Въ С.-Петербургѣ, какъ пишутъ въ газетахъ, многіе получили подметныя письма съ угрозою смерти.

2-го апрѣля въ 9 часовъ утра во время прогулки государя, неизвѣстный человекъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера нѣсколько разъ. Провидѣнію угодно было и на сей разъ сохранить невредимымъ Царя-Освободителя,—злодѣй схваченъ... Безотрадное горе охватываетъ душу русскаго человекъ при мысли о томъ, что нашъ дышашій лишь любовью и милостію монархъ не находитъ себѣ спокойствія и долженъ ежеминутно опасаться за свою жизнь; что, послѣ такого дерзкаго до фанатичности покушенія, можно бояться повторенія отъ безбожной шайки, не признающей ни человѣческихъ, ни божескихъ законовъ.

9-го апрѣля въ университетской церкви собрались професоора и студенты университета, и ветеринарнаго института, всѣ три мужскія гимназіи, женская гимназія и прогимназія, реальное училище. Церковь была биткомъ набита, стояли въ корридорѣ, на лѣстницѣ. Послѣ литургіи и молебствія, всѣ перешли въ актовую залу. Попечитель учебнаго округа обратился къ присутствующимъ съ такими словами:

«Сейчасъ мы принесли благодарственную молитву Господу сля за

тотъ самъ себя забиваетъ и усыхаетъ, какъ дерево безъ корня. Да помнить они, что извлекшіе ножъ, по слову Спасителя, отъ ножа погибнуть.

«Но чѣмъ намъ искупить тотъ неизгладимый позоръ, который наложилъ на весь русскій народъ нечестивая рука презрѣннаго злодѣя; чѣмъ искупить намъ ту тяжкую сердечную скорбь и тревогу, которыя это страшное покушеніе нанесло великодушному Царю, Царицѣ и всей царственной семьѣ? Не искупить намъ этого одними усердными занятіями наукою, развитіемъ одного ума. Преимущественно и исключительно культивируемый умъ нерѣдко дѣлается балованнымъ ребенкомъ, требующимъ отъ всѣхъ поклоненія себя, становится самолюбивымъ и эгоистичнымъ. Нѣтъ иного средства искупленія, какъ развиваться всесторонне на основахъ религіозныхъ, жить не однимъ умомъ, холоднымъ мертвящимъ, но и сердцемъ, живымъ и дѣйственнымъ, сердцемъ, полнымъ горячей вѣры въ Бога и теплой молитвы, полнымъ всецѣлой преданности царю и отечеству, искренняго уваженія къ святости семейныхъ узъ и почтительной любви къ своимъ родителямъ. Бога бойтесь, царя чтите,—этотъ девизъ нашихъ предковъ да будетъ и нашимъ постояннымъ девизомъ. Возращеніемъ и воспитаніемъ въ себя исконныхъ, историческихъ добродѣтелей русскаго народа мы можемъ совершить искупленіе и порадовать любящее сердце нашего глубоко оскорбленнаго нынѣ и встревоженнаго монарха. Докажемъ, что и потомки не уступаютъ своимъ дѣдамъ и прадѣдамъ въ любви и преданности царю и родинѣ.

«Обращая это краткое слово мое къ вамъ, съ которыми я сжился и сроднился, благо и счастье которыхъ близко и дорого моему сердцу, я имѣлъ цѣлю разоблачить передъ вами наши современныя народныя азвы, чтобы предохранить васъ отъ зараженія, чтобы рассыпаемый лжепросвѣтителеми тонкій адъ, приносящій губительную и смертельную заразу, не коснулся васъ.

«Молодость тѣмъ хороша, что она благородна и довѣрчива; но этими прекрасными качествами могутъ злоупотреблять и, какъ извѣстно, и злоупотребляютъ люди, желающіе загребать жаръ чужими руками, дѣлать другихъ игрушкою своихъ прихотей, желающіе на счетъ чужаго счастья, чужой жизни достигать своихъ преступныхъ цѣлей. Знаете-ли, чего хотятъ эти самозванные преобразователи человѣчества? Они хотятъ «разрушенія буржуазнаго, какъ они выражаются, общества и погребенія подъ его обломками старины», они хотятъ «истребить все и всѣхъ», кромѣ себя самихъ, и эти ужасныя намѣренія приправляютъ красно-рѣчивыми фразами объ общемъ благѣ и счастьи народномъ, о свободѣ и равенствѣ.

«Ваше доброе прошлое даетъ мнѣ полное основаніе выразить увѣренность въ томъ, что вы останетесь глухи къ ядовитому шопоту недомысленныхъ умомъ и развращенныхъ сердцемъ, что вы будете продол-

жать трудиться надъ своимъ всестороннимъ развитіемъ, что вы пребудете вѣрными завѣту предковъ.

«Вы сами хорошо понимаете, что съ жизнію и счастіемъ нашего царя, съ благосостояніемъ отечества, неразрывно связаны жизнь, благосостояніе и счастье всѣхъ насъ и всего народа русскаго. Сольемъ-же наши общія чувства въ народномъ гимнѣ: да хранятъ Господь своею божественною всецѣльною десницею нашу землю Свято-русскую и царя нашего дорогаго, любимаго».

Восторженное «ура» и русскій народный гимнъ долго гремѣлъ по залѣ. Рѣчь моя навлекла на меня если не грозу, то угрозу: 14-го мая я получилъ безыменное письмо. «Духъ» писавшаго «возмущается» противъ меня во 1-хъ «за телеграмму отъ учительской семинаріи», ¹⁾ во 2-хъ «за сопоставленіе въ рѣчи твоей въ перспективу кинжаловъ и револьверовъ». «Смотри, пишутъ мнѣ, преданнѣйшій слуга правительства, ханжа и чудовище, сам берегись ихъ наиболѣе другихъ, какъ ты не охраняешь свой тыл, мы изыщемъ способъ узвѣсть тебя въ пунктъ, не смазанный драконовскою кровію». Грозятъ мнѣ предварительно «серенадой»; предлагаютъ «изготовить немедленно просьбу въ совершенную отставку для блага твоей же семьи, потому ты уже намъ ченъ». «Дѣянія твои въ печать, которыми не ограничась употребимъ всѣ способы къ смѣщенію тебя.....».

Безыменные письма съ угрозой смерти — рѣшительно въ модѣ. Агенты революціоннаго комитета, какъ они себя именуютъ, сыплютъ ими направо и налево. Въ маѣ мѣсяцѣ нѣсколько профессоровъ университета и ветеринарнаго института получили такія письма. 20-го мая профессоръ С. предъявлялъ мнѣ такого содержанія письмо. Его убожаютъ въ іезутизмѣ, и «защитникъ студентовъ», прямо титулующій себя принадлежащимъ къ революціонному комитету, обѣщаетъ завтра явиться въ залу на экзаменъ «съ револьверчикомъ» и выстрѣлить въ него, «если онъ кому-либо осмѣлится поставить двойку». Вотъ до чего дошло; за двойку смерть.—Это письмо, какъ и присланное незадолго передъ тѣмъ къ профессору К—у,—изъ девятаго ящика городской почты, чѣмъ на Проломной улицѣ, и оба писаны чуть-ли не одной, и, повидимому, женской рукой.

29-го мая я получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія оффиціальнаго, въ высшей степени отрадное письмо отъ 24-го мая за № 5708,

¹⁾ Въ этой телеграммѣ, посланной къ министру народнаго просвѣщенія послѣ 2-го апрѣля, учительская семинарія заявляетъ, что она воспитываетъ и будетъ воспитывать юношество по указанію священнаго писанія: «Бога бойтеса, царя чтите». Эта телеграмма, помнится, была напечатана.—Передавая содержаніе безыменнаго письма, удерживаю орфографію подлинника.

въ которомъ министр писалъ: «слово, произнесенное вами въ актовомъ залѣ Казанскаго университета 9-го апрѣля 1879 года по случаю спасенія драгоценной жизни государя императора, я имѣлъ счастье представить на монаршее усмотрѣнiе, и его величеству благоугодно было собственноручно начертать на всеподданнѣйшемъ моемъ, по этому поводу, докладъ: «очень хорошо».

Письмо это я завѣщаю, какъ драгоценный памятникъ, моимъ дѣтямъ.

21-го ноября въ Казани получена ужасная вѣсть о новомъ злодѣйскомъ, въ счастью, неудавшемся покушенiи. Подъ полотно Курской желѣзной дороги, въ районѣ Рогсжской части, слѣдовательно, въ самой Москвѣ, подведена была воронкообразная мина изъ одного дома, (изъ котораго злоумышленники убѣжали). Хотѣли взорвать царскiй вагонъ въ то время, когда государь императоръ вѣзжалъ въ Москву. 25-го ноября въ университетской церкви совершена въ присутствiи профессоровъ и студентовъ университета и учащихя гимназiй и реальнаго училища литургiя и молебствiе, сказано прекрасное слово профессоромъ богословiя протоiереемъ Зефировымъ. Затѣмъ въ актовомъ залѣ сказано мною нѣсколько словъ, и пропѣтъ хоромъ народный гимнъ, сопровождавшiйся громкими «ура!»

5-го января 1880 года я имѣлъ счастье представляться государю императору и удостоился довольно продолжительной аудiенци. Его величество изволилъ отпустить меня съ такими милостивыми, незабвенными для меня, словами: «Все, слышанное мною отъ тебя, прiятно. Спасибо. Дай Богъ, чтобы такъ продолжалось и еще улучшалось».

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ моего представленiя государю, 5-го февраля въ обѣденный часъ произошелъ взрывъ отъ значительнаго количества динамита, подложеннаго въ подвальномъ этажѣ Зимняго дворца надъ главной караульной, которая находится подъ императорской столовой,—5 солдатъ караула убито, 45 ранено. Взрывомъ динамита, котораго было положено въ подвальномъ этажѣ отъ 2 до 4 пудовъ, пробито два свода подвального и перваго этажа, вломанъ даже полъ столовой залы, перебиты окна, треснула стѣна. Государь императоръ, къ счастью, шелъ въ столовую позднеѣе получасомъ и только подходилъ къ столовой; когда уже совершилась катастрофа. А государыня, говорятъ, заснула минутъ за 20 до взрыва и спала такъ крѣпко, что ничего не слышала. Неужели все это только случай, а не явная помощь Божiя? Государь, несмотря на измѣну, прокравшуюся въ самый домъ его, по прежнему остается гуманнымъ въ высшей степени. Онъ лично посѣщалъ солдатъ Финляндскаго полка, пострадавшихъ при этой катастрофѣ, обласкалъ ихъ, благодарилъ лицъ, явившихся во дворецъ на моле-

бень... Никакія злодѣйства не въ силахъ потрясти въ этомъ ангелѣ доброты его природной челоуѣчности ¹⁾).

Послѣ 5 го февраля стали носиться сильныя, настойчивыя слухи о намѣреніи социалистовъ прибѣгнуть къ поджогамъ домовъ учебныхъ заведеній. Въ Казани ходили слухи о готовящихся взрывахъ кафедральнаго собора и университета и назначали даже день взрыва, именно 19-го февраля.

Въ этотъ знаменательный для Россіи день, университетская церковь была переполнена молящимися: профессора, студенты, учителя, учительницы, ученики и ученицы ²⁾). На клиросахъ пѣли два хора: на правомъ—университетскій, на лѣвомъ—гимназическій. Богослуженіе шло весьма торжественно. Послѣ литургии и благодарственного молебствія всѣ сошлись въ университетской актовъ залѣ. Я сказалъ собравшимся слѣдующее:

«19-го февраля 1855 года, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, нынѣ царствующій государь императоръ вступилъ на престолъ своихъ предковъ. Долго пришлось бы перечислять всѣ великія реформы этой нашей государственной эпохи. Довольно назвать нѣкоторыя: уничтоженіе крѣпостной зависимости; отмена тѣлесныхъ наказаній; большая свобода печати, давшая широкое развитіе исторической наукѣ и, слѣдовательно, способствовавшая укрѣпленію самосознанія народнаго; судебныя учрежденія, несшія къ намъ гласный судъ, распространеніе просвѣщенія, устройство ученыхъ съѣздовъ, послужившихъ къ развитію науки; земское и городское самоуправленіе, общая воинская повинность, призвавшая всѣ сословія къ священной обязанности защиты отечества и тѣмъ усилившая количественно и качественно боевыя силы государства. Передъ нами, на нашихъ глазахъ, прошли по истинѣ блестящіе многоплодные годы перваго двадцатипятилѣтія настоящаго славнаго царствованія. Передъ нами во весь ростъ обрисовался величавый образъ Царя-Миротворца, Царя-Освободителя, Царя-Просвѣтителя, даровав-

¹⁾ Въ Казани ходилъ слухъ, будто государь послѣ 5-го февраля сказалъ: «еще два покушенія осталось». Эти слова объясняютъ пророчествомъ московскаго митрополита Филарета, который, говорятъ, предсказалъ государю, что противъ него будетъ всего семь покушеній.

²⁾ Слухи о готовящемся 19-го февраля взрывѣ университета до того настронили воображеніе ученыхъ женской гимназій, что нѣкоторые изъ нихъ съ минуты на минуту ждали: «вотъ сейчасъ раздастся трескъ—вотъ уже сѣзекаторъ подходитъ къ попечителю и шепчетъ ему на ухо, конечно, объ этомъ,—сейчасъ полетимъ на воздухъ...» И пылкое воображеніе рисовало цѣлую картину, правда, мало правдоподобную: «какъ онъ черезъ крышу вылетитъ на Воскресенскую улицу, какъ вокругъ нихъ соберется толпа, будутъ спрашивать ихъ, откуда онъ попалъ сюда...» Жутко было, говорили послѣ ученицы, страшно.. и вѣсть.. любопытно, какъ это все будетъ».

шаго своей странѣ много благотворныхъ реформъ, а родственнымъ намъ племенамъ—освобожденіе изъ-подъ вѣковаго тяжкаго и мучительнаго ига. Этотъ образъ чарующею силою привлекаетъ къ себѣ сердца всѣхъ своею, столь рѣдкою на такой высотѣ, человѣчностію. На высотѣ одного изъ величайшихъ въ свѣтѣ троновъ, среди великихъ, многотрудныхъ, подчасъ тяжкихъ подвиговъ державства, царь, обращающій на себя взоры вселенной, всегда оставался и остается человѣкомъ въ полномъ самомъ лучшемъ значеніи этого слова.

Не позабылъ и на чредѣ высокой ¹⁾
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.

«Для него ли, лучшаго изъ царей, не сплетать вѣнковъ изъ самыхъ горячихъ, сердечныхъ, задушевныхъ пожеланій? Его ли не любить пламенно, всюю душою? Предъ нимъ ли народу русскому, искони привыкшему чтить своихъ царей, какъ помазанниковъ Божіихъ, не благоговѣть, какъ предъ святыней?

«Народъ русскій и любитъ своего царя и, смотря на него, какъ на ангела мира и благодати, какъ на свѣтлый источникъ своего блага и счастья, благоговѣнно и съ беззавѣтною преданностію чтить его и на него возлагаетъ всѣ свои упованія. Истинная русская интеллигенція привѣтствуетъ его великія реформы съ сердечнымъ восторгомъ.

«Но откуда же на свѣтломъ, безоблачномъ небосклонѣ вышнпнаго благословеннаго царствованія, откуда эти мрачныя пятна, эти тяжелой памяти дни, въ которые надъ дорогой и священной для народа главой Царя-Освободителя разразились злодѣйскія покушенія? Откуда эти исчадія духа злобы, дышущія грабежемъ, поджогомъ, убійствомъ и разрушеніемъ?

«Общество русское во многомъ виновно, многія нравственныя язвы наши требуютъ исправленія,—но общество не виновно въ появленіи шайки злодѣевъ. Не Русская чистая земля породила ихъ, не русская богобоязненная и царелюбивая мать ихъ вскормила, не русская основанная на религиозныхъ началахъ школа воспитала. Выходъ чужихъ глетворныхъ сѣмянъ порожденъ ненавистниками и лиходѣями земли Русской, вскормленъ боязнію предъ могуществомъ народа русскаго, воспитанъ безпричинною враждою къ нему. Мятежу и крамолѣ нѣтъ корней въ Русской землѣ въ царствованіе государя, полнаго благости, любви и правды. Мятежь и крамола принесены къ намъ извнѣ. Горько и тяжело одно, что между русскими людьми они находятъ низкихъ пособниковъ и исполнителей; но эти отверженцы не достойны

¹⁾ См. стихотвореніе В. А. Жуковскаго: государынѣ великой княжнѣ Александрѣ Осодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича посланіе.

носить имя русских, ихъ удѣлъ—презрѣніе и проклятіе. Да, вѣчное проклятіе народа русскаго будетъ тяготѣть надъ измѣнниками и убійцами, отдавшими себя въ распоряженіе враговъ своей родины, надъ татями и предателями, прокравшимися даже въ царскій дворець съ своими царубійственными, адскими замыслами. Чувство жгучаго горя и гнетущей тоски стѣсняетъ грудь, и невольныя слезы обьгуть изъ глазъ при чтеніи описанія катастрофы 5-го февраля и при страшной мысли о томъ, что могло бы случиться, если бы Господь не умилосердился надъ Россією. Стоны и невинно-пролитая кровь мучениковъ, погибшихъ и изувѣченныхъ въ этотъ день, немолчно вопіють къ небу объ отмщеніи. Изъ нихъ нѣкоторые вышли невредимыми изъ кровопролитныхъ битвъ за свободу соплеменниковъ и неожиданно-негаданно, къ горю осиротѣвшихъ семействъ своихъ, къ горю всей Россіи, ихъ оплакивающей, погибли страшною, мучительною смертію... отъ своихъ,—тяжело и вымолвить это слово... Нѣтъ, не свои намъ эти изверги, эти подпольные злодѣи, гнусныя дѣла которыхъ возбуждаютъ ужасъ и отвращеніе, предъ неслыханными, безпримѣрными преступленіями которыхъ блѣднѣють даже ужасныя злодѣянія парижской коммуны. Какимъ бы дождемъ прокламацій эти пращущіеся злодѣи ни сыпали, какими бы налюбящими Россію людьми они ни прикидывались, какими бы громкими и краснорѣчивыми фразами ни описывали мнимо-несчастное положеніе народа русскаго, какія бы блага и льготы ни обѣщали,—разумный русскій человекъ вполне понимаетъ, что ихъ прокламаціи—гнусная ложь; что они—самые лютые враги Россіи и ея единственное несчастіе; что въ ихъ громкихъ фразахъ слышится отсутствіе содержанія и правды; что отъ грабителей и убійць можно ожидать не благъ, льготъ и счастья, а грабежа, крови и всеобщаго разоренія; что возвышенія благосостоянія народнаго вся Русская земля можетъ ожидать и съ упованіемъ ожидаетъ единственно отъ любящаго свой народъ и безпредѣльно любимаго имъ Царя-Освободителя.

«Вѣрный себѣ и своимъ великимъ предначертаніямъ, нашъ возлюбленный государь по-прежнему царственно-ласковъ и привѣтливъ, съ прежнимъ милостивымъ вниманіемъ и любовью относится къ судьбамъ просвѣщенія народнаго и къ учащемуся юношеству. Ему, какъ я имѣлъ счастье и недавно лично убѣдиться, пріятно и отрадно слушать добрые отзывы объ университетѣ, о другихъ учебныхъ заведеніяхъ и объ учащейся молодежи.—Пользуюсь этимъ торжественнымъ днемъ, чтобы подѣлиться съ вами моею великою радостію, царскимъ милостивымъ словомъ, слышаннымъ мною отъ государя 5-го января. За это царское милостивое, столь дорогое для меня слово, я обязанъ вамъ, мои почтенные сотрудники, гг. профессора, воспитатели и воспитательницы, и вамъ, студенты, ученики и ученицы. Примите мою искреннюю и сер-

дечную благодарность.—Государь неуклонно стремится къ устройенію блага и счастья Россіи, не смущаясь никакими кознями, не страшась никакихъ опасностей. Глубоко-религіозный, царь нашъ исполнень неизбѣмага упованія на Бога и неизмѣнной вѣры въ свой вѣрный народъ. Глубже всякая въ потрясающія событія тяжко-скорбныхъ для Россіи дней, мы не можемъ не признать, что козни и святотатственные покушенія крамольниковъ послужили только къ большому сближенію царя съ народомъ, къ большому возвеличенію, къ выщей славъ нашего славнаго государя: весь міръ во-очію убѣдился, что незримая Десница Всевышняго охраняетъ нашего вѣнценосца и съ нимъ весь нашъ русскій народъ. Очевидны для всякаго факты бодрствующаго надъ Россіею всесильнаго Промысла Божія. Очевидно, что ничтожна числомъ шайка дерзкихъ злодѣевъ, что противъ нея народное чувство возмущено до ненависти, до проклятія. Поэтому мы твердо вѣруемъ, что утихнется скорбь земли Русской, что враги русскаго царя и русскаго народа раточатся и исчезнутъ, какъ дымъ предъ лицомъ огня любви и вѣрности народной, предъ лицомъ огня гнѣва Божія. Да водворятся же у насъ миръ, тишина и спокойствіе, да снизойдетъ покой въ душу державнаго благодѣтеля Россіи, да пребудетъ наше милое отечество прежнею богобоязненною, царелюбовною и покорною законамъ Русью, и да державствуетъ надъ нами еще многіе годы нашъ обожаемый великій государь съ силою и славою многою!»

Мы теперь живо представляются внимательные, оживленные глаза моихъ слушателей. 19-го февраля, глаза, устремленные на меня, ловящія мои слова, мои движенія. Это молчаніе биткомъ набитой громадной залы, это восторженное «ура», оглашавшее залу, соединенное съ горячими аплодисментами, видно, неволью вырвавшимися, это одушевленное пѣніе народнаго гимна краснорѣчиво говорили за молодежь. Это ли нигилисты? Это ли дурно направленная учащаяся молодежь? Признаюсь, я отъ души ждалъ бы видѣть ее такою, какою она была 9-го апрѣля 1878-го и 19-го февраля 1880-го года.

Злодѣи не унимаются: 20-го февраля произведено покушеніе на жизнь главнаго начальника Верховной комиссіи графа Лорисъ-Меликова евреемъ Младецкимъ. Графъ не раненъ. Преступникъ, по приговору полевого военнаго суда, повѣшенъ въ 11-ть часовъ утра 22-го февраля. На террористовъ не приходится ли дѣйствовать терроромъ? Не пора ли имъ понять, наконецъ, справедливость евангельскаго изреченія: извлекшіе мечъ отъ меча погибнуть. Можно ли падить злодѣевъ, у которыхъ ятъ пощады никому, которые и сильны только ужасомъ, наводимымъ ихъ безпримѣрными злодѣянїями?

Какъ видно изъ газетъ, Петербургъ въ навѣкъ, многіе укладываются и уѣзжаютъ. Что же это такое? Неужели горсть не знающихъ мѣръ своимъ

злѣдѣніямъ злоумышленниковъ можетъ терроризировать столицу Россіи, резиденцію государя самодержавнаго? Въ многочисленность злодѣевъ я не вѣрю, хотя и считаютъ ихъ въ Петербургѣ за une partie formidable, хотя и здѣсь приходится слышать восклицаніе: «А что ни говорите, они сила!» Я убѣжденъ, что если ихъ щадить не будутъ, что если общество (про народъ тутъ нечего говорить, народъ тутъ не при чемъ: народъ буквально разорвалъ бы ихъ, если бы они попались ему въ руки), не будетъ черезъ мѣру пугливо, а будетъ стойко отстаивать порядокъ и законную власть и не будетъ даже дозволить разговоръ преступныхъ, имѣющихъ содержаніемъ разрушеніе государственныхъ основъ, — то злодѣи скоро увидятъ и сознаютъ, что они изолируются, что вокругъ нихъ стягивается крѣпкая, тверже желѣзной, цѣпь, что они охватываются ею по рукамъ, по ногамъ, что имъ приходитъ конецъ. И затрепещутъ они, а не мирные граждане, которые трепещутъ теперь единственно потому, что нѣтъ между ними надлежащей солидарности; что недостаетъ твердости сказать ямънѣ правду въ глаза. Однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ противъ анархистовъ, пропагандирующихъ свои пагубныя ученія, было бы, по моему мнѣнію, писать противъ нихъ, открыто говоря объ ихъ ученіи, т. е., попросту сказать, выводить ихъ на чистую воду, на свѣтъ изъ того мрака, въ которомъ они скрываются, и который придаетъ ихъ идеямъ прелесть новизны и пріятность запретнаго плода. Вспомнимъ, что «Колоколь» Герцена вынужденъ былъ смолкнуть, какъ только открыто стали разоблачать и разбирать его содержаніе.

Прошло болѣе двухъ недѣль съ 20-го февраля, т. е. со времени покушенія на жизнь графа Лорисъ-Мелъкова, все спокойно. Слышно, государь ѣздитъ по городу безъ конвоя. Пошли ему, Господи, душевный покой, котораго его лишила крамола. Грустно было видѣть въ Петербургѣ русскаго царя съ конвоемъ, но къ этой мѣрѣ привели частыя покушенія.

20-го марта я получилъ отъ министра лестное письмо, въ которомъ онъ пишетъ (отъ 13-го марта 1880 г. № 3169): «Рѣчь, произнесенную вами 19-го минувшаго февраля въ залѣ Казанскаго университета, я счелъ долгомъ повергнуть въ копіи на высочайшее государя императора воззрѣніе.

«Его императорскому величеству на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ по сему предмету благоугодно было было, въ 10-й день текущаго марта, собственноручно начертать: «прочелъ съ удовольствіемъ».

VI.

Изобиловавший злодѣйскими покушеніями періодъ времени, заключавшій въ себѣ весь 1879 годъ и первые мѣсяцы 1880-го года, можетъ, по моему мнѣнію, служить нагляднымъ доказательствомъ того, что студенческія волненія дѣйствительно подготовляются и устраиваются революціонными агентами, тогда какъ то время, въ которое революціонеры заняты своимъ дѣломъ истребленія, преступными покушеніями, является временемъ отдыха для университетовъ, — въ нихъ тогда прекращаются студенческія волненія.

Вступленіе новаго министра народнаго просвѣщенія ¹⁾ оживило давнишнія мечты и надежды студентовъ: на министра, отъ котораго, когда онъ былъ попечителемъ, въ такомъ восторгѣ были деритскія студенческія корпораціи, студенты русскихъ университетовъ ждали, что онъ дастъ и русскому студенчеству корпоративныя права. Слѣдовало ожидать, что подъ вѣяніемъ этихъ самыхъ радужныхъ, свѣтлыхъ упованій, студенты въ полномъ спокойствіи и тишинѣ будутъ ждать распоряженій министра. Такъ бы вѣроятно и было, но освободившіеся, за приостановкою собственныхъ дѣлъ, революціонные агенты думали иначе. Они никогда не принимали къ сердцу чисто-студенческихъ интересовъ, въ ихъ глазахъ студенты всегда были панурговымъ стадомъ, которое они заставляли прыгать и метаться, когда это требовалось «для общаго дѣла». Революціонеры задумывали рѣшительный ударъ, — имъ нужно было, для отвлеченія вниманія правительства, возмутить студентовъ и побудить ихъ къ собранію сходокъ, къ составленію и подачѣ петицій. «Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Теперь самое благоприятное время. Просите, просите настойчиво, и вамъ дадутъ все, чего желаете». И студенты съ усердіемъ, достойнымъ лучшихъ цѣлей, волновались, собирались, писали и печатали петиціи, подавали свои письменныя требованія начальству, — словомъ, со всеусердіемъ мѣшали министру, если бы онъ и желалъ привести въ исполненіе задуманный имъ планъ переустройства студенческаго быта. Дошло, наконецъ, до извѣстнаго всѣмъ возмутительнаго событія, случившагося 8-го февраля 1881 года на торжественномъ актѣ С.-Петербургскаго университета...

1-го марта свершилось ужасное, неслыханное, безпримѣрное злодѣяніе... Государя нашего дорогаго, любимаго не стало... Возстала Русская земля... Совершившая это злодѣяніе шайка надѣялась въ это

¹⁾ Въ апрѣлѣ 1880 года графъ Д. А. Толстой былъ уволенъ отъ званія министра народнаго просвѣщенія, и его мѣсто занялъ бывшій попечитель Деритскаго (нынѣ Юрьевскаго) учебнаго округа — Сабуровъ.

время, какъ ходили слухи, поднять простой народъ на дворянъ и всю интеллигенцію. Понятно, что они не могли оставить въ покоѣ университетъ. Революціонные агенты съ жаромъ то призывали молодежь поднимать кличъ «къ топорамъ», то подбивали ихъ отказаться отъ присяги державному наслѣднику въ Божѣ почившаго, то подстрекали ихъ къ сходкамъ волненіямъ, смутѣ. Къ счастью Казанскому университету эти подстрекательства агентовъ революціи обошлись сравнительно благополучно, но тяжелымъ гнетомъ легли на нѣкоторые другіе университеты.

Времени со второй половины января по 21 марта я не считаю себя въ правѣ касаться, такъ какъ, сначала по случаю служебной переѣздки въ С.-Петербургъ, потомъ по причинѣ приключившейся со мною тяжелой и продолжительной болѣзни, я лишень былъ возможности быть очевидцемъ событій, а писать только по слухамъ не желаю, чтобы не впасть въ ошибку. Что въ это время и въ Казанскомъ университетѣ подстрекаемая злоумышленниками часть студентовъ позволяла себѣ безразсудныя выходки, доказательствомъ тому могутъ служить сохранившіеся у меня два письменные документа: объявленіе совѣта университета, обращенное къ студентамъ, и присланное мнѣ въ мартѣ мѣсяцѣ безымянное письмо за подписью «студенты». Объявленіе совѣта было такого содержанія: «Въ тяжелые дни скорби, переживаемые нашимъ отечествомъ, совѣтъ университета извѣстившись, что, въ послѣднее время, вопреки существующимъ правиламъ, созываются нерѣдко въ стѣнахъ университета сходки, принимающія характеръ, не соответствующій цѣлямъ и достоинству университета, а равно интересамъ самихъ студентовъ, единодушно обращается къ здравому смыслу и добрымъ чувствамъ казанскихъ студентовъ, приглашая ихъ рѣшительно воздержаться отъ всякихъ проявленій, несоответственныхъ университетской жизни. Совѣтъ университета, взывая къ благороднымъ и законнымъ чувствамъ студентовъ, надѣется, что они и впредь не измѣнятъ себѣ. Для профессоровъ Казанскаго университета было бы поразительно и неожиданно прискорбно убѣдиться, что они ошибались въ своихъ высокихъ представленіяхъ о благородномъ настроеніи юношества, пришедшаго въ университетъ готовиться къ высокому служенію на разныхъ поприщахъ къ благу отечества и во славу государя».

А вотъ что пишутъ «студенты»:

«Мы, составляющіе большинство благонамѣренныхъ студентовъ Казанскаго университета, покорнѣйше просимъ васъ, какъ нашего попечителя, устранить изъ стѣнъ университета безпорядки, подобные происходившимъ 15-го февраля и 2-го марта, и тѣмъ дать намъ возможность заниматься своимъ дѣломъ. На свое ближайшее начальство имѣть никакой надежды. Оно смотритъ на гадкія выходки нашихъ нѣкоторыхъ товарищей сквозь пальцы и этимъ даетъ меньшинству поводъ

предполагать, что это начальство относится сочувственно къ ихъ бреднямъ. Грустно намъ смотрѣть на все это, одна надежда теперь на васъ».

При чтеніи этого письма можетъ возникнуть вопросъ: къ чему же это большинство, и, повидимому очень значительное, прибѣгаетъ къ безымянному письму на имя попечителя, а не противодѣйствуетъ открыто «гадкимъ выходкамъ нѣкоторыхъ товарищей?» Да именно потому, что они товарищи. Духъ товарищества силенъ въ студентахъ, и даже во время волненій, нерѣдко по слѣдамъ буйныхъ влечетъ скромныхъ и тихихъ студентовъ. Кромѣ того не лишнее вспомнить при этомъ, что участники въ сходкахъ обыкновенно отличаются дерзостію и неразборчивостію на средства. Вспомнимъ, что студенты сходки 29-го октября 1882 года собирались бить студентовъ, подавшихъ заявленія начальству, не одобравшія дѣйствія сходки.

Не помню, когда я получилъ безымянное письмо, приведенное выше, до выставки объявленія совѣта или послѣ. Во всякомъ случаѣ обращеніе совѣта университета къ студентамъ ясно говоритъ, что начальство Казанскаго университета не смотрѣло сквозь пальцы на происходившіе безпорядки, а призывало студентовъ къ порядку словомъ увѣщанія.

Итакъ изъ приведенныхъ мною двухъ письменныхъ документовъ очевидно, что въ стѣнахъ Казанскаго университета «въ тяжелые дни скорби» нерѣдко созывались сходки, принимавшія характеръ, не соответствующій цѣлямъ и достоинству университета (не ясно-ли, что тутъ руководила чужая рука, чужая воля, которой нѣтъ дѣла до цѣлей и достоинства университета?), что 15-го февраля и 2-го марта были безпорядки, и нѣкоторые студенты позволяли себѣ гадкія выходки, возмущавшія большинство студентовъ. Но все это, къ счастью, улеглось, успокоилось и не дошло до крайностей.

Вскорѣ послѣ моего выздоровленія, ¹⁾ ко мнѣ явились пять студентовъ. Спросивъ каждого изъ нихъ, какъ его фамилія, какого онъ факультета и курса, я пожелалъ узнать, зачѣмъ они ко мнѣ пришли. Оказалось, они пришли просить разрѣшенія устроить общую сходку для совѣщанія объ общихъ студенческихъ дѣлахъ.

— Вамъ извѣстно, — сказалъ я, — что сходки запрещены. Какъ же вы просите о томъ, что прямо запрещено правилами?

— Губернаторъ говорилъ, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, — что сходки дозволены.

— Конечно, до васъ дошелъ невѣрный слухъ: губернаторъ не могъ этого говорить.

¹⁾ Я вступилъ послѣ болѣзни въ управленіе Казанскимъ учебнымъ округомъ 21-го марта 1881 года.

— Я самъ былъ у губернатора въ числѣ студенческихъ депута- товъ и самъ слышалъ. Онъ прямо сказалъ намъ, что сходки дозволены.

— Вѣроятно,—возразилъ я,—вы не хорошо дослышали. Можетъ быть, губернаторъ выразилъ надежду, что сходки студенческія будутъ дозволены современемъ.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчалъ студентъ,—я хорошо слышалъ.

— Ну, сказалъ я, чтобы вамъ ни говорилъ губернаторъ, я, какъ по- печитель округа, объявляю вамъ, что сходки рѣшительно запрещены. За- прещеннаго же дозволить я не въ правѣ; и потому совѣтую вамъ, если вы не хотите принести вредъ университету, отнюдь не устраивать ни какой сходки. Предупреждаю васъ, что вы первые пострадаете, потому что я буду имѣть основаніе признать васъ инициаторами сходки, за- тѣмъ пострадаютъ всѣ студенты, которые примутъ участіе въ сходкѣ, и весь университетъ. Я надѣюсь, что вы дадите мнѣ слово сходокъ не устраивать.

Студенты дали слово, что сходокъ не будетъ, и сдержали. Съ конца марта 1881 г. университетскіе студенты оставались спокойны до 28-го октября 1882 года, когда вдругъ, неожиданно нежданно для всѣхъ насъ, начались студенческія волненія, описанныя мною въ «Русской Старинѣ»¹⁾.

Такъ какъ самый тяжелый день для всей Россіи, а стало быть и для Казанскаго университета, день 1-го марта 1881 года и послѣдующіе за нимъ дни я, по болѣзни, не могъ быть среди студентовъ и говорить съ ними, то въ скорбный день годовщины смерти императора Алексан- дра Николаевича, 1-го марта 1882 года, послѣ литургіи и панихиды въ церкви университета, я пригласилъ профессоровъ и студентовъ въ ак- товый залъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

«Въ этотъ день, годъ тому назадъ, всенародный трауръ покрылъ Россію: Царь-Освободитель, всю жизнь свою посвятившій сердечной за- ботѣ о благѣ горячо любимаго имъ народа, всю жизнь свою твердо дер- жавшій государственное знамя мира, законности, свободы и свѣта, палъ, какъ безстрашный боецъ, въ борьбѣ съ исчадіями мрака, стремящимися къ анархіи, къ сокрушенію всего строя общественной и государствен- ной жизни Россіи.

«Какое величіе, какую силу характера проявилъ почившій цар- ственный вождь земли Русской! Съ 1866 года ему постоянно, еже- дневно грозила смерть изъ-за-угла,—тайные убійцы, враги отечества, стерегли каждый его шагъ, вооруженные кинжаломъ, револьверомъ, динамитомъ, разрывными снарядами. Поставьте себя на мѣсто госу- даря, представьте, что вы окружены убійцами, жаждущими вашей крови, и что вамъ легко освободиться отъ этого неотступнаго кошмара

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1888 г. кн. XII и 1889 г. кн. I.

грозящей вамъ гибели,—стоитъ только оставить свой постъ... и скажите, положи руку на сердце, у многихъ ли достанетъ стойкости пятнадцать лѣтъ оставаться на опасномъ посту, пятнадцать лѣтъ ежедневно ждать смерти? Сколько нужно твердости и геройства, сколько сознанія святости долга?

«Почившій государь, когда былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ, выслушалъ отъ своего державнаго родителя, что царь не долженъ уступать смутѣ,—пусть онъ падетъ, но... на ступеняхъ трона. Рыцарская честность и свѣтлый умъ государя императора Николая Павловича признаны исторіею. Императоръ Николай Павловичъ зналъ свой народъ и вполнѣ понималъ его потребности. Онъ зналъ, что для многомилліоннаго русскаго народа нужна единая крѣпкая власть, что народъ вѣрится лишь царю своему, на него возлагаетъ свои надежды, и что поэтому, для счастья и блага народа, русскій царь долженъ быть вѣренъ идеѣ единодержавія, не долженъ уступать смутѣ,—лучше ему пасть... но на ступеняхъ трона. Невольно поражаетъ насъ эта прозорливость императора Николая Павловича, прозорливость, въ данномъ случаѣ дошедшая до предвѣднія: онъ высказалъ эту глубоко-правдивую и сильную мысль наследнику-отроку, какъ будто предчувствовалъ грядущую судьбу своего царственнаго сына, который черезъ 51 годъ послѣ этихъ словъ палъ отъ смуты, погибъ мучительною смертію, но умеръ на тронѣ, палъ какъ герой, твердо держа спасительное для Россіи знамя самодержавія.

«Перенесемъ на нѣсколько мгновеній къ тому страшному и позорному дню, который, годъ тому назадъ, пережила Россія, перенесемъ въ кабинетъ царственнаго страдальца...

«Принесеннаго во дворецъ изрваннаго, изувѣченнаго, уже безчувственнаго, государя положили на походную кровать и стали употреблять медицинскія средства, чтобъ остановить кровь и привести умирающаго въ чувство. Въ кабинетѣ собралась вся царская фамилія и нѣкоторые приближенные... Всѣ стояли въ совершенномъ молчаніи, сдерживая рыданія. Лейбъ-медикъ Воткинъ держалъ свою руку на груди государя и слѣдилъ за біеніемъ сердца... Но вотъ онъ отнимаетъ руку и, обращаясь къ присутствующимъ, говоритъ: «Все кончено...» Оглушительныя рыданія были отвѣтомъ. Рыдали, кто прислонившись къ стѣнѣ, кто къ окну, кто къ косяку двери...

«На Дворцовой площади въ это время стояла несмѣтная масса народа тихо, въ тревожномъ ожиданіи... Когда народъ услышалъ вѣсть о кончинѣ своего державнаго благодѣтеля, вся площадь огласилась рыданіями... Это было потрясающее зрѣлище, это было самое наглядное доказательство горячей любви народа къ своему царю, доказательство неопровержимости того факта, что мрачное святотатственное дѣло зло-

дѣвъ народу чуждо, скажу богѣ и прамѣ—предано проклятiю народомъ...

«Что было въ кабинетѣ государя и на Дворцовой площади, то же повторялось во всей Россiи. Сколько перечувствовалъ и выстрадалъ русскiй народъ въ эти ужасные дни всенародной скорби! Если бы растворялись предъ нами дѣрзья домовъ и раскрылись домашнiе, семейные очаги нашего обширнаго отечества въ тяжелой памяти дни первыхъ чиселъ марта 1881 года, то мы увидали бы поразительныя и потрясающiя душу сцены. Вотъ интеллигентная семья, состоящая изъ отца, матери и дѣтей разныхъ возрастовъ,—всѣ плачуть, крупныя слезы и судорожныя рыданiя не скрываются даже отъ прислуги, и ей читаются телеграммы, и прислуга плачетъ. Вотъ простая купеческая семья: отецъ семейства плачетъ навзрыдъ и въ то же время раздражается проклятiями на злодѣевъ, лишившихъ насъ царя-отца. Вотъ крестьяне собираются кучками, громко рыдаютъ и съ проклятiями грозятъ убійцамъ. Всюду, во всѣхъ самыхъ отдаленныхъ углахъ царства Русскаго плачь и стоны. Сознаетъ наша любимая, дорогая, святая Русская земля, кого она потеряла, какое зло и святотатство совершили враги народа русскаго, чья драгоценная, мученическая кровь пролита, къ чьему мертвому, бездыханному, но вѣчно живому и дышащему любовью тѣлу обращаются скорбные помыслы, стоны и рыданiя сыновъ Русской земли.....

«2-го марта тѣло въ Божѣ почившаго императора еще лежало на походной постели, а между тѣмъ громадныя залы дворца наполнились съѣхавшимися на большой выходъ оффиціальными лицами въ парадныхъ, расшитыхъ серебромъ и золотомъ, мундирахъ,—все пмѣло праздничный видъ. Въ полномъ парадномъ мундирѣ вышелъ государь императоръ Александръ Александровичъ съ государыней императрицей Марiей Теодоровной, на которой было надѣто бѣлое платье, а на головѣ брильянтовая діадема,—у государя и государыни глаза сильно заплаканы. За ними вслѣдъ шель государь наследникъ цесаревичъ и всѣ прочiе члены императорской фамилии. Дойдя до середины Кавалергардской залы, государь остановился и обратился къ присутствующимъ: «Господа, я надѣюсь, что вы будете служить мнѣ съ тою же неизмѣнною вѣрностию, съ какою служили моему покойному родителю»... Государь умолкнувъ, не могши одолѣть волненiя, и крупныя слезы брызнули изъ глазъ; видно было, что онъ хотѣлъ продолжать, но не могъ. Оглушительное восторженное «ура» пронеслось по заламъ. Со слезами, этими лучшими, чистѣйшими брильянтами души, шествовали государь и государыня по заламъ дворца; очарованные и сердечно тронутые, всѣ провожали дорогу для Россiи августѣйшую чету восторженными кликами. Такiя торжественныя, такъ громко говорящiя сердцу минуты не забываются и тѣсно соединяютъ народъ съ его державнымъ вождемъ.

«Тяжелое наслѣдіе получилъ покойный государь отъ своего державнаго родителя—трудную, изнурительную войну съ иностранными державами, но еще болѣе тяжелое наслѣдство досталось государю императору Александру Александровичу. Совершенно вѣрно молодой государь высказалъ въ своемъ манифестѣ, что онъ подѣмлетъ «тяжкое бремя, Богомъ на насъ возлагаемое»; но, несмотря на то, вѣрный своему святому долгу, государь императоръ съ твердостью отца и дѣда развертываетъ знамя самодержавія. Да укрѣпитъ его Господь своею всемогущею силою, да дастъ ему исполнителей по сердцу его, искренно любящихъ Россію, честныхъ, здравомыслящихъ и энергичныхъ.

«Усопшаго же благодѣтеля Россіи да приметъ Господь въ селенія праведныхъ, да упокоитъ его тамъ отъ всѣхъ страданій и мукъ, которыми измучено здѣсь его любвеобильное сердце. Да будетъ Царь-Страдалецъ послѣднею очистительною жертвою за свой народъ, за свою многострадальную Русь. Пусть свѣжая, дорогая, незабвенная могила Царя-Освободителя, погибшаго мученическою смертію, сдѣлается могилою всѣхъ святотатственныхъ замысловъ истребленія и разрушенія; пусть она будетъ могилою, въ которой погребутся и сокроются на вѣки всѣ язвы, подтачивающія здоровый организмъ народа русскаго, всѣ цареубійственныя и анархическія ковы. Да окружаютъ молодого монарха нашего только горячая старорусская любовь и сердечная преданность вѣроподданныхъ. Рѣчь эта была выслушана съ глубокимъ вниманіемъ».

Изъ всего изложеннаго, мнѣ кажется, съ достаточною ясностію обнаруживается, что тяжелые дни университетовъ нашихъ создаются не ими самими, а путемъ вѣшняго давленія на увлекающуюся университетскую молодежь, производя безпорядка, колебля и потрясая спокойный строй университетской жизни своими шумными сборищами, своими неумѣренными притязаніями, своими порою дикими выходками, несвойственными интеллигентной молодежи. Она дѣйствуетъ, какъ загипнотизированная, не по своей, а по чужой волѣ, и является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ, умѣющихъ отуманивать юныя головы, жожаковъ, которыхъ собственно студенческіе интересы нисколько не занимаютъ, которые прикрываютъ этими интересами инныя преступныя дѣла.

Недавніе безпорядки въ Казанскомъ университетѣ до очевидности показали, какъ мало въ нихъ собственно студенческаго вліянія, какъ дѣло, которое студенты положили вести тихо, спокойно, обращается въ буйство. Поговорите со студентами Казанскаго университета, отъ cadaго изъ нихъ вы услышите, что они согласились между собою съ полнымъ спокойствіемъ, тихо собраться потолковать и изложить

университетскому начальству, въ видѣ просьбы, свои желанія. Что же въ дѣйствительности вышло? — Вышло совершенно не то, чего ожидали студенты. Съ самаго начала, по сигналу, данному однимъ изъ бесповоинныхъ студентовъ, толпа съ дикимъ визгомъ, гамомъ и криками бросилась по лѣстницѣ и ворвалась въ актовую залу. Инспекторъ студентовъ, приглашавшій толпу разойтись именемъ закона, получилъ ударъ въ лицо и сверхъ того на него поднято четыре стула, — ударъ стула принялъ на себя стоявшій между инспекторомъ и студентами помощникъ инспектора В—вичъ. Какъ же это случилось? Какъ, вмѣсто тихаго, спокойнаго собранія вѣжливо говорящихъ съ начальствомъ студентовъ, на сцену выступила буйная толпа, начавшая гвалтомъ и оскорбленіемъ инспектора студентовъ, начавшая такъ, что собраніе студентовъ сразу приняло характеръ буйствующей сходы, съ которой всякіе мирные переговоры, послѣ совершеннаго, были немислмы. — Студенты объясняютъ это увлеченіемъ меньшинства, но спрашивается: кто велъ къ этому меньшинство. — Тѣ же незримыя лица, которыя являлись на сцену во всѣхъ студенческихъ волненіяхъ и которыя заботливо подливали масло въ огонь, чтобы произвести возможно большій пожаръ.

Посмотрите на требованія, предъявляемыя студентами сходы 1887 года. Они требуютъ ни много, ни мало — отміны настоящаго университетскаго устава, студенческаго суда, обязательнаго и для профессоровъ? Такія невозможныя, неосуществимыя требованія ясно для чего внесены въ студенческія петиціи чужою злонамѣренною рукою. Искусныя инициаторы волненій умѣли вдохнуть въ студентовъ увѣренность, что профессора сочувствуютъ ихъ главному требованію — отміны устава; въ Казани между студентами ходилъ слухъ, что петербургскіе профессора мнутса, что изъ казанскихъ тридцать подадутъ въ отставку въ вечернемъ засѣданіи совѣта 4-го декабря. Ловкіе агитаторы не позабыли включить въ студенческую петицію и такой пунктъ, который нашелъ откликъ въ обществѣ и который выражаетъ заботу студентовъ о меньшихъ братіяхъ — пунктъ объ отмінѣ циркулярнаго предписанія министра народнаго просвѣщенія относительно приѣма въ гимназіи.

Посмотрите, къ какимъ насильственнымъ дѣйствіямъ прибѣгали студенты сходы 4-го декабря: насильно отбирали билеты у студентовъ, не желавшихъ принимать участія въ беспорядкахъ, насильно отбирались подписи на прошеніяхъ объ увольненіяхъ изъ университета, — и билеты и прошенія представлялись ректору, какъ будто сами студенты, которыхъ принудили выдать билеты и подписать прошенія, желаютъ выйти изъ университета¹⁾. Мало того, нѣкоторыхъ студентовъ насильно при-

¹⁾ Конечно, эти билеты и прошенія возвращались по желанію самихъ студентовъ или ихъ родителей.

таскивали на сходку. Одного студента физико-математическаго факультета, скромнаго и тихаго юношу, ухватили въ аудиторіи на лекціи и притащили на сходку. Ему удалось потихоньку уйти. Уже онъ добрался до шинельной, уже надѣвалъ пальто, какъ прибѣжавшіе со сходки снова подхватили его, приволокли на сходку, посадили, и двое сѣли на него, чтобы онъ не убѣжалъ. Терроръ и насиліе широко разгуливали 4-го декабря на собраніи, которое предполагалось устроить мирно, спокойно, безъ всякаго шума.

Взгляните на начало студенческой петиціи, и вы убѣдитесь, что въ основу этихъ волненій кладутся не чисто-студенческіе интересы. Петиція начинается такъ: «собрало насъ не что иное, какъ невозможность русской жизни вообще и студенческой въ особенности». Первая причина собранія или сходки—невозможность русской жизни вообще не прямо ли говорить, что это не чисто-студенческое дѣло, а дѣло общее, дѣло «рабѣтелей о благѣ народа»? Ясно это и изъ приведенныхъ словъ петиціи, поставленныхъ, такъ сказать, въ заголовкѣ студенческаго движенія, и изъ внезапнаго превращенія предполагавшагоси мирнаго собранія въ буйную сходку, и изъ того, что въ числѣ инициаторовъ волненій были и постороннія лица, которыхъ въ Казани называютъ по именамъ.

Ясно, что и въ 1887 году, какъ и въ прежніе годы, устранивали студенческое волненіе тѣ люди, которымъ не жалко студентовъ и университета, которые съ каждымъ новымъ студенческимъ волненіемъ стараются всѣми силами начать безпорядки какъ можно болѣе крупнымъ, выдающимся скандаломъ, чтобы не было, съ самаго начала, возможности направить дѣло на мирный путь, чтобы поболѣе было пострадавшихъ студентовъ, чтобы такимъ образомъ возбудить неудовольствіе не только въ средѣ студентовъ, но и въ обществѣ. Подожгутъ студентовъ, натравятъ ихъ, а послѣ, подъ маскою доброжелательства и любви къ молодежи, откроютъ подписку «въ пользу пострадавшихъ студентовъ» и съ подписнымъ листомъ подстрекаютъ ходить тоже податливыхъ студентовъ, чтобы и эти сборщики отвѣтили и увеличили собою число пострадавшихъ. При чемъ, конечно, старательно распространяются слухи по городу о томъ, что пострадавшіе студенты—самые лучшіе, даровитые и развѣтые молодые люди, «такъ-де и сами профессора говорятъ».

Омерзѣніе возбуждаютъ иезуитскія дѣйствія этихъ растлителей и погубителей нашего бѣднаго юношества, и глубокая жалость объемлетъ душу при видѣ юношей, на зарѣ дней своихъ портившихъ свою будущность, приносящихъ тяжкое горе своимъ родителямъ и близкимъ.

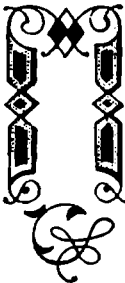
П. Д. Шестаковъ.

П И С Ь М А

П. Т. Морозова къ А. Г. Тройницкому.

Павелъ Тимоѣевичъ Морозовъ принадлежалъ къ числу лицъ, привлеченныхъ къ полезной общественной дѣятельности графомъ ¹⁾ М. С. Воронцовымъ въ бытность его главнымъ начальникомъ Новороссійскаго края.

П. Т. Морозовъ происходилъ изъ дворянъ Пензенской губерніи и родился въ 1808 году. Воспитаніе онъ получилъ въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній своего времени, Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ; онъ кончилъ здѣсь курсъ въ 1824 году съ золотою медалью и на актѣ этого года произнесъ рѣчь «О вліяніи точныхъ наукъ на успѣхи наукъ словесныхъ». Въ томъ же году онъ отправился въ Одессу и поступилъ чиновникомъ въ канцелярію графа Воронцова. Видныхъ административныхъ должностей впрочемъ Морозову не пришлось занимать, но онъ вскорѣ прикнулъ къ тому кругу образованныхъ людей, которыхъ Воронцовъ любилъ собирать вокругъ себя. Морозова графъ направилъ главнымъ образомъ на занятіе литературнаго характера; Павелъ Тимоѣевичъ сотрудничалъ въ мѣстной газетѣ «Одесскій Вѣстникъ», а съ 1831 года, при содѣйствіи главнаго начальника края, предпринялъ изданіе «Новороссійскаго Календаря» и редактировалъ его по 1837 годъ. Въ этомъ изданіи помѣщались не только обычные справочныя свѣдѣнія, но также статистическія свѣдѣнія и географическія данныя. Воронцовъ вообще желалъ сдѣлать «Календарь» сборникомъ матеріаловъ, которые свидѣтельствовали бы о развитіи управляемаго имъ края. Кромѣ «Календаря»,

¹⁾ Впослѣдствіи княземъ.

Воронцовъ побудилъ Морозова и его пансіонскаго товарища М. П. Розберга, состоявшаго профессоромъ въ Ришельевскомъ лицей, къ изданію сборника чисто литературнаго; мысль эта была осуществлена въ «Одесскомъ Альманахѣ», двѣ книжки котораго вышли въ 1831 и 1832 годахъ; здѣсь Морозовъ помѣстилъ любопытныя статьи: «Историческій взглядъ на Одессу», «Одесса въ 1830 году» и «Праздники Рождества Христова и Новаго года въ Одессѣ». Въ началѣ сороковыхъ годовъ Морозовъ, однако, оставилъ службу съ чиномъ статскаго совѣтника и поселился въ Пензенской губерніи, гдѣ и прожилъ до конца жизни. И въ новомъ мѣстѣ своего пребыванія онъ не покидалъ занятій литературой: онъ составилъ «Статистическое и сельско-хозяйственное описаніе Городищенскаго уѣзда», «Метеорологическій и сельско-хозяйственный календарь для средней полосы Россіи», писалъ и другія статьи по вопросамъ сельскаго хозяйства, а также по предметамъ нравственности и религіи; кромѣ того, велъ постоянныя метеорологическія наблюденія. Результаты послѣднихъ, подъ заглавіемъ «Метеорологическіе очерки», были изданы въ двухъ выпускахъ въ Москвѣ, въ 1866 и 1872 годахъ. Живя въ Пензенской губерніи, Морозовъ служилъ по выборамъ: былъ почетнымъ попечителемъ мѣстной гимназіи и нѣкоторое время предводителемъ дворянства въ Городищенскомъ уѣздѣ, гдѣ у него было имѣніе. Въ послѣдніе годы жизни Морозовъ написалъ еще повѣсть «Три семьи» (М. 1872) и составилъ два очерка изъ періода своей жизни въ «Новороссійскомъ краѣ: «Мое знакомство съ М. Л. Магницкимъ» и «Изъ одесскихъ воспоминаній» (главнымъ образомъ о томъ же Магницкомъ и объ А. С. Стурдзѣ). Они были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 и 1877 годовъ. Умеръ онъ 25-го марта 1881 года, а въ 1883 году большая часть имъ написаннаго была издана въ Москвѣ отдѣльною книгой подъ заглавіемъ: «Сочиненія П. Т. Морозова», съ портретомъ автора.

Помѣщаемыя ниже письма Морозова къ А. Г. Троицкому ¹⁾ относятся къ тому времени, когда П. Т. жилъ въ Пензенской губерніи, и интересны для характеристики тогдашняго общества. Ред.

1.

4-го іюля 1835 г. с. Панцирѣвка.

Почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ!

Послѣ 10-ти дневнаго странствованія я наконецъ добрался до своей деревни. Теперь 1.600 верстъ отдѣляютъ меня отъ Одессы: расстояние

¹⁾ Краткія біографическія свѣдѣнія объ Александрѣ Григорьевичѣ Троицкомъ были уже помѣщены на страницахъ „Русской Старины“ (см. 1896 г. № 3, стр. 666).

ужасное тамъ, гдѣ нѣтъ пароходныхъ каретъ ¹⁾) и гдѣ почты идутъ по 50 верстъ въ день.

Путешествіе мое было пріятно, благодаря хорошей погодѣ. Не должно, впрочемъ, думать, чтобы здѣсь подъ этимъ словомъ понимали то же, что въ Новороссійскомъ краѣ: жители сѣвера не такъ взыскательны, они очень довольны, если термометръ не ниже 15° и если облачный сводъ, почти всегда бѣгущій надъ ихъ головами, раздвинется въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но если здѣшнее небо непривлекательно, то земля сѣверной Россіи (особенно въ Пензенской губерніи) поражаетъ красотою своей весенней одежды. Это сама свѣжесть, лавдыши у ногъ, цвѣты черемухи и липы надъ головою и все это въ неопостижимомъ изобиліи; здѣшніе равнины напоминаютъ залу, въ которой полъ устланъ богатыми коврами, украшенъ изящными мебелями, а потолокъ выпачканъ какинь-нибудь мазалкою:

Низъ мраморный, а верхъ кирпичный.

Въ Воронежѣ мы едва могли найти себѣ квартиру: такъ велико стеченіе богомольцевъ. Соборъ св. Митрофанія украшенъ со вкусомъ и великолѣпіемъ. Серебряная рака угодника покрыта выпуклою отливкою, которая сдѣлала бы честь лучшему художнику. Каждому изъ прикладывающихся монаховъ, стоящій у гроба, даетъ небольшой образокъ и вышитый треугольникъ, называемый рукавичкою. Толпы, легіоны нищихъ и разносчиковъ облегаютъ соборъ со всѣхъ сторонъ; здѣсь вы встрѣчаете большіе летки, покрытые образами, изъ коихъ самыя дорогіе продаются по 50 рублей.

Проѣзжая чрезъ нѣсколько русскихъ губерній каждыя 2 года, какъ я дѣлаю, нельзя не радоваться быстрому совершенствованію нашего отечества. Можетъ быть слѣды успѣха не ведаѣ такъ ощутительны, такъ велики, какъ въ столицахъ и Одессѣ, но будучи соединены въ извѣстномъ количествѣ, они образуютъ блестящую стезю въ мѣстахъ самыхъ отдаленныхъ отъ Москвы и приморскихъ городахъ. Почти въ каждомъ губернскомъ городѣ вы найдете очень хорошее общество, гдѣ случается слышать столько дѣльныхъ замѣчаній о Россіи, столько мыслей основательныхъ о совершенныхъ у насъ и предстоящихъ намъ преобразованіяхъ. Рациональное сельское хозяйство, распространяясь въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, даетъ имъ мало-по-малу видъ благоустроенныхъ поселеній. На воспитаніе начинаютъ смотрѣть, какъ на дѣло важное и серьезное. Охота къ чтенію быстро возрастаетъ. Впрочемъ, книжная торговля боится еще явиться самостоятельно; она окружаетъ себя уди-

¹⁾ Тамъ въ подлинникѣ.

вительнымъ разнообразіемъ. Рядомъ съ твореніями Пушкина, Пелеваго и Подолинскаго стоятъ еще банки съ вареньемъ, картузы съ табакомъ, но это смѣшеніе исчезаетъ: все станетъ на свое мѣсто. Достоинъ замѣчанія средство, которое люди, не желающіе покупать романовъ, употребляютъ здѣсь для прочтенія сихъ произведеній нашей словесности: они берутъ эти книги на прокатъ у разносчиковъ. Бродящій торговецъ, ссужаетъ своихъ подписчиковъ нѣсколькими томами при началѣ зимы и собираетъ розданное при ковцѣ холоднаго времени года.

Слѣпое подражаніе иностранцамъ исчезаетъ. Европейское просвѣщеніе, подобно дождю благотворному, процѣдилось сквозь землю рускую и начинаетъ выходить наружу въ видѣ самобытныхъ источниковъ.

Къ числу вещей, которыя кажутся странными одесскому жителю, посѣщающему внутреннія губерніи, принадлежатъ курсъ денегъ. Онъ измѣняется почти на каждыхъ ста верстахъ. Серебряный рубль ходитъ: въ Полтавѣ—4 руб., въ Воронежѣ—4 р. 20, въ Пензѣ—4 р. 10. Если привезти сюда изъ Одессы 100 рублей ассигнаціями и вмѣсто ихъ взять съ собою мелкое серебро, то получится болѣе 3%, выигрыша. Вотъ расчетъ:

100 руб. ассиг. = здѣсь 115 рублямъ.

115 рублей = 104 четвертакамъ и 60 коп. мѣдью.

Въ Одессѣ за 100 руб. ассигнаціями платится 101 четвертакъ. Слѣдовательно, на вымѣненные деньги вы купите свою прежнюю ассигнацію и, сверхъ того, у васъ останется три руб. 60 коп. Всего забавнѣе курсъ мѣди. Знаете, что тутъ уже 2×2 не 4, а пять: 2 гроша считаются за 5 копѣекъ, потому что мѣдь ходитъ наравнѣ съ ассигнаціями. Вамъ дадутъ 8 копѣекъ, но должно вѣрить, что это десять. Говорятъ, какой-то проказникъ хотѣлъ ввести подобный курсъ въ товарахъ и отсчитывая 8 яицъ увѣрялъ, что это десять, но палка буточника остановила распространеніе ариеметики, невыгодной для потребителей.

Замѣчательно, что Ганнеманова система лѣченія—въ большей части у жителей низовыхъ губерній. Особенно въ Пензѣ, отзываются о ней съ похвалами. Даже крестьяне начинаютъ имѣть большую вѣру къ гомеопатическимъ пособіямъ. Въ самомъ дѣлѣ они сдѣлали здѣсь много чудесныхъ исцѣленій. Рассказываютъ даже, что слѣдуя ученію автора...¹⁾ недавно изгнали злаго духа изъ одного молодаго человѣка посредствомъ женитбы, дѣйствовавшей въ семъ случаѣ гомеопатически.

Я собирался писать къ вамъ много и хотѣлъ было сдѣлать часть письма моего годною для О. В.²⁾, но долженъ отложить свое намѣреніе по случаю пріѣзда капитана исправника нашего уѣзда.

¹⁾ Нѣсколькихъ словъ нельзя разобрать.

²⁾ „Одесскаго Вѣстника“.

Прилагаю при семъ оригиналы для листковъ на русскомъ языкѣ. Принявъ трудъ передать ихъ тисненію, вы прेमного меня одолжите.

Я пробуду въ деревнѣ до 20-го іюля, потомъ отправлюсь въ Москву и Петербургъ. Напишите мнѣ ради Бога о томъ, что дѣлается въ Одессѣ. Оттиснуть ли 1-й листъ «Календаря»? гдѣ графъ? что творять наши дѣльные люди? Мой адресъ: въ Москву на Срѣтенскѣ у Николая Дербентскаго въ домѣ Яковлева. Я напишу къ вамъ о всемъ, что увижу въ столицахъ. Если вы не будете отвѣчать мнѣ скоро, то письмо ваше не застанетъ меня въ Москвѣ.

Покорнѣйше прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ Михаилу Петровичу, Подолянскому, вашему братцу, Соколову и всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнить.

P. S. Покорнѣйше прошу также засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почтеніе А. С. Стурдѣ. Письмо опытнаго романтика, перепечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», произвело сильное впечатлѣніе на всѣхъ читавшихъ оное здѣсь.

2.

2-е ноября 1837 г. с. Панцарево.

Почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ!

Я не писалъ вамъ до сихъ поръ потому, что вы, вѣроятно, не имѣли бы времени прочесть мое письмо: принимать царицу въ институтъ, писать статьи о праздникахъ и смотрахъ, вступать въ новый образъ жизни—это цѣлый міръ заботъ. Сердечно радуюсь, что вы, наконецъ, отдѣлались отъ экстраординарныхъ занятій и перешли къ обыкновеннымъ.

Отъ всей души поздравляю васъ съ женитьбою, о которой узналъ изъ послѣднихъ писемъ изъ Одессы. Дай Богъ, чтобы супружескій образъ жизни доставилъ вамъ полное счастье домашняго быта. Помните-ли, какъ вы, года три тому назадъ, запершись въ комнатѣ Н. Д. Курляндцова, перебрали съ покойнымъ всѣ невыгоды женитьбы и сдѣлали рѣшительно самый противобрачный выводъ. Я спорилъ съ вами, но вы не согласились; теперь, однако, ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ одинаково съ моимъ. Видите ли, что правда иногда бываетъ на моей сторонѣ, и что споры мои имѣютъ основаніе.

Я пріѣхалъ въ свою деревню 15-го августа и съ тѣхъ поръ живу въ ней почти безвыѣздно. Управленіе хозяйствомъ занимаетъ почти все мое время, хочется подвести доставшееся мнѣ имѣніе подъ какія-

внбудь правильныя формы, но это сопряжено съ большими хлопотами, а оставить теперешній безпорядокъ вещей, значить разориться. Главное препятствіе всякаго улучшенія — крѣпостное состояніе, имѣвшее когда-то видъ патріархальныхъ сношеній, но теперь потерявшее весь смыслъ.

Я имѣю возможность пользоваться здѣсь новыми книгами и журналами, но не нахожу времени читать ихъ. За то хозяйственныя сочиненія получили теперь для меня особенную прелесть: мы читаемъ ихъ, какъ больные хроническими болѣзнями читаютъ лечебники, въ надеждѣ отыскать свой недугъ и приличное ему лѣкарство.

Сосѣдей у меня довольно и между ними есть много образованныхъ людей, но мы видимся не часто: всѣ наши помѣщики сидятъ теперь дома и хлопочутъ съ утра до вечера, усиливаясь спастись отъ банкротства, грозящаго русскому дворянству. Впрочемъ, зимою наши сосѣди почти всѣ разъѣдутся по губерскимъ городамъ, и мы останемся совершенно одни; волки, которыхъ здѣсь множество, и члены земскихъ судовъ будутъ единственными посѣтителями моей деревни. Волки нерѣдко приходятъ въ селеніе и почти каждую ночь слышенъ ихъ вой. Вотъ наша опера!

Но я лучше рѣшаюсь сносить всѣ невыгоды деревенской жизни, нежели переселиться въ губерскій городъ. Губерскій городъ! какъ много ужаснаго въ этомъ словѣ! Тамъ собрано все, что можетъ отравить удовольствія жизни: сплетня, роскошь безъ изящества, но разорительная, смѣсь столичнаго этикета съ провинціальною грубостью. Петербургъ, Москва и Одесса! Если велья жить въ нихъ, то лучше убраться въ деревню.

Вы можете себѣ представить, съ какою радостію я бы возвратился въ Одессу, но обстоятельства не позволяютъ мнѣ теперь двинуться съ мѣста. Можетъ быть, однако, въ теченіе будущаго года я успѣю привести въ порядокъ дѣла свои и тогда рѣшусь навсегда переселиться на берега Чернаго моря. Не могу вспомнить равнодушно объ Одессѣ. Теперь я вполне понимаю швейцарскую *mal du pays*.

Всего труднѣе привыкнуть къ здѣшнему климату; я здѣсь боленъ почти каждый день. Сыро, темно и холодно. Было уже минусъ 10°. Скоро вся природа похоронится на 6 мѣсяцевъ, и мы не будемъ видѣть ни земли, ни воды, ни воздуха.

Я такъ торопился выѣхать изъ Одессы прежде заготовленія лошадей для царскаго проѣзда, что не успѣлъ проститься съ вами. Извините меня въ этой нелюбезности: она была совершенно произвольная и сочтена мною за большее лшненіе.

Мнѣ бы хотѣлось кончить здѣсь Одесскій метеорологическій календарь, но у меня не достаетъ матеріаловъ: дорогою я

потерялъ записку о состояніи атмосферы. Этому горю можно помочь, составивъ выписку изъ «Одесскаго Вѣстника». Нельзя ли нанять кого-нибудь для составленія той выписки? Принявъ трудъ отвѣчать на этотъ вопросъ, а если можно, и нанявъ переписчика, вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе.

За составленіе выписки я съ удовольствіемъ готовъ заплатить до 100 р., только бы она была вѣрна и согласовалась бы съ прилагаемою при семь формою.

Кажется, я ничего не долженъ въ типографіи, но если окажутся какіе-нибудь начеты на мнѣ, то я съ удовольствіемъ расплачусь при первомъ требованіи.

Въ типографіи осталась бумага, купленная мною для метеорологическаго календаря; покорнѣйше прошу васъ приказать сохранить эту бумагу и употреблять ее для перепечатанія календаря изъ листовъ. Если отпечатанъ особо 2-й листъ календаря, содержащій февраль и конецъ января, то вы весьма одолжите меня, переславъ ко мнѣ одинъ экземпляръ этого листа; прикажите вложить его въ мой № О. В. ¹⁾).

Я увѣренъ, что на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, вы будете отвѣчать мнѣ; исполнивъ мою надежду, вы обрадуете меня выше всякаго ожиданія. Что новаго у васъ? Кто издастъ «Новороссійскій календарь»? Что дѣлаютъ Стурдза, Эдлингъ и прочіе наши общіе знакомые.

Покорнѣйше прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ Николаю Григорьевичу, Фриполи, Хрусталеву и почтеннѣйшему нашему сотруднику Петру Федоровичу.

Простите, будьте здоровы, обнимаю васъ отъ всей души. Весь вашъ.

P. S. Письмо ко мнѣ должно имѣть два пакета: на одномъ, въ который положите письмо, извольте написать: П. Т. Морозову въ Саранскъ; на другомъ, внѣшнемъ (въ который положится запечатанное письмо съ вышерѣченнѣмъ адресомъ) должно написать: его высокоблагородію Егору Ивановичу Миндереру въ Москвѣ въ императорскомъ почтамтѣ. Я получаю письма изъ Одессы чрезъ Москву для того, что этимъ выигрывается недѣля времени.

2-е P. S. Примите трудъ засвидѣтельствовать мое сердечное почтеніе А. С. Стурдзѣ и графинѣ Эдлингъ. Къ А. С. я буду писать на слѣдующей почтѣ.

¹⁾ Одесскаго Вѣстника.

3.

21-го марта 1838 г. с. Панцыревка.

Почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ!

Приношу вамъ искреннѣйшую, сердечную благодарность за пріятное письмо ваше отъ 7-го февраля; участіе, принимаемое вами и А. С. Стурдзою въ дѣлахъ, необходимыхъ для моего возвращенія въ Одессу, много меня обрадовало. Да наградитъ васъ Богъ за ваши добрыя намѣренія и за память объ отсутствующихъ!

Къ сожалѣнію, не могу воспользоваться вашею любезностію. Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ пензенскій гражданскій губернаторъ увѣдомилъ меня, что министръ юстиціи, желая опредѣлить меня одесскимъ прокуроромъ, проситъ меня прислать къ нему мои документы. Это увѣдомленіе было получено мною въ то время, когда я сильно и опасно страдалъ глазами. Оно удивило меня до высочайшей степени потому, что я не искалъ мѣста прокурора и не могъ понять, кто за меня ходатайствовалъ въ министерствѣ. Я отвѣчалъ губернатору, что, принимая съ глубочайшею благодарностію вниманіе начальства, я не могу отправить требуемой отъ меня просьбы, потому что не вижу средства (по причинѣ глазной болѣзни, требующей продолжительнаго лѣченія) явиться къ предполагаемой мнѣ должности въ узаконенный срокъ. Отвѣтъ мой былъ основанъ на сущей справедливости: дѣйствительно, тогда мнѣ нельзя было думать о службѣ. Сверхъ того, убѣжденія А. С. Стурдзы и мысль, что совѣстливое исправленіе должности прокурора могло бы встрѣтить препятствія, иногда непреодолимыя со стороны присяжныхъ мѣстъ (особенно стр. комитета), заставляли меня лучше желать мѣсто инспектора лицея, открывавшее мнѣ дорогу современемъ въ директоры этого заведенія. Пензенскій губернаторъ передалъ мой отвѣтъ министру внутреннихъ дѣлъ для сообщенія министру юстиціи. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла мнѣ неизвѣстенъ.

Не имѣя теперь для себя въ виду никакого мѣста въ Одессѣ, я, однако, не отлагаю намѣренія вовсе туда переселиться; здѣсь мнѣ все кажется враждебнымъ или, по крайней мѣрѣ, чужимъ: и климатъ и обычай. Многимъ пензенскимъ старожиламъ то и другое нравится, но ихъ укрѣпила привычка. Изъ всѣхъ наказаній, можетъ быть самое тяжелейшее—изгнаніе, когда человѣкъ разлученъ съ любимыми мѣстами и людьми. И какъ силенъ переходъ отъ Одессы къ Пензѣ! У насъ во всю зиму была одна оттепель и нѣсколько разъ случился морозъ въ 30°. Теперь почти всякій день термометръ показываетъ отъ 10° до 15° холода, и санная дорога еще въ исправности. 20-го марта—это ужасно! А общество, занятія и удобства жизни — все это не похоже на быть

одесскій. Нельзя сказать, чтобы просвѣщеніе не сдѣлало здѣсь успѣховъ: молодое поколѣніе нашихъ дворянъ воспользовалось большею частію хорошимъ воспитаніемъ. Но атмосфера провинціальная не благопріятствуетъ наукѣ, еще менѣе искусству. Мы всѣ подавлены заботами о своихъ имѣніяхъ: доходы убываютъ; расходы, подати и повинности растутъ. Помѣщикамъ нейдутъ на умъ книги: ихъ мысли носятся около процессовъ, спеціальнаго межеванія и домашнихъ счетовъ, грозящихъ банкротствомъ. Хозяйство деревенское пріятно, но удовольствія его отравляются здѣсь климатомъ, дѣлами и безнравственностію низшаго класса. Последняя, особенно между татарами, дошла до ужасной степени. Одинъ проказникъ счелъ, что въ какомъ-то уѣздѣ украдено въ годъ болѣе лошадей, нежели сколько ихъ тамъ находится: они всѣ были перекрашены, а одна и та же лошадь была украдена нѣсколько разъ.

Какъ ни грустно мнѣ жить здѣсь, но я рѣшился не выѣзжать отсюда до окончанія межеванія и другихъ дѣлъ моихъ. Имъ посвящу все лѣто, а осенью ивлюсь къ вамъ и постараюсь сдѣлаться одесситомъ. До тѣхъ поръ мнѣ должно терпѣть и покоряться высшей волѣ, назначающей каждому изъ насъ свое мѣсто и свое дѣло.

Илишнимъ считаю описывать вамъ, какъ огорчило меня извѣстіе о смѣтѣ Левшина. Сердечно жалѣю о немъ, какъ человѣкъ его уважающій, и какъ ревностный любитель Одессы. Переворотъ въ судьбѣ А. И. долженъ заставить задуматься искателей почестей, надѣющихся на постоянство своего счастья. Я тогда только соглашусь, что деньги и мѣсто составляютъ существенное благополучіе человѣка, когда отыщутъ средства обезопасить ихъ отъ всякихъ потерь, когда не будетъ всегдашней возможности быстрого перехода отъ богатства къ нищетѣ. Нѣтъ наслажденія подъ мечомъ Дамоклеса.

Покорнѣйше прошу васъ засвидѣтельствовать мое сердечное почтеніе А. С. Стурдзѣ, графу и графинѣ Эдлингъ, Николаю Григорьевичу, Подольскому Ильѣ Михайловичу и Петру Федоровичу покорнѣйше прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ.

Зная вашу охоту къ журналамъ, посылаю для рѣдкости № нашихъ «Губернскихъ Вѣдомостей».

Съ нетерпѣніемъ ожидаю «Новороссійскаго календаря» на 1838 г. Много ли выручилъ Юхневичъ? Сладили-ли съ новымъ форматомъ, какой, говорятъ, далъ нашему мясочетову? Не приходилось ли П. Ф. часто кричать: «колоти больше солнце, тѣсни луну, подвижь вѣсы подалѣе отъ магистрата и проч.»

Я хотѣлъ непременно писать сегодня къ А. О., но вижу, что глаза мои этого не позволяютъ: письмо къ вамъ ихъ совершенно утомило. Навишу къ нашему вице-президенту на слѣдующей почтѣ.

Отъ всего сердца поздравляю васъ съ праздникомъ Пасхи. Жена моя благодарить васъ за память. Если хотите много одолжить меня, то пишите ко мнѣ о себѣ вь объ Одессѣ. Весь вашъ П. Морозовъ.

P. S. Письма ко мнѣ лучше отправлять чрезъ Москву на имя Егора Ивановича Миндлерера въ импер. почтамтѣ. Въ пакетъ подъ этимъ адресомъ должно вложить письмо на мое имя въ Саранскъ.

Что стало съ нашими листками? я бы желалъ получить ихъ хотя за прошлый годъ по праву секретарства. Вы весьма одолжите меня, прибавивъ сохранить до моего возвращенія въ типографіи мою бумагу и отпечатанные листы метеорологическаго календаря. — Не нужно ли вамъ чего съ здѣшней хрустальной фабрики? Располагайте мною, какъ угодно. Совѣтую вамъ на будущее новоселье заказать хрустальныя ручки къ дверямъ.

2-ое P. S. Неизвѣстно ли вамъ, какъ принялъ графъ М. С. (Воронцовъ) письмо мое съ отказомъ отъ прокурорства.

4.

11-го февраля 1841 г. с. Панцировка.

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ, маленькую статейку, которая, въ случаѣ недостатка фельетонныхъ бездѣлокъ, можетъ пойти въ дѣло. Прислалъ бы что-нибудь лучшее, но главная болязнь мѣшала мнѣ зимою писать. Постараюсь весною быть трудолюбивѣе. Когда отзоветесь вы изъ Одессы отвѣтомъ на мои письма? Я давно писалъ къ вамъ. Потрудитесь увѣдомить меня, отчего не выходить послѣдніе № № прибавленій къ листкамъ за 1840 годъ? Я оставилъ на нихъ деньги, бумагу и указанія на статьи. Окажите содѣйствіе къ ихъ появленію. Вѣрно П. Θ. Францовъ и Журавскій не захотятъ измѣнить своему слову и еще менѣе сдѣлать мнѣ большую непріятность. Мнѣ также очень хочется, чтобы сохранился мой метеорологическій календарь: я его кончу непремѣнно въ нынѣшнемъ году. Для этой книжки и для земледѣльческой статистики Херсонской губерніи я къ томъ побываю въ Одессѣ. Совѣстно не кончить начатаго и обѣщаннаго. Что новаго въ Одессѣ, при дворѣ и въ городѣ? Я знаю только, что вы лишились пароходовъ и приобрѣли книжную лавку, много обещающую, да французскій водевиль, да императорскій титулъ для общества сельскаго хозяйства. Болѣе ничего не знаю. Просвѣтите меня. Жизнь Одессы во всѣхъ ея видахъ очень занимательна для меня, потому что съ ней сливаются мои лучшія воспоминанія. Я провожу время очень

пріятно между книгами и хозяйствомъ. Приближеніе вески восхищаетъ насъ, полугодичныхъ затворниковъ. Вчера въ первый разъ таяло, и мы не могли нарадоваться первымъ каплямъ воды, упавшимъ съ кровель послѣ ноября. Теперь здѣсь все суетится, желая воспользоваться послѣдними днями снѣжной навигаціи: вездѣ видны огромные обозы, везущіе хлѣбъ и сало къ пристанямъ для отправки въ балтійскіе порты.

Читали ли вы 1-й № «Москвитянина»?—плохо. Нѣтъ, видно литература навсегда оставила древнюю столицу. Парижъ не придалъ аттицизма языку Погодина. «Творецъ черной немочи» помнитъ свои любимыя выраженія. Прочтите его путешествіе въ 1-мъ № «Москвитянина». Въ палатѣ депутатовъ онъ видитъ прихвостниковъ, въ Пале-роялѣ — вискѣльниковъ. Право, не выдумываю. Для дополненія своего словаря ему не достаетъ только любимаго его стараго эпитета сиволапый, который онъ въ принадлежѣ «Черной немочи», придаетъ самой Тальони.

На предлагаемыя при семъ 5 р. покорнѣйше прошу прислать мнѣ «Новороссійскій Календарь» на 1841 годъ.

Будьте здоровы и не забывайте старыхъ друзей. Николаю Григорьевичу мой сердечный поклонъ.

5.

31-го декабря 1841 года.

Почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ!

Много виновать передъ вами, что до сихъ поръ не писалъ къ вамъ. Трехъ-недѣльная болѣзнь, поѣздки и разныя хлопоты лишили меня этого удовольствія, надѣюсь, что вы будете снисходительны къ вигѣ непрозвольной и не заплатите за нее умышленнымъ безможемъ. Мы въ послѣднее время такъ рѣдко видались въ Одессѣ, что сильно чувствуешь потребность вознаграждать потерю сообщеній на живомъ языкѣ сообщеніями письменными.

Я прѣѣхалъ въ свою деревню 1-го ноября. Около мѣсяца продолжалось мое странствіе по 5-му элементу ¹⁾ св. Руси. Живо представлялъ я себѣ первобытныя времена Одессы, когда жидовъ постигала на базарахъ казнь Дафана и Авирона, волю вытаскивали экипажи, а вмѣсто колошъ употреблялись ходули. Былъ одинъ день, въ который, ѣхавши днемъ и ночью, я сдѣлалъ только 17 верстъ. И теперь ужасно подумать. Не странно ли, что при подобномъ состояніи нашихъ сообщеній,

¹⁾ Т. е. по грязи.

мы тратимъ свои капиталы на пряденіе египетской бумаги, тканье шелка и выдѣлываніе сахара.

Въ деревнѣ я не скучаю: хозяйство занимаетъ половину моего времени. Остальною половиною дѣлюсь съ сосѣдями и журналами. Последнихъ у насъ болѣе чѣмъ въ одесскомъ клубѣ. Мы (т. е. и сосѣди) выписали всѣ періодическія изданія, какія выходятъ на Руси, и болѣешую часть входящихъ въ нее изъ западной Европы. Посѣщеніямъ деревенскимъ мы придали правильность: собираемся по воскресеньямъ, а въ прочіе дни оставляемъ другъ друга въ покой. На этихъ собраніяхъ утромъ читаютъ, а вечеромъ играютъ въ карты и танцуютъ. Вы видите, что вездѣ находятся средства употребить небольшую часть времени и убить остальную, вездѣ находится вещество для пломбировапія нашей внутренней пустоты, которая непрерывно растворяется и мучаетъ насъ.

Чтеніе журналовъ теперь не совсѣмъ отрадно, политика наводитъ на меня грусть. Что за безуміе обуяло Западъ поддерживать всѣми силами магометанство и варварство въ лицѣ Турецкой имперіи? Существованіе этой имперіи такъ же нужно для равновѣсія властей европейскихъ, какъ существованіе члена, пораженнаго антоновымъ огнемъ, нужно для равновѣсія силъ въ организмѣ. Она *hors-d'oeuvre* въ просвѣщенномъ и христіанскомъ мѣрѣ. Лучшая часть Европы лишена возможности развити свои вещественныя пособія и умственные способности и отъ чего?—отъ низкой зависти къ Россіи, отъ страха ея силы. Страхъ вовсе не основательный, потому что для насъ наступилъ теперь періодъ внутренняго образованія, а не завоеваній. При томъ же умѣренность нашей внѣшней политики служитъ сильнымъ ручательствомъ въ благоразумномъ употребленіи силъ нашихъ. Чѣмъ болѣе стараются разрѣшить Восточный вопросъ, тѣмъ онъ становится запутаннѣе. Не ближе ли всего обратиться къ праву законному, границу, проведенную отъ Арты до Вою, перебросить за Константинополь и возстановить Восточную имперію. Тогда Востокъ оживится и принесетъ богатую дань человечеству. По моему мнѣнію, это единственное средство рѣшить Восточный вопросъ прочнымъ и справедливымъ образомъ. Другое рѣшеніе—отдача Константинополя Россіи. Подобно уравниванію 2-й степени, вопросъ принимаетъ только два рѣшенія, всѣ прочія—мнимыя количества.

Если присылка ко мнѣ «Одесскаго Вѣстника» и «*Journal d'Odessa*» не сдѣлаетъ разстройства въ вашихъ расчетахъ, то этою присылкою много меня одолжите. Я буду за то вашимъ сотрудникомъ усерднымъ. Петръ Федоровичъ уплатить за пересылку изъ находящихся у него монхъ денегъ.

Примите сердечное поздравленіе съ новымъ годомъ и передайте

то же поздравленіе почтеннѣйшему Николаю Григорьевичу. Отъ души желаю вамъ встрѣтить его радостно.

Что у васъ новаго? я очень отсталъ отъ хода одесскихъ происшествій и потому буду очень благодаренъ вамъ за всѣ вѣсти.

P. S. Что дѣлаетъ Журавскій? я пришлю къ нему скоро конецъ «Метеорологическаго календаря» для изданія по условію.

Потрудитесь узнать, получила ли графиня Шуазель мое письмо о дѣлахъ ея и довольна ли свѣдѣніями, ей сообщенными.

6.

29-го декабря 1842 г. С. Панцыревка, близъ г. Саранска.

Милостивый государь, Александръ Григорьевичъ!

Спѣшу послать вамъ деньги, слѣдующія за отправленіе «Одесскаго Вѣстника» въ 1843 году. Дѣлаю это въ надеждѣ на продолженіе присылки вашего прекраснаго журнала, который приносятъ мнѣ много удовольствія.

Я сейчасъ только возвратился съ дворянскихъ выборовъ и усталъ до крайности. Меня выбрали, по неволѣ разумѣется, предводителемъ дворянства и почетнымъ попечителемъ гимназій.

Примите сердечное поздравленіе съ новымъ годомъ, соединенное съ желаніемъ всѣхъ благъ и успѣховъ. Передайте это поздравленіе почтенному брату вашему и всѣмъ моимъ добрымъ знакомымъ. Весною я думаю быть въ Одессѣ. Весь вашъ П. Морозовъ.

P. S. Ваши литераторы обижаютъ меня. Скальковскій въ «Сынѣ Отечества» призналъ меня невиннымъ въ изданіи «Одесскаго Альманаха»; «главнымъ виновникомъ «Альманаха», по словамъ знаменитаго исторіографа степей, былъ Розбергъ».—Сokolovъ пишетъ, что въ моемъ календарѣ не было системы, да по какой же системѣ издается теперешній календарь? разумѣется, по моей. Сдѣланы прибавки, но форма осталась та же. Понятно, что говорить такимъ образомъ могутъ люди, ищущіе хлѣба насущнаго въ Ришельевскомъ лицей, но людямъ независимымъ, какъ Григорій Ивановичъ, это не извинительно. Вмѣстѣ съ деньгами на пересылку «Одесскаго Вѣстника», посылаю 1 руб. серебромъ, на «Новороссійскій календарь», присылкою котораго премного меня одолжите. Всего же посылаю 10 руб. асс. и 1 р. 50 к. сер. на «Вѣстникъ», а остальное на покупку и пересылку календаря.

7.

1-го января 1843 г.

Милостивый государь Александръ Григорьевичъ!

Посылаю вамъ брошюрку мою подъ заглавiемъ: «Борьба язычества и христіанства». Мнѣ прiятно надѣяться, что вы примите ее съ дружескою снисходительностію и вспомните о нашихъ прежнихъ философскихъ бесѣдахъ на берегахъ Чернаго моря. Я всегда останавливаюсь мыслию съ искреннимъ удовольствiемъ на этихъ минутахъ прошлаго.

Статья моя, послѣ полученiя ея отъ васъ, испытала много бѣдствiй. Свѣтская цензура послала «Борьбу христіанства» въ духовную цензуру. Здѣсь сдѣлано было 19 вопросовъ, возникшихъ отъ недоумѣнія и отъ дурной корректуры. Не имѣя времени отвѣчать, я рѣшился выпустить всѣ спорныя мѣста, отъ чего статья много потеряла.

За цензурными несприятностями послѣдовали ошибки заглавной корректуры, которая въ «Москвитиниѣ» держится съ большою небрежностію. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто «Зенона», поставили «з а к о н а». Наконецъ явилась бессмысленная критика «Отечественныхъ Записокъ», приходившихъ въ бѣшенство отъ всего отечественнаго и религіознаго. Таковы были обстоятельства, сопровождавшiя появленіе статьи моей! Въ замѣнъ имъ я получалъ нѣсколько утѣшительныхъ отзыовъ отъ людей, стоявшихъ высоко въ умственномъ и общественномъ отношенiяхъ.

Я писалъ по убѣжденію, которое во мнѣ съ каждымъ днемъ болѣе увеличивается. Борьба христіанства и язычества дѣйствительно продолжается съ ожесточенiемъ. Можно ли было счесть ее конченною послѣ публичнаго идолопоклонства, существовавшаго во Франціи во время революціи, послѣ низверженiя крестовъ и церквей парижскихъ, сброшенныхъ при Людовикѣ-Филиппѣ и не возстановленныхъ, послѣ книгъ, подобныхъ книгѣ Мишле («La femme», «Le prêtre», «La famille»)? Нѣтъ, эта борьба продолжается, и всѣ принимаютъ въ ней участіе, по словамъ Спасителя, не допускающимъ въ дѣлѣ истины нейтральности: «кто не со Мною, тотъ противъ Меня». Русскимъ ученымъ должно бросить свой умственный мечъ на вѣсы, на которыхъ опредѣляются теперь судьбы просвѣщенiя, и доказать соединеніе великихъ началъ благоденствiя — соединеніе «вѣры въ разумъ», о которомъ молится ежедневно наша церковь. Повѣрьте, что людямъ не достаетъ теперь мира сердечнаго, а не благъ вещественныхъ. Послѣднихъ много, но эгоизмъ, который можетъ быть побѣжденъ однимъ христіанствомъ, не позволяетъ имъ распредѣляться справедливо и уравнительно.

Мнѣ прiятно будетъ видѣть въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» отзывъ о

моей брошюркѣ. Скажите ваше мнѣніе откровенно — я не разсержусь. Рецензія эта не будетъ лишней статью въ вашемъ журналѣ, потому что я принадлежу къ одесскимъ литераторамъ.

Прилагаемые при семъ экземпляры покорнѣйше прошу васъ принять трудъ раздать по надписямъ. Напишите мнѣ объ Одессѣ и общихъ знакомыхъ. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ при душевномъ желаніи всѣхъ благъ.

Адресъ мой прежній: въ Саранскъ, Пензенской губерніи. Я живу по-прежнему частію въ деревнѣ, частію въ Пензѣ между хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей и книгами.

Преданнѣйшій вамъ на всегда П. Морозовъ.

P. S. Прилагаю при семъ деньги на пересылку «Одесскаго Вѣстника» въ 1846 г. Петру Федоровичу мой усерднѣйшій поклонъ.

Сообщилъ Г. А. Тройницкій.

Всеподдантѣйшее письмо графа П. Д. Киселева.

Парижъ 6 мая 1865 г. ¹⁾

Государь, позвольте старому слугѣ раздѣлить чувства глубокой скорби, омрачившей нынѣ Россію ²⁾. Испытаніе, ниспосланное вамъ Провидѣніемъ, какъ отцу и монарху, не доступно утѣшенію, которое я и не позволю себѣ высказать и которое вы найдете въ любви и признательности милліона вашихъ подданныхъ, умѣющихъ какъ должно цѣнить безсмертный актъ ихъ возрожденія, дарованный высочайшей волею монарха и христіанина.

Всѣми силами души желаю нашей августѣйшей и всемилостивѣйшей монархинѣ бодрости духа и покорности волѣ Провидѣнія. Я имѣлъ только однажды честь и счастье удостоиться бесѣды съ тѣмъ, кого Господь призвалъ нынѣ къ Себѣ, но и этого достаточно, чтобы понять, что скорбь, вызванная этимъ несчастьемъ во всѣхъ классахъ общества, должна быть всеобщей.

Да благословить Господь счастливыя начинанія вашего царствованія; живя и вдали отъ родины, я буду до послѣдняго дня жизни, мысленно слѣдить за начатыми преобразованіями, которыя поведутъ къ славіи и преуспѣванію моего отечества.

Честь имѣю быть, вашего императорскаго величества всекорнѣйшій слуга и вѣрноподанный.

К.

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ По случаю кончины Наслѣдника цесаревича Николая Александровича.

«РАЗГОВОРЪ ВЪ ТРИАНОНѢ».

Въ лондонскомъ изданіи «Русская потаенная литература XIX столѣтія» (Отд. первый. Стихотворенія. Часть первая съ предисловіемъ Н. Огарева. Trübner and Co. 1861) на стр. 332—339 напечатано безъ обозначенія автора и года стихотвореніе «Вечеръ въ ТрианонѢ»; напечатано оно по рукописи, столь не-исправной, что во многихъ мѣстахъ оказывается лишеннымъ смысла. Въ Румянцевскомъ Музеѣ въ папкѣ 1034, между бумагами П. Я. Чаадаева хранится небольшая тетрадка, представляющая современный и болѣе исправный списокъ того-же стихотворенія подъ заглавіемъ: «Разговоръ въ ТрианонѢ». Сочиненіе К. К. Павловой 1848 г. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ вѣрности этого заглавія, такъ какъ содержаніе пьесы вполне подходитъ къ событіямъ 1848 г. и такъ какъ извѣстная московская писательница Каролина Карловна Павлова любила выражать свои мысли и чувства въ подобной формѣ¹⁾. Чаадаевскій списокъ тоже заключаетъ въ себѣ нѣсколько недосмотровъ, но несравненно меньше и менѣе тяжелыхъ; онъ подѣленъ на шести-строчныя строфы, и въ немъ есть строфа, явно пропущенная въ изданіи.

Вотъ текстъ по чаадаевскому списку съ разночтеніями по изданію; мы исправляемъ только интерпункцію и кое-гдѣ орфографію.

Ночь глѣткою смѣняло утро.
Отливомъ блѣднымъ перламутра
Востокъ во мракѣ просіялъ,²⁾
Погасъ³⁾ рой звѣздъ на небосклонѣ.

¹⁾ См. ея „Разговоръ въ Кремлѣ“ 1864 г. Что заглавіе Вечеръ въ ТрианонѢ—ошибка переписчика, явствуетъ уже изъ первыхъ строкъ поэмы: дѣйствіе ея происходитъ въ концѣ ночи, на зарѣ. ²⁾ Изд. Засіялъ ³⁾ Изд. Угасъ.

Не унимался въ Трианонѣ
 Веселый шумъ, и дивился балъ.
 И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ
 Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ
 Живые шопоты неслись,
 И въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
 Гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ
 Толпы напудренныхъ маркинь.

Но гдѣ въ глубь, сквозь зелень парка,
 Огни не такъ сверкали ¹⁾ ярко,
 Шли, избѣгая шумныхъ встрѣчь,
 Въ тотъ часъ подъ липами густыми
 Два гостя тихо, и межъ ними
 Иная продолжалась рѣчь.

Не походили другъ на друга
 Они: одинъ былъ сыномъ юга,
 По виду страстный человѣкъ: ²⁾
 Высокій станъ, какъ шпага, глубокий,
 Уста съ холодною улыбкой,
 Взоръ мѣткій изъ-подъ быстрыхъ вѣкъ.

Другой, рабой и безобразный,
 Казался чуждъ толпѣ той правдой,
 Хоть съ ней мѣшался ³⁾ не впервой,
 И шедши, полонъ думой злою,
 Съ повадкой ⁴⁾ львиной онъ порою
 Качалъ огромной головой.

Онъ говорилъ: «Приходить время!
 Пусть гѣшится слѣпое ⁵⁾ племя;
 Внезапно, средь его утѣхъ,
 Прогрянетъ черни ревъ голодной, ⁶⁾
 И предъ анаемой народной
 Замолкнетъ наглый этотъ смѣхъ!»

— Да, молвилъ тотъ: всегда такъ было.
 Влечетъ ихъ ⁷⁾ роковая сила;
 Свой старшій долгъ они спѣшатъ
 Довести до страшнаго итога.
 Онъ выщется спола и строго,
 И близкокъ тяжкій день уплатъ.

Свергая древнiе законы,
 Народа ⁸⁾ встануть миллионы...
 Кровавый наступаетъ срокъ!
 Но мнѣ навѣстны ⁹⁾ бури эти,
 И четырехъ тысячелѣтій
 Я помню горестный урокъ.

И внившiаго поколѣнья
 Утихнутъ ¹⁰⁾ грозна броженья!

¹⁾ Изд. блестяли. ²⁾ Изд. П о в с ю д у с т р а н н ы й ч е л о в ѣ к ѣ . ³⁾ Изд. встрѣчался
⁴⁾ Изд. походкой. ⁵⁾ Изд. младое. ⁶⁾ Прогрянетъ черни вошь голодной. ⁷⁾
⁸⁾ Изд. насъ. ⁹⁾ Изд. Народовъ. ¹⁰⁾ Изд. знакомы. ¹¹⁾ Изд. Затихнутъ.

Людской толпѣ, повѣрьте, графъ,
 Опять понадобятся узы,
 И бросать эти же французы
 Наслѣдство вырученинхъ ¹⁾ правъ.

— Нѣтъ, не сойдусь я въ этомъ съ вами!
 Воскликнулъ ²⁾ графъ, сверкнувъ глазами ³⁾.
 Нѣтъ! Жи не вѣчно торжество!
 Я, смѣль скептическаго вѣка,
 Я твердо вѣрю въ человѣка,
 И не боюсь за него. ⁴⁾

Народъ окривнеть для свободы;
 Соерить медленнее виходи;
 Дождется новыхъ оныхъ началъ!
 Вѣка считая скорбнымъ счетомъ,
 Свою кровью оныхъ и нѣтомъ
 Не даромъ почву ⁵⁾ утучнилъ!

Умоливъ ⁶⁾ оныхъ, вернувъ смиренъ тщетнымъ;
 А тотъ улыбкой чуть замѣтной
 На страстную отвѣтилъ рѣчь;
 Потомъ, взглянувъ на графа остро,
 — Нельзя, сказалъ оныхъ, Калиостро
 Словами громкими увлечь.

Своей не терпишь ты неволи,
 Свои ты вспоминаешь ⁷⁾ боли,
 И противъ жизненнаго зла
 Идешь съ нестрашимымъ жаромъ.
 Въ себя ты вѣришь—и не даромъ—
 Графъ Мирабо, въ свои дѣла.

Ты знаешь, что въ тебѣ есть сила,
 Какъ путеводное свѣтило,
 Встать ⁸⁾ среди гражданскихъ непогодъ,
 Что въ увлечень ⁹⁾, вѣчно юномъ,
 Своимъ любимцемъ и трибуномъ
 Провозгласить тебя народъ.

Да! И похдетъ оныхъ за тобою,
 И кости оныхъ твои съ мольбою
 Внесеть, быть можетъ, въ Пантеонъ,
 И ¹⁰⁾ новымъ оныхъ ¹¹⁾ усилкомъ,
 Съ прокладеньемъ, можетъ быть, и смѣхомъ
 По вѣтру ихъ размететь ¹²⁾ оны!

Всегда въ его тревогѣ страстной
 Являлся, вслѣдъ за мыслью ясной,
 Слѣпой и диллй прозвольтъ.
 Всегда любовь его бесплодна;

¹⁾ Иад. выстрадавшихъ (лучшее чтеніе). ²⁾ Иад. примолвилъ. ³⁾ Иад. очами. ⁴⁾ Иад. Я смѣль скептическаго вѣка, Но твердо вѣрю въ человѣка И не боюсь я за него (лучшее чтеніе). ⁵⁾ Иад. землю. ⁶⁾ Иад. Замолокъ ⁷⁾ Рук. вспомнишь; иад. ненавидишь. ⁸⁾ Иад. Жить. ⁹⁾ Иад. во увлечень. ¹⁰⁾ Иад.—А. ¹¹⁾ Можетъ быть: оныхъ и вѣтъ? Рук. оныхъ. ¹²⁾ Иад. развѣсть.

Всегда онъ былъ поочередно
 Иль лютый тигръ, иль смиренный волъ.
 Толпу я знаю не отишнѣ;
 Шелъ съ Моисеемъ я въ пустынѣ;
 Покуда онъ, моля Творца,
 Народу несъ скряжалъ закона,
 Народъ кричалъ ¹⁾ вокругъ Аарона
 И лилъ въ безуміи тельца.
 Я видѣлъ грознаго ²⁾ пророка,
 Какъ онъ, разбивъ кумиръ порока,
 Сталъ средь тренещущихъ людей
 И повелѣлъ имъ, половъ гнѣва,
 Направо рѣзать и налѣво
 Отцовъ, и братьевъ, ³⁾ и дѣтей.
 Я въ циркѣ зрѣлъ забавы Рима,
 На встрѣчу гибели шелъ мимо
 Рабовъ поворныхъ ⁴⁾ длинный строй,
 Всемирной кланяясь державѣ,
 И громкое звучало Ave
 Передъ несмѣтною толпой.
 Стоялъ жрецомъ я Аполлона
 Вблизи у Кесарева трона.
 Сливались клики въ буйный хоръ.
 Я тѣтно ждалъ ⁵⁾ пощады знака,
 И умирающаго Дака
 Я взоромъ встрѣтилъ грустный взоръ ⁶⁾
 Я былъ въ далекой Галилеѣ,
 Я видѣлъ; какъ сошлись евреи
 Судить Мессію своего.
 Въ награду за слова спасенья
 Я слышала воли вступленья: ⁷⁾
 „Распи Его! Распи Его!“
 Стоялъ величественъ и нѣмъ Онъ,
 Когда блѣднѣвшій игемонъ
 Спросилъ у черни, оробѣвъ:
 — «Кого-жъ ⁸⁾ пушу вамъ по уставу?»
 — «Пусти разбойника Варавву!
 Выгрѣшилъ ⁹⁾ толпу безумной ревъ.
 Я видѣлъ ¹⁰⁾ праздники Нерона.
 Одѣтъ въ броню центуріона, ¹¹⁾
 День памятный провелъ я съ нимъ.
 Ему вино ляла Помпел ¹²⁾.
 Онъ пѣлъ стихи въ хвалу Энея, ¹³⁾
 И былъ кругомъ зажженный Римъ.

¹⁾ Изд. плясалъ. ²⁾ Изд. гнѣвнаго. ³⁾ Изд. братьевъ. ⁴⁾ Изд. послуш-
 ныхъ. ⁵⁾ Въ рук. лавная описка: зналъ. ⁶⁾ Этихъ 6 стиховъ въ изд. нѣтъ.
⁷⁾ Изд. преступленья. ⁸⁾ Изд. Кого. ⁹⁾ Изд. Гремѣлъ. ¹⁰⁾ Изд. Помни. ¹¹⁾ Изд.
 Одѣтъ броней центуріона. ¹²⁾ Изд. Помпел. ¹³⁾ Изд. Онъ нѣлъ въ стихахъ
 хвалу Энея.

Смотрѣлъ я на бѣду народа:
 Безъ силъ искать себѣ исхода,
 Съ тучамъ желавіемъ конца,
 Ложась ¹⁾ средь огненнаго града,
 Людское умирало стадо

Въ глазахъ безпечнаго гѣвца.

Прошли вѣка надъ этимъ Римомъ.
 Опять я прибылъ пилигримомъ
 Къ вратамъ, знакомымъ съ давнихъ поръ.
 На площади былъ шумъ великій:
 Выходилъ, къ веселью черни дикой,
 Ея заступникъ ²⁾ на костеръ!

И горькихъ ³⁾ встрѣтъ я помню много

Была и адѣсь моя дорога;
 Я помню, какъ сбылось при мнѣ
 Убіеніе алое войновъ храма,
 Весь этотъ судъ грѣха и срама.
 Я помню гимны ихъ въ огнѣ.

Сто лѣтъ потомъ ⁴⁾ стоалъ я снова

Въ Руанѣ у костра другого.

Поворно ⁵⁾ умереть на немъ

Шла изъавительнаца края,

И, бѣшено ее ругая,

Народъ опять ревалъ кругомъ.

Она шла тихо, безъ боязни,
 Не содрагаясь, къ мѣсту казни,
 Среди проклятій безъ числа,
 И разъ, при врывѣ алаго гула ⁶⁾,
 На свой народъ она взглянула,
 Главою понизла и прошла!

Я прожилъ ночь Варсоломея:

Черезъ груды ⁷⁾ труповъ, свирѣпѣя,

Неслась толпа ⁸⁾ передо мной.

И, новому предлогу рада,

Съ рыканьемъ авѣрскимъ, до упада

Безумной ⁹⁾ тѣшилаась рѣней.

Узналъ я ¹⁰⁾ вопли черни жадной!

Въ ея побѣдѣ безпощадной

Я вновь увидѣлъ ¹¹⁾ большинство!

При мнѣ ватага угощала

Другъ друга мясомъ Адмирала

И сердце жарила его!

И въ Англии провелъ я годы.

Во имя вѣры и свободы,

¹⁾ Иад. Ложась. ²⁾ Иад. защитникъ. ³⁾ Иад. грустныхъ. ⁴⁾ Иад. спустя.
⁵⁾ Иад. Спокойно. ⁶⁾ И только разъ при врывѣ гула. ⁷⁾ Иад. По грудамъ.
⁸⁾ Иад. Толпа неслась. ⁹⁾ Иад. Свирѣпой. ¹⁰⁾ Иад. Я слышала. ¹¹⁾ Иад. Опять
 я видѣлъ.

Я видѣлъ, какъ игралъ Кромвель
 Всевластно массою слѣпою,
 И смѣлой ухватилъ¹⁾ рукою
 Свою достигнутую цѣль.

Я видѣлъ этотъ споръ кровавый
 И судъ народа надъ державой.
 Я видѣлъ плаху короля!
 И гдѣ отецъ погибъ напрасно,
 Сидѣлъ я съ сыномъ безопасно,
 Развратный пиръ его дѣля.

И этотъ вѣкъ стоитъ готовый
 Къ перевороту²⁾ бури новой,
 И грозный плодъ его соврѣлъ.
 И много здѣсь опоръ³⁾ разбитыхъ,
 И тщетныхъ жертвъ, и силъ сердитыхъ,
 И темныхъ пронесется дѣлъ.

И дѣву, можетъ быть, иную,
 Карая доблесть въ ней святую,
 Присудить къ смерти грѣшный⁴⁾ судъ,
 И, за свои сразившись вѣры,
 Иные, можетъ, тамплиеры
 Своей гниль на плахахъ⁵⁾ запюють.

И вашимъ внукамъ расскажу я,
 Что, воставая и враждуя,
 Вы обрѣли въ своей борьбѣ;
 Къ чему васъ привела свобода,
 И какъ отъ этого народа
 Пришлось отречься и тебѣ.

Онъ замолчалъ.—И⁶⁾ вдоль востока
 Лучи зари, блеснувъ широко,
 Свѣтлѣй всходили и свѣтлѣй.
 Вглянуль, въ опроверженъе рѣчи,
 На солнца яснѣе⁷⁾ предтечи
 Надменно будущій плебей.

Объятій мыслью⁸⁾ роковою,
 Махнулъ онъ дерзко⁹⁾ головою,
 И оба молча разошлись.

А въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
 Гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ
 Толпы напудренныхъ маркизъ.

Списавъ вышеприведенный текстъ, я нашелъ въ X книгѣ почтеннаго труда Н. П. Барсукова нѣсколько строкъ, относящихся къ этому

¹⁾ Изд. И смѣлою схватилъ. ²⁾ Изд. переворотамъ. ³⁾ Изд. опоръ. ⁴⁾ Изд. грозный. ⁵⁾ Изд. на плахѣ. ⁶⁾ Изд.—А. ⁷⁾ Изд. Яснаго. ⁸⁾ Изд. И полонъ душой. ⁹⁾ Изд. Трахнулъ огромной головою.

же стихотворенію. На стр. 311—2 Н. П. Барсуковъ сообщаетъ письмо Погодина къ К. К. Павловой (23 ноября 1849 г.) съ просьбою дать что нибудь для Альманаха «Москвитянина». За Павлову, по ея порученію, отвѣчаетъ мужъ ея: «Есть у нея ея лучшее стихотвореніе, и она готова напечатать его въ вашемъ Альманахѣ, но что скажетъ цензура и не будетъ ли неприятности автору? Хотя пьеса и совершенно въ духѣ законномъ и написана съ доброй цѣлю, но какъ знать? Это Разговоръ въ Трианонѣ. Если желаете, то я немедленно пришлю».

Изъ приводимаго ниже письма цензора В. Н. Ленкова къ Погодину, вѣроятно отъ начала 1850 г.¹⁾ видно, что Погодинъ пожелалъ пріобрѣсти Разговоръ въ Трианонѣ, и онъ былъ представленъ имъ въ цензуру; но страхъ Н. Ф. Павлова былъ не безъ основательнъ: одобренія онъ не удостоился, да еще оставилъ по себѣ дурную память въ умѣ снисходительнѣйшаго изъ московскихъ цензоровъ.

Въ настоящее время одинаково трудно усмотрѣть въ этомъ стихотвореніи и опасныя мысли и выдающееся художественное достоинство. Какъ искать послѣдняго тамъ, гдѣ русскій языкъ подвергается такимъ насилиямъ? Единственная его хорошая сторона (по мимо придуманнаго содержанія)—богатыя и звучныя рѣмы, которыми всегда щеголяла Каролина Павлова и за которыя, не безъ отгѣнка ироніи, расхваливаетъ ее С. П. Шевыревъ.²⁾

Сообщилъ А. Кирпичниковъ.

¹⁾ Къ сожалѣнію, Н. П. Барсуковъ не обозначилъ даты; о 1850 г. можно заключить по тому, что Сценъ изъ Прометейя, о которыхъ говоритъ Ленковъ, напечатаны во II т. (стр. 153) „Москвитянина“ за этотъ годъ.

²⁾ Н. П. Барсуковъ см. стр. 331.

Замѣтка объ участіи Нижегородской семинаріи въ комплектованіи перваго курса Московскаго университета въ 1755 году.

12-го января 1755 года, императрица Елисавета Петровна утвердила проектъ объ основаніи Московскаго университета, первымъ кураторомъ котораго тогда же былъ назначенъ Шуваловъ, а директоромъ Аргамаковъ. Университетъ раздѣленъ былъ на три факультета: юридическій, медицинскій и философскій.

Для юридическаго и философскаго факультетовъ слушатели-студенты на первый разъ нашлись въ семьяхъ дворянъ, въ великомъ числѣ въ Москвѣ живущихъ, у которыхъ дѣти доселѣ учились у разныхъ парикмахеровъ, лакеевъ и подобныхъ имъ педагоговъ изъ иностранцевъ (по Шевыреву); но для медицинскаго факультета, гдѣ на первомъ планѣ стояла латынь, — подходящихъ лицъ въ семьяхъ дворянъ не обрѣталось. Тогда учреждающійся университетъ, рѣшилъ искать студентовъ для медицинскаго факультета въ семинаріяхъ: Новгородской, Александро-Невской, Троицкой-Лаврской и Законоспасской Славяно-Греко-Латинской академіи, и просилъ Святѣйшій Синодъ: «неудобно ли будетъ ему изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ достойныхъ учениковъ для скорѣйшихъ и полезнѣйшихъ успѣховъ императорскаго Московскаго университета уволить, сколько разсудитъ изволить».

Такъ какъ при учрежденіи Московскаго университета постановка богословскихъ наукъ въ немъ и назначеніе профессора богословія предоставлены были попеченію и вѣдѣнію Святѣйшаго Синода, то учрежденный университетъ, испрашивая у Синода воспитанниковъ славяно-латинскихъ школъ для медицинскаго факультета, одновременно съ этимъ просилъ у него «опредѣленія одного ученаго священника для наставленія студентовъ въ Законѣ (Божіемъ) и для истолкованія имъ катихизиса».

Засѣданіе Святѣйшаго Синода по вопросу объ удовлетвореніи просьбы Московскаго университета происходило въ концѣ апрѣля 1755 года; въ засѣданіи этомъ принималъ личное участіе и директоръ университета Алексѣй Аргамаковъ, который давалъ Синоду словесныя объясненія по содержанію официальнаго университетскаго «доношенія». Такъ, Аргамаковъ сообщалъ, что «университетъ имѣеть быть въ Москвѣ въ Китаѣ-городѣ, гдѣ прежде сего была аптека; что учениковъ изъ славяно-латинскихъ школъ для университета на первый разъ потребно до 30, а по нуждѣ и до 20; что проѣздъ тѣхъ учениковъ до Москвы, какъ и со-

держаніе ихъ тамъ и жалованье имъ будетъ отъ университета неоскудное, какъ и духовной персонѣ, кто для истолкованія катихизиса опредѣлится, жалованье имѣеть быть довольное».

Синодъ постановилъ: «по требованію императорскаго Московскаго университета для надлежащаго во оный университетъ опредѣленія выслать въ Москву изъ обучающихся нинѣ (1755 г.) въ Нижегородской семинаріи реторіей и философіи двухъ человѣкъ, житія и состоянія добраго и къ наукамъ понятныхъ и способныхъ и изъ непосвященныхъ въ стихара».

Въ силу этого постановленія преосвященный Теофанъ предложилъ семинарской конторѣ озаботиться немедленно исполненіемъ синодальнаго указа отъ 6-го мая съ тѣмъ, чтобы рекомендація о желающихъ поступить въ Московскій университетъ семинаристахъ-студентахъ была отобрана отъ учителя философіи Тимофея Мисловскаго, и о послѣдующемъ донести отъ семинарской конторы ему непосредственно.

Домовая его преосвященства семинарская контора, въ «доношеніи великому господину преосвященному Теофану», между прочимъ, писала: «... И по силѣ онаго ея императорскаго величества указа (отъ 6-го мая), отъ учителя Мисловскаго къ показанной отомилѣ два человѣка объявлены—школы философіи студенты Нижегородскаго уѣзда, Павловскія пятинны, села Павлова соборной церкви, протопоповъ сынъ Федоръ Ивановъ и Порѣцковской пятинны, села Сутажнаго, дьячковъ сынъ Сергій Федоровъ ¹⁾, а на каковомъ оныхъ студентовъ трактѣ отправить,—о томъ семинарская контора спрашиваетъ милостивой вашего преосвященства резолюціи». Теофанъ написалъ: «нанявъ подъ обонхъ двѣ лошади въ Москву, дать на харчи по три рубля, взявъ у архимандрита отца Михаила Новоспаскаго на платье по десяти рублей на человѣка, здѣсь холста купить на рубашки — Орловскому (Федору Иванову) 20 аршинъ, а другому 30 аршинъ, и отправить безъ всякаго замедленія куда и какъ по указу повелѣно».

Орловскій и Малиновскій прибыли въ Москву благополучно и были зачислены въ студенты университета, но, къ несчастію, одинъ изъ нихъ, именно Орловскій, оказался неспособнымъ къ слушанію университетскихъ лекцій по причинѣ болѣзни уха. Въ концѣ іюля 1755 года канцелярія Московскаго университета указомъ «въ духовную преосвящен-

¹⁾ У арх. Макарія въ „Исторіи Нижегородской іерархіи“ (стр. 143, примѣч. 2, Спб. 1857 г.), въ биографическомъ очеркѣ преосвщ. Теофана говорится: „при Теофанѣ въ 1755 г. были посланы изъ Нижегородской семинаріи въ новоучрежденный Московскій университетъ Федоръ Ивановъ и Сергій Федоровъ, по фамиліи не названы“. По резолюціи Теофана на доношеніи семинарской конторы—Иванова прямо называетъ Орловскимъ, а Федоровъ, въ нижеприводимомъ указѣ изъ канцеляріи Московскаго университета въ Нижегородскую консисторію, именуется Малиновскимъ.

наго Теофана консисторію» дала знать, что «у Теофора Орловскаго, по его доношенію и по осмотру лѣварскому, явилась въ правомъ ухѣ болѣзнь, которая называется апостело аврисъ, то-есть нарывъ въ ухѣ; чего для онъ къ ученію не способенъ, а данныя имъ на провѣдъ и на харчи деньги двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, въ Московскую Святѣйшаго Синода контору отъ университета отданы, изъ которыхъ половинное число оныхъ денегъ шесть рублей двадцать пять копѣекъ со онаго Орловскаго взысканы. Того ради въ канцеляріи Московскаго императорскаго университета велѣно: онаго студента за объявленною его болѣзнію обратно въ реченную консисторію отослать, который при семъ и послать, а на мѣсто его, Орловскаго, требовать другаго, и чтобы оная консисторія благоволила изъ студентовъ прислать другаго достойнаго, какъ о томъ Святѣйшаго Синода указомъ повелѣно въ самомъ скоромъ времени, и духовная пресвященнаго Теофана епископа Нижегородскаго и Алатырскаго консисторія благоволятъ быть извѣстною и учинить по ей императорскаго величества указу, а означенному студенту Орловскому папшпортъ данъ».

Въ тѣхъ матеріалахъ, на основаніи которыхъ составленъ нами этотъ очеркъ, мы не нашли указанія на то, кого семинарская контора отправила въ Московскій университетъ вмѣсто неспособнаго за болѣзнію уха и обратно возвращеннаго Орловскаго (котораго по бумагамъ за 1764 годъ мы встрѣчаемъ іереемъ при Нижегородскомъ кафедральномъ соборѣ и учителемъ «школы риторики купно съ синтаксимою» въ Нижегородской семинаріи), но въ «Исторіи Московскаго университета» профессора С. Шевырева на страницѣ 26 и примѣчалія къ ней 16, мы встрѣчаемся съ нижегородцемъ Иларіономъ Садовскимъ. Именно, профессоръ Шевыревъ говоритъ слѣдующее: «17 декабря 1756 года университетъ представилъ московскому обществу диспутъ студентовъ по предмету философіи подъ руководствомъ профессора Фроманна. Тезисы, заранѣе объявленные посредствомъ печати, защищаемы были студентами: Петромъ Дмитриевымъ и Егоромъ Булатнищевымъ. Опровергали же ихъ студенты: Антонъ Любятскій, Аввакумъ Рудаковъ, Иларіонъ Садовскій и Иванъ Федоровъ. Въ библиотекѣ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ находится латинскій экземпляръ тѣхъ тезисовъ и диспутовавшіе студенты обозначены именами городовъ тѣхъ семинарій, откуда она перешли въ университетъ: Любятскій *Kioviensis*, Рудаковъ *Pereslaviensis*, Садовскій *Nisnenovogrodensis etc. etc.*».

Можно думать, что этотъ Садовскій и былъ посланъ вмѣсто Орловскаго, но по склонности поступилъ не на медицинскій факультетъ, а на философскій.

Аполлонъ Можаровскій.

Разказы А. М. Тургенева объ императрицѣ Екатеринѣ II.

I.

Въ 1788 году императрица осматривала водяное сообще-
ніе по рѣкѣ Тверцѣ и изъ Твери прислала курьера
въ Москву къ графу Якову Александровичу Брюсу, глав-
нокомандовавшему въ столицѣ, увѣдомить его и жителей,
что она прїѣдетъ на короткое время въ древнюю столицу,
но чтобы онъ никакаихъ распоряженій для встрѣчи ея не
дѣлалъ.—Но довольно было извѣстія, что матушка-госуда-
рыня желаетъ осчастливить первопрестольный градъ, какъ всѣ, отъ
перваго до послѣдняго обывателя, зашевелились; дворянство составило
почетный кортежъ до 300 человекъ на коняхъ, а купечество по стар-
инѣ приготовило золотое блюдо, для поднесенія хлѣба и соли.

Надо сказать правду—улицы въ городѣ были не довольно исправно
содержаны, однако-же, безъ всякаго преувеличенія, лучше были вы-
мощены, какія видямы и чувствуемъ нынѣ въ прекрасномъ Петрополѣ.
Въ одинъ день улицы, по которымъ надлежало императрицѣ проѣз-
жать, были покрыты на полъ аршина пескомъ, чтобы ея величеству
было покойно шествовать. Войска тогда въ Москвѣ было очень мало,
оно было въ арміи,—кровавая война была съ Турціей въ сильномъ
разгарѣ. — Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ—главнокомандующій,
придумалъ собрать драгунъ со всѣхъ частей города, для сохраненія
тишины и спокойствія около Петровскаго дворца, куда государыня
обыкновенно прїѣзжала и который потому именовался «Подъѣзжимъ»
дворцомъ. Отсюда уже на другой или третій день она обыкновенно
являла церемоніально шествовать въ городъ и прямо въ кафедраль-
ный Успенскій соборъ къ литургіи. Государыня часовъ въ 6 по полу-

дни прѣехала въ Подъѣзжіи Петровскій дворецъ, окруженный можно сказать 300.000 народа, который съ раняго утра ожидалъ ее.—Это было въ концѣ іюня.—Погода стояла ясная, было очень жарко.—Чтобъ удовлетворить желанію москвичей—видѣть ее, государыня по прїездѣ вышла на балконъ и сидѣла до 9-ти часовъ вечера.—Тысячи народа вытѣсняли другъ друга съ обширнаго двора предъ балкономъ. Полицейскаго люда нигдѣ не было видно; спокойствіе и чинность нигдѣ не были нарушены.—Вдругъ императрица увидѣла съ балкона развѣзжавшіе патрули полицейскихъ драгунъ.

— Графъ Яковъ Александровичъ—спросила она—что это за войско, развѣзжающее среди народа?

— Ваше величество—отвѣчалъ графъ—въ Москвѣ теперь войскъ очень не много, такъ я придумалъ составить бригаду, собравъ изъ всѣхъ частей города полицейскихъ драгунъ.

— А на что вы сформировали эту бригаду?

— Для соблюденія тишины и спокойствія и охраненія высочайшей особы вашего величества.

— Графъ—сказала Екатерина—вы видите, какъ все здѣсь спокойно и тихо; могу ли я имѣть болѣе благонадежную стражу, чѣмъ въ вѣрномъ мнѣ народѣ!—Среди народа царю русскому некого бояться. Прикажете драгунамъ возвратиться въ Москву и отправлять по-прежнему службу въ частяхъ города.—Они тамъ нужнѣе, нежели здѣсь.—Вы знаете нашу русскую пословицу, въ семьѣ не безъ урода, а въ Москвѣ теперь остались старыи, малыи да больнои, которые не могли сюда прѣдти повидаться со мною.—Да прикажите, графъ, чтобы и около дворца часовыхъ не было.

II.

На предпоследней почтовой станціи (Солнечная гора), при перемѣнѣ лошадей народъ окружилъ карету императрицы. Сквозь толпу протолкался крестьянинъ, съ сѣдыми волосами и бородой, и сказалъ императрицѣ.

— Много лѣтъ здравствовать тебѣ, матушка всемилостивѣйшая государыня; благодарю Господа, сподобилъ еще видѣть тебя.—Какъ ты изволила ѣхать въ Москву короноваться, я, матушка, былъ фалейтуромъ у твоей кареты.

Государыня вынула изъ сумки у дворецъ каретныхъ два имперіала и подала крестьянину; крестьянинъ, принявъ имперіалы, спросилъ государыню.

— А что же матушка всемиловѣйшая государыня прикажешь съ золотыми-то?

— Какъ что?—возьми ихъ себѣ.

— Да за что же, всемиловитая государыня.

— За то что ты меня любишь.

— Нѣтъ, матушка, всемиловитая государыня, у тебя казны не доставеть, коли всѣмъ будешь давать деньги за то, что тебя любятъ; во всей Руси православной нѣтъ души, которая тебя не любитъ!

Государыня перекрестилась и отвѣчала крестьянину.

— Возьми деньги себѣ, мнѣ пріятно то, что ты меня помнишь.

III.

На второй или на третій день, хорошо не помню, государыня шествовала изъ Петровскаго дворца церемоніально въ большой восьми-стекольной каретѣ, запряженной 8-ю бѣлыми конями; впереди передъ каретою ѣхало сто пятьдесятъ дворянъ на коняхъ и столько же позади кареты. Государыня не любила скорой ѣзды и всегда говорила: «скоро ѣздить отъ долговъ, чтобы кредиторы не остановили, а мои финансы, благодарю Бога, хороши».

На Тверской, проѣхавъ Тверскія ворота, я при матери моей смотрѣлъ въѣздъ ея величества изъ дома, не помню уже кому принадлежавшаго тогда, нынѣ на этомъ мѣстѣ стоитъ огромный домъ доктора Альбина. Крестьянинъ, пробравшійся какъ-то сквозь конвой и толпу народа, окружавшаго карету, вскочилъ на ступеньку у двери и подаль государынѣ связку калачей. Она, милостиво принявъ приношеніе, улыбнулась. Въ это время полиціймейстеръ Толъ хотѣлъ отогнать крестьянина, но въ ту же минуту Екатерина дернула шнурокъ и лейбъ-кучеръ, полковникъ Тучковъ, мгновенно остановилъ коней. Не знали мы, что государыня изволила сказать полиціймейстеру Толю, но чрезъ двѣ-три минуты увидѣли, что экипажъ государыни тронулся и крестьянинъ стоялъ на ступенькѣ. Онъ доѣхалъ такимъ образомъ до Успенскаго собора, гдѣ ожидалъ ее величество, съ крестомъ въ рукахъ, незабвенный ораторъ, митрополитъ Платонъ.

Выйдя изъ кареты Екатерина приказала крестьянину, поднесшему ей калачи и доѣхавшему съ нею до собора, дать пятьсотъ рублей.

IV.

Когда было потребно издать узаконеніе на какой-либо предметъ, по-полнить существующіе или измѣнить что-либо сообразно развитію въ народѣ степени образованія, или по степенію обстоятельствъ и времени, которое все подъ солнцемъ измѣняетъ, Екатерина по секрету поручала разнымъ лицамъ, указавъ предметъ, писать проекты, узаконенія или постановленія. Таковыя порученія дѣлала она не однимъ секретарямъ кабинета; въ ея время было много сенаторовъ зрѣлаго ума и долговременной опытности, были оберъ-секретари въ Сенатѣ и вѣсть профессоръ въ Академіи Наукъ, были люди уклонившіеся отъ двора, жившіе на селѣ своемъ, о нихъ думали, что они въ опалѣ, а она съ ними вела переписку и въ потребныхъ случаяхъ требовала ихъ совѣта. Было дозволено не принять порученія, сознавшись въ невѣдѣніи предмета, о которомъ надлежало разсуждать. Когда проекты были написаны и ей представлены, тогда, прочитавъ оныя предварительно сама и не спѣшно, она созывала своихъ кабинетъ-министровъ, приказывала читать проекты и обсуждать ихъ.

Каждый слушатель имѣлъ право возражать, опровергать изложенное въ проектѣ, изяснить свое мнѣніе, предлагать измѣненіе или по неудобствамъ вовсе остановить проектъ. Кабинетъ же члену Карабанову было поставлено въ обязанность не только мнѣнія всѣхъ разсуждавшихъ опровергать, да и собственно мнѣнія императрицы оспаривать и признавать ихъ не полезными. Тонкая хитрость Екатерины заставляла обсуждать представленные ей проекты, уничтожала всякую стачку и обоедкое потворство кабинетъ министровъ. Въ продолженіе обсуждения каждый изъ сочинителей защищалъ свое предположеніе, и посредствомъ неожиданнаго возраженія объяснялось неудобство выполненія, или неблагонамѣренное, неумѣстное утвержденіе закона. Вотъ почему въ изданныхъ Екатериною узаконеніяхъ и постановленіяхъ нѣтъ болтуна, и въ ея царствованіе не издавали указовъ о разумѣ закона. Каждый понималъ изданный законъ и, исполненный благодарностью, былъ готовъ выполнить его, ибо онъ благотворилъ ему.

V.

Екатеринѣ II подавали каждый день двѣ тетрадки почтовой бумаги, въ которыя она собственноручно записывала, но что—того въ цар-

ствование ея никто не зналъ, и по кончинѣ ея никто ничего не узналъ, потому что 1796 года ноября 7-го или 8-го числа—то есть на другой или на третій день ея кончины было повелѣно все написанныя рукою Екатерины тетрадки предать огню—и тетрадки были сожжены, какъ нѣкогда сожигали жидовъ въ Гипшаніи по велѣніямъ инквизиціи! На первомъ листѣ тетради Екатерина надписывала: «Мое время», потомъ выставляла годъ, мѣсяцъ и число; исписавъ все листки тетрадки, обертывала ее бумагою, завязывала розоваго цвѣта тесьмой и концы тесьмы укрѣпляла печатью, чтобы нельзя было развязать тесьму и прочесть написаннаго. Нѣсколько большихъ шкафовъ было наполнено упомянутыми тетрадками, но огонь все ихъ пожралъ!

Въ тѣбникѣ, помнится, Петра Могилы написаны такіе грѣхи, за содѣяніе коихъ назначена кара, но за сожженіе бытописанія кары не опредѣлено, потому вѣроятно, что не могли даже и предположить таковаго бѣшенства.

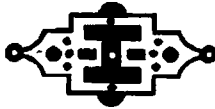
VI.

Въ жизни нашей все зависитъ отъ стеченія обстоятельствъ, отъ случая, который люди называли и донынѣ называютъ счастьемъ. Въ какомъ нарядѣ оно щеголяетъ, этого, начиная съ праотца Адама и по сей часъ, никто изъ смертныхъ не видѣлъ и не будетъ знать, что такое счастье.

Семень Гавриловичъ Зоричъ, *aventurico officier de fortune de fortune*—служилъ въ гусарскомъ полку, сербъ породомъ, лихой всадникъ на конѣ и лихой рубака: сабля съ дѣтства была его забавою, потомъ вѣрнымъ другомъ. Семень Гавриловичъ разладилъ съ полковникомъ полка, въ которомъ состоялъ на службѣ; пріѣхалъ въ градъ св. Петра хлопотать въ военной коллегіи о переводѣ его въ другой полкъ. Проживая въ Петербургѣ, Семень Гавриловичъ проигрался въ трактирѣ что называется дѣ-чиста. Не зная что дѣлать и будетъ ли онъ есть тотъ день, встрѣтился на улицѣ съ знакомымъ, вѣхавшимъ въ Царское Село. Знакомый пригласилъ его поѣхать съ нимъ. Зоричъ согласился и тѣмъ охотнѣе, что знакомецъ сказалъ ему: мы тамъ сытно отобѣдаемъ и хорошо выпьемъ у моего друга и пріятеля гофъ-фурьера двора ея величества.

Сіе было въ началѣ іюня. Екатерина жила въ Царскомъ Селѣ. Пріѣхали въ Царское Село, хорошо у гофъ-фурьера пообедали и еще лучше того выпили. Знакомецъ Зорича и угощавшій ихъ гофъ-фурьеръ раз-

судили за благо соснуть; они много уговаривали я Зорича прилечь, но онъ не послѣдовалъ ихъ приглашенію и пошелъ погулять въ дворцовый садъ. У Зорича и безъ вина было въ головѣ туманно и тяжело. Онъ не долго гулялъ. Поставленная въ саду не далеко отъ дворца въ тѣни вѣтвистой липы скамья приманила Зорича присѣсть, отдохнуть и подумать въ тиши о своемъ положеніи. У него гроша не было въ карманѣ, а безъ гроша вездѣ не хорошо, а во градѣ св. Петра просто камень на шею—да кидайся въ Неву! Что въ это время думалъ, что хотѣлъ предпринять Семенъ Гавриловичъ, онъ объ этомъ во всю жизнь свою никому не сказалъ; но воѣмъ было тогда извѣстно и по преданіямъ до насъ дошло, что Семенъ Гавриловичъ, сидя на скамьѣ прислонясь къ липѣ, заснулъ и заснулъ такъ крѣпко, что ни проходящіе въ аллеѣ, ни лай остановившейся предъ нимъ собаки Семена Гавриловича не разбудили.—Въ это время проходила по аллеѣ Екатерина одна, а свади ея въ значительной отдаленности, слѣдовалъ за ней ея камердинеръ Захаръ Константиновичъ Зотовъ. Зоричъ, какъ пригожій мужчина и статнаго роста, обратилъ на себя вниманіе Екатерины. Государыня дала знакъ камердинеру приблизиться и приказала Зотову ожидать пробужденія прекраснаго гусара, когда же онъ проснется, пригласить его къ ней на ужинъ.—Представьте себѣ удивленіе метръ д'отеля, у котораго Зоричъ обѣдалъ, увидѣвшаго Семена Гавриловича за ужиномъ съ Екатериной! Что скажете?—случай или счастье!

Изъ воспоминаній о А. А. Катенинѣ.

I.

Послѣ графа Василя Алексѣевича Перовскаго, самымъ популярнѣйшимъ изъ Оренбургскихъ генералъ-губернаторовъ былъ генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ, бывшій командиръ Преображенскаго полка. Если Перовскій заслужилъ себѣ признательность и неуывдаемую память о немъ башкиръ, то А. А. былъ любимъ одинаково всѣми народами Оренбургскаго края и особенно киргизами, которыхъ онъ, безъ помощи оружія, сумѣлъ подчинить безусловному повиновенію Россіи.

Красавецъ собой, высокаго роста, соразмѣрно плотный мужчина лѣтъ 45-ти, съ величественной осанкой, онъ производилъ самое выгодное впечатлѣніе на окружающихъ своей наружностью. Былъ необыкновенно ласковъ и милъ въ обращеніи со всѣми подчиненными.

Вступивъ въ командованіе Оренбургскимъ краемъ 16-го іюня 1857 года ¹⁾, онъ хотя въ приказѣ по Оренбургскому корпусу и общалъ идти по стопамъ своего «почтеннаго предшественника,» но въ отношеніи инородцевъ и казаковъ держался совершенно другой политики, политики мира и любви. Александръ Андреевичъ обладалъ рѣдкимъ даромъ привлекать къ себѣ простой народъ и умѣлъ говорить съ нимъ. Къ

¹⁾ Назначенъ Высочайшимъ указомъ 7-го апрѣля 1857 года, а пріѣхалъ въ Оренбургъ 16-го іюня. Г. Веселовскій въ своей книгѣ „В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ“ (стр. 164) ошибается утверждая, что Катенинъ, послѣ поѣздки въ Петербургъ (?), вступилъ въ управленіе краемъ въ августѣ 1857 года.

нему безбоязненно подходили не только простые казаки, но и дѣти и говорили съ нимъ смѣлѣе, чѣмъ съ какимъ нибудь своимъ станичнымъ атаманомъ.

Съ прїѣдомъ его въ Оренбургъ, для служащихъ и жителей наста новая эра—время удовольствій и всеобщаго веселья. Никогда еще «Столица стѣней» ни до, ни послѣ, не танцевала головокружительно такъ, какъ во время управленія краемъ Александромъ Андреевичемъ. Несмотря на глушь и отдаленность Оренбурга отъ центра Россіи, онъ и здѣсь сумѣлъ найти «общество», и здѣсь могъ доставить другимъ удовольствія. Въ его время смотры смѣнялись парадами, парады—зорями съ церемоніями; пиры, банкеты, балы, пикники чередовались одинъ за другимъ.

Выѣзжая передъ выстроеными войсками на статномъ гнѣдомъ конѣ, онъ своей мощной и стройной фигурой невольно привлекалъ вниманіе cadaго; а его внушительный молодецкій видъ особенно заразительно дѣйствовалъ на любившихъ его солдатъ. На балахъ, вечерахъ и гуляньяхъ онъ постоянно былъ первымъ руководителемъ и старался привлечь всѣхъ къ веселью, дѣлалъ такъ, что ни старъ, ни младъ, ни знатный, ни простой не стѣснялись его присутствіемъ. Во время его командованія, по торжественнымъ и табельнымъ днямъ, на Караванъ-Сарайской площади въ Оренбургѣ для горожанъ, войскъ и народа устраивались такія увеселенія съ роскошными, даже, можно назвать, волшебными иллюминаціями и фейерверками, о какихъ нынѣшніе оренбуржцы и понятія не имѣютъ.

Пространство между Караванъ-Сараемъ и Старой слободкой, теперь занятое новымъ соборомъ, кадетскимъ корпусомъ и двумя городскими садиками, въ то время представляло широкую площадь, уходившую изъ города далеко, далеко въ необъятную степь, къ Маячной горѣ. Въ будничные дни на ней производились ученья, смотры и иногда парады, а въ праздничные и высокоторжественные дни здѣсь было постоянное мѣсто народныхъ гуляній и увеселеній—скачки, бѣга, карусели, качели и проч. Жизнь была ключемъ. Вечерами вся площадь горѣла разноцвѣтными огнями.

Отъ сѣверо-западнаго угла Караванъ-Сарайскаго сада до Косюшечной улицы (въ Старой слободкѣ) тянулись, повѣшенные на проволоку, различные стаканчики, шкалики, фонарики и блестящіе изящные вензеля, транспаранты и другія фигуры съ разноколерными огоньками. На Караванъ-Сарайскихъ стѣнахъ пылали плашки, а внутри сада, одиннадцать тысячъ квад. сажень зеленѣющаго пространства озарялись по истиннѣ фантастическимъ свѣтомъ, точно въ какой нибудь волшебной сказкѣ изъ «Тысячи и одной ночи», представляя собой зрѣлище небывалое, ослѣпительное. Не говоря уже о томъ, что весь Караванъ-

Сарайскій садъ горѣлъ въ огнѣ, живописно оттѣняя полумракъ древесныхъ чащей и аллей, носившихъ каждая свое названіе въ родѣ «аллея вѣздоховъ», «аллея цоцѣгуевъ», «первыхъ встрѣчъ», «воздыханій» и проч., главная аллея, бесѣдки и горка въ сѣверо-восточномъ углу, называвшаяся «красной», представляли сплошь залитое море цвѣтныхъ огней, гирляндами развѣшанныхъ по вѣткамъ и на аркахъ. На горкѣ горѣли объемистыя фигуры пиротехническаго искусства, а рядомъ, внизу, на небольшомъ прудѣ ¹⁾ плавали огненныя лебеди, журавли, кораблики, лодки и отсюда летѣли вверхъ шутихи, бураки, змѣи красныя и ракеты, такъ что перекинутый съ одного берега пруда на другой пѣшеходный мостикъ казался какъ бы зажженнымъ.

Веселое было времячко! Какъ не вспомнить его! Даже зимой въ саду не прекращалось веселье: съ красной горки катались на санкахъ и по аллеямъ коньки рѣзали обледенѣвшій снѣгъ.

Въ длинныя же вечера, когда развитому интеллигентному человѣку въ Оренбургѣ можно было совсѣмъ пропасть отъ скуки, такъ какъ, кромѣ картъ и вина, не было другихъ увеселеній ¹⁾, домъ гостеприимнаго генераль-губернатора былъ свободно открытъ для всѣхъ—отъ старшихъ до младшихъ. Тамъ, у него устраивались танцы, любительскіе спектакли, гремѣла музыка. Радужный хозяинъ всѣхъ принималъ любезно и угощалъ на славу роскошными обѣдами и ужинами. Жаль только, что нѣкоторые изъ гостей пользовались во вредъ его радушіемъ. Старожилы оренбургскіе рассказываютъ такой непривлекательный случай.

Во времена Катенина, въ одномъ изъ мѣстныхъ управленій въ Оренбургѣ служилъ молодой полковникъ М., человѣкъ довольно богатый, развитой, образованный, вездѣ былъ принятъ въ обществѣ, часто бывалъ и у генераль-губернатора, но, къ несчастію, имѣлъ одинъ очень порочный для офицера недостатокъ: гдѣ бы онъ ни побывалъ, непременно что либо пропадало и большею частію изъ вещей цѣнныхъ. У Катенина также, когда былъ въ гостяхъ М., послѣ обѣда или ужина непременно что нибудь не отыскивалось. Конечно, прежде всего подозрѣніе падало на прислугу и даже на самого буфетчика. Но они всѣми богами клялись, что не виноваты. Видно было по всему, что крадетъ не свой, не домашній воръ, а кто-то посторонній. Слѣдить стали и за этимъ.

Какъ-то разъ у Александра Андреевича былъ званый вечеръ. Въ числѣ гостей находился и М. Послѣ ужина, часа въ два ночи, гости

¹⁾ Пруда этого въ настоящее время уже нѣтъ, но признаки его замѣтны до сихъ поръ.

²⁾ Въ это время въ Оренбургѣ театра еще не существовало.

вышли изъ-за стола и разбрелись по комнатамъ; кто покурить, кто поболтать еще часочекъ, кто доиграть пульку,—только одинъ М. замѣшкаться въ столовой и въ то время, какъ прислуга убирала посуду и уходила, онъ незамѣтно положилъ что-то въ карманъ брюкъ. Можетъ быть и это похищеніе прошло бы незамѣченнымъ, но, какъ на грѣхъ, въ это время изъ кабинета въ гостиную мимо столовой проходилъ Катенинъ и, посмотрѣвъ нечаянно въ зеркало, стоявшее противъ дверей столовой, увидѣлъ отраженіе фигуры полковника, спѣшно опускающаго руку въ карманъ. У него тотчасъ-же явилось подозрѣніе,—не онъ ли воруетъ вещи,—и какъ только гости разѣхались, онъ приказалъ позвать буфетчика.

— Не пропало-ли еще что-нибудь?—увѣренно спросилъ онъ.

Буфетчикъ замаялся и, послѣ нѣкотораго колебанія, долженъ былъ сознаться въ новой пропажѣ нѣсколькихъ столовыхъ серебряныхъ (фамильныхъ) ложекъ.

— Ага! Я знаю, кто воруетъ. Ступай! завтра все найдется.

На другой день Александръ Андреевичъ послалъ за М., и когда тотъ явился и не успѣлъ еще снять съ головы папахи, Катенинъ вышелъ изъ кабинета и прямо безъ дальнѣйшихъ околичностей огорчилъ его:

— Что вы вчера послѣ ужина положили въ карманъ?

М. опѣшигъ, растерялся и затрясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Негодай! — сказалъ Катенинъ и затѣмъ послышалась звонкая пощечина.

— Не желаю марать твоего мундира,—продолжалъ генералъ,—не хочу отдавать подъ судъ,—но ты не можешь служить больше. Подавай въ отставку и убирайся вонъ изъ Оренбурга.

Въ тотъ-же день М., возвративъ Александру Андреевичу всѣ украденныя у него вещи, взялъ отпускъ и выѣхалъ изъ города.

Но случай этотъ не убавилъ гостепріимства и радущія Катенина; онъ по-прежнему остался тѣмъ же, кѣмъ былъ, т. е. человекомъ добрымъ и ласковымъ.

II.

Особенно дружелюбно относился Катенинъ къ киргизамъ. Перовскій вліялъ на нихъ строгостью, и они боялись его, но не любили, а Катенинъ привлекалъ ихъ ласкою и миролюбіемъ, и они боготворили его, безпрекословно слушались во всемъ и боялись другъ за друга чтобы чѣмъ-нибудь не обидѣть его, не вызвать его гнѣва. Александръ

Андреевичъ заставилъ уважать себя не только простыхъ киргизъ-киргичей, но знатныхъ изъ нихъ, которые больше всего питали ненависть къ Россіи. Что предшественникамъ его, Обручеву и графу Перовскому, составляло не мало труда, того Катенинъ добился легко, примѣромъ чего особенно можетъ служить дѣло о мятежномъ батырѣ Исеткѣ Кутебаровѣ, слишкомъ 30 лѣтъ волновавшемъ киргизскую степь и усмирѣнномъ лишь благодаря миролюбію Александра Андреевича.

Началъ Исетка свои мятежныя дѣйствія еще въ 1822 году, разграбивъ въ іюнѣ этого года бухарскій караванъ; потомъ въ августѣ 1825 г. увлекъ въ плѣнъ солдатку Крестовникову съ тремя малолѣтними дѣтьми; осенью 1834 г. угналъ у киргизъ Джикѣвскаго рода 1.900 лошадей; въ іюлѣ 1839 г. разбилъ караванъ оренбургскаго купца Дѣева на 40.000 рублей, а осенью отбарантовалъ у киргизъ Табынскаго рода 1.438 коней; въ іюнѣ 1840 г. еще разграбилъ четыре купеческихъ каравана на 70.000 руб. и, наконецъ, въ августѣ 1842 г. угналъ у заурядъ-хорунжаго Самалыкова съ однопородцами 1.500 лошадей.

Но послѣ этого онъ, видимо, немного смирился; по крайней мѣрѣ, когда въ половинѣ 1844 года, генераломъ Обручевымъ было рѣшено произвести наступательныя дѣйствія внутрь еще неподвластныхъ намъ средне-азиатскихъ ханствъ, и, по его приказанію, правителемъ западной части киргизской орды, полковникомъ Баймухаметомъ Айчуваковымъ ¹⁾, были посланы для собранія нужныхъ свѣдѣній лазутчики, Кутебаровъ не только принялъ послѣднихъ радушно, но снабдилъ ихъ еще для дальнѣйшаго путешествія своими лошадьми и сообщалъ нѣкоторые свѣдѣнія о замыслахъ хивинцевъ, выдавъ даже полученный имъ отъ хивинскаго хана ф и р м а н ѣ. Дабы еще больше «привлечь этого полудиваго киргиза къ нашимъ интересамъ и удержать отъ покушенія выйти изъ подданства Россіи мирныхъ ордынцевъ, которые особенно помнятъ отца Исета, извѣстнаго барантовщика Кутебара Арасланова»,—представлявшійся въ 1847 г. въ высочайшему двору генераль-маіоръ Айчуваковъ ходатайствовалъ о награжденіи его, въ числѣ прочихъ ордынцевъ, золотой медалью на Анненской лентѣ. И по всей вѣроятности медаль эта «за усердіе» была бы выдана ему, если бы онъ въ томъ же 1847 году не произвелъ новаго возмущенія въ степи. Затѣмъ онъ не исполнилъ требованія русскаго правительства относительно удовлетворенія русскихъ и бухарскихъ купцовъ за разграбленные у нихъ товары и линейныхъ жителей за угонь скота, и, наконецъ, о немъ стали получаться извѣстія, что среди его родичей чумичли-табынцевъ, подъ начальствомъ махремъ-

¹⁾ Съ 1847 г. генераль-маіоромъ.

карле ¹⁾), появились хивинскіе зякетчики ²⁾ для сбора съ киргизъ ясака ³⁾).

Все это, вмѣстѣ взятое, надолго задержало выдачу Кутебарову медалей, несмотря даже на то, что султанъ, правитель средней части орды, не разъ увѣрялъ оренбургскую пограничную комиссію въ «его раскаяніе, его величезной преданности русскому правительству и спокойномъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ кочеваніи». Дѣйствительно, съ 1848 года Исеть началъ возвращать обиженнымъ торговцамъ ихъ товары, пересталъ дѣлать на ливію набѣги и окончательно отказалъ хивинскому хану въ помощи и сборѣ зякета ⁴⁾), прогнавъ отъ себя хивинскихъ зякетчиковъ и представивъ въ пограничную комиссію еще ханскій фирманъ къ бѣямъ назаровскаго и чуреневскаго родовъ.

Но опасаясь мщенія хивинскаго хана за свое предъ нимъ вѣроломство, онъ осенью 1850 года просилъ пограничное начальство отвести ему болѣе отдаленное отъ Хивы мѣсто подъ зимнюю кочевку, урочища Усть-Узукъ-Аральги и Каратанды-Джамбаръ въ вершинахъ Большихъ Барсуковъ. Желаніе его было уважено. Однако, Кутебаровъ не ограничился этимъ и, въ началѣ слѣдующаго года, сталъ домогаться занятія мѣста по р. Эмбѣ, гдѣ были кочевки назаровцевъ и чуреневцевъ, доказывая при этомъ, что мѣста эти принадлежали раньше его предкамъ чиклинцамъ.

Пограничная же комиссія, сомнѣваясь еще въ безусловной вѣрности его, такъ какъ эмбинскія земли ближе соприкасались съ хивинскими владѣніями, и Исетка могъ снова легко вступить съ хивинцами въ сношеніе, не исполнила этого его требованія и предписала султануправителю, подполковнику Джантюрину, «подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ» отклонить домогательство Кутебарова.

Батырь обидѣлся и съ этого времени онъ снова начинаетъ вредить Россіи, провозводить набѣги на прилинейныхъ жителей и грабить проходящіе караваны, что продолжалось до 1857 года. И хотя Перовскимъ для усмиренія бунтовщиковъ не разъ посылались въ степь отряды, но дѣйствія ихъ мало приносили пользы. Мятежники, слышавъ о сборѣ войскъ, тотчасъ-же откочевывали въ глубь страны и уходили въ хивинскій непроходимый Усть-Урть. Въ концѣ концовъ дерзость ордынцевъ дошла до того, что, въ 1855 году, шайка ихъ напала на аулъ правителя средней части орды подполковника Джантюрина, убила его и разграбила весь аулъ.

¹⁾ Начальникъ сборщиковъ.

²⁾ Сборщики податей.

³⁾ Ясакъ—подать, дань.

⁴⁾ Зякетъ—тоже подать, пошлина.

Подозрѣніе въ этомъ дѣлѣ пало на Кутебарова, но предпріятыя мѣры для разысканія виновныхъ не открыли ничего положительнаго. Исетка бѣжалъ въ Хиву, въ степи же все лѣто 1856 года, съ шайкой изъ 60 человекъ, бунтовалъ братъ его Сатай, который, соединившись съ партіями хищниковъ бѣговъ Даута Асамова и Адачи Байгилина, грабилъ даже киргизовъ другихъ родовъ и доходилъ до Туркестана, до кочевовъ Большой орды. Никакія мѣры не могли обуздать мятежниковъ. Они какъ-бы нарочно дѣлали грабежи, на зло начальнику края графу Перовскому. Когда же въ Оренбургскій край прибылъ генераль-адъютантъ Катенинъ и разослалъ по всѣмъ киргизскимъ дистанціямъ циркуляры съ приглашеніемъ ордынцевъ смириться и раскаяться въ поступкахъ своихъ, обѣщая имъ отъ имени государя полное прощеніе, первымъ откликнулся на этотъ зовъ Исетка Кутебаровъ и въ прошеніи своемъ: «Справедливѣйшему генераль-адъютанту Катенину»¹⁾, такъ охарактеризовалъ себя и графа Перовскаго.

«При бывшемъ оренбургскомъ военномъ губернаторѣ Обручевѣ, который былъ истинно правою рукою государя императора, я, покоряясь верховной надъ собою власти, служа усердно и водворяя тишину и спокойствіе въ родномъ народѣ, жилъ тихо и былъ постоянно мирнымъ кочевникомъ. Но послѣ, какъ прибылъ графъ Перовскій, я совершенно охладѣлъ къ службѣ, ибо его сіятельство далеко не такъ смотрѣлъ на киргизовъ, какъ его предѣстникъ, и почти вовсе не обратилъ на насъ своего вниманія, а слѣдствіемъ этой холодности было убіеніе султана-правителя Араслана²⁾. Затѣмъ просьба моя въ слѣдующемъ: его величество Александръ Николаевичъ, государь великой правдивости и милости неограниченной, прислалъ въ Оренбургъ справедливѣйшаго генерала, разославшаго повсюду циркуляры, дарующіе милость и прощеніе, на которое и я смѣю надѣяться».

Наше пограничное начальство, не понимая характера киргизовъ, не миролюбиво, а непоумѣрно строго, хотѣло покорить необузданныхъ дикарей, смирить ихъ непокойный духъ и вспыльчивую натуру. Поэтому, послѣ Перовскихъ строгостей, какъ пріятно, какъ успокоительно звучало для нихъ новое слово милости и всепрощенія, которое, быстро облетѣвъ степь, настроило ихъ сердца безграничной преданностью къ милосердному генераль-губернатору, а вмѣстѣ съ нимъ и къ Россіи. Въ отвѣтномъ, на просьбу Исетки, письмѣ, лично адресованномъ «бію Кутебарову» (отъ 30-го того же ноября), Катенинъ ясно выразилъ, чѣмъ онъ хочетъ быть для киргизовъ:

¹⁾ См. въ дѣлѣ Оренб. центр. архива за № 432, прошеніе его отъ 9-го ноября 1857 года.

²⁾ Араслана Джантюриня, правителя Средней части орды (см. выше).

«Прошеніе, на имя мое отправленное тобою съ біемъ Джагильдинымъ, я получилъ и увѣдомляю тебя, что помилованіе, обѣщанное мною именемъ государя императора въ циркулярѣ отъ 30-го іюня, прощается и на тебя. Но чтобы получить это прощеніе, ты долженъ раскаяться чистосердечно во всѣхъ совершенныхъ тобою преступленіяхъ и дать обѣщаніе, что впредь будешь жить мирно, не производя болѣе никакихъ беспорядковъ и грабежей и повинуюсь установленнымъ въ степи властямъ. Въ доказательство, что ты раскаиваешься дѣйствительно, долженъ ты лично явиться ко мнѣ въ Оренбургъ. Засвидѣтельствовавъ этимъ довѣренность къ слову моему, ты не только получишь прощеніе, но можешь надѣяться даже на полное забвеніе всѣхъ вѣтъ твоихъ, что еще важнѣе. Радуюсь раскаянію твоему и обращенію къ вѣрнопопуданническимъ чувствамъ, я прямию тебя съ честью; дальнѣйшимъ же хорошимъ поведеніемъ и усердіемъ къ исполненію видовъ правительства, неразлучныхъ съ благомъ киргизскаго народа, можешь ты заслужить всякія награды и отличія. Вѣрь, что все сказанное исполнено будетъ ненарушимо и, откинувъ всякое сомнѣніе и дурные совѣты, слѣши ко мнѣ не какъ къ грозному начальнику, а какъ къ доброму отцу, который сердечно радуется, когда можетъ простить заблудшихъ дѣтей своихъ».

Исетка вполне повѣрилъ искреннимъ словамъ Александра Андреевича, но, вслѣдствіе болѣзни своей, не могъ тотчасъ же исполнить его желанія и, по полученіи письма, 27-го марта слѣдующаго года отправилъ къ нему съ покаяніемъ сына Карымена и брата Чентамира, которые и были прощены Катенинымъ.

Но чтобы еще больше упрочить среди киргизовъ наше вліяніе, Александръ Андреевичъ, 6-го мая 1858 года, въ сопровожденіи председателя оренбургской пограничной комиссіи, извѣстнаго ориенталиста нашего, В. В. Григорьева, самъ поѣхалъ въ степь познакомиться съ бытомъ киргизскаго народа и воочію убѣдиться въ его нуждахъ.

Гдѣ ни появлялся онъ, киргизы всюду встрѣчали его съ радостіемъ и устранивали ему сердечныя оваціи. Весь путь отъ Оренбурга до форта Перовскаго и обратно на протяженіи 3.000 верстъ, былъ для Катенина побѣднымъ шествіемъ. За нѣсколько сотъ верстъ ордынцы выѣзжали къ нему съ изъявленіемъ полной покорности. Исетка Кутебаровъ также выѣхалъ къ нему навстрѣчу и, въ присутствіи своихъ единомышленниковъ, которыхъ онъ такъ еще недавно направлялъ противъ Россіи и русскихъ, принесъ ему свое раскаяніе и клятву въ неизмѣнной преданности.

Все время пути Катенинъ ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи почетнаго конвоя изъ 50-ти знатнѣйшихъ киргизовъ отъ всѣхъ трехъ частей орды (т. е. Западной, Средней и Восточной), и только слѣдуя обратно,

въ 50 верстахъ отъ Орска, 9-го сентября, пересѣлъ въ высланный ему навстрѣчу экипажъ. Киргизы въ своихъ бархатныхъ и шелковыхъ, расшитыхъ по краямъ золотыми позументами, халатахъ, на своихъ гнѣдыхъ аргамаклахъ и сѣрыхъ вноходцахъ въ серебряной сбруѣ, живописной кавалькадой провожали его до крѣпости и въ самую крѣпость, стараясь лихостью и удалствомъ еще разъ вызвать его одобреніе. И посреди этого оригинальнаго отряда, Александръ Андреевичъ казался не строгимъ и взыскательнымъ начальникомъ, не корпуснымъ командиромъ, а лобезнымъ и радушнымъ хозяиномъ.

Въ Орской крѣпости Катенинъ два дня угощалъ своихъ гостей и 11-го сентября распрощался съ ними. Въ 10 часовъ утра всѣ султаны, бѣи и прочіе почетные киргизы, составлявшіе конвой, наполнили залу квартиры Александра Андреевича. Генералъ вышелъ къ нимъ въ мундирѣ и, послѣ привѣтвеннаго поклона, приказалъ переводчику-офицеру изъ киргизовъ—поблагодарить ордынцевъ за ихъ вѣрную службу во время всего похода, и за то, что они берегли его.

— Скажите имъ,—сказалъ Катенинъ,—что я вполне надѣюсь на нихъ, надѣюсь также, что они пойдутъ за мной всюду и даже далеко, если бы государю угодно было это. Скажите имъ, что и моя голова и ихъ головы принадлежать государю, и что жалѣть своей головы для службы мы не должны.

Киргизы низко поклонились генералу и рады были, что корпусный командиръ понялъ ихъ: они пойдутъ куда угодно за нимъ и никогда не будутъ жалѣть своихъ головъ ради службы и жизни акъ-падша ¹⁾).

— Передайте еще,—продолжалъ Александръ Андреевичъ,—я такъ ихъ полюбилъ, что на будущій годъ привезу въ степь свою жену и дѣтей.

Надо было видѣть, какъ оживились эти постоянно сумрачные люди, какимъ удовольствіемъ освѣтились ихъ лица.—«Ай, якши!»—въ одинъ голосъ воскликнули они и низкими поклонами благодарили за довѣріе къ нимъ генералъ-губернатора. Они не только убѣдительно просили Катенина привезти къ нимъ въ степь его семью, но чтобы жена и дѣти ярымъ-падша ²⁾ побывали въ каждомъ ихъ аулѣ, въ каждой кибиткѣ.

Потомъ Александръ Андреевичъ раздавалъ имъ награды, которыя состояли въ бархатныхъ или шелковыхъ халатахъ, шашкахъ, канжалахъ, серебряныхъ кубкахъ, чашахъ, табакеркахъ и рожкахъ. Отдавая награждаемому вещь, онъ каждому говорилъ что нибудь пріятное, относящееся къ его удалству, смѣтливости или неутомимости. А въкото-

¹⁾ Вѣлаго царя

²⁾ Ярымъ-падша,—такъ киргизы называютъ генералъ-губернатора.

рыхъ тутъ же отъ имени государя поздравилъ слѣдующими заурядчинами и пожаловалъ медалями.

Прощаясь же съ ними, Катенинъ въ заключеніе сказалъ имъ чрезъ переводчика: «Я еще разъ благодарю ихъ и, въ знакъ особеннаго моего расположенія, протягиваю имъ руки».

Тутъ радости киргизовъ не было конца.

— Такого милостиваго ярмы-падши мы не увидимъ больше,—говорили они.

Сообщая объ этомъ интересномъ и до того небываломъ событіи въ «Оренбург. губерн. вѣдомостяхъ» ¹⁾, орскій корреспондентъ говоритъ въ заключеніе: «Смотри на такое прощаніе Катенина съ киргизскимъ конвоемъ, мы невольно подумали, какъ быстро и благотворно понесутся по степи ласковыя слова Александра Андреевича и какъ двѣ руки его, такъ обаятельно протянутыя этимъ полудикимъ степнякамъ, безъ шума и незамѣтно сдѣлають для цивилизаціи киргизской степи то, къ чему стремились сотни ружей и тысячи казачьихъ пикъ».

И дѣйствительно, послѣ этого наступило полнѣйшее спокойствіе въ степи. Кутебаровъ и ему подобныя уже не волновали киргизовъ. Вслѣдствіе чего, въ томъ же 1858 году въ киргизской степи были отмѣнены переѣзды съ конвоемъ и устроено обыкновенное почтовое сообщеніе.

III.

Задавшись цѣлю, подобно своему предмѣстнику, быть полезнымъ Оренбургскому краю, чтобы, «оправдавъ высокое довѣріе государя императора, заслужить милостивое одобреніе» ²⁾, Катенинъ также оставилъ по себѣ неувядаемую память своими заботами и трудами. Важнѣйшими и полезнѣйшими его мѣропріятіями было учрежденіе пароходства по р. Бѣлой, распространеніе грамотности путемъ повсемѣстнаго основанія школъ особенно въ казачьихъ станицахъ Уральскаго войска, забота о поднятіи «воинскаго» духа Оренбургскихъ и Уральскихъ казаковъ и увеличеніе жалованья ихъ офицерамъ.

Съ самаго начала своего пріѣзда въ Оренбургъ, Александръ Андреевичъ обратилъ вниманіе на богатство края, добывающая и обрабатывающая промышленность коего еще слабо развивалась благодаря лишь

¹⁾ 1858 года № 40. Надо замѣтить, что „Оренб. губерн. вѣд.“ въ то время издавались въ г. Уфѣ, гдѣ былъ центръ гражданскаго управленія Оренбургской губерніи.

²⁾ Приказъ по Оренбургскому корпусу, отъ 16-го іюня 1857 г., № 178.

тому, что не было удобныхъ путей для сбыта. Особенно много терпѣла отъ этого восточная половина Оренбургской губерніи, состоящая изъ хлѣбородныхъ уѣздовъ Челябинскаго, Троицкаго и Верхнеуральскаго, обильныхъ лѣсами и рудными богатствами, ибо путь сообщенія съ ней пересѣкался Уральскимъ хребтомъ, трудно проходимымъ не только зимой, но и лѣтомъ, даже на такъ называемомъ коммерческомъ трактѣ, почти недоступномъ по естественнымъ препятствіямъ.

Желая еще болѣе развить въ краѣ торговлю и промышленность, новый генералъ-губернаторъ, съ цѣлю удобными сообщеніями соединить прилинейные уѣзды и земли Оренбургскаго и Башкирскаго казачьихъ войскъ съ пристанями рр. Камы и Волги, назначилъ специальную комиссію для инструментальной съемки и изслѣдованія горной площади, опоясанной р. Бѣлой и ея притоками.

Тщательно произведенными изысканіями кратчайшимъ и менѣе гористымъ путемъ для зимнихъ сообщеній было признано направленіе отъ г. Верхнеуральска къ устьямъ рѣкъ Инзера (Инзерскій трактъ) и Симы; на лѣтнее же время принято было комиссіей за лучшее учредить плаваніе по р. Бѣлой тамъ, гдѣ до того времени производился только весенній сплавъ барокъ съ желѣзомъ и мѣдью, отправляемыхъ изъ частныхъ заводовъ.

Для болѣе точнаго удостовѣренія въ возможности этого предпріятія, Катенинымъ было приказано комиссіи въ апрѣлѣ и маѣ прослѣдить сплавъ каравановъ отъ верховьевъ р. Бѣлой до устья р. Камы и результаты этихъ изслѣдованій, если они будутъ удовлетворительны, сдѣлать известными въ попутныхъ городахъ и въ Казани, дабы тѣмъ привлечь на Бѣлую пароходы.

Изысканія получились благопріятныя, и слухи объ удобствахъ плаванія по главной водной артеріи Оренбургскаго края скоро привлекли сюда предпринимателей. Первымъ явился углицкій купецъ Журавлевъ, который въ августѣ того же 1858 года послалъ изъ села Набережныхъ Челновъ до г. Уфы свой пароходъ. Когда же, послѣ тщательнаго промѣра русла Бѣлой, съ собранными свѣдѣніями въ Нижній-Новгородъ посланъ былъ Катенинымъ офицеръ для предложенія пароходнымъ обществамъ открыть пароходство по этой рѣкѣ,—компанія «Самолетъ» откликнулась на это приглашеніе и отправила, въ видѣ опыта, подъ наблюденіемъ директора общества, отставнаго контръ-адмирала Мофета, первый легкій пассажирскій пароходъ, который въ сентябрѣ безпрепятственно сдѣлалъ рейсъ отъ Казани до выхода р. Бѣлой изъ горъ, пройдя протяженіе отъ устья ея вверхъ 736 верстъ въ 106 часовъ, а обратно по теченію, дѣлая по 19 верстъ въ часъ ¹⁾.

¹⁾ „Оренб. губерн. вѣдом.“ 1858 г. № 41.

Появленіе этого быстрого пособия сообщенія было встрѣчено жителями «съ энергическою благодарностію» начальнику края. Народъ толпами выбѣгалъ посмотрѣть на это новое чудо. Въ прибрежныхъ городахъ Бирскѣ и Стерлитамакѣ пароходу былъ сдѣланъ торжественный пріемъ; особенно радушно встрѣтило вѣстника цивилизаціи общество дворянъ Стерлитамакскаго уѣзда. Радость помѣщиковъ, жившихъ добывающими продуктами, была полная, такъ какъ теперь являлся удобный и легчайшій путь для сбыта ихъ произведеній. Даже туземцы-башкиры, смотрѣвшіе ходъ парохода въ передній путь со страхомъ и удивленіемъ при обратномъ слѣдованіи его, выражали свой восторгъ и многіе изъ нихъ увѣряли, что не будутъ больше лѣниться, а серьезно займутся хозяйствомъ. Энтузіазмъ номадовъ, не менѣе теплаго чувства образованныхъ жителей, произвелъ на контръ-адмирала Мофета пріятное впечатлѣніе. Спутниковъ его восхищала грандіозность скалъ нагорнаго берега и красота луговой стороны, обильныхъ всевозможными богатствами. Первый опытъ удался какъ нельзя лучше, и съ этихъ поръ началось по Бѣлой легкое пароходное сообщеніе.

IV.

Жаль очень, что многіе благіе замыслы Александра Андреевича для благоустройства края не могли осуществиться. Слишкомъ ужъ было кратковременно его пребываніе здѣсь. Только три года онъ потрудился на пользу разнородныхъ племенъ Приуралья и Завокожья, и смерть неумолимо скосила его во цвѣтъ лѣтъ, полного жизни и энергіи. 24-го іюня 1860 года любимаго генераль-губернатора не стало.

Онъ только что возвратился изъ поѣздка своей по землѣ Уральскаго войска, гдѣ попутно въ станицахъ и форпостахъ осматривалъ линейныя команды и казачьи школы, а въ самомъ Уральскѣ дѣлалъ смотры войскамъ и производилъ экзамены во всѣхъ мужскихъ и женскихъ училищахъ.

Вечеромъ, въ первый день пріѣзда его въ этотъ городъ (10-го іюня) специально для него была устроена факельная процессія съ серенадой, для которой уральскимъ капельмейстеромъ Адольфомъ Кетлицомъ была сочинена въ честь Александра Андреевича кантата. Въ серенадѣ этой участвовалъ также и только что сформированный подъ управленіемъ капельмейстера Боде хоръ трубачей Уральскаго городского полка, который, несмотря на кратковременность своего обученія, очень хорошо исполнилъ маршъ Преображенскаго полка, въ которомъ Александръ Андреевичъ долго служилъ и коимъ нѣкоторое время командовалъ.

13-го іюня, Катенинъ выѣхалъ изъ Уральска въ Гурьевъ городокъ, гдѣ, между прочимъ, осматривалъ лишь весною этого года отстроенную, для охраненія уральскихъ водъ (въ морѣ) отъ астраханскихъ рыбопромышленниковъ, флотилію, состоявшую изъ 3-хъ шкунъ, 2-хъ соймовокъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ.

Матросами на этихъ судахъ были казаки гурьевской линейной команды, которые въ 2—3 мѣсяца такъ изучили необходимую на судахъ службу, что изумляли Катенина своей ловкостью; вѣзбѣгая по реямъ, они быстро убрали паруса, несмотря на то, что въ это время дулъ сильный вѣтеръ. Александръ Андреевичъ остался доволенъ и порядками на судахъ и красивой формой матросовъ, одѣтыхъ въ бѣлые фуражки, синіе шаровары и такія же блузы, обшитыя по воротнику и рукавамъ (подъ цвѣтъ оторочекъ уральскихъ мундировъ) малиновыми кантами.

Прощаясь съ казаками, начальникъ края благодарилъ ихъ за сочувствіе къ преобразованіямъ и за улучшенія въ войскѣ. «Полные надеждъ на будущую пользу, которую могъ бы принести благонамѣренный начальникъ, познакомившійся съ пользами и потребностями края», уральцы до Оренбурга провожали Катенина ¹⁾. Но, увы, надеждамъ ихъ не суждено было сбыться. По пріѣздѣ въ Оренбургъ, Александръ Андреевичъ внезапно занемогъ и скоропостижно скончался отъ аневризма ²⁾.

Когда грустная вѣсть эта разнеслась по краю, народъ не хотѣлъ вѣрить ей, такъ неожиданна была кончина любимаго командира,—и горько оплакивалъ невозвратимую и тяжелую утрату.

27-го іюня происходило въ Оренбургѣ погребеніе усопшаго. О ходѣ похоронной процессіи и о послѣднихъ почестяхъ, отданныхъ покойному войсками и служащими чинами, кажется, излишне говорить здѣсь, такъ какъ порядокъ этихъ церемоній всѣмъ извѣстенъ. Но нельзя умолчать, для полной характеристики почившаго начальника края, о сердечной скорби и истинной печали войскъ и всѣхъ оренбургскихъ жителей, вполне выразившихся при похоронномъ обрядѣ. Объ этомъ, на основаніи частныхъ и официальныхъ свѣдѣній, мѣстный лѣтописецъ вотъ какъ заноситъ на страницы «Оренб. губ. вѣдомостей» (1860, № 28).

«Смерть оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Катенина сильною печалію поразила народъ. 24-го іюня, въ 7 часовъ утра, генералъ скончался, а въ 11 часовъ почти весь городъ толпился у его дома ³⁾. Плачъ и рыданія продолжались въ народѣ и особенно между солдатами, казаками, башкирцами и даже киргизами до самаго дня похоронъ. 26-го іюня, въ 2 часа пополудни назначенъ былъ

¹⁾ „Оренб. губ. вѣд.“ 1860, № 33.

²⁾ Памятная книжка Оренб. губ. на 1895 г., отд. II, стр. 34.

³⁾ Домъ генералъ-губернатора, построенный на берегу Урала Перовскимъ.

выносъ тѣла покойнаго генерала изъ дома его въ Преображенскій соборъ. Народъ требовалъ настоятельно дозволить ему нести гробъ и этимъ желалъ отдать послѣдній долгъ почившему; но когда былъ убѣжденъ полиціею въ невозможности тѣмъ, что это право предоставляется близкимъ роднымъ и старшимъ чинамъ, служившимъ при покойномъ генералѣ,—тогда, по желанію обывателей, устлана была улица отъ дома покойнаго до собора, на протяженіи 200 сажень, новыми, взятыми изъ магазиновъ, коврами, по которымъ и былъ несенъ гробъ въ церковь. При погребеніи покойнаго генерала, бывшемъ 27-го іюня, въ 11 часовъ утра, присутствовалъ весь Оренбургъ. Народъ не дозволилъ везти печальную колесницу лошадьми, отпегъ ихъ и везъ ее на себѣ до самой могилы. Картежъ прошелъ по главной Николаевской улицѣ до церкви свв. апостоловъ Петра и Павла и вступилъ въ ограду церкви, гдѣ покойному были отданы послѣднія почести¹⁾. Тѣло до гроба провожалъ соборне первый епископъ оренбургскій и уральскій Антоній 2-й²⁾.

Во всѣхъ церквахъ Оренбургскаго края, по полученіи извѣстія о смерти генералъ-губернатора, были отслужены панихиды. Объ упокоеніи души почившаго начальника края въ городѣ Уфѣ, 2-го іюля, въ кафедральномъ соборѣ, въ сослуженіи съ синклитомъ всего уфимскаго (городскаго) духовенства, панихиду совершалъ самъ преосвященный Порфирій, епископъ уфимскій и мензелинскій.

Память объ Александрѣ Андреевичѣ Катенинѣ въ Оренбургскомъ краѣ долго не угаснетъ, особенно въ сердцахъ уральскихъ казаковъ, которые многимъ обязаны ему и которые отъ офицера до послѣдняго казака и до сей поры съ благодарностью вспоминаютъ о немъ.

Можетъ быть въ управленіи краемъ Александра Андреевича найдутся какія-либо недостатки, но популярность его въ народѣ останется безупречною.

П. Юдинъ.

¹⁾ Тѣло Александра Андреевича потомъ, кажется, его братомъ Павломъ Андреевичемъ было перевезено въ родовое имѣніе.

²⁾ Здѣсь необходимо замѣтить, что епископъ Антоній 2-й, до того ректоръ ярославской семинаріи, сначала (въ іюлѣ 1858 г.) былъ назначенъ управлять оренбургско-уфимскою епархіею; но когда высочайшимъ повелѣніемъ 21-го марта 1859 г. Оренбургскій край былъ раздѣленъ на двѣ епархіи—одна подъ именемъ уфимской и мензелинской, а другая—оренбургско-уральской—преосвященный Антоній, по указу святѣйшаго синода 3-го апрѣля 1859 г. № 2382, былъ переимѣненъ на кафедрѣ въ Оренбургъ, а на мѣсто его въ Уфу былъ назначенъ преосвященный Порфирій, бывший до того епископъ дмитровскій, викарій московской митрополіи.

Орловскіе разбойники въ 1765 году.

Въ сороковыхъ, пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія въ Орловской провинціи и по ея границамъ свирѣпствовали цѣлыя хорошо организованныя шайки разбойниковъ, уничтоженіе которыхъ потребовало со стороны правительства особыхъ энергическихъ мѣръ. Въ ночь на 20-ое мая 1765 года нѣсколько десятковъ человекъ, подъ начальствомъ атамана «Свистуна», явились въ село Будоговищи, вотчину подпоручика Василія Юшкова. Они разграбили помѣщичій домъ, перевязали всѣхъ спавшихъ въ немъ, отобрали всѣ цѣнныя вещи и стали искать денегъ. Для этой цѣли начали пытать помѣщика, его домашнихъ и крестьянина Зайцева. Подкладывали подъ обнаженныхъ горячіе уголья, жгли раскаленнымъ желѣзомъ, рѣзали ножами. Пытки были до такой степени жестоки, что двое изъ страдальцевъ—помѣщикъ Юшковъ и крестьянинъ—Зайцевъ умерли въ страшныхъ мученіяхъ. Разбойники тутъ же подѣлили награбленное имущество и отправились въ болховскіе лѣса.

Когда извѣстіе о разбоѣ дошло до свѣдѣнія Бѣлевской воеводской канцеляріи, тотчасъ же была вытребована часть Воронежскаго гренадерскаго полка, для поимки разбойниковъ. Гренадеры, подъ командою подпоручика Крылова, долго отыскивали ихъ; наконецъ настigli и атаковали. Атакованные храбро защищались, нѣсколькихъ гренадеровъ тяжело ранили, а одного убили. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, было схвачено 7 разбойниковъ, остальные разбѣжались. На пути гренадеры захватили семейство разбойника, бывшаго церковника Кесаринскаго, мать его Ѳеодсю, отца и брата, разстриженныхъ дьякона Герасима и попа Ѳеодора. Изъ захваченныхъ двое—Матвѣй и Семень Сонниковы уже нѣсколько разъ судились за разбой и были ссылаемы въ Сибирь. У перваго были вырѣзаны ноздри, у втораго на лбу и щекахъ были отпечатаны соотвѣтствующія литеры. Попъ Ѳеодоръ за разбой былъ разстриженъ и посланъ въ Москву изъ сыскаго команды, но на дорогѣ бѣжалъ. Разбойники сознались въ огра-

бленіи помѣстья и въ убійствѣ подпоручика Юшкова и крестьянина Зайцева и рассказали, что въ Лихвинскомъ уѣздѣ и на берегахъ Оки ограбили многихъ купцовъ. Въ имѣніе Юшкова они заѣхали по дорогѣ, такъ какъ спѣшили къ Михутиной заставѣ, чтобы тамъ подстеречь обозы, идущіе въ Курскъ на Коренную ярмарку и грабить цѣнные товары.

Между тѣмъ Сенатъ, получивши увѣдомленіе о страшныхъ разбояхъ въ Орловской губерніи и ежедневномъ ограбленіи купцовъ, постановилъ: «наискрѣпчайше подтверждать въ губерніи, провинціальныя и воеводскія канцеляріи о точнѣйшемъ исполненіи распоряженій относительно искорененія воровъ и разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы посылающимъся въ каторжную работу на вѣки вырѣзывать носъ до кости и ставить на лбу и щекахъ литеры, чтобы они сразу были замѣтны, а не такимъ образомъ, какъ нынѣ у пойманныхъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ разбойниковъ, на которыхъ вырѣзаніе носъ почти не замѣтно, а литеръ и вовсе не видно».

Сообщилъ Николай Танковъ.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

Майковъ, Л. Н. Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту. — *Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Наукъ*. 1896, т. I, кн. 3-я.

Кебело, Д. Ф. О суждальскомъ иконописаніи. *Извѣстія Отд. рус. яз. и словесн. Имп. Ак., Наукъ*. 1896, т. I, кн. 3-я.

Смрзу, П. А. Изъ исторіи сношеній русскихъ съ румынами. — *Извѣстія Отд. рус. яз. и словес. Имп. Ак. Наукъ*. 1896, т. I, кн. 3-я.

Зиссерманъ, А. Л. Генералъ-лейтенантъ І. А. Реутъ. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 10.

Баронесса Фредерикъ, М. П. По поводу рассказовъ А. В. Эвальда. — *Русскій Архивъ*. 1896, № 10.

О-въ, А. Н. Объ Успенскомъ соборѣ Сергіевой Лавры. — *Русскій Архивъ*. 1896, № 10.

Леландоуле, Б. К. По поводу воспоминаній Смоленскаго дворянина (о профессорахъ Московскаго университета). — *Русскій Архивъ*, 1896, № 10.

Восмій, К. А. Забытое благодѣяніе (о памятникѣ Петру Великому въ Саратовѣ по модели П. Н. Тургенева). — *Русскій Архивъ*. 1896, № 10.

Дроздовъ, И. И. Записки кавказца. — *Русскій Архивъ*. 1896, № 10.

Яцимирскій, А. И. Достопамятная церковь въ Яссахъ. — *Рус. Архивъ*. 1896, № 10.

Письмо В. А. Жуковскаго къ князю П. А. Вяземскому изъ Москвы въ Баршаву. — *Русскій Архивъ*. 1896, № 10.

Поццо-ди-Борго про императора Александра Павловича. Письмо къ К. Я. Булгакову (1814). — *Русскій Архивъ*. 1896, № 10.

Изъ дневныхъ записокъ Владиміра Алексѣевича Шухомова. — *Русскій Архивъ*. 1896, № 10.

Князь Алексій Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. Некрологъ. — *Историч. Вѣстн.*. 1896, № 10.

Записки бригадира Іосифа Копца. Перевелъ и сообщилъ Г. А. Воробьевъ. — *Историч. Вѣстн.*. 1896, № 10.

Фирсовъ, А. И. Въ обители преподобнаго Макарія. — *Историч. Вѣстн.*. 1896, № 10.

Воспоминанія В. С. Мынцага. — *Историч. Вѣстн.*. 1896, № 10.

Воспоминанія Е. П. Шумиловой-Шачоловой. — *Историч. Вѣстн.*. 1896, № 10.

Записки Рафаила Михайловича Зотова (прод.) — *Историч. Вѣстн.*, 1896, № 10.

Любецкій Архивъ. (продолж.). — *Кіевская Старина*, 1896, октябрь. Приложение.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. — *Кіев. Старина*. 1896, октябрь. Приложение.

Волынецъ. Новыя открытія въ области древлеволинскаго бытописанія. — *Кіев. Старина*, 1896, октябрь.

Частная переписка Ивана Романовича Мартоса (1817—1830). — *Кіевск. Старина*, 1896, октябрь.

Крымскій, А. Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религиозныхъ сказаніяхъ. — *Кіевск. Старина*, 1896, октябрь.

Блаженскій, Н. Археологическій съездъ въ Ригѣ. — *Кіев. Старина*. 1896, октябрь.

Автономичъ, В. Нѣсколько данныхъ о землевладѣніи въ южной Украйнѣ въ XV столѣтіи. — *Кіев. Старина*. 1896, октябрь.

Ивановскій, В. Русское государственное право. — Учен. Зап. Имп. Кавая. Универс. Кн. 6 и 7.

Эйгереръ, В. О. Пребываніе въ Мо

Георгиевскій, В. Флорищева пустынь. Историко-археологич. описаніе.—Вазникъ. 1896.

26-лѣтіе Коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ.—Кіевъ. 1896. Подъ ред. А. Степановича.

Мердъръ И. и Фирсовъ, В. Русская лошадь въ древности и теперь.—Спб. 1896.

Извѣстія X-го Археологическаго Съезда въ Ригѣ 1—15 авг. 1896 г.—Рига. 1896.

Свящ. Чичаговъ, Л. Краткое содержаніе лѣтописи Серафимо-Дивѣвскаго монастыря.—Москва. 1896.

Георгиевскій, В. Городъ Владиміръ на Клязьмѣ и его достопримѣчательности. Губ. гор. Владиміръ. 1896.

Краснослободскій Спасо-преображенскій общежительный мужской монастырь.—Москва. 1896.

Страданіе святыхъ мучениковъ Адриана и Наталіи.—Москва. 1896.

Подьяковъ, Рафаилъ. Двадцатипятилѣтіе Подосиновскаго 2-хъ класснаго сельскаго училища М-ства Нар. Пр. въ Никольскомъ уѣз. Вологодской губ. В. Устюгъ. 1896.

Шафрановъ, В. С. 1-е десятилѣтіе жизни и дѣятельности перваго по времени въ Прибалтійской окраинѣ Русскаго Реального Училища Императора Петра I въ Ригѣ.—Историческ. очерк. Рига. 1896.

Столѣтняя годовщина кончины Императрицы Екатерины II 1796—1896. «Спб. Вѣдом.». 1896, № 306.

Чочулинъ, Н. Памяти Императрицы Екатерины II.—«Нов. Время», 6 ноября 1896, № 7434.

С., М. Н. Екатерина II и политика объединенія.—«Нов. Время», 6 ноября 1896, № 7434.

Екатерина II, какъ журналистъ.—Приложеніе къ газ. «Нов. Время», 2 ноября 1896, № 7430.

П., М. И. Сто лѣтъ назадъ. 5 и 6 ноября 1796 г.—«Нов. Время». 6 ноября 1896, № 7434.

Екатерина II (къ столѣтію ея кончины).—Приложеніе къ газ. «Новое Время», 2 ноября 1896, № 7430.

Нерукотворенный памятникъ Екатерины Великой.—«Правит. Вѣств.», 7 ноября 1896, № 244 и 9 ноября № 246.

Великой памяти императрицы Екатерины II.—«Правит. Вѣств.» 7-го ноября 1896, № 244 и 9 ноября № 246.

Памятники императрицы Екатерины II.—«Правит. Вѣств.», 1896, № 243.

Лукасовскій, Б. Къ 100-лѣтней памяти писательницы Императрицы Ека-

терины II.—«Нов. Время», 6 ноября 1896, № 7434.

П. Н. Каравинъ (къ 26-лѣтію его художественно-литературной дѣятельности).—Приложеніе къ газ. «Нов. Вр.», 16 ноября 1896, № 7444.

П., М. И. Къ столѣтію Гатчины.—«Нов. Время», 10 ноября 1896, № 7436.

Къ столѣтію города Павловска.—Приложеніе къ газ. «Новое Время», 9 ноября 1896, № 7437.

П., М. И. Столѣтіе Л. Гв. Егерскаго полка.—«Нов. Время», 1896. 8 ноября № 7436.

Морозовъ, А. Л. Гв. Егерскій полкъ (къ столѣтію его сформированія).—Приложеніе къ газ. «Нов. Время», 9 ноября 1896, № 7437.

Шмуруп. Е. А. Г. Брикнеръ (некрологъ).—«Нов. Время», 7 ноября, 1896, № 7435.

К. К. Ренненкамифъ. Некрологъ.—«Нов. Время», 7 ноября 1896, № 7435.

Вороновъ, А. Ноябрьскіе юбилейные дни женскаго образованія въ Россіи.—«Нов. Время», 6 ноября 1896, № 7434.

Некрологъ. Екатерина Васильевна Галаганъ.—«Новое Время», 5 ноября 1896, № 7433.

Некрологъ. Генералъ отъ инфантеріи Яковъ Байхосровичъ Алхааовъ.—«Нов. Время», 5 ноября 1896, № 7433.

Некрологъ. К. А. Воронинъ.—«Нов. Время», 2 ноября 1896, № 7430.

Некрологъ. Епископъ оренбургскій Николай.—«Нов. Время», 31 окт. 1896, № 7428.

Предсѣдатель вятской губерн. зем. управы А. П. Батуевъ. Некрологъ.—«Нов. Время», 31 окт. 1896, № 7428.

Некрологъ. Д-ръ мед. Дмитрій Порфирьевичъ Величковскій.—«Новое Время», 30 окт. 1896, № 7427.

А. П. Боголюбовъ. Некрологъ.—«Нов. Время». 28 окт. 1896, № 7425.

Яковлевъ, И. А. П. Боголюбовъ.—«Нов. Время», 1896, № 7429.

И., В. С. По поводу смерти Боголюбова.—«Нов. Вр.», 28 окт. 1896, № 7425.

Артства Шевалье—агентъ Бонапарта въ Петербургѣ.—Приложеніе къ газ. «Нов. Время.», 26 окт. 1896 № 7423.

Некрологъ. Врачъ В. О. Португаловъ.—«Нов. Время», 22 окт. 1896, № 7419.

Памяти Н. А. Неклюдова.—«Нов. Время», 21 окт. 1896, № 7418.

Ф. В. Адмиралъ В. С. Завойко.—Приложеніе къ газ. «Нов. Время». 19 окт. 1896, № 7416.

На родинѣ русскаго театра.—«Правит. Вѣств.», 1896. №№ 235, 236 и 237.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРИРОДА И ЛЮДИ

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VIII.

Пробный № высылается за 7 коп. марку.

Подписной годъ начинается съ 1 ноября, № 1-й выйдетъ 7 ноября 1896 г.

Содержаніе: Фритиофъ Нансенъ и его путешествія (съ рис.). В. Селезова.—Русская колонія на Тихомъ океанѣ. Ром. Н. Соколова.—Въ странѣ полульсаца. Очерки Турціи Юриъ Казн-Вика (съ рис.).—Алхимія. Д. Сославина.—Фотографія души (съ рис.). Очеркъ В. Витнера.—Исторія одного русскаго эмигранта въ Америкѣ. Рассказъ Г. Обверцова.—Со всѣхъ концовъ свѣта.—Изъ области естествознанія.—Изъ области телевикки.—Хроника путешествій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
5 РУБ. безъ доставки.
Съ доставкой
и пересылкою во всѣ
города Россіи. 6 руб.
за границу 8 рублей.

Журналъ Природа и Люди знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума, въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности; сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человѣчества и рисуетъ картины будущаго прогресса людей; наконецъ, служитъ общепонятнымъ истолкователемъ современной жизни.

Годовые подписчики въ теченіе 1897 года получаютъ:

52 еженедѣльныхъ №№, каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 страницъ чистой печати) заключаютъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не помѣщая мелкихъ, и 8—12 художественныхъ рисунковъ.
12 ежемѣсячныхъ книгъ, изящно отпечатанныхъ на глазурованной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убористой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журналъ Природа и Люди—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность однихъ приложений равняется подписной цѣнѣ въ журналъ Природа и Люди, такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція можетъ возможно дать безплатно столь цѣнное приложение, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА“

и въ наступающемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. «На верблюдахъ». Очерки карт. изъ жизни въ Средней Азійи. Н. Уралова.
2. «Какъ узнать характеръ человѣка». Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физиогномія), по почерку (графологія), по рукамъ (хиромантія), по головамъ (краниологія) и т. д. Очерки Гр. Ф.—та. 3 и 4.
3. «Натуральность на Ла-Платѣ». У. Г. Хедсона. Съ рис. Перев. съ послѣдн. англійск. изд. 5.
4. «Наши родичи». (Изъ воспомин. о славянск. земляхъ). Очерки и рассказы В. П. Желиховской.
5. «Естественная исторія въ разсказахъ». А. Мильса.
6. «Общедоступная киротехника». Руководство къ приготовленію домашнихъ средствъми фейерверковъ. Д. Озеркова. Со мног. рис.
7. «Современная Турція». Очерки и рассказы о царствѣ османовъ. Ю. Казн-Вика.
8. «Исторія электричества». Д. Менро. Пер. съ англ. подъ ред. Ив. Святскаго.
9. «Во льдахъ и снѣгахъ». (Путешествіе на о-въ Колгуевъ). Перев. съ англійск. А. Филипова.
10. «Исторія воздухоплаванія». По Д. Фитча и др. источникамъ сост. Гр. Ф.—тъ.
11. «Въ дѣбряхъ Азіи». Очерки экспедиціи ген.-м. Цѣцова. Обработ. Н. Соколовъ.

Контора и редакція журнала Природа и Люди: С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12, соб. д.

Разсрочка допускается не иначе какъ: при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая остальнымъ.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначействъ и управляющихъ.

За 1889—1890 и 1896 г. журналъ весь разошелся: за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экземпля., цѣна которыхъ въ брошюр. видѣ, со всѣми приложениями 4 руб. за каждый годъ, а въ роскош. переплетѣ 5 руб. Перев. за 10 фунт.

Издатель Н. Сейдманъ.

по късу и разотловію.

Редакторъ С. Груздевъ.

3—2

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(34-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:			На города съ пересылкой:			За границу съ пересылкой:		
на 12 мѣсяцевъ	10 р.	— к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р.	— к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р.	— к.
„ 6	„ 5	50	„ 6	„ 6	—	„ 6	„ 9	—
„ 8	„ 3	—	„ 3	„ 3	50	„ 3	„ 4	80
„ 1	„ 1	—	„ 1	„ 1	20	„ 1	„ 1	80

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-правдичныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му юня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяць—85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяць—1 руб. 2—2

ПОДПИСКА, НА 1897 Г., НА ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ:

НАБЛЮДАТЕЛЬ и ГАЗЕТУ ГЛАСНОСТЬ

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, перваго числа, книжкамъ отъ 25—30 печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры (т. XVI).

Газета будетъ выходить съ 1 января ежедневно, но программѣ и въ форматѣ большихъ газетъ безъ предварительной цензуры, съ иллюстраціями.

Редакція газеты ГЛАСНОСТЬ—общая съ редакціей НАБЛЮДАТЕЛЯ. Это обстоятельство избавляетъ насъ отъ необходимости высылать подробно направленіе газеты. Скажемъ только, что мы стоимъ за прогрессивное развитіе нашей государственной и общественной жизни, на національной почвѣ, въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія.

Годовая цѣна газеты ГЛАСНОСТЬ: съ доставкой въ Петербургъ 12 р., съ пересыл. иногороднымъ 14 р., съ перес. за гран.—22 р. За полгода: съ дост. 7 р., съ перес. 9 р., за гран. 12 р. За три мѣсяца: съ дост. 4 р. съ перес. 5 р., за гран. 7 р. За 1 мѣсяць: съ дост. 2 р., съ перес. 3 р. 50 к. за гран. 3 р.

Годовая цѣна НАБЛЮДАТЕЛЯ: съ доставкой въ Петербургъ и пересылкою иногороднымъ 12 р., за границу 14 р. За полгода: 6 р. съ дост. и перес. въ Россіи, за гран. 7 р. За три мѣсяца: 3 р. съ перес. въ Россіи, за гран. 4 р. Гг. служащимъ разсрочка (мѣсячная и по трети) за поручительствомъ казначея. Книгопродавцамъ уступка: 50 коп. съ годоваго экзема. При подпискѣ полугодовой, уступки не подается.

Въ первомъ полугодіи НАБЛЮДАТЕЛЯ за 1897 г. будутъ напечатаны романы: «Свѣта помолвѣн» А. Михайлова (А. К. Шеллера), «Отравленная совѣсть» А. В. Анфитеатрова и пр.

При совмѣстной подпискѣ на НАБЛЮДАТЕЛЬ и ГЛАСНОСТЬ, годовая цѣна: съ дост. 20 р., съ перес. и выгор. 22 р., за гран.—32 р. За полгода съ дост. 12 р. съ перес. 15 р., за гран. 17 р. За три мѣсяца: съ доставк. 7 р. съ перес. 9 р., за гран. 10 р. Книгопродавцамъ, за совмѣстную годовую подписку на журналъ и газету, уступка—1 р., за полугодую—50 коп. Главная контора журнала и газеты: Сиб. Пушкинская, № 8 (близъ Новосаго).

2—2

Редакторъ-издатель А. И. ПЯТКОВСКІЙ.

О ПОДПИСКѢ на 1897 г.

на ежегодный художественный и сатирический журнал карикатуръ

Условія подписки
съ перес. и доставк.:
На годъ..... 7 руб.
На 6 мѣс..... 4 >
За границу..... 10 >
Разсрочка по соглаше-
нію съ конторою.

ШУТЪ

Условія подписки безъ
перес. и доставк.:
На годъ... 6 р. 50 к.
На 6 мѣс.. 3 > 50 >
Адресъ редакціи:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СПАСНАЯ, 17.

Въ теченіе года журналъ „ШУТЪ“ помѣщаетъ:

Болѣе трехсотъ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографіи). Болѣе тысячи карикатуръ—перомъ и карандашомъ. Не менѣе семисотъ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. Тысячи стихотвореній, рассказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. Карикатуры-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ. Карикатуры на худож. выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. Портреты выдающихся дѣятелей.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будутъ помѣщаться:
ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВЪ И ГЕРОИНЬ ДНЯ.

3—2

За редактора—надатель Р. ГОЛМКЕ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА на 1897 годъ

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по научнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе награды; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничній книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнымъ коллекціямъ и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ; биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому университету; обзорныя преподаванія, распредѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные. Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній. Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ В. Мищенко.

3—2

*

1835

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1897

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
 ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возраставшая съ каждымъ годомъ распространенность журнала Живописное Обозрѣніе, даетъ возможность въ 1897 г. сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывавша до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіася въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи вышшаго вида до качества дорогихъ заграничныхъ издавій, не возмущая прежней скромной подписной платы, что въ общецъ дадутъ гг. подписчикамъ

ДВА САМОСТОНТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАВІЯ

I) ЕЖЕМЕДѢЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

52

иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно нѣвготныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общецъ, изъ 2¹/₂—3 листовъ большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками.

52

При номерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдѣются:

1. 62 номера—«Хроника событій за недѣлю».—2. 12 номеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3. 12 расцарапанныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—4. рисунки для вышиванія бѣлья, платьявъ, костюмовъ, перчатокъ, сумокъ, шелковъ, золотомъ и проч.—5. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—6. Рисунки для вышиванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, посудыи въ золотѣ.—7. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романы, танцы и проч.).—8. Стѣнной накондари, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ
 ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ
 ОТПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ НѢКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТН. КРАСКАМИ
 по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ издавій

II) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

◆ ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ ◆

Въ составъ которыхъ входятъ: Новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, рассказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи, сѣтъ и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ разнѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературна произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ доставкой и по Имперіи: 8 р.—Везъ доставки въ Сиб. 7 р.— въ Москвѣ 7 р. 75 к. На полгода (съ доставкой по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р. За границу: на годъ—16 р. Разорочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе приобрести новое художественное изданіе—«Библия въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкой, а за прежнія издавія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Асколь» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картинъ (съ доставкой) — ОДИНЪ РУБЛѢ. Везъ доставки въ Сиб.—75 коп.

Главная контора журнала: Сиб. Невскій проспектъ, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ издавій высылается бесплатно. 3—2

ГОДЪ ИЗД. 85-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

ГОДЪ ИЗД. 85-й.

1812

Большимъ ежедневнымъ политическимъ и литературнымъ газетъ
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

1897

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНИЯХЪ

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событияхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости днѣи столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣнїямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорожными изданиями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданїи

ВООБЩЕ ЗАНИМАЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ:

1) 52 номера воскресныхъ приложений, печатаемыхъ на зеленой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенїя и болѣе 30 художественныхъ рисунковъ. 2) 12 номеровъ «мады и шутокъ», замѣляющіе «водный журналъ». 3) стѣнной календарь размѣняется какъ прибавленіе при первомъ номерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Въ числѣ 52-хъ бесплатныхъ приложений всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 году, получаютъ:

ТРЕТИЙ ТОМЪ ИЗБРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИЗВѢСТНАГО ПИСАТЕЛЯ

А. МИХАЙЛОВА — «ГРѢХИ ПРОШЛАГО»

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкой): На годъ 8 р.—
На полгода 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р. Разрочка
взносовъ допускается, но по соглашенію съ главной конторой.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

выходитъ ежедневно. Въ номерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также
придворныя, административныя, военныя и научныя вѣсти и телеграммы

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОЖНЫМИ ИЗДАНИЯМИ

Каждый воскресный номеръ въ 1897 году будетъ выходить въ разбѣрѣ отъ 12 до 16
страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно исполненными
портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ
и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событїи, особенно
дочтывающихъ на себѣ, въ извѣстнѣйшій моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкой и пересылкою по
Россїи): На годъ 4 р. На полгода 2 р. На три мѣсяца 1 р.

Годовые подписчики газеты «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА», въ 1897 году могутъ получить новое
роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ**„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ“**

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ красивой оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкой) 1 руб. 50 к.

Желаніе приобрести, вѣсто премїи, художественныя изданїя (портреты Ихъ Императорск.
Величествъ, «Ассень», «Вурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прошлые года),
улачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкой—1 РУБЛЬ. Безъ доставки—75 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: СПБ., НЕВСКИЙ ПР., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданїй высылаются бесплатно.

Годъ изд. 3-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

Годъ изд. 3-й.

дешевое ежемесячное литературное издание выходитъ въ форматъ и объемъ большихъ дорожныхъ литературныхъ ежемесячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ВХОДЯТЪ:
НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ)
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книжки «Домашней библиотеки» выходятъ ежемесячно аккуратно между первымъ и десятимъ числами, въ форматъ большихъ журналовъ, какъ напримѣръ: «Вѣстанки Европы», и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 20—400 страницъ) убористой печати, что оставитъ въ годъ болѣе 3.000 страницъ интереснаго чтенія, въ назиданіе и наслажденіе. «Домашняя библиотека» даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности видѣть дорого стоящіе журналы. Въ книжкахъ «Домашней библиотеки» помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскія и иностранныя) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ издаваніяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь. Встрѣтивъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановились и въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ издаваній. Съ этою цѣлью мы пригласили къ участію въ нашемъ изданіи вѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ» приобретены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Вс. С. (авторъ романовъ «Сергій Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Половой, П. И. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Яенискій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій»). «Леное утро». Большой романъ.—Случевскій, И. И. «Мой дядя», рассказъ.—Голыцинъ, Д. П. князь («Муравлины»). «Рѣзаниновъ». Ром. изъ больш. свѣта.—Гитдицъ, П. П. «Чужое», повѣсть.—Волконскій, М. И. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ, К. М. Рассказъ.—Баранцовичъ, И. С. Большой рассказъ.—Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера»). «Нахоромое дѣло», романъ.—Щеголь-Леонтьевъ, М. А. «Наудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева). «Любимца», повѣсть.—Валчино В. А. «Привичай», рассказъ.—Баминъ, И. Ф. «Частъ», повѣсть.—Меранювскій, Д. С. «Святая городъ», повѣсть.—Назарова, И. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышиновъ, В. А. «Старая дѣва», повѣсть.—Тангеева, Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ пара Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Лешанъ, А. И. «Подвигъ», больш. ром.—Федоренъ, А. И. «Въ стѣны», больш. романъ.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», романъ.—Чумина, О. И. «Злая чары», пов.—Красновъ, П. И. «Между двухъ огней», романъ.—Мансиновъ, А. И. «Такъ оуждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Чорный призракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Приваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. И. «Рѣка Калхановъ», пов.—Емоховъ, М. И. «Случайные гости», повѣсть.—Меньшиковъ, И. «Игра судьбы», ром.—Уманецъ, Е. О. «За что?», повѣсть.—Гербановскій, Т. И. «Солнышко пригрѣло», рассказъ.—Якушинъ-Захарынь, И. И. «Скопа» рассказъ.—Леонтьевъ, И. В. «Браджина» рассказъ.—Гивилусть, З. И. «Наудачи», рассказъ.—Майковъ, М. «Друзья-соперники», рассказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Маловѣсскій, П. І. «Дочь ростовщина», романъ.—Свѣрцовъ, Г. Т. «Нравственныя казнь», повѣсть.—Казимбовъ, Юрій. Рассказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Афонясовъ, И. И. «Позорное изсѣдство», романъ и проч.

Въ арлементяхъ журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ ЮЛІЯ ВЕРНА.

Подписка цѣна на «Домашнюю библиотеку» (съ доставкою по Имперіи). На годъ (за 12 книгъ) 4 р. На полгода (за 6 книгъ) 2 р. 50 к. Заграницу (на годъ) 8 р.

съ подлинной просить обращаться къ главному контору:

С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.
 За редактора А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ). Издатель С. Добродетель.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

Вольной еженедѣльный художественно-литературный журналъ

1897 г.

занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы.

29 годъ
изданія.

НИ ОДИНЪ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ НЕ МОЖЕТЪ

сравниться со „Всемирной Иллюстраціей“ ни по количеству, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897 году „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ останется вѣрна своему высокому призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и живымъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ же направленіи и при прежнихъ стремленіи къ постоянному улучшенію въ всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ обратитъ особенное вниманіе на иллюстрированныя описанія богѣ или кѣмъ издававшихся мѣстъ нашего отечества и постарается по возможности расширить этотъ отдѣлъ. Отъ времени до времени она будетъ давать странички, посвященныя „Живописному Петербургу“, изъ которыхъ послѣдствіемъ составится цѣлый альбомъ. Точно также она будетъ отдавать больше мѣста воспроизведенію художественныхъ сокращенныхъ описаній столицъ. Литературный отдѣлъ ея будетъ закладывать въ себя, кромѣ незначительнаго толка къ рѣчицамъ, картинамъ и портретамъ, романы, повѣсти, рассказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія наиболее выдававшихся писателей русскихъ и иностранныхъ, статьи по этнографіи, исторіи, естественнѣйшимъ, археологіи, сельскому хозяйству, искусству и проч., рядъ фельетоновъ, посвященныхъ обзорнѣйшимъ общественнои жизни, науки и литературы какъ въ отечествѣ, такъ и за границей. Величественныя произведенія, даваемые въ прибавленіяхъ къ номерамъ журнала, непрежнему будутъ помѣщаться большей частью съ иллюстраціями. Какъ и прежде, отдѣлу «Спортъ», богатому и разнообразному, будутъ отдаваться отдѣльныя странички въ журналѣ.

„ПАТАНЪ-МУДРЕЦЪ“ драматическая поэма Готтольда-Эфрани Лессинга въ переводѣ В. С. Дикцова, извѣстнаго переводчика произведеній Мольера и Корнели, переводы котораго были неоднократно премарованы.

„ДЕКАМЕРОНЪ-БОККАЧІО“ избранныя новеллы въ переводѣ русскихъ писателей.

Обѣ книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ. „Патанъ-Мудрецъ“ представляетъ собой источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, изъ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юнши, начинающіе жить омыленной жизнью.

Избранныя новеллы изъ „Декамерона“ Боккаччіо блещутъ оцѣнками, совершенно своеобразными вѣроятіями, бриллиантъю веселостью, способной расшевелить самаго серьезнаго человека. Кромѣ того будутъ даны ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ разнообразнаго содержанія.

Такимъ образомъ „Всемирная Иллюстрація“ за 1897 г. будетъ драгоценнымъ и вполнѣ современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

15 Р. Подписная цѣна журнала «Всемирная Иллюстрація» **18 Р.**
на 1897 г.: со всѣми приложеніями и преміей.
безъ дост. СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ 17 руб. съ перес.

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣльныхъ конторахъ: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Почковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клячкина, Моговая, д. Бенкендорфа. Въ ОДЕССѢ, въ отдѣльныхъ конторахъ при редакціи журнала «Вѣстникъ Византизма» В. Е. Таврова, Капитанъ. 13.

Цѣна россианскому изданію (на желѣзной бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р. Допускается расрочка при подпискѣ 7 руб., выдѣль въ 1 мая 6 руб. и въ 1 сентября остальные 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемирной Иллюстраціи“: Спб. Садовая, 22.

1897.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1897.

Открыта подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Въ 1897 году „ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ своемъ обычномъ объемѣ. Въ составъ журнала войдутъ: Классическія произведенія. — Романы, повѣсти и рассказы. — Маленькая юмористика. — По вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ. — Бритическіе этюды. — Новое о знаменитыхъ писателяхъ. — Россія за границей. — Научныя новости. — Историческіе очерки, рассказы и анекдоты. — Изъ заграничной хроники. — Стихотворенія. — Мелочи.

Съ января 1897 года въ приложеніи будетъ печататься историко-литературная монографія

ГЕОРГА БРАНДЕСА ВИЛЛАМЪ ШЕКСПИРЪ.

Исторія его жизни и дѣятельности по его твореніямъ и на основаніи критическаго изслѣдованія наилучшихъ источниковъ Шекспировской литературы.

Въ трехъ частяхъ своего труда Георгъ Брандесъ прослѣживаетъ жизнь и творчество Шекспира въ условіяхъ его времени изъ года въ годъ, отъ сочиненія къ сочиненію, и возсоздаетъ яркій образъ этого величайшаго изъ гениевъ всемірной литературы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ.

съ доставкою 4 р. || безъ доставки и пересылки 3 р. 50 к.

Подписка на 1897 продолжается по той же цѣнѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ — въ Конторѣ Редакціи, ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, Зеркальная линія, № 63, магазинъ ПАНТЕЛЕЕВА (противъ Пажескаго Корпуса); въ Москвѣ — въ Конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линія, а гг. многогородіе благоволятъ адресоваться въ Редакцію, С.-Петербургъ, Вереѣйская ул., д. № 16, собств.

Редакторъ **Ф. И. Булгановъ.**

Издатель **Г. Ф. Пантелеевъ.**

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“ за 1891, 1892, 1894 и 1895 гг.

продается по 4 р. годъ съ пересылкою
до всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ товаромъ малой скорости, а съ пересылкою по почтѣ за каждый годъ 2 рубля дорожке.

ТАМЪ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 144 ТОМА СОЧИНЕНІЙ СЛѢДУЮЩИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

Э. Зола, Бальзана, Флобера. Ж. Занда, Диккенса,
Вальтеръ Скотта, Бретъ-Гарта, М. Твэна, Эдгара
Поэ, Шпильгагена, Гофмана и Эбера.

ВСѢ 144 ТОМА будутъ изданы въ теченіе трехъ лѣтъ, по 48 том. въ годъ, т. е. по 4 тома ежемѣсячно, по 320 стр. въ каждомъ томѣ въ 8 л. листа, четкимъ шрифтомъ. Форматъ и шрифтъ—собранія сочиненій Гюи де Мопасана.

По 15 Ноября 1896 г. вышло 48 томовъ.

ЦѢНА ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКѢ:

за всѣ 144 тома безъ доставки 36 р., съ доставкою въ Петербургъ и 48 р.
доставки съ пересылкою въ другіе города

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ НА СЛѢДУЮЩИХЪ ОСНОВАНИЯХЪ:

Подписывать безъ доставки: при подпискѣ вносятся 15 руб., къ 15 декабря 1896 г. 3 руб. а затѣмъ каждые 3 мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г. по 3 р. Подписывать съ доставкой и пересылкой: при подпискѣ вносятся 20 руб., къ 15 декабря 1896 г. 4 р., а затѣмъ каждые три мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г., вносятся по 4 р.

По этой цѣнѣ подписка принимается только на 5000 экземпляровъ а затѣмъ, ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПОВЫСИТСЯ, о чемъ будетъ объявлено своевременно.

ТАМЪ ЖЕ можно получить СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ:

ГЮИ ДЕ МОПАСАНА. 2-е изданіе. 12 томовъ. Цѣна 6 р. съ перес. 7 р. 50 к.
АЛ. ДОДЭ. 12 томовъ Цѣна 6 р., съ пересылкой 7 р. 50 к.
В. ТЕККЕРЕЯ. 12 томовъ. Цѣна 6 р., съ пересылкой 7 р. 50 к.

ИЗЯЧНЫЕ КОЛЕНКОВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ:

Цѣна 6 переплетовъ на 12 томовъ А. Додэ. 1 р. 80 к., на 12 том. В. Теккеря 1 р. 80 к. и на 12 том. Гюи де Мопасана 1 р. 80 к. Перес. 6 перепл. за 3 ф., по разстояніямъ.

Адресоваться: въ редакцію «Вѣстникъ Иностранной Литературы», Сиб., Верейская, 16 или въ Колтору, Гостинный дворъ, магазинъ П. Ф. Пятелова, № 63.

XIII г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ XIII г. изд.

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

на иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ
въ течение года подписчики получаютъ:

50 еженедѣльн. иллюстрирован. №№, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленныя рисунки.

Б Е З П Л А Т Н О

12 томовъ, иллюстр. знамен. художн., Эмиль Баярдошъ, Собраніе сочиненій
Невилемъ, Риу и друг., и содержащ. въ себѣ

Жюль Верна

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большого формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80,000 верстъ подъ водою 2 т. II. Дѣти капитана Гранта 2 т. III. Таинственный островъ 3 т. IV. Воздушный корабль. V. Зеленый лучъ. VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней. VII. Вверхъ дюномъ. VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики при долатіи одного рубля получаютъ

2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,

состоящія изъ двухъ художествен. картинъ (олеографій).

Картини, разбромъ каждая 20^{1/2}, вершковъ въ длину и 18^{1/2}, вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ.

Съ оригинала художника Кондратенко.

1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА

Съ видомъ Ялты.

2. Видъ Днѣпра у Кіева.

Оригиналы этихъ картинъ специально заказаны для премій 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя:

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюль Верна съ доставк. и перес. **4 Р.**

Допускается разорочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію — при послѣднемъ взносѣ.

Адресъ редакціи: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ выдается Высочайше утвержд. Г-мъ И. Д. СЫТИНА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ
КІЕВСКАЯ СТАРИНА,
ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главныя отдѣла журнала: 1) оригинальные статьи; 2) документы, заметки и замѣтки; 3) критика и библиографія. Сверхъ того, редакция постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. В. Антоновича, А. А. Андриѣвскаго, Н. Ѡ. Вѣляшевскаго, проф. Д. И. Багалѣя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Лашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманна, Е. А. Квильцкаго, Ѡ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левинскаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучинскаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ласкаронскаго, проф. Ѡ. Г. Мищенка, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Мякотина, Ѡ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, В. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ѡ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. Г. Степовича, Б. Н. Сторожева, Л. Д. Свинцакаго, проф. Ѡ. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербини, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка „Малороссійскій Словарь“, который въ полномъ видѣ займетъ болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца, редакция „Кіевской Старины“ разсчитываетъ въ теченіе 1897 г. выпустить въ свѣтъ 2-й томъ этого словаря, объемомъ до 25 печатныхъ листовъ. Этотъ томъ составитъ бесплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина“ въ 1897 году.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

	НА ГОДЪ.
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 » 50 »
За границу.	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи.

(Кіевъ, Бузничная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. М. ГАМАЛѢЙ.

Редакторъ В. П. НАУМЕНКО.

Открыта подписка на 1897 годъ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики и общественной жизни. 3. Обзорѣе газетъ и журналовъ. 4. Телеграммы спеціальнымъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5. Последніи извѣстія (сообщеніе собственнымъ петербургскимъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). 6. Мѣстная хроника. 7. Наука и искусство. 8. Театръ и музыка. 9. Отголоски (маленькій фельетонъ). 10. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 11. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 12. Вѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. 13. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Боллетристка. 14. Судебная хроника. 15. Критика и библиографія. 16. Свѣсь. 17. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. 18. Почтовый ящикъ. 19. Календарь. 20. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенія въ слушаніи въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. 21. Стороннія сообщенія. 22. Объявленія. Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и полководцевъ, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный край» будетъ печататься новымъ, болѣе удобнымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содѣланія газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 Г.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ИНОГОРОДНИМЪ:

На 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 50 к., на 10 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 9 р. 20 к., на 8 мѣс. 8 р. 50 к., на 7 мѣс. 7 р. 80 к., на 6 мѣс. 7 р., на 5 мѣс. 6 р., на 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к.

СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ ХАРЬКОВѢ:

На 12 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р. 25 к., на 8 мѣс. 7 р. 50 к., на 7 мѣс. 6 р. 75 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р. 25 к., на 4 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р. 40 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городекомъ домѣ.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНИЯ 1897 Г.:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

издания годъ XV-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей

Подписная цѣна въ Москвѣ и на города: съ доставкой на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяць—1 руб.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходятъ еженедѣльными книжками и дають въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, английскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна на годъ 3 р. Выбѣтъ съ еженедѣльнымъ литературнымъ приложеніемъ «СЕМЬЯ» на годъ 4 рубля.

III.

Еженедѣльное иллюстрированное литературное изданіе

СЕМЬЯ

Выходитъ по слѣдующей программѣ, являя литература (романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическ. произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обзорныя, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; биографіи; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, сѣть; загадки, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, выѣтки и премія.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНИЯ 13 РУБ.

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты «Новости Дня»; 2) ежемѣсячный журналъ «Новости Иностранной Литературы»; 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе «Семья».

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 р. «Новости Дня» и «Семья»—10 р. Адресъ: Москва, «Новости Дня».

Въ главной конторѣ газеты «НОВОСТИ ДНЯ» продается **АЛЬБОМЪ**

КОРОНАЦИОННЫЯ ТОРЖЕСТВА

(Изданіе «НОВОСТЕЙ ДНЯ» и «СЕМЬИ»).

Альбомъ отпечатанъ на хорошей бумагѣ и заключенъ въ изящную обложку, украшенную алмазными рисункомъ Л. О. Пастернака. Текстъ альбома заключаетъ въ себѣ историческую часть и подробное описаніе коронационныхъ торжествъ въ маѣ 1896 г. Въ альбомѣ помѣщено 90 рисунковъ и 100 портретовъ и группъ.

Цѣна альбому 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВЪ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1. Дѣйствія правительства. 2. Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3. Специальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя С.-Петербургской биржи. 4. Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5. Политическое обозрѣніе. 6. Иностранныя извѣстія. 7. Заграничная жизнь. 8. О чемъ пишутъ. 9. Злобы дня. 10. Общая хроника. 11. Летучіе листки. 12. Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 13. Арабески (Таганрогъ). 14. Пестрыя замѣтки (Новочеркаскъ). 15. Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 16. Письма изъ Мариуполя. 17. Театръ и музыка. 18. Маленькій фельетонъ. 19. Изъ залы суда. 20. Наука, искусство и литература. 21. Библиографія. 22. Корреспонденціи. 23. По Россіи. 24. Смѣсь. 25. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26. Торговныя извѣстія. Биржа. 27. Справочный отдѣлъ. 28. Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: на годъ 9 р., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р., на 9 м. 7 р. 25 к., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 25 к., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р. 75 к.; на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на годъ 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 80 к.

За пересылку газеты заграницу вносится сверхъ подписной цѣны 60 коп. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ cadaго 1-го числа.

Подписка принимается въ Ростовѣ-на-Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край»

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянскому пер., № 18; въ Новочеркаскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская уллица; въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галаджіанца; въ Мариуполѣ—у П. Н. Фалькевича; въ Ейскѣ—у Ф. С. Буцева; въ Новороссійскѣ—у Ф. А. Маринаки; въ Азовѣ—у В. В. Золотарева; въ Луганскѣ—у П. Е. Кочетова; въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у Б. М. Файвишевича, типографія; въ Пятигорскѣ—у А. М. Мануйлова, типографія; въ Грозномъ—у Е. П. Садовникова; въ Бахмутѣ—у И. Р. Грилихесъ; въ Армавирѣ—у Р. Ф. Уманцевой; на ст. Каменской—у В. И. Волокитяна, типографія; на ст. Константиновской—обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-надатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

Вольная ежедневная, политико-общественная и литературная газета

XXIII-й годъ
изданія въ
Н.-Новгородѣ.

ВОЛГАРЬ

Полныхъ 380
выпусковъ
ежедневно.

и
Нижегородскій Виржевой Листокъ

Въ 1897-мъ году

газета «Волгарь» будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ же объемѣ и на той же обширной программѣ, какъ въ 1896-мъ выставочномъ году.

«Волгарь» представляетъ собою одно изъ старшихъ периодическихъ изданій въ Поволжьи; кровъ общихъ вопросовъ и событій русской жизни и текущихъ событій заграничныхъ, «Волгарь» отмѣчаетъ на своихъ столбцахъ еще событія изъ жизни Поволжья.

Въ 1897 г. организуется обширное получение изъ Петербурга важнѣйшихъ извѣстій, интересующихъ Поволжскій край, во телеграфу, отъ специальныхъ корреспондентовъ. Редакція надѣется такимъ образомъ установить быструю осведомленность поволжской публики о выдающихся событіяхъ данного момента.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться новѣсти, рассказы, очерки и стихотворенія, оригинальными и переводами.

Подписная цѣна на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1897 годъ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Новгородскимъ.....	12 р.	11-50	10-50	9-50	8-50	7-50	6-50	5-50	4-50	3-50	2-50	1-50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Имении Новгородѣ; въ Главной Конторѣ „Волгара“.

» С.-Петербургѣ, у Л. и Э. Металь, въ магазинѣ „Новаго Времени“ и др.

» Москвѣ: у Металь, Шабера, Рокитова, Печковской, Сель-Мартевъ и Гилдровскаго » городахъ Поволжья у коммиссіонеровъ „Волгара“.

Новые подписчики на 1897 годъ, сдѣлавшіе подписку заблаговременно получаютъ БЕЗПЛАТНО: 1) „Волгара“ за ноябрь и декабрь мѣсяцы текущего года.

8—2

Редакторъ-Издатель „Волгара“. СЕРГѢЙ ЖУКОВЪ.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г. изданія) на ежемѣсячный общенаучный журналъ.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1887 году „Научное Обзорніе“ будетъ выходить по расширенной программѣ, включающей отдѣлы наукъ физико-химическихъ, естественныхъ, антропологич., географич. и этнографич., исторіи литературы, социологич., статистич., археологич. и исторіи культуры, а также отдѣлы библиографич., научной хроникки, научныхъ новостей, изобрѣтеній и открытій, биографій научнымъ дѣятелей и статей, относящихся къ исторіи науки.

Въ 1897 году въ приложеніяхъ будутъ даны капитальныя научныя сочиненія, частью изъ новѣйшихъ, еще не переведенныхъ на русскій языкъ трудовъ, частью изъ извѣстныхъ важное историческое значеніе.

Въ редакціи нѣтъ комплекты за 1895 г. (ц. 5 р. съ пер.) и за 1896 г. (ц. 6 р. съ пер.). Редакція высылаетъ также книги своего изданія (подписчики за пересылку не платятъ) въ томъ числѣ „Сочиненія Дарвина“ въ 4 томахъ, съ рисунками подлинника, ц. три рубля. (Т. I. Прокл. видовъ, т. II. Прокл. человѣка, т. III. Путешествіе на кор. Вигль и Автобиографія, т. IV. Выраженіе душевныхъ воззрѣній, всего около 2000 стр.).

При редакціи принимается подписка на сочиненіе М. Филиппова, Философія дѣятельности (Исторія и критика научно-философскихъ мировоззрѣній отъ древности до нашихъ дней). Вольной томъ (800 стр. большого формата) съ табл. рис. Подписная цѣна съ перес. шесть рублей. Первая половина высылается немедленно. Изданіе это закончится въ 1897 году.

Подписная цѣна на „Научное Обзорніе“ 12 книгъ въ годъ:

На годъ	семь рублей (съ пер.).
За границу	десять рублей.
Полгода	четыре рубля.
Четверть года	два рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Екатерининская, д. 6, кв. 8.

Ред.-вѣд. д-ръ философіи М. Филипповъ. 8—2

Открыта подписка на 1897 годъ на

ежемесячный литературно-научный и политическій журналъ

СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Съв. Вѣстн.» было, между проч., напечатано: Маршера Струкова. Пов. А. Эртеля. — О развитіи русскаго народнаго хозяйства. Проф. А. Исаянъ. — Трильби. Ром. Ж.-дн-Морье. — Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго. Любовь и ревность у дѣтей. Д-ра В. Якубовича. — Въ дудукѣ. Пов. Вас. Немпронича-Данченко. — О напращеніяхъ современной эстетики. Э. Радлова. — Quo vadis. Ром. Ген. Санковича. — Воспоминанія о А. И. Герцетѣ. Н. Тучковой-Огаревой. — Любовь. Ром. О. Шаниръ. — Наслѣдственность пола. Е. Чижова. — Въ наплавѣ. Пов. П. Воборыкина. — Дѣтство и отрочество П. М. Чайковского. М. Чайковского. — Двѣ новеллы: а) «Наука любви и б) «Любовь сильнѣе смерти». Д. Мережковского. — Новѣйшая испанская литература. Проф. А. Шелелевича. — Зеркала. Пов. З. Гипшиусъ. — Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена. М. Великова. — Фридрихъ Ницше. Отч. Л. А. Сазома. — Миллионная нужда рабочицъ массеетъ. Д. Герценштейна. — Гоголь и А. О. Смирнова въ 1842—44 гг. В. Шеврока. — Новая французская школа въ музыкѣ и нево-германская музыка. А. Бонтова. — Александръ Дюма и Невья теченія во французскомъ романѣ. З. Венгеровой. — Новая побѣда науки. А. Гермуца. — Богъ театра. Разск. Я. Кривковского. — Идея Младоды. Н. Минскаго. — Таманское разоруженіе. В. Вирьковича. — Исторія одного идеала преступленія. Проф. И. Ормановскаго. — Письма къ м-ме Вларде и Г. Флелору. И. С. Тургенева. — Искусство и дѣйствительность. Изъ соч. Д. Рескина. — Реорганизация Ф.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности. Н. Арефьева. — Изъ заѣздавъ. Раз. Ф. Сологуба. — Москва и Римъ. Проф. А. Брикера. — Польскій публицистъ-художникъ. К. Льдова. — Тургеневъ и Толстой. Проф. Д. Овсаннко-Кузнецова. — Новая женщина и разводъ. П. Тверского. — Женское тѣло въ трагедіяхъ Расина. Проф. Ф. Ватушкова. — Сельско-хозяйственные отклики прамысли. В. Вирьковича. — Пясногорье. Ром. Л. Гуревичъ. — Нѣмецкій студентъ конца вѣка. Проф. А. Трачевскаго. — Атомизмъ и энергетизмъ. Проф. А. Введенскаго. — На конурѣ. Раз. А. Стерна, и мн. друг. — Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковского, З. Гипшиусъ, К. Льдова, К. Фофанова, К. Вальмонта, Ф. Сологуба, О. Чуминой и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ВЪ ЖУРНАЛѢ:

- 1) Вопросы самообразованія (статьи проф. И. Воргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шинкевича, проф. К. Песоа, проф. Л. Шелелевича, Н. Усова, проф. А. Брикера и друг.).
- 2) Областной отдѣлъ. 3) Земскій отдѣлъ. (Статьи: «Земское и городское самоуправленіе». М. Стрѣляя, «Земскіе финансы». В. Вирьковича, «Взаимное земское страхованіе». П. Скусаго. «Земское и городское самоуправленіе». П. Кузнецова и др.).
- 4) Провинціальная почта. Л. Горева. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) За предѣлами Европейской Россіи. (Статьи: «Въ Сибири», «Кому просвѣщать Сибирь?», «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста въ Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ». М. П., «Прибалтійскій край». П. К., «Приволжскій край». М. П., «Финляндскія дѣла». П. Кузнецова.)
- 7) Корреспонденціи изъ-за границы. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Критика. 10) Библиографія. 11) Литературныя замѣтки. А. Волынскаго. (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская баллетристика», «Философія теченія въ русской поэзій», «Книга Куно-фшера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романъ въ Сенкевичѣ» и др.).

Поданная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава страницъ). Разсрочка для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

	Годъ.	Полгода.	Четверть.	1 мѣс.
Для иногороднихъ . . .	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р. — к.
> городск. (съ дост.).	11 > — >	5 > 50 >	2 > 75 >	> 90 >
> заграничныхъ . . .	14 > — >	7 > — >	4 >	

Подписка принимается: въ главн. конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ отдѣл. конт. книжн. маг. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ книжн. магаз. Карасикова, «Новаго Времени», Н. Печковской и др.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВЪДОМОСТИ
 въ 1897 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ казенныхъ прибавленій. Съ казенными приб.
 на годъ. 6 руб. 3 руб. 1 руб. на годъ 6 руб.

Съ доставкой по гор. почтѣ. 16 р. — к. 9 р. — к. 4 р. 50 к. 1 р. 80 к. 18 р. — к. 10 р. — к.
 Съ пересылкою иногородн. . 17 > — > 10 > — > 5 > 50 > 2 > — > 19 > — > 11 > — >
 За границу... 26 > — > 14 > — > 8 > — > 3 > — > 28 > — > 16 > — >

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26

Редакторъ-издатель Э. Э. Ухтомскій.

8—1

Открыта подписка на 1897 годъ.

На ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ СЕВАСТОПОЛѢ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ).

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ, является самой большою въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣ праздничныхъ, городскіе подписчики будутъ получать особыя бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки:

На годъ 7 р. на $\frac{1}{2}$ года 4 р. на $\frac{1}{4}$ года 2 р. 50 к. на 1 мѣсяць 1 р.

Съ доставкою и пересылкою:

На годъ 8 р. на $\frac{1}{2}$ года 5 р. на $\frac{1}{4}$ года 3 р. на 1 мѣсяць 1 р. 25 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. СЕВАСТОПОЛѢ — въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро; въ гор. СИМФЕРОПОЛѢ — въ Отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро; въ ЯЛТѢ — въ магазинѣ г.—на Синяни; въ МЛАНТОПОЛѢ — въ Отдѣленіи конторы въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Гинцбурга; въ ВАХЧИСАРАВѢ — у г.—на Коштуна; въ ВЕРДЯНСКѢ — въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдигера и Коми.; въ ОБОДОСНѢ — въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова.

Допускается расрочка: при подпискѣ вносится 3 р., въ 1-му апрѣля — 3 р., въ 1-му июля — остальные 2 руб.

8—1

Объ изданіи въ 1897 году ежедневной литературной и политической газеты ВИЛЕНСКІЙ ВЪСТНИКЪ.

„Виленскій Вѣстникъ“, какъ единственная ежедневная газета Сѣверо-Западнаго края кѣмъ въ виду постепенное развитіе самостоятельности провинціи, ростъ духовныхъ ея потребностей, стремится, по мѣрѣ силъ, отвѣтить на запросы общественной жизни ея злѣбъ дѣи въ области бытовой и экономической.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своею задачею обща, русскіе интересы русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцениваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать всѣми силами благо-состоянію своего общаго отечества. Въ „Ежедн. Вѣстн.“ читатель найдетъ всѣ свѣдѣ-нія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственными распоряженія, назначенія, награды; руко-водящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны беллетристическіе, научныя и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства, печатаемыя раньше столѣтнихъ газетъ; сообщенія собственнымъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края и сообщенія о нѣкѣ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлебнаго рынка и разнымъ справочнымъ свѣдѣніямъ, относящимся къ Сѣверо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. 1 ч. 2 учр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія назенныя объявленія по девяти губерніямъ Сѣверо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяй-ственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“.

Подписка на 1897 годъ открыта.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета въ теченіе декабря будетъ высылаться **БЕЗПЛАТНО**.

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ пересылкою въ другіе города.	
На годъ . . .	. 6 р. — к.	На годъ . . .	. 8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	. 3 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ .	. 4 р. — к.
На 3 „	. 2 р. — к.	На 3 „	. 2 р. 50 к.
На 2 „	. 1 р. 20 к.	На 1 „	. 1 р. — к.
На 1 „	. 1 р. 70 к.	За границу на годъ —	12 рублей.

Подписка принимается въ конторѣ и Вил. Вѣстн., на Вольной ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Редакторъ-издатель, П БЫВАЛЬКЪ-ВИЧЪ.

Открыта подписка на 1897-й г.

11-й годъ изданія.

ДОНСКАЯ РѢЧЬ.

Ежедневная общественно-литературная и политическая газета.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Правительствоныя распоряженія. 2) Передовыя статьи по вопросамъ современной жизни Донской области и вѣдныхъ губерній. 3) Распоряженія и статьи, касающіяся всѣхъ казачьихъ войскъ. 4) Мѣстная хроника. 5) Телеграммы и корреспонденціи изъ Донской области и соедѣнныя съ нею губерній. 6) Былое и современное. Забѣтки и сообщенія по различнымъ отраслямъ современной и прошлой жизни юга Россіи. Стихотворенія, рассказы, очерки, сценны. 7) Отдѣлъ исторической. Акты, грамоты, межуары, хроники. 8) По Россіи. Телеграммы и корреспонденціи. 9) За границей. Иностранныя новости. 10) Фальсифицированное обозрѣніе. 11) Юмористическіе очерки, рассказы, наброски, стихотворенія, шутки, кимсли, эпиграммы. Смѣсь. Отвѣты редакціи. 12) Театръ и искусство. 13) Торговое обозрѣніе и биржа. 14) Справочныя свѣдѣнія. 15) Объявленія и рекламы.

Подписная цѣна:

На годъ съ пересылкой и доставкой—7 р., на $\frac{1}{2}$ года—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—1 р.

Въ 1897 году газета «Донская Рѣчь» будетъ выходить по вышеприведенной программѣ ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ, при чемъ три раза въ недѣлю—въ разлѣтъ обмкловеннаго листа, а въ остальные дни—въ разлѣтъ полулиста.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ разослано будетъ бесплатно справочникъ «по Дону», иллюстрированное изданіе 1897 года, въ которое войдутъ краткія историко-статистическія и справочныя свѣдѣнія объ области войска Донскаго и ея городахъ, программы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, условия приема въ нихъ, торгово-промышленныя, желѣзнодорожныя, почтовыя и др. свѣдѣнія. Въ справочнику будетъ приложена карта области войска Донскаго.

Съ подпиской покорнѣе просятъ обращаться: въ Новочеркасскъ, въ Редакцію газеты «Донская Рѣчь».

Редакторъ-издатель **Ив. П. Поповъ.**

Первый въ Россіи журналъ, иллюстрированный красками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

Х-ЫЙ годъ изданія „**СЪВЕРЪ**“ **Х-ЫЙ** годъ изданія

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ.

въ 1897 г. подписчики получатъ:

52 №№ журнала на вѣленовой бумагѣ, изъ которыхъ **12 №№**
съ ЦВѢТНЫМИ и ТОНОВЫМИ РИСУНКАМИВъ 1897 г. въ журналъ будетъ данъ новый историческій романъ
гр. Е. А. Салтаса «ВТОРАЯ САЛТЫЧУХА».**12 №№** МОДНАГО ЖУРНАЛА „П А Р И Ж С К І Я М О Д Ы“ СО МНОЖЕСТВОМЪ
РИСУНКОВЪ.**12 №№** ВЫКРОЕКЪ, УЗОРОВЪ, РУКОДЕЛІЙ и МОНОГРАММЪ НА
ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТКАХЪ.**12 №№** ЕЖЕМѢСЯЧ. ЖУРНАЛА „ХОЗЯЙСТВО и ДОМОВОДСТВО“.**12** ТОНОВЪ „БИБЛИОТЕКИ СЪВЕРА“,

ВЪ КОТОРЫХЪ БУДЕТЬ ДАНО:

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ

ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА:«ОГНЕМЪ и МЕЧЕМЪ» историч. ром. въ 4 ч.; 2) «ПЛОТОНЪ»
историч. ром. въ 6 ч., 3) «ПАНЪ ВОЛОДЫЕВСКІЙ» историч.
ром. въ 3 ч.Б Е З П Л А Т Н О :**12** ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ КАРТИНЪ ВЪ КРАСКАХЪ.КРОМЪ ТОГО: подписавшіеся до 1-го января 1897 г. непосредственно въ Главной
Конторѣ журнала «СЪВЕРЪ» и уплатившіе подписную сумму сполна, получаютъ
БЕЗПЛАТНО 1 изъ слѣдующихъ премій: 1) Картину (олеографія) худ. В. А. Суринова
«ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ», или 2) АЛЬБОМЪ изъ 12 цвѣтныхъ гравюръ—иллюстрацій къ
русскимъ сказкамъ и портретъ (хромолитографія) о. ЮАННА СЕРГІЕВА КРОНШТАДТ-
СКАГО.

Подписная цѣна со всѣми приложениями и преміями:

6 р. безъ доставки
въ С.-Петербургѣ.Разрочка допускается
4 р. при подпискѣ, 3 р.
къ 1-му юня.съ доставкой и
пересылкою.
За границю 11.**7** |

Адресъ Главной конторы жур. «Съверъ»: Спб. Екатеринбургск.,

Каждо боя передавались из роты в роту. Такое движение Ермолов сделалось тактически правильным. Скоро вся наша артиллерия, дамо и гвардейская, узнала из этой подробности, во из особенности Ермолов был знаменителем инициативы своей и плана построения батарей".

В восьмой главе говорится о штурме войск 1808—1809 года, о перемещении гвардейского артиллерийского батальона в 4-ю артиллерийскую бригаду, о назначении капитана государей А. П. Ермолова командиром этой бригады и о переименовании, произведенных Ермоловым в состав бригады. Для оценки значения гвардейского артиллерийского батальона в истории русской артиллерии, автор разбирает всеобщие учреждения артиллерии с 1807 по 1813 года.

Глава 12-го года до Вородицкого боя является предметом девятой главы, а Баталя послышана Вородицкому бою.

Двадцатая глава обвиняет собою верную времена с 27-го августа 1812 года января 1813 года. Содержавшие ее в этих словах следующие. Отступление из чрез Москву, наступление в Тарушский лагерь, преследование Малин-Ярскому, под Вязьмой, Красным; преследование Павлова летучих отрядов А. Ермолова. Вспомогательная переписка в описании Ермолова; высочайшие манифесты: о рескрипции Государю Богю благодарения за освобождение России от нашествия неприятеля, о построении знака на имя Спасителя и об учреждении серебряной медали.

В главе 21-й двадцатой во шестидесяти о описывается события 1812 года, война с войсками наших войск чрез границу: сражения под Лидоном, Букреем, Дроздовым, Кузьмовым и Лейпцигом.

Как доносил А. П. Ермолов, возмущавший б-ю вихотинки корпусом, у Милордовичу о действиях под Лейпцигом наших войск гвардейской артиллерийской бригады: „Наша часть вошла в начальники 4-го артиллерийской бригады в сражении при Лейпциге, особенно была в значении во действиях оной и в сражении. Выдающееся превосходство артиллерии над артиллерийской бригадой была в выжидании вступления ее действия, но обязанности вложить себя представляющему слаженности во исполнением распоряжений господь батарейных командиров занимать места относительно до собою войскам в порядке во слушать входящего числа противобудствующий".

Послеу господь ретивые командиры сражения отличали себя знаменитым рессурсом. Не говоря о храбрости каждого из нас — она есть свойством (sic) и каждого из нас. Особенно великим образом поручить великияна Ладмина, командиром Демидов и Васильевича. Награждаемого из офицеров есть спра-

ведливость, приваленная из отличных достоинств".

В шестнадцатой главе, озаглавленной: Ота Лейпцига до Арса, между прочим упоминается о недоразумении в статье великих офицеров бригады с полковником Таубе, назначенным командовать гвардейской артиллерийской бригадой; результатом этих недоразумений было то, что большинство офицеров подали прошение о переводе в другую часть оружия. Ермолов успокоивает раздражение офицеров. Ему дана была аудиенция. „Первый словесно государю было, когда вошел Александр Петрович: — Это просто бунт! — Нет, государь. Общее раздражение и сгорчение, вызваны частым в сражении боем. — Если так, — отвечал государь, — то я из себя расступлю, а бригаду оставлю великим. — Государь, — возразил Ермолов, — эти офицеры будут труднее заманить другим".

В семнадцатой главе описываются сражения при Арсе, Фершампенуазе и под Парижем, о содержании же следующей главы можно судить по ее заглавию: Париж и окончание Отечественной войны. Из этой главы мы приобретаем описание благодарственного Государю Богу воззвания за наши победы и освобождение России: „Силие силы во позволах блестя и оставило своими лучами двух великих государей, войска их в знамена, оружие в весь оружейный из народа. Монархи и войска пришли издалека, с дальнего севра и востока, — они были чужды Паризу. И здесь, на площади, где происходило лето тому назад ретива дикая толпа, окружая орафоты с гильотиной и требуя жизни своего короля, — ах! те уверя чужое войско, чужие монархи, в чуждой столицей, с чуждым народом, возносили молитвы Единому Богу! Здравие во истинах было торжественное".

Вернувшись из Париза, бригада отдала во дарго Влчество Павлова с острова Эльба и торжественная встреча, сделанная ему во Франции, побуждая императора Александра и его союзников снова двинуть свои войска к Паризу, — так и начинаеть автор до вяти и двадцатую главу. Далее он говорит о сформировании 1-й и 2-й гвардейских артиллерийских бригад, из трех рот каждая; во конце этой главы высочайшим замечательным письмом великого князя Михаила Павловича к Е. О. Ховану, командиру 1-ой бригады.

Вот в критиче словах содержание очень интересной книги г. Подольского. Величье и величия не оставляет желать лучшего: запечатана эта книга на хорошей бумаге красными, четкими шрифтом; исполнено фотогипсией А. П. Виллборга портреты и рисунки (числом 84) воспроизведем прекрасно.

Н. И-ш-ч.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАВАНІЯ:

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.**—въ государствахъ, входящихъ въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДОЖИТЕЛЕЙ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжный магазинъ А. Ф. Цинверлинга (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моловая, д. Кожа), Н. И. Мамонтова (Кузнецкія восты, д. Фирсадова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжныхъ магазинахъ: въ Казанѣ—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нявская ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о важныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живописанія и матеріалы къ биографіямъ выдающихся русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: перописки, автобиографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (35 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (24 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (20 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (1 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 экз., изд. второе (13 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (45 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	12 книгъ (206 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	12 книгъ (144 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (25 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892	— 1896 гг., 12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVIII-й.

ФЕВРАЛЬ.

1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Шендугартскіе въ Россіи, съ 19-го декабря по 14 декабря 1825 г. Н. К. Шиллера	198—220
II. Письма и реликты императрицы Екатерины II..	221—232
III. Воспоминанія князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго. (Отрывокъ изъ дневника Н. К. Щенкова). Сообщ. А. М. Заиченковскій	233—252
IV. Записка графа А. Я. Беннгена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г. Ча I—VII. Сообщ. П. М. Майковъ	253—272
V. Мусовскій и Дольбергъ въ изображеніи современника Сообщ. А. Курпичевскаго.	273—279
VI. Черной судъ въ Педалии. (Изъ записокъ въ восстановленій игрового суда). Ча. I—II Н. В. Захарьича (Джунина).	281—314
VII. Изъ прошлаго русскаго консульства въ Яссахъ. А. Гирса	315—326
VIII. Первое эмблемство Гоголя въ Пушкинскій и А. О. Россетъ. В. Авонариуса.	327—332
IX. Записки Михаила Чайковского. Ча. XVIII XIX. Перев. В. В. Тимошукъ	333—370
X. Александръ Григорьевичъ Трейницкій. (Одесскій ас-	

рійъ его службы). А. О. Шендугартскаго	373—398
XI. Записка по поводу біографіи М. А. Балакина. Сообщ. Кн. В. А. Келькуатовъ	380—398
XII. Записка князя „Русской Старины“; Параллельныя извѣстия импер. Павла I. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ. — Съ характеристиками интродукта Григорія. Сообщ. М. М. Попова. (стр. 280). — Восподанійшій докладъ главноначальствующаго Министерскомъ Службамъ палатовъ Петра Валуева отъ 14-го сентября 1809 г. — Рескриптъ Петру Станиславичу Валуеву отъ 4-го октября 1809 г. (326) — Лукошко записки Анны Моисъ Сообщ. А. З. Митлаевскій (371). — Письмо о покаяніи армянскаго Амвросія поповскаго интродукта, отъ 2-го дек. 1782 г. (394).	
XIII. Библиогр. указат. книгъ и статей по русск. истор. вышедшихъ въ 1897 г.	395—400
XIV. Приложение. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ	38—64
XV. Библиографическ. листокъ (на оборотѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Александра Григорьевича Трейницкаго Гравиръ К. Алт.

Привлекается подписка на „Русскую Старину“ изд 1897 г.

Возна. вынуть журналъ за истекшіе года, съ 4 стран. оборотки

Пріемъ по дѣламъ редакціи, по понедѣльникамъ и четвергамъ въ отъ 1-е до 3-го полудня.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Владимиръ Поддубинскій, №

1897.

«Почина». Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1896 годъ. Москва. 636+2 Цѣна 2 р. 50 к.

! Во второмъ изданіи «Почина» (вторая книга въ 1895 г.) вошли статьи и произведения, представляющія въ публикѣ и ширитѣ наследіяхъ общества любителей россійской словесности, а также труды волегодныхъ и действительныхъ членовъ общества. Всего статей двадцать четыре. Составившіея такимъ образомъ матеріалъ оказался настолько обильнымъ, что редакція «Почина» должна была отказаться отъ мысли продолжать также болѣе или менѣе полный библиографическій обзоръ издающагося ледовой литературы за 1895 годъ и ограничилась одними лишь въводящими сочиненіи, относящимися къ области критики.

Къ числу статей научнаго и историческаго содержанія принадлежатъ: «Изъ доислѣній въ Монахъ Воспоминаній», О. Н. Бусыгина; «Общій взглядъ на древнюю русскую литературу», Н. С. Тихомирова; «Вопросы и взгляды на азійскія и изв. исторія русской литературы», А. Н. Шмакова; «Герцезъ въ Баттѣ», Е. С. Нарасовой; «Изъ неизданныхъ переписокъ В. Г. Владимірскаго — письма его невестѣ» — съ предисловіемъ П. И. Мелодова; «Памятникъ христіанской легенды въ нашей словесности», М. Операскаго; «Поэма и личность Ждановскій», Н. П. Иванова; «Валкиа о Баттѣ» В. О. Миллера; «Поэма и жизнь Шербины», Л. П. Вильскаго; «И. С. Тургеневъ въ кругу французскихъ литераторовъ», А. А. Андреевой и «Библиографическія записки» В. А. Гольцова.

Къ чисто-литературнымъ произведеніямъ относятся: «Ночь» — переводъ изъ «Фауста» и «Мертвые корабли» поэма К. Д. Пальшова; «Два корабли», рисовка К. М. Отковича; «На могилѣ Шевченко», П. Н. Златогорскаго; «Кони Калугули» — стихотвореніе А. М. Желтушкинова; «Дѣвичество» — драматическій этюдъ изъ отдаленъ и «К. М. Фоминъ» стихотвореніе В. Д. Велачко; «Переволочка», рисовка Ф. Д. Нефедова; «Донъ-Кихотъ жюксовскаго ждановскаго», М. П. Сидовскаго; «Старый казакъ» драма изъ А. П. Оуматова; «Нашъ» опись личной библиографіи, Г. А. Мавтота; басня П. О. Врандта и сюжетный рисунокъ А. С.

Этотъ перечень главнѣйшихъ произведеній и писавъ изъ авторовъ свидѣтельствуетъ о разнообразіи волегоднаго въ сборникѣ матеріала. Особенный научный интересъ представляютъ собой статьи гг. Пальшова, Шмакова, Операскаго и Миллера. Относительно Ждановскій и Шербины представляются страннымъ и врандтовъ отблукъ изъ литературнаго поврѣщенія въ безтолковности; статья же о Герцезѣ, Тургеневѣ и писемъ Владимірскаго своей невестѣ заслуживаетъ вниманія съ душевными настроеніями, главными и стремленіями этаго писателя въ писемномъ мѣстѣ. Въ особенности интересна статья

объяснить причины необыкновенной яркости личности И. С. Тургенева въ Виландо, общественной, заставляющія нашего знанія, несмотря на большую часть своей жизни провести въ кругу, да омолода, а не въ Россіи и ту роль, которую онъ игралъ въ средѣ французскихъ литераторовъ. Г-жа Андреева совершенно справедливо утверждаетъ, что эта привязанность Тургенева киталала главнѣйшимъ образомъ изъ свойствъ характера этого Тургенева. Какъ известно, Иванъ Сергѣевичъ и въ жизни, и въ своемъ произведеніяхъ былъ возлюбленнымъ чистаго искусства и красоты, а талантъ Виландо имѣлъ отдаленъ огня свойственна, и она привлекла къ ней изъ окружающихъ особъ возлюбленную шестнадцатилѣтнюю. Что касалось азійскія на произведенія Тургенева возлюбленного привязанія его къ графинѣ то оно, по мнѣнію г-жи Андреевой, возлюблено ему судить о совершившихся въ Россіи изданныхъ событіяхъ и азійскія государственной и общественной жизни была безразлично и оценивать изъ безразлично, что онъ судилъ бы его, жила въ Россіи — въ самомъ водвореніи этихъ бытія и азійскія. Что касалось отношеній къ Тургеневу французской литературы: Жюль-Валли, братъ Гюстава Флобера, Зола, Дюма, Мопссанъ и иже, рыхъ другая, съ которыми онъ былъ близкимъ близкимъ знакомствомъ, и съ которыми, какъ нагляднѣе съ Флоберомъ, гдѣсьими узлами дружили, то все она, жила отдаленно должную дань его таланту, но такъ же могли азійскія возлюблена в оценю его, и главную причину этого судить считать въ совершенной привязанности и въ отдаленныхъ чертахъ характера азійской и россійской расы.

Писана В. Г. Владимірскаго въ своей (воислѣдствіи жила его) привязанности и отблукъ на душевное настроеніе знанія критика по переводу его изъ Москвиты Петербургу въ эти азійскія привязанности россійскую борьбу его съ установившимся свѣтскими обычаями, которые онъ читалъ поименно предпринимавшимъ Иванъ Писарьина Грыгорьевича настаивала, томи, чтобы брать была отворенны Москвиты, а Владимірскаго, дошлима возлюблена для и по отлученія изъ Петербургу урѣдывалъ свою невесту привѣять отого въ Петербургу. Довѣло до того, Владимірскаго привѣять отлучить свѣтскими, и только это отдаленность, должно быть, возлюблена на отблукъ и заставило ее уступить ему.

Немаловажный интересъ представляютъ статья А. П. Шмакова «Вопросы и взгляды на азійскія и изв. исторія русской литературы». Въ авторъ возлюбленно знаменитая читательнаго удовольствія азійскаго общества въ изъ врандтовъ столѣтія и въ началѣ писанія возлюблена и съ гдѣмъ работавшимъ, которыми дошлима возлюблена такъ азійскаго россійскія привязанности въ области азійскія. Въ этихъ отдаленныхъ отблукъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣрнѣ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели найдутъ личные записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библиографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроникя; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и рассказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственнхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографія, замѣтки и дневники; 8) Историческіе рассказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностраннне, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 13) Родословія.

Редація не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благожелательномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1897 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

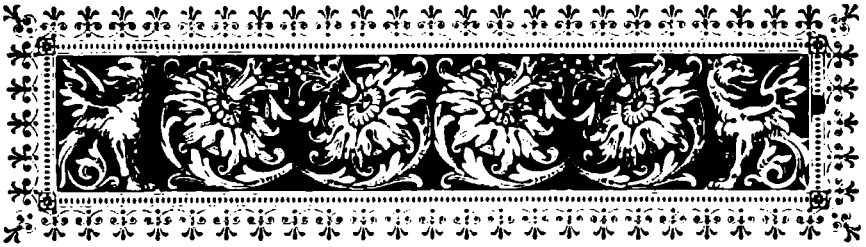
Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ

== Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. ==

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

А. М. Давыдов

МЕЖДУЦАРСТВІЕ ВЪ РОССІИ,

съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 года ¹⁾.

Съ 12-го (24-го) ноября 1825 года генералъ-адъютантъ Дибичъ началъ сообщать въ Варшаву свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи императора Александра; они заключались въ письмахъ на имя генерала Куруты, занимавшаго мѣсто начальника штаба у цесаревича. Первый фельдъегерь съ этимъ тревожнымъ извѣстіемъ прибылъ въ Варшаву 19-го ноября (1-го декабря) вечеромъ, какъ разъ въ самый день кончины императора Александра.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ барону Дибичу не скрылъ овладѣвшаго имъ тогда тяжкаго предчувствія: «Несмотря на всѣ утѣшенія, высказанныя въ вашемъ письмѣ, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ,—писать великій князь.—Говорю вамъ откровенно, что, повинувся лишь внушенію своего сердца, я немедленно отправился бы къ вамъ. Но, къ сожалѣнію, мои обязанности и мое общественное положеніе заставляютъ подавить эти чувства» ²⁾.

Въ это время въ Варшавѣ находился великій князь Михаилъ Павловичъ; цесаревичъ скрылъ даже отъ него и отъ княгини Ловичъ тревожныя письма, получаемыя имъ изъ Таганрога.

«Не говорю вамъ о себѣ и о томъ состояніи, въ какомъ я нахожусь, читаемъ мы въ письмѣ цесаревича къ генералъ-адъютанту Дибичу отъ

¹⁾ См. въ № 1-мъ „Русской Старинѣ“ 1897 года статью „Таганрогъ въ 1825 году“.

²⁾ Военно-Ученый Архивъ отд. 1, № 596.

23-го ноября (5-го декабря),—ибо вамъ слишкомъ хорошо извѣстны моя преданность и мое искреннее расположеніе къ лучшему изъ братьевъ и монарховъ, чтобы сомнѣваться въ нихъ. Мое и безъ того тягостное положеніе ухудшается еще тѣмъ, что о болѣзни императора, кромѣ меня, знаютъ только мой старый другъ Курута и мой врачъ ¹⁾; вѣсть объ этомъ еще не дошла сюда, такъ что въ обществѣ мнѣ приходится казаться спокойнымъ, хотя въ душѣ у меня далеко нѣтъ такого спокойствія. Моя жена и братъ ничего не подозрѣваютъ, такъ что мнѣ пришлось выдумать объясненіе по поводу прибытія вашего перваго фельдъегера; точно также придется поступить сегодня. Если бы я повиновался одному внушенію своего сердца, то, разумѣется, давно уже былъ бы у васъ; но вы, конечно, сами поймете, что препятствуетъ этому».

Между тѣмъ фельдъегери продолжали быстро слѣдовать одинъ за другимъ, и, наконецъ, 25-го ноября (7-го декабря), въ 7 часовъ вечера, цесаревичъ получалъ роковое извѣстіе о кончинѣ своего державнаго брата.

Всеподданнѣйшій рапортъ генераль-адъютанта Дибича не поколебалъ прежняго рѣшенія цесаревича по вопросу о престолонаслѣдіи, и онъ сказалъ тогда же великому князю Михаилу Павловичу: «Теперь настала торжественная минута доказать, что весь прежній мой образъ дѣйствій не былъ личною, и кончить дѣло съ тою же твердостью, съ которою оно было начато. Въ намѣреніяхъ моихъ, въ моей рѣшимости ничего не перемѣнилось, и моя воля отказаться отъ престола болѣе тѣмъ когда-нибудь непреложна ²⁾»!

Призвавъ къ себѣ приближенныхъ своихъ чиновниковъ и объявивъ имъ объ утратѣ, постигшей Россію, цесаревичъ прочелъ имъ переписку свою съ императоромъ Александромъ въ 1822 году и велѣлъ приготовить въ соотвѣтственность ей письма къ императрицѣ Маріи Фёдоровнѣ и къ великому князю Николаю Павловичу, въ которыхъ сказано, что онъ уступаетъ право свое на наслѣдіе престола младшему брату, въ силу рескрипта императора Александра отъ 2-го февраля 1822 года. Цесаревичъ употребилъ здѣсь выраженіе, что онъ уступаетъ престолъ великому князю Николаю Павловичу, такъ какъ ему ничего не было извѣстно о существованіи государственнаго акта, облекшаго уже въ 1824 году эту уступку въ форму закона. Вотъ какими недоразумѣніями завершился таинственный и уклончивый образъ дѣйствій императора Александра въ вопросѣ о престолонаслѣдіи.

¹⁾ Генераль штабъ-докторъ дѣйств. ст. сов. Бучковскій.

²⁾ Баронъ М. А. Корфъ: Восшествіе на престолъ императора Николая I, стр. 36.

Сверхъ официальныхъ писемъ цесаревичъ написалъ Николаю Павловичу еще слѣдующее частное письмо: ¹⁾).

«Дорогой Николай! Вы поймете по себѣ то глубокое горе, которое я долженъ испытывать вслѣдствіе ужасной потери, которую мы всѣ понесли, сколько насъ ни есть, а въ особенности я, утратившій благодѣтеля и обожаемаго повелителя и любимаго брата, друга съ самаго ранняго дѣтства. Вы сленкомъ хорошо знаете, было ли счастьемъ для меня служить ему и исполнять его державную волю въ важныхъ или самыхъ ничтожныхъ дѣлахъ. Его намѣренія и его воля были и будутъ, несмотря на то, что его не существуетъ болѣе, неизмѣнно священными для меня, и я буду повиноваться имъ до конца дней моихъ.

«Перехожу къ дѣлу и увѣдомляю васъ, что во исполненіе воли нашего покойнаго государя, я послалъ матушкѣ письмо, содержащее мои непреложныя рѣшенія, заранѣе одобренныя какъ моимъ покойнымъ императоромъ, такъ и матушкой. Не сомнѣваюсь, что вы, которые были душою и сердцемъ привязаны къ покойному императору, въ точности исполните его волю и то, что было сдѣлано съ его согласія. Я приглашаю васъ, дорогой братъ, добросовѣстно сообразоваться съ этимъ и не сомнѣваюсь, что вы сдѣлаете это и почтете память брата, который любилъ васъ, и которому страна обязана славой и степенью возвышенія, которой она достигла. Сохраните мнѣ вапу дружбу и ваше довѣріе, дорогой братъ, и ни на мгновеніе не сомнѣвайтесь въ моей вѣрности и моей преданности. Изъ моего официальнаго письма вы узнаете объ остальномъ. Это письмо вамъ везетъ мой братъ Михайла, и онъ сообщитъ вамъ всѣ подробности, которыя можете пожелать узнать. Не забывайте меня, дорогой братъ, и рассчитывайте на усердіе и преданность вѣрнѣйшаго изъ братьевъ и друга».

Вмѣстѣ съ тѣмъ цесаревичъ написалъ дружескія письма князю Волконскому и барону Дибичу, въ которыхъ говоритъ, что онъ по-прежнему остается, при теперешнемъ мѣстѣ, товарищемъ ихъ, и прибавляетъ: «по сему ни въ какія распоряженія не могу войти, а получите вы ихъ изъ С.-Петербурга отъ кого слѣдуетъ».

Работа по изготовленію всѣхъ этихъ бумагъ длилась всю ночь, и когда, 26-го ноября (8-го декабря), все было окончено, то цесаревичъ поручилъ великому князю Михайлу Павловичу отвезти бумаги въ Петербургъ. «Я исполнилъ свой обѣтъ и свой долгъ,—сказалъ цесаревичъ брату,—и, если печаль о потерѣ нашего благодѣтеля останется во мнѣ

¹⁾ Письмо цесаревича отъ 26-го ноября (8-го декабря) 1825 года приведено въ книгѣ барона Корфа въ русскомъ весьма неточномъ переводѣ и въ извлеченіи; сверхъ того, не сказано, что письмо написано цесаревичемъ на французскомъ языкѣ.

щевъ, генералъ Кутузовъ, дежурный генералъ Потаповъ и прочіе всѣ тутъ находящіеся.

«Послѣ сего предсталъ онъ предъ внутреннимъ Преображенскаго полка карауломъ (роты его величества гренадерскаго взвода) и объявилъ имъ о кончинѣ государя и провозгласилъ императора Константина. Гренадеры со слезами приняли объявленіе и мгновенно присягнули.

«Потомъ его императорское высочество поручилъ дежурному генералу Потапову, ибо коменданта Валуцкаго тутъ не случилось, о объявленіи, такъ и о приведеніи къ присягѣ главнаго и прочихъ карауловъ съ ихъ постами, что безотложно все приведено въ исполненіе и вездѣ съ тою же горестью и усердіемъ, а генералъ Нейдгартъ былъ посланъ въ Невскій монастырь, гдѣ находился весь гвардейскій генералитетъ, съ предложеніемъ генералу Вонкову исполнить то же во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ.

«Наконецъ послано повелѣніе о подобномъ же объявленіи и приведеніи къ присягѣ всѣхъ полковъ и командъ, здѣсь и въ окрестностяхъ города находящихся.

«Въ теченіе сего времени Государственный Совѣтъ собравшись открылъ свое засѣданіе предложеніемъ приступить къ распечатанію конверта, въ которомъ заключалась воля покойнаго императора. Тутъ возникли нѣкоторыя пренія, и наконецъ положено пакетъ распечатать: дабы принять послѣднюю волю царя Благословеннаго.

«Въ актѣ семъ начертано было отреченіе отъ престолагосударя цесаревича и нареченіе наслѣдникомъ государя великаго князя Николая Павловича.

«Нѣкоторыя пренія лаки по сему случаю возникли, но прекратились мнѣніемъ нѣкоторыхъ, чтобъ пригласить его высочество въ присутствіе Совѣта; на что графъ Милорадовичъ отъѣзжался, что его высочество уже присягнулъ, и во всякомъ случаѣ почитаетъ неприличнымъ на его высочество призывать, ни его высочеству приходитъ въ Совѣтъ, но высылался довести все сіе до свѣдѣнія его и просить допустить Совѣтъ къ себѣ для доклада обо всемъ происходившемъ, что и исполнено, а великій князь отозвался, что онъ не можетъ воспретить ихъ прибытію.

«Когда предсталъ Совѣтъ предъ великимъ княземъ, онъ сообщилъ имъ, что содержаніе сего акта ему давно извѣстно, и именно съ 13-го іюля 1819 года, но что ни въ какомъ случаѣ онъ не дерзнетъ занять мѣсто старшаго брата, отъ высочайшей воли коего зависитъ его участь, и что, поставивъ себѣ въ священную обязанность всеподданнѣйше ему повиноваться, онъ далъ въ томъ присягу и затѣмъ остается въ полномъ увѣреніи, что и онъ для блага государства послѣдуетъ его примѣру.

«Совѣтъ послѣдовалъ его высочеству въ церковь и по просьбѣ ихъ при немъ далъ присягу, а потомъ ямъ же представленъ въ присут-

ствіе императрицы, которая изволила объявить, что актъ и содержаніе онаго ей извѣстенъ и сдѣланъ съ ея родительской воли, но что и она увлеклась подвигомъ сына и, утверждая всѣ его дѣйствія, просить Совѣтъ общими силами сохранить спокойствіе царства.

«По принятымъ мѣрамъ къ тремъ часамъ пополудни какъ войско, такъ и всѣ чины и граждане востшествіе на престолъ императора Константина присягою утвердили. Въ теченіе котораго времени вездѣ сохранялись тишина и порядокъ, что и понынѣ исполняется.

«Абтъ, хранищійся въ сенатѣ, министромъ юстиціи всенодданнѣйше представляетъ государю императору съ донесеніемъ, что сенатъ учинилъ присягу, и указы разосланы повсемѣстно для подобнаго же дѣйствія.

«Его высочество, увидя въ церкви предъ молебномъ о здравіи государя императора Константина Павловича митрополита, сообщилъ ему о событіяхъ, въ Совѣтѣ происшедшихъ, и согласилъ его пакетъ, хранищійся въ Синодѣ, не распечатывать до полученія объ ономъ высочайшаго повелѣнія.

«Въ то же время главный штабъ его императорскаго величества достигнулъ въ церкви главнаго штаба, и вслѣдъ затѣмъ посланы курьеры ко всѣмъ главнокомандующимъ и начальникамъ отдѣльныхъ корпусовъ съ предписаніемъ приступать немедленно къ той же священной обязанности, а отъ графа Милорадовича, по условію съ великимъ княземъ, отправленъ адъютантъ съ увѣдомленіемъ московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына о событіяхъ въ столицѣ и приглашеніемъ немедленно исполнить то же и въ Москвѣ. О томъ же самомъ послано къ генералъ-адъютанту Закревскому для приведенія того же въ исполненіе по великому княжеству Финляндскому.

«Въ то же время отправленъ къ его величеству адъютантъ Николая Павловича Лазаревъ съ письмомъ его.

«Съ тѣхъ поръ по 2-е число декабря столица находилась въ совершенно обычной тишинѣ и строгомъ порядкѣ; служба какъ по гарнизону, такъ и по всѣмъ прочимъ военнымъ и гражданскимъ частямъ сохранила обычный свой ходъ во время отсутствія государя, что принято соблюдать до полученія высочайшихъ повелѣній.

«Донесеніе о исполненіи присяги поступило сначала отъ корпуса военныхъ поселеній, съ приложеніемъ приказа отъ 30-го числа ноября о вступленіи паки въ должность графа Аракчеева и генералъ-маіора Клейнмихеля. Вчера по утру, 2-го числа декабря, получено донесеніе отъ генералъ-адъютанта Закревскаго, что какъ русскія, такъ и финляндскія войска въ Гельсингфорсѣ, а равно сенатъ и прочія мѣста приведены къ присягѣ, и даже не упоминая о конституціи, но по формѣ, въ Россіи введенной. Наконецъ, сего 3-го числа въ 5 часовъ утра, адъютантъ князя Го-

лицина, Новосильцовъ, привезъ извѣстіе, что въ Москвѣ все приведено къ присягѣ въ совершенномъ порядкѣ и тишинѣ. Пакетъ же, хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, остался неприкосновеннымъ впредь до высочайшаго разрѣшенія.

«Кабинетъ его императорскаго величества въ Зимнемъ дворцѣ, тотчасъ по полученіи извѣстія 27-го числа, поручено опечатать графу Милорадовичу, что и исполнено. А какъ камердинеръ покойнаго государя донесъ, что находятся бумаги и въ кабинетѣ Царскаго Села, то для опечатанія посланъ чиновникъ, а его высочество возложилъ сіе порученіе на генераль-маіора Стрекалова, въ присутствіи самого камердинера Воробьева».

Такимъ образомъ таинственность, которою императоръ Александръ облекъ свою волю относительно престолонаслѣдія, принесла печальные плоды. Затѣмъ предстоявшія неизбежныя усложненія увеличились еще тѣмъ, что великій князь Николай Павловичъ рѣшился на великодушный, но необдуманный шагъ, за который Россія могла дорого заплатиться.

Легко себѣ представить удивленіе и огорченіе, испытанныя цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, когда онъ, вмѣсто ожидаемыхъ имъ повелѣній вступившаго на престолъ новаго государя, получилъ донесеніе, что вся Россія присягнула ему, какъ законному государю, и что воля почившаго императора не исполнена и оставлена безъ вниманія!

Между тѣмъ въ Петербургъ прибылъ рано утромъ 3-го (15-го) декабря великій князь Михаилъ Павловичъ съ письмами цесаревича отъ 26-го ноября (8-го декабря). Къ удивленію двора и жителей Петербурга, великій князь не послѣдовалъ общему примѣру и не присягнулъ императору Константину.

Михаилъ Павловичъ, изъявляя сожалѣніе о всемъ, совершившемся въ Петербургѣ, не скрывалъ предвидѣній своихъ насчетъ опасности новой присяги и говорилъ о трудности объяснить публикѣ, почему мѣсто старшаго брата, которому уже присягнули, займетъ вдругъ второй, и растолковать каждому въ народѣ и въ войскахъ основанія и правоту этихъ, какъ онъ ихъ называлъ, домашнихъ сдѣлокъ. Николай Павловичъ въ отвѣтъ брату повторилъ сказанное имъ прежде другимъ, что не могъ дѣйствовать иначе въ томъ положеніи, въ которое былъ поставленъ тайною актовъ покойнаго государя и своимъ о нихъ невѣдѣніемъ, и что ни совѣсть, ни разумъ ни въ чемъ его не упрекаютъ. «Все, впрочемъ,—прибавилъ онъ,—могло бы еще поправиться и получить оборотъ болѣе благопріятный, если бы цесаревичъ самъ пріѣхалъ бы въ Петербургъ, и только упорство его оставаться въ Вар-

шавъ будетъ причиною несчастій, которыхъ возможности я не отвергаю, но въ которыхъ, по всей вѣроятности, самъ первый и паду жертвою»¹⁾).

Дѣйствительно, дѣло нельзя было признать окончательно рѣшеннымъ даже и по полученіи официальныхъ писемъ цесаревича: эти письма были отправлены изъ Варшавы прежде полученія извѣстія о принесенной присягѣ. Послѣ долгихъ разсужденій великій князь Николай Павловичъ рѣшился обратиться къ императору Константину съ новымъ убѣдительнымъ письмомъ, въ которомъ испрашивалъ окончательнаго рѣшенія своей участи и въ заключеніе говорилъ:

— «*Attivez au nom de Dieu*».

Эту просьбу убѣдительно повторила также императрица Марія Ѳеодоровна въ своемъ письмѣ къ сыну. Съ этими бумагами отправился въ Варшаву 3-го (15-го) декабря фельдъегерскій офицеръ Бѣлоусовъ.

Но этихъ не довольствовались, и черезъ нѣсколько дней рѣшено было еще отправить въ Варшаву и великаго князя Михаила Павловича для убѣжденія Константина Павловича прибыть въ Петербургъ. Чтобы не разѣхаться въ пути съ отвѣтомъ Константина Павловича по поводу учиненной ему присяги, великій князь былъ снабженъ императрицею Маріей Ѳеодоровной открытымъ листомъ слѣдующаго содержанія:

«Предъявитель сего открытаго предписанія его императорское высочество государь великій князь Михаилъ Павловичъ, любезнѣйшій мой сынъ, уполномоченъ мною принимать моимъ именемъ и распечатывать всѣ письма, пакеты и прочее, отъ государя императора Константина Павловича ко мнѣ адресованныя²⁾». «Марія».

8-го (20-го) декабря Михаилъ Павловичъ писалъ великому князю Николаю Павловичу со станціи Ненналь³⁾.

«Пріѣхавъ на станцію Ранка-Пунгернъ, встрѣтилъ я, любезный Николай, фельдъегеря изъ Варшавы съ письмомъ къ князю Лопухину, и, увидѣвъ на конвертѣ: отъ его императорскаго высочества цесаревича, я сейчасъ догадался въ чемъ дѣло; между тѣмъ узналъ отъ него, что Лазаревъ ѣдетъ вслѣдъ за нимъ, и потому я взялъ сего фельдъегеря съ собою, покуда не встрѣчу Лазарева. Что написано князю Лопухину, того не знаю, ибо не имѣю права ихъ отворять. Въ Ненналь нашелъ я Лазарева, который и подалъ мнѣ пакетъ у него бывшій на имя матушки. Ты изъ письма Константина Павловича увидишь все его мнѣніе, которое по содержанію почти согласно съ тѣмъ, что я тебѣ говорилъ. Теперь, не зная, какія мѣры будутъ взяты въ Петербургѣ; я думаю, что хорошо мнѣ будетъ здѣсь оставаться и ждать твоихъ по-

1) Баронъ Корфъ: «Восшествіе» стр. 75.

2) Государственный архивъ. Разрядъ III. № 41.

3) Государственный архивъ. Разрядъ III. № 27.

великій, ибо, бывъ только въ 260 верстахъ, если я нуженъ въ Петербургѣ, я сейчасъ могу вернуться, если нѣтъ, то я могу продолжать дорогу въ Варшаву, какъ ни въ чемъ не бывало; можетъ быть, угодно будетъ матушкѣ и тебѣ еще новое что нибудь отправить къ брату. Увѣрьте себя, что я всюду готовъ, куда матушкѣ и тебѣ угодно. Два или три дня разницы приѣзда моего въ Варшаву ничего не сдѣлаютъ, ибо Опочининъ уже конечно все сказалъ. Сдѣлай милость, чтобы приказанія ко мнѣ дошли какъ можно скорѣе. Прощай, твой на вѣки.

«Михаилъ».

Лазаревъ привезъ великому князю Николаю Павловичу слѣдующее письмо Константина Павловича отъ 2-го (14-го) декабря:

«Вашъ адъютантъ, любезный Николай, по прибытіи сюда, вручилъ мнѣ въ точности ваше письмо. Я прочелъ его съ живѣйшею горестью и печалью. Мое рѣшеніе непоколебимо и освящено моимъ покойнымъ благодѣтелемъ, Императоромъ и повелителемъ. Приглашеніе ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною, и я объявляю вамъ, что удалюсь еще дальше, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего Императора. Вашъ по жизни вѣрный и искренній другъ и братъ»¹⁾.

Но и это письмо не рѣшило дѣла; оставалось еще ожидать возвращенія изъ Варшавы Бѣлоусова съ отвѣтомъ на письмо великаго князя Николая Павловича отъ 3-го (15-го) декабря.

Ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ не замедлило присоединиться еще новое осложненіе. 12-го (24-го) декабря явился къ Николаю Павловичу лейбъ-гвардіа Измайловскаго полка полковникъ баронъ Фредериксъ, исправлявшій въ Таганрогѣ должность коменданта. Онъ привезъ великому князю пакетъ отъ барона Дибича, адресованный: «его императорскому величеству въ собственныя руки». На вопросъ, знаетъ ли онъ о содержаніи пакета, Фредериксъ отвѣчалъ отрицательно, но прибавилъ, что, по неизвѣстности въ Таганрогѣ мѣстопребыванія государя императора, такія же точно бумаги посланы и въ Варшаву, а ему приказано только, на случай, если бы его величества не было еще въ Петербургѣ, вручить пакетъ по чрезвычайной важности дѣла его высочеству.

Николаю Павловичу не оставалось, конечно, другаго исхода какъ вскрыть таинственный пакетъ. При первомъ бѣгомъ просмотрѣ вскры-

¹⁾ „Votre aide de camp, cher Nicolas, m'a exactement remis Votre lettre à son arrivée ici. Je l'ai lue avec la plus vive peine et douleur. Ma résolution est inébranlable et sanctionnée par feu mon bienfaiteur, Empereur et Maître. Votre invitation d'arriver au plus tôt ne peut pas être acceptée par moi et je Vous déclare que je m'éloignerai encore plus si le tout ne s'arrange pas d'après les volontés de feu notre Empereur. Je suis pour la vie Votre fidèle et sincère ami et frère“. (Государственный Архивъ. Разрядъ III № 27).

тыхъ бумагъ его объялъ несказанный ужасъ, пишетъ баронъ Корфъ. Приведемъ здѣсь цѣликомъ донесеніе барона Дибича отъ 4-го (16-го) декабря 1825 года, представляющее собою какъ бы заключительную страницу царствованія императора Александра. ¹⁾

«Въ прошедшее лѣто, пишетъ баронъ Дибичъ,—3-го Бугскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ въ письмѣ, на высочайшее имя и въ собственныя руки писанное, объявилъ, что онъ имѣеть открыть важный секретъ. Будучи по высочайшему повелѣнію по распоряженію генерала графа Аракчеева привезенъ въ С.-Петербургъ въ концѣ іюля сего года, показалъ: что онъ узналъ случайно, что въ нѣкоторыхъ полкахъ первой и второй арміи существуетъ секретное общество, которое отъ время до времени увеличивается, и что оно имѣеть особенныя связи въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, и что онъ увѣренъ, что служащій въ Конно-Егерскомъ полку прапорщикъ Вадковскій (выписанный за дерзкій разговоръ изъ Кавалергардскаго полка) есть одинъ изъ главнѣйшихъ членовъ. По знакомству его съ принадлежащими, по мнѣнію его, къ тому же обществу живущими въ Харьковѣ графомъ Яковомъ и Андреемъ Булгари, онъ надѣялся быть введеннымъ въ сіе общество и открыть секреты и членовъ онаго.

«Положено было дать ему отпускъ на годъ будто бы за то, что онъ привезенъ былъ въ С.-Петербургъ по подозрѣнію по дѣлу поручика Сивиниса, въ которое замѣшанъ былъ также графъ Булгари, и что онъ себя выпросилъ въ вознагражденіе годовой отпускъ, когда сіе подозрѣніе найдено было неосновательнымъ. Онъ обѣщался увѣдомить графа Аракчеева, коль скоро найдетъ возможность къ большому открытію, съ тѣмъ, чтобы тогда былъ присланъ надежный чиновникъ съ полномочіемъ для пособія ему.

«Отъ 20-го сентября писалъ онъ письмо къ графу Аракчееву изъ Карачева, въ коемъ объясняетъ, что по прїѣздѣ въ Харьковъ былъ у графа Якова Булгари, у коего засталъ и племянника его графа Андрея, что онъ имъ объявилъ о вѣсти его по подозрѣнію по дѣлу Сивиниса, что графъ Яковъ Булгари жаловался, что онъ по тому же дѣлу не имѣеть отвѣта на три просьбы, на высочайшее имя поданныя, но что на вопросъ его, Шервуда, о обществѣ отозвался графъ Булгари незначеніемъ; напротивъ того, когда сей вышелъ изъ комнаты, то племянникъ графъ Андрей Булгари спрашивалъ его, какъ идутъ дѣла сего общества, объявилъ ему, что онъ знаетъ чрезъ графа Николая Булгари, служа-

¹⁾ Баронъ Корфъ въ сочиненіи своемъ приводитъ только въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ содержаніе этого важнаго историческаго документа, который до сихъ поръ не появлялся въ печати.

церовъ гвардіи приняты въ ихъ общество. Онъ жаловался на вѣтренность поручика графа Николая Булгари, который съ графами Спири и Андреемъ Булгари поѣхали въ Одессу, и чрезъ то промедлить доставленіемъ списка въ С.-Петербургъ и особливо требованіемъ отъ главныхъ членовъ общества о заведеніи секретной типографіи для напечатанія сочиненій въ ихъ духъ и присылки трехъ экземпляровъ ихъ конституціи, изъ коихъ одинъ хотѣлъ дать Шервуду.

«Шервудъ предлагалъ себя для посылки въ С.-Петербургъ, но Вадковскій отклонилъ сіе, сказавъ, что поручикъ графъ Булгари уже на сіе опредѣленъ и имѣеть для сего подорожную во всю имперію. Шервудъ ему далъ списокъ мнимыхъ членовъ, завербованныхъ имъ будто въ поселеніи, и разными замѣчаніями о способности ихъ. Вадковскій спряталъ оный въ скрипичный футляръ, гдѣ еще хранятся другія бумаги, съ тѣмъ, что человекъ Вадковского можетъ ихъ сжечь, когда предстанетъ въ томъ надобность.

«Дивизионный начальникъ 1-й конно-егерской дивизіи, генералъ-маіоръ Зассъ, оставилъ Вадковского въ Курскѣ въ караульныхъ эскадронахъ еще на другую очередь. Шервудъ былъ у него въ гостяхъ въ караулѣ, куда приходилъ Стѣверскаго конно-егерскаго полка маіоръ Гофманъ, отъ котораго Шервудъ слышалъ весьма неприличные разговоры насчетъ правительства. Вадковскій сказалъ ему послѣ: «вотъ уже приготовленъ, при первомъ свиданіи будетъ принятъ въ общество». Шервудъ писалъ изъ Курска къ графу Андрею Булгари, чтобы поручикъ графъ Николай Булгари воротился скорѣе. Сіе письмо повезетъ въ Одессу ротмистръ кавалергардскій графъ Чернышевъ, который ожидаетъ изъ главной квартиры 1-й арміи отпускъ, будучи предварительно отпущенъ въ Курскъ.

«Вадковскій рассказывалъ Шервуду слѣдующее:

«Въ обществѣ состоятъ: Кавалергардскаго полка ротмистръ графъ Захаръ Чернышевъ, дѣйствующее лицо въ С.-Петербургѣ, того же полка Свистуновъ (вѣроятно, корнетъ, выпущенный изъ камеръ-пажей). Лейбъ-гвардіи Коннаго полка офицеръ Бураковъ (?), недавно женившійся на фрейлинѣ Ушаковой, принятъ въ общество Вадковскимъ, равно какъ юнкеръ Скарятинъ, пріѣхавшій изъ Кіева (неизвѣстно котораго полка), который объявилъ, что онъ давно къ сему приуготовленъ былъ своимъ учителемъ. Графъ Вобринскій (Шервуду неизвѣстно который) пожертвовалъ 10.000 рублей на заведеніе секретной типографіи. Полковникъ Павелъ Пестель, бывший адъютантъ графа Витгенштейна (командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка), ни Вадковскому, ни Шервуду неизвѣстно, гдѣ онъ квартируетъ и каемъ именно полкомъ командуетъ, почему Вадковскій просилъ Шервуда узнать вѣрнѣе о семъ, и Шервудъ просилъ о томъ увѣдомленія отъ знакомаго ему адъютанта ге-

нераль-лейтенанта Рудзевича, капитана Шишкова, и состоящаго по особымъ порученіямъ у генераль-адъютанта Киселева майора Пуцина. Наконецъ считаетъ въ числѣ членовъ генераль-интенданта второй арміи Юшневскаго.

«Шервудъ получилъ всѣ сіи извѣстія отъ Вадковскаго, обѣщалъ захватить къ нему, когда пойдеть въ Москву и С.-Петербургъ въ началѣ декабря.

«Въ доказательство связей своихъ представилъ два собственноручныхъ письма Вадковскаго, которыя по двусмысленности своей довольно ясно доказываютъ невольнительныя ихъ связи. Шервудъ полагалъ во время вторичнаго своего свиданія съ Вадковскимъ, въ началѣ декабря, уговорить его препоручить ему отвезти списокъ членовъ, если не прійдетъ Булгаря.

«По полученіи сихъ извѣстій, по важности скорѣйшаго открытія столь ужаснаго зла, въ особенности въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, конемъ вѣроятно зломыслищія желаютъ воспользоваться для распространенія онаго, приказалъ я полковнику Николаеву, если онъ въ томъ надѣется имѣть успѣхъ, отправиться съ Шервудомъ или вслѣдъ за онымъ въ Курскъ, подъ видомъ отпуска, и притворясь вступить чрезъ Шервуда въ ихъ общество, стараться выманить секреты Вадковскаго и лично удостовѣриться въ оныхъ. Буде же успѣетъ въ семъ, смотря по обстоятельствамъ, или арестовать Вадковскаго и бумаги его и сообщниковъ, буде есть таковыя, или же меня заранѣе увѣдомить для принятія должныхъ мѣръ.

«Я получилъ рапортъ полковника Николаева, что онъ отправился 26-го ноября въ Курскъ для исполненія сего.

«Въ ожиданіи дальнѣйшихъ послѣдствій, получилъ я 1-го декабря, съ прибывшимъ сюда, въ Таганрогъ, адъютантомъ генераль-лейтенанта Рота, поручикомъ гусарскаго, принца Оранскаго полка графомъ Штейнбокомъ, отъ сего генерала рапортъ и письмо, писанное рукою начальника корпуснаго штаба генераль-майора князя Горчакова, и при нихъ письмо Вятскаго пѣхотнаго полка капитана Майбороды на высочайшее имя.

«Капитанъ Майборода говоритъ въ письмѣ семъ, что, подозрѣвая давно полковаго своего командира, полковника Пестеля въ незаконныхъ связяхъ къ нарушенію общаго спокойствія, дабы лучше о томъ узнать, поддавался притворно и тѣмъ открылъ, что въ Россіи существуетъ уже болѣе 10-ти лѣтъ и болѣе и болѣе увеличивается общество либераловъ, корень котораго въ Россіи и въ нѣкоторыхъ прилежащихъ мѣстахъ ему, Майбородѣ, извѣстны. Сіе общество даже знало предварительно, когда въ началѣ сего года посланъ былъ въ Харьковъ генераль-майоръ Шеншинъ для захваченія бумагъ графа Булгаря. Онъ просить послать доувѣренную особу въ квартиру роты его, Липовецкаго

повѣта, въ село Балабановку, которой откроеть онъ гдѣ сохраняются бумаги сего общества и приготовленные уже какіе-то законы, подъ именемъ «Русской Правды», сочиненіемъ конхъ занимаются генераль-интендантъ Юшневскій, полковникъ Пестель и въ С.-Петербургѣ гвардейскаго генеральнаго штаба (капитанъ) Никита Муравьевъ. (Я при семъ долженъ прибавить, что графъ Виттъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣеть подозрѣніе на генераль-интенданта первой арміи Пирогова. Шервудъ же и Майборода говорятъ про генераль-интенданта второй арміи Юшневскаго и не упоминають о Пироговѣ).

«Въ томъ же письмѣ просить Майборода представиться лично государю императору съ тѣмъ, чтобы препоручено было довѣренной особѣ привезаетъ его сюда. Онъ считаетъ жизнь свою въ опасности и по сему, не рѣшаясь открыться своему высшему начальству, просить перевода изъ второй арміи, куда угодно будетъ. Въ случаѣ же, что теперь увидить себя опасность, намѣренъ спастись къ генераль-лейтенанту Роту.

«Генераль Ротъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ прибавляетъ, что Майборода, явись къ нему въ Житомиръ, объявилъ ему еще лично, при просьбѣ о доставленіи открытаго упомянутаго письма, что общество, о которомъ онъ говоритъ, было составлено подъ именемъ общества просвѣщенія, что впоследствии многіе отъ него отклонились, между прочимъ командиры полковъ: Украинскаго пѣхотнаго полка Бурцовъ и Казанскаго полковникъ Аврамовъ, также квартирмейстерской части подполковникъ Комаровъ, и что они вѣрно не отказались бы въ открытіи дальнѣйшихъ свѣдѣній, особливо Комаровъ (который находится нынѣ при 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ и въ временномъ отпуску); сверхъ сего объявилъ Майборода, что деньщикъ полковника Пестеля, Савенко, ему совершенно преданный, знаетъ много подробностей и гдѣ важнѣйшія бумаги, кои хранятся частью въ двухъ зеленыхъ портфеляхъ. Майборода уѣхалъ обратно въ свой полкъ и надѣется, что скроетъ поѣздку свою въ Житомиръ.

«По важности сихъ показаній и согласности ихъ съ трехъ разныхъ мѣстъ и въ разныя времена, казалось необходимымъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. По отсутствію вашего императорскаго величества я полагаю, буде не получу другаго приказанія завтрашній день, въ который ожидаю фельдъегеря изъ С.-Петербурга, отправить генераль-адъютанта Чернышева прямо въ Тульчинъ, гдѣ онъ, открылся одному главнокомандующему, приступить къ должнымъ мѣрамъ для арестованія полковника Пестеля и показанныхъ бумагъ. Имѣя въ семъ ожидаемый успѣхъ генераль-адъютанту Чернышеву (поручено?) донести о семъ прямо вашему величеству въ собственные руки. Я увѣдомляю равно главнокомандующаго первой арміи о принятыхъ противъ прапорщика Вад-

ковскаго мѣрахъ, и что онѣ казались тѣмъ необходимыми, что, по полученіи извѣстія, сіе зло распространено не только по второй арміи, но и по первой, особливо по 4-му резервному кавалерійскому корпусу.

«Что же касается до чиновъ гвардейскаго корпуса, замѣшанныхъ по показаніямъ, въ семъ докладѣ объясненными, то обстоятельство сіе передаю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества».

Отправляя въ Петербургъ приведенный здѣсь всеподданнѣйшій докладъ, баронъ Дибичъ написалъ еще великому князю Николаю Павловичу письмо, въ которомъ обращается къ нему уже, какъ къ государю; это письмо нижеслѣдующаго содержанія:

«Въ бѣдственномъ случаѣ, насъ постигшемъ, я по вѣрноподданнѣйшей обязанности моей долженъ былъ о послѣдовавшей кончинѣ всеимпловствѣйшаго государя нашего донести его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Константину Павловичу, яко старшему брату покойнаго императора, и слѣдовательно, по существующему закону, наследующему всероссійскимъ престолу, ибо кромѣ сего закона мнѣ прежде, такъ и нынѣ совершенно невѣдѣны никакія другія государственныя на сей предметъ положенія.

«Но на рапортъ мой я получалъ 4-го декабря отъ его императорскаго высочества цесаревича письмо, въ копіи при семъ прилагаемое, въ которомъ изволить совѣтывать мнѣ обо всѣхъ предметахъ, требующихъ высочайшихъ разрѣшеній, относиться въ С.-Петербургъ. Почему, слѣдуя тому же самому закону, я мнѣ послѣ его императорскаго высочества цесаревича видѣть въ вашемъ императорскомъ величествѣ моего всеимпловствѣйшаго государя и съ покорностію буду ожидать высочайшихъ повелѣній вашего величества, надѣясь притомъ, что ваше величество простите мнѣ, если я въ семъ необыкновенномъ и трудномъ положеніи моемъ сдѣлалъ какую либо ошибку. Будучи впрочемъ совершенно покойнымъ въ совѣсти моей: ибо при семъ несчастномъ случаѣ во всѣхъ поступкахъ моихъ я имѣлъ единственную цѣль—сохранить долгъ вѣрноподданной моей обязанности къ высочайшему престолу.

«Слѣдуя сему же самому долгу моему, я почитаю священнѣйшею обязанностію, не теряя ни малѣйшаго времени, донести вашему императорскому величеству, чрезъ посылаемаго нарочнымъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковника барона Фредерикса, объ одномъ чрезвычайно важномъ случаѣ, касающемся до благосостоянія и спокойствія государства и не терпящемъ никакого отлагательства.

«Изъ приложеннаго при семъ особеннаго доклада моего изволите усмотрѣть, всеимпловствѣйшій государь, всю важность сего предмета и тѣ мѣры, къ коимъ на первый разъ я счелъ необходимымъ взять рѣшимость, предавая дальнѣйшія распоряженія на волю и благоусмотрѣніе вашего величества. Тайну, въ семъ докладѣ содержащуюся, я почитаю

толь великою, что не открытъ и представляющему сіе вашему величеству полковнику Фредериксу, ибо по отдаленности вашего величества и невозможности получить въ скоромъ времени вашихъ приказаній, я долженъ былъ какъ въ семь, такъ и вообще въ принятыхъ мною по сему случаю рѣшимостяхъ слѣдовать данными мнѣ покойнымъ государемъ императоромъ, при отправленіи лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковника Николаева, наставленіями».

Прочитавъ присланныя бумаги, великій князь Николай Павловичъ въ тотъ же день, 12-го (24-го) декабря, писалъ барону Дибичу:

«Полковникъ Фредериксъ пріѣхалъ сегодня поутру въ 7 часовъ и вручилъ мнѣ три пакета отъ васъ, любезный Иванъ Ивановичъ, къ государю императору адресованные. Изъ перваго письма моего къ вамъ вы извѣстились уже, что, не створаясь между собою, мы оба, и я могу прибавить—за мною всѣ исполнили долгъ нашъ предъ нашимъ государемъ. Но воля его свята, и, присягнувъ ему, я долженъ свято исполнять все, что мнѣ ни повелитъ, какъ оно ни тяжело для меня, и какъ ни укасно и ни затруднительно мое положеніе. Я еще не государь вашъ, но долженъ поступать уже какъ государь, ожидая каждую минуту разрѣшенія Константина Павловича на вступленіе мое на его мѣсто. Какъ и почему — здѣсь не мѣсто сказывать; скоро все объяснится и докажетъ, что я, прежде всего, былъ честнымъ человѣкомъ, а потому и передъ Богомъ, и передъ государемъ, и передъ отечествомъ чистъ совѣстью и дѣлами. Я открылъ пакеты и въ вашемъ докладѣ видѣлъ дѣло ужасное, по которое меня не страшитъ, ибо я на все готовъ. Обязанность моя—не теряя ни минуты приступить къ дѣлу, до общаго блага касающемуся; а потому и приступлю къ назначенію мѣръ мною принятыхъ. Въ секретѣ: генералъ Милорадовичъ, какъ военный генералъ-губернаторъ и который все здѣсь дѣлаетъ; князь Голицынъ, потому что онъ завѣдываетъ почтами и пользовался довѣріемъ покойнаго государя; генералъ Бенкендорфъ, какъ человѣкъ надежный и посредникъ по дѣламъ военнымъ и гражданскимъ, бывъ военнымъ губернаторомъ и командуя полками, въ коняхъ, полагать должно, можетъ быть зараза.

«Третьяго дня видѣлъ въ первый разъ графа Аракчеева. Онъ мнѣ въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ дѣлѣ, не зная, на чемъ оно остановилось, и говоря мнѣ про оное, потому что полагаетъ его весьма важнымъ.

«Я тогда же сообщилъ объ этомъ генералу Милорадовичу, который хотѣлъ видѣться съ графомъ Аракчеевымъ, но какъ графъ принялъ за правило никого у себя и нигдѣ не видѣть, даже и по службѣ, то и не пустилъ къ себѣ Милорадовича, хотя онъ и велѣлъ сказать,

что онъ отъ меня посланъ къ графу. Это было вчера ¹⁾. Получивъ ваши бумаги, я тотчасъ увѣдомилъ о томъ графа Милорадовича и условился съ нимъ и Голлицынымъ обратитъ непремѣнно бдительное вниманіе на нѣкоторыхъ лицъ, здѣсь находящихся. Выслать на встрѣчу Булгари и Чернышеву ²⁾ фельдъегерей, для взятія ихъ подъ арестъ за городомъ, и сюда доставить въ крѣпость. Генерала Милорадовича адъютантъ, графъ Мантейфель, поѣдетъ сегодня же на Житомиръ, въ село Балабановку, Липовецкаго повѣта, для доставленія сюда капитана Майбороды. Какъ штабсъ-капитанъ Муравьевъ ³⁾ уже уѣхалъ въ отпускъ въ Орелъ на четыре мѣсяца, то для арестованія его на дорогѣ, гдѣ встрѣтится, посылается фельдъегерь къ князю Голлицыну въ Москву.

«Но при томъ долгомъ считаю въ честь нашей гвардіи сказать, что я почти увѣренъ, что сообщниковъ подобнаго злодѣянія адѣсь весьма мало, или я вовсе нѣтъ. Тому служитъ неоспоримымъ доказательствомъ примѣрный порядокъ, соблюдаемый адѣсь по всѣмъ частямъ съ самаго ужаснаго 27-го числа; нѣтъ ни слуха о томъ, ни подозрѣнія въ чемъ либо подобномъ, и, напротивъ, можно скорѣе сказать, что почти и никогда такого порядка при жизни государя адѣсь не бывало. Я бы грѣшилъ предъ Богомъ и предъ самимъ собою, если-бъ говорилъ противное. Но «на Бога надѣйся, а самъ не плошай» было и будетъ нашимъ правомъ до конца,—я мы не зѣваемъ.

«Теперь нужнымъ считаю ждать извѣстій: 1) отъ Чернышева; 2) отъ васъ, ибо Фредериксъ говорилъ мнѣ, что полковникъ Николаевъ ѣхалъ къ вамъ обратно. Это одно можетъ опредѣлить дальнѣйшія мѣры. Если Шервудъ сюда будетъ, мы возьмемъ мѣры, чтобъ его спрятать. Если Николаевъ не одинъ къ вамъ воротится, то нѣтъ сомнѣнія, что вся шайка догадается объ открытіи вполнѣ или части заговора; а потому тогда уже нечего медлить всѣхъ ихъ забрать. Тѣ, которые адѣсь, т. е. Борисовъ и Свистуновъ, оба дураки; но се peuvent être des instruments. За ними будутъ смотрѣть. Про Корниловича я еще ничего не узналъ.

«Какъ по всему дѣлу видно, что въ Одессѣ должно быть гнѣздо заговора, ибо адѣсь въ инспекторскомъ департаментѣ извѣстно, что Чернышевъ отпущенъ на 28 дней въ Курскъ и Одессу, то я считаю

¹⁾ Среди этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ не легко было дѣйствовать Николаю Павловичу, если даже довѣренный и столь близкій къ покойному государю савонникъ осмѣлился отнестись такимъ образомъ къ генералъ-губернатору, присланному великимъ княземъ; а то, что приславшій его великій князь былъ уже въ ту пору императоромъ всероссійскимъ, не могло составлять тайны для провинцальнаго графа Алексѣя Андреевича.

²⁾ Графъ Захаръ Чернышевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка.

³⁾ Никита Муравьевъ.

необходимымъ, чтобы переговорыли о семъ съ графомъ Воронцовымъ, дабы и тамъ принять нужныя мѣры; во всякомъ же случаѣ, не оставьте меня въ неизвѣстности о вашемъ на сей предметъ распоряженіи. Сейчасъ слышу, что Шишковъ, адъютантъ Рудзевича, здѣсь, подъ предлогомъ просьбы въ отставку; я за нимъ также присмотрю ¹⁾).

«Я считаю нужнымъ, любезный Иванъ Ивановичъ, чтобы вы, испросивъ приказанія государыни Елисаветы Алексѣевны, дозволили мнѣ и она открытъ кабинетъ его императорскаго величества, забрали, какъ можно скорѣе, всѣ бумаги, въ немъ хранящіяся, и доставили ихъ ко мнѣ, нане скорѣе, съ надежнымъ человѣкомъ. Самъ же, если присутствіе ваше въ Таганрогѣ не необходимо, пріѣзжайте сюда, гдѣ вы весьма мнѣ нужны, и тогда вамъ нужно будетъ ѣхать на Могилевъ на Днѣпрѣ, чтобъ условиться съ генераломъ Сакеномъ о многомъ, до сего и до будущаго обстоятельства касающагося, *en un mot pour m'orienter*; я считаю, что вы тамъ, а можетъ статься и прежде получите извѣстія, что все здѣсь въ порядкѣ ко в ч е н о, или, иначе, я живъ и не останусь. Да поможетъ намъ Богъ, къ чести отечества и нашей ссыбѣти, все хорошо привести къ заключенію.

«Князю Петру Михайловичу писалъ я то, что вы отъ него уже вѣрно слышали—насчетъ распоряженій, касающихся до тѣла нашего ангела. Я не могъ и н о м у и н а к о писать, ибо тогда не имѣлъ на то права, теперъ я вамъ о томъ подтверждаю, какъ лицо полуофициальное, но еще не вашъ государь, а вашъ искренній другъ». «Н».

Едва Николай Павловичъ успѣлъ окончить приведенное здѣсь письмо, какъ фельдтегеръ Вѣлюсовъ прибылъ изъ Варшавы съ рѣшительнымъ отвѣтомъ цесаревича, положившимъ конецъ междуцарствію. Николай Павловичъ былъ императоромъ.

Въ 9 часовъ вечера государь сдѣлалъ въ письмѣ къ генералъ-адъютанту Давичу еще слѣдующую приписку:

«Рѣшительный курьеръ воротился; послѣ завтра по утру, я—или государь, или безъ д х а н і я. Я жертвую собой для брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ съ Россіей? Что будетъ въ арміи? генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ самъ извѣстіемъ къ графу Сакену и ищу довѣреннаго для такого же назначенія въ Тульчанъ и къ Ермолову. Словомъ,—надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнію или недовѣрчивостію, но съ надеждою, что, какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оныи нынѣ предъ мною исполнять. Но если гдѣ либо что заварится, и вы о томъ узнаете, поручаю вамъ сейчасъ ѣхать туда, гдѣ

¹⁾ Шишковъ оказался неучастнымъ къ тайнымъ обществамъ.

будеть нужно ваше присутствіе. На васъ полагаюсь совершенно и впередъ разрѣшаю всё вами принимаемыя мѣры.

«Я вамъ послѣ завтра, если живъ буду, пришлю—самъ еще не знаю кого—съ увѣдомленіемъ, какъ все сошло; вы также не оставьте меня увѣдомить о всемъ, что у васъ или вокругъ васъ происходитъ будетъ, особливо у Ермолова. Къ нему надо будетъ подь какимъ нибудь предлогомъ и отъ васъ кого выслать, напримѣръ, Германа или такого разбора: я, виновать, ему менѣе всѣхъ вѣрю. Опять повторяю: здѣсь у насъ о сѣ пору неостязимо тихо: *mais le calme précède souvent l'orage*».

«Довольно объ этомъ. *Que la volonté de Dieu se fasse*. Во мнѣ видѣть должно намѣстника и исполнителя воли покойнаго государя, а потому я на все готовъ. Къ вамъ навсегда буду искренно доброжелательнымъ. Николай.

«До вашего приѣзда дѣла будутъ идти подь именемъ Татищева, чрезъ Потапова, который ко мнѣ съ докладомъ ходитъ будетъ». ¹⁾

Рѣшительный отвѣтъ цесаревича былъ привезенъ Бѣлоусовымъ не черезъ Ригу, а по Брестъ-Литовскому тракту, и потому Михаилъ Павловичъ, въ прежней невѣдѣности, все еще находился въ Неннагъ. Николай Павловичъ послалъ за нимъ нарочнаго съ повелѣніемъ спѣшить въ Петербургъ. Такимъ образомъ это случайное обстоятельство замедлило возвращеніе великаго князя въ столицу, гдѣ присутствіе его, по обстоятельствамъ, становилось настоятельною необходимостью.

Теперь Николаю Павловичу предстояло заняться составленіемъ манифеста: нужно было объяснить необъяснимое, а это представляло задачу не легкую. Къ этой работѣ были привлечены Карамзинъ и Спераскій.

Карамзинъ предлагалъ начать манифестъ о вѣствованіи императора Николая Павловича на престолъ такъ:

«Въ сокрушеніи сердець нашихъ, пораженныхъ столь внезапною кончиною государя императора Александра Павловича, можемъ только какъ христіане смиряться духомъ предъ Всевышнимъ и молить Его, да пошлеть намъ скорбь неизглаголанную, пошлетъ и силы сдосить ее безъ отчаянія и ропота, съ умиленіемъ любви и благодарности къ памяти усопшаго великаго монарха, коего царствованіе, ознаменованное дѣлами безпримѣрной славы для отечества, во вѣки вѣковъ будетъ сіять въ нашихъ и всемірныхъ лѣтописяхъ: царствованіе спасителя Россіи, изба-

¹⁾ Въ тотъ же день, 12-го декабря 1825 года, великій князь Николай Павловичъ писалъ князю Волконскому: «Воля Божія и приговоръ братній надо мной совершается. 14-го числа я буду или государь, или мертвъ. Что во мнѣ происходитъ—описать нельзя; вы вѣрно надо мной сжалитесь—да, мы всё несчастны, но нѣтъ несчастнѣе меня. Да будетъ воля Божія! (Государственный Архивъ. Разрядъ III. № 84).

вителя Европы, благотворителя побѣжденныхъ, умирителя народовъ, друга правды и человѣчества.

«Въ самый первый часъ скорби и рыданій, произведенныхъ ужасною вѣстію, что не стало Александра I-го, мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго, торжественно присягнули въ вѣрности законному наслѣднику престола, согласно съ уставомъ блаженныя памяти родителя нашего государя императора Павла Петровича: старѣйшему брату нашему государю цесаревичу, великому князю Константину Павловичу».

Карамзинъ пишетъ: «Государь Николай Павловичъ сказалъ, что ему неприлично хвалить брата въ манифестѣ, и велѣлъ М. М. Сперанскому написать это иначе, отдавъ ему мою бумагу. Сперанскій написалъ такъ:

«Въ сокрушеніи сердца, смиряясь предъ несповѣданными судьбами Всевышняго, среди всеобщей горести, насъ, императорскій нашъ домъ и любезное отечество наше объявшей, въ единомъ Богѣ мы ищемъ твердости и утѣшенія. Кончиною въ Божіе почившаго государя императора Александра Павловича, любезнѣйшаго брата нашего, мы лишились отца и государя, двадцать пять лѣтъ Россіи и намъ благотворившаго.

«Когда извѣстіе о семъ плачевномъ событіи въ 27-й день ноября мѣсяца до насъ достигло, въ самый первый часъ скорби и рыданій. Мы, укрѣпляясь духомъ для исполненія долга священнаго и слѣдуя движенію сердца, принесли присягу вѣрности старѣйшему Брату Нашему, Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, яко законному по праву первородства Наслѣднику престола Всероссийскаго и проч.»

«Заключеніе предлагалъ я такое, продолжаетъ Карамзинъ (послѣ словъ: «присяга въ вѣрности учинить Намъ и Наслѣднику Нашему»):

«И Мы, въ сей торжественный часъ, предъ лицомъ Всевышняго, отъ глубины сердца даемъ обѣтъ жить единственно для любезнаго отечества: слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Вѣнценосца! Да будетъ Наше царствованіе только продолженіемъ Александрова! Да благоденствуетъ Россія своимъ уже приобрѣтеннымъ могуществомъ, внѣшней безопасностію, внутреннимъ устройствомъ, чистою вѣрою Нашихъ предковъ, государственною и воинскою доблестію, истиннымъ просвѣщеніемъ ума и непорочною нравовъ, плодами трудолюбія и дѣятельности полезной, мирною свободою жизни гражданской и спокойствіемъ сердець невинныхъ! Да будетъ престолъ нашъ твердъ закономъ и вѣрностію народною! Да соединится неразрывно, подъ нашею державою, правосудіе неослабое съ милосердіемъ челоуѣколюбія! Да исполнится все, чего желать, но еще не успѣлъ совершить для отечества Александръ безсмертный: тотъ, коего священная память должна питать и насъ и рев-

ность, и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народа Россійскаго».

«Нашли тутъ поводъ къ толкамъ, пишетъ Карамзинъ, видъ самохвальства, великія обязательства; велѣли передѣлать, выпустить все, что выразило бы характеръ или намѣренія новаго царствованія. Сперанскій написалъ (какъ напечатано):

«Наконецъ Мы призываемъ всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ соединить съ Нами теплыя мольбы ихъ ко Всевышнему, да исполнеть Намъ силы къ понесенію бремени, Святымъ Промысломъ Его на Насъ возложеннаго; да укрѣпить благія намѣренія Наши жить единственно для отечества, слѣдовать примѣру оплакиваемаго Нами Государя. Да будетъ царствованіе Наше токмо (у меня: только) продолженіемъ царствованія Его, и да исполнится все, чего для блага Россіи желалъ тотъ, коего священная память будетъ питать въ Насъ и ревность и надежду стяжать благословеніе Божіе и любовь народовъ Нашихъ» (вмѣсто: любовь народа Россійскаго).

«Одинъ Богъ знаетъ, замѣчаетъ въ заключеніе Карамзинъ, — каково будетъ наступившее царствованіе. Желаю, чтобы это сообщеніе было любопытно для потомства: разумѣю въ хорошемъ смелѣ»¹⁾.

Императоръ Николай подписалъ манифестъ въ воскресенье 13-го (25-го) декабря, но помѣтилъ его 12-мъ, какъ тѣмъ днемъ, въ который вопросъ о его воцареніи окончательно рѣшился отвѣтомъ цесаревича.

Манифестъ хранился, однако, въ тайнѣ до ожидаемаго пріѣзда великаго князя Михаила Павловича. Войска рѣшено было привести къ присягѣ 14-го декабря. Вмѣстѣ съ тѣмъ разосланы были повѣстки членамъ Государственного Совѣта, по которымъ они призывались въ воскресенье, 13-го декабря, въ 8 часовъ вечера, въ секретное общее собраніе.

Когда Государственный Совѣтъ собрался въ назначенный часъ, князь Лопухинъ объявилъ, что въ это засѣданіе имѣютъ прибыть великіе князья Николай и Михайлъ Павловичи. Часы проходили въ томительномъ ожиданіи; приближалась полночь, а ожидаемый пріѣздъ Михаила Павловича не послѣдовалъ. Тогда Николай Павловичъ рѣшился прибыть въ засѣданіе одинъ. Занявъ мѣсто предсѣдателя, великій князь началъ самъ читать манифестъ о принятіи имъ императорскаго сана вслѣдствіе настоятельныхъ отреченій отъ сего высокаго титула цесаревича Константина Павловича. Затѣмъ, государь повелѣлъ прочесть рескриптъ цесаревича на имя князя Лопухина²⁾. Въ заключеніе члены

¹⁾ Незаданныя сочиненія Карамзина, стр. 17: „Дли свѣдѣнія мои къ сыновей и потомства“. 16-го декабря 1825 года.

²⁾ По прочтеніи этой бумаги Николай Павловичъ взялъ ее къ себѣ, не признавая возможнымъ дать ей тогда гласность, вслѣдствіе заключающагося

Государственнаго Совѣта принесли присягу императору Николаю въ большомъ дворцовомъ соборѣ.

Наступило 14-е (26-е) декабря 1825 года. Въ этотъ день пред- назначено было собраться въ Зимній дворецъ на молебствіе лицамъ, ко двору пріѣздъ имѣвшимъ, сперва къ одиннадцатому часу, а потомъ по вторичнымъ повѣсткамъ, ко второму. Но обстоятельства заставили отложить молебствіе еще до болѣе поздняго часа.

Члены тайнаго общества рѣшили воспользоваться концомъ между- царствія и предстоявшей новой присягой, чтобы вызвать въ войскахъ смуту и низвергнуть существующій въ Россіи порядокъ. Тайнственность, въ которую облечены были переговоры съ Варшавою, подали поводъ къ разнымъ толкамъ и предположеніямъ, къ распространенію ложныхъ слуховъ, возбуждавшихъ тревогу и въ обществѣ и, въ особенности, въ казармахъ—все это благоприятствовало начинаніямъ и замысламъ заговорщиковъ.

Единственнымъ исходомъ изъ положенія, созданнаго Николаемъ Павловичемъ въ минуту рыцарскаго воодушевленія, «несомнѣнно благо- роднаго, но, быть можетъ, не совсѣмъ разумнаго»¹⁾, явился пріѣздъ въ Петербургъ цесаревича Константина Павловича съ цѣлью гласнаго и торжественнаго отреченія отъ престола въ столицѣ. Но цесаревичъ наотрѣвъ отказался отъ этого способа вывести брата изъ затруднитель-

въ рескриптѣ рѣзкаго осужденія всего того, что было сдѣлано въ Петербургѣ съ 27-го ноября.

Въ этомъ рескриптѣ между прочимъ сказано, что при восшествіи на престолъ императора Александра учтена была присяга и наследнику, который назначенъ будетъ. «А какъ изъ раскрытыхъ бумагъ въ Государственномъ Совѣтѣ обнаружена высочайшая воля покойнаго государя императора, дабы наследникомъ всероссійскаго престола быть великому князю Николаю Павловичу, то безъ нарушенія сдѣланной присяги никто не могъ учинить иной, какъ только подлежащей великому князю Николаю Павловичу, и слѣдовательно присягу, нынѣ принесенную, ни признать закон- ною, ни принять оную не могу... При чемъ вашей свѣтлости и то сказать долженъ, что присяга не можетъ быть сдѣлана иначе, какъ по манифесту за императорскимъ подписаніемъ. Положивъ такимъ образомъ священную для меня волю покойнаго государя императора, долгомъ поставлю изъяснить съ крайнимъ прискорбіемъ Государственному Совѣту, что въ семъ случаѣ отступлено имъ отъ законной обязанности принесеніемъ имъ несдѣланной присяги, тѣмъ болѣе, что учинено сіе безъ моего вѣдома и согласія, а сдѣ- ланная ими присяга, завлекшая и другихъ, подавъ примѣръ къ неисполне- нію вѣрноподданническаго долга, есть неправильна и незаконна, и для того должна быть уничтожена и, вмѣсто оной, принесена его императорскому величеству Николаю Павловичу».

¹⁾ С. С. Татищевъ: «Водареніе императора Николая по нежданымъ источникамъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ». «Русскій Вѣстникъ» 1893 года.

наго положенія, въ которое онъ себя поставилъ; онъ полагалъ, что не ему надлежитъ терпѣть отъ послѣдствій совершенной не имъ неосторожности, опасность которой была бы предотвращена, если бы не поторопились и обратились предварительно къ нему за совѣтомъ или даже за приказаніями. Введенные въ обманъ нижніе чины нѣкоторыхъ частей гвардіи отказались отъ присяги императору Николаю Павловичу и собрались на Петровской площади, передъ зданіемъ Сената, являясь какъ бы защитниками законныхъ правъ на престолъ цесаревича Константина Павловича.

Между тѣмъ знатныя обоюга особы начинали съѣзжаться въ Зимній дворецъ. Среди общаго движенія въ сторонѣ неподвижно сидѣли три магната, пишетъ Карамзинъ: князь Лопухинъ, графъ Аракчеевъ и князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, «какъ три монумента». Въ то время когда военные всѣ уходили на площадь, графъ Аракчеевъ, какъ и слѣдовало ожидать, предпочелъ остаться во дворцѣ. «На него жаль было смотрѣть», пишетъ въ своихъ запискахъ В. Р. Марченко.

Мятежники упорствовали долго и не уступали увѣщаніямъ; графъ Милорадовичъ палъ смертельно раненый. Начинало уже смеркаться. Тогда императоръ Николай, убѣдившись наконецъ въ невозможности смирить непокорныхъ безъ кровопролитія, повелѣлъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, дѣйствовать артиллеріи. Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ рѣшили участь дня, мятежники разсѣялись, и спокойствіе разомъ водворилось въ столицѣ.

Возвѣщенное во дворцѣ молебствіе могло начаться только въ половинѣ седьмого. Войска бивуакировала вокругъ дворца.

«Дорогой, дорогой Константинъ, написалъ въ тотъ же вечеръ государь цесаревичу, — вѣра воля исполнена: я — императоръ; но какою цѣною. Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ. (Cher, cher Constantin! Votre volonté est faite, je suis Empereur, mais à quel prix, grand Dieu, — au prix du sang de mes sujets!)».

Въ ту же ночь начались аресты и допросы предводителей мятежа.

И такъ 19-е ноября 1825 года отозвалось грозно въ смутахъ 14-го декабря. Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха, кроваво имъ ознаменованная, были страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помысловъ настоящихъ и давно прошедшихъ, пишетъ князь П. А. Вяземскій.

По словамъ Карамзина, Россія въ сей день спасена отъ такого бѣдствія, «которое если не разрушило, то конечно бы истерзало ее».

«Если буду императоръ хоть на одинъ часъ, то покажу, что былъ того достоинъ», такъ говорилъ императоръ Николай утромъ 14-го декабря собраннымъ въ Зимнемъ дворцѣ начальникамъ гвардейскихъ полковъ и въ этотъ грозный день торжественно оправдалъ первое свое державное слово.

Въ Москвѣ, послѣ присяги императору Константину, ждали извѣстій о чрезвычайныхъ событіяхъ въ Петербургѣ. Возбужденіе въ нѣкоторыхъ слояхъ общества было чрезвычайное, и толкамъ не было конца. «Не забуду никогда одного бывшаго въ то время разговора о томъ, сказано въ запискахъ одного современника,—что нужно сдѣлать въ Москвѣ въ случаѣ полученія благоприятныхъ извѣстій изъ Петербурга. Одинъ изъ присутствовавшихъ на этихъ бесѣдахъ князь Николай Ивановичъ Трубецкой, адъютантъ графа П. А. Толстого, тогда командовавшаго корпусомъ, расположеннымъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, брался доставить своего начальника, связаннаго по рукамъ и по ногамъ (*avec les mains et les jambes liés* ¹). Предположеніямъ и преніямъ не было конца, а мнѣ, юношѣ, казалось, что для Россіи уже наступилъ 1789 годъ.»²)

Хотя послѣ 14-го декабря въ Москвѣ, а также и въ Россіи, все было тихо и спокойно, но толки продолжались. Извѣстія изъ Петербурга передавались самыми странными и одно другому противорѣчащія. То говорили, что тамъ все спокойно, и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ, то рассказывали, что вторая армія не присягаетъ, идетъ на Москву и тутъ намѣревается провозгласить конституцію. Къ этому прибавляли, что Ермоловъ также не присягаетъ и съ своими войсками идетъ съ Кавказа на Москву. «Эти слухи были такъ живы и положительны и казались такъ правдоподобными, рассказываетъ современникъ,—что Москва или, вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ юга цовыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ».

Взглядъ цесаревича Константина Павловича на событія въ Петербургѣ, которыя привели ко дню 14-го декабря, отразился всего лучше въ слѣдующихъ строкахъ великаго князя, посланныхъ князю Волконскому изъ Варшавы 24-го января 1826 года:

«Воля покойнаго государя императора какъ при жизни его, такъ и по кончинѣ, была и будетъ всегда для меня священна: я слѣдовалъ и слѣдую оной такъ точно, какъ бы благодѣтель нашъ еще теперь здравствовалъ,—неизгладимая память о немъ останется въ сердцѣ моемъ до конца дней моихъ. Послѣ кончины его, нѣкоторая поспѣшность была, можетъ быть, поводомъ случившимся несчастнымъ происшествіямъ, въ которыхъ, къ прискорбію моему, имя мое выставилось на видъ, чего иначе вѣроятно не могло бы случиться, и по сему я нахожусь въ такомъ положеніи, что до времени не могу еще явиться въ С.-Петербургъ. Здѣсь, благодаря Бога, все тихо и спокойно: около же

¹) Князь Николай Ивановичъ Трубецкой скончался въ 1874 году оберъ-гофмейстеромъ, андреевскимъ кавалеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

²) Записки А. И. Кошелева—Берлинъ, 1884, стр. 14.

насть порядочныя были заверушки. По симъ обстоятельствамъ, правду сказать, мой теперъ здѣсь постъ жутковатовать, но воля Воля: надѣюсь на Всевышній Его Промыслъ!»¹⁾

Событія 14-го (26-го) декабря уже застали графа Ростопчина страдающимъ отъ болѣзни, которая вскорѣ свела его въ могилу²⁾. Узнавши о нихъ, онъ сказавъ: «Обыкновенно сапожники устраиваютъ революцію, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками»³⁾.

Эти слова были лебединою пѣснью нестоющаго остроумія и злоумія, которыми отличались вѣрченія графа Ростопчина.

Императоръ Николай далъ расслѣдованію по тайнымъ обществамъ— южному, сѣверному, соединенныхъ славянъ и польскому—возможную гласность; затѣмъ все дѣло было передано верховному уголовному суду, который долженъ былъ постановить приговоръ относительно главнѣйшихъ участниковъ заговора, въ числѣ 121 человѣка.

Одинъ изъ современниковъ высказавъ по поводу событій, сопровождавшихъ день 14-го декабря, слѣдующія мысли: «Не слѣдовало ли набросить покрывало и на истинныхъ преступниковъ русскихъ и поляковъ—и не исчезнетъ ли преступность послѣднихъ и даже первыхъ, когда вспомнишь, чего желалъ, за что гнѣвался государь, коему не должно было сопротивляться безъ преступленія? По любви къ государю и къ его памяти, къ душѣ его, понесшей на себѣ грѣхи всей его политики и администраціи, должно было бы бросить покровъ забвенія или милосердія и на другихъ заблудшихъ. Если вслѣдъ за нимъ блуждали и другіе, то какъ не принять кончину его какъ средство, которое само Провидѣніе давало милости и правосудію человѣческому»⁴⁾.

Суровая дѣйствительность совершенно не соответствовала этимъ краснорѣчивымъ разсужденіямъ. Изъ подсудимыхъ: Рытѣвъ, Муравьевъ-Апостоль, Вестужевъ-Рюминъ, Пестель и Каховскій казнены смертью, остальные члены тайныхъ обществъ, привлеченные къ суду, сосланы были въ Сибирь и въ другія мѣста заточенія.

Никто не ожидалъ такого исхода. Во все царствованіе Александра не было ни одной смертной казни, и ее считали исполнѣ отиѣненною. «Описать или словами передать ужасъ и уныніе, которые овладѣли

¹⁾ Государственный Архивъ. Разрядъ III, № 33.

²⁾ Графъ Ростопчинъ скончался 18-го (30-го) января 1826 года.

³⁾ «Ordinairement ce sont les cordonniers qui font les révolutions, pour devenir grands seigneurs; mais chez nous ce sont les grands seigneurs qui ont voulu devenir cordonniers».

⁴⁾ Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпцигъ, 1872 г., стр. 51.

всѣми, нѣтъ возможности», пишетъ современникъ и свидѣтель этихъ впечатлѣній въ 1826 году въ Москвѣ ¹⁾. Это настроеніе отразилось на коронаціонныхъ торжествахъ. Императоръ Николай былъ чрезвычайно мраченъ; будущее являлось болѣе чѣмъ грустнымъ и тревожнымъ. Все это рѣзко отличалось отъ восторговъ и надеждъ, сопровождавшихъ коронацію 1801 года.

Н. Шильдеръ.

¹⁾ «Записки А. И. Копелева», стр. 18.

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II.

Генералъ Штофельнъ.—Моровая язва въ Москвѣ.—Графъ Кирилл Разумовскій и его дочь Елисавета.—Графъ П. Ф. Апраксинъ.—Путешествіе Австрійскаго императора по Россіи.—С. Ф. Стрекаловъ.

1.

Секретное собственноручное письмо Императрицы Екатерины II къ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому.

Марта 5 ч. 1770 г. ¹⁾.

Графъ Петръ Александровичъ! Упражненія господина Штофельна въ выжиганіи города за городомъ и деревни сотнями, признаюсь, что мнѣ весьма не пріятно; мнѣ кажется, что безъ крайности на такое варварство поступать не долженъ; когда же безъ нужды то дѣлается, то становится подобно тѣмъ дѣламъ, кои у насъ изъ-стари бывали на Волгѣ и на Сурѣ.—Я вѣдаю, что вы такъ, какъ и я, не находите удовольствіе въ подобныхъ происшествіи, пожалуй уймите Штофельнъ. Истребленія всѣхъ тамошнихъ мѣстъ не ему Лавры нанесутъ, не намъ барыша, напротивъ есть ли то суть христіанскія жилища; я опасюсь, чтобъ подобный жребій не палъ на Букарестъ и проч.: предлогъ, что держаться нельзя, и тамъ быть можетъ. Вы видятъ изъ всего сего, что я вамъ чистосердечно описываю свои мысли, оставляя впрочемъ вамъ здѣлать

¹⁾ Печатаются съ сохраненіемъ орфографіи подлинника.

не болѣе, не менѣе какъ благоразумную осторожность, и лучше ваше военное искусство и знаніе вамъ на умъ положить, имѣя къ вамъ совершенной довѣренности, что вы все то здѣлаетѣ, что къ пользѣ службъ и дѣлъ вамъ вверенныхъ служить будетѣ. Статься можетѣ, что по моей природной склонности болѣе къ созиданію, нежели къ истребленію, я сія неприятыя проишествія слишкомъ горячо принимаю, однако я почла за нужно, чтобъ вы совершенно знали образъ моихъ мыслей, употребленіе изъ сего здѣлаетѣ не инако какъ вы сами залуче разсудитѣ, и сіе письмо потому можетѣ остаться между нами; но какъ бы то не было оно всегда служить будетѣ къ доказательству той повѣренности, съ которою остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

2.

Собственноручная записка Императрицы Екатерины II ¹⁾.

Долго ли намъ свѣтъ обманывать: печатаете будто реляція и будто ко мнѣ, а въ самомъ дѣлѣ она переправлена (переправлена?) всячески. И такъ однажды на всегда, дабы сходивѣе было съ истины, приказываю я, что когда нельзя печатать реляція слово отъ слово, а только выписъ исправленной дѣлаетѣ, то вмѣстѣ оной печатать не подъ моимъ титуломъ, а просто экстрактомъ изъ полученныхъ извѣстій отъ такого то генерала, ибо я не хочу, чтобъ мое имя была употреблено тутъ, гдѣ оно будетѣ ложно для того, что такъ ко мнѣ писано не было.

3.

Собственноручный указъ Императрицы Екатерины II полкамъ лейбъ-гвардіи

12-го апрѣля 1771 года.

Повелѣваемъ всѣмъ полкамъ гвардіи Нашей съ 30-го будущаго мая мѣсяца выступить въ лагерь и для того господамъ подполковникамъ выбрать всякому полку особо способное мѣсто верстахъ въ пяти отъ города.

¹⁾ Записка безъ обозначенія года, мѣсяца и числа и кому писана неизвѣстно.

4.

Собственноручная записка Императрицы Екатерины II.

1771 г. ¹⁾.

Дабы присечь koliko возможно сообщеніе прилибчивой болезни оказавшіяся на Москвѣ, какъ суда, такъ и въ прочія мѣста, то предлагаются къ разсужденіи слѣдующіе пункты:

1) Установить карантинъ для всѣхъ изъ Москвы выезжающихъ, верстахъ въ тридцати отъ Москвы какъ по большимъ, такъ и по проселеннымъ дорогамъ.

2) Москву, есть ли возможность есть, запереть и не впускать ни кого безъ дозволеніе отъ фельдмаршала графа Салтыкова.

3) Публиковать отъ Сената въ тѣхъ городахъ, кои отъ Москвы по большимъ дорогамъ въ девяносто и въ двидеяноста верстъ по большимъ дорогамъ, что; на Москвѣ оказались прилибчивые горячки, и для того бъ остерегались всякаго званіе люди въ столицу въезжать. Обозы же, кои едутъ со всякими для жизни нужными припасы для Москву, отдать въ тѣхъ городахъ приказу, чтобъ онѣ останавливались въ семи верстахъ отъ Москвы, гдѣ онѣ найдутъ повеленіе отъ московской полиціи и губернатора куда слѣдовать и для того,

4) Московская полиція обще съ губернаторомъ имѣеть означить на каждой большой отъ Москвы дорогѣ, внѣ города, мѣсто куда обозамъ съѣхаться. Тутъ московскимъ жителямъ приходитъ закупать того, въ чемъ имъ нужда и надобность въ означенные дни и часы, о чемъ въ городѣ полиція отъ себя публикуеть, а губернаторъ въ губерніи.

5) На снѣхъ внѣ города мѣсть московская полиція имѣеть не только между покушниковъ и продавцовъ разложить большія огни и вдѣлать на долбы, но чтобъ и то остережено было, чтобъ городскіе жители къ приѣзжимъ не дотрогивались и не смѣшались вмѣстѣ; деньги же обмакивать въ уксуса. Каждый такой торгъ долженъ отправляться въ присутствіи полицейской команды, коя будетъ смотреть, чтобъ вышеписанный и прочія обряды для безопасности не зараженныхъ совершенно сохраненъ былъ.

6) Московскій архіерей имѣеть по формуляра, нынѣ отправленнаго изъ Синода, приказать читать молитвы о прилибчавы болѣзни во всей своей епархіи, дабы народъ чрезъ-то навяще остерегался самъ отъ опасности; то же велѣть учинить во Владимірской, Переяславской, Тверской и Крутицкой епархіи, къ чему совокупить можно чтеніе манифеста и приложенныя къ губернаторамъ отъ Сената пункты, какія осторожности брать.

¹⁾ Записка эта безъ даты.

Для города Петербурхъ установить на Тихвинской, Старорусской, Новгородской и Смоленской дорогѣ во стѣ верстахъ карантинъ, хотя педѣльной, и если не окажется болѣзнь, то пропускать, окуривая людей и вещей и обмакивая въ укусѣ бумагу, письма и прочее, какъ положено будетъ.

5.

Всеподданнѣйшее прошеніе графа Кирилла Разумовскаго.

5-го іюля 1774 года.

Всемилоствивѣйшая государыня!

Извѣстная любовь дочери моеѣ Елисаветы съ графомъ Петромъ Апраксинымъ около четырехъ лѣтъ меня огорчала и дѣлала поворъ публикѣ. Сколько я ни старался ее отъ сей пагубной страсти отводить и угрозами и совѣтами, и подсылая братьевъ и сестеръ, чтобъ ее отвлекали, но Апраксинъ столько ее въ свои коварныя сѣти уловилъ, что всѣ и мов, и фамиліи моеѣ предпріятія были тщетны и бесполезны въ избавленію ея. Наконецъ она, забывъ страхъ и стыдъ и удовлетворяя с.... желаніямъ своего любовника, и обероменѣла, что и родня и публика примѣтила, и сама она призналась, о чемъ почелъ за долгъ донести вашему императорскому величеству ¹⁾.

¹⁾ Считаю не лишнимъ напомнить, что въ „Русской Старинѣ“ 1871 г., т. IV, стр. 379, въ статьѣ „Фрейлины Русскаго двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ по біографическимъ спискамъ П. Ф. Карабанова“ помѣщенъ слѣдующій біографическій очеркъ графини Елисаветы Разумовской:

„Графиня Елисавета Кирилловна Разумовская 2-я, родная сестра графини Натальи Кирилловны, вторая дочь генераль-фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича и супруги его, графини Екатерины Ивановны. Слѣшая привязанность къ генераль-поручику и св. Анны кавалеру, графу Петру Феодоровичу Апраксину (род. 6-го августа 1728 г. † 5-го февраля 1811 г.), имѣвшему въ живыхъ супругу Анну Павловну, рожд. графиню Ягужинскую, рѣшила Елисавету Кирилловну, не взирая ни на что, съ нимъ тайно уѣхать и, вопреки церковному постановленію, обвѣнчаться. Раздраженный отецъ, пришедъ къ Екатеринѣ II и поднеса на колѣняхъ фрейлинскій знакъ 'несчастной дочери, сказалъ: „она недостойна носить пожалованное вами отлчіе“. Въ первыя минуты повелѣно преслѣдовать ихъ со всею строгостію, а потомъ, подъ рукою, сказано брошенной супругѣ Апраксина, чтобъ она шла въ монастырь, что согласовалось съ ея намѣреніемъ; въ скоромъ времени она постриглась въ Кіево-Вознесенскомъ Фроловскомъ монастырѣ, подъ именемъ Августы; въ 1790 г. пропавшая въ игуменщи, и тамъ скончалась въ 1802 г.“

Помѣщаемые ниже документы даютъ иную окраску этому событію.

Ред.

Послѣ такого ея сквернаго поведенія и несноснаго удара, мнѣ ею нанесеннаго, не могу я ей дать мѣста ни въ сердцѣ моемъ, ни въ достояніи съ прочими дѣтьми моими, ни въ чемъ передо мною не погрѣшившими. Вслѣдствіе чего исключая ее отъ того и другаго, прибѣгаю къ вашему императорскому величеству, и, падъ къ освященнымъ стопамъ вашимъ, всенижайше прошу, по разрѣшеніи ея отъ бремени, повелѣть изъять изъ дому моего, сослать въ отдаленный отъ двухъ резиденцій монастырь и постричь, или избрать по строгости законовъ другой ходъ наказанія, соотвѣтствующаго сему поносному ея поступку. Сія высочайшая вашего императорскаго величества милость будетъ мнѣ, оскорбленному отцу съ фамиліею моею, великимъ утѣшеніемъ.

Что же касается до коварнаго льстеца и содѣтеля несчастія ея, вышеупоминаемаго Апраксина, то яко оной обругалъ фрейлину вашу, употребя къ скотскимъ своимъ забавамъ посредствомъ дворъ ¹⁾ вашего императорскаго величества, такое освященное мѣсто, которое почитается хранилищемъ и защищеніемъ чести и невинности, и гдѣ ни око родительское, ни власть ихъ не нужны, ибо онъ по собственному ея признанію, увозялъ черезъ цѣлую зиму на своемъ акипажѣ всякой разъ, что она дежурила,—то уповаю, что правосудіе вашего императорскаго величества не оставитъ такого дерзновеннаго поступка безъ достойнаго встязанія.

Всемилоостивѣйшая государыня!

Вашего императорскаго величества
всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Кирилла Разумовскій.

6.

Собственноручный отвѣтъ Екатерины II графу Разумовскому.

Всякой отецъ совершенное воля имѣеть съ дѣтьми своими поступить какъ заблагоразсудитъ. Въ чемъ и я препятствовать никому не могу и не буду; а только прошу графа Разумовскаго, чтобъ онъ дочь свою не постригъ, ибо по молодымъ ее лѣтамъ я разсуждаю, что сіе жестоко и закономъ противно; до сорока лѣтъ женщинъ не постригаютъ. Дабы же дочь его по его просьбѣ мною наказана была, то отъ сего числа я ее исключая изъ числа придворныхъ монхъ фрейлинъ, и имя мое, которое она носила, отъ нее взять велю. А по разрѣшеніе ея, какое графъ Ра-

¹⁾ Совершенно точно съ подлинникомъ.

зумовскій отъ меня будетъ требовать опредѣленье или помощь, дать вѣлю, лишь бы сходственно было съ человѣколюбіемъ.

Что же касается до графа Апраксина, то накажу его тѣмъ, что запрешу ему казаться какъ при дворѣ, такъ и въ публикѣ и вездѣ тутъ, гдѣ встрѣтится можетъ со дворомъ или домою графа Разумовскаго, а за безчестье, учиненная двору, велю его запереть на полгода въ крепость или на три — въ цухтъ-гаузъ ревальской, или на годъ въ Свирской монастырь, чего самъ выбереть.

7.

Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ князю А. М. Голицыну.

12-го іюля 1774 г.

Князь Александръ Михайловичъ! Какъ прїѣдутъ въ городъ, то пошлатъ по графа Петра Фѣдоровича Апраксина и объявите ему монимъ именовъ, что по причинѣ той, что онъ столь безчестно и безсовѣстно поступилъ съ графинею Елизаветою Карилловною Разумовскою и къ тому употреблялъ время, когда та слылась дневальной при дворѣ и слѣдовательно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и отцовская власть силы не имѣеть, то въ сатисфакцію какъ двору моему, такъ и равно оскорбленнаго дома фельдмаршала графа Разумовскаго, которой о семъ чрезъ письмо мнѣ просилъ, даю ему выбрать изъ трехъ одно: или быть заключенъ въ Ревельскій цухтъ-гаузъ три мѣсяца, или въ здѣшней крѣпости шесть мѣсяцевъ, или годъ подъ началомъ въ Свирской монастырь, по прошествіи котораго срока запрещается ему дворъ и казаться во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ встрѣчаться съ домою графа Разумовскаго. И чего онъ выбереть, вы его тотъ же часъ туда подъ бараномъ туда и отправтъ. Въ семъ прилагаю здѣсь нужныя повелѣнія для прїема его во всѣхъ трехъ мѣстахъ.

8.

Собственноручная записка императрицы Екатерины II, объявленная Сенату генераль-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ ¹⁾:

«Понеже разные ложные слухи разсѣваются о арестѣ графа Петра Апраксина, для пресѣченія которыхъ разсудила за благо сообщить Се-

¹⁾ Записка эта писана карандашемъ для объявленія и любезно доставлена намъ А. В. Безроднымъ, которому приписимъ нашу искреннюю благодарность.

ната первому департаменту слѣдующую при семъ копію съ моего къ генералу-фельдмаршалу князю Голицыну письма, по которому оный графъ Апраксинъ въ крѣпость посаженъ по его собственному желанію ¹⁾.

9.

Высочайшій рескриптъ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому.

4 февраля 1780 г. № 112.

Графъ Петръ Александровичъ! Къ собственному знанію вашему сообщаю при семъ копію письма, мною полученнаго изъ Вѣны отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына и моего къ нему отвѣта. Изъ послѣдняго вы увидите, что хотя въ приложенной при томъ запискѣ и назначены станціи для проѣзда императору отъ Бродовъ черезъ Кіевъ и Черниговъ къ Могилеву, но я симъ не связываю васъ въ распоряженіяхъ по лучшему вашему благопризнанію, есть ли вамъ извѣстна другая дорога короче и удобнѣе, какъ вѣтъ такъ внутри Россіи. Въ первомъ случаѣ генералъ князь Потемкинъ имѣетъ мое повелѣніе на станціяхъ въ Польшѣ разставить гусарскіе и пиккнерные эскадроны съ полковыми и другими лошадьми до Василькова. А вамъ нужно будетъ отъ Василькова до границы Бѣлорусской губерніи на каждой станціи приготовить по сту лошадей, разставить по нимъ для конвой и караула военныя команды по разсмотрѣнію вашему, да и въ

¹⁾ Засвидѣтельствованная копія была объявлена Сенату уже въ именномъ противъ собственноручнаго подлинника видѣ:

„Князь Александръ Михайловичъ! Какъ пріѣдете въ городъ, то пошлите по графа Петра Апраксина и объявите ему моимъ именемъ, что по причинѣ столь безчестнаго и безсвѣтнаго его поступка съ графиней Елисаветой Разумовскою, и что къ оному употреблялъ такое время, когда она слылася дневальною при дворѣ, слѣдовательно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отцовская власть не имѣетъ силы; то въ сатисфакцію какъ моего двора, такъ равно и оскорбленнаго дома генералъ-фельдмаршала графа Разумовскаго, который о семъ черезъ письмо меня просилъ, даю ему выбрать одно изъ трехъ мѣстъ: 1) заключену быть въ Ревельскомъ цухъ-гаузѣ на три мѣсяца, 2) или въ Санктъ-Петербургской крѣпости на шесть мѣсяцевъ, или же 3) быть одинъ годъ подъ началомъ въ Свирскомъ монастырѣ. По прошествіи навааченнаго срока запрещается ему пріѣзжать къ двору и казаться во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можетъ встрѣтиться съ дворомъ моимъ и съ домомъ графа Разумовскаго; которое же изъ вышесказанныхъ трехъ мѣстъ выберетъ, то имѣете вы его тотъ же часъ туда подъ карауломъ отправить, а посему и прилагаю здѣсь нужныя для пріему его въ тѣхъ трехъ мѣстахъ повелѣнія“.

прѣздѣ императора стараться доставить всевозможныя выгоды. Есть ли же по благопризнанію вашему, или же по сообщенію къ вамъ отъ князя Голицына назначена будетъ иная дорога, въ такомъ случаѣ вы можете и тѣ команды, что будутъ наряжены со стороны генерала князя Потемкина, приказать перевѣсть на другія станціи по способности; равнымъ образомъ и отъ губерніи и команды вамъ вѣренной принадлежащія распоряженія учинить. Я удостовѣрена, что вы не найдете себя въ затрудненіи относительно принятія сего гостя, и конечно своевременно увѣдомите меня о вашихъ распоряженіяхъ какъ предварительныхъ, такъ особливо когда уже вы отъ князя Голицына получите извѣстіе о числѣ свиты его, и образѣ, которымъ онъ путемъ шествовать будетъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

10.

Собственноручный рескриптъ Екатерины II графу З. Г. Чернышеву.

14 марта 1780 г. № 170.

Графъ Захаръ Григорьевичъ! Изъ числа братьевъ моихъ графъ Фалкенштейнъ изволилъ ѣхать чрезъ Кіевъ въ Могилевъ для свиданія со мною; я опасаясь que le jeu ne vaudra pas la chandelle; но какъ бы то ни было, онъ твердо полагаетъ быть къ вамъ на другой день моего прѣзда; и такъ васъ о семъ увѣдомляю, дабы вы могли о семъ здѣлать ваши заранѣе распоряженія, какъ вы о томъ усмотрите изъ другаго моего письма. Все дѣло же должно производиться безъ всякой церемоніи, et de nouveau je jouerai le role de Ninette à la Cour et madame Votre Épouse n'a qu'à se tenir bien droit et parer ses belles Dames de Mogilof pour disputer la Conquête qui leur vient là.

11.

Высочайшій рескриптъ графу З. Г. Чернышеву.

14 марта 1780 г. № 169.

Графъ Захаръ Григорьевичъ! Получа вѣрное извѣстіе, что графъ Фалкенштейнъ намѣренъ быть въ Могилевѣ во время моего тамъ пребыванія, я желаю, чтобъ вы для прѣзда его, по сношенію съ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ-Задунайскимъ отъ границы

малороссійской въ губерніи, вамъ вѣренной, приказали поставить по сту лошадей на каждой станціи съ небольшою воинскою командою для караула и конвоя; ибо хотя сей ожидаемый гость и отозвался, что ему не нужно болѣе тридцати шести лошадей въ коляски и нѣсколько верховыхъ; но по состоянію дороги, да и на всякій случай лучше имѣть въ запасъ нѣкоторое число извѣстныхъ. А поелки по образу его путешествія думать можно, что онъ привыкши ѣздить чалгѣ, есть ли не для себя, по крайней мѣрѣ для свиты своей не будетъ имѣть ни постелей, ни прочихъ вадобностей, надѣясь все найти на станціяхъ—то и нужно, чтобъ вы его обѣды и ночлеги чрезъ губернію Могилевскую такъ распорядили, чтобъ оныя могли быть по домамъ и мѣстамъ снабженымъ по возможности всѣмъ нужнымъ для его выгоды и покоя. Впрочемъ, какъ принять его заблагопризнано будетъ, вы получите отъ меня повелѣніе, а не оставите согласиться въ разсужденіи препровожденія его съ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

12.

Высочайшій рескриптъ князю Д. М. Голицыну.

28 марта 1780 г. № 185.

Князь Дмитрій Михайловичъ! Возвращеніе присланнаго отъ курьера удержано было въ ожиданіи полученія новыхъ донесеній отъ генераль-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго вслѣдствіе письма вашего къ нему о путешествіи императора. Но какъ имѣла я уже и прежде отъ помянутаго генераль-фельдмаршала извѣстіе о дорогѣ, за лучше имъ предполагаемой, и о другихъ приуготовленіяхъ, да и нѣтъ сомнѣній, что онъ, пользуясь непосредственно съ вами перепискою по пребыванію своему къ тому времени въ Кіевѣ или въ близости того города, не оставитъ сдѣлать всѣ пристойныя распоряженія, то и разсудила я за благо отправить къ вамъ обратно вашего нарочнаго. Я желаю, чтобъ вы при удобномъ случаѣ подали его величеству новыя увѣренія объ искреннемъ признаніи моемъ къ образу его дружественныхъ обо мнѣ мыслей, коль пріятно мнѣ будетъ пріобрѣтеніе самоличнаго знакомства съ государемъ, честь вѣку нашему дѣлающему, и что, съ удовольствіемъ хотѣніе его исполняя, всемѣстно будутъ удаляться утруждать его какими либо церемоніальными обрядами, стараясь единственно о доставленіи всевозможной выгоды сему гостю. По крайней неудобности дорогъ, въ запискѣ при реляціи вашей приложенной озна-

ченныхъ, я не оставляю вновь дать знать графу Румянцову-Задунайскому, чтобъ онъ такову избралъ, которая была бы выгоднѣе и покойнѣе, и вамъ сообщить о томъ не умѣдитъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

13.

Высочайшій рескриптъ графу П. А. Румянцову-Задунайскому.

29 марта 1780 г. № 186.

Графъ Петръ Александровичъ! Послѣ полученія донесенія вашего, какія распоряженія предполагали вы на случай прѣзда императора въ Могилевъ по первому его отзыву, равно какъ и зная, что дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ сообщилъ вамъ прямо во всей подробности о путешествіи сего государя, хотя и удостовѣрена я совершенно, что вы не оставили учинить надлежащія со стороны вашей предписанія, дабы все потребное для выгоды его величества было приуготовлено на основаніи прежняго моего повелѣнія и вашихъ въ упомятомъ донесеніи выраженныхъ мыслей, соглашая все то съ образомъ путешествія его, нынѣ уже точно на мѣрѣ положеннымъ; но прѣ томъ не упускаю сообщить для свѣдѣнія вашего копію письма моего къ князю Голицыну, желая, чтобъ вы увѣдомили меня объ успѣхахъ въ приуготовленіяхъ вашихъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

14.

Всеподданнѣйшее донесеніе князя Долгорукова-Крымскаго.

Мая 29 дня 1780 г. Москва.

Всемилюбовѣйшая государыня! Удостоясь получать всевысочайшее вашего императорскаго величества повелѣніе изъ Могилева отъ 25-го сего мѣсяца о приуготовленіяхъ по случаю предприемлемога графомъ Фалкенштейномъ въ Москву и С.-Петербургъ путешествія нужныхъ, имѣю счастье всеподданнѣйше вашему императорскому величеству донести, что по первому еще отъ 22-го сего мѣсяца всевысочайшему вашему императорскаго величества предписанію надлежащія сдѣлали по Смоленскому тракту распоряженія, какъ объ исправленіи дороги, такъ о заготовленіи подставныхъ по ставціямъ лошадей и о назначеніи тамъ

удобныхъ домовъ ко въѣзду. Нынѣ, всемилостивѣйшая государыня, воспріялъ я всевозможное стараніе, чтобъ и С.-Петербургская дорога, по всѣмъ увѣдомленіямъ проѣзжающихъ въ весьма худомъ состояніи находящаяся, особливо жъ испорченная послѣдними дождями, сколь возможно поправлена и по стгу лошадей на станціяхъ приуготовлено было, употреби къ тому въ случаѣ недостатка ямскихъ лошадей изъ обывательскихъ, что самое принужденъ я былъ учинить и по Смоленской дорогѣ. Для пребыванія въ Москвѣ графа Фалкенштейна избралъ я, всемилостивѣйшая государыня, въ Новой Басманной улицѣ домъ графа Жили, довольно хорошей и особливою удобностью имѣющій къ представленію вольнаго дому. Равнымъ образомъ домъ въ Можайскѣ и по пути къ С.-Петербургу дворцы прибраны будутъ. Объ исправленіи же дороги въ Новгородскомъ и Тверскомъ намѣстничествѣ и объ числѣ лошадей, къ проѣзду сего знатнаго гостя потребныхъ, сообщилъ я, всемилостивѣйшая государыня, правящему должности намѣстника вашего императорскаго величества въ сихъ губерніяхъ генераль-поручику Сиверсу, давъ при томъ о семъ знать Тверскаго намѣстничества генераль-майору Тутолмину, ради благовременныхъ къ тому учрежденій. Какія же отъ князя Николая Васильевича Репнина о дальнѣйшихъ подробностяхъ сего путешествія получу извѣстїи, то и объ оныхъ г. Сиверса увѣдомлю. Всѣмъ тѣмъ особамъ, всемилостивѣйшая государыня, въ коихъ вѣдомствѣ состоятъ здѣсь каковыя либо древности и другія знаменитыя вещи примѣчанія достойныя, приказалъ я, по полученіи еще перваго всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, предуготовится къ удовлетворенію любопытства графа Фалкенштейна. А между тѣмъ, всемилостивѣйшая государыня, что принадлежать до Смоленской дороги, которая, особливо въ окрестности Можайска, будучи лѣсиста, требуетъ многихъ трудовъ къ своему поправленію, то я по всемилостивѣйшему вашему императорскаго величества соизволенію, прїемлю нынѣ дерзновеніе повергнуть себя въ Смоленскѣ къ освященнымъ вашего императорскаго величества стопамъ съ принесеніемъ всеподданнѣйшей благодарности за всемилостивѣйше оказанную ко мнѣ довѣренность и благоволеніе, потщусь въ проѣздъ мой самолично всевозможныя поправленія и учрежденія сдѣлать въ охотвенность высочайшихъ вашего императорскаго величества повелѣній.

15.

Всеподданнѣйшій рапортъ князя Долгорукова-Крымскаго.

Іюня 10. дня 1780 г. Москва.

Всемилоствѣйшая государыня! Графъ Фалкенштейнъ, по въѣздѣ въ Московскую губернію имѣвъ ночлегъ свой на 6-ое число сего мѣсяца въ

Можайскѣ, прибылъ того-жъ дни во 2-мъ часу пополудни благополучно въ Москву и сталъ въ приготовленномъ для него подъ именемъ Праги трактарѣ. Онъ, помѣдя вѣсколько, поѣхалъ въ Кремль и осмотрѣлъ находящіяся въ ономъ древнія зданія. Любопытство его побудило сойти и къ большому колоколу, въ ямѣ гѣжащему. Онъ потомъ былъ въ дворцовомъ вашего императорскаго величества саду. Въ слѣдующіе же дни ѣздилъ въ домъ воспитательный, въ село Царицыно, въ Павловскую больницу, въ монастырь Воскресенской, въ университетъ и въ прочія публичныя мѣста, обрѣтшіе его вниманіе. 8-го числа сего мѣсяца сдѣлалъ онъ мнѣ честь своимъ визитомъ, а 9-го, будучи въ вокзалѣ, казался весьма довольнымъ при собраніи благороднаго общества, простиравшемся выше 1.600 человекъ, болшемъ частію дамъ. Онъ вступалъ въ разговоры со многими изъ нихъ и особливаго его ласковость примѣтна была къ благороднымъ воспитанницамъ С.-Петербургскаго Новодѣвичьяго монастыря. Намѣреніе свое ѣхать въ Тулу онъ отмѣнилъ, и день отъѣзда въ С.-Петербургъ назначилъ въ субботу 13-го сего мѣсяца. Свиту же свою отправляетъ впередъ за день, почему и посланы отъ меня предварительныя увѣдомленія въ Тверское и Новгородское намѣстничества о бытіи въ готовности къ его проѣзду. О чемъ вашему императорскому величеству со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастье всеподданнѣйше чрезъ сіе донести такъ, какъ и о томъ, что городъ Москва и всѣ онаго окрестности въ совершенномъ находятся благо-состояніи.

16.

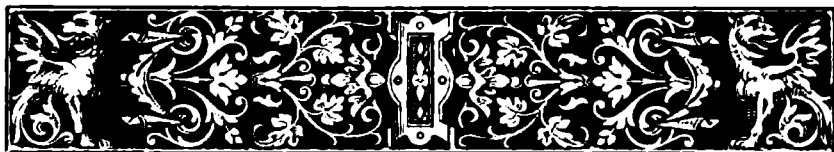
Рескриптъ императрицы Екатерины II С. Ф. Стрекалову.

19-го апрѣля 1784 г.

Степанъ Федоровичъ! Давъ позволеніе княгинѣ Катеринѣ Романовнѣ Дашковой по прошенію ея отлучиться на время для домашнихъ ея дѣлъ, Мы поручаемъ вамъ въ управленіе Санктпетербургскую Академію Наукъ до возвращенія княгини Дашковой. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны ¹⁾.

¹⁾ Весь указъ писанъ рукою А. А. Безбородко.

ВОСПОМИНАНІЯ О КНЯЗѢ ВАРШАВСКОМЪ

Г Р А Ф Ѣ

ПАСКЕВИЧЪ ЭРИВАНСКОМЪ.

(Отрывокъ изъ дневника П. К. Менькова ¹⁾).

1850-й годъ.

В

ь сентябрѣ 1849 года войска возвратились въ предѣлы Россіи ²⁾.

Я приѣхалъ въ Варшаву. Меня произвели въ подполковники съ назначеніемъ по особымъ порученіямъ при главномъ штабѣ арміи. За отбытіемъ изъ главной квартиры полковника графа Сакена, я принялъ, по просьбѣ Фрейтага, 1-е отдѣленіе управленія генераль-квартирмейстера арміи.

Почта тотчасъ по окончаніи кампаніи, по высочайшему повелѣнію приказано было составить описаніе Венгерской войны. Работа эта возложена была на меня; ею занимался я и князь Горчаковъ; по отъѣздѣ же князя за границу, занятія по этому предмету лежали исключительно на мнѣ. Несмотря на болѣзнь мою, я трудился почти день и ночь и все написанное вчеря прочиталъ его свѣтлости.

¹⁾ Авторъ дневника, будучи подполковникомъ генеральнаго штаба и состоя при штабѣ дѣйствующей арміи, завѣдывалъ военно-походной канцеляріей фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго. Объ этомъ времени у Петра Кононовича Менькова сохранились воспоминанія, которыя вошли въ его дневникъ. Онъ, какъ и всѣ остальные труды Менькова, нынѣ издаются въ свѣтъ складомъ В. А. Березовскаго и выйдутъ изъ печати въ концѣ этого года; теперь же мы помѣщаемъ отрывокъ изъ дневника, заключающій въ себѣ нѣкоторые воспоминанія о князѣ Варшавскомъ.

²⁾ Изъ похода въ Венгрію.

Оконченная исторія войны въ Венгріи ¹⁾ была представлена фельд-маршаломъ государю императору, во время пребыванія его въ Варшавѣ, по случаю пятидесяти-лѣтняго юбилея службы фельдмаршала.

Работы по составленію исторіи положили начало моего знакомства и сближенія съ фельдмаршаломъ. Его свѣтлость былъ постоянно любезенъ со мной и видимо приближалъ къ себѣ.

Здѣсь встаетъ привести слѣдующее анекдотическое воспоминаніе.

Во время описанія венгерскаго похода, время отъ времени, я являлся къ фельдмаршалу для прочтенія изготовленной мною работы. Часъ для этого назначался обыкновенно предобѣденный, за тѣмъ, по окончаніи чтенія, слѣдовалъ обѣдъ у его свѣтлости. За обѣдомъ фельдмаршалъ пилъ обыкновенно кахетинское вино. Замѣтивъ однажды, что я отказываюсь отъ этого, по его мнѣнію, самаго лучшаго вина, фельдмаршалъ съ удивленіемъ спросилъ: «почему я не пью»? Я почтительно доложилъ, что медики послѣ моей болѣзни «артритизмъ» въ ногахъ запретили всякое вино, кромѣ шампанскаго, а какъ это послѣднее не по карману, то я, скрѣпя сердце, пью одну только воду, «самый сильный напитокъ—плотины рветъ!»...

Фельдмаршалъ нѣсколько разъ разсѣянно повторилъ: «Да, вода сильный напитокъ—плотины рветъ!!... А вотъ что,—прибавилъ онъ, обращаясь къ своему домашнему секретарю С. Ѳ. Паниотину, — распорядись, чтобы подполковнику Менькову, въ видахъ сохраненія здоровья, согласно совѣту врачей, изъ экстр-ординарной суммы, находящейся въ моемъ распоряженіи, отпускатось ежегодно столько денегъ, чтобы онъ могъ ежедневно выпивать бутылку шампанскаго!...»

Сдѣланъ былъ расчетъ на 366 дней по 2 руб. 50 к. (стоимость бутылки «Редерера» въ Варшавѣ) всего 915 руб. въ годъ. Деньги эти съ 1849 по 1853 годъ, т. е. до начала войны на Дунаѣ, или до времени моего отчисленія отъ бывшей дѣйствующей арміи къ арміи дунайской производились съ полною аккуратностью.

1851-й годъ.

Лѣтомъ я сопутствовалъ генералъ-фельдмаршалу въ его поѣздкахъ.

26-го и 27-го іюля князь Варшавскій осматривалъ въ Луцкѣ войска 4-го корпуса; 29-го и 30-го іюля—полки 7-й дивизіи, собранные въ Кіевѣ для крѣпостныхъ работъ, послѣ чего поѣхали въ Гомель, гдѣ

¹⁾ Рукописный экземпляръ, составленный П. К. Меньковымъ, хранится въ архивѣ военно-ученаго комитета главнаго штаба.

фельдмаршалъ смотрѣлъ остальные части 3-го корпуса. О результатѣ смотра его свѣтлость всеподданнѣйше доноситъ государю императору.

Въ Гомелѣ, гдѣ было собрано двѣ дивизіи пѣхоты, при осмотрѣ стрѣльбы въ цѣль, его свѣтлость подовзвалъ меня къ себѣ; мы стали въ сторонѣ отъ другихъ.

— Много писали и говорили, — началъ фельдмаршалъ, — о дѣйствіи и употребленіи кавалеріи большими массами. Помнится мнѣ, что даже обвиняли русскихъ генераловъ, что они не разумѣютъ сего дѣла. Я всегда сомнѣвался, сомнѣваюсь и теперь въ выгодахъ сего дѣйствія!?? Существуетъ мнѣніе, что кавалерія наша во время отечественной войны дѣйствовала дурно (?); — и нѣніе ошибочное; отступление арміи отъ Нѣмана до Москвы, подъ прикрытіемъ кавалеріи, лучшее доказательство того, что кавалерія дѣлала свое дѣло... Подумай объ этомъ хорошенько — надобно что нибудь написать объ этомъ!..

— Слушаю-сь, — отвѣчалъ я. (Не написали ничего).

Двѣдѣ Гомель съ его очаровательнымъ видомъ, съ его роскошнымъ палацомъ, величественною башней и пристройками. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ Гомелѣ, останутся для меня на всю жизнь пріятнымъ воспоминаніемъ: мы гостили у добраго, русскаго, славнаго и богатаго боярина, для всѣхъ радушнаго, внимательнаго и гостепріимнаго хозяина! ¹⁾

Къ этому же времени относится слѣдующій разговоръ мой съ фельдмаршаломъ.

Еще въ бытность нашу въ Варшавѣ по главному штабу дѣйствующей арміи заготовлялись представленія къ наградамъ. Генералъ Бутурлинъ спрашивалъ меня отъ имени князя Горчакова, какую я хочу награду. Черезъ нѣсколько дней Бутурлинъ сообщилъ мнѣ, что князь Горчаковъ съ удовольствіемъ согласился на производство мое въ полковники и что нѣтъ сомнѣнія, что его свѣтлость не откажетъ въ этомъ. При первомъ докладѣ о наградахъ генераломъ Ушаковымъ всѣ награды фельдмаршалъ приказалъ измѣнить. Измѣненные наградные списки были присланы въ Гомель. Противу многихъ лицъ и въ томъ числѣ противу меня въ графѣ «испрашивается награда» было оставлено мѣсто и только карандашемъ рукою Ушакова прописано было: «Анны 2-й степени» въ винувъ — «не имѣетъ Анны 3-й степени».

Представленія о наградахъ его свѣтлости докладывалъ я. Когда очередь дошла до моего представленія, фельдмаршалъ отложилъ списокъ и подписывалъ другіе; наконецъ снова взялъ мой списокъ, вертѣлъ его въ рукахъ, ожидая, что я что-либо скажу. Я молчалъ.

Фельдмаршалъ сказалъ, какъ бы говоря съ собой: «Анны 2-й не да-

¹⁾ Князя Варшавскаго.

дуть». Я молчалъ, мнѣ было досадно. Фельдмаршалъ написалъ: «Анну 3-й степени». Я имѣлъ уже Владимира 4-й степени съ бантомъ.

Съ нескрываемою досадою я собралъ списки и хотѣлъ идти. Фельдмаршалъ останавливалъ меня, взявъ подъ руку и вышелъ въ залу, гдѣ было много уже посѣтителей. Спускаясь съ балкона въ садъ онъ спросилъ меня: «ты доволенъ наградою?»

— Ваша свѣтлость, я имѣю старшій крестъ.

— Ты больше всѣхъ въ арміи награжденъ, ты при мнѣ, я тебя знаю и я тебя люблю! — сказалъ фельдмаршалъ.

— Ваша свѣтлость, я совершенно счастливъ и умѣю цѣнить ваше высокое расположеніе, но осмѣлюсь доложить, что оно не двигаетъ меня по службѣ?

Фельдмаршалъ выпустилъ мою руку; я ожидалъ бури; противъ ожиданія — бури не было!

— Петръ Θεодоровичъ, — сказалъ фельдмаршалъ, — обращаясь къ шедшему съади Ильишновичу: знаешь, что мнѣ въ немъ нравится — онъ ничего для себя не проситъ.

Я отдѣлился отъ общей группы. Съ той поры фельдмаршалъ былъ особо внимателенъ ко мнѣ. Я получалъ Анну 3-й степени, послѣ Владимира!

Въ ночь на 17-е августа его свѣтлость выѣхалъ изъ Гомеля въ Москву и, на разсвѣтѣ 19-го, въ первопрестольный градъ прибылъ со своею небольшою свитою генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій — «слава и исторія царствованія цара царствующаго»¹⁾.

Квартира для князя Варшавскаго была приготовлена въ Кремлѣ у Троицкихъ воротъ, гдѣ въ старину былъ «Потѣшный дворецъ». Послѣ обычнаго приѣма и представленій, его свѣтлость сдѣлалъ нѣсколько визитовъ.

Въ это время царь, а вмѣстѣ съ нимъ широкая беспредѣльная Русь готовилась праздновать двадцати-пяти-лѣтній юбилей царствованія императора Николая Павловича. Въ Москвѣ, въ первопрестольномъ градѣ Царства, въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ двадцать пять лѣтъ тому назадъ императоръ Николай возложилъ на себя корону своихъ предковъ, долженъ былъ совершиться обрядъ духовнаго и народнаго торжества. Къ 20-му августа со всѣхъ концовъ Россіи съѣзжались въ Белокаменную сподвижники Царства — спѣшили туда и бояре и народъ.

19-го августа въ 11^{1/2} часовъ вечера по колоссальной и, какъ разсказываютъ, необыкновенно роскошной желѣзной дорогѣ, отмѣтившей двадцатипятилѣтіе славнаго царствованія Николая, пріѣхалъ съ семейю

¹⁾ Слова императора Николая (см. ниже).

своею царь русскій и вслѣдъ за нимъ тянулись вагоны съ представителями русской силы—образчиками отъ полковъ.

Съ четырехъ часовъ дня вся Москва была на ногахъ. Отъ дебаркадера жегъзной дороги до дворца въ Кремлѣ народъ составлялъ живую улицу; на окнахъ, на кровляхъ домовъ, вездѣ, гдѣ только могъ моститься человѣкъ съ трудомъ или безъ труда, вездѣ былъ народъ и молча ждалъ появленія царя. Громкое «ура» привѣтствовало его, и послѣдніе отголоски народнаго привѣта позднею ночью затихли въ Кремлѣ съ тѣмъ, чтобы на другое утро еще громче и торжественнѣе привѣтствовать царя-батюшку, идущаго изъ дворца въ Успенскій соборъ.

Много было радости на Москвѣ, много было пировъ и праздниковъ царскихъ и народныхъ, но больше всего было потѣхи военной.

Подъ Москвою былъ собранъ корпусъ пѣхоты и кавалеріи, были и показаны войска, прибывшія изъ Петрограда. Были смотры, парады и разводы, за ними слѣдовали маневры.

20-го августа—разводъ отъ баталіона Преображенскаго полка.

Послѣ развода его императорское величество посѣтилъ князя Варшавскаго и оставался у его свѣтлости болѣе получаса. Передъ посѣщеніемъ государя императора великій князь наследникъ цесаревичъ былъ у его свѣтлости и подалъ рапортъ о состояніи гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Въ тотъ же день у генералъ-фельдмаршала были великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ.

21-го августа,—смотръ 6-му пѣхотному корпусу.

Солдаты 6-го корпуса, конечно, лучше и представительнѣе солдата дѣйствующей арміи; онъ ѣсть русскій хлѣбъ, стоитъ на квартирѣ у земляка, не знаетъ карауловъ и походовъ, здоровъ, смотритъ бодро и весело отбываетъ обычный лагерь подъ Москвою. За всѣмъ тѣмъ церемониальный маршъ 6-го пѣхотнаго корпуса не былъ блистателенъ; государь императоръ нашелъ войска 6-го корпуса, пѣхоту—въ удовлетворительномъ состояніи, кавалерію и артилерію въ хоршемъ.

21-го августа государь императоръ изволилъ посѣтить генералъ-фельдмаршала и пребыть около часа въ кабинетѣ его свѣтлости.

По уходѣ императора, князь въ видимомъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по залѣ; слеза блестя на сѣдой его рѣсницѣ. Онъ остановился противъ меня ¹⁾.

— Знаешь ли о чемъ говорилъ со мной государь?...

Придя въ кабинетъ, онъ посадилъ меня на диванъ и, не выпуская руки моея изъ своихъ рукъ, сѣлъ рядомъ со мною....

— Завтра исполнится двадцать пять лѣтъ моего цар-

¹⁾ Записано 22-го августа 1851 г. со словъ князя Ивана Феодоровича Паскевича. И. М.

ствоваіи,—сказалъ государь, — царствованія, которое ты, Иванъ Ѳеодоровичъ, прославилъ своею доблестною службою и заслугами Россіи! При грустныхъ предзнаменованіяхъ сѣлъ я на престолъ русскій и долженъ былъ начать мое царствованіе казнями, ссылками! Я не нашелъ вокругъ престола людей, могшихъ руководить царемъ; я долженъ былъ и создавать людей и царствовать! У меня не было людей преданныхъ! Дѣла на востокѣ требовали назначенія туда человека твоего ума, твоихъ военныхъ способностей, твоей воли! Я остановился на тебѣ—само Провидѣніе мнѣ указало на тебя! ¹⁾ Ты имѣлъ враговъ; несмотря на всѣ разсказы противу тебя я держался тебя, Иванъ Ѳеодоровичъ! Ты доказалъ, отецъ-командиръ, что я былъ правъ! Едва успокоилась дѣла на востокѣ, какъ царство мое постигло новое общее несчастіе—холера. Народъ всѣ несчастія приписываетъ лицамъ царствующимъ. Видитъ Богъ, сколько страданій мнѣ стоило это общее народное испытаніе! Война въ Польшѣ! Новое испытаніе—испытаніе грустное! Кровь русская лилась или отъ ошибокъ вождя, или отъ неудачъ, посылаемыхъ свыше. Дѣла наши были плохи. И снова ухватилась за тебя, Иванъ Ѳеодоровичъ, какъ за единственное спасеніе Россіи. И снова ты не обманулъ моихъ надеждъ и возвеличилъ Царство мое! Двадцати-лѣтнимъ управленіемъ края Польскаго ты положилъ начало слятю двухъ родныхъ, но враждебныхъ элементовъ. Надѣюсь, что русскій и полякъ составятъ одно царство русское—славянское, сохранятъ въ исторіи своей имя твое наравнѣ съ именемъ Николая. Нынѣ, еще такъ недавно, когда западъ Европы былъ взволнованъ стремленіемъ къ необузданной, дикой свободѣ, когда народы испровергали законную власть и престолы; въ то время, когда я рѣшился подать руку помощи моему брату и союзнику, монарху Австріи, ты, отецъ-командиръ, повелъ моихъ воиновъ на новую брань, ты смирилъ гидру мятежа. Въ шесть недѣль кончилъ ты войну въ Венгріи, поддерживалъ и укрѣпилъ колеблющійся тронъ Австріи. Иванъ Ѳеодоровичъ! Ты слава моего двадцатипятилѣтняго царствованія, ты исторія царствованія Николая I-го. Прощай, я нарочно пришелъ къ тебѣ, чтобы встрѣтить канувъ моего двадцатипятилѣтія.

22-го августа. Въ день коронаціи былъ выходъ въ Николаевскомъ дворцѣ ²⁾. Залы дворца были полны. Болѣе сотни тысячъ народа тѣснились на Красной площади—торчали головы въ окнахъ церквей и на колокольнѣ Ивана Великаго, которая была унижена людьми. Вся эта масса народа съ торжественною тишиною ожидала появленія царя.

¹⁾ Война съ Персіей и Турціей.

П. М.

²⁾ Первая бумага военнаго министра князя Чернышева къ генералъ-фельдмаршалу была помѣчена такъ «Первый день втораго двадцатипятилѣтія царствованія императора Николая I-го».

П. М.

Едва его величество съ государынею императрицею показался на Красномъ крыльцѣ и поклономъ привѣтствовалъ народъ, какъ громкое радостное «ура» потрясло стѣны Кремля и, слившись съ гуломъ колоколовъ, сопровождало августѣйшую фамилію во все время шествія по Красному крыльцу до дверей Успенскаго собора. Здѣсь клики народа уступили тихой рѣчи старца-митрополита, привѣтствовавшаго русскаго царя съ двадцатипятилѣтнимъ славнымъ его царствованіемъ!

Вечеромъ городъ и Кремль были иллюминированы; иллюминація Замоскворѣчья была въ особенности хороша.

23-го августа. Ученье 6-й легкой кавалерійской дивизіи было прекрасно; государь императоръ былъ весьма доволенъ ученьемъ.

24-го августа. Смотръ гвардейскаго отряда, кадетскихъ корпусовъ и учебныхъ карабинеръ былъ щегольской. Смотръ былъ въ городѣ на театральной площади.

25-го августа. Корпуснымъ ученьемъ 6-го пѣхотнаго корпуса государь императоръ остался весьма доволенъ. Въ этотъ же день былъ блестящій балъ у князя Сергія Михайловича Голицына.

26-го августа. Славный день Бородинской битвы и штурма Варшавы. Въ десять часовъ утра его императорское высочество наследникъ цесаревичъ къ квартирѣ фельдмаршала привелъ для почетнаго караула главнокомандующему роту Семеновскаго полка со знаменемъ. Его императорское высочество, встрѣченный княземъ Варшавскимъ, объявилъ его свѣтлости, что государь императоръ, поздравляя фельдмаршала со славнымъ днемъ штурма Варшавы, поручилъ ему привѣтствовать его почетнымъ карауломъ.

Князь Варшавскій послѣ отпуска почетнаго караула былъ у государя императора и наследника цесаревича.

На разводѣ отъ Бородинскаго егерскаго его императорскаго высочества наследника цесаревича полка государь императоръ самъ командовалъ разводу на караулъ и, отдавъ честь генераль-фельдмаршалу, первый привѣтствовалъ князя Варшавскаго возгласомъ «ура!» Дружно приняли «ура» солдаты, дружно повторилъ «ура» народъ русскій, и стѣны древняго Кремля огласились радостнымъ кликомъ въ честь современнаго героя.

Послѣ развода и почестей, отданныхъ государемъ императоромъ генераль-фельдмаршалу, его свѣтлость возвратился домой.

— Хочешь ли ты прослыть за умника, спросилъ меня фельдмаршалъ? Хочешь ли ты, чтобы всѣ тебя любили и большая часть рассказывала объ умѣ твоёмъ такіа чудеса, которыя тебѣ и во снѣ не снились? Хочешь?

— Отъ всей души хочу, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ я фельдмаршалу, ибо всѣ эти вопросы были имъ обращены ко мнѣ.

— Слушай же, я расскажу тебѣ самый легкій и вѣрный способъ быть не только великимъ умникомъ, но приобрести кучу поклонниковъ, которые за умъ твой будутъ распинаться. Ты теперь именно въ томъ положеніи, когда надо дѣлать умъ: свѣтскій мундиръ (генеральнаго штаба), ученая выписка, въ главномъ штабѣ, при особѣ фельдмаршала. Большая птица! Не правда-ли? Не улыбайся. Правда, всѣ большія птицы начали полетъ свой съ этого. Къ тебѣ придутъ болтуны, сплетники, пустые люди, фанфароны, люди богатые, съ титулами и въ чинахъ. Будь ко всѣмъ привѣтливъ и внимателенъ. Говори, какъ можно меньше; кто много говоритъ, тотъ можетъ сказать иногда вздоръ. Всѣ пересчитанные мною люди придутъ къ тебѣ, чтобы поболтать, узнать какуюнибудь новость. Новости никакой не говори. Все равно, если бы даже и не было новостей—то, посѣтителю твою, каждый порознь, будетъ думать, что ты не говоришь изъ скромности или не хотѣлъ сказать ему, потому что другіе были и проч.

— Люди вообще всѣ устроены такъ, — продолжалъ фельдмаршалъ, — что имъ хочется говорить, но говорить самимъ. Всякую ложь, всякій вздоръ слушай терпѣливо, со всѣми признаками вниманія. Ты можешь думать, что тебѣ угодно; но разговоръ или болтовню чужую выслушай. Выйдетъ отъ тебя болтунъ и будетъ кричать всякому встрѣчному и поперечному: я былъ сейчасъ у Менькова; часа два мы съ нимъ толковали, что это за умница, что за пріятный человекъ! А ты и рта не разинулъ, ты слушалъ только болтуна. Такихъ людей не сотни—тысячи, и всѣ они ударятъ въ набатъ о твоёмъ умѣ. Годъ, два и самымъ дешевымъ способомъ, репутація ума сдѣлана. Изъ современниковъ моихъ я не знаю другого человека, который бы въ такой степени постигъ выгоду чужой болтовни и кто бы съ такимъ искусствомъ воспользовался ею, какъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Онъ со всѣми ласковъ, привѣтливъ, говорить весьма мало, а что говорить — обдумываетъ. Языкъ его остеръ—остроты его ловятся болтунами на лету и разносятся по цѣлому свѣту.

— Осмѣлюсь замѣтить, ваша свѣтлость, мнѣ кажется, что Ермоловъ столько уменъ, что и безъ помощи болтуновъ всѣ знаютъ объ его умѣ.

— Всѣ говорятъ, что Ермоловъ уменъ, — не отвергаю этого и я; я знаю Ермолова съ маленькаго чина. Ермоловъ обладаетъ завиднымъ знаніемъ человѣческаго сердца; онъ скорѣе, чѣмъ кто другой, отыщетъ путь къ человеку и овладѣетъ имъ. Но Ермоловъ злой. Сейчасъ онъ держалъ тебя въ объятіяхъ и бранилъ Петра—ушелъ ты, онъ обвинитъ Петра и бранитъ тебя, Ивана. Но я спрашиваю, гдѣ этотъ высокій, гениальный умъ, который придаютъ Ермолову? Три десятка красно-натканыхъ бумагъ,

да тысячи острыхъ словъ не составляютъ государственнаго человѣка! Гдѣ дѣла? ¹⁾).

Въ это время человѣкъ доложилъ о пріѣздѣ Алексѣя Петровича Ермолова, князя Шаховскаго и нѣскольکو другихъ сподвижниковъ с л а в ы ф е л ь д м а р ш а л а и участниковъ славныхъ дѣлъ Бородина и штурма Варшавы. Я доложилъ его свѣтлости о посѣтителяхъ. Вышелъ фельдмаршалъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, сдѣланныхъ имъ князю Шаховскому и Ермолову, его свѣтлость обратился къ Алексѣю Петровичу и говорилъ о заслугахъ его въ день Бородинка. Фельдмаршалъ и Ермоловъ обмѣнялись нѣсколькими воспоминаніями исторически былаго.

— Алексѣй Петровичъ,—сказалъ наконецъ фельдмаршалъ,—вчера я былъ у васъ!

— Ваша свѣтлость, я имѣлъ счастіе представляться вамъ въ день вашего прибытія въ Москву, искалъ случая быть у вашей свѣтлости во всѣ эти дни, но не имѣлъ чести видѣть васъ.

— Но вчера вы меня не приняли, замѣтилъ фельдмаршалъ.

— Ваша свѣтлость, въ то время, когда вы имѣли высокую честь вашимъ посѣщеніемъ, меня дѣйствительно не было дома. Не скрою отъ вашей свѣтлости, если бы я даже былъ и дома—не принялъ бы васъ! ²⁾... Честь посѣщенія вашего столь велика, и я никогда не позволилъ бы себѣ быть столь дерзкимъ, чтобы затруднить вашу свѣтлость выходомъ изъ экипажа въ мою берлогу, гдѣ я не сумѣлъ бы принять васъ съ должною вашему сану почестію.

Замѣчательно, что со времени пріѣзда его свѣтлости въ Москву, до минуты выѣзда, народъ тѣснился около квартиры фельдмаршала. Всѣмъ хотѣлось видѣть князя Варшавскаго. Во время представленія купечества, одинъ изъ стариковъ, принесъ на блюдѣ фрукты, быть можетъ, не краснорѣчиво, но искренно, привѣтствовалъ его свѣтлость, говоря:

— Свѣтлѣйшій князь, полюбите насъ, московскихъ; мы вѣдь васъ знаемъ и уважаемъ; мы знаемъ и то, что вы сдѣлали для славы-то Россіи.

26-го августа генералъ-фельдмаршалъ имѣлъ докладъ у государя императора. Въ тотъ же день былъ балъ у графа Орлова-Денисова.

27-го—29-го августа были маневры. Дѣйствіе происходило по Подольскому шоссе, между Москвою и станціею Бирюлово.

¹⁾ Блестящія въ Отечественную войну и десятилѣтняя дѣятельность на Кавказѣ.

Р е д.

²⁾ Тамъ, гдѣ поставлены точки, были весьма длинныя остановки. Фельдмаршала сильно коробила недосказанная ивсканная рѣчь А. П. Ермолова.

П. М.

Сѣвернымъ отрядомъ командовалъ генералъ Чаадаевъ, южнымъ отрядомъ генералъ Гельфрейгъ. Южный отрядъ, имѣвшій больше кавалеріи, тѣснилъ отрядъ сѣверный до тѣхъ поръ, пока сей послѣдній не получилъ дивизію пѣхоты въ подкрѣпленіе и не перешелъ, въ свою очередь, къ дѣйствіямъ наступательнымъ.

Двухсторонній маневръ, подъ Москвою, былъ похожъ на всевозможные маневры. Стройно ходили колонны; бродили цѣпи стрѣлковъ—стрѣляли, кричали «ура», скакали адъютанты и суетились посредники маневровъ. Князь Волконскій, не задолго передъ тѣмъ возведенный въ званіе фельдмаршала, съ какимъ-то особымъ достоинствомъ развѣзжалъ межъ рядами колоннъ, какъ бы ревнуя къ фельдмаршалу боевому, князю Варшавскому, спокойно ѣздившему по о-дала другимъ.

Первый день маневровъ кончился благополучно. Красивая мѣстность и хорошо выученныя войска сдѣлали маневръ прекраснымъ. Всѣ движенія войскъ, исполняемыя съ отчетливостью, были видны во всей красѣ. Войска остались на боевыхъ позиціяхъ; зрители и большая часть главныхъ дѣйствователей возвратились во дворцы и хоромы московскіе.

29-го числа, едва занялась заря, какъ въ окрестностяхъ Москвы снова загудѣли выстрѣлы и снова продолжался начатый маневръ. На этотъ разъ сѣверный отрядъ оттѣснилъ южный къ станціи Бирюлово.

День былъ пасмурный, дождливый; воятели и зрители промокли до костей. Маневръ также прошелъ весьма хорошо и кончился въ два часа пополудни, въ шестнадцать верстахъ отъ города. Государь императоръ остался войсками 6-го корпуса весьма доволенъ.

Фельдмаршалъ, подъ предлогомъ нездоровья и усталости, отдалъ приказаніе не принимать никого. За обѣдомъ была своя семья. Къ обѣду былъ приглашенъ инспекторъ артиллеріи генералъ Гилленшмидтъ, почтенный старикъ, издавна чтимый и любимый фельдмаршаломъ. Князь Варшавскій былъ веселъ и говорилъ въ. Оживленный разговоръ переходилъ съ предмета на предметъ.

Весело начатый обѣдъ кончился; блюда убраны, прислуга вышла; за столомъ остались собесѣдники, да тѣсный кругъ бутылокъ и стакановъ. Курили сигары. Князь Варшавскій говорилъ о себѣ; но вопреки своей привычки, говорилъ скромно и увлекательно, что исключительно бывало съ нимъ въ своей семьѣ, когда онъ не былъ связанъ ни глазомъ, ни слухомъ постороннимъ. Князь говорилъ о томъ, что онъ сдѣлалъ для Царства Польскаго въ длинный періодъ своего намѣстничества, что сдѣлалъ для войска въ долгій періодъ своего фельдмаршалства. Всѣ слушали молча и почтительно, запивая дымъ сигары, кто искристымъ шампанскимъ, кто густою влагою кахетинскаго. Фельдмаршалъ пилъ кахетинское.

— Ну-ка ты, ученый кавътъ, будущій историкъ, скажи

миѣ,—говорилъ князь Варшавскій, обращаясь ко миѣ,—скажи миѣ, но со всѣмъ чистосердечіемъ, за что можете упрекнуть меня исторія, какъ намѣстника и какъ фельдмаршала?

Я молчалъ.

— Говори же, но говори правду, тебя спрашиваетъ объ этомъ не генераль-фельдмаршалъ, а князь Варшавскій, Паскевичъ. Говори, какъ русскій дворянинъ русскому дворянину.

Широко хлебнувъ я изъ полного стакана влаги Климко и отвѣчалъ:

— Ваша свѣтлость, судить о дѣлахъ вашихъ, какъ намѣстника Царства я не могу, потому что слишкомъ еще мало знакомъ со всѣмъ тѣмъ добромъ, которое вы водворили во вѣренномъ вамъ Царствѣ. Чуждый администраціи края, промышленности и быта народнаго, въ настоящую минуту я не взялъ бы на себя смѣлость замѣтить какой бы то ни было пробѣлъ въ исторіи вашего намѣстничества. Какъ фельдмаршалъ, вы сдѣлали много для русской арміи; съ именемъ вашимъ связана слава русскаго оружія; вы приучили войска къ побѣдамъ. Вы создали и обезпечили матеріальный бытъ солдата ¹⁾, но...

— Но,—повторилъ фельдмаршалъ, придвинувшись ближе къ столу и устремивъ свои пронизательные каріе глаза на меня,—но... продолжайте!

— Ваша свѣтлость, вы двадцать шесть лѣтъ фельдмаршаломъ—четверть вѣка! Вы не вѣчны. Не станеть васъ, и исторія упрекнетъ, что вы не оставили послѣ себя людей, не создали генераловъ. Въ двадцать шесть лѣтъ фельдмаршалства вы могли изъ среди русской арміи выбрать молодыхъ людей и вашимъ умомъ, вашимъ опытомъ могли ихъ вести до генеральства и подарить отчизнѣ вѣрныхъ слугъ, а арміи надежныхъ генераловъ... Конечно, вы дали Царству генераловъ Викянскаго, Толстаго, Заболоцкаго, Шепелева, Тихановскаго, Бутурлина, но...

— Но!—сказалъ фельдмаршалъ,—довольно, пора отдохнуть!

И въ это время обѣими руками отрывисто отодвинулъ столъ отъ дивана. Запрыгали и зазвенѣли бутылки, стаканы и рюмки, и живо вскочили собесѣдники. Фельдмаршалъ вышелъ. Всѣ чаяли грозы, но грозы не было.

Поздно вечеромъ фельдмаршалъ принималъ отъ меня обычный докладъ, былъ со мною ласковъ и пріятливъ, но уже не спрашивалъ о томъ, что скажетъ про него исторія, какъ намѣстника Царства и какъ фельдмаршала русской арміи.

¹⁾ Т. е. фельдмаршалъ первый положилъ начало заботамъ о солдатскомъ брѣхѣ. (Масная и винная порція). П. М.

30-го августа былъ выходъ въ Николаевскомъ дворцѣ; въ этотъ день государь императоръ посѣтилъ князя Варшавскаго.

По выѣздѣ фельдмаршала изъ Москвы, съ 30-го на 31-е августа, въ Луцку, мы захали въ Гомель, гдѣ оставались не болѣе сутокъ. Изъ Гомеля, черезъ Кіевъ, прибыли въ Луцкъ 6-го сентября, въ шесть часовъ утра. Въ ожиданіи пріѣзда государя императора, генералъ-фельдмаршалъ не дѣлалъ ни смотра корпусу, ни ученій, а предоставилъ время войскамъ приготовиться къ высочайшему смотру.

Его императорское величество изволилъ прибыть въ Луцкъ 9-го числа, въ 4^{1/2} часа утра. Въ часъ пополудни былъ назначенъ смотръ 4-му пѣхотному корпусу. Послѣ доклада князя Варшавскаго его императорскому величеству, фельдмаршалъ вышелъ вмѣстѣ съ государемъ на крыльцо; его свѣтлости подали верховую лошадь. Лошадь у крыльца стояла не покойно, и въ то время, какъ фельдмаршалъ хотѣлъ на нее садиться, она ударила задомъ и ранила его въ правую ногу, ниже колѣна такъ, что онъ долженъ былъ отправиться домой.

Смотръ 4-го пѣхотнаго корпуса былъ очень хорошъ. Государь императоръ остался войсками совершенно доволенъ и пожаловалъ нижнимъ чинамъ по полтиннѣ серебромъ. Въ этотъ день, послѣ смотра и потѣмъ вечеромъ, его величество изволилъ посѣтить фельдмаршала.

10-го сентября. Въ присутствіи его императорскаго величества произведено было ученье 4-ой легкой кавалерійской дивизіи, стрѣльба въ цѣль пѣхоты, для которой отъ cadaго полка было назначено по одной ротѣ, отъ каждой роты стрѣлковаго батальона по 40 человекъ и по 16-ти человекъ штуцерниковъ отъ cadaго полка, а также практическая стрѣльба въ цѣль 4-й артиллерійской дивизіи.

Кавалерійскимъ ученьемъ государь императоръ остался весьма доволенъ; лучше всѣхъ представился Изюмскій гусарскій полкъ. Всѣмъ людямъ 4-ой кавалерійской дивизіи государь пожаловалъ по рублю серебромъ и всѣхъ офицеровъ Изюмскаго полка, переведенныхъ въ сей полкъ изъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, изволилъ наградить слѣдующими чинами, приказавъ, при предстоящихъ въ корпусѣ представленіяхъ, не лишать этихъ офицеровъ очередныхъ наградъ.

Стрѣльба въ цѣль пѣхоты и стрѣлковъ 4-го стрѣлковаго батальона была хороша. Штуцерныя команды на дистанцію 800 шаговъ стрѣляли дурно. Стрѣльба артиллерія была не совсѣмъ удачна.

10-го сентября его императорское величество изволилъ посѣтить князя Варшавскаго три раза.

11-го числа было линейное ученье 4-му пѣхотному корпусу.

Государь императоръ линейнымъ ученьемъ остался вполне доволенъ. Были небольшія ошибки въ артиллеріи и 11-ой пѣхотной дивизиі.

зіи. Пѣхота сей дивизіи, при окончаніи маневра, въ колоннахъ, пуцценыхъ въ атаку и остановленныхъ по отбою, открыла огонь.

Государь императоръ произвелъ маневръ всѣмъ войскамъ 4-го пѣхотнаго корпуса. По окончаніи маневра сѣлъ въ коляску и, не возвращаясь въ Луцкъ, поѣхалъ въ Кіевъ.

Фельдмаршалъ выѣхалъ изъ Луцка въ четыре часа пополудни.

1852 годъ.

26-го марта. Генералъ-фельдмаршалъ и вся компанія, въ томъ числѣ и я, прибыли въ Петербургъ благополучно сегодня въ пять часовъ утра.

Во время пребыванія въ Петербургѣ, его свѣтлость однажды, въ разговорѣ со мною, остановился на своемъ участіи въ подавленіи польскаго мятежа 1831 года и рассказалъ слѣдующее:

— Во время перваго періода польской войны, я находился на Кавказѣ. Дѣла наши въ Польшѣ шли весьма неудачно. Въ концѣ апрѣля мѣсяца я получилъ высочайшее повелѣніе прибыть въ Петербургъ, куда и прибылъ въ часъ пополудни. При представленіи его величеству, государь императоръ тутъ же вкратцѣ объяснилъ мнѣ ходъ дѣла въ Польшѣ, прибавивъ, чего ожидаютъ отъ меня Россія и царь русскій. Послѣ обѣда государь, отойдя со мною въ нишу окна, спросилъ, чѣмъ я намѣренъ начать свои дѣйствія и какой думаю дать исходъ войнѣ, веденной вяло и безъ всякаго опредѣлительнаго плана ¹⁾).

— Государь, отвѣчалъ я, въ настоящую минуту не могу отвѣчать безошибочно на вопросъ вашего величества: я не знаю ни состава, ни средствъ, ни расположенія арміи. Ознакомясь съ тѣмъ и съ другимъ въ продолженіе ночи, завтрашній день я буду имѣть счастье объобщихъ предположеніяхъ моихъ доложить вашему величеству, отложивъ представленіе подробнаго плана дѣйствій до прибытія моего въ армію.

«Государь императоръ приказалъ бывшему тутъ же военному министру тотчасъ же сообщать мнѣ всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся у него объ

¹⁾ Фельдмаршалъ прибылъ въ Петербургъ 12-го мая, графъ Дибичъ умеръ 29-го мая; главнокомандующимъ графъ Паскевичъ былъ назначенъ 5-го іюня. Изъ приводимаго разсказа Паскевича не ясно, когда именно происходитъ этотъ разговоръ его съ государемъ—при прибытіи-ли фельдмаршала въ Петербургъ или при назначеніи его главнокомандующимъ. Впрочемъ понятно, что въ 1852 году подробности эти ускользнули изъ памяти престарѣлаго фельдмаршала.

поряжался ходомъ дѣла, приказывалъ графу Толю исполнить то или другое ¹⁾

Петръ Николаевичъ Очкинъ, бывшій свидѣтелемъ сцены съ графомъ Толемъ, ручался мнѣ за совершенную точность разказа фельдмаршала.

Когда въ 1852 году, я записывалъ приведенный выше разказъ князя Варшавскаго о столкновеніи его въ 1831 году съ графомъ Толемъ, а о желаніи фельдмаршала выслать Толю изъ арміи, то я не вполне вѣровалъ въ подробности разказа и только тогда убѣдился въ его истинѣ, когда столкновеніе это было подтверждено лично очевидцемъ, лицомъ, писавшимъ донесеніе фельдмаршала государю, секретаремъ главнокомандующаго, человѣкомъ, достойнымъ высокаго уваженія—Петромъ Николаевичемъ Очкинымъ.

Въ томъ II-мъ «Русскаго Архива» за 1873 годъ въ статьѣ «Выдержки изъ памятныхъ записокъ А. Я. Стороженко о фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ» на стр. 1747 между прочимъ описанъ этотъ самый случай, но нѣсколько въ иномъ вариантѣ, а именно, что фельдмаршалъ, въ присутствіи графа Толя, началъ диктовать предписаніе ему выѣхать изъ арміи и что это укротило заносчиваго Толя.

По прибытіи моемъ въ 1848 году въ Варшаву, я засталъ еще г. Стороженко на мѣстѣ главнаго директора, предѣдательствующаго въ комисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ.

А. Я. Стороженко, съ которымъ я познакомился у зятя его, генерала Ушакова, былъ, какъ говорили, весьма умный человѣкъ; лично же я могу засвидѣтельствовать, что это былъ весьма любезный собесѣдникъ, неистощимый, остроумный и веселый разказчикъ какъ изъ давняго былаго Малороссіи, такъ и изъ близкаго ему прошлаго Польши.

¹⁾ Графъ Толъ въ запискахъ своихъ, стр. 101, говоритъ: «дали возможность полковнику Чевкину (составителю реляціи) составить подробную и безпристрастную (?) реляцію о семъ достопамятномъ штурмѣ, но когда оная поступила на рассмотрениеъ фельдмаршала, то онъ со свойственными ему самолюбіемъ и завистию не могъ перенести того, что сказано было о другихъ достойныхъ генералахъ, и сталъ вычеркивать дѣлыя статьи или давать имъ иной оборотъ. Такимъ образомъ и на мой счетъ, сказать онъ, будто во время дѣйствія онъ послышалъ мнѣ повелѣнія, которыхъ я, какъ честный человѣкъ сказать могу, никогда не получалъ; давъ мнѣ команду надъ арміею, онъ черезъ полковника Муханова приказалъ сказать мнѣ, что «армія въ рукахъ моихъ, и что онъ представляетъ мнѣ дѣйствовать по моему усмотрѣнію». Когда штурмъ кончился такъ блистательно, то фельдмаршалу было легко приписывать себѣ все, что угодно; но если бы онъ не удался, что бы со мною сдѣлали?»

А. Я. Стороженко пользовался полнымъ расположеніемъ князя Варшавскаго, хотя въ то же время не пользовался ни любовью, ни добромъ славомъ у своихъ сослуживцевъ, подчиненныхъ и въ особенности у горожанъ Царства Польскаго, которые въ новомъ министрѣ по прежнему видѣли лицепріятнаго полиціимейстера Варшавы и грознаго, безцеремоннаго председателя всевозможныхъ слѣдственныхъ и судныхъ комиссій.

По всемъ вѣроятіямъ рассказъ г. Стороженко о столкновеніи фельдмаршала Паскевича съ графомъ Толемъ почерпнуть изъ того же источника, какъ и мой рассказъ, т. е. со словъ князя Варшавскаго. Сущность обоихъ вариантовъ одна и та же съ тою только разницею, что записанный мною рассказъ принадлежитъ къ позднѣйшей редакціи, потому что записанъ въ 1852 году, когда Стороженко былъ уже внѣ службы.

При всѣхъ по истинѣ непривлекательныхъ качествахъ, указанныхъ Стороженко, фельдмаршалъ князь Паскевичъ отличался: необыкновеннымъ самолюбіемъ, недоувѣрчивостію, подозрительностію и какою-то странною боязнію, что его не вполне цѣнятъ, уважаютъ только изъ страха къ его могуществу, что его не любятъ, и каждый, даже близкій къ нему человѣкъ, если не явно, то внутренно надъ нимъ посмѣивается. Эта мысль постоянно его мучила, а потому, зная эту болячку, во всѣхъ отношеніяхъ съ нимъ необходима была крайняя осмотрительность; каждое слово и дѣйствіе приходилось обдумывать и взвѣшивать.

Не таковъ былъ князь М. Д. Горчаковъ, который, напротивъ того, любилъ, чтобы ему на его угловатую рѣчь отвѣчали такимъ же угломъ; уважая чужую самостоятельность, онъ любилъ противорѣчіе, доходившее иногда до грубости, что случалось лично со мною довольно часто при постоянныхъ ежедневныхъ докладахъ въ бытность мою дежурнымъ штабъ-офицеромъ при начальникѣ главнаго штаба.

Наоборотъ, князь Паскевичъ, предлагая какое-либо мнѣніе на обсужденіе, искалъ только подтвержденія этого мнѣнія, не допуская какихъ-либо возраженій, противорѣчій. Подозрительность же фельдмаршала часто доходила до смѣшнаго, уродливаго. Вотъ случай бывшій со мною.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ съ его свѣтлостію изъ Варшавы въ Петербургъ въ званіи штабъ-офицера, завѣдывающаго военно-походною канцеляріею генералъ-фельдмаршала, я приглашенъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ его великогнѣпомъ дормезѣ. Дѣло было послѣ прекраснаго обѣда; фельдмаршалъ закурилъ сигару и мнѣ предложилъ свою ароматическую регалию. Разговоръ шелъ о войнѣ съ персами. Его свѣтлость краснорѣчиво разливался хвастливымъ потокомъ, рассказывая о своихъ гениальныхъ военныхъ соображеніяхъ, о средствахъ продовольствія ввѣренныхъ ему войскъ, о своихъ доблестяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нещадно

пятналь многія достойныя личности, современныя этой эпохѣ—брали Дибича, Ермолова и другихъ.

Во время своего разсказа онъ съ подозрительнымъ вниманіемъ слѣдилъ за выраженіемъ моего лица, отражавшагося въ зеркалѣ, устроенномъ въ передней сторонѣ дормеза. На зеркало, бывшее передъ нами, довѣрчивый слушатель не обратилъ никакого вниманія и вовсе не подозрѣвалъ лукаваго маневра подозрительнаго разсказчика... Вдругъ раздался сильный звонокъ со стороны фельдмаршала; скакавшая во весь опоръ шестерня курьерскихъ остановилась какъ вкопанная, и его свѣтлость сердито предложилъ мнѣ оставить дермезъ и вмѣсто себя прислать ему въ спутники доктора, слѣдовавшаго сюда въ коляскѣ, потому что я не достоинъ высокой чести совѣстнаго съ его свѣтлостью путешествія, такъ какъ при его разсказѣ позволилъ себѣ насмѣшливо улыбнуться; значить, я не довѣряю его словамъ, критикую его, унижаю, вольнодумствую, потому что ношу ученый кантукъ; что, дескать, я офицеръ генеральнаго штаба—значить: Менъковъ умиѣ фельдмаршала, графа Эривани, князя Варшавскаго и пр.

Потокъ упрековъ и негодованія лился до той поры, пока экипажи со свитою, слѣдовавшіе сюда, не догнали княжескаго дормеза и вмѣсто подполковника Менъкова не водворился докторъ Россетъ.

За вечернимъ чаемъ на какой-то станціи фельдмаршалъ былъ попрежнему любезенъ со мною: какъ-будто предательскаго зеркала и иронической улыбки, въ немъ подмѣченной, никогда не существовало.

Въ этотъ нашъ прїѣздъ мы пробыли въ Петербургѣ четыре мѣсяца. Всѣ эти счастливыя поѣздки съ фельдмаршаломъ положили начало разстройству моихъ дѣлъ, такъ какъ я долженъ былъ жить въ Петербургѣ и въ Варшавѣ съ приличіемъ человѣка, имѣющаго счастье состоять при особѣ фельдмаршала. Какъ-то, во время одного разговора со мною, Паскевичъ спросилъ: «Не надобно ли тебѣ денегъ?» Я отвѣчалъ, что деньги всегда нужны человѣку.

Въ тотъ же день фельдмаршалъ прислалъ мнѣ денегъ.

При встрѣчѣ со мною фельдмаршалъ всегда трунилъ надъ тѣмъ, что меня возили съ фельдгегеремъ въ Петербургъ и что меня запирали въ крѣпость.

— Пишешь-ли ты нынѣ и что пишешь? спрашивалъ его свѣтлость.

— Ничего, кромѣ казенныхъ бумагъ, ваша свѣтлость.

— То-то, смотри, опять схватишь и засадишь въ фортецію.

Возвращаясь съ фельдмаршаломъ изъ Петербурга въ Варшаву, я оставилъ на станціи Преображенской денегъ триста руб. сер. вмѣстѣ съ пакетомъ неважныхъ бумагъ и, только отъѣхавъ верстъ сто, схватился о моей потерѣ.

Посылка вѣстафеты (телеграфовъ не было) на станцію, гдѣ были за-
быты мною деньги, заставила меня замѣшкаться, и коляска моя догнала
фельдмаршала только во время обѣда. Его свѣтлость встрѣтилъ меня
вопросомъ: «ты потерялъ деньги?»

— Оставилъ на станціи, отвѣчалъ я съ досадою. Ваша свѣтлость
такъ торопились съ отъѣздомъ.

За обѣдомъ фельдмаршалъ, подливая мнѣ шампанскаго, подтруни-
валъ надъ моею потерей. Садясь въ экипажъ, онъ подозвалъ меня.

— Другъ мой, я вполне постигаю, какъ неприятно потерять деньги,
когда въ нихъ заключается весь капиталъ, но будь покоенъ, это потеря
моя, а не твоя.

Я получилъ мои деньги вдвойнѣ—фельдмаршалъ внесъ потерю и
станція прислала пакеты.

Въ августѣ мѣсяцѣ въ Варшавѣ была весьма сильная холера.

Его свѣтлость жилъ въ Скерневицахъ, прѣзжая два раза въ недѣлю
въ Варшаву.

16-го августа я получилъ приглашеніе отъ его свѣтлости пожа-
ловать къ нему въ Скерневицы.

М. Скерневицы, вторая станція желѣзной дороги отъ Варшавы къ
Кракову, принадлежало прежде княгинѣ Ловичъ. Прекрасный неболь-
шой загородный дворецъ съ флигелями, отличный садъ и огромный
паркъ составляютъ Скерневицы.

По утрамъ фельдмаршалъ занимался дѣлами—желѣзная дорога со-
кратила разстояніе между Варшавой и загороднымъ пребываніемъ на-
мѣстника. Въ два часа завтракъ, потомъ ѣдемъ или кататься по парку,
или въ особо отгороженное мѣсто парка загонять отъ двухъ до пяти
дикихъ кабановъ; гонять ихъ собаками, стрѣляютъ и такимъ образомъ
составляется импровизованная охота.

Обѣдъ между 8 и 9 часами; ѣдятъ и пьютъ много, по деревенски.
Послѣ обѣда разговоръ. Часовъ въ одиннадцать садятся за карты, что
продолжается часовъ до четырехъ, иногда и до пяти утра.

Какъ извѣстно, исторію венгерской войны составлялъ я подъ руко-
водствомъ фельдмаршала. Въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ была напе-
чатана статья о русскомъ описаніи этой войны ⁽¹⁾. Статья эта съ боль-
шой похвалою отзывалась о русскомъ писателѣ и вообще объ умѣрен-
ности русскихъ.

Веймарнъ перевелъ мнѣ статью съ нѣмецкаго на русскій языкъ и
я какъ то принесть ее фельдмаршалу. Мы ходили взадъ и впередъ по
террасѣ замка—я прочелъ переводъ статьи.

¹⁾ Составленная мною „Исторія Венгерской войны въ 1849 году“ была по
высочайшему повелѣнію переведена генералъ-адъютантомъ Ливеномъ на нѣ-
мецкій языкъ и напечатана на счетъ казны въ Берлинѣ. П. М.

Мы говорили вообще о кампаніи. Было какъ то кстати, и я сказалъ о смѣломъ распоряженіи фельдмаршала относительно направленія дивизіи Паниотина къ Вѣнѣ по желѣзной дорогѣ.

Мы остановились. Фельдмаршалъ началъ. «Въ прошломъ году, въ бытность здѣсь австрійскаго императора, государь въ присутствіи моемъ и его говорилъ о посылкѣ дивизіи въ Вѣну, объ опасности, которой могла подвергнуться дивизія, въ виду предприимчиваго непріятеля, сгѣдую по желѣзной дорогѣ. Австрійскій императоръ говорилъ о вліяніи не только на жителей Вѣны, но на населеніе цѣлой Германіи, которое произвело появленіе русской дивизіи около Градиша. Я отвѣчалъ монархамъ, что, посылая дивизію Паниотина, я имѣлъ въ виду спасеніе Вѣны и достиженіе нравственнаго вліянія на мятежниковъ и Германію, совершенно сознавая, что при обстоятельствахъ болѣе несчастныхъ дивизія могла погибнуть. Государь взялъ меня за голову и сказалъ: «А если бы дивизія погибла, то эта сѣдая голова дорого бы заплатилась мнѣ за рискъ самовольной отправки и за потерю 16.000 человекъ».

Сообщилъ А. М. Заіолячковскій.

Записки графа Л. Л. Беннигсена

о

войнъ съ Наполеономъ 1807 года.

VI ¹⁾.

Дѣйствія частныхъ начальниковъ подъ Пултускомъ.—Дѣйствія графа Палена, князя Голицына и Доктурова.

Я общалъ сообщить о донесеніяхъ различныхъ генераловъ, которые, каждый отдѣльно, подверглись нападеніямъ французовъ при ихъ движеніи, въ день битвы подъ Пултускомъ. Однако, во избѣжаніе повтореній, я представлю только извлеченіе изъ этихъ донесеній.

Генералъ-маіоръ графъ Паленъ, командовавшій линією аванпостовъ впереди нашего праваго крыла на рѣкѣ Вкрѣ, состоявшей изъ 21-го егерскаго полка, восьми эскадроновъ Сумскаго гусарскаго полка и артиллерійской конной роты (маіора Пирогова), по полученіи приказанія отступать, подвергся 13 (25) числа ноября нападенію передъ Лопачиномъ, на который онъ прежде всего направился ²⁾. Непрiятель показался сперва на правой сторонѣ его дороги около часа дня и вскорѣ прослѣдовалъ съ большимъ числомъ кавалеріи чрезъ деревню Погонье. Благоразумными распоряженіями генерала непріятель былъ остановленъ и отбитъ, несмотря на всѣ сдѣланныя имъ попытки прорвать этотъ отрядъ въ различныхъ частяхъ его. Темнота ночи положила конецъ сраженію; непріятель отступилъ на нѣкоторое разстояніе и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1897 г.]

²⁾ См. карту приложенную къ № 1-му «Русской Старины» 1897 г.

графъ Паленъ воспользовался очень искусно временемъ. Онъ продолжалъ движеніе, прикрывая свое отступленіе батальономъ егерей и пятью эскадронами гусаръ. Нашъ генералъ въ донесеніи своемъ объ этомъ дѣлѣ очень хвалитъ поведеніе генерала Лаптева, командира 21-го егерскаго полка. Онъ также съ большою похвалою отзывается о полковникѣ Куликовскомъ, командирѣ егерскаго батальона, и майорѣ Шотаповѣ, командирѣ гусарскаго эскадрона. Графъ Паленъ слѣдовалъ по дорогѣ въ Цехановъ, гдѣ нашелъ генерала-майора Цапля, получившаго приказаніе идти съ своимъ отрядомъ къ Голымину, гдѣ находился генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ съ седьмою дивизіею, принадлежавшею къ корпусу генерала Букгедева, съ которою и продолжалъ свое движеніе. Графъ Паленъ былъ принужденъ бросить три орудія, которыхъ нельзя было вытащить изъ грязи, въ которой они застряли.

14 (26) числа оба генерала съ ихъ отрядами соединились въ окрестностяхъ Голымина съ отрядами генералъ-лейтенантовъ Дохтурова и князя Голицына. Сей послѣдній, какъ я уже говорилъ ранѣе, получилъ приказаніе отъ фельдмаршала Каменскаго съ войсками, оставшимися еще на правомъ крылѣ во второй линіи, отправиться на рѣку Вкру. Эти войска занимали разстояніе между деревнями Лонково и Цеханово и состояли изъ двухъ кавалерійскихъ полковъ (Кирасирскаго военнаго ордена и Псковскаго драгунскаго), Костромскаго мушкетерскаго полка и полуторы полевой артиллеріи. Князь Голицынъ получилъ это приказаніе 12 (24) числа послѣ полудня. Спустя нѣсколько часовъ онъ уже выступилъ, не зная ничего о случившемся на рѣкѣ Вкрѣ въ этотъ день. Онъ отправился впередъ, чтобы получить окончательныя приказанія о томъ, куда ему идти. Въ 9 часовъ вечера онъ прибылъ въ Ново-Място, гдѣ нашелъ только нѣкоторыхъ нашихъ солдатъ, настолько тяжело раненыхъ, что ихъ невозможно было увести. Отъ нихъ онъ узналъ объ ускоренномъ отступленіи всѣхъ нашихъ войскъ, которыя были разбросаны по берегу Вкры. Вслѣдствіе всего этого онъ остановилъ свой отрядъ въ Слубовѣ.

Приказаніе, отправленное мною ко всѣмъ генераламъ при моемъ отъѣздѣ изъ Ново-Мяста о томъ, чтобы поспѣшно идти прямо на Пултускъ, не дошло до князя Голицына. Офицеръ, присланный отъ него ко мнѣ въ Стрегочинъ, также не засталъ меня. Князь Голицынъ съ большимъ трудомъ могъ вести 18 орудій тяжелой артиллеріи, которыя ему приказано было взять съ собою. Дороги были чрезвычайно грязны и непроходимы, какъ я уже говорилъ объ этомъ. Въ полномъ невѣдѣніи о происходившемъ и въ неизвѣстности на чтó рѣшиться, чтобы не противодействовать какимъ-нибудь образомъ общему движенію арміи, генералъ-лейтенантъ князь Голицынъ предположилъ остаться въ занятой имъ позиціи передъ деревнею Слубово и ожидать

дальнѣйшихъ приказаній. Онъ въ то же самое время приказалъ сдѣлать развѣдки по дорогѣ въ Ново-Място въ правую отъ него сторону — къ Лопачину и въ лѣвую сторону — къ Стрегочину. Въ 9 часовъ утра аванпосты сообщили ему о приближеніи неприятельской кавалерійской колонны по дорогѣ отъ Нова-Мяста. Вслѣдствіе этого князь Голицынъ подкрѣпилъ тремя эскадронами главный пунктъ, расположенный на дорогѣ. Въ это же время встать подошелъ Днѣпровскій мушкетерскій полкъ, слѣдовавшій отъ рѣки Вкры къ Стрегочину. Князь Голицынъ задержалъ этотъ полкъ и присоединилъ къ своему отряду. Неприятель немного позже обнаружилъ нѣсколько пѣхоты, и скоро завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся почти около двухъ часовъ, послѣ чего французы отошли по той же дорогѣ къ Нову-Мясту, по которой сперва показались.

Оказалось, что маршалъ Ожеро, съ своимъ корпусомъ почти въ 20.000 человекъ и 6.000 человекъ резервной кавалеріи великаго герцога Бергскаго, атаковалъ наканунѣ всѣ наши аванпосты, принадлежавшіе авангарду, расположенному въ Новомъ-Мястѣ, и послѣ, перейдя рѣку Вкру при Колозобѣ, въ шести верстахъ отъ Нова-Мяста, слѣдовалъ за княземъ Голицынымъ, чтобы отрѣзать его съ войсками отъ Пултуска.

Въ полдень князь Голицынъ былъ извѣщенъ, что два эскадрона Сумскаго гусарскаго полка, подъ командою полковника барона Крейца, отрѣзанные отъ арміи на рѣкѣ Вкрѣ, но съ оружіемъ въ рукахъ пробившіе себѣ дорогу, двигаются очень быстро по дорогѣ въ Лопачинъ, преслѣдуемые и даже настигаемые крупнымъ отрядомъ неприятельской кавалеріи. Для облегченія отступленія этимъ двумъ эскадронамъ, князь Голицынъ послалъ имъ на встрѣчу два эскадрона кирасирскаго военнаго ордена полка съ однимъ батальономъ пѣхоты. Съ приближеніемъ этого подкрѣпленія неприятель остановился, и полковникъ Крейцъ съ двумя эскадронами присоединился къ своему полку, безъ значительныхъ потерь.

Въ три часа по полудни князь Голицынъ присоединилъ къ своему отряду Таврической гренадерскій и Малороссійскій кирасирскій полки, возвращавшіеся оба съ той же рѣки Вкры въ Стрегочинъ. Неприятель тогда ограничился небольшою перестрѣлкою на аванпостахъ, продолжавшеюся до заката солнца.

Вечеромъ князь Голицынъ былъ увѣдомленъ, что неприятель приближается со стороны Цеханова въ значительныхъ силахъ. Онъ рѣшился покинуть свою позицію, и чтобы не подвергаться опасности быть отрѣзаннымъ отъ фланговъ, направился со своимъ отрядомъ вправо по дорогѣ въ Пултускъ, но едва сдѣлавъ пять или шесть верстъ въ темнотѣ, какъ былъ задержанъ артиллеріею, такъ какъ орудія всѣ до того завязали въ непроходимыхъ дорогахъ, что послѣ десяти часовъ страш-

наго труда удалось вытащить только нѣсколько орудій. Видя невозможность спасти всю свою артиллерію и не желая подвергать свой отрядъ еще болѣе чувствительнымъ потерямъ чрезъ слишкомъ большое промедленіе съ своимъ движеніемъ, князь Голицынъ приказалъ заклепать орудія, которыя не было возможности вытащить изъ грязи, и раздать своей кавалеріи возможно большее число снарядовъ изъ зарядныхъ ящиковъ, которыхъ также не представлялось возможнымъ вести по отвратительнымъ дорогамъ. Послѣ этого князь Голицынъ направился по дорогѣ къ Голымину, куда прибылъ 14 (26) числа въ восемь часовъ утра и гдѣ засталъ еще генералъ-лейтенанта Дохтурова съ тремя полками 7-ой дивизіи корпуса генерала Буксгевдена. Тогда генералъ Дохтуровъ, какъ старшій чиновомъ, принялъ общее командованіе надъ всеми войсками, собранными въ Голыминѣ.

Я уже говорилъ, что фельдмаршалъ графъ Каменскій приказалъ генералу Буксгевдену съ двумя дивизіями перейти на правый берегъ Нарева; онъ самъ остался въ Маховѣ съ 5-ою дивизіею генералъ-лейтенанта Тучкова. Генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ съ другою т. е. 7-ою дивизіею прибылъ 11 (23) числа въ Орешевку, откуда, согласно полученнымъ приказаніямъ, отрядилъ генералъ-маіора Чаплица въ Цехановъ съ гусарскимъ Павлоградскимъ полкомъ, Ингерманландскимъ драгунскимъ и половиною казачьяго Малахова полка; впоследствии я именно 13 (25) числа онъ послалъ, на основаніи тѣхъ же приказаній, генералъ-маіора Запольскаго съ Екатеринославскимъ гренадерскимъ полкомъ, Владимірскимъ мушкетерскимъ и ротой конной артиллеріи полковника Ермолова въ Цехановъ, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ кавалеріею генералъ Чаплица. Самъ генералъ Дохтуровъ съ Московскимъ мушкетерскимъ полкомъ, Московскимъ драгунскимъ и остальною частью казачьяго Малахова полка прибылъ въ 8 часовъ утра въ Голыминъ. Такъ какъ распоряженіе объ общемъ отступленіи имъ также было получено, то онъ послалъ на встрѣчу войскамъ своей дивизіи, находившимся еще въ пути, приказаніе не продолжать движенія впередъ, но возвратиться въ Маховъ, а въ то время какъ онъ собирался самъ исполнить это приказаніе вмѣстѣ съ находившимися при немъ войсками, князь Голицынъ далъ ему знать, что онъ отступаетъ къ Голымину съ своимъ отрядомъ, при чемъ за нимъ слѣдуетъ близко весьма значительный непріятельскій отрядъ. Генералъ Дохтуровъ прежде всего выслалъ ему на встрѣчу всѣ находившіяся при немъ войска, но вскорѣ послѣ этого князь Голицынъ прибылъ со своимъ отрядомъ. Тогда генералъ Дохтуровъ приказалъ выстроить всѣ войска въ двѣ линіи на позиціи передъ Голыминимъ. Эти войска, составленныя изъ полковъ различныхъ дивизій, доходили вообще до 45 эскадроновъ, одного казачьяго полка, 27 батальоновъ пѣхоты, двухъ ротъ конной артиллеріи и одной роты

тяжелой артиллеріи, и могли насчитывать въ своихъ рядахъ до 16.500 человекъ. Генераль Чаплицъ со своимъ отрядомъ прикрывалъ правое крыло, стоя на открытой равнинѣ.

Довольно густой лѣсъ находился въ нѣкоторомъ разстояніи впереди фронта лѣваго фланга. Изъ этого лѣса выходили три дороги: одна изъ деревни—О с ѣ к ѣ - г о р н ѣ й, другая—изъ О с ѣ к ѣ - с т а р ѣ й (обѣ большія дороги, по которымъ подвигался непріятель) и третья менѣе употребительная—изъ деревни Гарновки. Этотъ лѣсъ долженъ былъ служить предметомъ величайшаго вниманія, чтобы обезпечить безопасность лѣваго крыла нашей позиціи. Генераль-майору князю Щербатову было поручено занять этотъ лѣсъ Костромскимъ мушкетерскимъ полкомъ и Таврическимъ гренадерскимъ подъ командою полковника Тучкова. Три эскадрона Псковскаго драгунскаго полка, подъ командою подполковника Васильчикова, были поставлены въ небольшой долину возлѣ лѣса, чтобы служить поддержаніемъ князю Щербатову, на случай, если непріятель принудитъ его очистить лѣсъ.

Непріятель, близко слѣдовавшій за аріергардомъ князя Голицына, не замедлилъ показаться изъ лѣсу и открыть очень оживленную перестрѣлку, продолжавшуюся до двухъ часовъ дня. Князь Щербатовъ удержалъ свою позицію и остановилъ наступленіе французовъ, но скоро они поддержали свои войска, и князь принужденъ былъ уступить и покинуть лѣсъ. Французы, близко за ними слѣдовавшіе, развернули немедленно густую цѣпь стрѣлковъ, а кавалерійская колонна дѣлала видъ, что намѣревается обойти нашу лѣвый флангъ. Лишь только генераль Дохтуровъ это замѣтилъ, онъ выслалъ полковника барона Розена съ шестью эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка и двумя эскадронами Сумскаго гусарскаго полка атаковать французовъ. Атака была удачна, и французская кавалерія отступила въ лѣсъ. Другая колонна непріятельской кавалеріи, подошедшая къ нашему центру, была отражена полковникомъ Бухгольцомъ съ Московскимъ драгунскимъ полкомъ, поддержаннымъ Псковскимъ драгунскимъ, подъ начальствомъ генерала барона Корфа, и двумя эскадронами Кирасирскаго военнаго ордена полка.

Пока все это происходило на нашемъ лѣвомъ крылѣ и центрѣ, непріятель въ значительныхъ силахъ подошелъ къ нашему правому флангу. Генераль Дохтуровъ послалъ приказаніе генералу Чаплицу атаковать этотъ отрядъ, что и было исполнено такъ удачно, что французы были опрокинуты и отступили съ потерей.

Это дѣло началось около девяти часовъ утра и къ семи часамъ вечера непріятель скрылся въ лѣсу, оставивъ за нами поле сраженія.

Отрядъ князя Голицына въ этотъ день лишился убитыми—трехъ офицеровъ и 80-ти нижнихъ чиновъ; ранеными же—четырехъ штабъ-

офицеровъ, 13-ти оберъ-офицеровъ и 473-хъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Дивизія генерала Доктурова потеряла 493 человекъ убитыхъ и раненыхъ; всего же 1.067 человекъ. Потеря неприятеля осталась для насъ навсегда неизвѣстною въ точности, но она должна была быть значительною и по показаніямъ плѣнныхъ болѣе значительною, нежели наша.

Въ различныхъ атакахъ нашей кавалеріей было взято въ плѣтъ два офицера и 64 солдата.

Послѣ этого дѣла, генераль Доктуровъ далъ отдыхъ войскамъ и на другой день рано утромъ сталъ отступать къ Макову. Князь Голицынъ изъ Макова направился на Остроленку, какъ это мною было сказано ранѣе.

Должно упомянуть, что орудія, о которыхъ выше сказано, входятъ въ число тѣхъ 52 орудій, о которыхъ я также говорилъ уже.

Изъ всего изложеннаго видно, что затруднительное положеніе, въ которомъ находилась наша армія въ дни 12, 13, 14 (24, 25, 26) декабря, вслѣдствіе разбросанности ея составныхъ частей, миновало. Изъ неприятельскихъ диспозицій видно, что онъ отлично зналъ это положеніе; маршалы Бернадоттъ и Ней обошли нашъ правый флангъ, дѣйствуя противъ прусскаго отряда подъ командою генераль-лейтенанта Лестока. Маршалъ Ожеро, имѣя почти 30.000 человекъ, перешелъ рѣку Вкру близъ Колозомбы, въ шести верстахъ отъ Нова-Мяста, чтобы отрѣзать отъ Пултуска тѣ отдѣльные отряды, о которыхъ выше упомянуто, имѣя приказаніе напасть на нихъ въ то время, какъ самъ Наполеонъ съ арміею въ 50.000 человекъ будетъ дѣйствовать противъ Пултуска, чтобы нанести намъ рѣшительный ударъ, какъ это выше мною показано. Но благодаря отличному дѣйствию нашихъ генераловъ и храбрости нашихъ войскъ, неприятель потерпѣлъ неудачу на всѣхъ пунктахъ, и мы вышли изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ находились, только потерявъ часть нашей артиллеріи, которая попала въ руки неприятельскія, не на полѣ сраженія, но единственно по причинѣ грязныхъ, вязкихъ и непроходимыхъ дорогъ.

VII.

Назначеніе Бенингсена главнокомандующимъ арміею.—Его первая распоряженія.—Перемиріе предлагаемое французами.—Донесенія маршала Ней.

Мною уже было сообщено, что 15 (27) декабря я выступилъ изъ Пултуска въ Рожаны, отстоящіе въ 3½ миль отъ перваго. 16 (28) числа я продолжалъ идти до Остроленки (три мили) гдѣ и пробылъ 17

(29) и 18 (30) числа, чтобы дать отдохнуть войскамъ и притянуть къ себѣ корпусъ генерала-лейтенанта князя Голицына, который въ дѣйствительности и прибылъ 18 (30) числа въ составѣ 12 баталіоновъ, 36 эскадроновъ и нѣсколькихъ казачьихъ полковъ. Непріятель его вовсе не преслѣдовалъ.

Въ приказаніи фельдмаршала графа Каменскаго, мною полученномъ, объ отступленіи въ предѣлы нашего отечества, было между прочимъ сказано, что когда я со своимъ корпусомъ дойду до Тыкочина, то долженъ поступить подъ команду генерала Буксгевдена, какъ старшаго; это было только временное распоряженіе до полученія дальнѣйшихъ приказаній государя императора относительно командованія арміею. Генералъ Буксгевденъ написалъ мнѣ письмо, отправленное 14 (26) вечеромъ, которое я получилъ ночью на полѣ сраженія подъ Прутускомъ. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, высказывалъ слѣдующее: «мы ничего не можемъ лучшаго сдѣлать какъ отступить, чтобы выиграть время, необходимое для сосредоточенія нашихъ мыслей, составленія соображеній и т. д.». Въ то же время онъ писалъ мнѣ официально, соответственно приказаніямъ фельдмаршала, чтобы я отправилъ обратно артиллерійскій паркъ въ наши предѣлы. Я отвѣтилъ ему на другой день 15 (27) декабря изъ Рожанъ слѣдующее: «ваше сіятельство сообщили мнѣ, что я долженъ отправить артиллерійскій паркъ въ предѣлы нашего государства. Признаюсь вашему сіятельству, что не полагаю, чтобы приказаніе о возвращеніи нашемъ въ предѣлы государства могло быть исполнено; бѣдственные послѣдствія этого для общаго дѣла были бы неисчислимы и столь же значительны, какъ и понесенное нами пораженіе. На сколько мнѣ извѣстны взгляды государя императора, его величество конечно не одобритъ этаго распоряженія. Недостатокъ продовольствія будетъ отстраненъ, коль скоро мы двинемся правѣе, гдѣ мы будемъ имѣть возможность получать необходимые продовольственные запасы изъ старой Пруссіи, Кёнигсберга и т. д.»

Простоявъ два дня въ Остроленкѣ и не получая никакихъ увѣдомленій о какомъ либо измѣненіи въ распоряженіяхъ фельдмаршала, я рѣшился перейти Наревъ 19 (31) числа, чтобы по приказанію графа Каменскаго направиться въ Тыкочину. Непріятель слѣдилъ за нами издали небольшими отрядами, единственно съ цѣлю имѣть свѣдѣнія о нашемъ движеніи, но казалось, что онъ намѣревался растащить корпуса маршаловъ Бернадотта и Неа по старой Пруссіи и приблизить ихъ къ Кёнигсбергу, чтобы при случаѣ овладѣть имъ. Въ это время я послалъ къ генералу Буксгевдену прусскаго генерала Глѣбовскаго, которому были хорошо извѣстны мои предположенія о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Мой первый переходъ изъ Остроленки до Мастова имѣлъ 2 $\frac{1}{2}$ мили, а

второй, сдѣланный 20 декабря (1 января 1807 г.), до Новгорода только 1¹/₂ миль. Здѣсь я получилъ второе письмо генерала Буксгевдена, которымъ онъ предлагалъ перейти обратно Наревъ, чтобы соединиться съ нимъ; это именно я и поручилъ генералу Глѣбовскому предложить г. Буксгевдену, чтобы чрезъ это имѣть возможность значительно сильнѣе дѣйствовать въ старой Пруссiи и спасти Кѣнигсбергъ. Но было очень жаль, что я не получилъ этого письма тогда, когда находился въ Остроленкѣ, потому что въ Новгородѣ не было моста чрезъ Наревъ; находившійся же въ Остроленкѣ былъ уничтоженъ. Сильные морозы начинали покрывать рѣку льдомъ и мнѣ, съ большими впрочемъ усилiями, удалось построить плавучий мостъ изъ лодокъ. Но едва нѣсколько отрядовъ прошли по этому мосту, какъ онъ былъ сорванъ льдомъ и большая часть лодокъ унесена теченiемъ и уничтожена. 23 декабря (4 января 1807 года) морозъ усилился, и недалеко отъ Новгорода рѣка стала. Генералъ квартирмейстръ Штейнгель приказалъ усиленно и непрерывно устраивать дорогу по льду, накладывая доски, соломѣ и т. д., и еще 25 декабря (6 января) вечеромъ успѣлъ перевести по льду нѣсколько войскъ изъ дивизiи генерала Эссена 3-го, входившей въ составъ корпуса генерала Буксгевдена. Ночью погода переѣнилась, стало теплѣе, и ледъ обломился. Видя невозможность скорѣе совершить переходъ чрезъ Наревъ подъ Новгородомъ, пробывъ уже тутъ пять дней, я отправился съ моею армiею 26 декабря (7 января) въ Ломзу, откуда до Тыкочина оставалось 6 миль, которыя я прошелъ въ два перехода 27 и 28 декабря (8 и 9 января).

Въ Тыкочинѣ я приказалъ заранѣе устроить провiантскiй магазинъ. Войска получили необходимый провiантъ на нѣсколько дней, въ продолженiе которыхъ они переходили Наревъ по мостамъ, которые тутъ находились, а затѣмъ продолжали движенiе чрезъ Кышпякъ къ Гонiондзу, чтобы перейти тамъ Вобрь и вступить въ старую Пруссiю.

Въ то время какъ все это происходило, непрiятель возстановлялъ мостъ на Вислѣ подъ Торнью, и маршалъ Ней направилъ свои войска противъ корпуса генерала Лестока, который, при данныхъ обстоятельствахъ, не долженъ былъ имѣть иной цѣли, какъ только задержать, на сколько возможно, приближенiе непрiятеля къ Кѣнигсбергу, отнюдь не вступая съ нимъ въ какое либо серьезное дѣло. Генералъ Лестокъ, несмотря на малочисленность своего отряда, отступалъ очень медленно, понемногу, всякій разъ какъ уже былъ тѣснимъ слишкомъ значительными силами. Онъ совершалъ отступленiе съ такою осмотрительностию, что потери его были совершенно незначительны. Онъ направилъ свое отступленiе на Страсбургъ, Лаутенбургъ, Сольдау, Нейденбургъ, Сенебургъ, Растенбургъ и только 22 декабря (3 января) прибылъ въ окрестности Ангенбурга, гдѣ и занялъ своимъ корпусомъ очень выгодную позицию между озерами и простоялъ до 27 декабря (8 января).

Узнавъ, что отрядъ корпуса Нея приближается по дорогѣ въ Кѣнигсбергъ, генералъ Лестоку рѣшился идти со всѣмъ корпусомъ въ Бартенъ, чтобы быть ближе къ Кѣнигсбергу и имѣть возможность удобнѣе оказать помощь городу, въ случаѣ надобности. Прибывъ въ Бартенъ онъ отправилъ 30 декабря (11 января) генерала Притвица съ сильнымъ отрядомъ на рекогносцировку, по направленію въ Шипеньбейль. Притвицъ отличо выполнялъ возложенное на него порученіе. Близъ Левенштейна онъ встрѣтилъ непріятельскій отрядъ отъ 6-го пѣхотнаго полка, разбилъ его и вернулся съ 50 плѣнными въ Бартенъ. На слѣдующій день маршалъ Ней по этому поводу въ приказѣ по корпусу отъ 13 января объявлялъ слѣдующее.

«Съ живѣйшимъ сожалѣніемъ объявляю по арміи, что 6-й пѣхотный легкій полкъ допустилъ непріятеля взять у него половину роты съ офицерами и унтеръ-офицерами 11-го числа текущаго мѣсяца въ часъ ночи въ деревнѣ передъ Шипеньбейль.—Офицеры виноваты, когда, забывая свои обязанности, упускаютъ охранять себя предосторожностями и становиться подъ ружье съ разсвѣтомъ дня, какъ это приказано съ самаго начала кампаніи.

«Генералы заслуживаютъ выговоромъ, когда уклоняются отъ предписанныхъ имъ диспозицій. Приказъ 6-го числа о размѣщеніи войскъ опредѣлялъ, что 1-й баталіонъ шестаго полка займетъ Шипеньбейль, а не окружающія его деревни, и конечно баталіонъ въ полномъ составѣ никогда бы не испыталъ участь, постигшую полуроту. Храбрые солдаты, взятые въ плѣнъ, являются такимъ образомъ жертвами этой двойной ошибки.

«Въ продовольствіи нѣтъ никакого недостатка, а потому ничто не препятствуетъ, чтобы войска были тѣсно поставлены, когда они находятся вблизи непріятеля. Кавалерійскіе патрули причиняютъ вездѣ вымогательства; они требуютъ большихъ денегъ у жителей,—я имѣю въ рукахъ неопровержимыя тому доказательства. Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ злоупотребленій является нерасположеніе къ намъ жителей и стремленіе ихъ всѣми силами и средствами содѣйствовать намѣреніямъ нашихъ враговъ. Я объявляю, что при первой жалобѣ прикажу судить военнымъ судомъ всякаго, кто позволитъ себѣ дѣлать контрибуціи деньгами. Предлагаю вновь къ исполненію приказъ 6-го числа относительно мѣръ предосторожности для охраненія расположенныхъ войскъ отъ всякаго внезапнаго нападенія».

Я буду нерѣдко приводить письменные документы маршала Нея и получаемыя имъ донесенія; всѣ эти бумаги были взяты въ сраженіи при Гутштадтѣ 24 мая (5 іюня) 1807 года, которое происходило уже во время второй кампаніи.

Еще въ Тыкочинѣ 30 декабря (11 января), передъ самымъ впро-

чемъ моимъ отъѣздомъ, ко мнѣ пріѣхалъ курьеръ отъ государя съ рескриптомъ его величества, которымъ мнѣ довѣрялось главное начальство всею арміею, дѣйствовавшею противъ императора Наполеона. Его величество присоединялъ къ этому благосклонную собственноручную приписку слѣдующаго содержанія на французскомъ языкѣ.

«Генераль! Несмотря на официальное предписаніе, вамъ отъ меня посланное, я не могу отказать себѣ удовольствіе выразить вамъ этими строками всю мою благодарность за дѣло 14 (26) декабря. Превосходныя дарованія, вами обнаруженныя, доставляютъ вамъ новыя основанія для моей признательности и того полнаго довѣрія, которое вы сумѣли мнѣ уже внушить. Не могу выразить вамъ большаго доказательства того и другаго, какъ назначивъ васъ начальникомъ всей арміи, которая находилась подъ начальствомъ фельдмаршала, включая сюда и корпусъ генерала Эссена 1-го въ Брестѣ. Не сомнѣваюсь, что вы оправдаете вполнѣ этотъ выборъ, мною сдѣланный, и доставите мнѣ новые случаи къ выраженію вамъ всей моей признательности. Примите, генераль, увѣреніе въ моемъ уваженіи».

Въ тотъ же самый день я отправился въ Гонюндзъ (въ четырехъ миляхъ отъ Тыкочина), чтобы ускорить переходъ нашихъ войскъ чрезъ Бобръ. Я долженъ былъ ожидать встрѣтить еще много затрудненій въ этомъ отношеніи, но къ счастью морозы увеличивались, рѣка прочно стала и переходъ чрезъ эту рѣку совершился въ два дня.

1 (13) января я сдѣлалъ съ моимъ корпусомъ переходъ въ три мили и дошелъ до Щучина, а 2 (14) числа — до Біалы (еще двѣ мили), гдѣ принялъ главное начальство надъ всею арміею, состоявшею изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна находилась уже подъ моимъ командованіемъ, а другая — подъ командою генерала Буксгевдена. Каждая часть состояла изъ четырехъ дивизій. Эти восемь дивизій, составлявшія армію, при переходѣ нашей границы имѣли до 100.000 человекъ. За вычетомъ изъ этого числа потерь, какъ то: въ различныхъ сраженіяхъ на Верѣ, во время отступленія къ Пултуску, въ дѣлахъ подъ Зерновымъ, Голымяннымъ и т. д. 3.500 ч., въ битвѣ подъ Пултускомъ — 7.000 ч.; въ госпиталяхъ больныхъ разнаго рода — 5.600 ч. и въ корпусѣ Буксгевдена 3.200 чел. больныхъ, окажется, что всего выбывшихъ изъ строя было 19.200 ч. При этомъ я былъ принужденъ еще отдѣлать слѣдующія части. Татарскій легкій полкъ, въ составѣ 650 человекъ, подъ командою подполковника Кнорринга, былъ посланъ въ Білостокъ, для сохраненія порядка и спокойствія по дорогѣ въ Гродно и для конвоирования военныхъ транспортовъ въ дѣйствующую армію. Три эскадрона, т. е. 360 человекъ, были оставлены въ Тыкочинѣ, подъ командою полковника Мануэля, чтобы охранять магазины и склады. Генераль Седморацкій съ 4 пѣхотными полками, 6 полевыми орудіями

и двумя казачьими полками, всего 8.000 человекъ, быть посланъ въ Гоніондъ для охраненія переправы чрезъ Бобръ, для воспрепятствованія тому, чтобы легучій непріятельскій отрядъ не потревожилъ наши границы со стороны Гродно и для обезпеченія намъ свободнаго сообщенія между главною арміею и корпусомъ генерала Эссена I-го. Кроме того, генералу Седморацику было предписано дѣйствовать вмѣстѣ съ генераломъ Эссеномъ I-мъ и исполнять всѣ приказанія, которыя онъ чрезъ него получать. Баталіонъ пѣхоты и сотня казаковъ, составляя всего 1.000 чел. были посланы для занятія Іоганнисбурга, чтобы прикрыть въ тылу нашамъ большую дорогу отъ нашихъ границъ чрезъ Віау и охранять наши прямыя сообщенія съ отрядомъ генерала Седморацикаго. Эти различныя отряды, доходившіе до 10.000 человекъ, вмѣстѣ съ вышепоказанными 19.300 ч. уменьшали численность арміи на 29.600 чел. Оставалось такимъ образомъ всего 70.690 чел. ¹⁾ строевыхъ и вестроевыхъ нижнихъ чиновъ, съ которыми я началъ земную кампанію въ старой Пруссіи.

Генералъ-лейтенантъ Эссенъ I-й со своимъ корпусомъ въ 17.000 человекъ прибылъ уже къ нашимъ границамъ и стоялъ между Брестомъ и Наревомъ. Ему было приказано перенести его главную квартиру въ Высоко-Мазовецкъ, какъ близкій пунктъ для защиты нашихъ границъ и отраженія непріятеля, если бы онъ вознамѣрился силою перейти Наревъ.

Получаемыя мною свѣдѣнія о непріятелѣ состояли въ томъ, что императоръ Наполеонъ послѣ сраженія подъ Пултускомъ снова отправился въ Варшаву, гдѣ находилась его главная квартира. Непріятель мое движеніе вѣсколько назадъ съелъ отступленіемъ въ наши предѣлы; быть можетъ до него дошло извѣстіе о сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи распоряженіяхъ фельдмаршала графа Каменскаго, потому что, казалось, французская армія намѣревалась расположиться на зимнія квартиры. Корпуса маршаловъ Сульта, Даву, Ланна, Ожеро, Бессьера, резервъ принца Мюрата и Удино располагались въ окрестностяхъ Нейденбурга, Хорцеленъ, Млавы, Пултуска, до самой Вислы, отчасти даже на лѣвомъ берегу этой рѣки; до такой степени были увѣрены, что русская армія отступаетъ въ предѣлы своей имперіи.

Въ перехваченныхъ впослѣдствіи бумагахъ непріятельскихъ я нашелъ донесеніе, въ которомъ маршалу Бертье предлагались слѣдующія свѣдѣнія. «Утверждаютъ, что генералъ Беннигсенъ послалъ 16.000 чел. на помощь Кёнигсбергу и что онъ на другой день отступаетъ въ Россію со всею арміею».

Корпусъ маршала Бернадота занималъ Эльбингъ, Прейсишъ-Эйлау,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ общая цифра русской арміи опредѣляется въ 200.000 человекъ. До того преувеличиваютъ силы наши въ эту кампанію. (Примѣч. Беннигсена).

Голландъ, Морунгенъ, Либштадтъ, и т. д. Движеніе корпуса Нея на Кёнигсбергъ вложено въ его рапортахъ военному министру принцу Нефштательскому ¹⁾. Въ то время уже Наполеонъ приказалъ двинуть къ себѣ значительныя подкрѣпленія, состоявшія изъ вспомога- тельныхъ войскъ и новобранцевъ и подходившія постепенно къ нему. Къ первымъ должно причислить генерала Вернера съ отрядомъ въ 2.500 ч. гессенъ-дармштадскихъ войскъ; онъ получилъ 31 декабря приказаніе отъ маршала Нея занять своимъ отрядомъ верхнюю часть рѣки Древенцъ, отъ Страсбурга, Неймарка и Лѣбау до Остероде, и поставить свою кавалерію на пути сообщенія съ Грауденцемъ и Маріен-вердеромъ.

Саксонія послала 6.000 человекъ; Баденъ 2.500 ч.; въ Польшѣ за- ботились сформировать отрядъ въ 30.000 человекъ путемъ усиленныхъ наборовъ. Изъ Италіи, Испаніи, Голландіи, словомъ со всѣхъ странъ, находившихся подъ владычествомъ Наполеона, выступали разные от- ряды для подкрѣпленія французской арміи. Кромѣ того, 2.000 новобран- цевъ призыва 1807 года, перешедшіе Рейнъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, также постепенно подходили къ арміи французовъ.

При этихъ условіяхъ я не могъ терять минуты; я долженъ былъ пре- дупредить занятіе неприятелемъ всей старой Пруссіи и особенно Кёнигс- берга, потеря котораго имѣла бы самыя пагубныя для насъ послѣд- ствія. Занятіе этого города французами до открытія второй кампаніи повлекло бы неизбѣжно въ продолженіе зимы паденіе Пиллау. Неприя- тель явился бы обладателемъ Фришъ-гафа, и Фришъ-Нерунга и всякое сообщеніе съ Данцигомъ сухимъ путемъ было бы прервано. Никакое пособіе не могло бы быть доставлено въ эту крѣпость; гарнизонъ, нахо- дившійся въ Данцигѣ, не былъ въ то время достаточенъ для обороны этой крѣпости; недоставало пороха, необходимаго, чтобы выдержать осаду въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и т. д. Имѣя въ своихъ ру- кахъ Кёнигсбергъ ничто не могло помѣшать французамъ занять также Куришъ-гафъ, Куришъ-Нерунгъ и сдѣлаться повелителями при- бережья Балтійскаго моря до самаго Мемеля. Притомъ же Кёнигсбергъ вмѣщалъ въ себѣ сокровища всякаго рода, обильныя продовольственные запасы, значительное количество снарядовъ, въ чемъ очень нуждалась армія. Взглядъ на карту показываетъ, съ какимъ бы новымъ преимуще- ствомъ французы начали новую кампанію, если бы успѣли занять Кёнигс- бергъ.

Въ числѣ вышеупомянутыхъ захваченныхъ бумагъ имѣлся приказъ маршала Нея генералу Кольберу изъ Вартенберга отъ 28 декабря (9

¹⁾ Авторъ излагаетъ содержанія этихъ рапортовъ далѣе въ связи съ по- ложеніемъ дѣйствій подъ Кёнигсбергомъ. (Прим. переводчика).

января), который доказываетъ, что уже въ тѣ дни Кёнигсбергъ находился одно время въ опасности, и что французы придавали важное значеніе обладанію этимъ городомъ во многихъ отношеніяхъ. Приказъ этотъ слово въ слово говоритъ слѣдующее: «Имѣя намѣреніе положительно узнать, достаточно ли пруссаки сильны въ Кёнигсбергѣ, чтобы защитить этотъ городъ, я сдѣлалъ теперь же надлежащія распоряженія, чтобы всѣ роты вольтижеровъ и гренадеровъ моей арміи, собранныя въ шесть баталіоновъ, по прилагаемой таблицѣ расположились по теченію р. Алля, отъ Шипенъбейля, Бартенштейна и Гейльсберга, и были бы готовы исполнить распоряженія, которыя я вамъ для этой цѣли сообщаю. Баталіоны вольтижеровъ соберутся въ Бартенштейнѣ, куда придутъ въ саняхъ завтра 10-го числа сего мѣсяца. Такимъ же образомъ вы исполните ваше движеніе къ Кёнигсбергу рано утромъ съ 12 на 13 число. Роты гренадеровъ будутъ составлять резервъ подъ начальствомъ полковника Ламартинаера съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ капитана Мартена и займутъ первымъ баталіономъ Шипенъбейль, вторымъ Бартенштейнъ (гдѣ станетъ и артиллерія), а третьимъ—Гейльсбергъ. Кромѣ того, часть 3-го гусарскаго полка и 10-го егерскаго должны быть поставлены такимъ образомъ, чтобы наблюдать Домнау и Фридриандъ, въ то время какъ вы двинетесь на Прейсшишъ-Эйлау. Командиры означенныхъ полковъ должны васъ немедленно увѣдомить, если непріятель будетъ приближаться въ значительныхъ силахъ, чтобы захватить васъ во флангъ или чтобы угрожать вашему отступленію. Вы выступите съ отрядомъ изъ 200 человекъ 3-го гусарскаго и 10-го егерскаго полковъ, подъ командою ихъ эскадронныхъ командировъ Петрони и Сентъ-Леже, вмѣстѣ съ 2 орудіями и вашими тремя баталіонами вольтижеровъ, и постараетесь занять позицію, въ первый день—позади Крейцбурга, оставивъ третій баталіонъ вольтижеровъ въ резервъ при Прейсшишъ-Эйлау съ пятью кавалеристами. Во второй день вы подвинетесь, если возможно, до Кёнигсберга, оставивъ второй баталіонъ вольтижеровъ въ Крейцбургѣ. Если вы узнаете достоверно, что встрѣтите незначительное число непріятелей, то придвинете къ себѣ третій баталіонъ; одна половина займетъ позицію позади Фришинга у Гроссъ-Лейцъ, а другая—у Вренцбурга сзади Пасмара, подвигаясь впередъ съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами вольтижеровъ. При приближеніи къ Кёнигсбергу вы пошлете отъ моего имени трубача съ предложеніемъ командующему гарнизономъ города очистить оный, угрожая въ противномъ случаѣ сжечь его. Если же будетъ изъявлено согласіе на сдачу города французскимъ властямъ, то всякая частная собственность будетъ охранена и подъ покровительствомъ законовъ. Если же вы найдете въ городѣ непріятельскія войска, съ которыми придется сразиться, что сдѣлаетъ всю попытку безплодною, въ виду незначительности вашихъ силъ, то вамъ придется по-

думать объ отступленіи, чтобы не подвергать опасности ваши войска, и въ такомъ случаѣ вы направите ваше отступление на Прейсшишъ-Эйлау и предложите полковнику Ламартиньеру идти вамъ на помощь правѣе этого города, со 2-мъ баталіономъ гренадеръ и двумя орудіями. Третій баталіонъ гренадеръ, стоящій въ Гейльсбергѣ, получить отъ полковника Ламартиньера приказаніе замѣстить его въ Бартенштейнъ, а равно и 3-й баталіонъ 25-го легкаго полка, расположенный въ Зебургѣ, придетъ замѣстить 3-й баталіонъ въ Гейльсбергѣ, по предложенію, сдѣланному полковникомъ Ламартиньеромъ, которому даны надлежащія по сему дѣлу указанія. Посылаю къ вамъ моего адъютанта и г. Дильбенъяна, чтобы наблюдать за вашими дѣйствіями. Вы всякій день будете отправлять ко мнѣ или одного изъ вашихъ офицеровъ генеральнаго штаба или надежные эстафеты, чтобы сообщать мнѣ о всемъ интересующемъ меня въ этомъ важномъ дѣлѣ. Полагаю, что не излишнимъ будетъ во время вашего движенія направить разѣзды легкой кавалеріи на Эльбингъ и преимущественно на Тапіау (на Прегель), идя вверхъ по теченію рѣки Прегеля, по ея лѣвому берегу. Генералъ Лестокъ двинулся по этому направленію, чтобы достигъ Инстербурга (тоже на Прегель).

Предположенный мною планъ дѣйствій въ настоящее время состоялъ въ томъ, чтобы вступить въ старую Пруссію и, пройдя между озерами и по возможности скрывъ это движеніе отъ непріятеля, заставить его отказаться отъ наступленія къ Кёнигсбергу; занять округъ Нидригунгъ, обильный продовольственными средствами, установить прочное и обезпеченное сообщеніе съ Данцигомъ, принудить снять осаду съ Грауденца и размѣстить послѣ этого всю армію на зимнія квартиры по старой Пруссіи. Здѣсь ожидать прибытія изъ Россіи необходимыхъ подкрѣпленій и затѣмъ усилить гарнизонъ въ Данцагѣ всѣмъ корпусомъ генерала Лестока, который былъ бы на столько силенъ, что могъ препятствовать непріятелю подойти къ этой крѣпости, развѣ что онъ пожелалъ бы употребить на это очень значительныя силы, что ослабило бы тѣ, которыя были противопоставлены имъ нашимъ войскамъ. Если непріятель не двинетъ значительныхъ силъ противъ Данцига, то генералъ Лестокъ могъ бы, со своей стороны, дѣлать диверсіи и беспокоить непріятеля по всему лѣвому берегу Вислы. На картѣ представляются наглядно всѣ выгоды, которыя мы могли извлечь изъ этихъ предположенныхъ дѣйствій при началѣ второй кампаніи, которую мы могли бы начать съ большимъ успѣхомъ. Отбросивъ оба корпуса Нея и Бернадотта (что мнѣ и удалось) и установивъ уже сильный кордонъ, прикрывавшій наши зимнія квартиры отъ остальныхъ непріятельскихъ отрядовъ, а частію достигалъ осуществленія своего предположенія. Но такъ какъ этотъ планъ былъ на столько же пагубенъ французамъ, на сколько онъ былъ благоприятенъ для насъ, то непріятель рѣшался всѣми силами ему противодѣйствовать. Ему не удалось однако

исполнить задуманнаго имъ, но и мнѣ также удалось только отчасти выполнить мой планъ. Слишкомъ кровавый бой подъ Прейсишъ-Эйлау помѣшалъ обѣимъ сторонамъ вполне достигнуть цѣли, предложенной каждою изъ нихъ.

Въ новомъ росписаніи боеваго порядка, сдѣланномъ мною передъ отъѣздомъ изъ Біалы, генераль-маіоръ Марковъ былъ назначенъ начальникомъ авангарда праваго крыла, состоявшаго изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, трехъ егерскихъ, двухъ казачьихъ, полка гусаръ и роты конной артиллеріи, что все вмѣстѣ составляло около 6.000 человекъ. Генераль-маіоръ Барклай-де-Толли командовалъ авангардомъ лѣваго крыла, состоявшимъ изъ трехъ егерскихъ полковъ, одного пѣхотнаго, двухъ казачьихъ, полка гусаръ и также роты конной артиллеріи, что также составляло около 6.000 человекъ. Генераль-маіоръ Багговутъ былъ назначенъ начальникомъ летучаго отряда, состоявшаго изъ двухъ егерскихъ полковъ, полка пѣхоты, полка гусаръ и полка казаковъ. Генераль-лейтенантъ Андреѣвъ командовалъ кавалерією праваго крыла, въ составѣ шести полковъ и двухъ эскадроновъ драгунъ, польскаго литовскаго легкаго полка и двухъ казачьихъ. Кавалерією лѣваго крыла командовалъ генераль-князь Голицынъ; она состояла изъ трехъ полковъ кирасаръ, трехъ полковъ драгунъ, двухъ полковъ гусаръ, одного легко-коннаго польскаго полка, полка казаковъ и роты конной артиллеріи.

Генераль-лейтенантъ Тучковъ былъ назначенъ начальникомъ праваго крыла; генераль-лейтенантъ Остерманъ—лѣваго, а генераль Дохтуровъ—центра. Четвертая и 14 дивизіи, состоявшія изъ десяти полковъ пѣхоты, одного гусарскаго, четырехъ ротъ пѣшей артиллеріи и одной—конной, съ двумя ротами прусской артиллеріи составляли резервъ подъ начальствомъ генераль-маіоровъ графа Каменскаго и Сомова.

4 (16) занявъ Іоганнисбургъ, какъ выше сказано, я заставилъ армію сдѣлать переходъ въ три мили. Главная квартира была въ Арисѣ; авангардъ праваго крыла—въ Рейнѣ, кавалерія праваго крыла въ Домбровкѣ, Ковановѣ, Летценѣ, Попонткенѣ.

Авангардъ лѣваго крыла находился еще позади въ Ставишкахъ.

Кавалерія лѣваго крыла—была въ Ликѣ, Швидейнѣ и Шименкѣ.

Отрядъ генерала Багговута въ Кольно. Армія занимала Домбровку, Ковановъ, Летценъ, Гопраткенъ и окрестности.

5 (17) числа авангардъ лѣваго крыла прибылъ въ Біалу. Правое крыло арміи осталось въ расположеніи, которое имѣло наканунѣ, а лѣвое—размѣстилось въ окрестностяхъ Одена, Гуттена возлѣ Ариса и Варемена.

6 (18) числа главная квартира прибыла въ Рейнъ, авангардъ праваго крыла въ Сондернъ, а кавалерія—въ Растенбургъ. Авангардъ лѣ-

ваго крыла—въ Арисъ, а кавалерія лѣваго крыла—въ Крисаменъ и Бутсинкенъ, отрядъ генерала Багговута—въ Домбровку. Правое крыло арміи заняло деревни Гроссъ-Пари, Мертенгеймъ, Добеть, а лѣвое крыло — окрестности Одене, Гуттена, возлѣ Ариса и Баремена.

Непріятель получалъ частыя извѣщенія о приближеніи русскаго отряда на помощь къ Кѣнигсбергу, не зная еще впрочемъ, что приближается вся русская армія. Маршалъ Ней, находя однако, что корпусъ его будетъ слишкомъ подвергнутъ опасности, если будетъ продолжать свое движеніе въ Кѣнигсбергу, или слишкомъ слабъ, чтобы достигнуть желаемой цѣли, разрѣшилъ генералу Кольберу, командовавшему его авангардомъ, предложить перемиріе прусскимъ генераламъ Рюхелю (генералу губернатору Кѣнигсберга) и Лестоку. Въ Прейсшишъ-Эйлау 5 (17) числа было дѣйствительно свиданіе по этому поводу генерала Рюхеля съ Кольберомъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго письма ко мнѣ прусскаго короля и приложенныхъ къ нему бумагъ.

Король писалъ мнѣ слѣдующее: «Господинъ генералъ де-Беннигсенъ! Вы уже извѣщены о свиданіи, бывшемъ 17-го числа въ Прейсшишъ-Эйлау прусскаго генерала Рюхеля съ генераломъ Кольберомъ. Нельзя было конечно отказать въ этомъ свиданіи, но оно не могло имѣть какихъ либо послѣдствій. Судите объ этомъ сами по прилагаемому при семъ отвѣту, который я далъ Рюхелю и который сегодня же сообщается вашему двору. Предложеніе генерала Кольбера, съ прилагаемымъ при семъ проектомъ перемирія котораго вамъ будетъ конечно любопытно познакомиться, должно было естественно быть отвергнуто мною, потому что оно могло воспрепятствовать вашимъ военнымъ дѣйствіямъ и подать поводъ непріятнымъ толкованіямъ. Я хочу отклонить всякій шагъ, который бы не былъ согласенъ вполне съ отношеніями къ моему союзнику. Къ тому же настоящая попытка французовъ обнаруживаетъ ихъ затруднительное положеніе. Они желаютъ выиграть время и имѣть отдыхъ въ такое время года, къ суровости котораго ихъ войска не привыкли, и затѣмъ собираются возобновить свои военныя дѣйствія, какъ скоро имъ представится болѣе вѣроятія на успѣхъ. Они желали бы перемиріе украсить предлогомъ, что обезпечиваютъ насъ вполне въ отношеніи Кѣнигсберга. Но такъ какъ вы подвинулись впередъ и нашли необходимымъ теперь дѣйствовать согласно съ храбрымъ генераломъ Лестокомъ, который до настоящаго времени сумѣлъ одинъ противостоять несравненно значительнѣйшимъ силамъ непріятеля, то болѣе предпочитаю ввѣрить спасеніе моей столицы попеченіямъ союзной арміи, нежели уклончивымъ и неопредѣленнымъ обѣщаніямъ непріятеля. Меня еще болѣе подкрѣпляетъ въ моей надеждѣ письмо, присланное мнѣ вами изъ Рейна отъ 19-го числа. Рѣшительное мгновеніе приближается, и вы конечно не упустите имъ воспользоваться. Лѣшу себя поэтому надеждою получить отъ васъ

въ скоромъ времени хорошія извѣстія, такія, которыхъ можно ожидать отъ вашихъ блестящихъ дарованій и значительныхъ средствъ, находящихся въ вашемъ распоряженіи. Вы оправдаете мое довѣріе и увеличите мою къ вамъ признательность. Молю Бога, да благословитъ и оградитъ онъ васъ своею десницею». Фридрихъ Вальгельмъ.

Мемель 22 января 1807 года.

При этомъ письмѣ былъ приложенъ проектъ перемирія между французскими войсками подъ командою маршала Нея и прусскими войсками подъ командою генералъ-лейтенантовъ Рюхеля и Лестока. Вотъ содержаніе этого проекта.

«Г. генералъ Кольберъ, на основаніи данныхъ ему маршаломъ Неємъ полномочій, предлагаетъ отъ имени сего послѣдняго прусскимъ генералъ-лейтенантамъ г.г. Рюхелю и Лестоку заключить конвенцію, по которой войска обѣихъ державъ могли бы получить необходимое отдохновеніе въ столь суровое время года, отдохновеніе, которое сберегло бы кровь напрасно проливаемую въ перестрѣлкахъ безцѣльныхъ и бесполезныхъ.

Пунктъ 1-й. Будетъ заключено словесное перемиріе на честномъ словѣ или подписанное генералами договаривающихся сторонъ и одобренное государями обѣихъ странъ.

Пунктъ 2-й. Будетъ опредѣлена демаркаціонная линія, которую не будутъ переступать ни французскіе, ни прусскіе разѣзды.

Пунктъ 3-й. Линія эта опредѣляется слѣдующими пунктами: Пейченсдорфъ, Сенсбургъ, Дренгфуртъ, Бартенъ, Гердауенъ, Фридландъ, Домнау, Прейсишъ-Эйлау, Ландсбергъ, Мельзахъ, Гейлигенбейль.

Пунктъ 4-й. Маршалъ Ней можетъ приказать занять своими войсками всѣ населенныя мѣстности, расположенныя на разстояніи льѣ отъ лѣваго берега Алле отъ Шипенъбейля, вверхъ по этой рѣкѣ до Гутштадта, а также находящіяся на правомъ берегу рѣки Пассарги до впаденія этой рѣки.

Пунктъ 5-й. Эти мѣстности будутъ считаться только постами; прусскія войска могутъ равнымъ образомъ устроить такіе же, какіе они пожелаютъ позади демаркаціонной линіи.

Пунктъ 6-й. Г.г. генералы французскіе и прусскіе, соглашаясь въ распредѣленіи мѣстностей, подлежащихъ занятію, обязываются не совершать никакихъ враждебныхъ дѣйствій безъ предварительнаго предъувѣдомленія за четыре дня».

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ Рюхеля генералу Кольберу.

«Я считалъ долгомъ выразить мое къ вамъ уваженіе и вниманіе, принявъ, не колеблясь и не тратя время на испрошеніе разрѣшенія моего императора, свиданіе, которое вы сдѣлали честь предложить мнѣ. По окончаніи нашей конференціи въ Прейсишъ-Эйлау я предъ-

ставилъ его величеству вѣрный отчетъ о всемъ происходившемъ и повергъ на высочайшее воззрѣніе вашъ проектъ перемирія. Въ настоящее время мнѣ сообщенъ отвѣтъ на это, и я спѣшу, генераль, вамъ его передать. Король несомнѣнно желаетъ мира. Онъ выразилъ это желаніе предъ лицомъ всей Европы. Онъ объяснялся по этому поводу съ вашимъ императоромъ; онъ старается внушить то же самое чувство Россіи и Англіи. Въ это же самое время его величество прилагаетъ къ этой цѣли свои самыя неуспынная заботы, послѣ того какъ его императорское величество положительно объявилъ, что при посредствѣ этихъ двухъ державъ и вмѣстѣ съ ними онъ желаетъ заключить миръ.

«Но должно принять во вниманіе что заявленіемъ подобнаго рода императоръ французскій поставилъ дѣла Пруссіи въ неразрывную связь съ дѣлами петербургскаго и лондонскаго кабинетовъ, а при такихъ условіяхъ не зависятъ уже отъ прусскаго короля дозволить себѣ отдѣльный отъ другихъ поступокъ. Предполагаемое вами, генераль, перемиріе должно распространяться также на отрядъ генераль-лейтенанта Лестока. Но военныя дѣйствія сего послѣдняго слишкомъ тѣсно связаны съ дѣйствіями генерала Беннигсена, чтобы имѣть возможность отдѣлиться отъ сего послѣдняго, а потому мы и не въ состояніи принять мѣру, которая естественнымъ образомъ повліяетъ на русскую армію. Поэтому въ настоящее время король не властенъ приостановить военныя дѣйствія. Къ тому же бросьте взглядъ на карту, и вы убѣдитесь, что демаркаціонная линія, означенная въ вашемъ проектѣ, заставитъ насъ утратить часть нашихъ позицій, занимаемыхъ нами въ настоящее время, и отодвинетъ ихъ еще болѣе.

«Перемиріе можетъ быть желательнымъ только на сколько оно въ состояніи облегчать бѣдствія войны, отвратить напрасное пролитіе крови и привести къ близкому заключенію мира. Между тѣмъ предложенное вами, генераль, перемиріе, ограничивается осуществленіемъ только одного изъ этихъ условій, до крайности незначительнаго, и не доставляетъ существенныхъ преимуществъ никому, потому что главныя военныя дѣйствія тѣмъ не менѣе будутъ продолжаться по-прежнему. Предоставимъ поэтому нашимъ властителямъ заботиться болѣе дѣйствительнымъ образомъ о возстановленіи общественной тишины и спокойствія. Пусть всѣ державы соединятся для излѣченія ранъ человѣчества и содѣйствуютъ въ этомъ отношеніи желаніямъ и усиліямъ моего августѣйшаго повелителя. Дай Богъ, генераль, мнѣ въ скоромъ времени возрадоваться вмѣстѣ съ вами осуществленію этого желанія и при болѣе счастливыхъ временахъ продолжать съ вами знакомство, доставленное мнѣ свиданіемъ въ Прейсшъ-Эйлау.

«Имѣю честь быть съ отнѣннымъ моимъ уваженіемъ—Рухель». Нельзя не усмотрѣть, что предложенное перемиріе не имѣло иной

цѣли какъ только выиграть время, необходимое, чтобы разузнать о движеніи русской арміи; это особенно очевидно изъ краткаго срока (четыре дня), для предупрежденія о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Но трудно согласовать извѣстія, сообщенныя мнѣ королемъ объ этомъ предложеніи со стороны французскаго генерала перемирія, съ рапортомъ маршала Нея, представленнымъ мнѣ по этому же поводу военному министру, принцу Нефштательскому, отъ 16 января, и приводимымъ мною въ полномъ объемѣ.

«Имѣю честь донести вамъ, что непріятель повидимому ограничивается оборонительнымъ образомъ дѣйствій въ отношеніи нашихъ постовъ. Перестрѣлки, которыя въ продолженіе двухъ недѣль мы непрестанно имѣли съ пруссаками и результаты которыхъ для обѣихъ сторонъ были совсѣмъ незначительны, хотя и очень сильно утомляли непріятеля, дали начало переговорамъ. Пруссаки жаждутъ отдыха; съ моей стороны я также этого жажду, чтобы дать возможность войскамъ снабдить себя необходимымъ, привести въ порядокъ обувь, одежду, вооруженіе и т. д. Вслѣдствіе этого прусскіе генералы Рюхель и Лестокъ назначили генералу Кольберу свиданіе завтра въ полдень въ Прейсишъ-Эйлау, чтобы установить условія перемирія (съ предвареніемъ за четыре дня возобновленія непріязненныхъ дѣйствій), хотя бы словесныя или письменныя, но съ утвержденія монарховъ обѣихъ сторонъ. Я поручилъ генералу Кольберу выговорить намъ демаркаціонную линію, которая считалась бы нейтральною нашими развѣдами и проходила бы по слѣдующимъ мѣстамъ: Сенсбургъ, Растенбургъ, Бартенъ, Гердауенъ, Фридландъ, Домнау, Прейсишъ-Эйлау, Ландсбергъ, Мельзакъ; отъ сего пункта по прямой линіи на Гейлигенбейль, такимъ образомъ что за нами осталась бы большая часть рѣки Алле и вся Пассарга. Не знаю, согласятся ли пруссаки на эту линію, но я не отступаю отъ этого требованія.

«Я только что писалъ маршалу Султу, чтобы сообщить ему свѣдѣнія о моей позиціи и о позиціи непріятеля; вмѣстѣ съ тѣмъ я спрашиваю его, какія онъ можетъ сдѣлать распоряженія, чтобы, слѣдуя общему плану дѣйствій великой арміи, соединить свое правое крыло съ моимъ лѣвымъ.

«Король прусскій по прежнему въ Мемелѣ; находящіяся у него въ распоряженіи войска онъ только что раздѣлялъ на двѣ большія арміи: одна — подъ командою генерала Рюхеля, главная квартира котораго въ Кѣнигсбергѣ — занимаетъ своими аванпостами Мельзакъ, Ландсбергъ, Прейсишъ-Эйлау и Домнау. Второй отрядъ, подъ начальствомъ генерала Лестока, главная квартира котораго въ Ангербургѣ, — занимаетъ аванпостами Фридландъ, Гердауенъ, Бартенъ, Ратенбургъ и Сенсбургъ; онъ имѣетъ при себѣ нѣсколько сотенъ казаковъ и немного русской пѣхоты.

«Принцъ Вильгельмъ прусскій, раненый подъ Іеною, ожидается въ

Кенигсбергъ; онъ долженъ принять главное начальствованіе надъ обѣими отрядами, общая численность которыхъ простирается до 18.000 человекъ. Десять тысячъ рекрутъ собраны въ Тильзитъ и Инстербургъ на р. Прегель. Говорятъ, что англичане доставили ружья и артиллерію королю прусскому, чтобы привести эту небольшую армию въ такое состояніе, чтобы она могла дѣйствовать при началѣ предстоящей кампаніи.

«Не имѣется никакихъ войскъ русскихъ ни въ Кенигсбергѣ, ни на верховьяхъ Прегеля,—не говорятъ болѣе о высадкѣ англійскихъ или шведскихъ войскъ на берегахъ Балтійскаго моря; это приписываютъ предстоящему приѣзду императора Александра въ Мемель, гдѣ его ожидаютъ со-дня-на-день и заключаютъ изъ этого, что не замедлятъ послѣдовать переговоры о мирѣ».

19 января маршалъ Ней въ другомъ рапортѣ военному министру пишетъ: «Немедленно по полученіи мною отъ вашего высочества распоряженія о назначеніи мнѣ зимнихъ квартиръ я далъ приказаніе генералу Кольберу, который былъ 17 числа въ Прейсишъ-Эйлау, прервать переговоры съ генераломъ Рюхелемъ; тѣмъ не менѣе прусскій генералъ далъ приказаніе генералу Лестоку не начинать военныхъ дѣйствій противъ нашихъ войскъ, за исключеніемъ случая, что онъ будетъ къ тому нами вызванъ. Вотъ что въ состояніи былъ генералъ Кольберъ узнать отъ генерала Рюхеля въ теченіе происходившихъ переговоровъ. Прусская армія совершила свое соединеніе съ русскою, т. е. что эти послѣдніе подвинули свое правое крыло до Растенбурга.

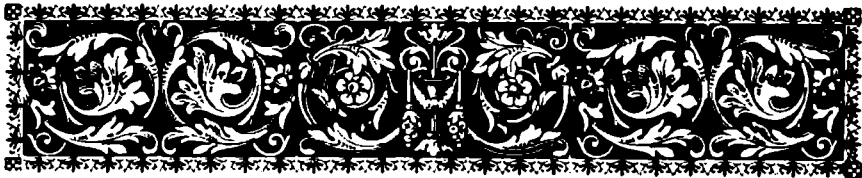
«Отрядъ англичанъ въ 20.000 человекъ долженъ въ самомъ непродолжительномъ времени высадиться, а также и нѣсколько шведскихъ войскъ. Генералъ Рюхель старался разсѣять существовавшее о немъ мнѣніе, что онъ былъ одинъ изъ двигателей къ началу войны. Онъ, по его словамъ, имѣлъ твердое намѣреніе, что бы ни случилось съ Пруссією, перебраться въ Америку, гдѣ надѣялся выгодно и вполне прилично и благородно устроиться.

«Генералъ Рюхель равнымъ образомъ утверждалъ, что ожидаютъ ежеминутно возвращенія г. Круземарка изъ его поѣздки въ Россію съ особымъ возложеннымъ на него порученіемъ къ императору Александру I; онъ прибавилъ еще, что полагаетъ, что король желаетъ мира, но что слишкомъ тяжелыя условія онаго могутъ отдалить всякое соглашеніе.

«Русскіе располагаютъ очень значительными резервами».

Сообщилъ П. М. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУКОВСКІЙ И ДЕЛЬВИГЪ

ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ СОВРЕМЕННОКА.

Николай Михайловичъ Коншинъ, «скромный» литераторъ эпохи и кружка Пушкина, близкій другъ Баратынскаго, извѣстный и въ наукѣ крупнымъ открытіемъ—такъ называемаго «Коншинскаго» списка Домостроя, въ продолженіе своей довольно долгой жизни (онъ умеръ 31-го октября 1859 года, въ Омскѣ, 65 лѣтъ) не только напечаталъ много произведеній самыхъ разнообразныхъ родовъ и видовъ, но, кромѣ того, оставилъ въ своихъ бумагахъ весьма интересныя записки, предназначавшіяся «для немногихъ», и нѣсколько историческихъ и историко-литературныхъ работъ, которыя онъ или не успѣлъ напечатать, или даже и не хотѣлъ печатать при своей жизни. По счастью, бумаги эти не затерялись, а попали въ Императорскую Публичную Библиотеку ¹⁾; между ними находятся и двѣ вышѣ предлагаемыя читателямъ характеристики, которыя, судя по отрицательному отношенію автора къ В. А. Жуковскому и по нитивному тону воспоминаній о Дельвигѣ, были написаны Коншинымъ не для печати, а тоже «для немногихъ», больше въ силу внутренней потребности высказаться, чѣмъ для какой-либо практической цѣли.

Характеристика Жуковскаго, какъ увидятъ читатели, грѣшитъ односторонностью и заключаетъ въ себѣ фактическія ошибки; но послѣднія мы старались исправить въ примѣчаніяхъ, а рѣзкое несогласіе Коншина съ общимъ, основаннымъ на множествѣ фактовъ мнѣніемъ о

¹⁾ См. ея Отчетъ за 1876 г. стр. 169 и слѣд. На основаніи этихъ бумагъ, а также данныхъ, добытыхъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, и печатнаго матеріала авторъ настоящаго сообщенія надѣется въ скоромъ времени изготovitъ небольшую монографію о Н. М. Коншинѣ.

добротѣ Жуковскаго представляет особый интерес; кромѣ того, мы находимъ здѣсь неизвѣстное стихотвореніе Пушкина ¹⁾, хотя и незначительное по объему и содержанию. Нужно ли доказывать, что для насъ должна быть драгоценна каждая строчка Пушкина?

Характеристика Дельвига исполнена душевной теплоты и правдивости.

Печатаемъ обѣ характеристики съ соблюденіемъ орфографіи подлинника, а вторую, набросанную на-черно, съ указаніемъ зачеркнутыхъ мѣстъ.

В. А. Жуковскій.

«Имя Жуковскаго стало мнѣ извѣстнымъ въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ его Людмилой. Еще ходя въ курточкѣ, я твердилъ:

Радость, счастье, ты увяло;
Жизнь—любовь, тебя не стало!
...Разступись, моя могилка!
Гробъ откройся... полно жить!
Дважды сердцу не любить ²⁾.

Суета корпуса, съ его математикой и пригонкой амуниціи, съ его маршировкой и чисткой—важнѣйшими предметами ученія тамошняго, закрыли отъ меня Жуковскаго, какъ тучи и ненастье закрываютъ солнце. Мальчикъ-офицеръ 1812 года, въ Орлѣ, уже у ногъ красоты, я опять увидѣлъ его въ Свѣтланѣ, которая мнѣ не понравилась; и, въ Пѣсни Арапа надъ могилою коня ³⁾: лучше этой пѣсни я не могъ представить себѣ ничего; я выучилъ ее на память и декламировалъ помпунтно. Наконецъ, является Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ. Эта поэма, по моему мнѣнію достойная Георгія 1-й степени, дѣлала со мной лихорадку, какъ дѣлаетъ даже и теперь, черезъ 35 лѣтъ послѣ. Жуковскій блисталъ передо мной въ лучахъ прекраснаго Божія солнца, освѣщающаго для немногихъ земной рай: миръ повѣи ⁴⁾.

Прозанческа оконченная война 1812 года, размежеваніемъ полюбовнымъ нѣмцевъ, этихъ низкихъ, продажныхъ союзниковъ, достойныхъ

¹⁾ Оно оказалось неизвѣстнымъ и такому званію Пушкина, какъ Л. Н. Майковъ.

²⁾ Три послѣдніе стиха взаты изъ 3-й строфы Людмилы; но двухъ первыхъ нѣтъ въ 6-мъ изд. (Спб. 1869 г., I, стр. 38—46); вѣроятно, они представляютъ раннюю редакцію 6-й строфы.

³⁾ Изъ Мильвуа: „Пѣснь Арапа“ и др., (по изд. 6-му, I, 68—70).

⁴⁾ Характерно выраженный взглядъ чистокровнаго романтика.

соотчицей нашихъ будошниковъ, сапожниковъ, лекарей и разнаго рода выходцевъ и выскочекъ,—проходила и сердце и голову; насъ поблагодарили манифестомъ, и приняли въ руки ¹⁾).

Въ 1817 году я надѣлъ фракъ и пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь я узналъ Пѣснь барда Побѣдительный (sic) ²⁾, онъ мнѣ не понравился, а посланія къ Александру ³⁾ я даже не могъ дочитать, да я теперь едва ли дочитаю.

Жуковский былъ взятъ къ в. к. Александрѣ Теодоровиѣ; попалъ въ милость ко Двору. Въ это время Пушкинъ написалъ ему на дверяхъ:

Штабсъ-капитану ⁴⁾ Гете, Грѣу,
Томсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
Но сердцемъ истинно жалѣю,
Что някогда ихъ дома нѣтъ ⁵⁾.

Въ это время, немного спустя, Рылѣвъ передѣлалъ его Пѣвца, и уже святое имя Жуковского явилось въ пародіи; я ее не помню, только удержались нѣкоторые стихи:

...Надѣлъ ливрею,
И руку жметъ камеръ-лакею;
Съ указкой втерся во дворець:
Вѣднй пѣвецъ! ⁶⁾.

¹⁾ Явное указаніе на то, что статья не предназначалась для печати.

²⁾ Это, безъ сомнѣнія, „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей“ (по 6-му изд., I, 14 и слѣд.), напечатанная впервые въ 1806 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго (ч. XXX, № 24). О ней см. К. К. Зейдлица: Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго (Спб. 1883 г.) стр. 28—9.

³⁾ „Императору Александру I-му“ (I, 340 и слѣд.).

⁴⁾ По службѣ въ ополченіи? См. у Зейдлица, стр. 56, прим. 2.

⁵⁾ Конечно, нельзя ручаться головой за принадлежность этого стихотворенія Пушкину; но съ одной стороны близость Коншинъ къ кружку Пушкина, а съ другой—остроуміе и необыкновенная легкость стиха ставятъ эту принадлежность почти внѣ всякаго сомнѣнія.

⁶⁾ Здѣсь двойная ошибка: пародію на Пѣвца, направленную противъ „новыхъ Вавдаловъ“, гдѣ находятся знаменитые стихи: „Да здравствуетъ Вѣсѣды цары!“ и пр. написалъ не Рылѣвъ, а Батюшковъ (см. Л. Н. Майкова: Батюшковъ, его жизнь и сочиненія. Спб. 1887 г. стр. 185 и слѣд. Ср. С. Аксакова: Семейная хроника и воспоминанія, изд. 5-е, М., 1879 г., стр. 557—8). Эпиграмма же, нѣтъ которой Коншинъ приводитъ стихи, сочинена, какъ извѣстно, Александромъ Вестужевымъ на одномъ изъ „русскихъ завтраковъ“ Рылѣва. Вотъ ея текстъ:

Изъ савава одѣлся онъ въ ливрею,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ,
Съ указкой втерся во дворець,
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Вѣднй пѣвецъ!

Приѣхавъ въ Финляндію, сойдясь съ Баратынскимъ, я имѣлъ уже на столѣ сочиненія Жуковскаго; его элегія дышала небомъ, котораго онъ былъ избранный сынъ: я любилъ его, несмотря на его глухие отчеты о лунѣ, къ сану поэта, священника, вовсе не идущіе; я любилъ того Жуковскаго, который трогалъ душу въ переданныхъ имъ поствахъ нѣмецкихъ; того Жуковскаго, который воспѣлъ 1812 годъ, и— по моему мнѣнію—умеръ; онъ и долженъ бы былъ умереть тогда, чтобы жить вѣчно, представителемъ великой эпохи.

Въ 1830 годахъ, я жилъ въ Царскомъ Селѣ; Жуковскій показался мнѣ лично: онъ былъ при воспитаніи наследника.

Толстой (толстый), плѣшивой (плѣшивый) здоровякъ, сказочникъ Двора, онъ не имѣлъ уже въ глазахъ моихъ никакого достоинства. Его звали добракомъ; онъ ходилъ со звѣздами и лентами, вовсе ими не чванясь, видъ имѣлъ скорѣй конфузный, нежели барскій; но передъ нимъ не остановишься, и не спросишь—кто это, какъ я остановился здѣсь предъ Сперанскимъ.

Однажды баронъ Розень (поэтъ), бывшій секретаремъ при наследникѣ, я, слѣдовательно, зависѣвшій отъ Жуковскаго, рассказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ.—Нашелъ я, говоритъ онъ, латинское письмо къ Жуковскому, года два назадъ полученное, валяющимся между бумагами, и прочиталъ его. Старикъ пасторъ, у котораго онъ въ юности гостилъ, гдѣ-то въ Германіи, котораго любилъ какъ отца, а дочерей какъ ангеловъ, его оживлявшихъ для поэзіи, писалъ ему, что онъ лишается всего, если не заплатитъ кредиторамъ двухъ, трехъ тысячъ гульденовъ. но, что вѣра прекрасному, вѣра его сердцу, вѣрять, что онъ ему поможетъ, ибо слышалъ, что онъ изъ бѣднаго юноши теперь въ мвлости у русскаго царя.

Баронъ говоритъ, я побѣжалъ къ нему и торопливо спрашиваю, что онъ сдѣлалъ по этому письму, ибо сроки, данные пасторомъ, всѣ уже прошли.

— Я не понялъ письма, — отвѣчалъ хладнокровно Жуковскій, — и ничего не сдѣлалъ, а теперь уже поздно, — и предложилъ Розену сигарку¹⁾.

Человѣкъ, котораго сердца не пошевелили огненные черты картинъ юности, уже—не поэтъ.

¹⁾ Оставляемъ рассказъ на отвѣтственности барона Розена; но просимъ читателей имѣть въ виду, что въ юности Жуковскій не выѣзжалъ изъ предѣловъ Россіи и что едва-ли кто рѣшился писать по-латыни важное дѣловое письмо человѣку, завѣдомо не получившему хорошаго классическаго образованія.

Послѣ я не видалъ уже Жуковского; знаю, что онъ женился недавно, имѣетъ дочь, и, тайнымъ совѣтникомъ, живетъ въ Пруссіи.

Сей Другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обговяль,
Онъ спитъ, на выбѣй одръ лесковъ пустаинныхъ палъ! ¹⁾

20-го февраля 1846 г.

А. А. Дельвигъ ²⁾.

«Вызовъ Вашъ:—сообщить Вамъ что нибудь о Дельвигѣ, для меня приятенъ; при этомъ имени пробуждаются въ памяти моей прекраснѣйшія воспоминанія о десятилѣтней пріязни ко мнѣ благороднѣйшаго сердца; но къ сожалѣнію біографическими свѣдѣніями о поэтѣ нашемъ я совершенно бѣденъ. Вотъ все что я знаю: баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ былъ сынъ заслуженнаго русскаго генераль-маіора; онъ самъ говорилъ мнѣ, что древность рода ихъ возходитъ до Виталиида, и что въ каждомъ поколѣніи былъ одинъ Антонъ, а потому родъ ихъ составляетъ поруски непрерывную цѣпь Антоновъ Антоновичей. Дельвигъ былъ изъ числа тѣхъ избранныхъ, которые поступали въ основаніе Царскосельскаго лицея и составили замѣчательный первый его выпускъ ³⁾.

Скоро послѣ выпуска извѣстный въ то время Нарышкинъ предлагалъ Дельвигу у себя мѣсто домашняго секретаря на время своего путешествія за границу. Желаніе увидѣть Европу и пріязнь Нарышкина долго боролась въ немъ съ мыслью о трудахъ и зависимости; кончилось тѣмъ, что Дельвигъ отказался, привелъ къ Нарышкину одного изъ своихъ товарищей, который съ нимъ и поѣхалъ за границу. ⁴⁾

Судьба послала ему наконецъ мѣсто какого нельзя лучше: Иванъ Андреевичъ Крыловъ, будучи бібліотекаремъ въ Императорской публичной бібліотекѣ, принялъ его къ себѣ помощникомъ. Вся обязанность Дельвига состояла дежурить иногда здѣсь, исправлять и заполнять какой-то безконечный каталогъ, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, и выдавать

¹⁾ Первые стихи изъ вышеназваннаго стихотворенія: „Пѣснь Араба надъ могилон коня“.

²⁾ Къ кому адресована эта статья, мнѣ неизвѣстно.

³⁾ Зачеркнуто: что онъ вышелъ 9-ымъ классомъ; Пушкина 10-ымъ; что онъ о практической сторонѣ жизни говорилъ съ негодованіемъ, желая жить въ одной позан, ненавидя искательства; что первый выпускъ лицея расхватали министры. Далѣе зачеркнуто: „жизнь почиталъ онъ поэтическимъ достояніемъ челоѣва, прекраснымъ спектаклемъ, отъ котораго грѣшно оталекаетъ себя прозой бѣдой реальности и нуждъ житейскихъ“. (Ом. ниже).

⁴⁾ Зачеркнуто имя Кюхельбеккера.

книги посѣтителямъ. Крылову приходилось иногда и подежурить самому за лѣвтяя-помощника, но они какъ-то не ссорились: слабость полѣниться ¹⁾ у нихъ была почти общею.

Поэтический талантъ Дельвига развился еще въ лицѣ: и въ послѣдствіи (не знаю какъ теперь) при каждомъ выпускѣ воспитанника пѣли прощальную пѣсню, сочиненную имъ. Изъ лица онъ вынесъ одно вѣрное, до смерти неизмѣнявшееся: дружбу къ Пушкину.

Бывъ двадцатилѣтнимъ юношей, Дельвигъ обладалъ постоянною степенностію нрава, что подало однажды поводъ Пушкину сказать, что онъ родился женатымъ. Болѣзненная полнота его казалась дородствомъ: онъ былъ росту выше чѣмъ средняго; лицо имѣлъ открытое, лобъ высокій, прекрасный, всегда спокойный; голубые глаза его, вѣчно вооруженные очками, высказывали невыразимую доброту, умъ и мысль.

— Въ лицѣ мнѣ запрещали носить очки, сказалъ онъ мнѣ однажды: зато всѣ женщины казались мнѣ прекрасны; какъ я разочаровался въ нихъ послѣ выпуска.

Дельвигъ почти не умѣлъ смѣяться, но милая, добрая улыбка его никогда не забудется. При альманахѣ «Царское Село», который я издалъ въ 1830 г., приложенъ портретъ его, очень сходный: это было за годъ до его смерти.

Друзей своихъ онъ любилъ горячо; бывало заводили мы вокругъ его хоры, распѣвали его пѣсни ²⁾ проникнутыя простотой чувства неподдѣльнаго и благородствомъ его. Дельвигъ вообще любилъ казаться старикомъ, перечувствовавшимъ, пережившимъ, но мрачности не было въ его характерѣ. Когда онъ былъ тронутъ, въ глазахъ его выражалось величіе и глубокое чувство любви къ прекрасному. Трудно найти когонибудь выше его поетомъ по созданію (по сознанію?); рѣдкій можетъ обладать этимъ высокимъ даромъ вкуса и вѣрности взгляда на произведеніе словесности: судъ его былъ не торопливый, но и неумолчный: мнѣніе свое онъ высказывалъ безъ обиняковъ и не смягчалъ изворотами; Пушкинъ сознавался, что судъ Дельвига былъ во многомъ ему полезенъ. Другой поэтъ, недавно оплаканный нами, запоздавшій цѣтокъ гаснущаго вѣка поэзіи, — Баратынский былъ обязанъ его вкусу при самомъ вступленіи своемъ въ литературный міръ: онъ воспиталъ его рѣзвую музу, остепенялъ ея порывы и строго слѣдилъ за увлекательными, сладковзвучными пѣснями своего друга.

Рядъ юныхъ жизней, прозябавшихъ въ увеселительномъ императорскомъ дворцѣ, воспитали первыя идеи свои въ тѣни двора, подъ глазами монарха, бывшаго ихъ ближайшимъ попечителемъ. Блистательная

¹⁾ Зачеркнуто: даже и побраниться.

²⁾ Зачеркнуто, что любимой была: „Дѣдушка, дѣвяди разъ мнѣ говорили!“

дорога открыта была каждому: гвардія помѣстила ихъ офицерами въ свои ряды; министры разбирали по рукамъ желающихъ, зная какое участіе принимаетъ въ нихъ императоръ; всё быстро пошло впередъ, только два лица долго оставались нейтральными: Пушкинъ и Дельвигъ; первый, покорный внутреннему призыву, въ обаяніи развивавшагося таланта, не рѣшился ни на что реальное, не желалъ ничего отъ жизни кромѣ ея бурь, потрясаній и очарованія: почти до смерти онъ не измѣнилъ этому призыву; второй — не менѣе Пушкина проникнутый поэзіею, но важный, степенный, торжественный какъ Олимпъ, на которомъ жили боги, не желалъ поработить себя мелочнымъ условіямъ и заботамъ жизненнымъ; эти заботы ставилъ онъ подъ одинъ итогъ съ искательствами, интригами, поклонами и другими благоразумными мѣрами, иногда идущими въ прокъ для охотниковъ; жизнь почиталъ онъ поэтическимъ достояніемъ, даннымъ человѣку, этому земному ангелу; прекраснымъ спектаклемъ, отъ котораго грѣшно отвлекать себя прозою бѣдной реальности и нуждъ житейскихъ; онъ также до смерти остался вѣренъ этому чувству.

Жизнь Дельвига была прекрасная поэма; мы, друзья его, читали и восхищались ей; потомству онъ оставилъ свои пѣсни, свѣтлыя созданія своей благородной души: онъ не умретъ дотолѣ, пока не умрутъ поэзія для сердца человѣческаго».

А. Кирпичниковъ.

Парольное приказаніе Императора Павла I.

Въ 1-й книжкѣ „Русской Старины“ за настоящій годъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ сообщено письмо 3-го марта 1797 г. Ламсдорфа князю Платону Зубову. Какъ дополненіе къ означенному сообщенію интересно привести слѣдующую выписъ изъ «именнаго Его Императорскаго Величества повелѣнія», отданнаго февраля 26-го дня того же года,— «при паролѣ»: «Генералъ-лейтенантъ фонъ-деръ-Паленъ, за почести и встрѣчи, дѣлаемыя партикулярнымъ людямъ, какъ то: при проѣздѣ князя Зубова, и за отлучку безъ увольненія въ Митаву для провожанія его же,—выключается изъ службы».

Генералъ фонъ-деръ-Паленъ былъ шефомъ рижскаго кирасирскаго полка.

Сообщ. Дѣйст. чл. Арх. Инст. Л. В. Евдокимовъ.

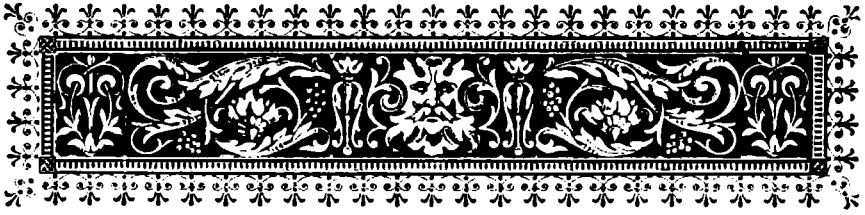
Къ характеристикѣ митрополита Григорія.

Митрополитъ Григорій 11-го мая 1858 года (въ день сошествія св. Духа) произнесъ въ соборѣ Александро-Невской лавры проповѣдь, въ которой коснулся издаваемыхъ тогда летучихъ листовъ и журналовъ.

Говоря, что вѣра у насъ слабѣетъ, онъ доказывалъ это тѣмъ, что великимъ постомъ, когда всѣ христіане, особенно православные, обязаны наблюдать постъ, молиться и каяться въ грѣхахъ своихъ и готовить себя къ будущей жизни, въ четвергъ на первой недѣлѣ вышелъ первый листокъ «Весельчака», а въ среду на Страстной недѣлѣ— первый листокъ «Смѣха», которые наполнены пустословіемъ, балагурствомъ и разсказами, не утверждающими не только въ вѣрѣ, но даже и въ общественной нравственности; что одинъ изъ журналовъ нашихъ, «Сынъ Отечества», направленіемъ своимъ вовсе не соответствуетъ важности и святости своего названія.

Сообщ. М. М. Поповъ.

МИРОВОЙ СУДЬ ВЪ ПОДОЛИИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

Въ 1884 году, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были напечатаны мои «Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссiи», въ которыхъ я рассказывалъ о моей шести-лѣтней—съ 1865 по 1871 годъ—службѣ въ должности мирового посредника. Въ теперешнихъ моихъ «воспоминанiяхъ» я говорю о моей давней же—въ 1878—80 гг.—службѣ мировымъ судьей въ Подолiи. Я не ограничиваюсь при этомъ однимъ повѣствованiемъ о моей судебной дѣятельности—часто механической и формальной,—а стараюсь изобразить и тѣ условiя и лица, среди коихъ проходила моя жизнь и служба того времени, а равно и нарисовать, по возможности, полную картину чиновничьяго быта въ глухомъ городкѣ Юго-Западнаго края въ послѣднiе годы царствованiя императора Александра II-го. Россiею, по словамъ императора Николая I-го, «управляютъ не министры, а столоначальники»,—и вотъ объ этихъ-то «столоначальникахъ», вродѣ, напр., описываемаго мною полицейскаго надзирателя III—скаго, я и говорю иногда довольно подробно, такъ какъ эти мелкiя личности и играли, собственно, главную роль въ жизни того глухаго угла, гдѣ я судействовалъ.

При этомъ, большая часть дѣйствующихъ лицъ, появляющихся въ моихъ запискахъ, не называется мною по фамилiямъ,—во-первыхъ, изъ чувства деликатности, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, еще живы; а во-вторыхъ, какъ я полагаю, дѣло совсѣмъ не въ именахъ этихъ господъ, а въ тѣхъ явленiяхъ и событiяхъ, въ которыхъ они играли ту или иную роль.

Если въ моихъ настоящихъ запискахъ я впалъ въ какую нибудь неточность — что, за давностью времени, возможно — то буду очень благодаренъ тому, кто исправитъ эту неточность.

I.

Мое назначеніе. — Столица русскаго еврейства. — Катакомбы Бердичева и ихъ тайны. — Владыльчеській городъ Хмільникъ. — Личность моего предшественника. — „Семейная исторія“ судьи, послужившая поводомъ къ его увольненію. — Внѣшній видъ Хмільника и администрація владѣтельнаго графа. — Евреи арендаторы и администраторы. — Открытіе камеры и первый „обвиняемый“. — Польскій павъ, поколотившій старосту. — Воинствующій „батьюшка“. — Пострадавшая цыганка. — Вдова-маіорша и ея дѣло.

Въ 1878 году я получилъ, по назначенію, должность мирового судьи въ Подольской губерніи, въ Лятинскомъ судебномъ-мировомъ округѣ. Я въ это время жилъ отъ Подоліи за тысячу слишкомъ верстъ и не имѣлъ никакого представленія, гдѣ именно находится мой участокъ и гдѣ придется жить самому; а потому я написалъ прямо на имя секретаря съѣзда письмо, въ которомъ просилъ сообщить мнѣ, гдѣ будетъ резиденція судьи, куда направить вещи, т. е. на какую ближайшую станцію желѣзной дороги, и пр. Отвѣтъ не замедлилъ придти и былъ неутѣшительный: оказывалось, прежде всего, что мнѣ придется жить въ заштатномъ городишкѣ Хмільникѣ и что ближайшая станція находится въ 60-ти верстахъ и есть знаменитый городъ Бердичевъ, еврейская столица въ Россіи.

Я живо собрался въ путь и черезъ два дня пріѣхалъ въ Бердичевъ, въ которомъ ранѣе никогда не бывалъ. Мнѣ предстояло прожить тутъ нѣсколько дней въ ожиданіи своихъ вещей и библіотеки и ради необходимости спать себѣ форменное платье. Бердичевъ просто поразилъ меня массою скученныхъ въ немъ евреевъ, архитектурою своихъ построекъ, а главное, тою кипучею дѣятельностью, которая замѣчалась въ немъ: съ утра до поздней ночи всѣ улицы и тротуары этого оригинальнаго города были запружены евреями и еврейками; все это страшно шумѣло, спорило, куда-то ѣхало и бѣжало.... Можно было подумать, что въ городѣ происходятъ непрерывные пожары, на которые спѣшить весь этотъ суеятійся людъ.

Бердичевъ, числящійся уѣзднымъ городомъ Кіевской губерніи, имѣетъ, судя по календарямъ, почти 80.000 душъ (79.910), т. е. такое количество, какого не имѣетъ и половина губернскихъ городовъ Россіи; дѣйствительное же количество жителей этого города, по

общему мѣннiю лицъ, близко знакомыхъ съ дѣломъ, превышаетъ далеко 100.000: 80.000 живетъ на землѣ города Бердичева, а 20 слишкомъ тысячъ подъ землею, то-есть, въ тѣхъ катакомбахъ, которыя, подобно римскимъ первымъ вѣковъ христіанства, имѣются подъ этимъ своеобразнымъ и чисто-еврейскимъ городомъ—единственнымъ въ мiръ по количеству имѣющихся въ немъ жителей евреевъ. Эти-то катакомбы и служатъ безконечною ареною еврейскихъ преступленій: тамъ укрываются, столько времени сколько нужно, всевозможные бѣглые преступники, дезертиры и тѣ молодые жидки, которые бѣжали отъ воинской повинности; тамъ же прячется и хранится всяческая контрабанда, переправляемая въ Бердичевъ прямо съ находящейся неподалеку австрійской границы; въ тѣхъ же катакомбахъ поддѣлываются, не спѣша и безъ всякой опаски, фальшивыя ассигнаціи и всяческіе паспорта и виды на жительство; тамъ же производится часто и винокурение—на особыхъ аппаратахъ, имѣющихъ подобіе громадной величины самоваровъ; въ этихъ же катакомбахъ исчезаютъ на-вѣки и тѣ несчастныя еврейскія дѣвушки, которыя, по романическимъ причинамъ, а иногда и по убѣжденію, изъявляютъ желаніе креститься... Эти попытки еврейскихъ неофитовъ оканчиваются обыкновенно очень печально и трагически: дѣвушки—изъ 10-ти 9-ть—исчезаютъ вдругъ и безслѣдно.. Сначала, впрочемъ, ее пробуютъ истребовать изъ того мѣста, куда она укрывалась (отъ священника, отъ ея будущихъ воспріимивковъ, изъ дома жениха, и т. п.), судомъ, обвиняя почти всегда въ кражѣ у родителей вещей и денегъ; если это не удастся, пускается иногда въ ходъ политическій доносъ; если же и этотъ фортель не выгораетъ, ее выградываютъ силою, хотя бы она, въ ожиданіи таинства крещенія, находилась даже въ женскомъ монастырѣ или на подворьѣ архіерея; о частныхъ же домахъ и охранахъ и говорить нечего!—А разъ еврейка такимъ путемъ похищена—о ней не будетъ ни слуху ни духу до конца вѣка сего!.. Иногда такимъ же точно путемъ пропадаютъ безслѣдно и женщины, бывшія еврейки, принявшія уже крещеніе и живущія совмѣстно съ мужьями христіанами,—если почему-либо евреи не могли или не успѣли помѣшать имъ креститься и выйти замужъ: ихъ похищаютъ открыто, на базарахъ или въ еврейскихъ лавкахъ, куда онѣ заходятъ за покупками, крадутъ даже на гуляньяхъ, въ общественныхъ публичныхъ садахъ, на глазахъ ихъ новой христіанской родни и всей публики.—Въ большинствѣ случаевъ, какъ я сказалъ, пропавшія исчезаютъ какъ въ воду и остаются неразысканными. Одинаково, остаются неразысканными и безнаказанными—изъ 10-ти случаевъ въ 9-ти—и нагие похитители; въ такихъ дѣлахъ евреи дѣйствуютъ всегда en passe, цѣлымъ скопомъ: если похищаемая жертва и успѣетъ закричать и позвать на помощь, пока ей не заткнули ротъ и не закутали голову, то

моментально, со всѣхъ сторонъ мѣстечка или города (смотря по тому, гдѣ совершается похищеніе), сбѣгаются съ страшнымъ крикомъ жиды всѣхъ возрастовъ и половъ, и, прежде чѣмъ подоспѣтъ помощь или полиція, на мѣстѣ преступленія уже образуется тысячная толпа, фанатическая и наэлектризованная, прижавшаяся плечомъ къ плечу, вопиющая на всѣ голоса и старающаяся лишь объ одномъ—не пропускать къ мѣсту событія христіанъ и дать время унести и запрятать похищенную какъ можно подальше и въ безопасное отъ розысковъ мѣсто.—Какъ только несчастная связана и унесена съ мѣста происшествія, ее тотчасъ же вывозятъ въ еврейской фурѣ за городъ прикрытою периной и въ обществѣ полдюжины женщинъ и дѣтей, которыя всегда съумѣютъ подвять плачь и вопль, чтобы покрыть глухіе стоны и крики жертвы,—и затѣмъ быстро мчатъ день и ночь, смѣняя лошадей, пока, наконецъ, не привезутъ ее въ бердичевскія катакомбы, или же просто въ какуюнибудь глухую борщю на глухой дорогѣ, въ лѣсу, или же въ имѣніе, принадлежащее еврею или арендуемое евреемъ. Тамъ, надъ ней начинается судъ и расправа: ей предлагаютъ, прежде всего, отступиться отъ задуманнаго ренегатства, если она еще не успѣла окреститься; въ противномъ же случаѣ, ее заставляютъ возвратиться къ вѣрѣ отцовъ своихъ; въ случаѣ согласія, дѣвушка, пожалуй, еще останется въ Россіи, и ее поспѣшатъ выдать замужъ за еврея, куданибудь подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она жила; женщину же, при согласіи принять вновь іудейство, быстро выпроваживаютъ за границу — чтобы она не могла встрѣтиться съ мужемъ—христіаниномъ, или возвратиться къ нему добровольно.

Едва ли нужно говорить о тѣхъ трагическихъ окончаніяхъ дѣла, когда похищенныя упорно отказываются отъ іудейства: бердичевскія катакомбы, да и многія иныя глухія мѣста могли бы занести на свои кровавыя скрижали не одну сотню неповинныхъ жертвъ еврейскаго религіознаго фанатизма и нетерпимости. Газетная хроника и корреспонденціи изъ мѣстъ еврейской осѣдности сообщаютъ, изъ года въ годъ, случаи таинственнаго исчезновенія, или же и просто нагихъ похищеній несчастныхъ евреекъ, задумавшихъ креститься,—и не только намъ, читателямъ, но и мѣстнымъ властямъ приходится, почти всегда, довольствоваться въ такихъ случаяхъ благороднымъ негодованіемъ и сожалѣніемъ!..

Я прожилъ въ Бердичевѣ цѣлую недѣлю, и интересно то обстоятельство, что у меня такъ и не спросили вида на жительство. Я съ большимъ интересомъ изучалъ жизнь этого своеобразнаго города, кишачаго евреями. Чѣмъ и какъ пыталась вся эта стотысячная толпа, избѣгающая всякаго честнаго и тяжелаго труда—это для посторонняго, случайнаго наблюдателя остается тайной.—Несомѣнно лишь одно, что все это живетъ на средства, добываемыя такъ или иначе отъ

христіанъ, что все это питается хлѣбомъ, засѣваемымъ и убираемымъ христіанскими же руками и приобретаемымъ на средства отъ тѣхъ сомнительныхъ индустрій, которыя такъ жалюбены этимъ истинными вампирами русскаго народа.

За недѣлю моего проживанія въ Бердичевѣ я успѣлъ обзавестись форменнымъ платьемъ, распорядился полученіемъ съ вокзала и отправленіемъ въ Хмільникъ своихъ «домашнихъ вещей» и книгъ и въ то же время ежедневно посѣщалъ камеры имѣющихся здѣсь мировыхъ судей и приглядывался къ разбору дѣлъ и мѣстному люду—евреямъ, полякамъ и хохламъ, фигурировавшимъ на судѣ. Затѣмъ, когда всѣ мои дѣла въ Бердичевѣ были покончены, я отправился, по самой ужаснѣйшей грунтовой дорогѣ и невылазной грязи, за 60 верстъ, въ городъ Хмільникъ, гдѣ мнѣ предстояло судействовать.

Я пріѣхалъ въ этотъ городишко вечеромъ, остановился въ «лучшей» еврейской гостиницѣ—или, какъ здѣсь называли «звѣздомъ домъ»,—кое-какъ уснулъ немного и утромъ, взявъ съ собою въ провѣзатые «мишуреца», направился прежде всего къ своему предмѣстнику, бывшему судѣ.

Мнѣ пришлось пройти весь городъ, такъ какъ судья Е* жилъ на другомъ концѣ его, и я, проходя по грязнымъ улицамъ и видя, кругомъ, обмазанные глиной домишки и полуразвалившіяся хаты, едва вѣришь, что въ этомъ городѣ имѣется болѣе 10 тысячъ жителей. Мостовой не было буквально нигдѣ; старую и новую часть города соединяла гребля, т. е. гать въ полверсты длины, засыпанная хворостомъ и землей, и гдѣ, осенью, тонули телѣги и гибли волы и лошади. Въ городѣ не было ни одного каменнаго дома, кромѣ городской ратуши и замка владѣтеля города—бывшаго товарища шефа жандармовъ графа Л—ва. Масса оборванныхъ евреевъ и пропившихся мѣстныхъ мѣщанъ—потомковъ нѣкогда славныхъ казаковъ, шлялись по улицамъ; тутъ же бродили коровы, еврейскія козы, свиньи и стаи собакъ...

Спустя добрый часъ ходьбы, я добрался, наконецъ, до дома Е*. Меня встрѣтилъ человѣчекъ небольшого роста, съ малороссійскимъ выговоромъ, желчный, съ холерическимъ темпераментомъ, страшно озлобленный на весь міръ вообще, а на министерство юстиціи въ особенности. Оказывалось, что его положеніе—и нравственное, и матеріальное—было дѣйствительно не хорошо. Онъ попалъ въ мировые судьи по протекціи брата прямо изъ мелкихъ сенатскихъ чиновниковъ—и, получивъ должность V-го класса, былъ вполне доволенъ своей судьбой; какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро ему приносятъ съ почты «приказъ» министерства юстиціи на его имя, въ которомъ его «ставятъ въ извѣстность», что съ 1-го февраля такого-то года онъ «причисляется къ министерству».

верстахъ въ 15—20-ти былъ его же свекло-сахарный заводъ, находившійся во владѣнїи пайщиковъ и подъ управленїемъ «директора», еврея В—ича, человѣка очень умнаго, вполне приличнаго и хорошо знающаго свое дѣло. Корчмы же, землю, мельницы и огороды подъ свекловичными плантаціи арендовала одна вдова, еврейка Д—ова. Она же арендовала у графа и чиншъ, т. е. она платила графу опредѣленную по контракту сумму чиншевыхъ платежей за всѣ городскія и мѣстечковыя усадьбы, а сама уже назначала свои цѣны съ мелкихъ арендаторовъ и съемщиковъ и выбирала сумму вдвое большую. Лѣсами графа управляли нѣмецкіе лѣсничіе и объѣздки.—Словомъ, между служащими графа не было ни одного поляка и ни одного русскаго—все евреи и нѣмцы; исключенїемъ былъ одинъ В—ичъ, да и то потому, что онъ велъ свое дѣло въ общій тонъ обирая графа и очень дружилъ съ арендаторами евреями. Затронуть эту силу или только не угодить ей—было бѣда, и Е* погибъ главнымъ образомъ только потому, что не пожелалъ потворствовать постояннымъ беззаконїямъ и надувательствамъ, произволу и самымъ вопиющимъ дѣяніямъ управляющаго графа Д—ова, съ которыми всѣ чиновники, администраторы, попы и купцы были свои люди и который всѣхъ умѣлъ обязать; одному доставляеть gratis дрова, другому—сѣно, третьему—деньги въ займы, и т. д.

Я такъ-таки и не нашелъ себѣ мало-мальски сносною и приличной квартиры: единственный свободный домишко нашелся въ концѣ города; отъ принадлежалъ священнику замка (гдѣ была особая церковь), былъ крытъ соломой, состоялъ изъ небольшихъ четырехъ комнатъ, изъ коихъ только двѣ имѣли деревянныя некрашеные полы, а другія двѣ—простой земляной полъ, какой бываетъ въ хлѣвахъ и плохихъ конюшняхъ.

Прочуввшись нѣсколько дней въ напрасныхъ поискахъ квартиры и немножко ознакомившись за это время съ хмѣльнянскимъ обществомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что надо возвратиться вспять... И вотъ, вернувшись однажды, послѣ цѣлой недѣли мученій, въ номеръ еврейскаго «заѣзднаго дома», я написалъ вторично письмо къ тогдашнему управляющему канцеляріей министерства князю М—скому, гдѣ вполне откровенно изложилъ все дѣло и всю невозможность моего положенія, я убѣдительно просилъ перевести меня въ другое мѣсто, или же «причислить», согласно прошенію... Но утро вечера мудренѣе: на другой день прїѣхалъ въ Хмѣльникъ предсѣдатель сѣзда, бывший подольскій же вице-губернаторъ М—ичъ, и отклонилъ меня отъ принятаго рѣшенія.

Въ тотъ же день, я нанялъ домъ священника, подыскалъ себѣ неподалеку отдѣльное помѣщеніе для камеры, условился съ бывшимъ у Е* письмоводителемъ, очень способнымъ молодымъ человѣкомъ крестьяниномъ Бойчаковымъ—и рѣшилъ остаться въ Хмѣльникѣ на службу.

Спусти недѣлю, совсѣмъ устроившись и принявъ дѣла, архивъ, документы, денежные суммы и имущество камеры, я принялъ въ сѣвѣдъ судейскую присягу, назначилъ на завѣстный день открытіе камеры, оповѣстивъ объ этомъ заранѣе всѣхъ кого слѣдовало.

Не безъ нѣкоторой робости и трепета надѣлъ я на себя въ первый разъ форменный вице-мундиръ, судейскую цѣпь и вышелъ въ зало засѣданія—изъ сосѣдней комнаты, гдѣ помѣщалась, собственно, моя канцелярія и занимался письмоводитель. Приходилось фигурировать словно на открытой сценѣ, въ глазахъ многочисленной публики, собравшейся отчасти ради удовольствіи празднаго любопытства поглазѣть на новаго судью, а частью для того, чтобы присмотрѣться къ новому лицу, съ которымъ придется, въ будущемъ, имѣть дѣла... Въ первыхъ рядахъ скамей я увидѣлъ нѣсколько лицъ съ прошеніями въ рукахъ, и позади этой «простой» публики, какъ бы въ тѣни, сидѣло нѣсколько адвокатовъ, двое «батьшекъ», управляющій графа и двѣ-три дамы. Я сильно сконфузился и растерялся,—какъ шесть лѣтъ назадъ, когда на сценѣ московскаго «общедоступнаго» театра шла моя 2-хъ-актная пьеса «Отмѣнили»—и меня по окончаніи ея вызвали на сцену какъ автора 1).

Дрогнувшимъ голосомъ я назвалъ первое «арестантское» дѣло, по обвиненію какого-то молодого парня въ кражѣ кожуха у мѣстнаго мѣщанина.

Когда я только еще ѣхалъ въ Хмѣльнякъ, то далъ себѣ, въ душѣ, обѣщаніе—непрѣмѣнно оправдать того перваго обвиняемаго по уголовному дѣлу, котораго буду судить; однако, мнѣ не довелось исполнить это, нѣсколько легкомысленное, обѣщаніе. Когда я вызвалъ парня къ судейскому столу, прочелъ ему обвиненіе и спросилъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что, вечеромъ такого-то февраля, вошелъ въ незапертыя сѣни дома мѣщанина такого-то и, снявъ висѣвшій на гвоздѣ кожухъ, надѣлъ его въ накидку и вышелъ на дворъ, намѣреваясь прошмыгнуть въ калитку, на улицу,—какъ былъ задержанъ, случайно, самимъ хозяиномъ кожуха, возвращавшимся въ это время домой? — мой обвиняемый отвѣтилъ, самымъ спокойнымъ и равнодушнымъ голосомъ:

— Такъ точно, ваше в—дѣ, мой грѣхъ: я дѣйствительно взял кожухъ.

— И хотѣлъ украсть?

— Точно такъ.

1) Это былъ первый частный театръ, допущенный въ столицѣ, выстроенный въ 1872 году талантливымъ художникомъ, строителемъ Гаргманомъ, на Солянкѣ. Театръ этотъ былъ разрѣшенъ, подъ именемъ Народнаго, на время бывшей тогда въ Москвѣ политехнической выставки.

— Какія же обстоятельства заставили тебя украсть? — нуждался ты, что ли, голодал? есть у тебя семья, или ты холостой?

— Нуждался я, это точно-съ; но семьи у меня нѣтъ — я холостъ. Унесъ кожухъ собственно потому, значить, что хотѣлось выпить, а было не на что...

Меня слегка побороблило отъ такого безцеремоннаго признанія, и я созналъ, что въ предложенныхъ мною вопросахъ воринкѣ было кое-что лишнее.

— Бачьте, ваше в—дѣе, якій злодѣй! хотѣлъ пропить мой кожухъ, который коштуе мнѣ 12-ть карбованцевъ, заговорилъ хозяинъ кожуха...

Пришлось, конечно, признать парня виновнымъ, и я приговорилъ его къ непродолжительному тюремному заключенію и прочелъ приговоръ.

— Грамотный? — спросилъ я обвиняемаго.

— Подписать могу.

— Вотъ, и подпишись; а затѣмъ, если ты моимъ приговоромъ недоволенъ, можешь жаловаться, въ двухъ-недѣльный срокъ, въ съѣздъ — черезъ меня же, — и твое дѣло разберуть вновь, въ городѣ Литинѣ, можетъ быть, убавявъ время высѣдки.

— Я жаловаться не стану, проговорилъ парень и, взявъ перо, подписалъ подъ приговоромъ свое имя и фамилію.

Послѣ, когда я, сдѣлавъ перерывъ засѣданія, вышелъ въ сосѣднюю комнату, то письмоводитель объяснилъ мнѣ, что если обвиняемый и могъ быть недоволенъ приговоромъ, то развѣ только потому, что ему назначено отсидѣть, на казенныхъ хлѣбахъ и на готовой теплой квартирѣ, слишкомъ короткій срокъ, а между тѣмъ, гдѣ еще далеко и полевые заработки начнутся, слѣдовательно, не скоро.

Второе дѣло, назначенное мною къ разбору, было болѣе интересное и должно было разбираться уже во второй разъ: въ началѣ, оно было разобрано моимъ предшественникомъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, и по отсутствію обвиняемаго, не явившагося на судъ безъ уважительныхъ причинъ, былъ постановленъ заочный приговоръ. Молодой человѣкъ, сынъ довольно зажиточнаго польскаго помѣщика, былъ приговоренъ за нанесеніе «оскорбленія дѣйствіемъ» сельскому старостѣ, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, къ двухъ-мѣсячному аресту; а такъ какъ, въ нашемъ судебно-мировомъ округѣ, да и вообще въ Подольской губерніи, за исключеніемъ лишь одного губернскаго города, не было никакихъ иныхъ мѣстъ заключенія для лицъ, приговариваемыхъ къ аресту судьями, кромѣ полицейской кутузки, то молодому человѣку, какъ дворянину, предстояло отсидѣть свой «арестъ» при тюрьмѣ.

При разборѣ и изъ допроса свидѣтелей выяснилось по этому дѣлу

слѣдующее: минувшей осенью, молодой человекъ, замѣнявшій больного отца, находился на гумнѣ, гдѣ въ это время шла спѣшная работа—молотьба; въ самый разгаръ работы, на гумно приходять староста близъ расположенной деревни, замѣтно выпившій, и начинаетъ гнать съ гумна нѣкоторыхъ рабочихъ, нанявшихся поденно, требуя ихъ на какую-то общественную работу, кажется, чинить дорогу; молодой панъ подходит къ нему и проситъ убираться прочь съ гумна, такъ какъ люди, разъ они нанялись, должны отработать свой день, тѣмъ болѣе, что до вечера осталось уже не много времени: между тѣмъ, если они послушаются старосты и уйдуть, то теряють, прежде всего, сами,—такъ какъ, ничего, въ случаѣ перерыва работы, не получаютъ; что, наконецъ, онъ, староста, долженъ былъ наряжать ихъ накануне, а не теперь; если же ему нужны рабочіе именно въ настоящее время, то онъ можетъ взять ихъ изъ числа праздно шляющихся по деревнѣ и сидящихъ въ кабакѣ.

Какъ только молодой человекъ произнесъ слово «кабакъ», то староста, принявшій этотъ намекъ на свой счетъ, началъ кричать и говорить пану грубости и перешелъ «на ты»; тогда вспыхнулъ и молодой панъ: ругнулъ старосту и его родителей и пригрозилъ находившейся въ рукѣ тростью, если онъ не уйдетъ съ гумна добромъ... Работники тоже стали просить старосту не мѣшать имъ отработать день, на который они нанялись; но староста запустилъ руку въ карманъ, досталъ оттуда свой мѣдный знакъ, приколовъ его къ груди и, указывая на него пальцемъ, сказалъ пану:

— Видишь эту медаль? это у меня отъ начальства пожаловано,—и ты, польскій мятежникъ, долженъ меня слушаться, не разговаривая много...

Панъ вскипѣлъ, обиженный—какъ онъ утверждалъ на судѣ—названіемъ «мятежника»,—и дѣйствительно, не сталъ много разговаривать: размахнулся кулакомъ и сшибъ старосту съ ногъ; а когда тотъ, поднявшись, хотѣлъ на него броситься, то N. — человекъ высокій и крѣпкій, взявъ пьянаго грубияна за горло и ударилъ еще нѣсколько разъ. На крикъ старосты: «ратуйте, хлопцы, старосту бьютъ», никто изъ работавшихъ на гумнѣ его односельцевъ не подалъ ему помощи, и онъ убѣжалъ въ деревню, а оттуда въ волостное правленіе и къ уряднику—съ жалобой.

На судѣ, обвиняемый защищался самъ, такъ какъ адвокаты—мѣстные и наѣзжавшіе сюда, въ случаѣ надобности, изъ Литвина—просили съ него, какъ бы сговорившись, 200 рублей и всѣ деньги впередъ; двое изъ нихъ, личности которыхъ указалъ мнѣ писмоводитель, находились теперь въ камерѣ и жадно слѣдили за разборомъ дѣла.

Панъ чистосердечно сознался, что, дѣйствительно, нѣсколько разъ ударилъ старосту, выведенный изъ терпѣнія его грубостью и ругатель-

ствами, но что знака на груди потерпѣвшаго не было, и онъ его, будто бы, надѣлъ лишь тогда, когда уже былъ побитъ. Это послѣднее его показаніе было, впрочемъ, не подтверждено свидѣтелями; одинаково было отрицаемо ими и увѣреніе молодого человѣка, что староста былъ пьянъ.

Потерпѣвшій староста велъ себя на судѣ самымъ возмутительнымъ образомъ: онъ постоянно прерывалъ не только объясненія обвиняемаго и свидѣтелей, но и меня самого; я нѣсколько разъ его останавливалъ и даже вынужденъ былъ оштрафовать тремя рублями; а когда и это не помогло, то распорядился вывести его изъ камеры вонъ и пригласилъ лишь тогда, когда приговоръ былъ уже совсѣмъ готовъ для прочтенія. Я приговорилъ молодого драчуна къ аресту на одинъ мѣсяцъ и три дня. Когда всѣ прикосновенныя къ этому дѣлу лица вышли изъ камеры, я видѣлъ въ окно, какъ къ старостѣ подошелъ одинъ изъ адвокатовъ и долго о чемъ-то съ нимъ толковалъ; другой же адвокатъ подошелъ къ N. Мой разсылный говорилъ мнѣ потомъ, что адвокаты уговаривали и старосту, и пана N переносить дѣло въ сѣздъ, при чемъ предсказывались тяжущимся такія перспективы: старостѣ адвокатъ сумилъ, что онъ «упрячетъ» пана не на одинъ мѣсяцъ, а на три; молодому же чело-вѣку предсказывалось полнѣйшее оправданіе, за извѣстный, конечно, говораръ, уплачиваемый авансомъ. Дѣло это, однако, не попало въ сѣздъ: у старосты не нашлось лишнихъ денегъ на вляузы, а г. N радъ былъ и тому, что вмѣсто прежнихъ двухъ мѣсяцевъ, приговоренъ былъ лишь на мѣсяцъ; онъ только попросилъ меня, когда приговоръ вошелъ уже въ законную силу, чтобы этотъ «арестъ» разрѣшено ему было отбыть не въ Подольской губерніи, а въ Волынской, по сосѣдству, въ уѣздномъ городѣ, ближайшемъ къ мѣстности его отца, — въ чемъ, конечно, я ему очень охотно посодѣйствовалъ.

Я потому останавливаюсь на своемъ первомъ засѣданіи нѣсколько подробнѣе, что оно, во-первыхъ, осталось очень свѣжо въ моей памяти — именно, какъ п е р в о е; а во-вторыхъ, оно было, такъ сказать, profession de foi моей судейской дѣятельности, а главное, было важно для всей той п у б л и к и, съ которою мнѣ потомъ пришлось имѣть дѣло. По ихъ любопытнымъ и внимательнымъ взглядамъ я понималъ, что не только я самъ, но даже мой вице-мундиръ и моя цѣпь служить для нихъ пред-метами усиленнаго наблюденія.

Замѣтивъ въ числѣ публики двухъ «батюшекъ», я не мало изумился ихъ присутствію, а главное, терпѣнію, такъ какъ они сидѣли съ самаго открытія камеры, часа уже два, на одномъ мѣстѣ безъ всякаго почти движенія. Неужели, думалъ я, и они люди праздные, пришедшіе сюда только ватѣмъ, чтобы разобратъ потомъ по косточкамъ мои первые шаги на судейскомъ пути? Письмоводитель, въ комнату котораго я выходилъ

всякій разъ за помощью, для написанія приговора (впослѣдствіи уже этого не дѣлалъ, и писалъ всегда рѣшенія и приговоры тутъ же въ камерѣ, не вставая съ мѣста), объяснилъ мнѣ, что эти почтенныя особы явились сюда не изъ любопытства, а потому, что у обомъ у нихъ будутъ постоянныя «дѣла» въ моей камерѣ—и все болѣе или менѣе некрасивыя и клеветныя.

Окончивъ разборъ дѣла молодого пана, которое, благодаря массѣ свидѣтелей-крестьянъ, заняло часа два времени, я сдѣлалъ новый перерывъ засѣданія, чтобы передохнуть немножко, и вышелъ въ сосѣднюю съ камерой канцелярію. Публика довольно громко, не стѣсняясь, разбирала постановленный мною, по послѣднему дѣлу, приговоръ; нѣкоторыя отрывочныя фразы долетали даже ко мнѣ въ комнату, отдѣленную отъ камеры простою деревянною перегородкою: это, оказывалось, адвокаты, «батьюшки» и служилая челядь графа Л—ва разбирали мои приговоры критически. Между прочимъ, меня порицали за то, что я, спрашивая вора, говорилъ ему «ты»... Но я былъ на этотъ счетъ такого мнѣнія: разъ, человекъ укралъ и изобличенъ въ этомъ вѣдъ всякаго сомнѣнія—значить, у него самолюбія и самоуваженія выѣтся очень немного и для него, поэтому, совершенно безразлично: говорить ему мировой судья «вы» или «ты»... Я и впослѣдствіи придерживался на судебныхъ разборательствахъ той же теоріи и системы,—и у меня бывали не разъ даже такіе случаи, что и мнѣ говорили «ты»: это—когда на судѣ фигурировали—преимущественно, въ качествѣ отвѣтчиковъ, по невыполненію условныхъ работъ—крестьяне нѣкоторыхъ великороссійскихъ губерній, обращавшіеся ко мнѣ съ такими, примѣрно, фразами: «какъ, ваше благородіе, разсудишь, такъ и будетъ!»... или, опровергая нанявшаго подрядчика: «жидъ брешеть, ваше благородіе—ты ему не вѣрь!»... или, при подачѣ прошеній: «съ прошеніемъ, вотъ, батьюшка-баринъ... какъ величать твою милость—не знаемъ»... и т. п. И было бы, конечно, недѣлностью, если бы я сталъ говорить на судѣ этимъ простымъ, темнымъ людямъ «вы»,—когда они говорятъ мнѣ «ты»; я лишь постоянно останавливалъ ихъ, когда они употребляли слово «жидъ», требуя, чтобы они говорили «еврей»,—хотя, тоже, отлично зналъ и понималъ, что они употребляютъ это слово не въ качествѣ презрительнаго и безъ желанія оскорбить, а единственно потому, что у нихъ, въ какомъ-нибудь тамъ Чухломскомъ уѣздѣ, «все село, опоконъ вѣку, зовутъ ихъ жидами»,—какъ объяснилъ однажды въ моей камерѣ костромской мужичекъ, когда я, остановивъ его нѣсколько разъ во время судоворенія, пригрозилъ, наконецъ, штрафомъ...

Продолжаю, затѣмъ, рассказъ о первомъ днѣ моего засѣданія. Когда, отдохнувъ четверть часа, я вновь вошелъ въ камеру и объявилъ «пріемъ прошеній», то съ мѣсть, назначенныхъ для «публики», встали

и направились къ моему столу нѣсколько десятковъ человекъ сразу, — и тутъ только я понялъ, почему у меня въ камерѣ набралось такъ много народу.

— Вамъ подадутъ сегодня не мало прошеній, предупредилъ меня г. Бойчаковъ, мой письмоводитель, но между ними будетъ нѣсколько пустыхъ, по которымъ г. Е*. давно отказалъ: подать одна маюрша, да цыганка одна—эта вамъ даже нагрубитъ сразу, — да еще нѣсколько... У васъ будутъ пробовать счастья—не удастся ли то, что уже не удалось раньше.

Первыми подошли гг. адвокаты: они подавали или просьбы о новомъ разборѣ дѣлъ — вслѣдствіе заочныхъ рѣшеній и приговоровъ, — или же апелляціонныя жалобы, подлежащія отправкѣ въ създъ; адвокаты были очень сдержанны: ни лишнихъ просьбъ, ни объясненій. Далекое не то было съ «батюшками». Къ моему столу подошелъ, одѣтый въ шелковую синюю расу, священникъ лѣтъ 35-ти, средняго роста, плотный, смуглый и довольно красивый, съ черными прозвительными и неприятными глазами; въ рукахъ у него было «прошеніе».

— Священникъ Х—цкій; предъявляю отзывъ на заочное рѣшеніе вашего предмѣстника, проговорилъ онъ, подавая бумагу и установленныя пошлины.

Такъ какъ дѣло это оказалось очень клузное и скабрзное и причинило мнѣ, впоследствии, массу неприятностей, то я и считаю необходимымъ изложить вкратцѣ его содержаніе.

Священникъ Х—цкій былъ вдовъ и занималъ ранѣе мѣсто полковаго священника. Проживая на одномъ изъ кавказскихъ курортовъ для леченія, онъ встрѣтился, а затѣмъ и сошелся довольно близко съ молодою дамою, нѣкою В—цкою, лечившеюся на томъ же курортѣ. Послѣдствіемъ ихъ встрѣчи было то, что «дама» бросила мужа и уѣхала, вмѣстѣ съ «батюшкой», въ полкъ; туда же, въ погоню за женой, пріѣхалъ супругъ и «потрениалъ» немножко батюшку, котораго и непросили уйти изъ полка. Будучи уроженцемъ Подольской губерніи, о. Х—цкій обратился къ мѣстному преосвященному съ ходатайствомъ о мѣстѣ, мотивируя свое желаніе невозможностью, по недорозью, вести кочевой образъ жизни полковаго священника; его просьба была уважена, и онъ получилъ мѣсто подъ самымъ Хмѣльникомъ, въ его пригородѣ. Вмѣстѣ съ Х—цкимъ, пріѣхала въ Хмѣльникъ и его «дама», подъ именемъ «двоуродной сестры», устроила на свой счетъ всю домашнюю обстановку «братцу», нашла ему шелковыхъ расъ, завела лошадей и экипажъ, коровыи все прочее хозяйство. «Братецъ», однако, сталъ и вышивать, и «вѣмбнать», и поколачивать «сестрицу».... Кончилось все это тѣмъ, что въ одну бурную зимнюю ночь о. Х—цкій поколотилъ и выгналъ на улицу г-жу В—цкую, полураздѣтую, и она, переночевавъ у сосѣдей,

обратилась къ мировому судѣ съ просьбою отобрать отъ X—цкаго принадлежащее ей бѣлье, платье и всю прочую движимость, доказывая счетами и удостовѣреніями изъ лавокъ и свидѣтельскими показаніями, что все, находящееся въ квартирѣ X—цкаго имущество, не исключая даже его шелковыхъ ризъ, приобретено ею, истинною, на ея собственные деньги; при нежеланіи же X—цкаго возвратитъ ей все это, она просила взыскать съ него стоимость похищаемого ею имущества— въ суммѣ нѣсколькихъ сотъ рублей, плюсъ сто пятьдесятъ, данныхъ X—цкому деньгами, въ послѣднее уже время ихъ сожитія, когда у нихъ начались «исторіи», и когда г-жа В—цкая, давая батюшкѣ «взаимы» деньги, благоразумно взяла отъ него, на этотъ разъ, росписку.

Къ разбору этого дѣла у моего предмѣстника о. X—цкій не явился и не прислалъ повѣреннаго; «послушать» же дѣло откомандировалъ въ камеру судьи своего брата, бывшего студента какого-то университета. При заочномъ разсмотрѣніи дѣла, г-жа В—цкая заявила, что она уменьшаетъ сумму иска, такъ какъ, послѣ уже подачи прошенія, X—цкій возвратилъ ей бѣлье и платья; судья Е* разсмотрѣлъ дѣло и, въ виду несомнѣнности и доказанности иска, рѣшилъ взыскать съ батюшки всего триста съ чѣмъ-то рублей,—и послалъ ему, конечно, копію заочнаго рѣшенія; и вотъ теперь о. X—цкій, на основаніи закона, просилъ меня разсмотрѣть это дѣло снова.

Я взялъ «прошеніе» батюшки въ руки, заглянулъ въ него и увидѣлъ, что оно содержитъ въ себѣ не одну лишь просьбу о новомъ разборѣ дѣла, но и излагаетъ все дѣло по существу и при томъ наполнено самыми непристойными выходками противъ несчастной В., не щадящими ни чувство женской чести, ни ея стыдливости. Я прочелъ прошеніе, и такъ какъ оно было лишь подписано отцомъ X—цкимъ, то спросилъ его: извѣстно ли ему содержаніе прошенія?

«Батюшка» громко разсмѣялся и отвѣтилъ тономъ оскорбленнаго человѣка:

— Я удивляюсь вашему вопросу, г. судья: вы допускаете мысль, что городской священникъ не въ силахъ самъ сочинить прошенія и могъ затѣмъ подписать его, не читая и не ознакомившись съ его содержаніемъ! Я имѣю дурной почеркъ, а потому прошеніе и переписано другимъ лицомъ, а не мною.

Все это было проговорено такимъ самоувѣреннымъ и нахальнымъ тономъ, что ставило меня въ необходимость отвѣчать.

— Я потому позволялъ себѣ предложить вамъ, батюшка, свой вопросъ,—замѣтилъ я,—что въ вашемъ прошеніи есть непристойныя выраженія о женщинѣ, съ которою вы судитесь. Вѣдь я, при разборѣ дѣла, долженъ буду, прежде всего, прочесть вслухъ ваше прошеніе,—и полагаю, что вамъ же тогда будетъ конфузно.

Едва только я проговорилъ свою фразу, какъ въ публикѣ кто-то въ полголоса проговорилъ—тономъ изумленного человѣка: «Замѣчаніе!».. Оказалось потомъ, что это произнесъ другой священникъ, товарищъ Х—цкаго, нѣкто о. Р—ичъ, желающій очевидно, «выразить протестъ», въ защиту коллеги. Х—цкій же отвѣтилъ, улыбаясь и прежнимъ рѣвкимъ тономъ:

— Предоставьте мнѣ самому, г. судья, оцѣнку подаваемого мною прошенія;—мнѣ нечего конфузиться.

Я недоумѣвалъ, какъ поступить мнѣ въ этомъ случаѣ, и поспѣшилъ прекратить неприятную сцену—обычною въ такихъ случаяхъ, фразою: «какъ вамъ угодно»; затѣмъ принялъ отъ батюшки пошлины, выдалъ квитанцію и обратился къ слѣдующему просителю. Мнѣ стали подавать прошенія уголовныя—о дракѣ, оскорбленіи словами, о сорваніи съ женщины украшеній, о поднесеніи «дули», и т. п... Все, что за послѣдніе два мѣсяца, пока камера судьи была закрыта въ Хмѣльникѣ, успѣло здѣсь подраться, поссориться и переругаться, было на-лицо: большая половина прошеній была отъ женщинъ.—Принимая бумаги и заглядывая въ нихъ, я съ ужасомъ видѣлъ, что въ рѣдкомъ изъ нихъ не требовалось вызвать на судъ нѣсколькихъ человѣкъ свидѣтелей; но я пришелъ въ еще больший ужасъ и недоумѣніе, когда замѣтилъ, что въ числѣ прошеній есть, такъ-сказать, контръ-прошенія, гдѣ противная сторона является, въ своей жалобѣ, уже обвиняющею стороною и просить, въ свою очередь, вызвать на судъ цѣлый десятокъ своихъ свидѣтелей.—А одна мѣстная хмѣльнская цыганка, подавая прошеніе о самоуправномъ захватѣ у нея хозяиномъ дома, гдѣ она проживала, сундука съ вещами, оцѣняемаго ею въ три рубля, просила вызвать, въ качествѣ свидѣтелей, весь цыганскій таборъ, въ полномъ составѣ, стоявшій въ своихъ шатрахъ подъ Хмѣльникомъ во время захвата сундука и давно откочевавшій въ сосѣднюю Бессарабію.

Когда я принялъ это послѣднее прошеніе отъ цыганки и хотѣлъ-было уже снимать цѣль и «закрывать засѣданіе», къ моему столу тихими, кошачьими шагами, направилась присутствовавшіе въ камерѣ изральтине, принимаемые мною ранѣе просто за любопытныхъ. Всѣ почти ихъ прошенія были гражданскаго, такъ сказать, характера: все это были просьбы о выисканіи съ мѣстныхъ мѣщанъ, главное же съ деревенскихъ крестьянъ различныхъ долговъ, по самымъ разнообразнымъ документамъ—по векселямъ, роспискамъ, договорамъ и проч.; къ каждому прошенію прилагались установленныя, по цѣбѣ иска, пошлины и денежный документъ. Мнѣ предстояло рассортировать все это: прошенія—въ канцелярію къ письмоводителю для заведенія «дѣлъ», денежные документы—въ несгораемый чугунный сундучекъ, находящійся при камерѣ, деньги—тоже туда, въ особое мѣсто.

Когда уже все, казалось, было покончено, и въ камерѣ оставалось всего нѣсколько человѣкъ изъ числа черзачуръ уже любопытныхъ зрителей, ко мнѣ подошла очень прилично одѣтая, немолодая дама и, держа въ рукахъ прошеніе, бойко заговорила на польскомъ языкѣ.... Напрасно я старался остановить ея рѣчь, приглашая перейти на русскій разговоръ: она говорила неудержимо, а въ отвѣтъ на мое приглашеніе лишь замѣтила, въ скобкахъ, что ей, просительницѣ, извѣстно, что «панъ-сендже разуме попольску». Я пробовалъ было увѣрить ее, что она ошибается, что я не говорю и очень мало понимаю по-польски, но и это не подѣйствовало... Когда, наконецъ, она, проговоривъ безъ перерыва минутъ десять, немножко утомилась, то подала мнѣ прошеніе; я взглянулъ въ него и изумился: передо мною была вдова и зiora, очевидно, не желавшая говорить по-русски.

— Если вамъ, вдовѣ русскаго офицера, не угодно будетъ говорить со мною по-русски, то я позволю себѣ совсѣмъ не принять вашего прошенія,—проговорилъ я самымъ рѣшительнымъ образомъ и приподнялся уже съ мѣста, чтобы идти отъ стола; это, оказалось, тотчасъ же подѣйствовало.

— Ахъ, Боже жъ мой, мнѣ жъ такъ трудно и у вѣтъ по-русску!—заговорила маіорша и постепенно перешла на русскую рѣчь...

Дѣло ея, оказывалось, было очень неприятное, по крайней мѣрѣ, для нея самой. Маіорша имѣла небольшой капиталаецъ, занимала скромную квартиру въ Хмѣльникѣ и жила, ссужая небольшими суммами нуждающихся; брала она 18, иногда 24 и болѣе процентовъ въ годъ—смотря по человѣку и по его кредитоспособности. Кроме того, она получала, за службу мужа, маленькую пенсію, около 200 рублей въ годъ. Прошедшею осенью, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вдовица отправилась однажды къ мѣстному ксендзу на вечерній чай, оставивъ дома служанку, которая была у маіорши «одной прислугой». Когда барыня вернулась часовъ въ 11-ть домой, то нашла полный разгромъ въ своей квартирѣ: одно окно, выходящее въ садъ, было выставлено, всѣ вещи, платье и бѣлье перарыты, но не тронуты; въ верхнемъ же ящикѣ комода, гдѣ у маіорши хранились ея золотыя вещи и векселя ея многочисленныхъ должниковъ, все это исчезло.—Служанка оказалась спящею мертвымъ сномъ въ комнатѣ рядомъ, и маіорша не могла добудиться и растолкать ее до утра, такъ какъ она оказалась въ наркотическомъ снѣ. Начались, конечно, дознанія, розыски и даже обыски у подозрѣваемыхъ лицъ, но это ни къ чему не повело: всѣ драгоценныя вещи маіорши, а главное, всѣ ея векселя исчезли безслѣдно. Главную роль въ этомъ грабежѣ играли, несомнѣнно, евреи, такъ какъ они были главными должниками несчастной барыни, занимая у нея деньги на различные торговые обороты и гешефты; наконецъ, и хозяинъ дома,

угостившей служанку маіорши какимъ-то крѣпкимъ пивомъ, былъ тоже еврей и состоялъ должнымъ своей квартирантѣ нѣсколько сотъ рублей, конечно, по словамъ маіорши, но по увѣренію его самого, маіорша была еще ему должна за квартиру. Его привлекли-было къ отвѣту и слѣдствію, но... судебный слѣдователь отпустилъ его съ миромъ, такъ какъ онъ показалъ и даже доказалъ, многочисленными свидѣтельскими показаніями евреевъ, данными подъ присягою ¹⁾, что служанка маіорши пила пиво не у него, а въ сосѣднемъ кабацѣ, а онъ только «повычилъ» ей 20 грошей на кварту пива, какъ она просила. Дѣло было слѣдователемъ прекращено за необнаруженіемъ виновныхъ. Тогда маіорша, наученная адвокатами, начала безплодные искн къ своимъ должникамъ, основанные на свидѣтельскихъ показаніяхъ: такъ, напримѣръ, предъявляя у моего предмѣстника искъ, она просила допросить свидѣтелей, подтверждающихъ, что торговецъ еврей Z состоялъ ей долженъ, по векселю столько-то сотъ рублей, а отвѣтчикъ объяснивъ на судѣ, что онъ, дѣйствительно, былъ долженъ маіоршѣ по домашнему векселю столько-то, но что долгъ этотъ давно уплаченъ, ссылаясь на своихъ свидѣтелей. Судья, конечно, совсѣмъ не допрашивалъ всѣхъ этихъ свидѣтелей, а просто въ искѣ отказалъ; тогда, адвокаты дали новый и столь же, какъ оказалось, бесполезный совѣтъ пострадавшей женщннѣ: требовать принятія отвѣтчиками очистительной присяги, которая, какъ извѣстно, приносится съ особенною торжественностью, въ храмахъ, въ присутствіи массы народа. И вотъ, теперь, пани-маіорша, давно уже поджидавшая моего прибытія, обратилась ко мнѣ съ этимъ именно ходатайствомъ—привести къ очистительной присягѣ еврея портного, слышавшаго за религіознаго человѣка, который, по мнѣнію истицы, «не посмѣетъ» принять присягу въ томъ, что онъ не остался ей долженъ по неоплаченному имъ векселю, похищенному у маіорши вмѣстѣ съ прочими денежными документами.

Я принялъ прошеніе маіорши и слѣдующія пошлины и, наконецъ, вдохнулъ свободно: никто болѣе не изъявлялъ желанія ко мнѣ обратиться. Я снялъ свою судейскую цѣпь и объявилъ засѣданіе закрытымъ.

¹⁾ Въ то время, когда происходили описываемыя мною событія, въ Подоліи не были еще введены окружные суды, а слѣдовательно, не было и судебного слѣдствія: существовала уголовная палата, куда и поступало, отъ судебного слѣдователя, совсѣмъ законченное дѣло, съ свидѣтельскими показаніями, данными подъ присягою уже. Однакоже, въ губерніи не была введена еще и нотаріальная часть, такъ что мы, судьи, исполняли иногда эти обязанности; поэтому, и большинство векселей писалось домашнимъ порядкомъ, а не нотаріальнымъ. Въ уѣздномъ городѣ Лятинѣ, отстоящемъ отъ Хмельника въ 30-ти слишкомъ верстахъ, имѣлся маляръ, но къ нему, за дальностью расстоянія, жители почти не обращались.

Но маюрша долго еще не отходила отъ стола, сообщая мнѣ всѣ подробности учиненнаго надъ ней ограбленія и объясняя шопотомъ, что послѣдніе, находящіеся въ камерѣ евреи—это все ея должники, явившіеся сюда наблюдать за подачею прошенія, а главное за тѣмъ—что она скажетъ судѣ и чтѣ отвѣтитъ онъ ей. Подъ конецъ маюрша прекрасно уже говорила по-русски, и я едва-едва отъ нея и отъ ея шопота отдѣлялся.

Мартовскій день совсѣмъ уже сталъ смеркаться, когда я, измученный нравственно и физически и вдобавокъ голодный, вышелъ изъ камеры на улицу и отправился по невылазной грязи на свою непривѣтливую квартиру — сырую, холодную, съ земляными на половину полами, съ низкими потолками, глиняными стѣнами и, что всего хуже, угарную, такъ какъ она стояла всю зиму нежилая и нетопленная... И я не разъ—о, не разъ!—погоревалъ объ оставленной литературѣ, о столичныхъ квартирахъ и всѣхъ прочихъ житейскихъ удобствахъ и развлеченіяхъ Москвы и Петербурга, пожалѣлъ даже о тѣхъ литературныхъ столкновеніяхъ, ссорахъ, которыя такъ отравляли и безъ того тяжелый мой трудъ и самую жизнь... Я понялъ, что здѣсь, въ силу своей дѣятельности, мнѣ придется наживать себѣ недоброжелателей и даже прямо-таки враговъ не единицами уже, а цѣлыми десятками, послѣ каждого дня трудовой судейской дѣятельности, которою, конечно, не могутъ же остаться довольны обѣ судящіяся стороны. Тяжелая и оскорбляющая душу дѣйствительность, въ которую я погрузился съ головою въ этотъ первый же день моей новой жизни, далеко превзошла не только всѣ мои представленія, но даже и рассказы моего предѣстника, хотя онъ, правду говоря, и не жалѣлъ темныхъ красокъ, разрисовывая картину предстоящей мнѣ жизни въ Хмѣльницѣ и всѣ тѣ мѣстныя условія, среди коихъ мнѣ надо было жить, служить и дѣйствовать.

II.

Служащая интеллигенція города Хмѣльница.—Юный судебный слѣдователь.—Докторъ И—скій и его гонораръ.—Распределеніе дня у хмѣльницкихъ интеллигентовъ.—„Комендантъ“ города.—Подольская семинарія.—Губернаторъ М—ичъ и его воіебес.—Вонокрадство и грабежи.—Арендныя статьи „коменданта“.—Главный конокрадъ въ роли вучера.—Превращеніе бараньихъ головъ въ козлиныя.—Укушенія бѣшеной собакой.—Заступники „коменданта“ и его отставка.—Превращеніе въ адвоката и пострѣженіе въ ионы.

Не легко было мнѣ ориентироваться въ той средѣ, куда я попалъ. Читателю можетъ показаться невѣроятнымъ, когда я скажу, что во

всемъ городѣ не было ни единого человѣка, съ которымъ бы можно было отвести душу, поговорить о литературѣ, о политикѣ, о Россіи... Словно гдѣсь дремучій стоялъ вокругъ меня, и это было въ городѣ, положимъ заштатномъ, но все же имѣющемъ около 10.000 жителей. Было всего три человѣка съ университетскимъ образованіемъ: судебный слѣдователь и два доктора. Слѣдователь, т. е. по обыкновенію «исправляющій должность», былъ очень молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и занятый отчасти службой, а болѣе всего невинными ухаживаньями за прекраснымъ поломъ; о наукѣ остались у него довольно смутныя понятія, сводившіяся къ официальному «наказу» судебнымъ слѣдователямъ. Когда я въ первый разъ посѣтилъ его, меня поразило то обстоятельство, что въ его квартирѣ я не нашелъ ни одной книги—за исключеніемъ судебныхъ уставовъ, Уложенія о наказаніяхъ и руководствъ при производствѣ слѣдствій. Онъ не читалъ ни одной газеты, кромѣ официального отдѣла въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», который высылался ему, какъ обязательному подписчику. Когда онъ, отдавая визитъ, пришелъ ко мнѣ и, увидавъ на столѣ газеты, спросилъ: «что новаго?», а я сообщилъ ему о назначеніи графа Тотлебена генералъ-губернаторомъ, то онъ, широко раскрывъ глаза, равнодушно спросилъ: «А кто такой этотъ Тотлебенъ?..» Отвѣтивъ на вопросъ, я предложилъ прочесть имѣвшіяся у меня «Письма» графа Л. Н. Толстаго о Севастопольской оборонѣ, но онъ затрясъ головою и объяснилъ, что «военные вопросы» его не интересуютъ. А между тѣмъ, это былъ молодой человѣкъ, не имѣвшій еще и 30-ти лѣтъ отъ роду, не измятый жизнью, здоровый, цвѣтущій, который долженъ бы, повидимому, интересоваться общечеловѣческими интересами, и которому рано бы, кажется, забыть русскую исторію—если только онъ зналъ ее прежде. Все-таки это былъ человѣкъ безукоризненно честный—и это одно отличало его между остальными чиновниками Хмѣльняка. Впрочемъ его, въ непродолжительномъ времени, по политическому доносу полицейскаго надзирателя, которому честный молодой человѣкъ мѣшалъ брать взятки и грабить, перевели куда-то, назначивъ на его мѣсто болѣе «опытнаго».

Другіе два человѣка съ университетскимъ образованіемъ были вольнопрактикующіе доктора; оба они были поляки, старики, размежевавшіеся между собою довольно мирно: одинъ изъ нихъ лечилъ бѣдняковъ и преимущественно евреевъ, другой—чиновниковъ, а иногда и пановъ, проживающихъ въ окрестныхъ фольваркахъ ¹⁾. Оба доктора

¹⁾ Простой народъ, городскіе мѣщане и деревенскіе мужичи и бабы, лечились чаще всего у хмѣльнянскихъ фельдшеровъ и обыкновенныхъ цирюльниковъ во время базарныхъ дней и чаще всего кровопусканіемъ. Вампиры эти открыто расхаживали по базару, обившанье, на поляхъ, орудіями сво-

были очень порядочные люди, добродушные и не корыстолюбивые. Такъ, напримѣръ, первый въ нихъ, г-нъ И—скій, отправлялся, каждымъ раннимъ утромъ, пѣшкомъ, въ охотничьихъ, если было грязно, сапогахъ и навѣщаль всѣхъ тѣхъ бѣдняковъ, которые его на этотъ день пригласили для подавнїя помощи. Онъ былъ на столько деликатенъ, что никогда не назначалъ себѣ размѣръ вознагражденїя и удовлетворялся тѣмъ, что ему давали. А давали ему очень немного. Однажды я встрѣтилъ его возвращающимся, по обыкновенїю, пѣшкомъ, домой, измученнаго и усталаго.

— Ну, что пане-конселяже, какъ ваши дѣла, есть заработки?— шутя спросилъ я его.

Вмѣсто всякаго отвѣта, старичекъ добродушно улыбнулся, запустилъ правую руку въ карманъ бывшаго на немъ пальто, нѣсколько разъ встряхнулъ этотъ карманъ и позвенѣлъ находящимся въ немъ металломъ; оказалось, что тамъ были такъ-называемыя по-польски «золтувки», т. е. пятналтынные, которыми евреи обыкновенно платили этому добряку за его визиты. И онъ безропотно принималъ уплачиваемые ему «золты» и довольно прилично содержалъ на эти деньги свою семью: жену, такую же добрѣйшую старушку, какъ и онъ самъ, дочь и сына. Иногда съ старичкомъ докторомъ бывали и промашки. Такъ, напримѣръ, пригласили его однажды на сосѣднїй сахарный заводъ отнять у рабочаго раздробленную машиной ногу; докторъ захватилъ съ собой нужные инструменты, прїѣхалъ къ искалѣченному чловѣку, захлороформировалъ его, отнял ногу, но ампутированный рабочїй уже не пришелъ въ чувство и не вернулся къ жизни—такъ сильно и неумѣло былъ онъ захлороформированъ...

Остальная «интеллигентная» публика города Хмільника представляла собою смѣсь племенъ, кастъ и состоянїй; тутъ были и поляки, и русскїе, и нѣмцы, и уроженцы Вессарабїи. У мужчинъ весь буднїй день распредѣлялся такъ: утромъ—служба, затѣмъ обѣдъ и сонъ; вечеромъ—

его страшнаго ремесла—ножами и ланцетами. Однажды, проходя по базару, я слышалъ, какъ одна деревенская баба давала, въ простотѣ души своей, слѣдующїй совѣтъ другой бабѣ, видимо больной, собиравшейся лечиться: „Не ходи, сердце, до Берки, а иди до Зуся: бо Берка беретъ 40 грошей (20 к.), а Зусъ только злотъ (15 к.), а крови больше выпускаетъ, чѣмъ той за сорокъ грошей...“ И все это происходило всего лишь въ 50-ти съ чѣмъ-то верстахъ отъ мѣста, гдѣ, въ невольномъ, вынужденномъ бездѣйствиї, жилъ и угасалъ яркїй свѣточъ науки и медицины, Николай Ивановичъ Широковъ, которому, въ Винницкомъ и Литвинскомъ уѣздахъ, Подольской губернїи, принадлежали два небольшихъ имѣнїя. Объ этихъ кровопусканїяхъ я писалъ, въ 1881 году, въ газету „Врачъ“; мою корреспонденцію перепечатали тогда почти всѣ русскїя газеты, но уменьшилась ли отъ этого ужасная дѣятельность базарныхъ вампировъ—не знаю.

карты и выпивка; жены ихъ—или занимались флиртомъ и адюльтеромъ, или ходили по городскимъ лавкамъ и, встрѣчаясь между собою, немилосердно сплетничали и злословили другъ другу. По праздникамъ—все то же, исключая служебныхъ занятій у мужчинъ, замѣняемыхъ по утрамъ традиционнымъ хожденіемъ въ церковь. И такъ изодня-въ-день... Все это постоянно ссорилось между собою, мирилось, кумилось, рождалось и грѣшило. Чиновники почти всѣ брали взятка, «батюшки» обирали прихожанъ, служащіе графа Л—ва пощипывали своего принципала, администрація сахарнаго завода—своихъ акціонеровъ-товарищей. Это былъ круговой грабежъ, со взаимною другъ для друга помощью и съ общею между собою завистью и ненавистью. Человѣку свѣжему, съ непривычки, тяжело было не только жить, но даже просто дышать въ этой атмосферѣ, и я не мало изумлялся, какъ могъ мой предѣстникъ, мировой судья Е*, человекъ несомнѣнно честный, прожить и прослужить въ Хмѣльникѣ четыре года!

Я скоро и легко ознакомился не только съ настоящимъ, но и съ прошлымъ всѣхъ хмѣльническихъ «интеллигентовъ», въ среду коихъ бросила меня судьба, ознакомился, благодаря ихъ же взаимному человеконенавистничеству. Попытаюсь набросать здѣсь нѣсколько фотографическихкихъ миниатюръ, болѣе типичныхъ и интересныхъ.

Въ административномъ и полицейскомъ отношеніяхъ городъ Хмѣльникъ былъ подчиненъ полицейскому надзирателю, очень маленькой величины по классу (X-му) своей должности, но довольно крупной по своему значенію и по данной власти: онъ былъ единственнымъ распорядителемъ въ городѣ съ 10-ти-тысячнымъ населеніемъ, имѣя у себя помощниками лишь нѣсколькихъ десятокихъ, набираемыхъ обыкновенно изъ отставныхъ солдатъ сомнительной репутаціи. Надзиратель въ Хмѣльникѣ завѣдывалъ базарами, слѣдилъ за благочиніемъ въ городѣ и безопасностью, ограждалъ жизнь и имущество обывателей, т. е. слѣдилъ за ночными караулами, тушилъ пожары, ловилъ воровъ, производилъ всѣ предварительныя дознанія по требованіямъ судебного слѣдователя, исправника и судьи, слѣдилъ за содержащимися арестантами и проч.; словомъ, это былъ комендантъ города, какъ его называли въ шутку хмѣльническіе интеллигенты. А такъ какъ этому «коменданту» предстоитъ играть въ моихъ воспоминаніяхъ довольно видную роль, то я и позволю себѣ остановиться на этой исключительной личности нѣсколько подробнѣе.

Во время моего прибытія въ Хмѣльникъ, комендантомъ въ немъ былъ маленькій, чернепкій человекъ изъ бессарабскихъ молдаванъ; но онъ скоро проштрафился въ чемъ-то и его убрали, причисливъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, къ губернскому правленію. На его мѣсто поступилъ одинъ изъ главныхъ героевъ моихъ воспоминаній,

титулярный совѣтникъ Шав—скій. Ему было уже лѣтъ подъ сорокъ, онъ былъ изъ поповичей Подольской губерніи и окончилъ когда-то курсъ въ Подольской духовной семинаріи, которая отличалась, по крайней мѣрѣ въ то время, отъ всѣхъ прочихъ российскихъ семинарій тѣмъ, что значительная часть ея воспитанниковъ не шла на духовное поприще, а поступала или въ чиновники, или въ политическіе заговорщики. Такъ, напримѣръ, главный контингентъ южно-русскихъ политическихъ преступниковъ, начиная съ разстрѣляннаго Ковальскаго (отецъ его былъ въ нашемъ Литинскомъ уѣздѣ священникомъ) и кончая цѣлымъ десяткомъ казенныхъ при кievскомъ генералъ-губернаторѣ Чертковѣ, были воспитанники этой семинаріи. Чиновники же выходили оттуда «совсѣмъ иного сорта»: изъ десяти девять, а я зналъ ихъ не малое количество, были отъявленные взяточники и негодяи, умѣвшіе отлично обдѣлывать свои житейскія дѣла и рѣдко когда попадавшіеся. Шав—скій былъ плодомъ, созрѣвшимъ на этомъ самомъ деревѣ. До своего назначенія въ Хмѣльникъ онъ перемѣнилъ уже нѣсколько мѣстъ, преимущественно по полиціи, и отовсюду былъ изгоняемъ, съ обычнымъ причисленіемъ къ губерискому правленію. Когда его послали изъ Каменца сюда на службу, то объявили ему, наконецъ, категорически, что это будетъ «послѣднее его мѣсто», и поэтому просили воздержаться отъ сугубаго лихоимства и хищничества; однако такое, истинно родительское попеченіе и предупрежденіе губернаторской канцеляріи нисколько не подѣйствовало на Шав—скаго, и онъ, едва только приѣхалъ въ Хмѣльникъ и вступилъ въ должность, какъ пошелъ по пути преступленій съ прежнимъ мужествомъ, натискомъ и отвагой. О большей части его преступленій я, къ сожалѣнію, узналъ уже впоследствии, когда оставилъ должность судьи; но и тѣхъ дѣлъ и «художествъ», которыя до меня своевременно доходили, было вполне достаточно, чтобы предать Шав—скаго полевому военному суду. Тѣмъ не менѣе, ему очень долго сходило все съ рукъ, благодаря, главнымъ образомъ, сильной протекціи въ губерискомъ городѣ, въ лицѣ родственника, поповича же, занимавшаго одинъ изъ видныхъ постовъ въ мѣстной администраціи и пользовавшагося особеннымъ благоволеніемъ тогдашняго губернатора М—ича ¹⁾. Не мало протезировалъ Шав—скому и отстаивалъ его и новый литинскій исправникъ, назначенный уже М—ичемъ.

¹⁾ Объ этомъ губернаторѣ не лишнее будетъ сказать нѣсколько словъ хотя въ примѣчаніи. Карьеру свою г. М—ичъ сдѣлалъ чрезвычайно быстро и неожиданно: всего нѣсколько лѣтъ назадъ М—ичъ былъ только председателемъ сѣзда мировыхъ посредниковъ въ Винницѣ, уѣздномъ городѣ той же Подольской губерніи; затѣмъ, когда въ высшихъ сферахъ Петербурга наступила мода на „свѣдущихъ людей“, М—ичъ, въ нѣсколько лѣтъ, проскочилъ въ губернаторы и попалъ какъ разъ въ Подольскъ. Будучи человекомъ хо-

Не прошло и мѣсяца со времени прибытія Шав—скаго въ Хмѣльникъ, какъ онъ, все разнюхавъ и ко всему присмотрѣвшись, завелъ здѣсь свои порядки. Надо знать, что во всемъ Юго-Западномъ краѣ, благодаря, главнымъ образомъ, евреямъ, страшно развито конокрадство—по крайней мѣрѣ, это было въ то время, когда я тамъ служилъ. Хмѣльникъ же находился въ центрѣ дорогъ изъ различныхъ сосѣднихъ городовъ и губерній—Волынской, Киевской, Подольской и Бессарабской, а также и близъ находящейся австрійской границы,—такъ что, напр., чтобы прогнать краденыхъ лошадей изъ Бердичева и Казатина (центральные пункты конокрадства) въ Подольскъ и къ австрійской границѣ, ихъ было, всего удобнѣе, гнать на Хмѣльникъ, который, во время распутицы, трудно было даже и объѣхать. До Шав—скаго, воровъ, главныхъ краденыхъ лошадей, конечно ночью останавливали въ городѣ обыкновенно десятскіе, получавшіе съ воровъ «отъ головы» по уговору. Уплативъ контрибуцію, воры располагались въ городѣ уже совершенно спокойно на отдыхъ до наступленія слѣдующей ночи; иногда воры, вмѣстѣ съ конями, проскакивали черезъ Хмѣльникъ безъ всякой даки, если десятскіе зазѣваются или просятъ. Шав—скій сталъ дѣлать иначе: въ первый же мѣсяцъ онъ захватилъ и представилъ по начальству 36-ть краденыхъ лошадей вмѣстѣ съ ворами, чѣмъ и навелъ на нихъ нанической страхъ. Тогда воры вступили съ нимъ въ формальный договоръ, обязавшись уплачивать по два рубля за каждую прогнанную черезъ Хмѣльникъ лошадь; для контроля за ворами онъ завелъ лазутчиковъ и шпионовъ изъ евреевъ же конокрадовъ, которые помельче плавали, и они акуратно увѣдомляли его, въ какую именно ночь, сколько и откуда будутъ прогонять черезъ Хмѣльникъ краденыхъ лошадей. За-

лостымъ и поселившись въ обширномъ губернаторскомъ домѣ, М—ичъ вскорѣ же изобрѣлъ одно гуманное предпріятіе, соединивъ пріятное съ полезнымъ, именно: онъ учредилъ въ своемъ домѣ нѣкій филантропическій дамскій клубъ; всѣ дамы, изъ тѣхъ конечно, мужья которыхъ, такъ или иначе, зависѣли отъ губернатора, приглашались собираться, въ праздничные и табельные дни, въ залы губернаторскаго дома, на легкіе ужины, съ различными работами и рукодѣльями, каковыя, по исполненіи ихъ, поступали частію въ общество Краснаго Креста, частію же въ устраиваемую, съ благотворительною цѣлью, лотерею: тутъ шили корпію для госпиталей и шили бѣнты, вышивались всевозможныя нязщныя и неизящныя вещи—подушки, гудфи, скатерти и проч. Но съ теченіемъ времени оказалось, какъ говоритса у Некрасова, что „не очень много шили тамъ—и не въ шитьѣ была тамъ сила.“ Главное, стало бросаться въ глаза быстрое „движеніе по службѣ“ тѣхъ именно чиновниковъ-мужей, супруги коихъ „не очень много шили“ на филантропическихъ soirées губернатора. Все это, наконецъ, дошло до Петербурга, и М—ичъ столь же быстро потерялъ свою дѣрберу, какъ и сдѣлалъ ее.

получивъ это свѣдѣніе, Шав—скій бралъ съ собою нѣсколькихъ десятскихъ, устраивалъ засаду и задерживалъ воровъ съ поличнымъ; затѣмъ, взявъ по два рубля съ лошади, онъ ихъ отпускалъ съ миромъ ¹⁾.

Второю доходною статью для «коменданта» были совершаемые въ городѣ то-и-дѣло кражи и даже грабежи, иногда очень значительные. Такъ, напр., вскорѣ послѣ назначенія Шав—скаго въ Хмільникъ, была ограблена и страшно избита вдова подполковника Ч—ская: у нея отняты были, на большую сумму, процентныя бумаги, серебро и всѣ золотыя и драгоценныя вещи; виновные, конечно, отысканы не были, но «гласъ народа» прямо указывалъ на Шав—скаго, что онъ-де лучше всѣхъ знаетъ, кто ограбилъ и гдѣ находится ограбленное имущество... Третьею доходною статью для этого полицейскаго виртуоза по части изобрѣтенія доходовъ были кабаки, тайные шинки, а также и различныя еврейскія лавки: кабаки платили за то, что въ праздничные дни и въ базарные отпирались съ разсвѣтомъ, а запирались въ полночь; шинки платили дань за то, что торговали безъ патентовъ; еврейскія же лавки уплачивали контрибуцію за то, что торговали, иногда, со старыми и «правами», а случалось, что и безъ всякихъ «правъ» и свѣдѣтельствъ, такъ какъ въ тѣ времена ни о какихъ податныхъ инспекторахъ не было и помину, а торговые права провѣрялись чиновникомъ особыхъ порученій казенной палаты, нарѣдка наѣзжавшимъ въ Хмільникъ и о времени прибытія коего Шав—скій всегда зналъ заранее и оповѣщалъ торговцевъ для пріуготовленія этому чиновнику особой, крупной дани, которая потомъ и раскладывалась, конечно, на насъ же, потребителей, въ видѣ легкой надбавки на всѣ продукты житейской необходимости. Платили Шав—скому евреи, укрывавшіеся въ городѣ отъ воинской повинности; платили лица, укрывавшіеся отъ суда и слѣдствія и показываемыя полиціею «неразысканными»; платили ему базары, тайные притоны проституціи. Самыми же крупными доходами Шав—скаго были рекрутскіе наборы: тутъ онъ и его жена являлись факторами при передачѣ иногда довольно значительныхъ суммъ кому

¹⁾ Конокрады въ Подольской губерніи устроили, въ концѣ концовъ, особое бюро (по примѣру существовавшихъ въ 1877 г. въ Гродненской губерніи), которое завело правильную конскую перепись помѣщичьимъ лошадямъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, и обложили всѣ фольварки и имѣнія опредѣленною ежегодною контрибуціею: помѣщикъ получалъ, по ночтѣ, анонимное приглашеніе вручить ворчмарю такому-то столько-то рублей „страховой преміи“ за своихъ лошадей; въ противномъ случаѣ, лошади будутъ-де уведены. Девять десятыхъ покорно отступались; неподатливые же на сдѣлку непременно лишались лошадей: рано или поздно, но ихъ крали. Всего богѣе, конечно, оплачивались своими лошадьми крестьяне, въ лѣтнее время, когда ихъ лошади пасутся въ „ночномъ“.

слѣдуетъ за забракovanje купеческихъ еврейскихъ сынковъ Хмельника и передавали, конечно, не все. Кроме того, Шав—скій бралъ крупные куши за каждую производящуюся въ городѣ неправильную постройку, за каждый пожаръ, устроенный съ цѣлью полученія страховой преміи. Ему платили дань всѣ фальшивые вѣсы и мѣры, и даже не мало дохода давали ему, впоследствии, я, грѣшный, самоперсонально, по своему невѣдѣнію. Дѣло въ томъ, что послѣ каждого базара, ко мнѣ въ камеру, на другой же день, съ позаранку, являлись, съ фонарями подъ глазами и кровоподтеками, мѣстные граждане и гражданки съ прошеніями въ рукахъ и съ требованіями вызвать всегда множество свидѣтелей; вначалѣ, я серьезно разбиралъ всѣ эти драки и буйства; это отнимало у меня массу времени совершенно непроизводительно и напрасно. Какъ я бывало ни старался примирить подравнявшихся, мнѣ это не удавалось; но, едва только я прочитывалъ приговоръ, коимъ присуждалъ къ штрафу или «къ высидѣ» главнаго инициатора буйства, какъ стороны уходили изъ камеры, направлялись въ тайный шинюкъ, притивпійся рядомъ, и тамъ мирились и напивались за счетъ обвиненнаго мною, который тогда уже охотно и скоро шелъ на миръ: онъ покупалъ водку, рассчитывая, что гораздо выгоднѣе пропить рубль—два, чѣмъ сидѣть въ кутузкѣ нѣсколько дней или недѣль. Случалось, что я не успѣвалъ еще окончить разборъ слѣдующаго дѣла, какъ стороны, уже примирившіяся по дѣлу предыдущему, вваливались, получивъшня, въ камеру и заявляли:

— Замирились, ваше в—діе!—говорилъ обвиненный.

— Уже! подтверждалъ, едва ворочая языкомъ, потерпѣвшій.

Тогда, чтобы прекратить это напрасное толченіе воды, я додумался до слѣдующаго судебного приѣма: терпѣливо разбиралъ жалобы этихъ подравнявшихся пьяницъ; затѣмъ, не подвергая никого никакому наказанію, за взаимностью обидъ и оскорбленій, я, тѣмъ не менѣе, приговаривалъ обѣ стороны къ штрафу отъ 10 до 25 рублей, а при несостоятельности къ семидневному аресту, или за нарушение общественной тишины и спокойствія, или за появленіе въ пьяномъ видѣ въ публичномъ мѣстѣ, такъ какъ всѣ эти драки, начинаясь въ кабацкѣ, оканчивались по обыкновенію на улицѣ. Пьяницы и драчуны, никакъ не ожидавшіе такого неблагополучнаго исхода дѣла, сильно были удивлены, конечно, но жалобъ въ сѣздъ не подавали, потому что надо было или ѣхать самимъ за 40 верстъ, или же нанять адвоката и платить ему, по заведенному порядку, деньги впередъ. И вотъ, какъ только приговоръ входилъ въ законную силу, я поручалъ полиціи привести его въ исполненіе; но тутъ всегда оказывалось, что большинство буяновъ несостоятельны и не могли, или же сами не желали уплатить такой чувствительный штрафъ, и имъ слѣдовательно предстояла «высидка».

Это-то и служило двойнымъ доходомъ для Шав—скаго: онъ, сначала, бралъ взятки за составленіе актовъ о «бѣдности» приговоренныхъ лицъ, а затѣмъ «сажалъ» ихъ въ кутузку и начиналъ съ ними новый торгъ, который уже велъ, какъ бы отъ своего имени, находящійся при арестантской ключникъ: каждый приговоренный облагался, по мѣрѣ своихъ средствъ и пропорціонально сроку ареста, опредѣленнымъ взносомъ, который былъ, конечно, въ нѣсколько разъ менѣе назначеннаго и о ю штрафа,—и выпускался на свободу; а черезъ недѣлю тамъ или черезъ двѣ, Шав—скій доносилъ мнѣ, что, согласно моему распоряженію, такіе-то и такіе-то мѣщане города Хмѣльника, оказавшіеся несостоятельными ко взносу штрафа, выдержаны, взаимнѣ, подъ арестомъ. Бумага подшивалась къ дѣлу, таковое считалось законченнымъ, и отправлялось на полку канцелярскаго шкапа. Этою мѣрою—обобщаго наказанія за драку—я добился, конечно, что у меня «пьяныхъ дѣлъ» убавилось больше чѣмъ наполовину; но за то у Шав—скаго образовалась прекрасная арендная статья, о которой я, больше года, не догадывался; когда, наконецъ, я узналъ объ этихъ продѣлкахъ и отправился, однажды, въ арестантскую провѣрить число находящихся подъ арестомъ людей, то засталъ тамъ лишь тѣхъ, что содержались подъ предварительнымъ арестомъ, по требованію судебного слѣдователя. Шав—скій сталъ было объяснять мнѣ, что онъ отпустилъ арестованныхъ людей «поужинать»... Тогда, я сказалъ ему прямо, что мнѣ хорошо извѣстно все дѣло, и я не спущу ему эту новую плутню, профанирующую и сводящую къ нулю мои судебные приговоры. Шав—скій выслушалъ меня не сморгнувъ глазомъ, и когда я кончилъ, спросилъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— Позвольте узнать, г. судья, сколько вы получаете содержанія? кажется, 2.700 руб. въ годъ?

— Да; что же изъ этого слѣдуетъ?

— А вотъ что-съ: вы получаете въ мѣсяцъ 225 руб., а я вотъ получаю 37 руб. съ копѣйками; а у меня тоже семья есть, да я еще обязанъ съ извѣстнымъ представительствомъ принимать исправника, и его помощника, и членовъ рекрутскаго присутствія, и всѣхъ губернскихъ чиновниковъ, приѣзжающихъ въ Хмѣльникъ. А кому отъ этого зло, если я отпущу домой поработать арестованнаго человѣка?...

Что можно было сказать противъ этого?!.. Я лишь попросилъ Шав—скаго прекратить на будущее время этотъ «доходъ»; онъ обѣщаль, но, какъ я узналъ послѣ, не исполнилъ все-таки своего обѣщанія. А въ это же время, какъ разъ, власть мировыхъ судей умалилась: отъ нихъ отнято было право дѣлать полиціи «предостереженія»; почти въ то же самое время полиціи, наоборотъ, дана была громадная власть: этому полицейскому надзирателю предоставлено было право ношенія

✱

пашки и револьвера, съ правомъ стрѣлять при самозащитѣ и даже при сопротивленіи арестуемыхъ.

Едва только дана была полиціи эта чрезмѣрная власть, какъ Шав—скій пошелъ по пути преступленій безъ всякой уже оглядки.

Однажды, я былъ въ гостяхъ у мирового посредника и засидѣлся до поздняго вечера. Дѣло было осенью, пошелъ дождь; своихъ лошадей я не держалъ, а извозчиковъ въ Хмѣльникѣ не существовало; просить лошадей у хозяина не хотѣлось. Какъ тутъ быть? а между тѣмъ квартира моя версты за двѣ слишкомъ. Шав—скій, бывшій въ числѣ гостей, предложилъ мнѣ свою лошадь, и я согласился; самъ же онъ оставался еще въ гостяхъ за картами и просилъ прислать ему лошадь обратно. Съѣлъ я и отправился домой; грязь отъ внезапно полившаго дождя образовалась уже порядочная, и пришлось тащиться шагомъ. Сталъ я, скуки ради, разговаривать съ возницей, и, къ удивленію, замѣтилъ, по выговору, что на козлахъ сидятъ еврей и что даже его голосъ мнѣ что-то знакомъ. На мой вопросъ по этому поводу, кучеръ-еврей отвѣтилъ, что не знаетъ меня вовсе. Когда экипажъ подъѣхалъ къ моей квартирѣ, и я взялся за кошелекъ, чтобы дать кучеру на чай, въ это время, на крыльцо вышла моя прислуга со свѣчей; подавая возницѣ мелочь, я нечаянно взглянулъ ему въ лицо—и просто, остолбенѣлъ: передо мною былъ извѣстнѣйшій воръ и конокрадъ Лейба Гиляръ, двѣ недѣли тому назадъ приговоренный, мною же, какъ рецидивистъ, къ годовому тюремному заключенію и подвергнутый, вслѣдъ за разборомъ дѣла, предварительному аресту при кутузкѣ Шав—скаго. Это былъ тотъ самый Гиляръ, который, будучи захваченъ на мѣстѣ преступленія въ м. Войтовцахъ полицейскимъ урядникомъ и преслѣдуемъ по пятамъ, прискакалъ верхомъ въ Хмѣльникъ, бросилъ на улицѣ лошадь, а самъ спрятался въ квартирѣ Шав—скаго, гдѣ и былъ взятъ...

А спустя всего нѣсколько дней послѣ этого казуса съ кучеромъ, Шав—скій продолжалъ слѣдующую преступную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшную штуку.

Верстахъ въ десяти въ сторону отъ Хмѣльника, прогоняли, кажется къ австрійской границѣ, большой, въ нѣсколько сотъ штукъ, гуртъ овецъ, заночевавшій на полѣ какого-то польскаго помѣщика съ его разрѣшенія. Случилось такъ, что чабаны (пастухи-гуртовщики) или сами напились съ вечера, или же ихъ умышленно подпоили въ содѣнной корчмѣ, но только, когда гуртъ тронулся утромъ съ мѣста, въ немъ оказался большой недочетъ—отхвачено было, за ночь, штукъ пятьдесятъ... Чабаны подняли тревогу, пообѣщавъ хорошій магарычъ мѣстнымъ крестьянамъ и уряднику, и тѣ живо нашли «слѣдъ»: бараны, какъ оказалось, были доведены, на своихъ ногахъ до дороги, а затѣмъ ихъ, повидимому, поклади на телеги и повезли. Идя слѣдомъ по

колеямъ колесъ—дѣло было осенью, во время легкихъ заморозковъ по ночамъ,—чабаны дошли до Хмѣльняка и даже пришли прямо на тотъ дворъ, съ самаго въѣзда въ городъ, куда повернули слѣды замѣченныхъ телегъ; домъ принадлежалъ рѣзнику еврею. Несмотря на наступившія сумерки, чабаны стали шарить и обыскивать по двору и нашли въ сараѣ слѣды свѣжей крови, а въ углу семь штукъ бараньихъ головъ, сложенныхъ въ кучку и прикрытыхъ соломой. Варанья туши и шкуры отъ этихъ семи штукъ воры успѣли уже куда-то спустить или припрятать, и чабаны ихъ не отыскали, равно какъ и остальныхъ похищенныхъ барановъ и овецъ. Улики были на-лицо, но еврея, конечно, заперлись, отругивались и шумѣли. Чабаны—нѣсколько человекъ рослыхъ и сильныхъ хохловъ—забрали все-таки найденныя ими бараньи головы и отправились къ полицейскому надзирателю. Пока они возились съ евреями, или гнѣшномъ черезъ весь городъ, да розыскивали квартиру Шав—скаго, онъ уже успѣлъ пообѣдать и улечься отдыхать; чабаны однако разбудили его, рассказали въ чемъ дѣло и попросили идти немедленно съ обыскомъ къ рѣзнику еврею и разыскать остальныхъ 40 слишкомъ штукъ пропавшихъ овецъ; но Шав—скій повелъ ихъ сначала въ свою канцелярію, помѣщавшуюся неподалеку, и всю дорогу охать и стонать, жаловаясь на свое недоровье и увѣряя хохловъ, что онъ лежалъ въ постелѣ не ради отдыха, а вслѣдствіе болѣзни. Между тѣмъ, въ его головѣ созрѣлъ совсѣмъ иной планъ, который онъ и привелъ очень ловко въ исполненіе.

Когда пришли въ канцелярію, въ ней было совсѣмъ темно: писца не было на-лицо, а дежурный десятскій спалъ на полу мертвымъ пьянымъ сномъ. Шав—скій самъ зажегъ огонь и, обратясь къ чабанамъ, сказалъ:

— Вы видите, наступаетъ ночь; нѣтъ ни писаря, ни десятскихъ, ни понятыхъ, и собрать ихъ всѣхъ теперь будетъ очень трудно; да и я совсѣмъ боленъ—едва-едва дошелъ съ вами сюда. Знаете: утро вечера мудренѣе; мы завтра составимъ актъ, сдѣлаемъ формальный обыскъ у воровъ и заарестуемъ ихъ, конечно; а ужъ они сами разыщутъ намъ всю остальную пропавшую. А теперь, вотъ что: давайте принесенныя вами головы, спрячемъ ихъ вотъ въ этотъ запертой чуланъ, гдѣ у меня хранятся вещественныя доказательства, отобранныя отъ воровъ и преступниковъ, запремъ этотъ чуланъ по прежнему и запечатаемъ его даже казенною печатью; затѣмъ, вы возьмете ключъ съ собою, а у меня будетъ печать.

Чабаны, голодные и совсѣмъ измученные продолжительною ходьбою и хлопотами съ самаго утра, согласились, сами внесли въ чуланъ всѣ семь бараньихъ головъ, присутствовали при запираніи дверей и нако-

женнн печатей на эти двери, получили ключъ отъ замка и ушли на отдыхъ на постоянный дворъ. На утро, собрались къ канцеляріи Шав—скаго чабаны, десятскіе, понятые; привеленъ былъ рѣзникъ еврей, въ домѣ котораго нашли поличное, а на улицѣ собралась тысячная толпа евреевъ, сильно галдѣвшая и ругавшая несчастныхъ хохмовъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Наконецъ, явился въ канцелярію полицейскій надзиратель, пригласилъ чабановъ и понятыхъ осмотрѣть цѣлость замка и печатей, взялъ ключъ, отперъ дверь, снялъ печати и, въ сопровожденіи тѣхъ же чабановъ и понятыхъ, вошелъ въ чуланъ... Когда чабаны взглянули въ уголокъ, гдѣ, наканунѣ, сложены были бараньи головы и взялись—было за нихъ, чтобы вынести въ канцелярію, то тотчасъ же выпустили ихъ изъ рукъ, заорали благимъ матомъ и выскочили изъ чулана: оказалось, что въ углу лежали дѣйствительно семь головъ, но только это были не бараньи головы, а козлиныя, съ длинными бородами и страшными рогами.

— Чуръ насъ, чуръ! да воскреснетъ Богъ!.. — шептали трясущіеся отъ ужаса хохмы, когда Шав—скій и понятые, забравъ изъ чулана козлиныя головы, преподнесли ихъ чабанамъ.

— Какъ же вы вчера увѣряли меня, что у васъ пропали бараны? Пьяные, что ли, вы были?—грозно наступилъ на нихъ Шав—скій.

— Это, пане добродію, не наши головы, а козлиныя, отвѣчали переконфуженные хохмы.

— Конечно, козлиныя, заговорилъ еврей—рѣзникъ: это головы тѣхъ козловъ, которыхъ я вчера рѣзалъ у себя на дворѣ; у меня и теперь шкуры висятъ. А эти «кацапы», якъ дурные, прибѣжали на мой дворъ, надѣлали «гвалту», схватили козлиныя головы и унесли. Я вижу, что они—пьяные, и не сталъ съ ними биться; а нынче, самъ хотѣлъ идти къ вамъ жаловаться, господинъ надзиратель.

— Такъ вы, канальи, шуточки со мной вздумали шутить?—грозно надвинулся на чабановъ Шав—скій.

— Да вы же сами, ваше благородіе, вчера видѣли, что это были бараньи головы.

— Я ничего не видѣлъ, брешете вы, пьяницы! Это было вечеромъ, въ потьмахъ: вы подняли меня, большого, и я, черезъ силу, пошелъ съ вами; вы сами принесли эту мерзость и положили сюда, я заперъ дверь при васъ, отдалъ даже вамъ ключъ, наложилъ при васъ печати, и вотъ что вышло! Вонъ, скоты! слѣдовало бы васъ арестовать за такую штуку, чтобы вы меньше пьянствовали, получше караулили свой гуртъ, да не дѣлали бы обысковъ у честныхъ людей.

Чабаны рады-рады были, что цѣлы ушли отъ Шав—скаго и что ихъ не заарестовали.

Однако, исторія эта разнеслась все-таки по городу, попала даже въ печать (въ «Кіевлянинѣ»), и Шав—скій всякій разъ чувствовалъ маленькую неловкость, когда въ его присутствіи кто-нибудь упоминалъ о бараньихъ головахъ, превратившихся, за ночь, въ козлиныя. «Превращеніе» это дало ему, какъ говорили потомъ въ Хмільникѣ, немалую «благодарность» отъ воровъ, избавившихся, такимъ образомъ, и отъ тюрьмы, и отъ возмѣщенія убытковъ за полсотни украденныхъ барановъ.

Исторія эта сошла Шав—скому съ рукъ благополучно, несмотря даже на корреспонденцію въ «Кіевлянинѣ», газетѣ полуофициальной: въ Каменцѣ лишь посмѣялись надъ всею этою исторіей—и только.

У меня, лично, вышло съ Шав—скимъ столкновеніе совсѣмъ по другому поводу.

Однажды, весною, я услышалъ на улицѣ страшный шумъ и гвалтъ; нѣсколько секундъ спустя въ мою квартиру вбѣжалъ блѣдный, какъ смерть, мой разсѣянный (и сторожъ въ камерѣ) Андрей, запасный унтеръ-офицеръ, и сообщилъ, едва переводя дыханіе, что его укусила бѣшеная собака. Оказалось, что онъ понесъ въ канцелярію Шав—скаго мой пакетъ, сдалъ его, и едва только вышелъ на улицу, какъ на него набросилась большая пестрая собака, по всѣмъ примѣтамъ бѣшеная, и укусила въ плечо ¹⁾).

— Собака эта бѣгаетъ теперъ по улицамъ и кидается на людей,—добавилъ Андрей.

— Что же ты не забѣжалъ къ надзирателю, не сказалъ?

— Да я забѣгалъ, да не засталъ ихъ: они, говорятъ, у слѣдователя сидятъ.

Я схватилъ двухствольное ружье, быстро зарядилъ его крупною дробью, и, какъ былъ одѣтъ, такъ и выскочилъ на улицу, въ сопровожденіи того же Андрея, которому далъ револьверъ. Гулъ и крики гнавшася за собакой народа были уже далеко, шагахъ въ 600, за училищемъ, находившимся рядомъ съ моею квартирой. Я послалъ Андрея вызвать Шав—скаго, а самъ пошелъ по направленію шума. Едва посланный отошелъ отъ меня шаговъ на 200, какъ я увидѣлъ, что прямо на меня по улицѣ, опустивъ голову внизъ и высунувъ черный языкъ, бѣжитъ большая пестрая собака, а за нею, шагахъ отъ нея въ 200, народъ съ палками, вилами и граблями. Я прислонился къ деревянному забору

¹⁾ Моего разсѣянаго я еще двухъ человекъ, укушенныхъ тогда же, вела лечить мѣстная жительница, цыганка: она распаривала въ банѣ укушенные мѣста, прикладывая къ нимъ какія-то травы, и, такимъ образомъ, вылечила очень успѣшно всѣхъ трехъ укушенныхъ людей.

улицы и вскинулъ ружье къ плечу; собака, словно замѣтивъ это, повернула отъ меня шагахъ въ 70-ти, подъ прямымъ угломъ, въ сторону. Ружье у меня было надежное, стараго Мортимера, и я выстрѣлилъ... Собака споткнулась немного, но тотчасъ же справилась и побѣжала дальше, сильно пригибаясь къ землѣ, несомнѣнно, раненая. Выстрѣлить второй разъ я не рѣшился: ружье было шомпольное, заряжающееся не скоро, я могъ не попасть, а между тѣмъ собака могла повернуть назадъ, на меня. Гнавшіеся за нею люди побѣжали по ея слѣдамъ; я тоже побѣжалъ за ними, но, не будучи въ силахъ долго бѣжать отъ охватившаго меня волненія, отсталъ и пошелъ тихо. Шаговъ за 800 отъ меня раненая собака легла, мѣщане подбѣжали и добила ее. Когда все уже было покончено, и я возвращался домой, мнѣ навстрѣчу попался Андрей и объяснилъ, что нашелъ надзирателя въ квартирѣ слѣдователя, но что Шав—скій отказался на-отрѣвъ идти на мое приглашеніе. Меня это взорвало: я, какъ былъ, съ ружьемъ въ рукахъ, зашелъ къ слѣдователю, засталъ тамъ Шав—скаго, благодушествоващаго за выпивкой и закуской, и споряча сталъ выговаривать ему за непростительное равнодушіе къ дѣйствию, которое произошло у него, такъ сказать, подъ носомъ. Но этотъ человѣкъ былъ всегда хладнокровенъ и спокоенъ.

— Позвольте вамъ объяснить, что я не гѣцель ¹⁾, который долженъ убивать собакъ на улицахъ, отвѣтилъ онъ, и вы не имѣете права замѣчать мнѣ, что я этого не выполняю.

— Въ такомъ случаѣ, я напишу губернатору, пригрозилъ я, и пусть онъ рѣшитъ: обязаны вы были или нѣтъ, услышавъ шумъ и выстрѣлъ и узнавъ отъ моего посланнаго въ чемъ дѣло, выйти на улицу и позвать своихъ, вооруженныхъ шапками десятскихъ, или же вы имѣли основаніе сидѣть вотъ тутъ и преспокойно бражничать.

Съ этими словами я вышелъ, рѣшившись дѣйствительно просить губернатора убрать Шав—скаго изъ Хмѣльника. Но, часъ спустя, ко мнѣ зашелъ его «другъ дома», судебный слѣдователь, и сталъ просить не писать ничего въ Подольскѣ, такъ какъ Шав—скій былъ у него, будто-бы, по дѣламъ службы и никакого шума, даже и выстрѣла, не слышалъ; по приглашенію же, переданному ему моимъ посыльнымъ, не вышелъ просто потому, что у него не было съ собой ни шапки, ни револьвера.

А вечеромъ, въ тотъ же день, ко мнѣ заѣхалъ достопочтенный и всеми уважаемый священникъ Хмѣльника, костромичъ о. В—скій,

¹⁾ „Гѣцелями“ зовутъ въ Варшавѣ, а также и во всемъ Западномъ краѣ, особыхъ ловчихъ, которые истребляютъ бродячихъ собакъ на улицахъ.

честная и милая личность, и спросилъ меня: намѣренъ ли я въ самомъ дѣлѣ жаловаться губернатору на Шав—скаго; и когда я ему сказалъ, что «да», то онъ сталъ убѣждать меня, съ своей стороны, не дѣлать этого, говоря, что Шав—скій просилъ его отклонить меня отъ этого намѣренія.

— Шав—скаго, по вашей жалобѣ, могутъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ уволить, и вы причините зло и ему, и церкви. Положимъ, онъ жуликовать и лихоимецъ....

— Позвольте, батюшка, церковь-то тутъ при чемъ?—удивился я.

— А вотъ при чемъ,—проговорилъ, лукаво улыбаясь, о. В—скій:—Шав—скаго если уволить, то едва-ли уже дадутъ вновь мѣсто, и ему, по его словамъ, остается тогда одно—идти въ священники.

— Что вы, батюшка! Шав—скому, этому, по вашимъ же словамъ, жулику и лихоимцу, идти въ священники! да и какое же, наконецъ, онъ имѣетъ право?

— Полнѣйшее: онъ окончилъ курсъ семинаріи и, кромѣ того, будетъ имѣть протекцію у владыки.

Я только руками развелъ.... Въ тотъ памятный вечеръ, разговоръ мой съ о. В—скимъ окончился тѣмъ, что я далъ ему обѣщаніе «бросить это дѣло». Потомъ я глубоко сожалѣлъ, что, имѣя случай избавиться отъ Шав—скаго, не сдѣлалъ этого: много еще причинилъ зла этотъ безшабашный лихоимецъ мирнымъ и терпѣливымъ жителямъ Хмѣльняка. Окончилъ онъ все-таки большими приключеніями: еврей, фельдшеръ Зуся Герцъ, выведенный изъ терпѣнія какою-то наглостью и вымогательствами Шав—скаго, надавалъ ему на улицѣ, публично, пощечинъ и сбросилъ въ грязь его форменную фуражку. Исторія эта попала въ «Кіевлянинъ», и ее никакъ нельзя было замазать, къ вѣщему горю потерпѣвшаго, который успѣлъ уже взять съ Зуся, чрезъ фактора Нусима Лившица, 50 руб., въ видѣ задатка, и торговался о суммѣ дальнѣйшаго вознагражденія за свое «безчестье». Началось «дѣло»—по обвиненію еврея въ оскорбленіи полицейскаго чиновника дѣйствіемъ, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, и бѣднаго Зуся, уплатившаго даромъ 50 рублей, упрятали въ смиренный домъ; самое же «дѣло» обратило на Шав—скаго вниманіе новаго губернатора, который, ознакомившись съ исключительною и преступною личностью «коменданта», тотчасъ же уволить его отъ должности и службы безъ прошенія. Тогда Шав—скій принялся за адвокатуру, но и на этомъ поприщѣ ему не повезло: всѣ знали его за плута и остерегались довѣряться. Долго онъ бѣдствовалъ и кланчилъ, занимая по рублю «до завтра»; долго жена его докучала начальству о «пособіяхъ», и наконецъ-таки онъ попалъ на тотъ путь, который имѣлъ у себя въ резервѣ: много лѣтъ спустя, послѣ

оставленія мною должности мирового судьи, я узналъ, совершенно случайно, что Шав—скій преблагополучно священствуетъ, получивъ мѣсто въ какомъ-то большомъ селѣ, вблизи Каменца.... Неудивительно поэтому, что простой русскій народъ, да и не одинъ простой, уходитъ и въ штунду, и въ молокане, и во всякую иную ересь: уходитъ онъ, чаще всего, не изъ потребности переимѣнить свои религіозныя вѣрованія,—въ большинствѣ, довольно неопредѣленные и туманныя,—а лишь изъ желанія переимѣнить «отцовъ духовныхъ», которыхъ не въ силахъ перенести каждое, мало-мальски честное и вѣрующее сердце.

И. Н. Захарьинъ (Якунинъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ прошлаго Россійскаго консульства въ Яссахъ.

(Матеріалы къ исторіи сношеній нашихъ съ Турціею).

I.

Начатая Турціею въ 1769 году война противъ Россіи, по наущенію французскаго посла въ Царьградѣ и Барскихъ конфедератовъ, печально окончилась для имперіи Османовъ. 10-го іюля 1774 года въ мѣстечкѣ Кючюкь-Кайнарджи ¹⁾, расположенномъ на правомъ берегу Дуная, въ 60-ти верстахъ отъ Силистріи, посланный главнокомандующимъ русскихъ войскъ генераль-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ генераль-поручикъ князь Репнинъ подписалъ съ турецкими уполномоченными продиктованный имъ трактатъ, поднявшій вскорѣ не малый переполохъ во всей Европѣ. Было изъ-за чего переполошиться: разгромленная Турція лежала у ногъ русской монархини.

Основныя положенія этого трактата, подтвержденныя послѣдующими соглашениями, вопреки интригамъ европейскихъ государствъ, напуганныхъ пріобрѣтенною Россіею надъ Турціею властью, просуществовали до 1856 года, когда объединившаяся (правда, не безъ труда) Европа, послѣ кровопролитной войны, выбила Россію изъ занятаго ею положенія по отношенію къ мусульманскимъ владѣніямъ Порты.

Сама Турція, постигшая всю степень подчиненности по отношенію

¹⁾ Турки и пишутъ и прозвоняютъ «Кючюкь», а потому мы предпочитаемъ его слову Кучукъ.

въ Россіи и тяготясь положеніемъ, въ которое ее ввергла неудачная война, не замедлила всякими способами отбиваться отъ точнаго и немедленнаго выполненія обязательствъ, вытекавшихъ изъ помянутаго трактата, частью успѣшно, частью безуспѣшно, и вдохнула свободно (какъ ей казалось) лишь послѣ парижскаго трактата.

Въ описываемую нами эпоху, то есть тотчасъ по заключеніи въ 1774 году мира, Порту особенно смущали выговоренныя Россією права вступаться официально за христіанскихъ подданныхъ черезъ російскихъ посланниковъ при блистательной Портѣ. Но смущеніе ея достигло крайнихъ предѣловъ, когда русское правительство, опираясь на предложенное ему Кючукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ право, назначило генеральнаго консула въ Придунайскія княжества.

Артикулъ 11-ый Кючукъ-Кайнарджійскаго договора, касающійся обоюдныхъ попеченій о торговлѣ и мореплаваніи, между прочимъ гласилъ: «а дабы во всемъ былъ наблюдаемъ добрый порядокъ, равнымъ образомъ блистательная Порта позволяетъ имѣть пребываніе консуламъ и вице-консуламъ, которыхъ Россійская Имперія во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они признаны будутъ надобными, назначить заблагоразсудить».

Правомъ своимъ русское правительство воспользовалось не сразу; первое время вслѣдъ за подписаніемъ мирнаго договора оно было занято хлопотами по сбору и обратному отправленію въ Россію участвовавшихъ въ кампаніи войскъ, болѣе или менѣе разбросанныхъ по ту и другую сторону Дуная. Затѣмъ оно вынуждено было все вниманіе свое сосредоточить на крымскихъ дѣлахъ.

По статьѣ третьей договора Крымъ былъ взятъ изъ турецкаго владѣчества и объявленъ независимымъ подъ самодержавною властью собственнаго хана изъ поколѣнія Чингиса. Турки не могли свыкнуться съ мыслью о потерѣ этой области, доселѣ служившей надежнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ Россією. Возбужденіе турецкаго населенія имперіа, тяготившагося условіями договора, достигло крайней степени, и великій визирь прямо заявилъ, что если Крымъ не поступитъ снова подъ власть Турціи и если Россія не возвратитъ Керчи и Еникале, то миру долго не продержаться. Вскорѣ затѣмъ Порта прогнала изъ Крыма хана Сахимъ-Гирея, покровительствуемаго Екатериною, и война едва не возгорѣлась снова. При посредничествѣ Франціи дѣло было улажено и подписано новое соглашеніе (1779) извѣстное подъ названіемъ «Convention explicative», въ общемъ подтверждавшее условія Кючукъ-Кайнарджійскаго договора.

Лишь по совершенномъ улаженіи крымскихъ дѣлъ Екатерина признала возможнымъ послать консула въ Придунайскія княжества и назначила на эту должность Сергѣя Лазаревича Лашкарева, служившаго прежде при нашей миссіи въ Константинополь.

По указу императрицы, государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ снабдила Лашкарева пространною инструкцію, помѣченною 10 февраля 1780 года, и приказала ему ѣхать къ нашему посланнику въ Константинополь.

Въ инструкціи этой, посвященной указаніямъ о томъ, какъ блюсти интересы русскихъ торговыхъ людей и русскихъ подданныхъ вообще, какъ охранять достоинство своего званія, какимъ порядкомъ возвращать въ Россію бѣглыхъ и проч., особенное значеніе имѣетъ пунктъ 7-й, который гласитъ:

«Сверхъ доношеній, сюда по дѣламъ касающимся до торговъ нашихъ подданныхъ, находясь вы въ областяхъ Оттоманской Порты, ближе къ російскимъ границамъ лежащимъ, имѣете неусыпно наблюдать все тамо происходящее, а особенно развѣдывать о движеніяхъ турецкихъ войскъ и о починкѣ крѣпостей и другихъ всякихъ къ войнѣ относящихся приутовленій, и обо всемъ сюда немедленно и точно доносить. Равномѣрно надлежитъ вамъ стараться примѣчать и за поведеніемъ обонхъ государей, изъ которыхъ волошскій всегда увѣрялъ высочайшій дворъ въ своей преданности, а молдавскій, напротивъ того, понинѣ всячески, повидимому, удаляется отъ онаго; но какъ вы обонхъ, по бытности ихъ драгоманами Порты, довольно знаете, то и можете симъ обстоятельствомъ воспользоваться къ снисканію ихъ довѣренности и къ обращенію оной въ пользу дѣлъ».

Порта съ понятною съ ея стороны подозрительностію отнеслась къ заявленію нашего посланника о предстоящемъ назначеніи русскаго генеральнаго консула въ княжество. Область эта, населенная народомъ, единоувѣрнымъ русскому, была погранична съ нашими владѣніями и пользовалась нѣкоторыми привилегіями въ дѣлахъ внутренняго управленія, такъ что русскій консулъ могъ занять въ ней исключительное положеніе, тѣмъ болѣе что другихъ консуловъ (французскаго и англійскаго) въ ней еще не было.

Ни на господрей (фанаріотовъ), хотя ея самую избираемыхъ, ни тѣмъ менѣе на бояръ валахскихъ и молдаванскихъ Порта особенно не рассчитывала и какъ бы предчувствовала, что съ прибытіемъ въ княжества агента русскаго правительства ея ховайничанью въ этихъ областяхъ по-турецки будутъ воздвигаемы постоянныя препятствія.

Тѣмъ временемъ (въ іюнь 1780) Лашкаревъ прибылъ въ Константинополь. Уже изъ перваго донесенія его въ коллегію иностранныхъ дѣлъ можно судить о тѣхъ мытарствахъ, черезъ которыя долженъ будетъ пройти вопросъ о его признаніи въ званіи русскаго генеральнаго консула. Приводимъ это донесеніе цѣликомъ; оно живо изображаетъ переполохъ Порты и первая попытка совершенно отклонить требованіе Россіи

Прошедшаго іюня 12-го дня писалъ Лашкаревъ¹⁾,—прибыль я въ Константинополь и, являсь у его высокородія господина чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Александра Стахіевича Стахіева, отдалъ врученныя мнѣ пакеты.

«А послѣдующаго затѣмъ іюля 2-го числа господинъ посланникъ, взявъ меня съ собою, ходилъ въ загородной домъ къ рейсъ-эфенди²⁾, гдѣ и объявилъ, что я отъ высочайшаго двора назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, то дабы потому Порта, признавъ меня въ томъ достоинствѣ, учинила съ своей стороны должное признаніе. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что Порта никакъ на сіе согласиться не можетъ, чтобы Россія имѣла своихъ консулей тамъ, гдѣ прочія дружелюбныя державы никогда не имѣли, да и нынѣ не имѣютъ, ибо сіе противно мирнымъ артикуламъ, въ которыхъ не показано именно, чтобъ въ Молдавіи, въ Валахіи и Бессарабіи быть російскому консулю; онъ тутъ и другіе свои невѣстныя представлялъ резоны, которые государственная коллегія иностранныхъ дѣлъ усмотрѣтъ соизволить изъ настоящихъ депешей господина посланника Стахіева. На что его высокородіе ясно доказывалъ, что они ошибаются, и противятся въ томъ, когда трактатъ гласитъ: во всѣхъ нужныхъ мѣстахъ имѣть консулей.

«Между прочими партикулярными разговорами, рейсъ-эфенди отозвался партикулярно господину посланнику, что Порта, опасаясь какого-либо безпокойствія отъ бояръ двухъ княжествъ и возмущенія отъ находящихся въ Бессарабіи гарнизоновъ, не можетъ на то согласиться. Тогда господинъ посланникъ сказалъ, что онъ сего никакъ не можетъ ко двору своему писать, что Порта опасается своихъ гарнизоновъ и подданныхъ обоихъ княжествъ. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, хочеть-ли господинъ посланникъ, чтобы я велѣлъ отрубить какъ обѣимъ князьямъ, такъ я всѣмъ боярамъ головы и привести сюда.

«Спустя нѣсколько дней со стороны господина посланника ходилъ я къ рейсъ-эфендию (по дѣлу одного нѣжинскаго купца), который, принявъ меня весьма ласково, и между прочими разговорами всевозможнымъ образомъ уговаривалъ, чтобы я отказался отъ своего консульства, увѣряя, что Порта исходательствуетъ выгоднѣйшее сего консульства мѣсто. Я вкратцѣ ему отвѣчалъ, что онъ напрасно изволитъ оспаривать то, что трактатъ ясно гласитъ, чтобы имѣть Россіи своихъ консулей во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надобность и коммерція потребуеть. съ чѣмъ отъ него и вышелъ».

¹⁾ Изъ Буюкдере іюня 26-го дня 1780 г. Буюкъ-дере—лѣтняя резиденція русскаго посланника, на Европейскомъ берегу Босфора.

²⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ Порты.

Въ переговорахъ или, вѣрнѣе, въ разговорахъ подобныхъ вышеприведеннымъ прошло не мало времени. Лишь шесть мѣсяцевъ спустя по приѣздѣ Лашкарева въ Константинополь, Порты изъявила согласіе на признаніе его генеральнымъ консуломъ въ княжествахъ и Бессарабіи. Этимъ однако дѣло не кончилось и возникли новые переговоры, благодаря отказу Порты назначить консулу резиденцію въ княжествахъ и предложенію ему поселиться въ Силистріи.

16-го декабря 1780 года Лашкаревъ доносилъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ:

«Порта по долговременномъ своемъ невѣстномъ упорствѣ согласилась принять меня генеральнымъ консуломъ въ Молдавіи, Валахи и Бессарабіи, съ тѣмъ чтобы имѣть мою резиденцію въ Бессарабіи (городъ которой Порты избереть), на что господинъ посланникъ отвѣчалъ рейсъ-эфендію, (что) для способности комерціи резиденція консула не можетъ быть ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, какъ въ одномъ изъ двухъ княжествъ и ни на какое другое мѣсто согласиться не можетъ. Рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что Порты не можетъ позволить имѣть консулей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не находятся магометанскаго закона судьи, а князья не что иное какъ единственно для собранія податей и разобранія дѣлъ между подданными ¹⁾. Посланникъ увѣрялъ рейсъ-эфендія, что когда обстоятельство воспослѣдуетъ, то всѣ письменныя дѣла консулъ будетъ производить въ городахъ, управляемыхъ судьями магометанскаго закона; но рейсъ-эфенди говорилъ, что онъ сего предложенія ни подъ какимъ образомъ принять не можетъ... Наконецъ рейсъ-эфенди просилъ дружески посланника, чтобы онъ о томъ писалъ ко двору, и что онъ уповаетъ, что высочайшій російскій дворъ согласится на таковое Порты предложеніе.

«На третій день послѣ конференціи былъ я съ господиномъ посланникомъ у французскаго посла кавалера де С.-Приеста (Chevalier de S.-Priest), который со стороны Порты объявилъ ²⁾ что Порты соглашается дать брать ³⁾ на консульство съ означеніемъ для резиденціи городъ

¹⁾ Въ расчетъ Порты входило умалить значеніе господарской власти въ областяхъ, хотя и вассальныхъ, но, благодаря разнымъ трактатамъ и гаттишерифамъ, представлявшимъ во всякомъ случаѣ болѣе самостоятельныя административныя единицы, нежели прочіе пашалыки имперіи. А. Г.

²⁾ Въ ту пору Франція, въ силу трактатовъ съ Турціею, пользовалась выдающимся, по сравненію съ прочими европейскими державами, положеніемъ при блистательной Портѣ; въ данномъ случаѣ вѣнательство французскаго посла въ переговоры русскаго посланника съ рейсъ-эфендіемъ объясняется кромѣ того неофіціальнымъ участіемъ, которое принимала Франція въ заключеніи Кючукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора и ея офіціальнымъ положеніемъ союзника имперіи османовъ. А. Г.

³⁾ Ezechatur, въ европейскихъ державахъ.

А. Г.

Силистру, гдѣ пребываетъ трехбунчукный паша и сераскѣръ (сера-скиръ) всей Бессарабіи. Я отвѣчаю послу, что безъ дозволенія двора моего къ такой отъ Порты пропозиціи приступить не могу...

«...А Силистра лежитъ по сію сторону Дуная, откуда я по коммерціи долженъ временно находиться въ обоихъ княжествахъ и въ Бессарабіи, а господинъ паша въ переѣздѣ мнѣ будетъ препятствовать, или дружески будетъ всегда спрашивать, зачѣмъ я хочу ѣхать..., а въ другомъ времени и совсѣмъ воспрепятствуетъ переѣзжать на ту сторону, предъавляя, что, какъ онъ главный командиръ, во всемъ можетъ мнѣ дать сатисфакцію....»

Лашкаревъ придавалъ особое значеніе свободѣ передвиженія своего, на случай если бы русское правительство согласилось съ предложеніемъ Порты назначить для резиденціи русскаго консула Силистрію.

Одновременно съ донесеніемъ въ коллегію онъ пишетъ графу Панину (отъ 16-го декабря 1780).

«Въ надеждѣ вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ покровительства приѣмлю смѣлость донести, что когда всевысочайшій дворъ согласится имѣть мнѣ резиденцію въ Силистріи, то неотимѣнно нужно, чтобы Порта дала свое повелѣніе къ находящемуся тамъ пашѣ не препятствовать мнѣ въ переѣздѣ со всею свитою въ оба княжества и въ Бессарабію во всякое время, когда я за нужно почту... и которое надобно, чтобы Порта утвердила письменно, ибо у турокъ что единожды выторгуешь, то напередъ будетъ служить образомъ закона. Хотя французскій посолъ увѣряетъ о свободномъ моемъ пребываніи, но я не могу надѣяться, чтобы онъ былъ болѣе нашъ другъ, нежели Оттоманской Портѣ».

Два дня спустя послѣ отправленія этого донесенія Лашкаревъ извѣщаетъ коллегію, что Порта вручала русскому посланнику брать «съ великою поспѣшностью» и что, по его мнѣнію, она переимѣнитъ его впоследствии и согласится на требованіе русскаго двора назначить резиденцію консула въ княжествахъ, «ибо она (Порта) теперь гораздо становится унылѣе по причинѣ смерти римской императрицы ¹⁾, опасаясь новой войны или нѣкоторыхъ требованій со стороны владѣющаго императора».

Но какъ ни стала Порта «уныла», она продолжала сопротивляться требованію русскаго правительства, прибѣгая къ всевозможнымъ уверткамъ; такъ, втихомолку отъ посланника, она отправила своего курьера въ С.-Петербургъ (іюнь 1781), въ надеждѣ упросить императрицу не настаивать на томъ, чтобы резиденція русскому консулу была назначена въ княжествахъ. Хотя этой послѣдней попыткѣ предстоялъ такой же

¹⁾ Марія-Терезія.

неусибахъ, какъ и предшествующимъ, тѣмъ не менѣе она опять затянула дѣло и на цѣлыхъ полгода. Лишь 13-го декабря Лашкаревъ имѣеть возможность донести объ окончательномъ рѣшеніи дѣла.

«По долговременному невѣстному упорству Порты, наконецъ, по дѣлу моему согласилась на всѣ тѣ кондиціи, которыя всевысочайшій дворъ требовалъ, въ силу мирнаго трактата, и сего 10-го числа выдала брать и циркулярный въ надлежащія мѣста ферманъ, а по требованію моему назначила для резиденціи городъ Бухарестъ съ безпрепятственнымъ переѣздомъ во всѣ, консульству моему опредѣленныя, мѣста со всею моею свитою».

Въ январѣ 1782 г. Лашкаревъ прибылъ въ Бухарестъ и до 1787 г. (т. е. до новаго разрыва съ Турціею), русскій консулъ попеременно жилъ то въ Бухарестѣ, то въ Яссахъ. Лишь по возобновленіи сношеній въ 1792 г. Яссы сдѣлались резиденціею русскаго консульства.

Въ Бухарестѣ остался вице-консулъ, и такой порядокъ просуществовалъ до войны, предшествовавшей Адрианопольскому мирному договору (1829 г.). Другъ отъ друга не зависящія, ставшія подъ протекторатъ русской державы, княжества, получили органическій уставъ, выработанный графомъ Киселевымъ, и въ каждое изъ нихъ русское правительство назначило отдѣльнаго консула; Бессарабія же, какъ извѣстно, уже съ 1812-го года перестала быть турецкою провинціею и стала нераздѣльною областію Россіи.

II.

Еще переговоры о признаніи Лашкарева въ его званіи не были окончены и не рѣшенъ былъ вопросъ о мѣстѣ его резиденціи, а уже Екатерина подписывала указъ, которымъ возлагалось на русскаго консула въ княжествахъ весьма щекотливое порученіе, совсѣмъ внѣ области «коммерціи», польза которой приводилась русскими дипломатами, въ ихъ официальныхъ переговорахъ съ Портою, какъ единственный предметъ попеченія со стороны будущихъ представителей русской власти въ турецкихъ провинціальныхъ областяхъ.

Приводимъ этотъ указъ цѣликомъ.

Указъ нашему генеральному консулу въ Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, коллежскому ассессору Лошкареву.

Прилагается при семъ копія прошенія, намъ подавнаго отъ бывшаго въ Архипскомъ *) монастырѣ архимандрита Дамаскина объ употребленіи старанія въ пользу его, отца и брата его, содержащихся въ узакъ въ Бухарестѣ,

*) Старинный мужской монастырь въ Валахіи.

объ освобожденіи ихъ и о выручкѣ имѣнія ихъ, разграбленнаго и разными образами расхищеннаго. Въ уваженіи на отличное усердіе его къ службѣ нашей, оказанное во время послѣдней войны, мы, желая подать ему всякое благопрістойное пособіе, повелѣваемъ вамъ употребить всемѣрное стараніе ваше, чтобъ помянутые отецъ и братъ его освобождены и отпущены были на волю съ возвращеніемъ имѣнія, имъ и архимандриту Дамаскину принадлежащаго; да и не оставьте подать имъ помощь, чтобъ они могли, по желанію ихъ, переселиться въ Россію, безопасно изъ Валахіи выѣхать по крайней мѣрѣ въ области его величества императора римскаго, откуда уже могутъ они пробраться въ Россію. Вы можете тутъ на словахъ сами или чрезъ кого-либо надежнаго человѣка сдѣлать внушеніе господарю волошскому Александру Ипсиландію ¹⁾, что удовлетвореніе сему принято будетъ у двора нашего съ особливою благоугодностію и удовольствіемъ, такъ какъ и прежде по заступленіямъ здѣшнихъ учиненныя имъ списхожденія. Подобное внушеніе можете вы учинить и прочимъ, кто въ управленіи дѣлъ тамошнихъ имѣетъ силу и довѣренность; но надлежитъ вамъ имѣть вслѣую осторожность, чтобъ, во-первыхъ, тутъ соблюдено было все достоинству нашему и величію Двора нашего прилично. Второе, чтобъ вы производили дѣло сіе такъ, дабы не нанесли оно вамъ хлопотъ, а тѣмъ самымъ людямъ, за конхъ вы вступаться должны, крайнихъ бѣдствій, и третье, чтобъ не подвергнуть господаря или другихъ намъ единовѣрныхъ и благонамѣренныхъ подозрѣнію и пагубѣ отъ турокъ. Впрочемъ, помянутый архимандритъ подробнѣе самъ не упуститъ вамъ учинить отзывъ о нуждахъ своихъ.

(Подп.) Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ,
мая 19-го дня
1781 года.

Какое же это дѣло, которое поручается Лашкареву съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ «всякое стараніе», но и имѣлъ въ то же время всякую «осторожность», дабы «во-первыхъ, тутъ соблюдено было все достоинству нашему и величію двора нашего прилично».

Разъясненіе находимъ въ всеподданнѣйшемъ прошеніи архимандрита Дамаскина, которое приводимъ дословно.

Всеавгустѣйшая монархиня,

Всемилоствѣйшая государыня!

Имѣвъ я всегда ревность къ Россіи и средное усердіе одну вѣру исповѣдающихъ, не имѣлъ благопріятствующаго случая оказать ей оныхъ соразмѣрно моимъ желаніемъ до того времени, пока не пришелъ въ 1768-мъ году посланный отсюда секунд-маіоръ Назарій Каравинъ въ Валахію, о коемъ владѣющій тогда господарь Александръ Дика имѣлъ извѣстіе изъ Молдавіи,

¹⁾ Изъ фанаріотской семьи, выставившей рядъ борцовъ за независимость Греціи. Младшій сынъ его, Александръ Ипсиландій, служилъ въ русской арміи и былъ адъютантомъ императора Александра I; званія этого лишился, лишь только принялъ участіе въ греческомъ восстаніи, начало которому положилъ въ 1821 году, ворвавшись съ толпою гетеристовъ въ Молдавію, около Яссы и призвавъ молдаванское населеніе къ мятежу противъ турецкой власти.

А. Г.

что помянутый Каравинъ неотмѣнно есть шпионъ и разспрашивавъ причиятъ о его путешествіи, но какъ объявилъ то же самое, что и я въ Яссахъ, что онъ, будучи въ жестокой болѣзни, видѣлъ сонъ, въ которомъ ему совѣтано идти въ Валахію въ ардышанскій монастырь, въ коемъ я былъ въ то время архимандритомъ, и отслужить тамъ молебень чудотворному образу Божіей Матери, то получитъ исцѣленіе отъ своей скорби. Господарь, выслушавъ все сіе, призвалъ меня, по случаю въ то время въ Букорештахъ бывшаго, приказавъ какъ можно постараться вывѣдать о причинахъ путешествія помянутаго Каравина, о чемъ я его хотя и спрашивалъ, но онъ мнѣ то же самое сказывалъ, что и господарю, на чемъ, однако, господарь не увѣрившись приказавъ мнѣ взять его съ собою въ монастырь, давъ мнѣ напередъ знать обономъ, что къ нему изъ Яссъ сообщено, для чего и приказавъ мнѣ настрояйше за нимъ примѣчать и навѣдываться исподволь о всѣхъ его поступкахъ и о намѣреніяхъ подъ опасеніемъ лишенія жизни, если сдѣлано будетъ мною какое-либо упущеніе противу даннаго мнѣ повелѣнія. Я, взявши его, привезъ съ собою въ монастырь, и онъ, спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ своемъ, пришелъ ко мнѣ въ келью и, видя у меня образъ Божіей Матери, учинилъ мнѣ присягу въ томъ, что онъ всю мнѣ тайну откроетъ, но прежде, пока я съ своей стороны не обяжу себя хранить оную, и когда мы съ обѣихъ сторонъ обязали себя другъ друга клятвою, то онъ мнѣ открылъ, что вашего императорскаго величества есть желаніе объявить войну туркамъ для избавленія моего отечества, а при семъ самомъ объявленіи спрашивалъ, не знаю ли я кого изъ дворянъ, усердствующихъ Россіи. Я ему необируясь сказалъ, что вся Валахія имѣетъ желаніе избавиться отъ власти агарянскіи и готова служить вашему императорскому величеству и на первый случай можно бы объявить сію тайну Пурвугу Кантакувину, потому что я уже съ нимъ объ этомъ имѣлъ разговоръ; однакожъ, какъ онъ ¹⁾ не имѣлъ никакого письменнаго на то вида, то я усомнился, чтобы на однихъ его словахъ могъ онъ увѣриться, и для того предоставилъ ему свои совѣты до того времени, пока не доставлю ему свободу возвратиться, къ чему приготоваясь его держалъ четыре мѣсяца и пятнадцать дней; по прошествіи которыхъ рапортовалъ господарю, что я въ Каравинѣ кромѣ поста и молитвы ничего болѣе не примѣтилъ; на то мнѣ и прислано повелѣніе отпустить его къ возвратному пути. Я, пользуясь сямъ случаемъ, далъ ему наставленіе, что ему необходимо нужно имѣть видъ, съ которымъ онъ и пришелъ ко мнѣ обратно въ 1769-мъ году прямо въ монастырь въ мовашескомъ платьѣ и привезъ съ собою, какъ за подписаніемъ собственной вашего императорскаго величества руки письмо, такъ и отъ главнокомандующаго тогда первою арміею князя Голицына Пурвугу Кантакувину портретъ, а мнѣ по высочайшей вашего императорскаго величества милости жалованный крестъ, а притомъ и манифестъ на греческомъ, волошскомъ и сербскомъ діалектахъ, которые я и разослалъ въ равные мѣста турецкой области; помянутый же Каравинъ объявилъ о всѣхъ монаршихъ вашихъ обнадеживаемыхъ щедротахъ, о дачѣ мнѣ сана архіерейскаго кунно съ избавленіемъ любезнаго моего отечества отъ агарянъ, на что положась несомнѣннымъ событіемъ, не щадилъ себя какъ при началѣ войны, такъ и до самаго ея окончанія. Въ доказательство сей истинны, осмѣливаюсь поднести вашему императорскому величеству данную мнѣ отъ главнокомандующаго вашего императорскаго величества арміею графа Петра Алексан-

¹⁾ Каравинъ.

дровича Румянцева, и отъ генералъ-поручика фонъ-Эссена, такожь и отъ Григорія митрополита Букорешскаго ¹⁾; но и его свѣтлости князю Григорію Александровичу Потемкину довольно извѣстно о моей службѣ къ вашему императорскому величеству, равно князю Николаю Васильевичу Репнину и графу Ивану Петровичу Салтыкову, но и всѣмъ тѣмъ, кои находились въ первой арміи. Наконецъ, когда миръ состоялся, и я зналъ совершенно, что туркамъ извѣстно мое къ Россіи усердіе, то я не могъ себѣ другаго ожидать, какъ веселыхъ мученій и самой смерти. Для чего я и явился къ графу Петру Александровичу Румянцеву, находившемуся тогда на Гурі-Багѣ, и просилъ о дачѣ мнѣ паспорта для свободнаго выхода въ подданство вашего императорскаго величества, но онъ на просьбу мою объявилъ, что въ силу заключеннаго мирнаго трактата всѣ желающіе выѣхать имѣютъ свободу, и для того совѣтовалъ мнѣ сколько можно постараться собрать всѣхъ тѣхъ, кои чаютъ оставшіе подвергнуть себя опасности, и выѣхать съ ними вмѣстѣ. Я же, имѣя великую довѣренность, а напротивъ въ тѣхъ, кои служили вѣрно вашему императорскому величеству, пригласилъ ихъ съ собою идти до семи тысячъ, въ числѣ коихъ всѣ мои родные находились, прочіе же большею частію были иностранцы; но къ несчастію собственно моему время уже было позднее и зима наступала, а мнѣ съ толкимъ числомъ народа вовсе было невозможно отправиться въ путь, почему я, надѣясь на сохраненіе мирнаго трактата, остановился ждать до весны. Но какъ скоро государь пріѣхалъ въ Букорестъ, то, несмотря на силу трактата, отобралъ отъ меня въ январѣ мѣсяцѣ оныхъ людей, а 5 апрѣля и меня взявъ въ Букорестъ, посадилъ подъ строжайшій караулъ, гдѣ находился 1779 года по 15 іюля, и вѣрно бы никогда не могъ я избавиться отъ сего мученія, если бы, не сжалившись надо мною, нѣкоторые бодрѣ не подали мнѣ къ побѣгу средства, давъ мнѣ при томъ знать, что жизнь моя приходитъ въ опасность отъ точныхъ расположеній государя, чтобы отомстить мнѣ за то, что я служилъ вашему императорскому величеству вѣрно, а притомъ и не согласился къ ихъ злоухищренному совѣту. Я же, какъ скоро взятъ былъ подъ караулъ, то и принужденъ былъ платить убытки, какіе причинены при взятіи Букореста, а сколько и кому именно уплатилъ я, осмѣливаюсь поднести вашему императорскому величеству реестръ.

Въ проѣздѣ князя Николая Васильевича Репнина чрезъ Букорестъ полномочнымъ посланникомъ въ Царьградъ, просилъ я его доношеніемъ объ освобожденіи меня изъ-подъ караула и о дачѣ мнѣ паспорта въ Россію, однако онъ мнѣ на то отвѣчалъ, что учинить сего не можетъ, а обнадеживалъ просить за меня государя и послѣ чрезъ князя Михаила Кантакузина велѣлъ мнѣ бѣжать въ Россію, оставя все мое имѣніе. Но я конечно бы не сдѣлалъ онаго, чтобы бѣжалъ изъ моего отечества и утруждалъ ваше императорское величество, если бы въ силу заключенія мирнаго трактата имѣли мы вольность; но видя себя безъ всякой надежды отъ онаго, а притомъ и опасность въ своей жизни, принужденъ былъ уйти, и прибѣгнуть въ покровительство матернимъ щедротамъ вашего императорскаго величества. По побѣгѣ же моемъ изъ Букореста взяли родителя моего и трехъ братьевъ съ собственнымъ ихъ имѣніемъ вмѣсто меня подъ караулъ, а мое все движимое и недвижимое имѣніе разграбили и отъ должниковъ моихъ, конхъ векселя имѣются у меня, деньги выскали, по пріѣздѣ же моемъ въ цесарскую область, по

¹⁾ Бухарестскаго.

искательству моего ненавистника, на форпостахъ удержанъ былъ шесть мѣ-
 сяцевъ, ибо старался онъ, чтобъ тамошній генераль Прейсъ выдалъ ему меня
 на погубленіе, но милосердное Провидѣніе чрезъ находящагося въ Вѣнѣ ре-
 зидента князя Голицына защитило, къ коему я писалъ. По прибытіи же
 моемъ сюда, въ Петербургъ, чрезъ пять мѣсяцевъ лишаясь дневной пищи, а
 при томъ опасаясь, чтобъ враги мои, видя меня безъ всякаго защищенія, не
 лишили жизни родителя моего и братьевъ безъ всякія ихъ вини, но един-
 ственно меня ради.

При такомъ моемъ горестномъ состояніи, повергаю себя къ стопамъ
 вашего императорскаго величества, всепокорнѣйше прошу объ освобожденіи
 страдающихъ безвинно родителя моего іеромонаха Михаила и братьевъ іеро-
 монаховъ Арсенія и Василія и монаха Григорія съ моимъ и ихъ имѣніемъ
 въ подданство вашего императорскаго величества и въ высока монаршихъ
 щедротъ вашего императорскаго величества о неоставленіи меня безъ на-
 гражденія высочайшаго повелѣнія.

Вашего императорскаго величества всеижайшій рабъ и всеусерднѣйшій
 богомолецъ, архимандритъ Дамаскинъ.

Ноября 13-го дня
 1780 года.

Къ разсказу архимандрита Дамаскина прибавлять многого не при-
 ходится; несмотря на свои синтаксическія и грамматическія погрѣш-
 ности, разсказъ этотъ живо изображаетъ многія стороны турецкаго управ-
 ленія въ княжествахъ въ ту эпоху, когда господа не знали кого
 бояться, Порты или христіанской державы, выступившей защитницею
 христіанскихъ подданныхъ полумѣсяца и вынужденной прибѣгать ко
 всякимъ негласнымъ средствамъ, чтобы обнадѣжить ихъ и утѣшить въ
 ихъ незавадной участи вассаловъ «нечестивыхъ агарянъ».

Секундъ-маіоръ русской арміи, каждую минуту рискующій головою,
 облакающійся въ монашеское одѣяніе, мѣсяцами живущій въ монастырѣ,
 архимандритъ, дающій государю ложныя свѣдѣнія о порученной над-
 зору его сомнительной личности, бѣгство этого архимандрита и секвестръ
 всего его имущества, шестимѣсячное сидѣніе на форпостахъ цесарскихъ
 войскъ, откуда командовавшій генераль Прейсъ выпускаетъ его для слѣд-
 дованія въ Россію и не отдаетъ обратно въ руки турокъ лишь вслѣд-
 ствіе вѣнательства русскаго резидента въ Вѣнѣ, заключеніе подъ
 стражу отца и братьевъ бѣжавшаго Дамаскина, — все это составляетъ не
 маловажный вкладъ въ исторію нашихъ сношеній съ христіанскими на-
 родами турецкаго Востока въ екатерининскую эпоху.

А. Гирсъ.

Вселоданійшій докладъ главноначальствующаго Мастерскою Оружейною палатою Петра Валуева.

14-го сентября 1809 г.

Руководствуясь правилами, въ особенности Высочайше утвержденными для Мастерской Оружейной палаты, которая въ благополучное ваше царствованіе, во славу монаршаго вашего вниманія на древнюю столицу и по привязанности вашей къ отечественнымъ достопамятностямъ, возвышена, украшена и отъ усердныхъ подносителей умножена—имѣю счастье представить къ опредѣленію въ почетные члены палаты любителей отечественныхъ древностей и отлично упражняющихся въ изысканіи разныхъ памятниковъ знаменитости, а именно: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина, издавшаго своими трудами сочиненіе «О древнемъ Тмутараканскомъ княжествѣ»; коллежскаго совѣтника Карамзина, упражняющагося въ сочиненіи российской исторіографіи, и надворнаго совѣтника Шлецера, Московскаго университета профессора статистики и экономіи, занимающагося также предметами древней исторіи.

Рескриптъ Петру Степановичу Валуеву.

8-го октября 1809 г., Царское Село.

Согласно представленію вашему, соизволяя на принятіе почетными членами Мастерской Оружейной палаты дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина, коллежскаго совѣтника Карамзина и профессора Московскаго университета надворнаго совѣтника Шлецера, я поручаю вамъ, объявивъ имъ о семъ, включить ихъ въ число почетныхъ палаты сочленовъ, по введенному на то порядку. Пребываю вамъ благосклонный.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО ГОГОЛЯ

съ

Пушкинымъ и А. О. Россетъ.

Когда именно состоялось первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и съ «донной Sol» — Александрю Осиповною Россетъ (впоследствии Смирновой) — объ этомъ до настоящаго времени мнѣнія крайне разнорѣчивы. Каждое изъ нихъ опирается на тѣ или другіе факты; но факты эти частью не совсѣмъ достовѣрны, частью слишкомъ отрывочны, а главное — не на столько сопоставлены между собою, чтобы внушить твердое убѣжденіе въ правильности высказываемаго мнѣнія. Посвятивъ послѣдніе годы изученію біографическихъ матеріаловъ о Гоголѣ, я имѣлъ возможность составить себѣ, какъ мнѣ кажется, довольно ясное и опредѣленное понятіе по спорному вопросу, а потому позволяю себѣ изложить здѣсь для интересующихся имъ свои соображенія.

Рукопись 1-го тома «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» Гоголь, прежде печатанія, представилъ сперва на просмотръ Жуковскаго. къ которому имѣлъ отъ кого-то рекомендательное письмо; но тотъ, за недосугомъ, адресовалъ его къ Плетневу. Было это въ концѣ 1830 года. Плетневъ, какъ тонкій цѣнитель литературныхъ произведеній, сразу угадалъ въ начинающемъ писателѣ большой самородный талантъ, принялъ въ немъ самое теплое участіе и содѣйствовалъ ему къ помѣщенію въ повременныхъ изданіяхъ тѣхъ небольшихъ статей и отрывковъ, которые по своему содержанію не годились для «Вечеровъ на хуторѣ», а нѣсколько лѣтъ спустя вошли въ

«Арабески». Въ письмѣ отъ 22-го февраля 1831 г. ⁴⁾ Плетневъ такъ извѣщаетъ Пушкина о вновь народившемся литературномъ свѣтилѣ.

«Надобно познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который обѣщаетъ что-то очень хорошее. Ты, можетъ быть, замѣтилъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» отрывокъ изъ историческаго романа съ подписью ОООО, также въ «Литературной Газетѣ» — «Мысли о преподаваніи географіи», статью «Женщина» и главу изъ малороссійской повѣсти «Учитель». Ихъ писалъ Гоголь-Яновскій... Жуковскій отъ него въ восторгѣ. Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе. Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ, и какъ художникъ готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишениямъ. Это меня трогаетъ и восхищаетъ».

Пушкинъ, отправившійся еще въ началѣ осени 1830 г. въ свое родовое имѣніе Болдино, Нижегородской губерніи, для приведенія въ нѣкоторый порядокъ запущеннаго хозяйства, былъ задержанъ тамъ карантинномъ по случаю холеры цѣлыхъ три мѣсяца и только въ декабрѣ могъ вернуться въ Москву къ своей невѣстѣ — Н. Н. Гончаровой. Въ февралѣ 1831 г. состоялась ихъ свадьба, но до Оминой недѣли молодые супруги не тронулись еще изъ Москвы. Нечего, конечно, удивляться, что въ теченіе этихъ двухъ «медовыхъ» мѣсяцевъ Пушкинъ не удосужился просмотрѣть литературные опыты какаго-то безвѣстнаго еще писателя, хотя и расхваленнаго Плетневымъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Плетневъ получилъ отъ него такой отвѣтъ:

«О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго Села» ⁵⁾...

Свѣтлое Христово Воскресеніе въ 1831 г. приходилось на 19-ое апрѣля; слѣдовательно, Оминая недѣля началась 26 апрѣля. Предполагая даже, что Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы уже поутру въ понедѣльникъ на Оминой (27-го числа), нельзя допустить, чтобы онъ прибылъ въ Петербургъ ранѣе вечера субботы, 1-го мая, такъ какъ на переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ требовалось въ тѣ времена до 6-ти дней.

Гдѣ же, спрашивается, и когда могла произойти первая встрѣча Гоголя съ Пушкинымъ? Нигдѣ иначе, какъ у Жуковскаго или у Плетнева — двухъ единственныхъ лицъ, признававшихъ уже талантъ Гоголя и сгоравшихъ нетерпѣніемъ «подвести его подъ благословеніе» Пушкина. Собранія у Жуковскаго бывали по субботамъ. Если бы, паче чаянья, Пушкинъ и прибылъ въ Петербургъ вечеромъ въ субботу, 1-го мая, то мыслимо ли, чтобы онъ тотчасъ же съ дороги собрался къ

⁴⁾ Сочиненія П. А. Плетнева, изд. 1886, т. III. (Переписка).

⁵⁾ Сочиненія Пушкина. Письма. Изд. Суворина 1887, стр. 318.

Жуковскому, оставивъ молоденькую красавицу-жену одну въ «Демутовомъ трактирѣ», гдѣ остановился до переѣзда на неомеблированную еще дачу въ Царское Село? Возможность такого случая, впрочемъ, окончательно опровергается тѣмъ, что на другой день, 2-го мая, Гоголь писалъ своему другу Давылевскому на Кавказъ очень обстоятельное письмо, въ которомъ, жалуясь на петербургскій климатъ и дурную погоду (наканунѣ, 1-го мая, шелъ снѣгъ¹⁾), въ словомъ не обмолвился о томъ, чтобы видѣлъ вчера Пушкина. Могъ ли онъ умолчать о такомъ важномъ для него фактѣ, какъ встрѣча съ его идеаломъ Пушкинымъ?

Плетневъ, будучи инспекторомъ Патріотическаго института и давая, кромѣ того, частные уроки, располагалъ въ теченіе 1830—31 учебнаго года однимъ совершенно свободнымъ вечеромъ въ недѣлю—средю²⁾, когда у него и сходились его добрые знакомые—педагоги и литераторы. Слѣдующая за пріѣздомъ Пушкина среда приходилась на 5-ое мая. Едва ли можно сомнѣваться, что Пушкинъ не пропустилъ этой среды, чтобы повидаться снова съ однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей, да кста-ти встрѣтиться у него послѣ долгаго отсутствія изъ Петербурга и съ другими литераторами. Точно также вѣдъ сомнѣнія, что Плетневъ, видая Гоголя очень часто въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ онъ предоставлялъ ему съ марта 1831 г. уроки исторіи, не преминулъ предупредить его о томъ, что тогда-то ждетъ къ себѣ Пушкина, съ которымъ хочетъ его познакомить. Такимъ образомъ мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, почти непреложнымъ, что первое свиданіе нашихъ двухъ гениальныхъ писателей произошло вечеромъ 5-го мая 1831 г. у Плетнева.

Если бы, однако, Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы во второй половинѣ Оминой недѣли и не попалъ еще въ Петербургъ къ 5-му мая, то свиданіе его съ Гоголемъ должно было состояться въ ближайшую субботу—8-го мая у Жуковскаго.

Перехожу къ вопросу о первой встрѣчѣ Гоголя съ А. О. Россетъ. Что въ первый разъ они увидѣли другъ друга мимоходомъ у знакомыхъ Россетъ, Балабининыхъ, гдѣ Гоголь давалъ уроки младшей дочери дома,—мы знаемъ изъ показаній ихъ обоихъ:

«Моя бѣдная ученица зѣвала», рассказывалъ Гоголь впоследствии И. С. Аксакову: «Александра Осиповна пришла къ намъ съ сестрой моей ученицы, замѣтила меня и тотчасъ узнала хохла»³⁾...

¹⁾ В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Москва 1892 г. Томъ I стр. 350—351.

²⁾ „Русс. Старина“ 1889 № VII. „Дневникъ А. В. Никитенко“, стр. 40.

³⁾ В. И. Шенрокъ. Т. I, стр. 332—333.

Сама Россетъ въ своемъ дневникѣ поясняетъ, что она увидѣла Гоголя случайно у Балабиныхъ, когда зашла проститься съ его ученицей.

«Онъ показался мнѣ грустнымъ и неловкимъ; но онъ настоящій малороссъ», говоритъ она и, въ заключеніе, прибавляетъ: «Послѣ завтра уѣзжаемъ въ Царское»¹⁾.

Такъ какъ Россетъ состояла въ то время фрейлиной при императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, то сама она, очевидно, не могла измѣнить назначенный день для перѣзда въ Царское Село. Между тѣмъ Гоголь былъ приведенъ къ ней Пушкинымъ и Жуковскимъ еще въ Петербургѣ. Поэтому это могло произойти только между первой короткой встрѣчей и послѣ завтра—днемъ перѣзда въ Царское Село.

Но почему же придворная фрейлинка могла такъ интересоваться скорѣйшимъ знакомствомъ съ провинціальнымъ хохломъ?—Потому что и она была хохлячка—не по происхожденію, но по симпатіямъ дѣтства, которое она провела въ Малороссіи. Затѣмъ она уже слышала о молодомъ писателѣ отъ Жуковского и Плетнева и принимала участіе въ ихъ спорѣ: выпустить ли «Вечера на хуторѣ» подъ собственнымъ именемъ автора или подъ вымышленнымъ Плетневымъ псевдонимомъ Рудого Панька.

— А я нахожу, говорила она, «что и Гоголь-Яновскій достаточно хохляцкое имя»²⁾.

Тѣмъ-же вышеупомянутымъ рассказомъ Гоголя Аксакову подтверждается, что вторая встрѣча его съ Россетъ была именно на слѣдующій день послѣ первой:

«На другой день она поручила Плетневу доставить къ ней хохла; это было имъ тотчасъ исполнено. «Плетневъ, пишетъ Гоголь, при Василии Андреевичѣ и Александрѣ Сергѣевичѣ передалъ мнѣ приказаніе Александры Осиповны явиться къ ней. Я закобенился, не захотѣлъ повиноваться; но тутъ Жуковскій и Пушкинъ оба закричали на меня и сказали, что я и глупъ, и невѣжа, и грубіанъ, что всѣ должны слушаться Александры Осиповны, и что никто не смѣетъ упираться, когда она приказываетъ. Побранивъ меня порядкомъ, Пушкинъ, которому нельзя было отказывать, и Жуковскій схватили меня и повели во дворецъ къ Александрѣ Осиповнѣ».³⁾

Сдѣлалось это, надо думать, очень просто: получивъ отъ Россетъ записку о томъ, чтобы онъ къ ней немедля привелъ «хохла», потому что завтра-де она уѣзжаетъ уже въ Царское, Плетневъ вызвалъ Гоголя къ

¹⁾ Тамъ-же стр. 320—321. „Записки“ А. О. Смирновой, Слб., 1895 стр. 40—41.

²⁾ „Записки“ Смирновой, стр. 177.

³⁾ В. И. Шенрождъ, стр. 333.

опредѣленному часу къ Жуковскому, жившему, какъ и Россеть, въ Щепелевскомъ дворцѣ (нынѣшній Эрмитажъ) ¹⁾; здѣсь они застали уже и Пушкина. Какъ упрямый «Гоголекъ» ни упирался, два поэта повлекли его къ землячкѣ. Было же это, по всему вѣроятію, отъ 7-ми до 9-ти часовъ вечера—свободные часы Россеть, которая къ 9-ти часамъ должна была идти къ государынѣ. ²⁾

Итакъ Россеть въ первый разъ мелькомъ встрѣтилась съ Гоголемъ у Балабиныхъ въ маѣ 1831 г. за два дня до переѣзда въ Царское Село, а ближе познакомилась съ нимъ у себя на слѣдующій день.

Остается опредѣлить числа этихъ двухъ дней. Если Пушкинъ познакомился съ Гоголемъ у Плетнева въ среду, 5-го мая, то живая и рѣшительная «донна Sol», нашедшая въ Пушкинѣ новаго посредника для своего знакомства съ Гоголемъ, не затянула, конечно, этого знакомства далѣе нѣсколькихъ дней. Литераторы и другіе знакомые бывали у нея больше по понедѣльникамъ ³⁾. Но въ первый понедѣльникъ послѣ среды, 5-го мая, именно 10-го мая, Гоголь не могъ быть у нея уже потому, что наканунѣ встрѣтился съ нею впервые на урокѣ у Балабиныхъ, а урока въ воскресный день онъ, конечно, не давалъ.

Въ воскресенье, 9-го мая, она не рѣшилась бы пригласить къ себѣ гостей, такъ какъ, въ качествѣ фрейлины, обязательно должна была быть въ праздничный день при дворѣ; да къ тому же и переѣздъ въ Царское Село пришелся бы на тяжелый день—понедѣльникъ.

Въ субботу, 8-го мая, журъ-фиксъ Жуковского, Россеть тѣмъ менѣе могла принять у себя нашихъ трехъ писателей.

Но привели къ ней Гоголя послѣ 5-го мая (день знакомства его съ Пушкинымъ). Стало быть, для двухъ встрѣчъ Гоголя съ Россетью остаются только 6-ое и 7-ое мая. Значительно менѣе вѣроятія, что онѣ произошли послѣ 10-го мая.

Такимъ образомъ почти безошибочно можно сказать, что съ Пушкинымъ Гоголь въ первый разъ встрѣтился у Плетнева вечеромъ 5-го мая 1831 г., а съ Россетью въ первый разъ на урокѣ у Балабиныхъ 6-го мая и во второй—у самой Россетью отъ 7-ми до 9-ти часовъ вечера 7-го мая.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что всѣ эти три встрѣчи были въ Петербургѣ въ первой половинѣ мая 1831 года.

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1871. «Воспоминанія» А. О. Смирновой, стр. 1871.

²⁾ Тамъ-же, стр. 1877 и 1878.

³⁾ «Записки» Смирновой стр. 49.

Лѣтомъ того-же 1831 года Пушкинъ, Жуковский и Россеть, живя всё трое въ Царскомъ Селѣ, видѣлись ежедневно ¹⁾ (за исключеніемъ двухъ-трехъ недѣль, когда дворъ былъ въ Петергофѣ); а Гоголь, живя въ Павловскѣ у княгини Васильчиковой въ качествѣ воспитателя ея сына, то и дѣло навѣщала ихъ:

«Все это я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ,—писалъ онъ Данилевскому 2-го ноября 1831 г.,—почти каждый вечеръ собирались мы: Пушкинъ, Жуковский и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера сихъ мужей...» ²⁾.

В. Авенариусъ.

¹⁾ «Воспоминанія» Смирновой, стр. 1877.

²⁾ Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, 1857, Т. V. (Шельма).

Записки Михаила Чайковского ¹⁾.

(Мехеть-Садыкъ наши).

XVIII.

Сраженія подъ Ходечемъ и подъ Липскомъ.—Отступление въ Кунову.—Графъ Владиславъ Замоискій и Надвислянскій корпусъ.—Кн. Адамъ Чарторыйскій въ Куновѣ.—Ген. Ридигеръ.—Пріѣздъ Иосифа Загѣскаго и демократовъ.—Перемиріе.—Свенто-Кржижскія горы.—Переходъ отряда Замоискаго въ Галицію.—Конецъ перемирія.—Эпидемія странствованія.

Война на жизнь и смерть повторяли въ нашемъ полку со словъ Александра Панча, который имѣлъ доступъ къ генералу Шептицкому, часто бесѣдовалъ съ Яномъ Ледоховскимъ и управлялъ, какъ видно, генераломъ С. Ружицкимъ, его штабомъ и всѣмъ нашимъ войскомъ.

Было рѣшено прекратить наше безцѣльное хожденіе взадъ и впередъ и круженіе по стратегическому небосклону Сандомирскаго округа; мы направились къ Вислѣ, выдвинувъ правое крыло къ Ходечу и Яновцу, а лѣвое къ Темницкой пушчѣ. Во главѣ отряда шелъ нашъ полкъ, къ которому былъ причисленъ одинъ эскадронъ Литовско-русскаго полка. Полковникъ Богдановичъ простудившись остался при штабѣ, а надъ нами принялъ начальство Карлъ Ружицкій. Всѣ прочіе батальоны, эскадроны и батареи шли въ строгомъ боевомъ порядкѣ, имѣя кавалерію на флангахъ и въ арьергардѣ: каждая два орудія конвоировались полускадрономъ кавалеріи, какъ будто передъ нами былъ непріятель и намъ ежеминутно предстояло вступить съ нимъ въ бой. Лѣвымъ флангомъ коман-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г. декабрь.

довалъ генералъ Шембекъ, правымъ—генералъ Шептицкій, центромъ—генералъ Самуилъ Ружицкій. Янъ Ледоховскій поспѣвалъ всюду, то подлетая къ кучкѣ краковянъ, то подскакивая къ Валерію Белогловскому, который ѣхалъ верхомъ на конѣ, между тѣмъ какъ его супруга, пани Белогловская слѣдовала за нимъ въ экипажѣ.

По словамъ полковника Жадера, всѣ правила, требуемыя тактикою, были такъ прекрасно нами соблюдены, что показись только русскіе, они были бы разбиты въ пухъ и прахъ. Къ сожалѣнію, ихъ главныя силы не успѣли еще подойти къ Темницкой пушчѣ, отъ которой мы сами находились еще въ 30 верстахъ, а гарнизонъ Яновца, состоявшій изъ двухъ батальоновъ пѣхоты, двухъ эскадронъ драгунъ, одного полка донцовъ и двухъ батарей артиллеріи, не выходилъ изъ мѣстечка и изъ за предмостнаго укрѣпленія; до Яновца оставалось добрыхъ 25 верстъ; поэтому намъ оставалось только идти впередъ, что мы и сдѣлали.

Наступившее однообразіе и скука были прерваны слѣдующимъ приключеніемъ: въ прибрежной корчмѣ еврей сообщилъ намъ, что не болѣе какъ за полчаса до нашего прихода донцы напали на какого то важнаго сановника, ѣхавшаго въ огромной крытой бричкѣ, запряженной пятернею, и затащили его въ лѣсъ. Карлъ Ружицкій приказалъ Яну Омеинскому преслѣдовать донцовъ, а Александру Панчѣ—идти вслѣдъ за нимъ съ полуэскадронъ Литовско-русскаго полка. Казаки Омеинскаго помчались врасыпную во весь опоръ, перегоняя другъ друга и какъ гончія стараясь напасть на слѣдъ непріятеля; когда это имъ удавалось, они гибкомъ и свистомъ давали о томъ знать другъ другу. Мы преслѣдовали донцовъ энергично, полагая что они захватили князя Адама Чарторыйскаго или, по крайней мѣрѣ, генерала Скржинецкаго. Наконецъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и вскорѣ Карлу Ружицкому донесли, что бричка съ сановникомъ отбита у донцовъ, при чемъ трое изъ нихъ убито, двое взято въ плѣнъ. Сановникъ, какъ намъ передали, былъ очень испуганъ, такъ какъ донцы порядкомъ потрепали его и, желая развязать ему языкъ, пустили ему немного крови; впрочемъ имъ ничего не удалось вывѣдать у него и они ничѣмъ не воспользовались, такъ какъ сановникъ сохранилъ присутствіе духа и былъ въ состояніи сидѣть въ бричкѣ.

Каково же было наше удивленіе, когда вмѣсто князя Адама Чарторыйскаго или генерала Скржинецкаго мы увидѣли въ бричкѣ Капця Лавовскаго, пріятеля Тадвіа Валевскаго. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и жаловался, говоря: «а я васъ искалъ, гнался за вами, меня послали васъ разыскивать; какая бѣда, у меня все отобрали, но я радъ, что вижу васъ и что вы цѣлы и невредимы; слава Богу; ежели у васъ не хватаетъ чего нибудь съѣстнаго, такъ у меня всего найдется на вашу долю».

Въ глубинѣ брички мы примѣтили его двухъ племянницъ, у которыхъ глазки сверкали какъ звѣздочки.

— Бѣдняжки ѣдутъ изъ Львова, — сказалъ онъ, — я долженъ былъ отвезти ихъ въ Варшаву, куда онѣ стремятся; — всякому свое. У меня найдется горчица и все необходимое, вы не умрете съ голода и жажды; мы дадимъ вамъ всего.

Онъ былъ чрезвычайно радушенъ. Александръ Панча влѣзъ къ нему въ бричку, чтобы переговорить съ Капцей о полетикѣ и затѣмъ дать обо всемъ подробный отчетъ генералу Шептицкому.

Мы узнали впоследствии, что Капца былъ посланъ княземъ Мих. Радзивилломъ Подлужанскимъ и Бердичевскимъ съ порученіемъ узнать, что дѣлается съ нами. Получивъ на дорогу варядную сумму денегъ, онъ попалъ въ руки донцамъ, которые расправлялись съ нимъ по-своему, но не истратилъ въ дорогѣ ни гроша. Онъ отправился во Львовъ съ письмомъ отъ Карла Ружицкаго, въ которомъ послѣдній, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, благодарилъ Радзивилла за заботу о насъ, но не входилъ ни въ какія подробности. За то какъ началъ Капца рассказывать о подвигахъ бердичевского повстанія, такъ наговорилъ такихъ чудесъ, что бѣда. Плача и рыдая рассказывалъ онъ, что такіе храбрцы какъ мы не имѣли не только одежды и обуви, но и рубахъ, что онъ отдалъ послѣдніе свои сапога Карлу Ружицкому, который былъ босъ какъ мать родила; этими рассказами онъ до того разжалобилъ Мих. Радзивилла, что тотъ отсчиталъ ему 9.000 червонцевъ на покупку сукна, кожи и холста, прося отвезти все это намъ въ подарокъ отъ него. Капца взялся быть поставщикомъ всѣхъ этихъ предметовъ, но, получивъ деньги, отправился въ Почаевъ и, помолившись за насъ Богу, возвратился домой и купилъ порядочное имѣніе по сосѣдству съ Полѣвнымъ, чтобы быть поближе къ своему Тадвіо и вмѣстѣ съ нимъ обсудить, что такое патриотизмъ; при этомъ онъ доказывалъ, что если обращаться съ нимъ умѣло, то можно имѣть такой барышъ, каковымъ не побрезгалъ бы самъ черниговскій Завиша. Капца, котораго слѣдовало бы повѣсить, пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью, его даже хвалили. Тадвіо былъ его закадычнымъ другомъ, а владѣлецъ Мирополья — его искреннимъ поклонникомъ. Въ Краснополѣ молодежь распѣвала псалмы и кантатки, сочиненныя въ честь Капци — здравомыслящаго патриота. — Подобное отношеніе къ дѣлу было не рѣдкость у поляковъ, поэтому то Польша и прекратила свое существованіе, да и могла ли она существовать съ такими патриотами и съ такимъ патриотизмомъ?

На слѣдующій день утромъ мы подошли къ возвышенности, на которой были расположены Ходечъ и Яновець, и стали лагеремъ въ 3 хъ верстахъ отъ Ходеча. На военномъ совѣтѣ, рапортуя о разѣздахъ, совершенныхъ авангардомъ, Карлъ Ружицкій сообщалъ, что въ Темницкой пущѣ оказался авангардъ генерала Ридигера, но что корпусъ его находится подъ Яновцемъ и можетъ подойти не ранѣе какъ на слѣдую-

щій день утромъ, повтому можно было бы не медля атаковать Яновець и взять его приступомъ, такъ какъ онъ не укрѣпленъ и не можетъ обороняться. Генераль Самуиль Ружицкій имѣлъ въ своемъ распоряженіи 9 батальоновъ хорошо вооруженной пѣхоты, 3 батальона косинеровъ, прибывшихъ изъ-подъ Кракова, 8 орудій и 17 эскадроновъ превосходной кавалеріи. Откомандировавъ часть войска къ Темницкой пушчѣ, мы имѣли бы еще достаточное количество боевыхъ силъ для того, чтобы атаковать Яновець и взять его приступомъ.

Если бы Яновець и мостъ оказались въ нашихъ рукахъ, то это волею неволей вынудило бы Ромарино или, лучше сказать, графа Владислава Замойскаго перейти съ праваго на лѣвый берегъ Вислы, такъ какъ онъ не захотѣлъ бы показать, что ему не хочется болѣе воевать, что съ него довольно. Ежели бы Яновець и мостъ были въ нашихъ рукахъ, то Ридигеръ, какъ генераль опытный и осторожный, не атаковалъ бы насъ; идя изъ Темницкой пушчи по ровной, открытой мѣстности, онъ не могъ бы укрыться отъ выстрѣловъ изъ Яновца, а если бы дѣло дошло до сраженія, то его силы немногимъ превосходили бы наши или были бы почти равны нашимъ; у него было бы только больше пушекъ, но онъ не имѣли еще въ ту пору того рѣшающаго значенія, какое этотъ родъ орудій приобрѣлъ въ послѣднюю франко-прусскую войну.

Выслушавъ рапортъ и докладъ Карла Ружицкаго, Янъ Ледоховскій отовзвася: «ежели бы не было коннаго форпоста драгунъ, то можно было бы исполнить совѣтъ г. подполковника; теперь же это немисливо, такъ какъ драгуны произведутъ тревогу, а городомъ можно овладѣть только при внезапомъ, неожиданномъ нападении съ нашей стороны».

Карль Ружицкій тотчасъ заявилъ, что коннаго форпоста черезъ часъ не будетъ, ежели на то послѣдуетъ приказаніе начальства. Наши солдаты вскочили на коней; первый эскадронъ пошелъ влѣво къ Ходечу, второй—направо къ большой дорогѣ, которая вела на Солецъ; обомъ эскадронамъ было приказано отрѣзать конному форпосту отступление къ Ходечу и къ предмостному укрѣпленію; самъ Карль Ружицкій съ третьимъ эскадрономъ пошелъ прямо къ форпосту; эскадронные командиры свѣрили свои часы и должны были рассчитать свои движенія по минутамъ.

Форпостъ былъ занятъ эскадрономъ драгунъ Каргопольскаго полка. У каргопольцевъ, такъ-же какъ у насъ, были бѣлые обшлага на рукавахъ и рыжія лошади, не мудрено, что издали трудно было отличить одинъ полкъ отъ другаго. Карль Ружицкій вѣлгъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ эскадрономъ, а воалѣ него полковой адъютантъ Адольфъ Пильховскій; у насъ не было ни авангарда, ни проводниковъ; эскадронъ двигался колоннами по-зводно. Драгунъ, стоявшій на часахъ, видимо не узнавалъ насъ, принимая за своихъ; Пильховскій хотѣлъ было сбросить его съ лошади, но Ружицкій не допустилъ этого, а, подскочивъ къ драгуну,

закричалъ «не стрѣль!» Драгунъ стоялъ какъ вкопанный, такъ-же какъ и всѣ солдаты, занимавшіе форпостъ; взглянувъ на часы, Ружицкій скомандовалъ: эскадронъ стройся! Эскадронъ моментально построился, и тутъ только драгуны бросились къ своимъ лошадямъ, начали ихъ взнуздывать и садиться, но въ этотъ моментъ они были окружены со всѣхъ сторонъ нашими тремя эскадронами; нечего было дѣлать, имъ пришлось отдаться въ плѣнъ; ни одному драгуну не удалось ускользнуть, поэтому никто не могъ дать знать о случившемся ни въ Яновецъ ни къ предместному укрѣпленію. Мы доставили въ главную квартиру цѣлый эскадронъ плѣнныхъ, и наше войско двинулось тотчасъ къ Ходечу, чтобы занять его.

Овладевъ Ходечемъ мы не пошли далѣе; главный штабъ занялся изученіемъ окрестностей, а генералы проводили время съ Ледоховскимъ въ пустыхъ разговорахъ о политикѣ, монархіи и Рѣчи Посполитой; быть можетъ они рѣшали также вопросы династическіе и дипломатическіе.

Ходечъ—порядочное мѣстечко, расположенное на болотистыхъ Надвислянскихъ пажитяхъ; чрезъ него пролегалъ большой почтовый трактъ, который шелъ изъ Солецъ въ Яново и далѣе на Варшаву; это шоссе танулось болѣе чѣмъ съ версту по искусственной насыпи, устроенной на болотѣ, по обѣ стороны котораго до самой Вислы простирались широкія болотистыя пастбища, мѣстами столь тонкія, что въ нихъ вязли лошади и люди; миновавъ эту греблю, дорога сворачивала вправо къ Янову; тутъ начинались пахатныя поля, которыя тянулись въ прямомъ направленіи чуть не на 5 верстъ вплоть до темнаго лѣса, носившаго названіе Темницкой пущи. Съ другой стороны, по направленію къ Сольцамъ, видѣлся березовый и дубовый лѣсокъ, такъ густо заросшій кустарникомъ, что въ немъ довольно трудно было пробраться, лѣсокъ этотъ танулся на полверсты; за нимъ начинались двѣ шоссированныя дороги, которыя шли параллельно одна другой отъ Вислы къ Сольцамъ, и большая не шоссированная дорога, пролежавшая по пахатымъ полямъ по меньшей мѣрѣ верстъ на семь къ небольшому мѣстечку Липску. Близъ Липска, влѣво отъ дороги, по направленію къ Сольцамъ также видѣлась рошица, тянувшаяся до самаго берега Вислы.

Наши батальоны и эскадроны были готовы выступить ежеминутно, но начальство еще ничего не рѣшило; мы выжидали невѣдомо чего; такимъ образомъ мы простояли до ночи. К. Ружицкій былъ встревоженъ, въ особенности когда наши разъѣзды возвратились съ плѣннымъ донцомъ, сообщившимъ, что корпусъ Ридигера находится уже въ Темницкой пущѣ и подойдетъ на развѣтъ къ Яновцу; то же подтвердили и два перебѣжчика драгуна, прескакавшіе верхомъ изъ Темницкой пущи; наконецъ до насъ довѣся звукъ орудійныхъ выстрѣловъ изъ Яновца, коимъ вторали выстрѣлы изъ пущи; войска переговаривались. Карлъ

Ружицкий отправился къ генералу Самуилу, у котораго собрался военный совѣтъ, и высказал свое мнѣніе, что ждать болѣе нечего и что ежели мы не успѣли воспользоваться временемъ, то теперь слѣдуетъ отступить какъ можно поспѣшнѣе, чтобы Ридигеръ не засталъ насъ въ столь постыдной позиціи у Ходеча, гдѣ наше войско, вслѣдствіе невыгодныхъ условій мѣстности, можетъ быть совершенно уничтожено. Въ отвѣтъ на эти слова ему было приказано идти съ нашими тремя эскадронами какъ можно поспѣшнѣе къ Сольцу, прогнать оттуда непріятеля, ежели бы таковой тамъ оказался, и занять это мѣстечко, къ которому все остальное войско должно было отступить, чтобы не удаляться отъ береговъ Вислы, такъ какъ намъ было уже достоверно извѣстно, что къ рѣкѣ направляются гр. Владиславъ Замойскій и Ромарино съ своими превосходнымъ корпусомъ.

Такимъ образомъ мы двинулись къ Сольцу, гдѣ не нашли непріятеля, но намъ сказали, что нѣсколько дней тому назадъ въ это мѣстечко пріѣзжали за солью человекъ 20 драгунъ изъ команды Флоріана Ржевусскаго. Желая накормить людей и понаести лошадей, мы сдѣлали привалъ у той самой риги, гдѣ останавливались нѣсколько недель тому назадъ. Лишь только закатилось солнце, со стороны Ходеча донеслись выстрѣлы; хотя они были слышны довольно невнятно, но все же можно было различить, что стрѣляли изъ орудій. Всякій другой начальникъ спокойно остался бы въ Сольцѣ въ ожиданіи главныхъ силъ, какъ ему было приказано, но К. Ружицкій велѣлъ сѣсть намъ на коней, и мы тотчасъ двинулись обратно къ Ходечу по шоссе; чѣмъ ближе подходили мы къ мѣстечку, тѣмъ лучше и яснѣе слышны были выстрѣлы. Мы шли на рысяхъ; не доѣзжая гдѣсь встрѣтили нѣсколько всадниковъ, которые мчались во весь опоръ, крича:

— Все пропало, разбиты, взяты въ плѣнъ, ничего не уплыло.

Влѣво мы увидѣли нѣсколько колоннъ кавалеріи, которая шла въ галопъ, убѣгая отъ непріятеля; нашимъ взорамъ представилось ужасное зрѣлище: тутъ видѣлась кучка пѣхоты, тамъ—отдѣльные всадники, здѣсь брошены орудія, повозки, экипажи; сидѣли ли въ нихъ генералы, этого намъ не было видно, наконецъ мы увидѣли Яна Ледоховскаго съ Самуиломъ Ружицкимъ; возлѣ нихъ ѣхало два адъютанта и эскадронъ краусовъ, окружавшій ихъ со всѣхъ сторонъ.

Генераль С. Ружицкій обратился съ нѣсколькими словами къ Карлу Ружицкому, но они не выражали ни приказанія, ни вопроса; онъ произнесъ только: «сраженіе проиграно; если мы проберемся въ гдѣсь, то намъ удастся кое-что спасти».

К. Ружицкій тотчасъ сказалъ, обращаясь къ адъютантамъ, что онъ постарается задержать преслѣдованіе непріятеля, чтобы дать войску возможность собраться у Липска, и попросилъ ихъ прислать намъ ору-

дія и кавалерію, которыя дадутъ войску время оправиться и собраться съ силами. Эти дѣльные два офицера и поляка стояли болѣе чѣмъ 10 главныхъ штабовъ вмѣстѣ взятыхъ; горячо, сои ашого, ваялись они исполнить распоряженіе К. Ружицкаго.

Построившись по полускадронно мы двинулись къ лѣсу. По пути намъ то и дѣло попадались наши кавалеристы, мчавшіеся во весь опоръ, несмотря то, что ихъ никто не преслѣдовалъ; у самаго лѣса мы увидѣли драгунъ, выходившихъ на дорогу. Не допустивъ ихъ выѣхать изъ лѣса, первый полускадронъ атаковалъ ихъ, отгнсалъ обратно въ лѣсъ и, зайдя намъ въ тылъ, выстроился въ хвостъ колонны. Драгуны оправившись пытались неоднократно выѣхать изъ лѣса, но наши полускадроны, атакуя ихъ одинъ за другимъ, то и дѣло отгнсаали ихъ обратно. Сраженіе продолжалось болѣе двухъ часовъ, пока не подошла русская пѣхота, служившая признакомъ того, что скоро подойдетъ и весь корпусъ.

Адъютантъ Тадеушъ Горайшъ привелъ намъ наконецъ четыре орудія. Тогда мы начали отступленіе тремя эскадронами, въ шахматномъ порядкѣ (тогда этотъ маневръ еще практиковался). При каждой линіи было по два орудія; у непріятеля было болѣе десяти эскадроновъ и орудій гораздо больше, чѣмъ у насъ.

Возвращаясь къ началу этого злополучнаго дня и передаю то, что намъ рассказали. Совѣщавшіеся генералы и штабъ дождались разсвѣта, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій касательно отступленій. Когда со стороны Темницкой пуши показалась масса донцовъ, а за ними эскадронъ драгунъ, то генералъ С. Ружицкій выслалъ за греблю одинъ эскадронъ Литовско-русскаго полка, два батальона Литовско-волинскаго полка, два батальона Подлѣсскихъ стрѣлковъ и четыре орудія, которыя должны были прикрывать отступленіе. Во главѣ отряда былъ поставленъ эскадронъ Литовско-русскаго полка, съ приказаніемъ не трогаться съ мѣста хотя бы пришлось умереть всѣмъ до послѣдняго человѣка.

Этотъ эскадронъ всю ночь пировалъ, угощаясь тѣми снадобьями, которыя были ему доставлены Капцей; люди не выспались, при томъ эскадронъ былъ раслущенъ и по польскому обыкновенію былъ не прочь посмѣяться надъ своимъ начальствомъ. Солдаты смѣялись изъ-подтишка надъ наружностью генерала С. Ружицкаго, и Александръ Панча, стоя передъ фронтомъ эскадрона, передразнивалъ походку и манеры генерала въ тотъ самый моментъ, когда гранаты русской артиллеріи начали вырывать изъ его рядовъ людей и лошадей. Девять человѣкъ сваялось замертво съ лошадей, а нѣсколько солдатъ спѣшилось вслѣдствіе того, что подъ ними были убиты лошади; а Панча все еще говорилъ, передразнивая генерала:

— Стоять на мѣстѣ и умереть всѣмъ до послѣдняго человѣка, а

*

чтобы не умереть... продолжалъ онъ повертывая свою лошадь въ полъ оборота къ фронту, — но въ этотъ моментъ граната вырвала изъ эскадрона нѣсколько новыхъ жертвъ, и русская кавалерія понеслась на него въ галопъ.

Молодежь Литовско-русскаго полка дрогнула, повернулась и обратилась въ бѣгство; налетѣвъ на свою пѣхоту она смяла ее прежде, чѣмъ подоспѣли драгуны, которые, недогнавъ конницы, рубили пѣхоту и забирали ее въ плѣнъ; спаслось можетъ быть человекъ двадцать — не болѣе. Цѣлыхъ два батальона этого прекраснаго войска съ полковникомъ Квятковскимъ были взяты въ плѣнъ; было также довольно много убитыхъ и тяжело раненыхъ. Досталось и пѣшимъ егерямъ Сандомірскаго полка, но они стояли ближе къ лѣсу, поэтому успѣли скрыться. Колонна, шедшая во главѣ отряда егерей, начала отступать, не имѣя на то никакого приказанія; объятая паническимъ страхомъ она бѣжала въ лѣсъ и по лѣсу далѣе. Подполковникъ Хмѣлевскій, съ семью эскадронами, составлявшими авангардъ, взявъ съ собою чуть не весь штабъ, ушелъ такъ далеко, что его разыскали только на четвертый день. Нелзя винить старика, ему не было указано сборнаго пункта, а штабные убѣждали его вернуться къ мѣсту нашихъ прежнихъ странствованій.

Пѣхота не успѣла уйти вслѣдъ за кавалеріей, поэтому ее нашли на поляхъ между Ходочемъ и Липскимъ, такъ же какъ и остальную кавалерію и артиллерію.

Генераль Самунгъ Ружицкій дѣятельно старался собрать разстроенные полки и построить ихъ; подходя къ Липску мы увидѣли, что они были построены въ боевой порядокъ воалѣ самаго города.

Если бы генераль Ридигеръ, овладѣвъ городомъ, задумалъ напасть на насъ, то генераль С. Ружицкій очевидно намѣревался пройти черезъ городъ и дать сраженіе на возвышенности, по ту сторону Липска. Генераль Ридигеръ имѣлъ 9 батальоновъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 3 полка донцовъ и 32 орудія. Не считая превосходства артиллеріи, въ битвѣ подъ Ходочемъ его силы были равны нашимъ, а подъ Липскимъ немного превосходили ихъ.

Артиллерія нашего отряда и Подлѣсскаго конницѣ было приказано пройти на рыскахъ черезъ мѣстечко и занять позицію по ту сторону Липска. Мы прошли черезъ городъ двумя путями: второй и третій эскадроны съ артиллеріей обошли мѣстечко слѣва, а Подлѣсская конница и нашъ первый эскадронъ пошли прямо черезъ городъ; голова нашей колонны подходила уже въ городской площади, когда мимо насъ проскакалъ Корженевскій, безъ шапки, съ развѣвавшимися волосами, крича со слезами на глазахъ: «у меня отбили орудія».

Услыхавъ этотъ вопль, наши солдаты, ѣхавшіе по шесть человекъ въ рядъ, не ожидая команды, повернули обратно, построившись по три

въ рядъ, выѣхали на шоссе, напали на русскихъ и отбили у нихъ захваченныя ими орудія; все это совершилось въ теченіе 2 или 3 минутъ; въ это время наше правое крыло уже было снято, и лѣсокъ былъ отрѣзанъ отъ города непріателемъ.

Нашъ эскадронъ очутился на шоссе, рядомъ съ двумя эскадронами Подгѣсской конницы, съ которыми былъ только одинъ офицеръ, поручикъ Иловецкій.

На требованіе К. Ружицкаго, чтобы конница шла въ мѣстечко, солдаты кричали:

— Не пойдемъ! пусть господинъ полковникъ дастъ намъ офицеровъ—волинцевъ, тогда мы будемъ такъ же стойки какъ они и такъ же храбро будемъ сражаться.

Во главѣ этихъ двухъ эскадроновъ были поставлены наши унтеръ-офицеры; послѣ того, эти превосходные кавалеристы все время сражались съ нами, не отступая отъ насъ ни на шагъ. У насъ было убито картечью 6 человекъ солдатъ и 9 лошадей, а у нихъ 9 человекъ солдатъ и столько же лошадей.

Битва подъ Ходечемъ стоила нашему войску до 3-хъ тысячъ человекъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ; сраженіе подъ Липскомъ окончилось также весьма печально, хотя у насъ было убито всего человекъ 20, за то наше войско, исключая кавалеріи, было совершенно разстроено матеріально и нравственно, а что еще хуже, потеряло всякую вѣру въ своихъ генераловъ.

О Сандомирскомъ Липскѣ можно сказать то же, что о Липскѣ Саксонскомъ¹⁾: поляки потеряли подъ нимъ все, кромѣ военной чести. Къ счастью тутъ не было Эльстера; иначе наши генералы также утонули бы въ немъ; ручеекъ, протекавшій воелѣ Липска, хоть и носилъ названіе рѣчки, но былъ такъ мелокъ, что и курица могла бы перейти его въ бродъ.

К. Ружицкій, мнѣніе котораго я привожу, никакъ не могъ понять, почему мы не остались на своихъ позиціяхъ, когда Ридигеръ, послѣ одержанной имъ побѣды, каковой дѣйствительно было описанное сраженіе, не вытѣснилъ насъ изъ этихъ позицій и болѣе не тревожилъ насъ. Онъ вернулся въ Яновець съ намѣреніемъ слѣдить за переправой войскъ графа Владислава Замойскаго, котораго слабо преслѣдовалъ корпусъ генерала Розена, слѣдившій за нимъ на разстояніи двухдневнаго перехода; видимо Розенъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вступать въ битву съ польскими войсками и сопровождалъ ихъ, идя какъ бы церемональнымъ маршемъ, самъ не зная куда, точно такъ же какъ и графъ Замоискій врядъ ли зналъ куда онъ идетъ. Если бы мы были недалеко отъ Вислы въ то время, когда генералъ Завадскій овладѣлъ предмест-

¹⁾ Т. е. о Лейпцигѣ; по-славянски Липскъ.

ныи укрѣпленіемъ на правомъ берегу рѣки, то это укрѣпленіе могло бы очутиться въ нашихъ рукахъ, что измѣнило бы, вѣроятно, весь дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій.

Ридигеръ, командовавшій 25-ю тысячнымъ корпусомъ, не могъ ожидать присылки войскъ съ лѣваго берега Вислы, такъ какъ генералъ Кноррингъ, имѣвшій подъ командою не болѣе 15 тысячъ солдатъ, былъ занятъ въ Калишскомъ воеводствѣ, не могъ удалиться отъ коммуникаціонной линіи съ главными силами арміи и, во всякомъ случаѣ, боялся бы подвергнуть свой отрядъ опасности фланговаго движенія, имѣя въ виду сильныя резервы, коими мы располагали, какъ ему было извѣстно, въ Краковскомъ воеводствѣ; къ тому же онъ былъ, вѣроятно, болѣе высокаго мнѣнія о военныхъ способностяхъ нашихъ генераловъ. Когда всѣ боевыя силы русскихъ были сосредоточены, по приказанію фельдмаршала Паскевича, на правомъ берегу Вислы, то они могли располагать для дальнѣйшихъ дѣйствій только корпусомъ генерала Розена, численностью въ 20 тысячъ, и корпусомъ генерала Кайсарова, такой же численности, который былъ занятъ блокадою Замостья. Ротъ не переходилъ со своимъ корпусомъ Буга, и его полки были такъ растянуты эшелонами, что ему потребовалось бы не менѣе двухъ недѣль для того, чтобы стянуть свои силы. При подобныхъ обстоятельствахъ, движеніе генерала С. Ружицкаго въ противоположную сторону отъ Вислы и послѣднее отступленіе графа Владислава Замойскаго, между двумя русскими корпусами (Розена и Кайсарова), было совершено необъяснимо для поляковъ, такъ какъ это давало полную свободу дѣйствій генералу Ридигеру.

У насъ съ самаго начала, со времени славнаго диктатора Хлопицкаго относились очень странно къ полякамъ, которые сѣгнули стать подъ польскія знамена; позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ:

Іосифъ Цыхоцкій изъ Украины служилъ въ военно-поселенныхъ уланахъ и былъ адъютантомъ генерала Сакена. Увлечшись Валленродомъ Мицкевича онъ явился добровольно въ Августовъ, гдѣ стояло польское войско, и передалъ полякамъ весь эскадронъ, съ коимъ былъ посланъ на рекогносцировку. Разумѣется этотъ поступокъ въ глазахъ русскаго военнаго начальства и русскаго правительства заслуживалъ строгаго наказанія; совсѣмъ иначе должны были взглянуть на него и отнестись къ этому поляки. Однако, при опредѣленіи Цыхоцкаго на службу встрѣтились затрудненія; бывшій поручикъ и адъютантъ русской службы только подъ конецъ войны былъ зачисленъ поручикомъ же запаса въ 3-й уланскій полкъ. Такъ же поступали и со многими другими.

За то одного штабс-капитана-юнкера русскаго пѣхотнаго полка, Карла Неймана, взятаго въ плѣнъ подъ Калушинымъ, который при этомъ отчаянно защищался и былъ завязатымъ врагомъ Польши, зачислили,

почти что противъ его желанія, въ полкъ мазуръ, потому что онъ былъ сыномъ славившейся нѣкогда своею красотою пани Нейманъ и пользовался покровительствомъ князей Любомірскихъ. Таковъ былъ политическій смыслъ тѣхъ лицъ, которые руководили польскимъ дѣломъ.

Русскіе прекрасно знали это; имъ также было извѣстно, до какой степени доходила бездарность польскихъ генераловъ, и они всѣмъ этимъ пользовались.

Уже будучи эмигрантомъ, я слышалъ отъ полковника Щепановскаго, который до поступленія въ ряды польскаго войска состоялъ въ штабѣ фельдмаршала Паскевича, что когда генералы Данненбергъ и Бергъ стали доказывать фельдмаршалу, что было бы слишкомъ смѣло и рискованно переправиться черезъ Вислу у Влоцлавска, когда ихъ войска находились одинъ отъ другаго на разстояніи одного или двухдневнаго перехода и имѣли на флангѣ непріятеля, съ многочисленной и превосходящей кавалеріей, который находился притомъ въ своемъ собственномъ родномъ краѣ, то фельдмаршалъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Во время войны надобно считаться не только съ войскомъ и мѣстностью, но и съ людьми, командующими этимъ войскомъ. Я знаю польскихъ генераловъ. Они начнутъ другъ другу уступать, предоставляя одинъ другому идти впередъ; они будутъ спрыгать на всѣ лады: «я не пойду—иди ты, пускай онъ идетъ; мы не пойдемъ—идите вы, пускай они идутъ, я ни одинъ не двинется съ мѣста».

Такъ оно и вышло. Щепановскій оставилъ ряды русскаго войска, чтобы довести этотъ отзывъ до свѣдѣнія польскихъ генераловъ. Они выслушали его со смѣхомъ, стали спрыгать свой излюбленный глаголъ и даже не воспользовались совѣтомъ Щепановскаго.

Между тѣмъ въ числѣ этихъ генераловъ были не одни Любенскіе и Хржановскіе; между ними былъ и Генрихъ Дембинскій и Вен. Видочный, но видно Богъ послалъ какое-то затменіе на умъ поляковъ въ наказаніе за ихъ великій грѣхъ передъ славянствомъ и передъ здравымъ смысломъ, ибо, не говоря уже о Хржановскомъ, который не пошелъ къ Нежибу (Nezuby) такъ же какъ и на Волинь, а подъ Новарой (Nowaga) отличился хуже, нежели подъ Замостьемъ, но и Генрихъ Дембинскій и неустрашимый Бемъ, которые такъ храбро и доблестно сражались за братушекъ-венгерцевъ, не могли постоять за польское дѣло; видно, у нихъ не хватило на то ума, ибо въ желаніи, конечно, не было недостатка; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Наше дѣло было неправое, поэтому Господь и покаралъ насъ. Ударимъ же себя въ перси и скажемъ: «это наша вина, наша великая вина» и выйдемъ на путь истины. Вернемся къ славянству, отъ котораго намъ никогда не слѣдовало уклоняться. 1831 годъ долженъ послужить намъ урокомъ; въ

нашихъ рукахъ было все, и мы все потеряли, такъ какъ наше дѣло было неправое.

Въ Куновѣ къ намъ прїѣзжали два польскихъ дѣятеля: первымъ прїѣхалъ князь Адамъ Чарторыйскій. Генералы, войско, мѣстныя власти и жители Кунова, всѣ до одинаго высыпали на встрѣчу этому отцу польскаго дѣла. Янъ Ледоховскій, не желая оставаться въ одиночествѣ, также пошелъ ему на встрѣчу. Мы привѣтствовали его какъ Адама I, какъ намъ хотѣлось привѣтствовать его въ Варшавѣ, возложивъ на его Ягеллоновскую голову вѣнецъ — не терновый, а вѣнецъ Ягеллоновъ. Но судьба рѣшила иначе, потому что мы погрѣшили передъ славянствомъ, которому этотъ вельможа одинъ изъ первыхъ протянулъ руку, пробудивъ его отъ летаргическаго сна. Этотъ славянскій князь привѣтствовалъ отъ чистаго сердца славянскихъ воиновъ, разспрашивалъ каждого объ его отцѣ, матери, родныхъ, каждого зная по фамилии. Какъ славянинъ, онъ тронулъ до глубины души славянскую шляхту. Изъ исторіи онъ зналъ, чѣмъ была эта шляхта для великаго Іереміи, для Константина Острожскаго и для Романа; тѣмъ же была бы она и для него, Адама, если бы онъ могъ опереться на нее; Адамъ сидѣлъ бы на польскомъ престолѣ подобно Михаилу, избраніе котораго было сердечнымъ желаніемъ и дѣломъ русской шляхты. Если бы онъ пошелъ съ нами до Вислы, къ Завихвосту, то можетъ быть этотъ кандидатъ на польскій престолъ оставилъ бы свои козни и сталъ бы, какъ это и подобало великому шляхтичу, дѣйствовать за-одно съ дядей и былъ бы для него тѣмъ, чѣмъ былъ Янъ Замойскій для Стефана Баторія. Но онъ не пошелъ съ нами, и мы не были даже посланы туда; въ Завихвостъ двинулось только 14 эскадроновъ кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Каменскаго, и 2 орудія изъ батареи Карла Каченовскаго, а князь Адамъ Чарторыйскій уѣхалъ въ Краковъ.

Два дня спустя прїѣхалъ бывшій командующій войсками Скржинецкій; на встрѣчу ему вышелъ только нашъ полкъ съ Самуиломъ и Карломъ Ружицкими. Встрѣча была сердечная, даже трогательная; почтенный генералъ С. Ружицкій плакалъ. Волыницы и Карлъ Ружицкій преклонились передъ этимъ генераломъ, этимъ единственнымъ полякомъ, который насъ понималъ и оцѣнилъ. Невольно приходило на умъ, какъ мы и говорили другъ другу: «не лучше ли было бы имѣть его Яномъ IV, чѣмъ лишиться его и самимъ погибнуть?» Карлъ Ружицкій, повинуясь влеченію сердца, просилъ, умолялъ нашего бывшаго главнокомандующаго принять вновь начальство надъ войскомъ, увѣряя его, что оно пойдетъ за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ его, и сдѣлаетъ постоять за себя. Но генералъ Скржинецкій сомнѣвался въ полякахъ, сомнѣвался въ самомъ себѣ, и это неудивительно. Онъ говорилъ: «я потерялъ всякую вѣру въ дѣло. Я лучше погибъ бы, нежели перейти

границу Польши съ войскомъ; я удаляюсь для того, чтобы не служить предметомъ несогласія и раздоровъ; такъ какъ мною были недовольны, то, можетъ быть, безъ меня будетъ лучше; предоставляю всѣмъ и каждому полную свободу дѣйствій; я не хочу быть помѣхою, ибо увѣренъ, что при отсутствіи единодушія самое великое дѣло можетъ погибнуть, тогда какъ при единодушіи и согласіи даже ничтожное дѣло принесетъ обильные плоды».

Такъ говорилъ этотъ главнокомандующій передъ фронтомъ Волынецъ-казаковъ, которыхъ онъ не далъ переформировать въ егерей, какъ того желалъ Хржановскій и благодаря которому мы сохранили свое имя, свою боевую славу, свой родной копь и своихъ командировъ. Честь и слава ему за то во вѣки на Украйнѣ.

Онъ также уѣхалъ въ Краковъ.

Въ тотъ же день подъ вечеръ понаѣхала изъ Варшавы всякая голытьба, всевозможные прощальны — кто въ экипажѣ, кто верхомъ. Во главѣ ихъ пріѣхалъ полковникъ Іосифъ Залѣскій, присланный Крюковскимъ, начальникомъ штаба генерала С. Ружицкаго. Оборванные, ободранные, полупьяные, ввалились они въ главную квартиру генерала Ружицкаго какъ въ шинюкъ и братались съ посломъ и сенаторомъ Яномъ Ледоховскимъ, крича: «Ясь, Янь, наша взяла!»

Гордость Яна Ледоховскаго была возмущена этимъ, но онъ подавилъ ее, ибо сознавалъ, что, дѣйствуя подъ вліяніемъ честолюбія, онъ сдѣлался ихъ сообщникомъ; онъ молчалъ и слушалъ ихъ вогласы: «Ясь, Янку, наша взяла!»

Онъ слушалъ ихъ какъ умирающій прислушивается къ звону колокола, который возвѣститъ скоро о его кончинѣ. Потребовали венгерскаго. Вино было подано.

— Да здравствуетъ Крюковецкій, нашъ диктаторъ, кричали они.

— Да здравствуетъ прелатъ Пулавскій, будущій примась.

— Да здравствуетъ Кремповецкій, дай намъ Богъ подобно ему искупаться въ крови.

— Да здравствуетъ Янь Чинскій, всѣ писатели, ораторы и врачи-демократы.

— Что же они не сорвали голову старику Адаму, чтобы онъ пересталъ мечтать о коронѣ?

— Что они не повѣсили Скржинецкаго на первой осинѣ, чтобы онъ не лѣзнулъ къ важнымъ барамъ и дворянамъ?

— Тотъ, кто пуститъ пулю въ лобъ Замойскому, будетъ святымъ въ глазахъ польской черни. Идемъ, братцы,—на охотника!

— Мы вамъ покажемъ, намъ надо воевать!

На городской площади поднялся такой крикъ и шумъ, какъ будто всѣ варшавскія торговли сбѣжались въ Кузово и изъ Краковскаго пред-

мѣстья и изъ Почаева. Меня особенно удивляло то обстоятельство, что кромѣ литвиновъ и русиновъ всѣ поляки, въ особенности краковяне и мазуры, такъ и льнули къ этой голытьбѣ, къ этимъ демократамъ, разгуливали съ ними рука объ руку и пировали въ корчмахъ. Даже панъ Валерій Велогловскій братался съ ними, кажется раздавалъ имъ образки, а можетъ быть и утверждалъ ихъ въ правилахъ католической вѣры — довольно того, что онъ съ ними братался.

Мы расположились бивуакомъ за городомъ и намъ до того было противно смотрѣть на безобразничанье варшавской голытьбы въ Куковѣ, что ни одинъ изъ нашихъ солдатъ не пошелъ въ городъ, безъ всякаго съ нашей стороны на то приказанія или запрещенія.

Возлѣ нашего бивуака, на небольшомъ холмикѣ сидѣлъ одинъ одишеченекъ Анастасій Подгурскій, владѣлецъ многихъ помѣстій, у котораго въ сундукахъ было накоплено изрядное количество золота и серебра, но который бросилъ все свое имущество, чтобы сражаться за отечество. На циркулярѣ, коимъ правительство приглашало помѣщиковъ принять на себя поставку воловъ и ячменя, онъ написанъ собственноручно:

Woly i jeczmiem mam
Ale Rossianam nie dam¹⁾.

Ставъ такимъ образомъ повтомъ, онъ примкнулъ къ восстанію и служилъ отечеству, будучи зачисленъ подпоручикомъ, или поручикомъ въ Литовско-русскій полкъ; поручичье жалованье и чадая лошадь съ сѣдлою сослуживали теперь все его имущество. Онъ сидѣлъ на пригоркѣ, подводя итогъ своимъ деньгамъ и бормоталъ про себя:

— Отчизна, отчизна, до чего ты меня довела! Было у меня вдоволь земли, были коровы, лошади и деньги, былъ помѣщичій домъ, жонка и дѣти, а теперь у меня ничего нѣтъ; отчизна, отчизна, что ты со мною сдѣлала; хоть бы тебя вовсе не было, хоть бы ты давно погибла!

Такъ жаловался украинецъ на свою Украину.

Наша стоянка на бивуакѣ ознаменовалась слѣдующими двумя происшествіями.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ сынъ покойнаго полковника Сандомірскаго полка Кашъ (Kasz) записался въ казаки на томъ основаніи, что его мать была уроженка г. Кіева. Юношѣ едва минуло 16 лѣтъ. Подъ Липскомъ онъ сбился съ дороги, не могъ найти своего полка и заѣхалъ домой къ матери, жившей неподалеку оттуда. Мать связала его веревками (онъ былъ одного роста съ нею) и привезла въ лагерь подъ охраною двухъ дюжихъ парней; она плакала, рвала себѣ волосы на головѣ горюя о безчестіи, которое падеть за это на весь родъ Кашей и о томъ,

¹⁾ Волы и ячмень у меня есть, но русскимъ я ихъ не дамъ.

что долженъ чувствовать ея покойный мужъ, полковникъ, видя поступокъ сына и позоръ, коимъ онъ себя покрылъ. Мать наставляла на томъ, чтобы сына разстрѣляли, повторяя: «это дезертирство передъ неприятелемъ», бѣдная я мать, бѣдная полька; въ то же время она обнимала и цѣловала сына. Едва успокоили мы ее обѣщаніемъ, что для ея сына будетъ большимъ наказаніемъ, если мы пошлемъ его въ сраженія, гдѣ онъ можетъ быть убитъ. Мать уѣхала, успокоившись, а юноша оправдался въ глазахъ начальства, до конца войны служилъ въ полку и былъ все время на хорошемъ счету. Вотъ каковы польки! ими только и держится Польша; какъ было бы хорошо, если бы поляки походили на нихъ!

А вотъ другой случай:

Подпоручикъ нашей кавалеріи, Титъ Шаржинскій, будучи тяжело раненъ, былъ оставленъ на излеченіе у одного мѣстнаго жителя въ окрестностяхъ Ильжи. Русскіе, овладѣвъ этой мѣстностью послѣ битвы подъ Липскомъ, взяли въ плѣнъ нашего офицера, и Флоріанъ Ржевусскій препроводилъ его при рапортѣ и подъ сильнымъ конвоемъ къ генералу Ридигеру. Русскій генералъ долго бесѣдовалъ съ Шаржинскимъ, приказалъ отвести ему помѣщеніе въ томъ домѣ, гдѣ находилась его собственная квартира, позаботился о томъ, чтобы ему были доставлены всевозможныя удобства и приглашалъ его къ своему столу, заявивъ что нельзя отнестись иначе къ офицеру, принадлежавшему къ такому доблестному полку, каковъ былъ нашъ полкъ, что онъ отдаетъ этимъ должную честь военной храбрости и отвагѣ. Когда доктора объявили, что рана Шаржинскаго зажила, то генералъ пришелъ къ нему.

— Вы не военно-плѣнный, сказалъ онъ, вы взяты не на полѣ битвы, а въ домѣ, гдѣ васъ пріютная, вы были моимъ гостемъ, а теперь можете возвратиться въ свой полкъ, если желаете.

Шаржинскій отъ души поблагодарилъ генерала, и былъ отправленъ въ Куново въ экипажѣ Ридигера, въ сопровожденіи его адъютанта и съ такимъ запасомъ всевозможныхъ лакомствъ, что и мы попиروвали на счетъ генерала.

Тогда еще не существовало жевевскихъ походныхъ госпиталей и жевевской конвенціи о раненыхъ, но русскій генералъ былъ великодушенъ.

Въ турецкую войну Мих. Грудзинскій служилъ подъ начальствомъ Ридигера, который цѣнилъ его какъ храбраго и дѣльнаго офицера. Мы были въ Куновѣ, когда начали поговаривать о перемиіи, и генералъ Ридигеръ уѣдомилъ насъ о томъ чрезъ парламентаря. Не знаю, для разъясненія какого именно вопроса Самуилъ Ружицкій послалъ къ Ридигеру парламентарями Мих. Грудзинскаго и Тадеуша Горайна, несмотря на всѣ доводы К. Ружицкаго, который доказывалъ, что это могло быть при-

нято генераломъ за оскорбленіе и ставило Грудзинскаго въ неловкое положеніе; всё убѣжденія были напрасны, надобно было исполнить приказаніе, ибо такова была воля начальства.

Ридигеръ принялъ Грудзинскаго весьма любезно, узналъ его, припомнилъ прежнія боевыя дѣла, заговорилъ объего столкновеніи съ Флоріаномъ Ржевусскимъ и, подавая ему руку, сказалъ:

— Въ моихъ глазахъ вы правы — вы полякъ. Никто такъ не скорбеть о бѣдствіяхъ этой войны какъ я; каждый порядочный русскій человѣкъ, каждый преданный сауга царя долженъ скорбѣть о розни, существующей между поляками и русскими, тогда какъ ихъ единеніе было бы залогомъ счастья для обоихъ народовъ. Если бы поляки дѣйствовали за-одно съ русскими, то они сдѣлались бы истинными властителями міра, могли бы обезпечить счастье другихъ народовъ и заслужить ихъ благодарность.

Генералъ Ридигеръ согласился на всё предложенія генерала Самуила Ружицкаго, такъ что это даже раздражило Яна Ледоховскаго, который говорилъ:

— Онъ хочетъ подкупить насъ.

А ватага демократовъ, которые уже пристали къ пану Ледоховскому, такъ какъ онъ хорошо ихъ кормилъ и поилъ, кричала:

— Пока свѣтъ стоитъ, русскій не будетъ братомъ поляку!

Громче всѣхъ оралъ Іосифъ Залѣсскій (о немъ никакъ нельзя сказать, что онъ говорилъ или кричалъ).

Дѣйствительно, было заключено перемиріе. Пограничной линіей со стороны Свенто-Кржижскихъ горъ была принята рѣчка Каменная, и намъ было приказано отступить за нее.

Насъ послали въ Новую Слупу. Полковой штабъ, два нашихъ эскадрона и одинъ эскадронъ Литовско-русскаго полка остались въ самомъ городѣ, подъ командою К. Ружицкаго, а первый эскадронъ съ маіоромъ Дунинскимъ пошелъ въ деревеньку, лежавшую въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, у самой подошвы Свенто-Кржижскихъ горъ, гдѣ находился знаменитый костелъ святаго Креста, куда стекалась масса богомольцевъ изъ Краковскаго, Сандомирскаго и Калишскаго округовъ и даже изъ самой Варшавы. Эта деревня принадлежала какому-то отставному маіору Гавронскому, который спрятался отъ насъ въ Свенто-Кржижскія горы, должно быть въ монастырь. Причина была слѣдующая: Омединскій, пріѣхавъ въ это село и осматривая, въ качествѣ квартирмейстера, всё дома, увидѣлъ нечаянно въ одномъ подвалѣ нѣсколько лошадей съ выжженнымъ на нихъ клеймомъ Z, которыя принадлежали нашему войску и не были сданы помѣщикомъ; Омединскій такъ напугалъ молодую жену Гавронскаго, двухъ его сестеръ и старую тетку, наговоривъ имъ, что это такое страшное преступленіе, за которое виновнаго немедленно

разстрѣливаютъ, что когда онѣ передали его слова хозяину дома, то онъ даже не показавшись Омединскому, а схвативъ трость и шляпу, отправился въ монастырь молиться Богу, да оттуда и не вернулся, должно быть замолчился или загулялъ съ монахами; намъ было безъ него очень весело съ молодыми барышнями; онѣ оказались прелестныя варшавянки, а старикъ Дунинъ игралъ съ тетушкой въ марьяжъ, какъ будто они и въ самомъ дѣлѣ были супруги.

Мы устроились отлично. У насъ были всѣ удобства; по-близости отъ того села, гдѣ мы стояли, находилось имѣніе графини Веловѣйской; къ ней съѣхалась изъ Кракова масса барынь и барышень, съ которыми мы познакомились, и къ намъ часто стали прѣзжать офицеры нашего полка, чтобы потанцовать и повеселиться.

Офицеры перваго эскадрона, веселясь въ прелестномъ имѣніи пани Веловѣйской, не забывали также очаровательнаго пріюта пани Гавронской, прозваннаго нами раемъ. Желая быть поближе къ Богу, мы поѣхали однажды всей компаніей въ Свето-Кржижскія горы, гдѣ по случаю церемоніи отпущенія грѣховъ находилась въ то время масса богомольцевъ; тутъ были на лицо въ полной парадной формѣ всѣ офицеры и унтеръ-офицеры католики, стоявшіе гарнизономъ въ Новой Слупѣ; они горячо молились, прося Господа Бога о спасеніи Польши. Пани Гавронская показала намъ украдкою на своего пожилаго мужа, который въ монашенскомъ одѣяніи съ зажженной свѣчей въ рукахъ распѣвалъ: Ave Maria и Sub tuum proesidium. Жена знаками дала ему знать, что его никто не узнаетъ, и онъ простодушно поблагодарилъ Бога и свою вѣрную жену за то, что она устроила все такъ, что его даже не разъискивали.

Младшіе офицеры корпуса графа Владислава Замойскаго или Ромарино привезли въ Новую Слупу прискорбную вѣсть, что планъ переправы у Завихвоста не былъ одобренъ, несмотря на то что дѣятельный предсѣдатель суда Тамушевичъ доставилъ для этой цѣли 200 лодокъ для перевозки пѣхоты и артиллеріи и позаботился разставить вѣхи для кавалеріи въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ бродъ. Въ Завихвостѣ находился Каменскій съ кавалеріей и орудіями; со стороны Солецъ не только не было слышно о Ридигерѣ, но даже Флоріанъ Ржевусскій ушелъ куда-то въ лѣса; только у Ополя донскіе казаки преслѣдовали уланъ, которые видимо хотѣли скрыться. Розенъ шелъ со своимъ корпусомъ очень лѣниво, а Кайсаровъ еще лѣнивѣе направлялся къ границѣ. Мы могли бы переправиться черезъ Вислу совершенно спокойно, какъ у Христа за пазухой, но наше начальство этого не пожелало.

Генералъ Гавронскій говорилъ:

— Къ чему намъ сражаться? чтобы наплодить ветерановъ и цивилитовъ? да кто же будетъ содержать ихъ?

Имѣя подъ начальствомъ такую храбрую кавалерію, онъ даже не хотѣлъ преслѣдовать донцовъ. Ромарино насвистывалъ итальянскія арии, а Замоискій торопился къ пани Лаурѣ Тарновской, къ кн. Меттерниху, къ Габсбургамъ, въ надеждѣ на то, что ему удастся съ помощью Габсбурговъ добиться престола.

На границѣ Галиціи поджидали Розена и Кайсарсва; какъ только они показались, съ той и съ другой стороны началась перестрѣлка. Это не походило на сраженіе, а по-просту на обстрѣливаніе мѣстности или на привѣтствіе войска орудійными залпами. Когда окончилась эта церемонія, польское войско перешло границу и сложило оружіе, а Замоискій уѣхалъ, вѣроятно, въ Виденъ, а затѣмъ въ Лондонъ, просить Пальмерстона возстановить Польшу и королевство Польское. Такъ говорили намъ, по крайней мѣрѣ, офицеры, которые, будучи преисполнены рвенія и готовности послужить отечеству и вѣра преданности Замоискаго Польшѣ, послушли подѣ его начальство. Къ сожалѣнію, имъ пришлось присоединиться къ намъ только для того, чтобы вмѣстѣ съ нами отправиться въ Галицію, куда мы всѣ стремились.

Перемиріе не привело ни къ какимъ результатамъ. Переговоры окончились ничѣмъ; одна сторона не знала хорошенько, чего она хотѣла, другая не хотѣла дать того, о чемъ побѣжденные не упоминали въ своихъ желаніяхъ и просьбахъ. Поговаривали о томъ, что побѣжденные требовали уступокъ и свободы, а побѣдителя — покорности, просьбъ и послушанія; поэтому трудно было прийти къ соглашенію, въ особенности при страстномъ желаніи уйти за границу, которое подобно эпидеміи овладѣло и старымъ, и молодымъ. Гек. Дембинскій говорилъ въ своей брошюрѣ: «мы будемъ ходить изъ края въ край съ оружіемъ въ рукахъ, будемъ воевать, пока не надѣдимъ всему свѣту и насъ не прогонятъ обратно въ освобожденную Польшу, которую намъ возвратятъ ради спокойствія человѣчества и всего міра. Послѣ поражений, понесенныхъ нами вслѣдствіе отсутствія политическаго смысла, нами овладѣло новаго рода безуміе: желая оправиться отъ пораженія, кланялись выбитъ, мы отправились странствовать какъ вѣчные жиды». Это составляло въ то время альфу и омегу политическихъ желаній поляковъ; сообразно съ этимъ они и поступили.

XIX.

Переходъ въ Галицію.—Баторская воля.—Стремленіе за Дунай.—Подгорье.—
 Генералы Фухтель и Скржинецкій.—Заторь.—Пани Вонсовичъ.—Мадьяры.—
 Зелеховъ.—Отъѣздъ во Львовъ.—Пржеворскъ.—Капитуляція Замостья.—
 Майоръ Верещинскій.

Варшава послѣ штурма сдалась на капитуляцію; наше побѣжденное войско отступило къ Модлину, откуда оно начало свое странствованіе; мы также собирались выступить изъ Новой Служи, этотъ разъ готовясь идти не на сраженіе, а на странствованіе. Войско потянулось къ Нидѣ, но и тамъ уже нечего было дѣлать. Іосифъ Загѣтскій, окруженный своими приспѣшниками-демократами, самолично отправился въ Пичовъ, чтобы принять начальство надъ войскомъ, которое состояло изъ батальона пѣшихъ егерей Сандомирскаго полка, батальона 229-го линейнаго полка и эскадрона кракусовъ. Задачей этого отряда было обезпечить отступление войскамъ, которые находились на лѣвомъ берегу Ниды, между этой рѣчкой и Вислою. Для подкрѣпленія его Тадеушъ Горайнъ доставилъ нашему рыцарю-демократу два орудія изъ батареи Корженевскаго.

Пичовъ—гнѣздо краковскихъ евреевъ,—лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки; черезъ этотъ городокъ проходитъ большой почтовый трактъ, называемый Надбережнымъ или Надвислянскимъ; на рѣкѣ былъ сооруженъ деревянный мостъ на сваяхъ.

Нуда течетъ въ болотистомъ руслѣ среди полянъ и топкихъ луговъ; ее довольно трудно перейти въ бродъ, такъ какъ дно ея мѣстами очень вязко.

Этотъ пунктъ при отступленіи войска имѣлъ весьма важное значеніе, такъ какъ лодки, приготовленныя для переправы, можно было тянуть бичевою, а при малѣйшей опасности, на тѣхъ же лодкахъ можно было переправиться на галиційскій берегъ. Таковъ былъ взглядъ на эту мѣстность новаго начальника штаба; поэтому онъ и желалъ принять начальство надъ отрядомъ, чтобы выказать свое знаніе военнаго дѣла.

Но полковникъ Загѣтскій не зналъ, что въ лицѣ супруги мѣстнаго управляющаго онъ встрѣтитъ свою давнишнюю знакомую, свою возлюбленную, которая предпочла нѣкогда пѣхотному подпоручику эконома съ туго набитою мошною; теперь иное дѣло, онъ былъ богатыремъ въ глазахъ демократів, она же была полька и какъ жена эконома къ аристократів не принадлежала. Кладовыя и погребъ управляющаго, чловѣка весьма почтеннаго, были полны всякаго добра; онъ былъ очень гостепріименъ я вовсе не ревнивъ, поэтому то и дѣло приглашалъ на

обѣды и чай полковника, который распивалъ его вино у ногъ пинчовской Омфалы, а чтобы не имѣть хлопотъ по оборонѣ рѣки и не терять на это времени, онъ приказалъ пѣхотѣ и артиллеріи перейти на правый берегъ Ниды и стать лагеремъ; а кавалерію, для пушекъ важности и для собственной безопасности, оставилъ при себѣ, во дворѣ управляющаго, сказавъ: «когда придетъ пора, мы сорвемъ мостъ». Но онъ не принялъ во вниманіе того, что жители Пинчова—евреи, всегда готовы при случаѣ, не теряя времени, отомстить полякамъ за все то, что они терпятъ отъ нихъ; они уведомили русскихъ, и конные егеря Арзамасскаго полка, напавъ неожиданно на Пинчовъ, взяли въ плѣнъ начальника штаба и цѣль его демократіи; при этомъ было убито и взято нѣсколько человѣкъ кракусовъ, но большая часть кавалеріи успѣла перейти черезъ мостъ. Майоръ Нѣмецкій, съ батальономъ 229-го полка послѣдшне отступилъ въ кусты, росшіе по берегу рѣки; у него была очень выносливая лошадь, и онъ такъ гналъ ее, что въ одинъ день прискакалъ въ Краковъ, предоставивъ своему батальону послѣдовать за нимъ. Въ авангардѣ шелъ храбрый батальонъ егерей Сандомірскаго полка, но, не будучи построены въ карре, онъ не могъ противостоять въ открытомъ полѣ превосходнымъ силамъ непріятеля и былъ разбитъ семью эскадронами кавалеріи; многіе егеря были убиты и взяты въ плѣнъ.

Такъ неудачно началъ исполненіе своихъ обязанностей начальникъ штаба нашего корпуса полковникъ Іосифъ Загѣсскій, одинъ изъ богатѣйшей пришлои демократіи, рыцарь варшавскихъ демагоговъ. Не знаю какимъ образомъ онъ освободился изъ плѣна, но онъ догналъ своего генерала близъ Кракова до перехода его въ Галицію. Иные говорили, будто жена управляющаго упростила полковника конныхъ егерей Арзамасскаго полка отпустить его, другіе утверждали, будто полковникъ, видя въ немъ человѣка преступнаго, котораго ожидало строгое наказаніе, приказалъ имѣть за нимъ такой слабый надзоръ, что Загѣсскій имѣлъ возможность совершенно спокойно сѣсть въ коляску и уѣхать куда ему вадумалось; послѣднее предположеніе кажется мнѣ наиболѣе правдоподобнымъ, такъ какъ полковникъ былъ русскій человѣкъ, истый славянинъ; при томъ, случаи дружескихъ услугъ между воюющими товарищами по оружію были не рѣдки въ эту войну. Товарищемъ Загѣскаго былъ майоръ Нико, окончившій вмѣстѣ съ нимъ курсъ въ школѣ подпрапоршниковъ; впоследствии онъ былъ ярый демократъ, а позднѣе сражался съ отличіемъ въ рядахъ французскихъ войскъ въ Алжирѣ.

Потерявъ позицію въ Пинчовѣ, генералъ С. Ружицкій хотѣлъ возмѣстить эту потерю, занявъ Иголами, гдѣ сходились чуть не всѣ дороги изъ Краковскаго, Калишскаго и Сандомірскаго воеводства и шоссе, которое вело изъ Кѣлецъ и Радома. Карлъ Ружицкій былъ посланъ за-

нять этотъ пунктъ съ тремя эскадронами нашего полка, однимъ эскадрономъ Литовско-русскаго полка и эскадрономъ прекрасной легкой Надвислянскон кавалеріи, сформированной изъ галиційской молодежи.

Между тѣмъ С. Ружицкій отправился въ Краковъ вмѣстѣ съ прочими генералами, Яномъ Ледоховскимъ и остальнымъ войскомъ. Намъ оставили въ Иголами съ приказаніемъ: не трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не пройдутъ всѣ наши отряды или пока у русскыхъ не окажется болѣе превосходныхъ силъ. Только тогда намъ разрѣшалось переправиться на противоположный берегъ Вислы, въ Галицію, и было обѣщано доставить съ этой цѣлью изъ Кракова потребное число лодокъ, но оказалось, что мы получили всего только одну.

Иголами расположено на холмѣ, въ разстояніи одной версты отъ Вислы. По ту сторону города, со стороны Краковскаго воеводства простирается во всѣ стороны ровная, низменная мѣстность, а далѣе видѣется не особенно высокой косогоръ; между Вислою и Иголами находится пастбище, а по берегу рѣки—болотистый лугъ.

Мы разставили пикеты и выслали развѣзды въ пяти направленіяхъ; нашъ отрядъ сталъ бивуакомъ на холмѣ, подлѣ развалившейся вѣтряной мельницы или какого-то иного строенія. Съ холма открывался обширный видъ, но нашимъ взорамъ представилось довольно грустное зрѣлище: масса вооруженныхъ людей, упавшихъ духомъ послѣ повсеннаго ими пораженія, бѣжала изъ родной земли, обрекая себя на странствованіе какъ вѣчные жидаы.

На разсвѣтъ намъ были доставлены въ экипажахъ трое воилицевъ. Однимъ изъ нихъ оказался Станиславъ Ворцель, графъ и посолъ, притомъ ярымъ демократъ, которому право было бы гораздо лучше остаться со своей красавицей женою и растить дѣтей для Польши, нежели воевать и заниматься политикою, такъ какъ это принесло и ему и всему краю лишь ту пользу, что онъ свалился подъ Ухоньями съ лошади, а въ Лондонѣ толковать съ Кремповецкимъ и ксендзомъ Пулавскимъ о томъ, какъ сравнять великую пропасть, отдѣляющую хлопковъ отъ пановъ, зарывая въ трупамъ шляхты. Этими рѣчами они вырыли дѣйствительно пропасть тамъ, гдѣ ея вовсе не существовало, а нѣмцы, какъ народъ смышленный, воспользовались удивленіемъ сумасбродныхъ поляковъ и уложили въ эту пропасть не мало труповъ славянскихъ, панскихъ, шляхетскихъ и пожалуй были бы не прочь повторить это еще разъ. Въ результатъ изъ честнаго Стаса вышелъ свирѣпый Ворцель, причаившій польскому дѣлу болѣе зла, чѣмъ Гонта и Желѣзнякъ.

Вторымъ изъ прибывшихъ воилицевъ былъ Хонскій, сынъ профессора изъ Кременца, казначей комитета русскыхъ земель, прибывшій со своей кассой; третьимъ оказался—Николай Еловецкій, поэтъ и пасака, другъ Наркиса Олизара и неразлучный его сотоварищъ въ Ра-

фаловѣ; въ описываемое время онъ былъ аргусомъ, стражемъ кассы «вдовьяго гроша». Всѣ трое безъ дальнихъ проловочекъ были отправлены подъ конвоемъ въ Краковъ. Въ кассѣ этихъ господъ было, какъ намъ говорили, до двухсотъ тысячъ золотыхъ. Куда дѣвались эти деньги? Я знаю только, что уже во Франціи по поводу ихъ былъ начатъ процессъ съ Хокскимъ, въ которомъ фигурировали также на судѣ и въ печати братья Еловецкіе изъ Габника, какъ представители отъ русскихъ земель.

Вслѣдъ за тѣмъ начали прибывать человѣкъ по десяти и болѣе остатки тѣхъ четырнадцати эскадроновъ кавалеріи, которые, находясь подъ начальствомъ генерала Каменскаго, были постыдно разбиты русскими конными егерями; говорю постыдно потому, что они пропустили артиллерію Карла Каченовскаго и не сумѣли вновь построиться, а только все отступали, да отступали. Въ этомъ случаѣ нельзя винить солдатъ, вся вина падаетъ на генерала, который первый обратился въ бѣгство и не остановился даже ни на минуту въ Иголами; такъ какъ онъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ, при эполетахъ и орденахъ, то на нашихъ аванпостахъ его не опросили и не задержали по приказанію Карла Ружицкаго, который пощадилъ генерала, видя его несчастіе и поворъ. Каменскій, не останавливаясь въ Краковѣ, отправился прямо въ Дрезденъ, а оттуда въ Мюнхенъ, гдѣ и остался жить, не поддерживая никакихъ сношеній съ польскими полетяческими дѣятелями; за то онъ велъ знакомство съ тѣми соотечественниками, съ которыми могъ угощаться вкусными обѣдами, запиная ихъ обильно рейнвейномъ. Нѣкоторые лица, проѣзжавшія черезъ Мюнхенъ, говорили мнѣ впоследствии:

— Нашъ Каменскій еще чего-нибудь да стѣбитъ; онъ угостилъ насъ такимъ юганнисбергомъ, отъ котораго и посейчасъ пріятно щекочетъ небо; славное было, хрѣнное вино.

Не помню имени этого генерала и никогда не видѣлъ его, но я полагаю, что это не былъ тотъ храбрый полковникъ Николай Каменскій, который всегда и вездѣ, по мѣрѣ силъ, сражался за польское дѣло.

Штабъ и оберъ-офицеры этого полка не заслуживаютъ оправданія; ежели бы они построили взводы по-взводно и эскадроны по-эскадронно, то эта превосходная кавалерія не бѣжала бы по крайней мѣрѣ съ поля сраженія какъ испуганное стадо барановъ. Когда мы высказывали это мнѣніе, то намъ возражали:

— Къ чему бы это повело? Къ чему всѣ эти церемоніи? Не все ли равно отступать по-взводно или по-эскадронно? все же это будетъ отступление, — иначе говоря бѣгство. Ужъ ежели Замоискій отступилъ съ цѣлымъ корпусомъ, то почему же намъ было не искать спасенія въ бѣгствѣ? Всѣ бѣгутъ; войска уже не существуетъ; теперь всякій отбѣгаетъ только за себя.

Вина кавалерійскихъ офицеровъ стала еще очевиднѣе, когда подошелъ Карлъ Каченовскій со своими орудіями и артиллеристами. Два дня и двѣ ночи отступалъ онъ со своею храброю командою къ Иголами передъ русской кавалеріей, которая преслѣдовала его; онъ пользовался каждой рытвиной, каждымъ пригоркомъ, чтобы поражать непріятеля и, подавъ ему признакъ жнани, отступать, а не бѣжать. Генералъ Бемъ, за битву подъ Остроленко, приобрѣлъ, безъ сомнѣнія, вполне заслуженно, славу героя, но въ его распоряженіи была масса орудій; о Каченовскомъ же и не вспомнили, такъ какъ у него было всего два орудія. Честь и слава ему: онъ вполне достоинъ того уваженія, какое питали къ нему въ душѣ его товарищи-воины.

Я уважалъ его по-прежнему и въ то время, когда, учась смиренію у іезуитовъ, въ монастырѣ «Змертвыхъ-встанцевъ» въ Римѣ, онъ подметалъ корридоры и чистилъ сапоги посѣтителѣмъ и, пойдя въ Адриано-поль, когда онъ былъ прелатомъ униатской церкви и голосомъ, привычнымъ къ командѣ, громко и звучно распѣвалъ для славянскаго люда: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ». Честь и слава ему во вѣки въ памяти военныхъ...

Мы привѣтствовали Каченовскаго какъ начальника и весь его отрядъ какъ родныхъ братьевъ, обнимая ихъ и прижимая къ сердцу. Въ моментъ всеобщей скорби это зрѣлище было по истинѣ трогательно и умирительно.

Войско, шедшее вразсыпную и отдѣльными отрядами, перешло наконецъ за границу отечества. Годъ тому назадъ мы распѣвали: *marzsz Dobroweki, z ziemi Wloskiej do Polskiej* ¹⁾, теперь же приходилось пѣть генераламъ: *marzsz, marzsz, heneraly z ziemi reykkiej do ziemi Bóg wie jakiej* ²⁾... Большинство нашихъ генераловъ давно уже придерживалось правила не показываться на полѣ битвы: пускай-де солдаты и оберъ-офицеры стрѣляютъ и убиваютъ другъ друга; генералы и штабные могутъ руководить битвою и письменными приказаніями.

Однажды мы завидѣли вдали колонну русскаго войска; это была кавалерія; на лѣвомъ флангѣ шли кирасиры, уланы и гусары генерала Кнорринга, которыхъ мы видѣли тогда впервые, на правомъ флангѣ у самой Вислы—уланы Розена, а прямо противъ нашего центра—наши старые знакомые, драгуны и конные егеря Ридигера; нашихъ братьевъ, донцовъ, не было видно.

День клонился къ вечеру; русскіе шли какъ бы церемоніальнымъ маршемъ; передъ фронтомъ играла музыка; солнечныя лучи отражались на полврованной стали ихъ оружія и оживляли ихъ разноцвѣт-

¹⁾ Иди, иди, Домбровскій, изъ земли итальянской въ землю польскую.

²⁾ Идите, идите, генералы, изъ земли польской куда глаза глядятъ.

ные мундиръ; зрѣлище было красивое и вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ печальное. Мы, славяне, отступали передъ славянами на славянскую землю, захваченную нѣмцами! Какимъ сатанинскимъ смѣхомъ должны были разразиться эти нѣмцы, удивляясь славянской глупости, славянской злобѣ и розни. Когда же этому настанетъ конецъ, когда же мы запоемъ всѣ вмѣстѣ оду «Къ юности» славянскаго поэта и по-славянски нападѣмъ на нѣмцевъ? Такъ думалъ и мечталъ я въ ту пору, такъ продолжаю думать и мечтать донныѣ.

Надвислянцы и даже офицеры Литовско-русскаго полка, еще въ Варшавѣ привыкшіе безпрестанно высказывать свое неудовольствіе, возстали противъ мысли о переправѣ и подали письменное заявленіе за собственноручными ихъ подписями о томъ, что они не умѣютъ плавать верхомъ на лошадяхъ, ибо этому не обучались. Это заявленіе было принесено мнѣ Анастасіемъ Подгурскимъ и Львомъ Сипковскимъ. Украинцамъ я выразилъ по этому поводу мое неодобрѣніе; а заявленіе офицеровъ Литовско-русскаго полка изорвалъ на мелкіе клочки, обѣщавъ какъ нибудь избавить ихъ отъ опасности переплывать черезъ рѣку. Прошеніе надвислянцевъ попало прямо въ руки Карлу Ружицкому; онъ былъ имъ вѣзбѣшенъ, однако удовлетворилъ ихъ просьбу, приказавъ надвислянкамъ сѣсть безъ лошадей въ единственную лодку, которая была въ нашемъ распоряженіи, и переправиться въ ней за рѣку. Лошадей приказано было препроводить цѣлымъ табуномъ черезъ Краковъ въ Подгорье (Podgórze), лежавшее на противуположномъ берегу. Такъ какъ исполненіе этого приказанія было возложено на нашего ремонтера и моего бывшаго управляющаго Толчевскаго и на нашего казначея Антона Выговскаго, бывшаго одно время моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, то мнѣ не составило труда переправить съ надвислянками и офицеровъ Литовско-русскаго полка; это было мнѣ тѣмъ богѣе съ руки, что тѣ 14 дезертировъ русскаго войска, которые прислуживали имъ и ухаживали за ихъ лошадьми, сѣумѣли очень ловко переправить ихъ на другую сторону.

Два часа спустя, наши эскадроны, снявъ пикеты и часовыхъ, направились къ рѣкѣ; при свѣтѣ луны, сіявшей на небѣ, мы въ четвертый разъ перешли Вислу въ бродъ и переплыли ее безо всякихъ приключеній.

Спуститься съ холма Иголами и переплыть рѣку—было послѣднимъ лихимъ дѣломъ нашихъ солдатъ; они совершили переправу въ величайшемъ порядкѣ, такъ стройно, какъ будто они маневрировали на плацъ-парадѣ, такъ точно какъ они дѣйствовали и на полѣ битвы, но когда мы очутились на галиційскомъ берегу и увидѣли стоявшихъ тамъ венгерскихъ гусаръ, эскадронъ Виртембергскаго полка и пѣхотный батальонъ полка Біанки, тогда только солдаты и офицеры впервые заплакали какъ дѣти, обнимая другъ друга, а измученный Анастасій Подгурскій твердилъ: «вотъ и довоевались!»

Наши казаки, всплѣвъ негодованіемъ, закричали въ одинъ голосъ: «и поводемъ; на Дунай, въ Туречинну! тамъ наши братья казаки, тамъ и намъ мѣста хватать!»

Весь полкъ, какъ одинъ человекъ, вскочилъ на коней; офицеры много очутились передъ взводами и эскадронами и даже заплѣли: «пни внизъ, пни внизъ».

Гусары и пѣхота Біанки, какъ тѣни, исчезли въ лѣсу, и мы остались совершенно одни.

Карлъ Ружицкій улыбнулся, а казаки закричали: «отецъ командиръ, веди насъ за Дунай, въ Турецкую землю».

Было приказано проказвести повѣрку солдатамъ; одного не оказалось—казака Луки; никто не могъ сказать, утонулъ ли онъ въ рѣкѣ или бѣжалъ.

Наконецъ Омецинскій вспомнилъ, что поставилъ этого казака на часы въ лознякѣ на самомъ берегу рѣки и позабылъ снять его съ часовъ. Между тѣмъ уже стемнѣло; одинъ изъ рыбаковъ отправился къ указанному мѣсту вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ, который былъ переодѣтъ рыбакомъ; они застали Луку, бодрствовавшаго на конѣ; онъ переправился къ намъ верхомъ на своей лошади; мы радостно привѣтствовали его. Отвѣчая на наши разспросы, онъ разсказалъ, что видѣлъ русское войско, видѣлъ, какъ мы спускались съ холма, но продолжалъ стоять на своемъ посту, не считая себя вправѣ оставить его безъ приказанія начальства. Кажется нѣтъ подвига, который былъ бы недоступенъ съ подобными солдатами, а надобно замѣтить, что они были таковы всѣ безъ исключенія. Я прожилъ 60 лѣтъ на свѣтѣ, изъ нихъ 40 лѣтъ провелъ въ странствованіяхъ, служа на военномъ поприщѣ, видѣлъ всевозможныя войска, внимательно къ нимъ присматривался, старался изучить ихъ до малѣйшихъ подробностей и теперь, положа руку на сердце, по совѣсти могу сказать, что нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго корпуса офицеровъ и такихъ солдатъ и даже не слыхивалъ ничего подобнаго. Наши офицеры были истые шляхтичи не только по названію. Соедняя съ умомъ сердечныя качества, они были люди въ высшей степени справедливые, честные и сердечные; имъ и въ голову не приходило дѣйствовать эгонистично или съ хитростью, а солдаты походили на тѣхъ доблестныхъ казаковъ, коихъ воспѣваютъ въ старинныхъ пѣсняхъ; слова «нелзя» для нихъ не существовало, не было того подвига, который они считали бы невозможнымъ. Если бы поляки имѣли побольше такихъ войскъ, то Польша бы не погибла; бердичевскіе казаки поддержали бы ее на своихъ пикахъ.

На слѣдующій день показались снова австрійскіе гусары и пѣхота; легкій Литовско-русскій и Надвислянскій полки были обезоружены и пошли въ Баторскую Вою, — по близости отъ мѣстечка Неполомѣцы. Тутъ находилась извѣстная Неполомѣцкая пуца, въ которой охотились на крупнаго звѣря короли польскіе, въ особенности Стефанъ Баторій,

который былъ страстный охотникъ; мѣстечко носило его имя—Баторская Воля. Тамъ уцѣляли еще слѣды охотничьяго дома этого великаго короля, но они походили скорѣе на развалины простаго шляхетскаго дома, изъ коего имущество вывезено и продано съ молотка, а домъ развалился за отсутствіемъ у владѣльца средствъ на ремонтъ. Въ Баторской Волѣ войско было размѣщено близъ кирпичнаго завода. Съ нашимъ полкомъ никакъ нельзя было сладить: солдаты не хотѣли сложить оружія и отдать лошадей, они то и дѣло кричали: «Отецъ командиръ, веди насъ за Дунай, въ туречину».

Ни одинъ изъ нашихъ офицеровъ не сдавалъ команды. Австрійскіе гусары и пѣхота были чрезвычайно испуганы. Карлъ Ружицкій волновался и не зналъ, какимъ образомъ положить конецъ упорству казаковъ; можетъ быть онъ и самъ въ душѣ готовъ былъ закричать: «идемъ за Дунай», такъ какъ въ его груди билось казанское сердце, и онъ былъ также уроженецъ Украины. Дано было знать въ Подгорье, откуда прислали второй эскадронъ гусаръ и еще два батальона пѣхоты полка Біанки; съ ними прбылъ и командиръ гусарскаго полка, полковникъ князь Лихтенштейнъ. Гусары стали обходить насъ съ фланга, а пѣхота шла прямо на насъ. Нашъ полкъ, не ожидая команды, нигомъ очутился на коняхъ; офицеры стали передъ своими частями; первый эскадронъ пресѣкъ путь одному эскадрону гусаръ, а третій эскадронъ—второму гусарскому эскадрону, тогда какъ нашъ второй эскадронъ, держа пики на перевѣсъ, былъ готовъ вступить въ бой съ пѣхотою... но лишь только раздался кликъ: «пики внизъ, пики внизъ», гусары разомъ повернулись къ намъ тыломъ и скрылись въ лѣсу, а пѣхота вернулась въ мѣстечко, оставивъ насъ полными хозяевами мѣстности. Не знаю, чѣмъ бы окончилось дѣло, ежели бы австрійцы были не такъ хладнокровны. Признаюсь, намъ это чрезвычайно понравилось. Случившееся, видимо, произвело нѣкоторое впечатлѣніе и на австрійское начальство, такъ какъ въ ту же ночь пріѣхалъ генералъ Фихтель, командовавшій австрійскими войсками Тарновицкаго и Вадовицкаго округовъ, коего главная квартира находилась въ Подгорьѣ. Хотя это былъ кавалерійскій генералъ, но онъ еле волочилъ ноги; не знаю, сживалъ ли онъ когда нибудь на конѣ, но въ коляскѣ онъ садился прекрасно. Генералъ былъ человекъ весьма богобоязненный; при немъ неотлучно находился молитвенникъ и духовникъ—иезуитъ, который всегда помѣщался въ экипажѣ на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ генераломъ, а адъютантъ ѣхалъ на передней скамейкѣ. Генералъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Карломъ Ружицкимъ, послѣ чего было приказано отслужить на слѣдующій день обѣдню подъ открытымъ небомъ; нашему полку велѣно было присутствовать на обѣднѣ верхами и при оружіи, чтобы поблагодарить Бога за славу, которой онъ насъ покрылъ въ эту злополучную войну. Ксендзу

Коломійскому поручено было сказать проповѣдь, которая смягчила бы сердце казаковъ и побудила бы ихъ сложить оружіе.

День былъ прекрасный, солнце свѣтало ярко; было такъ тихо, что на одинъ листокъ не шелохнулось, и деревья Неполомѣцкой пушты стояли какъ закодированныя въ своемъ осеннемъ уборѣ. «Господи помилуй», разнесло эхо по всей пушчѣ. Все обошлось какъ нельзя лучше; наши эскадроны горячо благодарили Бога и молились отъ всего сердца. Когда Коломійскій началъ свою проповѣдь, подлѣ генерала Фихтеля, сидѣвшаго въ экипажѣ, стали верхами К. Ружицкій и князь Ляхтенштейнъ. Проповѣдь была казацкая, громкая какъ гулъ выстрѣловъ, пламенная какъ раскаленная граната, энергичная какъ натискъ кавалеріи; подъ конецъ ксендзъ сказалъ: «видите ли, возлюбленные братья мои, ежели русскіе—дьяволы, такъ австрійцы—черти, съ ними нельзя жить въ ладу. Во имя Бога, за Дунай; слава Богу, пики внизъ, пики внизъ».

Лишь только казаки опустили пики, Фихтель крикнулъ своему кучеру, тотъ повернулъ лошадей, которыя быстро понеслись къ Баторской Воли; за ними поскакали гусары, пѣхота и К. Ружицкій. Мы остались на площади одни съ ксендзомъ Коломійскимъ.

Мы думали, что намъ угрожаетъ какая нибудь неприятность; многимъ пришло въ голову, что мы повели дѣло слашею круто и что переходъ за Дунай, о которомъ мы разгласили такъ опрометчиво, окажется невозможнымъ, ежели въ насъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ; это казалось довольно вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе что мы слышали отъ надвисянцевъ, что въ Баторскую Волю было доставлено два орудія. Пробраться за границу по казацкому, потахоньку, было возможно, но послѣ проповѣди ксендза Коломійскаго, задѣвшаго за живое пылкое воображеніе поляковъ, это казалось неудобноисполнимымъ. Такъ смотрѣло на это дѣло большинство офицеровъ, и надобно сознаться—они были правы; они старались внушить этотъ взглядъ унтеръ-офицерамъ, желая отговорить ихъ отъ невозможнаго и подѣйствовать на нихъ силою убѣжденія; а тѣ въ свою очередь проповѣдывали это солдатамъ.

Мы съ Омецинскимъ стояли въ сторонѣ и ничего не говорили, такъ какъ намъ хотѣлось за Дунай. Ежели намъ ужъ суждено странствовать внѣ предѣловъ отечества, думали мы, то лучше дѣйствовать по-казацки и быть въ казацкомъ кошѣ. Мы проклинали въ душѣ польскую рѣчь нашего базиліана и обдумывали, какъ бы устроить дѣло такъ, чтобы поставить на своемъ. Въ это время къ намъ подѣхалъ К. Ружицкій; онъ былъ веселъ и съ довольнымъ лицомъ сообщилъ намъ, что мы не будемъ обезоружены, что у насъ не отнимутъ, какъ у прочихъ, лошадей, что мы останемся на квартирахъ въ Баторской Воли, а я поѣду въ Заторгъ, гдѣ находилась квартира генерала С. Ружицкаго, за деньгами; когда деньги будутъ у насъ въ рукахъ, тогда мы подумаемъ объ осталь-

номъ; Омединскій будетъ посланъ въ Подгорье къ генералу Фихтелю за дальнѣйшими приказаніями. Все сказанное К. Ружицкимъ было какъ нельзя болѣе логично, но вмѣстѣ съ тѣмъ было ясно какъ день, что онъ хотѣлъ временно удалить насъ обоихъ. Ружицкій предполагалъ совершенно справедливо, что никто иной какъ мы съ Омединскимъ подстрекали, главнымъ образомъ, казаковъ къ переходу за Дунай, но что нашу полкъ до того привыкъ слушаться, а не рассуждать, что все будетъ такъ, какъ онъ хочетъ.

Наши эскадроны расположились на квартирахъ въ Баторской Вогѣ; австрійскіе гусары и пѣхота были размѣщены въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи и дѣлали видъ, что не слѣдятъ за нами. Мы собирались съ Омединскимъ въ путь; у каждого изъ насъ была сабля и лошадь, тѣмъ не менѣе всѣ были сумрачны, невеселы, всѣмъ было не по себѣ... Но одно маленькое приключеніе разогнало овладѣвшее всѣми мрачное настроеніе, и, какъ это часто бываетъ на свѣтѣ, всѣ повеселѣли, всѣмъ стало легко на сердцѣ; такова уже человѣческая натура.

На квартиру къ Карлу Ружицкому явился гусарскій ротмистръ Бардай съ поручикомъ гусарскаго полка Гарнишеромъ и подполковникомъ Львовымъ; за ними, какъ пса на привязи, вели закованнаго въ цѣпи Станислава Ворцеля, возлѣ котораго шла какая то отвратительная старуха приговаривая:

— Мерзавецъ, негодяй, такъ то ты держишь клятву, данную передъ Богомъ; ты отказываешься отъ меня, законной твоей жены, чтобы бѣгать за такими же мерзавками какъ ты самъ; я научу тебя разуму и добродѣтели, пускай тебѣ всыпать штукъ 25 горячонькихъ.

Вѣдмый Ворцель не смѣлъ поднять глазъ. Насъ спросили, знаемъ ли мы этого человѣка? Припомнимъ, что онъ просилъ насъ сдѣлать видъ, будто мы его не знаемъ, мы отвѣчали отрицательно и прибавили, что даже никогда не видѣли его. Тогда намъ сказали, что этого человѣка зовутъ Францъ Гноякъ, что это трубачъ легкаго коннаго Оральскаго полка, который бросилъ свою жену и дезертировалъ, а теперь отрицаетъ и то и другое и продолжаетъ называть себя графомъ, за коего онъ выдалъ себя въ то время, когда его схватили въ Водовичахъ, гдѣ онъ проѣзжалъ, развалившись въ экипажѣ какъ истый вельможа; но глазъ жены тотчасъ призналъ его, и она его выдала; бездѣльника этого слѣдуетъ проучить. Сохдатамъ было приказано стать въ двѣ шеренги, вооружившись палками и отсчитать ему 25 ударовъ. Женщина кричала: «Францъ, Францъ, какъ получишь ихъ, можешь быть исправившись; госнода не жалѣйте рукъ; онъ гуляка, пьянствуетъ и бѣгаетъ за женщинами».

Вѣдмый Станиславъ Ворцель лежалъ уже распростертый во всю длину, два палача стояли надъ нимъ съ поднятыми палками, ожидая только фельдфебеля, который долженъ былъ объявить ему приговоръ,

когда изъ кабы вышелъ К. Ружицкій и сказать, что онъ узнаеть графа Ст. Ворцеля и беретъ его на поруки. Шашкевичъ тотчасъ разсказалъ Барцаю, по какой причинѣ мы отреклись отъ знакомства съ нимъ. Всѣ хотѣли до упаду, рослили по этому случаю нѣсколько бутылокъ венгерскаго и веселились отъ души; но Ворцель былъ до того потрясенъ случившимся, что слегъ въ постель, а на другой день весь посѣдѣлъ; такъ сильно подѣйствовалъ на него конугъ.

Этотъ случай былъ для насъ развлеченіемъ, о немъ судили и рядили на всѣ лады. Въ то время какъ всѣ были еще заняты этимъ приключеніемъ, мы отправились съ Омецинскимъ въ Подгорье, гдѣ остановились у генерала Фихтеля; у него мы застали генераловъ Скржиницекаго и Шептицкаго. Генералъ Скржиницкій привѣтствовалъ насъ самымъ сердечнымъ образомъ и такъ прекрасно отрекомендовалъ насъ австрійскому генералу, что тотъ пригласилъ насъ на обѣдъ вмѣстѣ съ обонимъ нашими генералами. Среди бесѣды о полетикѣ зашла рѣчь о нашемъ желаніи идти за Дунай. Фихтель совѣтывалъ не спѣшить, а ждать, вооружившись терпѣніемъ, при чемъ онъ обнадеживалъ, что можетъ быть намъ не будетъ необходимости идти за Дунай, для того чтобы оттуда пробраться на Дѣвстръ, что вѣроятно можно будетъ прямо отправиться на родину. Подобными надеждами австрійцы давно уже соблазняли поляковъ и имъ всегда удавалось убавлять ихъ опасенія, такъ какъ опытъ никогда не умудряетъ поляковъ; видно такова уже наша судьба и мы всегда такими останемся.

Омецинскій остался въ Подгорьи, а я поѣхалъ съ адъютантомъ штаба генерала Шептицкаго, академикомъ Барковскимъ, которому генералъ Фихтель поручилъ охранять меня, не желая, чтобы меня сопровождалъ какой-нибудь жандармъ или чиновникъ. Генералъ только просилъ меня быть въ мундирѣ и при орденахъ; мнѣ была выдана дорожная, какія получаютъ офицеры австрійскаго войска, и я получалъ вездѣ все, что мнѣ было нужно, безпрепятственно.

Первый нашъ ночлегъ былъ у пани Городиной, малороссіянки, имѣвшей двухъ взрослыхъ сыновей и взрослую дочь. Ни одинъ изъ ея сыновей не служилъ въ войскѣ; они занимались перевозкою оружія и участвовали въ какихъ-то тайныхъ обществахъ и заговорахъ; австрійскія власти и полиція смотрѣли на это сквозь пальцы, ничему не препятствовали, но имъ было все извѣстно и они могли во всякое время обо всемъ донести русскому правительству. Такова обычная тактика австрійцевъ, такъ поступали они со временъ самой Варской конфедерации: поблажать всѣмъ для того, чтобы все знать и обо всемъ своевременно доносить—было ихъ правиломъ. Поляки почему-то считали долгомъ быть признательными за это австрійцамъ; русскіе, съ своей стороны, были имъ благодарны за подобный образъ дѣйствій. Австрій-

скія власти съ тѣми и другими поступали неискренно и радовались тому, что два славянскихъ племени враждовали между собою на пользу и во славу нѣмцевъ, ибо Австрія была еще въ то время страной вполне нѣмецкой. Въ этомъ заключалась квинтъ-эссенція политической мудрости престарѣлаго Меттерниха. Въ числѣ родственныхъ Габсбургамъ высокопоставленныхъ лицъ всегда оказывался какой-нибудь эрцгерцогъ, или эрцгерцогиня, или титулованная особа, страстно преданная Польшѣ и обожавшая поляковъ, а пани Лаура Тарновская или пани Ланцкоронская, либо пани Яблоновская воспѣвали эту любовь въ псалмахъ и кантичкахъ, прославлявшихъ Габсбурговъ и ихъ духовный союзъ съ поляками. На этомъ поприщѣ не мало потрудились для уничтоженія славянства и духовное войско Лойолы. Въ то время никого не интересовалъ ни католицизмъ поляковъ, ни ихъ западное просвѣщеніе; тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ старика Меттерниха, сближеніе со славянами и славянствомъ стало вѣваться полякамъ въ смертельный грѣхъ противъ католической церкви; оно считалось равносильнымъ разрыву ихъ съ Западомъ и его просвѣщеніемъ и страшнымъ преступленіемъ противъ Польши; къ несчастью, этотъ взглядъ преобладалъ и впоследствии. Нельзя сказать, чтобы одно стремленіе къ національной самобытности обособляло поляковъ отъ русскихъ и дѣлало ихъ непримиримыми врагами; виною всему была Австрія и нѣмцы, то и дѣло смущавшіе западныя державы—Францію и Англію, неосновательными опасеніями, дѣлая имъ конфиденціально представленія о необходимости подать руку помощи полякамъ и даже возстановить Польшу, которая должна была служить, по ихъ мнѣнію, государствомъ буферомъ на случай завоевательныхъ стремленій со стороны Россіи. Они обѣщали этимъ державамъ всевозможную поддержку и помощь со стороны Австріи и нѣмцевъ въ томъ случаѣ, если бы содѣйствіе, оказанное ими Польшѣ, вызвало столкновеніе съ Россіей, но дѣло до этого не дошло, хотя все это причинило не мало тревоги Россіи и было источникомъ тяжелыхъ бѣдствій для поляковъ.

То былъ періодъ увлеченія политикою Меттерниха. Предъ нею преклонялся и Майзнеръ, у котораго мы остановились на короткое время въ Висловѣ; онъ принадлежалъ къ какому-то обществу или комитету, какъ и прочіе галичане, съ коими намъ приходилось сталкиваться; всѣ они распѣвали пѣсни въ честь Меттерниха и ожидали всевозможныхъ благъ отъ Австріи. Прибывъ въ Заторъ, мы увидѣлись съ генераломъ Вонсовичемъ и его супругою—владѣтельницею Затора; оба они, въ особенности пани Вонсовичъ, приняли меня весьма радушно, но она такъ много говорила о сочувствіи къ полякамъ Австріи и о надеждахъ, которыя они возлагали на эту страну, что мнѣ было даже противно, тѣмъ болѣе, что въ ея салонѣ говорили объ отреченіи князя Адама отъ поль-

скаго престола въ пользу австрійскаго эрцгерцога, которое было вынуждено Густавомъ Малаховскимъ и Владиславомъ Замоискимъ. Константинъ Городницкій рассказывалъ мнѣ, что, когда онъ былъ въ Торнѣ, туда прѣхалъ полковникъ гусарскаго полка Фахъ, привезшій изъ Петербурга ордена и награды, и что полковникъ, въ дружеской бесѣдѣ, за рюмкою вина, сказалъ ему, что всѣ эти знаки отличія присланы въ награду за отреченіе Чарторыйскаго. Я выразилъ свое неодобреніе по поводу образа дѣйствій Австріи, но пани Вонсовичъ возразила:

— Вы украинецъ и не понимаете этой глубокой политики, но вы увидите, каковы будутъ послѣдствія ея. Меттернихъ заставитъ Европу добиться восстановленія великой и независимой Польши. Притязанія Чарторыйскіихъ оказались бы тщетными; на воцареніе эрцгерцога также, можетъ быть, не послѣдовало бы согласія. Это хорошо понимаетъ Меттернихъ и потому онъ предоставилъ Европѣ полную свободу дѣйствій: либо саксонцы, либо прежняя династія.

Я взглянулъ съ досадою на Станислава Вонсовича.

— Развѣ по женской линіи,—сказалъ я,—давай Богъ.

Пани Вонсовичъ не отвѣчала, но съ этого времени я немного потерялъ въ ея благосклонности. Привожу этотъ разговоръ потому, что считалъ и считаю пани Вонсовичъ одною изъ умнѣйшихъ женщинъ Польши и мнѣ казалось страннымъ, что она, при всемъ своемъ умѣ, была до такой степени ослѣплена политикою Меттерниха.

Генераломъ С. Ружицкимъ я былъ принятъ какъ нельзя лучше, но въ его штабѣ царяла, по обыкновенію, полная неурядица, можетъ быть, она была даже болѣе обыкновеннаго, такъ какъ штабные находились въ полномъ сборѣ; только Тадеушъ Горайнъ былъ посланъ въ Парижъ, да Евстафій Янушкевичъ уѣхалъ въ Краковъ. Однако, мнѣ выдали деньги на весь полкъ и на весь литовско-русскій эскадронъ и снабдили, на всякій случай, крестами и знаками военныхъ отличій—въ счетъ будущихъ благъ.

Очутившись за границею Польши, всѣ наши генералы, начиная отъ Дверницкаго и кончая Рубинскимъ, стали до того щедры на производства и отличія, что офицеровъ вскорѣ могло бы хватить не только на стотысячную, но и на миллионную армію, а крестовъ было роздано столько, что красивый польскій орденъ, даваемый, подобно русскому Георгію, за военные подвиги, утратилъ всякое значеніе, и никто не хотѣлъ его носить, считая это униженіемъ. Нѣтъ хуже, когда люди говорятъ, какъ говорили французы: «послѣ меня хоть потопъ, будущее не для меня, ну его къ чорту».

Генералъ Самуилъ Ружицкій хотѣлъ сформировать легіоны и послалъ съ этой цѣлью въ Парижъ Тадеуша Горайна, воспитывавшагося въ тамошней Политехнической школѣ, поручивъ ему изучить ихъ орга-

визацію. Вмѣстѣ съ Горайномъ отправился маіоръ Ниско—другъ и пріятель Іосифа Залѣскаго; ихъ стараніями одинъ польскій батальонъ былъ переформированъ въ иноземный алжирскій батальонъ легкой конницы, не имѣвшій ничего общаго съ организаціей польскихъ войскъ; никто изъ пребывшихъ поляковъ не смѣшилъ вступать въ него. Батальоннымъ командиромъ былъ назначенъ Тадеушъ Горайнъ. Въ то время, когда я находился въ Заторѣ, австрійское правительство назначило Ольмицъ и Брюнъ мѣстопробываніемъ офицеровъ корпуса Ромарино и Самуила Ружицкаго; солдатъ было приказано отправить въ Ольмицъ; съ этимъ приказаніемъ и съ деньгами я вернулся въ Баторскую Вою, гдѣ со времени моего отъѣзда произошли большія перемѣны.

Лошади, отобранныя у солдатъ нашего полка, были раздѣлены на три группы и переданы въ вѣдѣніе князя Лихтенштейна, а деньги раздѣлены между солдатами и унтеръ-офицерами; русскимъ сдали всего 19 лошадей, да и то такихъ, которыя намъ вовсе не принадлежали, такъ что когда ихъ привели къ генералу Ридигеру, то онъ сказалъ, смѣясь, что австрійцы превратили нашу конницу въ пѣхоту, и отослалъ доставленныхъ ему лошадей обратно, предоставивъ пользоваться ими австрійскимъ офицерамъ. По этому поводу въ Подгорьѣ, возлѣ моста, произошла дуэль между однимъ австрійскимъ гусарскимъ офицеромъ (который былъ родомъ венгерець) и молодымъ полякомъ, служившимъ въ русскомъ гусарскомъ полку. Полякъ сказалъ, что эти лошади походятъ на ослы.

— Что значить ослы?—спросилъ венгерець.

— Азупис,—отвѣчалъ полякъ.

— Его пои шип азупис ¹⁾,—закричалъ венгерець.

Схватили сабли и подрались. Венгерець ранилъ поляка въ ухо, а полякъ сдѣлалъ ему шрамъ на лицѣ; тѣмъ поединокъ и кончился. Адамъ Барановскій, случайно бывшій свидѣтелемъ этой сцены, рѣшилъ, что они оба ослы.

Всѣ солдаты и унтеръ-офицеры нашего полка разбѣстались на квартирахъ у обывателей-галичанъ, которые обѣщали оказать имъ содѣйствіе при переходѣ за Дунай. Въ Ольмицъ отправилось не болѣе 20-ти человекъ, съ маіоромъ Дунинимъ, Куликовскимъ и Антономъ Выговскимъ; всѣ они хотѣли ѣхать во Францію и вступить въ легіоны. За Дунаемъ, въ Турціи, я встрѣтилъ немногихъ изъ нашихъ солдатъ; мнѣ говорили, что большинство вернулось на родину, въ Украину. Къ счастью, они сражались такъ доблестно, что ихъ не устыдили бы принять въ свою среду славнѣйшіе гетманы Украины. Они доказали, что когда казакъ идетъ на войну, то ему все ни по чемъ—онъ всея ду-

¹⁾ Я не ослы.

шой рвется въ бой. Можетъ быть, всё они уже перемерли, а я старикъ еще пишу о нихъ, пока мой часъ не насталъ. Честь и слава имъ и вѣчная память; вмѣстѣ съ ними будетъ жива память и обо мнѣ.

Наша военная дружина разбрелась на всё четыре стороны; не одну слезу проронили казаки, обнимая другъ друга на прощанье и приговаривая: «увидимся за Дунаемъ, въ Туречинѣ!» Такъ окончилось участіе нашихъ бердичевскихъ казаковъ въ войнѣ 1831 года.

Послѣдніе дни нашего пребыванія въ Баторской Волѣ мы провели въ братаньи съ мадырами; да и могло ли быть иначе тамъ, гдѣ находилась польская шляхта? Мы же хоть и казаки, всегда считали себя польскими шляхтичами. Мы лакомились гуляшнемъ, любимымъ національнымъ блюдомъ венгерцевъ, которое готовится изъ мелко изрубленнаго мяса, со свинымъ саломъ, нарязаннымъ также мелкими кусочками; все это варится въ котелкѣ съ разными овощами, саломъ и перцемъ; чѣмъ болѣе положить въ гуляшъ перца, тѣмъ онъ вкуснѣе; его подаютъ въ большихъ мискахъ, и онъ замѣняетъ собою супъ, жаркое и овощи. Выпивъ передъ ѣдою, для возбужденія аппетита, перцовки, запиваютъ каждую ложку гуляша рюмкою добраго венгерскаго вина; такъ какъ перецъ жжетъ языкъ, то гуляшъ возбуждаетъ сильную жажду, а венгерець не гусь, чтобы пить воду, поэтому онъ и послѣ ѣды выпиваетъ не малое количество вина; какъ-же не брататься съ мадырами, какъ-же не любить ихъ и не пить:

„Madziar, polak—dwa bratanki
I do konia, i do szklanki“¹⁾.

Нашъ поручикъ Раймондъ Гурковскій такъ побратался съ поручикомъ гусарскаго полка Георгіемъ, что они были неразлучны и днемъ и ночью, и, что всего удивительнѣе — одинъ изъ нихъ говорилъ только по-польски, а другой только по-венгерски. Намъ было очень любопытно узнать, какимъ образомъ они разговариваютъ. Антонъ Шашкевичъ взялся подслушать. Однажды онъ прибѣжалъ къ намъ, ведя съ собою мальчика, который несъ подъ мышкой поросенка, а въ другой рукѣ гуся.

— Они разговариваютъ какъ этотъ гусь съ поросенкомъ, закричалъ Шашкевичъ и велѣлъ мальчику притиснуть ихъ; гусь загоготалъ, поросенокъ завизжалъ.

— Вотъ такъ и они разговариваютъ. Сидятъ другъ противъ друга за столомъ, на которомъ стоитъ гуляшъ и бутылка вина; передъ каждымъ — лежатъ ложка и рюмка; они смотрятъ другъ на друга какъ влюбленные черепахи и молчатъ; когда гуляшъ защекаетъ горло, одинъ скажетъ немъ, а другой отвѣтитъ шшц, проглотитъ по ложкѣ гуляша и при-

¹⁾ Венгерець и полякъ побратаны на конѣ и за рюмкою вина.

мутся за вино; закусивъ и выпивъ, опять молчатъ, потомъ крикнуть и снова выпить. Въ этомъ состоитъ истинное братанье поляковъ съ мадьярами. Впрочемъ, если бы оно этимъ ограничивалось, то оставалось бы только благодарить Бога; это не принесло бы особеннаго вреда Польшѣ и славянству.

Къ сожалѣнію дѣло этимъ не ограничивалось. Поляки любятъ вино, притомъ болѣе всего венгерское, а когда венгерець угоститъ ихъ гуляшемъ, то они способны выкинуть всякую политическую глупость. Гурковскій такъ побратался съ Георгіемъ, что мы успѣли всё уѣхать изъ Баторской Воли, а они все еще продолжали угощаться и брататься какъ гусь съ поросенкомъ.

Я не буду называть по фамиліи тѣхъ мадьяръ, съ которыми дружили поляки, это не представляетъ никакого интереса и могло бы вызвать неудовольствіе поляковъ; братанье за рюмкою вина, притомъ венгерскаго, не приноситъ никакой пользы, такъ какъ при этомъ не можетъ быть никакого обмѣна мыслей. Мадьяры-побратимы за рюмкой вина всё прекрасные люди и баста—польскій шляхтичъ болѣе ни о чемъ не спрашиваетъ.

Пять офицеровъ того эскадрона, который былъ назначенъ яко бы наблюдать за нами, были чистокровные венгерцы, а одинъ офицеръ, по фамиліи Гарнишеръ былъ уроженецъ г. Львова; всё наши офицеры дружили съ венгерцами, но съ Гарнишеромъ были далеко не въ столь хорошихъ отношеніяхъ. Они считали его агентомъ правительства, а въ венгерцахъ видѣли такихъ преданныхъ друзей, которыхъ они не только были готовы прижать къ сердцу, но конхъ съ радостью заключили бы въ самое сердце, если бы это было возможно.

Гарнишеръ говорилъ намъ о существованіи особаго приказа, коимъ австрійское правительство предписало своимъ чиновникамъ не стѣснять нашихъ солдатъ и офицеровъ въ случаѣ ихъ желанія оставить край; онъ увѣрялъ, будто за нами слѣдятъ только для вида, для Россіи, что правительство предпочитаетъ, чтобы поляки поселились въ Галиціи, нежели отправлять ихъ съ большими издержками во Францію, такъ какъ это составляетъ значительный расходъ, и что разрѣшено даже принимать ихъ въ четыре уланскіе полка, набранные изъ охотниковъ. Вѣстѣ съ тѣмъ Гарнишеръ говорилъ кому могъ по секрету: «не довѣряйте мадьярамъ, это совсѣмъ не то, что польская шляхта. Дай Богъ, чтобы вамъ не пришлось пожалѣть объ этомъ впоследствии».

Услыхавъ это поляки закричали: «этотъ австріецъ хочетъ поссорить насъ съ мадьярами! Онъ хочетъ выпроводить насъ изъ Австріи, онъ готовъ выдать насъ!»

Мадьяры слышали все это и продѣлали съ нами слѣдующую штуку. Они распускали слухъ, будто русскіе требуютъ нашей выдачи и

настаиваютъ въ особенности на выдачѣ Карла Ружицкаго и нѣкоторыхъ офицеровъ, коихъ называли по именамъ; этимъ они чрезвычайно наугали всѣхъ насъ, а своими таинственными отвѣтами, на которые они большіе мастера (покрутить усы, щелкнуть шпорами, откашляться, подмигнуть и не отвѣтить ничего опредѣленнаго—ихъ дѣло) они нагнали на насъ такой страхъ, какого мы не испытывали ни разу при видѣ непріятеля. Тогда мы къ нимъ же обратились за совѣтомъ—что намъ дѣлать? Они отвѣчали: бѣжать, но устроить дѣло такъ, чтобы не компрометировать ихъ. Стали обдумывать разные планы. Карлъ Ружицкій, въ благодарность за такое расположеніе, подарилъ ротмистру гусарскаго полка своего заводскаго жеребца англо-арабской породы, а ротмистръ досталъ ему за это паспортъ на имя майора Квицинскаго, и взявъ его подъ свое особое покровительство, отправилъ Ружицкаго вмѣстѣ съ Яномъ Подлескимъ въ Яношки, а его жеребца, такой же прекрасной породы, который былъ гордостью конюшни Шашкевича, взялъ также подъ свое покровительство, обѣщавъ доставить съ гусарами въ мѣсто жительства Ружицкаго. Карлъ Ружицкій ухъалъ, но своего гнѣдаго жеребца болѣе не выдалъ, а для человѣка военнаго и любителя лошадей жеребецъ представляетъ большую цѣнность; шапка золота—вотъ ему цѣна. Гарнишеръ предупреждалъ его, говоря: «не выдать тебѣ, полковникъ, твоего жеребца какъ ушей своихъ». Каждого изъ насъ такъ или иначе пощипали любезные мадьяры; меня и Омецинскаго они уговорили отослать нашихъ лошадей, экипажи, прислугу и всѣ вещи къ моему двоюродному брату Іосифу Гленбоцкому, а самимъ отправиться какъ бы на прогулку верхомъ до извѣстнаго мѣста, гдѣ насъ должна была ожидать нанятая бричка; привязавъ лошадей къ дереву, мы должны были пересѣсть въ бричку и ухъать: «лошади, привязанныя къ дереву, вызовутъ разные догадки и предположенія со стороны гусаръ, говорила мадьяры, и это дастъ вамъ время спокойно дохъать туда, куда вы отпра- витеесь».

Гарнишеръ и тутъ предостерегалъ насъ, говоря, что насъ просто хотятъ выпроводить, и совѣтывалъ намъ не брать для этой поѣздки нашихъ лучшихъ верховыхъ лошадей. Мы такъ и сдѣлали; я взялъ очень старую, но впрочемъ еще довольно хорошую рыжую лошадь, а годъ спустя, проѣзжая черезъ Вадовицы, мы видѣли съ Омецинскимъ братьевъ мадьяръ, преспокойно гарцовавшихъ на нашихъ лошадяхъ; мы посмѣялись, понявъ что они сыграли съ нами штуку, но съ нихъ были взятки гладки! Такимъ образомъ мы всѣ поплатились малую толику; братанки съумѣли надуть даже Антона Шашкевича, этого стараго воробья. Признаюсь, я съ дѣтства не питаю симпатіи къ мадьярамъ, но послѣ Баторской Воли братанье съ ними за рюмкою вина было мнѣ очень не по вкусу. Надули они насъ, казаковъ!

Мы бѣжали съ Омецнскимъ, хотя насъ никто не гналъ. Благополучно прибыли мы въ Здухово, имѣніе моего дяди отъ перваго брака Амалии Глевбоцкой, которая была впоследствии замужемъ за Вороничемъ, братомъ принаса. Къ нему съѣхалось нѣсколько человекъ гостей. Кромѣ меня тутъ былъ Омецнскій, Михаилъ Грудзинскій и Янъ Немоевскій. Жена моего дяди, рожденная Срочинская, какъ истая краковянка, была очень пріятлива и гостепріимна и любила повеселиться. Моя двоюродная сестра, панна Срочинская была прехорошенькая дѣвушка; сосѣдей у нихъ было множество, притомъ это были люди очень милые, въ ихъ домѣ было весело, оживленно; въ нашемъ распоряженіи были верховыя и упряжныя лошади, и мои борзые имѣли гдѣ поохотиться.

Погостивъ у дяди я оставилъ своихъ лошадей а борзыхъ подѣ присмотрѣ Антона Топчевского и отправился вмѣстѣ съ Яномъ Омецнскимъ во Львовъ; по пути мы заѣзжали къ многимъ помѣщикамъ; насъ интересовало знать какъ имъ живется на бѣломъ свѣтѣ, ибо намъ казалось, послѣ нашего пораженія, что всѣхъ должно было постигнуть какое-нибудь несчастье.

Въ Прживоркѣ мы застали многихъ офицеровъ изъ корпуса генерала Ромарино, преимущественно конныхъ егерей и стрѣлковъ и въ числѣ ихъ генерала Шнейде. Всѣ громко жаловались на Владислава Замойскаго, который поставилъ ихъ въ такое положеніе, что они бѣжали за границу, тогда какъ ихъ никто не преслѣдовалъ, перешли границу безъ сраженія и сложили оружіе, между тѣмъ какъ русскіе только обстрѣливали мѣстность, по которой шло польское войско и какъ бы эскортировали графа Замойскаго до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ вида, наобшпавъ своимъ офицерамъ всякія небывлицы; теперь ищи вѣтра въ поле! Жалкое зрѣлище представляли эти воины; они сложили оружіе тогда, когда могли бы спокойно имъ владѣть, а теперь снова хотѣли взяться за оружіе. Истые поляки!

Въ то время когда мы проѣзжали чрезъ Прживорокъ, туда пріѣхалъ майоръ Верещинскій, бывшій управляющій народнаго банка въ Бердичевѣ и Одессѣ, затѣмъ организаторъ и начальникъ Подольской кавалеріи въ Замосты, а теперь назначенный уполномоченнымъ отъ ржонда народоваго при высокой или блистательной Портѣ въ Константинополь. Это былъ нашъ старинный знакомый, на половину украинецъ. Онъ пріѣхалъ изъ Замосты, когда эта крѣпость сдалась на капитуляцію. «Такимъ образомъ въ Польшѣ водворился порядокъ», какъ доложили французскому парламенту маршалокъ Себастьянн; въ Варшавѣ водворился порядокъ, и Луи-Филиппъ, вѣроятно, думалъ про себя: «мы устроимъ важную потѣху французскому народу и нагонимъ страха русскимъ: насъ это не втянетъ въ войну».

Хотя поляки и не спасли Франціи, но она оказала ей по крайней

мѣръ существенную услугу. Можно сказать, что въ 1831 г. поляки сражались не за Польшу, а за Францію; если бы они хотѣли сражаться за Польшу, то могли бы вѣяться за оружіе и въ 1827 и въ 1828 годахъ. Верещинскій былъ посланъ объяснять этотъ политическій повопросъ разсудительнымъ туркамъ. Это было послѣ ужина горчица, но во всякомъ случаѣ это было совершенно въ польскомъ духѣ.

Верещинскій разсказалъ намъ объ отвагѣ, выказанной польскими солдатами при оборонѣ Замостья, о неутомимой дѣятельности майора Богльвскаго, о честности генерала Крымскаго и о русскомъ генералѣ Кайсаровѣ, который доказалъ въ эту войну, что въ его груди билось славянское сердце.

Вслѣдъ за капитуляціей Варшавы, когда выяснилось окончательное, что наше стотысячное войско отправляется въ жидовское странствованіе, Кайсаровъ предложилъ гарнизону Замостья сдаться на капитуляцію на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, обнадеживъ всѣхъ въ милосердіи царя и въ томъ, что всѣ безъ исключенія будутъ помилованы. Появленіе графа Владислава Замойскаго съ корпусомъ Ромарино въ окрестностяхъ Замостья вынудило генерала Кайсарова послать часть войска, осаждавшаго Замостье, противъ польскаго отряда, но поляки не сдѣлали никакой демонстраціи противъ крѣпости, а неслись какъ на почтовыхъ къ австрійской границѣ. Поэтому Кайсаровъ ограничился обстрѣливаніемъ мѣстности, по которой проходило польское войско, и, не вмѣняя условій капитуляціи, спѣшили окончить переговоры, опасаясь, чтобы изъ Петербурга не были получены новыя распоряженія. Предложенныя генераломъ условія были приняты; Замостье сдалось на капитуляцію, но крѣпость еще не успѣли сдать, какъ изъ Петербурга былъ полученъ приказъ, въ которомъ говорилось, что такъ какъ положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій вмѣнилось въ пользу русскихъ, то Замостье должно сдаться не на капитуляцію, а безусловно, полагаясь на великодушіе царя, что, разумѣется, было вполне справедливо. Получивъ это приказаніе, генералъ Кайсаровъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ ему было очень трудно уладить это дѣло; онъ даже подалъ въ отставку. Все уладилось только послѣ личной его аудіенціи у императора Николая. Онъ прямо сказалъ государю, что командующій войсками русскаго царя не можетъ отказаться отъ своего слова, иначе онъ будетъ вынужденъ оставить службу, а вернуться къ своему посту считаетъ возможнымъ не иначе какъ сдержавъ данное имъ обѣщаніе. Великій государь, рыцарь своего слова, взянувъ пристально на генерала и сказалъ:

— Такъ оставайся же на своемъ посту и сдержи свое слово.

Всѣ условія капитуляціи были свято исполнены, всѣ возвратились по домамъ, не подвергшись ни малѣйшему преслѣдованію со стороны

властей; всѣмъ, кто пожелалъ выѣхать за границу, были выданы паспорта, и они уѣхали.

Князя Генриха Любомірскаго, жившаго въ Замостьи, не было въ то время дома, онъ уѣхалъ въ Львовъ, но его управляющій устроилъ въ честь гостей великолѣпный балъ, на который съѣхалось не мало прелестныхъ галичанокъ; всѣ веселились какъ нельзя лучше, но тостовъ было предложено только два: генералъ Шнейде предложилъ тостъ за Карла Ружицкаго, а Верещинскій — за генерала Кайсарова.

Оригинально сооставленіе именъ этихъ двухъ доблестныхъ и храбрыхъ славянъ въ собраніи поляковъ, обреченныхъ на страствованіе въ предѣлахъ ихъ отечества.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Духовное завѣщаніе Анны Монсъ.

Разбирая хранящіяся въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба дѣла Военной Канцеляріи 1712—1716 г., авторъ этихъ строкъ случайно натолкнулся на интересный документъ, касающійся извѣстной Анны Монсъ, которая въ 1693—1703 г. играла весьма видную роль въ семейной жизни Петра Великаго.

По мнѣнію покойнаго М. И. Семевскаго, привязанность царя къ Монсъ была однимъ изъ причинъ, ускорившихъ пострѣженіе царицы Евдокіи, и едва не закончилась бракомъ, который долженъ былъ везвести красавицу нѣмецкой слободы на ступени трона¹⁾. Къ несчастію Анны, врожденное ей сластолюбіе взяло верхъ надъ хладнокровнымъ расчетомъ Свизь легкомысленной нѣмки съ салонскимъ посланникомъ Кенигсеномъ въ-время отплатила царя отъ «матрессы» и возвратила дочь виноторговца на болѣе достойное ей мѣсто, которое, впрочемъ, удалось нѣсколько улучшить бракомъ съ прусскимъ посланникомъ фонъ-Кейзерлингомъ. Значеніе Монсовъ въ жизни царя, однако, не прекратилось. На сцену вскорѣ выступилъ новый авантюристъ начала XVIII вѣка,—братъ отставной «матрессы», Валлимъ Монсъ, ставшій интимнымъ другомъ супруги царя, Екатерины Алексѣевны, и въ 1724 году сложившій за это (официально—за взятки) голову на плаху.

Разысканный нами документъ,—современная копія духовнаго завѣщанія Анны Монсъ,—касается обонхъ достойныхъ сородичей²⁾. Въ этомъ актѣ Анна, 1-го февраля 1714 года, завѣщаетъ часть имущества своей послѣдней привязанности, «будущему супругнику» (!) плѣнному шведскому капитану Карлу-Юганну фонъ-Миллеру, и этимъ создаетъ предлогъ для гражданскаго иска братьевъ Анны къ Миллеру. Подробности послѣдовавшаго дѣла обстоятельно разслѣдованы М. Семевскимъ

¹⁾ М. Семевскій. Семейство Монсовъ, очеркъ изъ русской исторіи; изд. 1862 г., стр. 7 и 15.

²⁾ О существованіи документа было извѣстно, но точное его содержаніе оставалось не выясненнымъ.

въ его трудѣ «Семейство Моисовъ», куда и отсылаемъ читателя. Здѣсь же ограничиваемся помѣщеніемъ завѣщанія въ полномъ его видѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ тонкостей орфографіи подъячаго Военной канцеляріи¹⁾:

Во имя Господня.

Я Анна Маргрета вдова Фомъ Кеізерлинга родомъ Фомъ Моисовъ. Понеже Щедрый Господь непрестанно мя немощію посѣщаетъ и мнѣ по вся моговенія ока смерть предъ очима представляеть, то я пожелаала съ доброю мыслію і своєю собственною доброю волюю духовну сію написать. И хощу дабы по смерти моѣи (дай Боже блаженную кончину) тако учинено было, что ежели Все Вышнему соизволяющу мя отъ сего суетнаго міра ваяти; то да будетъ моему злату, серебру, жемчугамъ и алмазамъ моѣи любезныи будущій супружникъ яко Карлъ Іоганъ Фомъ Миллеръ единъ наследникъ, а мати моя наследница платиу такожде и всему полотиинному. а особливо и покоінаго моего мужа пожитки такожде да будутъ моему любимому будущему супружнику реку Карлу Іоганну Фомъ Миллеру. і все что я ему теплюю рукою дала, ничто-же отъ него да не будетъ отъѣмлено. а что надлежитъ о денгахъ, которые у конзула поставлены яко Шестнадцать сотъ рублевъ изъ тѣхъ погребена да буду, а достальныи на половину съ матерью моѣю да радѣются. А будеже моя любезныи будущія супружннѣе прежде смертію отъидеть нежели моя любовная мати, то остаточное пакы моѣи матери возвращенно да будетъ, и сія есть моя послѣдняя воля, и для крѣпчайшаго подкрепленія приложу свою руку и печать.

Анна Маргрета вдова Фомъ Кеізерлинга родомъ
Фомъ Моисовъ.

На Москвѣ въ 7 день Феврала
1741 году.

Сообщилъ А. З. Мышлаевскій.

¹⁾ Документъ этотъ хранится въ Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба, дѣла Воен. Канц. Опись 3, связка № 4, дѣло № 7, листъ 51.

Александръ Григорьевичъ Тройницкій.

(Одесскій періодъ его службы).

На страницахъ нашихъ историческихъ журналовъ появляются время отъ времени письма разныхъ лицъ и извлеченія изъ бумагъ А. Г. Тройницкаго, одного изъ почтенныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, занимавшаго около 6 лѣтъ важный постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ въ то самое время, когда подготавлилась и приводилась въ исполненіе крестьянская реформа. Въ нашей періодической печати, по случаю исполнившейся 12 марта 1896 г. двадцатипятилѣтней годовщины его смерти, была отмѣчена дѣятельность Тройницкаго на разнообразныхъ поприщахъ, а потому не лишнимъ считаемъ сообщить болѣе подробныя данныя о его жизни, которыя собраны сыновьями покойнаго и извлечены изъ его бумагъ. Какъ увидимъ дальше, не знатностью рода, не богатствомъ, не связями выдвинулся Тройницкій изъ среды своихъ современниковъ и достигъ высокаго положенія въ обществѣ и государствѣ, а единственно благодаря настойчивому труду, честному отношенію къ своему долгу и способностямъ, которыми одарила его природа.

Изъ немногихъ сохранившихся семейныхъ бумагъ видно, что родословная нить Тройницкихъ исходитъ отъ конца XVII в. Прадѣдъ Александра Григорьевича, Павелъ Тройницкій, полтавскій полковой писарь, пожалованный 17 сентября 1717 г. сотникомъ келебердянскимъ, скончался до 1740 г.; онъ былъ женатъ на Маріи Свѣтайло († 1768 г.), отъ которой имѣлъ нѣсколько дочерей и трехъ сыновей: Петра, Ивана и Іустина. У старшаго сына послѣдняго Григорія, служившаго въ

Новоладожскомъ пѣхотномъ полку, отъ брака въ 1806 г. съ Матрешей Омеляничной Волошиковой († 1872 г. въ имѣніи Нагорное, близъ Кремечуга) родился въ Одессѣ 12 марта 1807 г. сынъ Александръ. Впослѣдствіи Тройницкій вспоминалъ о первыхъ годахъ своей юности, говоря: ¹⁾ «Къ дѣтскимъ моимъ воспоминаніямъ относится, напримѣръ, время, когда за нынѣшнимъ Сабанѣевскимъ мостомъ были офицерскія казармы, въ одной изъ которыхъ, сохранившейся донынѣ — разумѣется, передѣланной позже—я родился. За этими казармами, тамъ, гдѣ нынѣ Гаванная улица и гостепріимный домъ одного изъ присутствующихъ здѣсь одесскихъ негодіантовъ и амфитріоновъ, начиналась степь, покрытая густою, высокою травою, занимавшею все пространство по обѣимъ сторонамъ нынѣшней Софіевской улицы. Тамъ, гдѣ потомъ возникли дома Акацатовой, архіерейскія, Нарышкина и проч., мой отецъ со своими сослуживцами могли охотиться за лисцами. Я помню время, когда на мѣстѣ нынѣшняго приморскаго бульвара, конечно, одного изъ красивѣйшихъ гульбищъ въ Европѣ, находились развалины турецкой крѣпости и казармъ. Мнѣ памятно еще время, когда все пространство отъ нынѣшняго Куликова поля до Малаго и Средняго фонтановъ, нынѣ покрытое сплошною массою дачъ и садовъ, было гладкою степью, по которой, къ концу лѣта, свободно разбросались вѣтромъ кусты — вамъ уже можетъ быть неизвѣстнаго бурьяновистаго растенія «перекати поле»....

Изъ метрическаго свидѣтельства Александра Григорьевича видно, что воспріимникомъ его при крещеніи былъ шефъ Ладожскаго пѣхотнаго полка генералъ-маіоръ Ѡ. Кобле; воспріимницею же своею онъ считалъ наравзу Паулуччи, мужъ которой былъ впоследствии ливляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

Первымъ впечатлѣніемъ дѣтства, которымъ сохранились въ памяти Александра Григорьевича, были весьма грустныя; отецъ его скончался въ 1812 г. отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи при деревнѣ Салтановкѣ съ передовыми частями великой французской арміи, подъ начальствомъ маршала Даву. По разсказамъ Александра Григорьевича, повѣстіе о смерти отца было сообщено матери его полковникъ свѣтлицкимъ, Кушакевичемъ, который переслалъ вдовѣ покойнаго его образокъ и походную кровать. Оставшись пятилѣтнимъ ребенкомъ, съ младшимъ братомъ, Николаемъ, на рукахъ матери безъ всякихъ средствъ, Тройницкій не былъ воспитанъ въ довольствѣ.

Не успѣла еще семья оплакать покойнаго, надъ головой ея стра-

¹⁾ Изъ рѣчи, сказанной Александромъ Григорьевичемъ во время обѣда, устроеннаго въ честь его, въ послѣдній прїездъ въ Одессу въ августѣ 1868 г.; см. „Одесскій Вѣстникъ“ 1868 г. № 180.

слась новая бѣда; въ августѣ 1812 г. въ Одессу проникла чума, которая не пощадила домъ сиротъ; подчиняясь строгимъ предписаніямъ для борьбы съ заразою, вдова Тройницкаго съ малолѣтними дѣтми была помѣщена въ карантинъ, а вся ихъ домашняя обстановка предана сожженію. По окончаніи карантина Матрена Ѳоминична, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, принялась хлопотать о пенсіи. Въ мартѣ 1813 г. герцогъ Ришелье обратился съ ходатайствомъ о назначеніи вдовѣ Тройницкаго пожизненной пенсіи, и уже 2-го іюля того же года сообщилъ письмомъ о назначеніи ей 434 руб. въ годъ.

15-го января 1816 г. Александръ Григорьевичъ поступилъ въ Одесскій благородный институтъ, вѣроятно приходящимъ, такъ какъ по его рассказамъ въ грязную погоду иногда онъ подъѣзжалъ къ заведенію, стоя сзади водовозной бочки, за что улачивалъ своему возницѣ деньги, отпускаемыя матерью на завтракъ. Институтъ существовалъ сначала въ видѣ частнаго учебнаго заведенія, а затѣмъ принятый въ 1811 г. въ вѣдѣніе правительства, онъ былъ преобразованъ въ 1818 г. по указаніямъ аббата Николая ¹⁾. Въ первый же годъ вступленія Тройницкій попалъ въ число избранныхъ воспитанниковъ, на долю которыхъ выпало счастье привѣтствовать словомъ посѣтившаго институтъ великаго князя Николая Павловича. Послѣ преобразованія института въ лицей Александръ Григорьевичъ былъ принятъ въ число воспи-

¹⁾ Доминикъ Шарль Николь, (р. 4 апрѣля 1758 въ деревнѣ Повинь, недалеко отъ Руана) замѣчательный педагогъ своего времени, принадлежитъ къ числу иностранцевъ, потрудившихся на пользу нашего отечества. Получивъ первоначальное образованіе въ іезуитской коллежѣ, Николь, несогласный со строемъ революціи, эмигрировалъ вмѣстѣ съ графомъ Шуазель-Гуфье въ Россію, въ качествѣ воспитателя его сына. Въ Петербургѣ оцѣнили педагогическія способности Николая, и онъ вскорѣ открылъ здѣсь на щедрныя пожертвованія русскихъ аристократовъ французскій воспитательный пансіонъ для ихъ сыновей. Въ 1800 г. по болѣзни и по другимъ причинамъ Николь выѣхалъ въ Москву, гдѣ пробылъ недолго. Герцогъ Ришелье, въ то время управлявшій Новороссійскимъ краемъ и знавшій аббата, какъ товарища по школѣ, приблизилъ его къ себѣ, и чтобы составить своему другу прочное положеніе въ Одессѣ. Ришелье выхлопоталъ ему мѣсто викарiа латинскихъ церквей въ Южной Россіи. Здѣсь Николь имѣлъ возможность, помимо прямыхъ обязанностей, какъ духовнаго лица, развернуть широко свои педагогическія способности; но его указаніямъ былъ преобразованъ Одесскій благородный институтъ, переименованный затѣмъ въ лицей; первымъ директоромъ этого послѣдняго былъ аббатъ Николь до 1820 г., когда онъ выѣхалъ въ Петербургъ и вскорѣ послѣ того изъ Россіи на родину, гдѣ прожилъ до своей кончины, достигшей его въ Парижѣ на 77 году жизни. См. „Аббатъ Николь и первые годы Ришельевского лицея“, статья Яковлева и Юрченко. Новороссійскій календарь 1891 г. стр. 11 — 91. Къ этой статьѣ приложенъ снимокъ съ портрета Николая, рисованнаго перомъ рукою Н. Г. Тройницкаго; здѣсь же указаны и матеріалы для біографіи аббата Николая.

танниковъ послѣдняго на счетъ пожертвованныхъ герцогомъ Ришелье суммъ этому заведенію. Природныя способности, прилежаніе и отличное поведеніе Тройницкаго давали ему возможность переходить изъ класса въ классъ съ наградами. Онъ нерѣдко получалъ приглашенія въ праздники къ попечителю, графу Ланжерону и въ самомъ лицѣѣ выступалъ на литературныхъ собраніяхъ ¹⁾).

Окончивъ 13-го февраля 1824 г. курсъ внутреннихъ классовъ ²⁾ лицей, Тройницкій въ томъ же году продолжалъ занятія въ состоящемъ при лицѣѣ дополнительномъ училищѣ правовѣдѣнія и политической экономіи, занимая должность надзирателя за воспитанниками 3-го класса [лицей, въ число обязанностей котораго входило—говорить во время дежурства съ учениками на французскомъ языкѣ. За отличное исполненіе этого назначенія А. Г. по опредѣленію правленія лицей удостоился изъявленія признательности. По окончаніи въ 1826 г. дополнительнаго курса Тройницкій, оставаясь надзирателемъ, преподавалъ за отсутствіемъ профессора Вярдо математику въ 5 классѣ лицей и въ томъ же году былъ назначенъ и. д. адъюнкта математическихъ наукъ; утвержденный въ означенной должности министерствомъ народнаго просвѣщенія, завѣдывалъ физическимъ кабинетомъ, преподавая въ двухъ старшихъ классахъ чистую и прикладную математику, а также и гражданскую архитектуру. Въ 1829 г. Александръ Григорьевичъ былъ приглашенъ преподавать исторію и географію въ Одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ.

Оставаясь при лицѣѣ до начала 1832 г. Тройницкій ежегодно читалъ во время торжественныхъ собраній лицей историческія записки по вопросамъ, касающимся различныхъ отраслей этого заведенія ³⁾).

¹⁾ См. „Новороссійскій календарь“, тамъ же.

²⁾ Сохранились ученическія тетради, похвальные листы и наградныя книги Тройницкаго. Между ними оказались: рѣчь Тройницкаго на латинскомъ языкѣ и русскій ея переводъ, по поводу смерти герцога Ришелье, а также аттестація воспитанниковъ и надзирателей 4 и 5 классовъ лицей, писанная, судя по почерку, аббатомъ Николемъ; между прочимъ Тройницкій, стоящій первымъ въ четвертомъ классѣ, аттестуется слѣдующимъ образомъ: „Прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ личность; ему нужны ласка и ободреніе, но надо также стараться развить въ немъ большую твердость характера“.

³⁾ Изъ были прочтены: а) 1829 г.—Записка о происшествіяхъ въ лицѣѣ съ 1 января 1828 г. по 1 августа 1829 г. б) 1830 г.—„Историческая записка о главнѣйшихъ распоряженіяхъ и перемѣнахъ по Ришельевскому лицейю съ 1 янв. 1828 г. по 1 авг. 1830 г.“ в) 1831 г.—„Историческая записка съ послѣдняго выпуска“. Будучи назначенъ членомъ и ученымъ секретаремъ временнаго комитета для составленія проекта устава гимназій при Ришельевскомъ лицѣѣ, Александръ Григорьевичъ въ декабрѣ 1830 г. получилъ приказаніе составить историческую записку о лицѣѣ, „каковая нужна въ особенности по дѣлу пре-

Кромѣ занятій учебнымъ дѣломъ и порученій по хозяйственной части лица, Александръ Григорьевичъ состоялъ исправляющимъ должность цензора и секретаря въ Одесскомъ цензурномъ комитетѣ. Въ 1832 г. Тройницкій простился со своими учениками, и былъ опредѣленъ инспекторомъ въ одесскій строительный комитетъ; воспитанники лица въ знакъ признательности поднесли ему серебряную вазу при особомъ адресѣ ¹⁾.

Разставшись съ заведеніемъ, которое воспитало и образовало Александра Григорьевича, онъ до конца жизни сохранилъ чувство признательности къ своимъ руководителямъ; особенную память питалъ онъ къ первому директору лица, аббату Николу ²⁾. По рассказамъ Тройницкаго, при немъ воспитанники не чувствовали надъ собою гнета ни религіознаго, ни національнаго; въ нихъ развивалось самосознаніе и любовь къ труду и любознательность; но и физическое развитіе не оставалось въ пренебреженіи: танцы, фехтованіе, прогулки, купанье съ обученіемъ плаванію—все это было въ числѣ обязательныхъ занятій, наравнѣ съ учебными предметами. Разноплеменность же преподавателей и воспитанниковъ способствовала усвоенію иностранныхъ языковъ. По выходѣ изъ лица, Александръ Григорьевичъ свободно читалъ по латыни, говорилъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ характерѣ его не замѣчалось признаковъ іезуитизма; наоборотъ—отличительною чертою его была прямота и искренность; при всемъ томъ, воспитанный въ духѣ православія, онъ оставался до конца жизни искренно вѣрующимъ и русскимъ человѣкомъ.

Уволенный отъ должности цензора и секретаря одесскаго цензурнаго комитета, Тройницкій перешелъ на службу по одесскому градоначальству; вскорѣ послѣ этого онъ принялъ непосредственное участіе

образованія онаго; записка сія, составленная во всей полнотѣ и основанная на актахъ, должна заключать всѣ перемены по ученой и хозяйственной части, происшедшія со времени учрежденія сего заведенія“. Черновой списокъ этой записки сохранился въ бумагахъ Тройницкаго.

¹⁾ Вотъ этотъ адресъ: „Почтеннѣйшій Наставникъ! Къ крайнему нашему сожалѣнію, обстоятельства заставляютъ васъ оставить Ришельевскій лицей, то заведеніе, которому вы служили украшеніемъ, какъ воспитанникъ, и, въ продолженіе шести лѣтъ, какъ преподаватель наукъ математическихъ.—Проществіе сіе должно быть для васъ столь-же прискорбно какъ и для насъ.

„Движимые чувствомъ признательности къ неутомимымъ вашимъ трудамъ въ преподаваніи, воспитанники всѣхъ классовъ, въ ознаменованіе своей благодарности, подносятъ вамъ серебряную вазу съ надписью.

„Примите сей слабый, но усердный знакъ нашего къ вамъ почтенія. Да покажетъ онъ, что мы умѣемъ цѣнить достойныхъ нашихъ наставниковъ. Воспоминаніе о васъ не изгладится никогда изъ сердець, въ которыхъ горитъ огонь любви къ наукамъ“. Февраля 7-го дня 1832.

²⁾ См. „Некрологическое извѣстіе. Аббатъ Николь“. Статья А. Т. (Тройницкаго) „Одесскій Вѣстникъ“ 1835 г. № 75. стр. 297.

въ умственной жизни Южнаго края, будучи назначенъ главнымъ редакторомъ газетъ: «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa», а также управляющимъ одесскою городскою типографіей.

Первая появившаяся въ Одессѣ газета, издававшаяся съ 1820 года частными лицами, во главѣ съ J. B. Davallon, подъ покровительствомъ мѣстнаго начальства, съ цѣлью опубликовывать торговныя извѣстія, имѣла исключительно коммерческій характеръ и носила названіе: «Messager de la Russie méridionale». По малому числу подписчиковъ, вслѣдствіе ея спеціальнаго назначенія, и по недостатку типографскихъ средствъ, газета не получила широкаго распространенія и скоро, въ 1823 году, прекратила свое существованіе. Въ это же время, подъ редакціей г-на Глбаль, началось изданіе русской газеты, первый номеръ которой вышелъ 1-го іюля 1821 года, подъ именемъ «Вѣстникъ Южной Россіи»; но число подписчиковъ на него достигло лишь семи; издателя выпустили нѣсколько номеровъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и прекратили изданіе. Князь Воронцовъ, назначенный въ 1823 году новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, будучи однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени, считалъ необходимымъ имѣть для Южнаго края самостоятельный органъ, который, удовлетворяя потребностямъ торговли, въ то же время сообщалъ бы населенію достовѣрныя политическія извѣстія. Съ этою цѣлью, подъ его покровительствомъ, въ 1826 году, возникла газета «Journal d'Odessa ou conglier commercial de la Nouvelle Russie»; на слѣдующій годъ была учреждена въ Одессѣ городская типографія, гдѣ печаталась эта газета, на двухъ языкахъ—русскомъ и французскомъ; первыми ея редакторами были, состоявшіе въ то время при графѣ Воронцовѣ, А. И. Левшинъ, Ф. И. Врунцовъ¹⁾, потомъ и П. Т. Морозовъ. Съ 1831 года текстъ раздѣлился, и газета стала выходить отдѣльно: на русскомъ языкѣ подъ редакціей М. П. Розберга, подъ названіемъ «Одесскій Вѣстникъ» и на французскомъ подъ редакціей г-на Rerey, съ именемъ «Journal d'Odessa». Общее наблюденіе за обоими изданіями было поручено одесскому градоначальнику Левшину. Доходъ съ этихъ газетъ шелъ, съ 1827—1831 г.г., въ пользу городской типографіи, откуда редакторы, съ ихъ помощниками, получали опредѣленное вознагражденіе за свои труды. Этотъ доходъ, получаемый съ 178-ми подписчиковъ русскаго и съ 73-хъ французскаго изданій былъ весьма незначителенъ. Съ 1831 года прибыль отъ подписки на газеты составляла уже собственность редакторовъ, которые должны были вносить опредѣленную плату за печатаніе въ управленіе градоначальника, подъ вѣдѣніемъ котораго находилась городская типографія. Несмотря на то, что редакторъ «Одесскаго Вѣстника»

¹⁾ Бывшій впоследствии посломъ въ Лондонѣ.

Розбергъ улучшилъ литературный отдѣлъ газеты, привлекая лучшія силы для «Еженедѣльныхъ литературныхъ листовъ», выдаваемыхъ въ видѣ приложенія, число подписчиковъ не окупало расходы по изданію; въ такомъ же положеніи, если не худшемъ, находилась и «Journal d'Odessa». Въ видѣствіе этого въ концѣ 1833 года, съ согласія графа Воронцова, былъ основанъ особый редакціонный комитетъ, изъ трехъ лицъ. Послѣ отъѣзда Розберга въ Дерптъ и по смерти г-на Ререу, редакціонный комитетъ, съ согласія графа Воронцова, избралъ А. Г. Тройницкаго, который и вступилъ въ исполненіе обязанностей главнаго редактора обѣихъ газетъ; онъ же былъ назначенъ управляющимъ городскою типографіей. Такимъ образомъ издавались обѣ газеты—русская и французская—до 1837 года; число подписчиковъ первой не превышало въ этому времени 276 и второй доходило только до 109. Доходы съ изданія, за вычетомъ расходовъ по типографіи (по-прежнему), были весьма скудны. Тогда рѣшено было передать обѣ газеты въ вѣдѣніе одного лица; выборъ начальства палъ на Тройницкаго, которому было предложено взять въ полное распоряженіе изданіе «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa».

Подъ управленіемъ новаго редактора «Одесскій Вѣстникъ» сдѣлался вскорѣ самымъ полнымъ и интереснымъ органомъ Южнаго края. Внутреннее содержаніе газеты, руководимой Тройницкимъ, стало живѣе; оффиціальныя извѣстія получали большую стройность, распоряженія правительства и мѣстнаго начальства опубликовывались быстро и съ тщательной точностію. Графъ Воронцовъ принималъ самое живое участіе въ изданіи этой газеты, просматривалъ иногда напередъ важнѣйшія статьи, присылалъ для напечатанія лично имъ продиктованныя. Желая содѣйствовать успѣху изданія, онъ не жалѣлъ денежныхъ средствъ на улучшеніе «Одесскаго Вѣстника»; даже находясь за-границей интересовался каждымъ выходящимъ номеромъ газеты. Въ письмахъ оттуда графъ просилъ редактора, съ дѣлюю скорѣйшаго опубликованія извѣстій, увеличить число выходящихъ номеровъ, о чемъ свидѣтельствуеетъ его переписка по этому поводу съ А. Г. Тройницкимъ ¹⁾ и С. В. Сафоновымъ ²⁾. Весьма интересно содержаніе одного изъ писемъ Тройницкаго къ графу Воронцову, по поводу изданія одесскихъ газетъ, отъ 30-го октября 1840 года ³⁾.

«Графъ! Ваше сіятельство неоднократно выражали мнѣ желаніе,

¹⁾ См. «Русск. Арх.» 1894 г., кн. 4, стр. 35 и 36—«Письма Воронцова къ Тройницкому».

²⁾ Архивъ князя Воронцова, кн. 38. М. 1893 г., стр. 328. Письмо Сафонова къ Воронцову отъ 28-го октября 1838 г.

³⁾ Переводъ съ французскаго черноваго подлинника.

чтобы объ одесскія газеты, редакція которыхъ поручена мнѣ шесть лѣтъ тому назадъ, были расширены такимъ образомъ, чтобы здѣсь выходило ежедневное изданіе: три раза въ недѣлю на русскомъ, столько же разъ на французскомъ языкахъ. Я употребилъ все мои усилія, чтобы имѣть возможность исполнить ваше желаніе, но, къ сожалѣнію, убѣдился, что съ тѣми средствами, которыми я могу располагать, ежедневное изданіе, по крайней мѣрѣ съ будущаго года, немыслимо.

«Соблаговолите, графъ, удѣлять мнѣ нѣсколько минутъ вашего благосклоннаго вниманія, чтобы я могъ изложить вамъ причины, которыя ставятъ меня въ невозможность теперь же придать нашимъ двумъ газетамъ большій интересъ учащеніемъ выхода ихъ въ свѣтъ.

«Первое, весьма существенное къ тому затрудненіе, заключается въ ограниченныхъ средствахъ нашей типографіи. Выпускъ ежедневнаго изданія потребовалъ бы для одной изъ газетъ работы въ типографіи во все воскресенье, а потому необходимо бы на увеличеніе числа наборщиковъ и печатниковъ прибавить отъ 3 до 4 тысячъ въ годъ къ 5 тысячамъ, которыя типографія получаетъ отъ города, подобно типографіямъ казеннымъ. Въ виду возраженій, которыя были выражены по поводу предполагаемаго здѣсь учрежденія словолитни, едва ли можно надѣяться, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ согласился на подобную прибавку, составляющую первое матеріальное условіе для изданія ежедневной газеты. Обращаясь къ средствамъ редакціи, я обязанъ высказать, что въ настоящее время у меня по объему газетамъ четыре сотрудника, которые получаютъ изъ доходовъ редакціи содержаніе, составляющее въ общемъ шесть тысячъ рублей въ годъ. Увеличеніемъ вдвое ихъ труда, требованіемъ отъ нихъ постоянныхъ занятій во все воскресенье и праздники, потребовало бы соотвѣтственнаго увеличенія ихъ содержанія, а на это отнюдь не достаточны доходы редакціи, такъ какъ на ней лежитъ расходъ свыше четырехъ тысячъ за печатаніе, около пяти тысячъ за бумагу и 1.500 рублей на почтовые расходы, выписку газетъ и корреспонденціи—всего около 16.500 рублей въ годъ. Вознагражденіе моихъ сотрудниковъ не можетъ быть меньше того, что они получаютъ теперь, такъ какъ занятія въ редакціи не даютъ никакихъ служебныхъ правъ. Каждый требуетъ соразмѣрнаго вознагражденія за трудъ, который продолжается, обыкновенно, до полночи, а часто и долѣе. Сверхъ того, ваше сіятельство дважды высказывали мнѣ, во время чумы и во время моего путешествія за-границу, что вы не были довольны редакціей газетъ въ то время, когда я не могъ участвовать въ ней непосредственно. На это я позволяю себѣ сослаться лишь въ доказательство затрудненій въ этой работѣ моихъ помощниковъ, на которыхъ я могъ бы вполне положиться, хотя бы на нѣкоторое время, безъ моего личнаго контроля и непрерывнаго участія.

«Что касается меня лично, то не по недостатку доброй воли, а лишь по физической невозможности я не могу теперь же усилить свою работу настолько, чтобы она была достаточна для ежедневнаго изданія. По этому поводу позволяю себѣ возобновить въ вашей памяти, что, не увеличивая цѣны моихъ двухъ изданій, я четверо увеличилъ ихъ объемъ, въ чемъ, ваше сіятельство, можете увѣриться, сравнивъ листы газетъ за 1833 годъ и за нынѣшній.

«Если бы у меня не было никакихъ другихъ занятій, или же служебныя мои обязанности были менѣе обременительны, я съ удовольствіемъ посвятилъ бы все мое время работѣ по редакціи; но дѣйствительность не такова. На мнѣ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы и завѣдываніе учебною частью въ институтѣ—они поглощаютъ у меня много времени. Не отъ меня зависитъ перемѣнить родъ службы, хотя она для меня не очень выгодна; вотъ уже одиннадцать лѣтъ, какъ я связанъ съ институтомъ и не знаю, что такое награда за эту службу; два чина, которые я получалъ, дарованы мнѣ за выслугу лѣтъ. Но выбора у меня нѣтъ, и мнѣ необходимо дорожить вынашею мнѣ должностію и я не могу отъ нея отказаться тѣмъ болѣе, что моя служба въ институтѣ оказывается не бесполезною, я привязанъ ей и буду ее продолжать, пока не получу мѣста съ такимъ же положеніемъ, которому я обязанъ высокимъ покровительствомъ вашего сіятельства, всегда мною цѣнимымъ, какъ лучшей наградой за мои труды.

«Мнѣ приходится самому редактировать французскую газету всецѣло, а русскую въ большей еще части, и это отнимаетъ у меня отъ семи до восьми часовъ въ сутки. Я охотно исполняю этотъ трудъ въ надеждѣ, что заслуживаю одобренія вашего сіятельства; дохода отъ мнѣ приноситъ около четырехъ тысячъ въ годъ—и я этимъ довольствуюсь. Но если я стану издавать газету ежедневно, я не могу ручаться, что у меня хватитъ на это силъ, тѣмъ болѣе, что я, съ нѣкотораго времени, начинаю чувствовать значительное ослабленіе зрѣнія—послѣдствіе непрерывной работы по ночамъ въ теченіе шести лѣтъ.

«Составленная мною приблизительная смѣта доходовъ газеты доказала, что если подписная плата будетъ увеличена до 35 рублей ассиг., а число подписчиковъ останется то же (въ настоящее время ихъ до 600 на обѣ газеты), я, быть можетъ, найду средства увеличить расходы на сотрудниковъ, бумагу и печатаніе, но мнѣ самому не останется рѣшительно ничего.

«Не имѣя никакого состыянія, могу ли я рѣшиться взять на себя чрезмѣрную работу, которая года черезъ два сдѣлала бы меня безусловно неспособнымъ ко всякаго рода службѣ... Если до сихъ поръ службою моею были довольны—развѣ я не долженъ стараться, чтобы она впредь была возможно дѣятельна въ доступныхъ для меня усло-

вѣхъ, и сколько-нибудь заботиться о своей будущности, которую я самъ долженъ себѣ обезпечить.

«Позвольте мнѣ надѣяться, что ваше сіятельство завѣсите съ благо-склонностью, которую вы всегда мнѣ оказывали и которая служила для меня поддержкою въ исполненіи сложныхъ обязанностей, наложенныя мною доводы и разрѣшите мнѣ продолжать издаваніе газетъ на основаніяхъ, которыми я до сихъ поръ руководствовался. Можетъ статься, что въ теченіе года какая-либо перемѣна въ моей службѣ или благоприятное измѣненіе въ положеніи типографіи дадутъ мнѣ возможность приступить, согласно желанію вашего сіятельства, къ издаванію въ Одессѣ газетъ ежедневно. Смѣю увѣрить ваше сіятельство, что подобнымъ обстоятельствомъ я воспользуюсь, чтобы угодить вамъ...»

По ходатайству того же графа Воронцова редакціи «Одесскаго Вѣстника» было разрѣшено составлять самостоятельныя политическія обзоренія, независимо отъ извѣстій, получаемыхъ изъ Петербурга. Сосѣдство Константинополя и постоянныя сношенія съ Востокомъ дозволяли имѣть самостоятельныя корреспонденціи, которыя, появляясь сначала на страницахъ «Одесскаго Вѣстника», переходили потомъ на столбцы столичныхъ газетъ.

Когда графъ Воронцовъ былъ назначенъ намѣстникомъ кавказскимъ, Тройницкій лишился въ лицѣ его непосредственнаго своего руководителя; тѣмъ не менѣе, Воронцовъ не переставалъ оказывать свое содѣйствіе, гдѣ оно могло быть полезнымъ; это видно изъ отношенія ¹⁾ его къ графу А. Ф. Орлову, бывшему въ то время командующимъ императорскою главною квартирою и главнымъ начальникомъ III-го отдѣленія Собственной его императорскаго величества канцеляріи:

«Съ давняго времени, какъ вашему сіятельству не безвѣстно, издаются въ Одессѣ двѣ газеты подъ названіемъ «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa», подъ вѣдѣніемъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора. Одно изъ главныхъ назначеній сихъ журналовъ состояло всегда въ томъ, чтобы удовлетворять постоянной потребности большаго торговаго города, получать, по возможности, болѣе точныя и скорыя извѣстія о политическихъ заграничныхъ событіяхъ. Потребность эта не только естественна, но даже необходима; часто заходящія сюда, посредствомъ частной переписки, преувеличенныя, а иногда и совершенно невѣрныя, извѣстія могутъ имѣть вліяніе на обороты торговли и часто ввести торговцевъ въ весьма пагубное для нихъ сомнѣніе. По сему, во время пребыванія моего въ Одессѣ, я постоянно, по-вѣряя лично изданіе сихъ газетъ, наблюдалъ, чтобы помѣщаемыя въ

¹⁾ Копія съ отношенія г. намѣстника кавказскаго къ гр. А. Ф. Орлову отъ 14-го сентября 1849 г., сохранившаяся въ бумагахъ А. Г.

нихъ заграничныя политическія извѣстія, почерпнутыя изъ бывшей «Прусской государственной газеты» и «Австрійскаго Наблюдателя», которыя для сего предмета было разрѣшено мнѣ получать прямо, черезъ Радавиловъ и Варшаву, были сколько возможно точнѣе, съ соблюденіемъ правилъ, принятыхъ руководствомъ въ Имперіи, при изданіи газетъ. Дабы еще вѣрнѣе было слѣдуемо таковыми правилами, я поручалъ, съ 1834 года, редакцію сихъ газетъ чиновнику, на предусмотрительность, благоразуміе и осторожность котораго я могъ бы полагаться, дабы и во время отлучекъ моихъ изъ Одессы изданіе тамошнихъ газетъ сохраняло направленіе, соотвѣтствующее вѣдамъ правительства. Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тройницкій вполнѣ оправдалъ, въ этомъ случаѣ, мои ожиданія. Лучшимъ доказательствомъ тому служить то, что во время 14-ти-лѣтней редакціи имъ сихъ газетъ, не сдѣлано было ни одного раза замѣчанія о какой-либо неосторожности въ сообщеніи имъ заграничныхъ политическыхъ извѣстій. Газеты сія, соотвѣствуя нуждамъ торговаго сословія, могли существовать безъ всякаго вспоможенія отъ правительства или даже города, между тѣмъ какъ онѣ служатъ весьма полезнымъ средствомъ для мѣстнаго начальства къ повсемѣстному распространенію въ краѣ свѣдѣній или наставленій, которыя оно считаетъ нужнымъ сдѣлать общеизвѣстными.

«Нынѣ же, по неизмѣннѣ до сихъ поръ никакихъ положительныхъ и правительствомъ утвержденныхъ правилъ, комни редакция «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa» могла бы руководствоваться при сообщеніи заграничныхъ извѣстій, и особенно со времени послѣднихъ переворотовъ въ Европѣ, генералъ-лейтенантъ Федоровъ ¹⁾ затрудняется разрѣшать редакціи составлять политическія извѣстія въ этихъ газетахъ, на прежнемъ основаніи. Между тѣмъ, ваше сіятельство изволите сами убѣдиться, что особенно въ настоящее время, при смутномъ положеніи Европы и при потрясеніи почти всѣхъ торговыхъ интересовъ, еще болѣе, чѣмъ когда-либо, для значительнаго торговаго сословія, каково одесское, необходимо имѣть по возможности свѣжія и вѣрныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ политическыхъ событіяхъ. Перепечатываніе же ихъ изъ петербургскихъ газетъ сопряжено съ такою потерей времени, что уничтожаетъ всю пользу изданія особыхъ газетъ въ Одессѣ и должно лишитъ самую редакцію большаго числа подписчиковъ, не находящихъ болѣе въ сихъ газетахъ тѣхъ условій, которыя побуждали ихъ подписываться на нихъ. Кромѣ того, торговое сословіе можетъ быть, до получения положительныхъ извѣстій черезъ С.-Петербургъ, введено въ

¹⁾ За время отсутствія графа Воронцова исправлялъ должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора.

заблужденіе черезъ важныя или преувеличенныя извѣстія, почерпнутыя изъ частныхъ переписокъ или изъ распространенныхся слуховъ, и можетъ быть введено въ недоумѣніе, всегда пагубное для торговыхъ оборотовъ.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тройницкій ходатайствуетъ объ опредѣленіи положительныхъ правилъ: 1) можно ли и на будущее время дозволить редакціи «Одесскаго Вѣстника» и «Journal d'Odessa» заимствовать заграничныя извѣстія изъ иностранныхъ (берлинскихъ, вѣнскихъ и константинопольскихъ) газетъ, которыхъ полученіе разрѣшено будетъ генераль-губернатору, прямо изъ мѣста ихъ изданія, а не черезъ С.-Петербургъ, по отдаленности Одессы отъ столицы и 2) кому слѣдуетъ поручать ближайшую цензуру этихъ газетъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ генераль-губернатора, главному ли редактору, дѣйствительному статскому совѣтнику Тройницкому или одесскому цензурному комитету.

«Представляя сіи вопросы на благосклонное разсмотрѣніе вашего сиятельства, для полученія законнаго распоряженія, я вполнѣ увѣренъ, что просвѣщенный образъ мыслей вашъ убѣдитъ васъ, милостивый государь, въ необходимости положить точныя начала изданію газетъ, имѣющихъ особенную важность для торговаго города, интересы коего, тѣсно сопряженные со всею Европою, должны болѣе или менѣе находиться подъ вліяніемъ происшествій заграничныхъ. Что же касается до втораго вопроса, то я только считаю долгомъ еще разъ упомянуть объ отличномъ исполненіи, въ теченіе 14-ти лѣтъ, сего важнаго порученія дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Тройницкимъ, и прибавить мое убѣжденіе, что правительство можетъ вполнѣ полагаться на точное слѣдованіе имъ высочайше сдѣланнымъ по сему предмету предначертаніямъ».

Просьба графа Воронцова была уважена, и редакціи «Одесскаго Вѣстника» было разрѣшено по-прежнему пользоваться заграничными газетами для сообщенія при помощи ихъ политическихъ извѣстій прямо изъ иностранныхъ газетъ. Тройницкій обратилъ вниманіе не только на усовершенствованіе и преобразование политическаго отдѣла газеты, но и литературная ея часть съ каждымъ годомъ дѣлалась интереснѣе и полнѣе; кромѣ очерковъ общественной жизни Одессы и всего вообще Новороссійскаго края, фельетонъ «Одесскаго Вѣстника» заключалъ въ себѣ не мало любопытныхъ статей ученаго и литературнаго содержанія. Чтобы придать особенное значеніе этой газетѣ, принято было за правило напоминать ея содержаніе исключительно оригинальными статьями; перепечатка же изъ другихъ газетъ ограничивалась лишь извѣстіями оффиціального характера.

Кромѣ редакціонныхъ занятій, исполняемыхъ Тройницкимъ со своей

ственнымъ ему аккуратностью и добросовѣстностью, имъ было написано не мало статей, представляющихъ живой интересъ для жизни южнаго края. Всѣ торговыя обзорѣнія и статьи подъ рубрикою «Одесса», большая часть некрологовъ лицъ, потрудившихся на пользу края, были написаны Тройницкимъ ¹⁾. «Journal d'Odessa», выходившій до 1852 года также подъ редакціей Александра Григорьевича, по своему содержанію издавался въ духъ «Одесскаго Вѣстника». Число подписчиковъ на «Од. В.», бывшее въ 1834 году около 300, возрасло въ 1854 году до 2.000; послѣ отъ-

¹⁾ Кроме того, имъ было написано въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за разные годы: «Устья Дуная и Усть-Дунайскіе острова», «Галлеева комета въ 1835 году», «Объ открытіи памятника князю Потемкину-Таврическому въ Херсонѣ» (въ 1838 г.), «О разработкѣ каменнаго угля», «Солнечное затменіе 26-го іюля 1842 года», «О цѣли и назначеніи благотворительныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ въ особенности и объ учрежденіи одесскаго Александровскаго пріюта» (1847 г.), «Памятникъ Румянцеву на полѣ Кагульской битвы» (1849 г.), «Наблюденіе надъ солнечнымъ затменіемъ 16-го іюля 1851 г.», «О заграничной торговлѣ города Одессы» (1857 г.) и много другихъ. О редакторской дѣятельности Тройницкаго см. «Одесскій Вѣстникъ» 1857 г., № 145.

Въ бумагахъ А. Г. Тройницкаго сохранились любопытныя данныя, по которымъ можно прослѣдить, въ какомъ количествѣ расходились въ то время газеты, выходившія подъ его редакціей.

«Одесскій Вѣстникъ» и «Journal d'Odessa» имѣли подписчиковъ:

Первый:		Второй:	
1834 г.	годовыхъ 256 полугод. 29	годовыхъ 92 полугод. 29	
1835 »	» 256 » 34	» 93 » 24	
1836 »	» 276 » 21	» 109 » 22	
1842 »	» 422 » 48	» 128 » 15	
1843 »	» 450 » 48	» 139 » 14	
1844 »	» 455 » 58	» 145 » 10	
1845 »	» 465 » 101	» 138 » 12	
1846 »	» 510 » 76	» 148 » 20	
1847 »	» 530 » 77	» 150 » 18	
1848 »	» 555 » 61	» 148 » 12	
1849 »	» 548 » 62	» 139 » 6	
1850 »	» 581 » 62	» 141 » 11	
1851 »	» 599 » 45	» 151 » 9	
1852 »	» 550 » 101		
1853 »	» 730 » 98		
1854 »	» 1.482 » 204		
1855 »	» 826 » 135		
1856 »	» 670 » 210		
1857 »	» 818 » 253		

О числѣ подписчиковъ въ 1837—1841 г., точныхъ свѣдѣній мы не нашли. Съ 1852 г., „Journal d'Odessa“ выходилъ подъ редакціей г. Вейсса, но по неоправданно сдѣланнаго ему довѣрія, на слѣдующій годъ редакція француской газеты была поручена де-Рибасу.

ѣзда Тройницкаго въ Петербургъ редакція «Одесскаго Вѣстника» была поручена И. Сокальскому.

Не меньше потрудился Тройницкій на поприщѣ педагогическомъ: его продолжительная служба этому дѣлу для Одессы остается свѣтлой страницей въ лѣтописяхъ этого города. Съ 1832 г. по 1848 г. онъ былъ инспекторомъ классовъ института благородныхъ дѣвиць, а съ 1838 г. состоялъ также членомъ совѣта по хозяйственной части этого заведенія. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ приѣмѣ, воспитаніи и образованіи дѣвиць института; будучи членомъ совѣта, содѣйствовалъ составленію значительныхъ капиталовъ, которые расходовались потомъ на расширеніе помѣщенія для института и на улучшеніе вообще его матеріальнаго положенія. Подъ наблюденіемъ Тройницкаго было исполнено перемѣщеніе во время Крымской войны института въ городъ Вознесенскъ, гдѣ возмозны были на него всѣ распоряженія по устройству этого заведенія на новомъ мѣстѣ. Графъ Воронцовъ, ходатайствуя о назначеніи Тройницкаго членомъ институтскаго совѣта, писалъ ¹⁾ между прочимъ Г. И. Вилламову: «Въ заключеніе долгомъ считаю присовокупить, что настоящее мое представленіе основано совершенно на пользѣ самого института, и мнѣ будетъ очень пріятно, если распоряженіемъ симъ можно будетъ сохранить для службы и ободрить Тройницкаго, просвѣщеннымъ попеченіямъ коего, я долженъ сказать откровенно, обязанъ здѣшній институтъ усовершенствованіемъ своимъ по разнымъ частямъ, и который съ неизмѣннымъ постоянствомъ стремится къ распространенію вообще просвѣщенія, приводя въ исполненіе по сей части разныя предположенія, не входящія въ кругъ прямыхъ его обязанностей». Еще въ 1833 г., по порученію одесскаго градоначальника и попечителя одесскаго учебнаго округа, А. Г. составилъ приведенный въ исполненіе проектъ учрежденія уѣднаго и приходскаго училищъ; уставъ городскаго дѣвичьяго училища, потомъ высочайше утвержденный, былъ написанъ Тройницкимъ. Далѣе онъ состоялъ членомъ совѣта приказа общественного призрѣнія и членомъ городскаго попечительства пріутовъ. За добросовѣстное и усердное исполненіе своихъ обязанностей Александръ Григорьевичъ всегда получалъ признательность со стороны мѣстнаго начальства и высочайшія награды.

Въ 1835 г. въ Одессѣ былъ учрежденъ особый статистическій комитетъ. Вступивъ въ этотъ комитетъ по приглашенію тогдашняго градоначальника, А. И. Левшина, Тройницкій на первыхъ порахъ былъ единственнымъ ²⁾ дѣятелемъ на этомъ поприщѣ; онъ тщательно собиралъ

¹⁾ Письмо за № 7087 отъ 29-го апрѣля 1838 г. Изъ архива собственной его императорскаго величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи.

²⁾ См. Труды одесскаго статистическаго комитета. Одесса 1865 г. стр. 9.

статистическія свѣдѣнія касательно торговли, хозяйства и другихъ отраслей промышленности Новороссійскаго края и помѣщали ихъ на страницахъ «Одесскаго Вѣстника» въ теченіе 23-хъ лѣтней редакторской своей дѣятельности. Въ 1855 г. по предложенію академика П. И. Кеппена онъ былъ избранъ членомъ Географическаго общества и зачисленъ по отдѣленію статистики.

Кромѣ перечисленныхъ нами обязанностей, которыя исполнялись Тройницкимъ со свойственнымъ его характеру рвеніемъ, онъ, по назначенію одесскаго военнаго губернатора и одесской городской думы, состоялъ депутатомъ отъ дворянъ и обывателей г. Одессы въ комитетъ, ежегодно составляемомъ для разсмотрѣнія смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ. Одесскимъ градоначальникомъ былъ приглашенъ къ присутствованію въ качествѣ члена въ комитетахъ: для изысканія способа мощенія улицъ города и для составленія новаго проекта расчлененія о доходахъ Одессы. По предложенію графа Воронцова въ 1853 г. Тройницкій былъ назначенъ членомъ временнаго комитета, учрежденнаго по высочайшему повелѣнію въ Одессѣ по дѣлу о желѣзныхъ дорогахъ южной Россіи. Онъ состоялъ также членомъ южной комиссіи о лондонской выставкѣ.

Этимъ еще не исчерпывалась дѣятельность Александра Григорьевича. Послѣ Крымской войны онъ былъ назначенъ председателемъ комитета, составленнаго волей Монарха съ цѣлью оказать помощь жителямъ Одессы, потерявшимъ свое имущество въ время послѣдней войны; около 3.000 семействъ получили пособіе во время дѣйствій означеннаго комитета подъ руководствомъ Тройницкаго. По волѣ императрицы Александры Феодоровны на него было возложено въ 1856 г. попеченіе и главный надзоръ за сиротскими вдовами, командированными въ военные госпитали южной арміи. Потомъ онъ былъ назначенъ членомъ комитета для раздачи пособія чинамъ военно-сухопутнаго вѣдомства въ Крыму; подъ его временнымъ предсѣдательствомъ комитетъ открылъ свои дѣйствія въ 1856 г. Цѣлый рядъ возлагаемыхъ на него обязанностей, которыя мы только что перечислили, свидѣтельствуетъ еще разъ объ неутомимой дѣятельности Тройницкаго на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ; начальство увѣрено было въ его неподкупной честности, а потому онъ снискалъ вполне справедливое его расположеніе.

Въ 1844 г. Тройницкій былъ избранъ членомъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи, а въ слѣдующемъ году—членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей.

До своего окончательнаго переезда въ Петербургъ Тройницкій рѣдко покидалъ Одессу; въ 1836 г. онъ въ первый разъ былъ въ Петербургѣ съ порученіемъ отъ графа Воронцова хлопотать объ учрежденіи въ Одессѣ центральной словолитни для всего Новороссійскаго

*

края. Во время этой поѣздки онъ знакомился въ обѣихъ столицахъ съ достопримѣчательностями; но главное его вниманіе было обращено на устройство учебныхъ заведеній и типографій. Тамъ же онъ сблизился съ нѣкоторыми изъ литераторовъ (Н. И. Гречемъ, Плетневымъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, М. П. Погодинымъ); на одномъ изъ вечернихъ собраній у Греча (по четвергамъ) встрѣтился съ Г. П. Небольсинымъ, съ которымъ сошелся 20 лѣтъ спустя. При выѣздѣ изъ Одессы графъ М. С. Воронцовъ, А. И. Левшинъ, А. С. Стурдза и др. снабдили Александра, Григорьевича рекомендательными письмами. Въ этотъ же пріѣздъ въ концѣ октября 1836 г. Вишамовъ представилъ Тройницкаго императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Въ слѣдующемъ году Александръ Григорьевичъ женился на Елизаветѣ Павловнѣ Домбровской; но скоро лишился любимой жены, которая скончалась 15-го мая 1839 г. Пораженный этимъ ударомъ, Тройницкій отправился путешествовать за границу: въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ онъ побывалъ въ средней и южной Германіи, Швейцаріи и Италіи. Въ 1841 г. Александръ Григорьевичъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью ротмистра гвардіи, Вѣрою Ильиничною Булацель (р. 8-го апр. 1818 г. † 3-го апр. 1893 г.); отъ этого брака осталось трое сыновей. Когда они подросли, необходимо было позаботиться объ ихъ образованіи, и въ 1857 г. Александръ Григорьевичъ, для личнаго наблюденія за воспитаніемъ своихъ дѣтей, переселился въ Петербургъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ министерство въ утреннихъ дѣлъ.

Оглядываясь на 33-хъ лѣтнее служеніе Тройницкаго на пользу южнаго края, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что въ умственномъ и матеріальномъ положеніяхъ этой окраины заслуги Александра Григорьевича были велики; не даромъ одесская городская дума, въ знакъ признательности за многосторонніе труды на пользу роднаго города, почтила его въ 1868 г. званіемъ почетнаго гражданина г. Одессы.

А. Ѳ. Шидловскій.

Замѣтка по поводу біографіи М. А. Бакунина.

Въ «Русской Старинѣ» прошлаго года (№ 12) помѣщена біографія М. А. Бакунина, въ которой вкрались нѣкоторыя неточности, и я позволяю себѣ разъяснить ихъ и исправить. При этомъ считаю нужнымъ оговориться, что по службѣ моей въ Восточной Сибири съ 1856 по 1868 г. мнѣ хорошо извѣстны всѣ обстоятельства, относящіяся до Бакунина за время пребыванія его въ Сибири, какъ изъ личнаго моего знакомства съ нимъ и частныхъ свѣдѣній, такъ изъ находившихся въ моихъ рукахъ официальныхъ документовъ.

По высочайшему повелѣнію императора Николая Павловича, Бакунинъ былъ сосланъ не на поселеніе въ Восточную Сибирь, какъ сказано въ очеркѣ, а на жительство въ Западную Сибирь, безъ лишенія правъ состоянія, и водворенъ въ гор. Томскѣ. Здѣсь Бакунинъ познакомился съ отставнымъ чиновникомъ Ксаверіемъ Квятковскимъ и его семействомъ, состоявшимъ изъ жены и двухъ дочерей его. Въ 1858 году Бакунинъ женился на старшей дочери Квятковскаго.— Антонинѣ Ксаверьевнѣ, которой было не болѣе 17 лѣтъ. Такимъ образомъ указаніе Г. Мейера, что Бакунинъ оставалъ въ Сибири жену и ребенка,—чему авторъ очерка недовѣряетъ въ виду того, что въ генеалогіи рода Бакуниныхъ М. А. Бакунинъ показанъ неженатымъ, — безусловно вѣрно. Здѣсь кстати замѣтить, что послѣ бѣгства Бакунина, жена его жила въ Иркутскѣ у своихъ родителей, а въ 1868 или 69 году уѣхала за границу, въ Женеву, гдѣ находился мужъ ея, и жила съ нимъ до его смерти. Дальнѣйшая судьба А. К. Бакуниной мнѣ неизвѣстна.

Въ 1859 году послѣдовало высочайшее повелѣніе императора Александра II, разрѣшившее Бакунину переѣхать на жительство въ Восточную Сибирь, съ предоставленіемъ ему права вступить въ государственную

службу. Въ томъ же году Бакунинъ съ женою и семья Квятковскаго пріѣхали въ Иркутскъ и поселились вмѣстѣ. Денежныя средства Бакунина были весьма скудны, вѣрнѣе ихъ вовсе не было, и Бакунинъ жилъ на всемъ готовомъ у Квятковскаго, средства котораго были не настолько велики, чтобы онъ могъ давать Бакунину деньги на личные его расходы. Бакунинъ же любилъ тонкіе обѣды, хорошее вино и дорогіе сигары. При вондированіи Бакунинимъ, на какую должность онъ можетъ рассчитывать при поступленіи его на службу, ему было объявлено генераль-губернаторомъ графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ, что вопросъ этотъ неумѣстенъ и преждевремененъ, что о немъ можетъ быть рѣчь послѣ того, когда выяснится, въ какой мѣрѣ онъ пригоденъ и полезенъ для службы, и что во всякомъ случаѣ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, ему не можетъ быть предоставлено никакой штатной должности. Въ виду этого Бакунинъ сталъ прискивать себѣ частныя занятія и предложилъ свои услуги только что образовавшейся тогда Амурской торговой компаніи, имѣвшей свои конторы и агентовъ въ городѣ Николаевскѣ, при устьи Амура, въ городахъ и въ мѣстностяхъ, лежащихъ по Амуру и въ Забайкальской области. Компанія эта, крайне нуждавшаяся въ людяхъ, владѣвшихъ иностранными языками, въ особенности англійскимъ, съ величайшею готовностью предоставила Бакунину должность агента, назначивъ ему сверхъ опредѣленнаго содержанія процентное вознагражденіе съ суммы тѣхъ сдѣлокъ которыя будутъ совершены при его посредствѣ съ иностранными торговыми фирмами; при чемъ компанія принимала на себя всѣ расходы по поѣздкѣ Бакунина по ея дѣламъ. Поступленіе Бакунина на службу въ Амурскую компанію состоялось въ концѣ 1859 или въ началѣ 1860 г., а весною того же года, съ открытіемъ навигаціи, компанія поручила ему отправиться въ Николаевскъ и, узнавъ, что на эту поѣздку нужно имѣть разрѣшеніе отъ генераль-губернатора, вошла къ нему съ надлежащимъ о семъ ходатайствомъ.

Въ высочайшемъ повелѣніи о дозволеніи Бакунину переѣхать на жительство въ Восточную Сибирь, которое и должно было служить основаниемъ къ разрѣшенію ходатайства этого въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ, не содержалось ни указанія города или мѣстности для жительства Бакунина, ни воспрещенія свободнаго передвиженія его въ предѣлахъ Восточной Сибири, требовалось лишь, чтобы на выѣздъ его изъ постоянного мѣста жительства въ другія мѣстности было испрашиваемо разрѣшеніе генераль-губернатора. Такимъ образомъ право Бакунина переѣзжать изъ одной мѣстности Восточной Сибири въ другую составляло одну изъ высочайше дарованныхъ ему милостей, и отказъ въ удовлетвореніи ходатайства, безъ уважительныхъ къ тому основанийъ, былъ бы произвольнымъ стѣсненіемъ и ограниченіемъ милостей, дарованныхъ Бакунину высочайшею волею государя императора.

«Съ разрѣшенія мѣстнаго генералъ-губернатора графа Н. Н. Муравьева, дальнаго ему (Бакунину) родственника по матеря, — говорится въ очеркѣ, — Бакунинъ, подъ предлогомъ дѣль, отправился внияз по Амуру, добрался до Николаевска и бѣжалъ оттуда».

Смысль этихъ словъ таковъ: графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, по родственнымъ отношеніямъ его къ Бакунину, разрѣшилъ ему ѣхать въ Николаевскъ, подъ предлогомъ дѣль, а въ дѣйствительности для того, чтобы предоставить ему возможность бѣжать изъ Сибири ¹⁾. Разсказъ этотъ составляетъ слабый и нерѣшительный отголосокъ самыхъ невѣроятныхъ на эту тему версій, которыя, въ первое время послѣ бѣгства Бакунина, циркулировали въ обществѣ и даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Богѣ чѣмъ милостивый и благосклонный приемъ, оказанный государемъ Александромъ Николаевичемъ графу Муравьеву-Амурскому, при прїездѣ его въ Петербургъ въ 1861 году, послужилъ лучшимъ и неопровержимымъ доказательствомъ лживости этихъ недостойныхъ инсинуаций.

Каждый, кто имѣлъ честь знать графа или служить подъ его начальствомъ, ни на минуту не могъ допустить не только возможности, но даже мысли о томъ, чтобы этотъ идеально-честный и высокихъ душевныхъ качествъ человекъ, ради отдаленнаго родства съ Бакунинымъ, вступилъ бы въ компромисъ съ совѣстью и съ служебнымъ его долгомъ. По прошествіи 36-ти лѣтъ, лицъ знавшихъ графа осталось весьма и весьма немного, и большинство читающей публики составитъ себѣ совершенно невѣрное представленіе о такой крупной и свѣтлой исторической личности какъ графъ Муравьевъ-Амурскій. Въ періодическихъ изданіяхъ нашихъ печатался цѣлый рядъ статей и замѣтокъ о графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ. Въ статьяхъ этихъ высказались весьма различныя и противорѣчивыя взгляды и мнѣнія о государственной дѣятельности графа и о личныхъ его качествахъ. Только въ одномъ были вполне согласны и солидарны, какъ панегиристы, такъ и самые озлобленные порицатели графа, а именно въ томъ, что графъ Муравьевъ-Амурскій былъ человекомъ безупречной и неподкупной честности, истиннымъ рыцаремъ чести.

Въ №№ 11 и 12 «Вѣстника Европы» за 1896 г. помѣщена статья

¹⁾ Хотя изъ приведенныхъ словъ біографа и нельзя вывести тѣхъ заключеній, которыя выводитъ авторъ настоящей замѣтки, но мы, печатая послѣднюю, считаемъ нужнымъ оговориться. Приводимыя на стр. 608 «Русской Старины» (1896 г. № 12) слова заимствованы В. Ш. изъ некролога М. А. Бакунина, помѣщеннаго въ «Русскомъ Мирѣ» 1876 г. № 207. Авторъ напрасно негодуетъ на оскорбленіе, нанесенное будто бы памяти графа Муравьева-Амурскаго, ибо біографъ далекъ отъ обвиненія графа въ стачкѣ съ Бакунинымъ. Фактъ же, что Бакунинъ уѣхалъ въ Николаевскъ съ разрѣшенія графа Муравьева все-таки остается фактомъ, ибо какъ поднадзорный — Бакунинъ не могъ сдѣлать этого иначе.

Н. А. Бѣлоголоваго: «А. В. Поджіо» (декабристъ), въ которой говорится, между прочимъ, о бѣгствѣ Бакунина.

Не приводя въ подробности сообщаемыхъ въ этой статьѣ весьма интересныхъ и вполне вѣрныхъ характеристикъ А. В. Поджіо и М. А. Бакунина, ограничусь лишь слѣдующими, немногими изъ этой статьи выдержками до бѣгства Бакунина относящимися.

Въ письмѣ отъ 16-го декабря 1861 года, Поджіо пишетъ: «Поступокъ (бѣгство) Бакунина ничѣмъ не извиняется; такое нарушеніе всѣхъ обязательствъ не можетъ оправдываться никакими изворотами, въ какія бы формы онъ ихъ ни облекалъ. Платить за слѣпое довѣріе такою эгоистическою неблагодарностью — преступно; оставить бѣдную молодую жену на произволъ, среди искушеній, подвергнуть отвѣтственности столько лицъ, оказавшихъ ему теплое участіе, — врядъ ли все это вмѣстѣ дастъ ему довольно смѣлости искать встрѣчи съ Ник. Ник. (гр. Муравьевымъ-Амурскимъ) въ Парижѣ».

Комментируя это письмо Бѣлоголовый говоритъ: «Поджіо до конца дней оставался вѣрнымъ рыцарскимъ убѣжденіямъ своего времени, ненавидѣлъ всякую ложь и никогда не могъ примириться съ революціонной доктриной позднѣйшей эпохи: «цѣль оправдываетъ средства», а стало быть никакъ не могъ смотрѣть на бѣгство Бакунина, какъ на поступокъ, заслуживающій одобренія; онъ зналъ, что Бакунинъ, для его осуществленія, нарушилъ честное слово, данное имъ генераль-губернатору гр. Муравьеву въ томъ, что онъ не злоупотребитъ предоставленной ему — (какъ указано выше высочайшею властью государя) — свободой передвиженія по Сибири и оказаннымъ ему довѣріемъ и не убѣжитъ изъ ссылки». И далѣе: «Весьма возможно, что въ умѣ Бакунина уже тогда (т. е. тотчасъ по пріѣздѣ его въ Иркутскъ) — наарѣлъ замыселъ бѣжать изъ Сибири, а потому онъ и держалъ себя въ Иркутскѣ постоянно въ маскѣ, думая только о своемъ планѣ и стараясь лишь вкрасться въ довѣріе графа Муравьева, и воспользовавшись этимъ довѣріемъ бѣжалъ».

Приведенныя выдержки по ясности и убѣдительности ихъ не нуждаются въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Замѣчу, что Поджіо зналъ графъ Муравьева съ 1848 года, со времени назначенія его генераль-губернаторомъ, что на глазахъ Поджіо прошло славное и знаменательное въ исторіи Восточной Сибири тринадцати-лѣтнее управленіе ею графомъ Муравьевымъ, что, при высокомъ умственномъ развитіи, при всестороннемъ образованіи и наблюдательности Поджіо, онъ могъ составить себѣ безошибочное мнѣніе и о государственной дѣятельности, и о душевныхъ качествахъ графа и что такой честный и справедливый человѣкъ, какъ Поджіо, не отнесся бы съ такимъ суровымъ осужде-

ніемъ и негодованіемъ къ Бакунину, если бы обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія бѣгство Бакунина,—хорошо извѣстныя Поджіо,—не оставляли сомнѣнія въ томъ, что графъ Муравьевъ не допускалъ мысли, что Бакунинъ воспользуется разрѣшенной ему повѣдкой для бѣгства въ Америку.

Князь В. А. Кейкуатовъ.

Письмо о поклонахъ архимандрита Амвросія московскому митрополиту.

2-го декабря 1782 года.

Высокопреосвященнѣйшій владыко,
московскій архіепископъ!

Успенскаго собора ключарь Іоаннъ Макаровъ объявилъ мнѣ запискою вашего высокопреосвященства приказаніе слѣдующее: что оны, Макаровъ, сего 1782 года октября 21 дня призыванъ былъ Святѣйшаго Синода въ контору въ собраніе, гдѣ ему приказано отъ вашего высокопреосвященства объявить мнѣ, чтобъ я, архимандритъ, кланялся высокопреосвященству вашему въ священнослуженіи политичнымъ образомъ пониже. Получа сіе приказаніе, осмѣливаюсь доложить вашему высокопреосвященству, что оно меня привело въ немалое удивленіе: первое потому, что самъ Богъ, положивъ заповѣдь сію, «Господу Богу Твоему поклонитесь», того, чтобъ низко или пониже кланяться, не предписалъ. Почему обыкновенно разными образами кланяться Ему, яко не на виднѣе тѣла движеніе, но на сердце смиренное взирающему. Второе, высочайшая по немъ власть, всеміостивѣйшая наша монархія такъ же количества поклоновъ требовать не благоволяетъ, что всѣмъ вѣдомо и видимо. А хотя извѣстная въ свѣтѣ особа противнымъ тому образомъ поступаетъ, но она тѣмъ самымъ не достойна, чтобъ мнѣ во образецъ ее приводить. Сверхъ того мнѣ довольно извѣстно, что она, какъ другими преосвященными, такъ и вами за то самое ненавидима. Чего для не соблаговолите ли, ваше высокопреосвященство, примѣромъ Бога и помазанницы Его не принужденнымъ, но добровольнымъ поклоненіемъ довольны быть; или хотя для отвращенія впредь упрека оное извѣстно опредѣлить, ибо я о поклонахъ опредѣленныхъ, какіе бывають въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ-то: рукоположеніе, не сумнѣваюсь. Не объ нихъ здѣсь говорю. Третье, болѣе уже двадцати лѣтъ будучи я архимандритомъ, съ разными архіереями и членами Св. Синода служилъ и служу, и никто изъ нихъ меня неполитичнымъ и не низкимъ поклоненіемъ не упрекалъ. Почему и не знаю, по какому праву долженъ я на старости учиться, чтобъ въ священнослуженіи политичнымъ образомъ пониже кланяться высокопреосвященству вашему, нежели другимъ архіереямъ. Напослѣдокъ осмѣливаюсь заключить, что ваше высокопреосвященство излишняго отъ меня требовать изволите, и я сіе излишество не иначе почитаю, какъ за часть притѣсненій, которыя, и кромѣ того, мнѣ чувствительны. О всемъ вышесказанномъ чистосердечно изъясняю, въ надеждѣ принятія во уваженіе моихъ изъясненій въ лучшей перемявѣ вашего ко мнѣ духа. Съ истиннымъ моимъ почитаніемъ всегда пребуду, вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшій слуга Ставропигіальнаго Симонова монастыря архимандритъ Амвросій.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

Прозоровскій, А. Сякъвестръ Медвѣдевъ. Опытъ церковно-историч. изслѣдованія (Оконч.) Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россіи за 1896, кн. 4-я.

Путешествіе антиохійскаго патриарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в. описанное его сыномъ архидіак. Павломъ Алепискимъ. Переводъ съ арабскаго Г. А. Муркоса. Чтен. въ Имп. Общ. ист. и древн. Россіи за 1896, кн. 4-я.

Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст. Сообщены В. и Г. Холмогоровыми. Вып. 9-й.—Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн. Россіи за 1896, кн. 4-я.

Лясковскій, В. Н. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Его біографія и его учение. „Русс. Архивъ“, 1896, № 11.

Изъ дневныхъ записокъ В. А. Шуланова. Русс. Архивъ, 1896, № 11.

Дренякинъ, А. М. О безпорядкахъ въ Пензенской губерніи. Весна 1861. „Русс. Архивъ“, 1896, № 11.

Изъ архивныхъ дѣлъ. Сообщено П. А. Юдикимъ. „Русс. Архивъ“, 1896, № 11.

Любецкій Архивъ. „Кіевск. Старина“, 1896, сентябрь.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Ч. III.—„Кіевск. Старина“, 1896, сентябрь.

Письма М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Науменка.—„Кіев. Старина“, 1896, сентябрь.

Штернъ-фонъ, Э Р. О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи. «Журн. М. Нар. Просв.», 1896, декабрь.

Мищенко, О. Г. Извѣстія Геродота о вавъ-скіекихъ земляхъ въ Россіи. Журн. «М. Нар. Пр.» 1896, декабрь. Новодворскій, В. О. А. И. Павинскій

(некрологъ). «Журн. М. Нар. Просв.» 1896, декабрь.

Леонтовичъ, О. И. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (продолж.). «Журн. М. Н. Пр.», 1896, декабрь.

Васильевъ, А. Значеніе Н. И. Лобачевскаго для Имп. Казанскаго Унив.—Учен. зап. Имп. Казан. Унив., 1896, кн. X-я.

Ивановскій, В. Русское государственное право, (продолж.).—Учен. Зап. Имп. Казан. Унив., 1896, кн. X-я.

Епанчинъ, Н. Дѣйствія передоваго отряда ген.-лейт. Гурко въ войну 1877—78 г.—„Военн. Сборникъ“, 1896, № 11. Оборучевъ, К. Артиллерія въ Кокандскомъ походѣ 1875—76 г.—„Военн. Сборникъ“, 1896, № 11.

Гершельманъ, С. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ.—„Военн. Сборникъ“, 1896, № 11.

Орловъ, Н. Гвардейскіе егеря при Императорѣ Павлѣ.—„Военн. Сборникъ“, 1896, № 11.

Магницкій, В. К. Гор. Кузюдемъ-ляскъ и его уѣздъ по 1-й народной переписи (1718—1722).—Извѣстія Общ. Археолог. Ист. и Этн., т. XIII, вып. 5.

Магницкій, В. К. Городище „Шиндьеръ Сыръчъ“ и курганы въ Ядринскомъ и Курмышскомъ уѣздахъ Казанской губерніи.—Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этногр., т. XIII, вып. 5.

Князь Шапсыревъ, С. Землевладѣніе въ Лифляндіи.—„Русскій Вѣстн.“, 1896, октябрь.

Ярошъ, К. Н. Безпристрастная логика исторіи.—„Русс. Вѣстн.“, 1896, октябрь.

Б—овъ, И. Н. Литературная старина (изъ переписки Я. К. Грота съ П. А. Штетневимъ).—„Русс. Вѣстн.“, 1896, октябрь.

Дмитрій Михайловичъ Познякъ. Неврологъ.—„Русс. Вѣстн.“ 1896, ноябрь.

Майновъ, П. М. Перенеска императрицы Екатерины II съ А. П. Левшиной.—„Русс. Вѣстн.“ 1896, ноябрь.
Н—сий, В. Памяти императрицы Екатерины II.—„Русс. Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Березинъ, В. Восемь лѣтъ въ Озверовладномъ краѣ (воспоминанія бывшаго мирового посредника).—„Русс. Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Ливранди, А. П. Подляшье и Холмская Русь.—„Русскій Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Орловъ, Н. Д. Проф. Возвращеніе суворовскихъ войскъ изъ Швейцаріи въ 1799 г.—„Русскій Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Пыпинъ, А. Н. Вопросъ о западномъ вліяніи въ русс. литературѣ.—„Вѣстн. Европы“, 1896, октябрь.

Герье, В. И. Опытъ городского погребенія обдѣвнхъ.—„Вѣстн. Европы“, 1896, октябрь.

Пыпинъ, А. Н. Забѣтка. Пушкинскій музей въ Москвѣ.—„Вѣстн. Европы“, 1896, ноябрь.

Пыпинъ, А. Н. Полузабытый писатель XVIII в. Сочиненія князя М. И. Щербатова.—„Вѣстн. Европы“. 1896, ноябрь.

А. В. Пожю. 1859—1873. Изъ записокъ Н. А. Бѣлоголова.—„Вѣстн. Европы“, 1896, ноябрь.

Мартенсъ, Ф. Ф. Императоръ Николай I и королева Викторія.—„Вѣстн. Европы“, 1896, ноябрь.

Имзеветтеръ. Реформа Петра Великаго въ соціалн русскаго общества.—„Русс. Обзор“, 1896, № 10.

Розановъ, В. В. Нѣсколько замѣчаній о духовоческомъ теченіи русскаго раскола.—„Русс. Обзор“, 1896, ноябрь.

Материалы для характеристика русскнхъ писателей, художниковъ и общества дѣателей. 1) Письма къ К. А. Губастову К. Н. Леонтьева. 2) Материалы для біографіи Н. П. Гиларова-Платонова.—„Русское Обзор“, 1896, ноябрь.

Ивѣтковъ, Пресвит. Н. Д. Высокопресвященный Алексій, архіепископъ литовскій и виленьскій. Оконч.—„Русс. Обзор“, 1896, ноябрь.

Владиміровъ, А. П. Исторія располченія западно-русскаго костела (окончаніе).—„Русск. Обзор“, 1896, ноябрь.

Автобіографія Н. С. Соханской (Кохановской). Тетрадь V.—„Русское Обзор“, 1896, ноябрь.

Егумовъ, А. Н. Перискій кустарный банкъ.—„Наблюдатель“, 1896, ноябрь.

Ливранди, А. П. Опытъ еврейской равноправности въ Россіи (евреи въ Привислнскомъ краѣ).—„Наблюдатель“, 1896, ноябрь.

Аболь, Г. Густавъ - Морицъ Армфельтъ и его русско-финскія отношенія.—„Наблюдатель“, 1896, ноябрь.

Тимирязевъ, К. А. Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ.—„Русская Мысль“, 1896, ноябрь.

Ключевскій, В. О. Императрица Екатерина II.—„Русская Мысль“, 1896, ноябрь.

Фалинсовъ, Н. А. Педагогическіе курсы и учительскіе съѣзды.—„Русс. Мысль“, 1896, ноябрь.

Муриневъ, В. Задачи и организація земскихъ книжки. складовъ.—„Русская Мысль“, 1896, ноябрь.

Брикнеръ, А. Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ (оконч.).—„Русская Мысль“, 1896, ноябрь.

Ивановъ, Ив. Писемскій (прод.)—„Міръ Божій“, 1896, ноябрь.

Милосновъ, П. Н. Очерки по исторіи русской культуры (продолж.).—„Міръ Божій“, 1896, ноябрь.

Бруцнцусъ, Ю. Д. Исторія евреевъ въ Курляндіи до присоединенія ея къ Россіи.—„Восходъ“, 1896, сентябрь.

Баловъ, А. Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе. Историко-этногр. очеркъ.—„Живая Старина“. Вып. II, 1896.

Стасовъ, В. В. Воспоминанія о моей сестрѣ XVII—XXI.—„Книжки Недѣли“, 1896, ноябрь.

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарыина (ихъ переписка).—„Новое Слово“, 1896, октябрь, № 1.

Петровъ, В. Очерки по исторіи грамотности въ Россіи.—„Новое Слово“, 1896, октябрь.

Письма И. С. Тургенева къ Густаву Флореру и м-ше Комманвиль.—„Сѣверный Вѣстн.“, 1896, № 11.

Записки А. О. Смирновой.—„Сѣверный Вѣстн.“, 1896, № 11.

Васильевъ, Ае. Значеніе сентябрьскихъ торжествъ.—„Русская Вѣзда“, 1896, октябрь.

Демидовъ, М. И. Русская педагогія XVIII вѣка (статья 3-я и послѣдняя).—„Педагогическій Сборникъ“, 1896, октябрь.

Десять археологическій съѣздъ въ Ригѣ.—Археологич. извѣстія и замѣтки, 1896, №№ 9—10.

П., Н. Русская старина въ Ригѣ.—Археол. извѣстія и замѣтки. 1896, №№ 9—10.

Письма пресвященнаго Теофана-

Заворонка къ Е. С. В.—„Душеполезн. Чтеніе“, 1896, сентябрь и октябрь.

Избранныя мѣста изъ писемъ іеросхимонаха отпа Амвросія. „Душеполезное Чтеніе“, 1896, сентябрь.

Памяти священно-архимандрита Григорія. — „Душеполезное Чтеніе“. 1896, сентябрь.

П—въ, С. Новопрославленный святытель Θεодосій Углицкій, архіепископъ Черниговскій и Новгородсѣверскій. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, сентябрь.

Имяниъ, В. І. Игуменія Августа въ мѣртѣ князвѣ Ширинскѣ - Шикматова. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, сентябрь, октябрь и ноябрь.

Певель, С. Г. А. В. Горскій, въ началѣ своей профессорской дѣятельности по письмамъ Филарета, архіепископа Черниговскаго — „Душепол. Чтеніе“, 1896, октябрь и ноябрь.

Саргинъ, Т. Н. Трехсотлѣтній юбилей Ерестской униі. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, октябрь.

Храмы во имя св. равноапостольнаго великаго князвѣ Владимира. — „Душеполезн. Чтеніе“. 1896, октябрь.

Письма и резолюціи Филарета митрополита московскаго. Сообщилъ архим. Григорій. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, октябрь и ноябрь.

Флорисскій, І. Н. прот. Памяти высокопреосвященнаго Платова, митрополита кievскаго. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, октябрь.

Кадатовъ, А. По святымъ обителямъ и богоспасаемымъ градамъ. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, ноябрь.

Деленторскій, Ф. И. Два юбилея. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, ноябрь.

Чистяковъ, С. Н. Прославленіе святытеля Θεодосія, архіепископа черниговскаго. — „Душеполезное Чтеніе“, 1896, ноябрь.

С. М. Свящ. Шарковъ, Протоіерей А. Н. Богородскій. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, ноябрь.

Бѣшевъ, А. А. Платонъ, митрополитъ московскій. — „Душеполезн. Чтеніе“, 1896, ноябрь.

Икнаворъ. Еписк. Пресвященный Аванасій, архіеписк. астраханскій. — „Странникъ“, 1896, августъ и сентябрь.

Хитровъ, Н. Наше бѣлое духовенство въ XVIII ст. и его представленіи. — „Странникъ“, 1896, августъ.

В—ль, П. Ф. Латино-униатскій святой Іосафатъ Кунцевичъ. — „Странникъ“, 1896, августъ.

В—ль, П. Ф. Латино-униатскій святой Іосафатъ Кунцевичъ. — „Странникъ“, 1896, сентябрь.

Саломинновъ, А. Историческое назначеніе Россіи. — „Странникъ“, 1896, сентябрь.

Зеркало очевидное И. Т. Посожнова. Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. Царевскаго. — „Правосл. Собесѣдн.“, 1891, июль, августъ и сентябрь.

Письма Н. И. Ильинскаго къ Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву. — „Правосл. Собесѣдн.“, 1896, сентябрь, октябрь и ноябрь.

Корсунскій, И. Н. Высокопреосвященный Савва, Архіепископъ Тверской († 13 октября 1896 г.). — „Болослов. Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Архим. Сергій. На дальнемъ востокѣ (Письма японскаго миссіонера). — „Богослов. Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Коновъ, С. Г. Ректоръ Московской Духовной Академіи прот. Александръ Васильевичъ Горскій. (Опытъ біографическаго очерка). — „Богословскій Вѣстн.“, 1896, ноябрь.

Ко дню перваго годичнаго поминования въ Бозѣ почившаго о. архимандрита Павла. — „Вратское Слово“, 1896, № 13.

Шафрановъ, П. К. К. Сентъ-Илеръ (по поводу 40-лѣтня его педагогич. дѣятельности). — «Естествознание и географія», 1896, № 8, октябрь.

Проф. Щеголовъ, В. Г. Государственный Советъ въ Россіи. Т. II, выл. I. — „Временникъ Демид. Юрид. Лицея“. Кн. 69-я.

Петръ-Великій въ Парижѣ. — „Вѣстн. Иностран. Литер.“, 1896, № 11.

Царское путешествіе. — „Вѣстникъ Иностран. Литер.“, 1896, № 11.

Булашевъ, Г. Очеркъ дѣятельности по народному образованію Арсенія (Москвина), митрополита Киевскаго и Галицкаго. — „Народн. Образованіе“, 1896, № 11.

Володимировъ, В. М. Константинъ Дмитріевичъ Андиферовъ. Некрологъ. — «Журн. М. Юстиціи», 1896, ноябрь.

40-лѣтній юбилей директора Учительскаго Института Б. К. Сентъ-Илера. — «Русскій Нач. Учитель», 1896, № 10.

П. П. Всеволодъ Владимировичъ Крестовскій. — Приложеніе къ отрывому военному календарю П. Платова, на 1897 г. — Киевъ, 1896.

Бинштейнъ, В. Изъ исторіи женскаго образованія въ Россіи. — «Образованіе», 1896, № 10.

Сутеранскій, М. Наше воспитаніе по сочиненіямъ М. Салтыкова. — „Образованіе“, 1896, № 10 и 11.

Морозовъ, П. Екатерина II, какъ

писательница. — «Образованіе», 1896, № 11.

Кизеветтеръ, А. Историческое значеніе царствованія Екатерины Великой. — «Образованіе». 1896. № 11.

Соловьевъ, С. П. Отрывки изъ памятной книжки отставнаго режиссера. — «Ежегодн. Имп. театр. сезонъ», 1895—96. Приложенія. Кн. I.

Коробинъ, Н. И. Николай Ивановичъ Хмѣльницкій. — «Ежегодн. Имп. театровъ». Сезонъ 1895—96. Приложенія. Кн. I.

Ярцевъ, А. А. На родинѣ русскаго театра. — «Ежегодн. Имп. театр.». Сезонъ, 1895—96. Приложенія. Кн. I.

Селивановъ, Н. А. Юлія Николаевна Липская. — «Ежегодн. Имп. театр. сезонъ», 1896—95. Приложенія. Кн. I.

Липаевъ, Ив. Петръ Ильичъ Чайковский. «Русская муз. газета», 1896, № 11.

Алексѣй Николаевичъ Карасевъ. (Биографическій очеркъ). — «Русская муз. газета». 1896, № 11.

У. С. Воспоминанія объ оперномъ товариществѣ И. П. Прынцманкова въ Москвѣ 1892—93 г. «Русск. муз. газета», 1896, № 11.

Ф., Н. Ипполитъ Петровичъ Прынцманковъ. — «Русск. муз. газета», 1896, № 11.

М. Мнѣнія Париза о Мусоргскомъ. — «Русск. муз. газета», 1896, № 11.

Равнинъ Шингидь, Р. И. Слово по случаю столѣтія со дня рожденія блаженной памяти Императора Николая I. Ковна. 1896.

Ф., Н. Жизнь, подвиги и страданія св. аистола Андрея Первозваннаго. Изд. И. Д. Ситина. Москва. 1896.

Святый Филиппъ, митрополитъ Московскій. 3-е изд. отдѣла распростран. дух.-правств. книгъ. Москва, 1896.

Житіе, подвиги и чудеса преподобнаго и боговсваго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго. Изд. в т о р о е. (Приходская библ.). Москва. 1897.

Святитель и чудотворецъ архіепископъ Черниговскій Θεодосій Углицъ. Москва. 1897.

Св. Θεодосій Углицкій, Архіеписк. Черниговскій. Изданіе Е. И. Коноваловой. Москва, 1896.

Житіе св. Димитрія, Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. Изд. второе. Москва. 1896.

Лаврентьева, С. Святитель Тихонъ Задонскій, епископъ Воронежскій. (Общедоступн. библ. Ступина). Москва. 1896.

Живописное обозрѣніе русск. свя-

тыхъ мѣстъ Кіево-Печерская Лавра. Изд. 2-е. Вып. 2-й. Одесса. 1896.

Виноградовъ, П. А. Пушкинъ, какъ художникъ. Москва, 1896.

Крашенинниковъ, М. Расположеніе древней Скиевъ въ нынѣшнихъ мѣстностяхъ. Рѣчь на актѣ Слуцкой гимназій. Слуцкъ, 1896.

Сидоровъ, А. Историческій очеркъ русской печати въ Привислянскомъ краѣ. Варшава, 1896.

Брянцевъ, П. Очеркъ древней Литвы въ Западной Россіи. Изд. 2 е. Вильна, 1897.

Лисовскій, Дм. О службѣ и должностныхъ лицахъ въ древней Россіи. Спб. 1896.

Девяностолѣтіе Импер. Вилънскаго Медицинск. Общества. Вильна, 1896. Въ память священнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896. Спб. 1896

Асиархановъ, А. Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Александровичъ и Государыня Императрица Александра Θεодоровна. Спб. 1896.

Смицкимъ, П. В. Никольскій единовѣруч. мужской монастырь въ Москвѣ. Москва, 1896.

Мышлаевскій, А. В. Петръ Великій. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 г. Спб. 1896.

Марачунскій, Д. М. Наши петербургскіе артисты. Спб. 1896.

Холвинская, М. и Долгополовъ, Н. Памяти П. П. Вѣдоуова. Спб. 1896.

Письма Русскихъ Государей и другихъ особъ царскаго семейства. — Письма царя Алексѣя Михайловича. Москва. 1896

Русско-польскія отношенія. Собралъ изъ газетъ, журналовъ и отдѣльныхъ изданій Библофилъ. Вильна, 1896.

Сергеевъ, С. Русскій рубль, его исторія, экономическое значеніе и предстоящая реформа. (Библ. обществ. знаній, вып. 4-й). Одесса, 1896.

Акты, издаваемые Вилънскою Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXIII. — Акты Холмскаго Городскаго Суда. Вильна, 1896.

Самоковасовъ, Д. Я. Исслѣдованія по исторіи русскаго права. Вып. I-й. Москва, 1896.

Краткій историческій очеркъ главн. леебенищ П. и А. Воудскихъ въ Москвѣ. Москва, 1896.

Житіе и открытіе нетлѣнныхъ мощей святителя Θεодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго. Москва, 1896.

Св. Θεодосій Углицкій. Значенія ии-

лости Божіей по молитвѣ святителя. Москва, 1896.

Святитель Феодосій Углицкій, его жизнь и чудеса отъ мощей его. Москва, 1897.

Святитель Феодосій Углицкій, архіепископъ Черниговскій. Его жизнь и прославленіе. Москва, 1896.

Гермоион. Досмѣи. Житіеописание настоятеля Тихоновой пустыни (Калужской губерніи) Архимандрита Мовсея. Москва, 1896.

Рогозинъ, Евр. Свящ. По поводу 150-лѣтія церкви с. Чукавина, Старичаго уѣзда, Тверской губ. Тверь, 1896.

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ X. Окраины Россіи. Москва, 1896.

Иуджевскій, М. Полк. Опытъ военно-историческаго изслѣдованія о кавачествѣ. Вып. I. Кіевъ, 1896.

Ивбалъичъ, Т. В. Древніе драгоценные амулеты, найденные въ Южной Россіи и гемыи новаго времени. Кіевъ, 1896.

Торжественное засѣданіе Русскаго Бальнеологическаго Общ. въ Пятигорскѣ, посвященнаго чествованію С. А. Смирнова. Пятигорскъ. 1896.

Женская гимназія М. Нар. Просв. Д. Ѳ. Ржевской. Очеркъ за X лѣтъ. Москва, 1896.

Софодовъ, Н. Историческій очеркъ основанія и дѣятельности учрежденія Комитета "Христіанская Помощь" Росс. Общ. Краснаго Креста. Москва, 1896.

Толычева, Т. Московскій Кремль. Изд. 2-е. Москва, 1896.

Ирасевъ, А. В. Свящ. Апостолъ Зырянъ святой Стефанъ. (Рѣчь въ Собраніи Слав. Благотвор. Общ.). Спб., 1896.

Половъ, М. А. Проф. Профессоръ Душанъ Феодоровичъ Лямбль, его служебная и литературная дѣятельность. Харьковъ, 1896.

Масловъ, В. Свящ. Исторія Рождество-Богородичнаго храма въ селѣ Каплуновѣ, Боголуховскаго уѣзда. Харьковъ, 1896.

Селивановъ, Т. Н. Харьковская 3-я гимназія 25 лѣтъ тому назадъ. Харьковъ, 1896.

Пеливановъ, В. Н. Муранскій могильникъ. Москва, 1896.

Высочайшіе Всемилостивѣйшіе Манифесты 14 ноября 1894 и 14 мая 1895 г. Изданіе неофіціальное. Спб. 1897.

Столѣтіе гор. Гатчины. Т. I—II. Составлено подъ редакцію С. Рождественскаго. Гатчина, 1896.

Къ X Археологическому Съѣзду въ Ригѣ. Курляндскія, Лифляндскія, Эстляндскія и Финляндскія дѣла въ Моск. Главн. Архивѣ М. Им. Дѣлъ. Москва 1896.

Владенскій, С. Свящ. Царскіе дни и царскія торжества. Сибирскъ, 1896.

Альбомъ коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Изд. „Русск. Листва“. Москва, 1896.

Историко-статистическое и археологическое описаніе Челмогорской мужской пустыни Каргопольскаго у., Олонецкой губ. Изд. испр. и дополн. подъ ред. И. Токмакова. — Москва, 1896.

Прошлое и настоящее положеніе фабричной медицины въ Московской губерніи.—Врача А. И. Сибирскаго. Москва, 1896.

День священнаго коронаванія Государя Императора Николая II Александровича.—Москва, 1896.

Священное коронаваніе русскихъ государей на царство. Изд. книгопродавца А. Савонова. Москва, 1896.

Милости Царя народу въ день священнаго коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 г.—Москва, 1896.

Ф., Н. Жизнь святыхъ благовѣрныхъ: князя Петра, въ инокѣхъ Давида, и княгини Февроніи, въ инокиняхъ Евросиніи, Муромскихъ чудотворцевъ. Изд. 2-е. Муромъ. 1896.

Открытие мощей святителя Феодосія Углицкаго, Архіепископа Черниговскаго.—Спб., 1896.

Святитель Феодосій Углицкій, Архіепископъ Черниговскій. Изд. книгопродавца А. Холмушина.—Спб., 1896.

Максимовъ, В. Св. Феодосій Черниговскій.—Спб., 1896.

Древне-христіанскіе храмы Св. Александра - Аѳонскій Зеленчукскій монастырь. Изд. 3-е. Одесса, 1896.

Святоостровскій скитъ на Валаамѣ и житіе преподобнаго Александра Свирскаго. Изд. 2-е. Спб., 1896.

Г., А. Сказаніе о св. апостолѣ Симонѣ Кананитѣ, объ основаніи Ново-Аѳонской Симоно-Кананитской обители въ Абхазіи на Кавказѣ. Изд. 5-е. Одесса, 1896.

Сказаніе о жизни и чудесахъ преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ. Изд. 3-е.—Спб., 1896.

Жизнь и труды святаго апостола Андрея Первозваннаго. Изд. Русскаго Св. - Ильянскаго Скита на Аѳонѣ.—Одесса, 1896.

Вяземскій Аркадіевскій дѣвичій мо-

настырь. Второе доимп. изд. Москва, 1896.

Открытие мощей святителя Феодосія Углицкаго, Архіепископа Черниговскаго. Спб., 1896.

Свящ. А. Маларевскій. Мученики за вѣру и отечество, князь Черниговскій Михаилъ и бояринъ Феодоръ. Спб., 1896.

Московский Сборникъ. Изд. К. П. Побѣдоносцева. Москва, 1896.

Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій. „Правит. Вѣстникъ“ 1896, 10 дек. № 268.

Къ столѣтію смерти графа Румянцева-Задунайскаго. Прилож. къ газ. «Нов. Время» 7 дек. 1896, № 7465.

Некрологъ. Высокопреосвящ. Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій. «Новости» 15 окт. 1896, № 285.

Некрологъ. В. О. Португаловъ. „Новости“ 22 окт. 1896, № 292.

Некрологъ. А. П. Боголюбовъ. «Новости» 28 окт. 1896, № 298.

Петрушевскій, А. Памяти Суворова. «Новости» 31 окт. 1896, № 301.

Некрологъ. Преосвященный Николай епископъ Оренбургскій и Уральскій. „Новости“ 31 окт. 1896, № 301.

Г., Е. Пятидесятилѣтній юбилей Имп. Русскаго Археологич. Общества.

„Нов. Время“ 15 дек. 1896, № 7473.

Профессоръ Д. А. Хвольсонъ. Приложение къ газ. „Нов. Время“ 14 дек. 1896, № 7472.

Б., Ѳ. В. П. Буренинъ (къ 35-лѣтію

его литературной дѣятельности). Приложение къ газ. „Новое Время“ 14 дек. 1896, № 7472.

Б., М. Воспоминанія севастопольца 40 лѣтъ спустя. «Нов. Время» 11 дек. 1896, № 7469.

Некрологъ. Протоіерей П. Г. Лебедянецъ „Нов. Время“, 8 дек. 1896, № 7466.

Некрологъ. Д. И. Воейковъ. «Нов. Время» 7 дек. 1896, № 7465.

Къ столѣтію смерти Е. И. Кострова. Приложение къ газ. «Нов. Время», 7 дек. 1896, № 7465.

П., М. И. Скрыга, оригиналы и чудаки. «Новое Время», 6 дек. 1896, № 7464.

Некрологъ. Д-ръ Модестъ Ивановичъ Галаиннъ. „Нов. Время“, 1 дек. 1896, № 7459.

Ф., А. Къ юбилею С. В. Маркова. Прилож. къ газ. „Новое Время“, 30 ноября 1896, № 7458.

Валковской, К. Изъ прошлаго. Приложение къ газ. „Новое Время“, 30 ноября 1896, № 7458.

Некрологъ. Николай Федоровичъ Фанъ-деръ-Флитъ. „Нов. Время“, 29 ноября 1896, № 7457.

Некрологъ. Художникъ - жанристъ А. А. Поповъ. «Новое Время», 27 ноября 1896, № 7455.

Б., Н. М. И. Петипа (къ 50-лѣтію его артистич. дѣятельности). Прилож. къ газ. «Нов. Время», 23 нояб. 1896, № 7451.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРИРОДА И ЛЮДИ

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VIII.

Пробный № высылается за 7 коп. марку.

Подписной годъ начинается съ 1 ноября, № 1-й выйдетъ 7 ноября 1896 г.

Содержаніе: Фритиофъ Хансенъ и его путешествія (съ рис.). В. Семеновъ.—Русская колонія на Тихомъ океанѣ. Ром. Н. Соколова.—Въ странѣ полуибеаца. Очерки Турціи Юрія Казн-Бека (съ рис.).—Алхемія. Д. Сославина.—Фотографія души (съ рис.). Очеркъ В. Витгера.—Исторія одного русскаго эмигранта въ Америкѣ. Рассказъ Г. Обверцова.—Со всѣхъ концовъ свѣта.—Изъ области естествознанія.—Изъ области техники.—Хроника путешествій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
5 РУБ. безъ доставки.
Съ доставкой
и пересылкою во всѣ
города Россіи. 6 руб.
за границу 8 рублей.

Журналъ Природа и Люди знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума, въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности; сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человѣчества и рисуетъ картины будущаго прогресса людей; наконецъ, служитъ общепонятнымъ истолкователемъ современной жизни.

Годовые подписчики въ теченіе 1897 года получаютъ:

52 еженедѣльных №№, каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не включая мелкихъ, и 8—12 художественныхъ рисунковъ.
12 еженедѣльных книгъ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убористой печати.

Благодаря по содержанию, такъ и по иллюстраціямъ журналъ Природа и Люди—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность однихъ приложеній равняется подписной цѣнѣ на журналъ Природа и Люди, такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать бесплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА“

и въ наступающемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. «На воробьяхъ». Очерки карт. изъ жизни въ Средней Азійи. Н. Уралова.
2. «Какъ узнать характеръ человѣка». Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физиогномія), по почерку (графологія), по рукамъ (хиромантія), по голови (краниологія) и т. д. Очерки Гр. Ф.—та. 3 и 4. «Натуралистъ на Ла-Платѣ». У. Г. Хедсона. Съ рис. Перев. съ послѣдн. англійск. изд. 5. «Наши родичи». (Изъ воспомин. о славянск. земляхъ). Очерки и рассказы В. П. Желановской. 6. «Естественная исторія въ разсказахъ». А. Мильса. 7. «Общедоступная пиротехника». Руководство къ приготовленію домашними средствами фейерверковъ. Д. Озеркова. Со мног. рис. 8. «Современная Турція». Очерки и рассказы о царствѣ османовъ. Ю. Казн-Бека. 9. «Исторія элктричества». Д. Менро. Пер. съ англ. подъ ред. Изъ Святскаго. 10. «Во льдахъ и снѣгахъ». (Путешествіе на о-въ Колгуевъ). Перев. съ англійск. А. Фялупова. 11. «Исторія воздухоплаванія». По Д. Фигье и др. источникамъ сост. Гр. Ф.—тъ. 12. «Въ дѣбряхъ Азіи». Очерки экспедиціи ген.-м. Пявцова. Образокъ Н. Соколова.

Контора и редакція журнала Природа и Люди: С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12, соб. д.

Разсрочка допускается не иначе какъ: при подплатѣ 3 р. и въ 1 мая остальныя.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

За 1889—1890 и 1896 г. журналъ весь разошелся: за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экземпля., цѣна которыхъ въ брошюр. видѣ, со всѣми приложеніями 4 руб. въ каждыя годъ, а въ роскош. переплетѣ 5 руб. Перев. за 10 фунт.

Издатель П. Сойкинъ

по вѣсу и разстоянію.

Редакторъ С. Груздевъ.

3—3

О ПОДПИСКѢ на 1897 г.

на еженедѣльный художественный и юмористический журналъ каррикатуръ

Условія подписки
съ перес. и доставк.:
На годъ..... 7 руб.
На 6 мѣс..... 4 »
За границу..... 10 »
Разсрочка по соглаше-
нію съ конторою.

ШУТЬ

Условія подписки безъ
перес. и доставк.:
На годъ... 6 р. 50 к.
На 6 мѣс.. 3 » 50 »
Адресъ редакціи:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СПАСНАЯ, 17.

Въ теченіе года журналъ „ШУТЬ“ помѣщаетъ:

Болѣе трехсотъ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографіи). Болѣе тысячи каррикатуръ—перомъ и карандашомъ. Не менѣе семисотъ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. Тысячи стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, парады, задачъ, ребусовъ и т. п. Каррикатуры-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемые на сценахъ столичныхъ театровъ. Каррикатуры на худож. выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п. Портреты выдающихся дѣятелей.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будутъ помѣщаться:
ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВЪ И ГЕРОИНЬ ДНЯ.

3—3

За редактора—издатель Ф. ГОЛМНЕ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА на 1897 годъ

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появившихся въ Россіи и заграничній книгѣхъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекціи и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому университету; обзорныя преподаванія, расpredвѣленія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженныя. Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ развѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній. Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета. Редакторъ Ф. Мищенко.

3—3

1835

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1897

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
 ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала Живописное Обозрѣніе, даетъ возможность въ 1897 г. сдѣлать важныя и существенныя улучшения въ видѣннѣ, не бывавша до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіеся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи вышнѣшаго вида до изыскавша дорогихъ заграничныхъ изданій, до достиженія прежней скромной подписной платы, что въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) ЕЖЕМЕДѢЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

52

Иллюстрированныйъ номера книжной литературы исключительно известными русскими и иностранными писателями. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3 листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками.

52

При номерѣхъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

1. 52 номера—«Хроника событій за недѣлю».—2. 12 номеромъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—4. рисунки для вышиванія бѣлья, платья, костюмовъ, шерстян., шурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—5. 12 номеромъ въ натуральную величину.—6. Рисунки для выпилыванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (ромасы, танцы и проч.).—8. Стѣнной календарь, отпечатанный цѣлыми красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ
 ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ
 ОТПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТН. КРАСКАМИ
 на образцѣ дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій

II) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: Новыя историческія, этнографическія и современныя романы, повѣсти, рассказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также статистическія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи, сѣтисъ и проч.

Ежемесячно выходятъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемесячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ которыхъ некоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ доставкой и по Имперіи: 8 р.—Безъ доставки въ Сиб. 7 р.—въ Москвѣ 7 р. 75 к. На полгода (съ доставкой по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р. За границу: на годъ—16 р. Разерочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе приобрести новое художественное изданіе—«Библия въ картинахъ знаменитаго художника Г. Доре» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкой, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Амокъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой) — ОДИНЪ РУБЛЬ Безъ доставки въ Сиб.—75 коп.

Главная контора журнала: Сиб. Невскій проспектъ, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылаются бесплатно. 3—8

годъ изд. 85-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ изд. 85-й.

1812

Большая ежедневная политическая и литературная газета
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

1897

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНИЯХЪ

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутрешней и иностранной жизни, по сѣдѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ:

1) 52 номера воскресныхъ приложений, печатаемыхъ на желтоватой газетной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разказы, стихотворенія и болѣе 30 художественныхъ рисунковъ. 2) 12 номеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ». 3) стѣнную календарь разсылается какъ прибавленіе при первомъ номерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Въ числѣ 52-хъ бесплатныхъ приложений всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 году, получаютъ:

ТРЕТІЙ ТОМЪ ИЗБРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИЗВѢСТНАГО ПИСАТЕЛЯ**А. МИХАЙЛОВА — «ГРѢХИ ПРОШЛАГО»**

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкой): На годъ 8 р.—
На полгода 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р. Разсрочка
взносовъ допускается, но по соглашенію съ главной конторой.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

выходитъ ежедневно. Въ номерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также
придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНИЯМИ

Каждый воскресный номеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на газетной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкой и пересылкою по
Россіи): На годъ 4 р. На полгода 2 р. На три мѣсяца 1 р.

Годовые подписчики газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, въ 1897 году получатъ новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ**„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ“**

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ мягкой оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкой) 1 руб. 50 к.

Желаніе приобрести, вмѣстѣ прейдъ, художественныя изданія (портреты Императорск. Величества, «Леонъ», «Вурлаки на Волгѣ», «Жерта Волги» и другіе за прошлые года), уплачивать за каждый экземпляръ съ доставкой—1 РУБ.50. Безъ доставки—75 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: СПБ., НЕВСКИЙ ПР., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются бесплатно.

Годъ изд. 3-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

Годъ изд. 3-й.

Дешевое ежемесячное литературное издание выходитъ въ форматѣ и объемѣ болѣе дорогихъ литературныхъ ежемесячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ)

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книги «Домашней библиотеки» выходятъ ежемесячно аккуратно между первымъ и десятнымъ числами, въ форматѣ болѣе журналовъ, какъ напримѣръ: «Вѣстникъ Европы», и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 320—400 страницъ) уборной печати, что составляетъ въ годъ болѣе 5.000 страницъ интереснаго чтенія, въ издѣіяхъ издаваніи «Домашняя библиотека» даетъ обширный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ, не имѣющихъ возможности вмѣшивать дорого стоящихъ журналовъ. Въ книжкахъ «Домашней библиотеки» помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскихъ и иностранныхъ) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ издаваніяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь. Встрѣтитъ со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не остановимся и въ дальнѣйшихъ номерахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ издаваній. Съ этою цѣлью мы приглашаемъ къ участию въ нашемъ издаваніи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутъ печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ» приобретены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, извѣстныя и любимыя русскими писателями:

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣтъ дремучій», большой романъ. — Соловьевъ-Вс. С. (авторъ романовъ «Сергій Горбатовъ» и др.) «Угасшая звѣзда», романъ. — Пелевой, П. М. «Странный анекдотъ», большая повѣсть. — Яенинскій, І. І. («Максимъ Вѣликопій»). «Ясное утро». Большой романъ. — Случевскій, М. К. «Мой дядя», рассказъ. — Голыцынъ, Д. П. князь («Муравлявъ») «Рѣвниловы». Ром. изъ больш. свѣта. — Гитдичъ, П. П. «Чужое», повѣсть. — Волконскій, М. М. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть. — Ситниковичъ, К. М. Рассказъ. — Баранцовичъ, М. С. Вольной рассказъ. — Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ. — Щегловъ-Леонтьевъ, М. А. «Неудача», повѣсть. — Станицкій (А. Е. Головачева). «Любимкица», повѣсть. — Величико В. А. «Прищипы», рассказъ. — Баминъ, Н. Ф. «Чаю», повѣсть. — Меремновскій. Д. С. «Святой городъ». повѣсть. — Назарьева, Н. В. «Волотыи огоньки», большой романъ. — Рышковъ, В. А. «Старая дѣвка», повѣсть. — Тавлѣва, Е. А., книжка. «Чужая тайна», большой романъ. — Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Александра Михайловича», историческая повѣсть. — Леманъ, А. М. «Подвигъ», больш. ром. — Федеровъ, А. М. «Въ стѣни», больш. романъ. — Яковлева, Э. Ю. «Кто виноватъ?», романъ. — Чумина, О. Н. «Злая чары», пов. — Красново, П. Н. «Между двухъ огней», романъ. — Машонинъ, А. Н. «Такъ суждено», большой ром. — Ситловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣсть. — Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ. — Будинцовъ, А. Н. «Рѣка Казанковъ», пов. — Ежовъ, М. Н. «Случайные гости», повѣсть. — Меньшиковъ, Н. «Игра судьбы», ром. — Уманецъ, Е. О. «За что?», повѣсть. — Горбачевскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло», рассказъ. — Яцилинъ-Захарьинъ, М. Н. «Своя» рассказъ. — Леонтьевъ, Н. В. «Вродящая», рассказъ. — Гиппиусъ, З. М. «Неудовимая», рассказъ. — Майковъ, М. «Друзья-соперники», рассказъ. — Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни». — Илювскій. П. І. «Дочь ростовщика», романъ. — Створцовъ, Г. Т. «Правотыиные калѣки», повѣсть. — Назибецъ, Юрій. Рассказы изъ жизни черкасовъ до ихъ покоренія. — Анонасьевъ, М. И. «Поворное наследство», романъ и проч.

Въ приложенияхъ журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Подписная цѣна на «Домашнюю библиотеку» (съ доставкой по Имперіи). На годъ (за 12 книгъ) 4 р. На полгода (за 6 книгъ) 2 р. 50 к. За границу (на годъ) 8 р.

съ подпиской проситъ обращаться къ главному контору:

С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Издатель С. Добродѣевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

Большой еженедельный художественно-литературный журналъ

1897 г.

занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одне изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы.

29 ГОДЪ
изданія.

НИ ОДННЪ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ НЕ МОЖЕТЪ

сравниться со „Всемирной Иллюстраціей“ ни по количеству, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897 году „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ останется вѣрна своему книжному призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и живыми и яркими отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ же направленіи и при прежнемъ стремленіи къ совершенному улучшенію въ всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ обратитъ особенное вниманіе на иллюстрированныя статьи болѣе или менѣе выдающихся мѣстъ нашего отечества и постарается по возможности расширить этотъ отдѣлъ. Отъ времени до времени она будетъ давать страницы, посвященныя „Живописному Петербургу“, изъ которыхъ впоследствии останется цѣлый альбомъ. Точно также она будетъ отводить болѣе значительное пространство художественнымъ сокровищамъ нашихъ столицъ. Литературный отдѣлъ ея будетъ заключать въ себѣ, кромѣ повѣстительнаго текста къ рисункамъ, картинамъ и портретамъ, романы, повѣсти, рассказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія и вообще издающіяся писателями русскими и иностранцами, статьи по этнографіи, исторіи, естественной исторіи, археологіи, садовому хозяйству, искусству и проч., рядъ факеловъ, посвященныхъ обзорамъ общественной жизни, науки и литературы какъ въ отечествѣ, такъ и за границей. Беллетристическія произведенія, даваемые въ прибавленіяхъ къ номерамъ журнала, попрежнему будутъ занимать болѣею частью съ иллюстраціями. Какъ и прежде, отдѣлы «Смерть», «Богатство» и разнообразныя, будутъ отводиться отдѣльными страницами въ журналѣ.

„НАТАНЪ-МУДРЕЦЪ“ драматическая поэма Геттольда-Фрэнка Лессинга въ по-
ломъ переводѣ В. С. Дилчаго, извѣстнаго переводчика
произведеній Мольера и Корнеля, переводъ котораго былъ неоднократно промаринованъ.

„ДЕНАМЕРОНЪ-БОККАЧІО“ избранныя новеллы въ переводѣ
русскихъ писателей.

Обѣ книги съ многочисленными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

„Натанъ-Мудрецъ“ представляетъ собой источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, къ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юноши, начинающіе жить осмысленной жизнью.

Избранныя новеллы изъ „Денамеронъ“ Боккаччіо блестяще освѣжили, совершенно своеобразнымъ образомъ, бриллиантъ вселенной, способной расшевелить самого серьезнаго человека. Кромѣ того будутъ даны **ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ** разнообразнаго содержанія.

Таковы образцы „Всемирной Иллюстраціи“ за 1897 г. будетъ драгоценнымъ и специфическимъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

15Р. Подписная цѣна журнала «Всемирная Иллюстрація» **18Р.**
на 1897 г.: со всеми приложеніями и преміей.
безъ дост. СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ 17 руб. съ порос.

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣльныя конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печниковой, Петровскія лавки, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Квашина, Мохомъ, д. Венсендорфа. Въ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала «Вѣстникъ Вискодіа» В. Е. Ташрова, Канатная, 13.

Цѣна розничному изданію (на желѣзной бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р. Допускается разсрочка при подпискѣ 7 руб., въѣздъ въ 1 мая 6 руб. и въ 1 сентября остальныя 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемирной Иллюстраціи“: Спб. Садовая, 22.

1897.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1897.

Открыта подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Въ 1897 году „ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ своемъ обычномъ объемѣ. Въ составъ журнала войдутъ: Классическія прозаическія.— Романы, повѣсти и рассказы.— Маленькая юмористика.— По вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ.— Критическія этюды.— Новое о знаменитыхъ писателяхъ.— Россія за границей.— Научныя новости.— Историческіе очерки, рассказы и анекдоты.— Изъ заграничной хроники.— Стихотворенія.— Мелочи.

Съ января 1897 года въ приложеніи будетъ печататься историко-литературная монографія

ГЕОРГА БРАНДЕСА ВИЛЛАМЪ ШЕКСПИРЪ.

Исторія его жизни и дѣятельности по его твореніямъ и на основаніи критическаго изслѣдованія наилучшихъ источниковъ Шекспировской литературы.

Въ трехъ частяхъ своего труда Георгъ Брандесъ прослѣживаетъ жизнь и творчество Шекспира въ условіяхъ его времени изъ года въ годъ, отъ сочиненія къ сочиненію, и возсоздаетъ яркій образъ этого величайшаго изъ гениевъ всемірной литературы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ.

съ доставкою 4 р. || безъ доставки 3 р. 50 к.
и пересылкою и пересылки

Подписка на 1897 продолжается по той же цѣнѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Конторѣ Редакціи, ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, Зеркальная линія, № 68, магазинъ ПАНТЕЛЕЕВА (противъ Пажескаго Корнуса); въ Москвѣ—въ Конторѣ В. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линія, а гг. иногородніе благоволятъ адресоваться въ Редакцію, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собств.

Редакторъ Ф. И. Булановъ.

Издатель Г. Ф. Пантелеевъ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“ за 1891, 1892, 1894 и 1895 гг.

продается по **4** р. годъ съ пересылкою

до всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ товаромъ малой скорости, а съ пересылкою по почтѣ за каждый годъ 2 рубля дорожю.

ТАМЪ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 144 ТОМА СОЧИНЕНІЙ СЛѢДУЮЩИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

Э. Зола, Бальзана, Флобера. Ж. Занда, Диккенса, Вальтеръ Скотта, Бретъ-Гарта, М. Твена, Эдгара Поэ, Шпильгагена, Гофмана и Эбера.

ВСѢ 144 ТОМА будутъ изданы въ теченіе трехъ лѣтъ, по 48 том. въ годъ, т. е. по 4 тома ежемѣсячно, по 320 стр. въ каждомъ томѣ въ 8 л. листа, четкимъ шрифтомъ. Форматъ и шрифтъ—собранія сочиненій Гюи де Мопасана.

По 15 Ноября 1896 г. вышло 48 томовъ.

ЦѢНА ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКѢ:

за всѣ 144 тома безъ доставки **36** р., съ доставкою въ Петербургъ и доставки **48** р., съ пересылкою въ другіе города

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ НА СЛѢДУЮЩИХЪ ОСНОВАНИЯХЪ:

Подписчикамъ безъ доставки: при подпискѣ вносится 15 руб., къ 15 декабря 1896 г. 3 руб. а затѣмъ каждые 3 мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г. по 3 р. Подписчикамъ съ доставкой и пересылкой: при подпискѣ вносится 20 руб., къ 15 декабря 1896 г. 4 р., а затѣмъ каждые три мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г., вносится по 4 р.

По этой цѣлѣ подписка принимается только на 5000 экземпляровъ а затѣмъ, ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПОВЫСИТСЯ, о чемъ будетъ объявлено своевременно.

ТАМЪ ЖЕ можно получить СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ:

ГЮИ ДЕ МОПАСАНА. 2-е изданіе. 12 томовъ. Цѣна 6 р. съ перес. 7 р. 50 к.

АЛ. ДОДЭ. 12 томовъ Цѣна 6 р., съ пересылкой 7 р. 50 к.

В. ТЕККЕРЕЯ. 12 томовъ. Цѣна 6 р., съ пересылкой 7 р. 50 к.

ИЗЯЩНЫЕ КОЛЕНКОРОВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ:

Цѣна 6 переплетовъ на 12 томовъ А. Додэ 1 р. 80 к., на 12 том. В. Теккеря 1 р. 80 к. и на 12 том. Гюи де Мопасана 1 р. 80 к. Перес. 6 перепл. за 3 ф., на разстояніяхъ.

Адресоваться: въ редакцію «Вѣстникъ Иностранной Литературы», Спб., Вереѣвская, 16 или въ Контору, Гостиный дворъ, кагалникъ П. Ѳ. Шаталова, № 63.

XIII г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ XIII г. изд.

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ
ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

50 еженедѣльн. иллюстрирован. №№, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленныя рисунки.

Б Е З П Л А Т Н О

12 ТОМОВЪ, иллюстр. знамен. художн., Эммануэль Байердонъ, Собраніе сочиненій Невиламъ, Риу и друг., и содержащ. въ себѣ

ЖЮЛЯ ВЕРНА

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большаго формата, и въ него войдутъ всею съблудующихъ романовъ, переведенныхъ съ лучшихъ французскихъ изданій безъ всякаго измѣненія и сокращеній:

I. 80,000 верстъ подъ водою 2 т. II. Дѣти капитана Гранта 2 т. III. Таинственный островъ 3 т. IV. Воздушный корабль. V. Зеленый лучъ. VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней. VII. Вверхъ дномъ. VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики при доплатѣ одного рубля получаютъ

2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,

состоящія изъ двухъ художествен. картинъ (эзографій).

Картины, разбромъ каждая 20¹/₄ вершковъ въ длину и 18¹/₄ вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ.

Съ оригинала художника Кодратенко.

1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА

Съ видомъ ЯЛТЫ.

2. Видъ Днѣпра у Кіева.

Оригиналы этихъ картинъ специально заказаны для премій 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя:

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюль Верна съ доставк. и перес. **4 Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., въ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

Адресъ редакціи: Москва, Валуевъ ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Кромѣ того подписка принимается: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержд. Т-вомъ И. Д. СЫТИНА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главныя отдѣла журнала: 1) оригинальными статьями; 2) документами, извѣстія и записки; 3) критика и библиографія. Сверхъ того, редакция постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного почетнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. В. Антоновича, А. А. Андриѣвскаго, Н. Ф. Бѣляшевскаго, проф. Д. И. Багалія, Н. П. Василенка, В. П. Горюнка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дашевскаго, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманна, Е. А. Квицицкаго, Ф. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. О. Личкова, В. Г. Ласаронскаго, проф. Ф. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскаго, Е. П. Михайчука, В. А. Мясотина, Ф. Д. Николаичика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, В. С. Повннскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Ф. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. Г. Степовича, В. Н. Сторожева, Л. Д. Свинцкаго, проф. Ф. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербяны, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка „Малороссійскій Словарь“, который въ полномъ видѣ займетъ болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца, редакция „Кіевской Старины“ рассчитываетъ въ теченіе 1897 г. вынустить въ свѣтъ 2-й томъ этого словаря, объемомъ до 25 печатныхъ листовъ. Этотъ томъ составитъ безплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина“ въ 1897 году.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

	НА ГОДЪ
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 » 50 »
За границу.	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1862 и 1866, по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи.

(Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Надатель К. М. ГАМАЛІЙ.

Редакторъ В. П. НАУМЕНКО.

Открыта подписка на 1897 годъ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики и общественной жизни. 3. Обзоръ газетъ и журналовъ. 4. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5. Последнія вѣстия (особенно собственными петербургскими корреспондентами и вѣстия другихъ газетъ). 6. Мѣстная хроника. 7. Наука и искусство. 8. Театръ и музыка. 9. Отголоски (маленькія фельетоны). 10. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и вѣстия другихъ газетъ. 11. Со вѣсть концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и вѣстия другихъ газетъ. 12. Вѣстия вѣстия, заграничная жизнь, послѣдняя почта. 13. Фельетоны: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. 14. Судебная хроника. 15. Критика и библиографія. 16. Слѣсъ. 17. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. 18. Почтовый ящикъ. 19. Календарь. 20. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о правившихъ гурсахъ на ст. Харьковъ и другія. 21. Стороннія сообщенія. 22. Объявленія. Редакція вѣдетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя вѣстия изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, вѣщающіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный край» будетъ печататься новымъ, болѣе удобнымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержания газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 Г.

съ пересылкой иногороднимъ:

На 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 50 к., на 10 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 9 р. 20 к., на 8 мѣс. 8 р. 50 к., на 7 мѣс. 7 р. 50 к., на 6 мѣс. 7 р., на 5 мѣс. 6 р., на 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к

съ доставкой въ Харьковъ:

На 12 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р. 25 к., на 8 мѣс. 7 р. 50 к., на 7 мѣс. 6 р. 75 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р. 25 к., на 4 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р. 40 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газетъ «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-напечатль А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНИЯ 1897 Г.:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

издания годъ XV-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей

Подписная цѣна въ Мѣсцѣ и на города: съ доставкой на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяць—1 руб.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходятъ ежемѣсячными книжками и дадутъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна на годъ 3 р. Выбѣтъ съ ежемѣсячнымъ литературнымъ приложеніемъ «СЕМЬЯ» на годъ 4 рубля.

III.

Ежедневное иллюстрированное литературное изданіе

СЕМЬЯ

Выходитъ по слѣдующей программѣ, всякая литература (романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическ. произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обзорныя, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; биографіи; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя опыты, моды, свѣсь; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстраціи по всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, выѣтки и преміи.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНИЯ 12 РУБ.

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовую экземпляръ газеты «Новости Дня»; 2) ежемѣсячный журналъ «Новости Иностранной Литературы»; 3) ежемѣсячное иллюстрированное приложеніе «Семья».

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 р. «Новости Дня» и «Семья»—10 р. Адресъ: Москва, «Новости Дня».

Въ главной конторѣ газеты «НОВОСТИ ДНЯ» продается **АЛЬБОМЪ**

КОРОНАЦІОННЫЯ ТОРЖЕСТВА

(Изданіе «НОВОСТЕЙ ДНЯ» и «СЕМЬИ».)

Альбомъ отпечатанъ на хорошей бумагѣ и заключенъ въ изящную обложку, украшенную акварельнымъ рисункомъ Л. О. Пастернака. Телѣтъ альбома заключаетъ въ себѣ историческую часть и подробное описаніе коронаціонныхъ торжествъ въ маѣ 1896 г. Въ альбомѣ помѣщено 96 рисунковъ и 100 портретовъ и группъ.

Цѣна альбому 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВЪ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1. Дѣйствія правительства. 2. Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3. Спеціальныя телеграммы, курсы и фондовыя С.-Петербургской биржи. 4. Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5. Политическое обозрѣніе. 6. Иностранныя извѣстія. 7. Заграничная жюльнъ. 8. О чемъ пишутъ. 9. Злобы дня. 10. Общая хроника. 11. Летучіе листки. 12. Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 13. Арабески (Таганрогъ). 14. Пестрыя замѣтки (Новочеркаскъ). 15. Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 16. Письма изъ Мариуполя. 17. Театръ и музыка. 18. Маленькій фельетонъ. 19. Изъ залы суда. 20. Наука, искусство и литература. 21. Библиографія. 22. Корреспонденціи. 23. По Россіи. 24. Смісь. 25. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26. Торговныя извѣстія. Биржа. 27. справочный отдѣлъ. 28. Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Оъ доставкой и пересылкой городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: на годъ 9 р., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р., на 9 м. 7 р. 25 к., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 25 к., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р. 75 к.; на 1 м. 1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на годъ 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 80 к.

За пересылку газеты за границу взимается сверхъ подписной цѣны 50 коп. въ мѣсяць. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Подписка принимается въ Ростовѣ-на-Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Краѣ»

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянскому пер., № 19; въ Новочеркаскѣ—у Н. В. Турнина, Комитетская улица; въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладжанца; въ Мариуполѣ—у П. Н. Фалькевича; въ Ейскѣ—у Ф. С. Кулева; въ Новороссійскѣ—у Э. А. Маринаки; въ Азовѣ—у В. В. Золотарева; въ Луганскѣ—у П. Е. Кочетова; въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у Б. М. Файвишевича, типографія; въ Пятигорскѣ—у А. М. Мануилова, типографія; въ Грозномъ—у Е. П. Садовникова; въ Бахмутѣ—у И. Р. Гринхесъ; въ Армавирѣ—у Р. Ф. Уманцевой; на ст. Каменской—у В. И. Волокитина, типографія; на ст. Константиновской—обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-издатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

Большія ежедневная, политико-общественная и литературная газета

XXIII-й годъ
изданія въ
Н.-Новгородѣ.

ВОЛГАРЬ

Полныхъ 300
выпусковъ
ежедневно.

и
Нижегородскій Биржевой Листокъ

Въ 1897-мъ году

газета «Волгарь» будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ же объемѣ и по той же обширной программѣ, какъ въ 1896-мъ выставочномъ году.

«Волгарь» представляеть собою едва нѣтъ старшихъ периодическихъ изданій въ Поволжьи; кромя общаго въпросовъ и событій русской жизни и текущихъ событій заграничныхъ, «Волгарь» отмѣчаетъ на своихъ столбцахъ еще событій изъ жизни Поволжья.

Въ 1897 г. органируется обширное получение изъ Петербурга важнѣйшихъ новостей, интересующихъ Поволжскій край, по телеграфу, отъ специальныхъ корреспондентовъ. Редакция надѣется такимъ образомъ ускорить быстроту осведомленности поволжской публики о выдающихся событійхъ давняго момента.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ похвѣщаться повѣсти, рассказы, очерки и стихотворенія, оригинальныя и переводныя.

Подписная цѣна на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1897 годъ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Нижегородскимъ.....	8 р.	7-50	7 р.	6-50	6 р.	5-50	5 р.	4-50	4 р.	3-50	2-50	1-50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ: въ Главной Конторѣ „Волгара“.

» С.-Петербургѣ: у Д. и Э. Метцль, въ магазинѣ „Новаго Времени“ и др.

» Москвѣ: у Метцль, Шабертъ, Ремизова, Печниковской, Севъ-Мартокъ и Гилларовскаго

» городахъ Поволжья у комиссіонеровъ „Волгара“.

Иногда подписчики на 1897 годъ, отдавшие подписку заблаговременно получаютъ **БЕЗПЛАТНО**: 1) „Волгара“ за ноябрь и декабрь мѣсяцы текущаго года.

8—2

Редакторъ-Печатель „Волгара“. СЕРГѢЙ ЖУКОВЪ.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г. изданія) на ежемѣсячный общо-научный журналъ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1887 году „Научное Обзорніе“ будетъ выходить по расширенной программѣ, включающей отдѣлы наукъ физико-математическихъ, естественныхъ, антропологіи, географіи и этнографіи, исторіи литературы, социологіи, статистики, археологіи и исторіи культуры, а также отдѣлы библиографіи, научной хроникъ, научныхъ новостей, изобрѣтеній и открытій, биографій научныхъ дѣятелей и статей, относящихся къ исторіи науки.

Въ 1897 году въ приложеніяхъ будутъ даны важнѣйшія научныя сочиненія, частью изъ новѣйшихъ, еще не переведенныхъ на русскій языкъ трудовъ, частью изъ живущихъ важное историческое значеніе.

Въ редакціи имѣются комплекты за 1895 г. (н. 5 р. съ пер.) и за 1896 г. (н. 6 р. съ пер.). Редакція высылаеть также книги своего изданія (подписчики за пересылку не платятъ) въ томъ числѣ „Сочиненія Дарвина“ въ 4 томахъ, съ рисунками подлинника, ц. три рубля. (Т. I. Происх. видовъ, т. II. Происх. человѣка, т. III. Путешествіе на кор. Вигль и Автобиографія, т. IV. Выраженіе душевныхъ волепей, всего около 2000 стр.).

При редакціи принимается подписка на сочиненіе М. Филиппова, Философіи дѣятельности (Исторія и критика научно-философскихъ мировоззрѣній отъ древности до нашихъ дней). Большой томъ (800 стр. большого формата) съ табл. рис. Подписная цѣна съ перес. шесть рублей. Первая половина высылается немедленно. Изданіе это закончится въ 1897 году.

Подписная цѣна на „Научное Обзорніе“ 12 книгъ въ годъ:

На годъ.

семь рублей (съ пер.).

За границу

десять рублей.

Полгода.

четыре рубля.

Четверть года

два рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Екатерининская, д. 6, кв. 8.

Ред.-изд. д-ръ философіи М. Филипповъ. 8—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВЪДОМОСТИ
 въ 1897 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ наземныхъ прибавленій.			Съ наземными приб.		
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ	6 мѣс.
Съ доставкой по гор.	почтѣ 16 р. — к.	9 р. — к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р. — к.	10 р. — к.
Съ пересылкою изъ городов.	17 » — »	10 » — »	5 » 50 »	2 » — »	19 » — »	11 » — »
За границу.....	26 » — »	14 » — »	8 » — »	3 » — »	28 » — »	16 » — »

Подписка на газету съ наземными прибавленіями принимается только на годовую и полугодовую сроки. Въ розничную продажу газетки прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелле (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печниковой, Петровскія линіи, № 61.

Изъ городовъ адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель Э. Э. Ухтомскій.

8—1

Открыта подписка на 1897 годъ.

На ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ СЕВАСТОПОЛѢ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ).

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣдствіиныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣдствіиныхъ, городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки:

На годъ 7 р. на $\frac{1}{2}$ года 4 р. на $\frac{1}{4}$ года 2 р. 50 к. на 1 мѣсяцъ 1 р.

Съ доставкою и пересылкою:

На годъ 8 р. на $\frac{1}{2}$ года 5 р. на $\frac{1}{4}$ года 3 р. на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. СЕВАСТОПОЛѢ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро; въ гор. СИМФЕРОПОЛѢ—въ Отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро; въ ЯДТВ—въ магазинѣ г.—на Сиваки; въ МЕЛИТОПОЛѢ—въ Отдѣленіи конторы въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Глибурга; въ ВАХИНСАРАѢ—у г.—на Колтуша; въ ВЕРДЯНСКѢ—въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдигера и Кома.; въ ФЕОДОСИИ—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова.

Допускается расписка: при подпискѣ вносится 3 р., въ 1-му апрѣля—3 р., въ 1-му іюля—остаточные 2 руб.

3—2

Объ изданіи въ 1897 году
ежедневной литературной и политической газеты

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Виленскій Вѣстникъ“, какъ единственная ежедневная газета Северо-Западнаго края, иже въ виду постоянное развитіе самостоятельности провинціи, ростъ духовныхъ ея потребностей, стремится, по мѣрѣ силъ, отвѣтить на запросы общественной жизни ея злостью для въ области бытовой и экономической.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своей задачей обще-русскіе интересы, русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія одѣкиваетъ всѣ явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать естии силами благо-состоянію своего общаго отечества. Въ „Вѣстн.“ читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственные распоряженія, назначенія, награды; руководяція статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны баллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства, печатаемыя раньше столичныхъ газетъ; сообщенія собственнымъ корреспондентовъ изъ всѣхъ городовъ Северо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и хлебнаго рынка и разные справочныя свѣдѣнія, относящіеся къ Северо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I. ч. 2 упр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія названныя объявленія по девяти губерніямъ Северо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торговлѣ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равнысильны объявленіямъ, печатаемымъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“

Подписка на 1897 годъ открыта.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета въ теченіе декабря будетъ вноситься БЕЗПЛАТНО.

Подписная цѣна:

Съ доставкой въ Вилнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ	6 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	3 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ	4 р. — к.
На 3 >	2 р. — к.	На 3 >	2 р. 50 к.
На 2 >	1 р. 20 к.	На 1 >	1 р. — к.
На 1 >	1 р. 70 к.	За границу на годъ —	12 рублей.

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣстн.», на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Редакторъ-издатель. П БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

Открыта подписка на 1897-й г.

11-й годъ изданія.

ДОНСКАЯ РѢЧЬ.

Ежедневная общественно-литературная и политическая газета.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Передовыя статьи по вопросамъ современной жизни Донской области и южныхъ губерній. 3) Распоряженія и статьи, касающіяся всѣхъ казачьихъ войскъ. 4) Мѣстная хроника. 5) Телеграммы и корреспонденціи изъ Донской области и осѣдвшихъ съ нею губерній. 6) Былое и современное. Записки и сообщенія по различнымъ отраслямъ современной и прошлой жизни юга Россіи. Стихотворенія, рассказы, очерки, сценки. 7) Отдѣлъ исторической. Акты, грамоты, мемуары, хроника. 8) По Россіи. Телеграммы и корреспонденціи. 9) За границей. Иностранныя новости. 10) Фельетонное обозрѣніе. 11) Юмористическіе очерки, рассказы, наброски, стихотворенія, шутки, мысли, эпиграммы. Слѣсь. Отвѣты редакціи. 12) Театръ и искусство. 13) Торговое обозрѣніе и биржа. 14) Справочныя свѣдѣнія. 15) Объявленія и рекламы.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

На годъ съ пересылкой и доставкой—7 р., на $\frac{1}{2}$ года—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—1 р.

Въ 1897 году газета «Донская Рѣчь» будетъ выходить по вышеприведенной программѣ ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ, при чемъ три раза въ недѣлю—въ разбѣрѣ обыкновеннаго листа, а въ остальные дни—въ разбѣрѣ полулиста.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ разосланъ будетъ бесплатно справочникъ «по Дону», иллюстрированное изданіе 1897 года, въ которое войдутъ краткія историко-статистическія и справочныя свѣдѣнія объ области войска Донскаго и ея городахъ, программы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, условія приѣма въ нихъ, торгово-промышленныя, желѣзнодорожныя, почтовыя и др. свѣдѣнія. Къ справочнику будетъ приложена карта области войска Донскаго.

Съ подпиской покорнѣйше просить обращаться: въ Новочеркасскъ, въ Редакцію газеты «Донская Рѣчь».

Первый въ Россіи журналъ, иллюстрированный красками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

Х-ЫЙ „**СЪВЕРЪ**“ **Х-ЫЙ**
годъ издавія „ „ годъ издавія

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ.

ВЪ 1897 г. ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

52 №№ журнала на велевой бумагѣ, изъ которыхъ **12 №№**
съ ЦВѢТНЫМИ и ТОНОВЫМИ РИСУНКАМИ

Въ 1897 г. въ журналъ будетъ данъ новый историческій романъ:

гр. **Е. А. Салтиса «ВТОРАЯ САЛТЫЧИКА».****12 №№** МОДНАГО **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** СО МНОЖЕСТВОМЪ
ЖУРНАЛА РИСУНКОВЪ.**12 №№** ВЫКРОЕКЪ, УЗОРОВЪ, РУКОДѢЛІЙ и МОНОГРАММЪ НА
ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТКАХЪ.**12 №№** ЕЖЕМЪСЯЧ. **„ХОЗЯЙСТВО и ДОМОВОДСТВО“.**
ЖУРНАЛА**12 ТОМОВЪ „БИБЛИОТЕКИ СЪВЕРА“,**

ВЪ КОТОРЫХЪ БУДЕТЬ ДАНО:

СОБРАНИЕ РОМАНОВЪ

ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА:«ОГНЕМЪ и МЕЧЕМЪ» историч. ром. въ 4 ч.; 2) «ПОТОПЪ»
историч. ром. въ 6 ч., 3) «ПАНЪ ВОЛОДЫЕВСКІЙ» историч.
ром. въ 3 ч.БЕЗПЛАТНО:**12 художественныхъ премій КАРТИНЪ ВЪ КРАСКАХЪ.**КРОМЪ ТОГО: подписавшіеся до 1-го января 1897 г. непосредственно въ Главной
Конторѣ журнала «СЪВЕРЪ» и уплатившіе подписную сумму сполна, получаютъ
БЕЗПЛАТНО 1 изъ слѣдующихъ премій: 1) Картину (олеографія) худ. В. А. Сурикова
«ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ», или 2) АЛЬБОМЪ изъ 12 цвѣтныхъ гравюръ—иллюстрацій къ
русскимъ сказкамъ и портретъ (хромолитографія) о. ЮАННА СЕРГІЕВА КРОШТАДТ-
СКАГО.

Подписная цѣна со всѣми приложениями и преміями:

6 Р.безъ доставки
въ С.-Петербургѣ.Разрочка допускается
4 р. при подпискѣ, 3 р.
къ 1-му іюня.съ доставкой и
пересылкою.
За границу 11.**7 Р.**

Адресъ Главной конторы жур. «Съверъ»: Спб. Екатерининск., 4.

Съ 1 января 1897 года

въ г. Екатеринбургѣ (Пермской губ.), вмѣсто еженедѣльной газеты „Екатеринбургская Недѣля“ будетъ выходить

Е Ж Е Д Н Е В Н А Я

(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„УРАЛЪ“

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ — внутренней и внѣшней политики, мѣстнымъ, общественнымъ, *горнозаводскому и золотопромышленному дѣлу*. 2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ телеграфныхъ агентствъ. 3) Дѣйствія и распоряженія правительства. 4) Статьи и извѣстія научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. 5) *Разработка и изслѣдованія по вопросамъ, какъ мѣстнаго на Уралѣ, такъ и вообще въ Сибири и въ Россіи горнопромышленнаго и золотопромышленнаго дѣла. Открытія и усовершенствованія въ области этого дѣла и всё касающіяся его извѣстія, какъ русскія, такъ и заграничныя.* 6) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки. Жизнеописанія замѣчательныхъ дѣателей. 7) Обзорные событія общественной жизни. Хроника и разныя извѣстія. 8) Корреспонденціи русскія и заграничныя. 9) Обзорные газетъ и журналовъ и выдержки выдающихся статей. Библиографическіе отзывы о появляющихся въ Россіи и заграничней книгахъ и сочиненіяхъ. 10) Новости театра, музыки, искусствъ, ремеселъ и проч. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ, выставкахъ и другихъ зрѣлищахъ. 11) Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и фельетоны. 12) Судебная хроника. Отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 13) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и другихъ частныхъ и ученыхъ обществъ. 14) Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. 15) Статьи и извѣстія по народному образованію. 16) Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ акціонерныхъ компаній, обществъ и разныхъ видовъ товариществъ. 17) Биржевыя извѣстія. Ярмарки и урожаи. 18) Метеорологическія наблюденія и справочный отдѣлъ. 19) Казенныя и частныя объявленія.

Газета, кромѣ всесторонняго разсмотрѣнія какъ мѣстной, общерусской такъ и заграничной жизни, насколько послѣдняя касается Россіи, будетъ посвящена также разработкѣ и изслѣдованію статей горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Завѣдывающіе этими отдѣлами будутъ приглашены спеціалисты.

Въ послѣпраздничные дни Екатеринбургскіе подписчики газеты „Уралъ“ будутъ получать Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства особыми бюллетенями, иногороднымъ же подписчикамъ таковыя бюллетени будутъ высылаться со слѣдующимъ номеромъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Всѣ доставки и пересылки:		Съ доставкою и пересылкою	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На полгода	4 р. — к.	На полгода	4 р. 50 к.
На три мѣсяца	3 р. 50 к.	На три мѣсяца	2 р. 75 к.

Допускается разсрочка—при подпискѣ — 3 руб., къ 1 мая — 3 руб., и къ 1 сентября— 3 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп.

Подписка принимается въ г. Екатеринбургѣ—въ конторѣ редакціи „Урала“. (Вознесенскій пр., д. № 44), въ книжныхъ магазинахъ Блохиной (Покровский проспектъ, д. Волкова) и Бабинова (Богоульвенская ул., д. Захо) и въ справочной конторѣ „Посредникъ“. (Соборная площадь, д. бр. Дмитріевыхъ).

Издатель В. Г. Чекавъ.

1—1

За редактора П. И. Пивинъ.

*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергію Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины А. С. Суворина и Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно приобрести изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, бесплатно доставляемомъ желающимъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

По двойной системѣ для самоучащихся, соч. Э. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 р. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др., въ С.-Петербургѣ: у Суворина, и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей. См. «Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія», 1876 г., кн. 10-я стр. 103-я (такого одобрения и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ).

Адресующіеся прямо къ автору: въ г. Шую, Федору Гавриловичу ЖУРОВУ, за пересылку не прилагаютъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

СЪ НОЯВРЯ 1896 ГОДА

издается въ Москвѣ подъ редакціей М. М. Каткова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г.

— Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, въ 1897 году стоитъ въ Москвѣ безъ доставки 15 р. 50 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 16 р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 17 р.

Принимается также подписка, только черезъ контору журнала, на 6 мѣсяцевъ 8 р. 50 к., на 3 мѣсяца 4 р. 25 к. и на 1 мѣсяць 1 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ платежѣ денегъ, а именно: при подпискѣ вносится въ контору журнала 9 руб., а остальная сумма уплачивается къ 1-му іюня.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за поручительствомъ ихъ казначеевъ, съ уплатой по 1 р. 50 к. въ мѣсяць, впредь до уплаты всей подписной суммы.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, допускается только чрезъ контору журнала.

— За границую доставку слѣдуетъ высылать кредитными билетами или переводомъ: въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза, по 18 рублей, а въ остальные государства—по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» принимается въ Москвѣ, въ конторѣ журнала (Малая Дмитровка, 29), куда и просятъ адресоваться гг. подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Гг. подписчики благоволятъ писать свой адресъ четко, съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также того почтоваго учрежденія, куда должно адресовать журналъ, съ указаніемъ губерніи и уѣзда, или станціи желѣзной дороги, присоединивъ названіе этой дороги. 2) При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать конторѣ журнала, вмѣстѣ съ новымъ адресомъ, по которому желаютъ получать журналъ, и старый адресъ, или же точно обозначить его номеръ. 3) Согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе о неполученіи книги журнала допускается не позже полученія слѣдующей книги. 4) Контора журнала не отвѣчаетъ за своевременную доставку книгъ журнала передъ тѣми лицами, которые подписались помимо конторы журнала; съ жалобами въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ тѣ мѣста, гдѣ подписались. 5) За перемѣну адреса уплачивается 40 коп., за исключеніемъ перемѣны городского адреса на иносторонній, за каковую перемѣну уплачивается 1 р. 50 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ
СЕМЕВСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 1837—1892

Съ двумя портретами и письмами Благосвѣтлова, Модзалевскаго, Ушинскаго и другихъ.

Цѣна безъ пересылки 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» 2 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ Спб. на Большой Подъяческой, д. 7, кв. 3, у издательницы. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Продается бібліотека М. И. Семевскаго, гравюры, портреты, изданія.

Рекомендуются для письменныхъ работъ (extemporalia):

1) **АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ**

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ.

Составилъ Н. И. Кашкадамовъ. 308 стр. въ 32 д. л. Цѣна 1 рубль.

Книга содержитъ расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніяхъ. Въ ней учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могущихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ съ русскаго на греческій: при глаголахъ выписаны всѣ формы и конструкціи, при предлогахъ—важнѣйшія особыя выраженія, при другихъ частяхъ рѣчи—всѣ неправильности. Эта книга можетъ отчасти замѣнить учебникъ и русско-греческій карманный словарь.

2) **УКАЗАТЕЛЬ**

съ русскаго на латинскій, приспособленный не только для классныя и для домашнихъ письменныхъ работъ, такъ какъ замѣняетъ русско-латинскій словарь.

Необходимъ для учениковъ всѣхъ классовъ.

Главный складъ въ Типографіи Товарищества «Общественная Пол. С.-Петербургъ, Большая Подъяческая д. № 39. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Книгопродавцамъ уступка 20%. Выписывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ.

итоманых наивысших человечество (Попши-
цис). Въ числѣ многихъ сохранившихся
въ ивасовой литературы переводныхъ
книгъ г. Шиннъ вводитъ находящуюся
въ Публичной библиотекѣ небольшую руко-
пись подъ заглавіемъ: „Восточная книга.
Наставленіе, представляющее величайшее
искусство древнихъ иранскихъ мудрецовъ
и первыхъ, такъ какъ и цвѣтущихъ, иста-
вшихъ христіанъ. Какимъ образомъ они
приготовлялись и употреблялись билъ и какъ
еще гѣоторыхъ послѣ великихъ людей
въ тѣхъ и въ страхѣ Господнемъ произво-
дятся и употребляются. Въ печати издава,
украшена фигурами и сѣту сообщена Z. V.
II. Любителю тайной Божественной пре-
мудрости Фрайфурга в. Леванитъ 1746 года“.
Въ приложеніи къ своей статьѣ А. П. Шин-
нъ помѣстилъ главу изъ названной книги:
„О философскихъ человечникахъ, — что они
суть въ снѣгахъ дѣтъ и какъ изъ рождаются“.
Глава эта — своего рода совершенство.

Изъ помѣщенныхъ въ рассматриваемой
нами книгѣ „Почина“ стилизованный выдѣ-
ляются всецѣлостно формы, звучностью
стиха и образностью иррациональнѣе два проза
ведения г. Балмонта: „Ночь“ изъ „Фауста“
и „Мертвые корабли“.

Переходя къ безлѣтностическому отдѣлу
(Сборникъ, считаетъ долгомъ сказать, что
всѣ вошедшія въ него произведения отличает-
ся заимчивостью, въ особенности
„Два моряка“, К. М. Стальковича и „Домъ
Виктора московскаго изолустья“, М. П.
Садовскаго. Въ первомъ изъ этихъ расска-
зовъ авторъ, со свойственными ему талан-
томъ и манерою жизни прозаиковъ, изводитъ
два типа: старика адмирала — чистаго идеа-
листа, и сына его, молодого лейтенанта, соста-
вляющаго по характеру и воззрѣніямъ совер-
шенную противоположность отцу. Оба типа
очерчены необыкновенно живо и правдиво.

Въ рассказѣ М. П. Садовскаго излагаетъ
такой типъ, который или мало, или совсѣмъ
еще не встрѣивался нашей литературой.
Авторъ такъ выучилъ изображенію изъ
среды, въ образной книгѣ и характеру, что
рассказъ его представляется какъ бы спи-
саннымъ съ самой природы. Поэтому мы
возвводимъ себя оставившись на этотъ раз-
сказъ ивасовско до вѣ.

Герой рассказа, багачичка Гречуш-
никъ, — подобно своему знаменитому прото-
типу, созданному Сервантесомъ, одерживаетъ
безошибочно любовь въ градѣ и не мо-
жетъ выжидать на вѣдѣннѣе несправедли-
вости. Вся жизнь его проходитъ въ борьбѣ
съ окружавшимъ зломъ, при чемъ изъ каж-
дой савати онъ выходятъ, или в Домъ-
Викторъ, — все побѣдитъ и выигривъ. Но по
мѣтосамъ, въ взглядахъ во въ состояніи
оставить разсѣя Гречушника въ преслѣдо-
ваннѣ несправедливости. Но между Гречуш-
никомъ и Домъ Викторомъ огромная разлика:
въ то время какъ герой Сервантеса, уле-
вляющій свой необуданной фантазіей, спра-
вляется съ зрѣтими, существующими лишь
въ его разстроивномъ воображеніи, — Гречу-
шникъ дѣйствуетъ на волю въ реальной почвѣ
и врасовитъ послѣдствія помощи ближнему.

Чтобы судить, насколько оригинально
рассказъ г. Садовскаго, мы припомнимъ
однажды вышло изъ него, а именно разговоръ
Гречушника съ повсѣнникомъ участиваго
ариста, изъ которому онъ обратился за заки-
той послѣ одной волучеюй или востосаки:
„Что, говоритъ, нукаю?“ — „Тамъ и тамъ,
докладывая ему, вечерашняго часа по-
бить“ — „Камъ?“ — „Но могу вѣтъ, вѣдѣннѣе
господа свернула нева съ ногъ и прова-
дела; въ бокахъ повсѣдѣно“ — „Ребра повсѣ-
дела?“ — „Никакъ нѣтъ-съ, ребра дѣла, а
вошь стоять и шлохнута бѣлою“ —
„Съ докторомъ, говоритъ, посоветуся, онъ
тебѣ рѣшетъ провѣнать“ — „Отвернула отъ
меня и стала кака-то бумага перебирать.
Я повсѣла ивасовско, вотомъ говорю ему:
„Ну, однако изъ этого дѣла такъ оставитъ не
желанъ“ — „Чего же, говоритъ, тебѣ зо-
чется?“ — „Застушу, говорю, каитѣтъ нева-
тѣло, потому, какъ я водирѣвалъ, что кто
отъ одной личности врасовитъ“ — „Пред-
ставь, говоритъ, савдѣтелемъ и укажи гѣдъ,
кто тебѣ билъ, тогда имъ, говоритъ, автъ
напѣшемъ, а тыошь слованъ вѣрнъ автъ
не могу, потому что, немогъ быть, ты это
изъ своей голомъ выдумалъ“ — „Вудѣте по-
ковимъ, говорю, отбурованъ въ свѣтъ! Не-
ужели вѣтъ талантъ дѣтъ могу каучѣлостю
обманывать?“ — „Опять онъ ничего не отгѣ-
чаетъ и продолжаетъ своими бумагами за-
вѣннѣтѣ; ивнѣ, завете ли, отъ этого сло-
вѣннѣннѣе ивасовско возмучилъ; дѣлаю ему
такой вопросъ: „а завошьте спроситъ, каитѣ
благороднѣ, дѣлани полиція обманѣла об-
вергати?“ — „Визрѣннѣно“, отгѣчаетъ, „вотъ
ещека бы ты въ ту пору, какъ билъ, авра-
чала „караулъ“, городовоу прибѣжалъ в
обарѣтъ бы“ — „Я этого врасовитъ не вѣтъ
по той причинѣ, что злодѣи и ротъ нѣтъ вѣ-
жѣнъ в, окомѣ того, роговннѣтъ кузѣтъ
голову аврачѣтъ“ — „Это, говорѣтъ, только то
обманѣчаетъ, что она усотрѣтѣлннѣе люди“.
Но ивнѣ вѣтъ въ немъ никакаго участія,
да и не подѣлъ „А долннѣтъ, говорю, воз-
бѣннѣтѣтѣтѣтѣ, какъ бы вѣнѣ до безвѣннѣннѣе
небѣнѣ, что бы тогда билъ?“ — „Тогда бы тебѣ
бизрѣннѣно въ болннѣну отравилъ“ — „Ну,
а еллаи бы, наповѣтъ того, нева до смерти
убѣннѣтъ“ — „Ну, автъ вѣтъ этого тебѣ бы,
долннѣе быть, скороннѣтъ“ — „Нотъ тебѣ и
вѣтъ в расовитѣ! Дѣтъ вѣдѣннѣтъ себѣ вѣдѣ-
держу, а каитѣто того сѣтъ въ дурачѣннѣ
оставѣ. А вѣнѣду врасовитъ автъ такъ уѣннѣтъ
во вѣдѣннѣннѣе, спрашиваю востѣдѣннѣе: „ноу
а во ивнѣу дѣла на однаго человѣка подо-
срѣннѣе врасовитъ?“ — „Врасовитъ, гнѣннѣтъ на
кого хочѣтъ, только морѣтъ, савѣтъ же угонѣ
имъ жѣннѣннѣу рѣннѣтъ“ — „За савѣтъ же тавѣ
жѣннѣннѣтъ“ — „Внѣ каитѣтѣтѣтѣ“ — „Мою савѣтъ по-
чѣтѣннѣе съ вѣннѣннѣе за безвѣннѣннѣе“

Если мы прибавимъ, что Сборникъ этотъ,
завѣннѣтъ въ себѣ столь разнообразный и
интересный материалъ, и по вѣннѣннѣе своей
во оставлѣетъ желать лучшаго, къ тому же
и ивнѣ его не вѣннѣе, — то вѣннѣе согла-
сится, что такой книгѣ вѣдѣннѣе вѣннѣе
самаго широкаго распространѣннѣе.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ВЗДАНІЯ

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.**—въ государствѣ, входящая въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста загранику подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДОЖИТЕЛЕЙ** подшефныхъ: въ С.-Петербурѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжкостъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (бывшій Мале и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжкостъ магазинѣ: Н. П. Карбасникова (Молодая, д. Кожа), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій востокъ, д. Фирсадова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжкостъ магазинѣ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиницкій дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжкостъ магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжкостъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. **Иностранцы** обращаются исключительно: въ С.-Петербурѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о пѣльяхъ и оцѣлахъ въ отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственнаго, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Разсказанія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г., второе изд. (85 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г., 12 книгъ (34 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г., 12 книгъ (20 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г., второе изд. (1 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г., 12 кн., изд. второе (13 экз.), съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г., 12 книгъ (206 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г., 12 книгъ (144 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г., 12 книгъ (25 экз.), съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1896 гг., 12 книгъ,	съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVIII-й.

МАРТЪ.

1897 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Книжки Маріи Кантемирова. Алад. Л. П. Майкова. 401—417	↑	III. Записки ниника Русской Старины*: Производство Л. А. Архипова изъ маи-рм. Сообщ. Д. Струкова. (стр. 418). О причюкъ данъ. Сообщ. Д. Струкова. — Приказъ Г. Р. Державина конторъ графини Мушюв-Пушиной Брисъ отъ 2-го января 1802 г. (456). — Къ біографіи профессора Дугурова. (512). — Собственноручное письмо Артагома Алексіи Андреевну Бесовредки отъ 14-го июля 1778 г. (534). — О приюльи мальчижа изъ грекоу для услуги великаго князя Кнстлантина Павловича. Рескриптъ графу П. А. Рувишеву-Возувайскому отъ 9-го октября 1781 г. — Высочайшая благодарность екатериному городову обществу 5 го авг. 1806 г. (596). — Указъ императора Александра I о зодинальи при Коллосовыхъ пороггахъ отъ 25-го апрѣля 1806 г. (606).
II. Кто истинный виновникъ войны 1812 года. П. К. Шиддера 419—455		
III. Петербургъ въ 1825—1826 годахъ. (Подъ редакцію П. Г. Давыд.). 457—491		
IV. Консистерій судъ надъ А. М. Бухаровицъ П. Соловьева. 495—504		
V. Встрѣча съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ В. М. Щолотовой 505—511		
VI. Воспоминанія Елены Юрьевны Крещинской. (Рожд. княжны Голицыной). Гл. I—III. 513—533		
VII. Изъ прошлаго Саратовской губернии. (Записки старика помѣщика). В. А. Шиддера. 535—544		
VIII. Мирской судъ въ Подоліи. (Изъ записокъ и воспоминаній мироваго суда). Гл. III—V. П. В. Заргарина (Якунина). 541—572		
IX. Къ біографіи графа И. Я. Румицова. Сообщ. М. А. Веховицкая 573—580		
X. Материалы по исторіи русской диктуры. Сообщ. В. Пивштова 581—597		
XI. Листы К. Н. Бестужева-Рюмина. 599—605		
XII. Письма изъ записокъ Нисарскаго. Сообщ. А. В. Лаврова. 607—608		
XIII. Записки ниника Русской Старины*: Производство Л. А. Архипова изъ маи-рм. Сообщ. Д. Струкова. (стр. 418). О причюкъ данъ. Сообщ. Д. Струкова. — Приказъ Г. Р. Державина конторъ графини Мушюв-Пушиной Брисъ отъ 2-го января 1802 г. (456). — Къ біографіи профессора Дугурова. (512). — Собственноручное письмо Артагома Алексіи Андреевну Бесовредки отъ 14-го июля 1778 г. (534). — О приюльи мальчижа изъ грекоу для услуги великаго князя Кнстлантина Павловича. Рескриптъ графу П. А. Рувишеву-Возувайскому отъ 9-го октября 1781 г. — Высочайшая благодарность екатериному городову обществу 5 го авг. 1806 г. (596). — Указъ императора Александра I о зодинальи при Коллосовыхъ пороггахъ отъ 25-го апрѣля 1806 г. (606).		
XIV. Приложене. Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Сообщ. Л. В. Федюкиновъ. 65—96		
XV. Библиографическ. листокъ (изъ обороткѣ)		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Константина Николаевича Бестужева-Рюмина Грабар. Б. Алтѣ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ надъ 1897 г.

Можно получить журналъ за вѣтшіе года, св. 4 страни. обортки

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 2 часовъ послѣдн.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайши утвержд. Товарищ. «Общественаго Пользы»,
Большая Морская, 24

1897.

Докторъ О. П. Гаазъ. Очеркъ А. О. Коки. „Востокъ Европ.“, кн. 1-я и 2-я 1897 г.

— Въ январской и февральской высяхъ „Вост. Евр.“ „звучаго года“ выйдеть интереснй очеркъ А. О. Коки подъ приведеннымъ нами заглавіемъ. Прочтожденіе этого очерка авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Изъясъ 1890 г. въ Петербургѣ состоялся четвертый международный торевскій конгрессъ, сазанный съ чествованіемъ памяти знаменитаго англійскаго филантропа Джона Говарда, умершаго въ Россіи въ 1790 г. Прочтоженіе при открытіи засѣданій конгресса провинста рѣчь о заслугахъ Джона Говарда, авторъ расказывавшаго имени очерка заваялся собираніемъ свѣдѣній о русскіхъ послѣдователяхъ этого филантропа. Таковы образцы А. О. Коки пришлось встрѣтиться съ дамики, относившимся къ дѣятельности старшаго врача московскихъ тюремъ въ болѣзняхъ съ 1829 по 1853 г.—доктора О. П. Гаазъ. Чѣмъ болѣе знакомился авторъ съ разбросанными въ разныхъ выданіяхъ записками и воспоминаніями о Гаазѣ, тѣмъ ярче и пріятельтельнѣе миступала, въ своей малочисловой простотѣ, его всѣмъ забывая въ настоящее время личность, въ нѣсколькой степеняхъ даже заслужившая собою образъ Говарда.

— Фридрихъ-Иосифъ (Федоръ Петровичъ— какъ звали его въ Москвѣ) Гаазъ родился 24-го августа 1783 г. близъ Кильна, въ городѣ Минстерберга, гдѣ его отецъ былъ аптекаремъ. Воспитывался Фридрихъ Гаазъ сначала въ мѣстной католической церковной школѣ, потомъ слушалъ курсы философіи и математики въ Гейсскомъ университетѣ и окончилъ курсы медицинскіхъ наукъ въ Вѣнѣ, гдѣ въ особенности занимался офтальмологіей. Призванный случайно къ заболѣвшему русскому вельможѣ Ренцину и съ успѣхомъ его вылечившій, онъ, слѣдствіемъ уговорахъ этого пациента, отправился съ нимъ въ Россію и поселился въ Москвѣ, съ 1809 г. На дѣятельную службу онъ поступилъ 4-го іюня 1807 г. въ Павловскую больницу главнымъ докторомъ „со отличною одобреніемъ знанія и искусства,..... какъ въ леченіи разныхъ болѣзней, такъ и въ операціяхъ“. Такіе образцы начавшаго его, такъ сказать, официальная дѣятельность, какъ врача.

Читай описаніе тюремъ и способовъ про-
 вожденія ссыльныхъ и каторжниковъ въ
 Сибирь, знакомишь съ невозможности по-
 рядка въ приязни слѣдствія и суда, нѣсколько
 прочтываешься глубокимъ уваженіемъ къ Га-
 азу. Это былъ всерьезный и ревностный другъ
 всѣхъ заключенныхъ и не было той жорги!),

!) Арестанты звали его восточнѣе какъ
 врандника, любили его „какъ Бога“—и ржили
 въ него и даже слыжали про него поговорку:
 „Гау Газа—и затъ отъава“. См. стр. 59.

на которую бы онъ не рѣшился, лишь
 чѣмъ надѣя облаготить ихъ недостаточ-
 ложеніе. Должнотъ Гаазъ были слова: „
 шатся дѣлать добро“ (стр. 83). Когда
 шло о помощи арестантамъ, Федоръ Пе-
 тровичъ не щадилъ своей энергии. На стр.
 (февр.) приведена слѣдующая оригиналь-
 слова столикосована Гаазъ съ предлѣ-
 лемъ Московскаго тюремнаго комитета,
 менити въ метрополию, Филаретомъ,
 дароту насущнаго настоятеля и, бытъ мож-
 не всегда строго прозорлива, во все
 конетима ходатайства Гаазъ о предстан-
 отий комитета въ „несильно осужденныя
 арестантовъ“. Въ все говорито Федоръ
 Петровичъ, —сказалъ Филарету, —о
 осужденныя. Такихъ нѣтъ. Были чело-
 подвергнуты шаръ—жизни, есть въ
 вилъ“. Всамышней и сарказмическій Ге-
 влючили съ своего мѣста. Да ни о Хр-
 забывая владико!—искретала она, уса-
 тѣмъ и на черствоту, подобаго заплоніи
 устакъ архиепископа, и на осужденныя
 батіе—коосужденію невнятного. Въ сир-
 лись и шажиръ на мѣстѣ. таковы въ
 Филарету, стоилому въ исключительномъ
 голыномъ положеніи, никогда еще и
 не держалъ говорить. Но губила ума
 дарта была равносильна сердечнѣе глау-
 Гаазъ. Онъ чинилъ головой и завола-
 оваривъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ
 толькои туманомъ, волакъ и, сказавъ: „
 Федоръ Петровичъ! Когда я произнесу
 посѣшныя слова, не а о Хрестѣ иоваши
 Христосъ мене позабылъ!“—благодаря
 всѣхъ и вышло.

Чистая, одесонка цѣлоудривила
 Гаазъ, настоятеля подражала дѣтально
 большаго умривоты въ шадѣ и верѣ
 оохраняла ему дѣтудею адриана. Однѣ
 онъ всегда часто, но бѣ, въ; фазъ въ
 штергий, съ неизбѣжнѣмъ Владикрими
 поглядѣ; старѣе черымъ чуломъ, моего
 шитотаннине, пострѣна дичотаме.

Въ началѣ августа 1833 года Федоръ
 Петровичъ заболѣлъ; у него сдѣлалась
 малый парбушулъ. Онъ осомалалъ,
 скоро умреть, и былъ невозможенно споко-
 ни одна мазеба, не одѣе стоніе въ
 малась нѣ его груди; только разъ слы-
 онъ своему другу, доктору Пала: „
 думалъ, чтобы человекъ могъ вынести стѣ-
 страданій“. 16-го августа Гаазъ во сто
 Цохороваши его на Введенскіхъ горѣ
 въ У раирадѣ католическаго кладбища
 Оставшился неизвѣстнѣмъ его другъ
 шилъ на могилѣ памятнѣтъ въ шадѣ град-
 мой ганды съ вранотомъ владельсѣ: Fr. Jozef
 Josephus P., nat. Augusti MDCCCLXII
 deplatus XVI Aug. MDCCCLIII и съ
 савнымъ по-латини 37-мъ стихомъ Кн-
 ап. Луки: beat. servi III, quos в т. д.
 игляны этого въ 1891 году былъ возво-
 лемъ по распоряженію Московскаго тю-
 ремаго комитета.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующія
 Библиотека „Руниверс“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступающій въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣрнѣ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели найдутъ личные записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями, помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библиографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и рассказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе рассказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностранныя, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивныя документы; 13) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благоклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполне обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гт., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Исарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гт., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1897 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

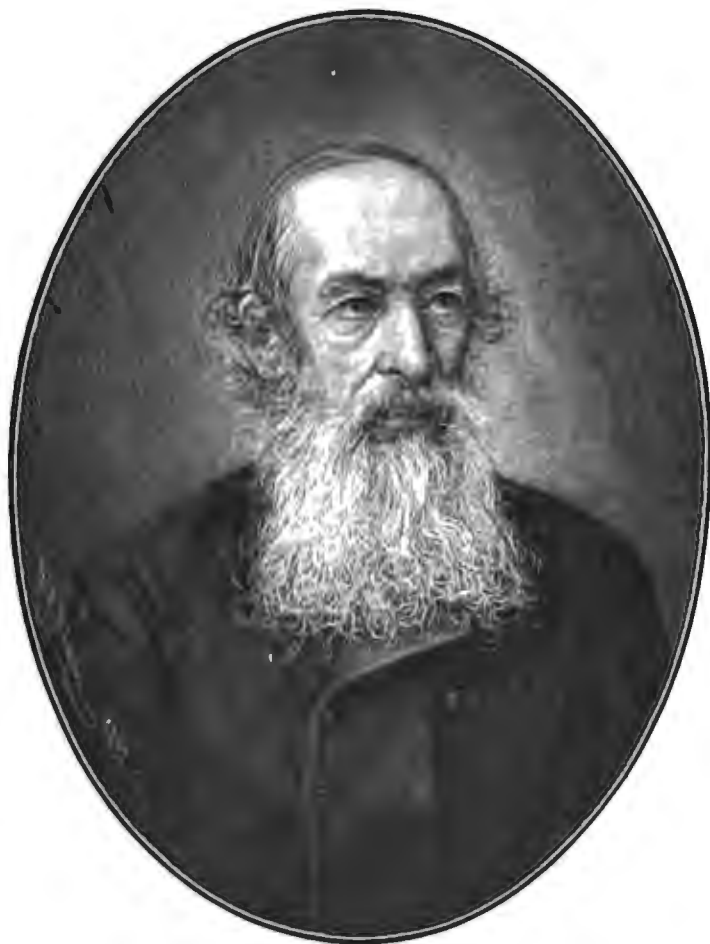
М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

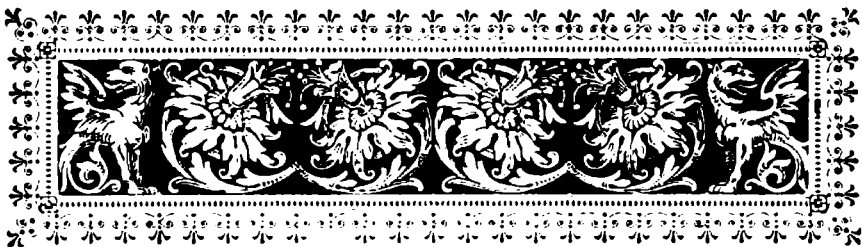
Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

— Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанна, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. —

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

Княжна Марія Кантемирова¹⁾.

II.

Мо смерти князя Дмитрія обстоятельства его семьи круто изменились. Человѣкъ уже въ лѣтахъ, уважаемый Петромъ за свои дарованія и заслуги, покойный государь умѣлъ создать себѣ видное и почетное положеніе въ русскомъ обществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, милостью государя, обезпечить себѣ хорошей достатокъ. Оставшіяся послѣ князя дѣти, равно какъ и его вдова, были все люди молодые; вдова по крайней мѣрѣ обладала большими родственными связями, тогда какъ сыновья отъ перваго Кантемирова брака и ихъ сестра, княжна Марія, лишены были и этого преимущества; къ тому же они оказывались въ русской средѣ людьми чужеродными. Неудобства этихъ обстоятельствъ обнаружались для нихъ вскорѣ—при опредѣленіи имущественныхъ отношеній между членами семьи.

Князь Дмитрій, какъ мы уже знаемъ, оставилъ завѣщательное письмо на имя царицы Екатерины. Въ немъ, примѣняясь къ закону Петра о майоратахъ, онъ выражалъ желаніе, чтобъ его недвижимыя имѣнія перешли въ руки одного изъ его сыновей. Старшаго, не любимаго имъ князя Матвѣя онъ совсѣмъ устранялъ отъ наслѣдства, а изъ остальныхъ трехъ называлъ «лучшимъ» второго—Константина, но далѣе признавалъ «въ умѣ и въ наукахъ отъ всѣхъ лучшимъ, ежели впредь не въ хуже перемѣнится», меньшого—Антиоха, въ то время

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1897 г.
«РУССКАЯ СТАРИНА» 1897 г., т. LXXXIX, мартъ.

еще малолѣтняго; его-то князь Димитрій, очевидно, и намѣчалъ себѣ въ наслѣдники, предоставляя впрочемъ дѣло окончательнаго выбора царя, на самомъ же дѣлѣ—самому Петру. Княжцѣ Маріи, по силѣ этого завѣщанія, доставались разныя, подаренныя отцомъ ей и ея покойной сестрѣ драгоцѣнности, общаго цѣной тысячъ на десять рублей¹⁾. Такой же удѣлъ приходился и на долю княгини Анастасіи Ивановны. По самому свойству условій, означенныхъ завѣщателемъ, и въ особенности по тому, что князь Димитрій просилъ не выбирать наслѣдника, пока его сыновья «не овробованы будутъ въ наукахъ и въ другихъ инструкціяхъ, которыя суть надобны императору и государству»,—завѣщаніе не могло быть приведено въ исполненіе немедленно. Въ ожиданіи, пока это состоится, молодымъ князьямъ предстояло продолжать кому службу, кому ученіе и, какъ говорилось въ старину, искать своей фортуны.

Послѣ погребенія князя Димитрія его семья осталась жить въ Москвѣ. Весною 1724 года сюда прибылъ весь дворъ, и 7-го мая совершилось съ большимъ блескомъ коронованіе Екатерины императрицею. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы вознаградить чеховѣка, оказавшаго ей особенно важныя услуги: по ея ходатайству П. А. Толстой въ самый день торжества былъ возведенъ въ графское достоинство. Кажется несомнѣннымъ, что коронованіе Екатерины стояло въ связи съ постоянно тревожившею Петра мыслью о престолонаслѣдствіи; по смыслу изданнаго тогда манифеста можно догадываться, что императоръ намѣревался, на случай своей смерти, назначить Екатерину своею преемницей, или по крайней мѣрѣ правительницей государства до тѣхъ поръ, пока избранные имъ наслѣдникъ или наслѣдница не достигнутъ совершеннолѣтія. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя государя постигло великое разочарованіе, и его намѣренія должны были измѣниться: осенью 1724 года вскрылось дѣло о взяткахъ камергера Монса, фаворита Екатерины, которая вполнѣ поддалась его вліянію. Петръ разгнѣвался на свою супругу, и если вѣрить показаніямъ современниковъ-иностраницъ, только увѣщанія Толстаго смягчили этотъ гнѣвъ.

Изъ иностранныхъ источниковъ, сейчасъ упомянутыхъ, видно также, что въ то самое время, какъ обнаружались безчестные поступки Екатеринына любимца,—возобновились и сношенія Петра съ княжной Маріей Кантемировой и даже сдѣлались очень частыми. Еще въ іюлѣ 1724 года семья покойнаго господара переселилась въ Петербургъ, чтобы хлопотать о рѣшеніи дѣла по завѣщанію князя Димитрія. Въ

¹⁾ Въ завѣщаніи князя Димитрія эти драгоцѣнности оцѣнены въ 30.000 р., но въ завѣщаніи, сдѣланномъ княжной Маріей въ 1725 году (см. о немъ ниже), прямо указана ошибочность этой оцѣнки, и она понижена до 10.000 р.

первые мѣсяцы по его смерти семья пользовалась его наслѣдствомъ безраздѣльно; теперь же княгиня Анастасія Ивановна стала требовать у своихъ пасынковъ выдѣла ей законной четвертой части изъ мужинныхъ недвижимыхъ имѣній. Но пска сенатъ разсматривалъ это дѣло, государь захворалъ, и 28-го января 1725 года его не стало. Быть можетъ, при жизни Петра ходатайство княгини Анастасіи Ивановны осталось бы безъ удовлетворенія; но послѣ кончины грознаго судіи сенатъ, постановленіемъ отъ 3-го мая 1725 года, рѣшилъ выдать вдовѣ князя Дмитрія требуемую ею долю изъ его имѣній. Такимъ образомъ, завѣщаніе покойнаго господара оказалось нарушеннымъ въ одной изъ главныхъ своихъ частей. Правда, рѣшеніе сената не было приведено въ исполненіе; тѣмъ не менѣе, однажды допущенное нарушеніе повело къ цѣлому ряду тяжбъ между членами Кантемировой семьи.

Пска сенатъ обсуждалъ вопросъ о наслѣдствѣ умершаго господара, княжну Марію снова постигла тяжкая болѣзнь. Нравственною причиною ея были, очевидно, тѣ тревоженія, какія ей пришлось испытать въ послѣдніе годы. Вниманіе Петра, возобновившееся послѣ его разрыва съ Екатериной изъ-за Монаса, возродило честолюбивыя мечты въ сердцѣ княжны; но неожиданная кончина государя нанесла имъ внезапный рѣшительный ударъ. Подъ такими впечатлѣніями княжна Марія стала готовиться къ смерти и написала завѣщаніе, которымъ распредѣляла свою долю изъ отцовскаго наслѣдства между братьями Матвѣемъ, Сергѣемъ и Антиохомъ. Послѣдній былъ любимцемъ сестры, и потому въ своемъ завѣщательномъ письмѣ она говорила: «Много я наказала изустно брату моему князю Антиоху, что по мнѣ изъ оныхъ вещей кому раздать; также и о поминовеніи души моея прошу, чтобы ему въ томъ дать волю»¹⁾. Но видно, княжна обладала крѣпкой натурой: мало по малу она изцѣлилась отъ своихъ недуговъ.

Послѣ смерти Петра, въ теченіе непродолжительнаго царствованія Екатерины I, семья князя Дмитрія оставалась жить въ Петербургѣ, стараясь однако, повидимому, не обращать на себя вниманіе двора; вопросъ о завѣщаніи, по прежнему, не разрѣшался. По воцареніи Петра II и послѣ опалы Меншикова дворъ переѣхалъ въ Москву, которая сдѣлалась резиденціей государя. Туда переведена была гвардія, гдѣ служили молодые Кантемиры; поэтому и вся ихъ семья переселилась въ древнюю столицу. Переѣздъ двора въ Москву имѣлъ большое экономическое значеніе для всей русской знати. Она не любила Петер-

¹⁾ Московскій архивъ министерства юстиціи, дѣла юстицъ-коллегіи, явля № 2491, д. № 24. Сообщеніемъ этого документа, а равно и нѣкоторыхъ другихъ, упоминаемыхъ ниже, мы обязаны директору означеннаго архива Д. Я. Самоквасову, за что считаемъ долгомъ выразить ему нашу искреннюю признательность.

питалъ нерасположеніе, какъ къ человѣку недалекому, тщеславному и не по заслугамъ почтенному ¹⁾). Но прежде чѣмъ разрѣшились имущественныя пререканія въ семьѣ Кантемировъ, въ общемъ ходѣ русскихъ дѣлъ произошли важныя событія, измѣнившія общественное и политическое положеніе властолюбиваго князя Дмитрія Михайловича и повліявшія на дальнѣйшую судьбу дѣтей и вдовы покойнаго Молдавскаго господаря.

18-го января 1730 года скончался императоръ Петръ II, а на другой день въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта состоялось избраніе преемницей почившаго государя герцогини Курляндской Анны Іоанновны. При этомъ явилась мысль дать новый строй высшему управленію имперіи: предполагалось ограничить самодержавную власть. Пока дошла до герцогини вѣсть объ ея избраніи, и пока Анна Іоанновна ѣхала изъ Митавы въ Москву, умы собравшихся здѣсь сановниковъ и шляхетства пребывали въ чрезвычайномъ волненіи: составлялись различные проекты государственнаго устройства, шла борьба между верховниками и шляхетствомъ; но захваченныя обстоятельства врасплохъ, различныя группы совѣщавшихся не могли прийти къ соглашенію. Дѣло ничѣмъ еще не было рѣшено къ 15-му февраля, когда послѣдовалъ торжественный вѣздъ императрицы въ древнюю столицу. Тогда выдвинулась впередъ группа лицъ, убѣжденная въ необходимости не измѣнять принципу самодержавія. Главнымъ главой ея сталъ сенаторъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, а тайнымъ руководителемъ—его многоумный пріятель, архіепископъ Новгородскій Теофанъ Прокоповичъ. Втайнѣ же сочувствовалъ имъ и одинъ изъ верховниковъ, сказывавшійся большимъ, А. И. Остерманъ. Пропаганду мысли, одушевлявшей эту группу, взяли на себя нѣсколько молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, и въ числѣ ихъ князь Антиохъ Кантемиръ, въ то время поручикъ Преображенскаго полка. Какъ его братъ Константинъ искалъ себѣ фортуны чрезъ бракъ въ семьѣ родовитаго верховника князя Д. М. Голицына, такъ младшій и самый способный изъ сыновей покойнаго господаря разсудилъ проложить себѣ такую же дорогу участіемъ въ политическихъ «конъюнктурахъ» того тревожнаго момента, который переживало тогда русское общество.

Князю Антиоху шелъ въ ту пору лишь двадцать-второй годъ; но среди тогдашней русской молодежи онъ рѣзко выдѣлялся своимъ основательнымъ и многостороннимъ образованіемъ. Несмотря на иноземное происхожденіе, онъ горячо любилъ свое новое отечество; конечно, онъ

¹⁾ 25-го февраля 1728 года князь И. Ю. Грубецкой былъ возведенъ въ званіе генералъ-фельдмаршала, хотя его военныя заслуги были очень незначительны.

не могъ питать расположенія къ русской старинѣ, ему невѣдомой, и къ ея обычаямъ, которые представлялись ему только съ отрицательной стороны; но онъ любилъ Россію въ томъ видѣ, какъ пересоздалъ ее Петръ; всего же болѣе преклонялся онъ предъ самою личностью великаго преобразователя, потратившаго столько усилій на просвѣщеніе русскаго народа. Онъ опасался, что съ переменой государственнаго устройства просвѣтительное дѣло Петра придетъ въ забвеніе. Когда-то отецъ князя Антіоха вступалъ въ полемику съ Теофаномъ Проколовичемъ: на нѣкоторые вопросы образованія они смотрѣли розно; напротивъ того, сынъ господаря искалъ сближенія съ этимъ строгимъ хранителемъ Петровскаго преданія; хитрый Теофанъ искусно взялъ въ руки молодого человѣка въ моментъ общественныхъ замѣшательствъ и направлялъ его дѣйствія. Родственные отношенія связывали князя Антіоха съ семьєю Трубецкихъ, въ особенности съ двоюроднымъ братомъ его мачихи, молодымъ княземъ Никитой Юрьевичемъ, на сестрѣ котораго, Маріѣ Юрьевнѣ, былъ женатъ князь А. М. Черкасскій; у послѣдняго была дочь, единственная наслѣдница огромнаго родительскаго богатства, девятнадцатилѣтняя красавица Варвара Алексѣевна; княжна Марія Кантемирова уже строила планы женить на ней своего любимаго младшаго брата.

Таковы были разнообразныя причины и побужденія, заставившія князя Антіоха дѣйствовать при воцареніи Анны Іоанновны такъ, какъ онъ дѣйствовалъ. Князь Черкасскій по своему характеру былъ человѣкъ чрезвычайъ осторожный и тяжелый на подъемъ; князь Антіохъ оказался полезнымъ помощникомъ этого медителя. 25-го февраля шляхетство рѣшилось, такъ сказать, дать окончательное сраженіе верховникамъ въ присутствіи государыни. Оно явилось въ Кремлевскій дворецъ, проникло, подъ предводительствомъ князя Черкаскаго, въ засѣданіе верховнаго тайнаго совѣта и затѣмъ просило государыню дозволить ему пересмотрѣть какъ кондіціи, предложенныя ей верховниками, такъ и заявленія шляхетства. Императрица дала согласіе, но съ условіемъ, чтобы дѣло было кончено въ тотъ же день. Между тѣмъ какъ шляхетство удалилось въ одну изъ залъ дворца для совѣщанія, находившіеся въ аудіенцъ-залѣ гвардейскіе офицеры, собранные отчасти по вызову Антіоха Кантемира, который съ этою цѣлью развѣзжалъ по Москвѣ всю предшествующую ночь, стали волноваться; послышалось даже требованіе смерти верховниковъ. Въ то же время на совѣщаніи шляхетства пошло по рукамъ прошеніе о томъ, чтобы императрица приняла, по примѣру предковъ, самодержавіе, чтобы верховный тайный совѣтъ былъ уничтоженъ, а сенатъ восстановленъ въ своемъ прежнемъ значеніи. Прошеніе это было составлено Антіохомъ Кантемиромъ еще наканунѣ; теперь его покрыли многочисленныя подписи. Нѣсколько

часовъ спусти шляхетство, предводимое на сей разъ фельдмаршаломъ Трубецкимъ, представило эту челобитную государынѣ, предъ лицомъ которой она и была прочтена самимъ составителемъ. Анна Иоанновна благосклонно выслушала прошеніе, а затѣмъ велѣла подать себѣ кондиціи, представленныя ей верховниками, и, какъ сказано въ последнемъ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта, «при всемъ народѣ изволила принять изодрать». Вечеромъ того же дня пребывающимъ къ Москвѣ иностраннымъ министрамъ было сообщено, что императрица воспріяла самодержавіе.

Такимъ образомъ, князь Антиохъ Кантемиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ героемъ этого дня; своею энергіей въ критическую минуту онъ оправдалъ тѣ надежды, которыя возлагали на него его руководители и покровители. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдались и его собственные честолюбивые расчеты: государыня узнала его способности и усердіе; отъ нея теперь зависѣло дать первымъ полезное примѣненіе и вознаградить за второе. Награда пришла черезъ два мѣсяца: 28-го апрѣля 1730 года, въ день коронованія императрицы, князю Антиоху Кантемиру, вмѣстѣ съ братьями князьями Матвѣемъ и Сергѣемъ и сестрою княжной Маріей, обѣщано было пожалованіе четырехъ тысячъ душъ. На самомъ же дѣлѣ пожалованіе состоялось только въ декабрѣ 1730 года, при чемъ назначено было 1.030 крестьянскихъ дворовъ въ Нижегородскомъ и Бранскомъ уѣздахъ. По расчету оказалось, однако, что Кантемиры «кадѣты» получили не все обѣщанное имъ количество душъ.

На первое время награжденные предпочитали сохранить пожалованныя имъ имѣнія въ совмѣстномъ владѣніи. Что касается въ частности княжны Маріи, она пользовалась доходами главнымъ образомъ съ богатаго, изстари промышленнаго села Мурашкина, въ Нижегородскомъ уѣздѣ¹⁾). Кроме имѣній, княжна получила еще другую награду: государыня пожаловала ее фрейлиной къ своему двору. Но когда, въ концѣ 1731 года, императрица рѣшила переселиться въ Петербургъ, княжнѣ Кантемировой позволено было остаться жить въ Москвѣ. Придворная суета уже не манила ея; молодость была на исходѣ, а прошлое оставило въ ея душѣ болѣе горькихъ воспоминаній, чѣмъ пріятныхъ; кроме того, княжна опасалась, что жизнь въ Петербургѣ будетъ ей не по средствамъ, особенно въ первое время, когда размѣры ея доходовъ не могли быть точно опредѣлены, и даже въ Москвѣ ей приходилось прибѣгать къ займамъ. Къ тому же она купила себѣ пустырь на Покровкѣ, въ приходѣ Троицы въ Грязяхъ, и предприняла постройку здѣсь каменнаго дома, поручивъ ее извѣстному въ тѣ времена архитектору, италіянцу Трезини (въ Россіи его звали просто Трезиннымъ). Конечно,

¹⁾ Имѣ въ Благининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи.

княжна еще могла бы думать о выходѣ замужь, но повидимому, перспектива супружества не слишкомъ привлекала ее; она уже давно привыкла къ самостоятельности, и теперь ей хотѣлось пожить въ свою волю, своимъ хозяйствомъ, возобновивъ по возможности ту обстановку, въ какой она провела свою юность, подѣ покровомъ своего отца, въ той же Москвѣ.

Кромѣ устройства собственнаго гнѣзда, у княжны Маріи была теперь еще одна забота—женитьба братьевъ. Князь Сергій не оказывалъ къ тому никакой склонности; князь Матвѣй велъ жизнь довольно безпутную и знался съ подозрительными людьми; отъ этихъ-то привычекъ сестра и хотѣла его отвлечь женитьбой. Матвѣю прінскава была невѣста изъ хорошаго рода—Авдотья Ивановна Салтыкова, дальняя родственница императрицы Анны, мать которой, царица Прасковья Федоровна, тоже была изъ Салтыковыхъ. По этому поводу княжна Марія писала своему брату Антиоху (въ 1733 году): «Жениться на какой-нибудь дѣвицѣ такого рода—будь она даже пожилая или бѣдная ¹⁾—и имѣть бога-лабо, кто при случаѣ постоялъ бы за него, гораздо лучше, чѣмъ взять за себя какую-нибудь богатую дворянку, да не имѣть никакого покровителя». Бракъ князя Матвѣя съ Салтыковой не состоялся; но приведенныя слова княжны особенно характерны, какъ ея твердое убѣжденіе, выражающее ея чисто практическій взглядъ на супружество. Она руководствовалась имъ и прежде, когда хлопотала о женитьбѣ князя Константина, —держалась его и теперь, думая о бракѣ другихъ братьевъ. Задуманный ею бракъ князя Антиоха съ княжною В. А. Черкасскою, конечно, могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, какія способенъ былъ изобрѣсти практическій умъ заботливой сестры, но осуществить это дѣло было не легко; за то, чтобъ уладить его, княжна Марія не жалѣла никакихъ усилій со своей стороны.

Еще въ началѣ 1720-хъ годовъ, будучи ребенкомъ, княжна Варвара Алексѣевна ²⁾ обращала на себя общее вниманіе своею милостивостью и живостью, когда появлялась на небольшихъ вечернихъ собраніяхъ у родственниковъ и принимала участіе въ танцахъ. Не разъ говорится о томъ въ дневникѣ усерднаго хѣтописца тогдашнихъ свѣтскихъ развлеченій и забавъ, камеръ-юнкера Берхгольца. Взрослая, она стала совершенною красавицей, такъ что ей одной изъ дѣвицъ, принятыхъ ко двору, императрица Анна позволила носить локоны: преимущество, которымъ пользовались въ то время только фрейлины ³⁾. Кромѣ привлека-

¹⁾ А. И. Салтыкова родилась въ 1697 году.

²⁾ Она родилась въ 1711 году.

³⁾ Жизнь графа В. П. Шереметева. Россійское сочиненіе (Ф. Г. Милера). С.-Пб. 1808 стр. 197. Княжна В. А. Черкасская никогда и впоследствии не получала фрейлинскаго званія.

тельной наружности, Варвара Алексѣевна отличалась, по словамъ княжны Маріи, умомъ и была хорошо образована; у ней была гувернантка французженка; училась она также англійскому языку. Князь Антиохъ узналъ ее давно: еще въ дѣтствѣ ее возили въ домъ господара, вторая жена котораго доводилась ей двоюродною теткой. Знакомство это продолжалось и послѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ одной изъ своихъ сатиръ ¹⁾ Кантемиръ вспоминаетъ, что въ ранней юности онъ предавался сочиненію любовныхъ пѣсней:

Довольно моихъ поютъ пѣсней дѣвицы
Чистыя и отроки, коихъ отъ денницы
До другой невидимо колетъ любви жало.

Пѣсни эти не сохранились (или, можетъ быть, уцѣлѣли, но безъ имени автора, въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ); весьма возможно, что юный стихотворецъ посвящалъ ихъ княжнѣ Черкасской. По крайней мѣрѣ, впоследствии (въ 1733 году) княжна Марія писала брату, чтобъ онъ не досаждалъ Варварѣ Алексѣевнѣ своими стихами ²⁾. Все это были однако шалости очень юныхъ лѣтъ. Когда же и онъ, и она стали взрослыми, а князь А. М. Черкасскій сдѣлался однимъ изъ первыхъ сановниковъ государства, бѣдный преображенскій поручикъ оказался не подходящимъ женихомъ для самой богатой невѣсты въ Россіи, въ особенности въ глазахъ гордой матери, то-есть, княгини Маріи Юрьевны Черкасской. Къ тому же за Варвару Алексѣевну стали свататься другія лица, имѣвшія болѣе видное общественное положеніе, чѣмъ князь Кантемиръ. Однимъ изъ такихъ ловцовъ богатаго приданого явился графъ Рейнгольдъ Левенвольде, остзейскій нѣмецъ, пріѣхавшій въ числѣ многихъ ему подобныхъ въ Москву вслѣдъ за новою императрицей и возведенный ею въ званіе оберъ-гофмаршала. Во время коронаціонныхъ торжествъ въ апрѣлѣ и маѣ 1730 года онъ успѣлъ уже проявить свое умѣнье руководить придворными празднествами, приобрѣлъ извѣстность ловкаго свѣтскаго кавалера и очень нравился дамамъ. Въ октябрѣ того же года онъ

¹⁾ Сатира IV-я по второй редакціи, стихи 151—162.

²⁾ А. И. Тарещенко въ своемъ „Опытѣ обзорнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи“, т. II, стр. 302, сообщаетъ что къ княжнѣ В. А. Черкасской и къ ея матери относятся нѣсколько злыхъ намековъ въ VII-й сатирѣ Кантемира. Не знаемъ, на сколько это справедливо; но во всякомъ случаѣ указаніе Тарещенка не можетъ быть поставлено въ связь съ приведенными въ текстѣ нашей статьи словами изъ письма княжны Маріи: VII-я сатира написана въ 1739 году, на шесть лѣтъ позже письма. Княжна Марія намекаетъ на какія-нибудь раннія произведенія брата—если не на его любовныя пѣсни, то можетъ быть, на сатиру II-ю, первая редакція которой относится къ началу 1731 года и имѣетъ названіе «Не зависть и гордость дворянъ злонаправныхъ». Нѣкоторые намеки этой сатиры могли бы относиться къ тщеславному князю И. Ю. Трубецкому, родному дядѣ княгини М. Ю. Черкасской и двоюродному дѣду ея дочери.

сдѣлалъ предложеніе княжнѣ Черкасской. Отцу очень не хотѣлось выдать дочь за нѣмца, но императрица сама его сватала, и князь принужденъ былъ согласиться; обрученіе состоялось при дворѣ. Однако нѣсколько мѣсяцевъ спустя дѣло разстроилось по неизвѣстной причинѣ; обрученныя возвратили другъ другу кольца и подарки. «Этотъ случай», пишетъ англійскій резидентъ Рондо, «возбудилъ всеобщее удивленіе; многіе полагають даже, что онъ повлечетъ за собою гибель или князя Черкаскаго, или графа Левенвольде, который, измѣнивъ слову, нанесъ оскорбленіе всему роду Черкасскихъ, состоящему черезъ браки въ свойствѣ съ ея величествомъ и со всею русскою знатью» ¹⁾. Все однако обошлось благополучно: Левенвольде пользовался безграничнымъ расположеніемъ императрицы, а Черкасскій былъ человекъ на столько осторожный, что не рѣшился громко роптать на причиненную ему обиду.

Въ семьѣ Кантемировъ, конечно, радовались такому исходу дѣла. Но малый чинъ князя Антіоха по прежнему оставался препятствіемъ къ успѣху его сватовства. Только въ ноябрѣ 1731 года судьба улыбнулась Кантемиру: Остерманъ, быть можетъ, не безъ тайной мысли удалить изъ Россіи способнаго человека, придумалъ отправить князя Антіоха резидентомъ въ Лондонъ. Назначеніе было почетное, и отказываться отъ него не слѣдовало; но Кантемиру хотѣлось помедлить отъѣздомъ, и онъ даже говорилъ Рондо, что прежде, чѣмъ уѣхать, ему необходимо устроить семейныя дѣла ²⁾. Одно изъ нихъ—раздѣлъ пожалованныхъ имѣній—князю Антіоху удалось привести въ исполненіе, но другое—женитьбу—пришлось отложить въ долгій ящикъ: съ медлителемъ Черкасскимъ никакія дѣла не дѣлались скоро. 27-го декабря 1731 года окончательно состоялось назначеніе Кантемира, а четыре дня спустя онъ уже долженъ былъ покинуть Москву, въ неизвѣстности, состоится ли его бракъ съ княжною Черкасскою.хлопотать о томъ выпадало на долю княжны Маріи.

Отъѣздъ любимаго брата былъ очень печальнымъ событіемъ для сестры. Въ первое время она впрочемъ не ожидала, что его отсутствіе будетъ продолжительнымъ. Какъ бы то ни было, между ними немедленно завязалась дѣятельная переписка. Къ сожалѣнію, она сохранилась съ значительными пробѣлами; напримѣръ, отъ 1732 года не уцѣлѣло ни одного письма княжны Маріи. Со своей стороны, князь Антіохъ нѣсколько разъ писалъ ей еще съ дороги; такъ, 11-го (22-го) февраля онъ извѣщалъ ее о своемъ прибытіи въ Данцигъ и о томъ, что еще изъ Кенигсберга послалъ ей кое-какіе подарки; въ числѣ ихъ было шесть ящичковъ нюхательнаго табаку à la violette. «Изъ нихъ два кубика пе-

¹⁾ Сборникъ Имп. Р. Истор. Общества, т. LXVI, стр. 253 и 313, ср. С. М. Соловьева «Исторія Россіи», т. XIX (М. 1869), стр. 390.

²⁾ Сборникъ Имп. Р. Истор. Общества, т. LXVI, стр. 398.

редайте Матвѣю», писалъ Антиохъ, «два оставьте себѣ, а остальные отошлите тигрицѣ и попросите ее не сердиться на меня за то, что не прислалъ больше: я не нашелъ большаго количества, а изъ Голландіи вышло, какъ ей обѣщаль, цѣлый пудъ... Если вамъ не понравится табакъ, можете раздѣлить его между Матвѣемъ и тигрицей». Читатель не сразу догадается, кого слѣдуетъ разумѣть подъ прозвищемъ «тигрицы». Изъ дальнѣйшей переписки оказывается однако, что оно относится къ княжѣ В. А. Черкасской; стало быть, князь Антиохъ вспоминалъ о ней во время своихъ странствованій. Въ семьѣ Кантемировъ выработался условный языкъ, который сохранялся и въ интимныхъ письмахъ брата и сестры. На этомъ языкѣ княжна Варвара слыла «тигрицей»—безъ сомнѣнія, потому, что ее такъ-же трудно было наловить, какъ этого дикаго звѣря. Княжна Марія особенно охотно употребляла такіа условныя прозвища и любила выдумывать ихъ. Прославившагося своею медлительностью князя А. М. Черкаскаго она называла не иначе, какъ «черепахой», а жену своего брата Константина, дочь верховника Голицына, Анастасію Дмитріевну— «Еленой», очевидно, потому, что женитьба на ней внесла раздоръ въ семью Кантемировъ: княжна Марія хорошо знала классическія преданія и помнила, что изъ-за спартанской Елены возгорѣлась десятилѣтняя война, воспѣтая Гомеромъ.

Между тѣмъ какъ князь Антиохъ устранился въ Лондонѣ, знакомился съ англійскими министрами и вступалъ въ отправленіе посольскихъ обязанностей при Сентъ-Джемскомъ дворѣ, его сестра была озабочена устройствомъ своего московскаго житья-бытья. Первое время она чувствовала недостатокъ въ средствахъ. Она была очень расчетлива и считала прямымъ убыткомъ недополученіе всего пожалованнаго ей съ братьями количества крестьянскихъ душъ. Вѣроятно, еще въ 1731 году Кантемиры подали челобитіе о томъ въ сенатъ, и чтобъ поддержать это официальное ходатайство, княжна Марія сочла нужнымъ написать частное просительное письмо къ Бирону; уже въ бытность двора въ Москвѣ стало всѣмъ явно его могущественное значеніе при государствѣ, и самые чванные люди изъ русской знати не брезгали заискивать у него; въ письмахъ къ брату княжна Марія не иначе называла Бирона, какъ «всесильнымъ». Въ своемъ письмѣ къ временщику, отъ 11-го декабря 1732 года, она обстоятельно объясняла свою нужду и затѣмъ прибавляла: «Истинно бѣдно живемъ, и ежели ваше сіятельство въ семь дѣлѣ не подастъ намъ руку помощи, понеже иного патрона не имѣемъ, то въ крайнее придемъ убожество. Сіе мое покорное прошеніе сіятельству вашему наложивъ, улсваю, что по великодушію вашему не буду презрѣнна, и тако благонадежно остаюся вашего сіятельства, яко патрона и благодѣтеля, покорная служеница, княжна Марія Кантемирова». Удовлетвореніе этой просьбы послѣдовало

не сразу; но и въ то время, когда княжна Марія писала къ Бирону, она, конечно, очень преувеличивала затруднительность своего матеріальнаго положенія; вотъ что писала она брату мѣсяць спустя послѣ письма къ «всесильному»: «Если государыня окажетъ намъ милость и пожалуетъ деревни, которыхъ мы просимъ, то у меня не только не будетъ долговъ, но я буду жить по-барски. А пока я должна за квартиру, не считая ежедневныхъ расходовъ. Всѣ русскіе удивляются моему образу жизни и утверждаютъ, что у меня много денегъ. Если-бъ это было на самомъ дѣлѣ такъ, я воздвигла бы себѣ каменныя палаты. Но все-таки я, благодаря Богу, здорова, имѣю что ѣсть да пить, пью квартиру; кромѣ того, у меня строятся два домика. Слугъ у меня двадцать человѣкъ, а разъѣзжаю я шестеркой для поддержанія своего достоинства». Повидимому, въ томъ же 1733 году хозяйство княжны стало приходить въ порядокъ: домъ ея былъ достроенъ, и она поселилась въ немъ. Старый слуга покойнаго господара, Антиохъ Камарашъ, состоялъ у его дочери домоправителемъ, а другой управляющій вѣдалъ ея доходами съ Мурашкинской вотчины. Вообще домъ княжны Маріи былъ полонъ всякаго народа; кромѣ челяди, у нея жилъ, на примѣръ, свой врачъ, грекъ Севасть, обязанностью котораго было пускать княжнѣ кровь; какъ и у покойнаго князя Дмитрія греки находили себѣ у нея особенное покровительство, и многіе изъ нихъ, прѣзжая въ Москву, ютились подъ ея кровомъ. «Мой домъ похожъ на Ноевъ ковчегъ», писала княжна брату въ 1733 году; сходство это увеличивалось еще тѣмъ, что у хозяйки было множество кошекъ и собакъ, которыми она любила тѣшиться. Впослѣдствіи она купила себѣ подмосковную, которую назвала Марьинымъ, и стала проводить въ ней лѣто.

Общественныя отношенія княжны Маріи давно опредѣлились; оставалось только поддерживать ихъ. Послѣ возвращенія двора въ Петербургъ (въ самомъ началѣ 1732 года) въ Москвѣ остались семьи нѣкоторыхъ савошниковъ, въ томъ числѣ жена князя Черкаскаго съ дочерью. Княжна Кантемирова сохраняла съ ними сношенія въ виду своихъ матримоніальныхъ плановъ, остерегаясь однако быть навязчивою, «чтобы не прослыть свахою» въ глазахъ матери, какъ она выражалась. Кромѣ Черкасскихъ, княжна Марія посѣщала Трубецкихъ, Строгановыхъ, Салтыковыхъ; но вообще предпочитала сидѣть дома. «Я веду тихую уединенную жизнь», писала она брату (въ 1736 году).—«Говорятъ, лучше всего обходиться безъ общества, чѣмъ вращаться въ дурномъ. Я вполне съ этимъ согласна. Отъ людей много умнаго не услышишь. Разговоры у насъ—только сплетни; какъ гдѣ-нибудь покажешься, начинаютъ спрашивать, затѣваютъ цѣлый экзаменъ. На такой случай не душно бы имѣть при себѣ полный реестръ отвѣтовъ на всевозмож-

ные вопросы. Такого бесплоднаго любопытства я не люблю». Домосѣдство, замкнутая жизнь, въ которой она была воспитана отцомъ, соотвѣтствовала серьезному характеру княжны, и если она выѣзжала, то скорѣе по дѣламъ, чѣмъ для развлеченія.

Въ началѣ 1733 года княжна Марія собралась въ Петербургъ, чтобы хлопотать о додачѣ пожалованныхъ вотчинъ. Эту поѣздку она подробно описала въ письмахъ къ князю Антиоху. Она отправилась по зимнему пути, въ половинѣ февраля, и остановилась у брата Константина; отношенія къ нему остальныхъ членовъ семьи значительно улучшились съ тѣхъ поръ, какъ имъ пожалованы были отдѣльныя вотчины и понизился придворный кредитъ Константинова тестя. Поѣздку свою княжна старалась сдѣлать какъ можно экономнѣе. «Послѣ продолжительнаго и тяжелаго путешествія», писала она князю Антиоху, «я устроилась въ домъ брата. Своихъ расходовъ у меня нѣтъ: я обѣдаю за его столомъ, и онъ же кормитъ моихъ слугъ». Жену князя Константина княжна Марія сильно не долблывала за ея ограниченность, сварливость и за то, что она держала мужа подъ башмакомъ. «Елена» — припомнимъ, что такъ прозвала княжна княгиню Анастасію Дмитриевну, — «скорѣе похожа на чорта, чѣмъ на ангела, и по красотѣ (какъ изображаютъ діавола), и по нраву». Придя къ такому заключенію, княжна Марія писала Антиоху, что отнынѣ хочетъ замѣнить прежнее прозвище невѣстки новымъ — «Медея», «такъ какъ нельзя найти болѣе подходящаго имени для означенія ея природнаго характера: вѣдь Медея можетъ служить типомъ коварной женщины». Коварство княгини проявлялось однако только въ ея наивной грубости и не деликатности: она безъ церемоній забрала себѣ весь тотъ пудъ табаку, который былъ присланъ княземъ Антиохомъ В. А. Черкасской, и даже самой княжнѣ Кантемировой не дала «ни единой понюшки»; эта «коварная Медея» была по-своему даже добрая женщина; она давала своей золовкѣ карету для выѣздовъ и однажды сочла нужнымъ подарить ей вѣеръ и косынку. Такимъ вниманіемъ расчелливая княжна Марія была очень польщена и въ концѣ концовъ догадалась, что ей надо стать выше семейныхъ дразгъ; сатирическая жилка, присущая ей, какъ и ея младшему брату, взяла въ ней верхъ надъ раздраженіемъ, и она писала князю Антиоху, что все видѣнное въ Константиновомъ семействѣ она считаетъ «богатымъ матеріаломъ для повѣсти». На прощанье она тоже сдѣлала подарокъ княгинѣ «Медеѣ».

Приѣхавши въ Петербургъ, княжна Марія почла долгомъ представиться императрицѣ. «Въ воскресенье», писала княжна брату Антиоху 20-го марта, «я была у государыни, которая, какъ мнѣ показалось, милостиво приняла меня и спросила о времени моего приѣзда. Затѣмъ она сказала: «Или скучно на Москвѣ стало?» Я отвѣтила, что приѣхала,

во-первыхъ, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе, а во-вторыхъ, чтобы хлопотать о своихъ дѣлахъ». Цесаревна Елисавета Петровна приглашала княжну къ обѣду и просила передать поклонъ брату. Но всѣхъ ласковѣ была съ нею сестра государыни, герцогиня Мекленбургская Екатерина Іоанновна; эта умная и живая особа при первомъ же представленіи княжны удержала ее къ обѣду, разспрашивала объ ея московскомъ житьѣ-бытьѣ, а также о братѣ-посланникѣ, и приказала отпускать ей придворные экипажи и лошадей для ѣзды цугомъ. «Герцогиня», писала княжна, «обошлась со мною очень милостиво. Да сохранить Господь ея здоровье (теперь она бѣльна). Кромѣ разныхъ вѣпросовъ, какѣ она предложила мнѣ о нашихъ вотчиннахъ и другихъ предметахъ, а также о томъ, какъ я проводила время въ Москвѣ, она сказала мнѣ: «Сестрица пожалуетъ и остальные деревни». Я отвѣчала ей, что не буду я въ большой нуждѣ, я не прѣзжала бы и не просила новыхъ вотчинъ спустя одинъ или два года послѣ награжденія». Когда герцогиня расхворалась, княжна Марія была въ числѣ тѣхъ немногихъ лицъ, которыхъ она допускала къ себѣ. 14-го іюня 1733 года Екатерина Іоанновна скончалась. «Я считала герцогиню», писала княжна Антіоха по этому случаю, «всемилющѣйшею особой и покровительницей въ моихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Силью даже сказать, что мы были дружны, такъ какъ я получала отъ нея знаки не только покровительства, но дружбы... Многимъ, несомнѣнно, придется восхвалять ея доброту и душевныя качества. Я изъ тѣхъ лицъ, которыя никогда не забудутъ ея; при воспоминавіи о ней я не въ состояніи удержать обильныхъ слезъ... Я хотѣла писать вамъ объ ея кончинѣ въ прошлую пятницу, но была вѣ себя и не могла этого сдѣлать». Подобныя изліянія очень рѣдки въ письмахъ княжны Маріи; она вообще была скупа на привязанности, и потому нельзя не вѣрить ея словамъ въ данномъ случаѣ.

Обласканная членами царской семьи, княжна была очень привѣтливо принята и высшими сановниками; она посѣщала Бирона и его жену, Остермана, А. И. Ушакова, князя Черкаскаго; всѣ были съ нею очень вѣжливы, и отъ всѣхъ она слышала обѣщанія оказать содѣйствіе ея дѣлу. При свиданіяхъ съ Черкасскимъ ее такъ и подымало заговорить о «тигрицѣ» и о надеждахъ князя Антіоха; она уже наводила на этотъ счетъ предварительныя справки у князя Н. Ю. Трубецкого, который доводился своякомъ князю Черкасскому и былъ друженъ съ Кантемиромъ; Трубецкой отвѣчалъ ей: «Я предпочелъ бы князя Антіоха всѣмъ, кого намъ прочать», но отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ это дѣло уклонился. Завести щебетливый разговоръ съ самимъ Черкасскимъ княжна все-таки не рѣшилась. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ она свой прощальный визитъ ему: «Черепаша от-

неслась ко мнѣ очень благосклонно и, къ удивленію, снизошла до того, что проговорила со мною цѣлыхъ полчаса; вѣдь, по слухамъ, она — небольшая охотница до разговоровъ. Я чуть было не завела съ нею рѣчи о тигрицѣ, но потомъ одумалась и обошла этотъ предметъ изъ опасенія остаться безъ отвѣта или поставить ее въ затрудненіе, такъ какъ черепаха, не приготовившись, не знала бы что сказать». Княжнѣ все-таки удалось узнать стороною, что князь-черепаха очень хорошо расположенъ къ молодому дипломату.

По странной случайности, между тѣмъ какъ сестра раздумывала о возможности женить брата, у ней у самой явились въ Петербургѣ женихи. По правдѣ сказать, женихи какіе-то особенные. Одинъ изъ нихъ былъ очень богатъ, но не знатенъ. Княжна не называетъ его по фамиліи; но въ ея родствѣ не были бы довольны такимъ бракомъ; жена князя Константина уже успѣла ей сказать: «Наша сестра, развѣ которая голая, пойдетъ за него, посадскаго». Сватомъ являлся князь Никита Трубецкой — быть можетъ, не безъ тайной мысли уничтожить всякія попользованія князя Антиоха на бракъ съ его племянницей въ томъ случаѣ, если княжна Марія выйдетъ за этого «посадскаго». Другой претендентъ, искавшій ея руки, былъ грузинскій царевичъ Александръ Бакаровичъ, сынъ выѣхавшаго въ Россію въ 1724 году Карталинскаго царя Бакара, человекъ, стало быть, очень знатный, но бѣдный: онъ ставилъ условіемъ, чтобъ его будущая жена выучилась по грузински. Получивъ эти предложенія, княжна не знала, на что ей рѣшиться, и обратилась за совѣтомъ къ князю Антиоху; отвѣтъ его неизвѣстенъ; но едва ли не прежде, чѣмъ онъ былъ полученъ, княжна отказала обоимъ претендентамъ. Между тѣмъ слухъ объ ея женихахъ дошелъ до императрицы, и Анна Иоанновна заговорила о томъ, когда княжна Марія явилась къ ней откланываться передъ своимъ отъѣздомъ въ Москву. «Она приняла меня милостиво», писала потомъ сестра брату Антиоху, «и на мою просьбу не лишать насъ и впередъ своей благосклонности, такъ какъ мы, иноземные люди, послѣ Бога только въ ней одной можемъ найти покровительство, сказала, что всегда была къ намъ милостива и будетъ впредь относиться точно такъ-же. «Не оставлю васъ», прибавила она и общала прискаты мнѣ жениха, видя, что я сама не рѣшаюсь выходить замужъ. Я же хоть и не дала ей никакого отвѣта, однако почла бы за счастье исполнить желаніе государыни». Князь Антиохъ отвѣчалъ на этотъ рассказъ сестры слѣдующими словами: «Очень радъ за милость, оказанную вамъ императрицей, и въ особенности за жениха; отъ души желаю, чтобы таковой нашелся». Обмѣниваясь такими рѣчами, исполнили ли были искренни братъ и сестра другъ передъ другомъ? Послѣдующія обстоятельства позволяютъ въ этомъ сомнѣваться.

Княжна Марія воспользовалась отбытіемъ государыни въ Петергофъ послѣ погребенія герцогини Мекленбургской и въ половинѣ іюля 1734 года оставила Петербургъ. Она уѣхала вполне спокойная насчетъ успѣха своего ходатайства: дѣло о додачѣ Кантемирамъ не полученной ими части пожалованныхъ имѣній если и не было рѣшено окончательно, то во всякомъ случаѣ было направлено на вѣрный путь. Княжна могла питать увѣренность, что благосостояніе ея и ея братьевъ «кадетовъ» прочно обезпечено.

Л. Майковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Производство А. А. Аракчеева въ майоры.

Письмо А. Аракчеева П. И. Мелликино

24-го іюля 1793 г. Павловскъ.

«Я столько смѣлъ, что думаю и ласкаю' себя надеждою, что моя преданность, усердность и почитаніе къ вашему превосходительству вамъ извѣстны, а продолженіе оныхъ за счастье буду почитать, если позволено будетъ мнѣ пребыть отъ вашего превосходительства до послѣднѣйшаго конца моей жизни. Ибо, съ начала самаго моей службы и до сего времени полученныя мною благополучія—есть источники вашихъ ко мнѣ милостей и наставленій, то я и положилъ себѣ за правило, при всякомъ моемъ благополучіи, увѣдомить вашего превосходительства, яко перваго основателя моихъ благополучій.

«Вчерашняго числа его императорское высочество, великій князь Павелъ Петровичъ изволилъ пожаловать меня артиллеріи майоромъ, который чинъ, объявля мнѣ, изволилъ послать объ ономъ къ графу Николаю Ивановичу ¹⁾ объявить ему свою волю.

«Сколько мнѣ оное не лестно, но вторая его высокая милость меня утѣшаетъ болѣе оной: всѣмъ моимъ офицерамъ до послѣдняго изволилъ пожаловать чины, проговаривая при ономъ, что оное изволилъ дѣлать для меня.

«Донеся оное вашему превосходительству, прошу Всевышняго, чтобъ онъ продлилъ ваши лѣта, въ которыя, конечно, чрезъ ваши о воспитывающихся подъ вашимъ начальствомъ старанія, увеличится число счастливыхъ. Я жъ пребуду навсегда вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, вѣрнымъ и покорнымъ слугою.

Алексій Аракчеевъ».

Сообщилъ Д. Струковъ.

¹⁾ Графу Салтыкову.

Кто истинный виновникъ войны 1812 года.

Когда Наполеонъ, послѣ неудачныхъ переговоровъ по поводу предполагавшагося его брака съ великою княжною Анною Павловною, рѣшился предложить руку дочери императора Франца, князю Шварценбергу пришлось рѣшить этотъ важный вопросъ въ нѣсколько часовъ времени: это было 25-го января (6-го февраля) 1810 года. Черезъ нѣсколько дней былъ подписанъ въ Парижѣ брачный договоръ. Послѣ этого рѣшенія, принятаго внезапно Наполеономъ, разрывъ его съ Тильзитскимъ союзникомъ (императоромъ Александромъ I) сдѣлался только вопросомъ времени.

Изъ довѣренныхъ совѣтниковъ Наполеона одинъ Камбасересъ предвидѣлъ этотъ неизбежный печальный исходъ. Онъ тогда уже высказалъ увѣренность, что черезъ два года Франціи придется вести войну съ тою державою, съ которою не породится Наполеонъ. «*Je tremble d'une guerre avec la Russie, les conséquences en sont incalculables*», сказалъ онъ Пакіе. ¹⁾

Французскіе историки склонны приписать императору Александру всю вину разрыва, послѣдовавшаго въ 1812 году между Россією и Францією. Такъ поступилъ въ недавнее время и Вандаль въ своемъ известномъ сочиненіи о франко-русскомъ союзѣ въ эпоху первой имперіи. ²⁾ По его мнѣнію, Александръ вызвалъ Наполеона на борьбу, первый начавъ вооружаться.

Между тѣмъ безпристрастная исторія должна произнести другой приговоръ: оказывается, что весь планъ нашествія на Россію былъ задуманъ Наполеономъ задолго до тарифныхъ и ольденбургскихъ недоразумѣній, возникшихъ между обѣими имперіями, и до предшествовавшихъ имъ скромныхъ вооруженій, предпринятыхъ императоромъ Александромъ дѣйствительно въ 1810 году. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что въ то время, когда Наполеонъ занимался разработкою плана, клонившагося къ конечной гибели Россіи, Александръ съ своей стороны не помышлялъ еще о войнѣ съ Францією.

Докладъ, выработанный по указанію Наполеона и представленный ему 4-го (16-го) марта 1810 года, имѣетъ предметомъ будущую по-

¹⁾ Mémoires du chancelier Pasquier. T. I. p. 378.

²⁾ Vandal: Napoléon et Alexandre I. T. III. La Rupture.—Paris 1896.

литу Франціи, обусловленную предстоявшимъ тогда австрійскимъ бракомъ. Записка эта утверждаетъ, что въ виду неизбежнаго въ скоромъ времени сближенія Россіи съ Англіею союзъ съ императоромъ Александромъ приходитъ къ концу, и поэтому необходимо обратиться къ оружію, чтобы упрочить за Франціею ея первенствующее положеніе въ Европѣ. Разрывъ съ Россіею долженъ былъ сопровождаться полнымъ измѣненіемъ карты Европы; тогда только, какъ утверждаетъ записка, имперія Карла Великаго была бы дѣйствительно восстановлена, но только увеличенная и усиленная просвѣщеніемъ десяти вѣковъ. Изложеніе этого гигантскаго проекта заканчивается словами, что оныя является результатомъ довѣрія, внушеннаго еще большими чудесами, осуществленными уже гениемъ Наполеона.

Съ этого времени, т. е. начиная съ марта мѣсяца 1810 года, политика Наполеона слѣдовала по пути, предначертанному ей въ этой запискѣ. «Еще три года, и я буду владыкою вселенной», сказала Наполеонъ, обращаясь во время охоты къ генералу Вреде, ¹⁾ предвѣщая такимъ образомъ въ своемъ умѣ будущее торжество смѣлыхъ плановъ, задуманныхъ имъ съ такою увѣренностью въ полномъ успѣхъ своей политики.

Въ 1812 году эта записка была перехвачена и съ другими документами, не меньшей исторической важности, доставлена императору Александру въ Петербургъ, еще до отъѣзда его въ армію. Впечатленіе, которое чтеніе ея должно было произвести на государя, было безъ сомнѣнія, весьма сильнымъ. Неудивительно послѣ этого, что императоръ Александръ съ такимъ упорствомъ настаивалъ на продолженіи войны съ Наполеономъ и видъ предѣловъ Россіи, добываясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, не только пораженія, но и низложенія своего грознаго противника.

Не подлежитъ сомнѣнію, что сущность мѣрѣя, выраженнаго въ запискѣ, стала извѣстной императору Александру вскорѣ послѣ ея составленія; стоить припомнить, сколькими предателями былъ постоянно окруженъ Наполеонъ, чтобы признать возможнымъ нарушеніе тайны и въ этомъ вопросѣ. Чтѣ же удивительнаго, если императоръ Александръ отвѣтилъ на эти замыслы пріятіемъ, съ своей стороны, нѣкоторыхъ скромныхъ мѣръ предосторожности, которыя могли бы обезпечить безопасность имперіи. Слѣдовательно, нельзя признать императора Александра виновникомъ разрыва, послѣдовавшаго въ 1812 году съ Франціею. Конечно, Наполеону было бы пріятнѣе, если бы императоръ Александръ сидѣлъ сложа руки и позволялъ бы ему обрушиться на него съ своими громадными полчищами, по заведенному обыкновенію, «comme la foudre». — Прозорливость императора Александра спасла Россію отъ этого несчастья, и еще разъ повторяемъ, Александръ виновенъ въ начавшемся тогда кровопролитіи: отвѣтственность за него должна всецѣло пасть на Наполеона.

Н. Шильдеръ.

¹⁾ Lebensbilder aus den Befreiungskriegen. — Jena 1844. — 3-te Abtheilung p. 401. «Je suis obligé de toujours marcher, si je m'arrête je tombe», сказалъ также однажды Наполеонъ генералу Фоду. Въ этихъ немногихъ словахъ заключается вся разгадка Наполеоновской политики.

Секретный докладъ, представленный Наполеону министертвомъ иностранныхъ дѣлъ.

Парижъ, 4-го (16-го) марта 1810 г.

Государь! Торжественный договоръ, заключенный 9-го числа минувшаго мѣсяца, ¹⁾устанавливая между вашимъ императорскимъ величествомъ и вѣнскимъ дворомъ новыя и близкія отношенія, не можетъ не привести въ недалекомъ будущемъ къ перемѣнѣ въ европейской политикѣ, и благоразуміе не позволяетъ выжидать событій, чтобы подумать объ интересахъ имперіи. По отношенію къ сѣвернымъ державамъ ваше величество требуете общаго обозрѣнія ихъ положенія, основаннаго на официальной перепискѣ посланниковъ и на тайныхъ донесеніяхъ особыхъ агентовъ. Я имѣю честь повергнуть на ваше благовозрѣніе этотъ трудъ, присоединяя къ нему, согласно вашимъ приказаніямъ, картину мѣръ, принятыхъ, или которыя слѣдуетъ принять при этихъ обстоятельствахъ.

Rapport à S. M. l'Empereur.

Relations extérieures.

(Secret).

Cabinet de Sa Majesté. Paris, 16 Mars 1810.

Sire.

L'acte solennel, conclu le 9 du mois dernier ²⁾, en établissant entre V. M. I. et la Cour de Vienne des rapports intimes et nouveaux, ne peut manquer d'amener un changement prochain dans la politique de l'Europe, et la prudence ne permet pas d'attendre les événements pour s'occuper des intérêts de l'Empire, relativement aux puissances du Nord. Votre Majesté demande un aperçu général de leur position, d'après la correspondance officielle de ses ministres et les relations secrètes des agents particuliers. J'ai l'honneur de lui soumettre ce travail, en y joignant d'après ses ordres, le tableau de mesures prises ou à prendre dans ces circonstances.

¹⁾ 9-го февраля в. ст. 1810 года былъ заключенъ брачный договоръ Наполеона съ эрцгерцогиней Маріей-Луизой.

²⁾ Contrat de mariage de Sa Majesté avec une Archi-Duchesse.

До тѣхъ поръ, пока австрійскій домъ, ослѣпленный своею злобою, придерживался совѣтовъ и обѣщаній британскаго кабинета, ваше величество, будучи заняты или угрожаемы кровопролитными войнами въ Германіи, Италиі, Испаніи, Португаліи, должны были смотрѣть на своемъ связи съ Россіей, какъ на необходимый противовѣсъ, который обезпечивалъ бы вамъ хотя нейтралитетъ сѣвера: я говорю—скорѣе нейтралитетъ, чѣмъ союзъ, и это не безъ основанія, такъ какъ даже со времени послѣдней шведской революціи, и несмотря на кажущееся присоединеніе четырехъ державъ, господствующихъ на Балтійскомъ побережьи, къ континентальной системѣ, созданной противъ Англии, не подлежитъ сомнѣнію, что испорченность и недобросовѣстность дворовъ съ одной стороны, а старыя привычки народовъ — съ другой, открыли англійской торговлѣ массу выходовъ, которые должны были быть закрыты для нея. Въ данномъ случаѣ факты болѣе убѣдительны, чѣмъ какія бы то ни было разсужденія: въ концѣ минувшаго декабря 372 корабля, нагруженные произведеніями прибалтійскихъ странъ, въ одинъ и тотъ же день вошли въ С. Гревезендъ. Пенька и другіе строительные матеріалы сразу упали въ цѣнѣ на 30%, хотя ихъ цѣна и прежде не была чрезмѣрна. Въ теченіе 1809 года англичане вывели на Гельголандскій утесъ произведеній своихъ колоній или своихъ мануфактуръ

Tant que la maison d'Autriche, aveuglée par ses ressentiments, s'est livrée aux conseils et aux promesses du Cabinet Britannique, Votre Majesté occupée ou menacée de guerres sanglantes en Allemagne, en Italie, en Espagne, en Portugal, a du regarder ses liaisons avec la Russie comme un contrepoids nécessaire qui lui garantissait au moins la neutralité du Nord: je dis la neutralité plutôt que l'alliance, et ce n'est pas sans raison, car même depuis la dernière révolution de Suède, et malgré l'apparente adhésion des quatre puissances qui régner sur les côtes de la Baltique au système continental formé contre l'Angleterre, il est évident que d'un côté, la corruption et la mauvaise foi des Cours, et de l'autre, les vieilles habitudes des peuples, ont ouvert mille communications qui devaient être fermées au commerce anglais. Les faits sont ici plus forts que tous les raisonnements: à la fin du mois de Décembre dernier 372 navires, chargés des productions de la Baltique sont entrés le même jour à Gravesend.

Le chanvre et les autres munitions navales ont tout à coup baissé de trente pour cent, quoique leur prix ne fut pas excessif auparavant. Dans le cours de 1809, les Anglais ont exporté pour quinze million sterling de produits de leurs colonies ou de leurs manufactures (environ

на пятнадцать милліоновъ стерлинговъ (около 360 милліоновъ франковъ), а оттуда ихъ агенты распространили ихъ по Россіи, Пруссіи, Даніи и даже Польшѣ и Германіи. Темза покрылась флагами, бывшими почти неизвѣстными до сихъ поръ—флагами возмущившихся Испаніи и Португаліи, флагами Турціи, Греціи, Бразиліи, Іерусалима, Сардиніи, Сициліи и т. д.—перераживаніе, при посредствѣ котораго одна лишь Англія производитъ обширную торговлю, которой съверь благопріятствуетъ всѣми своими силами. Документы, опубликованные англійскимъ министерствомъ, и секретныя донесенія нашихъ агентовъ въ одинаковой степени подтверждаютъ эти факты.

При такомъ положеніи вещей къ чему служить для Франціи мнимая коалиція съверныхъ государствъ противъ англичанъ? Не обладая морскими силами для дѣйствительнаго воздѣйствія на послѣднихъ, расположенныя втайнѣ покровительствовать обману, замѣняющему для нихъ дозволенную торговлю, они, отдавая пустыя приказанія, лишь дѣлаютъ видъ, что способствуютъ дѣлѣмъ вашего величества и исполняютъ свои обязательства. Поэтому то и блокада, которая должна была заставить Англію умереть съ голода среди сокровищъ обѣихъ Индій, свелась къ системѣ, безсвязной, лишенной единства и безрезультатной. Россія, Пруссія, Данія, Швеція, подъ видомъ открытаго разрыва съ лондонскимъ

360 millions de francs) pour le rocher d'Helgoland, d'où leurs facteurs les ont répandus en Russie, en Prusse, en Danemarck et même en Pologne et en Allemagne. La Tamise est couverte de pavillons, à peu près inconnus jusqu'à ce jour (pavillons insurgés d'Espagne et de Portugal, pavillons Turcs, Grecs, du Brésil, de Jérusalem, de Sardaigne, de Sicile, de Pappembourg etc), frivole déguisement sous lequel l'Angleterre seule fait un commerce immense, que le Nord favorise de tout son pouvoir. Les documents publiés par le ministère britannique et les rapports secrets de nos agents, attestent également tous ces faits.

Dans un tel état des choses, de quoi sert à la France la prétendue coalition des puissances septentrionales contre les Anglais? Sans forces maritimes pour agir efficacement contre eux, disposées secrètement à favoriser la fraude qui leur tient lieu d'un commerce autorisé, ce n'est que par de vaines ordonnances qu'elles ont l'air de concourir aux vues de Votre Majesté et de remplir leurs engagements. Aussi le blocus qui devait affamer l'Angleterre au milieu des richesses des deux Indes, n'est-il plus qu'un système incohérent, sans ensemble et sans résultats. La Russie, la Prusse, le Danemarck, la Suède, sous l'apparence d'une rupture ouverte avec la cour de Londres et d'une intime liaison avec la France, gardent une véritable

дворомъ и близкихъ отношеній къ Франціи, сохраняють настоящій нейтралитетъ, выгодный лишь для англичанъ, такъ какъ состояніе нашего флота дѣлаетъ его совершенно призрачнымъ для насъ. И тогда преимущества, которыхъ мы ожидали отъ союза съ Россіей, съ каждымъ днемъ исчезаютъ, Россія, напротивъ того, быстро пользуется всеми выгодами, вытекающими для нея изъ союза съ нами. Она уже мирно владѣетъ Финляндіей, и, для полнаго осуществленія всѣхъ секретныхъ соглашеній Тильзитскаго и Эрфуртскаго, ей остается лишь обезпечить себя договоромъ оладаніе Молдавіей, Валахіей и Бессарабіей, съ давнихъ поръ покоренныхъ и занятыхъ ея войсками.

На время я оставляю въ сторонѣ три второстепенныя державы, составляющія предметъ настоящаго доклада, чтобы исключительно заняться Россіей, влияние которой одно лишь можетъ противодѣйствовать видамъ вашего величества, касающимся сѣвера и востока Европы. До настоящаго времени ея образъ дѣйствій не внушалъ никакихъ серьезныхъ опасеній, а личный характеръ императора Александра представляетъ собою обезпеченіе спокойствія. Но этотъ государь не достаточно силенъ, чтобы обложить одного изъ своихъ министровъ исключительнымъ довѣріемъ, ни достаточно слабъ, чтобы быть управляемымъ имъ. Его политика—проявленіе личныхъ взглядовъ: его чувства, поведимому, влекутъ его

neutralité qui n'est favorable qu'aux Anglais, puisque l'état de notre marine la rend absolument illusoire pour nous.

Et tandis que les avantages que nous attendions de l'alliance de la Russie, s'évanouissent de jour en jour, la Russie, au contraire, s'empare rapidement de tous ceux que la nôtre lui avait promis. Déjà maîtresse paisible de la Finlande, il ne lui reste, pour réaliser toutes les conventions secrètes de Tilsit et d'Erfurth, qu'à s'assurer par un traité la possession de la Moldavie, de la Valachie et de la Bessarabie, depuis longtemps soumises et occupées par ses armes.

J'abandonne pour un moment les trois puissances secondaires qui font l'objet de ce travail, pour m'attacher uniquement à la Russie, dont l'influence peut seule contrarier les vues de Votre Majesté, dans le Nord et à l'Orient de l'Europe. Jusqu'ici sa conduite n'a point inspiré de graves allarmes, et le caractère personnel de l'Empereur Alexandre offre des motifs de sécurité. Mais ce Prince n'est ni assez fort pour donner à l'un de ses ministres une confiance exclusive, ni assez faible pour en être gouverné. Sa politique est une opinion personnelle: ses sentiments paraissent l'attacher à l'alliance de Votre Majesté, mais l'influence de l'Impératrice. Mère quoiqu' elle soit d'affection plus que de politique, et

къ союзу съ вашимъ величествомъ, но вліяніе императрицы-матери, хотя обусловленное скорѣе любовью, чѣмъ политикою, и различіе взглядовъ въ совѣтъ незамѣтно, и какъ бы помимо его сознанія, дѣйствуютъ на умъ императора. Англія сохраняетъ съ Петербургомъ болѣе или менѣе постоянныя сношенія, имѣетъ въ немъ болѣе или менѣе постоянныхъ сторонниковъ. Нынешній вексельный курсъ Россіи, состояніе ея финансовъ, запутанныхъ расточительностью послѣднихъ царствованій, дефицитъ ея таможенъ со времени войны съ Великобританіей и уничтоженія голландской торговли и другія причины, безъ сомнѣнія, дѣйствительныя, но искусно преувеличенныя окружающею государя средою, рано или поздно приведутъ къ сближенію съ англичанами. Пруссія, Швеція, быть можетъ, даже Данія, изъ страха или по привязанности, будутъ вынуждены послѣдовать за толчкомъ, даннымъ Россіей, и это будущее не было бы отдаленно, если бы британское министерство, переформированное маркизомъ Уэльслей, представляло бы въ концѣ концовъ болѣе устойчивости и гаранцій.

Герцогъ Виченцкій, какъ кажется, убѣжденъ, что узлы, соединяющіе еще обѣ имперіи, скоро ослабятъ бы, если бы ваше величество не обезпечили императору Александру уступки турецкихъ провинцій, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная, или если бы петербургскій каби-

la diversité de vues dans le conseil, agissent insensiblement, et comme à son insu, sur l'esprit de l'Empereur.

L'Angleterre conserve à Pétersbourg des intelligences plus ou moins suivies, des partisans plus ou moins zélés. Le change actuel de la Russie, l'état de ses finances obérées par les profusions des derniers règnes, le déficit de ses douanes depuis la guerre avec la Grande Bretagne et l'anéantissement du commerce Hollandais, d'autres causes, réelles sans doute, mais adroitement exagérées dans le conseil du Souverain, ameneront tôt ou tard un rapprochement avec les Anglais. La Prusse, la Suède, peut-être même le Danemarck, par crainte ou par affection, seront forcés de suivre l'impulsion de la Russie, et cet avenir ne serait pas éloigné, si le ministère britannique, recomposé par le marquis de Wellesley, présenterait enfin plus de garantie et de stabilité.

M-r le Duc de Vicence paraît être persuadé que les liens de l'alliance qui unit encore les deux Empires seraient bientôt relâchés, si Votre Majesté n'avait garanti à l'Empereur Alexandre la cession de provinces turques situées sur la rive gauche du Danube, ou si le cabinet de Pétersbourg croyait n'avoir plus besoin de

нетъ былъ увѣренъ, что онъ не нуждается болѣе въ этомъ обезпеченіи. Но, исходя изъ этого начала, развѣ Англія не можетъ предложить подобнаго же обезпеченія, чтобы создать союзъ несравненно болѣе полезный для ея интересовъ, чѣмъ союзъ съ турками? Ваше величество подкрѣпляетъ свой союзъ присутствіемъ арміи въ Далмаціи, англичане же могутъ закрѣпить свой посылкой эскадры въ Архипелагъ, и для мальтійскаго флота путь въ Дарданеллы короче, чѣмъ для арміи переходъ изъ Рагузы въ Константинополь.

Диванъ, повидимому, колеблется въ выборѣ между Франціей и Англіей, не испытывая ни привязанности, ни дѣйствительнаго довѣрія ни къ одной изъ этихъ державъ, убѣжденный, что обѣ онѣ готовы пожертвовать имъ для Россіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что, пока англичане будутъ видѣть въ императорѣ Александрѣ союзника вашего величества, они будутъ возбуждать турокъ къ войнѣ; но въ тотъ же самый день, когда ихъ предложенія будутъ приняты въ Петербургѣ, и русскія гавани откроются для ихъ кораблей, они станутъ совѣтовать въ Константинополѣ заключить миръ и охотно гарантируютъ уступку Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи. Опытъ прошлаго, въ эпоху, менѣе трудную и менѣе важную для Англіи, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ этомъ отношеніи насчетъ гибкости ея политики. Лондонскій кабинетъ нисколько не затруднится принять на себя всѣ наши обязательства

cette garantie. Mais, en partant de ce principe, l'Angleterre ne peut-elle pas offrir une garantie partielle, pour acquérir une alliance bien plus utile à ses intérêts que celle des Turcs. Votre Majesté appuie la sienne par la présence d'une armée en Dalmatie; les Anglais peuvent assurer la leur par l'envoi d'une escadre dans l'Archipel; et le chemin est plus court pour une flotte de Malte aux Dardanelles que pour une armée de Raguse à Constantinople.

Le Divan paraît indécis entre la France et l'Angleterre, sans affection, sans véritable confiance pour l'une ni pour l'autre, et convaincu que toutes les deux sont prêtes à le sacrifier à la Russie.

Il est certain que tant que les Anglais verront dans l'Empereur Alexandre l'allié de Votre Majesté, ils exciteront les Turcs à la guerre; mais le jour même où leurs ouvertures seront accueillies à Pétersbourg et les ports de Russie ouverts à leurs vaisseaux, ils conseilleront la paix à Constantinople et garantiront volontiers la cession de la Moldavie, de la Valachie et de la Bessarabie. L'expérience du passé, à une époque moins grave et moins importante pour l'Angleterre, ne laisse aucun doute à cet égard, sur la flexibilité de sa politique. Le cabinet de Londres n'hésitera point à se charger de nos

передъ русскимъ кабинетомъ и даже болѣе—постарается ослѣпить его выгодами торговли, которая подняла бы кредитъ, удесатерила бы таможенный доходъ и оживала бы финансы имперіи. Марквизъ Уольслей хвастался, что еще до истеченія этого года ему удастся создать новую коалицію противъ Франціи, и хотя онъ могъ преувеличивать успѣхъ своихъ интригъ и дѣйствіе, которое могъ произвести въ Петербургѣ актъ 9-го февраля, не поллежитъ сомнѣнію, что эти пророческія слова касаются Россіи и находящихся подъ ея вліяніемъ сѣверныхъ державъ.

Каковъ въ настоящее время главный, если не единственный предметъ честолюбія и политики русскаго министерства? Приобрѣтеніе турецкихъ провинцій на лѣвомъ берегу Дуная. Кто можетъ доставить ихъ ей болѣе скорымъ, вѣрнымъ и безповоротнымъ образомъ? Арміи и переговоры Франціи, флоты и переговоры Англіи. Въ теченіе послѣднихъ двухъ слѣшкомъ лѣтъ Франція въ этомъ отношеніи начево не добилаь отъ Дивана, и въ Петербургѣ могутъ подозрѣвать, что она и не желала добиться чего-либо. Англіи же удалось вооружить турокъ противъ русскихъ; достигнетъ ли она меньшаго успѣха, если станетъ совѣтовать имъ миръ, или если прикажетъ сдѣлать желанную уступку,

propres engagements envers le cabinet russe, et de plus, il s'efforcera de l'éblouir par les avantages d'un commerce qui releverait le crédit, décuplerait le produit des douanes et rendrait le mouvement aux finances de l'Empire. Le marquis de Wellesley s'est vanté qu'avant la fin de l'année il parviendrait à former une nouvelle coalition contre la France, et quoiqu'il ait pu s'exagérer le succès de ses intrigues et l'effet que l'acte du 9 Février pourrait produire à Pétersbourg, il n'est pas douteux que ces mots prophétiques ne regardent la Russie et les États du Nord, soumis à son influence.

Quel est aujourd'hui l'objet principal, si ce n'est l'objet unique de l'ambition et de la politique du ministère Russe? L'acquisition des provinces turques sur la rive gauche du Danube.—Qui peut la lui procurer, prompte, sûre et irrévocable? Les armées et les négociations de la France, les flottes et les négociations de l'Angleterre. La France n'a rien obtenu du Divan, à cet égard, depuis plus de deux ans et l'on peut soupçonner à Pétersbourg qu'elle n'a rien voulu obtenir. L'Angleterre a réussi à faire armer les Turcs contre les Russes; aura-t-elle moins de succès si elle leur conseille la paix, ou si elle commande la cession désirée en bombardant le Sérail et en affamant Constantinople? Est-il vraisemblable

бомбардируя сераль и заставляя голодать Константинополь? Правдоподобно ли, чтобы эти разнообразные вопросы не обсуждались болѣе въ частныхъ совѣщаніяхъ императора Александра?

Еще болѣе того. При настоящемъ ходѣ обстоятельствъ оба государства, и Франція, и Англія, какъ бы дѣйствуютъ въ направленіи, обратномъ ихъ дѣйствительнымъ интересамъ. Франція, старинная союзница Оттоманской имперіи, ничего не можетъ выиграть отъ расширенія Россіи по направленію къ Черному морю, и не будь гарантіи, данной вашимъ величествомъ въ силу сложившихся исключительныхъ обстоятельствъ и въ виду цѣлей, которыя никогда не были чистосердечно поддержаны Россіей, нашлись бы сильные доводы въ пользу того, чтобы отстаивать неприкосновенность Турціи, а не вызывать разчлененія ея. Въ данномъ случаѣ интересы Итальянскаго королевства тѣ же, какъ и нашихъ южныхъ провинцій. Англичане, напротивъ того, съ того момента какъ только ихъ связи съ петербургскимъ дворомъ возобновятся, могутъ безъ тревоги отнестись къ сосредоточенію торговли Востока въ русскихъ портахъ: такимъ образомъ, она лишь измѣнитъ дорогу, по которой попадетъ въ Лондонъ. Что же касается политическаго или территоріальнаго усиленія русской державы, то Англія перестанетъ тревожиться или завидовать этому, какъ только получитъ возможность противопоставить его Франціи. Эти начала останутся вѣрными во всякое время. Франція, зная это, удалась отъ нихъ

que ces différentes questions ne soient plus discutées dans les conseils particuliers de l'Empereur Alexandre?

Il y a plus. Dans la direction actuelle des choses, la France et l'Angleterre semblent agir, toutes les deux en sens inverses de leurs véritables intérêts. La France, la plus ancienne alliée de l'Empire Ottoman, ne peut rien gagner à l'agrandissement des Russes vers la mer Noire, et sans la garantie accordée par Votre Majesté dans une circonstance impérieuse, avec des vues qui n'ont jamais été secondées de bonne foi, il y aurait de fortes raisons de combattre pour l'intégrité de la Turquie au lieu d'en provoquer le démembrement. L'intérêt du royaume d'Italie est aujourd'hui le même là dessus que celui de nos provinces méridionales. Les Anglais, au contraire, dès que leurs liaisons avec la cour de Pétersbourg seront rétablies, peuvent voir sans inquiétude le commerce du Levant passer dans les ports de Russie, il n'aura fait que changer de route pour arriver à Londres. Quant à l'accroissement politique et territorial de la puissance russe, l'Angleterre cessera d'en être alarmée ou jalouse dès qu'elle pourra l'opposer à la France. Ces principes seront vrais dans tous les temps; la France, qui les connaît, s'en est

изъ угожденія; Англія, тоже знающая это, удаляется отъ нихъ, увлекаемая страстью. Недалеко то время, когда сила событій вернетъ къ нимъ и ту и другую.

Если бы было возможно предположить, что британское министерство чистосердечно согласится на миръ, совмѣстимый съ нашимъ морскимъ и торговымъ существованіемъ, своеобразныя условія, въ которыхъ находятся обѣ страны, могли бы привести къ нему. Россія, безспорно, не пожелала бы ничего лучшаго, какъ подписать договоръ, непосредственныя выгоды котораго клонились бы въ ея пользу. Послѣ приобрѣтенія Финляндіи, Молдавіи, Валахіи, Бессарабіи и части австрійской Польши открыть свои порты торговлѣ всѣхъ народовъ, поднять свой кредитъ, улучшить свое финансовое положеніе, упрочить свое господство на сѣверѣ и востокѣ, ввести порядокъ и бережливость въ свое внутреннее управленіе было бы образцовымъ примѣромъ политики столь же удачной, какъ и искусной. Франція не позавидовала бы столь большимъ выгодамъ, если бы братья вашего величества, занимающіе престолы Вестфалии, Неаполя, Голландіи и Испаніи, были бы признаны Англіей, и если бы имперія, возвративъ себѣ свои колоніи, получила бы вмѣстѣ съ тѣмъ и средства возсоздать свой флотъ. Но нельзя поддаваться иллюзіямъ. Лондонскій кабинетъ согласится, даже предложить

écartée par complaisance; l'Angleterre qui les connaît aussi, s'en écarte par passion. L'époque n'est pas éloignée où la force des choses les y ramènera l'une et l'autre.

Si l'on pouvait supposer que le ministère britannique accepterait franchement une paix compatible avec notre existence maritime et commerciale, les circonstances singulières où les deux pays sont placés pourraient y conduire. La Russie, sans doute, ne demanderait pas mieux que de signer un traité dont tous les avantages immédiats seraient pour elle. Après avoir acquis la Finlande, la Moldavie, la Valachie, la Bessarabie et une partie de la Pologne autrichienne, rouvrir ses ports au commerce de toutes les nations, relever son crédit, restaurer ses finances, affermir sa domination au Nord et à l'Orient, introduire l'ordre et l'économie dans son administration intérieure serait le chef d'oeuvre d'une politique heureuse autant qu'habile. La France n'envierait pas de si grands avantages, si les frères de V. M. assis sur les trônes de Westphalie, de Naples, de Hollande et d'Espagne étaient reconnus par l'Angleterre, et si l'Empire recouvrait avec ses colonies, les moyens de relever sa marine.

Mais il est impossible de se faire illusion. Le cabinet de

Россіи гарантировать выгоды, о которыхъ только-что шла рѣчь, лишь для того, чтобы лишить Францію плодовъ десятилѣтнихъ побѣдъ. Отъ нынѣшней политики лондонскаго кабинета можно ожидать лишь временнаго перемирія, обманчиваго и вѣроломнаго мира, во время котораго народныя богатства и возрождающійся флотъ были бы безъ защиты предоставлены зависти Англіи и уничтожены при первомъ случаѣ. Такимъ образомъ, при условіяхъ, которыя послужили бы основаніемъ договоровъ, на которые могъ-бы согласиться британскій кабинетъ, Россіи предстояло бы много выиграть, а Франціи много потерять. Одна упрочила бы свои приобретенія и снова завязала бы полезныя и прочныя сношенія, другая ввѣрила бы остатокъ своихъ капиталовъ слову своего врага, не имѣя возможности требовать какого-нибудь обезпеченія. Необходимы другія обстоятельства, новое царствованіе, новое министерство и иные взгляды въ Англіи, чтобы Франція могла надѣяться на прочный миръ. Война лучше перемирія на нѣсколько мѣсяцевъ, которое, при посредствѣ ложныхъ обѣщаній, только помогло бы обмануть мало обдуманную дѣятельность и нетерпѣливую жадность нашихъ торговцевъ.

Изъ этого правдиваго очерка слѣдуетъ, что явно противоположные интересы неизбежно приведутъ въ области политики къ болѣе или менѣе замѣтной оппозиціи между Франціей и Россіей. Поэтому-то,

Londres ne consentira, n'offrira même de garantir à la Russie les avantages dont on vient de parler, que pour enlever à la France le fruit de dix ans de victoires. On ne peut espérer de sa politique actuelle qu'une trêve passagère, une paix trompeuse et perfide, pendant laquelle les richesses nationales et la marine renaissante seraient livrées sans défense à la jalousie de l'Angleterre et détruites au premier signal. Ainsi la Russie a beaucoup à gagner et la France beaucoup à perdre, dans les conditions qui serviraient de base aux traités que pourrait consentir le cabinet britannique. L'une consoliderait ses acquisitions et renouerait des liaisons utiles et durables. L'autre livrerait le reste de ses capitaux à la foi de son ennemi, sans pouvoir en exiger aucune garantie; il faut des circonstances nouvelles, un nouveau règne, un ministère et des principes différents en Angleterre, pour que la France puisse espérer une paix solide. L'état de guerre vaut mieux qu'une trêve de quelques mois, qui ne servirait qu'à tromper, par de fausses promesses, l'activité peu réfléchie et l'impatiente cupidité de nos négociants.

Il résulte de cet exposé fidèle que des intérêts évidemment opposés amèneront forcément une opposition plus ou moins marquée dans la

не пренебрегая средствами продолжить союзъ, основаніе котораго рушится, не отказываясь даже совершенно от надежды найти въ переговорахъ съ британскимъ кабинетомъ какую-нибудь устойчивость, заранее приучимъ себя смотрѣть на Россію, какъ на естественную союзницу Англіи, и приготовимся бороться на континентѣ съ послѣдствіями сближенія между этими двумя державами, какъ только уже не въ нашей власти будетъ помѣшать ему.

Прежде у Франціи было три союзника, сдерживавшіе въ должныхъ границахъ колоссальную Имперію, которую Петръ Великій отяготилъ Европу. Всѣ трое продолжаютъ еще существовать, несчастные, ослабленные, унылые, но могущіе воспринять новую жизнь и даже быть возвращенными къ ихъ прежней политикѣ творческою рукою вашего величества.

1-ое. Турки. Турки первые заслуживаютъ нашего вниманія отчасти вслѣдствіе особенно выгоднаго положенія ихъ Имперіи, отчасти вслѣдствіе огромныхъ средствъ, которыми она располагаетъ. Тридцать лѣтъ поражений поддерживаютъ въ этомъ народѣ бессильную ненависть противъ его побѣдителей, но совершенно не поучаютъ его, какъ поправить понесенныя потери. Военное искусство дѣластъ у него лишь медленные успѣхи, невѣрные и часто опасные для тѣхъ, которые

politique de la France et de la Russie. Ainsi donc sans négliger les moyens de prolonger une alliance dont la base s'écroule, sans renoncer même tout à fait à l'espérance de trouver quelque sûreté dans une négociation avec le cabinet britannique, accoutumons nous d'avance à regarder la Russie comme l'alliée naturelle de l'Angleterre, et préparons nous à combattre sur le continent les résultats du rapprochement de ces deux puissances, dès qu'il ne sera plus en notre pouvoir de l'empêcher.

La France avait autrefois trois alliés qui contenaient dans de justes limites l'Empire colossal que Pierre le Grand a fait peser sur l'Europe. Tous les trois existent encore, malheureux, affaiblis, découragés, mais pouvant recevoir une nouvelle vie, et même être rendus à leur ancienne politique par la main créatrice de Votre Majesté.

1°) Les Turcs. Les Turcs méritent d'occuper les premiers, notre attention, soit à cause de la position superbe de leur Empire, soit à cause de ses immenses ressources. Trente ans de défaites nourrissent dans ce peuple une haine impuissante contre ses vainqueurs, mais ne l'éclairaient point sur les moyens de réparer ses pertes. Les arts de la guerre n'y font que des progrès lents, incertains et souvent dangereux pour ceux

покровительствуютъ имъ: доказательство -- недавняя катастрофа съ Му-стафой-Бафрактаромъ. Однако, дикая и недисциплинированная храбрость турокъ все-таки подаетъ нѣкоторыя надежды на успѣхъ: князь Багратионъ, русскій главнокомандующій въ Молдавіи, только-что испыталъ это на самомъ себѣ, я, къ тому же, изъ рядовъ янычаръ можетъ вдругъ выйти такой человекъ, какъ Гассанъ-паша; небольшое число французскихъ и германскихъ офицеровъ можетъ довести турецкую артиллерию до состоянія, въ которомъ ей окажется возможнымъ бороться съ успѣхомъ, и укрѣпить проходы, у которыхъ побѣдоноснымъ русскимъ придется остановиться. Слѣдовательно, въ военномъ отношеніи Оттоманская имперія не лишена различныхъ средствъ. Къ несчастію, Диванъ, слабый и продажный, безъ образованія и убѣжденій, поддается поочередно то страху, внушаемому его повелителемъ, то корыстнымъ подаркамъ иностранныхъ дворовъ. Характеръ султана Махмута еще ничѣмъ не проявилъ себя: до сихъ поръ онъ, повидимому, занятъ лишь заботою о продолженіи династіи, готовой угаснуть. Его министры, смѣняющіе другъ друга съ обгавленной кровью быстротою, почти одинаково боятся султана, янычаръ, французовъ, англичанъ и русскихъ. Нашъ союзъ съ петербургскимъ дворомъ подчинялъ ихъ на время вліянію Англій. Союзъ Англій съ Россіей быстро вернулъ бы намъ ихъ обратно. Поэтому дѣлѣ

qui les favorisent, témoin la catastrophe récente de Mustapha Bafractar. Cependant la valeur féroce et indisciplinée des Turcs laisse toujours quelques chances à la fortune. Le prince Bagration général des Russes en Moldavie, vient d'en faire l'épreuve; et d'ailleurs un homme comme Hassan Pacha peut sortir tout à coup des rangs des Janissaires; un petit nombre d'officiers français et allemands peut mettre l'artillerie turque en état de résister avec avantage, et fortifier les passages où les Russes victorieux viendraient s'arrêter. L'empire Ottoman n'est donc pas sans ressources possibles, sous le rapport militaire. Malheureusement, un Divan faible et corrompu, sans lumières et sans principes, cède alternativement à la terreur qu'inspire son maître et aux présents intéressés des Cours étrangères. Le caractère du Sultan Mamhoud ne s'est point encore manifesté au dehors: jusqu'à présent, il ne paraît occupé que du soin de perpétuer la race d'Ottoman, prête à s'éteindre. Ses ministres qui se succèdent avec une sanglante rapidité, craignent presque également le Sultan, les Janissaires, les Français, les Anglais et les Russes. Notre alliance avec la Cour de Pétersbourg les a livrés quelque temps à l'influence de l'Angleterre. L'alliance de l'Angleterre avec la Russie nous les ramènerait promptement. Deux objets d'une égale importance doivent donc être suivis à Constantinople:

цѣли одинаковой важности должны быть преслѣдуемы въ Константинополѣ.

Первая заключается въ томъ, чтобы протянуть войну турокъ съ русскими до тѣхъ поръ, пока значительная часть французской арміи необходима въ Испаніи и Португаліи, сохранить за собою посредничество при заключеніи договора, который явится слѣдствіемъ событій, и быть въ состояніи заставить турокъ снова взяться за оружіе, когда того потребуютъ обстоятельства, обѣщавъ имъ средства отвоевать провинціи, отъ которыхъ они были вынуждены отказаться.

Вторая цѣль, не менѣе важная и болѣе трудная, заключается въ томъ, чтобы незамѣтно склонить Порту уступить вашему величеству Морю и Кандію взамѣнъ помощи, которую она получала бы для того, чтобы снова завладѣть Малою Татаріей и Крымомъ, болѣе необходимыми для продовольствованія Константинополя. Здѣсь не мѣсто распространяться о прежнихъ планахъ на случай разрыва съ русскимъ дворомъ, заслуживающихъ особаго разсмотрѣнія. Но нынѣ же необходимо возобновить переговоры съ Портой, постараться страхнуть съ султана его апатію и, если уже миръ неизбѣженъ, постараться отбросить на англичанъ всю постыдную необходимость уступки Молдавіи и Валахіи. Лондонскій-ли кабинетъ, сблизившись съ петербургскими, открыто поддержать

Le premier est de prolonger la guerre entre les Turcs et les Russes, tant qu'une grande partie de l'armée française est nécessaire en Espagne et en Portugal, de se réserver la médiation dans le traité qui sera conclu à la suite des événements, et de se tenir en mesure de faire reprendre les armes aux Turcs, quand les circonstances l'exigeront, en leur promettant les moyens de reconquérir les provinces qu'ils auront été forcés d'abandonner.

Le second objet non moins important et plus difficile est d'amener insensiblement la Porte à céder à Votre Majesté la Morée et Candie en échange des secours qu'elle recevrait pour se remettre en possession de la petite Tartarie et de la Crimée, plus nécessaires aux approvisionnements de Constantinople. Ce n'est pas ici le lieu de s'étendre sur cet ancien projet, qui mérite d'être discuté séparément, dans le cas d'une rupture avec la Cour de Russie.

Mais il faut dès à présent reprendre les négociations avec la Porte, essayer de tirer le Sultan de son apathie, et si la paix est inévitable, rejeter sur les Anglais la honteuse nécessité de céder la Moldavie et la Valachie. Soit que le cabinet de Londres en se rapprochant de celui de Pétersbourg en appuie ouvertement les prétentions auprès du Divan, soit que les con-

его притязанія къ Дивану, или же основаніемъ будущаго договора послужать Тильзитское и Эрфуртское соглашенія, важно, чтобы Франція гарантировала султану неприкосновенность остальной части его владѣній и пробудила въ немъ надежду на помощь въ другое время. Со времени возвращенія генерала Себастьяни это щекотливое порученіе доверено г. Рюфонъ, исполняющему его съ большимъ талантомъ, не возбуждая вниманія русскихъ. Безъ сомнѣнія, ваше величество признаете, что пора предоставить этому агенту болѣе широкія полномочія; однако, я считаю необходимымъ дать возможность странному положенію Дивана нѣсколько выясниться и принять болѣе или менѣе опредѣленный характеръ: а то видѣ въ настоящее мгновеніе, когда Болгарія угрожаютъ русскіе, находящіеся въ открытой войнѣ съ англичанами, англійская эскадра морить голодомъ Константинополь, несмотря на союзъ султана съ лондонскимъ дворомъ. Если бы Англія и Россія были чистосердечны въ ихъ кажущихся расприхъ, то сила обстоятельствъ, болѣе могущественная, чѣмъ политическая ненависть, опять-таки отождествила бы ихъ интересы! Но существуетъ подозрѣніе, что англичане и русскіе поддерживаютъ тайныя сношенія черезъ Одессу, и выдержки изъ Константинопольской переписки, повергнутыя на благовозрѣніе вашего величества, подтверждаютъ эти предположенія. И какъ же объяснить иначе то, что происходитъ?

ventions de Tilsit et d'Erfurt servent de base au traité futur, il importe que la France garantisse au Grand Seigneur le reste de ses possessions, et lui fasse tacitement espérer des secours pour un autre temps. Depuis le retour de M. le comte de Sébastiani, cette mission délicate est confiée à M-r Ruffin qui la remplit avec beaucoup d'intelligence, sans éveiller l'attention des Russes. Votre Majesté jugera sans doute qu'il est temps de faire passer à cet agent des instructions plus étendues; je crois pourtant nécessaire de laisser l'étrange position du Divan s'éclaircir un peu et prendre quelque fixité: car, en ce moment, où la Bulgarie est menacée par les Russes qui sont en guerre ouverte avec les Anglais, une escadre Anglaise affame Constantinople, malgré l'alliance du Sultan avec la cour de Londres. Si l'Angleterre et la Russie étaient de bonne foi dans leurs querelles apparentes, la nature des choses plus forte que les haines politiques, leur donnerait donc encore des intérêts communs! Mais on soupçonne que les Anglais et les Russes ont eu des communications clandestines par Odessa et Kodgia bey, et les extraits de la correspondance de Constantinople, mis sous les yeux de Votre Majesté confirment ces conjectures. Eh! comment expliquer autrement ce qui se passe? Les Turcs ne font la guerre que pour conserver leurs provinces au delà du

Турки ведутъ войну лишь для сохраненія своихъ задунайскихъ провинцій, Франція двумя особыми договорами гарантировала Россіи обладаніе этими самыми провинціями, и Англія, признанный врагъ Россіи и Франціи, была бы прямо заинтересована поддерживать турокъ, а одна изъ ея эскадръ мореть голодомъ ихъ столицу! Это объясняютъ тѣмъ, что наши агенты, совмѣстно съ агентами Россіи, хотятъ принудить Диванъ подчиниться декрету, закрывающему континентъ для англійскихъ товаровъ. Но петербургскій кабинетъ, терпѣливо допускающій безпрерывныя нарушенія этого декрета въ Балтійскомъ морѣ, не сражается же у подножія Балканъ для того, чтобы заставить исполнять его въ портахъ Востока! Его цѣль—исторгнуть у турокъ пресловутую уступку Молдавіи, Валахія и Бессарабіи, и какъ разъ англичане всѣми зависящими отъ нихъ средствами поддерживаютъ усилія ихъ мнимыхъ враговъ, дѣлая видъ, что угрожаютъ имъ нападеніемъ на Черномъ морѣ. Ловушка поставлена грубо, такъ какъ англійская эскадра даже не тревожила береговъ Малой Татаріи и Крыма; она дѣйствуетъ лишь противъ своихъ союзниковъ и въ дѣйствительности способствуетъ осуществленію плановъ русскихъ, предоставляя министрамъ Порты на выборъ—голодь или уступку трехъ провинцій. Эта странная сцена, разыгрывающаяся подъ стѣнами Сераля, входитъ въ составъ великой политической комедіи, развязка которой приближается. Франція не дастся въ

Danube; la France par deux traités, particuliers, a garanti ces mêmes provinces à la Russie; l'Angleterre, ennemie déclarée de la Russie et de la France, aurait donc un intérêt manifeste à soutenir les Turcs, et l'une de ses escadres affame leur capitale! C'est, dit-on, parce que nos agents de concert avec ceux de la Russie, veulent forcer le Divan à se conformer au décret qui ferme le continent aux marchandises Anglaises. Mais le cabinet de Pétersbourg qui souffre patiemment les infractions continuelles que ce décret reçoit dans la Baltique, ne se bat pas au pied du mont Hémus pour le faire exécuter dans les ports du Levant: son but est d'arracher aux Turcs la cession fameuse de la Moldavie, de la Valachie et de la Bessarabie, et ce sont les Anglais qui favorisent de tous leurs moyens, les efforts de leurs prétendus ennemis, en faisant semblant de les menacer d'une attaque sur la mer Noire? Le piège est grossièrement tendu, car l'escadre anglaise n'a pas même insulté les côtes de la petite Tartarie et de la Crimée, elle n'agit que contre ses alliés et seconde réellement les projets des Russes, en mettant les ministres de la Porte entre la famine et la cession des trois provinces. Cette scène bizarre, qui se joue sous les murs du Sérail, appartient à la grande comédie politique dont le dénouement approche; la France n'en sera point la

обманъ, она не станеть ожидать, пока Россія и Англія сбросять маски и вернется къ своимъ прежнимъ связямъ, а главное—подготовить средства, чтобы противостоятъ неизбежному сближенію между лондонскимъ и петербургскимъ дворами.

2-е. Шведы. Послѣ турокъ наиболѣе заинтересованы въ сближеніи съ Франціей шведы, столь-же храбрые, какъ и первые Оттоманы, болѣе образованные, болѣе просвѣщенные, руководимые правительствомъ болѣе мудрымъ, но менѣе надежные и не слишкомъ покорные, раздѣленные между собою раздорами, безпокойные, продажные и почти лишены возможности выйти изъ ихъ настоящаго положенія, преисполненнаго безсилія и упадка. Тѣмъ не менѣе, въ Швеціи существуетъ народъ, и потребность имѣть свое отечество, въ крайнемъ случаѣ, можетъ породить здѣсь то же, что религіозный фанатизмъ часто дѣлаетъ у турокъ. Никогда еще положеніе страны не возбуждало болѣшихъ опасеній: потеря Финляндіи лишаетъ ее четверти населенія и силъ. Петербургъ приобрѣлъ обезпеченную границу, Стокгольмъ же не имѣетъ ея болѣе. Союзъ Англіи съ Россіей доведетъ опасность до крайности, и нельзя отрицать, что вывести Швецію изъ подобнаго положенія и возвратитъ ей независимость и безопасность является труднымъ дѣломъ даже для Франціи. Первый шагъ для достиженія этого заключается въ томъ, чтобы сплотить народъ противъ Рос-

dupe; elle n'attendra point que la Russie et l'Angleterre jettent le masque, pour revenir à ses anciennes liaisons, et se préparer partout des ressources contre le rapprochement inévitable des Cours de Londres et de Pétersbourg.

2°). Les Suédois. Après les Turcs, ceux qui ont le plus d'intérêt à se rapprocher d'elle, ce sont les Suédois, aussi braves que les premiers Ottomans, plus instruits, plus éclairés, gouvernés par un gouvernement plus sage, mais moins fidèles et peu soumis, divisés entre eux, remnants, corruptibles et presque sans moyens de sortir de leur état actuel de faiblesse et d'abaissement. Il y a pourtant une nation en Suède, et le besoin d'avoir une patrie peut faire ici, dans un cas extrême, ce que le fanatisme religieux fait souvent chez les Turcs. Jamais la position du pays ne fut plus allarmante; la perte de la Finlande lui enlève un quart de sa population et de ses forces; Pétersbourg a acquis une frontière, Stockholm n'en a plus. L'alliance de l'Angleterre avec la Russie rendra le péril extrême, et l'on ne peut nier que ce ne soit une entreprise difficile, même pour la France, de tirer la Suède d'une position pareille pour lui rendre son indépendance et la sécurité. Le premier pas à faire pour y parvenir, c'est de réunir la nation contre la Russie; d'étouffer dans les diètes et dans le Sénat l'esprit de faction que les trou-

сив, подавить въ сеймахъ и сенатѣ духъ партійности, порожденный гражданскими распрями и постоянно и тщательно поддерживавшійся петербургскимъ кабинетомъ, и, наконецъ, упрочить еще мало устойчивую власть новаго короля и его намѣченного преемника. Что же касается брака принцессы Летиція съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, предложеннаго графомъ Эссеномъ и барономъ Лагербельке, какъ лучшее средство для оживленія общественныхъ надеждъ и старинной привязанности шведовъ къ Франціи, ваше величество взвѣсите въ своей мудрости преимущества и опасности подобнаго шага, преждевременный блескъ котораго можетъ встревожить Россію и ускорить ея возвратъ къ Англіи. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить что то, что придаетъ нашимъ переговорамъ характеръ нерѣшительности, а иногда даже направление, обратное ихъ дѣйствительной цѣли, это то, что, постоянно имѣя въ виду время, когда Россія станетъ нашимъ врагомъ, мы должны, тѣмъ не менѣе, уважать въ императорѣ Александрѣ союзника вашего величества. Это политическое противорѣчіе постоянно вынуждаетъ насъ говорить такимъ языкомъ, который охлаждаетъ довѣріе правительствъ, готовыхъ отдаться намъ: оно стѣсняетъ всѣ наши дипломатическія сношенія и лишаетъ ихъ энергичнаго и открытаго характера, который болѣе приличествовалъ бы министрамъ величайшаго изъ государей. Это

bles civils ont fait naitre, et que le cabinet de Pétersbourg a toujours soigneusement entretenus; enfin de consolider la puissance encore mal assurée du nouveau Roi, et de son successeur désigné.

Quant au mariage de la princesse Laetitia avec le prince Royal de Suède que M. M. le comte d'Essen et le baron de Lagerbielke ont proposé, comme le meilleur moyen de ranimer les espérances publiques et l'ancien attachement des Suédois à la France, Votre Majesté pesera dans sa sagesse, les avantages et les dangers de cette mesure, dont l'éclat prématuré peut allarmer la Russie et précipiter son retour vers l'Angleterre. On est forcé d'observer ici que ce qui donne à nos négociations un caractère d'incertitude et quelque fois même un mouvement contraire à leur véritable objet, c'est qu'en prévoyant toujours l'époque où la Russie deviendra notre ennemie, nous devons pourtant respecter dans l'Empereur Alexandre l'allié de Votre Majesté.

Cette contradiction politique nous oblige à tenir sans cesse un langage qui arrête la confiance des gouvernements prêts à se livrer à nous: elle gêne tous nos mouvements diplomatiques et leur ôte cette énergique franchise qui conviendrait mieux aux ministres du plus grand des Souverains. C'est le résultat d'une alliance fondée sur des circonstances mobiles plutôt que sur des

является слѣдствіемъ союза, покоющагося скорѣе на измѣнчивыхъ обстоятельствахъ, чѣмъ на постоянныхъ интересахъ. Слѣдуетъ, въ концѣ концовъ, придерживаться по отношенію къ Швеціи, опредѣленной системы. Но что болѣе всего настоятельно необходимо, такъ это послать наблюдательнаго человѣка, который могъ бы въ точности ознакомить насъ съ настроеніемъ умовъ, съ политическими воззрѣніями наследнаго принца и съ средствами, которыми королевство располагаетъ еще. Лагербельке слишкомъ заинтересованъ, чтобы ему можно было легко вѣрить, а наши непосредственныя сношенія съ стокгольмскимъ дворомъ были слишкомъ долго прерваны, чтобы руководиться старыми данными о людяхъ и дѣлахъ. Миссія Дезаюжэ достигнетъ этой цѣли, не возбудивъ никакихъ опасеній. Слѣдуетъ ничѣмъ не торопиться на глазахъ и, такъ сказать, подъ пушками русскихъ. Отдавая еще на нѣкоторое время заключеніе Россіей мира съ Англіей и Портой, ваше величество обезпечиваете себѣ возможность покончить съ испанскимъ вопросомъ, прогнать англичанъ изъ Португалии и упрочить свое господство на западѣ и югѣ Европы. Можно опасаться, что этотъ великій планъ совершенно не будетъ выполненъ, и что первые успѣхи сдѣлаются бесполезными, если, въ случаѣ внезапнаго измѣненія положенія дѣлъ на сѣверѣ, ваше величество увидите себя вынужденнымъ направить свои войска въ Германію вмѣсто того, чтобы оставить ихъ на нѣкоторое время на Испанскомъ полуостровѣ. Но тѣсныя и открытыя сношенія, неожиданно

intérêts permanents. Il faut enfin s'attacher à un système positif relativement à la Suède: mais ce qui presse le plus, c'est l'envoi d'un homme éclairé qui puisse nous instruire fidèlement de la disposition des esprits, du caractère politique du Prince Royal et des ressources qui restent au Royaume. M-r de Lagerbielke est trop intéressé pour être cru légèrement, et nos communications directes avec la cour de Stockholm ont été trop longtemps interrompues pour s'en tenir aux anciennes données sur les hommes et sur les choses.

La mission du S-r Désaugiers remplira ce but sans exciter aucune inquiétude. Il convient de ne rien précipiter, sous les yeux, et pour ainsi dire, sous le canon des Russes. En éloignant encore pour quelque temps la paix de la Russie avec l'Angleterre et la Porte, Votre Majesté s'assure les moyens de terminer l'affaire d'Espagne, de chasser les Anglais du Portugal et d'affermir sa domination à l'Occident et au midi de l'Europe. Il serait à craindre que cette grande opération ne fut point finie, et que les premiers succès devinssent inutiles, si la face du Nord changeant tout à coup, Votre Majesté se voyait forcée de porter ses troupes en Allemagne, au lieu de les laisser quelque temps sur la péninsule

завязанныя съ Швеціей, могутъ побудить петербургскій дворъ съ одинаковой быстротою покончить свои распри съ Турціей и Англіей для того, чтобы располагать большими силами для удержа н і я Швеціи подъ своимъ игомъ, то поэтому и было бы благоразумно возбудить въ шведахъ надежды и дать имъ субсидіи, упрочить ихъ новое правительство, поддерживать озлобленіе, которое должна возбуждать потеря Финляндіи, но при всемъ томъ заключить явный союзъ съ этимъ пошатнувшимся престоломъ лишь послѣ того, какъ будетъ обезпечено спокойствіе Испаніи, и будутъ подготовлены затрудненія для Россіи на сѣверѣ, востокѣ и въ центрѣ Европы.

3-е. Поляки. Вотъ третій изъ старинныхъ союзниковъ Франціи противъ колоссальной Русской имперіи. Еще болѣе испытанный судьбою, чѣмъ остальные два, даже уничтоженный на нѣсколько лѣтъ, онъ обязанъ своимъ нынѣшнимъ существованіемъ лишь своей отвагѣ и предусмотрительной мудрости вашего величества. Польша воскресла въ герцогствѣ Варшавскомъ: армія въ 60.000 человекъ, готовая защищать свою независимость, подкрѣпляется вдобавокъ 40.000 саксонцевъ. Но слѣдовало бы соединить вмѣстѣ обѣ части новой монархіи, раздѣленныя прусской Силезіей. Повергнутые на благовозрѣніе вашего величества планы

Espagnole.—Or des liaisons étroites et publiques, subitement contractées avec la Suède, peuvent engager la cour de Pétersbourg à terminer avec la même rapidité ses différens avec la Turquie et l'Angleterre, afin d'employer de plus grandes forces à retenir la Suède sous le joug. Il est donc prudent de donner aux Suédois des espérances et des subsides, d'affermir leur nouveau gouvernement, de fomenter les ressentiments que doit exciter la perte de la Finlande, mais de ne contracter une alliance d'éclat avec cette couronne ébranlée, qu'après avoir assuré la tranquillité des Espagnes, et préparé des embarras à la Russie à l'Orient, au Nord et au centre de l'Europe.

3°). Les Polonais. C'est ici que se présente le troisième des anciens alliés de la France contre le colosse de l'Empire Russe.—Encore plus accablé que les deux premiers, anéanti même pendant plusieurs années, il ne doit son existence actuelle qu'à son courage et à la sagesse prévoyante de Votre Majesté. La Pologne est ressuscitée dans le Duché de Varsovie: une armée de 60.000 hommes, prête à défendre son indépendance, est encore soutenue par 40.000 Saxons. Mais il faudrait réunir les deux parties de cette monarchie nouvelle, séparées par la Silésie prussienne. Les projets soumis à Votre Majesté sur l'exécution de cette grande mesure sont le véritable complément du nouveau système Européen: ils méritent un examen détaillé.

осуществленія этой великой мѣры являются истиннымъ завершеніемъ новой европейской системы: они заслуживаютъ подробнаго рассмотрѣнія. Первый изъ этихъ плановъ, основанный на раздѣлѣ разбросанныхъ остатковъ Прусской монархіи, отдаетъ Силезію Саксоніи, воссоединяя такимъ образомъ нѣмецкія и польскія провинціи этого королевства, населеніе котораго достигло бы въ такомъ случаѣ до восьми слишкомъ милліоновъ жителей. Армія въ 140.000 человекъ защищала бы границы, выдвинутыя за Вислу, и служила бы первой преградой, противопоставленной нашествіямъ Россіи. Бранденбургъ, Померанія и Гаковерь, присоединенные къ владѣніямъ короля Вестфальскаго, значительно увеличили бы его силы и французское вліяніе на сѣверѣ. Данцигъ и Кенігсбергъ были бы объявлены имперскими городами, на подобіе Бремена, Гамбурга и Любека, состоящихъ подъ покровительствомъ Франціи. Берега Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, на протяженіи отъ Мемеля до Эмбдена, были бы тогда дѣйствительно закрыты для англійской торговли, и французскія таможи были бы прочно водворены на нихъ. Этотъ планъ вовсе не затрогиваетъ непосредственнымъ образомъ русской территоріи, но противопоставить честолюбію петербургскаго кабинета массы, способныя къ сильному сопротивленію; онъ лишаетъ кабинетъ единственнаго союзника, владѣнія котораго открываютъ ему дорогу въ Германію; онъ до такой степени ограничиваетъ его вліяніе въ Европѣ, что нельзя не сомнѣваться въ тѣхъ усиліяхъ, которыя онъ

Le premier de ces projets partage les restes épars de la monarchie Prussienne, donne la Silésie à la Saxe, réunit ainsi les provinces allemandes et les provinces polonaises de ce Royaume, dont la population s'éleverait alors à plus de huit millions d'habitants. Une armée de 140.000 hommes en protégerait les frontières portées au delà de la Vistule, et serait la première barrière opposée aux invasions de la Russie. Le Brandebourg, al Poméranie et le Hanovre, réunis aux États du Roi de Westphalie, augmenteraient considérablement ses forces et l'influence française dans le Nord. Dantzik et Königsberg seraient déclarées villes impériales, comme Brême, Hambourg et Lubeck, sous la protection de la France. Les côtes de la Baltique et celles de la mer d'Allemagne, depuis Memel jusqu'à Embden, seraient alors véritablement fermées au commerce anglais, et les douanes françaises y seraient établies d'une manière permanente.—Ce projet n'attaque point directement le territoire Russe, mais il oppose à l'ambition du cabinet de Pétersbourg des masses capables d'une puissante résistance; il lui enlève le seul allié dont les États lui ouvrent le chemin de l'Allemagne; il borne tellement

приложить, чтобы помѣшать его осуществленію, и вслѣдствіе этого опасно дать ему проникнуть въ этотъ планъ ранѣе того времени, когда явится возможность привести его въ исполненіе; впрочемъ, силы Франціи, употребленныя въ дѣло въ благоприятный моментъ и поддерживаемыя искусно ведеными переговорами, обезпечили бы успѣхъ этого плана, менѣе труднаго, чѣмъ это кажется.

Второй планъ, болѣе обширный, болѣе рѣшительный, быть можетъ, болѣе достойный генія вашего величества, возжегъ бы въ Европѣ послѣднюю континентальную войну: средства для его осуществленія просты сами по себѣ и, несмотря на его грандіозность, не представляютъ непреодолимыхъ трудностей, въ особенности, если привлечь къ нему Австрію. Этотъ планъ заключается въ воссоединеніи всей прежней Польши подъ управленіемъ Саксонскаго дома, различныя вѣтви котораго (альбертинская и эрнестинская) были бы призваны къ престолонаслѣдію въ порядкѣ первородства, а въ ожиданіи того были бы одѣлены въ Польшѣ богатыми удѣлами. Старостіи, коронныя имѣнія и нѣсколько земель въ Восточной Пруссіи были бы исключительно предназначены для образованія различныхъ удѣловъ для домовъ Веймарскаго, Готскаго, Кобургскаго, Мейнингскаго и Хильбургхаузенскаго, а равно такъ-же и для братьевъ царствующаго короля. Саксонія и маленькія княжества

son influence en Europe, qu'on ne peut douter de ses efforts pour en empêcher l'exécution, et qu'il est dangereux d'en laisser entrevoir la pensée avant l'époque même où elle pourrait se réaliser; du reste les forces de la France employées dans un temps favorable et secondées par des négociations bien dirigées, assureraient l'exécution de ce plan, moins difficile qu'elle ne le paraît.

Le second projet, plus vaste plus décisif, plus digne peut-être du génie de Votre Majesté allumerait en Europe la dernière guerre continentale: les moyens d'exécution sont d'une nature simple, et malgré son étendue, ne présentent pas de difficultés insurmontables, surtout en y intéressant l'Autriche. Ce projet consiste à réunir toute l'ancienne Pologne sous le gouvernement de Saxe, dont les différentes branches (des lignes Albertine et Ernestine) seraient appelées à la succession par ordre de primogéniture, et seraient en attendant appanagées richement dans le Royaume. Les starosties, les biens de la couronne et plusieurs territoires dans la Prusse orientale seraient uniquement destinés à former ces différents appanages pour les maisons de Weymar, de Gotha, de Cobourg, de Meiningen et d'Hilburghausen, ainsi que pour les frères du Roi régnant. La Saxe et les petites principautés des cinq branches Ernestines seraient réunies au Royaume de Westpha-

пяти эрнестинскихъ лѣній были бы присоединены къ королевству Вестфальскому, а Бранденбургъ образовалъ бы великое герцогство, которое досталось бы одному изъ принцевъ французскаго дома. Какъ вознагражденіе Австріи за потерю Галиціи, Силезіи и графство Глацъ являются равнозначущими послѣдней по территоріи, населенности и богатству. Не представлялось бы также невозможнымъ заплатить Австріи за ея дѣятельное участіе въ исполненіи этого плана частью Валахій и Сербіи. Такимъ образомъ Россія была бы отброшена къ своимъ прежнимъ границамъ и сохранила бы отъ своего полувѣковаго узурпаторства лишь Курляндію и провинціи, отнятыя отъ Оттоманской имперіи. Турки, пользуясь ослабленіемъ Россіи и всеобщимъ движеніемъ, направленнымъ противъ нея, могли бы восстановить свои границы до Днѣстра и, можетъ быть, даже до Днѣпра, теченіе котораго отъ его верховьевъ до Очакова должно было бы составлять русскую границу. Подробности этого плана и средства къ его выполненію при помощи оружія были повергнуты на благовозрѣніе вашего величества вмѣстѣ съ докладомъ о предложенной помощи и сношеніяхъ, завязанныхъ въ русской и австрійской Польшѣ. Безполезно обременять этии настоящимъ очеркомъ: я замѣчу только, что успѣхъ этого предпріятія навѣки упрочилъ бы зданіе новой имперіи, и что численность, храбрость, явное превосходство французской арміи, еще болѣе безспорное превосходство того, кто

lie, et le Brandebourg formerait un grand Duché qui passerait à un prince de la maison de France. Pour dédommager l'Autriche de la perte de la Galicie, la Silésie et le comté de Glatz offrent un territoire, une population et des richesses équivalentes. Il ne serait pas impossible de payer sa coopération active dans l'exécution de ce plan, d'une partie de la Valachie ou de la Servie. La Russie serait alors repoussée dans ses anciennes limites, et ne conserverait de ses usurpations depuis un demisiècle, que la Courlande et les provinces arrachées à l'empire Ottoman. Les Turcs, profitant de son abaissement et de l'attaque générale dirigée contre elle pourraient ramener leurs limites jusqu'au Dniester, peut-être même jusqu'au Borysthène, dont le cours, depuis sa source jusqu'à Oczakow, devrait être la frontière des Russes.—Les détails de ce plan et les moyens d'exécution qui seraient réunis à la force des armes, ont été mis sous les yeux de Votre Majesté avec le tableau des secours offerts, et des intelligences entretenues dans la Pologne Russe et dans la Pologne Autrichienne. Il est inutile d'en surcharger ce travail; j'observe seulement que le succès de cette entreprise consoliderait pour des siècles l'édifice d'une Europe nouvelle, et que le nombre, le courage, la supériorité décidée des armées françaises, la supériorité plus grande

руководить ею, сокровенныя желанія, готовность, энтузіазмъ поляковъ и ничтожество Пруссіи со времени Тильзитскаго мира не позволяютъ сомнѣваться въ успѣхѣ, если вѣнскій дворъ, соединенный съ французскимъ священными узами и его дѣйствительными интересами, пожелаетъ способствовать его осуществленію. Этотъ дворъ не долженъ забывать, что Россія вмѣшалась въ послѣднюю войну лишь для того, чтобы обогатиться на счетъ того послѣдняго, что оставалось у него, и отнять у него въ Галиціи 400.000 человекъ. То, что у него еще сохранилось въ Польшѣ, сжатое между русскими провинціями и герцогствомъ Варшавскимъ, полно дворянъ неблагонамѣренныхъ и болѣе чѣмъ подозрительной вѣрности. Поэтому-то онъ долженъ считать громаднымъ преимуществомъ обвинять своихъ новыхъ подданныхъ, оставшихся поляками, на провинцію, бывшую австрійской и долго помнившую это. Такимъ образомъ, онъ удовлетворитъ одновременно и давнишнее честолюбіе и справедливое чувство мести. Политическое неудобство для Франціи увеличить при этомъ объемъ Австріи въ Германіи прекрасно возмѣщается безчисленными выгодами этого плана, который безповоротно сосредоточилъ бы въ рукахъ вашего величества судьбы Европы. Тогда въ дѣйствительности была бы восстановлена имперія Карла Великаго, увеличенная и укрѣпленная просвѣщеніемъ десяти вѣковъ; тогда Россія была бы дѣйствительно отрѣзана отъ цивилизованной Европы, а Англія отъ конти-

encore de celui qui les dirige, le voeu, l'empressement, l'enthousiasme des Polonais et la nullité de la Prusse depuis la paix de Tilsit, ne permettent pas de douter du succès, si la cour de Vienne, attachée à la cour de France par un lien auguste et par son intérêt bien entendu veut y coopérer.

Cette cour n'oubliera point que la Russie n'est intervenue dans la dernière guerre que pour s'enrichir de ses dépouilles et lui enlever 400.000 habitans en Galicie. Ce qui lui reste en Pologne, resserré entre les provinces russes et le duché de Varsovie, est rempli de gentilhommes mal intentionnés et d'une fidélité plus que suspecte. Elle doit donc trouver un grand avantage à échanger de nouveaux sujets qui sont resté polonais, contre une province qui fut Autrichienne et qui s'en est souvenue longtemps. Elle satisfait à la fois une vieille ambition et une juste vengeance.—L'inconvénient politique pour la France d'augmenter ainsi la masse de l'Autriche en Allemagne, est bien compensé par les inombrables avantages de ce plan, qui fixerait irrévocablement dans les mains de Votre Majesté les destinées de l'Europe. Alors serait en effet rétabli l'Empire de Charlemagne, accru et fortifié par les lumières de dix siècles; alors la Russie

нента. Этотъ планъ можетъ казаться гигантскимъ, а онъ, однако, является лишь слѣдствіемъ довѣрія, которое должны возбуждать величайшія чудеса, сотворенныя гениемъ вашего величества.

Не желая предугадывать въ данномъ случаѣ рѣшенія вашей глубокой мудрости, и каковъ бы ни былъ выборъ, сдѣланный вами среди различныхъ повергнутыхъ на ваше благовозрѣніе плановъ, всегда останется безспорнымъ, что именно въ Польшѣ Франція найдетъ постоянно самыхъ полезныхъ союзниковъ для униженія русской державы и для спасенія Турціи и Швеціи отъ ига, угрожающаго имъ. Вотъ, гдѣ долженъ быть установленъ центръ равновѣсія сѣвера, столь необходимаго для спокойствія остальной Европы и для величія Франціи. Приходится признать, что при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ уничтоженіе бранденбургскаго дома является первымъ средствомъ къ установленію постоянного порядка вещей. При той системѣ, которая создана событіями и побѣдами вашего величества, Пруссія стала своего рода политической несообразностью. Вестфалія и Саксонія должны замѣнить это королевство въ отношеніи вліянія, завоеваннаго для него гениемъ одного монарха; но это вліяніе должно быть раздѣлено для того, чтобы оно снова не сдѣлалось опаснымъ и не приобрѣло слишкомъ большаго значенія, которое могло бы нарушить равновѣсіе въ пользу австрійскаго дома. Если по-

serait véritablement séparée de l'Europe civilisée, et l'Angleterre du continent.—Ce projet peut paraitre gigantesque; il n'est pourtant que le résultat de la confiance que doivent inspirer de plus grands prodiges, accomplis par le génie de Votre Majesté.

Sans vouloir préjuger à cet égard les résolutions de sa profonde sagesse et quelque soit le parti qu'elle choisisse entre les différents projets qui lui sont soumis, il reste toujours démontré que c'est en Pologne que la France trouvera toujours ses plus utiles auxiliaires pour abaisser la puissance russe, et pour sauver la Turquie et la Suède du joug dont elles sont menacées. C'est là que doit être établie la balance du Nord si nécessaire au repos du reste de l'Europe et à la grandeur de la France. On est forcé de reconnaître que, dans tous les cas la ruine de la maison de Brandebourg est le premier moyen d'établir un ordre de choses inaltérable. La Prusse est devenue une espèce de superfétation politique, dans le système créé par les événements et par les triomphes de Votre Majesté.—La Westphalie et la Saxe doivent remplacer ce royaume dans l'influence que le génie d'un seul monarque lui avait acquise; mais cette influence doit être divisée pour ne plus devenir dangereuse et pour ne pas ajouter un poids trop considérable dans la balance en faveur de la maison d'Autriche. Si les

выя обязательства, которыя ваше величество готовитесь заключить съ вѣнскимъ дворомъ, приведуть, какъ можно надѣяться, къ полному и обоюдному довѣрью между обоими правительствами, ваше величество можете сами поправить часть зла, которое ваши побѣды причинили Австрiи, но мы никогда не должны терять изъ виду важность иллирійскихъ провинцій и необходимость отдалить отъ береговъ Адриатики чужеземныя владѣнія. Благоразумiе не позволяеть усилить Австрiю въ нашемъ сосѣдствѣ и снова открыть ей прямое сообщенiе съ Англей; пусть она останется средиземной, и пусть ея честолюбiе ищетъ себѣ пищи или на сѣверѣ, или на востокѣ Венгрии, въ зависимости отъ судьбы, которую событiя подготавливать для Польши и Турци: именно противъ Россii она должна обратить соперничество, котораго уже не будетъ существовать болѣе между нею и Пруссiей. Подобная же политика будетъ руководить нашимъ образомъ дѣйствiй по отношенiю къ дрезденскому двору: саксонскiй домъ долженъ сосредоточить на Польшѣ всѣ свои вѣды, всѣ свои силы, всѣ надежды своего честолюбiя; приращенiя въ Германii (если не въ Силезii) отвлекли бы его отъ новой роли, дѣлающей изъ него передовую постъ противъ Россii. Ваше величество обезпечили себѣ особенное расположенiе со стороны барона Зенфта, въ настоящее время министра иностранныхъ дѣлъ въ Саксонii.

nouveaux engagements que Votre Majesté va contracter avec la cour de Vienne, amènent, comme il est permis de l'espérer, une confiance entière et réciproque entre les deux gouvernements, Votre Majesté peut réparer elle-même une partie du mal que ses conquêtes ont fait à l'Autriche; mais nous ne perdrons jamais de vue l'importance des provinces illyriennes, et la nécessité d'éloigner un territoire étranger des côtes Adriatiques. La prudence ne permet pas d'augmenter les forces de l'Autriche dans notre voisinage, et de lui rouvrir des communications directes avec l'Angleterre; qu'elle reste Méditerranée, et que son ambition se dirige, soit au Nord, soit à l'Orient de la Hongrie, suivant le sort que les événements feront à la Pologne et à la Turquie: c'est contre la Russie qu'elle doit tourner une rivalité qui n'existe plus entre elle et la Prusse.

Une politique semblable dirigera notre conduite envers la cour de Dresde: c'est vers la Pologne que la maison de Saxe doit porter toutes ses vues, toutes ses forces, toutes les espérances de son ambition; des accroissements en Allemagne (si ce n'est en Silésie) l'écarteraient de sa nouvelle destination qui en fait une sentinelle avancée contre la Russie. Votre Majesté s'est assurée des dispositions particulières du baron de Senfft, aujourd'hui

Это человекъ выдающійся по своему просвѣщенію и по своей честности. его личное состояніе, заключающееся въ земляхъ, лежащихъ возлѣ Лейпцига, и семейныя привязанности прикрѣпляютъ его къ Германіи, онъ скорѣе боится, чѣмъ желаетъ перенесенія царствующаго дома въ Польшу, и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ озаботиться, чтобы агенты Франціи въ Дрезденѣ и Варшавѣ не полагались бы всецѣло на него для развитія и расширенія нашихъ связей въ Литвѣ и русской Польшѣ. Но баронъ Зенфъ усердно будетъ содѣйствовать войнѣ, которая возбудитъ надежду присоединить географически герцогство Варшавское къ Саксонскому королевству путемъ приобрѣтенія Силезіи. Это излюбленная система дрезденскаго двора, который, впрочемъ, постоянно будетъ готовъ помогать Франціи, чтобы избавиться отъ несноснаго сосѣдства Пруссіи, чему уже наступила пора.

Въ ожиданіи неизвѣстнаго будущаго, которое рѣшить, долженъ ли онъ продолжать существовать, берлинскій дворъ живетъ между горькими сожалѣніями и слабыми надеждами. Онъ еще не совсѣмъ оправился отъ ошеломленія, въ которое погрузило его разрушеніе его могущества, съ такимъ трудомъ воздвигнутаго Фридрихомъ и столь неожиданно ниспровергнутаго вашимъ величествомъ. Повидному, прусскіе министры томятся тягостнымъ сновидѣніемъ, но истощеніе ихъ финан-

ministre des affaires étrangères en Saxe.—C'est un homme distingué par ses lumières et sa probité; sa fortune personnelle, qui est située aux environs de Leipzig, et ses affections de famille l'attachent à l'Allemagne; il craint plus qu'il ne le désire la translation de la maison régnante en Pologne, et sous ce rapport il convient que les agents de France à Dresde et à Varsovie ne s'en rapportent pas entièrement à lui pour étendre et multiplier nos rapports dans la Lithuanie et la Pologne russe. Mais le baron de Senft secondera vivement une guerre qui donnera l'espérance de joindre géographiquement le duché de Varsovie au royaume de Saxe par l'acquisition de la Silésie: c'est le système favori de la cour de Dresde, qui, du reste, sera toujours prête à servir la France pour se délivrer du voisinage importun de la Prusse à laquelle il est temps d'arriver.

En attendant un avenir incertain qui décidera si elle doit exister encore, la cour de Berlin vit entre des regrets amers et de faibles espérances. Elle n'est pas encore bien revenue de l'étourdissement où l'a jetée la ruine de sa puissance, élevée si péniblement par Frédéric, et si brusquement renversée par Votre Majesté. Les ministres prussiens semblent agités par un rêve pénible; mais l'épuisement de leurs finances, le déchirement de leurs provinces, l'occupation

совъ, раздробленіе ихъ провинцій, занятіе ихъ крѣпостей нашими войсками ежеминутно заставляють ихъ чувствовать дѣйствительность во образѣ ихъ слабости и безъ пользы предають ихъ во власть ярости, возбуждаемой сосредоточенною ненавистью. Бромгаузенъ, несдержанный характеръ котораго нѣсколько разъ давалъ возможность прорваться истиннымъ чувствамъ его двора, только что замѣненъ здѣсь Круземаркомъ, болѣе благоразумнымъ и умѣреннымъ. Но министру Пруссіи уже нечего болѣе сообщать намъ: тайна ея безсилія обнаружена передъ всею Европой. Она въ тягость своимъ сосѣдямъ, въ презрѣніи у своихъ враговъ и почти бесполезна для своихъ союзниковъ. Круземаркъ ничего не измѣнитъ въ ея положеніи.

Однако, напрашивается вопросъ, возбужденный предложеніями этого посредника, и который долженъ задержать насъ на мгновеніе. Въ случаѣ разрыва съ Россіей, какую пользу можетъ извлечь Франція изъ Пруссіи? Легко отвѣтить и судить объ этомъ.

Такъ какъ контрибуція, которая берлинскій дворъ долженъ заплатить Франціи, еще не выплачена вполнѣ, крѣпости Глоггау, Кюстринъ и Штеттинъ продолжаютъ оставаться въ нашихъ рукахъ и помѣщаютъ насъ въ центрѣ страны. Даже тѣсный союзъ съ Пруссіей не доставилъ бы намъ болѣшихъ выгодъ и потребовалъ бы отъ насъ пожертвовать уже имѣющимися. Ея истощенная казна не располагаетъ никакими финансовыми средствами, а вспомогательныя войска, которыя она можетъ

de leurs forteresses par nos troupes, leur font sentir à chaque instant la réalité de leur faiblesse, et les livrent inutilement à toutes les fureurs d'une haine concentrée. M-r de Brockhausen, dont le caractère violent avait plusieurs fois laissé transpirer les véritables sentiments de sa cour, vient d'être remplacé ici par M-r de Krusemarck, plus sage et plus mesuré. Mais un ministre de Prusse n'a plus rien à nous apprendre; le secret de son impuissance est révélé à l'Europe entière. Elle est à charge à ses voisins, méprisée de ses ennemis, et à peu près inutile à ses alliés. M-r de Krusemarck ne changera point sa situation.

Cependant il se présente une question que ce négociateur fait naître par ses propositions, et qui doit nous arrêter un moment. Dans le cas d'une rupture avec la Russie, quel parti la France peut-elle tirer de la Prusse? Il est aisé de répondre et de juger.

Les contributions que la cour de Berlin doit payer à la France, n'étant pas encore entièrement acquittées, les forteresses de Glogau, de Custrin et de Stettin sont toujours dans nos mains et nous placent au centre du pays. Une alliance étroite avec la Prusse ne nous procurerait pas de plus grands avantages et nous demanderait le sacri-

поставить, не превышають 30.000 человекъ, крайне дурно расположенныхъ къ намъ. На чемъ, къ тому же, поконились бы подобный союзъ? Или ваше величество соблаговолили бы купить вѣрность Пруссіи и возвратить ей обезпеченное существованіе на счетъ Саксоніи, Польши или Вестфалии? Одна мысль объ этомъ представляется нелѣпостью; государства, окружающія прусскую территорію, являются для насъ союзниками, несравненно болѣе полезными и несравненно болѣе честно преданными. Какъ бы Круземаркъ ни расцвѣчивалъ намѣреній своего двора, разрушеніе котораго онъ долженъ стараться предотвратить, все-таки ясно, что мы ничего не можемъ выиграть отъ союза съ нимъ, и что, напротивъ, для насъ важно, начавъ войну съ Россіей, отбросить Пруссію по другую сторону Вислы.

Правда, ея ненависть, получивъ свободу дѣйствій, вырвется безсильнымъ отчаяніемъ и, быть можетъ, дастъ Россіи нѣсколько тысячъ лишнихъ солдатъ, которыхъ ея живая дружба къ Франціи не дала бы послѣдней. Пятьдесятъ тысячъ пруссаковъ, въ случаѣ желанія, могутъ усилить собою русскую армію. Но какую помощь, въ формѣ денегъ или запасовъ, найдетъ она между Вислою и Нѣманомъ, несмотря на вѣрность этого блуждающаго двора? Франція же, напротивъ того, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, для возбужденія ревности и увеличенія силъ

— — — — —

fi ce de celui-ci. Son trésor épuisé n'offre aucune ressource de finances, et les troupes auxiliaires qu'elle peut fournir n'excèdent pas 30.000 hommes, fort mal intentionnés pour nous. Quel serait d'ailleurs le lien d'une pareille alliance? Votre Majesté daignerait-elle acheter la fidélité de la Prusse et lui rendre une existence assurée, au dépens de la Saxe, de la Pologne ou de la Westphalie? L'idée seule en est absurde; les États qui environnent le territoire prussien sont pour nous des alliés bien plus utiles et bien plus loyalement dévoués. De quelque manière que M-r de Krusemarck colore les intentions de sa Cour, dont il doit chercher à prévenir la ruine, il est clair que nous n'avons rien à gagner par son alliance, et qu'il nous importe au contraire de la rejeter au delà de la Vistule, en commençant la guerre avec la Russie.

A la vérité, sa haine mise en liberté d'agir, éclatera par un désespoir impuissant, et donnera peut-être à la Russie quelques milliers d'hommes de plus que sa fausse amitié n'en donnerait à la France.

Cinquante mille Prussiens, si l'on veut, pourront grossir les armées russes. Mais quelles ressources d'argent et de munitions trouveront-elles, entre la Vistule et le Niémen, malgré la fidélité de cette cour errante? La France, au contraire, au premier coup de canon, disposera du Brandebourg, de la Poméranie et de la

своихъ союзниковъ, будетъ располагать Бранденбургомъ, Помераніей и Силезіей. Она найдетъ въ этихъ трехъ провинціяхъ, въ особенности, въ послѣдней, кой-какія еще неисчерпанныя средства и обѣщанное вознагражденіе для дворовъ, которые окажутъ ей содѣйствіе. Польша, Саксонія, Вестфалія постоянно стремятся къ этому раздѣлу, который безспорно соблазняетъ также Данію и Австрію, и который заставляетъ всё государства Германіи примыкать къ Франціи въ ея планахъ противъ Англіи и Россіи. Могутъ ли подобныя выгоды быть уравновѣшены жалкою помощью въ 30.000 человекъ, которую Пруссія купила бы свое дальнѣйшее существованіе? Къ тому же слѣдуетъ еще замѣтить, что вслѣдствіе настроенія, которое берлинскій дворъ тщательно поддерживаетъ въ умахъ своихъ подданныхъ, самые храбрые солдаты и лучшіе офицеры его войскъ присоединились бы къ французамъ лишь для того, чтобы покинуть ихъ при первомъ же случаѣ и присоединиться къ ихъ врагамъ.

И такъ, не можетъ быть никакихъ дѣйствительныхъ выгодъ отъ измѣненія нашихъ теперешнихъ отношеній къ Пруссіи, и поэтому не стоитъ стараться привлечь ее на сторону Франціи и присоединить къ Рейнскому союзу: интересы ихъ слишкомъ различны, скрытая ненависть слишкомъ напряжена, а воспоминавія прошлаго слишкомъ мучительны. Но при всемъ томъ министръ вашего величества въ Берлинѣ долженъ проявлять достаточно большую бдительность. Первые признака тайнаго

Silésie, pour exciter le zèle et augmenter la force de ses alliés. Elle trouvera dans ces trois provinces, surtout dans la dernière, quelques moyens non encore épuisés, et les indemnités promises aux cours qui seconderont ses efforts. La Pologne, la Saxe, la Westphalie provoquent chaque jour ce partage, qui tentera certainement aussi le Danemarck et l'Autriche, et qui rattache toutes les puissances d'Allemagne à la cause de la France contre l'Angleterre et la Russie. De pareils avantages peuvent-ils être balancés par un misérable secours de 30.000 hommes, avec lequel la Prusse acheterait sa conservation? Encore faut-il observer que, d'après les dispositions que la cour de Berlin cultive soigneusement dans l'esprit de ses sujets, les plus braves soldats et les meilleurs officiers de ses troupes ne se réuniraient aux Français que pour les abandonner à la première occasion et se réunir à leurs ennemis.

Il n'y a donc aucune utilité réelle à changer nos rapports actuels avec la Prusse, pour tenter de l'attacher au système de la France et de la réunir à la confédération du Rhin. Les intérêts sont trop différents, les haines cachées trop actives, et les souvenirs trop douloureux. Mais le ministre de Votre Majesté à Berlin n'en a pas moins un cercle de vigilance

сближенія между дворами лондонскимъ и петербургскимъ должны обнаружиться въ Пруссіи. Графъ де-С.-Марзанъ уже представилъ полезныя донесенія о секретныхъ сношеніяхъ англичанъ съ берегами Курляндіи, Восточной Пруссіи и Прусской Ляввы. Онъ окажетъ еще болѣе важныя услуги, если ему удастся раскрыть предполагаемыя соглашенія, связующія тайнымъ образомъ петербургскій и берлинскій кабинеты, и важна не потому, чтобы было трудно судить о видахъ и чувствахъ этихъ кабинетовъ, а потому, что такимъ образомъ можно будетъ узнать, какъ далеко зашли ихъ взаимныя обещанія и обязательства? Какія надежды возбудилъ императоръ Александръ, до какого времени было признано необходимымъ выжидать? Какимъ образомъ предположили обмануть министровъ вашего величества? Вотъ щекотливые вопросы, на которые графъ де-С.-Марзанъ получилъ приказаніе обратиться свои разсѣдованія. Какъ только въ Лондонѣ закончится исполнѣніе организація министерства Уэльслея, кой-какія послѣдствія этого скажутся въ Петербургѣ и Берлинѣ: ихъ будутъ наблюдать и изучать всѣми прежними способами, къ которымъ постараются прибавить и новыя. Кабинетъ прусскаго короля болѣе доступенъ, чѣмъ кабинетъ русскаго императора. Несмотря на угрозы и наказанія, распредѣленныя наугадъ и ознаменовавшія собою возвращеніе въ Берлинъ, нѣ-

assez étendu. Les premiers symptomes d'un rapprochement secret entre les cours de Londres et de Pétersbourg doivent se manifester en Prusse. Déjà M-r le comte de S-t Marzan a donné des avis utiles sur les communications clandestines des Anglais avec les côtes de la Courlande, de la Prusse Orientale et de la Lithuanie prussienne. Il rendra des services plus importants, s'il peut découvrir les combinaisons éventuelles qui lient secrètement les cabinets de Pétersbourg et de Berlin, non qu'il soit difficile de juger de leurs vues et de leurs sentiments, mais jusqu'à quel point les promesses et les engagements réciproques ont-ils été portés?—Quelle espérance a donnée l'Empereur Alexandre, quelle époque a-t-on jugé nécessaire d'attendre? Par quelles démonstrations s'est-on proposé de tromper les ministres de Votre Majesté? Tels sont les points délicats sur lesquels M-r le comte de S-t Marzan a reçu l'ordre de diriger ses recherches. Dès que l'organisation du ministère Wellesley sera complètement terminée à Londres, quelques mouvements se feront sentir à Pétersbourg et à Berlin: ils seront observés et suivis par tous les moyens anciens, auxquels on s'efforce d'en ajouter de nouveaux. Le cabinet du roi de Prusse est plus accessible que celui de l'Empereur de Russie. Malgré les menaces et les punitions dirigées au hasard, qui ont signalé le retour à Berlin, plusieurs amis de la France n'ont été ni découverts,

сколько друзей Франціи не были ни открыты, ни приведены въ уныніе. Постоянныя благодѣянія со стороны вашего величества усиливаютъ ихъ ревность, и легко предвидѣть время, когда ихъ услуги пріобрѣтутъ болѣе значенія и болѣе кругъ дѣятельности.

Остается сдѣлать бѣглый обзоръ положенія Давіи, чтобы закончить потребованный вашимъ величествомъ общій отчетъ о политическомъ положеніи сѣверныхъ государствъ въ началѣ нынѣшняго года. Изъ всѣхъ союзниковъ Франціи въ этой части Европы Давія является единственнымъ изъ нихъ, который питаетъ по отношенію къ Англіи глубокое чувство злобы. Поэтому-то народъ, повидимому, относится къ мѣропріятіямъ, принятымъ противъ англійской торговли, съ такой же искренностию, какъ и государь, и, если исключить нѣсколькихъ купцовъ Альтоны, Тоннингена и Фленсбурга, увлеченныхъ жадностью, принесеніе въ жертву личныхъ интересовъ, привычекъ и прежнихъ удобствъ было честно выполнено датчанами. Новыя узмы, связующія ваше величество съ Австріей, позволивъ вамъ направить большую часть германской арміи въ Ганноверъ и на границы Голштиніи, безспорно будутъ способствовать поддержанію въ копенгагенскомъ дворѣ добрыхъ намѣреній по отношенію къ Франціи и его приверженности къ континентальной системѣ. Однако, необходимо замѣтить при этомъ, что Англія

ni découragés. Les bienfaits constants de Votre Majesté ajoutent à leur zèle, et l'on peut aisément prévoir l'époque où leurs services acquerront plus d'importance et d'activité.

Il reste à jeter un coup d'oeil rapide sur le Danemarck, pour achever le compte général, demandé par Votre Majesté, sur la situation politique des États du Nord, au commencement de cette année.—De tous les alliés de la France dans cette partie de l'Europe le Danemarck est le seul qui ait contre l'Angleterre des motifs d'un ressentiment profond. Aussi la nation paraît-elle d'aussi bonne foi que le Prince, dans les mesures prises contre le commerce britannique; et si l'on excepte quelques marchands d'Altona, de Toningen et de Flensbourg, séduits par la cupidité, le sacrifice des intérêts particuliers, des usages et des anciennes commodités a été fait loyalement par tout, les sujets Danois. Les nouvelles liaisons de Votre Majesté avec l'Autriche, lui permettant de porter la plus grande partie de l'armée d'Allemagne dans le Hanovre et sur les frontières du Holstein, contribueront sans doute à maintenir la cour de Copenhague dans ses bonnes dispositions à l'égard de la France et dans son adhésion au système continental.—Il est pourtant nécessaire d'observer que l'Angleterre a déjà fait plusieurs tentatives pour adoucir les ressentiments du Danemarck. Elle a

уже сдѣлала нѣсколько попытокъ смягчить злопамятство Данин. Она обращалась съ обитателями Исландіи и Ферейскихъ острововъ самымъ снисходительнымъ образомъ; ежедневно она отсылаетъ обратно плѣнныхъ датчанъ съ несомнѣнными знаками благоволенія; она часто входитъ въ сношенія съ самыми сѣверными портами Норвегій, въ силу ихъ положенія выходящими изъ сферы надзора нашихъ агентовъ, и неизвестно, какіе совѣты могли дойти до Копенгагена этимъ путемъ. Кромѣ того, въ рукахъ Англіи находятся острова св. Креста, св. Іоанна и св. Фомы изъ Антильскихъ, Тринкебаръ на берегу Короманделя и всѣ датскія факторіи въ обѣихъ Индіяхъ. Торговля столица страдаетъ отъ этой потери, и британскому министерству стоить лишь отдать приказаніе, чтобы утѣшить ее въ этомъ. Оно можетъ даже возвратитъ часть датскаго флота и спасти такимъ образомъ честь Данин безъ всякой опасности для Англіи. Наконецъ, русскій дворъ болѣе чѣмъ въ теченіе полувѣка оказываетъ на датскій дворъ могущественное вліяніе; нашъ союзъ съ петербургскимъ кабинетомъ много способствовалъ рѣшительности образа дѣйствій Данин противъ общаго врага. Но какъ только этотъ союзъ будетъ разорванъ, а политика новаго англійскаго министерства доставитъ Данин какое-нибудь удовлетвореніе, въ нашемъ распоряженіи для воздѣйствія на Копенгагенъ останется лишь страхъ французской арміи,

traité de la manière la plus favorable les habitants de l'Islande et des îles de Féroé; chaque jour elle renvoie les prisonniers danois avec une bienveillance marquée; elle communique fréquemment avec les ports les plus septentrionaux de la Norvège, éloignés par leur position de la surveillance de nos agents, et l'on ignore les avis qu'on a pu recevoir à Copenhague par cette voie. De plus, l'Angleterre tient en son pouvoir les îles de S-te Croix, de S-t Jean et de S-t Thomas, aux Antilles, Trinquebar, à la côte du Coromandel, et tous les établissements Danois dans les deux Indes. Le commerce de la capitale souffre de cette perte, et le ministère britannique n'a qu'à donner un ordre pour l'en consoler. Il peut même restituer une partie de la flotte danoise et sauver ainsi l'honneur du Danemarck, sans aucun danger pour l'Angleterre. Enfin la cour de Russie exerce, depuis plus d'un demi-siècle, une influence puissante sur celle de Copenhague; notre alliance avec le cabinet de Pétersbourg a contribué beaucoup aux résolutions énergiques du Danemarck contre l'ennemi commun. Mais cette alliance une fois rompue, et la politique d'un nouveau ministère anglais offrant une satisfaction quelconque au Danois, il ne nous resterait pour dominer à Copenhague que la crainte d'une armée française dans les Duchés de Holstein et de Sleswig. La Russie peut balancer cette crainte par une autre. Elle peut offrir à la

расположенной въ герцогствахъ Голштинскомъ и Шлезвигскомъ. Россія можетъ уравновѣсить этотъ страхъ другимъ. Она можетъ предложить Швеціи средства овладѣть Норвегіей въ вознагражденіе за Финляндію и такимъ образомъ принудить копенгагенскій дворъ выбирать между двумя одинаковыми опасностями. Возможно, что въ такомъ случаѣ узы крови, соединяющія три королевскія вѣтви голштинскаго дома, интересы приморской и торговой столицы, сознаніе безопасности, которое можетъ пробуждать положеніе острововъ Зеландіи и Фіоніи по отношенію къ государству безъ флота, сильно повліяють на датскій кабинетъ. И если онъ откажется сначала (что вѣроятно) присоединиться къ Россіи, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ потребуетъ для себя открытаго нейтралитета, несовмѣстимаго съ нынѣшней политикой Франціи, и что онъ кончитъ тѣмъ, что бросится въ объятія напихихъ враговъ.

Изъ этого очерка, основаннаго на перепискѣ министровъ вашего величества, аккредитованныхъ при сѣверныхъ дворахъ, и на секретныхъ донесеніяхъ, полученныхъ министерствомъ вѣнскихъ сношеній, видно:

1) что нашъ союзъ съ Россіей, несмотря на личный характеръ императора Александра, слѣдуетъ считать союзомъ непрочнымъ и близящимся къ своему концу;

2) что сближеніе петербургскаго и лондонскаго дворовъ, вызван-

Suède les moyens de s'emparer de la Norvège en dédommagement de la Finlande et forcer ainsi la cour de Copenhague à choisir entre deux périls égaux. Il serait possible que, dans ce cas, les liens du sang qui unissent les trois branches royales de la maison de Holstein, l'intérêt d'une capitale maritime et commerçante, la sécurité que peut inspirer la position des îles de Séelande et de Fionie contre une puissance sans marine, influassent fortement sur le cabinet Danois. Et s'il refusait d'abord (ce qui est probable), de se joindre à la Russie, il est au moins certain qu'il réclamerait une neutralité ouverte, incompatible avec le système actuel de la France, et qu'il finirait par se jeter entre les bras de nos ennemis.

Il résulte de ce travail, fondé sur la correspondance des ministres de Votre Majesté près les cours du Nord, et sur les rapports secrets parvenus aux Relations Extérieures:

1°) que notre alliance avec la Russie, malgré le caractère personnel de l'Empereur Alexandre doit être considérée comme précaire et touchant à sa fin.

2°) que le rapprochement des cours de Pétersbourg et de Londres,

ное различными обстоятельствами, не может быть отложено на очень долгое время и частью зависеть от состава и политики нового англійскаго министерства;

3) что на Пруссію, въ случаѣ разрыва съ Россіей, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на врага, такъ какъ для Франціи не представляетъ никакихъ выгодъ принудить ее примкнуть къ своей федеративной системѣ;

4) что Польша и Саксонія являются самыми полезными и вѣрными союзниками Франціи противъ Россіи и наиболѣе заинтересованными въ раздѣлѣ остатковъ Прусской монархіи;

5) что ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать для привлеченія къ себѣ Швеціи — путемъ ли субсидій, путемъ ли брака съ принцессой императорской фамилии; но нужно стараться, чтобы эти переговоры велись съ крайней осторожностью, чтобы не встревожить Россію и не ускорить ея примиренія съ Англійей и Портою до окончательнаго рѣшенія испанскаго и португальскаго вопросовъ;

6) что слѣдуетъ продолжать начатыя въ Константинополѣ переговоры и примерить ихъ той же завѣсью, какъ и переговоры, предложенныя Швеціей, до того мгновенія, когда можно будетъ войска, занятыя въ настоящее время по ту сторону Пиринеевъ, направить въ Иллирію и на сѣверъ Германіи;

7) что имѣются основательная надежда и средства привлечь Данію

provoqué par diverses circonstances, ne peut être différé très longtemps et dépend en partie de la composition et de la politique d'un nouveau ministère anglais.

3°) que dans le cas d'une rupture avec la Russie la Prusse doit être considérée comme ennemie, la France n'ayant nul intérêt à la faire entrer dans son système fédératif.

4°) que la Pologne et la Saxe sont l'allié le plus utile et fidèle de la France contre la Russie et le plus intéressé dans le partage des restes de la monarchie prussienne.

5°) qu'il ne faut rien négliger pour s'assurer de la Suède, soit par des subsides, soit même par un mariage avec une princesse de la famille Impériale; mais que cette négociation doit être conduite avec une extrême circonspection pour ne pas allarmer la Russie et précipiter sa paix avec l'Angleterre et la Porte avant la conclusion des affaires d'Espagne et de Portugal.

6°) qu'il faut suivre à Constantinople les négociations commencées et les couvrir du même voile que celles proposées par la Suède, jusqu'au moment où les troupes actuellement employées au delà des Pyrénées pourront se porter dans l'illyrie et dans le Nord de l'Allemagne.

и Австрію въ союзъ противъ Россіи и Англіи, но что этотъ вопросъ величайшей важности долженъ быть обсужденъ отдѣльно и послѣ тѣснаго сближенія, которое предстоящій бракъ вашего величества долженъ установить между вами и вѣнскимъ дворомъ. Планъ этого союза и его послѣдствія должны быть расширены или измѣнены въ зависимости отъ образа дѣйствій, который будетъ предпочтенъ по отношенію къ Пруссіи и Польшѣ.

Возможность переговоровъ, полезныхъ или безплодныхъ, съ англійскимъ министерствомъ составитъ предметъ втораго доклада, который явится дополненіемъ настоящаго.

Выдержки изъ дипломатической переписки и переписки секретной, повергнутыя на разсмотрѣніе вашего величества, представляютъ болѣе подробностей относительно лицъ, пользующихся какимъ-нибудь вліяніемъ при сѣверныхъ дворахъ; эти подробности подтверждаютъ общія положенія и частные выводы, легшіе въ основаніе настоящаго доклада.

7°) qu'il y a l'espérance fondée et les moyens d'engager le Danemarck et l'Autriche dans une alliance contre la Russie et l'Angleterre, mais que cet objet d'un intérêt majeur doit être traité séparément et d'après les communications intimes que le mariage prochain de Votre Majesté doit établir entre elle et la cour de Vienne. Le plan de cette alliance et ses résultats devant être étendus ou modifiés selon le parti qui sera préféré relativement à la Prusse et à la Pologne.

La possibilité d'une négociation utile ou illusoire avec le ministère anglais sera l'objet d'un second travail qui complétera celui-ci.

Les extraits de la correspondance diplomatique et de la correspondance secrète mis sous les yeux de Votre Majesté présentent plus de détails sur le personnel des individus qui ont quelque influence dans les cours du Nord; ces détails confirment les assertions générales et les conjectures particulières qui font la base de ce rapport.

О прическѣ дамъ.

Ордеръ господину приставу Литейной части Навроцкому.

27 октября 1797 года.

Усмотрѣно, что существуетъ между нѣкоторыми дамами мода въ одеждѣ, а паче въ прическѣ волосъ, подъ названіемъ алагилотинъ (à la guillotine) почему, вслѣдствіе предписанія господина военнаго губернатора графа Федора Федоровича Буксгевдена, господамъ приставамъ рекомендую жителямъ приличнымъ образомъ повѣстить, чтобъ никто въ публичныхъ собраніяхъ и обществахъ въ одеждѣ и прическѣ, называемой алагилотинъ не находился, за чѣмъ имѣть неупускаемый при-смотръ. Если же кто усмотрѣнъ будетъ, то съ вѣжливостію объяви о повелѣніи, входъ въ собранія и общества запрещать и о таковыхъ до-носить. Оберъ-полиціймейстеръ Муравьевъ.

Сообщилъ Д. Струковъ.

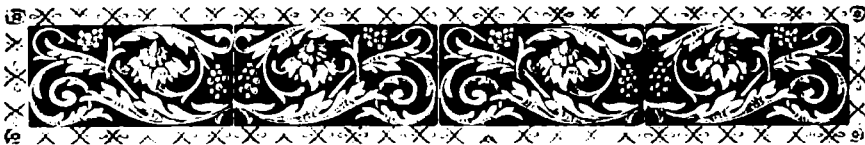
Приказъ Г. Р. Державина конторѣ графини Мусиной-Пушкиной Брюсь.

2-го января 1802 г.

По обязательству, вмѣсто уничтоженной по обоюдному согласію ея сятельства закладной, графу Ивеличу шесть тысячъ четыре ста рублеи капитальной суммы, и съ указными процентами, заплатить непременно всѣ сполна въ теченіи генваря мѣсяца сего 1802 года, и подлинное обязательство отъ графа Ивелича, по надраніи его, полу-чить обратно. Конторщику Зарубаеву на обратной путь отправить въ Брестъ-Литовской пять сотъ рублей. Къ графинѣ Катеринѣ Яковлевнѣ для собственнаго ея содержанія отправить въ Венецію на курсъ также въ генварѣ мѣсяцѣ непременно. Будѣ не случится въ приходѣ денегъ десяти тысячъ рублей, хотя уже отослать пять тысячъ рублей, и всѣ сіи суммы записать въ расходъ.

Гавриилъ Державинъ.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1825—1826 ГОДАХЪ.

(По дневнику П. Г. Дивова).

Иъствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ Павелъ Гавриловичъ Дивовъ родился въ 1765 году ¹⁾ и происходилъ изъ дворянъ Тверской губернии, Осташевского уѣзда.

По окончаніи воспитанія въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ, 1-го февраля 1785 года, былъ выпущенъ въ армію поручикомъ и въ мартъ того же года опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ. Въ этомъ званіи, въ 1789 году, онъ былъ отправленъ за границу съ эскадрою вице-адмирала Козлянинова, а въ слѣдующемъ, 1790 году, былъ переведенъ на эскадру вице-адмирала Круза, на которой оставался до окончанія кампаніи противъ Швеціи, причѣмъ участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ подъ Красною-Горкою и, по соединеніи ревальскаго флота съ кронштадтскимъ, — въ сраженіи въ Выборгской бухтѣ.

Пожалованный въ коллежскіе ассесоры, Дивовъ, по заключеніи мира съ Швеціею, былъ посланъ, въ сентябрѣ 1790 г., съ генералъ-майоромъ барономъ фонъ-деръ Паленомъ въ Стокгольмъ, для поздравленія съ установленнымъ миромъ. Изъ Стокгольма наша миссія отправилась въ Ахенъ вслѣдъ за шведскимъ королемъ Густавомъ III, для разрѣшенія разныхъ политическихъ вопросовъ. Въ июлѣ 1792 года Павелъ Гавриловичъ былъ вторично посланъ въ Стокгольмъ и состоялъ кавалеромъ посольства при тайномъ совѣтникѣ Дивовѣ, отправленномъ для поздравленія короля съ восшествіемъ на престолъ. Въ томъ же году, при отправленіи въ Варшаву съ посломъ графомъ Сиверсомъ, Павелъ Гавриловичъ пожалованъ въ совѣтники посольства и находился при посланникѣ до окончанія Гродненскаго сейма. Во время возмущенія въ Варшавѣ въ 1794 году П. Г. Дивовъ былъ заключенъ въ крѣпость и болѣе девяти мѣсяцевъ оставался въ заточеніи. По освобожденіи, онъ былъ пожалованъ въ канцелярію совѣтника, получилъ награжденія 3.000 рублей и посланъ былъ генералъ-фельдмаршаломъ Суворовымъ-

¹⁾ Въ формулярномъ спискѣ не указанъ точно годъ рожденія, но въ спискѣ, составленномъ въ 1839 году Павелъ Гавриловичъ показанъ 74 лѣтъ.

Рымникскимъ съ особеннымъ порученіемъ въ Краковъ, а по возвращеніи въ Варшаву, въ 1795 г., Дивову поручено было отобрать весь архивъ республики Польской и бібліотеку графа Залусскаго и отправить ихъ въ С.-Петербургъ. Едва Павелъ Гавриловичъ исполнилъ возможное на него порученіе, какъ былъ посланъ опять въ Краковъ, въ качествѣ полномочнаго комиссара по дѣлу о разграниченіи между вѣнскимъ и берлинскимъ дворами. По исполненіи этого порученія онъ въ 1797 г., былъ отправленъ въ Варшаву полномочнымъ комиссаромъ для разсмотрѣнія королевскихъ долговъ и бывшей республики Польской. Надо было много такта и усилій, чтобы исполнить такое порученіе съ успѣхомъ, и Павелъ Гавриловичъ сумѣлъ настолько побороть всѣ препятствія, что императоръ Павелъ, довольный результатами командировки, произвелъ Дивова въ статскіе совѣтники и пожаловалъ ему 300 душъ крестьянъ въ Гродненской губерніи. Въ 1804 году Павелъ Гавриловичъ былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, а въ 1805 г. принималъ дѣятельное участіе въ составленіи записокъ и инструкцій для посольства, отправленнаго въ Китай, за что и награжденъ табакеркою съ вензелемъ государя императора. Завѣдуя съ 1805 года секретнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Дивовъ въ декабрѣ 1819 года произведенъ былъ въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ сенаторомъ и съ оставленіемъ при томъ же министерствѣ. Съ 1820 года, почти ежегодно, за отъѣздомъ министра за границу, Дивовъ управлялъ по высочайшимъ повелѣніямъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и сверхъ того былъ дѣятельнымъ членомъ Человѣколюбиваго и медико-филантропическаго обществъ. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ въ составъ комиссіи для разбора дѣлъ ординаціи князей Радзивилловыхъ, и въ 1835 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; Павелъ Гавриловичъ скончался въ 1841 году.

Исполняя въ теченіе своей долгодѣтельной службы самыя разнообразныя порученія, встрѣчаясь и переписываясь со многими лицами, П. Г. Дивовъ велъ дневникъ и оставилъ послѣ себя большое собраніе бумагъ крайне разнообразныхъ и весьма важныхъ по содержанію ¹⁾. Въ дневникъ свой онъ вносилъ все, что видѣлъ самъ и слышалъ отъ другихъ, все что говорилось въ обществѣ и чѣмъ жила его современники.

Въ № 2 «Русской Старины» напечатана статья Н. К. Шилдера «Международствіе въ Россіи». Въ ней изложены событія и жизнь общества на основаніи официальныхъ данныхъ. Здѣсь же мы предлагаемъ вниманію читателя разсказъ посторонняго наблюдателя всего того, что происходило въ Петербургѣ въ 1825—1826 годахъ. Ред.

¹⁾ Какъ дневникъ, такъ и большинство рукописей П. Г. Дивова писаны по французски.

ДНЕВНИКЪ П. Г. ДИВОВА.

1825 годъ.

27-го ноября. При дворѣ получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра I, послѣдовавшей въ Таганрогѣ 19-го ноября въ 11 ч. 50 м. утра. Это извѣстіе было получено въ тотъ моментъ, когда начали служить молебствіе о здравіи покойнаго императора. Великій князь Николай Павловичъ велѣлъ остановить молебствіе, и надежда, которую всѣ еще питали, смѣнилась печалью и уныніемъ. Въ чрезвычайномъ собраніи Государственнаго Совѣта, несмотря на возраженія со стороны нѣкоторыхъ лицъ, было рѣшено вскрыть духовное завѣщаніе покойнаго государя. Государственный Совѣтъ увидавъ, что наслѣдникомъ престола назначенъ великій князь Николай Павловичъ и что имѣется отреченіе отъ престола великаго князя Константина Павловича, говорятъ, трижды предлагалъ великому князю вступить на престолъ, но онъ благоразумно отказался отъ него и первый присягнулъ своему брату, Константину, какъ законному наслѣднику престола. Его примѣру послѣдовалъ Государственный Совѣтъ, равно какъ и нѣкоторые другія лица, случайно бывшія въ этотъ моментъ во дворцѣ; къ 3¼, часамъ исполнили этотъ долгъ и всѣ войска, находившіяся въ Петербургѣ.

Такъ какъ извѣстіе о кончинѣ императора было получено въ пятницу, то въ этотъ день происходило общее собраніе правительствующаго сената. Министръ юстиціи, князь Лобановъ, прибывъ въ собраніе, объявилъ печальное извѣстіе и предложилъ намъ присягнуть законному наслѣднику престола Константину I. Сенатъ въ полномъ составѣ отправился въ сенатскую церковь, принеся обычную присягу и, возвратясь въ залу засѣданій, постановилъ равослать немедленно по всей имперіи указы о присягѣ новому императору. Въ тотъ же вечеръ его величеству было послано донесеніе обо всемъ происшедшемъ.

По этому поводу возникъ споръ объ отправкѣ съ этимъ извѣстіемъ сенатора; это предложеніе было сдѣлано Егоромъ Андреевичемъ Кушелевымъ, но съ нимъ никто не согласился. Я ему замѣтилъ, что такъ какъ извѣстіе о кончинѣ императора было сообщено сенату оберъ-прокуроромъ, то только ему можетъ быть предоставленъ и выборъ того лица, съ коимъ донесеніе о присягѣ будетъ послано императору. Не знаю какъ приметъ новый монархъ извѣстіе о своемъ вступленіи на престолъ, но полагаю, что, узнавъ подробно все происшедшее, онъ припомнитъ это

тому или тѣмъ, кто вскрылъ завѣщаніе и трижды предлагалъ престолъ его брату Николаю.

Мой зять, генералъ Стрекаловъ былъ посланъ по приказанію графа Милорадовича въ Царское Село и Стрѣльну, чтобы опечатать кабинеты императора Александра I. Его сопровождалъ камердинеръ покойнаго государя Воробьевъ.

О томъ, какимъ образомъ Константинъ Павловичъ былъ объявленъ Государственнымъ Совѣтомъ императоромъ, рассказываютъ во всеуслышаніе слѣдующее.

Собравшіеся члены Совѣта начали совѣщаться относительно пакета, оставленнаго на храненіе въ Государственномъ Совѣтѣ императоромъ Александромъ. Одни были того мнѣнія, что приличіе не вскрывать его, а другіе настаивали на противномъ. Графъ Милорадовичъ пошелъ узнавать мнѣніе великаго князя Николая Павловича, который объявилъ, что ему известно содержаніе пакета и что онъ не видитъ надобности вскрывать его; но князь Александръ Голицынъ настаивалъ на томъ. Тогда министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ замѣтилъ, что быть можетъ этотъ актъ по своему смыслу противорѣчить только что принесенной присягѣ. Надо замѣтить, что два члена Совѣта, графъ Литта и комендантъ крѣпости Сукинъ уже присягнули Константину. Наконецъ, послѣ долгихъ преній рѣшились вскрыть пакетъ на томъ основаніи, что на немъ было написано, что его слѣдуетъ вскрыть въ случаѣ кончины императора. По прочтеніи этого акта оказалось, что покойный императоръ назначилъ своимъ преемникомъ великаго князя Николая Павловича и что къ этому акту было приложено отреченіе отъ престола великаго князя Константина Павловича. Эта ложная мѣра, какъ и слѣдовало ожидать, поставила Совѣтъ въ величайшее затрудненіе. Князь Голицынъ предложилъ великому князю прочесть этотъ актъ и удостоился, какъ говорятъ, отъ него знаковъ особаго благоволенія. Слава Богу, что этотъ пакетъ не былъ вскрытъ сенатомъ, но по этому случаю нѣкоторые упрекали министра юстиціи.

Въ городѣ ходятъ разные толки по поводу того какъ это извѣстіе было принято при дворѣ, но по всему замѣтно, что страсти сильно разыгрались какъ между сторонниками великаго князя Николая Павловича, такъ и между приверженцами императора Константина. Первые надѣялись, что Константинъ откажется отъ престола, а благонамѣренные люди со страхомъ думали о томъ, какія это можетъ имѣть послѣдствія.

Обстоятельства, ознаменовавшія восшествіе на престолъ Константина I, дають поводъ ко всевозможнымъ предположеніямъ, въ конхъ довольно трудно разобраться.

Его брату, покойному императору Александру, вѣроятно, удалось добиться его отреченія отъ всероссійскаго престола не иначе, какъ путемъ

какихъ либо уступокъ желаніямъ Константина. Если причиною этого отреченія былъ его бракъ съ дѣвицей польскаго происхожденія, получившей титулъ княгини Ловичъ, то изъ этого слѣдуетъ, что было крайне неосмотрительно и неудобно разрѣшать ему столь продолжительное пребываніе въ Варшавѣ и дозволить организовывать эту страну такъ, какъ онъ ее организовалъ. Съ другой стороны, могъ ли онъ (императоръ Александръ), основываясь на этомъ вынужденномъ отреченіи назначить наследникомъ престола великаго князя Николая Павловича? Развѣ онъ не предвидѣлъ естественныхъ послѣдствій этого страннаго распоряженія, т. е. раздробленія имперіи? Если онъ сколько нибудь любилъ свое отечество, которое дало ему въ 1812 г. такія неоспоримыя доказательства своей преданности, то какимъ же образомъ могъ онъ хладнокровно подвергнуть Россію опасности междоусобной войны? Между тѣмъ это былъ государь чрезвычайно добрый, и никакъ нельзя допустить, чтобы имъ руководилъ такой странный эгоизмъ. Слѣдовательно разгадку всего этого слѣдуетъ искать въ особенностяхъ его характера.

И полагаю, что причиною болѣзни, такъ быстро унесшей его въ могилу во время его пребыванія въ Таганрогъ, было затруднительное положеніе, въ какомъ находились дѣла внутренняго и внѣшняго управленія. Прослѣдивъ всѣ событія этого царствованія, что мы видимъ? Полное расстройство внутренняго управленія, утрата Россіей ея вліянія въ сферѣ международныхъ сношеній и отсутствіе какихъ либо существенныхъ прибрѣтеній для государства въ будущемъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что во всѣхъ отрасляхъ администраціи накопилась такая масса горячаго матеріала, что онъ можетъ ежеминутно воспламениться. Исаакіевская церковь, въ ея теперешнемъ разрушенномъ состояніи, представляетъ точное подобіе правительства; ее разрушили, намѣреваясь на старомъ основаніи воздвигнуть новый храмъ изъ массы новаго матеріала и все это съ цѣлью сохранить частицу жалкаго зданія изъ мрамора. Это потребовало огромныхъ затратъ, но постройку пришлось приостановить, когда почувствовали какъ опасно воздвигать зданіе, не имѣя строго выработаннаго плана. Точно такъ-же идутъ и государственныя дѣла: нѣтъ опредѣленнаго плана, все дѣлается въ видѣ опыта, на пробу, всѣ блуждаютъ въ потьмахъ; разрушено все, что было хорошаго и прекраснаго и замѣнено пагубными новшествами, которыя зачастую оказываются чрезчуръ сложны и совершенно неудобносполнимы. Генералъ-губернаторамъ даютъ въ управленіе по 5-ти губерній, тогда какъ ни одно изъ назначенныхъ на эту должность лицъ не въ состояніи управлять и одной губерніей. Содержать милліонъ войска и даютъ унижать себя и кому же?—туркамъ! а почему? потому что боятся затронуть принципы легитимизма. Неужели не видать опасности, угрожающей намъ отъ размноженія сектъ, отъ расшатанности всѣхъ нравственныхъ устоевъ и

отъ униженія всего, что нѣкогда имѣло вѣсь и значеніе въ глазахъ людей. Судопроизводство парализовано различными учрежденіями, имѣющими характеръ законодательный; между тѣмъ эти учрежденія, проникнутыя духомъ якобинства, возбуждали всеобщую ненависть. Объяснить всѣ эти несообразности довольно трудно; ихъ можно только понять до нѣкоторой степени, допустивъ, что онѣ происходили отъ особенностей характера Александра I.

3-го декабря. Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ изъ Варшавы, но пока еще ничего не выяснилось. Извѣстно только, что императоръ Константинъ велѣлъ пустить себѣ кровь и удалился въ свои покои, приказавъ никого не допускать къ себѣ. Также изъ Москвы есть извѣстіе, что князь Голицынъ¹⁾, получивъ увѣдомленіе о кончинѣ императора, ожидалъ семь дней извѣстій изъ Петербурга и былъ настолько уменъ, чтобы не вскрыть духовнаго завѣщанія, несмотря на всѣ настоянія митрополита Филарета.

4-го декабря. Въ общемъ собраніи сената, происходившемъ въ этотъ день, Дмитрій Сергѣевичъ Ланской предлагалъ сенату объявить подписку на сооруженіе памятника Александру I. Онъ прочелъ свое предложеніе въ замѣнательствѣ. Когда онъ окончилъ чтеніе, въ залѣ водворилось глубокое молчаніе. Ланской удалился, а собравшіеся начали подавать свое мнѣніе. Почти всѣ присоединились къ его предложенію, только была замѣнена надпись на памятникѣ. Онъ предлагалъ: «Влагословенному Александру I народъ»; это было замѣнено словами: «Александру I Россія». Все это должно быть представлено на высочайшее утвержденіе.

5-е декабря. Аракчеевъ вновь вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Удивительно, что этотъ человекъ, потерявшій голову когда умерла его экономка и любовница, выказалъ полнѣйшее равнодушіе по случаю кончины своего друга, императора Александра I (который называлъ его постоянно этимъ, весьма мало имъ заслуженнымъ именемъ).

Въ столицу вернулся Магницкій, интриганъ, бывшій попечителемъ Казанскаго университета и пользовавшійся поддержкою Аракчеева. Милорадовичъ приказалъ ему выѣхать изъ города.

Великій князь Михаилъ уѣхалъ въ Варшаву, какъ сказано въ официальныхъ извѣстіяхъ, по желанію своей матери, съ успокоительными вѣстями объ ея здоровьи. Слѣдовательно пріѣзда императора нельзя ожидать ранѣе 22-го или 24-го числа сего мѣсяца. Это странное отношеніе къ народу непостижимо.

6-е декабря. День св. Николая чудотворца вызываетъ на умъ воспоминаніе о блестящей эпохѣ царствованія Екатерины II. Кто бы могъ подумать, что съ этимъ именемъ будутъ связаны когда либо опасенія.

¹⁾ Московскій генералъ-губернаторъ.

Допустивъ, что императоръ Константинъ пожелаетъ отречься отъ русскаго престола, естественно приходитъ на умъ, какая будетъ дальнѣйшая судьба этого императора, а равно—имѣеть ли право и можетъ ли естественный его преемникъ согласиться на уступки, которыя несомнѣнно были бы пагубны для имперіи. Никакое раздробленіе Россіи не можетъ быть допущено..') Въ состояніи ли Николай Павловичъ объявить, что онъ не допуститъ раздробленія имперіи? Видите, въ какое ужасное положеніе будетъ повергнута имперія вълѣдствіе необдуманнаго поступка покойнаго государя.

Говорятъ, будто великій князь Михаилъ Павловичъ не присягалъ еще новому императору, или присягнулъ ему тайно. Къ чему распространяють подобныя слухи? Это доказываетъ, что страсти разыгрались, что кто нибудь изъ придворныхъ интригановъ хотѣлъ бы поддержать слухъ объ устраненіи Константина отъ престола и возвести на него Николая, коимъ они надѣются управлять по желанію, преслѣдуя свои разрушительныя цѣли изъ фанатизма, овладѣвшаго мѣстками и. Эта гнусная язва подтачивала послѣдніе 15-ть лѣтъ царствованія Александра и вконецъ потрясла бы основы государства, если бы его царствованіе продолжалось еще лѣтъ пять. Поборники православія, борвшіеся съ этою язвою,—такіе же фанатики, которые сбивали съ толку Александра. Онъ лавировалъ между этими подводными камнями, въ существованіи которыхъ онъ самъ былъ виноватъ, и не въ силахъ былъ выйти на истинный путь.

10-е декабря. Графъ Нессельроде пригласилъ меня къ себѣ и попросилъ доставить ему документы съ извѣщеніемъ о кончинѣ императора и о восшествіи на престолъ его преемника, которые были разосланы по случаю кончины Павла I. Затѣмъ разговоръ коснулся текущихъ событій.

— Существуетъ еще одно весьма затруднительное обстоятельство, сказалъ я,—а именно, въ случаѣ отреченія Константина: 1) гдѣ будетъ его мѣстопробываніе и 2) какой будетъ его титулъ, ибо онъ сдѣлается частнымъ человѣкомъ и, отказавшись отъ престола, не можетъ управлять ни по гражданской, ни по военной части.

Графъ видимо раздѣлялъ мое мнѣніе. Наконецъ я сказалъ, пожимая его руку:

— Надѣюсь, мы васъ не лишимся.

— Богъ знаетъ,—отвѣчалъ онъ,—что съ нами будетъ.

13-е декабря. Госпожа Клейнмихель сообщила мнѣ, что графъ Аракчеевъ бываетъ по вечерамъ у великаго князя Николая Павловича и у императрицы. Она спросила, какъ я думаю, удержится ли графъ при

') Точки въ подлинникѣ.

новомъ царствованіи? Я отвѣчалъ утвердительно, основываясь на томъ, что онъ пользовался уваженіемъ императоровъ Павла и Александра.

14-е декабря. Въ ночь съ 13-го на 14-е декабря пріѣхалъ изъ Варшавы великій князь Михаилъ Павловичъ съ извѣстіемъ объ отреченіи Константина отъ престола. Въ 7 часовъ утра было приказано собраться сенату, коему былъ прочитанъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I съ титуломъ императора всероссійскаго, короля польскаго и великаго князя финляндскаго. Также была прочитана переписка обоихъ братьевъ относительно престолонаслѣдія, окончившаяся отреченіемъ Константина. Затѣмъ всѣ отправились въ сенатскую церковь и присягнули императору Николаю I и его сыну Александру, какъ наслѣднику престола. Я пріѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ, но вторымъ присягнулъ новому императору. Любопытно знать, какимъ титуломъ будетъ именоваться Константинъ Павловичъ: императорскимъ величествомъ или императорскимъ высочествомъ? Признаюсь, я не думалъ, что у Константина Павловича хватитъ характера отказаться отъ престола. Онъ не разъ порадуется этому со временемъ, въ особенности въ виду разстройства, въ какомъ оказались дѣла внутренняго управленія послѣ кончины Александра I.

Увидимъ, каковы будутъ первыя дѣйствія новаго императора. Лишь бы не усилился мистицизмъ, и войска остались ему вѣрными.

14-го декабря, въ день восшествія на престолъ императора Николая I, намъ было приказано собраться во дворецъ къ 2-мъ часамъ. Я пріѣхалъ въ половинѣ втораго и засталъ во дворцѣ большинство сенаторовъ и членовъ Государственнаго Совѣта, но около двухъ часовъ въ залахъ дворца было замѣтно волненіе, свидѣтельствовавшее о какомъ либо происшествіи: вскорѣ всѣ громко стали передавать другъ другу вѣсть о возмущеніи двухъ батальоновъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Они явились на Сенатскую площадь, построили батальонъ въ каре и упорно отказывались присягнуть тому, кто послѣ отреченія Константина былъ ихъ законнымъ императоромъ, утверждая, что считаютъ законнымъ монархомъ Константина. Императоръ Николай I старался всевозможными мѣрами кротости вернуть ихъ къ исполненію долга, но все было напрасно. Наконецъ, около пяти часовъ онъ приказалъ стрѣлять картечью, которой мятежники были разсѣяны; ихъ преслѣдовала конная-гвардія. Митрополита также просили усмирить мятежниковъ; но это ему не удалось точно такъ-же какъ и другимъ преданнымъ слугамъ законнаго правительства. Генераль-губернатора Милорадовича постигло несчастье; ему была нанесена смертельная рана, какъ говорятъ штыкомъ. *) Генераль Фредериксъ раненъ однимъ изъ заговорщиковъ, офи-

*) Это не вѣрно, онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета.

церомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, саблею по головѣ; квартирмейстеръ Александровъ убитъ на-поваль такъ-же какъ и нѣкоторые другіе офицеры, фамиліи коихъ неизвѣстны. Около 200 человекъ заговорщиковъ убито или ранено картечью; нѣсколько солдатъ Семеновскаго полка также убито или ранено бунтовщиками. Виновниками всѣхъ этихъ несчастій называютъ слѣдующихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ заговора: оберъ-офицеровъ князя Щепина-Ростовскаго, Бестужева, Якубовича, которые будто бы уже арестованы. Я горю объ императорѣ; онъ не заслужилъ подобнаго несчастья въ день своего восшествія на престолъ, которое совершилось вполне законнымъ образомъ, должно было соотвѣтствовать желаніямъ народа и представляло въ лѣтописяхъ исторіи изумительный и единственный доблестный примѣръ величайшей добродѣтели. Дай Богъ, чтобы онъ не возненавидѣлъ людей и отдалъ бы справедливость преданности истинно добрыхъ-русскихъ.

Молебствіе, отслуженное по случаю восшествія на престолъ, было сокращено и продолжалось минутъ 5 или 10 не болѣе; многотіе было провозглашено только императору Николаю. Меня особенно поразило то обстоятельство, что болѣе 60 дамъ сохраняли полное спокойствіе среди всеобщей сумятицы; это объясняется вѣроятно тѣмъ, что имъ не было извѣстно о существованіи опасности.

Императоръ шелъ на молебствіе подъ руку съ императрицею, своей супругой. Вдовствующая государыня на молебнѣ не присутствовала.

15-го декабря. Передъ дворцомъ и сенатомъ всю ночь находились патрули и стояли бивуакомъ войска. Часу въ одиннадцатомъ ко мнѣ заѣхалъ мой зять, генералъ-адъютантъ Стрекаловъ. Я поздравилъ его съ производствомъ и узналъ отъ него, что главными заговорщиками и виновниками мятежа въ нѣсколькихъ полкахъ были: полковникъ князь Трубецкой, зять графа Лавала, въ домъ котораго происходили собранія заговорщиковъ, бывший вице-губернаторъ Горскій, князь Оболенскій адъютантъ Дибича, четыре брата Бестужевы, служившіе въ разныхъ полкахъ и князь Щепинъ-Ростовскій и что всѣ они арестованы въ ночь съ 14-го на 15-е число и отвезены въ крѣпость; наконецъ, что бунтовавшіе солдаты съ отчаянія плачутъ въ казармахъ и что во время бунта замѣчено много статскихъ, стрѣлявшихъ изъ пистолетовъ; одинъ изъ нихъ убитъ Милорадовичъ. ¹⁾

Обсуждая вопросъ о заговорѣ, составленномъ вышеупомянутыми лицами при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ, невольно удивляешься тому, что такого незаконнаго и совершенно ничтожнаго повода было доста-

¹⁾ Авторъ дневника писалъ по слухамъ, и потому многое оказалось невѣрнымъ съ дѣйствительностью. Тѣмъ не менѣе дневникъ этотъ даетъ намъ прекрасную картину тѣхъ впечатлѣній, которыми жило общество. Ред.

точно, чтобы затѣять столь легкомысленно переворотъ. Вѣроятно это былъ только предлогъ, коимъ замаскированъ якобинскій замыселъ, сорванный въ этихъ сумасбродныхъ головахъ. Не малую роль при этомъ играли, безъ сомнѣнія, подстрекательства иностранцевъ, что доказываютъ знакомства офицеровъ гвардейскаго экипажа съ этими негодями, которые давали имъ читать сочиненія о свободѣ и т. п. Ужасная картина рисуется, когда подумаешь, какія послѣдствія могъ имѣть заговоръ, ежели бы къ зачинщикамъ мятежа присоединилось большое количество войска.

16-го декабря. Обнародовано письмо великаго князя Константина Павловича къ министру юстиціи, князю Лобанову, которымъ онъ извѣщаетъ его, что имъ получено съ г. Никитиньскъ не принадлежащее ему донесеніе, адресованное на имя его императорскаго величества; да-дѣе онъ говоритъ, что сенатъ, какъ блюститель закона, не долженъ бы забывать смысла императорской присяги, въ которой говорится, что присягаютъ государю и наследнику, коего онъ назначитъ, а такъ какъ покойный государь оставилъ на храненіе въ сенатѣ актъ такого же содержанія, какой былъ вскрытъ въ Совѣтѣ, то и сенату слѣдовало поступить точно такъ же. Въ заключеніе онъ подтвердилъ еще разъ свое отреченіе отъ престола и благодарилъ сенатъ за участіе, выказанное къ его особѣ¹⁾. Это письмо имѣло гораздо болѣе значенія, нежели манифестъ и всѣ приложенія къ нему. Напрасно его не обнародовали до катастрофы 14-го числа. Это лучше всего убѣдило бы тѣхъ, кто пыталъ какія-либо сомнѣнія, и не дадо бы возможности заговорщикамъ-якобинцамъ воспользоваться невѣдѣніемъ войскъ.

17-го и 18-го декабря. Описаніе злополучнаго событія 14-го числа напечатано на русскомъ и французскомъ языкахъ. Редакція его безупречна; не знаю, на какомъ основаніи сенату воспрещена продажа печатнаго текста письма великаго князя Константина Павловича къ министру юстиціи.

Я узналъ 17-го числа, что присяга въ военныхъ поселеніяхъ обшла благополучно; весьма благоразумно, что это не было поручено ни графу Аракчееву, ни Клейнмихелю. Приведеніе поселянъ къ присягѣ было возложено на моего зятя генерала Стрекалова, который отправился въ военныя поселенія 15-го числа, а 17-го вернулся обратно.

Я слышалъ, между прочимъ, странный анекдотъ о полковникѣ Булатовѣ, командовавшемъ Егерскимъ полкомъ въ Финляндіи. Онъ явился 15-го числа во дворецъ, потребовалъ, чтобы его допустили къ императору, и объявилъ, въ присутствіи 25 человекъ, что онъ былъ 14-го числа во время мятежа подлѣ его величества вооруженный двумя пистолетами и книжаломъ.

¹⁾ См. также „Рус. Стар.“ 1897 г. № 2. стр. 216.

— Теперь дѣлайте со мною, чтѣ хотите (сказалъ онъ), но я имѣю вамъ сдѣлать секретныя сообщенія.

Императоръ прошелъ въ сосѣднее зало вмѣстѣ со своимъ братомъ Михаиломъ, гдѣ Булатовъ сообщилъ имъ, что имѣлъ сказать. Это осталось тайномъ.

19-го декабря. Я слышалъ, что вдовствующая императрица писала своему сыну Константину, совѣтуя ему пріѣхать лично въ Петербургъ, чтобы подтвердить свое отреченіе отъ престола, а великій князь отвѣчалъ, что было бы слишкомъ много требовать отъ него, чтобы онъ собственноручно возвелъ своего брата на престолъ.

Многіе осуждали Милорадовича за то, что онъ поступалъ непредусмотрительно, и приписывали ему всѣ бѣдствія несчастнаго событія 14-го декабря. Я узналъ также, что мой племянникъ Василій оказался виновнѣе, нежели думали вначалѣ: Надобно полагать, что онъ сбить съ толку чтеніемъ какихъ-либо запрещенныхъ книгъ и пересталъ окончательно бывать у меня для того, чтобы свободнѣе предаться своимъ нелѣпымъ либеральнымъ идеямъ.

Говорятъ также, будто заговорщики намѣревались 13-го числа посягнуть на жизнь императорской фамилии, такъ какъ одинъ изъ нихъ, конногвардеецъ, князь Одоевскій, занималъ въ этотъ день караулъ во дворцѣ, но прочіе заговорщики предпочли привести свой ужасный замыселъ въ исполненіе среди бѣла дня.

20-го декабря. Мнѣ передавали также, какъ былъ принятъ Константиномъ прокуроръ Никитинъ, посланный съ донесеніемъ сената о принесеніи ему присяги. По разсказамъ, онъ пріѣхалъ (въ Варшаву) вечеромъ, въ десятомъ часу.—Великій князь приказалъ ему сначала отдохнуть въ одной изъ комнатъ его дворца, куда его и отвели.—На слѣдующій день онъ былъ допущенъ на аудіенцію въ десятомъ часу утра, въ дорожномъ костюмѣ, засталъ въ сборѣ важнѣйшихъ сановниковъ, которые были въ мундирахъ при шарфахъ точно такъ-же какъ и великій князь. Послѣдній объявлялъ въ ихъ присутствіи, что онъ отрекся отъ престола и не можетъ принять донесенія съ титуломъ императорскаго величества, который ему не принадлежитъ; что онъ не можетъ вступить на престолъ по тремъ причинамъ: 1) вслѣдствіе своего развода, 2) по причинѣ своего брака и 3) вслѣдствіе одной тайны, которую онъ не можетъ открыть. Тотъ же Никитинъ разсказываетъ, что поляки носили его на рукахъ по пути въ Варшаву; когда же разнеслась вѣсть объ отреченіи цесаревича, то они плакали не стѣсняясь. Сегодня вечеромъ ожидали извѣстій изъ Москвы, гдѣ должны быть произведены аресты—на основаніи разоблаченій, обнаруженныхъ при разсмотрѣніи бумагъ заговорщиковъ. Опасались извѣстій изъ 2-й арміи, но въ 1-ой арміи повидимому были вполне увѣрены.

*

21-го декабря. Сегодня хоронили графа Милорадовича. Тѣло его стояло въ Казанскомъ соборѣ, а оттуда перевезено для отпѣванія и погребенія въ Невскую-Лавру. На похоронахъ присутствовалъ императоръ и его братъ Михаилъ. Все обошлось какъ слѣдуетъ; только при выходѣ изъ собора дипломатическій корпусъ былъ немного стѣсненъ народомъ, который спѣшилъ выйти изъ церкви.

22-го декабря. Получено извѣстие, что штабъ 1-ой арміи присягнулъ императору. Московское дворянство поднесло графу Комаровскому, за привезенное имъ извѣстие, шкатулку съ 20 тысячами рублей, а купечество поднесло ему серебряную вазу съ 1.000 рублями. Приверженцы илюминатовъ превозносятъ до небесъ поведеніе митрополита Филарета, ихъ сторонника и креатуру, за то, что онъ приступилъ съ церемоніей къ вскрытію подлиннаго завѣщанія императора Александра, хранившагося въ Успенскомъ соборѣ.

Несмотря на столь благополучныя извѣстія, Петербургъ находится въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Видимо, опасаются новой вспышки. Надзоръ учрежденъ весьма бдительный, но слишкомъ явный; слѣдовало бы дѣйствовать болѣе тайно, чтобы это было не такъ замѣтно. Въ арсеналѣ изготовили нѣсколько зарядовъ съ картечью. Признаюсь, такое положеніе вещей огорчаетъ меня тѣмъ болѣе, что аресты продолжаютъ. Даже внукъ знаменитаго Суворова замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ ¹⁾. Говорятъ, что императоръ работаетъ 14 часовъ въ сутки.

25-го декабря. Въ этотъ день при дворѣ былъ выходъ. Императоръ присутствовалъ на литургіи съ императрицей, своей супругою, безъ матери. Царедворцы были желдовольны его мрачнымъ видомъ. Ходятъ всевозможные рассказы о разныхъ выдающихся личностяхъ, замѣшанныхъ въ преступномъ заговорѣ. Называютъ графа Воронцова и сына князя Лопухина. Говорятъ, что командиръ Конногвардейскаго полка Орловъ возведенъ въ графское достоинство для отличія его отъ брата Михаила, который сильно скомпрометированъ. Генералы Бенкендорфъ и Комаровскій получили Александра Невскаго; Голицынъ получилъ Андреевскую ленту. Говорятъ, что тѣло покойнаго императора прибудетъ въ Петербургъ къ 25-му февраля.

Я слышалъ, что разбирательство дѣла, нарушившаго общественное спокойствіе 14-го декабря, возложено на князя Голицына (Александра) и генерала Левашева.

Обнародовано письмо великаго князя отъ 20-го декабря, изъ Варшавы, служащее отвѣтомъ на императорскій рескриптъ, коимъ онъ былъ извѣщенъ о вступленіи Николая Павловича на престолъ. Въ этомъ письмѣ, написанномъ чрезвычайно напыщеннымъ слогомъ, Констан-

¹⁾ См. „Рус. Стар.“ 1896 г. № 6. стр. 458.

тинъ говоритъ, что «его величество (Николай) послѣдовалъ волѣ покойнаго императора» и что, «сноспѣшествуя со своей стороны исполненію этой воли», онъ «исполнилъ только долгъ свой, долгъ вѣрнѣйшаго подданнаго, предавнѣйшаго брата, долгъ россиянина, гордящагося счастьемъ повиноваться Богу и государю.

«Милосердіе всемогущаго Творца, столь пекущееся о Россіи и величественномъ престолѣ ея, столь обильно излившееся всѣмъ благодати на народъ, сохранявшій законъ его, будетъ вождемъ, будетъ наставникомъ вашимъ, всемилостивѣйшій государь!»

Далѣе, онъ предлагалъ свои услуги, чтобы облегчать бремя правленія, и кончилъ письмо пожеланіемъ долгоденствія императору и чтобы его слава переходила въ роды родовъ.

Повидимому, всѣ были въ восторгѣ отъ этого письма; мнѣ кажется, что оно было обнародовано съ цѣлью показать людямъ недоброжелательнымъ и войску, что Константинъ признаетъ своего брата законнымъ монархомъ, каковымъ онъ и есть въ дѣйствительности, послѣ всего случившагося.

Въ ночь съ 25-го на 26-го арестованъ прокуроръ нашего 3-го департамента Краснокутскій, бывшій полковникъ въ одномъ изъ полковъ второй арміи, расположенной въ южныхъ губерніяхъ. Я видѣлъ этого прокурора нѣсколько дней передъ тѣмъ въ сенатѣ; онъ былъ чрезвычайно мраченъ, что возбудило во мнѣ подозрѣніе насчетъ его участія въ заговорѣ; вѣроятно онъ зналъ, что его подозрѣваютъ.

27-го декабря. Я посѣтилъ статсъ-секретаря Кикина; у него толковали о томъ, о семъ, но я видѣлъ, что эти люди не оставили мысли погубить князя Голицына (Александра), покровителя иллюминатовъ, какъ они его называютъ. Отзывались также весьма неодобрительно о графѣ Кочубеѣ, намекая на то, что и онъ принадлежитъ къ партіи, стремящейся разрушить существующій порядокъ. Отъ Кикина я отправился къ министру юстиціи, князю Лобанову, который сообщилъ мнѣ, что онъ арестовалъ Краснокутскаго и что этотъ прокуроръ призналъ себя виновнымъ въ замыслѣ, имѣвшемъ цѣлью возмутить вторую армію.

Говоря о производимомъ по этому дѣлу слѣдствіи и зная, что князь былъ невысокаго мнѣнія о военномъ министрѣ Татищевѣ, которому поручена эта печальная обязанность, я позволилъ себѣ высказать сожалѣніе по поводу того, что слѣдствіе по этому заговору не было возложено на него. Онъ отгѣчалъ съ величайшей поспѣшностью, что дѣло не можетъ быть въ лучшихъ рукахъ, ибо императоръ лично присутствуетъ при допросахъ; отозвался съ большою похвалою объ умѣ императора, объ его желаніи, чтобы все дѣлалось какъ слѣдуетъ, но высказалъ опасеніе, какъ бы столь усиленная дѣятельность

не повредила его здоровью. Затѣмъ онъ сказалъ, что государь очень внимателенъ къ старымъ слугамъ; на что я отвѣчалъ:

— Горе монарху, который не сумѣетъ отдать справедливость такимъ прекраснымъ и преданнымъ слугамъ какъ онъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Лобановъ прочелъ мнѣ записку отъ императора, который приглашалъ его заѣхать къ нему часу въ одиннадцатомъ вечера. Записка эта была написана въ такомъ тонѣ, какъ будто императоръ не приказывалъ, а совѣтовался съ княземъ Лобановымъ и просилъ его пріѣхать въ этотъ поздній часъ, предоставляя на его собственное усмотрѣнiе пріѣхать или нѣтъ. Князь, равно какъ и всѣ остальные, въ восторгѣ отъ того, что для преобразования флота выборъ палъ на адмирала Сенявина; онъ высказалъ по этому случаю, что покойнаго государя обманули, желая добиться назначенiя Моллера, на дочери котораго женился статсъ-секретарь Муравьевъ, и что это человекъ неспособный.

30-го декабря. За мною прислалъ графа Нессельроде. Онъ передалъ мнѣ связку писемъ на польскомъ языкѣ, найденныхъ въ бумагахъ заговорщиковъ Рылѣва, Лаппа-Горскаго и присланныхъ, кажется, отъ императора, поручивъ мнѣ составить имъ списокъ и сдѣлать изъ нихъ выдержка. Я сказалъ, что это будетъ готово завтра. Онъ отвѣчалъ, что это не къ спѣху

— Все равно, сказалъ я.—Я не люблю мѣшкать и примусь за работу тотчасъ.

Дѣйствительно, хотя въ пакетѣ было около 80 писемъ, я просидѣлъ надъ этой работой около 10 часовъ и, окончивъ ее, отослалъ князю ¹⁾ на слѣдующее утро, часу въ десятомъ. Я спросилъ его, правда ли, что сынъ князя Лопухина находится въ числѣ либераловъ; онъ подтвердилъ это присвокупивъ, что его отецъ этого не знаетъ. Онъ подтвердилъ также, что къ числу либераловъ принадлежитъ одинъ изъ графовъ Бобринскихъ и что заговорщики составили проектъ конституцiи для ограниченiя монархической власти. Уходя, я поцѣловалъ его, поздравивъ съ тѣмъ, что онъ остается въ нашемъ министерствѣ, я сообщилъ ему, что противъ него сильно интригуютъ; онъ отвѣчалъ, что эти интриги ему извѣстны; на этомъ нашъ разговоръ кончился.

1826 годъ.

1-го января. Графъ Нессельроде возвратилъ мнѣ бумаги, письменнo передавъ приказанiе императора перевести *in extenso* письма Нѣмце-

¹⁾ Фамилiя пропущена.

вича къ Рыльеву, его отвѣтъ и письма жены Горскаго къ мужу изъ Москвы. Я окончилъ работу въ тотъ же день и отослалъ ее графу 2-го числа въ десятомъ часу.

3-го января. Аресты продолжаются. Въ числѣ арестованныхъ называютъ графиню Лаваль. Миѣ передавали также, что графъ Аракчеевъ былъ очень обласканъ императоромъ, но что несмотря на все выказанное ему довѣріе и на старанія его друзей, которые уговаривали графа не порывать связи съ дворомъ, онъ рѣшилъ окончательно не вмѣшиваться болѣе въ дѣла; любимецъ его, генералъ Клейнмихель виѣлъ уже три раза аудіенцію у императора.

4-го января. Императоръ и императрицы побывали безо всякой свиты на биржѣ, гдѣ они были встрѣчены восторженно. Имъ прокричали «ура!»; они милостиво благодарили и уѣхали.

5-го января. Сегодня появилась въ газетахъ статья, въ которой объявлено во всеобщее свѣдѣніе, что заговорщики намѣревались истребить царскую фамилію и всѣхъ тѣхъ, кого они не считаютъ своими со-общниками. Объявляютъ обнародовать въ подробности весь процессъ и примѣрно наказать виновныхъ.

8-го января. Говорятъ, что въ этотъ день прибыло семь экипажей съ лицами, арестованными въ провинціи.

По вопросамъ внѣшней политики сносятся по-прежнему съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и, повидимому, желаютъ знать по этому предмету его мнѣніе.

9-го января. Развѣслась вѣсть о возстаніи Черниговскаго полка, который причисленъ ко 2-ой арміи и стоять въ Васильковѣ, небольшомъ городкѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева. Во-первыхъ, полкъ не желалъ присягать императору Николаю подъ тѣмъ предлогомъ, что уже совершилъ присягу Константину, кромѣ того, онъ требовалъ конституціи и, наконецъ, провозгласилъ Славяно-русскую республику¹⁾. Полкъ былъ усмирень силою оружія послѣ упорнаго сраженія; городъ Васильковъ разорень, многіе жители убиты мятежниками, и самихъ мятежниковъ убито довольно много. Въ преступленіи обвиняютъ двухъ братьевъ Муравьевыхъ-Апостоловъ, изъ коихъ одинъ застрѣлился.

11-го января. Говорятъ, что императоръ получилъ два анонимныхъ письма; въ одномъ изъ нихъ ему намекаютъ, что опасно казнить публично виновныхъ въ возмущеніи 14-го декабря, а въ другомъ его предупреждаютъ, что онъ окруженъ самыми завзятыми главарями якобинской партіи. Я слышалъ въ тотъ же день, что были безпорядки въ колоніи воспитательнаго дома въ Смоленской губерніи, что они начались еще во время проѣзда по колоніи покойнаго императора, но были вы-

¹⁾ Все это не болѣе какъ ложный слухъ.

званы единственно суровымъ обращеніемъ управляющаго колоніями на-
дворнаго совѣтника Хрущова.

16-го января. Кажется опасались какихъ-либо безпорядковъ во время похоронъ императора Александра; въ обществѣ всѣ стали держать себя осторожнѣе.

19-го января. Со времени востшествія на престолъ молодого монарха приказы о производствѣ такъ и сыпятся въ сенатъ, какъ-будто всѣ начальники департаментовъ поставили себѣ за право испросить для своихъ подчиненныхъ какія-либо милости, на три-четверти ими не заслуженныя.

20-го января. Императоръ роздалъ при высокаторжественной и печальной церемоніи всѣмъ полкамъ мундиръ своего покойнаго брата, за исключеніемъ однихъ лейбъ-гренадеръ и Московскаго полка, которые участвовали въ возмущеніи 14-го декабря. Говорятъ, что во внутреннихъ губерніяхъ возмутилось нѣсколько полковъ, въ томъ числѣ военныя поселенія на Украинѣ.

29-го января. Я былъ съ визитомъ у прусскаго посланника Шолера; онъ коснулся прежде всего текущихъ дѣлъ и событій 14-го декабря. Затѣмъ высказалъ мнѣ, что дипломатическій корпусъ въ Берлинѣ былъ чрезвычайно удивленъ, когда король прусскій повелѣлъ своему сыну, принцу Вильгельму, отправиться въ Петербургъ, чтобы поздравить сначала императора Константина, а затѣмъ императора Николая; что посылку королевскаго принца считаютъ лестью, изображающею Пруссію какъ бы вассальнымъ государствомъ Россіи; что когда было получено извѣстіе объ отреченіи Константина, то принцу Вильгельму было повелѣно изъ Берлина отправиться сначала въ Варшаву. Это доставило, по словамъ генерала Шолера, великому князю Константину Павловичу величайшее удовольствіе. Австрія, не желая быть въ долгу, послала со своей стороны въ Россію эрцгерцога Фердинанда д'Эсте, но онъ не поѣхалъ въ Варшаву. Наконецъ Шолеръ сообщилъ мнѣ, что принцъ Оскаръ сюда не прійдетъ, такъ какъ въ Швеціи узнали, что пріѣздъ принца Вильгельма Прусскаго былъ только естественнымъ послѣдствіемъ родственныхъ отношеній, а не любезности.

Затѣмъ онъ завелъ рѣчь объ актахъ, кои обусловливаются порядкомъ престолонаслѣдія въ Россіи, и выразилъ желаніе имѣть копію съ указа, изданнаго Петромъ Великимъ въ то время, когда его сынъ, царевичъ Алексѣй, оказался недостойнымъ престола, а также съ указа, касающагося императорской фамиліи. Я обѣщавъ доставить ему тотъ и другой актъ; мнѣ показалось какъ будто прусскій посланникъ нѣсколько сомнѣвался въ отреченіи великаго князя Константина Павловича. Поэтому я постарался объяснить ему, что обнародованное (нѣсколько поздно) письмо великаго князя къ министру юстиціи Лобанову

было формальнымъ отреченіемъ, освободившимъ всѣхъ русскихъ подданныхъ отъ присяги, принесенной Константину, и что вслѣдствіе этого документа вступленіе на престолъ императора Николая есть событіе незаконнѣйшее; наконецъ, что для Россіи весьма важно, что его императорское высочество, въ порывѣ великодушія, отказался отъ престола и первый присягнулъ своему брату Константину, ибо такимъ образомъ соблюденъ актъ, предшествовавшій распоряженію Александра и оставленный на храненіе въ Москвѣ при коронаціи императора Павла, соблюдать который присягала въ то время вся Россія.

Рассказываютъ о разныхъ арестахъ, между прочимъ объ арестованіи одного монаха, который предсказалъ: 1) кончину императора Александра въ 1825 г., такъ какъ онъ принадлежалъ къ заговору царубійца, и 2) будто бы онъ предсказалъ, что его величество императоръ Николай Павловичъ будетъ царствовать всего 10 лѣтъ.

Говорятъ также, что князь Яковъ Лобановъ, братъ министра юстиціи, и сенаторъ Сумароковъ позволили себѣ написать императору письмо совѣтуя ему возстановить прежній¹⁾

30-го января. Правительство обнародовало подробности заговора 14-го декабря, изложивъ между прочимъ и сумасбродные проекты негодаевъ, хотѣвшихъ взволновать имперію, но ни одинъ изъ заговорщиковъ не названъ по имени.

1-го февраля. Оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ смѣненъ. На его мѣсто назначенъ генераль Борисъ Княжнинъ. Отставка Шульгина вызвана, вѣроятно, его небрежнымъ отношеніемъ къ службѣ въ бытность еще московскимъ полиціймейстеромъ.

Я наблюдалъ за тѣмъ, какъ императоръ относится къ приближеннымъ и министрамъ, и замѣтилъ, что онъ старается до нѣкоторой степени уравнивать ихъ значеніе. Лаская Аракчеева за его дѣятельность по военнымъ поселеніямъ, онъ какъ будто этимъ давалъ почувствовать его противнику князю Голицыну, что, несмотря на благоволеніе ему оказываемое, онъ не можетъ рассчитывать на удаленіе отъ дѣлъ Аракчеева. Послѣдняго призывали, съ нимъ совѣтывались, не придавая этому особаго значенія, но этого достаточно для того, чтобы держать Голицына на сторожѣ. Такъ-же относились и къ Шишкову, протавнику Голицына. Князю Лобанову, министру юстиціи, также оказывали довѣріе, не подавая ни малѣйшей надежды, что ему уластся имѣть болѣе вліянія, нежели Аракчееву. Устойчивѣе всѣхъ казалось положеніе министра финансовъ Канкринна. Министръ внутреннихъ дѣлъ—политѣйшее ничтожество (Ланской). Военный министръ временно имѣлъ вліяніе (Татищевъ), чѣмъ онъ обязавъ слѣдственной комиссіи по дѣлу

¹⁾ Эта фраза въ подлинной рукописи недокончена.

14-го декабря, но отъ него какъ будто хотѣли отдѣлаться, замѣнивъ его человѣкомъ болѣе дѣятельнымъ и умнымъ. Но такъ какъ никто изъ людей способныхъ не желаетъ занять это мѣсто, чтобы дѣлать доклады императору черезъ главный штабъ, а съ другой стороны императоръ не хочетъ или не считаетъ пока умѣстнымъ нарушить порядокъ, введенный его предшественникомъ, то *statu quo* весьма вѣроятно останется неприкосновеннымъ, и Татищевъ будетъ тершимъ на своемъ мѣстѣ.

6-го февраля. Графъ Нессельроде просилъ меня заѣхать къ нему и передалъ мнѣ словесно приказаніе его императорскаго величества отправиться въ седьмомъ часу въ крѣпость, для разбора бумагъ арестованнаго генерала Княжевича. Я засталъ тамъ генерала Чернышева; мы познакомились. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхали генералы Бенкендорфъ и Левашевъ и наконецъ флигель-адъютантъ полковникъ Кавелинъ. Ящикъ былъ вскрытъ; мнѣ и Кавелину передали письма на польскомъ языкѣ. Мы ихъ разбирали до полуночи.

7-го февраля. На слѣдующій день я отправился въ крѣпость въ одиннадцатомъ часу, окончилъ это дѣло часамъ къ двумъ и взялъ письма на домъ, чтобы просмотрѣть ихъ.

11-го февраля. Полковникъ Кавелинъ принесъ мнѣ свою работу, которую мнѣ пришлось болѣею частью передѣлать. 12-го числа, въ 8 часовъ утра я отослалъ всѣ эти бумаги къ генераль-адъютанту Чернышеву, изложивъ ему мой взглядъ на нихъ. По моему мнѣнію, Княжевичъ былъ человѣкъ желавшій только возрожденія своей родины, безъ малѣйшаго намека на заговоръ, въ смыслѣ цареубійства.

Въ городѣ разнесся слухъ, будто въ подвалахъ Казанскаго собора найдена бочка съ порохомъ. Вѣроятно, это слухъ не имѣющій основанія, но онъ доказываетъ, что существуютъ сообщники злоумышленниковъ 14-го декабря.

Полковникъ Кавелинъ принесъ мнѣ нѣсколько новыхъ писемъ нѣкоего Проскуры, переданныхъ ему Чернышевымъ. Я ихъ разобралъ, они совершенно ничтожны по содержанію. Оставивъ себѣ 39 этихъ писемъ, я передалъ 8 или 9 Кавелину для просмотра и извлеченій.

Въ тотъ же день ко мнѣ пріѣхалъ прокуроръ Кочубей, чтобы уладить несогласіе, возникшее между министромъ юстиціи и нами, сенаторами.

14-го февраля. Я получилъ массу бумагъ, отобранныхъ у двухъ поляковъ, которые были арестованы и отвезены въ крѣпость, а именно генераль-маіоръ Ходкевичъ и полковникъ Гарновскій, оба поляка. Я рассмотрѣлъ всѣ эти бумаги и ровно ничего въ нихъ не нашелъ. Ходкевичъ много исписалъ бумаги, сочиняя романы, оперы, трагедіи и историческія изслѣдованія о послѣднемъ королѣ польскомъ

Станиславъ-Августъ. Въ этихъ бумагахъ оказались между прочимъ выдержки по разнымъ отраслямъ химіи и физики. Я сдѣлалъ имъ опись, что составило 8 списковъ. Только одинъ печатный списокъ членовъ земледѣльческаго общества въ Варшавѣ заинтересовалъ меня; я обратилъ на него вниманіе правительства, высказавъ, что за членами этого общества надобно слѣдить, точно такъ-же какъ и за собраніями поляковъ, происходящими въ Дрезденѣ, Карлсбадѣ и Теплицѣ.

1-го марта. Въ этотъ день тѣло покойнаго императора Александра I привезено въ Царское Село. Императоръ Николай отправился туда накануне со своею матерью и прочими членами царской фамиліи. Говорятъ, что, встрѣчая тѣло у Царскосельской заставы, императоръ былъ чрезвычайно растроганъ, а ея величество много плакала.

2-го марта. Арнабольди (Комашино) разсказалъ мнѣ два анекдота, которые я записываю въ свой дневникъ. Первый касается канцлера, князя Безбородко, который, будучи разбитъ параличемъ, горько расплакался по поводу того, что онъ, Комашино, счелъ себя въ правѣ читать ему наставленіе, доказывая, что ему нечего огорчаться, такъ какъ онъ всегда дѣлалъ добро и съ отличіемъ служилъ своей родинѣ. Князь сдѣлалъ усиліе, чтобы заговорить и сказалъ ему: «вы глухи, я плачу не о томъ, что я дѣлалъ зло, но о томъ, что я могъ бы сдѣлать болѣе добра, нежели мною сдѣлано». Признаюсь, я зналъ князя за порядочнаго человѣка, но не думалъ, что онъ такъ хорошъ.

Второй анекдотъ касается императрицы Екатерины II. Мой покойный тесть Стрекаловъ былъ одно время директоромъ театра; тогда давали павѣстную оперу «Касторъ и Полуксъ», гдѣ участвовали Маркезини и Тоди. Арнабольди, бывшій помощникомъ директора, уменьшилъ расходъ по костюмировкѣ для этой пьесы съ 90.000 руб. до 8,300 р., выписавъ изъ Италіи мишуру, вмѣсто чистаго золота и серебра. Опера сошла какъ нельзя лучше. Императрица осталась ею весьма довольна и пожаловала подарка всѣмъ служащимъ въ дирекціи. Но такъ какъ мишура лишила придворнаго золотошвея большихъ барышей, то онъ распустилъ слухъ и довелъ до свѣдѣнія фаворита Мамонова, что при выпискѣ мишуры было украдено очень много денегъ. Мамоновъ поспѣшилъ довести эту клетету до свѣдѣнія императрицы, и когда онъ, Арнабольди, явился по обыкновенію къ Екатеринѣ съ репертуаромъ, чтобы получить ея приказанія относительно тѣхъ пьесъ, какія она желаетъ видѣть, онъ былъ принятъ сурово. Государыня, расхаживая по комнатѣ большими шагами, осыпала его всевозможной бранью, говоря, что она не желаетъ, чтобы ея честь была запятана мошенниками, что ни она, ни ея предшественники никогда не употребляли мишуры вмѣсто чистаго золота; что ей наплевать на воровство, но не на свою поруганную честь. Тѣмъ временемъ явился къ

императрицѣ самъ директоръ театра Стрекаловъ. Онъ сказалъ, что отвѣчать долженъ онъ, какъ начальникъ, что помощникъ только исполнялъ его приказанія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выслалъ Арнабольди изъ комнаты. Возвращаясь изъ дворца, Стрекаловъ заѣхалъ къ нему и приказалъ ему вторично отправиться къ императрицѣ, которая приняла его этотъ разъ любезно, дала ему поцѣловать руку и подарила перстень.

Этотъ случай доказываетъ, вообще, какъ несчастны бываютъ монархи, когда ихъ обманываютъ. Екатерина полагала, что ее обокрали, поставивъ мишуру вмѣсто настоящаго золота и серебра, а между тѣмъ ей служили преданно, такъ какъ расходъ уменьшился въ 10 разъ, а иллюзія была та же. Поддавшись сначала навѣстамъ своего фаворита, она затѣмъ опомнилась и рѣшила вторично призвать Арнабольди.

4-го марта. Я получилъ увѣдомленіе изъ печальной комиссіи, что назначенъ при церемоніи погребенія императора Александра, нести орденъ Маріи Терезіи, отъ заставы до Казанскаго собора. Признаюсь, это запоздалое и неожиданное извѣстіе чрезвычайно удивило меня. Надобно полагать, что это сдѣлано по высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ я очутился въ числѣ 16 самыхъ почетныхъ лицъ, а за мною шли Сперанскій и графъ Нессельроде, изъ коихъ первый несть орденъ св. Станислава, а второй—польскій орденъ Вѣлаго Орла.

6-го марта. Я отправился къ своему мѣсту, чтобы нести орденъ Маріи Терезіи и несколько не удивился тому, что всѣ, видимо, были изумлены моимъ назначеніемъ на это видное мѣсто. Сенаторъ Хитрово замѣтилъ мнѣ, что это самый старшій изъ иностранныхъ орденовъ. Я отвѣчалъ, что мнѣ это хорошо извѣстно, и что я не употребилъ ни малѣйшаго старанія, чтобы добиться этого назначенія. Графъ Нессельроде также, видимо, былъ удивленъ.

Процессія двинулась отъ заставы. Войска были разставлены шпалерами по всему пути до Казанскаго собора. Выраженія печали на лицахъ не было замѣтно; эта процессія походила скорѣе на торжественный вѣздъ, нежели на печальную церемонію перенесенія тѣла. Я приписываю это тому, что до погребенія прошло довольно много времени, вслѣдствіе чего впечатлѣніе грусти, которое могло и должно было произвести перенесеніе тѣла почившаго императора, разсѣялось. Моиими ассистентами были генералъ-маіоры Саблуковъ и князь Петръ Голицынъ. Я нашелъ, что катафалкъ былъ очень хорошъ, но ни этотъ катафалкъ, ни соборъ не производили грустнаго впечатлѣнія.

13-го марта. Въ этотъ день происходило погребеніе императора Александра I; я несть орденъ Маріи Терезіи. Процессія шла въ болѣе стройномъ порядкѣ, нежели предъидущій разъ. Императоръ слѣдовалъ

за процессіей пѣшкомъ съ фельдмаршаломъ Веллингтономъ. Вдовствующая государыня (императрица Марія Теодоровна) ѣхала въ каретѣ.

14-го марта. Во время церемоніи (погребенія) я увидѣлъ посланника, графа Ливена, прибывшаго по особому повелѣнію изъ Лондона. Мы поцѣловались, и я сказалъ ему, что онъ останется съ нами на болѣе долгое время; онъ не возражалъ. Поговариваютъ, что онъ будетъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто графа Нессельроде.

У меня былъ флигель-адъютантъ Кавелинъ, возвратившійся изъ Варшавы. Онъ говорилъ, что великій князь Константинъ Павловичъ живетъ очень замкнуто, что онъ удержалъ брата отъ нѣкоторыхъ мѣръ относительно Польши; что по поводу русскаго сената императоръ Николай выразился, когда ему совѣтывали побывать въ немъ, что онъ будетъ тамъ, когда сенатъ пообчистится. Я замѣтилъ Кавелину, что ежели въ немъ есть неспособные члены, что въ этомъ виноватъ императоръ Александръ. Въ разговорѣ съ нимъ я отозвался съ большою похвалою о проникательности императора; дѣйствительно, онъ поступаетъ съ большимъ тактомъ. Къ сожалѣнію, проходя съ нимъ курсъ наукъ ему не дали ни малѣйшаго понятія объ организациі этой судебной инстанціи, учрежденной Петромъ Великимъ, такъ что онъ считаетъ ее подчиненной оберъ-прокурорской власти.

19-го марта. Былъ большой парадъ войскамъ въ честь фельдмаршала герцога Веллингтона и въ память вступленія русскихъ въ Парижъ въ 1814 г. Наканунѣ императоръ велѣлъ раздать въ полкахъ медали, выбитыя по поводу этого событія по повелѣнію покойнаго императора Александра, но которыя не были розданы по его всегдашней привычкѣ лавировать, чтобы никого не обидѣть. Эта медаль носится на Георгіевской и Андреевской лентахъ, которыя соединены вмѣстѣ.

22-го марта. Я писалъ графу Нессельроде, спрашивая его приказаній относительно печатанія статьи Бортенгала (?) о нашихъ дѣлахъ съ Портою и лондонскимъ кабинетомъ, извлеченной изъ «Аугсбургской газеты». Онъ поблагодарилъ меня за сообщеніе, но въ записочкѣ, присланной въ отвѣтъ на мое письмо, высказалъ, что «всякая выходка противъ Англій будетъ неумѣстна въ такой моментъ, когда миссія, возложенная на герцога Веллингтона, скрѣпила и упрочила узы, связывавшія насъ съ этой державою».

27-го марта. Назначено чрезвычайное собраніе Государственнаго Совѣта. Въ городѣ говорили, что оно назначено для разсмотрѣнія дѣла, возникшаго между сенаторами и министромъ юстиціи; на самомъ же дѣлѣ въ этомъ собраніи должны были судить виновныхъ въ возмущеніи 14-го декабря. По моему мнѣнію, напрасно дѣло это не было повелѣно разсмотрѣть сенату.

28-го марта. Я слышалъ будто императоръ передалъ въ Совѣтъ про-

трицъ. Я слѣдилъ за императоромъ и нашелъ, что онъ имѣлъ чрезвычайно озабоченный видъ.—Онъ не имѣетъ способности казаться спокойнымъ и довольнымъ, находясь въ кругу придворныхъ. Говорили также, что графъ Нессельроде и князь Голицынъ получаютъ Андрея Первозваннаго, однако этотъ слухъ до вечера не оправдался.

22-го апрѣля. Вдовствующая императрица уѣхала въ Павловскъ, откуда она отправится въ Калугу. Великій князь также уѣхалъ въ Москву, а императоръ отправился въ военные поселенія къ Аракчееву.

23-го апрѣля. Говорятъ, что императоръ хочетъ учредить должность генералъ-полицеймейстера на подобіе того какъ эта должность существовала при Екатеринѣ II. Если это осуществится, то власть министра внутреннихъ дѣлъ будетъ совершенно ничтожна; въ его вѣдѣніи останутся только медицинскія учрежденія и надзоръ за промышленностью страны. Это былъ бы прекрасный случай восстановить медицинскую коллегію.

1-го мая. 30-го апрѣля императоръ возвратился изъ аракчеевскихъ военныхъ поселеній; говорятъ, будто онъ не обѣдалъ у графа и останавливался въ гостиницѣ. Съ другой стороны ходитъ слухъ о войнѣ съ Турціей.—Довольно странно, что послѣ проѣзда герцога Веллингтона черезъ Берлинъ тамошній дворъ дозволилъ открыть подписку для оказанія помощи грекамъ. Также заслуживаетъ вниманія посланіе президента Соединенныхъ Штатовъ конгрессу, которымъ онъ какъ бы хотѣлъ восстановить забытое, благодаря стараніямъ англичанъ, правило, что флагъ нейтральной державы обезпечиваетъ неприкосновенность товара.

2-го—14-го мая. Генералъ Чернышевъ прислалъ мнѣ 20 тетрадей съ показаніями подсудимыхъ, принадлежащихъ къ тайнымъ обществамъ, которыя имѣло цѣлью и испроверженіе существующаго порядка въ Россіи и восстановленіе цѣлости королевства Польскаго, а 4-го числа, генералъ Татищевъ, военный министръ и предсѣдатель слѣдственной комиссіи по дѣлу 14-го декабря 1825 г., прислалъ мнѣ еще 12 тетрадей. Изъ этихъ бумагъ ясно: 1) что существовало патріотическое общество въ Варшавѣ, 2) тайное общество въ Россіи, 3) общество тамплиеровъ въ губерніяхъ, приобретенныхъ отъ Польши, 4) общество садовниковъ въ Курляндіи и центральное общество въ Бѣянахъ близъ Варшавы, 5) общество въ Познанн, 6) общество счастливыхъ, не знаю гдѣ, 7) общество коссианеровъ или кощовъ.

Сношенія русскаго тайнаго общества съ польскими обществами вообще начались въ 1824 г. при посредствѣ Крыжановскаго, какъ представителя варшавскаго патріотическаго общества, и Муравьева и Бестужева—представителей русскаго общества. На совѣщаніи, происходившемъ между этими заговорщиками въ Кіевѣ, полякамъ было предло-

жено принять дѣятельное участіе въ возстаніи, которое подготовлялось русскими, и поступить относительно великаго князя Константина Павловича точно такъ, какъ и относительно прочихъ членовъ царской фамиліи; имъ было предложено возвратитъ губерніи, присоединенныя къ имперіи, съ обязательствомъ, съ ихъ стороны, имѣть въ теченіе года демократическій образъ правленія, а по истеченіи этого срока избрать такой, каковой они найдутъ наиболее для себя подходящимъ. Крыжановскій, отъ имени поляковъ, согласился на все предложенное, съ условіемъ, что ихъ предупредить за двѣ недѣли до начала мятежа. Муравьевъ, повидимому, предъявлялъ гораздо болѣе мягкія требованія, нежели Бестужевъ ¹⁾. Варшавское патріотическое общество имѣло уже значительное число приверженцевъ въ польско-русскихъ губерніяхъ, въ Познани и Галиціи, гдѣ народъ подготовляли къ возстанію, стараясь его взволновать рѣчами о необходимости добиться возстановленія Польши, которое было обѣщано, какъ говорили, императоромъ Александромъ.

3-го мая. Я подалъ прошеніе на высочайшее имя о переводѣ моихъ двухъ сыновей, Петра и Павла, изъ пажескаго корпуса; перваго — въ школу портупей-прапорщиковъ, а втораго — въ нижеверное училище. Я отослалъ это прошеніе къ князю Александру Голицыну, который возвратилъ его мнѣ, увѣдомивъ, что оно не подлежитъ болѣе его вѣдѣнію, а что это зависить отъ главнаго штаба. Вслѣдствіе чего я написалъ генералу Дибичу 5-го числа, а 7-го государь императоръ уже соизволилъ на мою просьбу.

На прошлой недѣлѣ, въ канцеляріи статсъ-секретаря у принятія прошеній, Кикина, случилось происшествіе, обратившее на себя всеобщее вниманіе. Одинъ изъ его чиновниковъ, по фамиліи Дьяковъ, обвиненъ и уличенъ самимъ императоромъ въ лихоимствѣ. На него донесъ крестьянинъ. Его посадили на гауптвахту. Говорятъ различно о томъ, какимъ образомъ и къмъ были собраны улики противъ него; кажется, этими розысками руководилъ генералъ Бенкендорфъ, начальникъ тайной полиціи. Кикинъ, со своей стороны, сказалъ мнѣ, что онъ приписываетъ все это дѣло интригамъ генерала Дибича и Нессельроде. Мнѣ кажется, онъ имѣеть основаніе такъ думать потому, что его не увѣдомили, когда открылась вина его подчиненнаго Дьякова; несомнѣнно, что съ этихъ поръ императоръ болѣе не работалъ съ Кикинымъ.

Объ императорѣ рассказываютъ анекдотъ, свидѣтельствующій объ его умѣ. Разговаривая съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ о томъ, что дѣло 3-го департамента съ министромъ юстиціи доставило ему большое огорченіе, онъ сказалъ:

¹⁾ Рассказъ во многомъ не точный.

— Они возстали противъ своего начальника и подали мнѣ прошеніе на него.

— Вы ошибаетесь, государь, — сказалъ тотъ, къ кому были обращены эти слова, — они подали прошеніе своему начальнику, т. е. вашему императорскому величеству, а не начальнику у нихъ нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ онъ, — я сожалѣю, что сдѣлалъ ошибку, но въ этомъ я не виноватъ. Я никогда не думалъ вступить на престолъ; меня воспитывали какъ будущаго бригаднаго генерала; поэтому я и не спѣшу резолюціею по этому дѣлу, но когда приобрѣту необходимыя свѣдѣнія, то поступлю какъ должно и поставлю каждого на свое мѣсто.

18-го мая. Нѣсколько дней тому назадъ министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ официальное извѣстіе о согласіи Порты на всѣ требованія, предъявленныя ей русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополь. Турецкія войска окончательно очистили Молдавію и Валахію, а 21-го числа въ Константинополь посланъ курьеръ съ извѣстіемъ, что въ Аккерманѣ соберется конгрессъ для рѣшенія разныхъ вопросовъ, въ особенности по дѣлу разграниченія въ Азіи провинцій, приобрѣтенныхъ отъ Персіи.

30-го мая. Великій князь Михаилъ Павловичъ пріѣхалъ неожиданно изъ Царскаго Села, кажется для того, чтобы присутствовать при разбирательствѣ дѣла о преступномъ заговорѣ 14-го декабря. Вдовствующую императрицу также ожидаютъ изъ Москвы. Похороны назначены на 23-е число.

2-го іюня. Насъ собрали въ сенатъ и объявили, что завтра начнутся засѣданія верховнаго уголовного суда по дѣлу о преступномъ заговорѣ. Намъ былъ прочтанъ манифестъ, въ коемъ виновные раздѣлены на преступныхъ и заблуждавшихся. Затѣмъ былъ прочтанъ указъ, коимъ судьями назначены слѣдующія лица: графъ Головкинъ, баронъ Строгановъ, генералъ Опперманъ, графъ Ланжеронъ, генералъ Паскевичъ, сенаторъ Кушняковъ и нѣкоторые другія лица.

3-го іюня. Начались засѣданія верховнаго уголовного суда. Всѣ собрались въ одну изъ залъ сената, откуда перешли въ залу общаго собранія. Насъ было 66 человѣкъ: часть Государственнаго Совѣта, весь сенатъ, 2 митрополита, 1 архіепископъ и нѣсколько военныхъ. Засѣданіе открылось чтеніемъ манифеста и указа о назначеніи въ составъ суда военныхъ; затѣмъ былъ прочитанъ историческій очеркъ всего дѣла. Когда это было окончено, были прочитаны имена и чины всѣхъ тѣхъ, кто участвовалъ въ заговорѣ. Наконецъ были прочитаны показанія князя Трубецкаго, Рылѣва и князя Оболенскаго, которые признали себя виновными въ самыхъ ужасныхъ преступленіяхъ противъ государства и царской фамиліи. На этомъ засѣданіи окончилось.

4-го іюня. Второе засѣданіе. Продолжалось чтеніе показаній, дан-

ныхъ преступниками. Прочитаны показанія трехъ лицъ, въ томъ числѣ моего племянника, мичмана Василія Дивова, которое заставило меня содрогнуться отъ ужаса.

5-го іюня. Третье засѣданіе. Продолжалось чтеніе показаній до № 69. Когда начали читать показанія полковника Пестеля, главы южнаго общества, подобно тому какъ Рыльевъ былъ главою сѣвернаго общества, то всѣ содрогнулись отъ ужаса.

6-го іюня. Четвертое засѣданіе. Продолжалось чтеніе до № 99.

Пятое засѣданіе. Окончили чтеніе показаній № 117. Затѣмъ приступили къ выбору трехъ членовъ отъ Государственнаго Совѣта, сената и постороннихъ членовъ суда. Изъ Совѣта выбраны: графъ Ливенъ, Балашовъ, князь Салтыковъ, изъ сенаторовъ: Барановъ, Болгарскій и Лавровъ, а изъ числа прочихъ лицъ выборъ палъ на графа Головкина, Ламберта и Бороздина.

Я воспользовался случаемъ поговорить съ графомъ Нессельроде о генералѣ Бойе. Графъ сообщилъ мнѣ, что на него падаетъ нѣкоторое подозрѣніе вслѣдствіе его сношеній съ Завалишнымъ, флотскимъ офицеромъ, который чрезвычайно скомпрометированъ въ заговорѣ 14-го декабря, но что на дняхъ, вѣроятно, все выяснится, и тогда онъ будетъ ходатайствовать за него у императора.

7-го іюня. Шестое засѣданіе. Утвердили членовъ комитета и разошлись.

8-го и 9-го іюня. Комиссары окончили допросы въ крѣпости.

10 іюня. Седьмое засѣданіе, въ которомъ избрана комиссія для распредѣленія виновныхъ по разрядамъ. Въ нее избраны изъ Совѣта: графъ Толстой, Васильчиковъ и Сперанскій. Изъ постороннихъ лицъ: Кушниковъ, баронъ Строгановъ, графъ Комаровскій и сенаторы: графъ Кутайсовъ, Барановъ и Энгель. Выборы производились всѣмъ составомъ, а не отдѣльными корпораціями.

11-го іюня. Восьмое засѣданіе. Подписанъ протоколъ и объявлено, что судъ соберется по полученіи о томъ повѣстока, когда виновные будутъ раздѣлены на разряды.

9-го—11-го іюня. Въ Кронштадтѣ былъ большой пожаръ, уничтожившій, какъ говорятъ, на 2 милліона рублей досокъ и дровъ, приготовленныхъ къ вывозу за границу.

На погребеніи императрицы Елисаветы мнѣ приказано нести орденъ св. Екатерины вмѣстѣ съ графомъ Головкинымъ, который отказался по болѣзни и былъ замѣненъ генераломъ Феншемъ.

14-го іюня. Совершилась церемонія перевезенія тѣла императрицы Елисаветы Алексѣевны. Князья Лобановы такъ много интриговали, что графъ Нессельроде благоразумно рѣшилъ отказаться нести орденъ Андрея Первозваннаго, при которомъ онъ былъ назначенъ ассистентомъ

*

точно такъ какъ я былъ ассистентомъ при ордень св. Екатерины. Генераль Феншъ добродушно послѣдовалъ совѣту своего друга Энгеля и добровольно согласился уступить свой орденъ князю Якову Лобанову, а самъ взялся нести орденъ Александра Невскаго. Я уходилъ въ это время пить чай и вернувшись заставилъ Фенша вступить въ свои права. Такимъ образомъ мы вышли изъ комнаты съ орденомъ св. Екатерины, но на улицѣ одинъ молодой человекъ, исполнявшій обязанность церемоніймейстера, взялъ подушку изъ рукъ Фенша, который молча снесъ это оскорбленіе; и вручилъ ему орденъ Александра Невскаго. Я высказалъ очень рѣзко по этому поводу мое мнѣніе и заявилъ громко, что это безпорядокъ.

15-го іюня. День рожденія императора. Я получилъ вечеромъ пражку съ брилліантовымъ вензелемъ стоимостью около 4.000 руб. Подобные же подарки получили всѣ члены слѣдственной комиссіи по дѣлу о преступномъ заговорѣ.

27-го іюня. Засѣданія верховнаго уголовного суда возобновились.

28-го іюня. Прочитанъ докладъ комиссіи, которой было поручено раздѣлять виновныхъ на разряды; всѣмъ намъ розданы печатные экземпляры этого доклада.

29-го іюня. Преступники раздѣлены на разряды и опредѣлено 11 степеней наказаній, а именно: 1-ая — смертная казнь, 2-ая — политическая смерть и ссылка въ каторжныя работы безъ срока, 3-ая — ссылка въ каторжныя работы безъ срока, 4-ая — ссылка въ каторжныя работы на 15 лѣтъ и на поселеніе, 5-ая — ссылка въ каторжныя работы на 10 лѣтъ и на поселеніе, 6-ая — ссылка въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и на поселеніе, 7-ая — ссылка въ каторжныя работы на 4 года и на поселеніе, 8-ая — лишеніе чиновъ, дворянства и ссылка на поселеніе, 9-ая — лишеніе дворянства и ссылка въ Сибирь, 10-ая — лишеніе дворянства, разжалованіе въ рядовые безъ выслуги, 11-ая — лишеніе чиновъ, разжалованіе въ рядовые съ выслугою. Много было прешій по поводу вопроса о большинствѣ голосовъ. Наконецъ рѣшили, что большинство одного голоса достаточно, чтобы перевѣсить мнѣніе противниковъ.

1-го іюля. День рожденія императрицы, засѣданія не было.

2-го іюля. Засѣданія возобновились и происходили со 2-го до 5-го числа утромъ и вечеромъ. 35 человекъ приговорены къ смертной казни, 17 отнесено къ 2-му разряду, 3 человекъ — къ 3-му, 16 — къ четвертому, 4 — къ пятому, 2 — къ шестому, 15 — къ седьмому, 15 — къ восьмому; 3 — къ девятому, 1 — къ десятому и 7 — человекъ къ одиннадцатому разряду.

Затѣмъ были избраны 3 члена для составленія донесенія императору, а именно: отъ Совѣта — Сперанскій, отъ сената — Козодавевъ, изъ числа прочихъ лицъ — Бороздинъ.

5-го, 6-го и 9-го іюля. Обсуждали донесеніе, которое должны были представить императору; оно было подписано такъ же, какъ и указъ, а 9-го числа между нами возникъ довольно горячій споръ по поводу того, какого рода наказанію подлежить статскій совѣтникъ Горскій.

10-го іюля. Всѣмъ членамъ верховнаго уголовного суда приказано не отлучаться изъ города.

11-го іюля. Назначено засѣданіе верховнаго уголовного суда въ 7 часовъ утра. Прочитанъ высочайшій указъ, коимъ смертная казнь замѣнена для 31 лица ссылкой въ каторжныя работы безъ срока; смягчены наказанія и другимъ преступникамъ, и повелѣвалось примѣнить менѣе жестокую смертную казнь, нежели четвертованіе, для тѣхъ 5-ти лицъ, которые приговорены къ смертной казни (Пестель, Рылѣевъ, Муравьевъ, Бестужевъ, Каховскій). Ихъ приговорили къ повѣшанію.

12-го іюля. Мы собрались въ сенатъ, чтобы подписать протоколъ объ опредѣленіи, по волѣ императора, смягченныхъ наказаній; а затѣмъ отправлялись въ крѣпость для прочтенія приговора осужденнымъ. Засѣданіе было открыто около часа. Первыми ввели тѣхъ пятерыхъ осужденныхъ, которые были приговорены къ повѣшанію. Я не замѣтилъ на ихъ лицахъ ни малѣйшаго смущенія. Затѣмъ были введены прочіе обвиняемые по разрядамъ. Весьма немногіе выказали въ некоторое смущеніе. Подъ конецъ засѣданія одинъ изъ преступниковъ, по фамиліи Фурманъ, оказавшійся помѣшаннымъ, произнесъ громко: «жизнь его императорскаго величества находится въ опасности» Его отвели въ отдѣльную комнату, чтобы онъ написалъ свое показаніе. Онъ исписалъ цѣлый листъ бумаги, въ которомъ не было ни капли здраваго смысла; затѣмъ его ввели въ залу суда, гдѣ этотъ помѣшанный сказалъ, что солдаты дурно отзывались объ императорѣ и тому подобное въ этомъ родѣ. Предсѣдатель, князь Лопухинъ, приказалъ вывести его; князь взялся одинъ сдѣлать докладъ императору.

13-го іюля. Пятеро лицъ, приговоренныхъ къ висѣлицѣ, казнены.

Передъ этой экзекуціей были лишены дворянства и чиновъ тѣ лица, коимъ ломали шпаги надъ головою въ то время, какъ ихъ мундиры были брошены въ горѣвшій тутъ же костеръ. Они не были свидѣтелями казни повѣшанныхъ.

Намъ былъ прочтенъ высочайшій манифестъ объ этомъ дѣлѣ; онъ написанъ очень просто и походить на совѣтъ родителямъ беречь нравственность ихъ дѣтей.

Въ тотъ же день я получилъ указъ о назначеніи меня исправляющимъ обязанности графа Нессельроде, на время его отсутствія, съ прибавкою 1.000 рублей, которые обыкновенно назначались мнѣ въ такихъ случаяхъ.

14-го іюля. Намъ было объявлено приказаніе собраться къ 6^{1/2} часамъ

утра въ Адмиралтейскую церковь, чтобы отправиться оттуда, съ духовенствомъ, на Сенатскую площадь, гдѣ должны были отслужить благодарственный молебенъ о спасеніи отечества отъ гибели, которою ей угрожалъ заговоръ 14-го декабря. Я пріѣхалъ къ назначенному часу; насъ было немного. Войска окружали походную церковь, поставленную возлѣ статуи Петра Великаго. Императрица подъѣхала къ церкви Адмиралтейства въ экипажѣ. Оттуда мы двинулись пѣшкомъ, предшествуемые духовенствомъ, къ походной церкви, которая была приподнята надъ мостовой на шесть ступеней. Отслужили литургію, въ которую была вставлена литія по жертвамъ 14-го декабря. По окончаніи богослуженія митрополитъ, въ сопровожденіи духовенства, обошелъ ряды войска, окропляя его святою водою. Императоръ слѣдовалъ за митрополитомъ верхомъ, а императрица проѣхала передъ фронтомъ въ экипажѣ. Вся церемонія совершилась въ величайшемъ порядкѣ; молитва съ колѣнопреклоненіемъ произвела большое впечатлѣніе.

15-го іюля. Я вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей и простился съ графомъ Нессельроде, который обѣщалъ исходатайствовать мнѣ, по случаю коронаціи, добавочныхъ двѣнадцать тысячъ рублей къ получаемому мною жалованью. Въ тотъ же день кавалергарды дали вечеръ и обѣдъ въ честь своего шефа — императрицы.

1-го августа. Мною получены первыя бумаги изъ Москвы. Страннымъ показался мнѣ поступокъ графа: всѣ бумаги адресованы на мое имя, но затѣмъ каждое дѣло въ отдѣльности адресовано на имя одного изъ директоровъ: Кудрявскаго и Полѣнова; въ числѣ бумагъ находился даже одинъ указъ, а мнѣ — ни слова. Я видѣлъ въ этомъ хвастовство Северина или ничтожество графа, но не распечаталъ ихъ пакеты.

3—8-го августа. Въ городѣ ходятъ слухи о новомъ заговорѣ, открытомъ въ Москвѣ, о существованіи тамъ же аонскаго общества, о покушеніи, которое намѣрены сдѣлать на жизнь великаго князя Михаила Павловича, о попыткѣ къ освобожденію осужденныхъ, которую хотять привести въ исполненіе, когда ихъ повезутъ въ Иркутскъ. Я сообщалъ всѣ эти слухи графу Нессельроде и высказалъ ему, между прочимъ, порицаніе по поводу того, что о вѣздѣ его императорскаго величества въ Москву хранить молчаніе.

Я слышалъ отъ князя Хилкова, секретаря вѣдомства императрицы Маріи, слѣдующій анекдотъ. Въ то время, когда тѣло императрицы Елисаветы Алексѣевны стояло въ крѣпости, разнесся слухъ о внезапной кончинѣ вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны. Государь призвалъ вышеупомянутаго Хилкова, приказалъ ему ничего не говорить объ этомъ своей матери, и высказалъ между прочимъ, какъ ему прискорбно видѣть, что существуетъ такъ много недоброжелателей, которые распространяютъ тревожные слухи, и что есть много лицъ, проникнутыхъ революціонными

идеями. Князь Хилковъ отвѣчалъ его величеству, что еще болѣе людей преданныхъ государю и отечеству.

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ государь, — помогайте мнѣ, господа, и молитесь Богу, чтобы мнѣ удалось возстановить порядокъ.

11-го августа. Пронесся слухъ, что объявлена война Персiи; 18-го числа (?)¹⁾ мнѣ было приказано помѣстить во французской «Gazette de St.-Pétersbourg» статью, въ которой описано нападенiе, произведенное персами въ трехъ пунктахъ, что приписывается фанатизму персидскаго населенiя. Персидскому правительству дано пять дней для наказанiя виновныхъ, а ежели къ этому сроку не будетъ дано должнаго удовлетворенiя, то главнокомандующему армiей, Ермолову, приказано двинуть войска и открыть военныя дѣйствiя.

20-го августа. Изъ Москвы получено благопрiятное извѣстiе: великiй князь Константинъ Павловичъ прибылъ туда, чтобы присутствовать на коронацiи своего брата, императора Николая. Это извѣстiе произвело большую сенсацию въ благомыслящей части общества. Въ извѣстiяхъ изъ Москвы описываютъ, что свиданiе императора съ его братомъ Константиномъ было очень трогательно. Ихъ объятiя, ихъ волненiе въ присутствiи придворныхъ придали этому неожиданному свиданiю нѣкоторый отгѣнокъ сентиментальности, который передать трудно.

Дѣла въ Аккерманѣ не подвигаются. О событiяхъ въ Персiи нѣтъ извѣстiй.

25-го августа. Пушечные выстрѣлы съ крѣпости возвѣстили жителямъ Петербурга, что коронацiя совершилась въ Москвѣ 22-го числа. Вслѣдствiе опозданiя курьера я боялся, не помѣшало ли этому событiю здоровье императрицы. Къ счастью оно совершилось благополучно, къ великому удовольствiю всѣхъ благомыслящихъ людей.

31-го августа. Пожаловано (въ день коронацiи) много наградъ; графу Нессельроде данъ кестный рескриптъ и помѣстья въ Тамбовской губернiи. Мнѣ прiятно видѣть, что въ дѣлахъ съ Портою императоръ сохраняетъ свое достоинство и не поддается общанiямъ. На аккерманскомъ конгрессѣ объявлено, что если турки не согласятся на предложенныя имъ условiя 25-го числа, то войска вступать въ Молдавию и Валахию, о чемъ уже сообщено всѣмъ дворамъ.

4-го сентября. Начали печатать списокъ высочайше пожалованныхъ наградъ. Ихъ было очень много. Я съ своей стороны получилъ шесть тысячъ рублей прибавки къ жалованью. Это было не совсѣмъ пропорционально по сравненiю съ другими, тѣмъ не менѣе я былъ благодаренъ и написалъ письмо графу Нессельроде. Говорятъ, что дворъ остается въ Москвѣ до октября.

¹⁾ Такъ въ оригиналѣ.

Въ «Gazette de St-Petersbourg» напечатанъ рескриптъ графу Нессельроде, въ которомъ императоръ говоритъ, что этотъ министръ осуществлялъ мудрыя предначертанія и проводилъ политическіе планы императора Александра I и т. д. Безъ сомнѣнія, рескриптъ очень лестенъ и прибыленъ для графа, получившаго помѣстье, приносящее отъ тридцати до сорока тысячъ рублей дохода. Но взвѣсивъ хорошенько образъ дѣйствія покойнаго императора, въ немъ нельзя найти ничего выгоднаго для имперіи; напротивъ, все клонилось къ ея ущербу въ будущемъ. Либеральныя идеи нашего вѣка увлекли этого государя, и онъ имъ поддакъ. За границею ему воскуряли омиамъ въ прозѣ и стихахъ, а въ концѣ концовъ что же мы видимъ?—Мы были обмануты Пруссіей и Австріей, а еще болѣе Англіей. Пруссія, не дѣлая никакихъ уступокъ, получила Данцигъ, черезъ который идетъ вся торговля Польши; Австрія получила отъ Италіи огромный кусокъ земли; Англія, отказавшись отъ Корфу, овладѣла Адриатикою и Архипелагомъ. Королевство Польское было восстановлено до нѣкоторой степени. Для чего? чтобы имѣть на шеѣ лишняго врага. Дѣйствуя умнѣе, слѣдовало бы всѣчески избѣгать этого, въ особенности когда проповѣдывали принципъ неограниченной монархіи. Было бы гораздо естественнѣе восстановить *statu quo ante bello* съ Наполеономъ. Пруссія вошла бы въ прежнія границы, Данцигъ остался бы вольнымъ городомъ, подъ особымъ покровительствомъ Россіи и съ русскимъ гарнизономъ. Изъ Кракова не создали бы революціоннаго очага, сдѣлавъ изъ этого города Богъ вѣсть для чего республику. Австрія, владѣя по прежнему Сандомиръ, Краковомъ и Люблиномъ, уменьшила бы свои требованія по отношенію къ Италіи. Теперь же будущее полно осложненіями, которыя могутъ быть улажены только потоками крови. Императоръ Николай вступилъ на престолъ въ тотъ моментъ, когда разразилась буря, усмиренная его умомъ. Благодаря Бога, онъ энергичнѣе своего предшественника, но продолжая до извѣстной степени ошибки, сдѣланныя его братомъ, онъ можетъ все болѣе и болѣе запутаться въ пагубныхъ послѣдствіяхъ, какія онъ повлекутъ за собою. Послѣдствія эти будутъ неизбежны по самой силѣ вещей и поборотъ ихъ не въ силахъ одного человѣка. Эти послѣдствія можно только отдалить на время, за то они могутъ возникнуть внезапно, въ случаѣ кончины короля прусскаго или императора австрійскаго, и разумѣется графъ Нессельроде не будетъ подходящимъ совѣтникомъ для государя въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Какъ частный человѣкъ—это личность вполне порядочная, но онъ всегда находится подъ чьимъ-либо вліяніемъ и не обладаетъ ни проницательностью, ни глубокомысліемъ. Онъ хорошій секретарь—не болѣе.

Съ другой стороны, бросивъ взглядъ на внутреннее управленіе имперіей, сердце сжимается, когда видишь въ немъ полное отсутствіе

единодушія. Какія лица пользуются довѣріемъ императора? Именно тѣ, которыя виновны во всѣхъ бывшихъ безпорядкахъ. Князь Александръ Голицынъ развратилъ всю Россію своей шайкой иллюминатовъ, кои онъ является послушнымъ орудіемъ. Молодые адъютанты смотрятъ на все черезъ извѣстную призму и дѣйствуютъ въ духѣ тѣхъ лицъ, которыя готовы все разрушить и испровергнуть. Императоръ горячо желаетъ добра; объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ мѣры, принятыя имъ по гражданскому и военному вѣдомствамъ; онъ доказываетъ въ то же время, что государь убѣжденъ въ томъ, что зло существуетъ, и что онъ желаетъ искоренить его, но какъ-то онъ возьмется за это? Онъ, видимо, старается узнать истину и убѣжденъ въ томъ, что необходимо усилить надзоръ тайной полиціи. Поэтому онъ и присоединилъ ее къ своей собственной канцеляріи, изъявъ ее изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ.

1-го октября. Получено извѣстіе о пораженіи персовъ генераломъ Паскевичемъ въ семи верстахъ отъ Елизаветполя; 1.100 человекъ взято въ плѣнъ. У непріятеля отбито четыре орудія, восемьдесятъ ящиковъ съ порохомъ, три знамени. У персовъ было пятнадцать тысячъ регулярной пѣхоты и двадцать тысячъ кавалеріи. Это поражение можно было предвидѣть, ибо первая атака, произведенная регулярными персидскими войсками, была слаба.

Послѣ сраженій съ французами, при Наполеонѣ, современники какъ-будто считаютъ эту побѣду маловажной. Поэтому, желая побѣдить равнодушіе, съ какимъ это извѣстіе было принято обществомъ, я счелъ долгомъ выяснитъ его значеніе, какъ я его понимаю. Въ Казанскомъ соборѣ, два часа спустя послѣ прибытія курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ, было отслужено благодарственное молебствіе. Получивъ о томъ извѣщеніе отъ генераль-губернатора, я отправился въ соборъ, но тамъ было весьма мало народа.

2-го октября. Я получилъ изъ Москвы приказаніе помѣстить статью, одобренную императоромъ и, кажется, имъ самимъ продиктованную, въ которой заключался дневникъ князя Меншикова (О посольствѣ въ Персію).

3-го октября. Графъ Нессельроде передалъ мнѣ словесно, черезъ Северина, возвратившагося изъ Москвы, что аккерманская конвенція подписана; объ этомъ также помѣщено въ сегодняшней газетѣ.

4-го октября. Я былъ у англійскаго посланника, чтобы уладить вопросъ объ уплатѣ долга герцога Девонширскаго одному московскому жителю, г-ну Попову.

6-го октября. Пріѣхалъ императоръ; иллюминація продолжалась три дня.

8-го октября. Императоръ ѣздивъ въ Кронштадтъ. Былъ большой

смотръ, послѣ чего государь уѣхалъ въ Царское Село, на встрѣчу своей матери, которую ожидаютъ, 13-го числа, въ Павловскъ. Въ тотъ же день графъ Нессельроде разослалъ циркуляры, извѣщавшіе о вступленіи его въ управленіе министерствомъ. Такимъ образомъ, мое управленіе окончилось, и я, по обыкновенію, приступилъ къ исполненію своихъ всегдашнихъ обязанностей.

Во время моего трехмѣсячнаго управленія министерствомъ въ отсутствіе графа, мнѣ не пришлось принимать участіе въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ особой важности, хотя мнѣ были извѣстны всѣ текущіе дѣла. Произошло сближеніе съ Англіей, но мнѣ казалось, что Франція къ намъ охладѣла, Австрія же, съ своей стороны, была задѣта за живое тѣмъ, что утратила свое вліяніе на нашъ кабинетъ. Вліяніе Пруссіи является преобладающимъ.

15-го октября. Вдовствующая императрица вернулась изъ Москвы 13-го числа, а 15-го совершился ея вѣздъ въ Петербургъ. Я былъ въ этотъ день въ Казанскомъ соборѣ. Императоръ, царствующая императрица и великая княгиня Елена Павловна прибыли въ соборъ раньше. Императоръ вышелъ навстрѣчу своей матери и прождалъ вмѣстѣ съ нами на паперти добрыхъ четверть часа. Я видѣлъ его вблизи, онъ казался озабоченнымъ.

16-го октября. Я послалъ записочку графу Нессельроде, увѣдомляя его, что покойный графъ Беннигсенъ, скончавшійся въ Ганноверѣ, говорилъ мнѣ, 18 лѣтъ тому назадъ, что онъ написалъ исторію своего времени, которая хранится въ Англіи, гдѣ она и будетъ напечатана послѣ его кончины. Важныя должности, которыя онъ занималъ въ Россіи, его чуть не 40-лѣтняя близость къ придворнымъ интригамъ, давали мнѣ право предполагать, что было бы необходимо слѣдить за печатаніемъ этого сочиненія.

17-го октября. Графъ (Нессельроде), по своему обыкновенію не предупредивъ, отстранилъ меня отъ цензуры. Я былъ этимъ доволенъ лично для себя, но огорченъ за него, такъ какъ онъ не понимаетъ своихъ интересовъ.

18-го октября. Отсутствіе извѣстій изъ Персіи возбуждало много толковъ. Изъ этого заключали, что дѣла идутъ плохо; наконецъ были получены опубликованныя 23-го числа извѣстія о бѣгствѣ персовъ за Араксъ и т. д.

22-го октября. Я отправился къ графу Нессельроде единственно съ цѣлью сдѣлать визитъ графинѣ, его супругѣ. Меня не приняла, но я побесѣдовалъ съ привцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, Матусевичемъ, Польновымъ, гр. Ребиндеромъ и Северинымъ, которые были тамъ по дѣлу. Графъ Нессельроде, провожая принца Гессенскаго, увидѣлъ меня и просилъ, чтобы я подождалъ, такъ какъ ему надобно поговорить

со мною. Проведивъ всѣхъ этихъ господъ, онъ повелъ меня въ свой кабинетъ и завелъ рѣчь о моей запискѣ относительно генерала Беннигсена, скончавшагося въ Ганноверѣ. Онъ показывалъ ее государю, и его величество сказалъ, что ему кое-что объ этомъ извѣстно, и что по его повелѣнію Струве получилъ приказаніе отправиться изъ Гамбурга въ Ганноверъ и предложить вдовѣ Беннигсена передать бумага покойнаго намъ, а далѣе будетъ видно, что возможно сдѣлать въ Англіи.

Графъ упомянулъ о газетной цензурѣ. Я спросилъ, кому онъ поручилъ ее. «Бутекову, — отвѣчалъ онъ, — который приучается къ этому дѣлу подъ руководствомъ Северина». Затѣмъ графъ намекнулъ на слишкомъ большую строгость моей цензуры, сказавъ, что таково мнѣніе государя. Я отвѣчалъ, что необходимо бороться съ идеями, которыя хотятъ внушить молодежи, иначе зло будетъ непоправимо; впрочемъ, я только исполнялъ свой долгъ. Я просилъ его припомнить, какъ трудно мнѣ было добиться запрещенія «Инвалада», и какое счастье, что мой совѣтъ былъ принятъ, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что заговоръ 14-го декабря принялъ бы еще ббльшіе размѣры, ежели бы эта газета не была запрещена три года тому назадъ. Онъ съ этимъ согласился, но замѣтилъ, что со стороны цензуры было бы жестоко лишать подписчиковъ столькоихъ номеровъ, когда они заплатили за нихъ. Я отвѣчалъ, что слѣдовало бы запретить ихъ всѣ и позаботиться о собственныхъ (казенныхъ) изданіяхъ. «Впрочемъ, — сказалъ я, — такъ какъ императоръ желаетъ дать подобный оборотъ дѣлу, то надо надѣяться, что мы проживемъ спокойно; но горе нашимъ дѣтямъ». Поговоривъ въ этомъ духѣ о цензурѣ, онъ перевелъ разговоръ на генерала Воиѣ, судьбою котораго я интересовался, и сказалъ мнѣ, что сѣверо-американская компанія подала ему, для представленія императору, прошеніе о торговлѣ съ Гаити или Санъ-Доминго, и что онъ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы поговорить о генералѣ съ его величествомъ. Графъ спросилъ, какой чинъ ему дать? — «Сдѣлайте его коллежскимъ совѣтникомъ, этого будетъ достаточно, и запишите его въ дворянскую книгу; такимъ образомъ, онъ и дѣти его получать въ Россіи права гражданства; а то бѣдный генералъ Воиѣ, принявъ русское подданство, сталъ ни дворяниномъ, ни купцомъ, ни крестьяниномъ, и полиція не даетъ ему покоя».

27-го октября. Говорятъ, будто князь Александръ Голицынъ назначенъ управляющимъ собственной канцеляріей его величества; это подчиняетъ ему статсъ-секретарей комиссіи у принятія прошеній и въ сущности лишаетъ ихъ всякаго значенія. Императоръ какъ будто хочетъ все устроить на манеръ главнаго штаба.

15-го ноября. Большой интересъ возбуждаютъ разныя мелочи по части обмундированія, какъ-то: каски, фуражки и т. п. Съ другой сто-

роны, за русскими газетами существуетъ плохой надзоръ, и я боюсь послѣдствій, какія это можетъ имѣть.

17-го ноября. Графъ Нессельроде просилъ меня зайти къ нему, чтобы переговорить по поводу брачнаго договора покойнаго императора Александра съ покойною императрицею Елисаветой Алексѣвной. Я сказалъ ему, что никакого договора заключено не было и что всѣ свѣдѣнія по этому предмету находятся въ бумагахъ, именуемыхъ «Дѣла императорской фамилии», куда включены всѣ брачныя переговоры, начиная съ брака великаго князя Павла Петровича съ великой княгиней Натальей Алексѣвной, которые велись письменно. Впрочемъ, всѣ эти принцессы были слишкомъ бѣдны сами по себѣ, чтобы могла быть рѣчь объ ихъ приданомъ, которое совершенно ничтожно, и что все дѣлалось на средства русскаго двора. Затѣмъ мы поговорили о Бойе; онъ сказалъ, что императоръ не хочетъ дать ему мѣста по министерству народнаго просвѣщенія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—внесите его въ дворянскую книгу, не давая ему никакой должности.

— Будетъ ли онъ доволенъ чиномъ коллежскаго совѣтника?

— Ему было бы пріятнѣе получить чинъ статскаго совѣтника.

Я спросилъ графа, разрѣшилъ ли императоръ россійско-американской компаніи войти въ торговныя сношенія съ Гаити? Онъ отвѣчалъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—назначьте его агентомъ или консуломъ этого острова и пошлите въ Гаити русскаго консула.

— Увидимъ,—отвѣчалъ онъ.

Кончая нашъ разговоръ, я замѣтилъ графу, что необходимо увеличить штатъ служащихъ въ архивахъ министерства людьми способными въ нихъ работать; онъ съ этимъ согласился.

19-го ноября. Въ этотъ день отслужена заупокойная литургія по ихъ императорскимъ величествамъ Александрѣ I и Елисаветѣ Алексѣвнѣ. Были разосланы повѣстки явиться во дворецъ. Я отправился туда вмѣстѣ съ прочими. Во дворцѣ я видѣлъ графа Литту, коему передалъ записочку о желаніи моемъ поблагодарить императора за разныя пожалованныя мнѣ милости. Я воспользовался случаемъ попросить друга графа Нессельроде, князя Александра Голицына, внушить императору мысль назначить графа вице-канцлеромъ.

— Это назначеніе никому не повредитъ,—сказалъ я,— а только закрѣпитъ милости, пожалованныя ему императоромъ, и не дастъ возможности интригамъ проникнуть въ министерство.

Онъ отнесся, кажется, къ моимъ словамъ сочувственно, хотя ничего не отвѣчалъ, но я былъ радъ, что мнѣ представился случай высказать это.

21-го ноября. Я представлялся императору и благодарилъ его: 1) за назначеніе меня исправляющимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ во время отсутствія графа Нессельроде по случаю коронаціи; 2) за пряжку съ вензелемъ; 3) за прибавку жалованья; 4) за опредѣленіе моихъ дѣтей инкеромъ и кондукторомъ. Императоръ принялъ меня весьма милостиво, сказалъ, что онъ радъ тому, что сдѣлалъ мнѣ приятное, чтобы я продолжалъ служить по прежнему и что мы будемъ довольны другъ другомъ.

Представленіе императрицѣ отложено до будущаго воскресенья.

28-го ноября. Я представлялся царствующей императрицѣ, которая приняла меня милостиво, такъ-же какъ и великая княжна Елена Павловна, но великій князь не вышелъ.

6-го декабря. Тезоименитство императора. Ожидали разныхъ милостей, но случилось то, чего никто не ожидалъ. Только статсъ-секретарь Кишинъ, уволенный 26-го ноября въ отставку, получилъ Александра Невскаго. Такъ какъ его ненавидитъ вся партія власть имѣющая, то всѣ были удивлены этой наградѣ, которая пожалована, вѣроятно, по собственной инициативѣ императора. Кромѣ того, отъ 4—10 лицъ пожалованы въ сенаторы, по большей части, изъ генераль-адъютантовъ, что, видимо, всѣхъ удивило. Говорятъ, что образованъ комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: предсѣдатель графъ Кочубей, члены: генераль И. В. Васильчиковъ, Сперанскій, князь Голицынъ, графъ Толстой; дѣлъ этого комитета—осуществленіе плановъ покойнаго императора Александра. Директоромъ канцеляріи назначенъ статсъ-секретарь Блудовъ ¹⁾. Я сомнѣваюсь, чтобы этотъ комитетъ сдѣлалъ что-либо хорошее, а еще болѣе, чтобы онъ былъ въ состояніи исправить вредъ, причиненный безпечностью въ дѣлахъ внутренняго управленія, ознаменовавшею предъидущее царствованіе. Говорятъ также, что генераль-адъютанту князю Меншикову поручено организовать морской департаментъ, и что императоръ хочетъ возродить военный флотъ, пришедшій окончательно въ упадокъ въ предшествовавшее царствованіе. Если государь дѣйствительно пожелаетъ возродить флотъ, то придется выдержать чертовскую борьбу противъ интригъ Англій и образовать офицеровъ и матросовъ, не обучая ихъ строевой службѣ, что стубило флотъ.

23-го декабря. Я слышалъ, что государь повелѣлъ членамъ комиссіи у принятія прошеній являться на засѣданія всѣ предстоящіе праздники, исключая первыхъ дней Рождества Христова, Новаго года и Крещенія. Это распоряженіе вызвано, вѣроятно, отказомъ сенатора Соко-

¹⁾ Такъ называемый комитетъ 6 декабря 1826 г. имѣетъ свою исторію. — О дѣятельности его см. Сборн. Императ. Рус. Истор. Общества т. 90. Ред.

лова явиться въ засѣданіе въ то время, когда у сената были каникулы; должно быть статсъ-секретарь Лонгиновъ жаловался императору.

24-го декабря. Говорятъ, что императоръ работаетъ съ генераломъ Клейнмихелемъ по пятницамъ, а по четвергамъ Клейнмихель дѣлаетъ докладъ Дибичу. Слѣдовательно Дибичъ является начальникомъ штаба военныхъ поселеній только номинально. Я слышалъ также будто императоръ желалъ видѣть письма графа Аракчеева къ Клейнмихелю. Поэтому я ничуть не удивляюсь его назначенію въ комитетъ, на который возложено осуществленіе плановъ Покойнаго императора.

Консисторскій судъ надъ А. М. Бухаревымъ ¹⁾.

Ровно полѣтка тому назадъ, 8-го іюля 1846 г., въ праздникъ Казанскія Божіей Матери, въ домової церкви Московской духовной академіи, происходило постриженіе въ моначество молодого, только что блестяще окончившаго академическій курсъ студента Александра Матвѣевича Бухарева, нарѣченнаго при постриженіи Ѳеодоромъ. Посвящая себя служенію Богу, отрекаясь отъ міра и яже въ мірѣ, молодой Бухаревъ предначерталъ себѣ жизненный путь тою стезею, какою шли многіе изъ его предшественниковъ и сотоварищей. Но судьба судила иначе, и мы посвящаемъ настоящую статью описанію жизни Бухарева, составленную по официальнымъ источникамъ.

Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ, уроженецъ Тверской губерніи, сынъ діакона. Въ 1842 г. окончилъ курсъ въ Тверской духовной семинаріи, онъ, какъ лучший воспитанникъ, былъ командированъ въ Московскую духовную академію, изъ которой и выпущенъ въ 1846 г. Принявъ монашество, Ѳеодоръ пошелъ по іерархической лѣстницѣ обычнымъ порядкомъ. 8-го іюля онъ былъ постриженъ въ монахи и на другой день посвященъ во іеродіакона; 15-го іюля возведенъ въ санъ іеромонаха, при чемъ оставленъ бакалавромъ при Московской академіи по классу библейской исторіи и греческаго языка. Въ слѣдующемъ, 1847 г. Бухаревъ получилъ ученую степень магистра богословія, и при этомъ занялъ весьма видную въ духовной академіи кафедру священнаго писанія и определенъ академическимъ бібліотекаремъ. Проходя означенныя должности и обязанности съ усердіемъ и успѣ-

¹⁾ Настоящій разсказъ заимствованъ изъ дѣла, хранящагося во Владимірской духовной консисторіи.

хомъ, Θεодоръ, за полезную и усердную службу въ 1850 г., былъ причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Московскаго Ставропигіальнаго Донскаго монастыря, оставаясь въ то же время при академіи. Въ 1852 г. онъ получилъ званіе экстраординарнаго профессора, а въ слѣдующемъ 1853 г. опредѣленъ помощникомъ инспектора той же Московской академіи и 21-го января возведенъ въ санъ архимандрита на седьмомъ году монашества и тридцатомъ отъ роду.

Затѣмъ служба въ стѣнахъ лавры преподобнаго Сергія для архимандрита Θεодора скоро окончилась. Въ 1854 г. онъ былъ переведенъ въ Казанскую духовную академію съ званіемъ ординарнаго профессора и съ порученіемъ преподавать самыя главные академическіе предметы: богословіе общее, догматическое и обличительное. Вслѣдъ за тѣмъ онъ назначенъ былъ членомъ конференціи Казанской академіи и въ томъ же году опредѣленъ членомъ внутренняго и вѣшняго академическаго правленія. Прослуживъ около года въ Казанской академіи, Θεодоръ, былъ 22-го сентября 1855 г. утвержденъ инспекторомъ академіи.

Среди суровой зимы 1858 г. было получено въ правленіи Казанской академіи опредѣленіе св. Синода о перемѣщеніи архимандрита Θεодора на должность члена С.-Петербургскаго духовнаго цензурнаго комитета. Опредѣленіе состоялось 10-го января, и Θεодоръ долженъ былъ зимою, на перекладныхъ, проѣхать полторы тысячи верстъ съ огорченнымъ чувствомъ своего достоинства.

Не было секретомъ, что Θεодоръ пониженъ не то чтобы за либеральное, но за недостаточно схолатическое преподаваніе нѣкѣхъ богословскихъ предметовъ студентамъ академіи.

Членомъ цензурнаго комитета Θεодору пришлось быть три года. За это время, какъ говорятъ, онъ написалъ весьма замѣчательное объясненіе на Апокалипсисъ—объясненіе настолько по тому времени выдающееся новизною воззрѣній, что слухъ объ этомъ трудѣ достигъ до митрополита Филарета, который вытребовавъ рукопись, призналъ ее не только неудобной по цензурнымъ условіямъ къ печати, но вредной и съ толкованіями отцовъ и учителей церкви несогласной. Этого мало: разсказываютъ, что митрополитъ Филаретъ потребовалъ къ себѣ Θεодора, сдѣлавъ ему строгое внушеніе, а во время зашиты авторомъ своихъ богословскихъ воззрѣній, кинулъ ему рукопись. Поднямая свой трудъ, архимандритъ Θεодоръ будто бы сказалъ святителю московскому, что такой способъ критики его сочиненій онъ находитъ неудобнымъ, и вышелъ.

Насколько этотъ разсказъ точенъ и вѣренъ, я ручаться не могу. Но какъ бы то ни было, по указу св. Синода отъ 20-го февраля 1861 г., за № 591, согласно прошенію архимандрита Θεодора и по вниманію къ его разстроенному здоровью, онъ перемѣщенъ въ число братства въ

городъ Переяславль Владимірской губерніи въ Никитскій монастырь, оставаясь членомъ цензурнаго комитета. По этой должности Феодоръ получалъ тысячу рублей и по званію магистра богословія сто рублей въ годъ.

Верстахъ въ трехъ отъ города Переяславля Залѣскаго, влѣво отъ Московско-Ярославскаго шоссе, на высокой горѣ, расположенъ мужской Никитскій монастырь. Въ эту, удаленную отъ шума житейской суеты, обитель и прибылъ архимандритъ Феодоръ. Переяславцы сейчасъ-же заговорили о томъ, что въ Никитскій монастырь присланъ ученый архимандритъ, для наученія монашескому смиренію и послушанію. Въ это время настоятелемъ Никитскаго монастыря состоялъ смотритель Переяславскаго духовнаго училища и предсѣдатель духовнаго правленія, архимандритъ Нифонтъ, по образованію студентъ семинаріи, человекъ весьма добродушный, не дѣлавшій никому зла. Онъ радушно принималъ Феодора и относился къ нему съ глубокимъ почтеніемъ, какъ къ мужу ученому, могущему во всякомъ случаѣ достигнуть епископства. Но каково-же было удивленіе Нифонта, а съ нимъ всей монастырской братіи, всѣхъ обитателей переяславскихъ, когда Феодоръ, проживъ въ Никитской обители два съ половиною года, 20-го іюля 1862 г. послалъ въ св. Синодъ прошеніе о сложеніи съ него духовнаго и монашескаго сана. Въ этомъ прошеніи архимандритъ между прочимъ писалъ, что онъ, «по обстоятельствамъ, которыя касаются не его одного, а другихъ лицъ, и которыхъ поѣтому неудобно и для выясненія дѣла нѣтъ нужды разспрашивать, монашескія его отношенія соединяются во многомъ съ нарушеніемъ внутренняго мира и съ смущеніемъ совѣсти, чѣмъ въ корнѣ разрушается монашеское служеніе Богу».

Предъ подачею прошенія въ Синодъ архимандритъ Феодоръ, въ письмѣ къ ректору Московской духовной академіи отъ 14-го іюля 1862 года, Александру Васильевичу Горскому, подробно объясняетъ причины своего намѣренія оставить духовный санъ. Письмо это, слѣдующее ¹⁾.

«Достопочтеннѣйшій отецъ протоіерей Александръ Васильевичъ!

«Вы такое живое и сердечное участіе принимаете во мнѣ, что мнѣ давно хотѣлось объяснить вамъ мое намѣреніе или уже предпріятіе, которое неизбежно подлежитъ всякимъ перетолкамъ.

«Мнѣ желательно, чтобы вамъ по крайней мѣрѣ извѣстна была внутренняя пружина, движущая меня къ перемѣнѣ званія. Отъ вашей доброй воли зависитъ согласиться съ моими мыслями или подвести подъ судъ этого апостольскаго правила: кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ. Изъ разговоровъ со мной въ

¹⁾ Письмо напечатано въ исторіи Московской духовной академіи.

Петербургъ и изъ сочиненій, если ихъ читаете, вамъ известна моя мысль и даже увѣренность, что въ настоящемъ броженіи и борьбѣ умовъ и стремленій человѣческихъ дѣло и духовное и свѣтское или мірское не иначе можетъ поправиться и умириться, какъ если духовное будетъ нисходить до мірскаго съ тѣмъ, чтобы понемногу и послѣднее поднялось до значенія и силы духовнаго. Не снизойди Господь съ небесной обители къ намъ на землю, въ нашъ грѣшный міръ, что было бы съ атамъ міромъ, все равно съ православными,—тогда іудеями—или съ чуждыми церкви язычниками. Вѣдь навѣрно всѣ бы мы погибли. Развивалъ я эти мысли въ сочиненіяхъ своихъ, но все это остается гласомъ вопиющимъ въ пустыни. Трудъ, который могъ бы сколько-нибудь побудить разсуждающихъ къ серьезнымъ мыслямъ и заботамъ о нынѣшнихъ духовныхъ затрудненіяхъ и опасностяхъ, остановленъ... Что-же? И мнѣ вѣдти на покой нравственнаго усыпленія. Удовлетвориться, напримѣръ, назначеніемъ въ какой-нибудь монастырь, или какою-либо пенсією. Но вѣдь это было бы нечестно предъ Богомъ и церковію, если судить меня по моей совѣсти или по тому, въ чемъ я признаю и вижу главную бѣду нашего времени.

«Другіе не хотятъ, ну такъ мнѣ самому ничто не препятствуетъ испытать на дѣлѣ служеніе Христу Богу и въ мірскомъ званіи. Доберутся до истины и другіе,—только была бы эта истина проведена въ самой жизни и тѣмъ получала мѣсто болѣе прочное, чѣмъ по однимъ сочиненіямъ. Далекъ я, достопочтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, отъ отрицанія истиннаго благочестія и истинной добродѣтели или любви къ истинѣ во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые идутъ не по вышеуказанному направленію, какому я хотѣлъ весь предаться. Но есть различіе между свѣтомъ дня болѣе и болѣе угасающаго и свѣтомъ дня разсвѣтающаго; мерцаніе послѣдняго надежнѣе по отношенію къ будущему, чѣмъ ясная заря вечерняя. Примѣненіе притчи—понятно.

«Скажете-ли, что я неправъ въ своемъ отзывѣ, что другіе не входятъ въ общее со мною направленіе. Посмотри (скажете, пожалуй, мнѣ) на то, какъ наши духовные журналы заняты и выѣшнимъ бытомъ духовенства, удобствами ученыхъ и учащихъ или церковно-финансовымъ вопросомъ и т. под. Но дѣло истины выигрываетъ не отъ того, чтобы и сами духовные занимались своимъ дѣломъ помірски, но отъ того, чтобы они выяснили какъ и мірскимъ или свѣтскимъ людямъ заниматься своими дѣлами по духовному, сохраняя при томъ всю свою самостоятельность. Что же для этого дѣлаютъ наши духовные журналы? Ровно ничего, не исключая ни одного изъ нихъ. Общія мѣста, высказываемыя на этотъ предметъ по временамъ,—ничего не выясняютъ и не доказываютъ. Всѣ мы, извольте видѣть, въ важности разъясненія истины обдѣлываемъ болѣе свои дѣлишки, будетъ-ли это состоять въ расчетѣ

своекорыстія или въ стремленіи имѣть роль повидѣе и съ доброю у другихъ славою, или только въ уклончивости отъ опасности нарекавій, безпокойства, шума разногласія съ важными или нужными людьми. Простите меня, ради Бога, за подобныя рѣчи, которыя и мнѣ непріятны. Лучше идти самому путемъ, въ истинности котораго увѣрять совѣсть, нежели судить отъѣзжающихъ отъ этого пути. Высказываю вамъ все это единственно для объясненія моего рѣшительнаго шага. Зачѣмъ я, скажете, не боюсь соблазнить другихъ? Не «Домашнюю-ли Бесѣду» и сочувствующихъ ей? Не уклоняться же мнѣ отъ соблазна креста Христова ради тѣхъ, которые упорствуютъ находить этотъ соблазнъ. Обдѣлывающіе же свои дѣлишки, соблазняются только развѣ т а к ѣ, къ слову. Искренно-же благочестивые только поскорбятъ о мнѣ предъ Богомъ. Другіе же пусть если хотятъ разсуждаютъ и разсудятъ, что же это въ самомъ дѣлѣ такое дѣлается у насъ? Говорю о знающихъ меня, другимъ-же дѣла нѣтъ до меня. Впрочемъ и я не хочу же оставлять дѣла служенія истинѣ, только перейду въ свѣтскую область (подчиненную одной и той же съ духовными истинѣ), чтобы не соблазнялись живою внимательностію къ ея дѣлу—со стороны монаха.

«Если Господь сохранить мнѣ жизнь, желаю идти путемъ служенія Христу (Богу) Господу въ мірѣ до самыхъ даже крайнихъ предѣловъ внѣшней мірской жизни.

«Вотъ каковы мои обстоятельства и дѣла, и думы! Простите мою откровенность предъ вами, вызываемую вашимъ ко мнѣ участіемъ. Братству академическому, по-братски же (слышу) сочувствующему мнѣ, глубокіе мои поклонны. Предаюсь во всемъ Господу. У васъ теперь экзамены, хлопоты, труды, а я вздумалъ затягивать васъ въ длинную бесѣду. Простите».

На это письмо архимандрита Феодора, дышашее полною преданностью вогѣ Божіей, но по идеѣ и идеаламъ автора очень туманное, Александръ Васильевичъ Горскій писалъ ему слѣдующее:

«Отче, братіе и друже!

«Давно просвѣлась душа моя на бесѣду съ вами, особенно личную бесѣду; усты ко устамъ. Но сперва слухи о побѣдкѣ вашей изъ Переяслава, потомъ извѣстныя вамъ періодическія работы, возвращающіяся черезъ каждые два года, отстраняли эту мысль. Но теперь возобновившіяся слухи и письмо ваше побуждаютъ замѣнить устную бесѣду по крайности письменною. Простите, если немощное слово и побоченная другими дѣлами дума не найдетъ достаточнаго предмету бесѣды выраженія. Прискорбно и для насъ извѣстіе, что трудъ вашъ, которому посвящено было столько лѣтъ самаго усерднаго занятія, который стоялъ вамъ столькохъ изысканій, думъ, молитвъ — задержанъ. Зная осторожность нашего духовнаго правительства въ дѣлахъ такого

рода, не думаемъ, чтобы этому было причиною совершенное несогласіе его съ вашимъ изъясненіемъ. Навѣрное, если ваше толкованіе было предметомъ общаго разсужденія, были предъявлены какія-либо замѣчанія, противъ какихъ-либо частныхъ недостатковъ, легко исправимыхъ, а можетъ быть и всѣми признаваемыхъ за недостатки, — замѣчанія, написанныя подъ вліяніемъ строгихъ понятій о цензурѣ. Но вотъ узлы цензуры по частямъ начинаютъ разрѣшаться. Надобно ожидать, что при такомъ положеніи дѣлъ и по духовному вѣдомству будутъ сдѣланы измѣненія въ существующихъ правилахъ цензурнаго устава. Но можетъ быть и не дожидаясь этихъ измѣненій, нашли бы мы средства при нѣкоторыхъ уступкахъ провести дѣло ваше въ свѣтъ. Не рѣшитесь ли вы сообщить на нѣсколько времени намъ ваши тетради съ сдѣланными на нихъ замѣчаніями, съ тѣмъ, чтобы мы пересмотрѣли то и другое и, подумавъ, на чьей сторонѣ болѣе правды, предложили вамъ нѣкоторыя примирительныя мѣры; въ другихъ же случаяхъ, строго держась воззрѣній вашего, представили это дѣло на улаженіе нашему мудрому святителю. И такимъ образомъ черезъ него вновь оно могло бы явиться на судъ нашей церкви, но уже съ болѣе сильнымъ голосомъ въ пользу вашу ¹⁾».

По нашему глубокому убѣжденію и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣемъ мы, у архимандрита Θεодора, кромѣ принципиальныхъ воззрѣній на монашество, кромѣ оскорбленнаго авторскаго самолюбія, кромѣ тяжести житья въ захолустномъ монастырѣ, вдали отъ науки и ученыхъ, была иная и, думаемъ, главная причина исканія выхода изъ-за монастырской ограды на вольный свѣтъ.

Причина эта сердечнаго свойства.

Во время пребыванія архимандрита Θεодора въ Никитскомъ монастырѣ, у проживающаго въ г. Переславлѣ помѣщика Родышевскаго была дочь, увлекавшаяся духомъ отрицательнаго направленія, подъ вліяніемъ ученій и броженій умовъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Естественно, что отрицательное направленіе дочери не могло не беспокоить родительскаго сердца, и вотъ Родышевскій, не находя въ себѣ достаточныхъ силъ къ переубѣженію дочери, обратился къ помощи Θεодора, какъ мужа науки и ума выдающагося. Всѣда архимандрита Θεодора «усты ко устамъ» съ дѣвицей Родышевской породила у обонхъ ту взаимность чувствъ, которая и понудила Θεодора искать выхода въ свѣтское званіе для вступленія, по его выраженію, въ брачную жизнь. Вѣдь если бы Θεодоръ рѣшилъ ходатайствовать о сложеніи съ

¹⁾ Это письмо найдено недописаннымъ въ архивѣ А. В. Горскаго, и полагаютъ надо, что Θεодоръ отвѣта на свое письмо къ Александру Васильевичу не получилъ, что конечно не могло не огорчать его и съ еще болѣе рѣшимостью покинуть духовное званіе.

него сана раньше, до знакомства съ Родышевской, то ему не было бы никакой надобности уѣзжать изъ Петербурга въ захолустный Переяславль. Да и по прибытіи въ Никитскій монастырь, Феодоръ не тотчасъ приступилъ къ хлопотамъ о сложеніи сана, нѣтъ—онъ начинаетъ эти хлопоты, проживши здѣсь два съ половиною года. Все это убѣждаетъ насъ въ вѣрности нашего предположенія о главнѣйшей причинѣ, побудившей архимандрита къ выходу изъ духовнаго званія.

Получивъ просьбу Феодора Синодъ опредѣлялъ прошеніе его оставить безъ послѣдствій, какъ непосредственно представленное въ Синодъ, ибо съ ходатайствомъ о сложеніи духовнаго сана должно было обратиться къ мѣстному епархіальному архіерею. Свое опредѣленіе Синодъ поручилъ Владимірской духовной консисторіи объявить установленнымъ порядкомъ архимандриту Феодору и взискать съ него 2 р. 10 к. гербоваго сбора, такъ какъ онъ вошелъ съ прошеніемъ, написанномъ на простой бумагѣ.

Получивъ синодальный отвѣтъ, архимандритъ Феодоръ въ томъ же 1862 году, 11-го октября, послалъ владимірскому архіерею слѣдующее прошеніе:

„Его преосвященству преосвященнѣйшему Іустину епископу Владимірскому и Суздальскому. Состоящаго въ числѣ братства Переяславскаго Никитскаго монастыря, архимандрита Феодора покорнѣйшее прошеніе.

„Такъ какъ монашескія мои отношенія, по обстоятельствамъ особой важности, не отъ меня зависящимъ, соединяются у меня во многомъ съ кореннымъ нарушеніемъ внутренняго міра и смущеніемъ совѣсти; то по продолжительномъ и зрѣломъ обсужденіи этого, я нахожу себя въ положеніи чловѣка, не могущаго во благо и спасеніе свое нести принятое мною иго монашества. Поэтому рѣшаюсь искать выхода изъ священнаго и монашескаго чина въ рядъ простыхъ православныхъ для поступленія въ брачную жизнь, съ готовностью подвергнуться должной энтиміи и лишенію разныхъ правъ по церковнымъ правиламъ и законамъ гражданскимъ, покорнѣйше прошу ваше преосвященство учинить архипастырскія по закону распоряженія и ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о снятіи съ меня священнослужительскаго и монашескаго сана. Состоящій въ числѣ братства Переяславскаго Никитскаго монастыря архимандритъ Феодоръ руку приложилъ“.

На этомъ прошеніи епископъ Іустинъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Въ консисторію для распоряженія на основаніи законовъ».

Съ своей стороны Владимірская духовная консисторія 22-го октября 1862 года опредѣлила:

„На основаніи 91 ст. уст. дух. консист. и тома IX ст. 254 Св. Законовъ, Переяславскаго Никитскаго монастыря настоятелю архимандриту Нифонту со старшею братією съ прописаніемъ содержанія прошенія архимандрита Феодора предписать, чтобы они состоящему въ ономъ монастырѣ въ числѣ братства архимандриту Феодору, просящему о сложеніи съ него священнослужительскаго и монашескаго сана, преподавали въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ увѣщанія, дабы онъ до конца жизни своей остался вѣренъ данному

обѣту монашества и свято хранилъ свой священнослужительскій и монашескій санъ, и, что окажется по увѣщанію, консисторіи довести, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ“.

Настоятель Никитскаго монастыря архимандритъ Нифонтъ, по своему добродушію и мягкосердію, а «старшая братія» по своей неподготовкѣ къ выполненію такого серьезнаго и, можно сказать, щекотливаго порученія, не безпокоила Теодора своими увѣщаніями. 17-го февраля 1863 года архимандритъ Нифонтъ въ рапортѣ, за № 35-мъ, доносилъ Владимірской духовной консисторіи, что архимандритъ Теодоръ остался въ непреклонномъ рѣшеніи искать выхода изъ духовнаго чина въ рядъ простыхъ православныхъ, потому что въ установленныхъ монашескихъ отношеніяхъ, по обстоятельствамъ, онъ не въ состояніи служить Богу съ духовнымъ миромъ и спокойною совѣстью и въ подтвержденіе своей непреклонной рѣшимости выйти въ рядъ простыхъ православныхъ далъ собственноручное на бумагѣ объясненіе.

При этомъ рапортѣ было представлено въ консисторію слѣдующее объясненіе Теодора:

„Его высокопреподобію, отцу настоятелю Никитскаго монастыря архимандриту Нифонту съ братіей.

„Состоящаго въ числѣ братства этого монастыря архимандрита Теодора. Объясненіе.

„Подвергнувшись по распоряженію начальства трехмѣсячному увѣщанію вашему объ удержаніи мною священнослужительскаго и монашескаго сана, симъ имѣю честь объяснить вамъ, что въ установившихся монашескихъ отношеніяхъ будучи не въ состояніи служить Богу съ духовнымъ миромъ и совѣстью, я остаюсь въ непреклонной рѣшимости искать выхода изъ духовнаго чина въ рядъ простыхъ православныхъ; а сколько оказываюсь въ этомъ повиннымъ предъ Господомъ, готовлюсь за то охотно и смиренно понести бремя церковной эпитиміи и лишенія многихъ важныхъ правъ. 1863 года февраля 10-го дня“.

Исключительность положенія Теодора, его извѣстность какъ ученаго, его скромность, его по внѣшности аскетическая натура, все это взятое вмѣстѣ породило массу толковъ не только между монахами, но и свѣтскими лицами, когда Теодоръ возбуждалъ вопросъ о своемъ расстриженіи. Въ общемъ у Теодора сторонниковъ не было. Но особенно оскорбительно отзывался о намѣреніяхъ его извѣстный въ то время г. Аскочанскій въ своей «Домашней Весѣдѣ», органѣ полусвѣтскомъ и полудуховномъ. Рѣшимость же Теодора, вызываемая чувствомъ взаимности любимаго человѣка, была непоколебима. Ему, какъ рассказывали въ то время, обѣщано было даже скорое архіерейство, разрѣшеніе печатанія непропущеннаго сочиненія, только бы онъ оставилъ свое намѣреніе о сложеніи сана. Ничто, однако же, не дѣйствовало. Вслѣдствіе этого, въ апрѣлѣ 1863 года, Теодоръ вызванъ былъ во Владимір и помѣщенъ въ архіерейскомъ монастырѣ. Тогдашнему ректору семина-

рѣи архимандриту Алексію поручено было убѣждать Θεодора оставить намѣреніе о сложеніи духовнаго сана. Увѣщатель, будучи самъ чело-вѣкъ не высокаго ума, раздражительный, крикливый, даже бранливый (намъ лично извѣстный), доказывалъ Θεодору, что его намѣреніе оскорбительно для священнаго званія и гибельно для него самого, и своими увѣщаніями вынудилъ Θεодора отвѣтить, что еще не родился тотъ чело-вѣкъ, который бы переубѣдилъ его. О безуспѣшности своихъ увѣщаній ректоръ Алексій донесъ епископу Іустину рапортомъ отъ 6-го мая 1863 года. Вслѣдствіе этого донесенія, духовная консисторія 7-го мая опредѣлила: «для окончательнаго увѣщанія, пригласить архимандрита Θεодора въ присутствіе консисторіи 10-го числа, въ 12 часовъ дня, и отнестись къ членамъ консисторіи: архимандриту Алексію и архимандриту Іерониму, чтобы они къ означенному времени благово-лили прибыть въ духовную консисторію».

Увѣщаніе полного состава присутствія духовной консисторіи сдѣ-лано было архимандриту Θεодору словесно, и журнала съ изложеніемъ увѣщательныхъ рѣчей составлено не было. Въ дѣлѣ есть только доне-сеніе Θεодора на имя консисторіи, въ которомъ онъ пишетъ: «Выслу-шавъ сего 10-го мая 1863 года увѣщаніе со стороны членовъ духовной консисторіи въ ея присутствіи, долгъ имѣю объяснить, что остаюсь въ той же рѣшимости относительно снятія съ меня монашескаго и свя-щеннослужительскаго сана, какъ выражено мною въ поданномъ на высочайшее имя прошеніи ¹⁾».

25-го мая 1863 года, Владимірская духовная консисторія дѣло Θεодора представила въ Синодъ, который указомъ 25-го іюня разрѣ-шилъ снять съ него священнослужительскій и монашескій санъ. Вы-званный 31-го іюля въ консисторію, Θεодоръ далъ слѣдующую подписку:

„Дава сія подписка въ присутствіи Влад. духовн. консисторіи, согласно опредѣленію ея, бывшимъ архимандритомъ Θεодоромъ въ томъ, (что) какъ сло-жившій съ себя по собственному желанію и съ разрѣшенія Св. Синода санъ священнослужительскій и монашескій, не долженъ по силѣ 258 ст. IX т. Свод. Зак. именовать себя архимандритомъ, кавалеромъ и магистромъ, но-сить монашеской одежды и обиванъ называться по имени, отчеству и фами-ліи, а именно: Александръ Матѣевичъ Вухаревъ. На основаніи 4 п. 254 ст. того же тома онъ не имѣетъ права жить въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ жилъ мо-нахомъ, а именно: въ Московскои, С.-Петербуржскои, Казанскои и Владимір-скои, равно и въ обѣихъ столицахъ, подъ страхомъ, въ противномъ случаѣ, быть сосланнымъ въ Сибирь на всегдашнее пребываніе. Къ сей подпискѣ, сложившій съ себя санъ, бывший архимандритъ Θεодоръ, а иныи Александръ Матѣевичъ Вухаревъ, руку приложилъ, іюля 31-го дня 1863 года.“

¹⁾ Когда писалъ Θεодоръ и въ какихъ выраженіяхъ прошеніе на высочайшее имя—изъ дѣла не видно.

Лишенный многих правъ и преимуществъ, Александръ Матвѣевичъ Бухаревъ находилъ утѣшеніе въ любящемъ сердцѣ. По сложеніи сана, онъ женился на Родышевской и въ брачной жизни прожилъ около восьми лѣтъ. Оставшаяся вдовой Бухарева вспоминала о прожитыхъ годахъ съ Александромъ Матвѣевичемъ, какъ о самыхъ свѣтлыхъ и счастливыхъ въ своей жизни. Сдѣлавшись міряниномъ, Бухаревъ писалъ догматическія сочиненія, прикосившія ему впрочемъ мало матеріальныхъ выгодъ. Последнее изданіе его «Объ упокоеніи усопшихъ и о духовномъ здравіи живыхъ» относится къ 1866 году. Изъясненіе Апокалипсиса такъ и осталось неизданнымъ. Умеръ Александръ Матвѣевичъ, 2-го апрѣля 1871 года, имѣя около 50 лѣтъ. Похороненъ въ городѣ Переяславлѣ на избранномъ имъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ, будучи еще въ духовномъ санѣ, въ тѣни кладбищенскихъ деревь, по многу и по долгу бесѣдовалъ съ любящей его дѣвушкой, рѣшившейся изъ дворянской семьи выйти въ замужество за «безправнаго» человѣка¹⁾.

Закончимъ статью нашу характеристикой Бухарева, сдѣланной лицомъ его хорошо знающимъ, С. К. Смирновымъ, ректоромъ московской духовной академіи. «Человѣкъ съ горячимъ характеромъ, съ направленіемъ ультра-аскетическимъ, писалъ о Бухаревѣ Сергій Константиновичъ, доходившій до крайности мистическаго созерцанія и при томъ непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, онъ рѣшился снять съ себя монашескій санъ, и, несмотря на убѣдительныя представленія многихъ, въ томъ числѣ митрополита Филарета и А. В. Горскаго, котораго онъ глубоко уважалъ, настоялъ на своемъ требованіи и въ 1863 году сдѣлался міряниномъ».

Н. Соловьевъ.

¹⁾ Свѣдѣнія о Бухаревѣ появлялись въ свое время во многихъ періодическихкихъ изданіяхъ: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1871 годъ, № 86 и 74 года № 84, въ «Современныхъ извѣстіяхъ» за 71 годъ № 109, въ «Голосѣ» 71 года № 121, въ «Церковнообществ. Вѣстникѣ» 74 года № 43 и другихъ изданіяхъ. Но собственно свѣдѣній о самой процедурѣ сложенія духовнаго сана съ Бухарева нигдѣ въ печати не появлялось. Вотъ почему настоящую статью мы составили и назвали «Консисторскій судъ надъ Бухаревымъ». Здѣсь кстати замѣтимъ, что собственно разстриженія, въ смыслѣ стрижки волосъ при сложеніи духовными лицами своего сана, никакого не бываетъ. Не было совершаемо его и надъ Бухаревымъ, какъ болтали досужіе языки въ то время. Ему объявили указъ Свѣта, отобрали отъ него «ставленную грамоту»—и только. Дѣло о сложеніи сана съ архимандрита Феодора производилось одинъ годъ и два мѣсяца.

ВСТРѢЧА СЪ АЛЕКСѢЕМЪ ПЕТРОВИЧЕМЪ ЕРМОЛОВЫМЪ.

(Изъ воспоминаній Варвары Михайловны Щелотъевой).

Старшій братъ мой, Иванъ Михайловичъ Свѣшниковъ, былъ выпущенъ въ 1838 году изъ Московскаго кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ конную артиллерію, и за шалости и скандалы, бывшіе тогда въ большомъ ходу между офицерами, былъ переведенъ на Кавказъ.

Зимой 1845 года братъ былъ уже поручикомъ, когда съ нимъ случилось несчастіе: онъ сошелся съ одною замужнею женщиною, любилъ ее до безумія и до безумія ревновалъ. И вотъ, въ одинъ вечеръ, на балѣ въ Тифлинскомъ собраніи, за этою женщиною слишкомъ явно сталъ ухаживать молодой, чиновникъ состоявшій при князѣ Воронцовѣ нѣкто А—товъ. Между соперниками возникла ссора, оба были къ тому же не совсѣмъ трезвы и, послѣ танцевъ, когда дамы разъѣхались, а мужчины сѣли за ужинъ, А—товъ, сѣдя за общимъ столомъ, громко называлъ брата подлецомъ; пашка брата была при немъ, онъ выхватилъ ее, бросился на А—това и убилъ его на мѣстѣ.

Мы жили въ то время въ имѣніи отца, Смоленской губерніи Юхновскаго уѣзда, и конечно не знали ничего о случившемся на Кавказѣ, какъ вдругъ, уже въ іюль 1845 года, отецъ получилъ отъ брата письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ.

«Слѣдствіе по моему дѣлу окончено: я приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ безсрочной каторжной работѣ. Приговоръ состоялся, но еще не конфирмованъ княземъ намѣстникомъ, который въ

настоящее время въ отлучкѣ.—Какъ только онъ вернется въ Тифлисъ и подпишетъ приговоръ, участь моя будетъ рѣшена безповоротю.

«Простите мнѣ, дорогой отецъ, все горе, которое я вамъ приношу: если найдете какое-нибудь средство мнѣ помочь—помогите, но на какому я не пойду: легче умереть разъ, чѣмъ умирать каждый день, и я стужу покончить съ собою прежде, чѣмъ буду отправленъ въ рудники. Матери не говорите ничего, я оставлю ей писемъ на нѣсколько лѣтъ, она будетъ получать ихъ долго послѣ моей смерти. Вы, мой строгій, но добрый и горячо любимый отецъ, благословите меня; вѣдь я, хотя и преступникъ, но не измѣнилъ ни присяги своей, ни чести».

Горе наше было безпредѣльно, и тѣмъ тяжелѣе, что отъ матери мы его скрывали: слабая, болѣзненная, и страстно, больше всѣхъ дѣтей, любившая Ивана, она не перенесла бы его несчастья. При ней мы притворялись веселыми и покойными; только съ отцомъ, гдѣ-нибудь далеко отъ дома, мы могли облегчить душу слезами и поговорить о бѣдномъ братѣ. Средства къ его спасенію мы не знали никакихъ, кромѣ молитвы; и мы молились, молились усердно, съ несомнѣнною вѣрою въ милосердіе Божіе,—и Господь послалъ намъ избавленіе.

Прежде всего мнѣ посовѣтовали написать къ княгинѣ Воронцовой, просить ея заступничества за брата. Я такъ и сдѣлала: написала княгинѣ все, что говорило мнѣ сердце, и очень скоро получила отъ нея самый милый, теплый отвѣтъ.—Княгиня благодарила меня за то, что я отнеслась къ ней въ такую скорбную минуту и тѣмъ выразила доброе о ней мнѣніе; за тѣмъ общалась, что, по возвращеніи въ Тифлисъ, князь самъ разсмотритъ дѣло моего брата, и «сдѣлаетъ все, что позволять ему долгъ и совѣсть, для смягченія приговора». Въ то же время и отъ брата пришло отрадное извѣстіе.—Княгиня дѣйствительно приняла въ немъ живѣйшее участіе, озаботилась объ улучшеніи его положенія настолько, что присылала ему ежедневно завтракъ, обѣдъ и ужинъ, припасы къ чаю, фрукты, даже книги для чтенія.—Подобное вниманіе княгини, конечно, отзывалось благотворно на всей обстановкѣ брата и на его душевномъ состояніи.

Но этого было недостаточно. Приговоръ все же существовалъ, и не сегодня завтра могъ быть подтвержденъ намѣстникомъ. Мы еще прилежнѣе, еще горячѣе стала молиться Богу—и опять не напрасно. Совершенно неожиданно, одинъ изъ отставныхъ офицеровъ, служившій на Кавказѣ при Ермоловѣ, узналъ какъ-то случайно о нашемъ горѣ и сообщалъ отцу, что если мы обратимся къ Алексѣю Петровичу, то онъ силенъ спасти брата, такъ какъ князь Воронцовъ его глубоко чтитъ, и ни въ чемъ ему отказать не можетъ.—Самъ же Алексѣй Петровичъ, будучи челоѣкъ добрѣйшей души, не останется равнодушнымъ къ такому несчастію.

Кто въ Россіи не зналъ Алексѣя Петровича Ермолова? знали его и мы, хотя знакомы съ нимъ не были. Однажды я, съ сестрою и съ матерью, были въ Московскомъ благородномъ собраніи и сидѣли за балюстрадою въ большой залѣ. Вдругъ всѣ глаза обратились въ сторону входа, всѣ вставали съ мѣстъ и кому-то кланялись. Въ собраніе вошелъ очень высокаго роста генералъ, весь обвѣшанный орденами и направился въ нашу сторону. Мать поднялась съ мѣста, мы тоже. Когда генералъ поровнялся съ нами, мать ему поклонилась и шепнула намъ: «кланяйтесь». Мы почтительно поклонились; генералъ отвѣтилъ самымъ учтивымъ поклономъ и прошелъ мимо. Мы спросили у матери: «кто это».

— Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, — отвѣчала она съ благоговѣніемъ.

— Развѣ вы, маменька, съ нимъ знакомы?

— Нѣтъ, я съ нимъ не знакома, но каждый русскій знаетъ и чтитъ Алексѣя Петровича Ермолова. Всѣ знакомые и незнакомые, даже дамы, передъ нимъ встаютъ и ему кланяются.

— Почему?

— Потому, что онъ этого достоинъ: онъ честь и слава Россіи.

Дѣла мать рассказала намъ о дѣятельности Ермолова, и съ тѣхъ поръ онъ оставался въ нашей памяти, какъ идеалъ чести и доблести, дѣйствительно заслуживающій всеобщее поклоненіе.

Теперь, когда мы узнали, что этотъ самый Алексѣй Петровичъ Ермоловъ можетъ спасти брата, мы ожили надеждою. Отецъ рѣшилъ немедленно къ нему обратиться; но не письменно, а лично. Отцу ѣхать въ Москву было невозможно: онъ такъ много плакалъ, что у него сильно разболѣлись глаза, — и я вызвалась ѣхать вмѣсто него. Отецъ съ радостью согласился отпустить меня съ одною изъ моихъ замужнихъ сестеръ; матери сказали, что мы ѣдемъ на богомолье въ Троицкую Лавру. Съ ея стороны препятствія не оказалось, и мы выѣхали 10-го августа 1845 года.

Въ Москвѣ я прежде всего отправилась къ Иверской и отслужила молебень. Выходя изъ часовни, я вспомнила, что не знаю дома Алексѣя Петровича. Адресныхъ столовъ тогда еще не было, и отыскать кого-нибудь въ Москвѣ было дѣло не легкое. Но мнѣ тутъ же пришла счастливая мысль: я спросила у перваго попавшагося мнѣ извозчика, не знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ?

— Какъ не знать Алексѣя Петровича? отвѣчалъ извозчикъ, снимая шляпу при имени Ермолова; они живутъ въ собственномъ домѣ, на Предтеченскомъ бульварѣ.

— Можешь меня туда свезти?

— Извольте садиться, доставимъ.

Ставни въ домѣ Ермолова были затворены. По двору шла женщина съ ведромъ воды. Я ее спросила: «дома ли Алексѣй Петровичъ?»

— Никакъ нѣтъ, они у себя въ деревнѣ.

— Далеко отъ Москвы?

— 23 версты.

— Какъ зовутъ эту деревню?

— Осоргино.

— По какой дорогѣ надо ѣхать?

— По большой Можайской.

— Въ какую заставу?

— Въ Дорогомилловскую.

Поблагодаривъ женщину за сообщенныя свѣдѣнія, я вернулась домой, и на другой день, 14-го августа, отправилась по утру въ Осоргино.

Часу въ двѣнадцатомъ дня моя карета остановилась у воротъ Ермолова. Я послала спросить, дома ли Алексѣй Петровичъ, и можно ли его видѣть? Мой посланный скоро вернулся, но не одинъ: впереди шелъ какой-то старичекъ, очень симпатичной наружности, подошелъ къ окну моей кареты и сказалъ мнѣ:

— Алексѣй Петровичъ очень извиняется, но онъ сегодня нездоровъ, не могъ еще ни встать съ постели, ни одѣться, и потому принять не можетъ.

Я горько заплакала. Голосомъ, дрожащимъ отъ слезъ и волненія, но твердо и рѣшительно, я отвѣчала старичку:

— Передайте, прошу васъ, Алексѣю Петровичу, что я пріѣхала за 300 верстъ исключительно для того, чтобы его видѣть и просить о весьма важномъ для меня дѣлѣ; что я умоляю его меня принять, не задержу его болѣе получаса. Ни вставать съ постели, ни одѣваться ему нѣтъ никакой надобности: не до этикета мнѣ, когда каждая потерянная минута можетъ все погубить. Пусть онъ приметъ меня какъ ему угодно, какъ ему возможно, только бы принять и выслушалъ; но я не отъѣду отъ его воротъ, пока онъ не умилосердится надо мною,—у насъ такое страшное несчастье!... и только одинъ Алексѣй Петровичъ можетъ насъ спасти!...

Сочувствіе и жалость ясно выразились на лицѣ старичка. Онъ просилъ меня успокоиться, обѣщавъ передать мои слова Алексѣю Петровичу и надѣялся, что онъ меня приметъ, несмотря на свое нездоровье. Старичекъ пошелъ обратно въ домъ, а я осталась у воротъ въ страшной тревогѣ. Нѣсколько минутъ спустя, тотъ же старичекъ вышелъ на крыльцо, велѣлъ моему кучеру подѣхать, помогъ мнѣ выйти изъ кареты, проводилъ меня въ гостиную, сказалъ, что Алексѣй Петровичъ проситъ немного подождать, сѣлъ рядомъ со мною и старался занять меня разговоромъ. Но я такъ была поглощена своимъ горемъ, что не

могла ни думать, ни говорить о чемъ либо другомъ; не слушала, что говорилъ мнѣ этотъ добрый старичекъ, отвѣчала не впопадъ, или вовсе не отвѣчала. Онъ вѣроятно понялъ мое душевное состояніе, и прямо спросилъ меня, по какому дѣлу я пріѣхала?

— Этого я не могу сказать никому, кромѣ Ермолова.

— Такъ не можете ли по крайней мѣрѣ сказать, гдѣ ваше дѣло?

— На Кавказѣ.

— Ну такъ успокойтесь: на Кавказѣ Алексѣй Петровичъ имѣетъ большую силу, и навѣрное вамъ поможетъ. Да не могу ли и я быть чѣмъ нибудь вамъ полезенъ? Я тоже долго служилъ на Кавказѣ вмѣстѣ съ Ермоловымъ, имѣю связи: тамъ у меня зять мой Коцебу... есть и другія лица... позвольте дать вамъ мой адресъ,—можетъ быть, и пригодится.

Онъ взялъ карандашъ и клочекъ бумаги, написалъ четкимъ крупнымъ почеркомъ: Отставной генераль-маіоръ Романъ Ивановичъ Ховенъ, и подалъ мнѣ; я поблагодарила, и взяла адресъ. Въ эту минуту двери гостиной растворились, и вошелъ Ермоловъ. Я встала, сердце у меня сильно забилось, я сама чувствовала, какъ блѣднѣю. Алексѣй Петровичъ привѣтливо мнѣ поклонился и сказалъ:

— Позвольте представиться,—Ермоловъ.

Я назвала себя.

— Прошу садиться,—сказалъ опять Алексѣй Петровичъ.

Я села, Ермоловъ противъ меня; Ховенъ тотчасъ удалился, и мы остались вдвоемъ.

— Прежде всего, сказалъ мнѣ Ермоловъ, я долженъ предупредить васъ, Варвара Михайловна, что вы, можетъ быть, преувеличиваете мое вліяніе; оно въ настоящее время весьма незначительно, особенно въ Петербургѣ. Многіе мои старые сослуживцы, дорогіе товарищи, ихъ вдовы и сироты, обращались ко мнѣ при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, и я ничего не могъ для нихъ сдѣлать...

— Не такого рода моя къ вамъ просьба, Алексѣй Петровичъ! не мѣста, не пособія намъ нужно; напротивъ, мы сами дали бы дорого за спасеніе брата, но оно куплено быть не можетъ.

— Вашъ братъ? Онъ служить?

— Служилъ поручикомъ артиллеріи.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Все еще тамъ же, на Кавказѣ.

— На Кавказѣ? такъ говорите смѣло: на Кавказѣ я, надѣюсь, могу еще многое сдѣлать, а что могу, то конечно и сдѣлаю. Расскажите мнѣ ваше дѣло.

Не помню, что и какъ я заговорила... сердце замерло, въ глазахъ потемнѣло... но среди моего разсказа, я какъ-то взглянула на Ермолова, и—Боже мой!—что за доброта, какое теплое сочувствіе на этомъ суро-

вомъ лицѣ! У него, у Ермолова, катились изъ глазъ двѣ крупныя слезы, онъ смотрѣлъ на меня пристально, съ такимъ состраданіемъ!... Этотъ взглядъ, эти слезы ободрили меня, и я кончила свой рассказъ уже съ облегченною душою.

— Милое дити, сказалъ, выслушавъ меня, Ермоловъ: я истинно радъ что вы просите меня о томъ, что я могу сдѣлать. Успокойтесь же, не плачьте, вашъ братъ будетъ спасенъ, на сколько это возможно. Подождите меня здѣсь немного, я сейчасъ къ вамъ вернусь.

Алексѣй Петровичъ торопливо удалился, а Ховенъ пришелъ опять въ гостиную. Узнавъ отвѣтъ Ермолова, онъ такъ искренно обрадовался, что я была глубоко тронута его участіемъ. Не богѣе, какъ черезъ полчаса Ермоловъ вернулся съ незапечатаннымъ письмомъ, которое тутъ же мнѣ и прочелъ. Онъ писалъ къ князю Воронцову, какъ къ хорошему товарищу, и ходатайствовалъ за моего брата. Жалѣю, что не могу передать слово въ слово всего письма, помню только нѣсколько строкъ: «Онъ (т. е. братъ мой) пролилъ кровь,—пусть же своею кровію искупить преступленіе; но пощади молодого человѣка, не дай ему погибнуть безвозвратно». Прочитавъ мнѣ все письмо, Ермоловъ его запечаталъ и, отдавая мнѣ, сказалъ:

— Завтра маль-почта идетъ на Кавказъ, отправьте это письмо страховымъ и надѣйтесь: князь Воронцовъ очень добрый и гуманный человѣкъ, онъ спасетъ вашего брата.

Я взяла письмо, поблагодарила—одному Богу извѣстно, съ какимъ глубокимъ чувствомъ!—и стала прощаться, чтобы не беспокоить долѣе Алексѣя Петровича; но онъ улыбнулся и весело сказалъ:

— Ну нѣтъ, Варвара Михайловна! ужъ если вы заѣхали къ старому солдату, то и шей солдатскихъ отвѣдайте. Экипажемъ вашимъ я распорядился; лошади въ конюшнѣ, люди обѣдаютъ, а васъ милости просимъ съ нами откушать.

Я, конечно, осталась обѣдала, пробыла до 5-ти часовъ, и хотя я была въ то время молодая свѣтская дѣвушка, я никогда, ни прежде, ни послѣ, не проводила такого пріятнаго дня, какъ въ Осоргинѣ, съ двумя ветеранами, замѣчательными по уму, образованію, сердечности и простотѣ. Прощаясь, Алексѣй Петровичъ сказалъ мнѣ:

— Не благодарите меня, Варвара Михайловна! вы мнѣ доставили рѣдкое въ жизни наслажденіе—сдѣлать истинно доброе дѣло. Если же вамъ когда нибудь, по чему бы то ни было, опять понадобится старикъ Ермоловъ, то знайте, что онъ всегда къ вашимъ услугамъ.

Мы простились. Ховенъ проводилъ меня до экипажа. Я уѣхала изъ Осоргина. Письмо Ермолова къ князю Воронцову было мною отправлено страховымъ на другой же день, и спасло моего брата. Слѣдствіе по его дѣлу было вновь рассмотрѣно самимъ намѣстникомъ, первый при-

говоръ отмѣненъ, и подсудимый, безъ лишенія правъ состоянія, былъ только разжалованъ въ солдаты до выслуги «за неприличное офицеру поведеніе».

Два года братъ прослужилъ солдатомъ, получилъ Георгія за храбрость, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, ему оставался одинъ шагъ до офицерскаго чина. Приготовлялась экспедиція противъ горцевъ. Вызвали охотниковъ, и братъ вызвался изъ первыхъ. Передъ выступленіемъ, онъ съ большимъ чувствомъ исповѣдался, приобщился Св. Таинъ, оставилъ матери нѣсколько десятковъ писемъ, очень краткихъ, но дышавшихъ самою горячею любовью. Онъ точно предчувствовалъ: пошелъ въ экспедицію — и не вернулся. Бывшіе при немъ ваши крѣпостные люди, поварь и кучеръ, нашли его мертвымъ на полѣ сраженія: въ правой рукѣ его была пашка, а лѣвый високъ былъ прострѣленъ пулею. Такимъ образомъ сбылись слова Ермолова — онъ своею кровію искупилъ свое преступленіе.

Съ тѣхъ поръ, до сего дня, ежегодно 15-го августа, мною совершается благодарственное молебствіе Спасителю и Богоматери, и при жизни Алексѣя Петровича, я молилась объ его здоровьѣ, а послѣ кончины молюсь объ упокоеніи души его.

В. М. Щепотьева
(рожденная Свѣшниковъ).

Къ біографіи профессора Дегурова.

Письмо Д. Н. Рунича—князю А. Н. Голицыну.

10-го марта 1823 г.

Начинаю записку сію поздравленіемъ вашего сіятельства причастившись небесныхъ и животворящихъ Христовыхъ Тайнъ. Паки возобновленное вами соединеніе съ Спасителемъ нашимъ да низведетъ и на насъ, низшихъ дѣлателей въ Вертоградъ Господнемъ, Его благословіеніе! Духъ вашъ, всегда радѣющійся о Господѣ, да укрѣпнеть и насъ въ подражаніи примѣру вашему.

Отвѣтствуя на вопросъ вашего сіятельства, имѣю честь доложить, что намѣреніе ваше испросить Дегурову монаршее благоволеніе весьма благотворныя послѣдствія имѣть будетъ. Онъ достоинъ повстинѣ отличной награды. Бывъ защитникомъ царя-мученика, Людовика XVI, нынѣ онъ торжественно, въ продолженіе близъ двухъ лѣтъ, защищаетъ истину противу лжи! Всѣхъ противниковъ первой обратилъ на себя; подвергался преслѣдованіямъ и ругательствамъ вмѣстѣ со мною, и нынѣ, произнесенною рѣчью, запечатлѣлъ вѣрность свою правому дѣлу. Его вездѣ тѣснили—и онъ ничего не получилъ, къ чему былъ и въ Харьковѣ представляемъ.

Въ прошломъ году я просилъ ваше сіятельство, въ Петергофѣ, объ всходатайствованіи ему съ нѣкоторыми другими ордена св. Анны 2-ой степени, алмазами украшеннаго, и повторяю просьбу сію и нынѣ. Дегурову за 60 лѣтъ, и если ему ожидать постепенности—можетъ быть онъ и не дожветъ. Нѣтъ правила безъ исключенія! Притомъ профессору Чижову, мальчику въ сравненіи съ Дегуровымъ, недавно пожалованы алмазные знаки ордена Св. Анны 2-й степени. Какъ же Дегурову просить послѣ сего Владимірскій крестъ 4-й степени?—профессору не по имени, который сдѣлалъ бы честь и Парижскому университету, и который тогда, когда разносятся по всей Европѣ вопли безбожія и возмущенія, не боится проповѣдывать ученіе религіозное и монархическое!

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвоцинекой.

(Рожденной княжны Голицыной).

Нѣтъ десять тому назадъ, у меня зародилась мысль разсказать подробно о жизни моей матери княгини Екатерины Николаевны Голицыной и моей двоюродной бабушки Татьяны Борисовны Потемкиной. — Тогда я начала припоминать все, что знала о нихъ и рѣшилась писать воспоминаванія о дорогомъ для меня прошломъ.

Въ моемъ разсказѣ не малую долю займетъ память о моемъ отцѣ, который былъ извѣстенъ не только въ Россіи, но и за границей своимъ перомъ и музыкальнымъ талантомъ.

О тѣхъ же людяхъ, которые доброй памяти не стоятъ, я буду говорить вскользь или совсѣмъ умолчу. Можетъ быть это будетъ большой пробѣлъ въ моихъ воспоминаваніяхъ, можетъ быть это будетъ «картина, нарисованная бѣлыми красками на свѣтломъ фонѣ», но такъ какъ я предпочла бы поднять жемчужину съ чистаго пола, а не искать ее въ грязи и сорѣ—такъ и въ настоящій моментъ мнѣ пріятнѣе будить въ памяти образы хорошихъ людей... Это не мѣшаетъ мнѣ быть правдивой, не идеализировать близкихъ моему сердцу и не отступать отъ истины.

Уяснивъ цѣль моихъ воспоминаваній, я прошу читателей не удивляться, если характеръ ихъ покажется слишкомъ интимнымъ; но я писала ихъ для дѣтей, не думая отдавать въ печать. Когда же я читала ихъ моей матери, отъ которой узнавала многіе подробности и факты описываемаго времени, она говорила мнѣ: «послѣ моей смерти ты можешь напечатать свои воспоминаванія—ими ты опровергнешь много лжи, которую распускали въ обществѣ о твоёмъ отцѣ, въ чемъ онъ самъ часто

бывала виновата, выдумывая на себя разные небывлицы для потѣхи публики». Одобреніе матери, конечно, мнѣ было дорого, возстановить правду о моемъ отцѣ я считала своимъ долгомъ, и зародившаяся мысль, что не однимъ моимъ дѣтямъ интересно будетъ познакомиться съ лицами и событіями моего времени, побудили меня предложить эти записки вниманію читателей.

I.

Прабабушка М. Д. Дунина. — флигель-адъютантъ Бенкендорфъ и его женитьба. — Генералъ Курисъ, зять М. Д. Дуниной. — Моя мать. — Мой отецъ князь Юрій Николаевичъ Голицынъ.

Мать моя родилась и выросла въ селѣ Водолагахъ ¹⁾ Харьковской губерніи. Родители ея были люди очень богатые и жили патриархально въ многочисленной семьѣ.

Бабушка моей матери, генеральша Марія Дмитриевна Дунина, рожденная Норова, была очень выдающейся женщиной по уму, образованію, характеру и добротѣ. Она была фрейлиной при дворѣ императрицы Еваторины Великой. Отецъ ея харьковскій губернаторъ извѣстенъ былъ въ своемъ округѣ глубокою набожностью и честностью; эти душевные качества онъ передалъ своей дочери Маріи Дмитриевнѣ. Мужъ ея Иванъ Петровичъ Дунинъ былъ генералъ-аншефъ, участвовалъ въ нѣсколькихъ войнахъ и былъ не разъ раненъ. Во время Очаковской осады и сраженія при Прагѣ жена его была съ нимъ, и генералы называли ее своею матерью. Румянцевъ, Суворовъ, Потемкинъ цѣнили ее какъ достойную женщину и уважали какъ умную, честную жену ихъ друга генерала Дунина; всѣ любили въ ней также добрую, благотѣльную христіанку, какою она была всегда для своихъ крѣпостныхъ людей. Во вдовствѣ она прожила 46 лѣтъ. У нея было 6 дочерей и одинъ сынъ, который во время Отечественной войны былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи.

На Бородинскомъ полѣ онъ былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ арміею, и, несмотря на такое лестное назначеніе, молодой Дунинъ не принялъ его.

— Полкъ мой идетъ въ сраженіе, и я, сынъ израненнаго генерала, долженъ быть съ полкомъ. Я адъютантъ — послѣ свѣчи.

Воля Божія была взять его: онъ былъ убитъ.

¹⁾ Село Водолаги было родовое имѣніе Дуниныхъ.

Мать его приняла эту скорбь какъ истинная христіанка и покорилась вогѣ Божьей безъ ропота. Тогда всей душой привазаалась она къ своимъ дочерямъ ¹⁾ и, выдавая ихъ замужъ, она не дѣлила состояніе, а всѣхъ дочерей держала при себѣ, пристроивая для того къ своему дому помѣщенія. — Она кеусмынно заботилась объ ихъ благосостояніи, помогая своимъ зятямъ и словомъ и дѣломъ. — Дочери дарили ей каждый годъ то внучать, то внучекъ. Внучать у Дуинной было 24, а правнучковъ 76. Ея было за 80 лѣтъ, когда она скончалась.

Моя мать была пятая дочь Софіи Ивановны и Николая Дмитріевича Бахметевыхъ, у которыхъ было восемь человекъ дѣтей. Дѣдушка мой Николай Дмитріевичъ былъ добрый, заботливый и любящій отецъ; онъ своими трудами нажилъ дѣтямъ очень хорошее состояніе, былъ прекраснымъ хозяиномъ и правѣрнымъ помѣщикомъ для своихъ крестьянъ.

Итакъ всѣ шесть сестеръ Дуинныхъ со своими дѣтьми и даже внучатами жили и воспитывались въ селѣ Водолагахъ у прабабушки Дуинной. Но кромѣ ея дѣтей у нея въ домѣ жили еще и племянницы. Одна изъ нихъ молодая вдова Бибикова, рожденная Донецъ-Захаржевская, дочь ея сестры, была любима ею какъ родная дочь. Мужъ ея былъ убитъ на войнѣ во время (кажется также) Бородинскаго сраженія. Уѣзжая изъ Водолагъ и оставляя тамъ жену свою онъ въ альбомѣ прабабушки Дуинной написалъ слѣдующее стихотвореніе, какъ бы предчувствуя свою смерть:

Въ бой яду не унывал,
Любовь жены и Богъ со мной,
Спасу ее, Отечество спасая
И тѣмъ украшу жребій свой.

* * *

При знамѣ, если придется умирать,
Стоять я буду не робѣя
И духъ послѣдній испуская,
Образъ Лазы обнимать.

Павелъ Бибиковъ.

Vodolagy, 1809, 1 avril.

Прабабушка Дуинна была въ перепискѣ съ вдовствующей въ то время императрицей Маріей Феодоровной, и вотъ по какому поводу она однажды написала ей: въ Харьковъ пріѣхалъ элегантный флигель-адъютантъ Бенкендорфъ, а такъ какъ вся молодежь стекалась у прабабушки, то и онъ не замедилъ представиться ей. Красивая молодая вдова Бибикова приглянулась ему — онъ сталъ за ней ухаживать. Прабабушка сначала смотрѣла одобрительно на это ухаживанье думая, что

¹⁾ Дочери прабабушки Дуинной были: графиня Елена Сиверсъ, Софія Бахметева, генеральша Курисъ, Евдокія Черепанова, баронесса Варвара Пилларъ и Марія Гревсъ.

оно кончится предложеніемъ и партія эта для любимой племянницы ей улыбалась, но увидѣвъ, что молодой человекъ ухаживаетъ для препровожденія времени, а молодая вдова заинтересовалась имъ — прабабушка стала тревожиться. Не долго думая она написала императрицѣ письмо, спрашивая о личности Бенкендорфа и достоинъ ли онъ, чтобы вручить ему судьбу своей любимой племянницы. Государыня съ лестнымъ отзывомъ о Бенкендорфѣ прислала образъ, которымъ прабабушка, неожиданно для молодого ухаживателя, благословила его и племянницу свою отъ имени государыни.

Къ счастью, устроивъ ловко и умно, но сюрпризомъ, судьбу молодыхъ людей, впоследствии ни ей, ни имъ не пришлось раскапываться, такъ какъ супруги были счастливы.

Домъ Маріи Дмитриевны Дуниной былъ въ такомъ почетѣ, что всякій считалъ за счастье бывать у ней, а тѣмъ болѣе породниться съ нею. Доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій фактъ: одна изъ шести дочерей ея, а именно третья, была хотя и красива, но имѣла горбъ сзади и спереди. Прабабушка держалась правила выдавать дочерей въ замужество по старшинству. Настала очередь горбатой ея дочери: прѣзжаетъ вдовецъ генералъ Курисъ сватать одну изъ ея дочерей, но не о той думалъ онъ, которая стояла на очереди...

У сестеръ Дуниныхъ было общее черное бархатное платье, отдѣланное гирляндами изъ розъ и въ которомъ онѣ представлялись являющимся женихамъ. И вотъ нарядили бѣдную горбатенькую въ это платье, вывели къ старому генералу, и прабабушка, подводя ее къ нему, сказала: «Вотъ тебѣ невѣста». Онъ смутился и скромно сказалъ, что «не эта ему нравится, а другая... Авдотья Ивановна»...

Прабабушка, ни сколько не смутившись, отвѣтила ему серьезно:

— Нѣтъ, старина, для тебя и эта хороша, а та и лучше тебя найдешь! Если хочешь быть моимъ зятемъ, то бери и эту.

Генералъ женился; былъ счастливъ, и жена была прекрасной мачихой для его дѣтей.

Въ домѣ М. Д. Дуниной всегда царилъ порядокъ, миръ, тишина и любовь. Конечно, такая громадвая семья держалась и управлялась ея твердой рукой и добрымъ сердцемъ.

Когда императоръ Александръ I посѣтилъ однажды прабабушку Дунину и увидавъ за обѣдомъ всю ея большую семью въ сборѣ, выразилъ удивленіе какъ можетъ она заботиться о такомъ количествѣ дѣтей, — прабабушка отвѣчала государю:

— Aux petits des oiseaux Dieu donne leur pâture. ¹⁾

Въ сочиненіяхъ архіепископа Филарета Харьковскаго есть пре-

¹⁾ Богъ кормитъ птичекъ и ихъ птенчиковъ.

красное слово, сказанное имъ при погребеніи прабабушки. Онъ такъ живо, такъ сердечно говорить объ этой необыкновенной женщинѣ, ставя ее въ примѣръ женамъ и матерямъ. Этимъ словомъ онъ почтилъ память прабабушки, утѣшилъ дѣтей и внучать ее и не могъ не возбудить во многихъ желаніе походить на ту, которую эта большая семья любила, уважала и съ ея кончиной чувствовала себя болѣе чѣмъ осиротѣвшей. Съ кончиной ее Водолаги раздѣлили, и они опустѣли...

Веселья тамъ было не мало, садилось за столъ не менѣе сорока человѣкъ. Маленькіе внучата всѣ жили круглый годъ у своей бабушки, съ кормилицами, няньками и гувернантками въ селѣ Водолагахъ, находящемся въ 50-ти верстахъ отъ Харькова; а тѣ внучата, которые подросли, и взрослые ѣздили на зиму въ Харьковъ съ родителями, гдѣ также былъ большой общій домъ. Нѣкоторыхъ отвозили туда, чтобы кончать образованіе, а другихъ веселиться и выѣзжать.

Дѣвцы Бахметевы были всѣ очень красивы, но лучше всѣхъ говорить были тета моя, Елена Николаевна Бердяева, и моя мать. Мамѣ была не большаго роста, миниатюрнаго сложѣнія, съ темнорусой головкой, правильными чертами лица, очень темными бровями, большими задумчивыми сѣрыми глазами и прелестными зубками.

Несмотря на свою красоту она считала себя очень некрасивой, что еще болѣе придавало ей прелести, такъ какъ она олицетворяла собою скромность.

Такое мнѣніе приобрѣла она о себѣ вслѣдствіе того, что въ семьѣ у нихъ были любимцы и любимцы; а такъ какъ она была изъ числа не любимыхъ «сандриліонокъ», то въ ней находили все некрасиво. Разъ даже одна изъ тетусекъ ея, не допуская естественный темный цвѣтъ ея бровей, подозвала къ себѣ и строго сказала: «что это ты, матушка, никакъ нафабрила себѣ брови?» и попросту, безъ затѣй, послышавши носовой платокъ, стала тереть ихъ...

У бабушки же Софія Ивановны были фаворитка: старшая дочь Надежда и предпоследняя — Софія. Между моей матерью и Софіей Николаевной былъ одинъ годъ разницы въ лѣтахъ, такъ что онѣ вмѣстѣ учились и вмѣстѣ выѣзжали.

Несмотря на предпочтеніе и баловство, которымъ обружали тетю Софію Николаевну, это не испортило добрыхъ и дружескихъ отношеній сестеръ. Это доказываетъ, на сколько онѣ были объ хорошія и добрыя: одна не пользовалась своими правами баловницы, а другая не завидовала, и предпочтеніе, отдаваемое сестрѣ, принимала какъ вещь естественную и не называла это несправедливостью. Да, въ то счастливое и разумное во многихъ отношеніяхъ время — имя отца и матери было священо! тогда дѣти не только не смѣли обвинять поступки родителей, но помыслить даже о разборѣ ихъ дѣйствій никто не смѣлъ.

И такъ, мать моя, привыкшая получать все хуже всѣхъ и послѣ всѣхъ, такъ сроднилась съ той мыслью, что она должна думать обо всѣхъ, а о ней могутъ и забыть, что даже въ мелочахъ обыденной жизни, какъ напримѣръ: когда молодежь ходила собирать ягоды, она лучшую никогда не сѣдала, а всегда несла ее кому нибудь изъ любимыхъ своихъ родственниковъ. Эгоизма въ ней не было ни капли—она всегда забывала себя для другихъ.

Любимый цвѣтокъ ея былъ фіалка, и она своею скромностью олицетворяла этотъ прелестный цвѣтокъ, прятунійся за свои листочки; девизъ ея былъ: «*pour être heureux vivons cachés*»¹⁾.

Вставала она съ восходомъ солнца для того, чтобы готовить заданные ей уроки, и отправлялась въ садъ, гдѣ усердно занималась ими; прислуга, любившая ее за доброту и кротость, дала ей названье: «наша милая ранняя птичка». Если кому нибудь изъ прислуги нужно было рано встать для какого либо экстреннаго дѣла, или дѣтямъ для приготовления уроковъ, то всегда поручали будить ихъ «ранней птичкѣ», такъ какъ она никогда не проспала часъ, который былъ нуженъ.

Учителя и гувернантки у внучатъ прабабушки Дунаевой были иностранцы, и преобладающій языкъ въ семьѣ былъ французскій, такъ что когда дѣти говорили по-русски, гувернантки въ наказанье привязывали имъ на грудь красные языки. Уроки же русскаго языка были въ полномъ забвеніи, и мать моя во все время своего ученья взяла только семь уроковъ роднаго языка и то у священника малоросса, который вмѣсто пять говорилъ «пять» и вмѣсто пятницы говорилъ «пятница» и, вѣроятно, такъ-же писалъ. Она любила заниматься рукодѣліемъ и усердно работала не только для себя, но съ удовольствіемъ помогала другимъ и часто доканчивала начатыя и брошенныя работы своихъ сестеръ—баловницъ.

Гувернантки иностранки строго слѣдили за нравственностью, скромностью, хорошими манерами и разговоромъ своихъ воспитанницъ. Но иногда отъ слишкомъ большаго усердія онѣ не отличали хорошихъ чувствъ отъ дурныхъ.

Вотъ случай, характеризующій то время, въ которое скромность и стыдливость оберегались въ дѣтахъ въ ущербъ даже естественнымъ хорошимъ побужденіямъ ребенка.

У одной изъ старшихъ кузинъ матери, М. К. Мухановой, рожденной графини Сиверсъ, родился сынъ, и когда дѣтей допустили посмотреть новорожденнаго, они съ любопытствомъ бросились въ дѣтскую на графскую половину (такъ называлась одна часть дома, занимаемая графиней Сиверсъ и ея семьей). Между дѣтьми была и моя мать; она съ

¹⁾ Для того, чтобы быть счастливымъ нужно прятаться отъ свѣта.

интересомъ взглянула на красиваго черноглазаго мальчика, лежавшаго на рукахъ некрасивой кормилицы, и воскликнула:

— Ахъ! если бы у меня былъ такой прелестный ребенокъ — я ни за что не отдала бы кормить его чужой бабѣ.

— А что бы ты сдѣлала?—спросили другія дѣти.

— Я бы сама его кормила,—отвѣтила она.

Гувернантка вскрикнула отъ удивленія, услыжавъ изъ устъ десяти-лѣтней дѣвочки подобныя, по ея мнѣнію, нескромныя желанія, строго посмотрѣла на нее, поспѣшно вывела виновницу ея ужаса и всѣхъ дѣтей изъ дѣтской и черезъ нѣсколько минутъ наказала ее слѣдующимъ образомъ: нарядила бѣдную дѣвочку въ сарафанъ кормилицы, повязала ее платкомъ, подвязала подушку для того, чтобы придать болѣе сходства съ кормилицей, и, посадивъ въ позу кормящей ребенка, дала въ руки куклу, приглашая всѣхъ смотрѣть на наказанную и всю въ слезахъ свою воспитанницу. Это было настоящее горе для стыдливой, застѣчивой дѣвочки, надъ которой такъ жестоко и несправедливо посмѣялись!

Мать моя рассказывала мнѣ, что она такъ мучилась, думая, что на самомъ дѣлѣ сдѣлала какое-то ужасное преступленіе, такъ ей было стыдно изображать кормилицу и такъ боялась она, что приведутъ и бабушку Дунину посмотрѣть на нее. Но къ сожалѣнію, бабушку-то и не привели, и она не узнала объ этомъ, а то, вѣроятно, она не похвалила бы за подобное глупое, неужѣстное наказаніе блюстительницу нравственности.

Такъ какъ прабабушка Марія Дмитріевна была очень богомольна, то она приучала всю свою семью молиться Богу. Мать моя была восторженная, увлекающаяся, и всей молодой душой своей полюбила Бога и такъ усердно молилась, что не пропускала ни одной службы; по этому поводу одна старушка, Марія Алексѣевна, видя въ ней такое духовное возбужденіе и боясь, что оно остынетъ, говорила ей: «Другъ мой, Катя! твои молитвы хороши и угодны Богу, но не пересаливай — хорошо идти вверхъ по гѣсенкѣ, а не спускаться внизъ.....» Простые и разумные эти слова мать нерѣдко впоследствии вспоминала, когда ей казалось, что она не такъ усердно молится и не такъ любитъ Бога, какъ бы должна была Его любить и какъ любила прежде въ молодые годы.

Водолажская молодежь часто ходила пѣшкомъ на богомолье, и самая ретивая на подобныя экскурсіи была моя мать. Не рѣдко она бывала въ Кіевѣ у сестры своей Елены Николаевны Бердяевой, о которой я впоследствии буду говорить—это также была дивной души женщина, проживши жизнь свою какъ праведница. Въ Кіевѣ объ сестры часто посѣщали схимника отца Парасеія, извѣстнаго своей святою жизнью.

Одно время мать возмечтала поступить въ монастырь и передала свое желаніе схирияку, прося благословить ее на этотъ путь, но онъ сказалъ: «Теперь не слѣдуетъ — или тогда, когда сама Матерь Божія поведетъ тебя за руку».

Отецъ мой, князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, былъ богато одаренъ какъ душевными и умственными, такъ и физическими качествами. Онъ походилъ на русскаго богатыря, нигдѣ не проходилъ не замѣченнымъ, и даже въ толпѣ всегда обращалъ на себя общее вниманіе какъ своей красотой, ростомъ, такъ и благородной осанкой. Душа его была полна разнородныхъ чувствъ: добро и зло боролись въ немъ жестоко! Въ каждомъ человѣкѣ та же борьба, но она мелка и незамѣтна; въ его же мощной натурѣ всѣ чувства, всѣ порывы души выходили изъ обыкновенныхъ рамокъ, и вслѣдствіе этого жизнь его была переполнена приключеній, бросающихся въ глаза. Стихотвореніе графа Алексѣя Толстаго совершенно его олицетворяетъ:

„Коль любить—такъ безъ разсудка,
Коль грозить—такъ не на шутку,
Коль ругнуть—такъ сторяча,
Боль рубить—такъ ужъ съ плеча,
Боли спорить—такъ ужъ сѣмло,
Коль казнить—такъ ужъ за дѣло,
Коль простить—такъ всей душой,
Боли нить—такъ нирой горой...“

Отецъ мой рано потерялъ свою мать, а мой дѣдушка мало, или лучше сказать, совсѣмъ не заботился о своемъ сынѣ. Это сиротство, безалаберное воспитаніе, строгость и чрезмѣрное, иногда, баловство повліяли на пылкую натуру мальчика: у него выработался своевольный, необузданный, страшно вспыльчивый характеръ, но доброе сердце, прямота и великодушіе всегда привлекали къ нему и заставляли его любить и уважать.

Онъ часто страдалъ своими недостатками и постоянно бывалъ ихъ жертвой. Отца можно было сравнить съ молодымъ, горячимъ конемъ, какъ тотъ мчится къ пропасти, не сознавая ни опасности, ни гибели своей и своего сѣдока. Такъ и отецъ мой, вслѣдствіе своего пылаго нрава, во дни ранней молодости, разбилъ свою жизнь и увлекъ на путь несчастій близкихъ его сердцу....

Своею чрезмѣрной прямотой, иногда непрошеной, такъ какъ онъ не стѣснялся, говорилъ въ глаза голую правду, онъ приобрѣталъ себѣ враговъ; не любилъ его и люди съ узкимъ умомъ, мелкой душой, неспособные понять такую прямую, честную натуру, и люди, завидующіе его превосходству и удачамъ. Но за то друзья его, а ихъ было не мало,

горячо любили и дѣлили сердечнаго, умнаго, честнаго, правдиваго «Юрку Голицына» — какъ его всѣ называли ¹⁾).

Отецъ мой много дѣлалъ добра, и одна изъ симпатичныхъ чертъ его характера была та, что онъ не хвастался своими добрыми дѣлами; свои же недостатки и ошибки не скрывалъ и, сознавая ихъ, отдавалъ себя на судъ не только своихъ близкихъ, но и на судъ людской. Въ отрывкахъ изъ его воспоминаній, которыхъ онъ не кончилъ, ясно выказывается его прямая натура. Эти воспоминанія были напечатаны, не долго до его смерти, въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ 1869 году, подъ заглавіемъ «Прошедшее и настоящее». Обращаясь къ читателю, онъ говоритъ: «Перомъ моимъ будетъ руководить чистосердечное я, которое буду стараться выставить рельефно, во всей наготѣ, безъ малѣйшихъ прикрасъ». Онъ не только не боялся злословія, но даже часто, чтобы дать пищу языкамъ, ради шутки, самъ рассказывалъ о себѣ самыя невозможныя небылицы, и эти сказки быстро унавалялись всѣми съ большими добавленіями и прикрасами. Отчасти это черта русскаго характера того времени. Почему путешественники-французы, какъ напимѣръ Кюстинъ, писала такъ много пошлостей о Россіи? А именно потому, что русскіе, потѣшаясь надъ французами, рассказывали имъ всякій вздоръ, а они выдавали его за правду.

Такъ и теперь еще слышимъ иногда небылицы и невѣроятныя анекдоты о князѣ Юріи Николаевичѣ Голицынѣ. Я считаю, что не одно описаніе не можетъ такъ ясно и рельефно показать характеръ человѣка, какъ его письма, а потому я и помѣщу въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ немногія письма отца, которыя сохранились къ его друзьямъ и ко мнѣ. Въ нѣкоторыхъ письмахъ выливается вся его пылкая, чистая, благородная душа, всѣ страданія, все горе, пережитое имъ въ его короткую, но полную дѣятельности, энергіи и силы, жизнь. Онъ умеръ 49-ти лѣтъ, въ полномъ развитіи своего музыкальнаго таланта, въ Петербургѣ, 2-го сентября 1872 года. Послѣ его кончины, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», была напечатана вѣрная его характеристика и оцѣнка его таланта и музыкальной дѣятельности. Въ этой же статьѣ отецъ былъ названъ «последнимъ Могилякомъ» изъ своихъ современниковъ, последнимъ честнымъ русскимъ бояриномъ-богатыремъ!

Теперь, давъ краткій очеркъ его характера, я возвращаюсь къ его ранней молодости и къ началу его службы и уходуванью за моею матерью.

Въ то время князь Юрій Голицынъ служилъ чиновникомъ по осо-

¹⁾ Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьев однажды выразился такъ: «даже самыя недостатки у князя Юрія Николаевича Голицына болѣе симпатичны, чѣмъ достоинства у другихъ».

бымъ порученіямъ у харьковскаго генералъ-губернатора князя Николая Андреевича Долгорукова ¹⁾). Онъ былъ тогда очень молодъ, 18-ти лѣтъ и славился своими шалостями.

Должность чиновника по особымъ порученіямъ не представляла много дѣла, а отецъ еще болѣе упростилъ ее; такъ что разъ князь Долгоруковъ безпокоясь, что онъ ничего не дѣлаетъ, замѣтилъ ему это, сказавъ: «*Mais mon chère Georges, occupez vous donc de quelques choses*» ²⁾). На другой день послѣ такого замѣчанія, отецъ купилъ большой мѣшокъ орѣховъ, отправился въ комнату рядомъ съ кабинетомъ князя Долгорукова, сѣлъ на диванъ и началъ щелкать ихъ. Въ началѣ старикъ-князь все прислушивался къ равномерному звуку, раздававшемуся рядомъ съ его кабинетомъ, и зная, что тамъ отецъ, крикнулъ ему:

— *Georges que faites vous donc là?* ³⁾).

— *Je m'occupe, mon prince* ⁴⁾),—послѣдовалъ отвѣтъ.

Тогда старикъ, заинтересованный дѣломъ своего чиновника, всталъ посмотрѣть, и каково было его удивленіе, когда увидѣлъ шалуна, сидѣвшаго на диванѣ съ большимъ мѣшкомъ на колѣняхъ и съ орѣхомъ въ зубахъ.

Занимаясь больше бездѣльемъ, молодой князь много выѣзжалъ въ свѣтъ и, увидѣвъ скромную, тихую, красивую Екатерину Николаевну Бахметеву, влюбился въ нее и рѣшилъ, что она будетъ его женой.

Но препятствій для достиженія этой цѣли ему предстояло много— онъ это видѣлъ, и чѣмъ больше ихъ было, тѣмъ горячѣе была его любовь, тѣмъ онъ крѣпче держался за свою мечту, тѣмъ настойчивѣе старался удалить препятствій. Несмотря на то, что онъ былъ завидная партія, какъ по состоянію, такъ и по фамиліи, но его молодость и репутація шалуна пугали благоразумныхъ родителей и невѣсть. Помогъ ему его умъ, который не шелъ въ разрѣзъ съ его привлекательной наружностью. Планъ былъ задуманъ и исполненъ: онъ покорилъ сердца бабушекъ и тетюшекъ, которыя оказались впоследствии лучшими его адвокатами. Прежде всего онъ считъ нужнымъ, конечно, покорить прабабушку Дуинну и, чтобъ заинтересовать ее собою (она его не знала), въ одно прекрасное утро, въ воскресенье, зной, отправился въ Водлаги, прямо къ обѣднѣ, и тамъ, молясь за исполненіе своей мечты, поглялся, что та, которую онъ полюбилъ, будетъ его женой!

Послѣ обѣдни онъ зашелъ къ управляющему, напился чаю и

¹⁾ Братъ дяди отца моего, князя Ильи Андреевича, женатаго на княжнѣ Салтыковой, родной его теткѣ.

²⁾ Дорогой Юрій, займись же чѣмъ-нибудь!

³⁾ Юрій, что же ты тамъ дѣлаешь?

⁴⁾ Я занимаюсь, князь!

уѣхалъ. Этого было достаточно, чтобы поднять всѣ Водолаги на ноги, языкамъ дать пищу и сдѣлать изъ моего отца нѣчто въ родѣ сказочнаго героя, который, по рассказамъ всѣхъ, кто его видѣлъ, несомнѣнно долженъ былъ заинтересовать собой добрую и умную старушку прабабушку; ей захотѣлось узнать, зачѣмъ этотъ красавецъ-князь пріѣзжалъ въ Водолаги и почему онъ не представился ей?

Она потребовала объясненіе изъ Харькова, и ей отвѣтила дочь ея Бахметева, что князь Голицынъ одинъ изъ харьковскихъ жениховъ, ухаживающихъ за «Катей», но котораго слѣдуетъ опасаться, такъ какъ онъ славится своими проказами, и молодость его не даетъ ему права считаться женихомъ которой-нибудь изъ ея дочерей.

Прабабушка не осталась довольна объясненіемъ и нашла недостаточно вѣскими причины, корившія такого молодца, красавца-князя, о которомъ Водолаги не переставали вспоминать, и сама захотѣла его видѣть. Онъ былъ до такой степени привлекателенъ, что не могла старушка не пожелать для своей внучки такого жениха, который, при умѣ, любезности и красотѣ, обладалъ богатствомъ и талантами: онъ былъ музыкантъ и превосходно пѣлъ.

Ну, какъ тутъ не очаровать старушекъ! Отецъ мой ликовалъ; онъ зналъ теперь, что судьба его рѣшена. Ура! прабабушка за него! Мама тоже не долго смотрѣла пугливо: сердце заговорило, она полюбила, и хотя со страхомъ, но рѣшилась отдать свою судьбу въ молодыя руки... Вскорѣ они были объявлены женихомъ и невѣстой....

II.

Предки отца моего: кн. М. М. Голицынъ, фельдмаршалъ князь Н. И. Салтыковъ.—Княгиня Н. Ю. Салтыкова.—Княгиня А. А. Голицына.—Князь Юрій Ал. Грузинскій.

Отецъ мой принадлежалъ, какъ по роду, такъ и по положенію, къ самымъ аристократическимъ и высокопоставленнымъ фамиліямъ Россіи. Его прадѣдъ былъ знаменитый князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, который, на приказаніе Петра I снять осаду Шлюссельбурга и отступить, сказалъ посланному: «Передай государю, что я теперь принадлежу Богу и Россіи, а потомъ принесу царю повянувшую голову на плаху». Крѣпость была взята ¹⁾. Прадѣдъ моего отца, по матери, былъ вос-

¹⁾ Соловьевъ, въ своей исторіи, говоритъ слѣдующее: „Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ отличался самымъ привлекательнымъ характеромъ среди вельможъ Петровыхъ: онъ не жаловалъ иностранцевъ. Несмотря на то, даже иностранцы не могли говорить безъ восторга объ его умѣ, любезности,

питателемъ императора Александра I, фельдмаршалъ князь Николай Ивановичъ Салтыковъ ¹⁾).

Внучка фельдмаршала князя Салтыкова, княжна Елена Александровна Салтыкова, вышла замужъ за князя Николая Борисовича Голицына; у нихъ было нѣсколько дѣтей, умершихъ въ младенчествѣ; остался въ живыхъ одинъ сынъ Юрій, который и былъ моимъ отцомъ. Одному изъ скончавшихся младенцевъ, сыну ихъ Александру, А. С. Пушкинъ, 18-го мая 1823 года, написалъ слѣдующую надгробную надпись:

„Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился
И радость райскую принесъ съ собою къ намъ,
Но житель горныхъ мѣстъ, ты міромъ не презрѣлся
И снова отлетѣлъ въ отчизну къ небесамъ“.

храбрости и великодушія. О немъ разсказываютъ, что послѣ сраженія подъ Лѣвнми, Петръ, богато наградивши Голицына, спросилъ: какой милости еще онъ желаетъ? „Государь,—отвѣтилъ Голицынъ,—прости Репнина“. Репнинъ былъ ему врагъ. Разсказываютъ о немъ также, что, будучи уже фельдмаршаломъ и отцомъ многочисленнаго семейства, онъ не смѣлъ садиться при старшемъ братѣ своемъ, князѣ Дмитрѣ, который былъ сенаторомъ“.

¹⁾ П. Каратыгинъ, въ историческомъ наслѣдованіи „Супружество императора Александра I“, вотъ что пишетъ о князѣ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ: „Воспитаніе Александра I было вѣрено двумъ наставникамъ, отличавшимся противоположными характерами, убѣжденіями и понятіями—Николаю Ивановичу Салтыкову и знаменитому Лагарпу. Первый, человѣкъ добрѣйшей души, глубоко релігіозный, былъ типомъ истого русскаго „болрина“ старыхъ временъ, ревностнаго охранителя самодержавія. Второй, швейцарецъ, республиканецъ до мозга костей, ученикъ философовъ XVIII вѣка, скептикъ и нивантропъ; облагороженный, но все-таки далеко не привлекательный типъ заѣзжаго гувернера-иностранца, съ предубѣжденіемъ относящагося ко всему русскому, кромѣ рублей и полумперіаловъ; онъ съ корнемъ исторгалъ изъ сердца своего питомца все, что старался посѣять въ немъ Салтыковъ—разрушалъ все, что тотъ строилъ. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ своимъ воспитателямъ, великій князь былъ поставленъ въ двусмысленное положеніе, при той весьма естественной антипатіи, которую они питали другъ къ другу. Салтыковъ былъ восемнадцатью годами старше Лагарпа, по рожденію состоялъ въ родствѣ съ императорскимъ домомъ (отецъ его Иванъ Александровичъ былъ внучатымъ племянникомъ императрицы Анны Иоанновны). Когда онъ пріянялъ великаго князя на свое попеченіе, онъ находился въ высшихъ чинахъ, былъ генералъ-адъютантомъ, подполковникомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, сенаторомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и кавалеромъ ордена св. Андрея Первозваннаго. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, при которомъ Салтыковъ состоялъ съ 1773 года, душевно его любилъ и уважалъ, и со слезами уступилъ его своимъ сыновьямъ. „Признаюсь,—писалъ онъ къ нему,—что мнѣ расставаться съ тобой трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ отзывомъ, что сіе не разлука, и что ты всегда въ сношеніи съ нами оставишься. . . Теперь узналъ я, что прямо люблю тебя“.

Александръ I любилъ Лагарпа, но къ Салтыкову, по видимому, не питалъ нныхъ чувствъ, кромѣ глубокаго уваженія.

По мнѣнiю нѣкоторыхъ и въ томъ числѣ Геннади, нижеслѣдующее стихотворенiе написано Пушкинымъ моею бабушкѣ княгинѣ Е. А. Голицыной, но за вѣрность этого мнѣнiя не ручаюсь:

„Давно объ ней воспоминае
Ношу въ сердечной глубинѣ,
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ;
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ унынья звукъ живой,
Такъ мило ея повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лрѣ слезъ и тайной муки
Она съ участiемъ внала—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно въ гордости моей
Я буду мыслить съ умиленьемъ:
Я славой былъ облянъ ей,
А можетъ быть и вдохновенъ!“

Бабушка Елена Александровна, урожденная Салтыкова, была высокая, красивая брюнетка; жила она не долго и была несчастлива; двадцати пяти лѣтъ она скончалась отъ горловой чахотки. Съ горечью покидала она жизнь и со страхомъ оставляла своего четырехлѣтняго сына...

Отецъ мой обожалъ свою мать и до конца своей жизни высоко чтилъ ея память. Уже въ дѣтствѣ проявлялъ онъ свой пылкій характеръ: когда няня объявила ему о кончинѣ его матери, онъ далъ ей пощечину! Бѣдняжка! Для него это былъ такой ударъ, что онъ захотѣлъ отдать тѣмъ же тому, кто принесъ ему такую страшную вѣсть! Онъ почувалъ, что трудно ему будетъ справляться съ своей буйной головошкой, съ своимъ горячимъ сердечкомъ о д н о м у, безъ любящей матери, которая уносила и его счастье съ собой въ могилу. Когда же черезъ годъ отецъ его женился и пожелалъ, чтобы маленькiй сынъ присутствовалъ при его бракосочетанiи, то Юрiй спрятался въ каминъ въ парадномъ своемъ нарядѣ, и когда его нашли тамъ, то не было никакой возможности даже силой вытащить его оттуда.

Прабабушка княгиня Н. Ю. Салтыкова была замѣчательно красива и до старости сохранила свою красоту. Одѣвалась всегда великолѣпно и, несмотря на свои преклонные года, любила розовый цвѣтъ, который не казался слишкомъ молодымъ для нея, такъ она сама была хороша и свѣжа. Когда мать моя вышла замужъ, и отецъ мой повезъ ее представить своей бабушкѣ, она думала, что мужъ ея шутитъ, и красавица, которой она присѣдала, не бабушка, а какая нибудь изъ его тетюшекъ и даже спросила у нея:

— Et grand' maman n' est pas à la maison? ¹⁾

— Mais c'est moi qui suis votre grand' mère ²⁾—отвѣтила ей бабушка.

У бабушки Елены Александровны было три сестры и одинъ братъ. ³⁾ Всѣ многочисленныя родные обожали бѣднаго сиротку «Юрку» (такъ звали моего отца въ семьѣ), всѣ желали имѣть его у себя. Княгиня Долгорукова (родная его тетка), не имѣя сына, хотѣла даже усыновить его и просила дѣдушку отдать ей отца моего въ полное распоряженіе, котораго она любила, и брала въ память покойной сестры своей; но дѣдушка, къ сожалѣнію, на это не согласился, и бѣдный мальчикъ переходилъ изъ однихъ рукъ въ другія. ⁴⁾

Я говорила о родныхъ со стороны Салтыковыхъ, но были еще родные со стороны Голицыныхъ, которые также любили осиротѣвшаго мальчика и также хотѣли имѣть его у себя. Старшая въ семьѣ была прабабушка, княгиня Анна Александровна Голицына, рожденная княжна Грузинская, изъ рода Грузинскихъ царей, знаменитая красавица того времени. ⁵⁾ Она была очень достойная, умная и добрая женщина. У нея было три сына и четыре дочери. ⁶⁾ Всѣмъ имъ она дала основательное образованіе и вселяла въ ихъ сердца горячую любовь къ Богу.

Россія ей обязана однимъ изъ героевъ 1812 года княземъ П. И. Багратиономъ, котораго она выписала изъ Грузіи; онъ былъ ея близкій родственникъ, очень бѣдный. Послѣ того, какъ князь Багратионъ прославился, прабабушка княгиня Анна Александровна Голицына собрала къ себѣ большое общество родныхъ и знакомыхъ чествовать героя. Когда за

¹⁾ А бабушки нѣтъ дома?

²⁾ Да вѣдь это же я ваша бабушка!

³⁾ Княгиня Екатерина Долгорукова, графиня Софья Шувалова, графиня Марія Потоцкая и князь Алексѣй Салтыковъ, по смерти котораго Головкинскій майоратъ долженъ былъ по указу перейти моему отцу, такъ какъ у князя Алексѣя Салтыкова не было мужскаго потомства.—Отецъ умеръ раньше и майоратъ наследовалъ сначала мой братъ Евгенийъ, а послѣ его кончины—мой старшій сынъ Юрій.

⁴⁾ Мой отецъ былъ очень привязанъ къ семейству Долгорукихъ и всегда съ благодарностью и любовью говорилъ о тетушкѣ своей княгинѣ Долгоруковой и мужѣ ея князѣ Ильѣ Андреевичѣ. У нихъ было двѣ дочери: княгиня Екатерина, замужемъ за княземъ А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ, и княжна Марія за княземъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, а во второмъ бракѣ за графомъ Остенъ-Сакеномъ.

⁵⁾ Въ первомъ бракѣ она была за Личинимъ. Ея письма къ князю Голицыну печатались въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, въ которыхъ она описываетъ празднества при Екатеринѣ Великой. Въ семействѣ князей Куракиныхъ есть ея великолѣпный портретъ, работы madame le Brun, который находится у Е. А. Нарышкиной, рожденной княжны Куракиной.

⁶⁾ Николай (мой дѣдушка), Александръ и Андрей; Елизавета была за княземъ Куракинымъ, Софія за Полтавцевымъ, Татіана за Потемкинымъ и Александръ за княземъ Мещерскимъ.

обѣдомъ провозгласили тостъ за здоровье князя, то онъ всталъ изъ-за стола и, подойдя къ дворецкому прабабушки, стоявшему сзади его кресла, разцѣловалъ его, сказавъ: «ему первому я обещаю, что пользуюсь всѣмъ, что теперь имѣю, такъ какъ онъ далъ мнѣ возможность представиться въ домъ моей благодѣтельницы, онъ первый меня одѣлъ и за него съ благодарностью пью мой первый бокалъ!»....

У прабабушки Анны Александровны былъ одинъ братъ, князь Юрій Александровичъ Грузинскій, извѣстный своимъ буйнымъ характеромъ, красотой и любителемъ женщинъ. ¹⁾ У него была единственная дочь Анна Георгиевна, замужемъ за графомъ Толстымъ.

III.

Юность князя Ю. Н. Голицына. — Его воспитаніе; пребываніе въ кадетскомъ корпусѣ. — Женитьба.

Несмотря на горячій нравъ и своевольный характеръ маленькаго «Юрки», всѣ его любили. Между тѣмъ общая любовь родственниковъ погубила его, такъ какъ не было ни одного разумнаго руководителя для умнаго, пылкаго мальчика, и каждый по-своему его училъ, каждый по-своему его баловалъ, каждый по-своему его любилъ. Этотъ переходъ изъ однихъ рукъ въ другія начался съ младенчества, и число семь было для него роковымъ числомъ: ему переѣздили семь кормилицъ, семь нянекъ, семь гувернеровъ и наконецъ даже семь учебныхъ заведеній. Послѣ странствованія отъ одной бабушки къ другой, отъ одной тетушки къ третьей и переѣздивъ плохое вліяніе семи гувернеровъ его помѣстили въ пансіонъ въ Одессу. Окончивъ же онъ свое воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, но съ грѣхомъ пополамъ, такъ какъ тамъ онъ больше шалилъ, чѣмъ учился. Онъ самъ рассказывалъ мнѣ, что по выходѣ оттуда ни на одномъ языкѣ не умѣлъ писать правильно. Впоследствии же онъ самъ себя образовалъ; имѣя блестящія способности онъ самъ изучилъ нѣмецкій и англійскій языки.

¹⁾ Онъ былъ женатъ на Бахметевой, которую страшно мучалъ. Онъ былъ совершенно дикій человекъ, по своему нраву и поступкамъ; но въ его начальствомъ было нѣсколько разбойничьихъ шаекъ, которыя занимались грабежами по Волгѣ. Эти случаи дошли до правительства и для производства слѣдствія былъ отправленъ отецъ моей матери, Н. Д. Бахметевъ, тогда бывший еще молодымъ жандармскимъ офицеромъ; онъ открылъ всѣ злодѣянія князя Грузинскаго и доложилъ правительству всю правду. Тогда князь Грузинскому былъ запрещенъ выѣздъ изъ его села Дыскова, и онъ былъ подъ присмотромъ полиціи.

Со того времени поселилась страшная вражда между Грузинскими и Бахметевыми.

По правамъ своего отца, который былъ въ чинѣ полковника, онъ не могъ рассчитывать попасть въ Пажескій корпусъ, но по просьбѣ его прадеда графа Юрія Александровича Головкина, императоръ Николай I приказалъ зачислить его кандидатомъ Пажескаго корпуса и вотъ при какихъ обстоятельствахъ это случилось:

Былъ во дворцѣ дѣтскій костюмированный балъ. Отецъ мой жилъ тогда у тетки своей княгини Долгоруковой, которая и была приглашена на этотъ балъ съ своими дочерьми и племянникомъ. Отцу моему одѣлали великолѣпный костюмъ испанскаго пажа, и когда онъ шелъ въ полонезѣ съ своей кузинной княжжою Маріей Долгоруковой, которая также была очень красива, то своей красотой и благородной осанкой обратилъ вниманіе государя, который спросилъ графа Головкина:

— *Qui est ce charmant petit page rouge?* ¹⁾

— *Sire, c'est mon arrièrè petit-fils, mais il ne tient qu' à Votre Majesté d'en faire un vert.* ²⁾

— *Avec plaisir, mon chèr comte* ³⁾—отвѣчалъ государь.

И отецъ мой записанъ былъ кандидатомъ въ Пажескій корпусъ.

Бывши пажемъ онъ много шалилъ, и до сихъ поръ, говорятъ, въ корпусѣ сохранились легендарные рассказы о проказахъ и шалостяхъ. «Юркі Голицына». Товарищъ его генералъ М. П. Даниловъ, вспоминая о немъ, говорилъ мнѣ:

— Вашъ отецъ былъ настоящій атлетъ! онъ дрался на рапирахъ не надѣвая ничего кромѣ маски, защищая только свое лицо; а когда получалъ удары противника въ грудь или руки онъ не обращалъ на это никакого вниманія—кровь лилась, а онъ продолжалъ начатый бой, пока не выходилъ побѣдителемъ.

Любовь его къ музыкѣ и хорошему пѣнію развилась въ Пажескомъ корпусѣ; тамъ онъ управлялъ хоромъ и просилъ, чтобы ему позволили брать уроки на фортепіанахъ. Въ опекунскихъ отчетахъ я февральскомъ журналѣ 1838 года написано слѣдующее: «Капитанъ Пажескаго корпуса Гаттенбергеръ, попеченію котораго порученъ князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, сообщилъ опекунству, что по изъявленному малолѣтнимъ желанію учиться музыки онъ договаривалъ учителя по 45 рублей въ мѣсяцъ».

Опекунство признало съ своей стороны весьма приличнымъ, чтобы малолѣтній обучался музыкѣ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что отецъ началъ изучать музыку съ 14-ти лѣтъ; первымъ учителемъ его былъ Бланка, а пѣнію училъ его Ломакинъ, дирижеръ капеллы графа Шереметева.

¹⁾ Кто этотъ прелестный пажъ въ красномъ мундирѣ?

²⁾ Ваше величество! это мой правнукъ, но отъ вашего величества зависитъ переодѣнуть его красный мундиръ на зеленый.

³⁾ Съ большимъ удовольствіемъ, дорогой графъ.

Изъ того же опекунскаго журнала видно, что уже въ маѣ 1838 г. отецъ по распоряженію директора Пажескаго корпуса, перешелъ пансіонеромъ къ штабсъ-капитану Маллю.

Разбирая старыя опекунскіе отчеты, мнѣ пріятно было найти въ нихъ желаніе моего отца, тогда 14-ти лѣтняго мальчика, наградить свою няню пенсіей, которую она получала отъ моего дѣда въ бытность его опекуномъ, и которую дворянская опека хотѣла отнять у старухи, находя, что этотъ расходъ въ ущербъ малолѣтнему, опека ссылалась на то, что «объ этой пенсіи князь Николай Борисовичъ Голицынъ не токмо никакого акта не представлялъ, но и не доводилъ до свѣдѣнія дворянской опеки о волѣ покойной княгини. Тогда дѣдушка Николай Борисовичъ просилъ опеку обратиться съ вопросомъ къ малолѣтнему князю Юрію, и онъ отозвался, — что «по привязанности къ бывшей нянѣ своей, къ которой питаешь чувство признательности, онъ почелъ-бы для себя особеннымъ обязательствомъ если-бы производство пенсіи было ей возобновлено». И послѣ этого пенсія старухѣ была выдаваема ежегодно въ размѣрѣ 360 руб.

По праздникамъ или наканунѣ бабушка княгиня Анна Александровна Голицына брала къ себѣ отца и всегда сама привозила его домой и отвозила въ корпусъ; часто бывало бабушка не подозрѣвала, что проказникъ ея внукъ возвращался къ ней, уцѣпившись на запяткахъ кареты, и приходила въ ужасъ, когда, входя въ швейцарскую своего дома, на Милліонной, видѣла передъ собой смѣющееся личико своего шалуна внука. Вѣдной старухкѣ приходилось снова везти его и уже собственноручно передавать корпусному швейцару.

Вотъ одна изъ многочисленныхъ проказъ моего отца въ бытность его пажемъ: захотѣлось ему въ неотпускной день поѣхать въ оперу; не долго думая досталъ себѣ статское платье, загримировался слегка и отправился въ театръ. Тамъ, взявъ себѣ билетъ въ одномъ изъ первыхъ рядовъ креселъ, онъ важно усѣлся. Недалеко отъ себя онъ увидѣлъ своего директора. Нисколько не смутившись онъ продолжалъ своейоно сидѣть, между тѣмъ директоръ зайтѣилъ отца и сталъ пристально на него глядѣть, узнавая, вѣроятно, въ немъ своего кадета. Видя, что дѣло плохо и что только смѣлостью города берутъ, отецъ самъ направился къ директору, въ первомъ же антрактѣ, и, представившись ему, сказалъ:

— Если я не ошибаюсь, ваше превосходительство, у васъ находится мой племянникъ Юрка Голицынъ? Бо-ольшой па-а-вѣса! — отецъ заикался.

— Да, отвѣчалъ генералъ. — Такъ онъ вашъ племянникъ? какое поразительное съ вами сходство!..

— Это не мо-у-дрено, отвѣтилъ отецъ, мы всѣ Голицыны на-а одно ли-и-цо.

Но, чтобы не подкралось опять сомнѣніе къ директору и чтобы крѣпче скрѣпить заблужденіе, передъ послѣднимъ дѣйствиємъ онъ пошелъ купить коробку конфетъ и, передавая ее генералу, просилъ его потрудиться отдать отъ него «шалуну», такъ какъ пріѣхать по дѣламъ онъ боится, что скоро не попадетъ въ корпусъ навѣстить племянника. На другой день директоръ явился въ классъ съ бомбоньеркой въ рукахъ и вызвалъ Голицына. Отецъ, увидавъ конфеты, закричалъ заикаясь:

— А! в-в-отъ и мои к-к-онфек-ты и-дутъ!

Не разобравъ или не понявъ, что онъ говоритъ, директоръ, отдавая ему конфеты, сказалъ, что видѣлъ его дядюшку, который просилъ передать ему эту коробку, — на что отецъ отвѣтилъ храбро:

— Я, ваше превосходительство, са-а-амъ себѣ дя-а-дя!

Такъ какъ отца знали за шалуна и знали любовь его острить, то и тутъ директоръ не обратилъ вниманія на это восклицаніе и остался при убѣжденіи, что онъ видѣлъ его дядю и что Голицыны очень похожи другъ на друга.

Однажды, при посѣщеніи Пажескаго корпуса императоромъ Николаемъ Павловичемъ, отецъ мой былъ на черной доскѣ, на которой крупными буквами написано было: «з а л ѣ н о с т ь , г р у б о с т ь и г л у п о с т ь ». Государь, взглянувъ на доску, пристыдилъ виновнаго, но тотъ отвѣтилъ не конфузясь:

— Въ первомъ и во второмъ виновать, ваше величество, но въ послѣднемъ никогда!

Государь, которому вѣроятно понравился смѣлый отвѣтъ мальчика, обратившись къ присутствующему начальству корпуса, сказалъ:

— Сотрите доску! Я за него ручаюсь!

— Ваше императорское величество, — сказалъ опять отецъ, вытянувшись въ струнку, какъ можете В ы ручаться за меня — когда я с а м ъ за себя не ручаюсь!

Но ваша коса на камень: и государь, взглянувъ строго чуднымъ своимъ взоромъ на храбраго, чистосердечнаго мальчика и обратившись опять къ его начальству, сказалъ:

— Прошу сдѣлать мнѣ изъ Голицына хорошаго человѣка!

— А ты, прибавилъ онъ обратившись къ отцу, чтобы былъ у меня на золотой доскѣ въ будущей мой пріездъ!

Государь побѣдилъ своевольнаго, но прямодушнаго мальчика, и отецъ обѣщалъ своему высокому покровителю исправиться и сдержалъ слово.

Семнадцати лѣтъ онъ вышелъ изъ корпуса, и восемнадцати лѣтъ былъ объявленъ женихомъ, но родители моей матери, не желая и боясь этого брака, отложили свадьбу на годъ. Въ продолженіе этого года отецъ навлекъ на себя много неприятностей и неудовольствій — частью своими юношескими шалостями, частью вслѣдствіе необдуманности въ своихъ

поступкахъ. Такъ, напримѣръ, въ одинъ изъ прїѣздовъ въ свое родовое имѣніе Салтыки, войдя въ церковь, онъ увидѣлъ пономаря, ругавшагося со старухами и отнимавшаго у нихъ свѣчи, которыя онъ ставилъ передъ образами, а что еще болѣе его разсердило—это то, что свѣчи пономарь пряталъ себѣ въ карманъ. Возмущенный и разгнѣванный этимъ зрѣлищемъ онъ вытащилъ пономаря за косу на паперть и тамъ отколотилъ его. Эта исторія дошла до Харькова, а что еще хуже—она приняла характеръ святотатства, и отецъ чуть-чуть не попалъ за это подъ судъ.

Живши въ Харьковѣ отецъ мой часто повѣсничалъ и прибавлялъ себѣ недоброжелателей даже между родственниками своей невесты, которымъ иногда позволялъ себѣ грубить, въ видѣ шутокъ для себя, и серьезной обиды для стариковъ. Дядя матери, генералъ графъ Сиверскій не любилъ, чтобы его цѣловали въ лицо, а «допускалъ молодежь къ плечу и рукѣ». Отецъ-же усердно чмокалъ его въ обѣ щеки. Вначалѣ старикъ графъ молчалъ и, хотя съ гримасой, принималъ поцѣлуи, но наконецъ это надобно ему и онъ съ важностью сказалъ:

— Je vous prie mon chère Georges, de baiser mon épaule et ne pas embrasser ma figure. ¹⁾

— Oh! je suis enchanté de le faire, car je n'aurai pas le désagrément d'être piqué par votre menton, qui n'est pas toujours bien rasé! ²⁾ — отвѣчалъ отецъ.

Онъ любилъ острить и всегда острилъ очень удачно и умно; но остроты не всегда прїятны, и когда затрогиваютъ личности, ихъ не любятъ. Неудовольствіе общества на него росло не по днямъ, а по часамъ, и въ одинъ неблагоприятный для него день жениху отказали. Но невеста не раздѣляла взглядовъ родныхъ и продолжала любить твердо, сказавъ имъ, что ни за кого другого не выйдетъ замужъ. Объ отцѣ и говорить нечего—тамъ гдѣ были препятствія, ему еще болѣе хотѣлось дойти до желаемой цѣли. Видѣться имъ было запрещено.

Когда отецъ сдѣлался женихомъ, онъ нанялъ себѣ домъ рядомъ съ домомъ Бахметевыхъ и только довольно большой садъ отдѣлялъ ихъ; у него была ручная, ученая, бѣлая козочка, которая носила невестѣ письма, привязанныя къ шеѣ на голубой ленточкѣ. Когда настало грустное для влюбленныхъ время, въ которое имъ не позволено было видѣться, козочка продолжала служить имъ вѣрную службу, и невеста, гуляя грустная въ своемъ саду, встрѣчала тамъ знакомую бѣлую козочку, которая подбѣгала къ ней, протягивая шейку, а невеста спѣшила освободить ее отъ ноши и снимала ожидаемое письмо....

¹⁾ Прощу тебя, дорогой Юрій, цѣловать меня въ плечо, а не въ лицо.

²⁾ Я съ удовольствіемъ это исполню, потому что избавлюсь отъ непрїятности быть уколотымъ вашими подбородкомъ, который иногда плохо бываетъ выбритъ.

Для того, чтобы увидѣть невѣсту свою онъ придумалъ слѣдующее: около дома Бахметевыхъ въ саду протекала рѣка, отецъ заказалъ гондолу одѣлся въ роскошный венеціанскій костюмъ и, нарядивъ нѣсколько чело- вѣкъ изъ своихъ пѣвчихъ гондольерами, поднялъ къ дому Бахме- тевыхъ и, стоя въ гондолѣ съ мандолиной въ рукахъ, запѣлъ серена- ду... Всѣ вышли посмотрѣть на небывалое зрѣлище и на появленіе въ Харь- ковѣ итальянцевъ. Невѣста же, извѣщенная, вѣроятно, заранѣе бѣлой козочкой о прибытіи жениха, первая выбѣжала и конечно единственная не удивилась, узнавъ въ красивомъ венеціанцѣ князя Юрія Голицына. Такимъ образомъ цѣль была достигнута—онъ увидѣлъ свою невѣсту.

Стойкость моей матери и взаимная любовь побѣдили препятствія, и князь Юрій Николаевичъ Голицынъ 16-го августа 1843 года вводилъ свою прелестную, скромную невѣсту въ Харьковскій соборъ, подъ пѣніе «гряди голубица».

Церковь была такъ полна, что они съ трудомъ подвигались, и кру- жевное платье, въ которомъ, говорятъ, была такъ красива моя мать, очень пострадало.

Молодые послѣ свадьбы оставались нѣсколько недѣль въ Харьковѣ, въ кругу многочисленныхъ своихъ родныхъ, и, конечно, молодежь у нихъ часто собиралась, въ томъ числѣ и шафера отца, графъ Сухтеленъ и князь Федоръ Григорьевичъ Голицынъ, съ которыми онъ иногда игралъ въ карты. Небывъ любителемъ карточной игры онъ садился играть просто для препровожденія времени, но иногда интересовался игрой и при своемъ го- рячемъ нравѣ не сдерживалъ себя. Разъ, недовольный ходомъ графа Сухтелена, онъ такъ вспылывалъ, что бросилъ карты ему въ лицо. Мать рассказывала мнѣ, что хотя она въ ту минуту не сознавала всей опасности въ положеніи отца, но все-таки страшно испугалась и на подвижномъ лицѣ ея, вѣроятно, отпечатался весь истугъ... Графъ Сух- теленъ посмотрѣлъ на нее... потомъ собралъ всю колоду, привелъ ее въ порядокъ, положилъ на средину стола и, повернувшись къ моему отцу, сказалъ очень спокойно, но внятно:

— Ты не дитя, чтобы не понять всѣ послѣдствія, могущія про- зойти вслѣдствіе твоего поступка, но не дратья же мнѣ съ тобою, въ минуту твоего счастья! Ми ѣ искать смерти—пѣтъ причины, тебя убивать—было бы страшное преступленіе передъ твоей молодой женой. Мы давно знаемъ хорошо другъ друга, ты — сумасшедшій, пора тебѣ остепеняться.

Пока графъ Сухтеленъ говорилъ, отецъ сидѣлъ, опустивъ глаза и положивши голову на руку. Благородный и сердечный другъ отца, кончивъ говорить, протянулъ ему свою руку въ знакъ прощенья за обиду. Тогда отецъ вскочилъ, бросился графу на шею и зарыдалъ.

— Прости, прости!—сказалъ онъ,—спасябо... ты мой честный, лучший другъ!

Проживъ нѣсколько времени въ Харьковѣ, молодые уѣхали въ родовое имѣніе, большое торговое село Салтыки, Тамбовской губерніи, Усманьскаго уѣзда. За нѣсколько верстъ отъ Салтыковъ, толпа народа ожидала пріѣзда молодыхъ господъ и, увидѣвъ ихъ, съ восторгомъ и криками пріѣзства бѣжала за ними. Въѣжая въ Салтыки, отецъ приказалъ прямо ѣхать въ церковь, гдѣ весь причтъ въ облаченіи ожидалъ новобрачныхъ.

Послѣ благодарственнаго молебна молодой баринъ обратился къ народу и, указывая на свою жену, сказалъ:

— Вотъ моя жена, а ваша княгиня. Служите ей какъ мнѣ, хорошо и вѣрно—она всегда будетъ къ вамъ добра, будетъ ваша защитница и помощница въ вашихъ нуждахъ.

Весь народъ былъ одѣтъ по праздничному. Бургомистръ съ стариками поднесли на серебряномъ подносѣ большой бѣлый сдобный папошникъ, заказанный ими въ Воронежѣ и украшенный цвѣтами, а старостиха поднесла полотенце съ жамками. Бабы по очереди подходили къ матери и, цѣлуя ее по русскому обычаю три раза, приговаривали разными нѣжными словами, называя ее «касапушка наша, красавица!» и т. п.

Салтыковскіе крестьяне вывезены были изъ Владимірской губерніи, народъ рослый, видный, и бабы отличались красотой; онѣ имѣли обыкновеніе румяниться, но впоследствии отецъ имъ это запретилъ, и такимъ образомъ обычай этотъ вывелся.

Молодые супруги пріѣхали въ Салтыки въ концѣ сентября, а на Покровъ Божьей Матери, около дома были раскинуты столы, и все крестьяне отъ мала до велика были позваны обѣдать. Послѣ обѣда народъ пѣлъ, плясалъ и получалъ въ подарокъ кто рубашку, кто кушакъ, бабы—серьги и кокошники, а дѣти—лакомства.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Собственноручное письмо Архарова Александру Андреевичу Безбородки.

14 июня 1778 г. Москва.

Милостивый государь мой, Александръ Андреевичъ!

Надѣясь уже, что письмо сіе найдетъ васъ по возвращеніи изъ пути, должностію считаю поздравить благополучно оный окончивши. Гость нашъ былъ въ Москвѣ семь дней, отправился въ С.-Петербургъ; если судить по наружному виду его, доволенъ. Что онъ дѣлалъ и гдѣ былъ, записку всякаго дня къ вамъ при семъ посылаю, ¹⁾ покорнѣйше прося, употребите ее какъ вы заблагоразсудите, а я съ моей стороны считаю нужнымъ до васъ ее доставить. Какъ онъ былъ не одинъ, то осмѣливаюсь васъ покорнѣйше просить, если можно, сдѣлать мнѣ милость, увѣдомить со-временемъ сего, какой отвѣтъ будетъ обо мнѣ, а при томъ не поскучтѣ, изъ особливо ко мнѣ благосклонности, моими мелочными просьбами. Кромѣ васъ, вамъ извѣстно, что не имѣю никого. Слѣду о строеніи Клинковскомъ пришлю на будущей почтѣ.

Впрочемъ, поруча себѣ въ неотмѣвную вашу благосклонность, съ совершеннымъ и истиннымъ почтеніемъ во весь мой вѣкъ буду преданнѣйшими и проч.

¹⁾ Дневной записки при письмѣ не оказалось.

ИЗЪ ПРОШЛАГО САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Записки стараго помѣщика).

ерстахъ въ 40-ка отъ Саратова и понынѣ существуетъ небольшая деревня Быковка, носящая свое названіе отъ одной изъ старѣйшихъ дворянскихъ фамилій Саратовской губерніи Быковыхъ. Фамилія эта уже теперь исчезла, но, во время нашествія Пугачева, Быковы владѣли большими помѣстьями, и на долю Федора Артамоновича выпала горькая участь перенести ужасы и несчастья Пугачевского погрома.

Пугачевъ, слѣдуя къ Саратову, расположился съ своей вольницей въ помѣстьяхъ Быкова, и такъ какъ двое взрослыхъ сыновей Федора Артамоновича отказались принести ему присягу, то онъ и казнилъ ихъ, привязавъ къ столбамъ и разможжавъ головы осью отъ телеги. Федоръ же Артамоновичъ былъ спрятанъ въ погребѣ подъ опрокинутую капустную колоду крестьянами, которые его очень любили. Когда Пугачевъ, разыскивая его, спустился въ погребъ, то староста, ставъ на эту колоду и какъ-бы удивляясь, куда могъ скрыться помѣщикъ его, совѣтовалъ пугачевцамъ хорошенько осмотрѣть всѣ находившіеся тамъ кадки. Послѣ тщетныхъ розысковъ Пугачевъ направился въ помѣщичій домъ, гдѣ и засталъ, сидѣвшую у окна жену Быкова Наталью Ивановну съ грудной дѣвочкой на рукахъ. Измученная зрѣлищемъ казни своихъ сыновей и предполагая, что мужъ тоже убитъ, она, увидѣвъ его, сказала:

— Ну, что злодѣй, убилъ дѣтей моихъ, убилъ мужа, такъ убей и меня.

Пугачевъ въ ярости выхватилъ ножъ изъ-за пояса и ударилъ имъ въ грудь Наталью Ивановну, но вдругъ къ его страшному ужасу конецъ ножа сломался, не причинивъ ей никакого вреда, и онъ, оторопѣвъ отъ

этого чуда, снялъ съ себя шапку, началъ креститься на висѣвшія въ углу комнаты иконы, а затѣмъ, не сказавъ ни слова, бросился изъ дома къ своему обозу, досталъ серебряныя чайникъ и дѣтскій рожокъ и, вернувшись снова къ Быковой, положилъ эти вещи въ рученки грудной дѣвочки.

— Прости Христа ради, сказалъ онъ и, поспѣшно собравъ свою вольницу, двинулся дальше къ Саратову.

Чудеснымъ спасеніемъ своей жизни Наталья Ивановна была обязана небольшому старинному образочку Казанской Божіей Матери, написанному на прочной металлической пластинкѣ, который составлялъ фамильную святыню, и Федоръ Артамоновичъ, бывъ ранѣе въ военной службѣ, никогда съ нимъ не разставался, почему Наталья Ивановна въ моментъ нашествія Пугачева и надѣла его себѣ на грудь подъ одежду.

Образъ этотъ, съ замѣтнымъ углубленіемъ отъ удара пугачевского ножа, старики Быковы передали той изъ своихъ дочерей, которая, будучи груднымъ ребенкомъ, была свидѣтельницей чудеснаго спасенія своей матери отъ руки Пугачева, т. е. моей родной бабки, и съ тѣхъ поръ икона эта сдѣлалась дорогимъ достояніемъ ея потомства и понынѣ передъ ней горитъ у меня неугасимая лампада.

Но какая странная судьба выпала на долю этой дѣвочки, черезъ всю жизнь которой прошла трагическая полоса. Сдѣлавшись взрослой дѣвушкой, она, Александра Федоровна Быкова, вышла замужъ за бывшаго адъютанта Суворова, полковника Степана Григорьевича Долгово-Сабурова, который тогда только впервые прибылъ въ Саратовскую губернію, для принятія пожалованныхъ ему въ разныхъ уѣздахъ земель.

У Долгово-Сабуровыхъ было трисына и двѣ дочери. Когда два ихъ сына, Алексѣй и Михаилъ, достаточно уже подросли и получено было изъ Петербурга увѣдомленіе о зачисленіи ихъ въ корпусъ, то въ это время къ Долгово-Сабуровымъ пріѣхали два ихъ родственника, полковникъ Базенъ и петербургскій чиновникъ Алфимовъ. Оба они имѣли правительственныя порученія— первый закупку лошадей для войскъ, а второй прислать былъ въ Саратовское казначейство съ денежными суммами, для обмѣна старыхъ денегъ на новыя. Желая отплатить за то радушіе и гостепріимство, съ которыми ихъ приняли, родственники эти вызвались довести двухъ мальчиковъ до Петербурга и сдать ихъ въ корпусъ. Причемъ Алфимовъ съ Мишей отправился въ столицу на Пензу и Нижній, а Базенъ, взявъ Алешу, долженъ былъ, по его словамъ, предварительно быть въ Одессѣ. И вотъ происходитъ удивительная исторія. Алфимовъ, проигравъ въ Нижнемъ казенныя деньги, бросаетъ Мишу на станціи, завѣривъ содержателя, что скоро за нимъ вернется, а затѣмъ, не дойдя до Петербурга застрѣливается. Содержатель станціи, тщетно выжидая цѣлые мѣсяцы возвращенія Алфимова, обращаетъ Мишу въ прислужника для проезжающихъ.

Полковникъ же Базенъ въ Одессѣ, по распискѣ, запрсдаетъ Алешу въ рабство греку хозяину гостиницы, а самъ съ казенными деньгами бѣжить за границу.

Долго слуга, изъ Саратова ѣдетъ въ Петербургъ генеральша Алферова, и на станціи въ Нижнемъ ея слуга видитъ на кухнѣ мальчижа, ставящаго самоваръ. Присматриваясь, онъ находитъ въ немъ необыкновенное сходство съ крестникомъ своей госпожи, Мишей Долгово-Сабуровымъ, онъ называетъ его по имени, но бѣдный мальчижъ на столько былъ запуганъ своимъ положеніемъ, что даже начинаетъ отказываться отъ своего имени, тогда слуга, сообщивъ объ этомъ своей барыни, приводитъ его къ ней, и та, къ своему ужасу, дѣйствительно, узнаетъ въ немъ своего крестника. Взявъ его съ собою въ Петербургъ, она даетъ знать о случившемся его родителямъ.

Между тѣмъ, Алеша, какъ старшій и при томъ будучи гордаго и независимаго характера, не хотѣлъ признать себя рабомъ, заявляя хозяину, что онъ вовсе не крѣпостной, а сынъ помѣщика, который самъ имѣетъ много крѣпостныхъ людей. Грекъ, съ одной стороны, боясь отвѣтственности за незаконную свою покупку, а съ другой, не желая лишиться денегъ, которые онъ заплатилъ за него Базену, началъ Алешу запираить въ отдаленныя отъ жилаго помѣщенія службы и даже связывать веревками, такъ какъ онъ не унимался и своимъ крикомъ могъ обратитъ на себя вниманіе проѣзжающихъ. Послѣ этого умный мальчижъ сообразилъ, что подобными дѣйствіями онъ себѣ не поможетъ, почему и рѣшилъ временно покориться власти грека, который сначала на веревкѣ доускалъ Алешу рубить дрова и чистить дворъ, а затѣмъ, убѣдившись въ его покорности, взялъ въ домъ, для прислуживанія себѣ и проѣзжающимъ. Когда же хозяинъ пересталъ слѣдить за всѣми его дѣйствіями, Алеша, улучивъ свободную минуту, рѣшился привести въ исполненіе задуманный имъ заранѣе планъ. Онъ отправился въ отдаленную часть города и, встрѣтивъ полицейскаго чиновника, рассказалъ все съ нимъ случившееся и, назвавъ себя сыномъ полковника Долгово-Сабурова, просилъ указать ему домъ губернатора. Объ этомъ обстоятельствѣ немедленно было доведено до свѣдѣнія послѣдняго, и когда мальчижъ предсталъ предъ губернаторомъ и, послѣ повторенія разсказа о его мытарствахъ, въ доказательство правоты своихъ словъ, вынулъ, зашитый за подкладкой платья, свой документъ, то губернаторъ узналъ въ немъ сына лучшаго своего боеваго товарища. Онъ оставилъ его у себя и, сообщивъ о томъ родителямъ, донесъ о происшествіи только что воцарившемуся императору Александру I.

Затѣмъ мальчижа были опредѣлены въ корпусъ и впоследствии оба, произведенные офицерами въ лейбъ-гусары, были убиты въ отечественную войну 1812 года.

Третій сынъ Долгово-Сабуровыхъ Иванъ былъ крестникъ генералисимуса Суворова, который видимо, любивъ своего бывшего адъютанта Степана Григорьевича, нерѣдко писалъ къ нему, почему нѣкоторые изъ его собственныхъ писемъ у меня сохраняются до сего времени. Иванъ Долгово-Сабуровъ, по желанію своего крестнаго отца, былъ морякомъ и, дослужившись до чина лейтенанта, находился на лучшемъ счету у своего начальства и, какъ человекъ богатый и хорошей фамиліи, привлечь особенное на себя вниманіе своего начальника контръ-адмирала N, который задумалъ женить его на своей дочери. Но такъ какъ Иванъ Степановичъ, побывавъ на родинѣ, объявилъ ему о своей помолвкѣ въ Саратовѣ съ дѣвщицей Поповой, то, озлобленный начальникъ не только измѣнилъ къ нему свои отношенія, но и рѣшился совсѣмъ погубить его. Онъ подговорилъ ружейнаго охотника изъ матросовъ, который всегда приносилъ дичь своимъ начальникамъ, выпросить фунтъ пороху у завѣдывавшаго пороховымъ складомъ лейтенанта Долгово-Сабурова. Матросъ исполнилъ это, и когда онъ съ этимъ порохомъ выходилъ изъ склада, то былъ задержанъ заранѣе подосланными для этого людьми, и Долгово-Сабуровъ по военному суду былъ разжалованъ въ рядовые.

Бѣдная мать, итакъ уже убитая горемъ отъ потери двухъ сыновей, поражена была параличемъ отъ этого новаго несчастія, и потому одна изъ ея сестеръ, Марія, отправилась въ Петербургъ къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, чрезъ которую не только выхлопотала возвращеніе чиновъ Ивану Степановичу, но и изъявленіе особенной къ нему царской милости при переводѣ его въ Петербургскую флотилію, гдѣ онъ былъ вскорѣ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты.

Положеніе Долгово-Сабурова въ столицѣ было очень завидное, такъ какъ, среди высокопоставленныхъ лицъ, онъ встрѣтилъ многихъ сослуживцевъ своего отца, но дальнѣйшей служебной карьеры ему сдѣлать не пришлось, такъ какъ родители пожелали, чтобы онъ оставилъ службу и вернулся на родину, гдѣ онъ и женился на одной изъ красивѣйшихъ и богатыхъ невѣстъ, Настасьѣ Александровнѣ Поповой. Но судьба Ивану Степановичу снова не повезла. Не прошло и четырехъ лѣтъ со времени женитьбы, какъ въ Саратовѣ прибылъ для расквартированія гусарскій полкъ, въ которомъ находился ротмистръ графъ Вобриискій. Блестящій гусарь плѣнилъ Настасью Александровну, и та, бросивъ мужа и продавъ свое имѣніе, бѣжала съ нимъ за границу. Послѣ этого Иванъ Степановичъ Долгово-Сабуровъ прожилъ не долго и умеръ въ холеру 1830 года, завѣщая, какъ бездѣтный, свою фамилію и свое состояніе, только что родившемуся тогда, единственному сыну родной его сестры Анны Степановны Шомпулевой, т. е. мнѣ. Но такъ какъ въ тотъ же холерный годъ умеръ скоростязно и мой отецъ, то матери, какъ женщины постигнутой такимъ ужаснымъ горемъ, было не до сто-

личныхъ хлопотъ, и она, по праву наслѣдія, воспользовалась лишь только уцѣлѣвшимъ состояніемъ брата и своихъ родителей. Вскорѣ затѣмъ скончались и старика Долгово Сабуровы, а оставшаяся въ дѣвцахъ ихъ послѣдняя дочь Евпраксія Степановна приняла постриженіе въ Пензенскомъ монастырѣ, гдѣ, состоя казначеей, была убита лошадию во время ея поѣдки въ городъ Пензѣ.

Почти тридцать лѣтъ спустя послѣ рассказанныхъ мною событій, въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Саратовъ явился изъ Архангельской губерніи іеромонахъ Амфилохій съ сборомъ на перестройку своей монастырской церкви и попалъ ко мнѣ въ домъ, гдѣ по старинному обычаю всегда оказывалось такимъ странникамъ гостепрѣимство. Разговорившись съ нимъ я неожиданно узналъ дальнѣйшую судьбу бѣжавшей за границу съ графомъ Бобринскимъ Настасья Александровны Долгово-Сабуровой. Іеромонахъ Амфилохій, какъ оказалось, былъ ранѣ камердинеромъ графа Бобринскаго и сообщилъ мнѣ, что уже десять лѣтъ назадъ графъ скончался за границей, почему онъ, Амфилохій, и горничная Настасья Александровны, по обѣщанію, ежели Богъ приведетъ ихъ вернуться въ Россію, поступили въ монастыри; о томъ же, гдѣ находится Настасья Александровна онъ, согласно ея желанія, долго умалчивалъ и лишь послѣ усиленныхъ просьбъ моей матери, сказалъ, что она пострижена въ Пензенскомъ монастырѣ. По собраннымъ свидѣніямъ, Настасья Александровна, бывъ въ полномъ постриженіи, вела тамъ отшельническую жизнь, гдѣ и скончалась.

При этомъ, считаю не лишнимъ добавить, что одна изъ дочерей Федора Артамоновича Быкова, моя двоюродная бабка, Марья Федоровна, въ память чудеснаго избавленія ея матери отъ руки Пугачева, выстроила въ своемъ имѣніи, въ деревнѣ Студенкѣ, прекраснѣйшую часовню съ небольшимъ иконостасомъ и бассейномъ внутри, въ которой ежегодно, съ особой торжественностью, служилась панихида по убитымъ Пугачевымъ ея братьямъ; а, умирая въ 1847 году, Марья Федоровна завѣщала, въ память того избавленія, отпустить крестьянъ этой деревни на волю, со всей землей, что и было исполнено ея душеприказницей, моей матерью, хотя она и состояла ближайшей наслѣдницей къ этому родовому имѣнію. Это обстоятельство въ то время не мало надѣлало хлопотъ, такъ какъ подобныя распоряженія помѣщиковъ были очень рѣдки и къ нимъ относились съ нѣкоторой подозрительностью. Но крестьяне не умѣли воспользоваться такимъ благополучіемъ и поспѣшили продать землю, внеся въ казенную палату за себя подушныя до ревизіи, и приписались къ мѣщанскому обществу города Саратова, вѣроятно изъ боязни быть снова прикрѣпленными къ землѣ. Теперь этотъ чудный участокъ, съ водяной мельницей, заливыми лугами, славящимися въ уѣздѣ ружейной охотой, обширнымъ прудомъ у подошвы крутой, по-

крытой лѣсомъ, горы, гдѣ затопленные нынѣ водой пруда, находятся знаменитыя пещеры Пугачевцевъ во время ихъ стоянки,—составляетъ собственность нѣмецкихъ колонистовъ и, въ образовавшейся небольшой колоніи Студенкѣ не осталось и слѣда прежней исторической мѣстности: часовня разобрана нѣмцами, и только чудный, быстро текущій изъ высокой горы родникъ напоминаетъ немногимъ старожиламъ то мѣсто, гдѣ она стояла.

В. А. Шомпулевъ.

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ ПОДОЛИИ.

(Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи).

III ¹⁾.

Поѣздка на сѣздъ.—Предсѣдатель сѣзда М—ичъ и вмѣченная горяччая.—Имяніе Н. И. Пирогова я встрѣча съ нимъ.—Прибытіе въ Литинь.—Залъ засѣданій сѣзда.—Почетный мировой судья панъ К—ичъ.—Непремѣнный членъ сѣзда Даниль К—скій.—Факторъ Іосъ К—ръ.—Ограбленіе директора В—ича.—Участковый мировой судья Генрихъ Л—узъ.—Дисциплинарное вышканіе.—Товарищъ прокурора.—Анонимные доносы.

въ недѣли спустя послѣ открытія моей камеры, въ Хмѣльникъ заѣхалъ, по дорогѣ изъ своего имѣнія въ Литинь, мировой судья 4 го участка и, въ то же время, предсѣдатель нашего сѣзда М—ичъ; онъ ѣхалъ на сѣздъ, завернулъ ко мнѣ и предлагалъ отправиться вмѣстѣ. Путешествіе вдвоємъ не только познакомило насъ, но немножко и сблизило. М—ичъ онъ служилъ когда-то въ артиллеріи, затѣмъ перешелъ на гражданскую службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, выказалъ здѣсь весьма недюжинныя способности, былъ командированъ однажды въ Московскую губернію для раскрытія тайной фабрикаціи поддѣльнаго чая (Иванъ-чая), исполнилъ порученіе самымъ блестящимъ образомъ, и былъ вскорѣ назначенъ подольскимъ вице-губернаторомъ. Состоя въ этой должности, онъ получалъ на льготныхъ условіяхъ, въ видѣ награды за службу, одно изъ конфискованныхъ

¹⁾ См. «Русскую Старину». февраль, 1897 г.

польскихъ имѣній въ Литинскомъ уѣздѣ; затѣмъ, при введеніи въ Подолн мировыхъ судей, М—ичъ, неладившій съ губернаторомъ, принялъ должность судьи и въ то же время былъ назначенъ и председа-телемъ съѣзда.

М—ичъ, какъ оказалось, былъ судьей замѣчательнаго трудолюбія, обходившійся даже безъ помощи писмоводителя; при этомъ, онъ былъ человѣкомъ очень умнымъ, честнымъ и энергичнымъ, много путеше-ствовавшимъ я, вообще, «видавшимъ виды». Но привычка къ власти, когда онъ, будучи вице-губернаторомъ, не разъ ревизовалъ губернію и, вообще, неоднократно пользовался правами губернатора, исправляя его должность, дѣлала то, что онъ сталъ отличаться нѣкоторою рѣзкостью съ младшими и проявлять иногда раздражительность и жесткость. Въ своемъ имѣніи онъ жилъ одинъ, такъ какъ семья его проживала въ Москвѣ, и это послѣднее обстоятельство дѣлало его характеръ еще болѣе холоднымъ. Кромѣ того, надъ нимъ тяготѣло одно пренебрежитѣльшее дѣло, устроенное ему многочисленными его врагами: онъ обвинялся въ истязаніи, т. е., просто говоря, въ высѣченіи розгами бывшей своей горничной дѣвушки. Исторія эта, вообще очень темная, заключалась въ томъ, что въ имѣніи М—ича, когда съ нимъ еще жила его семья, была, однажды, высѣчена горничная дѣвушка; въ прошеніи, поданномъ ею (т. е. отъ ея имени, такъ какъ она была неграмотна) мѣстнымъ властямъ, она заявила, что высѣчена была «по приказанію барина», его управляющимъ, тестемъ М—ича. Когда началось «дѣло», то свидѣтели на слѣдствіи подтвердили фактъ сѣченія, а управляющій (вскорѣ ослѣпшій) показалъ, что дѣвушка была высѣчена имъ по собственной инициативѣ—за воровство и явный развратъ въ домѣ, и что она согласилась сама, добровольно, подвергнуться экзекуціи, при условіи, чтобы ее не подвергали ответственности за кражи. Сама же потерпѣвшая канула, въ началѣ слѣдствія, какъ въ воду и не успѣла даже быть спрошена слѣдователемъ, тщетно разыскававшимъ ее по всей Россіи, чрезъ публикаціи въ «Сенатскихъ Объявленіяхъ» и въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Извѣстно было лишь, что она, тотчасъ по подачѣ прошенія, уѣхала изъ Литинскаго уѣзда въ Одессу, гдѣ и замела свой слѣдъ: по одной версіи, она, въ качествѣ живаго товара, попала въ руки факторовъ-евреевъ и была переправлена въ Константинополь; по другому же варианту, она получила отъ тестя М—ича очень крупный кушъ и чужой паспортъ и улетучилась такъ ловко, что ее впоследствии уже не могли и разыскать... Такъ или иначе, но это дѣло не только висѣло надъ М—ичемъ въ видѣ Дамоклова меча, но и нѣсколько компрометировало его, а впоследствии, и повредило ему по службѣ.

Въ описываемое время, т. е. когда мы ѣхали съ нимъ на съѣздъ и

мирно бесѣдовали, «дѣло» это плавало уже по камерамъ различныхъ судебныхъ слѣдователей, товарищей прокурора и въ полициі, хотя М—ичъ и дѣлалъ видъ, что онъ игнорируетъ всѣ эти инсинуаціи и со-всѣмъ ими не интересуется.

По дорогѣ между Хмѣльникомъ и Литвинымъ мы проѣзжали мимо одного чистенькаго селенія съ церковью и красивыми помѣщичьими постройками.

— Это село Ивча, имѣніе Николая Ивановича Пирогова, сказалъ мнѣ М—ичъ:—самъ же онъ сюда лишь наѣзжаетъ, проживая постоянно въ другомъ имѣніи, Вишнѣ, въ сосѣдствѣ, Винницкомъ уѣздѣ.

Впослѣдствіи, мнѣ не разъ приходилось проѣзжать черезъ это село и останавливаться въ немъ, — и я слышалъ, что великій хирургъ и гуманистъ жилъ, за послѣднее время, какъ бы отшельникомъ, возложивъ всѣ хозяйственныя заботы и хлопоты по имѣніямъ на свою супругу и сына; но большыя все-таки являлись къ нему, иногда очень издалека, и онъ не отказывался принимать ихъ.—Проживавшій во флигелѣ фельдшеръ записывалъ и регистрировалъ пріѣзжающихъ больныхъ и, затѣмъ, докладывалъ о нихъ Пирогову; при этомъ, у фельдшера съ публикой происходилъ сущій торгъ, а иногда и крупныя разговоры, но зналъ ли обо всемъ этомъ великій ученый, этого я не берусь утверждать. Лично я видѣлъ покойнаго Н. И. всего разъ, спустя два года, въ г. Винницѣ: это былъ замѣтно уже осунувшійся и даже согбенный старикъ, съ охладистою, наполовину сѣдою, бородой и съ совершенно голымъ черепомъ, прикрытымъ черною бархатною шапочкой. Онъ производилъ впечатлѣніе совсѣмъ дряхлаго старца, и лишь глаза его и все выраженіе умнаго, строгаго и симпатичнаго лица говорили, что передъ вами былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, великій ученый, признанный коллегами всѣхъ странъ и народовъ.

Послѣдняя трудовая и плодотворная дѣятельность Пирогова на пользу человечества была въ минувшую турецкую кампанію; но по общимъ отзывамъ очевидцевъ, это былъ уже не тотъ неустанный труженикъ-хирургъ и не тотъ мужественный боецъ, что воевалъ когда-то съ севастопольскими врачами въ госпиталяхъ и съ интендантами въ Крыму: годы его были древніе, а силы слабыя; тѣмъ не менѣе, онъ, оди и нъ, сдѣлалъ все-таки больше, чѣмъ сдѣлала бы сотня докторовъ, не подготовленныхъ для театра военныхъ дѣйствій: уже одно его славное и честное имя производило магическое дѣйствіе, въ особенности на молодыхъ врачей, въ смыслъ поощренія къ беззаветному труду. По окончаніи кампаніи, великій хирургъ получалъ орденъ Бѣлаго орла, который едва ли даже и довелось ему возложить на себя въ своемъ деревенскомъ уединеніи. Этотъ орденъ, во время похоронъ, пришлось нести, по странной случайности, внуку извѣстнаго академика же и

ученаго (географа) Арсеньева—К. Ю. Арсеньеву, служившему въ то время, т. е. въ годъ смерти Пирогова (въ 1882 году), въ г. Винницѣ, въ чинѣ капитана, въ квартировавшемъ тамъ резервномъ пѣхотномъ баталіонѣ.

Когда мы подъѣзжали уже къ самому Литину, мой слутникъ сказалъ мнѣ:

— Я вамъ ничего не говорилъ и не буду говорить о вашихъ товарищахъ судьяхъ: вы сами ихъ увидите и услышите, т. е., предъ вами пройдутъ всѣ тѣ рѣшенія и приговоры по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, которые они поставили и которые мы, по апелляціоннымъ жалобамъ, будемъ обсуждать. Кстати, и для васъ лично, какъ для новаго судьи, разборъ дѣлъ на сѣздѣ будетъ хорошей школой въ виду предстоящей вамъ судейской дѣятельности.

Пріѣхали мы въ Литинъ совсѣмъ поздно и остановились въ сѣздѣ, двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ мѣстному протопопу. Домъ былъ сухой и очень помѣстительный, такъ что и я, и М—ичъ имѣли, каждый для себя, особыя комнаты.

Едва только я разобрался съ вещами и переодѣлся, какъ отправился наверхъ, въ сѣздъ, взять тѣ дѣла, которыя были назначены къ разсмотрѣнію на другой день. Меня встрѣтилъ секретарь, еще очень молодой человекъ, чрезвычайно симпатичный, и исполнилъ мое желаніе. Затѣмъ, я, изъ простаго любопытства, прошелъ въ залъ засѣданій. Это была довольно большая комната, высокая, полусвѣщенная одною лампою, за которой сидѣлъ и работалъ, диктуя самъ себѣ вслухъ, помощникъ секретаря, какой-то несчастный и забытый судьбой мелкій чиновникъ. Полутемный залъ и эта одинокая лампа, и этотъ блѣдный, согбенный надъ бумагами человекъ произвели на меня крайне тяжелое и непріятное впечатлѣніе: казалось, что какъ будто въ этомъ залѣ лежитъ покойникъ, и кто-то читаетъ по немъ, въ полголоса и въ полутьмѣ, псалтирь....

Когда я вернулся къ себѣ въ комнату, въ ней оказался уже соквартирантъ, почетный мировой судья К—ичъ, явившійся для присутствованія на сѣздѣ. Это былъ добрый и милый польскій панъ, съ университетскимъ образованіемъ, но не приставшій ни къ нашимъ, ни къ вашимъ, такъ какъ, вскорѣ послѣ университета и прибытія въ Литинскій уѣздъ, въ свое маленькое родовое имѣніе, онъ подвергнутъ былъ остракизму со стороны всего мѣстнаго польскаго общества. Случилось же это по слѣдующему поводу. Сдѣлавъ визиты и перезнакомившись со всѣми, онъ былъ радушно вездѣ принятъ и обласканъ, какъ человекъ образованный, молодой и небѣдный; особенно охотились за нимъ маменьки засидѣвшихся паненокъ. Но К—ичъ заплатилъ за гостепріимство «черною неблагодарностью»,—какъ отзывались, даже много глѣтъ спустя, здѣш-

ніе польскіе помѣщики. Будучи приглашенъ на балъ къ одному изъ мѣстныхъ магнатовъ, онъ воспѣлъ, потомъ, весь этотъ балъ и хозяйина дома, и его гостей въ злой стихотворной сатиры, въ которой осмѣялъ и чванство и высокомеріе крупныхъ пановъ и графовъ,¹⁾ и патриотизмъ дамъ, и кокетство дѣвицъ. Авторъ сатиры не пощадилъ даже нѣсколькихъ ксендзовъ, попавшихъ на балъ: они были зло и ядовито «продернуты». Хотя сатира была и не подписана и высылалась даже публикѣ изъ Кіева, почтою, но тѣмъ не менѣе, по какимъ то соображеніямъ и слѣдамъ, авторъ былъ обнаруженъ и на него наложено было veto. не снятое даже и въ 1863 году, во время возстанія въ краѣ. К—ичъ былъ въ числѣ немногихъ польскихъ помѣщиковъ этого уголка Подоліи, котораго г-жа Пустовойтова, будущій адъютантъ Лангевича (мѣстная уроженка изъ имѣнія Пустовойты), не пожелаала посвятить и пригласить къ пожертвованіямъ «на офяру», т. е. на возстаніе. По всей вѣроятности, К—ича не очень-то много огорчило такое невниманіе, благодаря которому онъ остался не только внѣ всякихъ подозрѣній въ участіи въ мятежѣ, но даже попалъ въ почетные мировые судьи, нанеся этимъ вступленіемъ въ составъ «московского суда» новый ударъ патриотическому чувству и нетерпимости своихъ единоплеменниковъ. Въ концѣ концовъ, К—ичъ добился на-половину того, чего втайнѣ давно желалъ: ему былъ данъ орденъ Анны 3-ей степени, и онъ не снималъ его съ себя въ теченіе очень долгаго времени, не надѣвая только на одинъ халатъ. По натурѣ своей, это былъ человѣкъ хорошій и честный и больше хохоль, чѣмъ полякъ; онъ такъ и остался старымъ холостякомъ и сдѣлался прекраснымъ сельскимъ хозяиномъ и большимъ оригиналомъ: ходилъ онъ всегда въ какомъ-то ваточномъ, довольно потертомъ кунтушѣ, съ вѣчною трубкою въ рукахъ, насаженною на двухъ-аршинный черешневый чубукъ; но за то въ засѣданія съѣзда выходилъ всегда въ новенькомъ, съ иголочки, мундирѣ, на которомъ ширина воротника и рукавовъ, расшитыхъ золотомъ, далеко превосходила нормальную; но это было уже маленькое польское тщеславіе, которому мы, его сотоварищи, не придавали, конечно, никакого значенія.

Вторая же половина явныхъ и тайныхъ помысловъ К—ича—быть назначеннымъ участковымъ мировымъ судьей—такъ и не исполнилась. И это было вопіющею несправедливостію относительно К—ича, два раза, при открывающихся въ Литинскомъ уѣздѣ вакансіяхъ, обращавшагося къ начальству съ просьбами объ этомъ назначеніи; но начальство находило возможнымъ назначать судьями въ По-

¹⁾ Въ Подоліи и на Волыни, а частію даже и въ Литвѣ, принято, иногда, называть „графомъ“ каждаго богатаго пана, если онъ живетъ по „графски“ и сорить деньгами безъ разума.

долю чиновниковъ съ аттестатами семинарій, отставныхъ кавалерійскихъ офицеровъ и даже бывшихъ станovýchъ приставовъ, но отказывало въ этомъ К—ичу, челоуьку съ университетскимъ образованіемъ и прослужившему, въ тому же, безвозмездно, нѣсколько лѣтъ почетнымъ мировымъ судьей,—и отказывало только потому, что онъ былъ католикъ....

На утро, передъ засѣданіемъ, М—ичъ познакомилъ меня съ двумя моими сослуживцами, явившимися на сѣздъ: это были участковые мировые судьи Д. К—скій и Г. Л—узъ. Кстати, я позволю себѣ познакомиться съ ними и читателей, хотя мнѣ и придется для этого забѣжать немножко впередъ и оглянуться назадъ.

Мировой судья 1-го участка Д. К—скій былъ сынъ дьячка и окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, по юридическому факультету; онъ служилъ ранѣе въ Литинскомъ же уѣздѣ судебнымъ слѣдователемъ и составилъ себѣ, въ нѣсколько лѣтъ, довольно порядочное для чиновника состояніе—тысячъ въ тридцать,—прослуживъ въ должности слѣдователя пять лѣтъ и получая по дореформенному окладу всего одну тысячу рублей въ годъ.

Въ Подольской губерніи не существовало, какъ я уже говорилъ, окружнаго суда, и слѣдствіе по уголовному дѣлу, произведенное судебнымъ слѣдователемъ, съ отобраніемъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ подъ присягой, было—все: приговоръ уголовной палаты, составлялся не на основаніи вердикта присяжныхъ, которыхъ и не существовало въ этихъ «палатахъ», а основывался, единственно и исключительно, на томъ судебномъ слѣдственномъ производствѣ и на тѣхъ матеріалахъ, которые были представлены слѣдователемъ,—и только отъ воли этого единого челоуька зависѣло иногда упечь обвиняемаго въ Сибирь или помиловать; а если улики слишкомъ уже явны, то подвести его подъ «сильное подозрѣніе»,—въ какомъ палата могла оставлять преступника не сознавагося и явно не уличеннаго. Я уже не говорю о томъ, что прежде чѣмъ, какъ говорится, судъ да дѣло, судебный слѣдователь могъ, въ самомъ началѣ слѣдствія, посадить обвиняемаго челоуька въ острогъ—т. е. опозорить и его, и его семью на всю жизнь;—это, на языкѣ уголовного законодательства, называлось—да и теперь называется точно такъ же—мѣтроу пресѣченія обвиняемому уклониться отъ суда и слѣдствія, принимаемому на основаніи 416 ст. устава уголовного судопроизводства. ¹⁾

¹⁾ Я рассказываю и «вспоминаю» о дѣлахъ давно минувшихъ, пережившихъ чуть не двѣ земскихъ давности; но я попрошу читателей припомнить дѣло, разбиравшееся всего лишь въ минувшемъ году, въ Курскомъ окружномъ судѣ,—когда судебный слѣдователь Родиславскій, поддержавшій въ клубѣ пари, что онъ «упрячетъ въ острогъ» одного богатаго помѣщика, въ имѣніи

Теперь, прошу читателя представить себѣ, что такія прерогативы и такая большая власть, при полнѣйшей безнаказанности «упущеній» и «ошибокъ», даны человѣку опытному и не глупому, и не имѣющему ни стыда, ни совѣсти, не боящемуся ни суда Божьяго, ни человѣческаго, смѣющемуся надъ правосудіемъ и надъ общественнымъ мнѣніемъ, человѣку чрезвычайно смѣлому и наглому и вдобавокъ образованному, — и передъ вами будетъ судебный слѣдователь Даниилъ К—скій, которому не только сошли благополучно съ рукъ всѣ его преступления по должности, но онъ еще получилъ повышение по службѣ и занялъ, при введеніи судебно-мироваго института въ Подолію, мѣсто судьи въ томъ же самомъ Литинскомъ уѣздѣ.

О дѣятельности К—скаго, какъ слѣдователя, ходили еще и въ мое время цѣлыя легенды: попасть въ его руки человѣку, обвиняемому въ какомъ-нибудь, даже неважномъ, преступленіи — это значило быть ограбленнымъ, буквально, до послѣдняго рубля. К—скій держалъ при себѣ, на этотъ предметъ, постоянного фактора, еврея Іоську К—ера, который не только сообщалъ слѣдователю всѣ подробности о матеріальномъ и семейномъ положеніи обвиняемаго, но торговался въ цѣнѣ выкупа, бралъ деньги и передавалъ ихъ своему «хозяину». Случалось при этомъ, что съ несчастнаго вола драли по двѣ и по три шкуры. Вотъ одинъ фактъ, на выдержку, изъ дѣятельности Д. К—скаго въ роли судебного слѣдователя.

Проживая въ городѣ Хмѣльникѣ, К—скій случайно узнаетъ, что на сосѣднемъ свекло-сахарномъ заводѣ въ Войтовцахъ, одномъ изъ богатѣйшихъ заводовъ во всей Подоліи, существуютъ неправильные вѣсы, на которыхъ обвѣшиваютъ лицъ поставляющихъ свекловицу; при этомъ нашелся и потерпѣвшій — какой-то неважный владѣлецъ маленькой свекловичной плантаціи, подавшій слѣдователю письменную жалобу на этотъ обвѣсъ. Для К—скаго было вполне достаточно дошедшихъ до него слуховъ и этой жалобы, чтобы начать «дѣло»; онъ неожиданно и внезапно явился съ потерпѣвшимъ и понятыми на заводъ, опечаталъ вѣсы и гари, отобралъ ихъ, установилъ фактъ частаго нахождения при приѣмѣ свекловицы дире-

котораго сторѣло какое-то застрахованное гумно, дѣйствительно „упряталъ“ вешовниаго человѣка, совершивъ, для достиженія цѣли, самолично, цѣлый рядъ подлоговъ во время производствa слѣдствія... Дѣло и вся процессуала Родиславскаго выдѣлили на Божіи свѣтъ лишь случайно, благодаря тому обстоятельству, что, въ качествѣ свидѣтеля, былъ вызванъ въ судъ литераторъ г. Е. Марковъ. Слѣдовательно, не далеко ушло упорядоченіе производства слѣдствій отъ того времени, о которомъ идетъ у меня рѣчь — и такъ-же широко и безнаказанъ произволъ слѣдователей, и такъ-же не ограждена отъ этого произвола личность человѣка, привлекаемаго къ слѣдствію...

*

ктора-распорядителя, еврея В—ча, уѣхалъ затѣмъ въ Хмѣльникъ и началъ формальное слѣдствіе. На первыхъ же порахъ эксперты—базарные старосты—обнаружили невѣрность вѣсовъ и гирь; затѣмъ показаніями нѣкоторыхъ свидѣтелей, вызванныхъ слѣдователемъ въ Хмѣльникъ и опрошенныхъ, былъ вполне подтвержденъ тотъ фактъ, что В—чь, находясь иногда при приѣмѣ вѣсовщикамъ свекловицы, могъ знать, что вѣсы не вѣрны и гири значительно тяжелѣе нормальныхъ; далѣе оказалось, что сумма обѣра и обвѣса, при кулѣ, далеко превышаетъ сумму 300 рублей, и проч. Разъ всѣ эти факты были установлены, К—скій вызвалъ въ Хмѣльникъ, въ качествѣ обвиняемыхъ, купца 1-ой гильдіи и почетнаго гражданина В—ча и «дѣйствовавшаго по его приказанію» вѣсовщика. Начался допросъ. Судебный слѣдователь допрашивалъ В—ча въ теченіе пяти часовъ, продолжавъ его все время на ногахъ и не пригласивъ ни разу присѣсть; а затѣмъ объявилъ ему свое постановленіе о предварительномъ арестѣ, «дабы обвиняемый, находясь на свободѣ, не могъ уклониться отъ суда и слѣдствія, а равно и повліять на показанія по этому дѣлу свидѣтелей, зависящихъ, такъ или иначе, отъ него, директора», а между тѣмъ дѣло-де очень серьезное и подлежитъ вѣдѣнію уголовной палаты, такъ какъ главный обвиняемый оказывается почетнымъ гражданиномъ.

Можете себѣ представить весь ужасъ В—ча, человѣка образованнаго, вполне порядочнаго, получающаго что-то около шести тысячъ въ годъ содержанія и, можетъ быть, совсѣмъ мало и виноватаго въ томъ мошенничествѣ, въ которомъ обвинялъ его судебный слѣдователь.

Прочитавъ ему постановленіе объ арестѣ, гдѣ упоминалась, конечно, 416 статья и говорилось, что В—чь, какъ человѣкъ богатый, легко можетъ укрыться отъ суда за-границу, находящуюся такъ близко, слѣдователь великодушно прибавилъ:

— Въ силу нашего бывшаго знакомства, я не арестую васъ, какъ бы слѣдовало—я немедленно, и рѣшаюсь отпустить на квартиру, гдѣ вы остановились, за вещами; но только вы дадите мнѣ честное слово, что черезъ два часа явитесь въ мою камеру сами и отдадите себя въ руки правосудія.

— Я бы просилъ позволенія, г-нъ слѣдователь, переговорить съ вами,—запечаталъ совсѣмъ уничтоженный директоръ завода, памятуя нравъ К—скаго и хорошо понимая, что надо откупаться.

— Мнѣ съ вами не о чемъ болѣе разговаривать, г-нъ В—чь!—громко и отчетливо произнесъ судебный слѣдователь.

Шатаясь, вышелъ несчастный человѣкъ изъ разбойничьей «камеры» и поѣхалъ на свою квартиру въ «замокъ», гдѣ онъ всегда останавливался. На крыльцѣ его уже поджидалъ Іосъка К—ерь.

— Ну, что скажешь, Юсь?—спросилъ его такимъ голосомъ В—чъ.

— Два слова только скажу вамъ, панъ директоръ,—еще тише отвѣтить фактору,—пять тысячъ...

Положеніе В—ча было ужасное: начатое судебнымъ слѣдователемъ «дѣло» могло сильно компрометировать все громадное коммерческое предпріятіе, ввѣренное въ его руки: на Войтовецкомъ сахарномъ заводѣ—фальшивые вѣсы!!!. Но что же дѣлать теперь?! Неужели же идти и садиться въ Х—скую кутузку, вмѣстѣ съ ворами и конокрадами, а затѣмъ и въ острогъ? Можно, конечно, и скрыться, но вѣдь это только спасетъ на время.... Телеграфировать владѣльцу завода.. но, во-первыхъ, самый телеграфъ отъ Хмѣльниа въ 45-ти-верстахъ а во-вторыхъ, владѣлецъ лѣжится за-границей, и найдетъ ли еще его тамъ телеграмма — Богъ вѣсть, а если и найдетъ, то что онъ можетъ оттуда, изъ-за-границы, сдѣлать? Да, наконецъ, въ виду такого некрасиваго «дѣла», онъ, можетъ быть, не захочетъ даже и вѣщиваться въ него...

В—чъ позвалъ К—ера въ свои комнаты, подумалъ немного: вѣдь пять тысячъ—это денежки! но... половину можно поставить на счетъ акціонеровъ... и затѣмъ, сказалъ фактору:

— Передай слѣдователю, что я согласенъ; но такихъ денегъ при мнѣ нѣтъ—я сейчасъ же поѣду въ Войтовцы, возьму деньги и рано утромъ буду здѣсь.

Юсь К — ерь побѣжалъ къ К—скому съ этимъ отвѣтомъ, а В—чъ приказалъ заложить лошадей и уѣхалъ на заводъ, въ Войтовцы, Рано утромъ онъ возвратился и послалъ за К—еромъ: факторъ явился, принялъ деньги и повесъ ихъ къ К—скому, но тотъ, должно быть, пожалѣлъ, что мало взялъ: черезъ полчаса К—ерь явился обратно:

— Слѣдователь приказалъ вамъ сказать, что дѣло это теперь такъ огласилось, что, пожалуй, его самого уволать за то, что онъ не арестовалъ васъ; онъ рискуетъ, такимъ образомъ, потерять службу, а потому проситъ васъ доставить еще три тысячи, которыя онъ раздастъ кому угодно, въ Каменцѣ, чтобы тамъ не обратили на это дѣло вниманія. Если не согласны, возьмите назадъ свои пять тысячъ—вотъ они, проговорилъ факторъ, отправляясь рукою въ боковой карманъ...

— Хорошо, онъ получить еще три тысячи,—отвѣтилъ В—чъ—и поскакалъ вновь въ Войтовцы.

Въ тотъ же день деньги были привезены и сданы по принадлежности. Затѣмъ, когда В—чъ, по приказу слѣдователя, явился къ нему въ камеру, то никого не засталъ въ ней, кромѣ самого слѣдователя, пригласившаго его въ свою квартиру, въ гостиную; тамъ онъ любезно усадилъ своего «дорогаго» гостя и жалостно заговорилъ о рискѣ «всего

этого неприятнаго дѣла», которое онъ, слѣдователь, долженъ-де теперь «какъ-нибудь потушить», что онъ навѣрное потеряетъ должность и службу.

— И все это изъ-за какихъ-нибудь шести тысячъ!..—проговорилъ въ заключеніе К—скій, пожимая плечами и словно раскаяваясь, что взялъ.

— Какъ шесть?.. Я далъ восемь, — удивленно отвѣтилъ В—чь.

— Восемь!—воскликнулъ слѣдователь. — Значить, этотъ мошенникъ Іоська укралъ двѣ тысячи, такъ какъ я получилъ только шесть... Поэтому убѣдительно прошу васъ: доставьте мнѣ сегодня же «остальные» двѣ тысячи; а пока вы поѣдете за ними и привезете, я допрошу, подъ присягою, еще кой-кого изъ свидѣтелей по вашему дѣлу, которыхъ я вызвалъ на сегодня и которые, кажется, показываютъ въ вашу пользу, и тогда, я составлю постановленіе о прекращеніи дѣла. Кстати, вы сами возьмете отъ меня, вечеромъ, и заарестованные вѣсы и гири.

Вечеромъ, въ тотъ же день, В—чь привезъ К—скому еще двѣ тысячи, подписался подъ постановленіемъ слѣдователя о прекращеніи дѣла — «за отсутствіемъ уликъ и доказательствъ», — получилъ свои вѣсы и гири — и живо уѣхалъ во-свои.

Дѣло это, конечно, не могло остаться въ тайнѣ, хотя В—чь на разспросы любопытныхъ, упорно отмалчивался; а когда разспрашивали Іоську К—ера, тотъ только пошмѣивался и тоже помалчивалъ. Впослѣдствіи, однако, дѣло это все-таки выплыло наружу и о немъ знали и рассказывали во всѣхъ подробностяхъ, которыя довелось, затѣмъ, слышать и мнѣ, и даже отъ нѣсколькихъ человѣкъ, передававшихъ дѣло въ одной и той же редакціи, сходственной даже въ цифрахъ взятой съ В—ча контрибуціи.

К—скому это «дѣло» нисколько не повредило, и едва ли даже узналъ о немъ потомъ и самъ главный акціонеръ и владѣлецъ завода, отъ котораго могли даже нарочно все скрыть, такъ какъ тутъ все-таки былъ нѣкоторый обманъ, допущенный на его заводѣ.

Вотъ этотъ-то милый человѣкъ, Данилъ К—скій, и былъ теперь моимъ сослуживцемъ, въ качествѣ участковаго судьи и въ то же время непремѣннаго члена сѣзда. Было бы, конечно, нелепо существованіе такого судьи, если бы ему пришлось быть и з б и р а е м ы м ъ. Въ данномъ же случаѣ, при н а з н а ч е н і и судей, эта исключительная личность занимала судейскую должность вотъ уже 4 года, заведя и въ камерѣ судьи почти тѣ же обирательные порядки, какіе были у него въ камерѣ слѣдователя. Въ первомъ случаѣ, при выборахъ, передъ глазами общества былъ самъ человѣкъ; во второмъ же случаѣ, предъ

начальствомъ имѣется лишь формуляръ этого человѣка, т. е. мертвая канцелярская бумага—и ничего болѣе...

Судья К—скій даже и по вѣншиности своей производилъ отталкивающее впечатлѣнiе: небольшого роста, рыжій, съ маленькими и постоянно моргающими глазами, прикрытыми, отъ людскихъ взоровъ, очками, съ мягкими кошачьими манерами и вкрадчивымъ голосомъ....

Совершенною противоположностью представлялъ собою судья 3-го участка, Генрихъ Л—узъ: онъ былъ, прежде всего, чистокровный нѣмецъ, изъ Петербургскаго, кажется, университета; высокій, худой, тонкій и длинный блондинъ; очень симпатичный и веселый человѣкъ, производившій, на первыхъ порахъ, довольно выгодное впечатлѣнiе.

Л—узъ служилъ ранѣе губернскимъ стряпчимъ въ Каменцѣ, въ то время, когда прокуроромъ былъ тамъ г-нъ Г—овъ, бывший потомъ прокуроромъ судебной палаты въ Москвѣ и, затѣмъ, старшимъ предсѣдателемъ Тифлисскаго судебной палаты. При введенiи въ Подоли мировыхъ судей, совпавшемъ съ упраздненiемъ дореформенныхъ стряпчихъ, прокуроръ помогъ Л—узу получить мѣсто судьи въ Литинскомъ уѣздѣ. Несмотря, однако, на свою нѣмецкую национальность, Л—узъ былъ большой лѣтатй, жуиръ и сибаритъ, ставившій собственныя привычки и удобства выше всѣхъ и всего. Передъ самымъ моимъ прибытiемъ его судили, въ дисциплинарномъ порядкѣ, въ Одесской судебной палатѣ за то, что онъ призжалъ въ сѣздѣ не всегда, когда нужно, а лишь тогда, если стояла прекрасная погода и была, кромѣ того, хорошая и гладкая дорога; при отсутствiи этихъ удобствъ, или при малѣйшемъ собственномъ нездоровьи, онъ въ Литинѣ не являлся, и чрезъ это не разъ «срывалъ» сѣзды, то-есть судьи разѣзжались, не имѣя засѣданiй по отсутствiю третьяго члена, необходимаго для обсужденiя ихъ дѣлъ; а публика, призжающая въ Литинѣ иногда за сто и болѣе верстъ, какъ напримѣръ изъ 4-го участка, должна была понапрасну возвращаться обратно, а затѣмъ, черезъ мѣсяць, являться вновь. А иногда Л—узъ дѣлалъ и такія удивительныя вещи: вызываетъ, напримѣръ, публику къ разбору дѣла въ мѣстечко Межировъ (гдѣ была его камера) на такое-то число; публика собирается; ждетъ часъ, два, три и болѣе. Письмоводитель приглашаетъ интеллигентныхъ лицъ—помѣщиковъ, чиновниковъ, купцовъ и адвокатовъ—въ квартиру судьи, гдѣ имъ подается закуска, чай, кофе. А между тѣмъ, судьи нѣтъ какъ нѣтъ! Наконецъ оказывается, что у него, въ эту ночь, случилась ломота въ ногахъ и онъ принимаетъ теперь ножную ванну изъ какихъ-то травъ и морской соли, а чтобы не скучать, сидитъ и почитываетъ новый романъ Шпильгагена. Простой публикѣ тотъ же письменоводитель объявляетъ, что разборъ дѣла откладывается «до завтра», по случаю внезапной болѣзни судьи; и публика эта съ ропотомъ расходится по еврейскимъ постояннымъ дворамъ, а из-

бранная остается у судьи, который, принявъ ванну и отдохнувъ, выходитъ къ столу, обѣдаетъ вмѣстѣ со своими гостями и, кстати, знакомится съ тѣми изъ нихъ, которыхъ видитъ въ первый разъ въ жизни, а затѣмъ вечеромъ играетъ съ ними въ ералашъ или въ винтъ... И такъ шло года два. Наконецъ терпѣніе допнуло у всѣхъ: «простая» публика стала жаловаться, судьи составили актъ, товарищъ прокурора сообщилъ о возмутительномъ индифферентизмѣ Л—уза губернскому прокурору—и глѣнтя потащили на пугундеръ въ Одессу... Наказаніе ему послѣдовало, впрочемъ, не ахти какое; постановлено: сдѣлать Л—узу, въ дисциплинарномъ порядкѣ, выговоръ, безъ внесенія въ формулярный списокъ. Отъ «выговора», понятно, судья не стало хуже, а публикѣ не стало лучше, и Л—узъ, если задумывалъ когда «сорвать сѣздь», то преспокойно запасался отъ сельскаго врача медицинскимъ свидѣтельствомъ и отправлялъ его на сѣздь, въ Литинь, вмѣсто своей персоны. Квартира его въ Межировѣ долго еще оставалась бесплатнымъ для всѣхъ трактиромъ, куда «шелъ и воинъ, и панъ, и купецъ» обѣдать, пить чай и кофе и играть въ карты, то-есть развлекать скучающаго лежебока судью. Это не было гостепрѣимствомъ, которое не принято осуждать; это было просто влеченіе къ праздной и веселой жизни, да еще на чужой счетъ, потому что на такую жизнь не хватало жалованья и приходилось, поневолѣ, занимать направо и налево... а затѣмъ мало-помалу эта распущенность и безалаберность, напоминающія прежнее безшабашное житье-бытье русскихъ помѣщиковъ, вошла у Л—уза въ привычку, и онъ уже не могъ отстать отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока, впоследствии, пришлось отстать поневолѣ... Подъ конецъ своей судейской дѣятельности онъ дошелъ до такой жестокосердой лѣни, что разбиралъ иногда арестантскія дѣла по простествію шести и даже болѣе мѣсяцевъ по ихъ поступленіи къ нему, а арестованные люди сидѣли и томилась въ неволѣ до суда и разбора ихъ дѣлъ...

Самое пріятное впечатлѣніе произвелъ нашъ товарищъ губернскаго прокурора Д—скій, съ которымъ въ то же утро, до открытія засѣданія, мнѣ довелось познакомиться. Это былъ олонецкій уроженецъ, окончившій курсъ въ Ярославскомъ лицей и попавшій затѣмъ въ чиновники особыхъ порученій къ олонецкому губернатору Ю. К. Арсеньеву (родному брату извѣстнаго литератора К. К. Арсеньева), который отличилъ его и выдвинулъ впередъ. Д—скій былъ человѣкъ высокой чести и истинный труженикъ, работавшій не покладая рукъ: проживая въ городѣ Винницѣ, онъ вѣдалъ и тотъ сѣздь и нашъ, литинскій; кромѣ того онъ, по своей должности, завѣдывалъ двумя тюрьмами—въ двухъ уѣздныхъ городахъ—и пятью слѣдственными участками. Въ концѣ онъ утомился на столько, что перепросился въ судьи, и получилъ мѣсто, если не ошибаюсь, въ томъ же Винницкомъ уѣздѣ,

долго и напрасно мечтая о должности прокурора окружного суда... Онъ не получилъ этого мѣста, какъ говорили, единственно потому, что былъ чересчуръ плохой ораторъ, и его принято было считать «бездарнымъ», хотя, можетъ быть, и ошибочно.

Самая должность товарища прокурора была не только каторжною по своей непокладной работѣ и дѣятельности, но еще и по другой, совсѣмъ обратной сторонѣ медали — именно съ нравственной стороны: этотъ чиновникъ былъ какъ бы официально приставленъ фискаломъ за всѣми нами, судьями двухъ судебно-мировыхъ округовъ и за пятью слѣдователями, не считая уже лицъ административныхъ—всю полицію и тюремное начальство въ двухъ уѣздахъ, надъ которыми тоже виталъ прокурорскій «надзоръ»... Одни анонимные доносы, получаемые имъ и непосредственно отъ доносчиковъ, и направляемые къ нему уже отъ министерства юстиціи, отнимали массу времени и портили не мало крови, такъ какъ приходилось, въ большинствѣ случаевъ, дѣлать по нимъ негласныя дознанія.

А между тѣмъ, за одно время моей службѣ мировымъ судьей весьма непродолжительной, этихъ доносовъ была такая пропасть, что на «дознанія» по нимъ исписана была, вѣроятно, не одна десятъ бумаги. Для того же, чтобы доносы имѣли нѣкоторую документальность, авторы подписывали ихъ иногда вымышленными именами и фамиліями, вводя, такимъ образомъ, въ заблужденіе и обманывая самую юстицію, но достигая все-таки, такъ или иначе, своей цѣли—немного досадить, а иногда и скомпрометировать то лицо, которое нужно.

IV.

Засѣданія сѣзда. — Неpravосудіе К—скаго и присяжный адвокат его камеры. — Адвокаты нашего сѣзда: нѣмецъ, еврей, русскій и полякъ. — Турниръ священника Х—скаго съ адвокатомъ Г—гомъ. — Драка судебного слѣдователя съ супругой и разбѣжавшіеся арестанты. — Адвокаты сосѣдней Винницы и В. И. Д—скій. — Эпизодъ изъ времени возстанія 1863 г. — П. П. Демидовъ князь Санъ-Донато въ должности совѣтника подоляскаго губернскаго правленія. — Онъ же въ роли ревизора Литинскаго полицейскаго управленія.

Когда, въ 10 часовъ, наступило время открыть засѣданіе сѣзда, и мы всѣ, гуськомъ, вслѣдъ за предсѣдателемъ, въ своихъ шитыхъ золотомъ мундирахъ, вступили въ залъ сѣзда и просидѣли тамъ около 6-ти часовъ, то я испыталъ за все это время какое-то особое чувство, сильно въ то время угнетавшее меня: быть на виду у всѣхъ, какъ на театральной сценѣ, докладывать громкимъ голосомъ дѣла, постановлять приго-

воры о лишеніи людей свободы... Но главныя пытки были впередн: это—когда пришлось разсматривать по апелляціоннымъ жалобамъ дѣла, рѣшенныя К—скимъ; почти всѣ его рѣшенія поражали своимъ неправосудіемъ, такъ что $\frac{9}{10}$ изъ нихъ были нами отмѣнены—и по нимъ постановлены новые приговоры и опредѣленія. Я и М—ичъ шли въ этихъ рѣшеніяхъ рука объ руку; панъ К—ичъ колебался, но, въ концѣ концовъ, присоединялся къ намъ; одинъ Л—узъ отстаивалъ коллегу и соглашался съ его рѣшеніями; но такъ какъ насъ было трое, а онъ одинъ, то дѣло и рѣшалось большинствомъ голосовъ. М—ичъ торжествовалъ.

— Вѣдь я все время былъ въ одиночествѣ,—говорилъ онъ мнѣ въ совѣщательной комнатѣ:—вашъ предшественникъ, а также и судья 3-го участка утверждали всѣ рѣшенія К—скаго даже и не особенно выиская въ суть дѣла: у нихъ была круговая взаимная услуга, — и я ничего не могъ подѣлать, такъ какъ они увлекали за собой и К—ича. А вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ. Ну, а теперь мы позволимъ съ К—скимъ, смотрите только, чтобы онъ какъ нибудь не обошелъ и васъ. Онъ никакъ не разсчитывалъ, что вы успѣете прибыть къ этому сѣзду.

Я успокоивалъ М—ича, какъ могъ, за себя.

Публика и адвокаты чрезвычайно внимательно слѣдили за новыми вѣдѣніями нашего сѣзда и были, повидимому, очень довольны; товарищъ прокурора былъ, кажется, доволенъ больше всѣхъ, такъ какъ мы соглашались почти безусловно съ его заключеніями по уголовнымъ дѣламъ.

Не былъ доволенъ только судья Д. К—скій: онъ сильно волновался, видимо сердился и лашъ спрашивалъ иногда у Л—уза, возвращаясь послѣ каждаго своего дѣла въ совѣщательную комнату: ¹⁾

— А что, и это рѣшеніе отмѣнили?

Л—узъ въ отвѣтъ лишь безнадежно махалъ рукой.

Былъ и еще одинъ человекъ въ залѣ, который сидѣлъ какъ на грогахъ: это былъ, такъ сказать, присяжный адвокатъ въ камерѣ Д. К—скаго, частный повѣренный изъ евреевъ, игравшій при судѣ въ Литвиѣ почти такую же гнусную роль, какую исполнялъ при немъ за время его службы слѣдователемъ въ Хмѣльникѣ, Іосѣа К—ерь. По крайней мѣрѣ, весь городъ зналъ одну несомнѣнную истину: если желательно выиграть дѣло у судьи 1-го участка, то всенепремѣннѣе надо взять этого именно адвоката. Остальные повѣренные были конечно, не совсѣмъ-то довольны этимъ порядкомъ, но К—скій какъ-то умѣлъ всѣхъ ихъ умасливать и задобривать, и они, хотя и роптали, но,

¹⁾ Каждый судья, на время разбора его дѣла, не присутствуетъ вовсе ни въ залѣ засѣданія, ни въ совѣщательной комнатѣ, куда удаляются судьи для постановленія рѣшенія.

въ виду несомнѣннаго вліянія въ сѣздѣ судья 1-го участка, роптали не особенно громко и много. Съ нѣсколькими изъ этихъ господъ я нахожу не безынттереснымъ познакомить и читателей.

Въ мое время ни одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ не проживало ни въ Литвинѣ, ни въ Винницѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ, эти дипломированные словоблудники лишь навѣзали къ намъ изъ Кіева; постоянными же представителями адвокатуры были у насъ частныя повѣренные. Первое мѣсто, по успѣху своей профессіи и по количеству годовыхъ ¹⁾ довѣрителей, занималъ нѣкто Л—усъ, петербургскій, вполне обрусѣвшій нѣмецъ, котораго въ Литвинѣ въ шутку называли «нашъ Спасовичъ», такъ какъ Л—усъ сильно, хотя и неудачно, копировалъ этого извѣстнаго криминалиста и оратора. Мы, судьи, недолюбливали Л—уса, главнымъ образомъ, за его убійственно длинныя рѣчи, къ которымъ онъ имѣлъ пристрастіе, соразмѣряя ихъ по большей части съ суммою полученнаго за защиту гонорара: такъ, напр., если Л—усъ говорилъ битый часъ, то мы уже знали, что имъ получено минимумъ сто рублей; если же рѣчь была маленькая — значить, гонораръ не превышалъ 25-ти рублей, или даже красненькой... Въ общемъ, этотъ говорунъ получалъ въ годъ тысячи три слишкомъ — т. е., много болѣе чѣмъ получали мы, судьи, обязанные изъ своего жалованья нанимать камеру, письмоводителя, разсылнаго и еще оплачивать всѣ канцелярскіе расходы.

Второй частный повѣренный и самый талантливый изъ нихъ былъ еврей Владиміръ Г—ергъ. Его защитительныя рѣчи въ уголовныхъ дѣлахъ были кратки, толковы и убѣдительны. Онъ, впрочемъ, занимался не одною адвокатурою: въ Литинскомъ же уѣздѣ онъ арендовалъ чье-то имѣніе, такъ что на адвокатской аренѣ появлялся преимущественно зимой, когда освобождался отъ своихъ хозяйственныхъ занятій въ деревнѣ. Съ этимъ Г—ергомъ вышелъ однажды на сѣздѣ довольно курьезный инцидентъ слѣдующаго содержанія.

Разбиралось дѣло по апелляціонной жалобѣ на мое опредѣленіе того самаго воинствующаго «батюшки», который имѣлъ дѣло съ соломьяною вдовою В—цкою. Батюшка выгубъ възъ глубокаго кармана рясы громадную тетрадь, началъ по ней читать свои объясненія — несмотря на то, что отличительною чертою гласнаго суда является, какъ извѣстно, устное состязаніе. На судѣ предсѣдательствовалъ въ то время Л—усъ, который допустилъ это отступленіе отъ принятаго въ составительномъ процессѣ порядка. Послѣ добраго часа чтенія, измучивъ и су-

¹⁾ „Годовыми“ кліентами у нашихъ адвокатовъ были, по большей части, богатые помѣщики Литинскаго уѣзда, или же управляющіе большихъ имѣній, которымъ приходилось имѣть со своими „добрими сосѣдями“, крестьянами, постоянныя дѣла — преимущественно по мѣстнымъ порубкамъ.

дей, и публику, батюшка кончили, наконецъ; Г—ергъ сталъ ему возражать—съ свойственною ему ловкостью и искусствомъ; когда онъ шагъ за шагомъ, изобличилъ батюшку во лживости всѣхъ его объясненій и, доказавъ несомнѣнную справедливость иска г-жи В—цкой, просилъ въ заключеніе оставить приговоръ мирового судьи (мой) въ силѣ. о. Х—цкій, уничтоженный и пристраженный, рѣшился выкинуть новый фортель въ иномъ совсѣмъ родѣ: онъ обратился къ судьямъ и сказалъ:

— Я слышалъ возраженія противной стороны, т. е. повѣреннаго истицы,—и имѣю честь сдѣлать суду заявленіе о подлѣгѣ, который дозволилъ себѣ этотъ самый повѣренный: предъ вами, гг. судьи, говорило совсѣмъ не то лицо, что уполномочено истицей: довѣренность ея, имѣющаяся въ дѣлѣ, выдана какому-то частному повѣренному Владиміру Ивановичу Г—ергу, а между тѣмъ, предъ вами фигурируетъ извѣстный всему Литинѣ еврейчикъ Вульфъ Янкелевичъ Г—ергъ.

Эффектъ этого заявленія получился чрезвычайный: Г—ергъ сконфузился, публика захохотала и пришла въ движеніе, предсѣдатель Л—узъ растерялся,—такъ какъ Г—ергъ былъ и вправду Вульфъ, а не Владиміръ, а его тѣту звали Янкелемъ, а отнюдь не Ивановомъ. «Батюшкѣ», однако, эта выходка не помогла,—и мое рѣшеніе все-таки было утверждено.

Третій адвокатъ въ Литинскомъ уѣздѣ былъ русскій, по прованію Баранчикъ, то есть, подѣ этимъ псевдонимомъ онъ существовалъ у всѣхъ. Онъ вышелъ изъ аудиторскаго училища и былъ не лишень нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ; но при этомъ былъ крайне тупой и мелочной человѣкъ и съ громаднымъ, не по разуму, самолюбіемъ. Онъ раньше исправлялъ должность судебного слѣдователя въ Литинскомъ же уѣздѣ и именно въ Хмѣльнякѣ, но прослужилъ очень недолго, потерявъ мѣсто, подобно судѣ Е—скому изъ-за своей дражайшей половинны, которая держала своего благовѣрнаго подѣ башмакомъ. Дѣло было такъ.

Приводить однажды десятскіе въ камеру слѣдователя для допроса двухъ арестантовъ, очень важныхъ, обвинявшихся въ грабѣжѣ. Слѣдователь сталъ ихъ допрашивать,—и дѣлалъ это такъ продолжительно и неумѣло, что находящаяся рядомъ въ комнатѣ его супруга, все слышавшая, потеряла наконецъ терпѣніе, вбѣжала въ камеру, назвала мужа «дуракомъ», взяла перо въ руки и порывалась было сѣсть на мѣсто слѣдователя къ письменному столу, чтобы допрашивать грабителей «какъ слѣдуетъ».

— Ты совсѣмъ не такъ ихъ допрашиваешь, ты не умѣешь!—пусти меня на свое мѣсто!—потребовала бойкая супруга, дочь стараго и опытнаго исправника.

Супругъ сильно сконфузился, разсердился и не пожелалъ уступить своего мѣста: онъ даже привсталъ со стула и изъяснилъ рѣшитель-

ное намѣреніе выпроводить изъ камеры свою храбрую подругу жизни силой. Тогда дама съ характеромъ стала браниться еще энергичнѣе, разсердилась не на шутку своего добраго, но недалекаго мужа, — и между ними произошла маленькая возня, во время которой арестанты, пользуясь суматохой, выпрыгнули въ отворенное окно, выходившее въ садъ, и скрылись. Въбѣжавшіе въ камеру десятскіе застали такую картину: судебный слѣдователь удалялъ «силою» свою супругу въ сосѣднюю комнату, та упиралась, бранилась и царапалась, а въ растворенномъ окнѣ видѣлись силуэты улепетывавшихъ арестантовъ, которые такъ-таки и успѣли скрыться и не были разысканы.

За эту исторію, которую никакъ уже нельзя было ни скрыть, ни замазать, Баранчика уволили отъ должности и отъ службы, и онъ принялся за адвокатуру, на которой ему тоже не повезло. Впослѣдствіи, войдя въ амикошество съ евреями, онъ пристроился къ какой-то должности при введеніи въ Подольской губерніи новаго городского положенія и былъ очень доволенъ своею судьбой, а евреи были еще болѣе довольны имъ, такъ какъ лѣпили изъ него, какъ изъ воска, всѣ тѣ фигуры, какія были имъ нужны.

Четвертый попѣренный при нашемъ сѣздѣ принадлежалъ, какъ это ни странно, и къ четвертой національности: это былъ полякъ П—скій, самый приличный изъ всѣхъ этихъ господъ адвокатовъ, самый симпатичный и самый достаточный. Его прошлое заключало въ себѣ одинъ довольно интересный эпизодъ историческаго, если угодно, содержанія, выдвинувшій его въ люди.

П—скій былъ бѣдный шляхтичъ, т. е. изъ мелкихъ дворянъ какіе встрѣчаются тысячами во всемъ сѣверо и юго-западномъ краѣ; онъ былъ все-таки съ нѣкоторымъ образованіемъ и вращался постоянно въ средѣ помѣщиковъ, хотя и занималъ должность очень скромную — волостнаго писаря въ Литинскомъ уѣздѣ Подольской губерніи, въ одной изъ волостей на границѣ съ Волинію. Во время бывшаго въ краѣ возстанія въ 1863 году, въ Подолѣи появилось тоже нѣсколько отрядовъ повстанцевъ, сформированныхъ преимущественно изъ помѣщиковъ, изъ учащейся молодежи — студентовъ и великовозрастныхъ гимназистовъ, — и изъ панской дворовой челяди. Два такихъ отряда бродили и по Литинскому уѣзду, направляясь къ лѣсамъ Волини и преслѣдуемые по пятамъ русскими войсками; наконецъ, одинъ изъ нихъ былъ настигнутъ нашими солдатами, разбитъ наголову и, болѣе чѣмъ на половину, перебитъ. Многіе польки — несчастныя матери, сестры и жены — выплакали тогда свои очи и надѣли на долго глубокой трауръ по убитымъ родственникамъ и близкимъ. И второй отрядъ не избѣжалъ бы вѣроятно той же горькой участи, если бы его не спасъ П—скій.

Волостное правленіе, гдѣ онъ служилъ, было немного въ сторонѣ

отъ селенія и большой дороги. Загнанная и замученная банда повстанцевъ подошла, лѣтнею темною ночью, прямо къ волостному правленію и попросила у П—скаго гостепріимства, увѣренная, что онъ, какъ полякъ, не откажетъ въ этомъ гостепріимствѣ и не предастъ,—тѣмъ болѣе что въ томъ же отрядѣ былъ одинъ молодой человекъ, родственникъ П—скаго. И постанцы не ошиблись: П—скій всѣхъ ихъ накормилъ и напоилъ, далъ ночлеги и, до восхода еще солнца, выпроводилъ отъ себя и направилъ по дорогѣ на волынскіе лѣса, куда они поспѣшили, чтобы, побросавъ тамъ оружіе, разбрестись безнаказанно врознь—и, такимъ образомъ, спастись отъ смерти или каторги. Прошло не болѣе двухъ часовъ, какъ слѣдомъ за повстанцами, подошелъ къ зданію волостнаго правленія и русскій отрядъ подъ начальствомъ штабъ-офицера, состоявшій изъ двухъ ротъ пѣхотнаго полка и сотни казаковъ. Отрядъ былъ страшно замученъ и утомленъ: онъ шелъ всю ночь форсированнымъ маршемъ, стараясь, во что бы то ни стало, нагнать повстанцевъ и, главное, не допустить ихъ добраться до лѣсовъ Волыни, гдѣ они—какъ это хорошо понималъ и командиръ русскаго отряда—могли бы, такъ или иначе, спастись; но солдаты и даже казачьи лошади были такъ изнурены ходьбою и бессонною ночью, что имъ необходимъ былъ хотя небольшой отдыхъ.

Какъ только отрядъ подошелъ къ волостному правленію, къ нему вышелъ навстрѣчу П—скій и назвалъ себя.

— А гдѣ же волостной старшина?—спросилъ начальникъ отряда.

— Старшина живетъ отсюда верстахъ въ семи и лишь каждый день пріѣзжаетъ въ волостное правленіе.

— У тебя сегодня ночевали повстанцы?—грозно спросилъ затѣмъ начальникъ.

П—скій не смутился—онъ ждалъ, конечно, этого вопроса.

— Такъ точно, господинъ маіоръ, ночевали, но не у меня, а вонъ въ тѣхъ двухъ пустыхъ сѣнныхъ сараяхъ,—и я одвѣгъ не могъ, конечно, воспретить имъ это.

— А почему ты не далъ никому знать объ этомъ?—допрашивалъ маіоръ.

— Некого было послать, да и не могъ, они меня все время караулили.

— А куда они пошли отсюда?

— Прямо, вотъ по этой дорогѣ—на Полонное,—и П—скій указалъ рукой совершенно въ противоположную сторону отъ той дороги, по которой дѣйствительно пошла повстанцы.

— Ну, это хорошо!—проговорилъ маіоръ, слѣзая съ коня и обращаясь къ собравшимся около него офицерамъ:—имъ некуда будетъ уйти отъ насъ. Теперь, мы смѣло можемъ отдохнуть часикъ-другой.

И отрядъ расположился на отдыхъ: солдатики и казаки—въ тѣхъ же самыхъ сараяхъ, гдѣ еще недавно отдыхали повстанцы, а господа офицеры—въ волостномъ правленіи. Къ крайнему удовольствію нижнихъ чиновъ, имъ, съ разрѣшенія начальника отряда, радушный писарь выставилъ скромное угощеніе, въ которомъ однако, главную роль играла водка, — и П—скій не пожалѣлъ ее.. Не пожалѣлъ онъ также угощенія и для офицеровъ отряда: словно изъ-подъ земли, появились на столѣ вина, закуски, старая польская водка, а наконецъ, и обѣдъ—сытный, вкусный, но очень продолжительный. А послѣ обѣда, и офицеры, и солдатики, проведеншіе бессонную ночь, прилегли отдохнуть немножко—да и проспали почти до вечера. Спохватился проснувшійся майоръ, сообразилъ, что проспалъ больше, чѣмъ слѣдовало, да ужъ было поздно!

Живо собрался отрядъ и выступилъ въ погоню за повстанцами; писарь еще разъ указалъ имъ ложную дорогу, даже проводилъ отрядъ нѣсколько верстъ—и затѣмъ вернулся, а отрядъ пошелъ искать въ полѣ вѣтра!

На другой день стало извѣстно, что повстанцы благополучно добрались до Волыни и ея лѣсовъ, побросали тамъ оружіе и разбрелись всѣ врознь—по городамъ и мѣстечкамъ, а паны—обратно въ Подолію, по своимъ фольваркамъ и маіонткамъ.... А русскій отрядъ, хотя и свернулъ съ своего ложнаго пути и напалъ-таки потомъ на слѣдъ повстанцевъ, но уже было поздно!... На обратной дорогѣ отрядъ забралъ П—скаго и представилъ, при рапортѣ, по начальству; но такъ какъ вся его вина заключалась лишь въ томъ, что онъ указалъ ложный путь отступления польскаго отряда, а между тѣмъ, П—скій, въ свое оправданіе, объяснялъ, что повстанцы пошли, можетъ быть умышленно, тою самою дорогою, на которую онъ указалъ, а что уже послѣ свернули, вѣроятно, на другую дорогу—къ лѣсамъ Волыни, — то все наказаніе ему ограничилось лишь тѣмъ, что онъ отсидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ подъ стражей, лишень былъ мѣста и затѣмъ отданъ подъ надзоръ полиціи.

Впослѣдствіи, когда ураганъ мятежа стихнулъ и вступили мирные дни, то благодарные паны, находившіеся когда-то въ ускользнувшемъ отъ истребленія отрядѣ, вспомнили о своемъ избавителѣ, открыли въ его пользу негласную подписку и собрали нѣсколько тысячъ рублей. Съ этими деньгами г. П—скій и началъ новое дѣло: онъ сталъ арендовать польскія имѣнія и, будучи отъ природы челоуѣкомъ очень способнымъ и трудолюбивымъ, имѣлъ успѣхъ и выгоды, купилъ собственный домъ въ Литинѣ и зажалъ паномъ; а когда введены были мировые судьи, онъ взялъ изъ Литинскаго съѣзда свидѣтельство частнаго повѣрен-

наго и сталъ иногда выступать въ сѣздѣ, но исключительно въ серьезныхъ, или почему-либо интересныхъ дѣлахъ.

Кромѣ этихъ четырехъ гг. адвокатовъ, принадлежавшихъ къ четыремъ различнымъ національностямъ, была, при сѣздѣ и при камерахъ судей цѣлая масса еще и другихъ «ходатаевъ» и «защитниковъ»—изъ мѣстныхъ жидковъ, изъ грамотеевъ мѣщанъ и проптрафившихся писцовъ; но все это была, по большей части, мелкота, живущая изо-дня-въ-день—ради куска насущнаго хлѣба, а иногда и ради водки.

Гораздо большаго вниманія заслуживали пріѣзжавшіе къ намъ, изрѣдка, изъ Кіева присяжные повѣренные, и частные—изъ числа выдающихся въ городѣ Винницѣ. Это случалось тогда, если сенатъ, касируя дѣло сосѣднихъ сѣздовъ, передавалъ ихъ для новаго разсмотрѣнія въ нашъ сѣздъ. Изъ числа этихъ адвокатовъ чужахъ странъ особенно часто посѣщали нашъ сѣздъ двое частныхъ повѣренныхъ, оба изъ Винницы. Одного мы звали Донъ-Кихотомъ—до того онъ былъ худъ, блѣденъ и тощъ. Онъ тервалъ насъ своими длинными и безцвѣтными защитами и рѣчами, наводящими уныніе на весь залъ и произносимыми всегда съ выщимъ пафосомъ и громкимъ, но глухимъ и словно замогильнымъ голосомъ, съ легкимъ завываніемъ въ патетическихъ мѣстахъ.

Но этотъ адвокатъ былъ опять-таки русскій—кажется, бывшій чиновникъ,—и мы, такъ сказать, изъ патриотизма, терпѣливо переносили всѣ муки, которымъ подвергалъ насъ этотъ напыщенный и бездарный пустозвонъ. Впослѣдствіи, при введеніи въ Подоліи нотаріальной части, онъ добился, кажется, мѣста нотаріуса въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Подольской же губерніи.

Совершенную противоположность съ этимъ мучителемъ представлялъ собою другой частный повѣренный, изъ той же Винницы, полякъ, древней дворянской фамиліи, нѣкто Б. И. Л—скій. Много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, но и теперь я не могу забыть благородный и симпатичный образъ этого изящнаго, добраго и милаго человѣка, стоявшаго цѣлой головой выше всѣхъ своихъ коллегъ—и по образованію, и по воспитанію, и по уму. Это былъ единственный повѣренный, который бралъ дѣла съ разборомъ, никогда не принимая на себя защиту нехорошаго и нечистаго дѣла, или же веденіе какагонибудь сомнительнаго, или несправедливаго гражданскаго иска. Благодаря этой своей системѣ, г. Л—скій пользовался всеобщимъ уваженіемъ, но за то, матеріальное его положеніе было далеко не блестящимъ. Въ то время, когда я съ нимъ расстался, онъ мечталъ получить званіе почетнаго мирового судьи,—и ужъ не знаю, добился ли онъ этого званія, или нѣтъ.

По окончаніи уже всѣхъ дѣлъ на сѣздѣ, зашелъ какъ-то за нашимъ table d'hôteмъ, ¹⁾ разговоръ объ ожидаемой въ томъ году ревизіи мировыхъ судебныхъ учрежденій въ Подоліи.

— Хорошо бы было, если бы къ намъ на ревизію попалъ князь Санъ-Дonato,—проговорилъ одинъ изъ почетныхъ судей,—и всѣ тотчасъ же разсмѣялись.

Не понимая въ чемъ дѣло, я попросилъ объяснить мнѣ причину всеобщаго смѣха, и узналъ слѣдующее.

Въ недавнее время, въ Каменецъ-Подольскѣ находился въ почетной ссылкѣ, замаскированной назначеніемъ на должность совѣтника губернскаго правленія, извѣстный русскій богачъ, едва ли даже не самый богатый человекъ во всей Россіи — П. П. Демидовъ князь Санъ-Дonato. ²⁾ И вотъ, чтобы чѣмъ нибудь занять и развлечь этого необычайнаго «совѣтника», ему дано было порученіе обревизовать Литинское уѣздное полицейское управленіе. Такъ какъ всѣ ревизіи принято дѣлать вне-

¹⁾ Мы всѣ на время сѣзда имѣли общій столъ, поручивъ это дѣло метръ-д'отелю Тимофею—нашему общему камердинеру. Только одинъ изъ судей, Даниилъ К.—скій не участвовалъ въ нашей компаніи—т. е., не былъ приглашаемъ къ этому участию. Къ нашему столу мы приглашали часто и пріѣзжающихъ въ Литинъ на сѣздъ помѣщиковъ, какъ гостей.

²⁾ Въ Каменецъ-покойный П. П. Демидовъ попалъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Незадолго передъ тѣмъ у него, проживавшаго на собственной виллѣ—кажется вблизи Неаполи,—скончалась его молодая супруга, очень добрая, нѣжная и любящая женщина. Такъ какъ, мужъ считалъ себя—не безъ основанія—главнымъ и единственнымъ виновникомъ ея внезапной смерти, то вскорѣ сталъ ощущать страшныя угрызенія совѣсти: онъ началъ дѣлать крупныя вклады въ мѣстные—католическіе—монастыри и храмы, занялся благотворительностью и сталъ, большую часть дня, проводить въ церквахъ и капеллахъ, гдѣ и замаливалъ свой тяжкій грѣхъ. Отцы-іезуиты тотчасъ же, конечно, пронюхали—кто у нихъ молится и почему, и явились съ утѣшеніями въ скорби. Эти «утѣшенія» окончились тѣмъ, что «великій грѣшникъ» готовился уже принять католичество и поступить въ монашескій орденъ «Сердца Іисуса»,—куда, понятно, и были бы переведены изъ Россіи всѣ милліоны кающагося. Узнали объ этомъ въ Петербургѣ и власти и ближайшіе наследники Демидова и сильно, конечно, встревожились. Были приняты нѣкоторые мѣры, имѣвшія даже оффиціальныи характеръ,—и русскаго архи-милліонера, подобно царевичу Алексію, сманили какъ-то пріѣхать въ Россію. А чтобы не повадно ему было и впредь ахтаться съ отцами-іезуитами, его попросили жить безвыѣздно въ Каменецъ-Подольскѣ и даже сдѣлали совѣтникомъ тамошняго губернскаго правленія. Впослѣдствіи, кievскій генералъ-губернаторъ князь Дондуковъ-Корсаковъ перевелъ этого дорогаго «совѣтника», любящаго иногда поиграть и въ карты, къ себѣ въ Кіевъ,—гдѣ князь Санъ-Дonato и былъ вскорѣ избранъ городскимъ головою. Поселаясь въ Кіевѣ, Демидовъ никакъ не могъ найти подходящей квартиры и выстроилъ, поэтону, для себя особый, новый домъ, являющійся и понынѣ однимъ изъ лучшихъ украшеній кievскихъ улицъ.

запно, то и объ этой, конечно, никто въ Литвиѣ предупредить не былъ.

Самая личность «ревизора» была изъ ряду выходящей по своей эксцентричности и экстраординарности: при колоссальномъ богатствѣ, этотъ чисто-русскій человѣкъ былъ въ то же время очень добрымъ, до-вѣрчивымъ и крайне лѣнивымъ человѣкомъ—лѣнивымъ до того, что держалъ при себѣ безотлучно очень ловкаго, умнаго и образованнаго домашняго секретаря, который не только писалъ и говорилъ за Демидова, но и распоряжался также и всѣми частными дѣлами своего патрона въ его домѣ.

Князь Санъ-Дonato выѣхалъ на ревизию въ каретѣ четверникомъ; саади ѣхало нѣсколько дополнительныхъ экипажей—съ кухней и канцеляріей, съ поваромъ, лакеями и постелями. Литвиѣ отстоитъ отъ Каменца въ 150-ти верстахъ слишкомъ, и, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ въ обѣихъ этихъ городахъ, ревизору предстояло совершить свой путь по грунтовымъ дорогамъ, мѣняя лошадей на почтовыхъ станціяхъ.

Почти всю дорогу Демидовъ спалъ крѣпкимъ сномъ, и проснулся и вполне опомнился только тогда, когда подъѣзжалъ къ самому Литвиу. Тутъ между нимъ и его секретаремъ, сидѣвшимъ съ нимъ рядомъ въ каретѣ, произошелъ слѣдующій діалогъ.

— Мы, кажется, подъѣзжаемъ уже къ Литвиу?—спросилъ ревизоръ.

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Скажите мнѣ, однако, что мы будемъ дѣлать въ этомъ городишкѣ?

— Ваше сіятельство должны будете обревизовать тамошнее полицейское управленіе.

— Гм... Знаете ли что? возьмите пожалуйста эту ревизию на себя: отправляйтесь прямо въ эту полицію, обревизуйте тамъ ее какъ слѣдуетъ, а я пройду въ какую нибудь гостиницу и буду ожидать васъ къ ужину.

— Этого никакъ нельзя. Я могу дѣлать за ваше сіятельство все что угодно, но... ревизовать—боюсь: можетъ выйти уголовное дѣло. Меня, наконецъ, могутъ принять за Хлестакова.

— И, помняуйте! все это пустяки. Обревизуйте ихъ тамъ какъ нибудь—и кончено! Поймите одно: я никогда и никого не ревизовалъ въ моей жизни, даже моихъ собственныхъ управляющихъ,—и не знаю вовсе, какъ приступить къ этому дѣлу.

— Воля ваша, никакъ не могу. Извольте уже побезпокоиться сами... Это очень просто.—И тутъ, ловкій секретарь довольно тонко изложилъ предъ своимъ принципаломъ всю программу предстоящей ему не хитрой дѣятельности при ревизіи.

Кортежъ между тѣмъ въѣхалъ въ узкія и немощенныя улицы полуеврейскаго города Литвина и направился, согласно приказанію Демидова, прямо къ дому, занимаемому полицейскимъ управленіемъ.

На дворѣ были уже сумерки. Карета четверикомъ, съ нѣсколькими экипажами позади, остановилась у полицейскаго управленія и произвела, конечно, надлежащую сенсацію. Старикъ сторожъ, изъ отставныхъ ундеровъ, отперъ, по требованію Демидова, комнату присутствія, а самъ полетѣлъ стремглавъ къ секретарю управленія, жившему неподалеку; Демидовъ же и его спутникъ вошли въ полутемный залъ присутствія и усѣлись за большимъ столомъ, на которомъ, по обыкновенію, помѣщалось зеркало. Во всемъ домѣ не было ни души.

— Это, однако, скучно, замѣтилъ Демидовъ: кого же мы будемъ ревизовать, когда здѣсь нѣтъ ни одного человѣка?

— погодите, ваше сіятельство, сторожъ вѣдь побѣжалъ куда-то... вѣроятно, кто нибудь явится.

— Ахъ, кабы поскорѣй!

Князь, не снимая своей причудливой соломенной шляпы, досталъ сигару и закурилъ.

— Какая здѣсь неудобная мебель!—замѣтилъ онъ, ворочаясь въ жесткомъ креслѣ и укладывая затѣмъ обѣ ноги на столъ, покрытый форменнымъ краснымъ сукномъ.

Въ этотъ моментъ въ присутствіе вошелъ секретарь полиціи, старенькій человѣчекъ въ форменномъ вицъ-мундирѣ, служившій въ этой должности болѣе 20-ти лѣтъ. Онъ вошелъ—и обомлѣлъ! Какъ! за присутственнымъ столомъ, на которомъ помѣщается зеркало, сидятъ, положивъ ноги на этотъ самый священный столъ, какой-то неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ коротенькій шелковый пиджакъ, съ соломенной шляпой на головѣ и съ сигарою во рту! Двадцать слишкомъ лѣтъ онъ, секретарь, прослужилъ здѣсь и не видѣлъ подобнаго оскверненія и поруганія присутственной комнаты полицейскаго управленія!... Не стерпѣлъ старикъ и не смогъ молча перенести эту горькую и кровную обиду полицейской святыни!—живо надѣлъ онъ свой форменный съ кокардою картузь, молча досталъ изъ кармана коротенькую трубочку, набилъ ее табакомъ, закурилъ, подошелъ къ противоположному концу стола, сѣлъ въ кресло, закинулъ, такъ-же, обѣ свои ноги на столъ и, уставившись въ Демидова, сталъ поныкивать своею «люлькой». Сторожъ стоялъ, вытянувшись въ дверяхъ, и оторопѣло поглядывалъ на эту нѣмую и небывалую еще сцену.

Князь Санъ-Донато прервалъ молчаніе первый.

— Здравствуйте! проговорилъ онъ, обращаясь къ старичку чиновнику.

— Здравствуйте!—отвѣтилъ старичекъ.

— Вы мнѣ очень нравитесь,—продолжалъ князь, улыбаясь.

— А вы мнѣ очень не нравитесь, отвѣчалъ секретарь полиціи серьезно и спокойно.

— Позвольте вамъ рекомендоваться: я—Демидовъ князь Санъ-Донато, совѣтникъ подоляскаго губернскаго правленія.

— А я—секретарь здѣшняго полицейскаго управленія и тоже, совѣтникъ—титлярный, — отвѣчалъ старичекъ, помахая головою въ сторону князя, но не снимая картуза.

— Мнѣ поручено обревизовать ваше управленіе, сказалъ наконецъ Демидовъ, принявъ строгій тонъ.

— Нечего насъ ревизовать!—рѣзко отвѣтилъ ему старичекъ секретарь: у насъ все въ порядкѣ. Я служу здѣсь 23 года, и никто меня никогда не ревизовалъ, кромѣ губернатора, да и то, это дѣлалось для проформы только.

Демидовъ такъ и просіялъ сразу. Я съ вами совершенно согласенъ; вполнѣ!.. Знаете ли, что? — напишите-ка, пожалуйста, сами все, что нужно—въ доказательство того, что я у васъ былъ и ревизовалъ, и принесите все это ко мнѣ въ гостиницу, подписать... Сегодня же, если можно, мы и покончимъ все это неприятное дѣло!—Съ этими словами князь принялъ со стола ноги, всталъ съ кресла и направился къ дверямъ.

— Прощайте, почтеннѣйшій! — кивнулъ онъ головою секретарю полиціи, уходя изъ присутствія.

— Прощайте и вы! — отвѣтилъ волѣдъ Демидову старичекъ, не измѣняя позы и не выпуская «ляльки» изо рта.

Вскорѣ, въ еврейскую гостиницу, гдѣ остановился Демидовъ князь Санъ-Донато, собрались, конечно, всѣ мѣстныя власти, съ исправникомъ во главѣ. «Ревизоръ» принялъ ихъ очень любезно и оставилъ «на чашку чая»; а на другой день, утромъ, живо и не читая, подписалъ донесеніе губернатору объ исполненіи «возложеннаго на него порученія по обревизованію литинскаго уѣзднаго полицейскаго управленія» — и тотчасъ же уѣхалъ обратно въ Каменецъ-Подольскъ. Этимъ и закончилась вся «ревизія».

Случай этотъ могъ бы быть, конечно, смѣшнымъ анекдотомъ, если бы не былъ фактомъ, совершившимся сравнительно въ очень недавнее время и именно въ томъ самомъ уѣздномъ городишкѣ Литинѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящихъ моихъ запискахъ и воспоминавіяхъ.

V.

Судейскія тяготы — Любовь мѣстныхъ жителей къ сутяжничеству. — Дѣла о кражахъ лошадей. — Лѣсныя порубки. — Вызовы обвиняемыхъ за тысячи верстъ. — Плачетъ казна — матушка! Двойныя взысканія по двойнымъ векселямъ. — Еврейскія плутни и судейская безпомощность.

Кажется, что могло бы быть почтениѣе, полезнѣе и, отчасти, даже интереснѣе обязанностей мирового судьи? — Творить судъ и расправу, оказывая, иногда, «милость», примирять вѣчно враждующее между собою челоуѣчество, ограждать и защищать слабыхъ и бѣдныхъ противу своеволия сильныхъ и богатыхъ... Между тѣмъ, въ дѣйствительности, я не знаю и даже не могу себя представить что-либо болѣе мучительное, тяжелое и неблагодарное, какъ судейская должность — въ томъ, конечно, случаѣ, если судья не простой манекенъ и аппаратъ для отправленія обязанностей правосудія, дѣйствующій по-мертвой буквѣ закона, а прежде всего челоуѣкъ мыслящій и чувствующій и, слѣдовательно, ощущающій весь адъ своего ужаснаго положенія.

Большая половина всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ моей камерѣ, были дѣла о дракахъ и взаимныхъ увѣчьяхъ и оскорбленіяхъ — словами и дѣйствіемъ. Пьяныя и избитыя фізіономіи являлись то-и-дѣло, въ камеру, представляли клокъ волосъ, вырванныхъ въ дракѣ, и требовали скорѣйшаго разбора ихъ пьяныхъ и мерзкихъ дѣлъ. Нерѣдко, особенно въ базарные дни, ко мнѣ въ камеру и даже прямо въ квартиру, врывались, съ воемъ и плачемъ, полупьяныя окровавленные женщины я, несмотря на мои протесты, обнажали, съ невообразимымъ цинизмомъ, всѣ тѣ мѣста, куда причиняли имъ побои ихъ мужья и любовники. Все то, что прежде разбиралось какимъ-нибудь кварталнымъ или полицейскимъ надзирателемъ и оканчивалось, обыкновенно, арестомъ до вытрезвленія, теперь, все это направлялось въ камеру мирового судьи, при самомъ кляузномъ прошеніи, написанномъ въ первомъ кабакѣ полуграмотнымъ «ходатаемъ по дѣламъ»; въ прошеніи требовалось обыкновенно вызвать цѣлый десятокъ свидѣтелей драки, и всякое такое дѣло отнимало у меня въ концѣ концовъ нѣсколько часовъ времени. Если, на мое счастье, въ прошеніи говорилось о «тяжкихъ побояхъ» или увѣчьяхъ, то я направлялъ все дѣло къ судебному слѣдователю, который очень часто, пригласивъ врача для освидѣтельствованія потерпѣвшаго и найдя побои «обыкновенные», возвращалъ дѣло вновь ко мнѣ, для разбора. Я просто поражался тою склонностью къ сутяжничеству и лжесвидѣтельству, которую проявляло въ данныхъ случаяхъ населеніе города Хмѣльнива, подушаемое къ тяжбамъ и кляу-

замъ, главнымъ образомъ, мелкими адвокатами изъ жидковъ и выгнанныхъ со службы писарей.

Остальная половина уголовныхъ дѣлъ, разбиравшихся въ моей камерѣ, состояла изъ пустыхъ дѣлъ по протоколамъ полицейскихъ урядниковъ, и изъ болѣе серьезныхъ — о кражахъ и лѣсныхъ порубкахъ. Къ воровству лошадей я относился очень серьезно и безъ всякой «милости» и снисхожденія, такъ какъ видѣлъ не разъ, когда еще служилъ мировымъ посредникомъ, какъ богатые, сравнительно, крестьяне, лишившись лошадей, украденныхъ въ лѣтнюю рабочую пору, разорялись и превращались, мало-по-малу, въ бѣдняковъ. Съ ворами этого рода, когда они попадали въ мои руки, я не церемонился и почти всегда, тотчасъ же по постановленіи приговора, подвергалъ ихъ предварительному задержанію, чтобы лишить ихъ, такимъ образомъ, возможности красть лошадей въ антрактѣ между моимъ приговоромъ и разборомъ дѣла на сѣздѣ, куда всегда конокрады апеллировали на мои рѣшенія. Меня только удивляло во всѣхъ этихъ дѣлахъ то обстоятельство, что ходатаемъ за этихъ воровъ и челобитчикомъ о ихъ освобожденіи являлся — въ частныхъ бесѣдахъ, при случайныхъ встрѣчахъ въ домахъ — очень часто мѣстный священникъ; но ларчикъ этотъ открылся для меня впоследствии очень просто, хотя, къ сожалѣнію, поздно: на дворѣ этого «батюшки», какъ оказалось потомъ, не разъ ночевали и отдыхали прогоняемые черезъ Хмѣльникъ краденныя лошади, уплачивая за этотъ «постояй» хорошія деньги хозяину, котораго даже неудобно было и подозрѣвать въ такомъ широкомъ гостепримствѣ... Это былъ тотъ самый священникъ, который терпѣливо отсиживалъ нѣсколько часовъ въ моей камерѣ въ первый день разбора дѣлъ и который имѣлъ, совместно съ женою подполковника Ч—скаго, негласную кассу ссудъ въ Хмѣльникѣ. Вначалѣ, я иногда удовлетворялъ его ходатайства, но затѣмъ, ознакомившись со всѣми негласными профессіями этого лица, сталъ постоянно ему отказывать, чѣмъ и навредилъ себѣ, впоследствии, непримиримаго и довольно опаснаго врага.

Съ лѣсными порубками приходилось возиться еще чаще, чѣмъ съ конокрадскими дѣлами: жаловались постоянно и помѣщики, и лѣсное вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, — и никакіе штрафы и наказанія не могли уменьшить количества этихъ дѣлъ въ моей камерѣ; виновные или упорно отрицали на судѣ свою вину, или же наввно спрашивали меня, во время разбора дѣла:

— А сказать, ваше высокоблагородіе, чи панъ ягѣ (т. е. лѣсъ) садилъ?..

Срубить нужное «дерево» въ панскомъ лѣсу крестьяне не считали ни грѣхомъ, ни проступкомъ.

Однажды вышелъ у меня съ такимъ лѣсوروبочнымъ дѣломъ слѣ-

дующій казусъ. Обвиняемый въ порубкѣ крестьянинъ, молодой 21 года парень, оказался поступившимъ уже въ солдаты и находящимся на службѣ въ одномъ изъ оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ; по закону, я долженъ былъ вызвать солдатика на судъ, за двѣ тысячи верстъ, этапнымъ порядкомъ. Но я, руководствуясь жалостью и здравымъ смысломъ, рѣшилъ все «дѣло» это производствомъ «приостановить» и положилъ его «подъ сукно», какъ говорится. Впослѣдствіи, во время моей судебной практики, мнѣ довелось встрѣтиться еще два раза съ подобными же казусами: въ одномъ случаѣ приходилось вызывать солдатика, обвиняемаго въ кражѣ холста, изъ Ташкента. Оба дѣла я, точно также, «производствомъ приостановилъ» и передалъ затѣмъ при счастіи должности своему преемнику, во всей ихъ неприкосновенности.

По этому поводу я позволю себѣ, кстати, высказать, что такіе абсурды, какъ вызовъ челоуѣка за 2—3 тысячи верстъ этапнымъ порядкомъ, за счетъ казны (которой это путешествие обойдется въ сто, двѣсти рублей), только для того, чтобы разобрать «дѣло», не стоящее иногда и выдѣнаго яйца, — эти абсурды слѣдовало бы устранить изъ нашего уголовного законодательства; вѣдь судья въ Ташкентѣ легко могъ бы разобрать дѣло солдатика N. N., обвиняемаго въ томъ, что онъ, будучи еще деревенскимъ кутиломъ-парнемъ, похитилъ у завѣвавшейся бабы кусокъ холста, который она бѣдила на своемъ ого родѣ Свидѣтельскія же показанія по этому дѣлу, и даже подъ присягою легко могъ бы отобрать и я, судья того района, гдѣ было совершено преступленіе. Было бы очень желательно, конечно, чтобы въ новомъ уголовномъ уложеніи, которое, какъ извѣстно, уже составляется, прорѣха эта была бы починена.

На основаніи моей судебной практики, позволю себѣ сдѣлать здѣсь и еще одно маленькое указаніе. Наша казна-матушка приплачиваетъ ежегодно, и совершенно непроизводительно, десятки тысячъ рублей, и вотъ по какому поводу, составляющему также маленькую прорѣху въ порядкѣ уголовного судопроизводства, въ которую, однако, легко и свободно проскакиваютъ упомянутыя мною денежки. Напримѣръ, пьяный мѣщанинъ Ивановъ подрался съ не менѣе пьянымъ же мѣщаниншишкой Абрамовымъ, и такъ какъ оказался сильнѣе, то и причинилъ сему послѣднему тяжкіе побои и увѣчья со проломомъ головы, и проч. Начинается «дѣло», медицинское освидѣтельство, отправка побитаго въ больницу, предварительное слѣдствіе и, наконецъ, разборъ дѣла въ окружномъ судѣ, то-есть, въ большинствѣ случаевъ, въ отдѣленіи суда, которое временно открываетъ сессію въ уѣздномъ городѣ, отстоящемъ иногда въ 60—70 и болѣе верстахъ отъ мѣста происшествія; такое дѣло легко можетъ быть и отложено разъ или два по какому-либо законнымъ и уважительнымъ причинамъ неявки на судъ одного изъ

«существенныхъ» свидѣтелей. Наконецъ, послѣ долгихъ перенетій, судъ приступаетъ къ разбору дѣла: на сценѣ появляется совершенно выльчонный потерпѣвшій—и предсѣдатель торжественно приказываетъ «вести подсудимаго», то-есть драчуна. Совершается затѣмъ обычная процедура различныхъ судейскихъ формальностей, въ концѣ которыхъ предсѣдатель участливо спрашиваетъ подравшихся:

— Не желаете ли окончить дѣло примиреніемъ?

— Да мы уже помирились, ваше в-діе,—говорятъ съ укоризною въ голосѣ бывшіе бойцы.

— И прекрасно!—радуется предсѣдатель, въ виду освобожденія суда отъ двухъ-часовой скучной работы разбирать пьяное дѣло.

— Мы желаемъ получить вознагражденіе за свои поѣдки на судъ,—заявляютъ свидѣтели, числомъ десять человѣкъ...

И вотъ объявляется постановленіе суда: «дѣло тако е-то, за примиреніемъ сторонъ, производствомъ прекратить; судебныя же издержки и всѣ расходы по дѣлу принять на счетъ казны».

— Г-изъ секретарь, удовлетворите свидѣтелей по надлежащему расчету, приказываетъ тотъ же предсѣдатель.

И свидѣтели получаютъ свои поверстныя и суточныя, что, въ общемъ, составляетъ, по каждому дѣлу десятки, а иногда и сотни рублей.

Но спрашивается: при чемъ же тутъ казна?!.. Почему это она должна оплачивать расходы и издержки какихъ-то подравшихся и затѣмъ помирившихся, въ одномъ и томъ же кабацкѣ, мужичишекъ?

На моихъ глазахъ прошли десятки такихъ дѣлъ, а на Руси проходить они ежегодно тысячами и почти всегда заканчиваются «примиреніемъ» до суда, или же на самомъ судѣ, и отнесеніемъ затѣмъ всѣхъ расходовъ по дѣлу на счетъ казны. По чувству справедливости слѣдовало бы, право, избавить казну отъ такихъ непроизводительныхъ расходовъ и возлагать ихъ на счетъ виновныхъ, то-есть подравшихся. Была бы, несомнѣнно, двойная польза: и казна сохранила бы нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ, да и самыхъ этихъ пьяныхъ дѣлъ, со вагономъ головъ, поубавилось бы на половину.

Если въ уголовныхъ дѣлахъ главными моими мучителями являлись пьяные хмѣльницкіе мѣщане, то въ гражданскихъ роль ихъ занимали евреи. По общему наставленію судебныхъ уставовъ, я обязанъ былъ рѣшать дѣла «по точному разуму существующихъ законовъ и по общему ихъ смыслу». Статья 129 Устава Гражд. Судопроизводства предоставляетъ судѣ опредѣлять «по убѣжденію совѣсти значеніе и силу доказательствъ», а въ статьѣ 130 законодатель идетъ еще далѣе и предоставляетъ судѣ, при постановленіи рѣшенія, «руководствоваться общественными мѣстными обычаями». Между тѣмъ, на дѣлѣ выходитъ

совсѣмъ не то, и я по еврейскимъ искамъ очень часто вынужденъ былъ постановлять самыя вопіющія, по своей несправедливости, рѣшенія, и жертвами этой несправедливости являлись почти исключительно крестьяне; это были по бѣльшей части взысканія по векселямъ, заемнымъ письмамъ и другимъ долговымъ обязательствамъ.

Извѣстная вещь, что всѣ еврей-корчмары, и нѣкоторая часть проживающихъ въ мѣстечкахъ занимается ростовщичествомъ, то-есть даютъ крестьянамъ, когда тѣ очень нуждаются въ деньгахъ, небольшія суммы за большіе проценты; эти займы крестьяне дѣлають, почти всегда, весной, когда волостныя правленія требуютъ съ нихъ вторую половину различныхъ платежей—выкупныхъ, поземельныхъ, земскихъ и мирскихъ, а денегъ у нихъ въ это время не бываетъ, равно какъ и лишняго зерноваго хлѣба, который бы можно было продать на уплату взносовъ. И вотъ отправляется въ такихъ случаяхъ дядя-Грицько или дядя-Митяй до жиды—«позычить грѣшны»; еврей, хорошо знакомый съ кредитоспособностью просителя, соглашается дать нужную сумму—и заемъ совершается на слѣдующихъ, примѣрно, условіяхъ: дается пять-десять рублей подъ вексель или подъ росписку, которая пишется и свидѣтельствуется въ волостномъ правленіи; вмѣсто процентовъ выговаривается на словахъ или какой-нибудь отработокъ—столько-то разъ крестьянинъ долженъ отвезти корчмару въ уѣздный или какой иной городъ съ тѣмъ товаромъ, который, по обыкновенію, жидъ скупаетъ у окрестныхъ крестьянъ; или же долженъ отбыть столько-то рабочихъ дней лѣтомъ, въ арендуемомъ евреемъ имѣніи—или на уборкѣ хлѣба, или на сѣнокосѣ; или же, наконецъ, крестьянинъ условливается уплатить еврею, вмѣсто процентовъ, не отработками, а продуктами: столько-то мѣръ пшеницы, или овса, или картофеля и т. под.

Слѣдуетъ имѣть, прежде всего, въ виду, что мужикъ неграмотенъ, что волостной писарь, сочиняющій вексель, находится всецѣло въ цѣпкихъ еврейскихъ рукахъ и исполняетъ безъ возраженій желанія кредитора; затѣмъ надо знать, что вексель, съ вѣдома самого мужика, пишется всегда на двойную сумму—на тотъ, по увѣренію жиды, предметъ, если бы крестьянинъ не выполнилъ всѣхъ условій займа, то-есть не отработалъ бы, или не выплатилъ бы натурою все, что было уговорено взаимнѣмъ процентовъ. И вотъ, разъ такая сдѣлка совершена и деньги даны—жидъ начинаетъ тормозить своего должника: «запрягай коней и поѣзжай туда»: или: «запрягай воловъ и вези кладь такую-то, туда-то» и пр. Крестьянинъ исполняетъ все это безропотно, не забывая, конечно, записывать, то-есть дѣлать черточки на стѣнѣ углемъ или мѣломъ—сколько разъ онъ отбылъ уже свою натуральную повинность. Когда по счету начинаетъ выходить, что онъ уже отбылъ свой уговоръ, т. е. отработалъ проценты сполна, тогда еврей придумываетъ

новую комбинацію: онъ уговариваетъ мужичка или уплачивать ему и самый капиталъ хлѣбомъ и продуктами, или же продолжать свою издѣльную повинность въ счетъ погашенія самаго долга; полагая, на примѣръ, по одному рублю за каждую подводу, должникъ, за занятые имъ 50 рублей, долженъ будетъ сѣздить 50 разъ. Крестьянинъ, извѣстно, цѣнить свой трудъ всегда очень дешево—и еврей этимъ пользуется: за деньги, въ рабочее время, если будетъ нанимать его п а н ь, то онъ не поѣдетъ въ ближайшій городъ, верстъ, на примѣръ, за 30—и за два рубля; но если онъ долженъ жиду и отработываетъ свой долгъ, то ѣдетъ, скрѣпя сердце, и за рубль. Начинается, такимъ образомъ, для крестьянина новая нескончаемая барщина. Наконецъ, черезъ годъ тамъ или два выходитъ по счету мужичка, что онъ уже отработалъ и капиталъ, или же погасилъ его хлѣбомъ и другими условленными продуктами, и онъ приходитъ въ корчму и требуетъ отъ еврея свою «рѣсписку». Тогда между ними происходитъ слѣдующій діалогъ:

— Ну, пане Янкель, говоритъ крестьянинъ, я отработалъ твои грѣши! вертай мою рѣсписку и давай магарычъ.

— Ахъ, Грицько, Грицько! не боишься ты пана Бога! ты еще долженъ мнѣ три подводы до Бердичева, да двѣ мѣры овса, да мѣру пшеницы, да три мѣры бульбы.

Начинается споръ, во время котораго жидъ торопливо налиываетъ въ кварту одуряющей горилки, ставитъ ее передъ своимъ бывшимъ должникомъ, ласково похлопываетъ его по плечу и, вынувъ свою записную книжку, тычетъ пальцемъ на написанные тамъ еврейскіе іероглифы. Мужичекъ сердится и бранится, а еврей говоритъ мягко и ласково и лишь подливаетъ ему то пива съ кукельваномъ, то водки, настоенной табакомъ и дурманомъ. Въ это время еврей позволить не только выругать себя, но даже и потрясти за шейсы; крестьянинъ это отлично знаетъ и куражится надъ своимъ вѣковѣчнымъ прятъ-снатедемъ и кривошійцей. Въ конечномъ результатѣ слабое мужичье сердце смягчается, голова дурѣетъ, и онъ соглашается «трѣшки додѣть жиду» бульбочки и сѣздить для него еще разъ на сосѣдній винокурный заводъ за бочкой спирту—и пошатываясь уходитъ домой... Наконецъ, когда онъ отбылъ и эти послѣднія вымогательства своего бывшего кредитора, онъ вновь приходитъ въ корчму и вновь требуетъ свою «рѣсписку». Еврей перемѣняетъ тактику и прикадывается глубоко оскорбленнымъ:

— Ай, Грицю, Грицю! восклицаетъ онъ, якъ же тебѣ не стыдно! якъ тебѣ не совѣстно!.. а же тебѣ вѣрилъ пятьдесятъ карбованцовъ; вѣдь ты же могъ—бронь Боже!—и умереть; вѣдь тогда пропали бы мои грѣши!.. А ты теперь не вѣришь мнѣ и требуешь свою рѣсписку.

Ахъ, кабы я зналъ, гдѣ она теперь! жинка заховала куда-съ ее—и ня якъ не можеть найдти; або сама сгубила, або дити порвали—бо дити дурные. Вѣдь не возьму жъ я съ тебя въ другій разъ, не захочу жъ я вди въ тюрьму... вѣдь вся же деревня знаетъ, что ты отработалъ грѣши, ну...

Далѣе, является на сцену жена корчмара и начинаются клятвы, что вексель искали и не нашли, что его, должно быть, сгубилъ малодѣлькѣй Ицекъ, и т. д.... И вновь добрый стаканъ мерзѣйшей водки, стаканъ отравляющаго пива, вновь все закружилось въ головѣ мужика и вновь онъ уходитъ, пошатываясь, домой, и забываетъ, наконецъ, и о своемъ бывшемъ долгѣ, и о своемъ мучителѣ.

Проходить затѣмъ нѣсколько лѣтъ. Еврей, высосавъ вокругъ все, что можно, наживъ себѣ массу враговъ, въ лицѣ разоренныхъ имъ крестьянъ и пановъ, потерявъ, наконецъ, всякое довѣріе у мѣстныхъ жителей, перекочевываетъ, по обыкновенію, куда-нибудь въ даль, на новое мѣсто, а здѣсь въ корчмѣ поселяется новый арендаторъ—еврей. Проходить еще годъ, другой и этотъ арендаторъ предъявляетъ въ камерѣ судьи нѣсколько гражданскихъ исконъ по нѣсколькимъ векселямъ, перешедшимъ къ нему съ надлежащими передаточными надписями, отъ прежняго корчмара.

На судѣ по векселямъ, какъ по безспорнымъ долговымъ обязательствамъ, разговоры очень короткіе. Отвѣтчикъ, конечно, приводитъ съ собою на судѣ нѣсколько человекъ своихъ односельцевъ, которые готовы подтвердить подъ присягою, что вексель, во-первыхъ, двойной, а во-вторыхъ, что онъ уже давно оплоченъ; но судья не имѣеть права даже и спрашивать всѣхъ этихъ свидѣтелей въ дѣлахъ по безспорнымъ денежнымъ документамъ: онъ лишь устанавливаетъ дѣйствительность и подлинность векселя, и если отвѣтчикъ не отрицаетъ факта его выдачи, не заявляетъ о подлогѣ текста и подписей и не представляетъ платежной росписки. то судъ постановляетъ рѣшеніе, комъ и присуждается взысканіе съ процентами со дня предъявленія иска и по день уплаты, а также, по желанію истца, судебныя и за веденіе дѣла издержки.

А нѣсколько разъ у меня были и такія дѣла, что взыскивалъ по оплаченному векселю, именно тотъ самый жидъ, который далъ мужикамъ даньги, въ свое время получилъ ихъ и, затѣмъ, перессорившись съ ними, сталъ взыскивать вторично. У этого еврея былъ въ Литинскомъ уѣздѣ свой кирпичный и черепичный заводъ, а крестьяне, взявъ деньги, отработали свой долгъ возкою кирпича въ Хмѣльникъ, въ Литинъ и въ Бердичевъ, но тѣмъ не менѣе, еврей представлялъ ихъ векселя ко взысканію, и я вынужденъ былъ удовлетворить его искъ. Я лишь пользовался въ этихъ случаяхъ предоставленнымъ мнѣ правомъ расщорчивать сумму погашенія, то-есть раздѣлялъ уплату на многое

число лѣтъ, что и обозначалъ въ выдаваемомъ исполнительномъ листѣ. Между тѣмъ, если бы существовалъ въ тѣ времена специальный законъ о ростовщикахъ и ростовщичествѣ, до котораго додумались лишь много лѣтъ спустя, тогда не было бы ни этихъ безбожныхъ вторичныхъ исковъ и взысканій, ни тѣхъ мучительныхъ терзаній, которыя законъ возлагалъ на судей, заставляя насъ постановлять завѣдомо несправедливыя рѣшенія, противныя правдѣ и совѣсти. Я хорошо помню вопль жены одного несчастнаго крестьянина, присутствовавшей въ камерѣ при в а о ч н о м ъ разборѣ дѣла, такъ какъ мужъ ея лежалъ тяжело больной и не могъ явиться на судъ, когда я опредѣлилъ взыскать съ отсутствующаго отвѣтчика, ея мужа, 150 рублей, въ счетъ коихъ было получено всего 75, да и тѣ давно были отработаны съ процентами—возкою кирпича съ завода; я помню проклятія этой женщины, посылаемыя на голову еврея, преспокойно стоявшаго передъ судейскимъ столомъ въ ожиданіи прочтенія постановляемаго опредѣленія; а когда я прочелъ это опредѣленіе, то по злобному взгляду, брошенному мнѣ этою несчастною женщиной, я видѣлъ ясно, что она была убѣждена въ томъ, что дѣло ея рѣшено мною лицепріятно. Когда, затѣмъ, я сталъ объяснять ей, по обязанности судьи, что ея мужъ можетъ просить меня о новомъ разборѣ дѣла, или же перенести его въ сѣздъ, то она громко, во всеуслышаніе, заявила, что будетъ жаловаться не только въ сѣздъ, но «и губернатору, и самому царю на такого судью, который судитъ не по правдѣ». Сколько нужно было имѣть хладнокровія и терпѣнія, чтобы переносить молча эти незаслуженныя оскорбленія!..

И. Захарьянъ (Якунинъ).

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА Н. П. РУМЯНЦЕВА.

1.

Замѣтка о днѣ рожденія канцлера графа Николая Петровича Румянцова.

Біографическія свѣдѣнія о графѣ Н. П. Румянцевѣ страдаютъ несогласіемъ указанія на годъ его рожденія и отсутствіемъ данныхъ о днѣ, въ который онъ родился. Въ біографіи графа составленной А. Терещенко¹⁾, годомъ его рожденія указанъ 1753 годъ, а въ Русской родословной книгѣ кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго²⁾ и въ матеріалахъ для русскаго біографическаго словаря П. Н. Петрова³⁾ время его рожденія опредѣляется 1754 г. Второе опредѣленіе года вполнѣ подтверждается автобіографіею графа Сергѣя Петровича Румянцова, который родился въ 1755 г. 11 мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія его брата канцлера⁴⁾. Генеалогія рода Румянцевыхъ совсѣмъ пропущена въ Россійской родословной книгѣ князя П. Долгорукаго (С.-Петербургъ, 1854—1857, 4 части) и въ Родословномъ Сборникѣ В. В. Руммеля и Б. В. Голубцова (С.-Петербургъ, 1886—1887, 2 тома).

Занимаясь біографіею графа Н. П. Румянцова, мы принуждены,

¹⁾ Опытъ обзорнія жизни сановниковъ, управляющихъ иностранными дѣлами въ Россіи С.-Петербургъ, 1837 г. ч. II, стр. 228.

²⁾ Первое изданіе, безъ имени составителя, относится къ 1873 г., второе съ обозначеніемъ имени князя Лобанова, вышло въ 1895 г.

³⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 62. С.-Петербургъ, 1838.

⁴⁾ Русскій Архивъ, 1869, стр. 841.

согласно указанію князя Лобанова, признать годомъ его рожденія 1754 г.; но все-таки не находимъ въ названныхъ источникахъ свѣдѣній о днѣ рожденія графа. Только при содѣйствіи хранителя отдѣленія рукописей въ Румянцевскомъ музеѣ, С. О. Долгова, намъ удалось рѣшить этотъ послѣдній вопросъ на основаніи слѣдующихъ указаній, затерянныхъ въ объемистой перепискѣ графа съ московскими учеными, изданной Е. В. Барсовымъ по поводу пятидесятилѣтія Румянцевскаго музея ¹⁾. Въ письмахъ Румянцова къ А. Ѳ. Малиновскому, писанныхъ въ 1819, 1820 и 1825 годахъ, графъ имѣлъ случай три раза благодарить своего корреспондента за поздравленія со днемъ своего рожденія. Въ двухъ изъ этихъ писемъ, отъ 5 апрѣля 1820 и 7 апрѣля 1825²⁾, мы находимъ слѣдующія фразы. Въ первомъ: «съ чувствомъ достоюжной и особенной благодарности получилъ я письмо, каковымъ меня удостоить изволили по случаю воспоминанія дня моего рожденія и т. д.»; во второмъ: «пріймите сами и свидѣтельствуяте, пожалуста, милостивой государынѣ моей Аннѣ Петровнѣ и любезнѣйшей Катеринѣ Алексѣевнѣ ³⁾ искреннюю мою благодарность по случаю дня моего рожденія». Эти документы только приближаютъ насъ къ рѣшенію вопроса и заставляютъ предполагать, что Румянцевъ долженъ былъ родиться въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Почта между Москвою, откуда писалъ Малиновскій, и Петербургомъ, гдѣ жилъ тогда Румянцевъ, шла не менѣе трехъ или четырехъ дней, слѣдовательно поздравленіе, полученіе котораго приурочивалось къ самому дню рожденія графа, должно было быть отправлено заблаговременно, а отвѣтъ могъ слѣдовать не тотчасъ же, не въ самый день полученія поздравительнаго письма. Но въ третьемъ мѣстѣ переписки мы находимъ вполне точное объясненіе интересующей насъ загадки. 3 апрѣля 1819 г. Румянцевъ начинаетъ свое письмо къ Малиновскому слѣдующими словами: «Я въ самый день рожденія своего благодарю васъ за письмо, каковымъ меня удостоить изволили отъ 27 марта и въ которомъ упомянул о такомъ днѣ столь благосклонно; я дивлюсь, что вамъ моему превосходительству сіе число было извѣстно ⁴⁾». При невозможности дальнѣйшаго сомнѣнія, днемъ рожденія графа Н. П. Румянцова надо признать 3 апрѣля 1754 г. Только что приведенныя изъ изданія Е. В. Барсова цитаты, къ сожалѣнію, въ печатномъ подлинникѣ отличаются не исправленною опечаткой, а письмо помѣчено

¹⁾ Чтенія Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ 1882, кн. 1.

²⁾ Чтенія, стр. 145 (№ 157) и 317—318 (№ 361).

³⁾ Анна Петровна— жена Малиновскаго, Катерина Алексѣевна— дочь его.

⁴⁾ Чтенія, стр. 111, (№ 138).

не апрѣлемъ, а 3 августа, что повторено и въ хронологическомъ оглавленіи на стр. III. Но наличность опечатки доказывается слѣдующими доводами: во 1) располагая переписку въ строго хронологическомъ порядкѣ, издатель не могъ вставить письма, помѣченного августомъ, между мартомъ и апрѣлемъ; во 2) при аккуратности переписки графа Румянцова, онъ не былъ способенъ оставить безъ немедленнаго отвѣта поздравленіе Малиновскаго отъ 27 марта и отложить его до августа и въ 3) предположеніе объ опечаткѣ вполнѣ подтверждается двумя другими письмами 1820 и 1825 гг.

Отецъ канцлера, фельдмаршалъ графъ Румянцевъ - Задунайскій, женатый съ 1748 г. на княжнѣ Голицыной, имѣлъ первымъ сыномъ Михаила, годъ рожденія котораго неизвѣстенъ, вторымъ Николая (род. 3 апрѣля 1754) и третьимъ Сергѣя (род. 17 марта 1755 г. ¹⁾). Дочерей у фельдмаршала не было, иначе кн. А. Б. Лобановъ - Ростовскій не пропустилъ бы упоминанія о нихъ.

Исполняя настоящею замѣткою долгъ признательности къ памяти основателя Румянцевскаго музея, мы вмѣстѣ съ тѣмъ надѣемся послужить цѣлямъ русскаго біографическаго словаря, возстановивъ пропускъ въ составленныхъ для него П. Н. Петровымъ матеріалахъ.

М. А. Веневитиновъ.

2.

Письмо членовъ Московскаго Благороднаго Собранія—графу Н. П. Румянцову.

17-го января 1810 г.

Съ давняго уже здѣсь времени, въ домѣ Благороднаго Собранія, въ многочисленныхъ сѣздахъ, оказано было единодушное желаніе, дабы изваять изъ бронзы колоссальную статую въ Божѣ почившей Великой Екатерины и поставить оную въ домѣ Благороднаго Собранія, въ изъявленіе искреннѣйшей признательности, яко истинной благодѣтельницѣ русскаго дворянскаго сословія.

Старшины въ прошломъ 1809 году, отъ лица всего благороднаго общества, приносили о семъ прошеніе его императорскому величеству; государь императоръ съ милостью соблагovolвлъ оное удостойтъ, и сей дражайшій русскаго дворянству памятникъ уже созидается.

¹⁾ Кн. А. Б. Лобановъ - Ростовскій, Русская родословная книга, изд. II, А. С. Суворина, С.-Петербургъ, 1895 г., т. II, стр. 188

Многія здѣсь особы для сего монумента возносятъ въ домъ Благороднаго Собранія, въ контору, довольно значущія, а есть и важныя суммы.

По оказаннымъ личнымъ милостямъ и щедротамъ сей великой монархини къ покойному почтеннѣйшему, не токмо отъ всей Россіи, но и отъ всей Европы, родителю вашего сіятельства, по несчетнымъ его заслугамъ отечеству нашему и зная всенскреннѣйшую вашу къ ея величеству преданность и по знаменитымъ же заслугамъ вашего сіятельства, нынѣ оказуемымъ обожаемому нами монарху и отечеству, мы поставили себѣ въ обязанность вашему сіятельству сообщить о всемъ вышеизъясненномъ, и также истиннымъ себѣ удовольствіемъ вмѣняемъ при семъ ваше сіятельство увѣдомить, яко вѣрнѣйшаго соотчича, съ много всѣ жители Москвы неожиданнымъ прибытіемъ государя императора сюда почитаемъ себя осчастливленными. Вашему сіятельству, конечно, все извѣстно, что здѣсь происходило во всерадостныя дни насъ шесть дней его величества присутствія и съ какою милостивою уважительностію соизволилъ намъ, старшинамъ, приказать вписать себя членомъ Благороднаго Собранія совсѣмъ по установленію и принять на сей 1810 годъ обыкновенный билетъ, и по прошенію насъ, старшинъ, отъ лица всего російскаго дворянства, пожаловалъ свой портретъ въ ростъ, съ милостивѣйшимъ соизволеніемъ поставить въ домъ Благороднаго Собранія. Дворянство отъ всего сего въ восторгѣ и желаютъ, имѣя въ виду портретъ обожаемаго монарха и статую покойной государыни императрицы, украсить свой домъ соотвѣтственно признательному російскому дворянству.

Не угодно ли будетъ вашему сіятельству для сихъ дражайшихъ двухъ залоговъ милостей его величества, оказанныхъ дворянству, быть соучастниками таковаго же денежнаго пожертвованія, и если будетъ на то ваше соизволеніе, соблаговолите ту сумму приказать прислать въ пакетъ съ надписью: «Благороднаго Собранія господамъ старшинамъ въ Москвѣ», и на томъ же пакетѣ ту сумму написать прописью. Мы, получая оныя деньги, доставимъ вашему сіятельству росписку за нашими подписаніемъ.

Чувствія искренней преданности и вѣрности російскаго дворянства есть единомысленныя и единообразныя, и посему мы ласкаемся надеждою, что сіе наше къ вашему сіятельству отношеніе принять изволите единственнѣйшимъ знакомъ отличнаго и совершенно должнаго къ вамъ высокопочитанія, съ коимъ навсегда пребудемъ.

Подписали: князь Иванъ Барятинскій, Николай Обрѣзковъ, Карлъ Кноррингъ, Иванъ Демидовъ, графъ Гудовичъ, Дмитрій Чертковъ, Иванъ Ступининъ, князь Михаилъ Долгоруковъ.

3.

Письмо графа Н. П. Румянцева—старшинамъ Московскаго Благороднаго Собранія.

3-го марта 1810 г.

Съ чувствомъ искреннѣйшей признательности получилъ я приглашеніе, милостивые государи мои, ваше принять участіе въ сооруженіи памятника въ Возѣ почивающей великой государынѣ императрицѣ Екатерины Алексѣевнѣ. Я обязанъ вамъ сугубо за тѣ лестныя выраженія, коими при семъ случаѣ вы почтили память покойнаго моего родителя и меня лично почтить изволили. Справедливо, милостивые государи мои, ваше заключеніе, что я помню и что незабвенными пребудутъ для меня тѣ милости, коими пользовался отецъ мой и я лично удостоенъ былъ отъ ея императорскаго величества. Примите искреннѣйшее изъявленіе сего чувствованія и вмѣстѣ съ онымъ усерднѣйшее мое приношеніе въ двухъ тысячахъ рубляхъ, при семъ прилагаемыхъ, на пользу того достопамятнаго предпріятія, которое дворянское собраніе совершить вамъ предоставило.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть.

4.

Помертвованіе графа Румянцева Харьковскому коллегіуму**Указъ комисіи духовныхъ училищъ.**

20-го октября 1811 г.

Государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, изъ уваженія къ памяти покойнаго дяди своего, бывшаго въ Вѣнѣ полномочнымъ посломъ, князя Дмитрія Голицына, между многими предметами благотворительности, особенное имѣвшаго попеченіе о Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ, принесъ просьбу о дозволеніи раздавать ежегодно, во время публичныхъ испытаній, нѣтерымъ отличнѣйшимъ въ наукахъ и благо нравія воспитанникамъ коллегіума, при похвальномъ свидѣтельствѣ, по одной серебряной медали, съ изображеніемъ князя Голицына, по образцу той, каковая была выбита въ Вѣнѣ въ память его добродѣтелей и любви къ наукамъ.

Графъ Румянцовъ представилъ сто таковыхъ медалей, а на будущее

время вмѣстѣ съ сими внесеть, для приращенія, двѣ тысячи рублей, съ тѣмъ, чтобы изъ процентной суммы, за исключеніемъ расходовъ на выбитіе ежегодно по пяти медалей, остатки были употреблены на покупку книгъ и другіе учебныя предметы, по усмотрѣнію начальства.

Пріемля во уваженіе подвигъ графа Румянцова и, вкупѣ, желая отдать справедливость усердію многихъ изъ фамиліи князей Голицыныхъ, при самомъ основаніи Харьковскаго коллегіума и въ послѣдующія времена благотворившихъ сему учебному заведенію, мы соизволяемъ на приведеніе въ дѣйствіе вышесказанныхъ предположеній.

Коммисія духовныхъ училищъ не оставитъ учинить на основаніи сего зависящихъ распоряженій. «Александръ».

5.

Всенодданѣйшее прошеніе графа И. П. Румянцова ¹⁾.

На подлинномъ написано собственною его императорскаго величества рукою тако:

24-го февраля 1805 г.

„Быть по сему“.

„Александръ“.

Санктпетербургъ,
марта 17-го дня
1805-го года.

Всемилоствѣннѣйшій государь!

Каждый сынъ въ правѣ воздвигать пышныя монументы отцу своему. Меня убеждаетъ сердце, что когда каровѣ съ другими, коснусь я примѣровъ, не воздамъ я Задунайскому ни по заслугамъ, ни по собственной обязанности. Слѣдуя такому побужденію я принялъ на себя пойтать другою стезею, и въ новомъ видѣ въ честь отца моего памятникъ поставить.

Поднося при семъ вашему императорскому величеству рисунокъ скромнаго монумента и тѣ основанія, на которыхъ я намереніе мое исполнить желаю;—осмеливаюсь просить удостоить его монаршаго утвержденія.—Вложенный огонь жизни въ память сію полетѣтъ въ кровь молодости, изготовленной къ защитѣ отечества; а благодарный сынъ великодушному своему государю, и въ самой часъ разлуки съ жизнію, весело встретитъ кончвну дней своихъ, что должную дань

¹⁾ Слушанъ въ общемъ сената собраніи 21-го марта 1805 г.; въ 1-мъ департаментѣ слушанъ марта 21-го 1805 г. Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

отцу отдать успѣлъ; и что духъ кротости, и благотворенія, принялъ его чистую жертву, даровавъ ей вѣчное бытіе монаршимъ словомъ.

Съ глубочайшимъ благоговеніемъ есмь

Всемилющимъ государь!

Вашего императорскаго величества

Вѣрноподанный

Графъ Николай Румянцовъ.

На подлинномъ написано собственною его императорскаго величества рукою тако:

„Быть по сему“.

„Александръ“.

1) Графъ Николай Румянцовъ, благоговѣя къ памяти родителя своего, приглашаетъ по своему выбору шесть особъ изъ военнослужившихъ, соединится въ Кіевѣ для своего успокоенія подлѣ праха Задунайскаго.

2) Проситъ ихъ дать ему обѣщаніе, что во время панихидъ, на память Задунайскаго отправляемыхъ, равно и во время церковнаго соборнаго служенія, будутъ окружать гробъ отца его.

3) Каждой изъ шести особъ, въ вознагражденіе за сіе, графъ Николай Румянцовъ учреждаетъ годоваго дохода по тысячѣ рублей, выплачивая оныя по третямъ.

4) Графъ Румянцовъ молитъ монарха и преемниковъ его, чтобы принявшихъ на себя обѣтъ сихъ особъ за ту выгоду, что пользуются доходомъ отъ гроба, не лишать по службѣ воздаваемого имъ пансіона или награжденія.

5) Выбывшій изъ числа шести смертію или своею волею, замѣщается другою особою по приглашенію его же, графа Николая.

6) Право приглашенія по смерти графа Николая переносится на братьевъ его совокупно; а по кончинѣ всѣхъ трехъ, сіе право присволяется на всѣ грядущія времена думѣ военнаго ордена св. Георгія.

7) Доколѣ графомъ Румянцовымъ не внесется капиталъ, или не укрепится достаточная часть имѣнія, непреложность шеститысячнаго оклада обеспечивается цѣлостію его имѣнія и его словомъ.

8) Естли Богъ допустить его выстроить въ Кіевѣ для упокоенія сихъ особъ домъ, само по себѣ разумѣется, что они тогда будутъ приглашаться изъ числа вдовыхъ или холостыхъ, а до тѣхъ поръ, пользуясь однимъ годовымъ доходомъ, властны жить по произволу, лишь бы въ Кіевѣ; и слѣдственно до сооруженія дома не изземлются и женатыя.

9) Ежели графъ Николай Румянцовъ, не соорудя дома, скончается,

*

то сямъ завѣщаетъ своимъ наслѣдникамъ совершить сей обѣтъ, и имъ же, наслѣдникамъ, внести въ банкъ нужный капиталъ.

10) Особамъ приглашеннымъ ни при вступленіи, ни при отходѣ отъ мѣста нѣтъ путевыхъ денегъ.

11) Жалобъ къ престолу быть не можетъ: ибо нехотящій продолжать обѣта, властенъ оставить мѣсто, и тогда обладъ его переходитъ къ заменившему его.

12) Будѣ отъ одного или двухъ изъ сихъ особъ нанесется безпокойство прочимъ сотоварищамъ, то сіи да принесутъ жалобу священно-архимандриту Кіево-Печерской лавры и начальнику Кіевской губерніи, и по разсмотрѣніи виновный воздерживается увѣщеваніемъ трижды, а въ четвертый разъ ими, а не Румянцевымъ, исключается, и мѣсто его считается убылымъ.

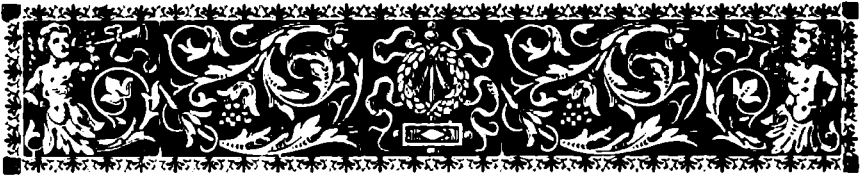
13) Если понадобится поясненіе или дополненіе сямъ статьямъ, то дается отъ графа Николая, по немъ — отъ братьевъ его, а послѣ нихъ — отъ думы.

14) Графъ Николай Румянцовъ, вѣряя прахъ отца своего, поставленный монументъ и успокоивающихся вонновъ благословенію и милостивому попеченію священно-архимандрита, отдаетъ въ лавру и вечное сохраненіе фельдмаршалскій жезлъ, Великою Екатериною пожалованный Задунайскому въ ознаменованіе победъ его, и вноситъ шесть тысячъ рублей, съ которыхъ проценты не престанутъ дѣлиться и братію за отправленіе служенія панихиднаго и за упокой.

Графъ Николай Румянцовъ съ тѣплымъ чувствомъ вѣры проситъ лавру не оставлять его во святыхъ своихъ молитвахъ, да Всевышній поселитъ въ сердцахъ его страхъ Божій, вѣрность къ государю и къ отчеству любовь, по примѣру отца своего.

Санктпетербургъ, февраля 24-го дня 1805 года.

Матеріалы по исторіи русекой цензуры.

I.

Въ сочиненіи г. Слабичевскаго „Очерки исторіи русской цензуры“ собранъ богатый разносторонній и въ высшей степени интересный матеріалъ, касающійся этого вопроса. Къ сожалѣнію свой почтенный трудъ авторъ довелъ только до 1863 года, т. е. до самаго интереснаго момента въ исторіи цензуры, — до того перелома, который радикально измѣнилъ положеніе нашей печати и отношеніе къ ней общества и законодательства. Вся эта знаменательная эпоха въ исторіи развитія русской мысли остается у насъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстною. Вотъ почему думается намъ, что помѣщаемые ниже матеріалы, легшіе въ основу закона о печати 5-го апрѣля 1865 г., представляютъ большой интерес¹⁾. В. Б.

Въ концу мая 1863 года былъ составленъ обширный проектъ устава о книгопечатаніи, обнимавшій всѣ стороны реформы, какъ полицейско - административной, такъ и судебно-карательной. Образованная для этой цѣли коммиссія подъ предѣлательствомъ князя Оболенскаго окончила свой трудъ въ 9 мѣсяцевъ, при чемъ онъ выполненъ ею по слѣдующей программѣ: 1) Положенія общія; 2) полицейскія охранительныя постановленія; 3) законы о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ посредствомъ устнаго слова, письма и печати; 4) правила административныхъ взысканій; 5) правила о судопроизводствѣ по дѣламъ печати; 6) постановленія о предварительной цензурѣ, и 7) штаты установленій, завѣдывающихъ дѣлами книгопечатанія.

¹⁾ Матеріалы эти извлечены изъ архива бывшаго II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеларіи.

Программа вопросов, предложенных комиссіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, сводилась къ слѣдующимъ 5-ти пунктамъ:

1) Какія книги и періодическія изданія можно бы вовсе освободить отъ предварительной цензуры.

2) Возможно ли освободить отъ цензуры всё вообще періодическія изданія, съ тѣмъ чтобы редакторъ имѣлъ право выбора: печатать безъ цензуры подъ своею отвѣтственностью, или обращаться къ цензору, не отвѣчая уже за пропущенную статью, и съ тѣмъ, что если журналъ или газета будутъ подвергнуты цензурѣ за упущенія, то чтобы издатель выбиралъ отвѣтственнаго редактора, который просматривалъ бы статьи вмѣстѣ съ цензоромъ и отвѣчалъ бы наравнѣ съ симъ послѣднимъ за пропущенныя ими съ общаго согласія статьи.

3) Комиссіи предлагалось обсудить предположеніе объ установленіи денежныхъ залоговъ съ періодическихъ изданій и составить правила для сихъ залоговъ.

4) Составить правила для полицейскаго предваренія періодическихъ изданій въ случаѣ замѣчаемаго общаго вреднаго направленія въ оныхъ; также правила для надзора за типографіями и для представленія изъ типографій на срочный просмотръ книгъ и всякаго рода изданій, которыя дозволено будетъ печатать безъ цензуры.

5) Когда будутъ одобрены государемъ императоромъ общія начала устройства судебной части въ имперіи, предписывалось комиссіи составить предположеніе объ учрежденіи особыхъ судовъ по дѣламъ книгопечатанія на основаніи помянутыхъ началъ.

Препровождая труды комиссіи министру внутреннихъ дѣлъ предсѣдатель снабдилъ ихъ слѣдующимъ, весьма интереснымъ письмомъ на имя министра:

«Изъ содержанія представляемаго комиссіею проекта устава ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, что комиссія только въ тѣхъ случаяхъ признала необходимымъ отступить отъ прямыхъ указаній вашихъ, когда указанія сіи являлись въ противорѣчіи съ тѣми переходными мѣрами, которыми комиссія надѣялась обезпечить возможность постепеннаго и правильнаго перехода отъ предварительной цензуры къ свободѣ слова. Такъ, на примѣръ, комиссія не могла признать справедливымъ подвергать редакторовъ періодическихъ изданій отвѣтственности при цензурѣ и подчинить ихъ дѣйствію административныхъ взысканій, пока изданія сіи состоятъ подъ охраной предварительной цензуры. Поэтому, составленныя по указанію вашего высокопревосходительства правила о полицейскихъ предвареніяхъ, хотя и начертаны примѣнительно къ существующему нынѣ, на основаніи временныхъ правилъ, порядку, по которому совмѣстно учреждены дѣя цензуры—предупредительная и карательная; однакожь правила сіи распро-

страняются проектомъ только на тѣ наданія, которыя будутъ освобождены отъ предварительной цензуры.

«Въ составъ полнаго законодательства о книгопечатаніи должны были бы также войти постановленія о литературной и ученой собственности, но комиссія не признала возможнымъ, по краткости времени, заняться сими вопросамъ, требующимъ особаго изученія, тѣмъ болѣе, что нынѣ дѣйствующее наше по сей части законодательство довольно полно, ясно и основано на началахъ, къ которымъ стремятся нынѣ приближаться и законодательства другихъ европейскихкихъ государствъ. Кромѣ того, спеціальныи вопросъ о правѣ собственности на повременныя изданія, менѣе всего въ нашемъ законодательствѣ развитый, зависитъ совершенно отъ того, въ какомъ смыслѣ будетъ разрѣшенъ поставленный въ проектѣ вопросъ о разрѣшеніи правъ на изданіе и на передачу сихъ правъ. Очевидно, что пока на всякую передачу повременнаго изданія нужно будетъ разрѣшеніе правительства, до тѣхъ поръ право собственности на сіи изданія не можетъ быть признаваемо полнымъ.

«Всякій законъ о прессѣ есть законъ политическій, а потому необходимость и значеніе той или другой системы этихъ законовъ вполне подчиняются обстоятельствамъ времени. Вашему высокопревосходительству принадлежало право оцѣнки этихъ обстоятельствъ, и избраніе, согласно съ тѣмъ, той или другой системы законовъ о печати. Комиссія же старалась только, въ приготовленномъ ею проектѣ, дать надлежащее развитіе тѣмъ началамъ, которыя указаны вами въ данной ей инструкціи».

Первымъ на труды комиссіи отозвался министръ народнаго просвѣщенія Головинъ; отзывъ его интересенъ тѣмъ, что въ немъ сдѣлана прекрасная характеристика положенія тогдашняго цензурнаго вѣдомства среди другихъ учреждений.

«При вступленіи моемъ,—пишетъ Головинъ,—въ завѣдываніе цензурой въ самомъ концѣ 1861 года, высшее управленіе ея сосредоточивалось въ коллегіальномъ учрежденіи (главномъ управленіи цензуры), а самое цензурованіе производилось какъ цензорами въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и многочисленными спеціальными цензорами другихъ вѣдомствъ. Правительство было довольно цензурой и находило: съ одной стороны цензурныя постановленія недостаточными, а съ другой, въ цензурной практикѣ видѣло слишкомъ большую снисходительность. Литераторы, и въ особенности редакторы журналовъ и газетъ, жаловались на слишкомъ большую строгость цензуры, на произволъ цензоровъ, на медленность хода цензурныхъ дѣлъ вслѣдствіе большаго числа спеціальныхъ цензуръ, которымъ слѣдовало сообщать одну и ту же статью, и вслѣдствіе коллегіальныхъ формъ учрежденія, которое завѣдывало цензурой; жалова-

лись на неизвѣстность имъ цензурныхъ постановленій, которыя оставались въ архивахъ и не были обнародованы. Наконецъ, сами цензоры таготились неясностію, неполнотою и разнорѣчіемъ цензурныхъ постановленій, вслѣдствіе чего вынуждены были дѣйствовать произвольно, причемъ они утверждали, что правительство требуетъ отъ цензурной практики несоразненно болѣе строгости, нежели сколько требуется законами; говорили, что правительство само не знаетъ ясно, чего оно хочетъ въ цензурѣ, и доказывали это измѣняющимися со-дня-на-день требованіями и разнообразіемъ въ дѣйствіяхъ специальныхъ цензуръ разныхъ министерствъ, изъ коихъ одна пропускала то самое, что за-прещалось другою и наоборотъ.

«Все сіе приводило къ убѣжденію въ необходимости слѣдующихъ мѣръ:

1) Немедленно собрать, привести въ ясность и напечатать въ хронологическомъ порядкѣ всѣ постановленія и распоряженія правительства, состоявшія въ разное время по цензурѣ. Трудъ сей былъ затѣмъ исполненъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

2) Приступить къ пересмотру всѣхъ этихъ постановленій, также къ обзорѣннѣи бывшей у насъ цензурной практики, направленія литературы въ разное время, къ соображенію постановленій иностранныхъ государствъ по части цензуры и къ составленію проекта устава о книгопечатаніи. Вслѣдствіе сего, въ теченіе года, были составлены: историческая записка о дѣйствіи у насъ цензуры, записка о направленіи журналистики, сборникъ статей, недозволенныхъ цензурою, и учреждена особая коммиссія для пересмотра постановленій по дѣламъ книгопечатанія и составленія новаго устава, при чемъ для соображеній коммиссіи выписаны были изъ-за границы сборники тамошнихъ постановленій по сему предмету и извѣстнѣйшія сочиненія, которыя касались онаго. Въ то же время, дабы узнать желанія и мысли самихъ литераторовъ о лучшемъ устройствѣ цензуры, многіе изъ этихъ лицъ приглашены были къ доставленію министерству народнаго просвѣщенія ихъ соображеній, которыя составили особую книжку, причемъ разрѣшено было разсуждать въ періодическихъ изданіяхъ о лучшемъ устройствѣ цензуры. Послѣдняя мѣра принесла весьма скоро пользу, ибо, ближайшимъ разъясненіемъ иностранныхъ законодательствъ, она показала всю невѣрность многихъ воззрѣній. При этомъ слѣдуетъ сказать, что въ то время была надежда на весьма скорое осуществленіе судебной реформы и предполагалось, что уставъ о книгопечатаніи можетъ выйти вслѣдъ за преобразованіемъ судовъ. Посему, въ ожиданіи этой реформы и возможность подвергать виновныхъ въ злоупотребленіи печатнымъ словомъ высканію по суду, коммиссіи было предложено составить систему переходныхъ мѣръ отъ цензуры пред-

варительной, неудовлетворявшей ни правительство, ни литературу, къ цензурѣ обратной.

3) Сознывая необходимость въ нѣкоторыхъ случаяхъ усилить строгость цензуры, доколѣ не явится новое законоположеніе, министерство народнаго просвѣщенія старалось достигнуть этого перемѣнами въ личномъ составѣ цензурнаго управленія, строгими подтвержденіями и циркулярами.

4) Имѣя въ виду, что если необходимо съ одной стороны усиливать строгость цензуры, то не менѣе нужно съ другой—доставлять литературу, какъ средству просвѣщенія народнаго, возможные льготы и облегченія и не вводить редакторовъ въ расходы, которыхъ можно избѣгнуть, а исходатайствовать постепенно: отъмену специальныхъ цензуръ, которыя были особенно тягостны для петербургскихъ періодическихъ изданій; дозволеніе всѣмъ газетамъ и журналамъ печатать частныя объявленія; разрѣшеніе весьма многимъ изъ нихъ получать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензуры; облегченія въ пересылкѣ газетъ и т. п. Сверхъ того я старался ввести въ цензурованіе возможную быстроту, устраняя съ этою цѣлью всѣ измѣненія формальности и коллегіальный порядокъ, и притомъ сообщая гг. редакторамъ неотлагательно каждое новое постановленіе или требованіе по цензурѣ, которое имъ полезно было бы знать.

«Такимъ образомъ имѣлось въ виду: привести въ ясность постановленія и цензурную практику; составить новый уставъ о книгопечатаніи для введенія онаго въ то время, когда состоится судебная реформа, а до того времени ввести мѣры переходныя, ввести въ цензурную практику болѣе строгости для всего важнаго и существеннаго, но въ то же время доставить всевозможныя облегченія литературѣ вездѣ, гдѣ только возможно. Цѣль всего этого состояла въ томъ, чтобы идти къ большому простору печатнаго слова, причѣмъ преступленія онаго карались бы судомъ и выводился бы болѣе и болѣе произволь изъ области цензуры».

Рассказавши затѣмъ о переходѣ цензурнаго вѣдомства въ министерство внутреннихъ дѣлъ, переходѣ, состоявшемся благодаря всеподданнѣйшему докладу Головинна, послѣдній переходитъ къ обсужденію новаго проекта цензурнаго устава, который имѣетъ, по его мнѣнію, много неоспоримыхъ преимуществъ передъ проектомъ 1862 г.

«Освобождая отъ предварительной цензуры книги, объемомъ выше 20 печатныхъ листовъ, говоритъ Головиннъ, и подвергая ихъ авторовъ отвѣтственности только предъ судомъ, уставъ дѣлаетъ значительный шагъ впередъ на пути къ облегченію за литературою большаго простора. Благодаря этой, въ высшей степени, полезной мѣрѣ, серьезные, чисто-ученые труды, не стремящіеся удовлетворить только минутному настроенію и по-

требностямъ общества, получать, вѣроятно, еще небывалое у насъ развитіе. Нельзя также не сочувствовать открывающейся для періодическихъ изданій возможности выходить безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры, въ случаѣ согласія на то министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, введеніе гласнаго суда, для злоупотребленій, совершаемыхъ печатнымъ словомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ благотворныхъ и полезныхъ мѣръ, значеніе которыхъ не можетъ быть не оцѣнено по достоинству литературою. Всѣ эти преобразованія такъ важны и такъ благотвѣльны, что интересы отечественнаго просвѣщенія найдутъ въ нихъ прочный залогъ для своего развитія».

Затѣмъ Головинъ переходитъ къ указанію на тѣ стороны новаго устава, которыя, по его мнѣнію, нуждаются въ измѣненіяхъ. Къ нимъ принадлежитъ, прежде всего, система административныхъ взысканій. «Система эта получила господство въ тѣхъ странахъ, гдѣ, по существующимъ условіямъ, невозможно было возстановить цензуру предварительную, но вмѣстѣ съ тѣмъ являлось желаніе приблизиться къ ней какъ можно болѣе. Въ новомъ уставѣ, напротивъ, система административныхъ взысканій является переходною мѣрою, т. е. такою, при существованіи которой литература должна пріобрѣсти извѣстную опытность, извѣстное самообладаніе и воздержность для умѣннаго пользоваться разумною свободою. Мнѣ кажется, что система, о которой идетъ рѣчь, не въ состояніи развитъ въ литературѣ этихъ качествъ: опытъ убѣждаетъ, что подобно предварительной цензурѣ, она возбуждаетъ въ обществѣ то раздраженіе, тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе которыхъ должно имѣть преимущественно въ виду. Не достигая, слѣдовательно, цѣли, какъ переходная мѣра, административныя предостереженія создаютъ много важныхъ неудобствъ для правительства: при существующемъ порядкѣ, цензоръ не допускаетъ появленія въ свѣтъ вредной статьи, и какъ дѣйствія цензора, такъ и статья, подвергнувшаяся запрещенію, становятся извѣстны лишь весьма ограниченному кружку лицъ. При системѣ же взысканій, административная кара постигаетъ статью уже тогда, когда она проникла въ публику; взысканіе не ослабляетъ произведеннаго ею впечатлѣнія,—напротивъ, вниманіе публики еще болѣе привлекается къ ней, и она получаетъ такое значеніе, на которое часто не имѣла никакого права. Публика становится, въ такихъ случаяхъ, какъ бы судьей между правительствомъ и журналистскою и принимаетъ почти всегда сторону послѣдней. Мнѣ кажется, что подобное положеніе весьма невыгодно для правительственныхъ органовъ; уже по одному этому, если бы даже существовала у насъ система административныхъ предостереженій, но ради огражденія интересовъ и достоинства правительства, нужно было бы стремиться къ ея отиженію. Не могу не сооб-

щать при этомъ о другомъ недостаткѣ, тѣсно связанномъ, по моему мнѣнію, съ упомянутою системою. Проектъ устава постановляетъ, что послѣ двухъ предостереженій третье влечетъ за собою прекращеніе періодическаго изданія. Подобное лишеніе административнымъ путемъ права собственности не замедлитъ, мнѣ кажется, возбудить сильное неудовольствіе въ литературѣ. Журнальная собственность представляетъ иногда значительную цѣнность—плодъ неусыпныхъ стараній и таланта ея владѣльца; на журналъ или газету затрачиваются нерѣдко обширные капиталы, и было бы жестоко лишать этой собственности, простымъ административнымъ рѣшеніемъ, владѣльца журнала, который, быть можетъ, вовсе не участвуетъ въ редакціи, а равно и его наследниковъ. Я полагаю, что необходимо было бы изыскать средства отстранить эту несправедливость; такъ какъ проектомъ устава допускается рѣзкое различіе между редакторомъ и издателемъ газеты или журнала, то легко было бы, мнѣ кажется, обрушать самое строгое взысканіе только на редактора, требуя, притомъ, его отстраненія, а за издателемъ сохранить неприкосновенность правъ собственности. Этимъ путемъ представилась бы, между прочимъ, возможность избѣжать одного важнаго неудобства: извѣстно, что «Московскія» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» составляютъ собственность Московскаго университета и Академіи наукъ и, будучи отдаваемы въ аренду, приносятъ этимъ учрежденіямъ значительныя суммы ежегоднаго дохода. Неужели эти оба изданія, считающія свое существованіе болѣе чѣмъ сотнею годовъ, приносившія столь важную матеріальную поддержку заведеніямъ, которыя служатъ разсадникомъ науки въ нашемъ отечествѣ, могутъ быть уничтожены силою простаго административнаго распоряженія; при чемъ самое существованіе Академіи и университета было бы потрясено вслѣдствіе лишенія ихъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ. Вслѣдствіе всего вышележащаго имѣю честь сообщить, что съ проектомъ устава о книгопечатаніи я вообще согласенъ, но нахожу совершенно необходимымъ сдѣлать въ немъ слѣдующія измѣненія: 1) Въсѣ исключить систему предостереженій, которую я считаю вредною и для правительства, и для литературы. 2) Предоставить редакторамъ періодическихъ изданій право свободнаго выбора по ихъ собственному усмотрѣнію: а) подвергаться предварительной цензурѣ, не отвѣчая за статью, пропущенную цензоромъ или б) издавать журналъ или газету безъ цензуры, и въ такомъ случаѣ вносить опредѣленный залогъ и подвергаться взысканіямъ по суду, но отнюдь не по административному распоряженію. 3) Ясно разграничить значеніе и права собственника періодическаго изданія и значеніе отвѣтственнаго редактора съ тѣмъ, что первый и его наследники не подвергаются лишенію своей собственности за вину послѣдняго, и 4) предоставить административной власти

право требовать, когда признает нужнымъ, перемены отвѣтственнаго редактора безъ судебного приговора.

«Слѣдовательно, задача комиссіи состояла въ созданіи новаго порядка, болѣе способнаго къ удержанію литературы въ законныхъ предѣлахъ и менѣе произвольнаго въ своихъ проявленіяхъ.

«Признавая съ теоретической точки зрѣнія карательную цензуру болѣе соответствующею этимъ двумъ требованіямъ, комиссія не нашла, однако, возможнымъ сдѣлать внезапный и безусловный переходъ отъ одной системы къ другой, но сочла нужнымъ предложить смѣшанную систему, въ видѣ перехода постепеннаго, а не крутаго.

«Эта переходная система выражается:

1) Въ предоставленіи изданіямъ, относящимся къ области наукъ словесности и искуссствъ объемовъ въ двадцать и болѣе печатныхъ листовъ, права выхода въ свѣтъ безъ предварительнаго цензурнаго разсмотрѣнія, подчиняя ихъ новому карательному законодательству и преслѣдованію судебнымъ порядкомъ.

2) Въ сохраненіи для повременныхъ изданій и для изданій, объемомъ менѣе 20 листовъ, предупредительной цензуры.

3) Въ предоставленіи повременнымъ изданіямъ права просить освобожденія отъ предварительной цензуры, но съ условіемъ подчиненія себя не только судебному, но и административному преслѣдованію.

«Сопоставляя выставленныя причины необходимости въ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго порядка съ предлагаемыми нововведеніями, приходимъ къ слѣдующему выводу: нѣтъ сомнѣнія, что всѣ тѣ неудобства безсилія и произвола, которыя убѣждаютъ въ несоответственности предупредительной цензуры, почерпнуты изъ жизни той части литературы, которая называется повременною, или иначе журналистика. Она одна вызвала заботы и неудовольствія правительства стремленіемъ къ распространенію ложныхъ ученій; она преимущественно тяготилась произволомъ цензуры; она одна жаловалась и всячески старалась окольными путями провести свои мысли и прикрывать таинственностью и полупамятками ложь, которую цензура, ограждая ее отъ преслѣдованія, не въ силахъ обличать. Она, слѣдовательно, высказала несостоятельность предупредительной цензуры и необходимость новаго порядка. Между тѣмъ, по силѣ проекта новаго устава, она одна остается подчиненною предупредительной цензурѣ. Причиной къ этому выставляется необходимость, въ настоящее переходное состояніе и при неутвердившихся еще новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, сохранить надъ періодическою литературою надзоръ болѣе строгій и дѣйствіе болѣе сильное.

«Если необходимость измѣненія цензуры предупредительной вызывалась ея безсиліемъ, то непонятно, какимъ образомъ это безсильное средство употребляется для тѣхъ изданій, для которыхъ прави-

тельству нужна большая сила. Если же причина временного безсилія карательныхъ органовъ истекаетъ изъ того только, что карательныя орудія еще не созданы, то это неудобство одинаково выкажется въ преслѣдованіи тѣхъ изданій, которыя освобождаются отъ цензуры, и спрашивается: количество и составъ этихъ изданій требуютъ ли такого послѣдшаго созданія новаго законодательства, долженствующаго ожидать своихъ исполнителей въ неопредѣленной будущности?

«Что же касается произвола и придирчивости, которыя замѣчаются въ учрежденіи предварительной цензуры, и устраненіе коихъ требовало бевотлагательныхъ мѣръ, то и тутъ предлагаемыя мѣры едва-ли достигаютъ цѣли.

«Не оспаривая, что всякая предварительная цензура не можетъ отстранить отъ себя извѣстной доли произвола, нельзя не замѣтить, что всякая административная и полицейская власть, по самому существу своему, не можетъ освободиться отъ произвола лица, и что произволь этотъ является повсюду въ несравненно большихъ размѣрахъ, когда онъ выражается вліаніемъ на дѣла государственныя, на службу и карьеру лицъ, нежели когда онъ ограничивается запрещеніемъ или пересозданіемъ журнальной статьи. Отъ перваго—могутъ пострадать интересы общественныя, участь и доброе имя лица или семейства, отъ втораго—только авторское самолюбіе. Между тѣмъ, нигдѣ и ни въ какой странѣ міра, какъ бы просвѣщенна она ни была, не придумано еще средства, дабы уничтожить произволь лица. Но произволь тогда только переносится, когда онъ составляетъ общее для всѣхъ зло; онъ гораздо чувствительнѣе и больнѣе тогда, когда онъ проявляется какъ исключеніе, для нѣкоторыхъ членовъ одного и того же общественнаго кружка. До настоящаго времени отъ произвола предупредительной цензуры страдали одинаково всѣ подвизающіеся, какъ частныя люди, на литературномъ поприщѣ; неудобство было общее: нынѣ же предполагается этому произволу подчинить только часть литературы, а другую часть освободить отъ него и подчинить ему именно ту часть, которая болѣе отъ него страдала, болѣе на него жаловалась и яснѣе убѣждала въ несоотвѣтственности этого произвола съ настоящимъ состояніемъ общества. Но не этимъ ограничивается исключительный произволь, которому подчиняется повременная литература; для нея создается еще особый видъ произвола въ той сферѣ, которая выставляется, какъ обѣтованная страна законности, т. е. въ карательной цензурѣ, а именно создается административное караніе; иными словами, если повременная литература захочетъ освободиться отъ произвола цензуры предупредительной, придирчивой, но, по крайней мѣрѣ, освобождающей отъ отвѣтственности,—то она обязана подпасть подъ административное караніе, гдѣ произволь соединенъ съ отвѣтственностью.

«Изъ этого нельзя не вывести слѣдующаго заключенія: 1) если предупредительная цензура не современна, потому что она бессильна, и если это безсиліе ея особенно проявляется на журналистикѣ,—то нельзя сохранить ее только для этой журналистики, въ борьбѣ съ которой это безсиліе вреднѣе; 2) если предупредительная цензура не современна, потому что она по необходимости основана на произволѣ и придирчивости, и если этотъ произволъ и эта придирчивость въ особенности чувствительны для журналистики,—то нельзя усугубить эти недостатки исключительно для этой части литературы».

Признавая карательныя мѣры необходимыми, барокъ Николай объясняетъ эту необходимость переходнымъ состояніемъ переживаемой въ то время Россією эпохи.

«Нельзя, говоритъ онъ, терять изъ вида того переходнаго состоянія, въ которомъ мы находимся. Оно не меньше другихъ соображеній должно имѣть вліяніе на правительственныя мѣропріятія. Движеніе, данное общественному мнѣнію, участіе его въ сужденіяхъ о вопросахъ законодательныхъ и административныхъ, то, однимъ словомъ, что называется гласностью, такъ еще ново у насъ, что къ нему не привыкло еще ни общество, ни даже само правительство. Сіе послѣднее, движимое либеральными побужденіями, которымъ Россія уже обязана столькими важными и драгоценными приобрѣтеніями, само вызвало повременную литературу къ обсужденію реформъ; не довольствуясь дозволеніемъ гласно выражать мнѣнія объ общественныхъ вопросахъ, оно само передавало составляемыя по его порученію правительственными органами проекты на обсужденіе журналистики и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ этомъ отношеніи, являло примѣры, не выданные ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ. Весьма естественно, что подобное приглашеніе къ гласному диспуту не осталось безъ отвѣта; но такъ-же естественно, что журналистика, до того «отстраненная» отъ всякаго соучастія въ обсужденіи государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, не всегда пользовалась даннымъ ей просторомъ съ должною мѣрою и воздержанностью.

«Переходя за предѣлы спокойнаго обсуждения, она нерѣдко увлекалась къ обсужденію вопросовъ, не согласныхъ съ существующимъ порядкомъ, и личныя страсти отдѣльныхъ литераторовъ не разъ занимали мѣсто хладнокровнаго суда общественнаго мнѣнія. Нельзя удивляться, что правительство сочло нужнымъ прибѣгать къ мѣрамъ строгости и останавливать порывы, вредныя для постепеннаго развитія его намѣреній. Отсюда явилось нѣчто въ родѣ борьбы между журналисткою и органами правительства, которые не всѣ одинаково привыкли къ выслушиванію иногда рѣзкихъ и дотолѣ не бывалыхъ рѣчей. Невозможно предположить, чтобы такой моментъ былъ удобенъ для установленія вполне правильныхъ и исключительно на буквѣ закона основанныхъ

постановлений для печати, надобно, напротивъ, предполагать, что непривыкшая къ пользованію свободою часть журналистики увлечется за предѣлы благоразумія, и что правительство сочтетъ нужнымъ возстановить тѣ преграды, снятіе коихъ въ другое время было бы не что иное, какъ естественное послѣдствіе ихъ бесполезности. Однимъ словомъ, правительство можетъ подвергнуться опасности искусственно создать тѣ колебанія, которыя въ другихъ странахъ были послѣдствіемъ политическихъ бурь, создать дѣйствительную борьбу вмѣсто кажущейся и при этомъ выказать въ своихъ дѣйствіяхъ непоследовательность, гораздо болѣе вредную для его авторитета, нежели тотъ произволъ цензуры, который нынѣ вызываетъ неудовольствіе незначительнаго числа журналистовъ.

«Можно надѣяться, что черезъ нѣскольколѣтъ, когда нынѣ уже начатыя коренныя преобразованія въ судопроизводствѣ создадутъ суды, способные разбирать дѣла прессы, настанетъ время, когда и публика, и журналистика привыкнутъ къ болѣе хладнокровной рѣчи, и когда само правительство не сочтетъ нужнымъ противодействовать проявленіямъ слова иначе, какъ судебнымъ преслѣдованіемъ положительныхъ проступковъ и преступленій. Тогда переходъ отъ предупредительной цензуры къ карательной совершится легко, и новыя учрежденія явятся на почвѣ для нихъ уже подготовленной.

«По предположенію комиссіи создается два рода карательной цензуры, одинъ общій, обязательный для всѣхъ сочиненій объемомъ болѣе 20 листовъ, другой частный, условный для періодической литературы. Число и значеніе сочиненій, подходящихъ подъ первый разрядъ, требуютъ ли безотлагательнаго измѣненія нынѣ дѣйствующаго порядка? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только гадательно: нѣтъ никакихъ данныхъ, на которыхъ можно бы было основывать сколько-нибудь положительное мнѣніе. Комиссія сама замѣчаетъ, что въ послѣднее время вся литература сосредоточилась почти исключительно въ журналистикѣ; отдѣльныя сочиненія печатаются рѣдко и въ небольшомъ числѣ. Это объясняется весьма легко большимъ количествомъ животрепещущихъ современныхъ вопросовъ, вызванныхъ правительственными реформами и новизною гласнаго ихъ обсужденія; оно объясняется и болѣею легкостью, выгодностью и меньшими требованіями основательности и глубины обработки, которыми пользуются журнальныя статьи передъ фундаментальными сочиненіями. Если бы можно было предположить, что изытаніе книгъ отъ предупредительной цензуры увеличить число ихъ и уменьшить преобладаніе журнальной разработкѣ коренныхъ вопросовъ, то подобный результатъ, по важности своей, могъ бы остановить вниманіе законодателя. Но выгоды, представляемыя журнальною полемикою для облегченія литературнаго труда, такъ значительны и такъ привле-

кательны, что трудно предполагать, чтобы онъ не имѣли перевѣса надъ относительными неудобствами предупредительной цензуры. Это тѣмъ болѣе можно думать, что, опредѣляя различіе только формою и объемомъ изданія, откроется возможность обойти законъ. Такъ, можетъ случиться, что повременное изданіе выйдетъ въ концѣ года въ видѣ отдѣльной книги, объемомъ болѣе 20 листовъ, и тамъ будутъ помѣщены всѣ тѣ статьи, которыя либо были задержаны цензурою, либо не рѣшились явиться на ея судъ. Подобная книга, печатанная не въ качествѣ повременнаго изданія, но подъ какимъ-нибудь особымъ заглавіемъ, безпрепятственно разоидется въ публикѣ. Очень легко можетъ случиться, что она не будетъ содержать ничего подлежащаго судебному преслѣдованію (какъ о томъ свидѣтельствуетъ изданный сборникъ запрещенныхъ статей), или же, что, подвергаясь преслѣдованію, она не вызоветъ приговора. Очевидно, что этимъ создается для правительства весьма неблагоприятное и фальшивое положеніе: оно обязано будетъ дозволить обращеніе въ публикѣ того самаго, что оно запретило и этимъ высказать, что запрещеніе было излишнее и произвольно, или же, что оно бессильно его поддержать. Если же правительство, въ видахъ охраненія своего достоинства, наложитъ запрещеніе на подобное сочиненіе до выхода его въ свѣтъ, хотя бы это сочиненіе не содержало въ себѣ ничего прямо преступнаго, то оно подвергается обвиненію въ несоблюденіи такого закона, который само издало, и въ уваженіе къ святости котораго, конечно, обязано давать примѣръ.

«Что же касается другаго вида карательной цензуры, т. е. административнаго, создаемаго только для такихъ повременныхъ изданій, которыя изъявили бы желаніе освободиться отъ вліянія предварительной цензуры, то не отвергая прямо пользы подобнаго учрежденія, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы нашлись охотники ему подчиниться. Независимо отъ этого, самое предоставленіе выбора между двумя разнородными судами составляетъ какое-то исключительное юридическое явленіе, которое легко можетъ быть истолковано нерѣшительностью правительства и неувѣренностью его въ состоятельности предположенныхъ имъ мѣръ. Административно-карательная цензура есть, безъ сомнѣнія, орудіе весьма сильное, но оно было создано только тамъ, гдѣ правительство, уже лишенное предупредительной цензуры, не могло, при всей своей силѣ, возвратиться къ ней. Оно несравненно болѣе заражено произволомъ, нежели предупредительная цензура, ибо наказываетъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ. Если гдѣ-либо необходимо самое точное опредѣленіе дозволеннаго и не дозволеннаго, то это, безъ сомнѣнія, при созданіи административнаго каранія, иначе оно дѣлается ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ политическимъ въ рукахъ власти подавляющей, но не руководящей.

«Общій выводъ изъ всего изложеннаго можетъ быть слѣдующій:

1) Соглашаясь вполнѣ съ комиссіею въ основныхъ недостаткахъ, которые, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ представляетъ предупредительная цензура, и въ томъ, что въ дѣлахъ книгопечатанія, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ общественныхъ, (слѣдуетъ¹⁾ весьма руководствоваться безусловною точностью правилъ и безукоризненною законностью, я полагаю, что съ одной стороны надежда достигнуть подобнаго идеала едва ли удобоисполнима, съ другой—что по недостижимости его необходимо дать въ данный моментъ предпочтеніе такой системѣ, которая представляетъ менѣе практическихъ неудобствъ, не теряя, при томъ изъ вида, что сохраненіе на время учрежденія несовершенного менѣе опасно, нежели возстановленіе его послѣ неудачнаго опыта его упраздненія, что можно предвидѣть съ предупредительною цензурою.

2) Созданіе двойственнаго законодательства для одного и того же рода дѣятельности представляетъ само по себѣ большія неудобства; неудобства эти усугубляются, когда несовершенному изъ двухъ законодательствъ подчиняется тотъ видъ, который въ особенности вызываетъ заботы правительства.

3) Правительству, свободно дающему, по праву и на дѣлѣ не стѣсненному въ своихъ мѣропріятіяхъ, исполненному искренняго желанія добра и пользы, необходимо сохранить во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ положительность, твердость и откровенность.

4) Необходимость предупреждать гласность многихъ произведеній, хотя и не безнравственныхъ и не прямо преступныхъ, и сохранить еще на время право опредѣлять удобность распространенія въ публикѣ извѣстныхъ мыслей и понятій — истекаетъ для правительства изъ переходнаго состоянія, въ которомъ находятся многія коренныя общественныя учрежденія и само общество. Необходимость эта будетъ постоянно уменьшаться, по мѣрѣ того, какъ страсти, возбужденныя внезапнымъ переходомъ, успокоятся, и въ данный моментъ можно будетъ перейти открыто и безъ оговорокъ отъ одной системы къ другой.

5) Комиссія справедливо замѣчаетъ, что для дѣйствія карательнаго законодательства для книгопечатанія необходимо, чтобы новое судоустройство выравилось на дѣлѣ и чтобы общество съ нимъ освоилось. Созидать временное исключительное судоустройство для незначительной суммы нуждъ не вызывается настоятельною необходимостью.

6) Издавать законодательство, которое на время не вступаетъ въ полную силу, неблагоприятно. Какъ ни добросовѣстно и отчетливо оно составлено, оно по необходимости находится подъ вліяніемъ условій

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

современныхъ, которыя могутъ измѣняться до того времени, когда оно возьмѣетъ полную свою силу».

10-го марта 1862 года, по докладу г. статсъ-секретаря Головинна, послѣдовало высочайшее повелѣніе о существенномъ преобразованіи цензурныхъ учреждений: главное управленіе цензуры было упразднено, цензурное вѣдомство раздѣлилось на двѣ части: наблюдательная и преслѣдовательная власть предоставлена министерству внутреннихъ дѣлъ, а цензурно-предупредительная обязанность осталась въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Затѣмъ министерствомъ народнаго просвѣщенія были составлены и опубликованы при особомъ циркулярѣ временныя правила о цензурѣ. Въ какой мѣрѣ эти правила соотвѣтствовали тогдашнимъ потребностямъ литературы и правительства, рѣшить трудно; но такъ какъ въ нихъ не заключается ничего новаго, то едва ли она могли устранить основательность всѣхъ прежнихъ доводовъ и соображеній министерства народнаго просвѣщенія о необходимости болѣе существенной реформы въ дѣлѣ о книгопечатаніи.

На этомъ основаніи князь Оболенскій оспаривалъ мнѣніе барона Николая.

«Въ самомъ началѣ, говоритъ онъ, баронъ Николай, сопоставляя выведенныя комиссіею причины необходимости въ измѣненіи нынѣ дѣйствующаго порядка съ предлагаемыми проектомъ мѣрами, находить противорѣчіе въ томъ, что комиссія, признавая предварительную цензуру безсильною и произвольною, оставляетъ ее для тѣхъ изданій (повременныхъ), для которыхъ въ особенности нужна с и л а и которыя наиболѣе жалуются на п р о и з в о л ѣ.

«Прежде всего я замѣчу, что комиссія не ожидала, чтобы весьма мало развитая аргументація ея о недостаткахъ цензуры предварительной, помѣщенная во введеніи и основанная на доводахъ и соображеніяхъ министра народнаго просвѣщенія, могла послужить единственною исходной точкой для возрѣнія на проектъ, который совокупностью мѣръ, имъ предложенныхъ, достаточно ясно указываетъ на общую мысль, положенную въ основаніе всего проекта. Эта мысль заключается въ убѣжденіи, что преслѣдовательная цензура съ болѣею силою можетъ ограждать и предупреждать общество отъ злоупотребленій печати, но при необходимомъ условіи правильнаго и хорошо устроеннаго суда, а пока сего условія нѣтъ, то преслѣдовательная цензура можетъ быть полезна и дѣйствительна только для той части литературы, которая по свойству своему и сама по себѣ представляетъ менѣе опасности для общества.

«Самая мысль о подчиненіи различнымъ правиламъ изданій обыкновенныхъ и повременныхъ подвергается барономъ Николаемъ сильной

критикѣ. Онъ видитъ тутъ вредную въ законодательствѣ двойственность и полагаетъ, что несправедливо оставлять цензуру для однихъ періодическихъ изданій и освобождать отъ нея другія произведенія, объемомъ болѣе 20-ти листовъ, ибо, въ такомъ случаѣ, для первыхъ произволь будетъ чувствительнѣе и непріятнѣе. По мнѣнію барона Николая, въ законодательной мѣрѣ не должно допускать исключенія, и ежели зло признано необходимымъ, то оно должно распространяться на всѣхъ въ равной степени.

«Подобнаго понятія о равенствѣ, даже въ мірѣ вещественномъ и для предметовъ однородныхъ, я допустить не могу, а тѣмъ болѣе странно желаніе сохранить безусловно равное для всѣхъ зло въ мірѣ нравственномъ и притомъ для совершенно разнородныхъ предметовъ. Повременная литература такъ рѣзко, такъ явственно отличается и по свойству, и по важности, и по значенію отъ обыкновенныхъ книгъ, что нигдѣ, никогда и ни при какихъ условіяхъ правила для нихъ не могутъ быть одинаковы. Вездѣ, гдѣ существуетъ полная свобода печати, повременныя изданія подлежатъ особымъ правиламъ, которыя не обязательны для другихъ изданій.

«Ежели неудобство цензуры не можетъ быть пока устранено для повременныхъ изданій, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нужно было сохранять его для другихъ изданій, состоящихъ совершенно въ иныхъ условіяхъ.

«Мѣра освобожденія сочиненій въ 20-ть печатныхъ листовъ отъ предварительной цензуры есть въ высшей степени мѣра поощрительная для серьезной и полезной литературной дѣятельности. Вездѣ эта мѣра принесла полезные плоды, и нѣтъ причинъ предполагать, чтобы она и у насъ не оправдалась.

«Мнѣніе барона Николая о томъ, что въ другихъ государствахъ переходная мѣра освобожденія книгъ въ 20 печатныхъ листовъ отъ цензуры была вызываема политическими потрясеніями, а не инициативою правительства, не для всѣхъ государствъ справедливо; но ежели бы оно и дѣйствительно оправдывалось исторіею, то не ведетъ ли оно прямо къ выраженію желанія, чтобы правительство наше и въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, собственной инициативой поставленныхъ, искало оправданія принимаемой мѣры въ ожидаемой отъ нея пользѣ, а не въ необходимости, носящей на себѣ характеръ поздней уступки.

«Баронъ Николай, вообще отрицая необходимость переходныхъ мѣръ въ законодательствѣ о печати, полагаетъ, что правительству предстоитъ не заявлять напередъ о такихъ намѣреніяхъ, существованіе которыхъ оно само считаетъ нужнымъ отлагать за недостаткомъ исполнительныхъ орудій, и такъ какъ въ настоящее время прямо перейти къ

системѣ преслѣдовательной, т. е. къ полной свободѣ слова, нельзя, то не слѣдуетъ измѣнять существующаго порядка.

«Съ этимъ я никакъ согласиться не могу потому, что опытъ всѣхъ образованныхъ государствъ свидѣтельствуетъ, что гдѣ постепенности въ мѣрахъ освобожденія слова отъ стѣсненій цензуры не соблюдалось, тамъ горькія послѣдствія заставляли правительства раскаяваться въ непринятіи своевременныхъ мѣръ съ цѣлью приготовить, приучить и укрѣпить общество для противодѣйствія вреду злоупотребленій печати.

«Безусловнымъ сохраненіемъ цензуры предупредительной невозможно приготовить ни литературу, ни судебные органы къ другой системѣ охраненія общества отъ злоупотребленія слова.

«Справедливо замѣтилъ баронъ Николай, что правительство наше въ полномъ пользованіи своихъ правъ и своей силы принимаетъ инициативу мѣръ преобразованія; оно руководствуется, съ одной стороны, желаніемъ облегчить узы, связывающіе свободу мысли и слова, съ другой — обязанностью не увлекаться поспѣшностью въ ущербъ духовнымъ интересамъ большой массы и оградить общественный порядокъ отъ потрясеній, не разъ вызванныхъ въ иныхъ странахъ своеволіемъ прессы.

«Комиссія вполне проникнута была убѣжденіемъ, такъ прекрасно выраженнымъ барономъ Николаемъ: она вѣрила въ искренность благородныхъ стремленій правительства, она вполне сознавала, что въ дѣлѣ столь важномъ всякая поспѣшность и необдуманность въ предложеніи мѣръ, касающихся духовныхъ интересовъ общества, не могутъ быть оправданы. Вотъ почему, пренебрегая всякими упреками въ излишествахъ мѣръ осторожности, не довѣряя измѣнчивымъ рукоплесканіямъ и либеральнымъ возгласамъ тревожнаго общества, она старалась подробно изучить порученное ей дѣло со всѣхъ его сторонъ, повѣряя собственныя своя выгоды и заключенія опытомъ другихъ законодательствъ.

«При всей добросовѣстности отзыва барона Николая о проектѣ комиссiи, я позволю себѣ думать, что, при болѣе внимательномъ и специальномъ изученіи предмета, онъ не ограничился бы однимъ отрицательнымъ мнѣніемъ о реформѣ вообще и о проектѣ въ особенности, и заявилъ бы, можетъ быть, какую либо полезную мысль, которая могла бы послужить, хотя будущимъ дѣятелямъ на законодательномъ поприщѣ, полезнымъ указаніемъ, какъ помочь дѣйствительно трудному для правительства дѣлу. Онъ не остановился бы на однихъ частныхъ, съ перваго взгляда замѣченныхъ имъ неудобствахъ, признавая, что въ жизни и на практикѣ многія угловатости, неясности, неопредѣленности и даже противорѣчiя сглаживаются; онъ не судилъ бы такъ отвлеченно о прои з во л ѣ, вполне понимая, что нѣтъ такой ограды, которая бы не до-

пускала проникнуть къ живому представителю этого произвола, умѣряющаго начала среды, его окружающей.

«Но какъ бы то ни было отзывъ товарища министра народнаго просвѣщенія не можетъ съ моей стороны вызвать подробныхъ объясненій о главныхъ чертахъ проекта: ибо, къ сожалѣнiю, онъ не коснулся ихъ, и такимъ образомъ болышая часть труда, а именно все уголовное законодательство о преступленiяхъ и проступкахъ слова, письма и печати, — реформа котораго вызывается нынѣ насущною потребностью, остается незамѣченною.

«Быть можетъ многіе, увлеченные прекраснымъ изложеніемъ и логическою послѣдовательностью выводовъ барона Николаи, безусловно согласятся съ окончательнымъ его заключеніемъ, представляющимъ, въ особенности то привлекательное удобство, что практическій его результатъ весьма удобенъ для исполненія, и не сочтутъ нужнымъ удѣлить нѣсколько времени для ознакомленія себя съ трудомъ комиссіи.

«Въ виду сей возможности, осмѣливаюсь выразить убѣжденіе, что отложенный вопросъ нельзя считать рѣшеннымъ, а между тѣмъ всѣ обстоятельства, предшествовавшія учрежденію комиссіи, о которыхъ указано выше, устраняютъ возможность отложить вопросъ на долго. Съ каждымъ днемъ увеличиваются случаи преступленій и проступковъ слова, письма и тайной печати. Правительство тщетно ищетъ въ существующемъ законодательствѣ опредѣлительныхъ правилъ для законныхъ взысканій и нерѣдко передъ строгостью и непримѣдлительностью дѣйствующихъ постановленій оно отступаетъ и отказывается отъ преслѣдованія. Всякій карательный законъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предупредительный; отсутствіе его усиливаетъ дерзость нарушителей. При подробномъ разсмотрѣнiи проекта новаго законоположенія о книгопечатаніи, объемлющаго всѣ формы выраженія мысли, т. е. слова, письма и печати, недостатки проекта могутъ быть исправлены, неудобства устранены. Въ заключеніе осмѣливаюсь выразить искреннее мое убѣжденіе, что было бы крайне неосторожно, отвергнувъ проектъ безъ разсмотрѣнiя его въ существѣ, не постановить вмѣстѣ съ тѣмъ никакихъ иныхъ началъ для начертанія новаго проекта закона!

В. Бяштокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О присылкѣ мальчика изъ грековъ для услуги великаго князя Константина Павловича.

Рескриптъ импер. Екатерины II графу П. А. Румянцеву-Задунайскому.

9-го октября 1781 г.

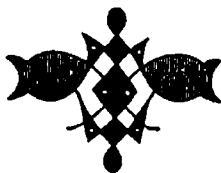
Графъ Петръ Александровичъ! Я желаю, чтобы вы приказали въ Нижніи прискаты изъ грековъ мальчика, отъ 10 до 14 лѣтъ, проворнаго и добронравнаго, а всего лучше изъ сиротъ, который звалъ бы свой языкъ, и онаго ко мнѣ прислади для опредѣленія въ услуги моему, великому князю Константину Павловичу, полагаясь тутъ совершенно на выборъ вашъ.

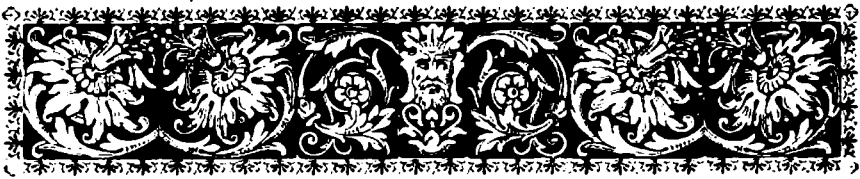
Высочайшая благодарность московскому городскому обществу.

Рескриптъ императора Александра I московскому военному губернатору генералу отъ инфантеріи, Веклешову.

5-го августа 1805 г.

Изъ донесенія вашего о вносѣ московскимъ купечествомъ въ Олукунскій совѣтъ 10.000 рублей для обращенія процентовъ съ сей сумми на продовольствіе горячею пищею нижнихъ военнослужащихъ, суточные въ Москвѣ караулы содержащихъ, видѣлъ я новый опытъ благонамеренности московскаго градскаго общества; я поручаю вамъ изъяснить ему за сіе вновь мое удовольствіе и увѣрить его, что мнѣ всегда будетъ пріятно отличать его въ моемъ благоволеніи.

ПАМЯТИ
К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

I.

Рѣчь, читанная академикомъ Л. Н. Майковымъ въ обществѣ собраніи Императорской Академіи Наукъ 11-го января 1897 года.

Наступившій годъ уже ознаменовался для нашей академіи тяжелою утратой: 2-го января, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался, на 68-мъ году отъ рожденія, нашъ сочленъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, ординарный академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Почти пятьдесятъ лѣтъ трудился онъ на учено-литературномъ поприщѣ; семнадцать лѣтъ занималъ кафедру русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, читалъ лекціи по тому же предмету въ Божѣ почившему государю императору Александру Александровичу въ бытность его великимъ княземъ, а за тѣмъ его августѣйшимъ братьямъ великимъ князьямъ Владимиру, Алексѣю, Сергію и Павлу Александровичамъ, великой княжѣ Маріи Александровнѣ и другимъ членамъ царской семьи, великимъ князьямъ Константину и Димитрію Константиновичамъ, Петру Николаевичу и герцогинѣ Лейхтенбергской Евгеніи Максимилиановнѣ; кромѣ университета, покойный преподавалъ въ разныхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, положилъ основаніе высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ и былъ первымъ ихъ руководителемъ, наконецъ состоялъ нѣкоторое время предсѣдателемъ славянскаго благотворительнаго комитета; дѣйствительнымъ членомъ академіи онъ былъ избранъ 1890 году, а до тѣхъ поръ состоялъ ея членомъ-корреспонден-

томъ. Довольно этого краткаго перечня важнѣйшихъ фактовъ дѣятельности покойнаго академика, чтобы объяснить себѣ, почему его имя пользовалось столь громкою извѣстностью въ русскомъ обществѣ. Но извѣстность не есть еще настоящее мѣрило достоинствъ человѣка; ему надобно искать въ его личности, въ его трудахъ, въ плодахъ его дѣятельности.

Константинъ Николаевичъ обладалъ выдающимися дарованіями. Его обширный умъ отличался глубиной и вмѣстѣ съ тѣмъ ясностью и гибкостью. Силою своего пониманія онъ свободно охватывалъ предметъ съ разныхъ сторонъ; а тонкостью анализа легко проникалъ въ его сущность. Отсюда происходило безпристрастіе его сужденій, объективность его воззрѣній. Но въ душѣ этого человѣка, который судилъ такъ спокойно, мѣрнія котораго было такъ уравновѣшены, горѣлъ скрытый огонь страстнаго чувства, и его безпристрастіе никогда не было холоднымъ и безучастнымъ; онъ только хотѣлъ быть справедливымъ, потому что былъ въ высшей степени добръ и сердеченъ, человѣкъ твердаго долга и мирнаго благоволенія. Уже въ этихъ свойствахъ его нравственной природы заключались залогомъ того что сдѣлало его историкомъ, что обратило его къ изученію судебъ русскаго народа и государства. Счастливые дары природы онъ развилъ обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ; жажда познаній была въ немъ удивительная: онъ учился непрерывно и еще за два дня до кончины едва слышимымъ голосомъ жаловался мнѣ, что мало читаетъ. Исторія съ дѣтства составляла главный интересъ его умственной жизни: на университетской скамьѣ, подъ влияніемъ такихъ наставниковъ, какъ Грановскій и Соловьевъ, наставниковъ, которые—по его же собственнымъ словамъ—вѣрили въ будущее человѣчества, въ будущее своего народа и старались воспитывать подрастающія поколѣнія въ этой высокой вѣрѣ,—Вестужевъ-Рюминъ посвятилъ себя русской исторіи какъ наукѣ и остался ей вѣренъ до конца своихъ дней.

Историкъ не только по ученой спеціальности, но по призванію, онъ понималъ задачу своей науки въ самомъ широкомъ смыслѣ — какъ истолкованіе прошлой жизни народа и какъ указаніе путей его дальнѣйшаго развитія. Но философское воззрѣніе на смыслъ историческихъ явленій никогда не отвлекало его отъ строгаго и точнаго изученія фактовъ, къ какой бы сторонѣ народной жизни, матеріальной или духовной, они ни принадлежали. Напротивъ того, онъ былъ въ высшей степени остороженъ въ своихъ историческихъ обобщеніяхъ; онъ высоко цѣнилъ дѣло исторической критики и постоянно настаивалъ на внимательнѣйшемъ изученіи и разборѣ источниковъ. Значительная часть его собственныхъ работъ принадлежитъ именно этой области историческаго вѣдѣнія. Не признавая за собою творческихъ способностей, чтобы—го-

вора его же словами—«воспроизводить прошлое въ живыхъ образахъ», онъ предпочиталъ заниматься историко-критическими работами и лишь изрѣдка, какъ плоды долгихъ наблюдений и размышлений, позволялъ себѣ набрасывать характеристики историческихъ личностей и явленій, особенно привлекшихъ къ себѣ его вниманіе. Даже той своей книгѣ, которая носить названіе «Русской Исторіи», онъ скромно поставилъ лишь такую задачу: «представить результаты, добытые русскою историческою наукою въ полтораста лѣтъ ея развитія, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ кругъ источниковъ, доступныхъ въ настоящее время ученой дѣятельности». Этими словами авторъ выдвигалъ впередъ критическое значеніе своего труда; но знакомые съ самымъ сочиненіемъ знаютъ, что авторъ значительно выступилъ за предѣлы, имъ себѣ предначертанные, и въ своей «Исторіи» сдѣлалъ попытку провести цѣлостное воззрѣніе на прошлыя судьбы нашего отечества. Къ сожалѣнію, названный трудъ покойнаго академика не былъ доведенъ до конца въ печати.

Я однако не буду говорить о всей совокупности историческихъ трудовъ Вестужева-Рюмина; это право принадлежитъ специалистамъ-историкамъ. Какъ сочленъ покойнаго по Отдѣленію русскаго языка и словесности, позволю себѣ сказать о томъ, что сдѣлано Константиномъ Николаевичемъ въ области нашей спеціальности.

Вестужевъ-Рюминъ былъ не первый русскій историкъ, принадлежавшій къ составу 2-го отдѣленія: онъ занялъ въ немъ кресло Погодина и Соловьева; но я не ошибусь, если скажу, что онъ тѣснѣе, чѣмъ его предшественники, принадлежалъ намъ, потому что глубже и разностороннѣе ихъ интересовался историко-литературными вопросами.

Уже въ качествѣ историка Вестужевъ-Рюминъ не могъ не понимать всей важности произведеній словесности, какъ памятниковъ духовной жизни народа; но сверхъ того, онъ умѣлъ ихъ цѣнить въ ихъ самостоятельномъ значеніи. Онъ обладалъ большимъ художественнымъ чутьемъ и несомнѣннымъ талантомъ литературнаго критика. Свое художественное пониманіе онъ воспиталъ на близкомъ знакомствѣ съ поэтическими произведеніями разныхъ литературъ и любилъ проводить паралели между созданіями поэтовъ разныхъ національностей. Онъ былъ отличнымъ знатокомъ Шекспира и изучалъ его съ тѣмъ же вниманіемъ и увлеченіемъ, съ какимъ работалъ надъ русскими летописями, предметомъ своихъ спеціальныхъ изысканій. Въ русской литературѣ любимцемъ его былъ Пушкинъ, котораго онъ зналъ и понималъ превосходно. Онъ считалъ его однимъ изъ тѣхъ національныхъ гениевъ, изученіе которыхъ можетъ длиться цѣлыя вѣка. Въ Англіи, Италіи, Германіи существуютъ особыя общества для изученія Шекспира, Данте, Гёте: Вестужевъ-Рюминъ желалъ, чтобы въ Россіи возникло съ такою же

цѣлью пушкинское общество. Не могу воздержаться здѣсь отъ личнаго воспоминанія. Съ тѣхъ поръ, какъ Константинъ Николаевичъ узналъ, что я przygotowую критическое изданіе произведеній великаго русскаго поэта, почти на одна его встрѣча со мною не обходилась безъ бесѣды объ этомъ предметѣ; съ дружескою благосклонностію сообщалъ онъ мнѣ различныя указанія, плоды своей тонкой наблюдательности, и передавалъ мнѣ мое распоряженіе цѣлый свой трудъ—сличеніе текста «Евгенія Онегина» по разнымъ изданіямъ.

Въ своихъ критическихъ трудахъ по русской исторіи Вестужевъ-Рюминъ находился въ постоянномъ соприкосновеніи съ памятниками словесности. Его классическое разсужденіе «О составѣ русскихъ лѣтописей до XIV вѣка», доставившее ему въ 1868 году ученую степень доктора русской исторіи, непосредственно касается вопросовъ и сферы древней русской литературы. Заклучивъ собою прежнія отрывочныя разысканія о лѣтописяхъ, оно твердо установило приемы ихъ строго-научнаго изслѣдованія, относительно древнѣйшихъ изъ нихъ дадо нѣсколько важныхъ выводовъ, прочность которыхъ не поколеблена позднѣйшею критикою въ теченіе тридцати лѣтъ, и послужило образцомъ для ряда новыхъ полезныхъ работъ по тому же предмету.

Въ литературѣ XVIII столѣтія особое вниманіе Вестужева-Рюмина привлекъ къ себѣ Татищевъ; этому младшему изъ «птенцовъ Петровыхъ» онъ посвятилъ особую монографію, въ которой обстоятельно разсказана его административная дѣятельность и особенно подробно разсмотрѣны его ученые труды. Въ исторіи нашего умственнаго развитія Вестужевъ-Рюминъ отводитъ Татищеву мѣсто на ряду съ Ломоносовымъ: между тѣмъ какъ естествоиспытатель Ломоносовъ стремился возвести къ общему философскому единству ученіе о природѣ, Татищевъ, историкъ и публицистъ, стремился съ своей стороны найти общее начало человѣческаго общежитія и человѣческой нравственности, а русскую исторію поставилъ на правильный путь изученія фактовъ. Сдѣланный Вестужевымъ-Рюминымъ выводъ новъ и оригиналенъ; но если взглянуть на научную дѣятельность Татищева въ связи съ общимъ ходомъ русскаго просвѣщенія въ прошломъ столѣтіи, то нельзя не признать этого заключенія вполнѣ правильнымъ.

По русской литературѣ текущаго вѣка Вестужевъ-Рюминъ оставилъ длинный рядъ статей, онъ писалъ о Карамзинѣ, С. Глинкѣ, Нарѣкомѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Н. Писемомѣ, Погодинѣ, славянофилахъ, Кошелевѣ, Кавелицѣ, Соловьевѣ, Мельниковѣ, Гильфердингѣ, Ешевскомѣ, Котляревскомѣ и многихъ другихъ дѣятеляхъ нашей науки и литературы новаго времени; нѣкоторымъ изъ нихъ, напримѣръ, Пушкину, Гоголю, Погодину, посвящено было даже нѣсколько статей, появившихся въ печати въ разное время. Это—или біографическіе очерки,

иногда довольно значительнаго объема и богатые свѣжими фактами, или сжатая, но мѣткія характеристика, или наконецъ этюды чисто критическіе. Но подъ перомъ Константина Николаевича даже тѣ статьи, поводомъ къ которымъ служило чье-либо чужое сочиненіе, получали значеніе самостоятельнаго труда. Разсѣяныя въ нихъ замѣчанія критика глубоко продуманы и нерѣдко важнѣе, чѣмъ сама мнѣнія разбираемаго автора. Особенно замѣчательны съ историко-литературной точки зрѣнія статьи Константина Николаевича о Пушкинѣ и Гоголѣ. Въ одной изъ нихъ онъ превосходно намѣтилъ задачу, предстоящую біографіи Пушкина, которая должна изобразить его какъ представителя русскаго самосознанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ, какъ трудно это исполнить; въ другой статьѣ загадочная личность Гоголя объяснена Константиномъ Николаевичемъ едва-ли не вѣрнѣе, чѣмъ всѣми другими, писавшими объ авторѣ «Мертвыхъ Душъ». Обширное образованіе, огромная начитанность служили Бестужеву-Рюмину важнымъ пособіемъ въ его историко-литературныхъ работахъ; а его долгая жизнь въ той средѣ, которая можетъ быть названа умственнымъ цвѣтомъ нашего общества, давала ему множество живыхъ чертъ и подробностей изъ исторіи нашей еще молодой культуры, отчетливо сохраненныхъ его превосходною памятью; эти воспоминанія и наблюденія онъ любилъ вводить въ свои статьи, сообщая имъ такимъ образомъ и значеніе оригинальныхъ свидѣтельствъ. Таковъ характеръ историко-литературныхъ очерковъ Бестужева-Рюмина. Можно сказать, что въ этихъ мастерскихъ этюдахъ, притомъ написанныхъ со строгою и вѣщною простотою, онъ является однимъ изъ немногихъ русскіхъ эссеистовъ въ родѣ тѣхъ, какими такъ богаты англійская и французская литературы; и если за этюдами Маколея и Карлейля, Сентъ-Бѣва и Ренана признается такое же научное значеніе, какъ за ихъ крупными учеными трудами, то несомнѣнно мы имѣемъ право дать ту же цѣну богатымъ и по мысли, и по фактическому содержанію историко-литературнымъ очеркамъ Бестужева-Рюмина.

Я не буду говорить о Константинѣ Николаевичѣ, какъ о человѣкѣ. Всѣ знавшіе его болѣе или менѣе питали къ нему уваженіе. Но я не могу не сказать, что для тѣхъ, кому пришлось короче сблизиться съ нимъ, кончина его составляетъ утрату особенно чувствительную: они потеряли въ немъ одного изъ самыхъ умныхъ, самымъ добрыхъ и благороднѣйшихъ людей, которыхъ знали на своемъ вѣку. Благодарная память о свѣтлой личности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина навсегда сохранится въ ихъ сердцахъ.

II.

Отъ одной изъ бывшихъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ мы слышали нѣкоторыя интересныя подробности о покойномъ К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ, основателѣ этихъ курсовъ, носящихъ понынѣ, хотя и не официально, его имя.

«Константина Николаевича я знала уже въ послѣднее время его дѣятельности для курсовъ,—разсказывала намъ эта слушательница:— и только годъ слушала его лекціи.

«Средняго роста, худенькій, сѣдой, крайне болѣзненный съ виду, съ лицомъ мертвеннаго цвѣта, онъ производилъ тѣмъ не менѣе впечатлѣніе необычайно притягательное: на его интеллигентное умное лицо, съ правильными тонкими чертами, можно было залюбиться. Ласковый и пріятливый, всегда ровный въ обращеніи, покойный на курсахъ, онъ въ промежуткахъ между лекціями, всегда былъ окруженъ толпою слушательницъ: онѣ такъ и льнули къ нему, и онъ охотно разговаривалъ съ каждою—и о занятіяхъ исторіей, и объ урокахъ, которые доставлялъ нуждавшимся слушательницамъ, и просто о житейскихъ дѣлахъ и злобахъ дня—разговаривалъ всегдашнимъ слабымъ и тихимъ голосомъ.

«Лекціи его привлекали массу слушательницъ, приходили его слушать и изъ другихъ отдѣленій. Начиналъ онъ говорить чуть слышнымъ ровнымъ голосомъ, заставляя насъ сидѣть не шелохнувшись. Въ разгарѣ лекціи онъ нѣсколько повышалъ голосъ, но все-таки говорилъ тихо, и только его талантъ, какъ профессора, содержательность лекцій, художественность и картинность изложенія, изящество произносимыхъ имъ фразъ—могли заставить слушательницъ напрягать вниманіе и слухъ цѣлый часъ. Онъ читалъ намъ введеніе въ курсъ русской исторіи, т. е. характеристику матеріаловъ и источниковъ ея, и въ его устахъ этотъ самъ по себѣ довольно сухой предметъ оживалъ, и мы слушали Константина Николаевича всегда съ одинаковымъ увлеченіемъ.

«Вспоминается эпизодъ, прервавшій теченіе одной изъ этихъ лекцій. Одна изъ курсистокъ неожиданно упала во время лекціи въ обморокъ. Константинъ Николаевичъ испугался, кажется, больше нашего: прекратилъ лекцію, вышелъ изъ аудиторіи за заболѣвшею, которую вынесли на рукахъ, и возобновилъ лекцію только тогда, когда убѣдился, что упавшая въ обморокъ барышня совершенно оправдалась.

«Охотно бесѣдуя съ молодежью на самыхъ курсахъ, Константинъ Николаевичъ любилъ собирать слушательницъ и у себя дома. Разъ въ недѣлю у него были журфиксы, на которые собирались близкіе друзья Константина Николаевича. Орестъ Федоровичъ Миллеръ, уже давно

покойный, былъ здѣсь неизмѣннымъ гостемъ; бывали въ мое время также и профессора. Сюда же являлись и слушательницы, съ которыми Константинъ Николаевичъ успѣлъ познакомиться на курсахъ. На этихъ журфиксахъ посчастливилось нѣсколько разъ побывать и мнѣ.

«Уже самая обстановка не слишкомъ роскошная, но съ большимъ вкусомъ устроенная, располагала къ гостепріимнымъ хозяевамъ. Здѣсь каждой изъ насъ чувствовалось легко и просто, и бывало, пьешь чай съ сухарями и либо вслушиваешься въ общій разговоръ, либо сама принимаешь въ немъ участіе, а то просто разсматриваешь дорогія чудныя гравюры, коллекціи которыхъ—страсть Константина Николаевича—разложена были на столахъ.

«Разговоръ то бывалъ общій, то кружкамъ, группировавшимся около хозяйина, около Миллера, или еще когонибудь. Какъ историкъ и литераторъ, Константинъ Николаевичъ любилъ собирать около себя преимущественно словесницъ. Помнится, какъ однажды всѣ забавно напали на одну гостью слушательницу физико-математическаго отдѣленія, за то, что, интересуясь исторіею и литературою, она все-таки остается естественницею. О курсахъ разговоръ былъ, конечно, постоянно, и серьезный, и шуточный; напримѣръ, вспоминается, какъ однажды Орестъ Федоровичъ сталъ увѣрять насъ, что лучше всего онъ читаетъ лекціи, когда видать, что слушательницы заняты не записываніемъ, а какимънибудь рукодѣльемъ. Веселая непринужденная шутка не мѣшала серьезной бесѣдѣ, касавшейся преимущественно исторіи и литературы. Не мало разговоровъ было также одно время про Римъ, гдѣ Константинъ Николаевичъ провелъ зиму, спасаясь отъ русскихъ морозовъ.

«По поводу этого путешествія нельзя не упомянуть объ оваціи, которую слушательницы устроили Константину Николаевичу, когда онъ, по возвращеніи весной 1883 г. изъ-за границы, первый разъ появлялся на курсахъ; его встрѣтили на улицѣ у подъѣзда, и опять проводили до кареты, когда онъ уѣзжалъ.

«Кто зналъ Константина Николаевича, какъ знала и любила его мы, тотъ не удивится восторженнымъ воспоминаніямъ, сохраненнымъ о немъ всѣми его слушательницами. Конечно, не у меня одной на стѣнѣ съ крусовыхъ временъ виситъ его портретъ, каждый день напоминающій о дорогомъ учителѣ».

Сообщилъ Ч. Вѣтринскій.

Указъ Императора Александра о лоцманахъ при Волховскихъ порогахъ.

25 апрѣля 1805 года.

Господишь с.-петербургскій гражданскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Пасевьевъ! Министръ коммерціи донесъ мнѣ, что статскій совѣтникъ Шпуринь отвеся къ нему, что крестьяне его, исправляющіе должность лоцмановъ при Волховскихъ порогахъ, по хозяйственнымъ распоряженіямъ, съ нынѣшней навигаціи не могутъ оставаться въ семъ званіи. Принявъ во уваженіе: 1) что помѣщикъ Шпуринь, съ 1774-го года употребляя крестьянъ своихъ къ дѣлу лоцмановъ и чрезъ толь долгое время не предъявляя намѣренія переимѣнить сіе расположеніе, не имѣлъ права, съ нарушеніемъ общей пользы и съ великимъ стѣсненіемъ сей вѣтви судоходства, переимѣнить оное внезапно; 2) чтобъ въ подобныхъ сему случаяхъ Правительствующій Сенатъ издавна въ постановленіяхъ своихъ имѣлъ правило не допускать частныхъ людей разстраивать общее дѣло судоходства произвольнымъ удаленіемъ лоцмановъ, и наконецъ, 3) что должность сія не есть исключительная какая либо повинность, въ ущербъ крестьянамъ помѣщика Шпурина обращающаяся, но сама по себѣ доставляетъ имъ значущій доходъ. По уваженію всѣхъ сихъ причинъ, считаю я невозможнымъ и какъ къ продовольствію столицы, такъ и вообще устройству въ части судоходства вреднымъ позволить нынѣ же привести въ исполненіе изъявленное помѣщикомъ Шкуринимъ намѣреніе, и вслѣдствіе того повѣлено вамъ его обязать, чтобъ не отминая оныя настоящаго въ отправленіе лоцманской должности порядка по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить ему, что по истеченіи сего срока, когда правительство пришетъ взаимнъ другихъ лоцмановъ, крестьяне его къ сей должности допускаемы уже не будутъ, хотя бы онъ того и пожелалъ. Пребываю вамъ благосклонный.

Поправка къ запискамъ Инсарскаго.

Въ 1895 году были напечатаны въ «Русской Старинѣ» записки г-на Инсарскаго, и въ июньской книгѣ на страницѣ 36-й помѣщено слѣдующее: «Среди моря текущихъ дѣлъ моего отдѣленія всплыло, такъ сказать, дѣло о вольныхъ почтахъ на Московско-Харьковскомъ трактѣ. Сущность его заключалась въ томъ, что лѣтъ за десять передъ тѣмъ одинъ изъ курскихъ помѣщиковъ, или лучше сказать, полякъ Студзинскій, посланный въ Курскую губернію и сдѣлавшійся тамъ помѣщикомъ, точно такъ же, какъ и другіе нѣкоторые его соплеменники тѣхъ же сособомъ туда попавшіе, предлагалъ правительству содержать всѣ станціи отъ Москвы до Харькова, безъ всякой приплаты отъ земства, но только за возвышенныя прогоны, вмѣсто 1½, по 3 коп. на лошадь и версту.»

Упомянутый выше Студзинскій—мой отецъ. Съ глубокою горестью прочтя такое, какъ бы презрительное, отношеніе къ нему, считаю святымъ долгомъ своимъ стать на защиту столь дорогой для меня памяти и возстановить истину. Я тогда же, то-есть еще въ 1895 году, хотѣла сдѣлать это, но отсутствіе документовъ, на которые я могла бы сослаться, помѣшало этому. Въ настоящее время мнѣ, наконецъ, удалось найти указъ объ отставкѣ отца, выданный главнокомандующимъ 1-ой арміею графомъ Сакеномъ 10-го марта 1822 г. за № 197. Изъ указа этого видно, что отецъ мой происходилъ изъ дворянъ. Въ службу вступилъ изъ Дворянскаго полка прапорщикомъ 1814 года, февраля 10-го въ 4-ю артиллерійскую бригаду. Находился въ походѣ и дѣлахъ съ неприятелемъ 1814 года марта съ 23-го въ Саксоніи, при блокадѣ Гамбурга и оттуда черезъ Мекленбургію, Пруссію и Польшу возвратился въ Россію. Въ 1818 году, Студзинскій былъ переведенъ корнетомъ въ кирасирскій Военнаго ордена полкъ. Высочайшимъ приказомъ отъ 20-го февраля 1821 года уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ штабсъ-ротмистромъ.—Выйдя въ отставку, отецъ мой въ апрѣлѣ того же 1821 года женился на дочери курскаго помѣщика Офросимова, старинной дворянской фамиліи, хорошо извѣстной, не только въ Курской, но и сосѣднихъ губерніяхъ. Мать моя была двоюродная сестра бывшаго московскаго генералъ-губернатора Мих. Алек. Офросимова.

Поселявшись въ Курскѣ, отецъ пользовался всеобщимъ глубокимъ уваженіемъ и въ числѣ друзей своихъ насчитывалъ не мало выдававшихся административныхъ дѣятелей того времени, которые, конечно, съ сосланнымъ полякомъ дружбы не водили бы. Назову только двухъ изъ нихъ, а именно бывшихъ курскихъ губернаторовъ: Михаила Николаевича Муравьева, впоследствии графа и виленскаго генералъ-губернатора, который до конца своей жизни сохранилъ съ отцомъ моимъ дружескія отношенія, и Владиміра Ивановича Дена ¹⁾ крайне сердечно и съ уваженіемъ относившагося къ нему во все время своего пребыванія въ Курской губерніи.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что покойный отецъ мой не принадлежалъ къ категоріи тѣхъ лицъ, о которыхъ говорить г-нъ Инсарскій, а напротивъ того пользовался репутаціею честнаго, благороднаго и выдающагося человѣка своего времени.

Сообщила жена генералъ-лейтенанта А. В. Лазарева
урожденная Студзинская.

¹⁾ Отзывъ В. И. Дена объ отцѣ моемъ помѣщенъ въ его запискахъ, напечатанныхъ въ іюльской книгѣ „Русской Старинѣ“ 1890 года на стр. 174.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1897 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ ФЕВРАЛЬ МАРТЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г. (Съ картою театра военныхъ дѣйствій). Гл. IV—VII. Сообщилъ П. М. Майковъ. 81—110, 253—272
- II. Тяжелые дни Казанскаго университета. (Изъ посмертныхъ записокъ). Окончаніе. П. Д. Шестакова . 113—144
- III. Изъ воспоминаній о А. А. Катенинѣ П. Юдина. 177—190
- IV. Воспоминанія о князѣ Варшавскомъ графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ (отрывокъ изъ дневника П. К. Менькова) Сообщ. А. М. Заіончковскій. 233—252
- V. Мировой судъ въ Подоли. (Изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи). Гл. I—V. И. Н. Захарьина (Якунина). 281—314, 541—572
- VI. Записки Михаила Чайковскаго. Главы XVІІІ—XIX. Переводъ В. В. Тимошукъ. 333—370
- VII. Встрѣча съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ (Изъ воспоминаній Варвары Михайловны Щепотьевой). В. М. Щепотьевой рожденной Свѣшниковой. 505—511

- VIII. Воспомянaнiя Елены Юрьевны Хвощинской
(рожденной княжны Голицыной). Гл. I—III. 513 — 533
- IX. Изъ прошлаго Саратовской губерни. (Записки
старого помѣщика) В. А. Шомпулева. 535—540
- X. Поправка къ запискамъ Инсарскаго. Сообщ.
жена генераль-лейтенанта А. В. Лазарева,
рожденная Студзинская 607—608
-

Портреты.

- I. Портретъ Александра Андреевича Ка-
тенина. Грав. К. Адтъ.
(При 1-й книгѣ).
- II. Портретъ Александра Григорьевича
Тройницкаго. Грав. К. Адтъ.
(При 2-й книгѣ).
- III. Портретъ Константина Николаевича
Бестужева-Рюмина. Грав. К. Адтъ.
(При 3-й книгѣ).
-

Исторiя русской литературы.

- I. „Разговоръ въ Трианонѣ“. Сообщилъ А. Кирпичниковъ. 161—167
-

Исслѣдованiя.—Историческiе и биографическiе очерки.—Переписка.—Раз- сказы, материалы и записки.

- I. Таганрогъ въ 1825 году. Н. К. Шильдера. 5—48
- II. Княжна Марiя Каптемирова академика Л. Н.
Майкова. 49—69, 401—417

III. Оригинальный подписчикъ на журналъ. Сообщ. А. Заіончковскій	70
IV. Увлеченіе поэта (къ біографіи князя И. М. Долгорукова) 1793—1796 гг.	71—79
V. Письмо Ламслорфа князю Платону Зубову отъ 3-го марта 1797 г. Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ.	80
VI. Русская геральдика. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.	111
VII. Письма П. Т. Морозова къ А. Г. Троицкому. Сообщ. Г. А. Троицкій.	145—159
VIII. Всеподданнѣйшее письмо графа П. Д. Киселева.	160
IX. Замятка объ участіи Нижегородской семинаріи въ комплектованіи перваго курса Московскаго университета въ 1755 г. Сообщилъ Апол. Можаровскій.	168
X. Разказы А. М. Тургенева объ императрицѣ Екатерицѣ II.	171—176
XI. Орловскіе разбойники въ 1765 г. Сообщ. Николай Танковъ.	191
XII. Междоуарствіе въ Россіи, съ 19-го ноября по 14-е декабря 1825 г. Н. К. Шильдера	193—220
XIII. Письма и записки императрицы Екатерины II.	221—232
XIV. Жуковскій и Дельвигъ въ изображеніи современника. Сообщ. А. Кирпичниковъ.	273—279
XV. Парольное приказаніе императора Павла I. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ. Къ характеристикѣ митрополита Григорія. Сообщ. М. М. Поповъ.	280
XVI. Изъ прошлаго російскаго консульства въ Яссахъ. А. Гирса.	315—325
XVII. Всеподданнѣйшій докладъ главноначальствующаго Мастерскою оружейною палатою Петра Валуева отъ 14-го сентября 1809 г.—Рескриптъ Петру Степановичу Валуеву отъ 8-го октября 1809 г.	326
XVIII. Первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ. В. Авенариуса.	327—332
XIX. Духовное завѣщаніе Анны Монсъ. Сообщ. А. З. Мышлаевскій.	371—372
XX. Александръ Григорьевичъ Троицкій (одесскій періодъ его службы). Сообщ. А. Ѳ. Шидловскій.	373—398

*

XXI.	Замѣтка по поводу біографіи М. А. Бакунина. Сообщ. князь В. А. Кейкуатовъ .	389—393
XXII.	Письмо о поклонахъ архимандрита Амвросія московскому митрополиту отъ 2-го декабря 1782 г.	394
XXIII.	Производство А. А. Аракчеева въ майоры. Письмо А. А. Аракчеева П. И. Меллисино отъ 24-го іюля 1793 г. Сообщ. Д. Струковъ.	418
XXIV.	Кто истинный виновникъ войны 1812 г. Н. К. Шильдера . . .	419—455
XXV.	О прическѣ дамъ.—Ордеръ г. приставу Литейной части Навроцкому отъ 27-го октября 1797 г. Сообщ. Д. Струковъ.—Приказъ Г. Р. Державина конторѣ графини Мусиной-Пушкиной Брюсъ отъ 2-го января 1802 г.	456
XXVI.	Петербургъ въ 1825—1826 годахъ (подневнику П. Г. Дивова)	457—494
XXVII.	Консисторскій судъ надъ А. М. Бухаревымъ, Н. Соловьева.	495—504
XXVIII.	Къ біографіи профессора Дегурова.—Письмо Д. П. Рунича князю А. Н. Голицыну отъ 10-го марта 1823 г.	512
XXIX.	Собственноручное письмо Архарова Александру Андреевичу Безбородки отъ 14-го іюня 1778 г.	534
XXX.	Къ біографіи графа Н. П. Румянцева. Сообщ. М. Веневитиновъ.	573—580
XXXI.	Матеріалы по исторіи русской цензуры. Сообщ. В. Бинштокъ	581—597
XXXII.	О присылкѣ мальчика изъ грековъ для услуги великаго князя Константина Павловича—(Рескриптъ графу П. А. Румянцеву-Задунайскому отъ 9-го октября 1781 года).—Высочайшая благодарность Московскому городскому обществу (Рескриптъ императора Александра I генералу отъ-инфантеріи московскому военному генералъ-губернатору Беклешову отъ 5-го августа 1805 г.)	598
XXXIII.	Памяти Бестужева-Рюмина. Сообщ. Акад. Л. Н. Майковъ и Ч. Вѣтринскій	599—605
XXXIV.	Указъ императора Александра I о олоцманахъ при Волховскихъ порогахъ отъ 25-го апрѣля 1805 г.	606

Библиографическіе указатели.

Библиографическіе указатели книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896—97 г. 193—196 и 395—400

Библиографическій листокъ.

1. Исторія гвардейской артиллеріи. Сост. Павелъ Потоцкій, капитанъ 1-й батареи е. и. в. великаго князя Михаила Павловича лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской брѣгады.—С.-Петербургъ 1896 г.—Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ январьской книги).
2. „Починъ“. Сборникъ общества любителей російской словесности на 1896 г. Москва. 536+2. Цѣна 2 р. 50 к.—Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ февральской книжки).
3. Докторъ Ф. П. Гаазъ. Очеркъ А. Ф. Кони. „Вѣстникъ Европы“. кн. 1-я и 2-я 1897 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ мартовской книжки).
4. М. И. Михельсонъ. Ходячія и мѣтвія слова. Сборникъ русскіихъ и иностранныхъ цитатъ, пословиць, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльных словъ (иносказаніе). Второе пересмотрѣнное и значительно пополненное изданіе Сиб. 1896 г. стр. X+598. А. Шидловскаго (тамъ же).

Приложеніе.

Журналъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ.—Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны 1745—1748 гг. Сообщ. Л. В. Евдокимовъ (при 1-ой, 2-ой и 3-ей книжкѣ) 1—96

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНИЯ 1897 Г.:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

издания годъ XV-й

ЕЖ ДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей

Подписная цѣна въ Москвѣ и на города: съ доставкою на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяць—1 руб.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходятъ ежемѣсячными книжками и даютъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна на годъ 3 р. Вибѣтъ съ еженедѣльнымъ литературнымъ приложеніемъ «СЕМЬЯ» на годъ 4 рубля.

III.

Еженедѣльное иллюстрированное литературное изданіе

СЕМЬЯ

Выходитъ по слѣдующей программѣ, изящная литература (романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическ. произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обзорныя, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; біографія; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, свѣси; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя лоты; почтовый ящикъ; иллюстрація ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, вѣстники и премія.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНИЯ 13 РУБ.

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты «Новости Дня»; 2) ежемѣсячный журналъ «Новости Иностранной Литературы»; 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе «Семья».

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 р. «Новости Дня» и «Семья»—10 р. Адресъ: Москва, «Новости Дня».

Бъ главной конторѣ газеты «НОВОСТИ ДНЯ» продается **АЛЬБОМЪ**

КОРОНАЦІОННЫЯ ТОРЖЕСТВА

(Изданіе «НОВОСТЕЙ ДНЯ» и «СЕМЬИ».)

Альбомъ отпечатанъ на хорошей бумагѣ и заключенъ въ изящную обложку, украшенную акварельными рисункомъ Л. О. Пастернака. Текстъ альбома заключаетъ въ себѣ историческую часть и подробное описаніе коронаціонныхъ торжествъ въ мѣѣ 1896 г. Въ альбомѣ помѣщено 90 рисунковъ и 100 портретовъ и группъ.

Цѣна альбому 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

Большая ежедневная, политико-общественная и литературная газета

XXXIII-й годъ
изданія въ
Н-Новгородѣ.

ВОЛГАРЬ

Полныхъ 360
выпусковъ
ежегодно.

и
Нижегородскій Виржевой Листокъ

Въ 1897-мъ году

газета «Волгарь» будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ же объемѣ и по той же обширной программѣ, какъ въ 1896-мъ выставочномъ году.

«Волгарь» представляется собою одно изъ старшихъ периодическихъ изданій въ Поволжья; кроми общихъ вопросовъ и событій русской жизни и текущихъ событій заграничныхъ, «Волгарь» отражаетъ на своихъ столбцахъ еще событій изъ жизни Поволжья.

Въ 1897 г. организуется обширное получение изъ Петербурга важнѣйшихъ извѣстій, интересующихъ Поволжскій край, по телеграфу, отъ специальныхъ корреспондентовъ. Редакція надѣется такимъ образомъ установить быструю освѣдомленность поволжской публики о выдающихся событіяхъ данного момента.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, очерки и стихотворенія, оригинальныя и переведенныя.

Подписная цѣна на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1897 годъ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Иногороднимъ	9 р.	7-50	7 р.	6-50	6 р.	5-50	5 р.	4-50	4 р.	3-50	2-50	1-50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ; въ Главной Конторѣ „Волгара“.

» С.-Петербургѣ. у Л. и Э. Метцль, въ магазинѣ „Новаго Времени“ и др.

» Москва: у Метцль, Шабертъ, Ремизова, Печковской, Сентъ-Мартенъ и Гилларовскаго

» городахъ Поволжья у коммиссіонеровъ „Волгара“.

Новые подписчики на 1897 годъ, сдѣлавшіе подписку заблаговременно получаютъ БЕЗПЛАТНО: 1) „Волгара“ за ноябрь и декабрь мѣсяцы текущего года.

3—3

Редакторъ-Издатель „Волгара“. СЕРГѢЙ ИУКОВЪ.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г. изданія) на ежемѣсячный обще-научный журналъ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1887 году „Научное Обзоріе“ будетъ выходить по расширенной программѣ, включающей отдѣлы наукъ физико-химическихъ, естественныхъ, антропологій, географіи и этнографіи, исторіи литературы, социологій, статистики, археологій и исторіи культуры, а также отдѣлы библиографіи, научной хроники, научныхъ новостей, изобрѣтеній и открытій, біографій научныхъ дѣятелей и статей, относящихся къ исторіи науки.

Въ 1897 году въ приложеніяхъ будутъ даны капитальныя научныя сочиненія, частью изъ новѣйшихъ, еще не переведенныхъ на русскій языкъ трудовъ, частью изъ извѣстныхъ важнѣе историческое значеніе.

Въ редакціи имѣются комплекты за 1895 г. (ц. 5 р. съ пер.) и за 1896 г. (ц. 6 р. съ пер.). Редакція высылаетъ также книги своего изданія (подписчики за пересылку не платятъ) въ томъ числѣ „Сочиненія Дарвина“ въ 4 томахъ, съ рисунками подлинника, ц. три рубля. (Т. I. Происх. видовъ, т. II. Происх. человѣка, т. III. Путешествіе на кор. Бигль и Автобіографія, т. IV. Выразеніе душевныхъ волненій, всего около 2000 стр.).

При редакціи принимается подписка на сочиненіе М. Филиппова, Философія дѣйствительности (Исторія и критика научно-философскихъ мировоззрѣній отъ древности до нашихъ дней). Большой томъ (800 стр. большого формата) съ забл. рис. Подписная цѣна съ перес. шесть рублей. Первая половинка высылается немедленно. Изданіе это закончится въ 1897 году.

Подписная цѣна на „Научное Обзоріе“ 12 книгъ въ годъ:

На годъ.

За границу

Полгода.

Четверть года

семь рублей (съ пер.).

десять рублей.

четыре рубля.

два рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Екатерининская, д. 6, кв. 8.

Ред.-изд. д-ръ философіи М. Филипповъ. 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВЪДОМОСТИ
 въ 1897 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казенными приб.		
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.	— к.	9 р.	— к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	10 р.	— к.	5 р.	— к.	2 р. 50 к.	1 р. 10 к.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	17 р.	— к.	10 р.	— к.	5 р. 50 к.	2 р. 19 к.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	10 р.	— к.	5 р.	— к.	2 р.	11 к.
За границу....	26 р.	— к.	14 р.	— к.	8 р.	— к.
					3 р.	— к.
					28 р.	— к.
					16 р.	— к.

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныхъ прибавленій не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Видомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печниковой, Петровскія линіи, № 61.

Изгородимые адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель Э. Э. Ухтомскій.

3—2

Открыта подписка на 1897 годъ.

На ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

КРЫМСКІЙ ВЪСТНИКЪ

ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ ГОРОДѢ СЕВАСТОПОЛѢ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ).

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣ праздничныхъ, является самой большою въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣ праздничныхъ, городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ пересылки и доставки:

На годъ 7 р. на $\frac{1}{2}$ года 4 р. на $\frac{1}{4}$ года 2 р. 50 к. на 1 мѣсяць 1 р.

Съ доставкою и пересылкою:

На годъ 8 р. на $\frac{1}{2}$ года 5 р. на $\frac{1}{4}$ года 3 р. на 1 мѣсяць 1 р. 25 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. СЕВАСТОПОЛѢ — въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро; въ гор. СИМФЕРОПОЛѢ — въ Отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро; въ ЯДТѢ — въ магазинѣ г.—на Синани; въ МѢЛИТОПОЛѢ — въ Отдѣленіи конторы въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Гиндзурга; въ ВАХЧИСАРАѢ — у г.—на Колтуна; въ ВЕРДЯНСКѢ — въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдгера и Коми.; въ ФЕОДОСИИ — въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова.

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му апрѣля — 3 р., къ 1-му іюля — остальные 2 руб.

3—3

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

СЪ НОЯБРЯ 1896 ГОДА

издается въ Москвѣ подъ редакціей М. М. Каткова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г.

— Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ, въ 1897 году стоитъ въ Москвѣ безъ доставки 15 р. 50 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 16 р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 17 р.

Принимается также подписка, только черезъ контору журнала, на 6 мѣсяцевъ 8 р. 50 к., на 3 мѣсяца 4 р. 25 к. и на 1 мѣсяць 1 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ платежъ денегъ, а именно: при подпискѣ вносится въ контору журнала 9 руб., а остальная сумма уплачивается въ 1-му іюня.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за поручительствомъ ихъ казначеевъ, съ уплатой по 1 р. 50 к. въ мѣсяць, впредь до уплаты всей подписной суммы.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, допускается только чрезъ контору журнала.

— Заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными билетами или переводомъ: въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза, по 18 рублей, а въ остальные государства—по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» принимается въ Москвѣ, въ конторѣ журнала (Малая Дмитровка, 29), куда и просятъ адресоваться гг. подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) Гг. подписчики благоволятъ писать свой адресъ четко, съ точнымъ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи, а также того почтоваго учрежденія, куда должно адресовать журналъ, съ указаніемъ губерніи и уѣзда, или станціи желѣзной дороги, присоединивъ названіе этой дороги. 2) При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать конторѣ журнала, вмѣстѣ съ новымъ адресомъ, по которому желаютъ получать журналъ, и старый адресъ, или же точно обозначить его номеръ. 3) Согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе о неполученіи книги журнала допускается не позже полученія слѣдующей книги. 4) Контора журнала не отвѣчаетъ за своевременную доставку книгъ журнала передъ тѣми лицами, которыя подписались помимо конторы журнала; съ жалобами въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ тѣ мѣста, гдѣ подписались. 5) За перемѣну адреса уплачивается 40 коп., за исключеніемъ перемѣны городского адреса на иногородній, за каковую перемѣну уплачивается 1 р. 50 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Малая Дмитровка, 29.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ
СЕМЕВСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 1837—1892

Съ двумя портретами и письмами Благосвѣтлова, Модзалевскаго, Ушинскаго и другихъ.

Цѣна безъ пересылки **3 руб.**

Для подписчиковъ «Русской Старины» **2 р.**

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ Спб. на Большой Подъяческой, д. 7, кв. 3, у издательницы. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Продается библиотека М. И. Семевакаго, гравюры, портреты, изданія.

Рекомендуются для письменныхъ работъ (extemporalia):

1) **АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ**

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ.

Составилъ Н. И. Кашнадамовъ. 308 стр. въ 32 д. л. Цѣна 1 рубль.

Книга содержитъ расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніяхъ. Въ ней учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могущихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ съ русскаго на греческій: при глаголахъ выписаны всѣ формы и конструкціи, при предлогахъ—важнѣйшія особы выраженія, при другихъ частяхъ рѣчи—всѣ неправильности. Эта книга можетъ отчасти замѣнить учебникъ и русско-греческій карманный словарь

2) **УКАЗАТЕЛЬ**

съ русскаго на латинскій, приспособленный не только для классныхъ, но и для домашнихъ письменныхъ работъ, такъ какъ замѣняетъ русско-латинскій словарь.

Необходимъ для учениковъ всѣхъ классовъ.

Главный складъ въ Типографіи Товарищества «Общественная Польза», С.-Петербургъ, Большая Подъяческая д. № 39. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы. Книгопродавцамъ уступка 20%. Выписывающіе изъ склада за пересылку ничего не платятъ.

Съ 1 января 1897 года

въ г. Екатеринбургѣ (Пермской губ.), вмѣсто еженедѣльной газеты „Екатеринбургская Недѣля“ будетъ выходить

Е Ж Е Д Н Е В Н А Я

(за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„УРАЛЪ“

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Руководящія статьи по вопросамъ — внутренней и вѣшной политики, мѣстнымъ, общественнымъ, *горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла*. 2) Телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ и отъ телеграфныхъ агентствъ. 3) Дѣйствія и распоряженія правительства. 4) Статьи и извѣстія научнаго и практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ. 5) *Разработка и изслѣдованія по вопросамъ, какъ мѣстнаго на Уралѣ, такъ и вообще въ Сибири и въ Россіи горнопромышленнаго и золотопромышленнаго дѣла. Открытія и усовершенствованія въ области этого дѣла и всё касающіяся его извѣстія, какъ русскія, такъ и заграничныя.* 6) Историческія, бытовые и этнографическія очерки. Живые описанія замѣчательныхъ дѣятелей. 7) Обзорные событія общественной жизни. Хроника и равныя извѣстія. 8) Корреспонденціи русскія и заграничныя. 9) Обзорные газеты и журналовъ и выдержки выдающихся статей. Библиографическіе отзывы о появляющихся въ Россіи и заграничней книгахъ и сочиненіяхъ. 10) Новости театра, музыки, искусства, ремеслъ и проч. Отчеты о спектакляхъ, концертахъ, выставкахъ и другихъ зрѣлищахъ. 11) Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, мемуары, путешествія и фелетоны. 12) Судебная хроника. Отчеты о засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 13) Отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ собраній и другихъ частныхъ и ученыхъ обществъ. 14) Статьи и извѣстія о движеніи промышленности, торговли и сельскаго хозяйства. 15) Статьи и извѣстія по народному образованію. 16) Статьи и извѣстія о дѣйствіяхъ акціонерныхъ компаній, обществъ и равныхъ видовъ товариществъ. 17) Биржевыя извѣстія. Ярмарки и урожаи. 18) Метеорологическія наблюденія и справочный отдѣлъ. 19) Казенныя и частныя объявленія.

Газета, кромѣ всесторонняго разсмотрѣнія какъ мѣстной, общерусской такъ и заграничной жизни, насколько послѣдняя касается Россіи, будетъ посвящена также разработкѣ и изслѣдованію статей горнозаводскаго и золотопромышленнаго дѣла въ Россіи и въ особенности на Уралѣ. Завѣдывающіе этими отдѣлами будутъ приглашены специалисты.

Въ послѣпраздничные дни Екатеринбургскіе подписчики газеты „Уралъ“ будутъ получать Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства особыми бюллетенями, иногороднымъ же подписчикамъ таковыя бюллетени будутъ высылаться со слѣдующимъ номеромъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкою*	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
На полгода	4 р. — к.	На полгода	5 р. 50 к.
На три мѣсяца	3 р. 50 к.	На три мѣсяца	3 р. 75 к.

Допускается разсрочка—при подпискѣ — 3 руб., къ 1 мая — 3 руб., и къ 1 сентября— 3 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп.

Подписка принимается въ г. Екатеринбургѣ — въ конторѣ редакціи „Урала“. (Вознесенскій пр., д. № 44). въ винныхъ магазинахъ Блюхиной (Покровскій проспектъ, д. Волкова) и Бабинова (Боголюбская ул., д. Захо) и въ справочной конторѣ „Посредникъ“. (Соборная площадь, д. бр. Дмитріевыхъ).

Издатель В. Г. Чекаль.

1—1

За редактора П. И. Пивинъ.

Объ изданіи въ 1897 году

ежедневной литературной и политической газеты

ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

„Виленскій Вѣстникъ“, какъ единственная ежедневная газета Северо-Западнаго края, имѣя въ виду постепенное развитіе самостоятельности провинціи, ростъ духовныхъ ея потребностей, стремится, по мѣрѣ силъ, отвѣтить на запросы общественной жизни ея злободневными въ области бытовой и экономической.

Въ разработкѣ всѣхъ вопросовъ газета ставитъ своей задачей обще-русскіе интересы, русское дѣло, и съ этой точки зрѣнія оцениваетъ все явленія и факты жизни, будучи того мнѣнія, что всѣ народности Россіи должны способствовать вѣрными силами благосостоянію своего общаго отечества. Въ „Вилен. Вѣстн.“ читатель найдетъ всѣ свѣдѣнія изъ внутренней жизни Россіи и иностранной политики.

Въ газетѣ помѣщаются правительственными распоряженіями, назначеніями, наградами; руководящія статьи по разнымъ вопросамъ, фельетоны баллетристическіе, научные и изъ мѣстной жизни. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства, печатаемыя равнѣе столичныхъ газетъ; сообщенія собственными корреспондентами изъ всѣхъ городовъ Северо-Западнаго края и сообщенія о немъ другихъ газетъ; резолюціи судебной палаты; сообщенія биржи и лѣбнаго рынка и разные сирочинныя свѣдѣнія, относящіяся къ Северо-Западному краю.

Кромѣ того, въ газетѣ обязательно печатаются на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. I. ч. 2 упр. прав. сен. изд. 1892 г., всѣ безъ исключенія казенныя объявленія по десяти губерніямъ Северо и Юго-Западнаго края, преимущественно о торгахъ и хозяйственныхъ операціяхъ; объявленія эти, согласно закону, равносильны объявленіямъ, печатаемымъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“

Подписка на 1897 годъ открыта.

Всѣмъ новымъ годовымъ подписчикамъ, которые подпишутся до 1-го декабря, газета въ теченіе декабря будетъ высылаться **БЕЗПЛАТНО**.

Подписная цѣна:

Съ доставкой въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города.	
На годъ	. 6 р. — к.	На годъ	. 8 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ	. 3 р. — к.	На 6 мѣсяцевъ	. 4 р. — к.
На 3 >	. 2 р. — к.	На 3 >	. 2 р. 50 к.
На 2 >	. 1 р. 20 к.	На 1 >	. 1 р. — к.
На 1 >	. 1 р. 70 к.	За границу на годъ — 12 рублей.	

Подписка принимается въ конторѣ «Вил. Вѣстн.», на Большой ул., д. Св.-Духова монастыря, противъ окружнаго штаба, и въ редакціи, д. Пречистенскаго собора.

Редакторъ-издатель, П БЫВАЛЬКЕВИЧЪ.

Открыта подписка на 1897-й г.

11-й годъ изданія.

ДОНСКАЯ РѢЧЬ.

Ежедневная общественно-литературная и политическая газета.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Переходныя статьи по вопросамъ современной жизни Донской области и южныхъ губерній. 3) Распоряженія и статьи, касающіяся всѣхъ казачьихъ войскъ. 4) Мѣстная хроника. 5) Телеграммы и корреспонденціи изъ Донской области и соотвѣднихъ съ нею губерній. 6) Былое и современное. Забѣтки и сообщенія по различнымъ отраслямъ современной и прошлой жизни юга Россіи. Стихотворенія, рассказы, очерки, сценн. 7) Отдѣлъ исторической. Акты, грамоты, межуары, хроника. 8) По Россіи. Телеграммы и корреспонденціи. 9) За границей. Иностранныя новости. 10) Фельетонное обозрѣніе. 11) Юмористическіе очерки, рассказы, наброски, стихотворенія, шутки, мысли, эпиграммы. Смѣсь. Отвѣты редакціи. 12) Театръ и искусство. 13) Торговое обозрѣніе и биржа. 14) Справочныя свѣдѣнія. 15) Объявленія и рекламы.

Подписная цѣна:

На годъ съ пересылкой и доставкой—7 р., на $\frac{1}{2}$ года—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—1 р.

Въ 1897 году газета «Донская Рѣчь» будетъ выходить по вышеприведенной программѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, при чемъ три раза въ недѣлю—въ разсвѣтъ обыкновеннаго листа, а въ остальные дни—въ разсвѣтъ полулиста.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ разосланъ будетъ бесплатно справочникъ «по Дону», иллюстрированное изданіе 1897 года, въ которое войдутъ краткія историко-статистическія и справочныя свѣдѣнія объ области войска Донскаго и ея городахъ, программы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, условія приѣма въ нихъ, торгово-промышленныя, желѣзнодорожныя, почтовыя и др. свѣдѣнія. Въ справочнику будетъ приложена карта области войска Донскаго.

Съ подпиской покорнѣе просятъ обращаться: въ Новочеркасскъ, въ Редакцію газеты «Донская Рѣчь».

Первый въ Россіи журналъ, иллюстрированный красками.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

Х-ЫЙ годъ изданія „**СЪВЕРЪ**“ **Х-ЫЙ** годъ изданія

еженедѣльный, иллюстрированный, литературно-художественный журналъ.

въ 1897 г. ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

52 №№ журнала на веленовой бумагѣ, изъ которыхъ **12 №№**
съ **ЦВѢТНЫМИ** и **ТОНОВЫМИ** РИСУНКАМИВъ 1897 г. въ журналѣ будетъ данъ новый историческій романъ
гг. Е. А. Саласа «**ВТОРАЯ САЛТЫЧИХА**».**12 №№** **МОДНАГО** **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ** со множествомъ
журнала **РИСУНКОВЪ**.**12 №№** **ВЫКРОЕКЪ**, **УЗОРОВЪ**, **РУКОДѢЛІЙ** и **МОНОГРАММЪ** НА
отдѣльныхъ листкахъ.**12 №№** **ЕЖЕМЪСЯЧ.** **ХОЗЯЙСТВО** и **ДОВОДСТВО** „
журнала **„ХОЗЯЙСТВО И ДОВОДСТВО“** .**12** **ТОНОВЪ** **„БИБЛИОТЕКИ СЪВЕРА“**,

ВЪ КОТОРЫХЪ БУДЕТЪ ДАНО:

СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ

ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА:«**ОГНЕМЪ И МЕЧЕМЪ**» историч. ром. въ 4 ч.; 2) «**ПОТОПЪ**»
историч. ром. въ 6 ч., 3) «**ПАНЪ ВОЛОДЫЕВСКІЙ**» историч.
ром. въ 3 ч.**БЕЗПЛАТНО:****12** **художественныхъ премій картинъ въ краскахъ**КРОМЪ ТОГО: подписавшіеся до 1-го января 1897 г. непосредственно въ Главн.
Бюро журналъ «СЪВЕРЪ» и уплатившіе подписную сумму сполна, получаютъ
БЕЗПЛАТНО 1 изъ слѣдующихъ премій: 1) Картину (олеографія) худ. В. А. Сурико
«**ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ**», или 2) **АЛЬБОМЪ** изъ 12 цвѣтныхъ гравюръ—иллюстрацій и
русскихъ сказокъ и портретъ (хромолитографія) о. ЮАННА СЕРГІЕВА КРОНШТАД
СКАГО.

Подписная цѣна со всеми приложеніями и преміями:

6 р. безъ доставки
въ С.-Петербурѣ.Разрочка допускается
4 р. при подпискѣ, 3 р.
къ 1-му юня.съ доставкой и
пересылкою. **7 р.**
За грав. цу 1.

Адресъ Главной конторы жур. «Съверъ»: Спб. Екатеринбургск.,

нашего автора: „Даже среди образованных людей, соображавшихся с термины и обшным дѣломъ, даже среди врачей, имъ сдѣлалось бы съ чувствомъ правой гордости помытъ о старшемъ врачѣ русскихъ городовъ, имя его вымалеть въ вавашій вопросъ: „Галъ?—аго галъ?—что такое Галъ?“

Вотъ, подобно Галъ, должны быть близки обществу, если оно не хочетъ серьезно поглядѣть въ низшую сферу историческихъ расчетовъ...“ Съ этими словами почтеннаго автора нельзя не согласиться.
Н. И. Ш. в.

Н. Михайльсонъ. Ходили и для слова. Сборникъ русскихъ и иностранныхъ пословицъ, поговорокъ, пословицныхъ выражений и отдѣльных словъ (иносказаніе). Второе переизданіе и значительно пополненное. Изд. 1896. стр. X+398.

Въ 1892 г. вышло широкое изданіе книги, которое разошлось въ три мѣсяца; это обстоятельство служитъ достаточною гарантіею того, что потребность въ такомъ сборникѣ въ нашей литературѣ была велика; въ настоящее время вышло второе изданіе той же книги. Этого солиднаго труда, исполненнаго составителемъ, какъ мы съ глубокой преданностью къ своему дѣлу, заслуживающаго тѣмъ большаго вниманія, что въ русской литературѣ онъ является единственнымъ. Мысль о сборникѣ цѣлѣна, вѣроятно, нословитныхъ выраженій принадлежить глубокой древности; въ средніе вѣка она была собранна подобными жрѣчицей знаменитой еще Эразмомъ Роттердамскимъ. Въ послѣднее время такіе сборники употребляются въ каждой изъ европейскихъ литературъ. Только въ нашей литературѣ въ этомъ отношеніи имѣлась пробѣла, которая и рѣшилась заполнить г. Михайльсонъ. Книга, составленная имъ, обращено большое вниманіе не только на пословицы, но и на другія выраженія, которыя мы привыкли употреблять въ разговорной и письменной рѣчи въ нерасширенномъ смыслѣ; противъ того, сюда вошли и отдѣльные слова, которыя мы весьма часто вставляемъ въ нашу рѣчь почти безосознательно, но привыкли, для ясности нашей мысли; наконецъ въ книгу вошла масса наэологическихъ и историческихъ словъ, изъ которыхъ мы привыкли, по другой разѣ не зная, откуда взялось это или, каково истинный его смыслъ. Все это въ сборникѣ г. Михайльсона объяснено; при этомъ составитель не ограничился сухими обозначеніемъ смысла того или другаго выраженія; онъ посмотрѣлъ на свою задачу шире и милодѣе. Здѣсь читатель найдетъ не только происхожденіе неизвѣстнаго слова или выраженія изъ другой литературы, если это слово сдѣлалось общимъ достояніемъ, но въ большинствѣ случаевъ указывается историческій источникъ каждаго

выраженія. Напр. „рога приставить“—выраженіе это знакомо нестарѣющимъ мущинамъ; происхожденіе же его мало кому извѣстно. Оказывается, это выраженіе ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Византійскій импер. Андроникъ Комненъ (разсѣянный) повѣдалъ мущинамъ тѣхъ мѣстъ, съ которыми онъ билъ въ связи, охотиться въ его ширинѣ. Кто пользовался этимъ временемъ, у того висталались на воротахъ оленины рога. Вистало воротъ шута уюмчалось о лѣв. У германцевъ существовала обычай, что жени мущинамъ своимъ, шедшимъ на войну, надѣвали шлемъ съ забранныхъ кожь съ рогами. Надѣтъ мущу рога, Подлет айбелен, т. е. „смарднть муща къ походу“ и—„остаться на воля“, тогда сдѣлалась муща бы сповѣннана. (стр. 372). Мы иногда употребляемъ выраженіе „антиконию разволотъ“; любопытно происхожденіе его. Въ IX в. настоятель монастыря Василій Вавилонъ, антикони, что слыши айрѣнотъ отъ употребленія сурмы, хотѣлъ асвѣтнть дѣйствіе сурмы на организмъ мущахотъ, но тѣ, вскорѣ послѣ употребленія сурмы, поголовно умирали, что дало поводъ назвать сурму Antimoine т. е. противъ мущахотъ. Съ тѣхъ поръ продолжалась долго споры между ученими о способѣ употребленія сурмы, т. е. химичи спорили—равнодѣла а антиконию (стр. 7) Для объясненія различныхъ общихъ выраженій составитель пришлось доканпнваться смысла ихъ въ древнѣйшей исторіи, начиная съ библіи.

Въ нашей, чисто русской рѣчи встрѣчается весьма много такихъ словъ и выраженій, которыя по удачному сравненію, по точности значения на какое-либо событіе переходятъ въ цитокство. Изъ то и отаедево въ книгѣ г. Михайльсона главное мѣсто, что дѣлаетъ его сборникъ не сухой справочной книгой, а прямо интересной для чтенія. Оттуда взялся наприлѣръ выраженіе „врать во всю Ивановскую“? оказывается что на Ивановской площади въ Кремлѣ, близъ колокольни Ивана Великаго, объявлялись указы царские во всеулышаніе, т. е. во всю Ивановскую. (стр. 38). Мы приведемъ бы еще нѣсколько словъ, но за недостаткомъ мѣста отсмаемъ читателей къ книгѣ г. Михайльсона. Кромѣ объясненія историческаго и наэологическаго смысла словъ и выраженій составитель на каждомъ шагѣ приводитъ цитату или фразу изъ сочиненій знаменитѣйшихъ писателей, что дѣлаетъ его сборникъ еще болѣе цѣннымъ, такъ какъ этимъ подчеркивается особенность языка авторовъ, выраженія которыя приведемъ. Остаеца помодать разберной нами книгѣ самаго широкаго распространѣнія, такъ какъ по своему характеру она должна служить настоянннхъ сборнику для всякаго образованнаго человека; въ немъ собраны и приведены въ систему богатѣйшіи массы мудрости и опыта человеческого всѣхъ временъ и народовъ.
А. Ш.—И.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ВЗДАВІЯ

Цена за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста загранично подписка принимается съ пересылкой въ существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжковомъ магазинѣ А. Ф. Цинверлинга (бывшій Мелье и К°), Невскій просп. д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моловая, д. Коза), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжк. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гастинскій дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжк. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжк. магазинѣ Н. Я. Отлобляина.

Гг. Изягородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, оторки и разсказы о дѣлѣхъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Житіе-описанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: пародіи, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческія разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Разсказы.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (33 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (24 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (30 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (1 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (13 экз.),	съ портр..	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1886 г.,	12 книгъ (88 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (45 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	12 книгъ (306 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	12 книгъ (144 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (25 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1896 гг.,	12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

